3 1761 07035155 6

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/deviatnadtsatyvi00vein

301

XIX вѣкъ.

Иллюстрированный обзоръ минувшаго столѣтія.

Съ **470** портретами, рисунками и картами.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Міровыя событія. Очеркъ **Л. З. Слонимскаго.**	
I. 1800—1815. Эпоха наполеоновскихъ войнъ.	1— 11
II. 1815—1848.	11— 28
III. 1848—1852.	28— 38
IV. 1852—1872.	38— 51
V. 1872—1900.	52— 59
Пятьдесятъ лѣтъ русской исторіи. Очеркъ **Н. К. Шильдера.**	
I. Царствованіе Императора Александра I.	60— 93
II. Царствованіе Императора Николая I.	93—121
Царь-Освободитель. Очеркъ **А. А. Шумахера**	122—148
Россія наканунѣ XX вѣка. Очеркъ **Р. И. Сементковскаго**	148—160
Изящная литература XIX в. на Западѣ. Очеркъ **П. И. Вейнберга**	160—182
Литературное движеніе XIX вѣка въ Россіи. Очеркъ **Е. А. Соловьева**	182—199
Русская литература наканунѣ XX вѣка. Очеркъ **Р. И. Сементковскаго.**	199—212
Искусство въ XIX вѣкѣ. Очеркъ **В. В. Стасова.**	
I. Архитектура	212—224
II. Скульптура	225—238
III. Живопись	238—299
IV. Музыка	299—328
Народное образованіе въ XIX вѣкѣ. Очеркъ **В. А. Гольцева** и **Д. И. Тихомирова.**	329—339
Естествознаніе и техника въ XIX вѣкѣ. Очеркъ **М. Ю. Гольдштейна.**	
I. Открытія и изобрѣтенія	340—365
II. Медицина	365—377
III. Біологія	377—382
IV. Путешествія	382—391
Астрономія въ XIX столѣтіи. Очеркъ **В. Д. Покровскаго**	392—398
Вооруженныя силы въ XIX вѣкѣ. Очеркъ **В. И. Недзвѣцкаго**	398—404
Земледѣліе въ XIX вѣкѣ. Очеркъ (посмертный) **Ѳ. Э. Ромера**	404—408

BIBLJOTEKA PUBLICZNA imienia STEFANA HEMPLA w RADOMIU. Sejmiku Radomskiego

С.-Петербургъ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

Приложеніе къ журналу „Нива" 1901 г. Типографія А. Ф. Маркса.

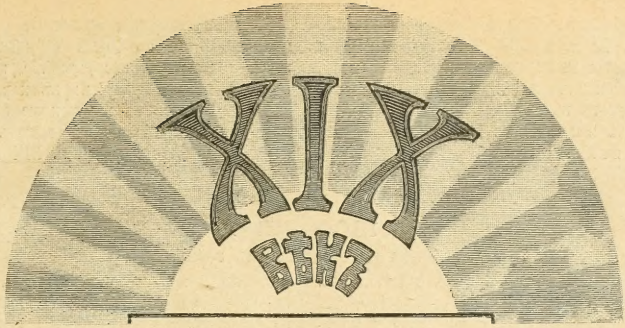
DK
189
D48

LIBRARY
JUN 1 1966
UNIVERSITY OF TORONTO

1080226

СОДЕРЖАНІЕ:

Міровыя событія.
Россія въ XIX вѣкѣ.
Всеобщая литература.
Русская литература.
Наука.
Живопись, скульптура и музыка.
Народное образованіе.
Сельское хозяйство.
Естествознаніе.
Открытія и изобрѣтенія.
Вооруженныя силы и проч.



ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
обзоръ минувшаго столѣтія.

ИМЕНА АВТОРОВЪ:

П. И. Вейнбергъ.
М. Ю. Гольдштейнъ.
В. А. Гольцевъ.
В. И. Недзвѣцкій.
К. Д. Покровскій.
Ѳ. Э. Ромеръ.
Р. И. Сементковскій.
Л. З. Слонимскій.
Е. А. Соловьевъ.
В. В. Стасовъ.
Д. И. Тихомировъ.
Н. К. Шильдеръ.
А. А. Шумахеръ и др.

Міровыя событія.

Очеркъ **Л. З. Слонимскаго.**

Въ теченіе XIX вѣка произошли огромныя перемѣны въ политическомъ положеніи народовъ и государствъ культурнаго міра. Измѣнился весь строй и порядокъ жизни: замкнутыя сословія, съ ихъ привилегіями и повинностями, растворились въ массѣ гражданъ: народы, распредѣленные между владѣльческими или феодальными династіями по разнымъ случайнымъ основаніямъ,—напр., въ силу брачныхъ договоровъ, которыми создалась нынѣшняя Австрія,—преобразовались въ націи, проникнутыя сознаніемъ внутренняго единства и общности интересовъ; отдѣльныя страны, провинціи и общины, жившія каждая своею особою жизнью и только въ исключительныхъ случаяхъ входившія между собою въ соприкосновеніе, вовлечены въ круговоротъ постояннаго взаимнаго общенія, національнаго и международнаго, умственнаго и экономическаго; человѣчество, бывшее только отвлеченнымъ понятіемъ, стало чѣмъ-то реальнымъ, дѣйствительно существующимъ.

Политическія и культурныя связи ограничивались прежде государствами Европы, за исключеніемъ ея юго-восточной части; теперь онѣ обнимаютъ населеніе почти всего земного шара. Зачатки новой республики въ сѣверной Америкѣ разрослись до степени могущественной державы, одной изъ крупнѣйшихъ въ свѣтѣ. Азія, застывшая въ старыхъ формахъ быта и едва доступная европейцамъ, постепенно пріобщается къ шумному промышленному движенію Запада. Таинственныя области Африки и Австраліи, населенныя невѣдомыми прежде племенами дикарей, не только изслѣдованы и описаны путешественниками, но и подчинены прочному владычеству европейскихъ державъ, и нѣкоторыя изъ этихъ областей превратились въ цвѣтущія полунезависимыя колоніи. Неподвижность и застой, царившіе нѣкогда въ значительной части человѣчества, сдѣлались немыслимыми для отдѣльныхъ странъ, при непрерывныхъ обязательныхъ отношеніяхъ съ передовыми культурными націями.

Желѣзныя дороги, пароходы и телеграфы сблизили разрозненные дотолѣ, отчужденные другъ отъ друга народы, связали города и провинціи неразрывною цѣпью скрытыхъ и явныхъ взаимодѣйствій, создали необыкновенное развитіе промышленности и торговли, подорвали возможность тихаго и вялаго прозябанія мѣстностей, удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ, и внесли повсюду жизнь и движеніе. Поѣздка въ Америку совершается теперь легче и съ большимъ удобствомъ, чѣмъ изъ Парижа въ Лондонъ или Вѣну сто лѣтъ тому назадъ. Обитатели французской столицы могли тогда лишь случайно и отрывочно узнавать то, что происходило въ Лангедокѣ или Бретани; теперь же все, что дѣлается важнаго или любопытнаго въ разныхъ концахъ міра, становится намъ извѣстнымъ на слѣдующій день. Мы ежедневно имѣемъ точныя и обстоятельныя свѣдѣнія о побѣдахъ, одержанныхъ наканунѣ бурами или англичанами въ южной Африкѣ, тогда какъ наши предки должны были довольствоваться неясными и противорѣчивыми слухами о военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ недѣлей раньше близъ русскихъ границъ. При недостаткѣ сообщеній, люди могли въ одной провинціи бѣдствовать отъ голода и дороговизны, между тѣмъ какъ въ другой чувствовался избытокъ дешеваго хлѣба; теперь же урожай или неурожай въ Америкѣ или Австраліи непосредственно вліяетъ на цѣны продуктовъ въ Европѣ, и владѣлецъ хлѣбныхъ запасовъ гдѣ-нибудь въ глуши Россіи испытываетъ на себѣ прямую зависимость отъ колебаній цѣнъ на міровомъ рынкѣ. Солидарность интересовъ охватываетъ въ большей или меньшей мѣрѣ всѣ составныя части человѣчества, тогда какъ прежде она едва сознавалась провинціями одного и того же государства.

Вмѣстѣ съ развитіемъ живого непрерывнаго общенія между людьми и народами, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и телеграфамъ, выработалась новая общественная сила, оживляющая дѣятельность государства и сближающая правителей съ управляемыми; это —такъ-называемое общественное мнѣніе. Государственные интересы и вопросы, считавшіеся прежде частными дѣлами правителей и ихъ приближенныхъ, получили значеніе публичныхъ дѣлъ, затрогивающихъ всѣхъ и каждаго и подлежащихъ поэтому общему обсужденію. Ежедневная печать, располагая самыми разнообразными источниками свѣдѣній и освѣщая текущіе вопросы и задачи со всевозможныхъ—а иногда и невозможныхъ—точекъ зрѣнія, помогаетъ установленію въ обществѣ извѣстной группировки взглядовъ и симпатій, отражающихся такъ или иначе и на государственной политикѣ. Въ западной Европѣ общественное мнѣніе организуется также въ видѣ обязательной законной основы государственной дѣятельности; для этого служатъ собранія выборныхъ представителей, или парламенты, созывавшіеся съ давнихъ временъ подъ разными названіями (земскіе и сословные чины, сеймы) и устроенные во многихъ странахъ по образцу англійской нижней палаты или палаты общинъ, существующей съ XIII вѣка. Идея о томъ, что общество или народъ, въ лицѣ своихъ выборныхъ уполномоченныхъ, имѣетъ право участвовать въ законодательствѣ и въ финансовыхъ дѣлахъ страны, вмѣстѣ съ правомъ контроля по отношенію къ дѣйствіямъ правительства и администраціи,—мало по малу торжествуетъ на Западѣ и осуществляется посредствомъ такъ-называемыхъ конституціонныхъ учрежденій. На практикѣ эти парламентскія учрежденія упрочиваютъ господство высшихъ и среднихъ классовъ общества, противъ которыхъ все сильнѣе возстаютъ неимущія рабочія массы, сосредоточенныя въ фабрично-заводскихъ промышленныхъ

центрахъ. Стремленія рабочихъ добиться равноправности политической и хозяйственной, т. е. пріобрѣсть избирательныя права для активнаго участія въ народномъ представительствѣ и обезпечить за собою экономическую независимость относительно капиталистовъ, даютъ начало рабочему или соціальному вопросу—одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ современной западно-европейской жизни.

Съ одной стороны, стремленіе отдѣльныхъ національностей къ объединенію въ формѣ крупныхъ государствъ, а съ другой — конституціонное движеніе, направленное къ преобразованію самихъ государствъ въ народномъ или національномъ духѣ,—въ связи съ внутреннею борьбою между различными классами населенія, — наполняютъ собою всю политическую исторію западной Европы въ XIX вѣкѣ.

I.

1800—1815.

Эпоха наполеоновскихъ войнъ.

Сильное возбужденіе господствовало въ Европѣ въ началѣ столѣтія. Французская республика, созданная революціею, нашла своего вождя и приняла характеръ устойчиваго и могущественнаго государства, устроеннаго на новыхъ началахъ, съ которыми никакъ не могли примириться старыя европейскія монархіи.

Французы уничтожили королевскую власть Бурбоновъ, и съ нею весь старый порядокъ, основанный на господствѣ поземельной и придворной аристократіи. Монархическія правительства Австріи и Пруссіи пытались обуздать революціонную Францію, но потерпѣли неудачу и вынуждены были подчиняться требованіямъ генераловъ и дипломатовъ, дѣйствовавшихъ отъ имени новой республиканской державы. Въ сентябрѣ 1792 года, при Вальми, французскія революціонныя войска впервые одержали побѣду надъ союзниками, и находившійся въ нѣмецкомъ лагерѣ Гёте произнесъ свои пророческія слова: «здѣсь, на этомъ мѣстѣ, начинается новая эпоха всемірной исторіи». Воодушевленные энтузіазмомъ, французы сразу выдвинули массу свѣжихъ молодыхъ талантовъ, которымъ прежде закрыта была дорога къ славѣ; вся жизненная энергія націи была пущена въ оборотъ для борьбы съ противниками, которые съ своей стороны могли противопоставить Франціи только рутину и традицію.

Даровитые люди изъ всѣхъ классовъ французскаго общества, не стѣсненные никакими сословными или иными ограниченіями, внезапно заняли первыя мѣста на исторической сценѣ и сообщили небывалый еще толчокъ событіямъ. Появились новые полководцы, администраторы и законодатели, поражавшіе смѣлостью своихъ замысловъ и дѣлъ. Генералъ Гошъ въ 26 лѣтъ былъ главнокомандующимъ французскою армією въ Германіи, привелъ въ трепетъ нѣмецкіе дворы, готовился къ нападенію на Англію посредствомъ высадки въ Ирландіи, и умеръ среди самаго разгара своей дѣятельности, двадцати девяти лѣтъ отъ роду. Бонапартъ, Жуберъ, Марсо, Лаппъ, Дезэ, Мюратъ, были знаменитыми генералами и рѣшали участь сраженій въ такомъ возрастѣ, когда при обыкновенномъ ходѣ службы полагалось бы только развѣ командовать баталіономъ. Массена и Ожеро причислялись уже къ ветеранамъ революціонныхъ войнъ; но сбоимъ было не болѣе сорока лѣтъ, когда они стояли во главѣ самостоятельныхъ армій. Пылкая предпріимчивость, быстрота и рѣшительность дѣйствій, находчивость и разнообразіе въ пріемахъ, и самый составъ войскъ, набранныхъ изъ всѣхъ слоевъ населенія для защиты отечества, — все это давало перевѣсъ французамъ надъ соединенными силами другихъ европейскихъ державъ и дѣлало возможнымъ временное владычество Франціи надъ Европою.

Центральною фигурою въ Европѣ съ 1800 по 1815 годъ былъ Наполеонъ Бонапартъ. Уроженецъ Корсики, изъ итальянской семьи, онъ въ дѣтствѣ мечталъ объ освобожденіи родного острова отъ французской власти; но, получивъ воспитаніе на казенный счетъ въ военной школѣ въ Бріеннѣ, онъ вскорѣ избавился отъ мѣстнаго корсиканскаго патріотизма и воспользовался бурными событіями революціонной эпохи, чтобы проложить себѣ дорогу къ блестящей и широкой военной карьерѣ. Въ декабрѣ 1793 года, будучи артиллерійскимъ офицеромъ, онъ впервые отличился при Тулонѣ, гдѣ своими удачными дѣйствіями заставилъ англичанъ покинуть занятый ими городъ. Сойдясь въ Парижѣ съ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ правительства, Баррасомъ, онъ въ октябрѣ 1795 года былъ уже помощникомъ его при защитѣ конвента и командовалъ войсками, дѣйствовавшими противъ возставшихъ противниковъ новой конституціи (13-го вандемьера, по тогдашнему революціонному календарю); нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда ему было всего 27 лѣтъ, онъ, въ качествѣ главнокомандующаго арміею въ Италіи, началъ свой побѣдоносный походъ, доставившій ему всемірную славу. Бонапартъ наноситъ сильные и послѣдовательные удары первой державѣ того времени на материкѣ Европы — Австріи; онъ очищаетъ отъ австрійцевъ сѣверную Италію послѣ ряда битвъ при крайне неблагопріятныхъ для него условіяхъ, уничтожаетъ одну за другою три австрійскія арміи — Вурмзера, Альвинци и эрцгерцога Карла, и заставляетъ австрійско-германскаго императора подписать миръ въ Кампо-Формію (17-го октября 1797 г.), чѣмъ и кончается первая коалиція противъ Франціи. Франція получила лѣвый берегъ Рейна, съ городомъ Майнцемъ, Бельгію съ частью Голландіи, Іоническіе острова и значительную часть Италіи въ видѣ нѣсколькихъ полунезависимыхъ республикъ. Предпринятая въ маѣ слѣдующаго года, по предложенію Бонапарта и подъ его начальствомъ, экспедиція въ Египетъ не достигла своей цѣли—подорвать могущество Англіи въ ея торговыхъ сношеніяхъ съ Индіею; но она возвысила личное обаяніе молодого полководца, окруживъ его имя ореоломъ далекой восточной легенды.

При возвращеніи во Францію въ октябрѣ 1799 года генералъ Бонапартъ былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ и съ большими надеждами, такъ какъ положеніе дѣлъ запуталось внутри и извнѣ и угрожало опаснымъ кризисомъ, изъ котораго не видно было выхода. Революціонный пылъ французовъ прошелъ, и страна жаждала успокоенія; правительство директоріи страдало отъ хроническаго внутренняго разлада, доходившаго почти до открытыхъ междоусобій. Внѣшнія дѣла шли очень неудачно. Вторая враждебная коалиція, въ которой, кромѣ Англіи и Австріи, принимала дѣятельное участіе Россія въ союзѣ съ Турціею, ознаменовалась серьезными пораженіями французскихъ войскъ: Журданъ разбитъ въ Германіи, Шереръ, Моро, Макдональдъ и Жуберъ—въ Италіи; только Массена въ Швейцаріи и Брюнъ въ Голландіи дѣйствовали успѣшно. Результаты итальянской кампаніи Бонапарта уничтожены Суворовымъ. Объявленъ принудительный заемъ въ сто милліоновъ франковъ, созывается народное ополченіе. Недовольные всѣхъ партій обращаются къ Бонапарту; извѣстный дѣятель революціи, членъ директоріи, аббатъ Сіейсъ, убѣждаетъ его въ необходимости измѣнить конституцію и образовать новое правительство. При содѣйствіи двухъ членовъ директоріи и значительной части «совѣта старѣйшинъ» сдѣланъ государственный переворотъ 18-го брюмара (9-го ноября 1799 г.); выработана новая конституція, учреждающая консульство, охранительный сенатъ, трибунатъ и законодательный корпусъ; Бонапартъ, въ званіи перваго консула, сосредоточиваетъ власть въ своихъ рукахъ. Конституція передается на утвержденіе народа, и въ февралѣ 1800 года она одобрена большинствомъ трехъ милліоновъ противъ полутора тысячъ голосовъ. Бонапартъ является съ тѣхъ поръ единственнымъ правителемъ Франціи.

Бонапартъ не былъ узурпаторомъ; онъ не располагалъ никакими военными силами, когда привлеченъ былъ къ участію въ низверженіи директоріи; декретъ «совѣта старѣйшинъ» о назначеніи его главнокомандующимъ въ Парижѣ состоялся именно въ видахъ совершенія переворота, который требовался обстоятельствами и интересами болѣе крупными,

Бонапартъ въ Египтѣ. Картина М. Оранжъ.

чѣмъ личное честолюбіе Бонапарта. Генералъ, вернувшійся безъ арміи изъ Египта, не могъ навязать свои личные замыслы правительственнымъ и оппозиціоннымъ дѣятелямъ, и не имѣлъ реальныхъ способовъ прибѣгнуть къ насиліямъ противъ республики, когда въ распоряженіи ея находились многочисленныя войска подъ командой активныхъ начальниковъ, независимыхъ отъ Бонапарта и относившихся къ нему большею частью недовѣрчиво и недружелюбно. Директорія начала свое существованіе при помощи насильственныхъ мѣръ, сопровождавшихъ введеніе конституціи 1795 года; она призывала военные отряды Ожеро для очищенія правительства и обоихъ «совѣтовъ» отъ мнимыхъ враговъ республики, въ сентябрѣ 1797 года (18-го фруктидора); своими постоянными распрями и беззаконіями она подготовила и актъ 18-го брюмэра, приведшій къ установленію неограниченнаго владычества Бонапарта. Сіейсъ и его союзники ошиблись только въ оцѣнкѣ личности выбраннаго ими исполнителя; они думали составить конституцію по своимъ идеямъ, но должны были уступить авторство Бонапарту. Проектъ государственнаго устройства, выработанный въ концѣ 1799 года двумя спеціальными законодательными комиссіями при участіи трехъ временныхъ консуловъ—Бонапарта, Сіейса и Роже-Дюко, получилъ въ дѣйствительности такой характеръ, какой нуженъ былъ для водворенія единоличной власти. Сложная система учрежденій, придуманная Сіейсомъ по теоріи раздѣленія и противовѣса властей, осталась лишь въ видѣ обманчивой обстановки, среди которой долженъ былъ дѣйствовать единственный живой и активный элементъ конституціи—первый консулъ.

Бонапартъ въ «Совѣтѣ пятисотъ». Картина Ф. Бушо (Парижскій Лувръ).

Разъ поставленный во главѣ государства, Бонапартъ входитъ въ роль полновластнаго правителя и оправдываетъ свое назначеніе поразительными успѣхами въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики. Онъ вводитъ порядокъ въ администрацію и финансы, и окончательно умиротворяетъ клерикально-монархистскія провинціи—Вандею и Бретань, наноситъ новое пораженіе австрійцамъ при Маренго (въ іюнѣ 1800 г.) и разстраиваетъ коалицію привлеченіемъ на свою сторону императора Павла I, которому уступаетъ Мальту. Въ теченіе менѣе двухъ лѣтъ достигнутъ почетный для Франціи миръ, обезпечившій за нею всѣ ея пріобрѣтенія; съ Австріею подписанъ мирный трактатъ 1801 года въ Люневиллѣ, а съ Англіею — въ Амьенѣ, въ мартѣ 1802 года. Съ римскою церковью заключенъ конкордатъ, подчинившій католическое духовенство государству; возстановлено офиціальное значеніе религіи, подъ опекою правительства. Закончилась эра внутреннихъ раздоровъ и волненій; оживилась промышленность и торговля. Народное образованіе устроено на прочныхъ началахъ; начато обсужденіе проекта гражданскаго кодекса. Въ августѣ 1802 года Бонапартъ объявленъ пожизненнымъ первымъ консуломъ, въ силу народнаго голосованія, одобрившаго соотвѣтственное предварительное рѣшеніе сената большинствомъ $3^1/_2$ милліоновъ противъ восьми тысячъ голосовъ.

Но миръ соблюдался недолго; онъ имѣлъ скорѣе значеніе перемирія. Военная предпріимчивость Франціи ищетъ себѣ простора и сталкивается опять съ упорною энергіею Англіи. Условія заключенныхъ договоровъ не исполняются ни однимъ изъ участниковъ. Бонапартъ распоряжается самовластно въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи, и дѣлаетъ обширныя военныя приготовленія противъ англичанъ. Въ маѣ 1804 года онъ принимаетъ титулъ императора, предложенный ему сенатомъ, трибунатомъ и законодательнымъ корпусомъ. Наслѣдственная имперія въ семействѣ Бонапарта утверждена народнымъ голосованіемъ, и прибывшій въ Парижъ римскій папа торжественно совершаетъ обрядъ коронаціи Наполеона I въ соборѣ «Notre-Dame».

Сдѣлавшись законнымъ повелителемъ Франціи, Наполеонъ въ короткое время создаетъ себѣ положеніе верховнаго распорядителя судебъ Европы. Онъ присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ значительную часть Италіи, съ титуломъ ея «короля», поочередно разрушаетъ двѣ могущественныя коалиціи 1805 и 1806 годовъ, низводитъ Австрію на степень второстепенной державы, почти совершенно уничтожаетъ Пруссію, принуждаетъ Россію отречься отъ заступничества за иноземныя владѣтельныя фамиліи и въ знаменитомъ Тильзитскомъ свиданіи 1807 года прельщаетъ императора Александра I мыслью о раздѣлѣ мірового владычества между обоими монархами, причемъ Франціи принадлежалъ бы Западъ, а Россіи — Востокъ. Недавніе враги стали союзниками. Внѣшнимъ выраженіемъ и подтвержденіемъ новой роли Наполеона, какъ властелина Запада, былъ съѣздъ въ Эрфуртѣ, осенью 1808 года, когда къ нему собрались на поклонъ нѣмецкіе государи, и когда онъ въ бесѣдахъ съ императоромъ Александромъ I указывалъ способы осуществленія плановъ, намѣченныхъ въ Тильзитѣ.

Это былъ моментъ высшаго торжества и наибольшей славы Наполеона. «Солнце Аустерлица» (1805 г.) озаряло его путь: французы называли его «Великимъ» и воздвигали ему при жизни грандіозные памятники; побѣжденные имъ монархи преклонялись предъ нимъ; лучшіе умы разбитой и перестроенной имъ Германіи превозносили его величіе; поэты воспѣвали его. Но именно съ 1808 года Наполеонъ подготовлялъ уже свое неминуемое паденіе. Мечта о всемірномъ владычествѣ созрѣла въ немъ и приняла опредѣленную форму. Опираясь на свои испытанныя и признанныя всѣми качества геніальнаго полководца, онъ стремился возстановить въ Европѣ единство власти, на подобіе древняго Рима или позднѣйшей имперіи Карла Великаго. Безпеременно смѣняя монарховъ и раздавая вакантные троны своимъ братьямъ, родственникамъ и маршаламъ. Наполеонъ водворялъ повсюду французское военное господство и давалъ народамъ чувствовать гнетъ иноземцевъ. Съ весны 1808 года онъ приступилъ къ завоеванію Испаніи, и съ тѣхъ поръ онъ ведетъ борьбу уже не только съ правительствами и ихъ арміями, но и съ народами, возставшими на защиту своей національной независимости и свободы.

Порабощеніе государствъ и народовъ материка связывалось Наполеономъ съ усвоенною имъ новою системою борьбы съ Англіею — единственнымъ врагомъ, который оставался для него неуловимымъ. Гибель французскаго флота при Трафальгарѣ, въ 1805 году, — незадолго до Аустерлица, — положила конецъ попыткамъ соперничества съ англичанами въ открытомъ морѣ. Наполеонъ ставитъ себѣ цѣлью прекратить торговыя сношенія Англіи съ другими государствами Европы, чтобы парализовать источники британскаго богатства и тѣмъ принудить англичанъ къ покорности. Для англійскихъ кораблей и англійскихъ товаровъ закрывался доступъ къ материку, и эта «континентальная блокада», возвѣщенная берлинскимъ декретомъ Наполеона въ 1806 году, предполагала уже подчиненіе всего материка верховному владычеству Франціи. Для дѣйствительности блокады требовалось, чтобы ни одно государство не позволяло своимъ подданнымъ пріобрѣтать англійскія издѣлія и сбывать въ обмѣнъ на нихъ сырые продукты; между тѣмъ многія фабрично-заводскія производства существовали только въ Англіи, которая въ то же время была главнѣйшею покупательницею сырыхъ продуктовъ другихъ европейскихъ странъ, и сами правительства для своихъ надобностей, напримѣръ, по вооруженіямъ и по содержанію своихъ армій, — часто не могли обходиться безъ англійскихъ товаровъ. Запрещеніе торговли съ Англіею, вызывая соотвѣтственныя репрессаліи со стороны англичанъ, было равносильно прекращенію всякой вообще морской торговли и причиняло неисчислимый матеріальный вредъ народамъ; поэтому система, придуманная Наполеономъ, могла соблюдаться на практикѣ только подъ вліяніемъ принужденія и насилія.

Чтобы подорвать благосостояніе Англіи такимъ способомъ, надо было предварительно добиться объединенія всѣхъ государствъ подъ одною властью, и Наполеонъ предпринимаетъ цѣлый рядъ завоевательныхъ войнъ только для того, чтобы достигнуть повсемѣстнаго соблюденія условій континентальной блокады. Непрерывныя войны на материкѣ дѣлаются лишь эпизодами великой борьбы съ Англіею, и вся политика Наполеона получаетъ совершенно фантастическій характеръ. Даже непосредственные вассалы, родные братья Наполеона, не могутъ обезпечить ему того пассивнаго, самоотверженнаго подчиненія, котораго онъ требуетъ отъ подвластныхъ имъ странъ. Союзъ съ императоромъ Александромъ I оказывается далеко неравноправнымъ; на Россію возлагались тяжелыя обязательства по участію въ континентальной системѣ и въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ англичанъ, а взамѣнъ ей предоставлялось воевать съ Швеціею и Турціею для пріобрѣтенія тѣхъ областей, которыя долженъ ей присоединить французскій завоеватель. Предположенный раздѣлъ міроваго владычества сводился къ тому, что Россія должна была во внѣшнихъ дѣлахъ руководствоваться указаніями Франціи. Однако никакое военное искусство не было въ состояніи прочно подчинить французамъ другія культурныя націи, въ нѣсколько разъ превосходившія ихъ численностью. Не замѣчая стихійной невозможности этой задачи, Наполеонъ быстро идетъ навстрѣчу катастрофѣ.

Наполеонъ I, императоръ.
Портретъ работы Шарля Шапильона, гравированный И. Андуэномъ.

Національная борьба противъ французовъ разгорается въ Испаніи, охватываетъ Германію и доходитъ наконецъ до Россіи. Наполеонъ вновь побѣждаетъ Австрію въ 1809 году (битва при Ваграмѣ и вѣнскій миръ) и обнаруживаетъ удивительную силу своей личности въ колоссальныхъ приготовленіяхъ къ русской кампаніи 1812 года, когда за нимъ послушно слѣдуетъ вся Европа, включая и Пруссію и прочія германскія государства, ради которыхъ Россія не щадила своей крови и средствъ въ предшествовавшихъ войнахъ съ Франціею. Походъ соединенныхъ европейскихъ армій или народовъ на Россію долженъ былъ довершить завоеваніе Европы, безъ котораго, по мысли Наполеона, не могло быть достигнуто единство дѣйствій противъ Англіи и слѣдовательно обезпеченіе общаго мира путемъ всеобщаго подчиненія. Предпріятіе, которое раньше самъ Наполеонъ называлъ безуміемъ — движеніе огромныхъ армій въ «русскія степи»

было послѣднимъ титаническимъ усиліемъ осуществить мечту, несогласную съ природою вещей. Съ неудачею этого предпріятія рушилась и его имперія. Наполеоновы союзники и вассалы потеряли вѣру въ его непобѣдимость и смѣло обратили противъ него оружіе: народы поднялись, чтобы свергнуть иноземное иго.

Наполеонъ, какъ азартный игрокъ, ставилъ на карту свой тронъ и Францію, собиралъ все новыя силы изъ свѣжихъ рекрутъ, почти мальчиковъ, и продолжалъ борьбу до конца, не соглашая никакихъ уступокъ или даже бросая новые рѣзкіе вызовы противникамъ. Имѣя противъ себя почти цѣлую Европу, онъ оставляетъ еще свыше двухсотъ тысячъ войска для покоренія Испаніи, которая все еще не даетъ себя покорить, и гдѣ противъ него съ самаго начала съ 1808 года успѣшно воюетъ англійскій генералъ Веллеслей, знаменитый впослѣдствіи лордъ Веллингтонъ. Въ октябрѣ 1813 года, въ кровопролитной битвѣ народовъ при Лейпцигѣ, русскіе, австрійцы и пруссаки нанесли жестокое пораженіе французамъ. Судьба Наполеона была рѣшена. Послѣ долгой и утомительной кампаніи, въ которой разбитый полководецъ безплодно совершалъ чудеса военнаго искусства, союзники въ мартѣ 1814 года вступили въ Парижъ, возстановили власть Бурбоновъ, отмѣнили всѣ французскія законодательства 1792 г. и [illegible] сохранили [illegible] гражданскихъ и политическихъ [illegible] Наполеона. Бывшій императоръ французовъ удаленъ на островъ Эльбу [illegible] Средиземномъ морѣ [illegible] отъ Корсики, [illegible] и [illegible] на островѣ [illegible] устроить [illegible] на конгрессѣ въ Вѣнѣ [illegible] ноября 1814 года.

Встрѣча Наполеона съ императоромъ Александромъ I въ Тильзитѣ на берегу р. Нѣмана 25-го іюня 1807 г. Рис. Л. Вольфа (Національная Галлерея въ Берлинѣ).

Свиданіе трехъ монарховъ въ Тильзитѣ 26-го іюня 1807 г. Рис. Л. Вольфа (Національная Галлерея въ Берлинѣ).

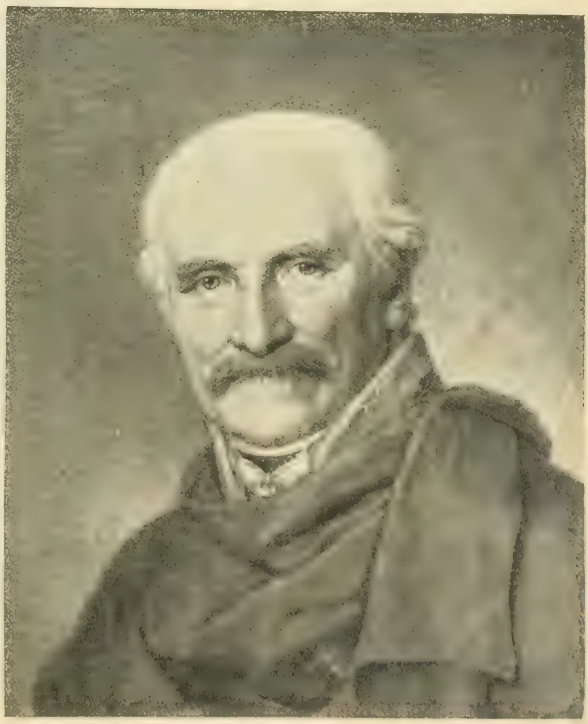
Но низложенный цѣлитель Запада не сошелъ еще окончательно со сцены, и прежде чѣмъ окончились засѣданія вѣнскаго конгресса, онъ вновь наполнилъ міръ громомъ сраженій. Ему удалось высадиться на югѣ Франціи, близъ Канна, съ отрядомъ старой гвардіи и съ немногими приверженцами, въ февралѣ 1815 года, и одного появленія его было достаточно, чтобы армія присоединилась къ нему, и чтобы возстановленная монархія Бурбоновъ исчезла безъ слѣда. Наполеонъ опять царствовалъ и воевалъ; на этотъ разъ онъ пробовалъ привлечь на свою сторону мирную французскую буржуазію и обнародовалъ весьма либеральный «дополнительный актъ» къ имперской конституціи, составленный, по его порученію, Бенжаменомъ Констаномъ и одобренный затѣмъ народнымъ голосованіемъ. Въ этотъ періодъ «ста дней» (съ 10-го марта по 22-е іюня) имперія оставалась однако чѣмъ-то эфемернымъ, заранѣе обреченнымъ на гибель. Союзныя монархическія государства съ единодушнымъ озлобленіемъ возстали противъ Наполеона, какъ врага общаго мира. Заключительный кровавый эпилогъ разыгрался въ Бельгіи, въ семидневной кампаніи, приведшей къ разгрому французскихъ войскъ при Ватерлоо, 18-го іюня. Лордъ Веллингтонъ дѣйствовалъ здѣсь заодно съ Блюхеромъ, приходъ котораго съ пруссаками на поле битвы рѣшилъ побѣду. Два противника имѣли роковое значеніе для Наполеона, и оба были англичане: адмиралъ Нельсонъ и лордъ Веллингтонъ: первый уничтожилъ его морскія силы при Абукирѣ (1798 г.) и Трафальгарѣ (1805 г.), а второй подорвалъ его могущество на сушѣ наиглавнѣйшею тоже въ Испаніи, послѣ чего нанесъ ему послѣдній ударъ

Карлъ фонъ-Штейнъ. Портретъ работы Р. Люценьирхена

при Ватерлоо. Наполеону суждено было сдѣлаться плѣнникомъ ненавистной ему Англіи и умереть среди океана среди той стихіи, надъ которою британская нація утвердила свое господство. «Великій корсиканецъ» скончался на островѣ св. Елены въ 1821 году, на 52-мъ году жизни, а въ 1840 г. прахъ его перевезенъ во Францію и торжественно погребенъ въ «Домѣ инвалидовъ».

Каковы бы ни были взгляды на дѣятельность Наполеона, онъ во всякомъ случаѣ остается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей и героевъ всемірной исторіи. Современники поклонялись ему, какъ полубогу, французы охотно жертвовали для него жизнью и около четырехъ милліоновъ человѣческихъ существъ погибло въ бояхъ для его славы и величія. Односторонне, пагубное направленіе его лихорадочной предпріимчивости поощрялось всеобщимъ низкопоклонствомъ, отсутствіемъ своевременной разумной оппозиціи, ничтожествомъ характеровъ въ окружавшемъ его обществѣ. Въ числѣ его сотрудниковъ и приближенныхъ были выдающіяся, талантливыя личности, даровитые генералы, администраторы и ученые спеціалисты; но они были только слѣпыми исполнителями его воли. Въ ихъ средѣ онъ не встрѣчалъ протеста или возраженія даже при самыхъ безразсудныхъ своихъ начинаніяхъ, никто не высказывалъ ему правды въ лицо, и онъ сталъ деспотомъ, не выносившимъ противорѣчій, только потому, что привыкъ повсюду видѣть льстивыя, покорныя лица. Полководецъ по профессіи, Наполеонъ проводилъ принципы суровой военной дисциплины во всѣхъ областяхъ государственнаго управленія; онъ былъ главнокомандующимъ и въ политикѣ, и въ законодательствѣ, и въ администраціи. Превосходный организаторъ, онъ установилъ во Франціи тотъ стройный правительственный механизмъ, который льстивость въ ней понынѣ, и ввелъ учрежденія и законы, которые послужили образцами для другихъ государствъ. Въ политическомъ отношеніи возникнутая имъ имперія была зданіемъ безъ фундамента: она держалась только его личностью. Своими непрерывными войнами и завоеваніями онъ истощилъ Францію и Европу, такъ что паденіе его было желаннымъ избавленіемъ для народовъ. Онъ не считался съ потребностями и желаніями мирнаго населенія и вѣрилъ только въ одинъ авторитетъ, которому подчинялись всѣ, и правители, и народы, — въ авторитетъ военной силы. Когда преимущество силы оказалось не на его сторонѣ, онъ очутился въ положеніи безпочвеннаго авантюриста, для котораго «отъ великаго до смѣшного — одинъ шагъ».

Западно-европейскія континентальныя государства находились въ крайне печальномъ состояніи, когда впервые подверглись энергическому воздѣйствію Наполеона. Остатки средне-вѣковой «священной римско-германской имперіи» угнетали жизнь значительной части центральной Европы; многочисленные мелкіе и крупные властители безконтрольно распоряжались въ Германіи и Италіи; сословныя привилегіи и бюрократическій произволъ подавляли разноплеменныя народности въ Австріи; мертвящіе военно-канцелярскіе порядки, унаслѣдованные отъ временъ Фридриха II, царили въ Пруссіи. Арміи существовали больше для блестящихъ парадовъ и для внушенія спасительнаго страха подданнымъ, чѣмъ для защиты отъ внѣшнихъ враговъ; прусскія войска славились своею маршировкою, своими мундирами и головными уборами, и когда ихъ съ гордою самоувѣренностью повели противъ Франціи въ 1806 году, то они были позорно разбиты при Іенѣ и Ауэрштетѣ.



Блюхеръ. Портретъ работы Г. Гезера

Торжественный въѣздъ монарховъ-союзниковъ въ Парижъ 31-го марта 1814 г.

ЕВРОПА ВО ВРЕМЯ НАПОЛЕОНА (окт. 1812 г.).
Масштабъ 1:15000000
ШОТЛАНДІЯ
ИРЛАНДІЯ
АНГЛІЯ
ГЕРМАНСКОЕ МОРЕ
КОР. ДАНІЯ
КОР. НОРВЕГІЯ
КОР. ШВЕЦІЯ
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
Финляндія
Эстляндія
Лифляндія
Курляндія
Литва
ИМПЕРІЯ РОССІЙСКАЯ
Украина
АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ
КОР. ПРУССІЯ
ГЦГ. ВАРШАВСКОЕ
Силезія
РЕЙНСКІЙ СОЮЗ
Богемія
Моравія
Галиція
ИМПЕРІЯ АВСТРІЙСКАЯ
Венгрія
Семиградія
Молдавія
Бессарабія
Крымъ
ФРАНЦУЗСКАЯ ИМПЕРІЯ
ШВЕЙЦАРІЯ
КОР. ИТАЛІЯ
АДРІАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
Босния
Сербія
Валахія
Болгарія
Румелія
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ТУРЦІЯ
КОР. ПОРТУГАЛЬСКОЕ
КОР. ИСПАНІЯ
Корсика
КОР. САРДИНІЯ
КОР. НЕАПОЛИТАНСКОЕ
КОР. СИЦИЛІЯ
ЛИГУРІЙСКОЕ МОРЕ
ТИРРЕНСКОЕ МОРЕ
Морея
Кандія
Кипръ
Смирна
Константинополь
Москва
Петербургъ
Варшава
Вѣна
Парижъ
Лондонъ
Берлинъ
Мадридъ
Римъ
Неаполь
Палермо
Марсель
Лиссабонъ
Гибралтаръ
Алжиръ
Тунисъ
Мальта

Съ такими противниками было легко справиться Наполеону, и побѣды его на первыхъ порахъ доставляли нѣкоторое удовлетвореніе народамъ. Даже въ Испаніи нашествіе французовъ находило себѣ отчасти оправданіе въ безобразномъ режимѣ слабоумнаго Карла IV, при которомъ страною управлялъ безпутный фаворитъ его супруги, Мануэль Готой. Только въ Англіи ходъ государственныхъ дѣлъ не зависѣлъ отъ слабостей и увлеченій приближенныхъ любимцевъ, и долгое царствованіе Георга IV (съ 1760 до 1820 г.) было періодомъ великихъ британскихъ успѣховъ и пріобрѣтеній, несмотря на давнишнее помѣшательство короля, приведшее къ назначенію регентства въ 1811 году. Британскою политикою руководили дѣятели, выдвигаемые парламентомъ и общественнымъ мнѣніемъ,— Питтъ, Каннингъ, Фоксъ, Кэстльри,- и оттого политика Англіи, вдохновляемая національными интересами, отличалась сознательною послѣдовательностью и настойчивостью въ многолѣтней борьбѣ съ Франціею и Наполеономъ.

Эпоха наполеоновскихъ войнъ оставила послѣ себя глубокіе слѣды въ культурѣ, общественныхъ учрежденіяхъ и понятіяхъ европейскихъ народовъ. Французскія нашествія сильнѣйшимъ образомъ встряхнули Европу и во многомъ освѣжили и обновили застоявшійся традиціонный бытъ ея государствъ. Французы разносили по Европѣ свои политическія идеи, свою бодрую вѣру въ прогрессъ и развитіе человѣчества, свои стремленія къ реформамъ и нововведеніямъ. Вездѣ, гдѣ утверждалъ свою власть Наполеонъ, производилась коренная ломка устарѣлыхъ порядковъ, стирались привилегіи крупнаго феодальнаго землевладѣнія, падали сословныя перегородки и провозглашался принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ. Подобно тому, какъ «каждый французскій солдатъ носилъ въ своемъ ранцѣ маршальскій жезлъ», такъ и всякій обыватель страны, подвластной французамъ, имѣлъ предъ собою открытую дорогу къ высшимъ правительственнымъ должностямъ. Люди скромнаго происхожденія возвышались до ранга владѣтельныхъ особъ: сынъ трактирщика, Іоахимъ Мюратъ, сталъ неаполитанскимъ королемъ (съ 1808 г.); генералъ Бернадоттъ, объявленный въ 1810 году наслѣдникомъ шведскаго престола, царствовалъ съ 1818 года (до своей смерти въ 1844 году) подъ именемъ Карла XIV, и сдѣлался родоначальникомъ династіи, правящей понынѣ въ Швеціи. Французскіе гражданскіе законы, введенные въ Италіи и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ областяхъ, установили обязательный раздѣлъ имуществъ и земель по наслѣдству, чѣмъ преграждался путь къ сосредоточенію богатствъ въ немногихъ рукахъ. Уголовные законы вводили судъ присяжныхъ и гласность судопроизводства, съ одинаковыми гарантіями правосудія для всѣхъ классовъ населенія. Независимость суда отъ администраціи получила значеніе общаго правила и прочно вошла въ практику большинства европейскихъ странъ.

Герцогъ Рейхштадтскій (Наполеонъ II).

Военный деспотизмъ Наполеона принижалъ сильныхъ, и этимъ косвенно поднималъ и ободрялъ слабыхъ и угнетенныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, своими крайностями онъ будилъ въ народахъ сознаніе національнаго единства и заставлялъ самихъ правителей обращаться къ національному чувству подданныхъ для борьбы съ французскимъ завоевателемъ. Наполеоновскія войны (съ 1808 г.) были для противниковъ Франціи національными, отечественными, освободительными войнами, и мысль объ отечествѣ въ широкомъ національномъ смыслѣ впервые нашла себѣ повсемѣстное практическое примѣненіе. Съ того времени проснув-

Императоръ Наполеонъ I подписываетъ актъ отреченія отъ престола 11-го апрѣля 1814 г. Картина Верна-Беллескуръ

шеся національное чувство развивается и крѣпнетъ, подкапываясь подъ основы искусственныхъ государственныхъ организацій, и національная идея, вопреки всѣмъ усиліямъ правительствъ, становится преобладающею въ продолженіе XIX вѣка.

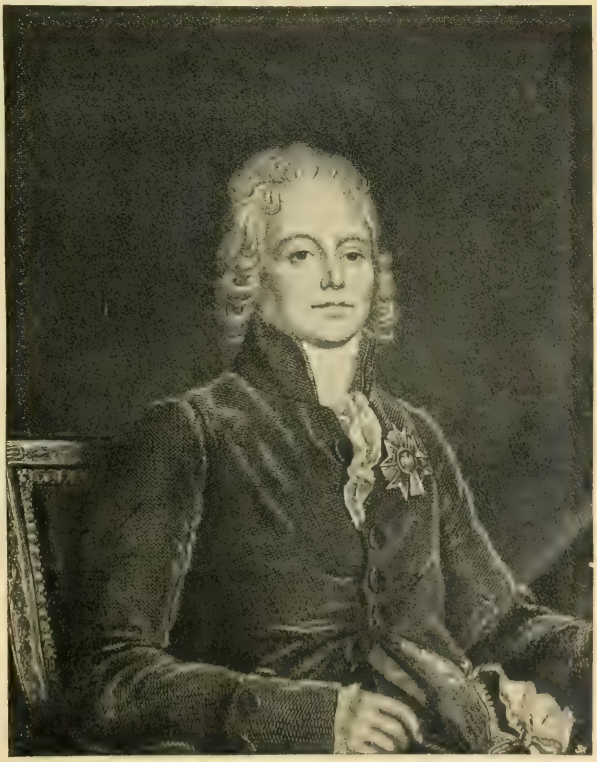
Наконецъ, и въ области культурнаго и промышленнаго развитія эпоха французскихъ нашествій прошла далеко не безслѣдно. Далмація и Истрія до сихъ поръ пользуются образцовыми шоссейными дорогами, устроенными при владычествѣ французовъ; разныя полезныя сооруженія напоминаютъ о Наполеонѣ и въ Египтѣ, и въ Италіи, и въ Швейцаріи, и въ другихъ странахъ, гдѣ онъ распоряжался въ качествѣ завоевателя. Континентальная система, закрывшая англійскій рынокъ для материка, принудила земледѣльческія націи обзавестись самостоятельными фабрично-заводскими предпріятіями и положила начало развитію крупной промышленности внѣ Англіи особенно въ Германіи. Усилилось общеніе между народами, какъ торговое, такъ и политическое; государства пріучаются дѣйствовать совмѣстно для достиженія общихъ цѣлей, въ ряду которыхъ выступаетъ на первый планъ обезпеченіе общаго мира. Все чаще заключаются союзы и собираются конгрессы во имя интересовъ, одинаково важныхъ для цѣлой Европы, и такимъ образомъ возникаютъ зачатки того движенія, которое въ концѣ столѣтія выразилось въ созывѣ Гаагской конференціи и въ учрежденіи постояннаго третейскаго суда для разбирательства международныхъ споровъ.

Князь Меттернихъ.

II.
1815—1848.

Исключительныя событія Наполеоновской эпохи вызывали всеобщее замѣшательство въ Европѣ, поддерживали броженіе умовъ и безжалостно разоблачали внутреннее ничтожество дѣятелей, олицетворявшихъ собою «старый порядокъ». Государственные люди и правители даже такой первоклассной имперіи, какъ Австрія, унижались передъ чуждымъ завоевателемъ и обнаруживали свою полную неспособность и растерянность во время великихъ войнъ съ Франціею. Пробужденіе національнаго чувства въ странахъ, занятыхъ французами, помогло государствамъ свергнуть иноземное иго, но надолго поколебало мѣстные авторитеты и традиціи, раскрывъ ихъ несостоятельность и безсиліе.

Просвѣщенные умы въ Германіи требовали коренного преобразованія всей правительственной системы; дальновидные совѣтники прусскаго короля, Штейнъ, Гарденбергъ, Шарнгорстъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, осуществили крупныя реформы, положившія начало позднѣйшему возвышенію Пруссіи. Подъ вліяніемъ національной борьбы съ внѣшнимъ врагомъ Фридрихъ Вильгельмъ III, послѣ Лейпцигской битвы, обѣщалъ удѣлить народу законную долю участія въ государственныхъ дѣлахъ черезъ посредство выборнаго представительнаго собранія. При новомъ устройствѣ германскаго союза, взамѣнъ упраздненной въ 1806 году германской имперіи, вѣнскій конгрессъ установилъ для нѣмецкихъ государей обязательство ввести въ своихъ земляхъ представительныя учрежденія, чтобы обезпечить необходимое согласіе и единеніе правительствъ съ подданными. Но когда прошла пора внѣшнихъ опасностей, эти обѣщанія были забыты, и прежній подъемъ національнаго духа разсматривался уже, какъ исчадіе революціи. Началась новая внутренняя борьба, въ которой сами народы сдѣлались предметомъ непріязненныхъ мѣръ своихъ правительствъ. Вдохновителемъ и руководителемъ этой своеобразной политики явился князь Меттернихъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ съ 1809 до 1848 года, всемогущій канцлеръ съ 1821 года, ловкій и блестящій царедворецъ, обладавшій весьма ограниченнымъ кругомъ идей, которыя онъ умѣлъ однако отстаивать и проводить съ большимъ искусствомъ.

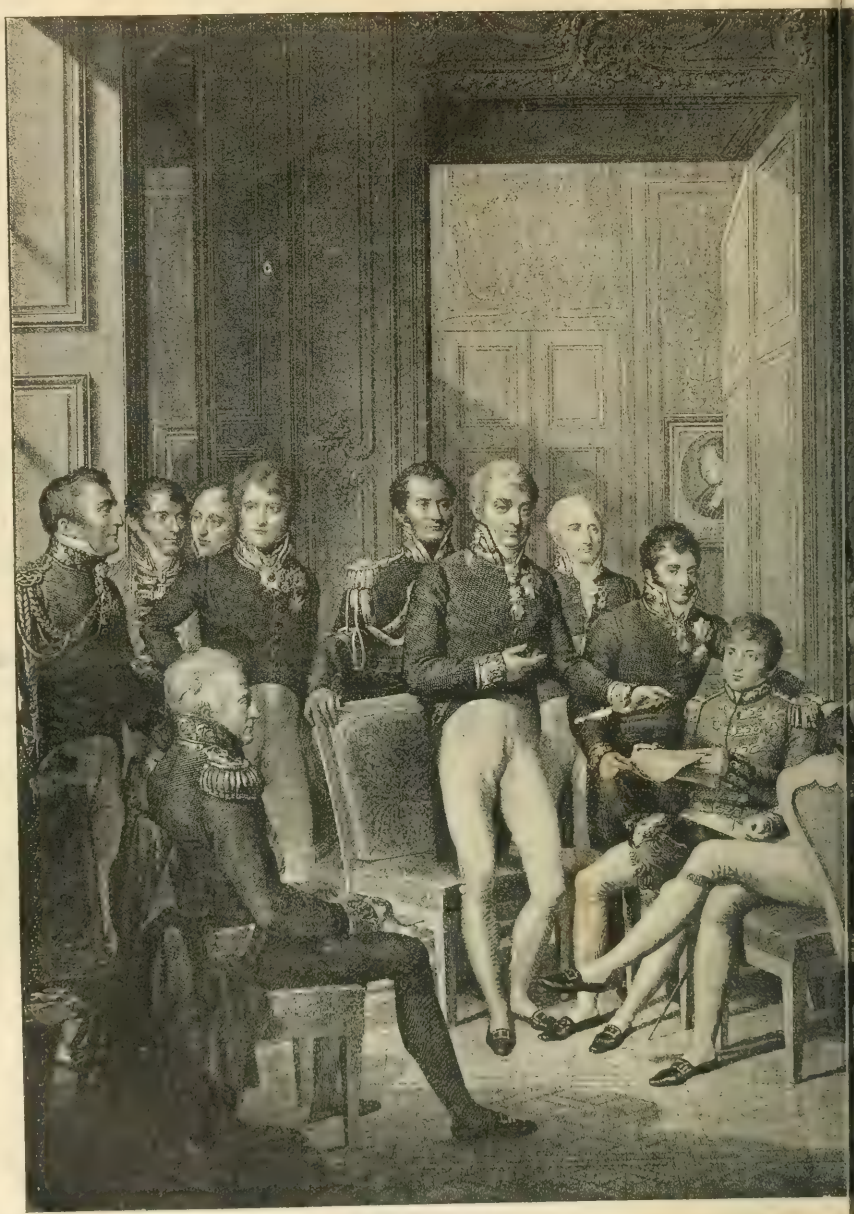


Герцогъ Талейранъ.

Меттернихъ воспользовался для своихъ цѣлей возвышенно христіанскимъ, религіознымъ настроеніемъ монарховъ послѣ окончательнаго торжества надъ Наполеономъ. Въ сентябрѣ 1815 года императоры Австріи и Россіи и король прусскій подписали въ Парижѣ актъ «священнаго союза», въ которомъ «передъ лицомъ вселенной» заявили «неколебимую рѣшимость руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ какъ по государственному управленію, такъ и при политическихъ сношеніяхъ съ другими правительствами исключительно лишь предписаніями священной религіи, началами справедливости, милосердія и

міра, которыя примѣнимы не къ одной только частной жизни, должны, напротивъ, непосредственно вліять на рѣшенія государей и направлять всѣ ихъ поступки, будучи единственнымъ средствомъ упрочить человѣческія учрежденія и смягчить ихъ несовершенства». «Согласно словамъ священнаго писанія, повелѣвающимъ всѣхъ людей считать братьями, три союзные монарха признаютъ для себя обязательнымъ истинное и неразрывное братство», въ силу котораго они «будутъ во всѣхъ случаяхъ и повсемѣстно оказывать другъ другу помощь, поддержку и содѣйствіе, разсматривая себя относительно своихъ подданныхъ и армій, какъ отцовъ семейства, уполномоченныхъ Провидѣніемъ управлять тремя отраслями одной и той же семьи». Эти христіанскіе принципы дали Меттерниху оружіе для своекорыстнаго и пагубнаго угнетенія значительной части Европы, и вмѣстѣ съ тѣмъ для поддержанія и защиты интересовъ австрійской имперіи при помощи союзниковъ. Меттернихъ доказывалъ, что утвердить благополучіе государствъ на твердыхъ христіанскихъ основахъ возможно только однимъ способомъ—неуклоннымъ обузданіемъ и искорененіемъ «революціонной гидры», принимающей самыя разнообразныя и соблазнительныя формы и проявляющей особенную живучесть въ такъ называемыхъ національныхъ движеніяхъ.

Возрожденіе національностей было наиболѣе опасно для Австріи, при крайне разнородномъ составѣ ея имперіи. Вѣнскій конгрессъ, на которомъ предсѣдательствовалъ Меттернихъ, сохранилъ австрійское владычество не только въ Ломбардіи, но и въ Венеціи, хотя и непрекращаемо пріобрѣтенной по договору съ революціонною Франціею въ Кампо-Форміо. Австріи предоставлено главенство и въ германскомъ союзѣ, заключавшемъ 39 государствъ, депутаты которыхъ имѣли свои сборища въ Франкфуртѣ. Великое національное движеніе въ Германіи и Италіи было поэтому прямо или косвенно направлено противъ австрійской монархіи. Чтобы сдерживать порывы итальянскихъ патріотовъ къ освобожденію отъ иноземной власти и сохранить свое преобладающее положеніе въ Германіи, Австрія объявила самую злую враждебность пресловутому равносильному отрицанію установленнаго порядка союза. Участники священнаго союза обязались оказывать другъ другу братскую помощь при всякомъ случаѣ, и если бы то ни было; а такъ какъ въ помощи противъ національныхъ волненій нуждалась одна только имперія Габсбурговъ, то союзъ означалъ прежде всего обязанность Россіи посылать русскія войска въ распоряженіе австрійцевъ для обузданія туземнаго патріотизма въ Италіи, Венгріи и въ другихъ мѣстахъ. Пруссія при этомъ не принималась въ разсчетъ; отъ



Веллингтонъ. Гр. Лобъ. Сальдерна. Гр. Ленгенхельмъ. Гарденбергъ. Кошиль. Кн. Меттернихъ. Дюленъ. Гр. Нессельроде. Пальмелла

Вѣнскій конгрессъ

нея нельзя было ожидать, что она будетъ жертвовать своими интересами для пользы Австріи. Нелегко до своего проникновенія христіанскими чувствами братства, еще во время засѣданій вѣнскаго конгресса, австрійскій императоръ и всѣмъ обязанный Александру I французскій король заключили съ Англіею секретный договоръ противъ Россіи; а тремя годами

раньше Австрія и Пруссія участвовали въ русской кампаніи Наполеона,—такъ что истинный смыслъ акта священнаго союза не могъ возбуждать никакихъ сомнѣній.

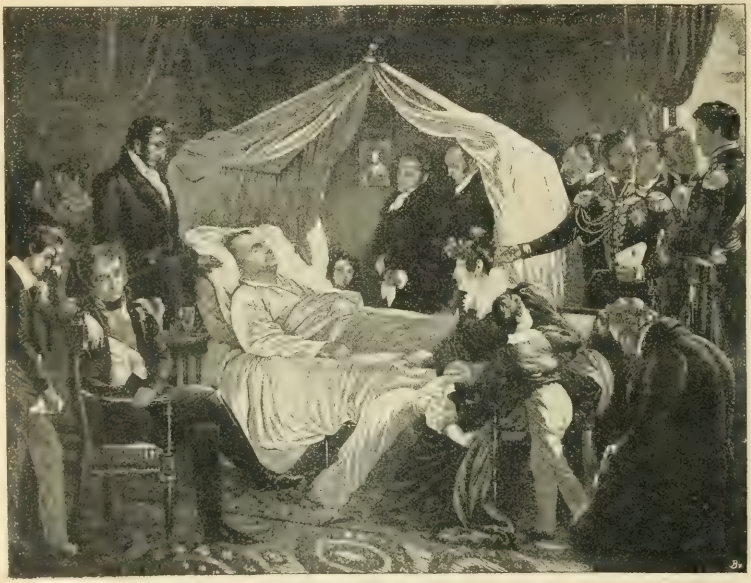
Преслѣдуя весьма реальныя выгоды подъ прикрытіемъ возвышенныхъ предписаній религіи, Меттернихъ безпощадно попиралъ ногами не только христіанскую, но и всякую вообще человѣческую мораль своими жестокими гоненіями на всякое и самостоятельное въ подвластныхъ народахъ, своими требованіями суровыхъ мѣръ и казней противъ лицъ, недовольныхъ беззаконіями «законной власти». Разсужденія и принципы Меттерниха были очень несложны. Наполеонъ, которому онъ въ 1810 году устроилъ въ двадцать четыре часа брачный союзъ съ дочерью своего монарха, былъ для него теперь порожденіемъ и представителемъ революціи; революція была слѣдствіемъ безбожія, духа критики и отрицанія, неповиновенія властямъ и неуваженія къ авторитетамъ, а потому нужно повсюду водворять смиреніе насиліемъ, поощрять угодливость и низкопоклонство, пріучать народы безпрекословно подчиняться поставленнымъ надъ ними распорядителямъ, каковы бы они ни были. Населеніе, розданное вѣнскимъ конгрессомъ, по числу головъ, представителямъ разныхъ династій, въ видѣ вознагражденія за потери въ другихъ земляхъ, — должно было забыть, что оно принадлежитъ къ извѣстной національности, имѣющей свою исторію и свое законное право на существованіе. Говорить о національныхъ правахъ и интересахъ значило уже быть демагогомъ, приверженцемъ революціи; даже понятіе объ отечествѣ считалось предосудительнымъ, ибо оно могло отвлекать подданныхъ отъ мысли о мѣстномъ герцогѣ или королѣ, какъ делегатѣ Провидѣнія, которое на практикѣ воплощалось Австріею и ея канцлеромъ.

Съ этимъ скуднымъ запасомъ политическихъ взглядовъ Меттернихъ неограниченно правилъ почти всей континентальной Европою въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ, запугивая государей и ихъ министровъ призракомъ «революціонной гидры», и этотъ гнетъ опирался на самоотверженное содѣйствіе Россіи, въ силу высокихъ принциповъ священнаго союза. Меттернихъ проводилъ свои планы при помощи частыхъ международныхъ конгрессовъ, министерскихъ конференцій и съѣздовъ, на которыхъ онъ игралъ роль оракула. Легче всего было ему справиться съ Германіею. Уже на Аахенскомъ конгрессѣ 1818 года, рядомъ съ совѣщаніями о срокѣ очищенія французской территоріи отъ союзныхъ войскъ, обсуждался вопросъ о мѣрахъ борьбы противъ опасныхъ будто бы настроеній умовъ въ Германіи, и въ слѣдующемъ-же году, въ Карлсбадѣ, на съѣздѣ министровъ десяти германскихъ государствъ, подъ предсѣдательствомъ Меттерниха, приняты были энергическія постановленія, направленныя противъ университетовъ и печати. Пруссія сразу подчинилась вліянію Меттерниха, и король Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ послушнымъ его орудіемъ до самой своей смерти (въ 1840 году). Союзный сеймъ во Франкфуртѣ утверждалъ всѣ ограничительныя мѣры, предлагаемыя Австріею: университеты и печать подверглись строгой

рнъ. Кн. Разумовскій Лордъ Стюартъ Вакенъ. Гонцъ Вильг Гумбольдтъ. Каткарт
Вессенбергъ. Лабрадоръ. Кленкерти. Галеиранъ. Графъ Штакельбергъ
Пезбея, грав. Годефруа.

полицейской опекѣ: выдающіеся патріоты, участники освободительнаго движенія противъ Франціи, писатели и ученые, мечтавшіе о германскомъ единствѣ, преслѣдовались и заключались въ тюрьму. Прусской цензурѣ предписано было не допускать слова «протестантъ» для обозначенія лицъ лютеранской вѣры, чтобы подданные не имѣли повода думать о протестѣ. Второстепенныя нѣмецкія государства, успѣвшія ввести у себя представительныя учрежденія, принуждены были замѣнить ихъ безправными совѣщательными сеймами. Относительно постороннихъ державъ установленъ былъ принципъ невмѣшательства для защиты и возстановленія въ нихъ неизмѣннаго стараго порядка («status quo»), причемъ употреблялась военная сила по уполномочію Европы или, вѣрнѣе, «священнаго союза». Въ силу рѣшеній конгрессовъ—1820 года въ Троппау и 1821 года въ Лайбахѣ, австрійскія войска заставили Неаполь отречься отъ парламентскихъ вольностей, добытыхъ народнымъ возстаніемъ и освященныхъ присягой короля; то же само сдѣлано было въ Піемонтѣ.

Владѣя двумя богатѣйшими итальянскими провинціями, соединенными вмѣстѣ подъ именемъ королевства Ломбардо-Венеціи, Австрія распространила свое вліяніе на всю Италію и строго слѣдила за отдѣльными ея государствами, чтобы въ нихъ населенію жилось не лучше и не свободнѣе, чѣмъ подъ австрійскою властью. Въ великомъ герцогствѣ Тосканскомъ и въ герцогствѣ Моденскомъ нарѣтовали члены австрійской императорской фамиліи, герцогство Пармское отдано было дочери австрійскаго императора, бывшей супругѣ Наполеона, Маріи-Луизѣ; сверхъ того, Австрія держала свои гарнизоны въ Піаченцѣ и въ двухъ пунктахъ Папской области. Въ Неаполѣ, король, Мюратъ, сохранившій за собою престолъ на нѣкоторое время послѣ отреченія отъ Наполеона, пытался въ мартѣ 1815 года объединить Италію, провозгласилъ ея независимость и занялъ Рим; но, разбитый готовѣйшими австрійскими войсками, онъ вынужденъ былъ бѣжать; австрійцы возстановили неаполитанскій Бурбоновъ, т. е. лицъ Фердинанда IV, въ Неаполѣ, и папу Пія VII — въ Римѣ, чѣмъ окончательно упрочилось преобладающее положеніе Австріи на Апеннинскомъ полуостровѣ. Мюратъ храбрый солдатъ и полководецъ, но плохой политикъ, имѣлъ жалкую судьбу: въ сентябрѣ того же 1815 года высаживается въ Калабріи съ отрядомъ приверженцевъ для обратнаго завоеванія потерянного трона, онъ былъ захваченъ жителями, преданъ военному суду и разстрѣлянъ. Неаполь и Сицилія — два отдѣльныя королевства, связанныя единствомъ династіи или личной уніею, соединены были выдумкой конгрессомъ въ одно королевство «Обѣихъ Сицилій»: король, Фердинандъ, бывшій IV-мъ въ Неаполѣ, и III-мъ въ Сициліи, провозгласилъ себя первымъ королемъ Обѣихъ Сицилій т. е. Фердинандомъ I; и въ этомъ качествѣ, по внушенію Австріи, отмѣнялъ галльическое самоуправленіе и старинныя народныя права Сициліи, подтвержденныя конституціею 1812 года. Секретнымъ договоромъ съ Австріею, онъ заранѣе обязался въ точности слѣдовать тѣмъ правиламъ и пріемамъ, которыхъ придерживаются австрійцы въ ихъ итальянскихъ провинціяхъ, а на практикѣ онъ дѣйствовалъ еще гораздо хуже австрійцевъ, — вступалъ въ сдѣлки съ разбойниками, продавалъ заключенныхъ въ чужіе края, въ качествѣ рабочихъ, конфисковалъ частныя имущества и вообще не стѣснялся съ своими подданными. Стараясь жить въ мирѣ съ церковью, онъ окружалъ себя іезуитами и давалъ разныя преимущества духовенству, отъ котораго взамѣнъ требовалъ услугъ для своей тайной полиціи. Произволъ и насиліе царствовали и въ Папской области, гдѣ всѣми дѣлами заправляли исключительно духовныя лица.



Наполеонъ I на смертномъ одрѣ. По соврем. литографіи.

Переходъ отъ французскаго владычества къ этимъ невозможнымъ порядкамъ былъ крайне тяжелъ для лучшей части итальянскаго народа. Ненависть къ иноземцамъ—французамъ и «нѣмцамъ» (т.-е. австрійцамъ)—перешла въ чувство озлобленія противъ угнетателей и насильниковъ вообще. По всей Италіи распространились тайные патріотическіе союзы для освобожденія и объединенія націи, и между ними наибольшею популярностью пользовалось общество «карбонаріевъ» («угольщиковъ», названныхъ такъ вѣроятно потому, что они собирались въ лѣсахъ у костровъ) нѣчто въ родѣ секты, родственной масонамъ и напоминающей ихъ по организаціи. Въ союзъ карбонаріевъ вербовались члены изъ разныхъ классовъ населенія; ихъ было много и въ арміи, и они встрѣчались даже среди духовенства. Лѣтомъ 1820 года данъ былъ сигналъ къ возстанію во имя короля и конституціи, при участіи войска Фердинандъ согласился подписать и обнародовать предложенную ему готовую испанскую конституцію, которой еще незадолго предъ тѣмъ присягалъ по своему званію испанскаго инфанта. Вызванныя этимъ рѣшеніемъ народныя ликованія въ Неаполѣ были однако нарушены кровавымъ возстаніемъ въ Палермо, которое вскорѣ было подавлено. Засѣданія парламента открылись съ большимъ торжествомъ въ Неаполѣ, въ началѣ октября. Король принесъ присягу въ соблюденіи дарованныхъ народу правъ и вольностей. Палата принялась за работу, чтобы искоренить старинныя злоупотребленія и поправить финансы; но иллюзія общаго примиренія и благополучія продолжалась недолго. Австрія встревожилась и поспѣшила дѣйствовать, такъ какъ волненія грозили уже ея ломбардо-венеціанскимъ землямъ. По предложенію Меттерниха, государи Австріи, Россіи и Пруссіи собрались въ Троппау для обсужденія неаполитанскихъ дѣлъ; королю было послано приглашеніе явиться на конгрессъ въ Лайбахъ (Люблянъ), чтобы совмѣстно обдумать и установить мѣры для обуздания революціи. Перетъ отъѣзломъ король обратился къ парламенту съ посланіемъ, въ которомъ обязался защищать на конгрессѣ

рака своего народа; а въ мартѣ 1821 года австрійская армія неудѣдоносно вступала въ Неаполь, при мертвомъ молчаніи населенія. Фердинандъ вернулся съ жаждою мести и сталъ жадно съ австрійцами очищать страну отъ патріотовъ и вольнодумцевъ; приговоры къ смертной казни постановлялись простыми полицейскими приказами; до восьмисотъ человѣкъ погибло, множество томилось въ заключеніи, другіе успѣли бѣжать за границу. Тѣмъ временемъ Австрія расправлялась съ Піемонтомъ, гдѣ также провозглашена была испанская конституція, при участіи молодого принца Карпьянскаго, ближайшаго родственника короля; Викторъ-Эмануилъ I отрекся отъ престола въ пользу своего брата Карла-Феликса, находившагося въ отсутствіи, а назначенный регентомъ принцъ Карпьянскій удалился въ австрійскій лагерь, оставивъ своихъ сообщниковъ на произволъ судьбы. Въ апрѣлѣ 1822 года революціонное движеніе въ Піемонтѣ было вполнѣ подавлено. Аресты и казни обрушились и на Ломбардо-Венецію; всякое выраженіе сочувствія къ пострадавшимъ соплеменникамъ признавалось политическимъ преступленіемъ. Итальянская нація опять какъ будто перестала существовать.

Державы «священнаго союза» успокоились насчетъ Италіи и направили свои заботы на Испанію, гдѣ вспыхнувшія волненія побудили короля Фердинанда VII принять возстановленную конституцію 1812 года, которая показалась столь соблазнительною итальянцамъ. Противъ испанскихъ конституціоналистовъ поручено было дѣйствовать «христіаннѣйшему» королю Франціи, согласно постановленію Веронскаго конгресса 1822 г.: французская армія, подъ предводительствомъ сына короля, герцога Ангулемскаго, исполнила свою задачу, вернула власть іезуитамъ и придворнымъ фаворитамъ, и съ гордымъ сознаніемъ побѣды возвратилась на родину. Одна только Англія держалась въ сторонѣ отъ этихъ охранительныхъ предпріятій; но на материкѣ Европы Меттернихъ былъ несомнѣннымъ властелиномъ, благодаря безкорыстному содѣйствію Россіи.

Король Людовикъ XVIII.

Когда греки поднялись въ 1821 году противъ невыносимаго турецкаго ига и посланные ими делегаты обращались къ державамъ съ просьбою о защитѣ, то имъ отвѣчено было, что европейскіе кабинеты «рѣшили противиться бунту, гдѣ бы онъ ни происходилъ». Правительства, вдохновляемыя Меттернихомъ, безучастно смотрѣли на избіенія христіанъ въ Греціи и въ самомъ Константинополѣ, гдѣ престарѣлый греческій патріархъ былъ схваченъ при выходѣ изъ церкви, въ праздникъ Пасхи, и повѣшенъ на воротахъ своего дома; многіе епископы и священники имѣли такую же участь, и страшныя звѣрства безпрепятственно совершались турками въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не вызывая никакого вмѣшательства со стороны членовъ «священнаго союза»,—ибо, по толкованію Меттерниха, «священный союзъ» могъ дѣйствовать только противъ народовъ, а не въ защиту ихъ. Греки, возставшіе противъ турокъ, были бунтовщики, и истребленіе ихъ съ женами и дѣтьми за непокорность турецкому султану вполнѣ соотвѣтствовало общимъ принципамъ Меттерниха. Возстаніе охватило Морею и острова Архипелага; на Хіосѣ турецкій паша велѣлъ умертвить болѣе двадцати тысячъ мирныхъ жителей, послѣ чего грекамъ удалось взорвать на воздухъ турецкій адмиральскій корабль, на которомъ находился виновный паша (1822 г.). Въ Морѣ борьба велась съ перемѣннымъ счастьемъ: греки сражались съ мужествомъ отчаянія, но терпѣли неудачи вслѣдствіе недостатка единства въ управленіи и командованіи. Султанъ призвалъ на помощь своего могущественнаго вассала, египетскаго пашу Мегемеда-Али, который тотчасъ же лишилъ часть своего флота къ Кандіи, а остальныя силы—къ Морѣ. Кандія была опустошена огнемъ и мечомъ: та же судьба постигла и полуостровъ Морею, несмотря на героическое сопротивленіе грековъ. Въ апрѣлѣ 1826 года турецко-египетскія войска взяли Миссолонги и истребили всѣхъ обитателей города; турки направились противъ Аѳинъ.

По политика Меттерниха была тогда уже безсильна въ дѣлахъ Востока. Кровопролитная война грековъ за освобожденіе тянулась слишкомъ долго, вопреки ожиданіямъ дипломатіи, и возбуждала все большее сочувствіе въ западно-европейскихъ государствахъ, особенно въ Англіи: поэзіи Байрона, Мануэлы и Бацариса увлекали умы, напоминая о прошломъ величіи народа, отданнаго на растерзаніе мусульманскимъ полчищамъ. Британскій первый министръ Каннингъ, смѣнившій въ 1822 г. лорда Кэслри, обнаруживалъ готовность вступиться за Грецію и нашелъ благопріятную для этого почву въ измѣнившемся настроеніи русскаго правительства, по случаю перемѣны царствованія. Въ 1827 году состоялось между Англіею, Россіею и Франціею соглашеніе о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи, съ цѣлью добиться отъ нея перемирія для переговоровъ о дальнѣйшемъ устройствѣ Греціи. Такъ какъ султанъ отклонилъ вмѣшательство державъ во внутреннія «домашнія» дѣла своей имперіи, то пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Въ гавани Наварина сосредоточилось 130 турецко-египетскихъ кораблей, въ томъ числѣ 89 военныхъ судовъ съ 2438 орудіями, готовясь нанести окончательный ударъ истощенному непріятелю. Въ октябрѣ 1827 года этотъ могущественный флотъ былъ почти совершенно уничтоженъ соединенными эскадрами союзниковъ, подъ общимъ начальствомъ англійскаго адмирала Кодрингтона. Наваринская битва была явнымъ отступленіемъ отъ политики, которая такъ послѣдовательно проводилась въ Италіи и Испаніи: вмѣсто того, чтобы помочь туркамъ раздавить «бунтовавшую» Грецію, державы спасли ее отъ законной власти султана. Послѣ неудачнаго президентства бывшаго русскаго министра, графа Каподистрія, освобожденная часть Греціи признана была независимымъ королевствомъ (въ 1830 г.), причемъ дипломатія постаралась еще отдѣлить отъ ея территоріи злосчастную Кандію и вновь передать ее въ турецкія руки. Первымъ греческимъ королемъ назначенъ баварскій принцъ Оттонъ, царствовавшій съ 1833 года до своего отреченія въ 1862 году; затѣмъ выбранъ былъ на его мѣсто сынъ датскаго наслѣдника престола, Георгъ, правящій и понынѣ. Полному и цѣлесообразному разрѣшенію греческаго вопроса мѣшали узкія соображенія политическаго соперничества: при преемникѣ Каннинга, герцогѣ Веллингтонѣ (съ 1827 г.), западные кабинеты, съ Англіею во главѣ, считали сохраненіе могущественной Турціи необходимымъ противовѣсомъ возрастающему на Востокѣ русскому вліянію, которое нашло бы новый для себя опытъ въ сильной и единой Греціи. Между тѣмъ русское вліяніе возрастало именно потому, что христіанскія народности оставались подъ гнетомъ враждебнаго имъ мусульманства и вынуждены были возлагать всѣ свои надежды на единовѣрную Россію.

Грекофильское движеніе въ Европѣ («филь-эллины») было косвеннымъ протестомъ противъ внутренняго политическаго застоя въ большинствѣ государствъ: оно дало поводъ защищать національныя права, хотя и чужія, возмущаться произволомъ и угнетеніемъ, взывать къ чувствамъ справедливости и свободы. Бездушіе дипломатіи открывало выходъ общественному негодованію противъ системы, связанной съ именемъ Меттерниха.

Система Меттерниха имѣла надежныхъ союзниковъ въ высшихъ привилегированныхъ классахъ, которымъ она обезпечивала исключительное господство и процвѣтаніе насчетъ остальнаго населенія. Аристократія царила въ крупныхъ и мелкихъ монархіяхъ, вызывая явное или скрытое недовольствіе городскихъ сословій, представителей торговли и промышленности, дѣятелей такъ-называемыхъ либеральныхъ профессій. Но развитіе крупной промышленности, богатства и образованія въ среднихъ слояхъ общества стѣсняло такіе тяжкіе щиты съ начала столѣтія, что односторонне владычество землевладѣльческой и придворной аристократіи оказывалось уже невозможнымъ. Образованная и зажиточная буржуазія все сильнѣе и рѣзче возстаетъ противъ злоупотребленій аристократическаго

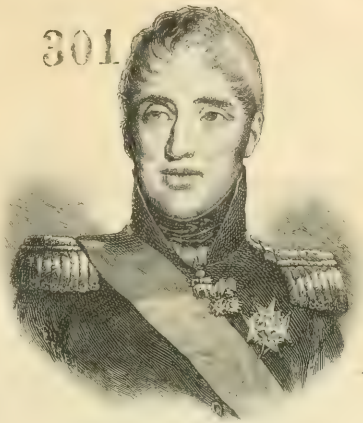
режима, она требуетъ реформъ и становится повсюду опорою либеральной оппозиціи. Преимущество умственныхъ силъ, энергіи и богатства было на сторонѣ буржуазіи, и высшіе классы могли успѣшно бороться съ нею только до тѣхъ поръ, пока имѣли за себя государственную власть.

Во Франціи государство находилось до 1830 г. всецѣло въ рукахъ аристократіи. Возстановленный союзниками домъ Бурбоновъ разсматривалъ весь періодъ революціи и имперіи какъ бы не существовавшимъ. Считалось, что послѣ смерти Людовика XVI вступилъ на престолъ его сынъ, Людовикъ XVII, умершій десяти лѣтъ отъ роду въ тюрьмѣ въ 1795 г.; тронъ перешелъ затѣмъ къ его дядѣ, брату убитаго короля, Людовику XVIII, который при паденіи Наполеона успѣлъ уже номинально процарствовать девятнадцать лѣтъ. Бурбоны какъ будто продолжали царствованіе, начатое давно и совершенно не принимали въ расчетъ всѣхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ странѣ съ 1789 года. Король вернулся въ свой «добрый городъ Парижъ» въ сопровожденіи союзныхъ арміи, какъ бывшій временно въ отсутствіи отецъ семейства; онъ обѣщалъ своимъ подданнымъ забвеніе прошлаго, даровалъ имъ либеральную конституціонную хартію, и проявлялъ вообще самыя лучшія намѣренія. Возвратившіеся съ нимъ эмигранты не раздѣляли его гуманизма, они жаждали возмездія, добивались искорененія всякихъ слѣдовъ революціи и преобразованій, дѣйствительныхъ возвратить къ прошлому. Во главѣ этихъ крайнихъ реакціонеровъ [illegible] наслѣдникъ престола, 57-лѣтній братъ безбѣднаго короля, графъ Артуа. Бурбоны восторжествовали послѣ «ста дней»; обѣщанныя свободы были отмѣнены или сильно ограничены; [illegible] расправа съ измѣнниками, въ числѣ которыхъ были [illegible] Наполеоновскіе генералы, какъ напримѣръ, маршалъ Ней, разстрѣлянный въ 1815 году по приговору палаты перовъ. Выборная палата, выполняемая администраціи строго-монархическая палата депутатовъ, служила своимъ усердіемъ названіе «chambre introuvable»; она была слишкомъ реакціонною даже для правительства, почему и была распущена въ 1816 году. Кромѣ крупныхъ землевладѣльцевъ и высшаго духовенства допущены были къ участію въ парляментскихъ выборахъ и представители капитала, платящіе не менѣе 300 франковъ прямого налога въ годъ; были избираемыми въ депутаты могли только плательщики тысячи франковъ налога, общее число избирателей составляло на всю Францію около 17 [illegible] тысячъ человѣкъ. Но и этотъ избирательный законъ [illegible] противорѣчіемъ слишкомъ большою уступкою средневѣковому классу и служилъ предметомъ ожесточенныхъ нападеній и споровъ. Главою министерства въ 1815—1818 гг. былъ герцогъ Ришелье, служившій раньше въ Россіи, въ Одессѣ, и пользовавшійся личнымъ расположеніемъ и покровительствомъ императора Александра I; затѣмъ, послѣ непродолжительнаго управленія умѣреннаго герцога Деказа, онъ опять получилъ власть въ 1820 году, когда убитъ былъ фанатикомъ Лувелемъ старшій сынъ наслѣдника престола, графа Артуа, герцогъ Беррійскій. По этому случаю приняты были новые ограничительные законы противъ печати, противъ личныхъ и избирательныхъ правъ обывателей. Будущность династіи представлялась обезпеченной, съ рожденіемъ у герцогини Беррійской сына, герцога Бордосскаго, извѣстнаго впослѣдствіи подъ именемъ графа Шамбора (Генриха V). Съ конца 1821 года, въ теченіе шести лѣтъ, управлялъ страною кабинетъ де-Виллеля, руководимый партіею ханжей и іезуитовъ; въ 1824 году образовалась и соотвѣтственная палата депутатовъ, почти свободная отъ либерально-буржуазныхъ элементовъ (chambre retrouvée). Людовикъ XVIII умеръ при полномъ торжествѣ единомышленниковъ графа Артуа, и, съ воцареніемъ послѣдняго (1824 г.), во Франціи водворилось откровенное господство «капуциновъ», враждебное всякому умственному движенію и развитію въ обществѣ.

Наваринская битва 20-го октября 1827 г. Съ карт. Ш. Лангуа (Версальская галлерея).

Карлъ X, бывшій графъ Артуа, охранялъ свой тронъ такими мѣрами, которыя отталкивали отъ него лучшую, образованнѣйшую часть населенія и раздражали въ то же время низшіе классы. Несмотря на строгость избирательныхъ правилъ и на энергическія старанія правительства, выборы 1827 года доставили крупное большинство оппозиціи. Кабинетъ де-Виллеля долженъ былъ выйти въ отставку, въ виду такого краснорѣчиваго подтвержденія его несостоятельности и безсилія. Король рѣшился уступить общественному мнѣнію, и въ январѣ 1828 года назначилъ министромъ-президентомъ виконта де-Мартиньяка, склоннаго къ умѣренному либерализму; однако, въ августѣ того же года, прежніе непримиримые принципы взяли верхъ, и министерство передано въ руки князя Полиньяка, человѣка ограниченнаго, но самоувѣреннаго и упрямаго. Палата, выразившая новому кабинету свое недовѣріе, была распущена въ маѣ 1830 года; выборы дали въ результатѣ то же оппозиціонное большинство. Король и его совѣтники прибѣгли тогда къ самовластному измѣненію основныхъ законовъ простыми указами или «ордонансами»: избирательное право превращено въ привилегію крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ, число депутатовъ значительно уменьшено; только-

что выбранная палата распущена, прежде чѣмъ успѣла собраться, и назначены новые выборы: возстановлена цензура для печати. Ордонансами 25-го іюля правительство объявило войну Парижу и культурно-промышленнымъ центрамъ провинціи; произошла трехдневная «іюльская революція» (27—29 іюля), опрокинувшая тронъ Бурбоновъ. Во главѣ движенія становится популярный герцогъ Луи-Филиппъ Орлеанскій, глава младшей линіи королевскаго дома, связанный съ буржуазіею всѣми своими привычками, симпатіями и идеями, такъ же какъ своимъ революціоннымъ прошлымъ. Карлъ X взялъ назадъ роковые «ордонансы» и смѣнилъ Полиньяка, когда было уже слишкомъ поздно. Старый республиканецъ, генералъ Лафайеттъ, начальникъ возстановленной національной гвардіи, и вліятельный депутатъ, банкиръ Лафиттъ, подготовили мирный переходъ власти къ претенденту, который въ ихъ глазахъ былъ «лучшею изъ республикъ». Провозглашенный 31-го іюля временнымъ правителемъ, въ званіи генеральнаго лейтенанта королевства, Луи-Филиппъ былъ черезъ недѣлю выбранъ обѣими палатами «королемъ французовъ» и 9-го августа принесъ требуемую конституціею присягу. Престарѣлый Карлъ X покинулъ замокъ Сенъ-Клу, отрекся отъ престола въ пользу внука, герцога Бордосскаго, и удалился въ Англію, а позднѣе въ Австрію, гдѣ умеръ въ 1836 году въ Герцѣ, 79-ти лѣтъ отъ роду. Незадолго до своего изгнанія Бурбоны имѣли нѣкоторое утѣшеніе видѣть успѣхъ единственнаго изъ своихъ внѣшнихъ предпріятій, — если не считать похода 1823 года въ Испанію отъ имени «священнаго союза»: въ 1830 году французскія войска заняли Алжиръ. Роялисты не дождались только побѣды надъ собственнымъ народомъ, съ которымъ напрасно воевали во все продолженіе «реставраціи»; и вмѣсто того, чтобы достигнуть осуществленія своего идеала замкнутой аристократической монархіи, они очистили почву для владычества ненавистной имъ буржуазіи.



Карлъ X, король французскій.
Портретъ работы Шарля Дюшенъ.

Политическая исторія Франціи въ эпоху реставраціи исчерпывалась непрестанною внутреннею борьбою между врагами и приверженцами конституціонной хартіи, дарованной Людовикомъ XVIII и подтвержденной Карломъ X. Это была вмѣстѣ съ тѣмъ борьба между придворною аристократіею и средними классами, между старою дореволюціонною Франціею и новою, выросшею и окрѣпшею въ періодъ республики и имперіи. Все, къ чему стремились оппозиціонные элементы, не шло далѣе точнаго соблюденія хартіи,- тогда какъ крайніе охранители возставали противъ добросовѣстнаго исполненія данныхъ обѣщаній, вовлекая власть въ двусмысленную игру съ конституціею при помощи искусственныхъ обходовъ и произвольныхъ частичныхъ нарушеній. Тѣмъ не менѣе, парламентъ, хотя и ограниченный, доступный для небольшой привилегированной части общества, представлялъ постоянное, признанное всѣми учрежденіе, гдѣ свободно раздавалось публичное слово и гдѣ общіе вопросы внутренней политики и самыя основы парламентаризма обсуждались принципіально, съ различныхъ точекъ зрѣнія. Истолкованіе и защита конституціонной хартіи возвышали дѣятелей оппозиціи на степень бойцовъ за право и законность. Французское конституціонное право было выработано въ стройную практическую систему во время реставраціи, въ трудахъ Бенжамена-Констана и его единомышленниковъ. Политическое краснорѣчіе находило широкій просторъ въ парламентскихъ преніяхъ, которыя вращались около идей и принциповъ, внѣ прямой связи съ партійными счетами и интересами. Въ этомъ смыслѣ эпоха реставраціи была періодомъ блестящаго «идейнаго» развитія французскаго парламентаризма. Конституція, скроенная по англійскому образцу, съ двумя палатами, самымъ существованіемъ своимъ вносила жизнь или подобіе жизни въ государственный механизмъ тогдашней Франціи. Хартія была лозунгомъ оппозиціи, во имя хартіи волновался и возставалъ народъ, и Луи-Филиппъ побѣдилъ только благодаря общему убѣжденію, что при немъ «хартія будетъ истинною». Если бы Бурбоны способны были руководиться потребностями государства и народа, а не стремленіями и интересами горсти озлобленныхъ аристократовъ-эмигрантовъ, то французская монархія утвердилась бы на твердыхъ началахъ законности, подвергаясь постепеннымъ преобразованіямъ и измѣненіямъ, вызываемымъ обстоятельствами, безъ переворотовъ и скачковъ. Тогда не было бы ни іюльской революціи, ни позднѣйшихъ превратностей въ исторіи Франціи.

Реставрація имѣла всѣ шансы успѣха: къ ея услугамъ были талантливые, выдающіеся люди—ораторы, публицисты, писатели,—но она превращала ихъ въ враговъ и ставила надъ ними надменныя ничтожества, которымъ ввѣряла судьбу страны. Шатобріанъ могъ быть министромъ только благодаря своему фантазерству. Въ палатѣ, въ рядахъ оппозиціи, выдвигались Ройе-Колларъ, Казиміръ Перье; въ литературѣ дѣйствовали проповѣдникъ Ламеннэ, историкъ Огюстенъ Тьерри, экономисты Сэй и Сисмонди, сатирикъ и юмористъ Поль-Луи Курье, поэты: Ламартинъ, Беранже, Викторъ Гюго; тогда же начинали свою политическую карьеру Гизо и Тьеръ; знаменитый Сенъ-Симонъ закончилъ изложеніе своей соціалистической доктрины: Шарль Фурье создалъ свою теорію коммунизма. Крупная промышленность одерживала свои первыя побѣды. Притязаніе подчинить іезуитской опекѣ эти сильныя и бодрыя поколѣнія, столь богатыя талантами и энергіею, заранѣе опредѣляло участь монархіи Бурбоновъ.

Луи Филиппъ, герцогъ Орлеанскій.
Портретъ работы Винтерхальтера.

Парижская революція 1830 года произвела полное впечатлѣніе въ Европѣ: съ одной стороны она встревожила кабинеты и возбудила мысль о измѣнительствѣ, съ другой нашла сочувственный отголосокъ въ передовыхъ классахъ общества и усилила надежды на освобожденіе отъ гнета системы Меттерниха. Но во Франціи революція какъ опять уступила мѣсто новой монархіи, что державы не усиліи измѣниться и затѣмъ поневолѣ примирились съ совершившимся фак-

томъ. Появленіе буржуазно-либеральнаго «короля французовъ», взамѣнъ наслѣдственнаго «короля Франціи и Наварры», нанесло ударъ «священному союзу», устранивъ изъ его состава Францію и заставивъ его признать монархію новаго революціоннаго типа и происхожденія. Начало «легитимности» или законности власти потерпѣло непоправимый ущербъ, тѣмъ болѣе, что примѣръ французовъ вызвалъ подражаніе въ другихъ странахъ.

Прежде всего откликнулась сосѣдняя Бельгія, произвольно присоединенная вѣнскимъ конгрессомъ къ Голландіи подъ властью Оранскаго дома, въ интересахъ политическаго равновѣсія. Бельгійцы не желали подчиняться чуждымъ имъ по вѣрѣ и языку голландцамъ, но не могли добиться автономіи; а попытки короля Вильгельма покорить ихъ военною силою окончились неудачею. Въ августѣ 1830 года произошли въ Брюсселѣ безпорядки, которые мало-по-малу разрослись и пріобрѣли характеръ общаго національнаго движенія; собравшійся въ ноябрѣ всегда послушный внушеніямъ Меттерниха, вынужденъ былъ на этотъ разъ подтвердить справедливость обвиненій, выставленныхъ противъ герцога, и признать его полную неспособность къ государственнымъ дѣламъ. Герцогъ Карлъ удалился и умеръ въ Женевѣ, оставивъ городу часть своего громаднаго состоянія подъ условіемъ постановки ему роскошнаго памятника. Брауншвейгъ получилъ представительныя учрежденія, точно такъ же, какъ курфюршество Гессенское, Саксонія (1831) и Ганноверъ (1833 г.). Германскій союзный сеймъ и созванная Меттернихомъ въ 1834 году конференція министровъ въ Вѣнѣ издавали суровыя постановленія, съ цѣлью сохранить и упрочить старые порядки; правительства Бадена, Вюртемберга и Баваріи вновь поддались разлагающему австрійскому вліянію; въ Ганноверѣ конституція 1833 года была взята обратно въ 1837 году. Въ Пруссіи сдерживаемыя національныя стремленія поощрялись по крайней мѣрѣ въ экономической области; съ 1828 до 1836 года состоялся рядъ

Бомбардированіе Алжира французскимъ флотомъ, 3 іюля 1830 года.
По картинѣ, находящейся въ версальской національной галереѣ.

конгрессъ провозгласилъ независимость Бельгіи и въ іюнѣ слѣдующаго года избралъ королемъ принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго. Голландскія войска вторглись тогда въ Бельгію, но были остановлены военнымъ вмѣшательствомъ Франціи и Англіи (1832 г.); король Вильгельмъ только въ маѣ 1833 г. согласился подписать предварительный миръ, послѣ чего международное положеніе бельгійскаго королевства было окончательно установлено Лондонскимъ договоромъ 1839 года. Леопольдъ I, женатый на дочери Луи-Филиппа и прихожанинъ дѣдушкой наслѣдницѣ англійскаго престола, принцессѣ Викторіи (позднѣе королевѣ), составилъ себѣ репутацію образцоваго конституціоннаго правителя, къ которому иноземные государи нерѣдко считали нужнымъ обращаться за совѣтами въ трудныхъ случаяхъ; онъ царствовалъ мирно до самой своей смерти (1865 г.).

Въ Германіи замѣтнѣе гораздо болѣе волненіе въ сѣверныхъ государствахъ, чѣмъ въ южныхъ: послѣднія имѣли уже въ дѣйствительности представительныя народныя представительства, а въ первыхъ существовали только сеймы высшихъ сословій, съ совѣщательнымъ голосомъ. Въ Брауншвейгѣ сами высшія сословія возмутились противъ расточительнаго герцога Карла и въ сентябрѣ 1830 года передали управленіе брату его принцу Вильгельму; союзный сеймъ въ Франкфуртѣ, таможенныхъ соглашеній, связывавшихъ второстепенныя нѣмецкія государства съ Берлиномъ, и усиліями прусской политики создался обширный таможенный союзъ, послужившій ядромъ, изъ котораго выросло впослѣдствіи прусско-германское единство.

Смерть короля Фридриха-Вильгельма III, царствовавшаго 42 года, вызвала нѣкоторое оживленіе въ политической жизни Пруссіи; преемникъ его, Фридрихъ Вильгельмъ IV, одаренный умомъ и воображеніемъ, возбуждалъ надежды, которыя однако не осуществились. Проникнутый романтическими средневѣковыми взглядами, онъ не могъ примириться съ новыми условіями и требованіями государственнаго быта и смотрѣлъ на бюрократію, какъ на единственное законное орудіе управленія. Вмѣсто выборнаго представительства, онъ устроилъ съѣзды особыхъ комиссій провинціальныхъ земско-сословныхъ сеймовъ для совмѣстныхъ совѣщаній въ Берлинѣ, чѣмъ далеко не удовлетворялось общественное мнѣніе. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, онъ обнародовалъ 3-го февраля 1847 года королевскій патентъ, которымъ созывалъ «соединенный земскій сеймъ» изъ двухъ курій; въ апрѣлѣ, при открытіи сейма, онъ произнесъ замѣчательную рѣчь, въ которой не допускалъ мысли о томъ, чтобы «естественное от-

ношеніе между королемъ и народомъ замѣнялось искусственнымъ, основаннымъ на договорѣ», и чтобы «между Господомъ Богомъ и страною былъ поставленъ клочокъ бумаги, въ видѣ второго Провидѣнія»,—а такъ какъ большинство депутатовъ не раздѣляло этихъ воззрѣній, то въ іюнѣ того же года сеймъ былъ закрытъ.

И въ Германіи, какъ и во Франціи, правительства имѣли предъ собою могучее умственное движеніе, выражавшееся въ необыкновенномъ обиліи талантовъ въ разныхъ областяхъ литературы: философія Гегеля, съ ея идеею неудержимаго прогрессивнаго развитія, распространяла изъ Берлина свое владычество надъ умами; насмѣшливо-меланхолическая поэзія Гейне, остроумные памфлеты Берне, смѣлые историческіе очерки Карла Роттека, блестящіе философско-публицистическіе труды Давида Штрауса и Бруно Бауера, работы Гервинуса, братьевъ Гриммовъ и многихъ другихъ,—все это составляло слишкомъ рѣзкій контрастъ съ однообразіемъ и бѣдностью тѣхъ оффиціальныхъ рамокъ, въ которыя втискивалась жизнь нѣмецкаго общества. Это противорѣчіе между національнымъ ростомъ и правительственною рутиною обрекало Германію на дальнѣйшія волненія и смуты.

Въ самой Австріи, гдѣ правилъ князь Меттернихъ, система всеобщаго безправія нарушалась только существованіемъ венгерскаго сейма, созваннаго въ 1825 году послѣ 14-ти лѣтняго перерыва; съ мадьярами нельзя было справиться такъ легко, какъ съ другими народностями имперіи. Мѣстные сеймы отдѣльныхъ провинцій имѣли чисто-сословный характеръ и не пользовались никакимъ вліяніемъ на ходъ государственной жизни. Императоръ Францъ II, царствовавшій съ 1792 года, былъ человѣкъ ничтожный и безхарактерный; послѣ его смерти въ 1835 году положеніе ни въ чемъ не измѣнилось, такъ какъ сынъ и преемникъ его, Фердинандъ I, обладалъ подобными же качествами и оставлялъ всю власть въ рукахъ Меттерниха.

Казиміръ Перье.
Портретъ работы Герзана, грав. Дельпечъ.

Особенно чувствителенъ былъ австрійскій гнетъ для Италіи, гдѣ сознаніе національнаго раздробленія и придавленности усложнялось невыносимыми порядками управленія въ различныхъ областяхъ и государствахъ, начиная съ Папской области. Папа Пій VIII, смѣнившій Льва XII (1823—29), дѣйствовалъ въ духѣ своего предшественника, поддерживая исключительное господство духовенства и жестоко преслѣдуя оппозицію; онъ умеръ въ ноябрѣ 1830 года, когда вѣсть о парижской іюльской революціи успѣла уже взволновать умы въ Италіи. «Карбонаріи» надѣялись на поддержку Франціи, въ виду обѣщанія короля Луи-Филиппа не допустить посторонняго (т. е. австрійскаго) вмѣшательства въ итальянскія дѣла. Первая вспышка произошла въ Моденѣ. Въ Болоньѣ, въ церковныхъ владѣніяхъ, образовалось временное правительство, и созванъ былъ парламентъ для обсужденія конституціи «соединенныхъ итальянскихъ провинцій». Парма присоединилась къ общему національному движенію, и герцогиня Марія-Луиза, вдова Наполеона I, удалилась въ Піаченцу. Почти вся Папская область, за исключеніемъ Рима, охвачена была возстаніемъ; въ неудавшемся походѣ на Римъ участвовали и два сына бывшаго голландскаго короля, Людовика-Бонапарта, изъ которыхъ старшій умеръ затѣмъ отъ болѣзни, по дорогѣ въ Анкону, а младшій, впослѣдствіи императоръ французовъ, успѣлъ спастись только благодаря энергіи своей матери, королевы Гортензіи. Тѣмъ временемъ новый папа, Григорій XVI, ожидалъ прихода австрійскихъ войскъ, не обращая вниманія на представленія и протесты Франціи. Австрійцы заняли Парму и Модену. Въ Болоньѣ и въ другихъ мѣстахъ возстановленъ былъ прежній безнадежный порядокъ вещей; папскіе солдаты и добровольцы («санфедисты») свирѣпствовали противъ патріотовъ, совершая грабежи и убійства въ городахъ и мѣстечкахъ. Безчинства приняли такіе размѣры, что австрійцы, покинувшіе уже церковную область, возвратились опять въ началѣ 1832 г. и встрѣчены были населеніемъ, какъ избавители. Франція рѣшилась тогда дѣйствовать съ своей стороны и, въ видѣ противовѣса австрійской оккупаціи, послала военный отрядъ для занятія Анконы; впрочемъ, французскій гарнизонъ, занимавшій этотъ пунктъ до 1838 года, нисколько не мѣшалъ папскому правительству придерживаться суровой и коварной политики усмиренія. Піемонтъ и Неаполь сохраняли на этотъ разъ спокойствіе.

Въ Піемонтѣ волненія сдерживались или предупреждались Карломъ-Феликсомъ, а послѣ его смерти, въ апрѣлѣ 1831 года, со вступленіемъ на престолъ Карла-Альберта, принца Кариньянскаго, возникли нѣкоторыя слабыя надежды на лучшее будущее. Нерѣшительный, колеблющійся по характеру, въ молодости сначала заодно съ карбонаріями, потомъ отрекшійся отъ нихъ, участникъ французскаго похода противъ испанскихъ либераловъ, преданный церкви и іезуитамъ, но въ то же время врагъ Австріи, мечтавшій о возвышеніи Сардиніи и Савойскаго дома путемъ присоединенія Ломбардіи и Венеціи, новый сардинскій король долженъ былъ одновременно бороться противъ крайностей «санфедизма» и противъ увлеченій партіи «Молодой Италіи», основанной въ 1832 году генуэзцемъ Джузеппе Мадзини (род. 1806 г.). На призывъ Мадзини посвятить себя великому дѣлу національнаго единства и независимости Италіи, Карлъ-Альбертъ отвѣчалъ преслѣдованіями и казнями; самъ Мадзини, жившій за границей, былъ приговоренъ заочно къ «позорной смерти». Мадзинисты предприняли вторженіе въ Савойю, въ февралѣ 1834 года, но ихъ небольшіе отряды были разсѣяны, и большинству участниковъ удалось скрыться; въ числѣ послѣднихъ былъ молодой морякъ изъ Генуи, Джузеппе Гарибальди (род. 1807 г.). Броженіе умовъ усиливалось; талантливые писатели сопоставляли прошлое величіе Италіи съ ея жалкимъ современнымъ состояніемъ и возвѣщали необходимость самоотверженной борьбы за поруганную честь и свободу итальянскаго народа. Рано умершій поэтъ Леопарди, романистъ Гверацци, Джузеппе Джусти, Чезаре Бальбо, Винченто Джоберти, маркизъ Массимо д'Азеліо, придавали блескъ литературѣ, раскрывая передъ обществомъ страданія и бѣдствія Италіи. Попытка горсти патріотовъ, съ братьями Бандіера во главѣ, поднять въ 1844 году возстаніе въ Романьѣ, въ церковной области, окончилась казнью попавшихся предводителей и сообщниковъ въ Коленцѣ, и эта гибель людей, сознательно шедшихъ на смерть во имя мечты объ итальянскомъ единствѣ, произвела глубокое впечатлѣніе во всей странѣ и за предѣлами ея. Такой же печальный исходъ имѣла въ слѣдующемъ году попытка революціонеровъ овладѣть городомъ Римини. Карлъ-Альбертъ относился равнодушно къ этимъ патріотическимъ волненіямъ и порывамъ; но онъ по крайней мѣрѣ заботился о надлежащей организаціи арміи и о правильномъ устройствѣ администраціи, такъ что Піемонтъ оставался единственнымъ итальянскимъ государствомъ, подготовленнымъ къ серьезной активной роли въ дальнѣйшихъ судьбахъ Италіи.

Несравненно хуже и безотраднѣе было положеніе дѣлъ въ Неаполѣ или такъ называемомъ королевствѣ обѣихъ Сицилій. Разорительное для народа и постыдное во многихъ отношеніяхъ царствованіе Фердинанда I, продолжавшееся шестьдесятъ пять

лить (1760—1825), создало традиціи, отъ которыхъ не отступали и его достойные преемники — Францискъ I и Фердинандъ II; первый умеръ въ ноябрѣ 1830 года, а второй правилъ до 1859 года. Молодой Фердинандъ II началъ съ того, что въ публичномъ эдиктѣ рѣзко осудилъ своего отца и дѣда, а позднѣе далеко перещеголялъ обоихъ своимъ злобнымъ бездушіемъ: скупой и жадный къ деньгамъ, онъ поощрялъ прямое грабительство для увеличенія своихъ доходовъ, былъ гонителемъ наукъ и просвѣщенія, наполнялъ тюрьмы лучшими людьми своего королевства и пользовался содѣйствіемъ только худшихъ, старался ладить съ іезуитами и пріобрѣлъ незавидную славу подъ кличкою «короля Бомбы».

При всеобщей продажности и произволѣ при повальномъ пресмыкательствѣ народной массы въ богатѣйшихъ отъ природы мѣстностяхъ, главнымъ оплотомъ власти считалась секретная полиція «санфедистовъ», распространявшая сѣть своей организаціи на различныя части Италіи. Шайки отчаянныхъ негодяевъ и бандитовъ набирались съ спеціальною цѣлью выслѣживать и ловить «либераловъ», и эта дѣятельность имѣла характеръ государственной службы, находясь подъ особымъ покровительствомъ Австріи и святѣйшаго престола. Вотлавъ этой своеобразной австро-папистской тайной полиціи, получившей наибольшее развитіе въ церковныхъ владѣніяхъ, поставленъ былъ Меттернихомъ герцогъ Моденскій, который такимъ образомъ исполнялъ должность руководителя и начальника сыщиковъ въ Папской области, въ Ломбардіи и Венеціи, въ Пармѣ и отчасти также въ Неаполѣ. Папа Григорій XVI, склонный къ вину и разврату, подчинялся вліянію своего камердинера и брадобрея, жена которого жила въ Ватиканѣ; дѣлами управлялъ кардиналъ Ламбрускини, при которомъ санфедизмъ переходилъ часто въ систематическое разбойничество. Культурная жизнь развивалась въ Италіи только въ великомъ герцогствѣ Тосканскомъ, гдѣ съ 1824 года царствовалъ Леопольдъ II, человѣкъ сравнительно мягкій и осторожный, хотя и поборникъ абсолютизма; но и тамъ чувствовалось разлагающее дѣйствіе папства.

Смерть папы Григорія XVI въ 1846 году была радостнымъ событіемъ для итальянцевъ, тѣмъ болѣе что избранный на его мѣсто кардиналъ Маттео Ферретти принявшій имя Пія IX, пользовался репутаціею гуманнаго и благочестиваго человѣка. Въ томъ же году умеръ герцогъ Моденскій, главный санфедистъ, и тогда же Сардинія впервые начала проявлять признаки самостоятельности по отношенію къ Австріи на почвѣ политическихъ интересовъ. Принципальные люди всего полуострова, тысячами лучшихъ людей заключенные изъ тюремъ, совпадали по времени съ первыми дипломатическими конфликтами между Пьемонтомъ и Австріей и новыя ожиданія патріотовъ Италіи соединялись уже съ именами Карла-Альберта и Пія IX.

Леопольдъ I, король бельгійскій.
Съ натуры писано проф. Крюгеромъ, литографировано Гюбнеромъ.

Внутренняя борьба между народомъ и правящими классами происходила и въ Швейцаріи, несмотря на ея республиканское устройство. Въ большинствѣ швейцарскихъ кантоновъ власть принадлежала немногочисленной городской аристократіи, отъ которой всецѣло зависѣло и центральное союзное правительство; привилегированные роды патриціевъ руководили выборами по своему усмотрѣнію, и масса населенія, особенно сельскаго, была фактически лишена права голоса въ законодательствѣ и управленіи. Патриціи, клерикалы и іезуиты преобладали въ союзномъ собраніи, засѣдавшемъ поочередно въ Бернѣ, Цюрихѣ и Люцернѣ; они господствовали и въ союзномъ совѣтѣ, какъ и въ «большихъ совѣтахъ» отдѣльныхъ кантоновъ. Вражда противъ этой олигархіи возростала въ народѣ; печать требовала равноправности, отмѣны несправедливыхъ привилегій и введенія одинаковаго представительства для всѣхъ гражданъ. Образовались союзы для распространенія идеи о необходимой реформѣ федеральной конституціи; въ Тессинѣ клерикальное правительство было свергнуто въ маѣ 1830 года, и это первое торжество демократіи дало сильный толчокъ общему народному движенію, которое сразу приняло болѣе рѣшительный характеръ подъ вліяніемъ извѣстій о іюльской революціи во Франціи. Тщетно предлагались въ Бернѣ обычныя мѣры противъ свободы печати и дѣлались призывы къ другимъ кантонамъ для защиты существующаго строя отъ незаконныхъ посягательствъ; эти увѣщанія и ограничительныя попытки были по существу безплодны и только раздражали оппозицію. Почти во всѣхъ кантонахъ устраивались учредительныя собранія, и одобренные ими проекты большею частью утверждались народомъ. Въ теченіе 1831 года многіе кантоны измѣнили такимъ образомъ свое устройство, съ значительнымъ расширеніемъ правъ сельскихъ избирателей; а тамъ, гдѣ аристократія пыталась оказать сопротивленіе, какъ въ Фрейбургѣ, Бернѣ, Базелѣ, Шашфѣ и Баллисѣ, разыгрывались кровавыя сцены, кончавшіяся побѣдою прогрессистовъ. Въ Базелѣ «большой совѣтъ» города предпочелъ допустить отпаденіе сельскихъ округовъ, лишь бы избавиться отъ ихъ требованій; тогда возникли два полу-кантона — «Базель-городъ» и «Базель-сельскій». Въ нѣкоторыхъ кантонахъ сохранилось старое устройство, и они, въ союзѣ съ консерватизмомъ и нейтральными, добились отклоненія вопроса о пересмотрѣ федеральной конституціи, внесеннаго въ союзное собраніе 1833 года. Горячіе споры вызывались также стремленіями либеральной партіи подчинить церковь государству, изгнать іезуитовъ и употребить монастырскія имущества на общеполезныя цѣли; принятое въ этомъ смыслѣ рѣшеніе въ Аргау, въ 1841 году,

возбудило настоящую религіозную войну, причемъ клерикалы не разъ прибѣгали къ оружію. Семь католическихъ кантоновъ, съ Люцерномъ во главѣ, образовали въ 1846 году отдѣльный союзъ («Sonderbund») для защиты отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, такъ что Швейцарія формально распалась на два враждебныхъ лагеря; союзное собраніе въ Бернѣ, гдѣ большинство принадлежало либеральнымъ кантонамъ, постановило расторгнуть этотъ союзъ, какъ несовмѣстимый съ актомъ федераціи. Кабинеты вѣнскій, берлинскій и парижскій не успѣли своевременно поддержать дѣло «Зондербунда»; войска послѣдняго были разбиты, и въ ноябрѣ 1847 года клерикальные кантоны должны были подчиниться. Въ 1848 году состоялось преобразованіе швейцарскаго союза на новыхъ началахъ; совѣтъ изъ представителей отдѣльныхъ кантоновъ, вмѣстѣ съ «національнымъ совѣтомъ» изъ выборныхъ депутатовъ, составляетъ союзное собраніе, которое избираетъ высшее правительственное учрежденіе Швейцаріи—союзный совѣтъ и его президента. Позднѣйшія конституціонныя перемѣны расширяли непосредственное участіе народа въ законодательствѣ—въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, за народомъ признано было право требовать, чтобы законъ, принятый уже его представителями, былъ подвергнутъ всеобщему голосованію для окончательнаго утвержденія или отклоненія («референдумъ»), и во-вторыхъ, всякое требованіе новаго закона, подписанное извѣстнымъ числомъ гражданъ (50 тысячъ съ 1891 г.), обязываетъ союзное правительство предложить соотвѣтственный законъ для голосованія («инициатива»). Изъ аристократической республики Швейцарія стала демократіею въ полномъ смыслѣ этого слова.

Донъ-Карлосъ. По портрету Магуэса. Литограф. Лассонтеръ.

Самымъ безнадежнымъ было положеніе народа въ Испаніи: худшіе элементы католическаго духовенства, съ іезуитами и инквизиціею, пустили тамъ глубокіе корни и свободно дѣлили власть съ продажною администраціею ханжей, опираясь на искусственно поддерживаемое народное невѣжество и суевѣріе. Клевреты Фердинанда VII жестоко мстили народу за освободительныя войны, возвратившія престолъ Бурбонамъ; страна была доведена до разоренія неслыханными поборами и беззаконіями; въ нѣсколько лѣтъ государственный долгъ увеличился на два милліарда реаловъ, а чиновники не получали жалованья: между офицерами бывали случаи голодной смерти, а правительство затѣвало дорого стоившія экспедиціи для покоренія отпавшихъ южно-американскихъ колоній. Нищенство и разбойничество были болѣе выгодными и покровительствуемыми промыслами, чѣмъ земледѣліе и торговля: тюрьмы наполнялись не преступниками, а патріотами и либералами: арестантовъ послѣдней категоріи насчитывалось уже въ 1816 году свыше пятидесяти тысячъ. Военное возстаніе Рафаэля Рієго въ 1820 году, поднятое во имя отмѣненной королемъ конституціи 1812 года, было послѣднею крупною вспышкою освободительнаго движенія при Фердинандѣ VII. Движеніе было подавлено въ потокахъ крови, при содѣйствіи французской арміи; конституція, торжественно утвержденная королемъ, опять уничтожена, и представительное собраніе (кортесы) упразднено; самъ Рієго замученъ еще до казни; тысячи сочувствовавшихъ ему патріотовъ были преданы смерти. Съ тѣхъ поръ, т.-е. съ 1823 года, безраздѣльно господствовала въ странѣ партія кровожадныхъ и благочестивыхъ хищниковъ.

Населеніе поневолѣ мирилось съ этимъ порядкомъ вещей: оно издавна привыкло смотрѣть на монашество и инквизицію, какъ на орудія Провидѣнія, и между высшими классами было не мало фанатиковъ, которые находили еще Фердинанда VII слишкомъ мягкимъ и уступчивымъ. Гораздо труднѣе было сохранить тотъ же іезуитскій режимъ въ колоніяхъ, гдѣ во время наполеоновскихъ войнъ фактически установилось самоуправленіе отъ имени низложеннаго Франціею законнаго короля. Испанія владѣла обширными и богатѣйшими землями въ Новомъ свѣтѣ (около 250 тысячъ квадратныхъ миль съ 17 милліонами жителей) — и потеряла ихъ, благодаря своей безобразной и упорной политикѣ насилія и угнетенія. Въ Мексикѣ провозглашена была независимость въ 1821 году; сначала водворилась имперія, и потомокъ старой мексиканской династіи, Итурбиде, объявленъ императоромъ подъ именемъ Августина I; но вскорѣ восторжествовали республиканцы, и бѣжавшій-было Итурбиде былъ схваченъ и разстрѣлянъ въ 1824 году. Гватемала освободилась въ 1821 году и образовала союзную республику Центральной Америки. Подъ предводительствомъ энергическаго креола Боливара достигли самостоятельности Венецуэла и Новая Гранада, которыя вмѣстѣ съ Экуадоромъ составили въ 1822 году республику Колумбію. Съ низложеніемъ испанскаго намѣстника въ Буэносъ-Айресѣ, возникли въ 1819 году Соединенные штаты Ла-Платы, называемые также Аргентинскою республикою. Около того же времени, отчасти послѣ тяжелой и кровопролитной

Герцогъ Эспартеро.
Портретъ работы Галофра. Литограф. [illegible]

борьбы, стали независимыми республиками Парагвай, Чили, Перу и Хрутвай. Вся испанская Южная Америка отдѣлилась такимъ образомъ отъ метрополіи, и старыя державы «вы-

ненного союза помочь Испаніи возстановить ея законную монархическую власть за океаномъ не могли имѣть успѣха безъ содѣйствія «владычицы морей», Англіи, которая наконецъ въ 1825 году официально признала независимость новыхъ южно-американскихъ государствъ.

Но ничто не дѣйствовало на правителей Испаніи и на ея высшіе классы, руководимые монашествомъ. Значительная часть населенія, фанатизированная іезуитами, стремилась еще болѣе усилить господство духовенства; основалась новая «апостолическая» партія, возлагавшая свои надежды на инфанта Донъ-Карлоса, брата и наслѣдника бездѣтнаго короля. Но король, вступивъ въ 1829 году въ четвертый бракъ съ Маріей-Христиною, дочерью неаполитанскаго короля, отмѣнилъ установленный съ 1713 года порядокъ престолонаслѣдія, дававшій преимущество боковымъ родственникамъ мужского пола передъ женскимъ потомствомъ, и декретомъ 1830 года утвердилъ «прагматическую санкцію», основанную на старомъ кастильскомъ законѣ, по которому дочери и внучки короля наслѣдуютъ ранѣе его братьевъ и племянниковъ. Донъ-Карлосъ протестовалъ противъ такого нарушенія его правъ и удалился въ Лиссабонъ, къ своему родственнику и единомышленнику Донъ-Мигуэлю. Когда въ октябрѣ 1830 года у короля родилась дочь Изабелла, объявленная тотчасъ же наслѣдницею престола и принцессою Астурійскою, приверженцы Донъ-Карлоса или «карлисты» не скрывали своей рѣшимости отстаивать его права съ оружіемъ въ рукахъ. Три года спустя умеръ Фердинандъ VII, его малолѣтняя дочь сдѣлалась королевою, подъ именемъ Изабеллы II, и управленіе перешло въ руки регентши, Маріи-Христины. Апостолическая партія провозгласила королемъ Донъ-Карлоса V и начала въ сѣверныхъ провинціяхъ Испаніи междоусобную войну, продолжавшуюся цѣлыхъ семь лѣтъ и законченную лишь въ 1840 году маршаломъ Эспартеро, герцогомъ Витторіа. Со стороны карлистовъ прославился неутомимый вождь и организаторъ партизанскихъ отрядовъ, Кабрера. Сторонники Маріи-Христины, или «христиносы», которымъ Англія и Франція оказывали существенную дипломатическую поддержку, въ концѣ концовъ побѣдили; но Донъ-Карлосъ, умершій въ 1855 году въ Тріестѣ, не отрекся отъ своихъ притязаній и передалъ ихъ старшему сыну и наслѣднику, Донъ-Карлосу VI. Карлисты, имѣя за себя часть населенія въ земляхъ басковъ и въ Наваррѣ, періодически возобновляли свои попытки до новѣйшихъ временъ и опустошали страну своими возстаніями и набѣгами.

Гизо. Портретъ работы П. Деларошa.

Среди постоянныхъ междоусобій соперничавшіе между собою военные дѣятели и авантюристы пріобрѣтали исключительную роль въ государствѣ; сама регентша, въ началѣ опиравшаяся по необходимости на либераловъ—«умѣренныхъ» и «крайнихъ», отвращивалась отъ нихъ, когда миновала надобность въ ихъ содѣйствіи противъ карлистовъ. Кортесы часто распускались, права ихъ урѣзывались, и въ разныхъ городахъ происходили возмущенія во имя той же конституціи 1812 года, которая вдохновляла испанскихъ патріотовъ при Фердинандѣ VII. Марія Христина, при своемъ легкомысленномъ образѣ жизни, не внушала довѣрія ни одной изъ партій; въ 1837 году она приняла конституцію только для того, чтобы обойти и нарушить ее, и послѣ новыхъ волненій въ Мадридѣ она вынуждена была передать власть, а затѣмъ и регентство маршалу Эспартеро, который впоследствіи правилъ исполнительно—съ 1840 по 1843 годъ. Смуты не прекращались и съ объявленіемъ совершеннолѣтія юной королевы Изабеллы: бѣжавшая изъ Франціи мать ея, Марія-Христина, не была для нея хорошимъ примѣромъ, при дворѣ любимцы изъ высшихъ офицеровъ замѣняли собою правительство и парламентъ. Гизо, о бракѣ королевы и ея младшей сестры, инфанты Луизы, служилъ предметомъ внѣшней политики не только для Испаніи, но и для Франціи, и французскій министръ Гизо серьезно гордился тѣмъ, что ему удалось въ 1846 году настоять на принятіи своихъ кандидатовъ въ мужья обѣихъ испанскихъ невѣстъ. При Изабеллѣ, какъ и при Маріи-Христинѣ, государство видимо разлагалось и быстро клонилось къ упадку; жизненные интересы населенія не существовали для двора и его фаворитовъ, и поднимавшіеся иногда въ кортесахъ голоса о народныхъ бѣдствіяхъ заглушались обвиненіями въ недостаткѣ патріотизма и официальными фразами о благополучіи.

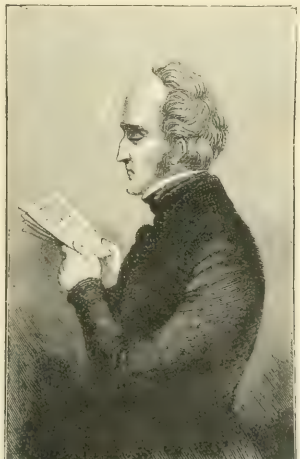
Междоусобія изъ-за королевскихъ и народныхъ правъ раздирали и Португалію. Послѣ наполеоновскихъ войнъ въ странѣ распоряжались англичане; возвратившійся изъ Бразиліи король Іоаннъ обязался въ 1822 году соблюдать конституцію, выработанную кортесами, но встрѣтилъ энергическое сопротивленіе со стороны своего второго сына, Донъ-Мигуэля, который дважды возставалъ противъ него во главѣ войска и отмѣнялъ конституцію. Въ 1826 году король умеръ; старшій сынъ его, Донъ-Педро, былъ еще раньше назначенъ бразильскимъ императоромъ подъ тѣмъ условіемъ, что короны Бразиліи и Португаліи не должны соединяться въ одномъ лицѣ; поэтому онъ объявилъ свою семилѣтнюю дочь Марію да-Глоріа португальскою королевою, призналъ либеральную конституцію и поручилъ своему брату Донъ-Мигуэлю регентство. Донъ-Мигуэль, жившій тогда въ Вѣнѣ и пользовавшійся наставленіями Меттерниха, принесъ требуемую присягу на вѣрность конституціи, но, по прибытіи въ Лиссабонъ въ 1828 г., распорядился по своему—разогналъ кортесы, провозгласилъ себя королемъ и занялся свирѣпою расправою съ приверженцами конституціоннаго правленія; тысячи людей были арестованы, другіе бѣжали за границу, имущества ихъ конфискованы, и въ Португаліи настало царство террора. Тогда Донъ-Педро бросилъ Бразилію и отправился съ дочерью въ Европу; при помощи массы бѣглецовъ и добровольцевъ, собравшихся на Азорскихъ островахъ, ему удалось высадиться въ Опорто, и нѣкоторое время спустя, въ 1833 году, онъ совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Лиссабонъ, при всеобщемъ ликованіи населенія. Донъ-Мигуэль отрекся отъ престола и покинулъ страну; созваны были кортесы, нарушенныя права возстановлены, незаконныя конфискаціи отмѣнены, имущества монашескихъ орденовъ и монастырей признаны собственностью государства. Послѣ смерти Донъ-Педро въ 1834 году королева объявлена совершеннолѣтнею; впослѣдствіи она вышла замужъ за принца Фердинанда Кобургскаго (ум. въ 1885 г.), потомство котораго понынѣ владѣетъ португальскимъ престоломъ. Въ странѣ водворилось сравнительное спокойствіе; въ ней не было уже такихъ потрясеній и хроническихъ неурядицъ, какъ въ сосѣдней Испаніи.

Во всей западной Европѣ образованные классы домогались лучшихъ условій управленія; а правительства, дорожившія болѣе господствомъ, чѣмъ управленіемъ, относились къ этимъ домогательствамъ враждебно, усматривая въ нихъ опасныя покушенія на свои привилегіи и авторитетъ. Во Франціи вопросъ разрѣшился повидимому въ пользу народа, съ воцареніемъ «лучшей изъ республикъ» (по выраженію Лафайетта) въ лицѣ просвѣщеннаго, буржуазнаго Луи-Филиппа, представителя младшей или Орлеанской линіи Бурбоновъ. Іюльская монархія была однако съ самаго начала поставлена въ крайне щекотливое и двусмысленное положеніе; созданная парижскимъ уличнымъ возстаніемъ, она утвердилась безъ общаго народнаго выбора и голосованія и потому не могла добросовѣстно опираться ни на законныя наслѣдственныя права династіи,

ни на верховную волю французскаго народа. Въ сущности Луи Филиппъ былъ возведенъ на престолъ популярнымъ генераломъ Лафайеттомъ, начальникомъ возстановленной національной гвардіи, старымъ борцомъ за свободу въ Америкѣ и во Франціи, и группою вліятельныхъ буржуазныхъ депутатовъ, съ банкиромъ Лафиттомъ во главѣ, при пассивномъ одобреніи или бездѣйствіи непосредственныхъ участниковъ революціи, строителей и защитниковъ баррикадъ на улицахъ Парижа, большею частью республиканцевъ и рабочихъ. Палаты, санкціонировавшія этотъ выборъ, не могли рѣшать что-либо отъ имени народа, такъ какъ, съ точки зрѣнія самихъ единомышленниковъ и приверженцевъ Луи-Филиппа, онѣ являлись только искусственно подобраннымъ представительствомъ привилегированнаго меньшинства и не имѣли вообще полномочій для рѣшенія важныхъ конституціонныхъ вопросовъ. Новая монархія была чѣмъ-то случайнымъ и искусственнымъ; она не чувствовала подъ собою твердой почвы, и это обстоятельство налагало особую печать на все правленіе Луи-Филиппа. Средніе образованные и промышленные классы, составляющіе такъ-называемую буржуазію, были рады избавиться отъ революціонныхъ опасностей посредствомъ удачнаго и скораго установленія либеральной монархической власти: для нихъ былъ истинной находкой такой готовый кандидатъ въ короли, близкій къ Бурбонамъ по крови, но связанный съ оппозиціею всѣми своими симпатіями и традиціями, сынъ казненнаго дѣятеля революціи 1789 года, подавшаго голосъ за казнь родственнаго ему короля, и самъ прошедшій въ молодости школу скромнаго труженика. Луи-Филиппъ былъ и оставался до конца королемъ крупной буржуазіи, не только по своимъ взглядамъ, стремленіямъ и правиламъ, но и по личнымъ привычкамъ и образу жизни. При немъ боязнь народа и особенно рабочихъ превратилась въ политическій принципъ; единственною опорою правительства была богатая и зажиточная часть населенія, жаждавшая безпрепятственной наживы и обезпеченія своихъ интересовъ отъ притязаній низшихъ и неимущихъ классовъ, бездомныхъ городскихъ пролетаріевъ, обычныхъ виновниковъ революцій. Главными министрами Луи-Филиппа были въ первые годы Лафиттъ и Казиміръ Перье, а съ 1832 по 1836 годъ — историкъ-публицистъ Тьеръ и ученый историкъ, профессоръ Гизо, затѣмъ графъ Молѐ, въ 1840 году — опять недолго Тьеръ, и наконецъ до рокового 1848 года, въ теченіе болѣе семи лѣтъ, фактическимъ главою и вдохновителемъ правительства былъ Гизо. На видъ это было парламентское правленіе, при которомъ, какъ говорилъ Тьеръ, «король царствуетъ, но не управляетъ»: въ дѣйствительности король весьма дѣятельно участвовалъ въ управленіи, вліялъ на министровъ и часто расходился съ ними, чѣмъ вызывались кабинетные кризисы помимо рѣшеній палатъ.

Сенъ-Симонъ.

Политика Луи-Филиппа, миролюбивая и сдержанная до трусости въ дѣлахъ внѣшнихъ, была по существу фальшива, но послѣдовательна до упрямства въ дѣлахъ внутреннихъ. Правительственная система его совѣтниковъ основывалась на нѣсколькихъ маленькихъ идеяхъ, обрекавшихъ ее на безсиліе и неминуемое паденіе. Тьеръ и Гизо, соперники въ министерствѣ и въ парламентѣ, одинъ живой, остроумный и находчивый ораторъ, другой — спокойный, убѣжденный доктринеръ, оба признавали своимъ долгомъ употреблять власть и средства государства исключительно на пользу состоятельнаго меньшинства. Неимущее большинство трудящихся разсматривалось, какъ враждебная сила, лишенная правъ на покровительство законовъ. Правительство заранѣе заявляло, что никакихъ мѣръ для охраны рабочихъ отъ эксплуатаціи и произвола хозяевъ оно принимать и допускать не будетъ. Не находя себѣ защиты отъ притѣсненій фабрикантовъ и заводчиковъ, рабочіе часто волновались, устраивали стачки и безпорядки; въ 1831 году произошло въ Ліонѣ серьезное возстаніе рабочихъ въ шелковой промышленности, прекращенное при помощи оружія, съ многочисленными кровавыми жертвами. Послѣдователи Сенъ-Симона, проповѣдывавшіе мысль объ организаціи мирныхъ промышленныхъ общинъ, подверглись судебному преслѣдованію и заключены въ тюрьму за то, что жили совмѣстно, на общинныхъ началахъ, близъ Парижа, подъ руководствомъ Анфантена (1832 г.). Въ мартѣ 1834 года изданъ законъ, запрещавшій всякіе союзы между рабочими и дозволявшій образованіе союзовъ только капиталистамъ, а вслѣдъ затѣмъ, въ апрѣлѣ, вспыхнули сильныя волненія рабочихъ во многихъ промышленныхъ центрахъ Франціи, особенно въ Ліонѣ и Парижѣ. Правительство Луи-Филиппа какъ бы намѣренно заставляло рабочія массы ожидать спасенія отъ революціи и республики; рабочіе невольно сближались съ республиканскою партіею и поддавались вліянію ея вождей и сторонниковъ.



Фурье.

Другою постоянною заботою короля Луи-Филиппа и его министровъ было сохраненіе парламентскихъ правъ только для крупныхъ плательщиковъ податей и обезпеченіе такого состава палатъ, чтобы правительство всегда располагало въ нихъ большинствомъ. При пересмотрѣ конституціи въ 1830 г. избирательный цензъ былъ пониженъ на сто франковъ: участвовать въ выборахъ могли только лица, платившія не менѣе двухсотъ франковъ прямого налога въ годъ, вслѣдствіе чего общее число избирателей доведено было до двухсотъ тысячъ человѣкъ на населеніе въ 34 милліона, т. е. 1/170-я часть населенія представляла собою весь полноправный французскій народъ. На этомъ уровнѣ народнаго представительства упорно стояла іюльская монархія до конца; она не допускала расширенія своего фундамента, изъ недовѣрія къ народнымъ массамъ, которыя, разумѣется, отплачивали ей тою же монетою — недовѣріемъ и враждою. Проекты расширенія избирательныхъ правъ, неоднократно вносившіеся въ палату депутатовъ, съ одинаковою категоричностью отвергались. Весьма скромныя въ сущности реформаторскія требованія оппозиціи сводились къ тому, чтобы въ избиратели допущены были плательщики не менѣе ста франковъ налога въ годъ, а также представители свободныхъ профессій, хотя и не обладающіе имуществомъ и не платящіе прямыхъ налоговъ, — адвокаты, врачи, литераторы. Понятно, что парламентъ былъ всегда расположенъ отстаивать привилегіи своихъ избирателей и возражать противъ реформы, а правительство старалось упрочить это настроеніе палаты при помощи искусственнаго и отчасти незаконнаго воздѣйствія на ея составъ: во-первыхъ, оно сильно вліяло на выборы обѣщаніями разныхъ льготъ и выгодъ избирателямъ, и, во-вторыхъ, оно привлекало депутатовъ на свою сторону раздачею имъ должностей или проводило своихъ чиновниковъ въ депутаты, такъ что въ палатѣ набиралось до двухсотъ членовъ, состоявшихъ на государственной службѣ и слѣдовательно непосредственно зависѣвшихъ отъ министерства.

Оттолкнувъ отъ себя поочередно низшіе слои промышленнаго населенія, массу городскихъ рабочихъ и небогатый образованный классъ, іюльская монархія создала благопріятную почву, съ одной стороны, для развитія соціализма въ самыхъ непримиримыхъ его формахъ, а съ другой — для возрожденія

республиканскихъ идей и стремленій въ народныхъ массахъ. Воспоминанія о революціи, возвысившей династію Луи-Филиппа, были еще слишкомъ живы въ народѣ, чтобы можно было заглушить ихъ одними упорными отказами въ разсмотрѣніи требованій и вопросовъ, волновавшихъ значительную часть французскаго общества. Мысль о новомъ насильственномъ переворотѣ носилась, такъ сказать, въ воздухѣ; заговоры и покушенія на жизнь короля повторялись почти ежегодно. Покушеніе корсиканца Фіески въ 1835 году стоило жизни шестидесяти человѣкамъ: отвѣтомъ правительства было изданіе такъ называемыхъ сентябрьскихъ законовъ, направленныхъ противъ печати и суда присяжныхъ, — хотя печать и присяжные были тутъ ни причемъ. Потерявъ надежду на помощь государства даже въ самыхъ вопіющихъ своихъ нуждахъ и бѣдствіяхъ, рабочіе увлекались новыми ученіями, внушавшими имъ вѣру въ будущее господство всеобщаго равенства и справедливости. Можно сказать, что современный соціальный или рабочій вопросъ впервые получилъ опредѣленную формулировку и обработку въ литературѣ во Франціи временъ Луи-Филиппа. Сочиненія Прудона о «собственности» и Луи-Блана объ «организаціи труда» ясно и краснорѣчиво выставили тѣ основныя требованія и начала, которыми впослѣдствіи вдохновлялись всѣ дѣятели рабочаго движенія. Постепенно усиливавшаяся въ странѣ республиканская партія пользовалась рабочимъ вопросомъ для своихъ политическихъ цѣлей: союзъ рабочихъ съ республиканцами установился прочно къ концу царствованія Луи-Филиппа. Между тѣмъ правительство было довольно результатами своей неизмѣнно-твердой политики: въ 1847 году оно имѣло въ парламентѣ огромное, искусственно составленное большинство, на которое могло, какъ казалось, спокойно опираться въ своихъ мѣрахъ и рѣшеніяхъ. Министерство Гизо и палата депутатовъ отвергли вновь внесенный проектъ избирательной реформы, который на этотъ разъ поддерживался и Тьеромъ. Предположенныя публичныя манифестаціи въ пользу реформы были запрещены. Умѣренная оппозиція, преданная династіи, дала тогда невольный толчокъ возбужденію, доведшій его до взрыва

Луи-Филиппъ покидаетъ Парижъ, 24-го февраля 1848 г.
По литогр. В. Адама и Ж. Анру.

Волненія начались 22-го февраля 1848 года, когда отмѣна назначеннаго оппозиціоннаго банкета вызвала шумныя уличныя сцены въ Парижѣ,—а два дня спустя, монархіи уже не существовало. Отставка Гизо 23-го февраля могла еще остановить революцію; но колебанія и проволочки въ назначеніи новаго министерства не давали успокоиться страстямъ, и только на слѣдующій день были призваны къ власти популярные вожди умѣренной оппозиціи, Одилонъ Барро и Тьеръ,—когда было уже слишкомъ поздно. Сотни тысячъ бѣдняковъ, рабочихъ и мелкихъ буржуа наполняли уже улицы и площади Парижа. Случайный выстрѣлъ, вызвавшій отвѣтный залпъ караульнаго отряда передъ занимаемымъ Гизо домомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, послужилъ сигналомъ къ устройству баррикадъ и къ общему возстанію, съ которымъ не въ силахъ были справиться растерявшіяся военныя власти. Народная толпа завладѣла Пале-Роялемъ и Тюльерійскимъ дворцомъ. Король покинулъ Парижъ; попытка сохранить престолъ для малолѣтняго внука его, подъ регентствомъ герцогини Орлеанской, не имѣла успѣха, несмотря на поддержку парламента. Образовалось временное правительство, при участіи Луи-Блана и представителя рабочихъ, Альбера. 25-го февраля была офиціально провозглашена республика.

Провозглашеніе республики въ Парижѣ, 24-го февраля 1848 г.
По литографіи В. Адама и Ж. Анру.

Внѣшній ходъ этой «февральской революціи» указывалъ какъ будто на ея случайность; говорили, что она была результатомъ недоразумѣнія,— но роковое недоразумѣніе должно

было возникнуть неизбѣжно при систематическомъ раздраженіи лучшей передовой части французскаго общества и при упорномъ взглядѣ на многочисленный рабочій классъ, какъ на непріязненный государству элементъ, относительно котораго никакія уступки невозможны. Докринеры, стоявшіе за неуклонную борьбу противъ расширенія избирательныхъ правъ и противъ законодательной охраны рабочихъ, лишили іюльскую монархію симпатій большинства населенія; а робкая и колеблющаяся внѣшняя политика, нерѣдко подчинявшая Францію прямому вліянію «священнаго союза», оскорбляла національное чувство и возстановляла противъ Луи-Филиппа даже консервативную часть французскаго общества. Единственнымъ внѣшнимъ успѣхомъ Франціи за этотъ періодъ было довершеніе начатаго при реставраціи завоеванія Алжира, гдѣ энергичный туземный вождь Абдель-Кадеръ былъ побѣжденъ и сдался французамъ только въ 1847 году. Луи-Филиппъ, подобно своему предшественнику Карлу X, умеръ въ Англіи (въ 1850 году, 77-ми лѣтъ отъ роду).

Вильямъ Питтъ.

Въ Англіи, гдѣ обыкновенно находили убѣжище неудачные иноземные правители, отвергнутые своими народами, политическая жизнь шла по особому пути, существенно отличавшемуся отъ направленія континентальныхъ монархій. Внутреннія преобразованія совершались тамъ съ трудомъ, но безъ переворотовъ и потрясеній. Въ началѣ столѣтія въ Англіи господствовала могущественная аристократія, располагавшая обѣими палатами парламента. Большинство членовъ нижней палаты выбиралось или, вѣрнѣе, назначалось поземельными лордами; небольшія поселенія на помѣщичьихъ земляхъ (такъ называемыя гнилыя мѣстечки) имѣли своихъ представителей въ парламентѣ, тогда какъ многіе промышленные центры съ стотысячнымъ населеніемъ не пользовались правомъ представительства. Законы создавались партіями крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ, соотвѣтственно ихъ интересамъ. Для увеличенія доходовъ съ земель установлены въ 1815 году высокія, почти запретительныя пошлины на привозные хлѣбные продукты; тяжесть налоговъ падала главнымъ образомъ на низшіе и бѣдные классы. Въ англійскомъ обществѣ все сильнѣе чувствовалась потребность коренной реформы государственнаго быта; средній промышленный классъ настоятельно требовалъ измѣненія системы парламентскихъ выборовъ въ болѣе демократическомъ духѣ. Съ другой стороны, бѣдственное положеніе неимущаго большинства народа вызывало частыя волненія, въ которыхъ главную роль играли фабричные рабочіе. Введеніе машинъ въ наиболѣе значительныя отрасли производства убивало мѣстные промыслы и оставляло массу рабочихъ безъ занятій. Обстоятельства ухудшились вслѣдствіе общаго промышленнаго кризиса въ связи съ упадкомъ цѣнъ и пониженіемъ рабочей платы. Продолжительныя войны съ Франціею разстроили государственные финансы; сумма государственнаго долга, составлявшая въ 1792 году около 240 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, дошла въ 1815 г. до 860 милліоновъ.

Руководителемъ внѣшней политики Англіи былъ съ 1783 г. Вильямъ Питтъ младшій, сынъ знаменитаго лорда Чатама; онъ успѣлъ въ 1800 году осуществить установленіе уніи между Англіею и Ирландіею, съ однимъ общимъ парламентомъ, причемъ обѣщалъ доставить ирландскимъ католикамъ избирательныя права, которыми во англійскимъ законамъ не могли пользоваться «паписты» (т. е. католики). Обѣщаніе не было исполнено вслѣдствіе отказа набожнаго короля, послѣ чего Питтъ вышелъ въ отставку. Въ Ирландіи начались безпорядки, которые съ тѣхъ поръ повторялись постоянно. Три года спустя, Питтъ вновь стоялъ во главѣ управленія и оставался премьеромъ до своей смерти въ 1808 году. Внѣшнее могущество Англіи значительно возросло; въ разныхъ частяхъ свѣта пріобрѣтены новыя обширныя колоніи; промышленность развивалась, несмотря на «континентальную систему», превращаясь изъ мануфактурной въ фабричную. Высшіе классы обогащались, а низшіе бѣднѣли. Нищенство распространялось въ ужасающихъ размѣрахъ; налогъ въ пользу бѣдныхъ, введенный еще съ начала XVII вѣка, былъ слишкомъ слабымъ средствомъ для смягченія народной нужды. Волненія рабочихъ подавлялись силой; гарантіи личной свободы отмѣнялись; противъ печати и публичныхъ сходокъ (митинговъ) принимались крутыя полицейскія мѣры. Можно было думать, что Англіи грозило повтореніе событій, происходившихъ во Франціи.

Крайніе консерваторы, такъ называемые торіи, защитники существующихъ привилегій, сохраняли власть до начала тридцатыхъ годовъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ лорда Ливерпуля (съ 1812 года), лордъ Кэстльри проводилъ тѣ же узко-охранительныя начала и во внѣшней политикѣ и нерѣдко ставилъ Англію въ положеніе союзницы Меттерниха. Кэстльри окончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1822 году; замѣстившій его Каннингъ впервые установилъ принципъ невмѣшательства Англіи во внутреннія дѣла чужихъ державъ, за исключеніемъ случаевъ жестокостей и междоусобій, противныхъ чувству человѣчности. Авторитетъ династіи подрывался личными качествами и поведеніемъ обоихъ Георговъ: первый умеръ въ сумасшествіи; второй, пріобрѣвшій нечальную извѣстность своимъ образомъ жизни въ званіи наслѣдника, принца Уэльскаго, и затѣмъ принца регента (съ 1811 г.), началъ свое царствованіе скандальнымъ процессомъ противъ своей жены Каролины Брауншвейгской, въ чемъ потерпѣлъ неудачу передъ судомъ пэровъ» т. е. въ палатѣ лордовъ (1820 г.). Вильгельмъ IV (1830—37) также не пользовался популярностью, отличался рѣзкостью и часто грубостью, и безусловно раздѣлялъ взгляды торіевъ на задачи правительства. Но руководящее значеніе оставалось за парламентомъ, и отъ того вся внутренняя борьба сводилась къ усиліямъ провести извѣстныя мѣры черезъ палаты, при содѣйствіи общественнаго мнѣнія.

Парламентъ былъ единственнымъ высшимъ источникомъ власти въ королевствѣ; народныя волненія и митинги имѣли цѣлью не произвести переворотъ, а оказать давленіе на парламентскія партіи и министерства. Такими способами англичане добивались и добились всѣхъ крупныхъ реформъ, стоявшихъ на очереди. Представители либеральнаго движенія, такъ называемые виги, все въ большемъ числѣ проникали въ палату общинъ, и если консерваторы платили своевременныя уступки, когда убѣждались въ неминуемомъ тор

Роберть Пиль

жестве идей и требованій оппозиціи. Такъ, при консервативномъ кабинетѣ герцога Веллингтона, въ 1828 году была достигнута отмѣна закона о присягѣ, фактически закрывавшаго католикамъ доступъ къ государственной службѣ; затѣмъ открылись для католиковъ двери парламента (законъ объ эмансипаціи католиковъ 1829 г.). Достиженію этого результата наиболѣе способствовалъ ирландскій агитаторъ Даніель О'Коннель, ставшій вождемъ Ирландіи силою своего ораторскаго дарованія. Выбранный въ палату въ одномъ изъ ирландскихъ округовъ, онъ готовился занять въ ней мѣсто безъ принесенія установленной протестантской присяги. Парламентъ не могъ допустить его въ свою среду, пока онъ не исполнилъ обряда, обязательнаго для всѣхъ вновь выбранныхъ членовъ, но предназначеннаго въ сущности только для лицъ англиканской вѣры. Предвидѣлись шумныя сцены и столкновенія, въ которыхъ нравственная правота была бы всецѣло на сторонѣ О'Коннеля и его избирателей. Консервативный министръ Робертъ Пиль, для избѣжанія ненужныхъ споровъ и конфликтовъ, рѣшился удовлетворить справедливое требованіе католиковъ и внесъ въ палату законъ, доставившій имъ политическую равноправность. Зато въ вопросѣ объ избирательной реформѣ тоpіи были непоколебимы: герцогъ Веллингтонъ и его единомышленники находили, что всякая попытка измѣнить конституцію въ этомъ направленіи была бы равносильна революціи. Однако большинство въ парламентѣ могло перейти къ либераламъ, что и случилось въ концѣ 1830 года: Веллингтонъ вышелъ въ отставку, и главою министерства сдѣлался предводитель оппозиціи, лордъ Грей. Правительство выработало проектъ реформы и внесло его на обсужденіе парламента. Законъ былъ принятъ нижней палатой, но отвергнутъ палатой лордовъ. Предложенный вторично парламенту, законъ былъ снова отвергнутъ лордами: то же самое повторилось и въ третій разъ. Послѣ кратковременной отставки лорда Грея и неудачнаго опыта образованія министерства Веллингтона, общественное возбужденіе, выразившееся весьма рѣзко въ разныхъ частяхъ страны, побудило короля согласиться назначить необходимое число новыхъ пэровъ (лордовъ) для измѣненія состава верхней палаты, съ цѣлью составить въ ней большинство въ пользу реформы: тогда только лорды уступили, и въ концѣ 1832 года былъ обнародованъ новый законъ, измѣнившій всѣ политическій строй Англіи. Представителями его кроме бѣдъ поступившихъ оружіемъ въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, на первый планъ выдвинулись средніе классы, въ которомъ фактически переходитъ преобладающее вліяніе на правительство и политику страны. Всѣ прежнія измѣненія менѣе двухъ тысячъ жителей лишены были права выборовъ, представителей въ палату такъ нечеловѣчески отобраны и возвращены 112 членовъ парламента. Число представителей отъ городовъ значительно увеличилось: въ общемъ отношеніи [illegible] избирателямъ всякій занимающій помѣщеніе или домъ за плату не менѣе десяти фунтовъ стерлинговъ въ годъ; въ сельскихъ округахъ всякій арендаторъ недвижимости, платящій не менѣе пятидесяти фунтовъ въ годъ аренды.

Положеніе политическихъ партій въ британскомъ парламентѣ съ тѣхъ поръ измѣнилось кореннымъ образомъ: прежніе виги, вмѣстѣ съ новою группою сторонниковъ дальнѣйшихъ реформъ или радикаловъ, образовали либеральную партію; тоpіи стали называться консерваторами. Поземельная аристократія, вынужденная уступить среднему промышленному классу значительную долю своей политической власти, охотно брала на себя защиту интересовъ рабочихъ противъ капиталистовъ, которые въ свою очередь часто поддерживали преобразовательные проекты и требованія, невыгодныя для поземельныхъ лордовъ. Такъ, все фабричное законодательство (съ 1833 г.) для охраны женщинъ и дѣтей на фабрикахъ и заводахъ обязано своимъ осуществленіемъ аристократической партіи; первымъ иниціаторомъ этихъ законовъ и предшествовавшихъ имъ парламентскихъ изслѣдованій положенія рабочихъ былъ лордъ Ашлей, впослѣдствіи графъ Шефтсбюри. Впрочемъ, и среди промышленниковъ встрѣчались выдающіеся филантропы, проповѣдники справедливости и человѣколюбія; таковъ былъ фабрикантъ Робертъ Оуэнъ, пытавшійся въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ улучшить и возвысить бытъ рабочаго класса устройствомъ фабричныхъ общинъ на началахъ равенства и любви къ ближнему. Въ 1833 году, по почину Вильберфорса, почти одновременно съ изданіемъ перваго фабричнаго закона, отмѣнено было невольничество негровъ въ колоніяхъ. Представители промышленной буржуазіи съ особенною энергіею домогались отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ, искусственно возвышавшихъ землевладѣльческую ренту. Многія реформы проводились консерваторами, хотя выдвигались на очередь либералами.

Викторія, королева англійская
По портрету Винтерхальтера (въ Версальской галлереѣ)

Правильное дѣйствіе конституціи въ Англіи окончательно установилось по вступленіи на престолъ въ 1837 году восемнадцатилѣтней королевы Викторіи, племянницы Вильгельма IV. Двѣ главныя партіи парламента періодически чередовались въ управленіи дѣлами, въ зависимости отъ состава большинства въ палатѣ общинъ. Во главѣ министерства много разъ возникали въ парламентѣ, но безъ успѣха. Въ 1838 году возникло движеніе въ пользу новой «народной хартіи», заключавшей въ себѣ шесть главныхъ требованій: всеобщее

право голоса, уничтоженіе избирательнаго ценза, тайное голосованіе, ежегодное обновленіе палаты общинъ, назначеніе денежной платы представителямъ (чтобы сдѣлать парламентъ доступнымъ и для людей небогатыхъ), и образованіе равномѣрныхъ избирательныхъ округовъ. Приверженцы этой хартіи, «хартисты» или, по англійскому произношенію «чартисты» предводимые Фергюсомъ О'Коннеромъ, подавали парламенту петицію съ баснословнымъ количествомъ подписей, 1.285,000 въ 1839 году и до двухъ милліоновъ въ 1848 году; но по недостатку единства и выдержки, а также вслѣдствіе отдѣльныхъ попытокъ прибѣгнуть къ физической силѣ и организовать мѣстныя возстанія, «чартизмъ» потерялъ значеніе. Такъ какъ настойчивая мирная пропаганда никому не возбраняется въ Англіи и всегда можетъ въ концѣ концовъ повліять на парламентъ и на массу избирателей, то революціонное движеніе является безпредметнымъ, и всякая примѣсь насилія отталкиваетъ даже тѣхъ, кто безусловно сочувствуетъ проповѣдуемымъ идеямъ. Въ 1846 году, при Робертѣ Пилѣ, были отмѣнены ненавистныя народу хлѣбныя пошлины, послѣ восьмилѣтней агитаціи, душою которой былъ Ричардъ Кобденъ, основавшій спеціальную лигу для этой цѣли; вмѣстѣ съ тѣмъ покровительственная система окончательно уступила мѣсто свободѣ торговли. Подоходный налогъ, существовавшій временно въ періодъ французскихъ войнъ (до 1815 г.), возстановленъ въ видѣ постоянной составной части государственнаго бюджета. Въ Ирландіи волненія не прекращались; наибольше протестовъ вызывалось вниманіемъ съ католиковъ десятины на содержаніе англиканской церкви, которая формально считалась господствующею и въ странѣ съ католическимъ населеніемъ. Съ 1833 года О'Коннель выставилъ на своемъ знамени уничтоженіе уніи съ Англіею и увлекалъ ирландцевъ рѣчами о самостоятельномъ національномъ управленіи (автономіи) и о будущемъ ирландскомъ парламентѣ. Преданный суду въ 1844 году за воззваніе къ междоусобію, онъ былъ осужденъ протестантскими присяжными, но оправданъ палатою лордовъ. Страшный голодъ 1846 года, уменьшившій численность населенія острова на три милліона человѣкъ, довелъ ирландцевъ до отчаянія: бѣдняки-арендаторы изгонялись владѣльцами за неисправность въ платежѣ ренты; безпорядки усиливались и въ 1848 году приняли характеръ организованнаго возстанія, подъ начальствомъ Смита О'Брієна, смѣнившаго умершаго передъ тѣмъ О'Коннеля въ роли предводителя Ирландіи. Возстаніе разстроилось само собою при первомъ приступѣ къ исполненію задуманнаго плана. Ирландцамъ пришлось еще долго бѣдствовать, прежде чѣмъ они добились нѣкоторыхъ частичныхъ реформъ и улучшеній при помощи своихъ представителей въ парламентѣ и ихъ доброжелательныхъ союзниковъ въ средѣ англійской либеральной партіи.

Засѣданіе англійской палаты лордовъ въ 1844 г.
По современному изображенію.

Въ области внѣшней политики Англія неизмѣнно держалась своего всегдашняго правила — отстаивать повсюду интересы своихъ подданныхъ, дѣлать завоеванія съ возможно меньшею тратою силъ и расширять свое политическое вліяніе подъ видомъ покровительства слабымъ государствамъ противъ сильныхъ. Договоромъ 1832 года съ Франціею лордъ Пальмерстонъ обезпечилъ независимость Бельгіи. Въ 1839 году произошло столкновеніе съ Китаемъ изъ-за груза опіума, брошеннаго въ море китайцами въ Кантонѣ, и послѣ трехъ военныхъ экспедицій заключенъ въ Нанкинѣ трактатъ 1842 г., открывшій для внѣшней торговли пять китайскихъ портовъ, причемъ англичанамъ уступленъ также островъ Гонгъ-конгъ, близъ Кантона. Въ Индіи и Афганистанѣ предпринятыя въ концѣ тридцатыхъ годовъ завоевательные походы подъ предлогомъ наказанія союзныхъ племенъ за измѣну; истребленіе британскаго войска афганцами въ 1841 году повлекло за собою суровое возмездіе 1842 г. Въ 1840 году лордъ Пальмерстонъ убѣдилъ великія державы (кромѣ Франціи) вступиться за Тур-

лю противъ Мегемета-Али египетскаго, завладѣвшаго Сиріей и Кандіею; побѣжденный союзниками Порты, Мегеметъ-Али сохраняетъ наслѣдственную власть въ Египтѣ и остается васаломъ султана. Въ слѣдующемъ году подписана въ Лондонѣ конвенція, которою турецкіе проливы, Босфоръ и Дарданеллы, закрываются для военныхъ кораблей всѣхъ націй подъ общею гарантіею пяти державъ: Англіи, Франціи, Австріи, Россіи и Пруссіи. Признаніе нейтралитета проливовъ въ сущности направлено главнымъ образомъ противъ Россіи и ставитъ предѣлъ развитію и значенію ея черноморскаго военнаго флота.

III.

1848—1852.

Провозглашеніе республики во Франціи въ февралѣ 1848 года было неожиданностью для большинства самихъ французовъ. Промышленная буржуазія и средній образованный классъ не желали республики и боялись ея; сельское населеніе было противъ всякой революціи; только часть прогрессистовъ и масса городскихъ рабочихъ стояли за республику и завоевали ее на парижскихъ баррикадахъ. Рабочіе и мелкіе ремесленники, оставшіеся во множествѣ безъ работы, были въ первые дни тесными положеніями въ Парижѣ: они дали образоваться временному правительству изъ популярныхъ республиканцевъ лишь благодаря находчивости Ламартина, оказавшагося не только талантливымъ поэтомъ, но и замѣчательнымъ ораторомъ, необыкновенно искуснымъ въ обращеніи съ толпою.

Чтобы удовлетворить и успокоить рабочихъ въ первыхъ порахъ, до созыва національнаго собранія и устройства прочнаго правительства, учреждены были «національныя мастерскія», въ которыхъ около ста тысячъ человѣкъ получало пищу отъ казны, по два франка въ день, за работу никому не нужную или только мнимую, имѣетъ съ тѣмъ предоставлено было рабочимъ имѣть свой парламентъ въ видѣ «правительственной комиссіи для рабочихъ» въ Люксембургскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Луи-Блана и рабочаго Альбера, для обсужденія будущихъ народно-хозяйственныхъ преобразованій. Самообольщеніе со стороны соціалистовъ и рабочихъ не могло продолжаться долго: они скоро убѣдились, что завоевали республику вовсе не для себя: власть несомнѣнно находилась въ рукахъ ихъ противниковъ, которые фактически располагали и тѣми военными силами государства. Выборы въ національное учредительное собраніе», назначенные на апрѣль, происходили среди всеобщихъ волненій, подъ энергичнымъ руководствомъ министра внутреннихъ дѣлъ Ледрю-Роллена и его [illegible] парламентскихъ комиссаровъ: рабочіе, предводимые [illegible], домогались отсрочки выборовъ и пытались помѣшать [illegible] шумными манифестаціями, противъ которыхъ [illegible] выставлялась національная гвардія. Наконецъ, 4-го [illegible] учредительное собраніе; большинство избранныхъ [illegible] и [illegible] было враждебно соціализму и [illegible]. Изъ [illegible] выдающіяся члены временнаго правительства, Ламартинъ, выбранный въ десяти округахъ и получившій [illegible] тысячъ голосовъ, отказался отъ предложенія [illegible] исполнительной власти, до установленія и введенія [illegible] и [illegible] тогда исполнительную комиссію [illegible]. Арго, Гарнье-Пожесъ, Марі, Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ. [illegible] Луи-Блана и Альбера не было [illegible].

[illegible] распущены соціалистическіе клубы, [illegible] буржуазной республики [illegible]. [illegible] стотысячная толпа рабочихъ [illegible] и закладывать [illegible] горящей [illegible] Hôtel de Ville, но была въ свою очередь [illegible] ненавистною національною гвардіею. Защитники [illegible] соціалисты Бланки, Барбесъ, [illegible] были арестованы военнымъ министромъ назначенъ генералъ Кавеньякъ. Рабочіе готовились къ послѣдней отчаянной борьбѣ. Учредительное собраніе постановило 23-го іюня упразднить «національныя мастерскія», поглотившія въ теченіе менѣе двухъ мѣсяцевъ пятнадцать милліоновъ франковъ на безтолковую раздачу всѣмъ желающимъ; бѣдняки, выброшенные на улицу промышленнымъ кризисомъ, съ прекращеніемъ или сокращеніемъ работъ во многихъ фабричныхъ и иныхъ предпріятіяхъ, лишились теперь казеннаго пособія, дававшаго имъ возможность существованія, и тотчасъ же взялись за оружіе. Начались кровопролитныя сраженія въ разныхъ мѣстахъ Парижа; на слѣдующій день, 24-го іюня, вся правительственная власть была передана генералу Кавеньяку, и борьба окончилась полнымъ разгромомъ возставшихъ рабочихъ. Къ 27 іюня внѣшній порядокъ былъ возстановленъ. Въ эти страшные іюньскіе дни погибло до десяти тысячъ человѣкъ; свыше двѣнадцати тысячъ было захвачено въ плѣнъ. Убито было нѣсколько генераловъ и два народныхъ представителя: архіепископъ парижскій Аффръ, обращавшійся къ толпѣ съ успокоительными словами, былъ смертельно раненъ.

Альфонсъ Ламартинъ.
По соврем. литографіи.

Побѣда буржуазіи не была однако побѣдою для республики. Республиканская партія, низвергнувшая іюльскую монархію при помощи рабочихъ, одержала верхъ надъ своими бывшими союзниками: но она не сумѣла предупредить междоусобную войну и даже какъ будто сознательно подготовила ее, что уже вовсе не было заслугою въ глазахъ мирнаго населенія. Назначенный главою исполнительной власти (съ 28 іюня), генералъ Кавеньякъ добросовѣстно исполнилъ возложенную на него задачу и обезпечилъ наружное спокойствіе суровыми полицейскими мѣрами; національное собраніе дѣйствовало въ томъ же духѣ, издавая разные ограничительные и запретительные декреты. Мечта о республикѣ потеряла свою привлекательность для народа. Возвышеніе прямыхъ налоговъ, въ томъ числѣ и поземельнаго, на 45% установленное еще съ половины марта, вызывало неудовольствіе плательщиковъ податей. Новая конституція вырабатывалась и обсуждалась въ національномъ собраніи, при сравнительномъ равнодушіи французскаго общества: въ ноябрѣ она получила силу закона.

Республика была организована такъ, что долговѣчность ея зависѣла лишь отъ доброй воли ея временныхъ правителей. Во главѣ республики долженъ былъ стоять президентъ, избираемый всенароднымъ голосованіемъ на четыре года; вторичное избраніе того же лица допускалось лишь послѣ четырехлѣтняго перерыва. Законодательное собраніе избирается также по системѣ всеобщей подачи голосовъ, на три года. Такимъ образомъ источникъ власти президента и собранія одинъ и тотъ же: президентъ получаетъ свою власть непосредственно отъ народа и слѣдовательно не зависитъ отъ законодательнаго собранія и не подчиненъ ему; въ то же время онъ фактически поставленъ выше парламента потому, что онъ одинъ въ своемъ лицѣ воплощаетъ въ такой же мѣрѣ народную волю, какъ и вся палата изъ 750 членовъ, и имѣетъ за собою большее количество народныхъ голосовъ, чѣмъ любое парламентское большинство.

Немногіе дальновидные республиканцы, какъ Жюль Грэви, указывали на опасность столь исключительнаго положенія, создаваемаго для президента; но въ національномъ собраніи, подъ вліяніемъ недавнихъ междоусобій, господствовало желаніе установить сильную власть, стоящую внѣ и выше парламентскихъ партій, причемъ никто не сомнѣвался, что выборъ падетъ на честнаго и убѣжденнаго республиканца. Первымъ кандидатомъ на постъ президента считался Кавеньякъ; нѣкоторые шансы имѣлъ и Ламартинъ. Президентскіе выборы 10-го декабря 1848 года разрушили эти разсчеты и предположенія. Всенародное голосованіе неожиданно выдвинуло на первый планъ человѣка, все значеніе котораго заключалось въ его имени,—принца Луи-Наполеона Бонапарта, избраннаго передъ тѣмъ депутатомъ въ четырехъ округахъ. Изъ общаго числа семи милліоновъ избирательныхъ голосовъ было подано за него около 5.600.000, и племянникъ «великаго императора», извѣстный лишь своими странностями и своею слѣпою вѣрою въ будущее возстановленіе имперіи, сдѣлался президентомъ французской республики.

Принцъ Луи-Наполеонъ, сынъ бывшаго голландскаго короля Людовика Бонапарта и Гортензіи Богарнэ, падчерицы Наполеона I, провелъ свою молодость сначала въ Швейцаріи, потомъ въ Англіи: въ 1831 году онъ увлекся національнымъ движеніемъ въ Италіи, вступилъ въ ряды карбонаріевъ и принялъ участіе въ возстаніи въ Папской области. Послѣ смерти своего старшаго брата и затѣмъ единственнаго сына Наполеона I, герцога Рейхштадтскаго (1832 г.), онъ признавалъ себя законнымъ наслѣдникомъ императора и дважды пытался захватить власть посредствомъ военнаго переворота. Въ 1836 году онъ показался въ Страсбургѣ, въ артиллерійскихъ казармахъ, и пробовалъ воодушевить солдатъ возгласами въ честь имперіи: но его арестовали и доставили въ Парижъ, гдѣ король Луи-Филиппъ великодушно отпустилъ его на свободу подъ условіемъ немедленнаго отъѣзда въ Америку. Въ 1840 году, при министерствѣ Тьера, когда оживились во Франціи воспоминанія о Наполеонѣ по случаю торжественнаго перенесенія его останковъ съ острова св. Елены, принцъ Луи-Бонапартъ высадился съ небольшимъ числомъ друзей и сторонниковъ близъ Булони, имѣя при себѣ живого орла—эмблему имперіи: его опять задержали и на этотъ разъ присудили къ пожизненному заключенію въ крѣпости, откуда ему удалось однако бѣжать въ 1846 году. Приключенія его служили предметомъ насмѣшекъ и характеризовали его, какъ маніака, поглощеннаго одною честолюбивою мечтою—наслѣдіемъ величія и славы Бонапарта. Свои «наполеоновскія идеи» онъ проводилъ и въ литературѣ, въ гуманно-мечтательныхъ разсужденіяхъ о благодѣтельныхъ замыслахъ и завѣтахъ императора, не успѣвшихъ осуществиться, но могущихъ еще осчастливить Францію. Лично принцъ Луи-Наполеонъ не обнаруживалъ никакихъ качествъ и талантовъ, которые давали бы ему право на вниманіе и довѣріе французскаго народа. Ему было уже сорокъ лѣтъ, когда февральская революція открыла ему доступъ во Францію; никто не относился серьезно къ его притязаніямъ, и національное собраніе не затруднилось утвердить избраніе его въ депутаты, несмотря на возраженія правительства, которое ссылалось на его несомнѣнную роль претендента, доказанную покушеніями въ Страсбургѣ и Булони, и предлагало поэтому примѣнить къ нему законъ 1832 года объ изгнаніи членовъ фамиліи Бонапартовъ. Въ палатѣ онъ показывался рѣдко; умные люди, какъ Тьеръ, считали его ничтожествомъ и готовы были поддерживать его кандидатуру въ президенты, надѣясь руководить имъ въ дѣлахъ управленія. Народъ предпочелъ его Кавеньяку и и другимъ по разнымъ причинамъ,—какъ поэтъ громкаго имени, не замѣшаннаго въ послѣднихъ междоусобіяхъ, не принадлежащаго ни къ буржуазіи, ни къ аристократіи, и притомъ представляющаго традиціи твердаго правительства, внѣшняго блеска и военнаго могущества, безъ которыхъ Франція обойтись не можетъ.

Принцъ Луи-Наполеонъ понялъ свое избраніе, какъ призывъ къ исполненію его завѣтной миссіи: 20-го декабря онъ принесъ присягу и водворился въ Елисейскомъ дворцѣ, готовясь къ роли преемника своего геніальнаго дяди. Учредительное собраніе закрылось въ маѣ 1849 года: вслѣдъ затѣмъ начались засѣданія вновь выбранной законодательной палаты, состоявшей въ большинствѣ изъ умѣренныхъ монархистовъ и орлеанистовъ. Экспедиція въ Италію для возстановленія свѣтской власти папы, изгнаннаго изъ Рима, обезпечила принцу-президенту сочувствіе духовенства и преданность католиковъ; армія была безусловно на его сторонѣ; республиканцы часто присоединялись къ нему изъ вражды къ консервативнымъ партіямъ, господствовавшимъ въ законодательномъ собраніи. Но случаю избранія нѣсколькихъ соціалистовъ при дополнительныхъ парламентскихъ выборахъ, палата въ маѣ 1850 года ограничила право всеобщей подачи голосовъ; изданы строгіе законы о печати, возстановлена ссылка въ отдаленныя колоніи за политическія преступленія. Принцъ-президентъ, молчаливый и скрытный по природѣ, предоставлялъ своимъ агентамъ и префектамъ возбудить рядъ мѣстныхъ ходатайствъ о пересмотрѣ конституціи въ смыслѣ расширенія его полномочій и допущенія вторичнаго его избранія; самъ онъ иногда разъѣзжалъ по странѣ и произносилъ офиціальныя рѣчи, въ которыхъ намекалъ на возможную эру всеобщаго благополучія. При непопулярности палаты, разладъ ея съ президентомъ республики способствовалъ осуществленію его плановъ. Въ іюлѣ 1851 года палата высказалась противъ пересмотра конституціи; въ ноябрѣ она отвергла предложеніе президента и его министровъ отмѣнить ограничительный законъ о народномъ голосованіи.

Создавъ себѣ выгодное положеніе защитника народныхъ правъ, принцъ Луи-Наполеонъ задумалъ и совершилъ государственный переворотъ, при энергичномъ содѣйствіи вѣрныхъ помощниковъ, связанныхъ съ его судьбою своею карьерой. Въ ночь на 2-е декабря 1851 года арестованы были многіе вліятельные депутаты, монархисты и республиканцы, въ томъ числѣ Тьеръ, генералы Кавеньякъ и Шангарнье, а также наиболѣе извѣстные дѣятели и ораторы политическихъ клубовъ,—всего около ста человѣкъ; важнѣйшіе пункты города были заняты войсками; на стѣнахъ расклеены президентскіе декреты о распущеніи законодательнаго собранія и государственнаго совѣта, о возстановленіи всеобщей подачи голосовъ, объ осадномъ положеніи въ Парижѣ и десяти департаментахъ, о созывѣ народа для голосованія по вопросу о новой конституціи. Въ прокламаціяхъ къ народу и къ арміи президентъ объявлялъ, что гражданамъ будутъ предложены на обсужденіе основы государственнаго строя, выработанныя по образцу учрежденій консульства 1799 года. Рабочее населеніе Парижа, наученное горькимъ опытомъ, не поднялось уже на защиту республики и отнеслось довольно равнодушно къ ея паденію; отдѣльныя попытки возстанія были легко подавлены, причемъ палъ на баррикадѣ депутатъ Боденъ, память котораго впослѣдствіи чествовалась республиканцами въ видѣ ежегодныхъ демонстрацій противъ имперіи. Въ провинціи, какъ и въ столицѣ, принимались суровыя мѣры для прекращенія и предупрежденія безпорядковъ; тысячи людей заключены въ тюрьму или сосланы въ Кайенну безъ суда; другіе, какъ Тьеръ, Викторъ Гюго, Кавеньякъ, Шангарнье, вынуждены были изгнанію. Въ концѣ декабря были обнародованы результаты народнаго голосованія или «плебисцита», производившагося подъ давленіемъ администраціи: 7½ милліоновъ голосовъ подано было за продленіе президентства принца Луи-Наполеона на десятилѣтній срокъ, съ переданіемъ ему полномочія для составленія новой конституціи, и только 650 тысячъ высказалось противъ.

Смыслъ переворота былъ для всѣхъ ясенъ: самый выборъ дня 2-е декабря, годовщины коронаціи Наполеона и побѣды при Аустерлицѣ, указывалъ на имперію, а ссылка на учрежденія, придуманныя первымъ консуломъ, опредѣляла временный переходный характеръ президентской власти. Въ январѣ 1852 года провозглашена была конституція, по которой вся власть принадлежитъ президенту, а выборный законодательный корпусъ низведенъ на степень постояннаго совѣщательнаго учрежденія; затѣмъ и выборы должны были производиться при прямомъ участіи правительства, оно рекомендовало населенію своихъ кандидатовъ, и заботилось объ ихъ избраніи. Постепенно возникли порядки времени имперіи: организованы соотвѣтственные придворные и военные штаты,

и осенью того же года дано было знать мѣстнымъ властямъ, что заявленія о желательной перемѣнѣ будутъ приняты благосклонно. Изъ разныхъ мѣстъ стали поступать ходатайства объ упроченіи власти въ рукахъ президента: послѣдній предпринялъ поѣздку въ южные департаменты, встрѣчалъ повсюду восторженный офиціальный пріемъ, говорилъ обычныя туманно-дипломатическія рѣчи, и между прочимъ, для успокоенія миролюбивыхъ обывателей, опасавшихся подражанія Наполеону I въ внѣшней политикѣ, произнесъ въ Бордо утѣшительныя слова: «имперія — это миръ». Въ ноябрѣ сенатъ предложилъ принцу-президенту принять титулъ императора; назначенъ былъ новый плебисцитъ, и рѣшеніе возстановить имперію одобрено 7.840,000 голосами противъ 254 тысячъ. Въ день 2-го декабря 1852 года президентъ республики превратился въ «Наполеона III, Божіею милостью и волею націи императора французовъ»; третьимъ онъ назвалъ себя по той же причинѣ, почему преемникъ Людовика XVI былъ восемнадцатымъ, а не семнадцатымъ: предположено было, что умершій въ изгнаніи сынъ Наполеона I, герцогъ Рейхштадтскій, вступилъ въ свое время на престолъ подъ именемъ Наполеона II, послѣ смерти отца на островѣ св. Елены въ 1821 году.

Вторая имперія во Франціи имѣла мало общаго съ первою: она основана была не крупнымъ историческимъ дѣятелемъ, получившимъ власть по праву военнаго и политическаго превосходства, а представителемъ блестящей фирмы, которому случайно довѣрено было на извѣстный срокъ распоряженіе средствами и силами государства. Это была насильственная узурпація, устроенная небольшою группою рѣшительныхъ и ловкихъ честолюбцевъ, откровенныхъ искателей личныхъ выгодъ, богатства и наслажденій: между ними выдвинулись де-Морни, позднѣе герцогъ, побочный сынъ королевы Гортензіи отъ графа Флаго; Фіаленъ де-Персиньи, потомъ также герцогъ; генералъ Сентъ-Арно, адвокатъ и министръ Руэръ, игравшій впослѣдствіи роль вице-императора, — не считая второстепенныхъ исполнителей, въ родѣ полицейскаго префекта Мопа. Самъ Наполеонъ III былъ непреклонный мечтатель, съ малыхъ лѣтъ очарованный блескомъ и могуществомъ имперіи и твердо вѣрившій въ свою судьбу; онъ не зналъ другихъ цѣлей и идеаловъ, кромѣ обаянія власти и почестей, и не останавливался ни предъ чѣмъ для своего возвышенія. Свободный отъ какихъ бы то ни было патріотическихъ и политическихъ и нравственныхъ чувствъ, онъ былъ фанатикомъ своей династіи и руководствовался исключительно ея интересами. Франція была для него лишь средствомъ обладанія, революціонной подлѣсью, которую надо держать во чтобы то ни стало, такъ смотрѣли на нее и отгуманили его по государственному перевороту, и всѣ поздѣйшіе государственные люди второй имперіи.

Эта мѣщанская политика польской монархіи опиравшаяся на фактическое господство высшихъ богатыхъ классовъ населенія, имѣла своихъ убѣжденныхъ и добросовѣстныхъ защитниковъ и доктринеровъ: она олицетворяла буржуазную, промышленную Францію. Вторая имперія была ужасакъ бы частнымъ предпріятіемъ, которое можно было осуществить только благодаря внутреннему разладу и неловѣрію между различными слоями населенія; единственнымъ оплотомъ ея была армія, а орудіемъ — всесильная, крѣпко сплоченная, подчиненная одному центру администрація. Одинаково чуждая всѣмъ классамъ французскаго общества, но соблазнительная для многихъ по воспоминаніямъ прошлой славы, имперія могла смѣло опереться на всеобщее народное голосованіе, котораго такъ боялись дѣятели предшествовавшихъ монархическихъ правительствъ: плебисцитъ оказался довольно невинною игрушкою въ рукахъ административныхъ властей и служилъ въ то же время обманчивымъ народнымъ фундаментомъ для неограниченнаго владычества Наполеона III и его близкихъ. Государствомъ завладѣли предприниматели новаго типа, для которыхъ вопросы о правахъ и общественныхъ интересахъ были лишь пустыми звуками; имъ охотно подчинялись — крестьянство, изъ вражды къ аристократамъ и горожанамъ, рабочіе — изъ ненависти къ буржуазіи, буржуазія — изъ страха новыхъ волненій и безпорядковъ. Французы получили право всеобщей подачи голосовъ; но это право сдѣлалось безсодержательною фикціею и утратило всякую реальную цѣну съ упраздненіемъ самостоятельнаго народнаго представительства. Таковы были плоды революціи 1848 года для Франціи.

Луи-Наполеонъ Бонапартъ.
По литографіи работы Лафосса (1848 г.).

1848-ой годъ имѣлъ роковое значеніе для большей части государствъ западной Европы. Февральскія событія въ Парижѣ отозвались кровавыми мартовскими днями въ Берлинѣ и Вѣнѣ; повсюду пронеслась революціонная буря, для которой годами подготовлялись горючіе матеріалы. Извѣстіе о переворотѣ во Франціи дало лишь толчокъ для взрыва. Въ Германіи, Австріи и Италіи существовали несравненно болѣе сильныя причины народнаго раздраженія и неудовольствія, чѣмъ во Франціи времени Луи-Филиппа. Образованные классы задыхались подъ гнетомъ мертвящаго управленія Меттерниха и его послѣдователей; они жаждали національнаго возрожденія и объединенія, скорбѣли о безсиліи и ничтожествѣ правительствъ, мечтали о созданіи могущественнаго отечества, способнаго внушить уваженіе за границей. Германія волновалась съ 1846 года по поводу вопроса о судьбѣ двухъ германскихъ герцогствъ, Шлезвига и Голштиніи, связанныхъ съ Даніею единствомъ династіи, которой грозило прекращеніе въ мужской линіи: по законамъ престолонаслѣдія оба герцогства должны были въ этомъ случаѣ отдѣлиться отъ королевства, но указомъ короля они были присоединены къ датскимъ владѣніямъ. Мѣстные сеймы протестовали противъ такого наси-

лія и были за это распущены; нѣмецкіе патріоты вступились за поруганныя права германской народности и требовали вооруженнаго вмѣшательства въ защиту шлезвигъ-голштинцевъ. Между тѣмъ Германія, раздробленная на множество отдѣльныхъ государствъ, не въ силахъ была предпринять что-либо для охраны общихъ національныхъ интересовъ, вслѣдствіе скрытаго разлада и соперничества между Австріею и Пруссіею, и между послѣднею и южно-германскими государствами: союзный сеймъ во Франкфуртѣ былъ поглощенъ мелочными придворными счетами и полицейскими заботами о противодѣйствіи опаснымъ народнымъ стремленіямъ къ политическому единству. Германская нація, одна изъ первыхъ въ мірѣ по богатству и значенію своей литературы и по глубинѣ и важности своихъ философскихъ системъ, не занимала еще подобающаго мѣста среди державъ. Германіи, какъ цѣлаго, еще не существовало; ее предстояло еще создать. Германское единство было идеаломъ цѣлаго ряда поколѣній, и оно едва не осуществилось народнымъ порывомъ 1848 года. Національное чувство съ неодолимою силою овладѣло умами и вырвалось на просторъ подъ вліяніемъ парижской февральской революціи.

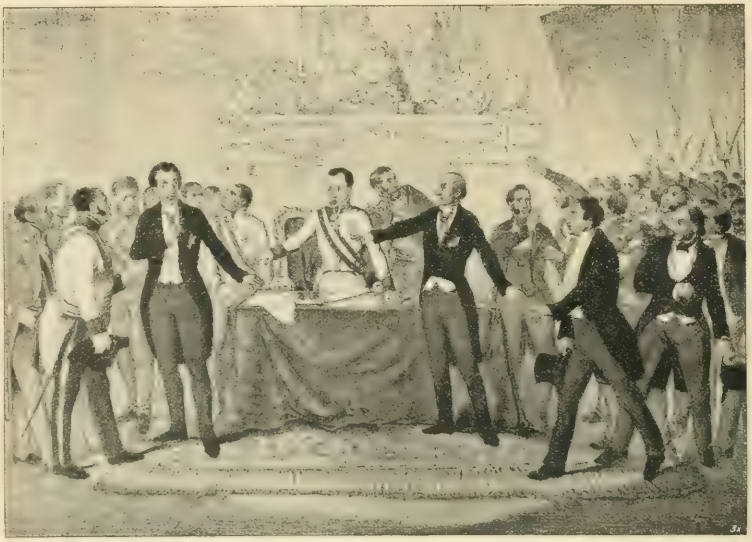
Въ западныхъ и южныхъ областяхъ Германіи, начиная съ Бадена, мѣстные сеймы, возбужденные общественнымъ мнѣніемъ, домогались созыва общаго германскаго представительнаго собранія и немедленнаго расширенія народныхъ правъ: въ Баваріи король Людвигъ, находившійся во власти своей фаворитки, танцовщицы Лолы Монтецъ, вынужденъ былъ отречься отъ престола въ мартѣ 1848 года. Въ концѣ марта собрался во Франкфуртѣ «предварительный парламентъ» изъ уполномоченныхъ отъ сеймовъ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Миттермайера; либеральное монархическое большинство постановило назначить выборы въ національное собраніе на основѣ всеобщей подачи голосовъ, для выработки новаго политическаго устройства Германіи. Небольшая радикальная группа, подъ предводительствомъ баденскихъ дѣятелей, Геккера и Струве, пыталась организовать республиканское народное движеніе; но ея отряды были разсѣяны войсками въ Баденѣ, точно такъ же, какъ и толпы рабочихъ, которыми командовалъ поэтъ Гервегъ. Соціалисты и демократы не имѣли еще подготовленной почвы въ нѣмецкомъ народѣ; національныя и политическія задачи стояли тогда на первомъ планѣ. Германское національное собраніе открылось 18-го мая во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ церкви св. Павла: членами его были выдающіеся ученые, писатели и ораторы, искренніе патріоты, убѣжденные въ силѣ права и довѣрчиво относившіеся къ будущему. Необыкновенный подъемъ духа замѣчался во всей Германіи; общее воодушевленіе оправдывало самыя смѣлыя надежды. По почину своего президента, Генриха фонъ-Гагерна, собраніе рѣшило установить центральную имперскую власть и выбрало эрцгерцога Іоанна австрійскаго временнымъ правителемъ, на мѣсто союзнаго сейма: въ іюлѣ эрцгерцогъ вступилъ въ отправленіе своихъ неопредѣленныхъ обязанностей, и пресловутый франкфуртскій сеймъ, существовавшій съ 1815 года, мирно сошелъ со сцены.

Однако положеніе «правителя имперіи» и самого національнаго собранія было крайне шаткое и двусмысленное, такъ какъ въ числѣ 35 самостоятельныхъ союзныхъ государствъ Германіи находились двѣ великія державы, Австрія и Пруссія, не признававшія надъ собою никакой власти: политику ихъ нельзя было подчинить франкфуртскимъ постановленіямъ, и ни эрцгерцогъ Іоаннъ, ни выбравшая его палата не располагали никакими средствами для прямого воздѣйствія на Берлинъ и Вѣну. Это безсиліе перваго общегерманскаго парламента ясно обнаружилось въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ. Сословные сеймы обоихъ герцогствъ заявили во Франкфуртѣ о желательномъ включеніи ихъ въ германскій союзъ, выбрали временное правительство и обратились къ Пруссіи за военною помощью. Въ апрѣлѣ прусскія войска заняли Шлезвигъ и Голштинію, дошли до Ютланіи, но въ августѣ были отозваны въ силу перемирія, заключеннаго съ Даніею подъ давленіемъ Англіи, Россіи и Швеціи. Рѣшено было, что управленіе герцогствъ будетъ смѣшанное, при равномѣрномъ участіи германскаго союза и датскаго правительства. Это отступленіе отъ національныхъ правъ вызвало негодованіе среди нѣмецкихъ патріотовъ; національное собраніе высказалось противъ состоявшагося перемирія, но вслѣдъ затѣмъ, чтобы избѣгнуть неудовольствія Пруссіи, одобрило ея рѣшеніе. Тогда радикальное меньшинство созвало народныя сходки изъ окрестныхъ жителей, воодушевило ихъ горячими рѣчами объ измѣнѣ національному дѣлу и устроило нападеніе толпы на парламентъ, подъ предлогомъ подачи массовой петиціи, 18-го сентября; призванные отряды войскъ разогнали толпу, которая успѣла только захватить за городомъ двухъ консервативныхъ депутатовъ, графа Ауэрсвальда и князя Лихновскаго, и умертвила ихъ. Вторичная попытка Геккера и Струве провозгласить германскую республику въ Баденѣ при помощи народнаго возстанія потерпѣла такую же неудачу, какъ и первая: Струве былъ пойманъ и заключенъ въ тюрьму, а Геккеръ бѣжалъ въ Америку.

Національное собраніе принялось вновь обсуждать основныя права нѣмецкаго народа и окончило обсужденіе ихъ къ концу года; но эти «права» не были признаны Австріею, Пруссіею и еще тремя королевствами. Значеніе собранія падало по мѣрѣ того, какъ правительства отдѣльныхъ государствъ освобождались отъ послѣдствій революціонныхъ вспышекъ и чувствовали себя опять хозяевами и распорядителями народовъ. Въ мартѣ 1849 года національное собраніе предложило прусскому королю титулъ наслѣдственнаго германскаго императора, противъ чего возражали Австрія, Баварія, Вюртембергъ и нѣкоторыя другія второстепенныя державы; король Фридрихъ-Вильгельмъ IV отклонилъ предложеніе, отчасти потому, что оно исходило отъ представителей народа, а не отъ государей, отчасти-же потому, что оно обязывало его вступить въ войну съ Австріею и съ ея нѣмецкими союзниками. Пруссія видѣла уже, что невозможно возстановить единство Германіи и добыть надъ нею главенство иначе, какъ «желѣзомъ и кровью»: а для этого еще не настало время. Когда въ апрѣлѣ того же года были обнародованы утвержденныя во Франкфуртѣ новыя начала германскаго политическаго строя, то они были отвергнуты главнѣйшими изъ нѣмецкихъ государствъ, вопреки желаніямъ населенія: въ маѣ вспыхнули вооруженныя народныя возстанія во имя франкфуртской національной конституціи въ Саксоніи и въ прирейнскихъ областяхъ Пруссіи и Баваріи: въ Баденѣ водворилась республиканская анархія, при участіи возмутившихся войскъ. Прусскія войска усмирили Саксонію, по просьбѣ ея короля; имперское министерство Генриха фонъ-Гагерна считало это вмѣшательство Пруссіи незаконнымъ и вышло въ отставку. Пруссія отозвала своихъ депутатовъ изъ Франкфурта; то же самое сдѣлано было еще въ апрѣлѣ Австріею: ихъ примѣру послѣдовали Саксонія и Ганноверъ: наконецъ, около сотни членовъ умѣренной партіи въ томъ числѣ фонъ-Гагернъ, добровольно сложили свои полномочія, убѣдившись въ практической безплодности своихъ усилій. Тѣмъ не менѣе національное собраніе еще не расходилось; въ немъ осталось радикальное меньшинство, которое надѣялось еще на поддержку народа. Эти остатки германскаго парламента переселились въ Штуттгартъ и открыли тамъ свои засѣданія, но были разогнаны вюртембергскимъ правительствомъ, они собирались еще въ Гагенѣ, хотя дѣло нѣмецкихъ патріотовъ было окончательно и безповоротно проиграно. Въ іюлѣ прусскія войска покончили съ возстаніями въ Баденѣ, баварскомъ Пфальцѣ и въ части Вюртемберга; законные государи возстановлены въ своихъ правахъ, и мечта объ единомъ отечествѣ исчезла надолго. Воплощавшій эту мечту «правитель имперіи», эрцгерцогъ Іоаннъ, передалъ свои полномочія комиссарамъ Пруссіи и Австріи въ концѣ 1849 года.

Сильное національное чувство, встрѣчавшее преграду въ правительствахъ отдѣльныхъ государствъ, было главной причиною нѣмецкаго революціоннаго движенія 1848 года. Самая могущественная и крѣпкая изъ нѣмецкихъ державъ, Пруссія, считалась еще со временъ Наполеоновскихъ войнъ важнѣйшимъ оплотомъ германскаго народности и залогомъ будущаго объединеннаго отечества; между тѣмъ правители ея подчинялись руководящему вліянію Австріи, ограничивали патріотическія стремленія своего народа, преслѣдовали ихъ, какъ нѣчто преступное, и создавали враждебный разрывъ между

властью и обществомъ. Въ Берлинѣ съ начала марта 1848 г. замѣчалось особенное броженіе; происходили стычки съ полиціею и войсками, причемъ были и кровавыя жертвы. Толпы народа стояли 18-го марта передъ дворцомъ, горячо привѣтствовали короля и ожидали отъ него исполненія своихъ завѣтныхъ желаній: говорили, что король согласился предоставить подданнымъ нѣкоторую свободу политической и общественной жизни, отмѣнить цензурныя и прочія стѣсненія, поставить на очередь вопросъ о преобразованіи германскаго союза въ національномъ духѣ. Войско старалось оттѣснить толпу, послѣдовали отдѣльные, быть можетъ, случайные выстрѣлы, и благонамѣренное патріотическое сходбище превратилось въ ожесточенное возстаніе; негодующіе крики о гнусной ловушкѣ и общіе призывы къ оружію имѣли своимъ послѣдствіемъ устройство въ разныхъ мѣстахъ города до двухсотъ баррикадъ, на которыхъ развѣвалось германское знамя. На слѣдующій день борьба еще продолжалась, но шансы побѣды становились все болѣе сомнительными для утомленныхъ и разрозненныхъ военныхъ отрядовъ, которымъ противно было воевать съ своими же согражданами; король приказалъ наконецъ, удалить армію изъ города, поручилъ охрану порядка и двора обывателямъ, назначилъ новыхъ министровъ, объявилъ амнистію политическихъ преступленій, допустилъ торжественные похороны 246 павшихъ на баррикадахъ и сдѣлалъ предметомъ торжественныхъ военныхъ обѣдовъ. Прокламаціи къ нѣмецкому народу, отъ 21 марта, волѣвѣщали что король взялъ въ свои руки дѣло національнаго объединенія, и что отнынѣ «Пруссія растворяется въ Германіи». На 22-е мая созвано было учредительное собраніе для пересмотра прусской конституціи; работа подвигалась очень туго впередъ, благодаря частому вмѣшательству шумной народной толпы. Правительство не препятствовало волненіямъ, оставляя ихъ на отвѣтственности революціонныхъ дѣятелей: въ половинѣ лѣта такіе безпорядки приняли столь угрожающій характеръ, что сами берлинскіе граждане стали желать болѣе дѣйственныхъ мѣръ обезпеченія безопасности и внѣшняго спокойствія. Новыя палаты принимали свои радикальныя рѣшенія [illegible] уже разнявка сверху: въ ноябрѣ учрежденное собраніе перенесено изъ Берлина въ Бранденбургъ, и въ столицу вступили войска подъ начальствомъ генерала Врангеля. Послѣ безплодныхъ протестовъ большинства депутатовъ собраніе было распущено 5-го декабря и народу дарована [illegible] въ существенныхъ чертахъ [illegible] и потребностямъ умѣренной части населенія. Народныя [illegible] палаты прусскаго [illegible] и утвердили предложенныя правительствомъ [illegible] и съ февраля 1850 г. Пруссія стала конституціоннымъ государствомъ въ современномъ [illegible] смыслѣ. Внутренняя жизнь страны получила [illegible] и разумный ходъ; непоколебимый [illegible] вопросъ, послѣ періода разочарованія и скрытаго озлобленія, такъ какъ ненавистная народамъ австрійская политика восторжествовала на всѣхъ пунктахъ.



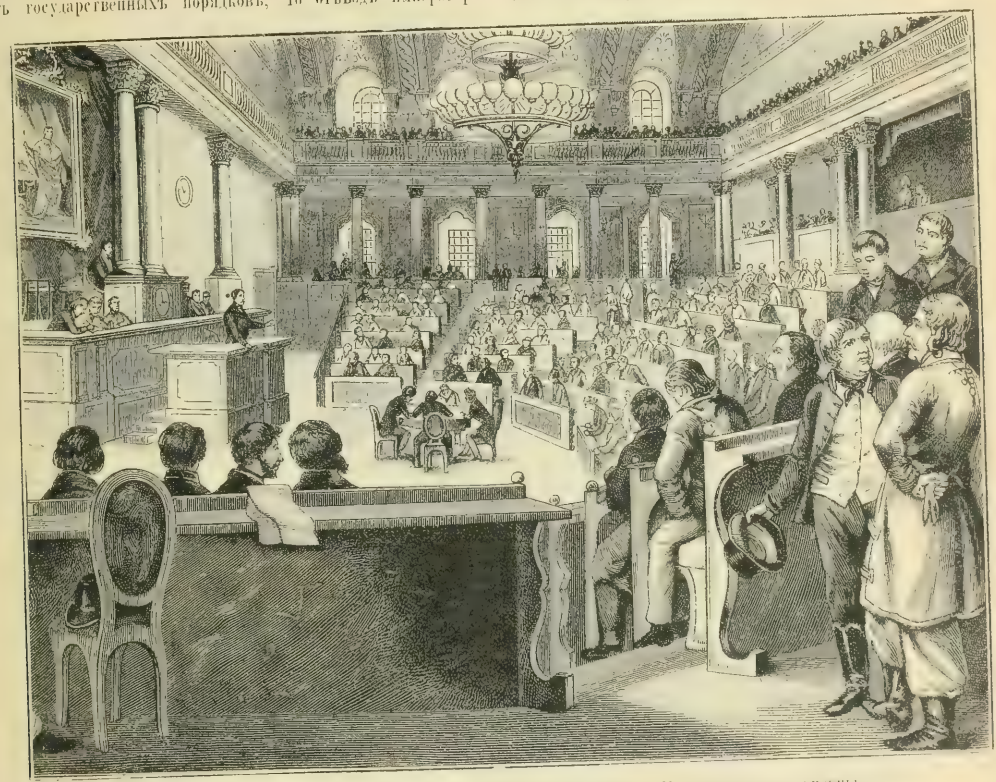
Увольненіе князя Меттерниха 13-го марта 1848 г. По современной литографіи.

Въ Шлезвигъ-Голштиніи, послѣ возобновленія войны съ датчанами сначала отъ имени имперской власти во Франкфуртѣ, при участіи Пруссіи (съ апрѣля по іюнь 1849 г.), а затѣмъ по почину и подъ руководствомъ мѣстнаго правительства (съ іюля по октябрь 1850 года), возстановленъ былъ унизительный для нѣмцевъ миръ, вслѣдствіе вмѣшательства Россіи и Англіи. Пруссія вновь подчинилась требованіямъ Австріи, которыя настойчиво поддерживалъ императоръ Николай I, пріѣзжавшій ради этого два раза въ Варшаву въ 1850 году для совѣщаній съ представителями обѣихъ монархій. Старанія Пруссіи создать особый германскій союзъ внѣ Австріи не увѣнчались успѣхомъ; созванный для этого парламентъ въ Эрфуртѣ и послѣдовавшій затѣмъ съѣздъ многихъ нѣмецкихъ государей въ Берлинѣ настолько обострили отношенія съ вѣнскимъ кабинетомъ, что дѣло едва не дошло до разрыва. Австрія имѣла на своей сторонѣ Баварію, Вюртембергъ и большинство другихъ значительнѣйшихъ нѣмецкихъ государствъ: она возстановила старый союзный сеймъ во Франкфуртѣ и готовилась занять войсками Гессенъ, гдѣ сословное представительство и все населеніе отказались повиноваться произволу курфюрста и его совѣтниковъ. Пруссія протестовала, но вскорѣ сдалась. Въ ноябрѣ 1850 года заключенъ былъ въ Ольмюцѣ договоръ, которымъ Австрія предоставлена прежняя руководящая роль въ Германіи, шлезвигъ-голштинская борьба за нѣмецкую національность признана революціонною, историческія права герцогствъ отданы въ распоряженіе Даніи и допущена военная окупація курфюршества Гессенскаго. Съ мая 1851 года дѣйствовалъ уже по старому франкфуртскій союзный сеймъ, а лондонскимъ международнымъ протоколомъ 8-го мая 1852 года Шлезвигъ и Голштинія окончательно закрѣплены за датскою королевскою фамиліею. Принципы Меттерниха опять возродились въ европейской политикѣ.

Въ Австріи революція 1848 года имѣла двойственный характеръ: съ возмущеніемъ противъ негодной правительственной системы соединились здѣсь возстанія цѣлыхъ народностей противъ иноплеменнаго владычества. Итальянцы, венгерцы, чехи и славяне поднялись почти одновременно во имя національной свободы и независимости. Поляки держались вообще особнякомъ; они возстали еще въ 1846 году въ прусской Познани и въ Галиціи, но были легко подавлены, причемъ галиційскимъ крестьянамъ дозволено было въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ истреблять польскихъ помѣщиковъ и разорять ихъ усадьбы. Вольный городъ Краковъ, сохранившій еще автономію (съ 1845 г.), включенъ въ томъ же году въ составъ австрійской имперіи съ согласія Россіи и Пруссіи. Послѣ парижскихъ февральскихъ событій монархія Габсбурговъ пережила рядъ величайшихъ опасностей и избавилась отъ распаденія только благодаря вмѣшательству русскихъ войскъ. Въ Вѣнѣ уличныя волненія заставили Меттерниха 13-го марта выйти въ отставку; онъ удалился въ Англію, подобно Лун-

филипу и многимъ другимъ. Правительство согласилось на всѣ требованія обывателей, обѣщало свободу печати, созывъ депутатовъ отъ провинціальныхъ сеймовъ, образованіе вооруженной гражданской стражи и удаленіе войска. Въ апрѣлѣ обнародованъ былъ конституціонный актъ, который между прочимъ устанавливалъ имущественный цензъ для избирателей; общественное мнѣніе требовало установленія конституціи особымъ учредительнымъ собраніемъ, на основѣ всеобщей подачи голосовъ. Правительство вынуждено было сдѣлать и эту уступку: оно назначило выборы въ учредительный имперскій сеймъ, съ устраненіемъ ограничительнаго ценза. Вслѣдъ затѣмъ дворъ покинулъ Вѣну; императоръ уѣхалъ въ Инсбрукъ. Такъ какъ населеніе въ сущности было привязано къ династіи и возставало только противъ устарѣлыхъ и стѣснительныхъ государственныхъ порядковъ, то отъѣздъ императора вызвалъ вѣрноподданнѣйшія демонстраціи, которыми воспользовались его приближенные для своихъ цѣлей: возвращеніе Фердинанда I въ столицу было обѣщано подъ условіемъ обезоруженія гражданъ и распущенія «академическаго легіона» изъ университетской молодежи. Предполагая ловушку со стороны правительства и опасаясь обычной расправы послѣ сдачи оружія войскамъ, обыватели приготовились къ обороне и устроили баррикады (26-го іюня); правительство опять сдалось и предоставило гражданамъ заботу объ охранѣ общественнаго порядка.

Возбужденіе въ Вѣнѣ поддерживалось извѣстіями объ успѣхахъ революціи въ Чехіи и Венгріи. Но чехи были искорѣ покорены военной силою. Чешскіе патріоты, подъ предводительствомъ Ригера, домогались возстановленія чешскаго королевства, со включеніемъ Моравіи и Силезіи, чѣмъ подали поводъ къ неудовольствію нѣмецкихъ жителей этихъ областей и усилили непріязнь къ себѣ австрійскихъ нѣмцевъ вообще. Въ Прагѣ образовалось въ маѣ временное правительство; 2-го іюня открылись засѣданія славянскаго съѣзда, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго національнаго историка, изслѣдователя и защитника историческихъ правъ Чехіи, Франца Палацкаго. Мѣры, принятыя австрійскимъ главнокомандующимъ въ Прагѣ, княземъ Альфредомъ Виндишгрецомъ, привели 12-го іюня къ кровавымъ столкновеніямъ: случайнымъ выстрѣломъ изъ толпы, собравшейся передъ его домомъ, убита жена князя, смотрѣвшая изъ окна на происходившее, и Виндишгрецъ жестоко отомстилъ народу за это печальное убійство. Въ дѣло пущена была артиллерія, и къ 17-му іюня чехи должны были окончательно подчиниться побѣдителю, послѣ чего начались военные суды и казни. Еще раньше, въ апрѣлѣ, усмирены были поляки, вновь возставшіе въ Краковѣ, какъ и въ прусской Познани; одинъ изъ польскихъ вождей, Мѣрославскій, захваченный уже разъ пруссаками въ 1846 году и освобожденный изъ тюрьмы берлинскою революціею 18-го марта, опять попалъ въ плѣнъ; въ то же время австрійцы заняли Краковъ послѣ бомбардировки, и польское движеніе остановилось. Только въ Венгріи торжество было несомнѣнно на сторонѣ національной партіи, и вѣнскіе революціонеры серьезно разсчитывали на помощь мадьяръ, которымъ выражали свое сочувствіе при всякомъ подходящемъ случаѣ.



Засѣданіе перваго австрійскаго рейхстага въ Вѣнѣ (іюль 1848 г.). По современному рисунку.

Между тѣмъ положеніе все болѣе запутывалось въ Вѣнѣ: безпорядки усиливались подъ вліяніемъ возрастающихъ массъ неимущихъ рабочихъ, которымъ некуда было дѣваться при наступившемъ кризисѣ и застоѣ промышленности. Гражданская стража или «національная гвардія» поставлена была въ необходимость дѣйствовать заодно съ войсками противъ возмутившихся рабочихъ; часть арміи невольно сблизилась съ обывателями, которые въ свою очередь стали смотрѣть на нее, какъ на полезную союзную силу. Обстоятельства были крайне неблагопріятны для сложныхъ государственныхъ преобразованій, ради которыхъ созванъ былъ учредительный имперскій сеймъ. Собраніе открылось 22-го іюля, и вслѣдствіе стѣсненнаго выраженія имъ желаній, императоръ вернулся въ Вѣну. Важнѣйшимъ дѣломъ сейма было освобожде-

ніе крестьянъ и ихъ земельныхъ владѣній отъ отягощавшихъ ихъ повинностей относительно помѣщиковъ. Но выработка конституціи оставалась лишь въ области теоретическихъ обсужденій и споровъ. Прежде чѣмъ учредительный имперскій сеймъ успѣлъ приступить къ своей главной задачѣ, правительство нашло неожиданную для себя опору въ хорватско-словенской народности, возставшей на защиту австрійской имперіи противъ мадьяръ. Хорватія, Славонія, Семиградія и область Военной границы принадлежали номинально къ землямъ венгерскаго королевства, и съ возстановленіемъ послѣдняго попали подъ власть венгерцевъ; населеніе протестовало, требуя національной самостоятельности для областей «Тріединаго королевства». Популярный дѣятель Хорватіи, генералъ Іеллачичъ (или Елачичъ), назначенный хорватскимъ баномъ, получилъ разрѣшеніе собрать войско и двинуться въ предѣлы Венгріи; дворъ надѣялся уже на возможность побѣды надъ мадьярами при помощи славянъ. Въ началѣ октября рѣшено было послать часть венгерскаго гарнизона въ подкрѣпленіе арміи Іеллачича; публика приняла эту мѣру за измѣну, брошенную въ лицо не только венгерцамъ, но и всему революціонному движенію въ Австріи. Въ Вѣнѣ вспыхнуло 10-го октября. Одинъ батальонъ отказался идти противъ мадьяръ; для усмиренія его послана была славянская отрядъ кавалеріи въ тѣмъ время народъ и гражданская стража, вновь объединяемая и разоружаемая, пришли отчаянной схваткой окончившейся поражеліемъ правительства. Разъяренная толпа бросилась къ военному министерству, вытащила министра Латура и, умертвивъ его, повѣсила его трупъ на фонарѣ. Императоръ бѣжалъ изъ Шенбрунна въ Ольмюцъ, въ Моравіи, и поручилъ князю Виндишгрецу покорить Вѣну.

Виндишгрецъ прибылъ изъ Праги со своей арміею 20-го октября, соединился съ войсками Іеллачича и съ вѣнскимъ гарнизономъ, находившимся въ окрестностяхъ города, и послѣ безплодныхъ переговоровъ началъ военныя дѣйствія. Имперскій учредительный сеймъ былъ переведенъ въ моравскій городъ Кремзиръ, и засѣданія его были на мѣсяцъ пріостановлены. Съ 23-го октября въ теченіе цѣлой недѣли продолжались ожесточенныя битвы; возставшіе со дня на день ожидали появленія вспомогательной венгерской арміи, но когда послѣдняя появилась, она была оттѣснена австрійскими войсками, и 31-го октября Виндишгрецъ взялъ штурмомъ Вѣну. Расправа была безпощадная: разстрѣливали всѣхъ, кому не удалось спастись бѣгствомъ; въ числѣ казненныхъ были и членъ франкфуртскаго парламента, Робертъ Блумъ, и начальникъ вѣнской національной гвардіи, признанный въ должности коменданта города имперскимъ сеймомъ и самимъ правительствомъ.

Францъ Іосифъ I, императоръ австрійскій. По гравюрѣ 1849 года.

Новое министерство, во главѣ котораго стоялъ энергичный и даровитый дипломатъ, князь Феликсъ Шварценбергъ, вскорѣ дало почувствовать населенію всю важность одержанной побѣды. Чтобы уничтожить конституціонныя обязательства, принятыя на себя императоромъ, особенно по отношенію къ Венгріи, устроена была перемѣна царствованія; Фер-

динандъ I отрекся 2-го декабря отъ престола въ пользу своего племянника, восемнадцатилѣтняго Франца-Іосифа. Имперскій сеймъ въ Кремзирѣ занимался еще обсужденіемъ основныхъ началъ будущей конституціи, но дни его были уже сочтены; въ мартѣ 1849 года сеймъ былъ распущенъ, и для всѣхъ австрійскихъ земель обнародованъ новый государственный уставъ, который однако никогда не вступалъ въ дѣйствіе и въ 1851 году былъ вовсе отмѣненъ. Австрія повернула на старый путь, какъ только справилась съ главными своими врагами, мадьярами.

Людвигъ Кошутъ.
По портету работы Куровскаго.

Фельдмаршалъ графъ Радецкій.
По рисунку Сталлшнаго (1848 г.).

Венгрія находилась сравнительно въ благопріятныхъ условіяхъ, имѣла свой парламентъ, но во многомъ зависѣла отъ вѣнскихъ министровъ и чиновниковъ; она стремилась къ національной самостоятельности, съ сохраненіемъ только династической связи съ Австріею. Бодрая энергія, настойчивость и сильно развитое національное чувство, вмѣстѣ съ природною воинственностью, доходившею до самоотверженія, объединяли мадьяръ въ крѣпкую, тѣсно сплоченную націю, которой легко было пробить себѣ дорогу среди другихъ народностей имперіи. Душою венгерскаго національнаго движенія въ сороковыхъ годахъ былъ Людвигъ Кошутъ (род. 1802, ум. 1894), адвокатъ и журналистъ, съ 1846 года членъ венгерскаго сейма и вождь оппозиціи, обладавшій пламеннымъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Сеймъ призналъ мадьярскій языкъ офиціальнымъ языкомъ Венгріи, вмѣсто употреблявшагося латинскаго, мало доступнаго большинству народа; согласно этому рѣшенію, императоръ Фердинандъ въ ноябрѣ 1847 года открылъ парламентъ въ Пресбургѣ тронною рѣчью на мадьярскомъ языкѣ, чѣмъ привелъ въ восторгъ венгерскихъ патріотовъ. Сеймъ выбралъ эрцгерцога Стефана палатиномъ Венгріи и обнаруживалъ вообще преданность династіи Габсбурговъ. Съ начала марта 1848 года мадьярскіе представители требовали назначенія независимаго національнаго министерства и пересмотра конституціи; Кошутъ, пріѣхавшій съ этими требованіями въ Вѣну, былъ предметомъ шумныхъ и всеобщихъ овацій. Императоръ согласился исполнить всѣ законныя желанія мадьяръ; онъ утвердилъ также постановленія венгерскаго сейма о введеніи всеобщей подачи голосовъ при выборахъ депутатовъ, объ отмѣнѣ податочныхъ привилегій дворянства и объ освобожденіи крестьянъ отъ барщины и другихъ повинностей въ пользу владѣльцевъ. Фердинандъ I лично закрылъ сеймъ въ апрѣлѣ, и отношенія съ Венгріею казались вполнѣ мирными и дружественными. Первымъ самостоятельнымъ министромъ-президентомъ былъ графъ Людвигъ Батьяни; министромъ финансовъ былъ Кошутъ.

Папа Пій IX. По гравюрѣ А. Класи.

Въ іюлѣ открылся новый венгерскій парламентъ въ Пештѣ. Возникшія несогласія съ хорватами и прочими славянами Тріединаго королевства разоблачили двойную игру австрійской политики и заставили мадьяръ готовиться къ войнѣ. Для борьбы съ Іеллачичемъ созвано народное ополченіе; эрцгерцогъ Стефанъ сложилъ съ себя званіе палатина; Батьяни также вышелъ въ отставку, и волонтерная партія Кошута получила исключительное преобладаніе въ парламентѣ и въ странѣ. Дворъ принялъ тогда крайне неудачную мѣру, назначивъ новаго главнокомандующаго венгерскими и хорватскими войсками, въ лицѣ графа Ламберга, помимо венгерскаго сейма и венгерскихъ министровъ; сеймъ протестовалъ, и когда Ламбергъ въ сентябрѣ пріѣхалъ въ Пештъ, онъ былъ убитъ толпою. Манифестомъ 3 сентября императоръ объявилъ осадное положеніе въ Венгріи, распустилъ сеймъ и перенялъ должность главнокомандующаго Іеллачичу. Венгерскій комитетъ народной обороны преобразовался въ временное правительство, съ Кошутомъ во главѣ. Мадьяры

усиленно отразили Іеллачича, который затѣмъ былъ отозванъ для участія въ походѣ Виндишгреца на Вѣну.

Послѣ занятія и умиротворенія австрійской столицы, Виндишгрецъ съ стотысячною арміею направился въ Венгрію и въ январѣ 1849 года вступилъ въ Пештъ, но вскорѣ потерпѣлъ рядъ пораженій вслѣдствіе разбросанности своихъ силъ: въ началѣ апрѣля онъ былъ разбитъ генераломъ Гёргеемъ, который взялъ также штурмомъ Буду (Офенъ). Когда министерство Шварценберга обнародовало конституцію для всѣхъ земель Австріи и низвело этимъ Венгрію на степень австрійской провинціи, то венгерскій сеймъ, засѣдавшій съ конца 1848 года въ Дебреченѣ, провозгласилъ династію Габсбурговъ лишенною престола, вопреки совѣтамъ Гергея: еще раньше сеймъ, по внушенію Кошута, высказался противъ признанія власти Франца-Іосифа, пока онъ не будетъ коронованъ венгерской короной въ Пештѣ.

Съ половины апрѣля 1849 года Венгрія была республикою, и ея президентомъ-правителемъ былъ Кошутъ. Венгерскій сеймъ былъ опять переведенъ въ Пештъ. Популярный и талантливый генералъ Гёргей, въ качествѣ военнаго министра и главнокомандующаго, неохотно подчинялся диктатурѣ Кошута, и взаимное соперничество ихъ отчасти вредило единству дѣйствій республиканскаго правительства. Австрія тѣмъ временемъ покончила съ Италіею, вывела оттуда значительную часть своихъ «побѣдоносныхъ» войскъ, подъ начальствомъ свирѣпаго барона Гайнау, и двинула ихъ противъ мадьяръ: но австрійцы имѣли мало шансовъ обратно завоевать Венгрію, и императоръ обратился къ Россіи съ просьбою о помощи. Въ маѣ 1849 года появилась въ предѣлахъ Венгріи вступившая русская армія, и съ тѣхъ поръ дѣло мадьяръ могло считаться проигрышнымъ. Въ іюлѣ австрійцы взяли Пештъ и Офенъ, венгерскій сеймъ ретировался въ Сегединъ, а затѣмъ въ Арадъ. Кошутъ передалъ свою диктаторскую власть Гергею. 30-го августа Гергей, съ арміею въ 23,000 человѣкъ и съ 120 орудіями, сдался русскимъ при Вилагошѣ, близъ Арада. Прежде его поспѣшили другіе венгерскіе полководцы; послѣ другихъ сдался комендантъ Комарна, генералъ Клапка, сдавшійся только въ концѣ сентября. Около пяти тысячъ человѣкъ бѣжали въ Турцію, и въ числѣ ихъ самъ Кошутъ и его ближайшіе сотрудники, генералы Бемъ и Дембинскій. Перед тѣмъ имъ убѣжище и отказалась выдать ихъ, несмотря на угрозы Австріи и Россіи. Изъ оставшихся [illegible] казнены произведено [illegible] Гайнау быстрая расправа по системѣ Виндишгреца много винные палачи Венгріи были расстрѣляны или повѣшены, и между прочимъ этой участи подвергся бывшій первый министръ графъ Батьяни, и умеръ въ сумасшествіи. Населеніе Хорватіи, Славоніи и Семиградіи, столь сильно помогавшее австрійцамъ въ борьбѣ съ мадьярами, было порабощено крѣпче прежняго и, наконецъ, отдано подъ власть той же Венгріи въ 1868 году.

Могущество Австріи заключалось въ ея разноплеменной арміи, хорошо дисциплинированной и сосредоточенной въ рукахъ центральнаго правительства. Побѣждая отдѣльныя народности при помощи войскъ, составленныхъ изъ другихъ племенъ монархіи, вѣнскій кабинетъ примѣнялъ къ собственной имперіи Габсбурговъ право завоеванія и руководствовался этою завоевательною точкою зрѣнія въ своей политикѣ относительно возставшихъ и вновь покоренныхъ областей. Имѣя противъ себя народы и опираясь лишь на организованную принуди-

Венгрія надолго лишилась своихъ политическихъ и національныхъ правъ, но отстояла ихъ впослѣдствіи и имѣла еще возможность чувствительно мстить Россіи за ея пагубное для мадьяръ вмѣшательство въ венгерскія дѣла 1849 года. Одинъ изъ осужденныхъ тогда заочно къ смерти, графъ Юлій Андраши, былъ первымъ министромъ-президентомъ возстановленнаго венгерскаго королевства и прославился въ семидесятыхъ годахъ, какъ руководитель австрійской политики и соперникъ лорда Бикосфильда противъ Россіи на берлинскомъ конгрессѣ. Іеллачичъ, осыпанный милостями двора и возведенный въ графское достоинство, жестоко разочаровался въ своихъ надеждахъ на дарованіе его родному краю національной автономіи

Наполеонъ III, наблюдающій за сра

Картина Э. Мейсонье

тельную силу и на искусство своей дипломатіи. Австрія въ сущности не была государствомъ въ современномъ значеніи этого слова; она держалась только внѣшними мѣрами и комбинаціями, плоды которыхъ не могли быть долговѣчны.

Какъ военная держава, Австрія съ наибольшимъ успѣхомъ дѣйствовала въ Италіи, гдѣ рознь и соперничество мелкихъ государствъ обезсиливали національное движеніе и значительно облегчали роль посторонних завоевателей. Итальянскіе патріоты, мечтавшіе о независимости и политическомъ единствѣ націи, расходились между собою во взглядахъ на способы осуществленія своего идеала. Одни, какъ Джузеппе Маццини, надѣялись достигнуть цѣли путемъ народныхъ возстаній подъ знаменемъ республики: другіе, какъ Джоберти, возлагали задачу объединенія на папство: третьи связывали будущность Италіи съ политическими стремленіями Пьемонта и Савойскаго дома. Когда лѣтомъ 1846 года умеръ папа Григорій XVI и на его мѣсто выбранъ былъ кардиналъ графъ Мастаи-Ферретти, принявшій имя Пія IX, то первые шаги новаго папы предвѣщали какъ-будто счастливый поворотъ къ мирному національному возрожденію подъ главенствомъ Ватикана. Римскій папа ввелъ смѣлыя либеральныя реформы, созывалъ народныхъ представителей, участвовалъ въ обсужденіи проекта общей итальянской федераціи, центромъ которой былъ бы «вѣчный городъ», и открывалъ вообще совершенно новую эру національнаго и прогрессивнаго папства. Пій IX сталъ въ короткое время самымъ популярнымъ лицомъ въ Италіи. Вся нація готова была послѣдовать его призыву и соединиться подъ его властью, и если бы онъ рѣшился взять на себя эту великую историческую миссію, то исторія Италіи пошла бы по другой дорогѣ, и національное объединеніе совершилось бы безъ кровавой борьбы. Но римская церковь не могла отречься отъ вѣковыхъ традицій и внезапно измѣнить свой характеръ: глава ея не могъ сдѣлаться вождемъ народа и выступить противъ законныхъ государей и правительствъ во имя національной свободы и независимости. Иллюзія исчезла, какъ только мечты перешли на почву фактовъ.

Единственною реальною надеждою итальянскихъ патріотовъ былъ Пьемонтъ, гдѣ король Карлъ-Альбертъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, являлся живымъ воплощеніемъ національной идеи: давнишняя ненависть къ Австріи и династическое честолюбіе толкали его на путь, указываемый общимъ національнымъ чувствомъ итальянцевъ. На Пьемонтъ и его короля обращали свои взоры многострадальные жители всѣхъ итальянскихъ земель, подвластныхъ австрійскимъ и туземнымъ тиранамъ. Пьемонтъ представлялъ собою благоустроенное государство съ разумнымъ національнымъ правительствомъ, съ хорошею арміею и прочными финансами: однако самъ по себѣ онъ не въ силахъ былъ противостоять австрійской имперіи, а другія государства и области Италіи осуждены были на внутреннюю борьбу, отвлекавшую ихъ населеніе отъ общаго національнаго дѣла. Оттого и на этотъ разъ патріотическія усилія и жертвы итальянцевъ остались безплодными.

Еще до февральской революціи, въ январѣ 1848 года возстали жители Сициліи и принудили неаполитанскихъ солдатъ очистить Палермо: король Фердинандъ II сначала пошелъ на уступки, обѣщалъ Сициліи полное самоуправленіе съ особымъ парламентомъ, созвалъ палаты въ Неаполѣ, но въ маѣ одержалъ побѣду надъ обывателями своей столицы, отрекся отъ своихъ обѣщаній и послалъ войска противъ Сициліи. Въ сентябрѣ, послѣ продолжительной бомбардировки съ моря и съ суши взятъ былъ штурмомъ и разграбленъ городъ Мессина: посредничество командировъ двухъ иностранныхъ эскадръ, французской и англійской, не привело къ соглашенію, и сицилицы возобновили войну, поручивъ главное начальство полковнику Мѣрославскому. Неаполитанскія войска имѣли большой перевѣсъ надъ революціонными отрядами, благодаря своей артиллеріи; въ апрѣлѣ 1849 года они овладѣли Катаніею, а въ маѣ заняли Палермо: на островѣ опять установились прежніе порядки. Со времени этого сицилійскаго погрома, въ которомъ рѣшающее значеніе принадлежало артиллеріи, за Фердинандомъ II утвердилось прозвище «короля-бомбы».

ь Сольферино, 24-го іюня 1859 г.
музей въ Парижѣ).

Такимъ образомъ королевство обѣихъ Сицилій было устранено отъ участія въ борьбѣ за освобожденіе Италіи. Борьба эта энергически велась на сѣверѣ: престарѣлый фельдмаршалъ Радецкій вынужденъ былъ въ мартѣ 1848 года удалить свои войска изъ Милана: то же самое сдѣлалъ графъ Зичи въ Венеціи, гдѣ вождемъ народа былъ даровитый адвокатъ и ораторъ, самоотверженный Даніель Манинъ. Призванный возставшими на помощь, сардинскій король 24-го марта объявилъ Австріи войну и вступилъ въ предѣлы Ломбардіи, при необычайномъ энтузіазмѣ населенія. Первыя встрѣчи съ австрійцами были благопріятны для Карла-Альберта. Ломбардія, въ лицѣ своихъ представителей, высказалась въ маѣ 1848 года за присоединеніе къ Пьемонту: ея примѣру послѣдовала въ іюнѣ Венеція: еще раньше присоединились Парма и Модена, герцоги которыхъ бѣжали въ Австрію: великое герцогство Тосканское, увлеченное общимъ потокомъ, снарядило свои вспомогательные отряды для участія въ дѣйствіяхъ сардинской арміи: даже Неаполь послалъ на театръ войны свое войско, которое, впрочемъ, Фердинандъ II вскорѣ вернулъ обратно. Между тѣмъ Радецкій собрался съ силами и нанесъ пораженіе арміи Карла-Альберта при Кустоццѣ 25-го іюля: затѣмъ онъ вновь занялъ Миланъ и заключилъ перемиріе, по которому непріятель долженъ былъ очистить Ломбардію и Венецію. Ломбардія была опять во власти австрійцевъ, но Венеція еще держалась цѣлый годъ подъ предводительствомъ Манина, геройски обороняясь отъ австрійцевъ, осаждавшихъ городъ съ суши и съ моря.

Въ Папской области періодъ реформаторскихъ попытокъ окончился неудачей; назначенный въ сентябрѣ 1848 г. главой министерства, бывшій французскій посланникъ графъ Пеллегрино Росси, умѣренно-либеральный писатель и ученый, былъ убитъ два мѣсяца спустя, и среди возникшихъ по этому поводу безпорядковъ папа Пій IX въ ноябрѣ тайкомъ удалился въ Гаэту подъ защиту Фердинанда II. Въ Римѣ установилось временное правительство, душою которого былъ Маццини, и въ февралѣ 1849 года провозглашена республика. Въ то же время водворилась республика и въ великомъ герцогствѣ Тосканскомъ, гдѣ сначала однимъ изъ тріумвировъ, а потомъ диктаторомъ, — былъ писатель Гверацци. При такомъ положеніи дѣлъ въ Италіи, Пьемонтъ принужденъ былъ возобновить войну, съ истеченіемъ срока перемирія въ мартѣ 1849 года. Въ рѣшительной битвѣ при Новарѣ, 23-го марта, войска Пьемонта были разбиты, и Карлъ Альбертъ вечеромъ того же дня отрекся отъ престола въ пользу своего сына Виктора-Эммануила II. Надежды итальянцевъ рушились: австрійцы заняли Тоскану и послѣ долгихъ переговоровъ заключили миръ съ новымъ королемъ Сардиніи, безъ нарушенія его границъ, при дипломатическомъ участіи Франціи и Англіи.

Ремесла решительны при диктатурѣ. Маццини готовилась провозгласить республиканское устройство соединенной Италіи: Маццини и Гарибальди воспламеняли умы мечтами о будущемъ величіи Рима, когда въ дѣло вмѣшалась Франція, выступившая на защиту папскаго престола. Экспедиціонный корпусъ генерала Удино, посланный президентомъ французской республики, принцемъ Луи-Наполеономъ, приступилъ къ осадѣ Рима и въ началѣ іюня 1849 года овладѣлъ «вѣчнымъ городомъ». Гарибальди бѣжалъ съ небольшимъ отрядомъ, преслѣдуемый французами и австрійцами. На рыбацкой лодкѣ онъ спасся въ Геную, потерявъ въ пути жену и нѣсколькихъ офицеровъ спутниковъ, которые были пойманы австрійцами и разстрѣляны. Гарибальди вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ въ Америку, пріобрѣвъ славу народнаго героя и одного изъ лучшихъ борцовъ за національную свободу Италіи. Его искусство въ организаціи отрядовъ добровольцевъ и въ веденіи партизанской войны проявилось съ особеннымъ блескомъ въ дѣйствіяхъ его въ Ломбардіи противъ арміи Радецкаго и въ Римѣ противъ войскъ генерала Удино. Необыкновенно смѣлый и предпріимчивый, не знавшій никакихъ колебаній и сомнѣній, Гарибальди соединялъ въ себѣ самый возвышенный патріотизмъ съ энергіею и находчивостью практическаго дѣятеля. Онъ умѣлъ воодушевлять толпу и поддерживать въ ней бодрость въ самые трудные моменты; его имя было съ тѣхъ поръ неразрывно связано съ дѣломъ освобожденія и объединенія Италіи.

Графъ Кавуръ.

Въ августѣ 1849 года Венеція сдалась австрійцамъ. Въ апрѣлѣ 1850 года, Пій IX вернулся изъ Гаэты въ Римъ. Бѣжавшіе правители возвратились въ свои владѣнія и прежнее безнадежное состояніе возстановилось въ Италіи. Революціонная буря прошла, но сильнѣе, чѣмъ когда-либо, сознавалась итальянцами необходимость свергнуть иноземное иго. Побѣжденный Пьемонтъ окончательно упрочилъ за собой руководящую роль въ судьбахъ итальянской націи. Завѣтная цѣль не измѣнилась, но способы дѣйствія стали другими. Не полагаясь уже на собственныя силы, Пьемонтъ искалъ союзниковъ и, благодаря дипломатической ловкости своего министра Кавура, обезпечилъ себѣ поддержку Франціи въ лицѣ Наполеона III. Графъ Камилло Кавуръ, журналистъ и экономистъ, вступивъ въ либеральное министерство маркиза д'Азеліо въ 1850 году, сначала какъ министръ торговли, а потомъ министръ финансовъ, сразу обратилъ на себя вниманіе своими убѣжденными рѣчами, своимъ дальновиднымъ патріотическимъ благоразуміемъ и своей искусной парламентской тактикой; съ ноября 1852 года онъ былъ уже министромъ-президентомъ и стѣлался незамѣнимымъ руководителемъ сардинской политики. Какъ опортунистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ сообразовался съ обстоятельствами, пользовался ими съ терпѣливой настойчивостью, входилъ въ сдѣлки и компромиссы, никогда не упуская изъ виду своей основной задачи. Италія нашла въ Кавурѣ своего практическаго политика, какъ въ Гарибальди своего національнаго героя.

IV.
1852 - 1872.

Послѣ острыхъ явленій и борьбы 1848—1849 годовъ, въ Европѣ настало затишье. Австрія и Россія были главными охранительными державами материка. Русское вмѣшательство въ отдѣльныя дѣла для усмиренія волновавшихся народовъ и контрреволюціи пользовалось въ Россіи безъ общественнаго ропота. Сами правительства, приблизившіе къ содѣйствію Россіи для защиты своихъ династическихъ интересовъ, не могли противостоять этому народному настроенію въ мирное время и должны были обнаруживать неблагодарность, которая способна была «удивить міръ», по выраженію австрійскаго министра, князя Шварценберга. Русское правительство считалось могущественнѣйшимъ врагомъ западно-европейскихъ народовъ, и коалиція противъ Россіи, устроенная въ половинѣ 50-хъ годовъ, была чрезвычайно популярна въ Европѣ.

Новая французская имперія укрѣпилась и пріобрѣла авторитетъ, благодаря крымской кампаніи. Австрія дѣйствовала противъ Россіи дипломатическими и военными демонстраціями, не рѣшаясь воевать только вслѣдствіе сдерживающей и отчасти двусмысленной политики Пруссіи. Сардинія воспользовалась случаемъ, чтобы усилить свое международное положеніе, и присоединилась къ союзу великихъ державъ (въ январѣ 1855 года). Войска Пьемонта, вмѣстѣ съ англійскими и французскими, приняли участіе въ осадѣ Севастополя. Англія и Франція признали въ этомъ случаѣ полную равноправность Сардиніи и косвенно какъ бы подтвердили ея политическое призваніе въ Италіи. Сдѣлавшись союзникомъ Наполеона III, графъ Кавуръ извлекъ изъ этого союза всѣ выгоды, какія можно было извлечь при данныхъ обстоятельствахъ. Пьемонтъ принесъ значительныя жертвы для совершенно посторонняго и ненужнаго ему предпріятія, чтобъ заручиться военной помощью Франціи противъ Австріи. На мирномъ конгрессѣ въ Парижѣ, въ мартѣ 1856 года, Сардинія въ лицѣ Кавура подняла вопросъ о будущемъ устройствѣ Италіи въ видахъ упроченія общаго мира. Итальянскій вопросъ былъ впервые офиціально поставленъ предъ лицомъ европейской дипломатіи, при сочувственномъ одобреніи Франціи и Англіи. Указанія Кавура, направленныя главнымъ образомъ противъ Австріи, не имѣли непосредственнаго практическаго значенія, но предвѣщали новую постановку вопроса и новую борьбу въ ближайшемъ будущемъ. Вѣнскій кабинетъ убѣдился, что ни военныя побѣды, ни административныя насилія, не разрѣшаютъ и не устраняютъ вопроса о національномъ существованіи итальянскаго народа.

Мучительная итальянская проблема горячо обсуждалась въ литературѣ и журналистикѣ, особенно во Франціи. Наполеонъ III все болѣе склонялся къ мысли о войнѣ за единство Италіи. Мысль эта окончательно созрѣла въ немъ послѣ личныхъ переговоровъ съ Кавуромъ въ Пломбьерѣ лѣтомъ 1858 года. Пьемонтъ началъ готовиться къ войнѣ. Въ апрѣлѣ 1859 года Австрія потребовала пріостановки этихъ вооруженій, и послѣ отказа Кавура начались военныя дѣйствія, причемъ на первый планъ выступила уже союзница Пьемонта — Франція. 4-го іюня союзныя войска одержали побѣду надъ австрійцами при Манджентѣ, а 24-го іюня при Сольферино. Въ іюлѣ заключено было перемиріе, и Наполеонъ III, при личномъ свиданіи съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ въ Виллафранкѣ, предложилъ образовать въ Италіи федерацію подъ почетнымъ главенствомъ папы. Ломбардія присоединялась къ Сардиніи. Венеція оставлена подъ властью Австріи, а Тоскана и Модена должны были быть возвращены своимъ прежнимъ государямъ. Окончательный миръ былъ подписанъ въ Цюрихѣ 10-го ноября. Наполеонъ допускалъ федеральное единство Италіи, но не желалъ чрезмѣрнаго усиленія Сардиніи.

Между тѣмъ итальянскій народъ ясно выражалъ свою рѣшимость объединиться подъ властью Пьемонта и покончить съ отдѣльными мелкими государствами и свѣтскимъ владычествомъ папы. Франція предоставила самимъ итальянцамъ довершить начатое дѣло. Сѣверная часть папскихъ владѣній, Тоскана, Модена и Парма добровольно присоединились къ Сардиніи; зато часть Савойи и Ниццы были уступлены Франціи, что подтверждено было народнымъ голосованіемъ. Кавуръ вышелъ въ отставку послѣ неожиданнаго перемирія въ Виллафранкѣ, и вновь сталъ главою кабинета въ началѣ 1860 года. Гарибальди, дѣйствовавшій успѣшно въ Тосканѣ, предпринялъ свою знаменитую экспедицію «тысячи» въ Сицилію въ маѣ 1860 года, занялъ главные пункты острова и объявилъ о присоединеніи его къ Сардиніи. Въ Неаполѣ, гдѣ преемникъ Фердинанда II, умершаго въ маѣ 1859 года, слѣдовалъ традиціямъ своей семьи, съ нетерпѣніемъ ожидалось появленіе Гарибальди, который высадился съ своимъ отрядомъ въ августѣ у береговъ Калабріи. Королевство обѣихъ Сицилій раздѣлило судьбу сѣверной Италіи. Гарибальди не хотѣлъ и не могъ остановиться на полъ-пути: онъ хотѣлъ во что бы то ни стало возвѣстить единство Италіи въ ея центрѣ Римѣ. Старанія Кавура удержать его отъ похода на Папскую область не имѣли успѣха. Гарибальди разошелся съ Кавуромъ съ того момента, какъ его родина — Ницца съ Савойей отдана была французамъ. Не будучи въ силахъ помѣшать неодолимому ходу событій, Кавуръ рѣшилъ примкнуть къ движенію и противопоставить враждебной иностранной дипломатіи готовые совершившіеся факты. Сардинскія войска заняли Умбрію и сосѣднія папскія провинціи, разбили наемные папскіе отряды и вступили въ Анкону. Въ началѣ октября Викторъ Эмануилъ вмѣстѣ съ Гарибальди торжественно вступилъ въ Неаполь; затѣмъ Гарибальди, считая свою задачу пока оконченной, удалился на островъ Капреру, отказавшись отъ всякихъ почетныхъ званій и наградъ. Неаполитанскій король, осажденный съ своей арміей въ Гаэтѣ, сдался въ февралѣ 1861 года Виктору Эмануилу и удалился въ Римъ.

Первый итальянскій парламентъ собрался въ Туринѣ и провозгласилъ сардинскаго короля королемъ Италіи. Національное объединеніе почти вполнѣ осуществилось: всѣ итальянскія государства и области, за исключеніемъ Венеціи и части римскихъ владѣній, образовали теперь единое Итальянское королевство. То, что начато было Наполеономъ и Кавуромъ, было довершено отчасти противъ воли Наполеона, который взамѣнъ вознаградилъ себя цѣннымъ территоріальнымъ пріобрѣтеніемъ насчетъ Пьемонта. Итальянскому правительству предстояла громадная внутренняя работа по организаціи управленія въ присоединенныхъ областяхъ: введеніе новыхъ порядковъ и учрежденій въ бывшемъ королевствѣ обѣихъ Сицилій, въ великомъ герцогствѣ Тосканскомъ, герцогствахъ Пармскомъ и Моденскомъ и въ Ломбардіи, поглощало все вниманіе и силы Кавура въ послѣдніе мѣсяцы его жизни. Въ іюнѣ 1861 года онъ умеръ, оставивъ своимъ продолжателямъ весьма сложную и трудную задачу.

Итальянскіе патріоты не могли успокоиться пока Римъ не сдѣлался столицей Италіи. Папа находился еще подъ защитой французскихъ войскъ. Римскій вопросъ служилъ предметомъ постояннаго раздора между Италіей и Франціей. Правительство Виктора Эмануила, подчиняясь вліянію Франціи и стараясь избѣгать разлада съ Наполеономъ III, вынуждено было дѣйствовать противъ горячихъ патріотовъ, стремившихся къ немедленному занятію Рима. Когда лѣтомъ 1862 года Гарибальди съ нѣсколькими тысячами добровольцевъ предпринялъ походъ на Римъ, то противъ него выступили итальянскія войска и разсѣяли его отрядъ при Аспромонтѣ, причемъ самъ Гарибальди былъ раненъ. Чтобы не давать повода къ дальнѣйшимъ волненіямъ и упрочить мирныя отношенія съ Франціей, заключенъ былъ съ нею въ сентябрѣ 1864 года договоръ, по которому французскій гарнизонъ долженъ былъ покинуть Римъ и папскія владѣнія; Италія обязывалась охранять Церковную область отъ всякихъ посягательствъ и довольствоваться перенесеніемъ своей столицы во Флоренцію. Въ силу этой сентябрской конвенціи Италія съ конца 1866 года избавилась на время отъ присутствія иностранныхъ солдатъ въ предѣлахъ Рима.

Національное объединеніе Италіи было поворотнымъ пунктомъ въ новѣйшей исторіи Европы. Самый способъ, какимъ оно осуществилось, указывалъ на глубокую перемѣну въ политической жизни и практикѣ государствъ. Страны и области, присоединившіяся къ Пьемонту, сами рѣшали свою судьбу посредствомъ всеобщаго народнаго голосованія, и принципъ народнаго верховенства впервые получилъ примѣненіе въ Италіи въ сферѣ такихъ задачъ и интересовъ, которые прежде входили исключительно въ компетенцію международной дипломатіи. Принципъ національностей, признанный и отчасти пущенный въ ходъ Наполеономъ III, повлекъ за собою офиціальное признаніе другого болѣе общаго и важнаго принципа національнаго или народнаго самоопредѣленія, долго считавшагося опасной революціонной идеей. Національныя права и стремленія народа стали прочной основой и фундаментомъ національной политики, не только внѣшней, но и внутренней.

Этой коренной перемѣнѣ политическихъ взглядовъ предшествовало значительное измѣненіе въ группировкѣ и положеніи великихъ державъ. Австрія перестала быть охранительницей престоловъ и алтарей, во имя которыхъ народы

утешались неудачными и недобросовѣстными правителями. Россія, послѣ крымской войны, должна была отказаться отъ прежнихъ опекунскихъ заботъ по отношенію къ чужымъ ей западно-европейскимъ дѣламъ. Первая роль въ Европѣ послѣ парижскаго конгресса 1856 г. перешла къ Наполеону III, который выросъ и возвысился на чисто революціонной почвѣ. Своей побѣдой надъ Австріей и своимъ участіемъ въ національномъ объединеніи Италіи Наполеонъ III достигъ апогея своей славы и могущества: съ начала 60-хъ годовъ онъ былъ несомнѣнно законодателемъ европейской политики. Къ его голосу прислушивались всѣ иностранные кабинеты, и его указанія и намеки принимались, какъ изреченія оракула. Но его имперія, столь блестящая и сильная извнѣ, имѣла въ себѣ зародышъ разрушенія, такъ какъ построена была на внутренней фальши. Поддерживая извѣстныя начала во внѣшней политикѣ, онъ боролся съ ними внутри: право народовъ и національностей было для него только предметомъ выгоды.

Вторая имперія во Франціи подражала во многомъ старинно-древнихъ греческихъ республикъ. Правитель утвердился во власти во имя своего особаго интереса, представленнаго интереса общественнаго и народнаго; онъ избралъ государство въ государствѣ, какъ основу для себя, для своихъ помощниковъ и приверженцевъ, воспользовавшись общимъ настроеніемъ большей Франціи. Франція былъ не злой, даже добрый и ласковый въ личныхъ отношеніяхъ, иногда великодушный въ своихъ цѣлеустремленіяхъ и мечтаніяхъ: но его управленіе было чисто династическое, и онъ не могъ чувствовать себя свободнымъ съ націей, которая въ порывѣ увлеченія отдала его громкому имени и затѣмъ должна была противъ воли примириться господствомъ его многочисленныхъ клевретовъ. Въ основѣ его величества лежала цѣлая система лжи и [illegible] опиралась на народную волю, выражаемую всеобщимъ голосованіемъ, но эту народную волю онъ закованъ въ цѣпи административно-полицейскаго всевластія, превращавшаго всеобщую подачу голосовъ въ недостойную комедію. Онъ устроилъ народное представительство съ тѣмъ, чтобъ оно представляло не мнѣнія и желанія населенія, а интересы и желанія сторонниковъ и союзниковъ администраціи, которая сама рекомендовала и проводила кандидатовъ въ члены выборной законодательной палаты. Онъ говорилъ и дѣйствовалъ отъ имени Франціи, но на самомъ дѣлѣ руководствовался исключительно интересами своей династіи. Онъ допускалъ свободу слова и печати только для своихъ приверженцевъ и хвалителей, уничтоживъ право критики для всѣхъ искреннихъ и честныхъ людей страны. Онъ часто упоминалъ о неблагонамѣренныхъ лицахъ, подкапывающихся подъ общественный порядокъ, но всякій понималъ, что подъ неблагонамѣренными онъ разумѣетъ только тѣхъ, которые не сочувствуютъ взглядамъ и пріемамъ его министровъ; и въ числѣ этихъ неблагонамѣренныхъ были всѣ независимые умы и характеры, благонамѣреннѣйшіе патріоты Франціи, безусловные защитники общественнаго порядка, какъ напримѣръ Тьеръ и его единомышленники. Антагонизмъ между властью и обществомъ возведенъ былъ на степень правительственнаго принципа. На первыхъ порахъ дѣятели государственнаго переворота 2-го декабря распоряжались во Франціи, какъ въ непріятельской странѣ: но и позднѣе, до конца имперіи общество, разсматривалось какъ враждебная сила, которую надо обуздать или обмануть для успокоенія власти.

Джузеппе Гарибальди. По литографіи 1861 года.

Первою заботой правительства Наполеона III было создать атмосферу молчанія, въ которой свободно раздавались бы только голоса оффиціальной лести, лицемѣрія и ханжества. Новыя правила о печати установленныя декретомъ 17-го февраля 1852 г., ставили журналистику и литературу подъ опеку министерства внутреннихъ дѣлъ и его органовъ. Право издавать газету и журналъ зависѣло отъ предварительнаго разрѣшенія, которое давалось только лицамъ благонадежнымъ,

т.-е. угоднымъ министерству. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлялось объявлять редакціямъ офиціальныя предостереженія за печатаніе статей, почему-либо непріятныхъ и нежелательныхъ для администраціи. Послѣ двухъ предостереженій изданіе могло быть пріостановлено на время; для окончательнаго запрещенія достаточно было правительственнаго декрета, подписаннаго главою государства, съ указаніемъ на «вредное направленіе», главнѣйшимъ признакомъ котораго считалось разногласіе съ дѣятелями администраціи по текущимъ вопросамъ внутренней политики. Администрація смѣло взяла общественную мысль подъ свой бдительный надзоръ; министерство полиціи, а потомъ внутреннихъ дѣлъ, весьма далекое по своимъ задачамъ отъ высшихъ умственныхъ интересовъ, авторитетно направляло и поправляло писателей въ области всевозможныхъ вопросовъ философскихъ, историческихъ, экономическихъ и литературныхъ. Всякое самостоятельное обсужденіе общественныхъ и политическихъ интересовъ было рѣшительно изгнано изъ области журналистики. Газеты могли говорить о чемъ угодно, но только не о томъ, что серьезно занимало и волновало публику. Администрація одинаково брала подъ свою охрану и финансовыхъ дѣльцовъ, и балетныхъ танцовщицъ, и религію, и свѣтскихъ жуировъ, и продажныхъ сановниковъ, имѣвшихъ основаніе опасаться гласности. На этой почвѣ развилась и достигла большого процвѣтанія новая журнальная литература, свободная отъ какихъ бы то ни было нравственныхъ правилъ и всецѣло посвященная скандальной хроникѣ, беззастѣнчивой порнографіи и промышленно-биржевымъ предпріятіямъ.

Страсть къ наслажденіямъ и легкой наживѣ наполнила образовавшуюся пустоту въ общественно-политической жизни Франціи. Духъ спекуляціи проникъ во всѣ слои общества; непрерывно создавались новыя соблазнительныя аферы, раздуваемыя рекламой. Печать, обреченная на безсиліе въ служеніи общественнымъ интересамъ, превратилась въ могущественное орудіе для обиранія довѣрчивой публики въ пользу смѣлыхъ и ловкихъ предпринимателей. Это былъ золотой вѣкъ для денежныхъ тузовъ, для необузданной биржевой игры. Аферисты разнаго рода и ранга господствовали при второй имперіи, ибо сама эта имперія была прежде всего колоссальною аферою. Государственные финансы велись такимъ образомъ, что даже личный другъ Наполеона III, банкиръ Фульдъ, счелъ долгомъ въ 1861 году предостеречь его отъ опасности подобнаго хозяйничанья. Въ восемь лѣтъ такъ-называемые чрезвычайные кредиты поглотили почти двѣ съ половиною милліарда франковъ; изъ года въ годъ повторялся въ бюджетѣ дефицитъ въ размѣрѣ около 300 милліоновъ. Когда въ «Revue des deux Mondes» указано было на недостатки этой бюджетной системы, журналу дано было предостереженіе за «ложныя увѣренія, могущія возбудить тревогу въ странѣ», а вслѣдъ затѣмъ самъ императоръ, на основаніи секретной записки Фульда, рѣшилъ смѣнить министра финансовъ и произвести необходимыя реформы для избѣжанія финансоваго кризиса.

Распущенность нравовъ послужила замѣною политической и умственной свободы. Утонченный развратъ процвѣталъ безъ всякихъ стѣсненій; наука и литература находились въ загонѣ подъ придирчивымъ наблюденіемъ офиціальныхъ опекуновъ. Университеты и школы, ученые дѣятели и публицисты подчинены были многочисленнымъ ограниченіямъ, оставаясь въ постоянной зависимости отъ произвола администраціи, которая вообще предполагалась всевѣдущею и непогрѣшимою; зато оперетка и канканъ находились подъ особымъ покровительствомъ, и ихъ свободное царство было предметомъ удовлетворенія и гордости для правителей. Парижъ, радикально перестроенный и украшенный при Наполеонѣ III, сдѣлался притягательнымъ центромъ для искателей удовольствій и любознательныхъ туристовъ со всѣхъ концовъ свѣта, тогда какъ Викторъ Гюго не имѣлъ доступа во Францію.

При всѣхъ своихъ внѣшнихъ успѣхахъ, вторая имперія оставалась до конца чѣмъ-то эфемернымъ и искусственнымъ. Это была организованная узурпація, приспособленная къ цѣлямъ и стремленіямъ небольшой горсти честолюбцевъ. Зданіе второй имперіи могло держаться только до тѣхъ поръ, пока внѣшнія удачи скрывали отъ взоровъ толпы внутреннюю ея пустоту. Наполеонъ III откровенно прибѣгалъ къ ненужнымъ и разорительнымъ для страны международнымъ предпріятіямъ съ спеціальною цѣлью отвлечь умы отъ внутреннихъ дѣлъ государства. Внѣшняя политика его подчинялась случайнымъ мотивамъ и рѣшеніямъ, въ зависимости отъ соображеній объ авторитетѣ и «престижѣ» имперіи. Давать пищу національному самолюбію французовъ и этимъ заглушать неудовольствіе оппозиціи,—таково было постоянное политическое правило, котораго держался Наполеонъ III. Для прочности правительства при такой политической системѣ требовалось только одно условіе—непрерывный успѣхъ во всѣхъ начинаніяхъ, разсчитанныхъ на усиленіе и оживленіе популярности императорскаго режима. Малѣйшая внѣшняя неудача колебала положеніе династіи и поощряла склонность публики къ критикѣ существующихъ порядковъ, а между тѣмъ императоръ, считавшій себя тонкимъ дипломатомъ, далеко не обладалъ дальновидностью въ пониманіи и оцѣнкѣ современныхъ ему политическихъ вопросовъ и обстоятельствъ. Онъ слишкомъ полагался на секретныя политическія комбинаціи и не отдавалъ себѣ ясного отчета въ истинномъ значеніи и логическихъ послѣдствіяхъ тѣхъ принциповъ, на которые самъ же ссылался, онъ не предвидѣлъ того широкаго примѣненія, которое получитъ національная идея въ Италіи и Германіи. Его попытки поставить преграду стихійному росту національнаго движенія въ сосѣднихъ странахъ привели въ концѣ концовъ къ паденію его собственной имперіи.

Викторъ Эмануилъ, король итальянскій.

Въ Германіи ощутомъ національнаго движенія была Пруссія. Положеніе ея было во многихъ отношеніяхъ близкое, но въ то же время и труднѣе и отвѣтственнѣе, чѣмъ положеніе Пьемонта въ Италіи. Итальянская нація стиснулась за Пьемонтомъ и подчинилась его руководству, охотно жертвуя своими династіями и старыми областными предразсудками. Пьемонтъ не имѣлъ серьезныхъ братовъ и соперни-

ковь въ самой Италіи; его выдвигало впередъ народное движеніе, которое приходилось лишь направлять и сдерживать по возможности. Только военная слабость сравнительно съ могуществомъ Австріи мѣшала Пьемонту достигнуть цѣли; но это препятствіе устранялось пріобрѣтеніемъ такого союзника, какъ Франція. Пруссія не пользовалась всеобщей популярностью въ Германіи; только какъ сильная военная держава, чисто нѣмецкая по духу, она служила естественнымъ и надежнымъ средоточіемъ объединительныхъ національныхъ стремленій. Пруссія не могла разсчитывать на добровольное присоединеніе другихъ германскихъ государствъ; эти государства представляли большею частью не искусственныя политическія организаціи, а національно-племенныя, съ своей особой исторіей и традиціями: династіи имѣли прочный корень въ народѣ и не только не находились въ разладѣ съ общественнымъ мнѣніемъ, какъ итальянскіе Бурбоны и австрійскіе намѣстники, но были даже болѣе популярны, чѣмъ Гогенцолерны въ Пруссіи. Южно-германскія государства стояли отчасти выше Пруссіи по степени политической свободы и по общему развитію культуры. Пруссія должна была считаться и съ племенной обособленностью Баваріи, Саксоніи и другихъ областей, съ ихъ старинными династіями, къ которымъ привыкло и привязалось населеніе. Пруссаки могли быть только союзниками, военными и политическими предводителями, и нужно было большое политическое искусство, чтобы объединить германскія народности подъ главенствомъ Пруссіи безъ внутреннихъ междоусобій и потрясеній.

Австрія, стоявшая номинально во главѣ германскаго союза, подавляла Пруссію своимъ вліяніемъ и авторитетомъ, пока опиралась на соглашеніе Россіи и на свою руководящую роль въ «священномъ союзѣ»; но положеніе ея существенно измѣнилось послѣ крымской войны и особенно послѣ неудачъ 1859 года. Столкновеніе съ Франціей изъ-за Италіи раскрыло недостатки австрійской военной организаціи и усилило надежду Пруссіи на возможность успѣха въ случаѣ войны съ Австріей за преобладаніе въ Германіи. Подобно тому, какъ Пьемонтъ заручился поддержкой Наполеона, точно такъ же и Пруссія могла разсчитывать на его содѣйствіе при извѣстныхъ условіяхъ. Король Фридрихъ Вильгельмъ IV, уступившій по болѣзни власть своему брату и наслѣднику, принцу Вильгельму, въ 1858 году, умеръ въ началѣ 1861 года, и королемъ сталъ бывшій регентъ, Вильгельмъ I, прошедшій строгую военную школу, любитель и знатокъ военнаго дѣла, истинный представитель градній Гогенцолерновъ, весь проникнутый сознаніемъ важности и величія задачи, выпавшей на долю Пруссіи.

Предвидя, что будущность Пруссіи и Германіи зависитъ исключительно отъ военной силы, правительство Вильгельма I направило всѣ свои заботы на увеличеніе и усовершенствованіе арміи, не останавливаясь ни предъ какими финансовыми затратами и усиліями. Противъ этихъ чрезмѣрныхъ расходовъ по военному вѣдомству возставало либеральное большинство прусской палаты депутатовъ, и конфликтъ между правительствомъ и парламентомъ сдѣлался хроническимъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Одно министерство смѣнялось другимъ, палата закрывалась или распускалась, и общее недовольство возрастало въ народѣ. Въ сентябрѣ 1862 года призванъ былъ на постъ прусскаго главы министерства Отто фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ, назначенный вслѣдъ затѣмъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и министромъ президентомъ.

Бисмарку было тогда 46 лѣтъ, и хотя онъ состоялъ на дипломатической службѣ съ 1851 года, но въ дѣйствительности онъ не принадлежалъ къ типу чиновниковъ и не былъ профессіональнымъ дипломатомъ. Это былъ человѣкъ съ смѣлымъ и свободнымъ умомъ, лишенный предразсудковъ, чуждый всякой бюрократіи, прямой и отрешенный въ личныхъ отношеніяхъ. Какъ прусскій землевладѣлецъ и сельскій хозяинъ онъ выдвинулся еще въ 40-хъ годахъ своими консервативными рѣчами въ прусскомъ сеймѣ и казался типическимъ представителемъ помѣщика и самовольнаго прусскаго «юнкерства». Свои университетскіе годы въ Геттингенѣ и Берлинѣ онъ провелъ въ шумныхъ развлеченіяхъ и приключеніяхъ, въ которыхъ видную роль играла его необыкновенная физическая сила. Впослѣдствіи, проживая въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи, онъ дополнилъ свое философское образованіе, увлекался Спинозой, читалъ массу книгъ по исторіи и политикѣ. Въ немъ соединялись разнородныя качества, необходимыя для практической дѣятельности, — крѣпкое здоровье, выдержка и упорство въ трудѣ, твердая воля, житейскій здравый смыслъ и неизмѣнная бодрость духа съ оттѣнкомъ веселаго юмора. Это былъ человѣкъ, способный публично и громко высказывать то, что другіе считаютъ долгомъ скрывать и замалчивать. Безцеремонный до рѣзкости, неразборчивый въ средствахъ иногда до цинизма, онъ былъ какъ будто созданъ для борьбы. Воспитанный въ преданіяхъ прусскаго монархизма, онъ былъ не столько германскимъ, сколько прусскимъ патріотомъ; но тонкое практическое знаніе современной жизни, ея потребностей и стремленій, исключало предвзятую односторонность направленія и обезпечивало то разнообразіе ресурсовъ, которымъ Бисмаркъ удивлялъ своихъ противниковъ. Въ 50-хъ годахъ, будучи прусскимъ уполномоченнымъ при германскомъ союзномъ сеймѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ, Бисмаркъ успѣлъ основательно изучить закулисныя пружины австрійской дипломатіи и мелочные взаимные счеты второстепенныхъ германскихъ дворовъ; тамъ же во Франкфуртѣ онъ сблизился съ княземъ Горчаковымъ, впослѣдствіи министромъ и канцлеромъ Россійской Имперіи. Съ начала 1859 года онъ былъ посланникомъ въ Петербургѣ и подготовилъ здѣсь тѣ дружественныя и довѣрчивыя отношенія обоихъ правительствъ, которыя принесли ему потомъ такую огромную пользу. Весною 1862 года онъ былъ переведенъ посланникомъ въ Парижъ, гдѣ успѣлъ пріобрѣсть расположеніе и довѣріе Наполеона III.

Уже съ первыхъ дней своего министерства Бисмаркъ прямо и ясно формулировалъ свою мысль въ засѣданіи бюджетной комиссіи прусской палаты депутатовъ: «Пруссія издавна имѣетъ склонность создавать слишкомъ сильное вооруженіе для своего небольшого тѣла; но она должна извлекать выгоды изъ этого вооруженія. Германія надѣется не на либерализмъ Пруссіи, а на ея могущество. Пруссія должна сохранять и укрѣплять свою силу для благопріятнаго момента, который она уже неоднократно пропускала. Прусскія границы, какъ онѣ опредѣлены вѣнскими трактатами, не годятся для здороваго государственнаго тѣла. Не рѣчами и не рѣшеніями большинства рѣшаются великіе вопросы современности, а желѣзомъ и кровью». Парламентская оппозиція усмотрѣла въ этихъ заявленіяхъ скрытую угрозу и еще съ большей энергіей отстаивала право палаты контролировать и ограничивать государственные расходы. Бисмаркъ нашелъ поддержку въ верхней палатѣ, которая и утверждала бюджетныя смѣты, отвергнутыя палатой депутатовъ; это противорѣчіе между обѣими палатами, не предусмотрѣнное конституціей, позволяло Бисмарку хозяйничать безъ одобренія парламента.

Годы «конфликта» составляли блестящій предварительный періодъ политической дѣятельности Бисмарка. Въ рѣчахъ своихъ онъ входилъ въ подробное обсужденіе сложныхъ конституціонныхъ вопросовъ и своими мѣткими и остроумными доводами не разъ приводилъ въ замѣшательство самыхъ выдающихся ораторовъ оппозиціи; онъ не отрицалъ и не умалялъ правъ народнаго представительства, но требовалъ отъ противниковъ такого же признанія правъ государственной власти. Къ этой эпохѣ относится сближеніе Бисмарка съ знаменитымъ дѣятелемъ рабочаго движенія, Фердинандомъ Лассалемъ, впервые организовавшимъ тогда нѣмецкую «рабочую партію» — ядро будущей германской соціаль-демократіи. Видя невозможность сойтись съ либералами, Бисмаркъ думалъ тогда выдвинуть противъ нихъ новую общественную силу, наиболѣе враждебную и опасную для доктринеровъ либерализма. Призывы къ государственному вмѣшательству въ пользу рабочихъ были очень кстати для Бисмарка въ такое время, когда оппозиціонныя партіи стремились ограничить предѣлы полномочій и дѣятельности государства, которое слишкомъ часто смѣшивается и отождествляется съ правительствомъ. Бисмаркъ управлялъ дѣлами противъ воли парламента, и государственные расходы производились по бюджету, не утвержденному палатой депутатовъ. Это ненормальное положеніе вещей, созданное Бис-

марку репутацію реакціоннаго министра и возбудившее къ нему ненависть передовой части нѣмецкаго общества, продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не одержалъ своей первой побѣды во внѣшней политикѣ.

Первый толчокъ къ новому національному движенію въ Германіи данъ былъ тѣмъ же шлезвигъ-голштинскимъ вопросомъ, который волновалъ германскую націю въ 1848 году. Въ ноябрѣ 1863 г. произошла перемѣна царствованія въ Даніи, и по этому случаю вновь рѣшалась судьба двухъ германскихъ провинцій, связанныхъ личною уніею съ датской монархіей. Сословные сеймы обоихъ герцогствъ, не считавшія для себя обязательнымъ лондонскій протоколъ 1852 г., опять обращались къ германскому союзному сейму за помощью и поддержкой противъ Даніи, произвольно включавшей ихъ въ свои владѣнія вопреки ихъ историческимъ и національнымъ правамъ. Союзный сеймъ во Франкфуртѣ, послѣ долгихъ колебаній и переговоровъ, поручилъ занятіе Голштиніи саксонскимъ и ганноверскимъ войскамъ; но Бисмаркъ уговорилъ вѣнскій кабинетъ исполнить вмѣстѣ съ Пруссіей ту миссію, которую не въ состояніи былъ удовлетворительно довести до конца союзный германскій сеймъ. Неожиданное соглашеніе двухъ первыхъ державъ Германіи, взаимное соперничество которыхъ было всѣмъ извѣстно, вызывало съ одной стороны недоумѣніе и протесты либеральной оппозиціи, а съ другой—неудовольствіе и раздраженіе второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ. Данія, полагаясь на покровительство и защиту Англіи и Россіи, подписавшихъ лондонскій протоколъ, отвергла категорическія требованія, предъявленныя ей Австріей и Пруссіей въ январѣ 1864 года. Началась война двухъ первоклассныхъ военныхъ державъ противъ маленькой Даніи. Австро-прусскія войска, подъ общимъ начальствомъ фельдмаршала Врангеля, легко справились со своей задачей, несмотря на геройское сопротивленіе датчанъ; въ апрѣлѣ 1864 г., взяты были штурмомъ укрѣпленія Дюппеля, и союзная армія вступила въ Ютландію. По почину Англіи созвана была въ Лондонѣ конференція изъ представителей державъ, участвовавшихъ въ подписаніи протокола 1852 года; но вмѣшательство дипломатіи не привело къ соглашенію, и послѣ шестинедѣльнаго перемирія возобновились военныя дѣйствія. Датское правительство вынуждено было согласиться на миръ, который и былъ заключенъ 30-го октября въ Вѣнѣ. Шлезвигъ и Голштинія были переданы въ распоряженіе Пруссіи и Австріи. Съ этого момента начинается рядъ недоразумѣній и споровъ. Австрія имѣла въ виду предоставить окончательное устройство обоихъ герцогствъ германскому союзному сейму, который съ своей стороны преполагалъ признать наслѣдственныя права принца Августенбургскаго, согласно желанію мѣстнаго населенія; между тѣмъ, Бисмаркъ имѣлъ свой особый планъ, для осуществленія котораго приняты были необходимыя военныя мѣры. Бисмаркъ рѣшилъ утвердиться въ герцогствахъ во что бы то ни стало, не отступая и передъ перспективой войны съ Австріей.

Неизбѣжность этой войны для окончательнаго разрѣшенія національнаго вопроса въ Германіи ясно сознавалась государственными дѣятелями Пруссіи. Безъ насильственнаго удаленія Австріи изъ германскаго союза нельзя было и думать о достиженіи германскаго единства подъ главенствомъ Пруссіи. Обстоятельства были благопріятны. Пруссія имѣла случай наглядно убѣдиться въ превосходствѣ своихъ вооруженій и своихъ военныхъ порядковъ надъ австрійскими. Франція не вмѣшивалась и не давала другимъ вмѣшиваться въ эту домашнюю нѣмецкую распрю. Осенью 1865 года, въ личныхъ переговорахъ съ Наполеономъ III въ Біаррицѣ, Бисмаркъ окончательно заручился сочувственнымъ нейтралитетомъ Франціи, причемъ не уклонялся отъ обѣщаній территоріальнаго вознагражденія. Наполеонъ принималъ его намеки за обязательства и основывался на нихъ въ своей дальнѣйшей политикѣ. Отношенія съ Австріей запутывались и обострялись. Временныя сдѣлки о способахъ управленія обоими герцогствами, съ точнымъ раздѣленіемъ полномочій обѣихъ сторонъ, оставались безплодными на практикѣ и имѣли только цѣлью убѣдить общественное мнѣніе и самого короля Вильгельма I, что Пруссія дѣлаетъ уступки, совмѣстимыя съ ея достоинствомъ. Берлинскій дворъ вовсе не былъ расположенъ къ войнѣ; южно-германскія государства были вообще на сторонѣ Австріи, которая дѣйствовала заодно съ союзнымъ сеймомъ, и съ формальной стороны всѣ чувствовали очевидную неправоту прусскихъ притязаній. Одинъ только Бисмаркъ твердо зналъ, что дѣло идетъ не о спорныхъ герцогствахъ, а о всей будущности Пруссіи и Германіи. Онъ увлекъ за собой короля, условился съ военнымъ министромъ Роономъ и начальникомъ главнаго штаба Мольтке и старался ускорить развязку. Въ апрѣлѣ 1866 года, Бисмаркъ заключилъ союзъ съ Италіей съ вѣдома и согласія Наполеона. Италіи предстояло получить Венецію и довершить такимъ образомъ дѣло національнаго освобожденія.

Гельмутъ Мольтке.

Въ іюнѣ 1866 года прусскія войска заняли Голштинію, находившуюся офиціально въ завѣдываніи Австріи; союзный сеймъ, по предложенію вѣнскаго кабинета, большинствомъ голосовъ постановилъ объявить мобилизацію союзныхъ войскъ противъ Пруссіи. Государства, высказавшіяся противъ Пруссіи и за союзъ съ Австріей, первыя подверглись нападенію прусской арміи. Ганноверъ, курфюршество Гессенское и Саксонія были быстро заняты пруссаками. Рѣшительная битва произошла 3-го іюля въ Чехіи при Саловой и Кенигрецѣ, гдѣ двѣсти тысячъ пруссаковъ разбили на голову соединенную австрійскую армію. Союзники Пруссіи, итальянцы, за недѣлю передъ тѣмъ потерпѣли поражеиіе при Кустоццѣ. Чтобы удержать Италію отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ, Австрія отказалась отъ Венеціи и приняла посредничество Наполеона для переговоровъ о мирѣ. Но война продолжалась, и прусскія войска готовились къ занятію Вѣны. Стараніями французской дипломатіи удалось однако предупредить вступленіе побѣдителей въ австрійскую столицу, и 27-го іюля подписаны были въ главной квартирѣ прусскаго короля въ Никольсбургѣ предварительныя условія мира. Императоръ Францъ-Іосифъ соглашался на новое устройство Германіи безъ участія Австріи. Пруссіи предоставлялось образовать союзъ государствъ къ сѣверу отъ линіи Майна; южныя государства могли составить такой же союзъ съ правомъ устанавливать и опредѣлять свои

Наслѣдный принцъ прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ утромъ передъ сраженіемъ у Кенигграца. Картина М. Веезе.

Сраженіе между австрійскимъ и итальянскимъ флотомъ у Лиссы, 20-го іюля 1866 г. Картина Л. Шенхена.

отношенія къ германскому союзу безъ посторонняго вмѣшательства. Шлезвигъ и Голштинія уступались прусскому королю съ тѣмъ, что сѣверные округа Шлезвига, населенные отчасти датчанами, сохраняли право присоединиться къ Даніи въ силу свободнаго народнаго голосованія. Признаны также территоріальныя пріобрѣтенія Пруссіи въ сѣверной Германіи. На этихъ основаніяхъ заключенъ былъ окончательный миръ въ Прагѣ 23-го августа.

Вся война продолжалась немногимъ болѣе мѣсяца, отъ 16-го іюня до 22-го іюля, а рѣшительный походъ въ Чехію окончился въ восемь дней. Бисмаркъ лично присутствовалъ на театрѣ военныхъ дѣйствій вмѣстѣ съ королемъ и его главнымъ штабомъ. Побѣда была полная, какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Быстрота, съ какой совершился разгромъ Австріи, поразила Европу и, особенно, Францію. Наполеонъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: онъ надѣялся на продолжительную и трудную кампанію, которая дастъ ему случай вмѣшаться въ удобный моментъ и выговорить вознагражденіе для Франціи на лѣвомъ берегу Рейна или въ другомъ мѣстѣ. Французская дипломатія предлагала обѣимъ воюющимъ сторонамъ разныя политическія комбинаціи, но не могла помѣшать результатамъ неожиданнаго торжества Пруссіи.

Нѣкоторое утѣшеніе австрійцамъ доставили побѣды въ Италіи, гдѣ 20-го іюля австрійскій флотъ почти уничтожилъ итальянскую эскадру при островѣ Лиссѣ. Отряды Гарибальди вторглись въ Тироль, но не могли разсчитывать на прочный успѣхъ. Въ августѣ военныя дѣйствія въ Италіи были пріостановлены, и 3-го октября подписанъ въ Вѣнѣ миръ между обѣими державами. Въ венеціанской области состоялся затѣмъ плебисцитъ, которымъ огромное большинство населенія высказалось за присоединеніе къ итальянскому королевству.

Въ южной Германіи война прекратилась лишь въ концѣ іюля, когда союзники Австріи признали себя окончательно побѣжденными; въ теченіе августа и сентября они заключили миръ и одновременно вступили въ оборонительный союзъ съ Пруссіей, предоставивъ въ ея распоряженіе свои военныя силы на случай войны, подъ условіемъ сохраненія и обезпеченія своей территоріальной неприкосновенности. Баварія, Вюртембергъ и Баденъ сдѣлались такимъ образомъ обязательными союзниками Пруссіи; войска Гессенъ-Дармштадта прямо включались въ составъ прусской арміи, а королевство Саксонское должно было примкнуть къ сѣверо-германскому союзу. Союзный сеймъ, вынужденный перенести изъ Франкфурта, занятаго пруссаками, свою резиденцію въ Аугсбургъ, пересталъ существовать съ августа 1866 года.

Цѣль Бисмарка была въ общемъ и главномъ достигнута. Прусскій министръ-президентъ сообщилъ палатѣ депутатовъ о включеніи Ганновера, Кургессена, Нассау и Франкфурта въ составъ прусской монархіи; затѣмъ возвѣщено было также о присоединеніи Шлезвига и Голштиніи. Въ февралѣ 1867 года собравшіеся въ Берлинѣ уполномоченные всѣхъ сѣверо-германскихъ государствъ утвердили предложенный Пруссіей проектъ союзнаго устройства и первый сѣверо-германскій парламентъ, избранный на основѣ всеобщей подачи голосовъ, приступилъ къ обсужденію великой національной реформы. Въ апрѣлѣ конституція сѣверо-германскаго союза была одобрена сеймомъ и участвующими правительствами, и Германія вступила въ новый періодъ своего политическаго существованія.

Отто Бисмаркъ. По литографіи Рокса.

Война, начатая нѣмцами противъ воли и казавшаяся многимъ братоубійственной, осуществила мечту о германскомъ единствѣ и могуществѣ, хотя и не въ тѣхъ формахъ, какія были желательны и симпатичны большинству нѣмецкаго народа. Слава Бисмарка прогремѣла на весь міръ: изъ непопулярнаго и ненавистнаго многимъ министра, онъ сразу сдѣлался всеобщимъ любимцемъ, національнымъ героемъ, геніальнымъ дипломатомъ и государственнымъ человѣкомъ. Онъ привлекъ на свою сторону либеральную партію своимъ смѣлымъ признаніемъ правъ народнаго представительства въ новомъ строѣ Германіи, официальнымъ провозглашеніемъ принципа всеобщаго народнаго голосованія и подтвержденіемъ рѣшающаго участія парламента въ законодательствѣ и въ финансовомъ контролѣ. Либеральная оппозиція чувствовала себя обезоруженной: всѣ превышенія власти, всѣ неправильности были охотно прощены Бисмарку, и политическая жизнь страны перешла на мирный парламентскій путь.

Внезапное возвышеніе Пруссіи нанесло сильный ударъ Наполеону III, а рѣшительный отказъ Бисмарка вознаградить его соотвѣтственными уступками заставилъ правительство второй имперіи искать другихъ способовъ для поддержанія своего «престижа». Наполеонъ считалъ себя обманутымъ, такъ какъ ему не пришлось воспользоваться пріобрѣтеніями Пруссіи и получить въ нихъ нѣкоторую долю участія. Отъ Бисмарка нельзя было послѣ побѣды добиться того, что достигнуто было

со стороны Италіи при Кавурѣ. Поддержать свои требованія силой или военными угрозами Франція не могла по разнымъ причинамъ. Съ осени 1861 года, она вовлечена была въ разорительную и безплодную мексиканскую экспедицію, предпринятую въ надеждѣ на распаденіе Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, вслѣдствіе начавшейся междоусобной войны.

Вопросъ объ освобожденіи нѣсколькихъ милліоновъ негровъ отъ рабства привелъ къ разрыву между промышленными Сѣверными штатами и земледѣльческими Южными, когда въ 1860 году выбранъ былъ президентомъ энергическій сторонникъ освобожденія, даровитый адвокатъ и ораторъ, Авраамъ Линкольнъ. Одиннадцать южныхъ штатовъ, въ которыхъ господствовало рабовладѣніе, отдѣлились отъ сѣверныхъ и образовали особую самостоятельную федерацію, подъ президентствомъ бывшаго военнаго министра Джефферсона Девиса. Законное правительство союза въ Вашингтонѣ прибѣгло къ вооруженной силѣ для возстановленія единства республики. Южные штаты выступили не только на защиту матеріальныхъ интересовъ господствующаго класса, но и во имя самостоятельности отдѣльныхъ штатовъ въ дѣлахъ внутренняго законодательства, къ которому относился и вопросъ о реформѣ или отмѣнѣ невольничества. Республиканская партія сѣвера отстаивала право союзнаго конгресса устанавливать общія мѣры по извѣстнымъ принципіальнымъ законодательнымъ вопросамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживала внѣшнее государственное единство Соединенныхъ Штатовъ. Южные аристократы-рабовладѣльцы, называвшіе себя демократами, склонялись, напротивъ, къ признанію внутренней независимости штатовъ и допускали распаденіе союза, когда послѣднимъ нарушались ихъ права и интересы. Чувство солидарности по отношенію къ американцамъ побуждало Англію высказываться въ пользу отпавшихъ демократическихъ штатовъ. Наполеонъ III затѣялъ тогда основать новую имперію въ Мексикѣ, въ видѣ противовѣса обѣимъ американскимъ федераціямъ. Но разсчеты англичанъ и французовъ не оправдались: сѣверные штаты, послѣ четырехлѣтней и крайне кровопролитной войны, принудили южанъ подчиниться. Война, выдвинувшая въ первый разъ самобытныхъ полководцевъ — Грантъ, Шермана и другихъ, окончилась въ апрѣлѣ 1865 года возстановленіемъ единства союза и окончательнымъ уничтоженіемъ невольничества въ предѣлахъ союзной территоріи.

Французскія войска, завладѣвшія Мексикой, лѣтомъ 1863 года, не могли сохранить эту страну непосредственно для Франціи. Наполеонъ III рѣшилъ утвердить тамъ европейскую династію подъ французскимъ протекторатомъ и для этой цѣли предложилъ титулъ мексиканскаго императора австрійскому эрцгерцогу, брату Франца-Іосифа, Максимиліану. Послѣдній соблазнился фантастической императорской короной и отправился въ Мексику, причемъ взялъ на себя обязательство возмѣстить французамъ расходы по мексиканской экспедиціи и на содержаніе французскаго отряда, который долженъ былъ оставаться въ странѣ впредь до образованія новой мексиканской императорской арміи. Созданный такимъ образомъ мексиканскій тронъ оказался, однако, только миѳомъ и не имѣлъ никакихъ шансовъ получить реальное значеніе послѣ возстановленія единства великой сѣверо-американской республики. Американцы, ревниво оберегающіе принципы невмѣшательства европейскихъ державъ въ американскія дѣла (такъ наз. ученіе Монроэ, возвѣщенное президентомъ этого имени въ 1823 году), не могли допустить осуществленія затѣи Наполеона III на американской почвѣ, близъ границъ Соединенныхъ Штатовъ. Бывшій президентъ Мексики, Бенито Хуарецъ, разбитый французскимъ генераломъ Базэномъ и бѣжавшій въ Техасъ, вновь явился въ сѣверной части Мексики, гдѣ имѣлъ на своей сторонѣ почти все населеніе, и успѣшно продолжалъ войну при открытомъ содѣйствіи вашингтонскаго кабинета.

Авраамъ Линкольнъ.

Американцы рѣшительно требовали удаленія французскихъ войскъ изъ Мексики, и предпріятіе, вызывавшее сильныя нареканія и нападки въ самой Франціи, подлежало такъ или иначе ликвидаціи для избѣжанія дальнѣйшихъ затрудненій. Максимиліанъ, оставленный на произволъ судьбы съ начала 1867 года, пытался при помощи своихъ приверженцевъ отстоять свои фиктивныя императорскія права противъ торжествовавшихъ повсюду республиканцевъ, но въ маѣ того же года былъ захваченъ въ плѣнъ съ небольшимъ отрядомъ въ Кверетаро. Надъ нимъ учредили военный судъ по обвиненію въ изданіи незаконныхъ приказовъ о разстрѣляніи противниковъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ; Максимиліанъ былъ признанъ виновнымъ и разстрѣлянъ.

Генералъ Грантъ.

Печальный конецъ мексиканской экспедиціи значительно подорвалъ положеніе Наполеона III во Франціи. Причиненное этой экспедиціей разстройство военной организаціи и финансовъ не позволяло и думать о дѣятельномъ вмѣшательствѣ въ австро-прусскую войну 1866 года и заставляло французское правительство ограничиваться дипломатическими мѣрами, которыя заранѣе осуждены были на безплодіе. Внутреннее недовольство, долго сдерживаемое твердой самоувѣренностью администраціи и успѣхами внѣшней политики, все сильнѣе проявлялось въ народѣ и обществѣ со второй половины 60-хъ годовъ, когда

поколебалась вѣра самой власти въ счастливую звѣзду второй имперіи. Либеральная оппозиція оживилась въ законодательномъ корпусѣ и въ печати. Попытка пріобрѣсть отъ Нидерландовъ Люксембургъ, гдѣ Пруссія имѣла право держать свой гарнизонъ на основаніи трактатовъ, встрѣтила рѣзкій отпоръ со стороны Бисмарка и окончилась офиціально-признанной неудачей въ маѣ 1867 года. Имперія не выиграла также въ популярности отъ того, что французскія войска, посланныя для защиты Рима отъ Гарибальди, нанесли его отряду пораженіе при Ментанѣ въ ноябрѣ 1867 года, причемъ, по донесенію французскаго генерала, «новыя ружья Шаспо дѣлали чудеса». Наполеону III для упроченія своей династіи оставалось или путемъ европейской войны возстановить свое первенствующее положеніе, или перейти къ либеральнымъ реформамъ для пріобрѣтенія симпатій передовыхъ классовъ французскаго общества. Послѣднее было невозможно для имперіи, самое происхожденіе которой было неразрывно связано съ преступными насиліями и беззаконіями, не подлежавшими свободному обсужденію. Война была средствомъ слишкомъ рискованнымъ и опаснымъ даже при фактической боевой подготовленности Франціи, тѣмъ болѣе, что самъ Наполеонъ не обладалъ военными способностями и не видѣлъ около себя даровитыхъ полководцевъ, которыхъ можно было бы противопоставить такому выдающемуся стратегу, какъ Мольтке. Наполеонъ III имѣлъ предъ собою еще третій путь, казавшійся ему наиболѣе заманчивымъ и удобнымъ: онъ мечталъ о роли всеобщаго миротворца на международныхъ конгрессахъ, которые мирно разрѣшали бы всѣ современные международные вопросы путемъ взаимныхъ соглашеній и уступокъ. Онъ неоднократно предлагалъ прибѣгнуть къ этому способу и развивалъ свою любимую мысль о конгрессѣ при всякомъ международномъ кризисѣ — въ 1860 году по поводу итальянскихъ дѣлъ, въ 1867 году для обезпеченія безопасности папскаго престола и т. д. Большинство державъ относилось къ этимъ проектамъ уклончиво, такъ какъ истинныя побужденія, которыми руководился Наполеонъ, были для всѣхъ понятны.

Максимиліанъ I, императоръ мексиканскій.

Не будучи въ состояніи помириться съ результатами прусскихъ побѣдъ и не находя благопріятной почвы для упроченія своего престижа мирными средствами, Наполеонъ III колебался между различными вліяніями придворныхъ кружковъ и постепенно дѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ реакціонной іезуитской клики, окружавшей его легкомысленную супругу, испанку Евгенію де-Монтихо. Вынужденный обстоятельствами поворотъ къ либеральному направленію во внутреннихъ дѣлахъ не внушалъ довѣрія общественному мнѣнію и давалъ только больше простора непримиримой оппозиціи противъ имперіи. Расширеніе свободы печати и сходокъ съ 1868 года возбуждало надежды на коренное преобразованіе правительственной системы. Выборы въ законодательный корпусъ въ маѣ 1869 года значительно увеличили численность оппозиціонныхъ группъ: вмѣсто знаменитыхъ пяти представителей республиканскихъ идей, въ палатѣ появилось ихъ немногимъ менѣе сотни.

Общее настроеніе во Франціи не допускало дальнѣйшихъ изворотовъ и полумѣръ. Въ декабрѣ 1869 г. Наполеонъ III предложилъ одному изъ вождей оппозиціи, Эмилю Оливье, составленіе однороднаго парламентскаго министерства для послѣдовательнаго проведенія либеральныхъ началъ. Честолюбивый и ловкій адвокатъ, взявшій на себя задачу основанія новой либеральной эры, не отличался ни стойкостью и опредѣленностью убѣжденій, ни твердостью и прямотою характера; онъ вскорѣ поддался обаянію обстановки тюльерійскаго двора и не сумѣлъ предупредить катастрофу, угрожавшую имперіи. Правительство выработало новую либеральную конституцію и предложило ее на утвержденіе народа. Въ маѣ 1870 года состоялся плебисцитъ, которымъ обычное большинство голосовъ одобрило преобразованную имперію и вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно укрѣпило воплощавшую ее династію. Подъ покровомъ номинальнаго народовластія и либерализма, восторжествовала чисто-династическая политика, выразителемъ которой явился Оливье.

Шестидесятые годы были во всемъ мірѣ годами освободительныхъ движеній и свѣтлыхъ порывовъ къ лучшему будущему. Національная борьба за свободу Италіи, паденіе могущества Австріи, измѣненіе международной роли Россіи послѣ крымской войны, начавшееся національное объединеніе Германіи, отмѣна невольничества въ Сѣверной Америкѣ,—все это, въ связи, съ необыкновеннымъ подъемомъ научнаго творчества и культурно-промышленной предпріимчивости, открывало передъ народами широкіе горизонты прогресса, свободнаго развитія и процвѣтанія. Казалось, что прекратилось наконецъ вѣковое недоразумѣніе, заставлявшее правителей воевать со своими народами, что антагонизмъ между націями и государствами исчезъ и что государства стали по существу своему національными и народными. Либеральныя вѣянія давали себя чувствовать въ разныхъ краяхъ земного шара. Въ далекой Японіи положено начало тѣмъ преобразованіямъ, которыя въ поразительно короткій срокъ превратили страну безправія и застоя въ культурную и могущественную державу, способную соперничать съ передовыми европейскими націями. Верховный повелитель Японіи, возвеличенный своими министрами до того, что лишился всякой реальной власти, предоставивъ ее всецѣло своимъ замѣстителямъ, первымъ министрамъ,—спустился съ своихъ заоблачныхъ высотъ на землю, упразднилъ деспотическую администрацію «сіогуновъ» или «тайкуновъ», призвалъ народныхъ представителей къ участію въ государственныхъ дѣлахъ и ввелъ новый порядокъ управленія, основанный на взаимномъ довѣріи и постоянномъ общеніи между властью и народомъ. Въ тѣ же шестидесятые годы, наряду съ обновленіемъ государственной жизни, подготовлялись мирныя реформы въ пользу рабочаго класса, интересы котораго нашли талантливыхъ и энергичныхъ защитниковъ въ ученой литературѣ и журналистикѣ.

Австрійская монархія только послѣ войны 1859 г. окончательно отказалась отъ политическихъ традицій Меттерниха. При министерствахъ князя Шварценберга и особенно Бэха, управлявшаго дѣлами фактически еще съ 1849 года, настойчиво проводилась система административнаго всевластія и принудительнаго онѣмеченія иноплеменныхъ народностей. Католической церкви предоставлено рѣшающее вліяніе въ области народнаго образованія конкордатомъ 1855 года. Съ 1860 года замѣчается уже стремленіе удовлетворить потребности различныхъ областей и признать ихъ право на самоуправленіе. Октябрьскій диплом этого года, давшій Венгріи новое парламентское устройство и учреждавшій областные сеймы для прочихъ земель, не удовлетворилъ однако общественнаго мнѣнія, точно такъ же, какъ и февральскій патентъ 1861 года, которымъ, кромѣ парламента нѣмецко-славянской части имперіи, вводился еще общій имперскій парламентъ съ участіемъ представителей венгерскаго сейма. Венгрія требовала возстановленія своей самостоятельности въ духѣ конституціи 1848 года и рѣшительно уклонялась отъ участія въ общемъ парламентѣ, засѣдавшемъ въ Вѣнѣ. Усилія кабинета Шмерлинга упрочить государственную централизацію на парламентской почвѣ не могли достигнуть цѣли и систематически раздражали славянское населеніе имперіи. Чтобы покончить съ хроническимъ кризисомъ, рѣшено было устроить соглашеніе съ Венгріей и пріостановить дѣй-

ствіе февральской конституціи (съ сентября 1865 г.), въ ожиданіи результата предпринятыхъ попытокъ преобразованія имперіи на началахъ федераціи. Переговоры съ политическимъ вождемъ мадьяръ, Францемъ Деакомъ, велись довольно долго, но не имѣли успѣха. Венгрія не дѣлала никакихъ уступокъ и терпѣливо выжидала дальнѣйшихъ событій. Обстоятельства круто измѣнились послѣ пораженія при Садовой. Въ февралѣ 1867 года, при министерствѣ бывшаго саксонскаго дипломата, неудачнаго противника Бисмарка, барона Бейста, состоялось окончательное соглашеніе съ Деакомъ, и графу Юлію Андраши поручено было составленіе венгерскаго министерства. Въ іюнѣ императоръ Францъ-Іосифъ короновался въ Будапештѣ, какъ король Венгріи, и раздѣленіе имперіи на двѣ части (дуализмъ) стало совершившимся фактомъ.

Въ декабрѣ 1867 года объявлены для австрійскихъ земель конституціонные законы, обезпечивающіе политическія права населенія. Австрійская половина имперіи или Цислейтанія (т. е. по сю сторону рѣки Лейты), получила такое же народное представительство, какъ и Венгрія, съ двумя палатами и отвѣтственнымъ передъ ними министерствомъ. Для общихъ дѣлъ монархіи въ области иностранной политики, финансовъ и военнаго дѣла организовано было особое имперское министерство, отвѣтственное передъ делегаціями, избираемыми въ одинаковомъ числѣ обоими парламентами — венгерскимъ и австрійскимъ — и засѣдающими поочередно въ Вѣнѣ и Пештѣ. Въ имперіи Габсбурговъ, получившей отнынѣ официальное названіе Австро-Венгріи, установилась крайне сложная политическая система: кромѣ трехъ парламентовъ и трехъ министерствъ, существовали еще областные сеймы, которыхъ въ одной Цислейтаніи насчитывалось семнадцать. Славянскія народности были оставлены подъ властью нѣмцевъ и мадьяръ. Внутренняя законодательная дѣятельность оживилась и приняла реформаторское направленіе. Въ 1868 году обнародованы были въ Австріи законы о свободѣ вѣроисповѣданій, о гражданскомъ бракѣ и о передачѣ учебнаго дѣла въ завѣдываніе государства, съ устраненіемъ опеки духовенства, чѣмъ значительно ослаблено практическое значеніе конкордата 1855 года. Политическая жизнь страны избавилась отъ прежнихъ стѣсненій; остались только не рѣшенными національные вопросы, связанные съ ненормальнымъ положеніемъ Чехіи, Хорватіи и Семиградіи. Венгрія сумѣла занять преобладающее мѣсто въ имперіи и пріобрѣсть руководящее вліяніе на ея внѣшнюю политику, хотя выговорила себѣ только ограниченное участіе въ общихъ государственныхъ расходахъ, а именно въ размѣрѣ 30%, съ обложеніемъ 70% на Цислейтанію. Подъ вліяніемъ мадьяръ тамошній кабинетъ долженъ былъ отказаться отъ политики, враждебной Германіи и ея объединенію, такъ какъ для Венгріи были измѣнены старыя австрійскія традиціи соперничества съ Пруссіей въ германскихъ дѣлахъ. Венгрія, осознавъ свои независимость возвышенію Пруссіи, склонялась къ дружественному обмѣну съ Берлиномъ, въ противоположность канцлеру Бейсту, который разсчитывалъ еще на союзъ съ Наполеономъ III противъ Бисмарка. Такимъ образомъ, новое устройство Австро-Венгріи существенно отразилось на характерѣ и цѣляхъ ея внѣшней политики, въ явной пользѣ Пруссіи.

Евгенія, императрица французовъ. Портретъ работы Винтергальтера.

Въ Англіи избирательная реформа 1867 года, предложенная Гладстономъ, но осуществленная его консервативнымъ соперникомъ, остроумнымъ романистомъ и ораторомъ, Дизраэли, довершила демократическое преобразованіе англійскаго парламентскаго строя, предоставивъ право голоса всѣмъ вообще плательщикамъ податей. Съ этого времени начинается рядъ крупныхъ законодательныхъ реформъ, въ которыхъ главнымъ двигателемъ и руководителемъ былъ Гладстонъ. Нѣкогда консерваторъ, сторонникъ Роберта Пиля, Гладстонъ мало-по-малу, подъ освѣжающимъ вліяніемъ новой атмосферы народныхъ выборовъ, сдѣлался прогрессистомъ, проповѣдникомъ смѣлыхъ нововведеній и улучшеній. Онъ выступилъ прежде всего съ проектами реформъ для Ирландіи, и на этой почвѣ одержалъ верхъ надъ консерваторами на выборахъ 1868 года, послѣ распущенія палаты министерствомъ Дизраэли. Въ качествѣ перваго министра, онъ провелъ въ 1869 году законъ, которымъ упразднялось ненормальное господствующее положеніе англиканской церкви въ Ирландіи; католическое населеніе освобождалось отъ обязанности доставлять средства на содержаніе чуждаго ему и даже враждебнаго духовенства; церковныя земли, поступившія въ распоряженіе государства, назначены въ продажу небольшими участками мѣстнымъ фермерамъ и крестьянамъ, чѣмъ положено начало устройству крестьянскаго землевладѣнія въ Ирландіи при содѣйствіи правительства. Ирландскимъ поземельнымъ актомъ 1870 года ограниченъ произволъ поземельныхъ лордовъ въ области арендныхъ отношеній, причемъ возведенъ на степень закона дѣйствовавшій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ старинный обычай, по которому собственникъ земли не можетъ ни прекращать аренду, ни увеличивать плату, если арендаторъ исправно исполняетъ свои обязательства, и прекращеніе аренды возможно только путемъ выкупа, съ возмѣщеніемъ арендатору реальной цѣнности произведенныхъ имъ улучшеній. Закономъ 1870 года о первоначальномъ образованіи введенъ принципъ обязательнаго народнаго обученія; устроены выборные школьные совѣты, съ обширными полномочіями, и все учебное вѣдомство преобразовано на новыхъ основаніяхъ. Далѣе, актомъ 1871 года признано и регулировано законное существованіе рабочихъ союзовъ (трэдъ-юніоновъ); судебное преобразованіе 1873 года внесло единство и порядокъ въ устарѣлую систему судебныхъ учрежденій.

Даже въ Испаніи совершился крутой поворотъ въ сторону либеральныхъ вѣяній. Королева Изабелла, слѣдовавшая всѣмъ дурнымъ преданіямъ Бурбоновъ, была свергнута въ сентябрѣ 1868 г. военнымъ возстаніемъ, которымъ руководили популярные генералы Серрано и Примъ. Выбранные народомъ «кортесы» рѣшили ввести конституціонную монархію и назначили Серрано регентомъ до пріисканія кандидата на престолъ. Въ числѣ кандидатовъ былъ и принцъ Леопольдъ Гогенцолернъ-Зигмарингенъ, католикъ, женатый на португальской принцессѣ, родственникъ Бонапартовъ и прусскаго королевскаго дома. Кандидатура его, принятая испанскимъ правительствомъ лѣтомъ 1870 года, послужила поводомъ къ давно подготовлявшейся франко-прусской войнѣ. Избранный затѣмъ королемъ, принцъ Амадей, герцогъ Аостскій, младшій сынъ итальянскаго короля, продержался только два года, послѣ чего провозглашена была въ 1873 году республика.

Франція при Наполеонѣ III сначала поддерживала принципъ національности въ Италіи и Германіи, а послѣ торжества этого принципа въ обѣихъ странахъ, стала противодѣйствовать дальнѣйшему его примѣненію и развитію. Французская дипломатія внимательно слѣдила за тѣмъ, чтобы объединяющее прусское вліяніе не переходило границы Майна и не распространялось на южно-германскія государства; оно постоянно вмѣшивалось въ этомъ смыслѣ въ германскія дѣла, не допуская завершенія германскаго единства безъ соотвѣтственнаго увеличенія французской территоріи. Такъ какъ Пруссія не могла ни отказаться отъ своей исторической миссіи въ Германіи, ни удовлетворить Францію присоединеніемъ къ ней Бельгіи или лѣваго берега Рейна, то разрывъ съ Наполеономъ III былъ неизбѣженъ для Бисмарка. Точно также Франція оттолкнула отъ себя Италію своимъ вмѣшательствомъ для охраны неприкосновенности папскихъ владѣній. Вторая имперія, несмотря на кажущееся обновленіе ея либеральными уступками въ концѣ 60-хъ годовъ, создала себѣ такое международное положеніе, которое исключало возможность мирнаго внутренняго развитія.

Лордъ Биконсфильдъ-Дизраэли.

Выступившая внезапно на сцену кандидатура прусскаго принца на испанскій престолъ встрѣчена была во Франціи придворными патріотами и министерскою печатью, какъ дерзкій вызовъ со стороны зазнавшейся Пруссіи. Самая мысль о томъ, что нѣмецкій принцъ могъ водвориться въ сосѣдней странѣ, связанной тѣсными историческими узами съ Франціей, приводила въ негодованіе католическую партію, господствовавшую при дворѣ Наполеона III или вѣрнѣе императрицы Евгеніи. Хотя вскорѣ выяснилось, что прусское правительство не принимало никакого участія въ возбужденіи вопроса о кандидатурѣ принца Леопольда, и что послѣдній вовсе не былъ подвластенъ прусскому королю, тѣмъ не менѣе французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Грамонъ, упорно связывалъ этотъ вопросъ съ сознательными честолюбивыми планами прусской политики. Самъ принцъ Леопольдъ формально отказался отъ своей кандидатуры, въ виду поднятаго ею шума; но французское правительство не удовлетворилось этимъ, и потребовало отъ прусскаго короля письменнаго обѣщанія не допускать этой кандидатуры и въ будущемъ. Переговоры, происходившіе по этому поводу 13-го іюля 1870 года въ Эмсѣ между французскимъ посланникомъ графомъ Бенедетти и королемъ Вильгельмомъ I, повлекли за собой обнародованіе знаменитой эмской депеши, сообщавшей объ отказѣ короля имѣть дальнѣйшія свиданія съ графомъ Бенедетти. Французскіе министры заявили въ законодательномъ корпусѣ 15-го іюля о необходимости предпринять войну для огражденія чести и достоинства Франціи. Палата, вопреки возраженіямъ Тьера, почти единогласно одобрила рѣшеніе правительства, причемъ Эмиль Оливье произнесъ свою памятную фразу, что онъ съ легкимъ сердцемъ принимаетъ на себя отвѣтственность за сдѣланный шагъ.

Вызывающій образъ дѣйствія Франціи объединилъ Германію въ общемъ національномъ чувствѣ, и южно-германскія государства, не расположенныя вообще къ Пруссіи, тотчасъ же единодушно примкнули къ ней для совмѣстной борьбы съ вѣковымъ врагомъ. Германія выставила въ общей сложности около милліона солдатъ, которымъ Франція съ своей стороны могла противопоставить не болѣе четырехсотъ тысячъ. Не только численное превосходство, но и преимущества нѣмецкихъ военно-административныхъ порядковъ, въ связи съ стратегическимъ искусствомъ Мольтке и съ общимъ подъемомъ національнаго духа, давали нѣмцамъ подавляющій перевѣсъ надъ французами, вовлеченными въ чисто-династическую войну и страдавшими отъ многихъ неустройствъ и недочетовъ наполеоновской администраціи. Россія своимъ заявленіемъ о дружественномъ нейтралитетѣ обезпечила Пруссію отъ враждебнаго ея вмѣшательства Австріи, что позволило нѣмцамъ направить всѣ свои соединенныя силы противъ Франціи.

Генералъ Жуанъ Примъ. Картина Г. Ренье.

Послѣ позорной стычки при Саарбрюкенѣ, гдѣ императорскій принцъ, какъ телеграфировалъ Наполеонъ III въ Парижъ, его и супругу, получили свое

[illegible]ненное крещеніе» въ побѣдоносной встрѣчѣ съ непріятелемъ, [illegible]лся послѣдовательный и быстрый разгромъ французскихъ [illegible]ойскъ, отъ битвы при Верѣ 6-го августа до капитуляціи [illegible]рміи Макъ-Магона вмѣстѣ съ Наполеономъ III подъ Седаномъ 2-го сентября. Имперія, державшаяся исключительно на внѣшнихъ силахъ, пала сама собою: 4-го сентября въ Парижѣ объявлено было низложеніе династіи Бонапартовъ; императрица Евгенія отправилась въ Англію, куда удалился по окончаніи войны и вынужденный изъ прусскаго плѣна Наполеонъ, разбитый нравственно и физически. Парижскіе республиканскіе депутаты, среди которыхъ выдвигался краснорѣчивый Леонъ Гамбетта, образовали правительство національной обороны, съ генераломъ Трошю во главѣ. Германскія войска приступили къ осадѣ Парижа, окружили его со всѣхъ сторонъ, и только черезъ четыре мѣсяца, въ январѣ 1871 года, принудили его къ сдачѣ.

Упорное сопротивленіе, оказанное французами германскому нашествію послѣ паденія имперіи, имѣло уже вполнѣ національный характеръ. Въ этотъ второй періодъ войны, съ начала октября 1870 г., организаторомъ народной обороны, ея вдохновителемъ и руководителемъ былъ Гамбетта, успѣвшій улетѣть на воздушномъ шарѣ изъ осажденнаго Парижа и взять въ свои руки управленіе страною отъ имени делегаціи парижскаго правительства въ Турѣ. Поставивъ себѣ цѣлью создать новыя провинціальныя арміи для освобожденія столицы, Гамбетта выказалъ необыкновенную энергію и поднялъ патріотическій духъ народа своими горячими воззваніями, смѣлыми военными планами и распоряженіями. При помощи талантливаго инженера Фрейсинэ, онъ въ короткое время собралъ значительныя военныя силы (всего до 600,000 человѣкъ, съ 1,400 орудій), которымъ не удалось, однако, достигнуть прочнаго успѣха; война затянулась, но конечный результатъ ея не могъ уже измѣниться. Партизанская война, въ которой видное участіе принялъ Гарибальди, крайне затрудняла положеніе побѣдителей и вызывала съ ихъ стороны жестокія репрессаліи. Главная часть французской регулярной арміи, запертая въ Метцѣ подъ начальствомъ маршала Базэна, сдалась пруссакамъ въ концѣ октября. Турская делегація перенесла въ декабрѣ свою резиденцію въ Бордо; Гамбетта, стоявшій за веденіе войны до послѣдней крайности и не встрѣтившій себѣ поддержки въ другихъ членахъ правительства, вышелъ въ отставку въ февралѣ 1871 года. Война окончилась, и избранное во время перемирія національное собраніе въ Бордо назначило главою исполнительной власти Тьера, который незадолго передъ тѣмъ объѣзжалъ европейскіе дворы съ цѣлью добиться заступничества за побѣжденную Францію. Въ главной квартирѣ германскихъ войскъ, въ Версали, подписаны были Тьеромъ и Бисмаркомъ предварительныя условія мира, которыя затѣмъ утверждены національнымъ собраніемъ 1-го марта. Окончательный мирный трактатъ заключенъ 10-го мая во Франкфуртѣ. Франція теряла Эльзасъ съ Страсбургомъ и часть Лотарингіи съ Метцемъ и должна была уплатить Германіи военное вознагражденіе въ колоссальномъ размѣрѣ пяти милліардовъ франковъ.

На развалинахъ французской второй имперіи возникла новая имперія — германская, несравненно болѣе крѣпкая и мо[illegible]. Въ старинномъ замкѣ французскихъ королей [illegible] прусскій король объявленъ 18-го января 1871 г. [illegible] императоромъ съ согласія нѣмецкихъ государей. [illegible] союзъ дополненъ соотвѣтственными договорными [illegible] германскими государствами; канцлеръ сѣверогерманскаго союза сдѣлался первымъ канцлеромъ единой Германіи. [illegible] обезпечились несмѣнными побѣдами надъ [illegible] Европы, почти вся регулярная армія Франціи (около 300 тысячъ человѣкъ) взята была въ плѣнъ [illegible] и самимъ императоромъ. Національное [illegible] на волнахъ битвъ, надолго утвержденное [illegible] военнаго класса, сообщилъ ему [illegible]

[illegible] не окончились и въ Италіи. Съ на[illegible] III [illegible] войска заняли Римъ, от[illegible] былъ французскій гарнизонъ, охранявшій еще папскій престолъ со времени поспѣшнаго бѣгства Гарибальди [illegible] Пія IX. [illegible] поколебавши авторитетъ [illegible] папской [illegible] ему [illegible] папской непогрѣшимости на ватиканскомъ соборѣ 1870 года, окончательно лишился свѣтской власти, ради которой столь часто призывалъ иностранныя войска и не давалъ осуществиться завѣтнымъ патріотическимъ стремленіямъ Италіи. Съ іюля 1871 года правительство Виктора Эмануила и итальянскій парламентъ перенесли свою резиденцію въ Римъ; папа остался только владѣтелемъ Ватикана, и независимость его была обезпечена особымъ «закономъ о гарантіяхъ».

Несчастія, постигшія Францію, были довершены жестокой междоусобной войной, разгорѣвшеюся еще до заключенія мира съ Германіею. Тотчасъ же послѣ удаленія части германскихъ войскъ изъ окрестностей Парижа, обнаружился коренной разладъ между населеніемъ столицы и національнымъ собраніемъ, засѣдавшимъ съ 20-го марта въ Версали. Собраніе состояло въ большинствѣ изъ консерваторовъ и монархистовъ, относившихся крайне враждебно къ воинственной политикѣ Гамбетты и его республиканскихъ единомышленниковъ. Подъ вліяніемъ тяжелыхъ военныхъ разочарованій, народъ выбиралъ преимущественно сторонниковъ мира, не разбирая ихъ политическихъ взглядовъ и убѣжденій; а къ противникамъ войны принадлежали почти всѣ вліятельные провинціальные землевладѣльцы и аристократы, скрытые приверженцы королевскихъ фамилій Бурбоновъ и Орлеановъ. Впервые, за многіе годы, Франція имѣла такимъ образомъ монархическое и въ тоже время свободно избранное народное представительство. Зная составъ и настроеніе національнаго собранія, парижскіе республиканцы, выдержавшіе только что геройскую борьбу съ германцами во имя интересовъ республики, желали, по крайней мѣрѣ, сохранить для Парижа нѣкоторую степень самоуправленія, съ особымъ выборнымъ мэромъ и съ городской національной гвардіей. Предвидя противодѣйствіе Парижа своимъ монархическимъ стремленіямъ, національное собраніе рѣшило немедленно распустить парижскую національную гвардію и отобрать у нея оружіе, особенно пушки, собранныя ею въ числѣ болѣе 400 на Монмартрѣ. Распущеніе національной гвардіи лишило бы казеннаго содержанія десятки тысячъ людей, не имѣвшихъ въ данное время никакого другого заработка. Правительство Тьера не приняло во вниманіе ни матеріальнаго положенія недавнихъ военныхъ защитниковъ Парижа, ни нравственнаго состоянія его населенія; оно взглянуло на дѣло съ чисто формальной стороны и распорядилось насильственно завладѣть артиллеріей національной гвардіи. Попытка не удалась; военныя власти принуждены были 18-го марта удалиться въ Версаль. Въ Парижѣ взяли верхъ крайніе элементы, представители рабочихъ, радикалы и соціалисты, которые получили преобладаніе и въ выбранномъ вслѣдъ затѣмъ городскомъ общинномъ совѣтѣ или «коммунѣ». Съ начала апрѣля версальскія войска дѣйствовали противъ парижанъ и притомъ съ гораздо большей энергіей и ожесточеніемъ, чѣмъ противъ пруссаковъ; съ своей стороны, парижскіе революціонеры отвѣчали варварскими мѣрами, разрушали общественныя зданія и историческіе памятники, арестовывали священниковъ въ качествѣ заложниковъ (въ томъ числѣ архіепископа Дарбуа) и разстрѣливали ихъ въ возмездіе за крутую расправу съ захваченными въ плѣнъ парижанами. Версальская армія, подъ начальствомъ Макъ-Магона, вторглась въ Парижъ 21-го мая и въ теченіе цѣлой недѣли безпощадно воевала на улицахъ города; сопротивленіе было сломлено, до пятидесяти тысячъ человѣкъ взято въ плѣнъ; тысячи были казнены почти безъ всякаго суда и разбирательства, другіе отправлены въ ссылку. Это взаимное истребленіе совершалось французами почти на глазахъ германскихъ войскъ, занимавшихъ еще сѣверные парижскіе форты. Вѣковые счеты между разными элементами населенія, между Парижемъ и провинціею, между сторонниками безусловнаго административнаго единства и свободнаго мѣстнаго самоуправленія, выразились въ отчаянной и безсмысленной борьбѣ подъ вліяніемъ страшнаго перваго напряженія, вызванного продолжительными военными дѣйствіями и неудачами.

Покончивъ съ Парижемъ и его автономіей, національное собраніе старалось прежде всего ускорить очищеніе французской территоріи отъ германскихъ войскъ посредствомъ уплаты военной контрибуціи ранѣе условленныхъ сроковъ. Тьеръ, выбранный въ августѣ 1871 года президентомъ республики, вы-

полнилъ эту задачу съ замѣчательнымъ успѣхомъ, чѣмъ заслужилъ названіе «освободителя территоріи»: между прочимъ объявленная правительствомъ подписка на государственный заемъ для уплаты контрибуціи дала номинально баснословную цифру въ 44 милліарда. Матеріальное богатство Франціи и ея неисчерпаемый финансовый кредитъ, несмотря на разорительную войну, обнаружились во всемъ блескѣ, и это подняло отчасти надежды патріотовъ на возрожденіе націи въ близкомъ будущемъ.

Къ началу семидесятыхъ годовъ въ Европѣ, за исключеніемъ восточной ея части, установилось то территоріальное разграниченіе государствъ, которое существуетъ понынѣ. Національное движеніе въ существенныхъ своихъ чертахъ завершилось: только въ предѣлахъ турецкой имперіи оно не достигло еще своей освободительной цѣли, встрѣчая преграду въ дипломатическомъ соперничествѣ великихъ державъ.

Раньше другихъ народностей Балканскаго полуострова освободились сербы, судьбою которыхъ сравнительно мало интересовались иностранные кабинеты. Сербы завоевали фактическую независимость еще въ началѣ столѣтія подъ предводительствомъ Георгія Чернаго (Карагеоргія), преемникомъ котораго былъ съ 1817 года богатый свиноводъ, крестьянинъ Милошъ, утвержденный Портою въ званіи вассальнаго сербскаго князя въ 1830 году и затѣмъ вторично въ 1858 году. Въ теченіе шестнадцати лѣтъ съ 1842 года страною управлялъ, по выбору народной скупщины, сынъ Георгія Чернаго, князь Александръ; затѣмъ власть принадлежала уже исключительно династіи Обреновичей, въ лицѣ Милоша и его потомства. Человѣкъ крутой и ловкій, Милошъ умѣлъ ладить съ турками и не отличался разборчивостью въ средствахъ.

Фридрихъ-Вильгельмъ, наслѣдный принцъ прусскій.

После убійства сына его, князя Михаила (въ чемъ подозрѣвали участіе Карагеоргіевичей), въ 1868 году, провозглашенъ былъ княземъ грудной племянникъ убитаго, Миланъ, воспитывавшійся въ то время въ Парижѣ. До его совершеннолѣтія (1872 года) во главѣ правительства стоялъ регентъ Іованъ Ристичъ, который при всей своей энергіи не могъ надолго подчинить Милана своему нравственному авторитету. Нѣкоторыми чертами своего характера Миланъ впослѣдствіи напоминалъ Милоша, но не обладалъ ни его политическимъ чутьемъ, ни мужествомъ и патріотизмомъ.

Почти одновременно съ Сербіею, при содѣйствіи Россіи, обезпечено было политическое самоуправленіе Молдавіи и Валахіи, соединенныхъ съ 1860 года въ одно государство подъ именемъ Румыніи; княземъ былъ съ 1859 года Александръ Куза, а по низверженіи его въ 1866 году избранъ былъ принцъ Карлъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, основательно утвердившійся затѣмъ въ роли добросовѣстнаго конституціоннаго правителя.

Греція, много разъ приносившая неисчислимыя кровавыя жертвы ради возсоединенія съ Грециею, не избавилась отъ турецкаго гнета и послѣ трехлѣтняго возстанія 1866—1868 года: она вновь была отдана въ распоряженіе турокъ по рѣшенію парижской конференціи 1869 года, преимущественно по настоянію Англіи, считавшей увеличеніе греческой территоріи равносильнымъ расширенію политическаго вліянія Россіи на Востокѣ. Европейская дипломатія, лишенная непосредственности дѣйствующихъ правъ султана, тѣмъ самымъ увеличивала безпорядки, неразрывно связанныя съ гражданами и пріемами турецкаго режима.

V.

1872—1900.

Внутреннія политическія задачи и сложные законодательные вопросы выступили на первый планъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ, когда улеглись впечатлѣнія франко-прусской войны.

Франціи предстояло установить для себя окончательную форму правленія и заняться преобразованіемъ и обновленіемъ своихъ государственныхъ силъ и средствъ. Національное собраніе стремилось прежде всего усилить вліяніе и авторитетъ католической церкви, чтобы подготовить такимъ образомъ почву для монархіи. Консервативное большинство, поглощенное заботами о соединеніи всѣхъ монархическихъ партій подъ знаменемъ послѣдняго потомка французскихъ Бурбоновъ, графа Шамбора, разошлось съ Тьеромъ во взглядахъ на характеръ желательныхъ политическихъ перемѣнъ. Тьеръ допускалъ лишь умѣренную и либеральную монархію, способную примирить съ собою общественное и народное мнѣніе, тогда какъ безусловные приверженцы монархическаго принципа имѣли въ виду воспользоваться благопріятными обстоятельствами для принудительнаго возстановленія королевской власти. Въ маѣ 1873 года Тьеръ вышелъ въ отставку, и на его мѣсто назначенъ президентомъ на семь лѣтъ маршалъ Макъ-Магонъ. Министерство герцога де-Брольи вступило въ переговоры съ графомъ Шамборомъ, чтобы склонить его высказаться заранѣе за конституціонныя основы управленія и за принятіе трехцвѣтнаго знамени; но королевскій принцъ заявилъ, что никогда не измѣнитъ своему фамильному бѣлому знамени и не возьметъ на себя никакихъ обязательствъ, ограничивающихъ его наслѣдственныя права. Такъ какъ въ то время Орлеанскій, графъ Парижскій незадолго передъ тѣмъ официально отличился авторитетомъ Генриха V, какъ единственнаго законнаго представителя монархическаго начала во Франціи, то восстановленіе монархіи сдѣлалось практически невозможнымъ. Бонапартисты сложили поникшую голову, и чтобы положить конецъ ихъ интригамъ, а также волненіямъ республиканцевъ, состоялось соглашеніе между умѣренными партіями, приведшее къ установленію республики въ февралѣ 1875 года. Это была «республика безъ республиканцевъ», какъ выражался Тьеръ; но она формально закрѣпила существующій фактъ, созданный военною диктатурою Гамбетты въ періодъ національной обороны, и сдѣлала уже невозможнымъ поворотъ къ непопулярнымъ традиціямъ прошлаго. Гамбетта былъ истиннымъ основателемъ третьей республики, передовымъ бойцомъ и защитникомъ ея при Тьерѣ и Макъ-Магонѣ; благодаря его энергіи и краснорѣчію уничтожены были плоды настойчивыхъ усилій второго министерства де-Брольи въ 1877 году, и самъ президентъ вынужденъ былъ

Наслѣдный принцъ Фридр

выйти въ отставку. Съ тѣхъ поръ попытки ввести монархію болѣе не повторялись, хотя не разъ создавались планы государственнаго переворота при участіи монархистовъ; послѣднее и самое серьезное изъ такихъ предпріятій, связанное съ именемъ генерала Буланже, волновало страну въ концѣ восьми-

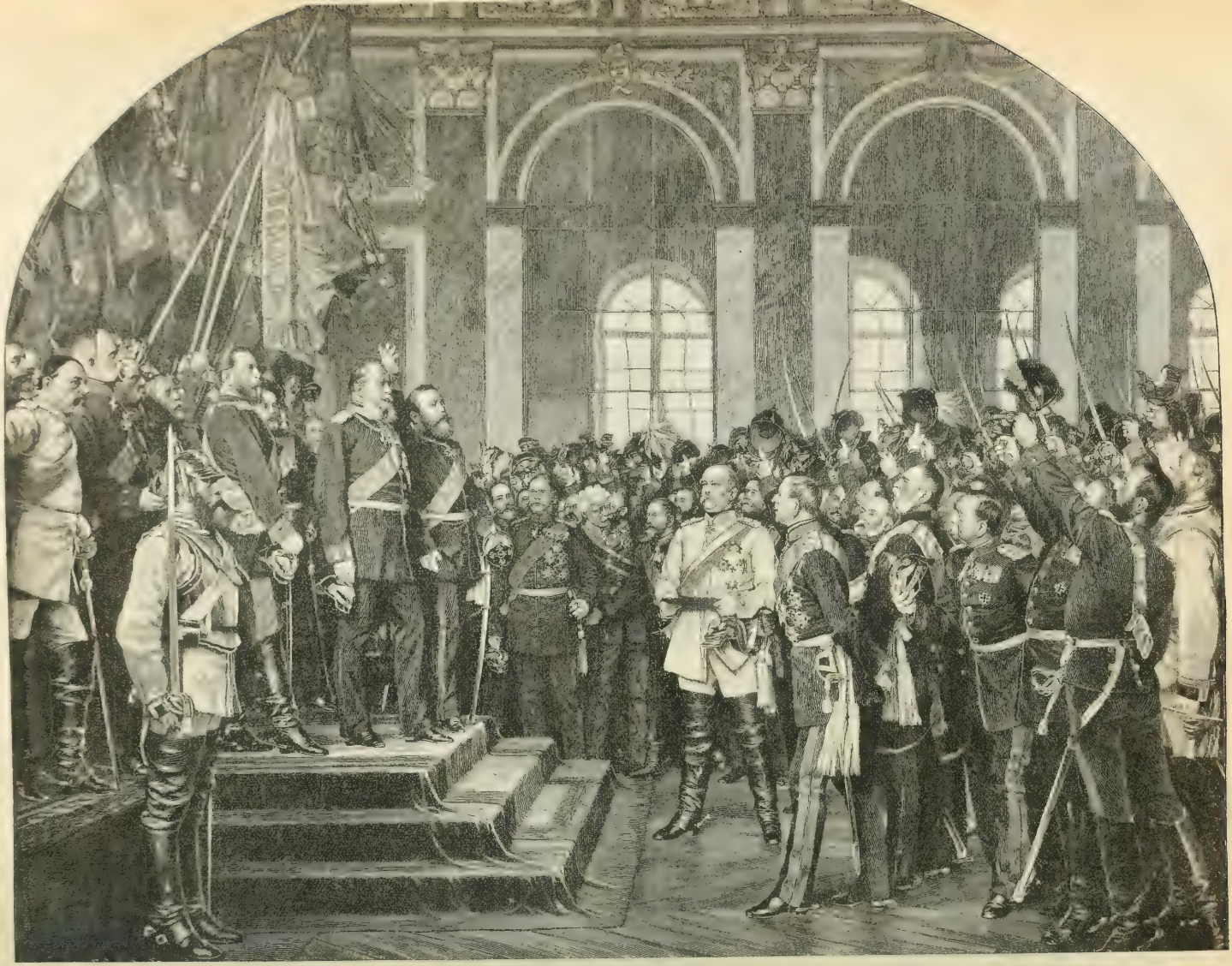
послѣ сраженія подъ Вёртомъ.

ріеу.

десятыхъ годовъ, при началѣ президентства Карно. Гамбетта умеръ еще въ 1883 году, всего 44-хъ лѣтъ отъ роду, въ полномъ цвѣтѣ силъ и таланта: изъ позднѣйшихъ республиканскихъ дѣятелей никто не могъ сравниться съ нимъ по значенію и авторитету.

Въ Германіи князь Бисмаркъ сначала дѣйствовалъ за одно съ либеральными партіями и особенно съ національ-либералами, причемъ велъ упорную борьбу противъ католическаго духовенства («культурная борьба», «культуркампфъ»), стараясь подчинить его государству въ предѣлахъ Пруссіи (майскіе законы 1873 года). Съ конца семидесятыхъ годовъ онъ разошелся съ либералами и дѣятельно боролся съ возрастающимъ вліяніемъ соціалъ-демократіи, которую думалъ затѣмъ побѣдить на почвѣ ея собственныхъ стремленій въ пользу рабочаго класса. Обширная программа законодательства для обезпеченія рабочихъ отъ послѣдствій болѣзни, старости и неспособности къ труду, возвѣщенная въ 1881 году и постепенно осуществлявшаяся въ позднѣйшіе годы, составляетъ безспорно крупнѣйшую заслугу Бисмарка въ области внутренней политики.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей XIX вѣка, великій представитель идеализма и морали въ политикѣ, Гладстонъ, пріобрѣлъ наибольшую славу въ Европѣ именно въ тотъ періодъ, когда высшимъ олицетвореніемъ политическаго могущества считался всесильный германскій канцлеръ. Будучи уже «великимъ старцемъ», Гладстонъ, въ качествѣ главы правительства въ Англіи, выступилъ въ 1886 году съ горячею защитою полнаго самоуправленія Ирландіи и выработалъ проектъ дарованія ей особаго парламента, согласно завѣтнымъ стремленіямъ ирландцевъ и ихъ даровитаго парламентскаго вождя, Парнелля; потерпѣвъ неудачу, онъ своими неустанными рѣчами склонилъ на свою сторону общественное мнѣніе и добился большинства на выборахъ 1892 года, послѣ чего вновь сталъ главою кабинета и на 84-мъ году жизни провелъ свой смѣлый радикальный билль объ ирландскомъ «гомрулѣ» въ палатѣ общинъ. Проектъ автономіи или «гомруля», имѣвшій цѣлью окончательно удовлетворить и успокоить Ирландію въ интересахъ самой Англіи, вызывалъ страстныя возраженія со стороны многихъ либераловъ, отдѣлившихся по этому поводу отъ Гладстона съ 1886 года и образовавшихъ новую партію «уніонистовъ» (приверженцевъ государственнаго и парламентскаго единства) подъ руководствомъ Чемберлена и маркиза Гартингтона, позднѣе герцога Девонширскаго. «Уніонисты» соединились съ консерваторами, и старая аристократическая партія лорда Бикенсфильда, официально направляемая нынѣшнимъ



Провозглашеніе германской имперіи въ Версальскомъ дворцѣ, 18-го января 1871 г. Картина А. Вернера.

премьеромъ маркизомъ Сольсбери, проникласъ духомъ и тенденціями предпріимчивой и запесчивой торгово-промышленной демократіи. Ирландскій «гомруль» былъ отвергнутъ палатою лордовъ, и вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Ирландіи остается открытымъ.

Въ Испаніи, послѣ непродолжительнаго періода республики, съ президентомъ Кастеляромъ и маршаломъ Серрано, среди междоусобной войны, поднятой въ сѣверныхъ провинціяхъ карлистами, возстановлена была въ 1875 году конституціонная монархія въ лицѣ сына Изабеллы, Альфонса XII; десять лѣтъ спустя, по смерти короля, власть перешла къ его вдовѣ, Маріи-Христинѣ австрійской, какъ опекуншѣ малолѣтняго Альфонса XIII. Начала парламентскаго управленія наконецъ прочно утвердились въ Испаніи, и тронъ Бурбоновъ пріобрѣлъ устойчивость, которой не могли доставить ему никакія насильственныя и принудительныя мѣры.

Леонъ Гамбетта.

Въ области восточнаго вопроса произошли значительныя перемѣны благодаря русско-турецкой войнѣ 1877—78 годовъ, результаты которой однако далеко не соотвѣтствовали размѣрамъ принесенныхъ жертвъ. Чтобы заручиться расположеніемъ вѣнскаго кабинета, русская дипломатія заранѣе отдала Австріи двѣ турецко-славянскія провинціи, Боснію и Герцеговину, возстаніе которыхъ послужило первымъ толчкомъ къ освободительному движенію, приведшему къ войнѣ; а затѣмъ дано было согласіе на пересмотръ условій Санъ-Стефанскаго мирнаго договора международнымъ конгрессомъ въ Берлинѣ, вслѣдствіе чего истинными распорядителями дѣлъ Балканскаго полуострова оказались австрійцы и англичане, получившіе также лѣвиную долю чужой добычи, въ видѣ названныхъ обширныхъ областей для Австріи и острова Кипра для Англіи. Созданное нами новое болгарское княжество вскорѣ подчинилось австрійскому вліянію — точно такъ же, какъ и Сербія — и сдѣлалось для насъ источникомъ многочисленныхъ затрудненій и непріятностей.

Тьеръ, президентъ французской республики.
По фот. грав. Креп.

Изъ позднѣйшихъ событій въ Турціи слѣдуетъ признать наиболѣе важными и характерными присоединеніе Восточной Румиліи къ Болгаріи въ силу филиппопольскаго переворота 1885 года, при князѣ Александрѣ Баттенбергѣ; избраніе въ 1887 г. болгарскимъ княземъ, на мѣсто низложеннаго Баттенберга, принца Фердинанда Кобургскаго, противъ воли Россіи, послѣ чего возникло въ странѣ враждебное намъ владычество Стамбулова (до мая 1894 г.); повальныя избіенія христіанъ въ турецкой Арменіи въ 1895 году, послѣ кровопролитія на Критѣ (Кандіи) въ 1896—97 годахъ, подъ наблюденіемъ европейскихъ броненосцевъ, и военныя дѣйствія между Греціею и Турціею въ 1897 году изъ-за той же Кандіи, которой наконецъ предоставлена автономія подъ властью греческаго королевича Георга. Дипломатія вообще бездѣйствовала въ нужные моменты или опиралась на старыя, ничего не выражающія, формулы, подчиняясь соображеніямъ и мотивамъ, которыхъ не придерживались при охранѣ своихъ собственныхъ интересовъ двѣ первенствующія державы Запада — Германія и Англія.

Маршалъ Макъ-Магонъ.

Національное движеніе, бывшее сначала революціоннымъ и освободительнымъ, облеклось въ суровыя государственныя и военныя формы; оно сдѣлалось источникомъ и орудіемъ внѣшняго политическаго могущества и угнетенія. Національная идея, предполагавшая свободное самоуправленіе народовъ, вырождается въ націонализмъ, основанный на взаимномъ соперничествѣ націй и на подавленіи слабыхъ народностей сильными. Неустанное политическое соперничество вызываетъ непрерывно усиливающіяся вооруженія и приводитъ къ небывалому еще всеобщему развитію милитаризма, безплодно истощающаго средства и силы народовъ. Франція должна была вооружаться съ лихорадочной поспѣшностью, чтобы сохранить свое мѣсто въ мірѣ и оградить себя отъ дальнѣйшихъ посягательствъ со стороны побѣдителей. Естественныя заботы французовъ о своей внѣшней безопасности принимались Германіей за угрозу для ея будущаго и порождали въ военныхъ кругахъ Берлина мысль о новой «предупредительной» войнѣ для окончательнаго низведенія Франціи на степень второстепенной державы. Нападеніе было почти рѣшено въ 1875 году и не состоялось только благодаря своевременному вмѣшательству Россіи. Поклоненіе военной силѣ, какъ единственной надежной основѣ національнаго развитія и процвѣтанія, сдѣлалось руководящимъ принципомъ политики Германіи.

Этотъ военный государственный духъ, воплощаемый Вильгельмомъ I и его «желѣзнымъ канцлеромъ», подсказалъ свою печать на всю дальнѣйшую исторію Европы до конца столѣтія. Чтобы закрѣпить пріобрѣтенное положеніе и упрочить преобладающую роль Германіи, Бисмаркъ основалъ свою систему вооруженнаго мира на системѣ внѣшнихъ союзовъ, въ силу которыхъ Берлинъ становился центромъ всей европейской политики. Въ 1872 году положено было начало тройственному союзу съ Россіею и Австро-Венгріею; въ 1879 году, подъ вліяніемъ охлажденія съ Россіею послѣ берлинскаго конгресса, Бисмаркъ заключилъ секретный союзъ съ

Генералъ Буланже

Австріей, къ этому союзу привлечена была въ 1883 году Италія. Союзъ съ Россіей сохранялъ свою силу до второй половины 80-хъ годовъ, такъ что параллельно существовало два тройственныхъ союза — одинъ при участіи Россіи, направленный косвенно противъ Франціи, а другой при участіи Австріи, направленный главнымъ образомъ противъ Россіи. Бисмаркъ сумѣлъ возбудить недовѣріе между Италіей и Франціей изъ-за Туниса, занятаго французами въ началѣ 80-хъ годовъ, и соблазнилъ короля Гумберта и его министра, бывшаго гарибальдійца Франческо Криспи, планами обширныхъ колоніальныхъ пріобрѣтеній, долженствующихъ возвысить могущество и величіе объединенной Италіи. Итальянская нація, едва достигшая правильныхъ условій политическаго существованія и не успѣвшая еще избавиться отъ многихъ золъ и недуговъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго, отдалась разорительной погонѣ за внѣшнимъ блескомъ и почетною ролью великой военной державы. Тройственный союзъ съ Австро-Венгріей и Италіей, подкрѣпленный новыми соглашеніями въ 1887 году, при существованіи въ то же время традиціонныхъ дружественныхъ связей съ Россіей, сосредоточивалъ всѣ пружины европейской политики въ рукахъ германскаго канцлера.

Почти цѣлыхъ двадцать лѣтъ тяготѣла надъ наро-

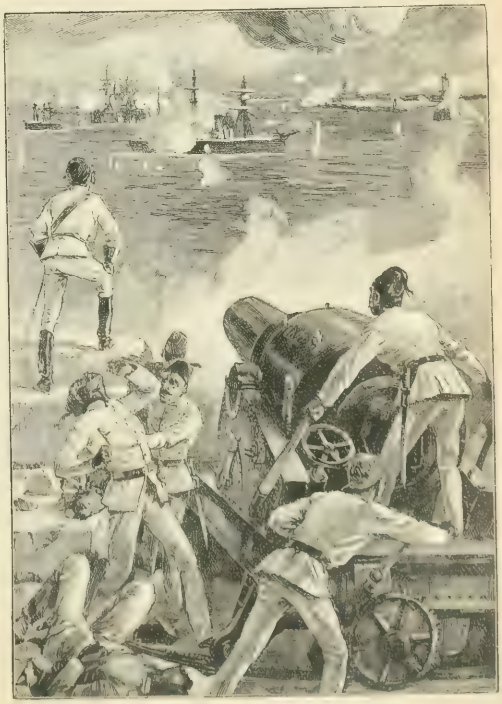
Викторія, королева англійская, императрица Индіи.

Гладстонъ вноситъ въ палату общинъ билль о гомрулѣ. По современному рисунку.

Вильгельмъ I, императоръ германскій.

Францъ-Іосифъ, императоръ австрійскій.

Менеликъ, негусъ абиссинскій.



Осада Александріи 11-го іюля 1882 г.

лами и государствами эта система вооруженнаго мира, творцомъ и убѣжденнымъ истолкователемъ котораго былъ Бисмаркъ. Новый государственный націонализмъ создавалъ соотвѣтственное направленіе и въ экономической жизни: враждебное соперничество націй выражалось также въ настойчивомъ стремленіи къ экономической обособленности, къ перевѣсу отечественной промышленности надъ иностранной, къ устраненію или уменьшенію конкуренціи иноземныхъ товаровъ и продуктовъ путемъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ, вызывавшихъ повсемѣстную дороговизну и крайне вредно отражавшихся на матеріальномъ благосостояніи народовъ. Протекціонизмъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ, былъ логическимъ послѣдствіемъ выродившейся на почвѣ милитаризма національной идеи.

Съ одной стороны, военныя усилія и затраты, не находившія прямого примѣненія въ Европѣ, а съ другой всеобщее экономическое разстройство, порождаемое этими непроизводительными колоссальными затратами и всеобщею таможенною борьбою, заставили государства расширять свои колоніальныя владѣнія, пріобрѣтать новыя земли въ далекихъ краяхъ и соперничать между собою въ отысканіи и пріобрѣтеніи новыхъ рынковъ для сбыта своихъ произведеній. Страсть къ колоніальнымъ предпріятіямъ овладѣла государственными людьми и дипломатами: имъ прочно водворились въ Африкѣ съ 1884 года; Египетъ занятъ англичанами съ 1881 года; Тонкинъ и Мадагаскаръ французами съ 1886 года; Италія съ 1885 года заняла Массову у краснаго моря и пыталась захватить часть Абиссиніи, что вовлекло ее въ военныя столкновенія, завершившіяся пораженіемъ при Адуа въ 1896 году.

Колоніальная политика, получившая необыкновенное развитіе въ 80-хъ годахъ, давала выходъ военно-политической предпріимчивости, не находившей примѣненія на родинѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивала высокое помѣщеніе избыткамъ національнаго производства, лишенными доступа въ культурныя страны, при всеобщемъ господствѣ протекціонизма. Огромныя территоріи Африки и Азіи распредѣлены между великими державами, въ коей статистики для участія вновь вступившихъ отдаленнѣйшихъ Японіи и Китая, легко побѣжденныхъ Японіею въ 1894—95 годахъ. Разлагающаяся имперія [illegible] открывать новые горизонты для европейской промышленности и торговли, обольщая своему многомилліонному населенію и непрочнымъ еще прирожденнымъ богатствамъ.

Гумбертъ I, король итальянскій.

Германія постепенно утверждаетъ свое владычество въ разныхъ мѣстахъ земного шара; она создала сильный германскій флотъ и сдѣлалась одной изъ первостепенныхъ морскихъ державъ. Англія сохраняетъ еще положеніе «владычицы морей»; она пока стоитъ еще впереди въ этой колоніальной конкуренціи, но все чаще должна дѣлить свои выгоды съ Германіей и даже уступать ей первенство. Въ рядъ великихъ соперничающихъ между собою державъ рѣшительно выступила и Сѣверо-американская республика, послѣ войны 1898 года съ Испаніей изъ-за Кубы, и эта новая роль Соединенныхъ Штатовъ ясно опредѣлилась занятіемъ Филиппинскихъ острововъ и виднымъ участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Китая съ 1899 года.

Общее политическое положеніе въ Европѣ измѣнилось только съ выходомъ Бисмарка въ отставку въ мартѣ 1890 года, при императорѣ Вильгельмѣ II. Состояніе хронической тревоги и опасеній сразу потеряло почву; атмосфера какъ будто очистилась отъ нездоровыхъ элементовъ, угнетавшихъ политическую жизнь народовъ. Международныя отношенія значительно смягчились; подготовилась новая группировка державъ, казавшаяся немыслимой при желѣзномъ канцлерѣ. Россія офиціально сблизилась съ Франціей съ 1891 года, съ памятныхъ дней кронштадтскихъ и тулонскихъ торжествъ, и это сближеніе приняло характеръ союза, подтвержденнаго въ августѣ 1897 года пребываніемъ президента Феликса Фора въ Петербургѣ въ отвѣтъ на посѣщеніе Парижа русскимъ Государемъ.

Франко-русскій союзъ возстановилъ равновѣсіе, нарушенное односторонним преобладаніемъ Германіи; въ этомъ союзѣ великой самодержавной имперіи съ французской республикой заключается въ то же время наглядная характеристика пройденнаго Европою пути политическаго развитія за истекшее столѣтіе. Россія, столь долго охранявшая западно-европейскія династіи отъ враждебныхъ имъ народовъ, дѣйствуетъ теперь рука объ руку съ передовой республиканской націей, служившей источникомъ и разсадникомъ революціонныхъ идей и движеній съ конца XVIII вѣка.

Болгары берутъ штурмомъ сербскій городъ Пиротъ (27-го ноября 1885 г.).

Поднятый Россіею вопросъ объ ограниченіи всеобщихъ вооруженій и о способахъ предупрежденія войнъ, подавшій поводъ къ созыву Гаагской международной конференціи 1899 года, указываетъ на то направленіе, въ какомъ будетъ и должно примѣняться все болѣе возрастающее стихійное могущество Россіи. Русскій починъ въ дѣлѣ разору-

женія нигдѣ не встрѣтилъ на Западѣ недовѣрія, которое въ прежнее время неизбѣжно связывалось со всякимъ международнымъ начинаніемъ Россіи. Повсюду чувствовалось и отчасти прямо высказывалось убѣжденіе, что идеи о гаагской конференціи могла придти только изъ страны, которая дала міру Достоевскаго, Тургенева и другихъ выдающихся писателей. Репутація Россіи, какъ передовой культурной державы, установилась прочно только въ послѣднее десятилѣтіе, подъ вліяніемъ ознакомленія иностранной публики съ русскою литературою. Къ голосу Россіи прислушивается съ сочувственнымъ вниманіемъ потому, что это голосъ не только первостепенной могущественной державы, но и великой націи, доказавшей свое право на моральное вліяніе и авторитетъ въ лицѣ своихъ великихъ писателей.

Новыя вѣянія въ международной политикѣ остаются еще безсильными противъ традицій завѣтнаго національнаго эгоизма, ярымъ примѣромъ котораго является завоевательная война Англіи съ боерскими республиками и Африки. Цивилизованныя еще кровавыя предпріятія въ Трансвалѣ и Китаѣ отсвѣчиваютъ начало XX вѣка...

1) Баронъ Стаалъ (Россія). 2) Графъ Мюнстеръ (Германія). 3) Фіатурига (Сіамъ). 4) Бельдиманъ (Румынія). 5) Баронъ Ифраши (Японія). 6) Баронъ Вельзерсгеймбъ (Австро-Венгрія). 7) ванъ-Кариебеекъ (Нидерланды). 8) Билло (Данія). 9) Буржуа (Франція). 10) [illegible]ефортъ (Англія). 11) Ардовъ (Англія). 12) Рафаловичъ (Россія). 13) Матоно (Японія). 14) де-Грелль-Рожье (Бельгія). 15) Папенку (Румынія). 16) Ситъ Лоу (Соед. Штаты Сѣв. Амер.). 17) Бернаэртъ (Бельгія). 18) денъ-Беерь Португэль (Нидерланды). 19) Рохуссенъ (Нидерланды). 20) Баронъ Шиммельпеннинкъ (Нидерланды). 21) Ценнине (Италія). 22) Гоо Веи-Те (Китай).

Гаагская мирная конференція 1899 года.

Пятьдесятъ лѣтъ русской исторіи.

Очеркъ **Н. К. Шильдера**.

I.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Девятнадцатый вѣкъ начался для Россіи при тяжелой обстановкѣ. Послѣ тридцати четырехъ лѣтняго правленія Екатерины надъ имперіею, по выраженію Карамзина, пронесся грозный метеоръ. Настало царствованіе императора Павла Перваго. Но 12-го марта 1801 года произошла не менѣе неожиданная перемѣна: воцарился ангелъ кротости и милосердія въ лицѣ императора Александра Перваго. Наступила заря, предвѣщавшая прекрасный весенній день: готовился расцвѣтъ всего лучшаго, возвышеннаго и чистаго. Русская исторіографія не запомнитъ подобнаго явленія. На тронѣ, по давнему предсказанію Державина, появился наконецъ «*человѣкъ*». Исключительно поэтому, что надежды на лучшее будущее разомъ охватили всю мыслящую Россію. Восторгъ, вызванный случившеюся внезапно перемѣною, былъ самый неподдѣльный, самый искренній, можно даже сказать, что онъ принялъ стихійный характеръ!

Императоръ Павелъ I.

Пышный весенній расцвѣтъ, обрадовавшій тогда Россію, оказался, однако, недолговѣчнымъ явленіемъ. Вьюги и мятели стерли его съ лица русской земли, и отъ прожитыхъ тогда радостныхъ дней уцѣлѣло одно прекрасное воспоминаніе, сопровождавшееся затѣмъ нескончаемымъ рядомъ горькихъ и тяжелыхъ разочарованій. Но это совершилось не сразу: политическій горизонтъ только постепенно покрылся тучами, и солнце засіявшее 12-го марта, не вдругъ померкло.

I.

Когда ночью на 12-е марта 1801 года императоръ Александръ прибылъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ, былъ выработанъ манифестъ, возвѣщавшій, что новый Іисусъ будетъ управлять Богомъ врученнымъ ему народомъ по законамъ и завѣтамъ Екатерины Великія, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна».

Все будетъ при мнѣ, какъ при бабушкѣ, объявлено было лицамъ императорскаго Александровскаго уже нѣсколькими часами ранѣе караулу семеновскаго полка, занимавшему Михайловскій замокъ въ день 11-го марта.

Въ данный, невыразимо грустный, моментъ нельзя было пренебречь лучшаго средства, придумать вѣрнѣйшее средство для успокоенія Россіи. Общество какъ бы возрождалось къ новой жизни.

Прежде всего нужно было залѣчить раны, нанесенныя послѣ кончины Екатерины государственному организму Россіи. За это благодарное дѣло и взялся императоръ Александръ со всѣмъ пыломъ юности, стремящагося къ водворенію одной правды и справедливости. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ условіяхъ въ наступившемъ тогда новомъ періодѣ русской исторіи нельзя подмѣтить ни одной фальшивой ноты которая своимъ непрошеннымъ явленіемъ разстроила бы радостное настроеніе всей русской земли. Одинъ всеобщій гармоническій аккордъ услаждалъ слухъ современниковъ тѣхъ счастливыхъ мгновеній, во время которыхъ надъ Россіею сіяло чистое безоблачное небо! Дѣйствительно, никогда еще въ Россіи не испытывали того чувства благосостоянія, которымъ объята была имперія въ первые шесть мѣсяцевъ царствованія Александра. По замѣчанію современника: «любовь ею управляла, и свобода вмѣстѣ съ порядкомъ водворялись въ ней. Всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе».

Работы предстояло немало: всѣ отрасли государственнаго управленія приведены были за четырехъ-лѣтнее правленіе Павла въ разстройство. Поэтому первыя заботы новаго правительства заключались въ отмѣнѣ перемѣнъ, внесенныхъ императоромъ Павломъ въ учрежденія своей матери, въ возвращеніи сословіямъ и обществамъ присвоенныхъ имъ прежде правъ. Царствованіе Павла I нарушило стремленіе, обнаруженное законодательствомъ Екатерины, ввести въ Россіи правильную общественную организацію и начать твердое опредѣленіе правъ отдѣльныхъ сословій для ихъ гражданской самодѣятельности. Александръ, подготовленный воспитаніемъ къ принятію новыхъ общественныхъ идей, обнаружилъ явное стремленіе на мѣсто слѣпой прихоти и насилія водворить законъ и справедливость. Онъ не побоялся даже открыто высказать, что не признаетъ на землѣ справедливою власти, которая не исходитъ отъ закона: въ его глазахъ законъ являлся залогомъ блаженства всѣхъ и каждаго.

Для исполненія своихъ благихъ намѣреній государю безотлагательно нужно было обновить личный составъ главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, окружавшихъ въ послѣднее время императора Павла. Прежде всѣхъ палъ генералъ-прокуроръ *Обольяниновъ*: онъ былъ немедленно принесенъ въ жертву общему негодованію.

Императоръ Александръ I. Картина Крюгера.

16-го марта 1801 года послѣдовалъ указъ сенату: «генералъ-отъ-инфантеріи *Беклешова*, уволеннаго отъ службы, принявъ паки въ оную, всемилостивѣйше повелѣваемъ ему быть нашимъ генералъ-прокуроромъ».

Внѣшняя политика была вѣрена руководству графа Никиты Петровича *Панина*, занимавшаго при Павлѣ I должность вице-канцлера, а затѣмъ высланнаго изъ Петербурга.

Освобожденіе несчастныхъ жертвъ тайной экспедиціи, въ которой роль инквизитора игралъ Обольяниновъ, было первымъ подвигомъ монарха, принявшаго скипетръ 12-го марта; нѣсколько сотъ человѣкъ увидѣли свѣтъ Божій и были возвращены обществу. Петропавловская крѣпость въ первый разъ опустѣла вдругъ и надолго. Въ числѣ помилованныхъ находились: бывшій коллежскій совѣтникъ Александръ Николаевичъ *Радищевъ*, проживавшій въ калужской губерніи безъ права въѣзда въ столицы, и артиллеріи подполковникъ Алексѣй Петровичъ *Ермоловъ*. Указомъ, даннымъ военной коллегіи 13-го марта, на другой день по воцареніи императора Александра повелѣно было: «всѣхъ выключенныхъ по сентенціи военнаго суда и безъ суда генераловъ штабъ и оберъ-офицеровъ, считать отставленными отъ службы». 15-го марта эта милость распространена была и на гражданскихъ чиновниковъ, изъ службы выключенныхъ или отрѣшенныхъ безъ суда и безъ законнаго разслѣдованія. По нѣкоторымъ современнымъ свидѣтельствамъ, число лицъ, возвратившихся на службу и получившихъ прежнія права, простиралось до 12,000 человѣкъ.

Одновременно съ этими милостями приступлено было къ обнародованію цѣлаго ряда правительственныхъ мѣръ, которыми Александръ спѣшилъ исправить вредъ, нанесенный Россіи до него. Почти каждый день царскій указъ уничтожалъ какую-нибудь несправедливость или стѣсненіе и открывалъ путь къ свободной и плодотворной дѣятельности. Одинъ лишь неизбѣжный ежедневный павловскій вахтъ-парадъ оставался незыблемымъ: но отнынѣ онъ не сопровождался болѣе тѣми ужасающими послѣдствіями, повергавшими участниковъ его въ невыразимый трепетъ въ продолженіе всего Павловскаго царствованія.

Указы императора Александра, появлявшіеся въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ вслѣдъ за 12-мъ марта, представляютъ собою цѣлый рядъ освободительныхъ мѣръ и служатъ лучшей характеристикой наступившей новой и небывалой эпохи русской исторіи. Подобно тому, какъ Екатерина въ 1762 году, Александръ имѣлъ полное право сказать въ 1801 году, что повелѣнія его единственно склонялись къ «*возстановленію всего того, что въ государствѣ по сіе время противу добраго порядка вкоренилося*». Повелѣнія эти слѣдующія:

14-го марта: снятіе запрещенія на вывозъ разныхъ продуктовъ и товаровъ изъ Россіи.

15-го марта: манифестъ, объявлявшій амнистію бѣглецамъ, укрывшимся въ заграничныхъ мѣстахъ; всѣ вины ихъ кромѣ смертоубійства предавались забвенію. Того же числа послѣдовалъ указъ о возстановленіи дворянскихъ выборовъ.

16-го марта: снятіе запрещенія на привозъ въ Россію разныхъ товаровъ изъ чужихъ краевъ.

17-го марта: отмѣна въ губернскихъ городахъ ратгаузовъ, а въ уѣздныхъ — ордонансъ-гаузовъ.

19-го марта: указъ, объявленный оберъ-полиціймейстеру графомъ Пеленомъ, чтобы чиновники полицейскіе отнюдь изъ границъ вѣдомости своей не выходили, «*а тѣмъ менѣе не дерзали причинять никому никакихъ обидъ и притѣсненій*».

22-го марта: о свободномъ пропускѣ ѣдущихъ въ Россію и отъѣзжающихъ изъ нея.

24-го марта: отмѣна запрещенія на вывозъ за границу хлѣба и вина.

26-го марта упраздненъ былъ существовавшій при Дворѣ *Совѣтъ*, а 30-го марта учрежденъ *Совѣтъ непремѣнный* для разсмотрѣнія и указанія государственныхъ дѣлъ и постановленій; этому новому установленію данъ былъ *наказъ*, которымъ руководствовались до преобразованія Совѣта въ 1810 году.

31-го марта послѣдовала отмѣна запрещенія императора Павла (отъ 18-го апрѣля 1800 года) относительно ввоза изъ-за границы книгъ и музыкальныхъ нотъ; повелѣнія распечатать частныя типографіи, и дозволеніе имъ печатать книги и журналы. — Того же числа была объявлена роспись кирасирскимъ, драгунскимъ, гусарскимъ, гренадерскимъ, мушкатерскимъ и егерскимъ полкамъ, коимъ Высочайше повелѣно именоваться прежними историческими именами, вмѣсто введеннаго императоромъ Павломъ названія по именамъ шефовъ.

2-го апрѣля императоръ Александръ прибылъ въ Сенатъ и, занявъ предсѣдательское мѣсто въ общемъ собраніи Сената, велѣлъ прочесть подписанныя имъ въ тотъ день пять манифестовъ: 1) о возстановленіи жалованной дворянству грамоты; 2) о возстановленіи городового положенія и грамоты, данной городамъ; 3) о свободномъ отпускѣ россійскихъ произведеній за границу, объ оставленіи сбора пошлинъ съ оныхъ на прежнемъ основаніи и о предоставленіи казеннымъ поселянамъ пользоваться лѣсами, въ чемъ они были затруднены лѣснымъ вѣдомствомъ; 4) объ уничтоженіи тайной экспедиціи и о вѣдѣніи дѣлъ, производящихся въ оной въ Сенатѣ, и 5) объ облегченіи участи преступниковъ и о сложеніи казенныхъ взысканій до 1,000 рублей.

Духъ и направленіе воцарившагося императора въ особенности ярко выступаютъ въ манифестѣ объ уничтоженіи тайной экспедиціи, въ которомъ государь говоритъ, что въ благоустроенномъ государствѣ «*всѣ преступленія должны быть объявляемы, судимы и наказуемы общею силою закона*», и потому признаетъ за благо не только названіе, но и самое дѣйствіе тайной экспедиціи навсегда упразднить и уничтожить, повелѣвая всѣ дѣла, въ оной бывшія, отдать въ государственный архивъ къ вѣчному забвенію, а на будущее время вѣдать ихъ въ 1-мъ и 5-мъ департаментахъ Сената, и во всѣхъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ вѣдаются дѣла уголовныя. Въ заключеніе этого манифеста сказано: «Сердцу нашему пріятно вѣрить, что, сливая пользы наши съ пользами нашихъ вѣрноподданныхъ и поручая единому дѣйствію закона охраненіе имени нашего и государственной цѣлости отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества или злобы, мы даемъ имъ новое доказательство, колико удостовѣрены мы въ вѣрности ихъ къ намъ и престолу нашему, и что пользъ нашихъ никогда не раздѣляемъ мы отъ ихъ благосостоянія, которое едино составлять всегда будетъ все существо нашихъ и воли».

Все это было дѣйствительно ново, отъ него вѣяло чѣмъ-то инымъ, небывалымъ, предвѣщавшимъ, какъ казалось, коренное измѣненіе государственнаго управленія имперіи.

8-го апрѣля было повелѣно уничтожить висѣлицы, которыя были поставлены въ городахъ при публичныхъ мѣстахъ, и къ которымъ прибивались имена провинившихся лицъ.

9-го апрѣля послѣдовалъ указъ, избавлявшій солдатъ отъ ненавистныхъ куклей, которыя повелѣно было обрѣзать; косы пока еще сохранялись, и онѣ, имѣя длину въ четыре вершка, должны были завязываться въ половину воротника.

22-го мая, въ указѣ Святѣйшему Синоду, повелѣно было: «священниковъ и діаконовъ, въ уголовныя преступленія впадшихъ и судомъ обличенныхъ, отъ тѣлеснаго наказанія освободить». При чтеніи этого указа императоръ Александръ лично присутствовалъ въ Синодѣ.

28-го мая генералъ-маіоръ Беклешовъ сообщилъ президенту академіи наукъ *Николаи* указъ, дабы объявленіе о продажѣ людей безъ земли ни отъ кого для припечатанія въ вѣдомостяхъ принимаемо не было. Это распоряженіе обращаетъ на себя вниманіе, какъ первое осторожное мѣропріятіе императора Александра, направленное противъ крѣпостного права.

5-е іюня ознаменовано было изданіемъ двухъ важныхъ указовъ: Сенату повелѣвалось представить особый докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ, для утвержденія оныхъ силою закона на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ, а затѣмъ управленіе коммиссіею доставленія законовъ поручалось графу Завадовскому; вмѣстѣ съ тѣмъ въ особомъ рескриптѣ на его имя высказаны были мотивы

учрежденія комиссіи, принятой государемъ въ собственное вѣдѣніе.

Въ заключеніе этого краткаго перечня первыхъ мѣропріятій воцарившагося государя упомянемъ еще объ указѣ 26-го іюня, по которому отмѣнялись шлагбаумы по городамъ и селамъ, гдѣ отсутствовалъ военный гарнизонъ.

Въ перечисленныхъ здѣсь вкратцѣ главнѣйшихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, сопровождавшихъ воцареніе Александра I, вполнѣ отразились задушевныя мысли, воодушевлявшія юнаго государя и ть начала правды, законности и терпимости, которыя онъ желалъ привить къ русской жизни. Но Александръ этимъ не довольствовался; за офиціальными распоряженіями скрывалась еще негласная внутренняя работа нѣкоторыхъ довѣренныхъ и близкихъ къ нему лицъ. Хотя разсужденія ихъ, лично руководимыя государемъ и не нашли себѣ выраженія въ какихъ-либо новыхъ законополо-

Англіею, флотъ которой приближался къ Ревельскому порту. Съ этою цѣлью немедленно отмѣнена была экспедиція донскихъ казаковъ въ Индію, затѣянная по повелѣнію императора Павла; затѣмъ послѣдовало снятіе амбарго съ судовъ англійскихъ купцовъ и освобожденіе имѣній ихъ отъ секвестра, а 5-го (17-го) іюня подписана была конвенція о взаимной дружбѣ съ Великобританіею. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Александръ отказался отъ острова Мальты и не принялъ званія великаго магистра державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго; государь довольствовался скромнымъ званіемъ протектора ордена и повелѣлъ снять мальтійскій крестъ съ русскаго государственнаго герба. Такимъ образомъ русская политика освободилась наконецъ отъ чуждыхъ Россіи мальтійскихъ увлеченій и вступила снова на реальный путь, болѣе согласованный съ интересами Имперіи. Первоначальныя воззрѣнія императора Александра на политическія

Сенатъ и Петровская площадь при Александрѣ I. По совр. рисунку.

женіяхъ, но, тѣмъ не менѣе они все-таки не остались безъ вліянія на многія стороны общественнаго движенія этой эпохи. Поэтому о нихъ нельзя умолчать въ общемъ очеркѣ политическихъ событій русской исторіи начала девятнадцатаго столѣтія.

Негласная дѣятельность государя нашла себѣ выраженіе въ такъ-называемомъ *комитетѣ общественной безопасности* (Comité du salut public), составленномъ изъ ближайшихъ друзей Александра. Это были графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, Николай Николаевичъ Новосильцовъ, графъ Викторъ Павловичъ Кочубей и князь Адамъ Чарторижскій. Разсужденія этого довѣреннаго собранія, руководимаго самимъ государемъ, клонились къ тому, чтобы подготовить радикальное преобразованіе *безобразнаго зданія управленія Имперіи* (réforme de l'édifice informe du gouvernement de l'Empire). Въ сущности дѣятельность негласнаго комитета сводилась какъ бы къ заговору противъ офиціальной Россіи и лицъ, стоявшихъ во главѣ администраціи государства.

Политическія усложненій, среди которыхъ начался 1801 г., побудили императора Александра обратить немедленное особенное вниманіе на устраненіе внѣшнихъ затрудненій и прежде всего на возстановленіе дружескихъ сношеній съ

задачи Россіи лучше всего выяснились въ инструкціи, данной 5-го іюля 1801 года представителямъ нашимъ при главнѣйшихъ европейскихъ дворахъ.

Въ этой, одушевленной миролюбивыми чувствами, инструкціи, государь, между прочимъ, заявлялъ: «Я не вмѣшаюсь во внутреннія несогласія, волнующія другія государства; мнѣ нѣтъ нужды, какую бы форму правленія ни установили у себя народы, пусть только руководствуются въ отношеніи къ моей Имперіи тѣмъ же духомъ терпимости, какимъ руководствуюсь и я, и мы останемся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ».

10-го мая послѣдовалъ указъ о возстановленіи миссіи при вѣнскомъ дворѣ, и графу А. К. Разумовскому повелѣно было снова занять прежнее посольское мѣсто въ Вѣнѣ. Во Францію посланъ былъ графъ Морковъ, который 26-го сентября (8-го октября) 1801 года подписалъ мирный договоръ съ Франціею.

Въ то время, когда происходили эти дипломатическіе переговоры, которыми надѣялись упрочить столь желанный всѣми миръ въ Европѣ, въ Москвѣ совершилась 15-го сентября коронація императора Александра.

Награды, розданныя въ этотъ день, не отличались особенною щедростью и вообще не выходили изъ разряда обыкно-

венныхъ крестьянъ не было роздано вовсе, къ великому огорченію многихъ, которые помнили еще, какъ императоръ Павелъ ознаменовалъ свое вѣнчаніе на царство раздачею въ одинъ день болѣе 82.000 душъ. Вотъ что отвѣчалъ Александръ одному изъ сановниковъ, просившему пожалованія имѣніемъ: «Большая часть крестьянъ въ Россіи рабы: считаю лишнимъ распространяться объ уничиженіи человѣчества и о несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ и поэтому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность».

Независимо отъ ряда милостей, дарованныхъ народу въ день коронованія, императоръ Александръ завершилъ свои благодѣянія *уничтоженіемъ пытки*.

Сенату повелѣвалось наистрожайшимъ образомъ подтвердить всѣмъ управленіямъ и судамъ въ имперіи, чтобы никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допускать, ни исполнять никакихъ истязаній и пристрастныхъ допросовъ, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія, и чтобы, наконецъ, «самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной».

Въ память коронованія была выбита медаль, рисунокъ которой не лишенъ значенія, какъ всенародное выраженіе основной мысли, руководившей въ то время всѣми начинаніями Александра. На этой медали находилось съ одной стороны изображеніе государя, а съ другой обрѣзокъ колонны, съ надписью на ней *законъ*, увѣнчанный императорскою короною, а вокругъ красовалась многозначительная надпись: *залогъ блаженства всѣхъ и каждаго*».

8-го сентября 1802 г. послѣдовало учрежденіе министерствъ, которыя замѣнили собою коллегіальное управленіе Петра Великаго. Всѣхъ министерствъ было учреждено восемь, а именно: 1) военныхъ и сухопутныхъ силъ, 2) морскихъ силъ, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) юстиціи, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) финансовъ, 7) коммерціи и 8) народнаго просвѣщенія.

Князь Адамъ Чарторижскій. Съ совр. гравюры.

Министрамъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ и народнаго просвѣщенія, по обширности ввѣренныхъ имъ частей, положено было придать помощниковъ въ лицѣ товарищей министровъ. Военная коллегія, адмиралтействъ-коллегія и иностранная коллегія были оставлены на прежнемъ ихъ основаніи и подчинены министрамъ: военныхъ сухопутныхъ силъ, морскихъ силъ и иностранныхъ дѣлъ. Всѣ министры состояли вмѣстѣ съ тѣмъ членами въ совѣтѣ и присутствовали въ сенатѣ.

Прочія существовавшія дотолѣ коллегіи поступили въ составъ министерствъ и преобразовались въ департаменты. Министры подчинены были верховному надзору сената; они обязывались доставлять ежегодно отчеты, каждый по дѣятельности своего министерства, сенату, какъ важнѣйшему верховному мѣсту.

Сенатъ же долженъ былъ подавать свои заключенія и представлять докладъ государю. Введено было постановленіе, въ силу коего подпись государя на указахъ и повелѣніяхъ имѣла быть контрасигнована подлежащимъ министромъ.

Учрежденъ былъ комитетъ министровъ для совмѣстнаго обсужденія общихъ государственныхъ дѣлъ. Съ 16-го сентября 1802 г. по 8 сентября 1805 г. императоръ Александръ, за немногими исключеніями, лично предсѣдательствовалъ въ комитетѣ. Съ 1807 г. посѣщеніе государемъ комитета совѣтъ прекратилось. Сверхъ того, сохранена была, существовавшая въ то время въ видѣ самостоятельной части, должность государственнаго казначея.

8-го сентября были назначены министрами: 1) военныхъ сухопутныхъ силъ — генералъ-отъ-инфантеріи и президентъ военной коллегіи *Вязмитиновъ*; 2) военныхъ морскихъ силъ — адмиралъ и вице-президентъ адмиралтействъ коллегіи *Мордвиновъ*; 3) иностранныхъ дѣлъ—(съ титуломъ государственнаго канцлера) графъ Александръ Романовичъ *Воронцовъ*; товарищемъ его—тайный совѣтникъ князь Адамъ *Чарторижскій*; 4) юстиціи — генералъ-прокуроръ *Державинъ*; 5) внутреннихъ дѣлъ — графъ *Кочубей*; товарищемъ его—тайный совѣтникъ графъ Павелъ Александровичъ *Строгоновъ*; 6) финансовъ — графъ *Васильевъ*; товарищемъ его—гофмейстеръ *Гурьевъ*; 7) коммерціи — графъ Николай Петровичъ *Румянцовъ*; 8) народнаго просвѣщенія — графъ *Завадовскій*; товарищемъ его — тайный совѣтникъ Михаилъ Никитичъ *Муравьевъ*. Государственнымъ казначеемъ назначенъ былъ тайный совѣтникъ *Голубцовъ*, а князь Александръ Борисовичъ *Куракинъ* (бывшій вице-канцлеръ) пожалованъ канцлеромъ россійскихъ орденовъ.

Нѣсколько позже назначенъ былъ товарищемъ министра юстиціи дѣйствительный камергеръ Н. Н. *Новосильцевъ*, когда въ 1803 г. Державинъ получилъ увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ и замѣненъ былъ княземъ *Лопухинымъ*.

Недовольныхъ реформою оказалось не малое число. Старики, привязанные къ старымъ формамъ, громко возстали противъ новаго учрежденія. Сожалѣли объ исчезновеніи коллегіальнаго порядка, установленнаго Петромъ Великимъ, и сокрушались объ утратѣ сенатомъ какихъ-то правъ, примѣненіе которыхъ на дѣлѣ, однако, довольно трудно уловить въ его историческомъ прошломъ. Одинъ изъ современниковъ ставитъ въ своихъ воспоминаніяхъ вопросъ, очень характерный для лицъ, недовольныхъ реформами Александра I. Онъ именно спрашиваетъ, передъ кѣмъ собственно въ Россіи будутъ отвѣчать министры? «Передъ государемъ, который долженъ уважать въ нихъ свой выборъ, котораго дѣлаютъ они участникомъ своихъ ошибокъ, и который, не признавшись въ оныхъ, не можетъ ихъ удалить? Передъ народомъ, который ничто? Передъ потомствомъ, о которомъ они не думаютъ? Развѣ только передъ своею совѣстью»...

Императоръ Александръ, съ своей стороны остался довольнымъ совершившимся преобразованіемъ и 26-го октября 1802 г. писалъ Лагарпу, что министерства образованы и идутъ довольно хорошо уже болѣе мѣсяца. «Дѣла отъ этого пріобрѣли болѣе ясности и методичности, и я знаю тотчасъ, съ кого требовать, если что-нибудь идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ».

Одновременно съ учрежденіемъ министерствъ послѣдовалъ указъ о *расширеніи правъ сената*, которому было присвоено весьма высокое значеніе. Въ числѣ правъ и обязанностей сената, перечисленныхъ въ указѣ, заслуживаетъ вниманія статья *о дозволеніи* этому верховному мѣсту представлять государю о такихъ указахъ, которые въ исполненіи сопряжены съ великими неудобствами, или несогласны съ прочими узаконеніями, или же неясны; но когда *по таковому представленію не будетъ учинено перемѣны*, то указъ остается въ своей силѣ. Введеніе въ указъ 8-го сентября этой статьи, утвержденной не безъ нѣкотораго колебанія, имѣло въ виду ограничить произволъ министровъ,

имѣвшихъ возможность испрашивать Высочайшія повелѣнія помимо сената, нисколько не сообразуясь съ существовавшими законами. Однако, при всей скромности этой статьи, она, на первыхъ же порахъ, оказалась мертвою буквою. Александръ, къ удивленію ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, относился недружелюбно къ самому умѣренному и законному проявленію самостоятельности взглядовъ этого верховнаго мѣста въ имперіи.

Близкій къ императору Александру человѣкъ, князь Адамъ Чарторижскій, оставилъ слѣдующую характеристику внутренняго смысла всѣхъ дѣяній государя въ первые годы его царствованія. Онъ пишетъ: «Великіе помыслы объ общемъ благѣ, великодушныя чувства, желаніе принесть имъ въ жертву собственныя удобства и часть своей власти, отказаться, наконецъ, отъ неограниченнаго могущества, дабы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить въ будущемъ счастіе людей, подчиненныхъ его волѣ, все это нѣкогда искренно занимало императора; все это продолжало занимать его и теперь, но это былъ юношескій порывъ, а не твердое рѣшеніе зрѣлаго человѣка. Императоръ любилъ наружныя формы свободы, подобно тому, какъ увлекаются зрѣлищами. Ему нравился призракъ свободнаго правительства, и онъ хвастался имъ; но онъ домогался однѣхъ формъ и наружнаго вида, не допуская обращенія ихъ въ дѣйствительность».

Что же касается самыхъ указовъ 8-го сентября, то нельзя не замѣтить, что заключая въ себѣ постановленія, до нѣкоторой степени другъ другу противорѣчащія и недостаточно между собою согласованныя, они, при примѣненіи ихъ, должны были вызвать затрудненія и недоразумѣнія. Нѣкоторые изъ довѣренныхъ совѣтниковъ Александра сознавали неосуществимость многихъ изъ дарованныхъ сенату правъ и предвидѣли, что они останутся безъ примѣненія; въ дѣйствительности такъ и случилось. Хотя по первоначальному плану министры подчинены были верховному надзору сената, но, подъ вліяніемъ обстоятельствъ и въ силу довѣрія императора къ избраннымъ имъ министрамъ, они заняли первенствующее положеніе, отодвинувъ фактически на второй планъ сенатъ и совѣтъ.

Изъ образованныхъ въ 1802 г. министерствъ наибольшую дѣятельность выказали тогда министерство внутреннихъ дѣлъ, благодаря присутствію въ немъ Сперанскаго, и министерство народнаго просвѣщенія вслѣдствіе особеннаго вниманія, обращеннаго императоромъ Александромъ на эту отрасль государственнаго управленія.

Въ 1803 г. (24-го января) изданы были: Предварительныя правила народнаго просвѣщенія», посредствомъ которыхъ рядомъ съ университетами, создалась цѣлая система среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній: гимназій, уѣзныхъ и приходскихъ училищъ. Въ слѣдующемъ 1804 г., 5-го ноября, появились уставы учебныхъ заведеній среднихъ и низшихъ, подвѣдомыхъ университетамъ, и грамоты и уставы для университетовъ московскаго и вновь учрежденныхъ харьковскаго и казанскаго. Харьковскій университетъ былъ созданъ на средства, собранныя просвѣщенною заботливостью Василія Назаровича *Каразина*. Уставы поименованныхъ трехъ университетовъ почти буквально сходны были между собою; но въ каждомъ изъ этихъ уставовъ просвѣчиваетъ однако мысль законодателя о необходимости предоставить каждому университету возможность развиваться своеобразно примѣняясь къ мѣстнымъ требованіямъ и особенностямъ.

12-го декабря 1802 г. былъ изданъ *актъ постановленія университета въ Дерптѣ*, а 18-го мая 1803 г. былъ утвержденъ уставъ или *общія постановленія виленскаго университета и училищъ его округа*. Мѣсто попечителя виленскаго округа занялъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ князь Адамъ Чарторижскій. 25-го іюня 1803 г. состоялось обнародованіе новаго регламента для академіи наукъ. Президентомъ ея былъ назначенъ попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцовъ. 16-го апрѣля слѣдующаго 1804 г. въ Петербургѣ былъ учрежденъ *педагогическій институтъ* для приготовленія юношества къ учительской должности; онъ составлялъ отдѣленіе предполагавшагося къ учрежденію въ Петербургѣ университета.

Императоръ Александръ I и Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій, надъ гробомъ Фридриха Великаго даютъ другъ другу клятву въ вѣрности.

При учрежденіи министерствъ не забыта была также цензура; она была отнесена къ министерству народнаго просвѣщенія. Послѣдствіемъ этого распоряженія было снабженіе ея особымъ *уставомъ* (9-го іюля 1804 года), «но не для стѣсненія свободы мыслить и писать, какъ именно упоминается въ докладѣ министра, «а единственно для принятія пристойныхъ мѣръ противъ злоупотребленія оной». Весь уставъ состоялъ изъ 47 параграфовъ; обстоятельство это заслуживаетъ вниманія, если принять въ соображеніе, что цензурный уставъ, представленный въ 1826 году, въ царствованіе императора Николая А. С. Шишковымъ, возросъ до почтенной цифры 230 параграфовъ. Въ продолженіе всего царствованія императора Александра цензурный уставъ 1804 года оставался безъ измѣненія. Только съ 1817 года, съ учрежденіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, ввѣреннаго князю Александру Николаевичу Голицыну, цензура получила особый, вопреки либеральному духу устава, стѣснительный оттѣнокъ, отсутствовавшій въ началѣ царствованія Александра.

Руководствуясь столь просвѣщенными взглядами при учрежденіи цензуры, неудивительно, что императоръ Александръ оказывалъ поощреніе литературѣ, оказывая поддержку и поощреніе русскимъ писателямъ. Въ виду желанія, изъявленнаго Карамзинымъ, посвятить трудъ свой составленію полной исторіи Россійскаго государства, императоръ указомъ 31-го октября 1803 года пожаловалъ ему титулъ *исторіографа* и 2,000 рублей ежегодной пенсіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь, изъявивъ убѣжденный въ необходимости перевода на русскій языкъ полезныхъ книгъ, чтобы *«положить начало распространенію знанія и просвѣщенія имъ»*, содѣйствовалъ появленію въ печати множества переводныхъ сочиненій, имѣвшихъ очевидною цѣлью внушить интересъ къ общественнымъ, экономическимъ и политическимъ вопросамъ и сообщить высшимъ преслѣдамъ русскому обществу послѣднее слово заграничной науки.

Среди предпринятыхъ императоромъ Александромъ административныхъ преобразованій не было также позабыто крестьянское дѣло. Къ числу попытокъ государя вступить на путь, которыя бы вели къ разрѣшенію этого вопроса, слѣдуетъ отнести указъ отъ 20-го февраля 1803 года о *свободныхъ хлѣбопашцахъ*.

14-го мая 1803 года Петербургъ торжественно отпраздновалъ первое столѣтіе своего существованія. Празднованіе это совпало съ другимъ важнымъ событіемъ. Въ этотъ день императоръ Александръ снова принялъ на службу вызваннаго изъ Грузина, *графа Алексѣя Андреевича Аракчеева*, съ назначеніемъ, по прежнему, инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ лейбъ-гвардіи артиллерійскаго баталіона. Служба сдѣлалась во всѣхъ отношеніяхъ строгая. Разныя соображенія не позволили «вѣрному другу» графа Аракчеева призвать его снова на службу тотчасъ по вступленіи на престолъ. Только по прошествіи двухъ лѣтъ, этотъ первый, самый трудный шагъ могъ быть сдѣланъ государемъ; отнынѣ графъ Аракчеевъ могъ уже спокойно выжидать постепеннаго и неизбѣжнаго возрастанія своего могущества, чтобы подъ конецъ царствованія Александра стать *первымъ вельможею*, какъ выразился о немъ впослѣдствіи Карамзинъ.

Несмотря на чувства великодушнаго благожеланія, одушевлявшія несомнѣнно императора Александра, и вмѣстѣ съ тѣмъ на выражаемую имъ нерѣдко скорбь о безправномъ положеніи русскаго человѣка и на признаніе закона залогомъ блаженства всѣхъ и каждаго, у нѣкоторыхъ современниковъ все-таки зародилось сомнѣніе въ искренность преобразовательныхъ намѣреній государя. Жертвою подобнаго сомнѣнія палъ *Радищевъ*, служившій у графа Завадовскаго въ комиссіи о составленіи законовъ.

II.

Если преобразовательныя начинанія императора Александра подвергались многоразличнымъ колебаніямъ, то внѣшняя политика его принимала, напротивъ того, съ каждымъ годомъ все болѣе опредѣленное и устойчивое направленіе. Вскорѣ она вступила на такой путь, который не имѣлъ уже ничего общаго съ первоначальнымъ миролюбивымъ направленіемъ помысловъ Александра и привелъ съ 1805 г. къ десятилѣтнему непрерывному кровопролитію.

Нѣкоторое сочувствіе Александра къ первому консулу продолжалось не долго; когда же Бонапартъ принялъ пожизненное консульство, императоръ Александръ нашелъ, что завѣса упала, и прежній герой обратился отнынѣ въ его глазахъ въ знаменитѣйшаго изъ тирановъ, какихъ мы встрѣчаемъ въ исторіи. Одновременно съ нерасположеніемъ къ новымъ французскимъ порядкамъ установилось сближеніе съ Пруссіею, закрѣпленное Мемельскимъ свиданіемъ 1802 года.

Перемѣна лицъ, управлявшихъ въ Россіи иностранными дѣлами въ началѣ столѣтія, нисколько не вліяла на международныя сношенія имперіи и на соотвѣтственныя рѣшенія императора Александра: графъ Панинъ смѣненъ былъ графомъ Кочубеемъ, а затѣмъ явился государственный канцлеръ графъ Воронцовъ съ товарищемъ княземъ Чарторижскимъ.

Разрывъ съ Франціею становился съ каждымъ годомъ болѣе вѣроятнымъ. Въ 1803 г. графъ Морковъ былъ отозванъ изъ Парижа, и представителемъ Россіи остался здѣсь повѣренный въ дѣлахъ Убри. Первый консулъ ускорилъ разрывъ. Отрядъ французскихъ войскъ увезъ изъ Баденскихъ владѣній герцога Энгіенскаго, и 9-го (21-го) марта 1804 г. послѣдній потомокъ Конде былъ разстрѣлянъ во рву Венсенскаго замка.

Это кровавая расправа, придуманная Бонапартомъ ради политической самозащиты, вызвала протестъ русскаго правительства. Бонапартъ, въ свою очередь, отвѣтилъ рѣзкою нотою, содержаніе которой наносило императору Александру личное оскорбленіе, соединенное съ клеветою на англійское правительство. Затѣмъ первый консулъ былъ провозглашенъ императоромъ французовъ, на мировую сцену выступилъ Наполеонъ.

Сооружитель Наполеонъ, избавитель Европы отъ его деспотизма, стремился отнынѣ главною цѣлью всѣхъ начинаній Александра; этой цѣлѣ онъ посвятилъ свои лучшія силы, свои лучшіе годы. Прежнія преобразовательныя стремленія, [illegible] порывы къ лучшему устройству имперіи, исчезли въ [illegible] силы, когда же послѣ неимовѣрныхъ усилій [illegible] была достигнута, и длившіяся многіе годы воинственная эпопея закончилась сверженіемъ Наполеона, то Александръ является уже въ образѣ усталаго правителя, утратившаго вѣру въ прежніе идеалы и склоннаго сочувствовать реакціи, опустившейся сплошною завѣсою на всю Европу.

Стараніями Александра противъ Франціи выступила въ 1805 г. грозная коалиція; къ Россіи присоединились Австрія, Англія и Швеція; Пруссія колебалась. Русская армія перешла границу, и государь появился въ Пулавахъ, въ замкѣ князя Чарторижскаго.

Но нарушеніе Наполеономъ неприкосновенности прусскихъ владѣній въ Ансахѣ все перемѣнило разомъ: Пруссія перешла на сторону коалиціи, и 13-го (25-го) октября императоръ Александръ торжественно въѣхалъ въ Берлинъ. Пребываніе здѣсь русскаго государя сопровождалось подписаніемъ 13-го (25-го) октября Потсдамской конвенціи, и въ заключеніе Александръ надъ гробомъ Фридриха Великаго ночью поклялся королю и королевѣ въ вѣчной дружбѣ, залогомъ которой должно было служить освобожденіе Германіи. Что же касается конвенціи, то достоинства ея представляются весьма сомнительнаго свойства; присоединеніе Пруссіи къ коалиціи было только условнымъ и предстояло еще въ далекомъ будущемъ, въ томъ случаѣ, если Наполеонъ отвергнетъ посредничество короля для заключенія всеобщаго мира. Но даже такое условное содѣйствіе Пруссіи русской дипломатіи пришлось купить дорогою цѣною. Тайною статьею этого договора, Россія обязалась употребить всѣ старанія, чтобы утвердить за Пруссіей обладаніе Ганноверомъ. Такимъ образомъ, присоединеніе Пруссіи къ коалиціи окончательно лишало ее значенія *подвига безкорыстія*, который силился придать ей императоръ Александръ. Предпринятая, во имя началъ права и справедливости, война противъ наполеоновской Франціи, обращалась въ борьбу изъ-за своекорыстныхъ выгодъ участниковъ коалиціи.

Между тѣмъ, Наполеонъ успѣлъ уже разгромить подъ Ульмомъ австрійскую армію подъ предводительствомъ Макка и принудить его подписать капитуляцію. Послѣ этой побѣды Наполеонъ быстро устремился къ Вѣнѣ, занялъ австрійскую столицу и, захвативъ Дунайскій мостъ, выдвинулся къ Брюнну. Русскія войска совмѣстно съ австрійскими сосредоточились въ Ольмюцѣ, куда 6-го (18-го) ноября прибылъ императоръ Александръ, встрѣченный здѣсь императоромъ Францемъ.

Вмѣсто того, чтобы держаться здѣсь, согласно мнѣнію генерала Кутузова, выжидательнаго образа дѣйствій, поджидая подкрѣпленія, рѣшено было начать наступленіе. Это рѣшеніе принесло горькіе плоды. 20-го ноября (2-го декабря) разыгралось Аустерлицкое сраженіе, въ которомъ австро-русская армія потерпѣла рѣшительное пораженіе. Къ вечеру союзныя войска очутились на дорогѣ въ Венгрію, потерявъ до 27.000 человѣкъ (въ томъ числѣ на русскихъ приходится 21.000) и 158 орудій (изъ нихъ 133 русскихъ). Военныя дѣйствія не замедлили прекратиться. 22-го ноября (4-го декабря) состоялось свиданіе императора Франца съ Наполеономъ, послѣ котораго было заключено перемиріе съ тѣмъ, чтобы русскія войска немедленно очистили австрійскія владѣнія. Императоръ Александръ предоставилъ австрійскому монарху полную свободу дѣйствій, требуя только одного, чтобы Россію не впутывали въ переговоры. Тщетно князь Чарторижскій убѣждалъ Александра начать переговоры о мирѣ совмѣстно съ Австріею и искать сближенія съ Наполеономъ; поступлено было какъ разъ въ противоположномъ смыслѣ. 27-го ноября государь разстался съ своимъ союзникомъ въ Галичѣ, и въ тотъ же день Кутузовъ выступилъ съ своими войсками обратно въ Россію. Коалиція распалась.

3-го (15-го) декабря графъ Гаугвицъ подписалъ въ Шенбрунѣ отъ имени Пруссіи оборонительный и союзный договоръ съ Франціею, принявъ отъ нея въ даръ Ганноверъ, принадлежащій Англіи, а 14-го (26-го) декабря Австрія заключила тягостный и унизительный для нея Пресбургскій мирный договоръ, по которому она окончательно утратила свое первенство въ Германіи. Такимъ образомъ, 1805 г. закончился полнымъ торжествомъ Наполеона, между тѣмъ, какъ Але-

ксандру онъ принесъ только рядъ чувствительныхъ огорченій. Онъ, который мечталъ о политическихъ и военныхъ подвигахъ, при первомъ же появленіи на аренѣ великихъ европейскихъ событій отступился отъ явно покровительствуемаго имъ польскаго дѣла, которое вскорѣ перешло въ руки Наполеона, и позволилъ Пруссіи обойти себя, не добившись отъ нея существенной помощи. Жертвуя собою на полѣ сраженія, онъ, во главѣ русской арміи, испыталъ небывалое въ лѣтописяхъ ея ужасающее пораженіе, покинулъ союзника, не сблизился съ противникомъ и добровольно устранилъ себя отъ участія въ новомъ переустройствѣ Европы.

Аустерлицкое пораженіе сопровождалось еще однимъ послѣдствіемъ. По замѣчанію современника эта баталія сильно повліяла на характеръ Александра. «До того онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а тогда сдѣлался подозрителенъ, строгъ до безмѣрности, неприступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду; къ одному графу Аракчееву имѣлъ полную довѣренность, который по жестокому своему свойству приводилъ государя на гнѣвъ и тѣмъ отвлекъ отъ него людей, истинно любящихъ его и Россію».

Графъ Румянцовъ.

Послѣ заграничнаго похода 1805 г. всѣ заботы императора Александра естественно обратились къ усиленію средствъ государствъ. Пришлось готовиться къ новой войнѣ съ Наполеономъ, неизбѣжность которой вызывалась политическимъ положеніемъ Европы. Такъ и случилось. Несмотря на изворотливость прусскихъ дипломатовъ, заключившихъ союзъ съ Франціей противъ Россіи и съ Россіей противъ Франціи, въ 1806 г. все-таки послѣдовалъ разрывъ между Пруссіей и Наполеономъ. Судьба монархіи Фридриха Великаго рѣшилась неудачнымъ исходомъ одного сраженія, и, послѣ Іенскаго погрома, Наполеонъ 15-го (27-го) октября вступилъ въ Берлинъ. Императоръ Александръ, тѣмъ не менѣе, рѣшился выручить Фридриха-Вильгельма III и «положить предѣлъ успѣхамъ узурпаціи и тираніи, даруя торжество самому справедливому и прекрасному дѣлу».

Русскія войска перешли границу и присоединились къ единственно уцѣлѣвшему остатку прусской арміи, состоявшему изъ корпуса Лестока въ составѣ 14.000 человѣкъ при 92 орудіяхъ. Главнокомандующимъ назначенъ былъ фельдмаршалъ графъ Михаилъ Ѳедотовичъ *Каменскій*.

Предвидя возможность вторженія непріятеля въ русскіе предѣлы, императоръ Александръ издалъ манифестъ о *составленіи и образованіи повсемѣстныхъ временныхъ ополченій или милицій* въ 612 ратниковъ. Въ церквахъ начали читать объявленіе святѣйшаго синода, въ которомъ, называя Наполеона антихристомъ, обвиняли его въ томъ, что онъ намѣренъ провозгласить себя Мессіей и дерзаетъ угрожать Россіи вторженіемъ въ ея предѣлы и потрясеніемъ православной церкви. Въ это время князь Адамъ Чарторижскій уже пересталъ быть министромъ; 17-го (29-го) іюня 1806 г. его мѣсто занялъ баронъ Андрей Яковлевичъ *Будбергъ*.

По одного несчастія, жестокой войны съ Наполеономъ, было мало. Въ октябрѣ 1806 года сближеніе Франціи съ Оттоманской портой привела къ семилѣтней войнѣ съ Турціей, продолжавшейся до 1812 года. Такимъ образомъ на рукахъ императора Александра оказались одновременно двѣ войны, помимо войны съ Персіей, возгорѣвшейся въ 1804 году, вслѣдствіе утвержденія русскаго владычества въ Закавказьѣ.

Бездарность фельдмаршала Каменскаго, призваннаго голосомъ общественнаго мнѣнія руководить борьбою съ Наполеономъ, не замедлила вскорѣ обнаружиться. Въ нѣсколько дней полководецъ запуталъ всѣ дѣла до неимовѣрности, едва не погубивъ при этомъ арміи, и затѣмъ, предписавъ войскамъ имѣть ретираду на россійскія границы, поспѣшно ускакалъ въ Гродно. Здѣсь онъ получилъ рескриптъ объ увольненіи его отъ званія главнокомандующаго. Его мѣсто занялъ *Бенигсенъ*, благодаря успѣшному бою подъ Пултускомъ.

Одновременно съ воинственнымъ характеромъ, принятымъ русскою политикою съ 1805 года, управленіе внутренними дѣлами имперіи получило новый оттѣнокъ. Нечувствительно и, можетъ быть, незамѣтно для себя самого Александръ отдалялся отъ порядковъ, съ такимъ увлеченіемъ созданнымъ имъ въ началѣ царствованія, и возвращался на старую дорогу. Уже передъ отъѣздомъ государя въ армію въ 1805 году учрежденъ былъ *комитетъ* для совѣщанія по дѣламъ, относящимся къ той части высшей полиціи, которая имѣетъ цѣлью своею *«сохраненіе всеобщаго спокойствія и тишины гражданъ и облегченіе народнаго продовольствія»*. Въ 1807 году въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ новый и рѣшительный шагъ. 13-го января учрежденъ былъ комитетъ охраненія общей безопасности, продолжавшій свое существованіе до 1829 года подъ названіемъ: *«Комитетъ 13-го января 1807 года»*.

Между тѣмъ генералъ Бенигсенъ приступилъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, которыя привели 27-го января (8-го февраля) 1807 года къ кровопролитному бою при *Прейсишъ-Эйлау*, стоившему намъ 26.000 человѣкъ убитыми и ранеными. Обѣ стороны приписали себѣ побѣду, но Бенигсенъ все-таки отступилъ къ Кенигсбергу, а Наполеонъ, простоявъ девять дней на полѣ сраженія, имѣлъ право назвать себя побѣдителемъ. Императоръ Александръ лично отправился на театръ военныхъ дѣйствій, и 20-го марта (1-го апрѣля) былъ встрѣченъ въ Полангенѣ прусскимъ королемъ. Вспоминая печальный опытъ Аустерлицкаго боя, Александръ на этотъ разъ не вмѣшивался въ распоряженія главнокомандующаго, предоставивъ Бенигсену дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Союзъ съ Пруссіею сплотился еще тѣснѣе и увѣнчался заключеніемъ 14-го (16-го) апрѣля Бартенштейновской конвенціи, а затѣмъ государь выѣхалъ въ Юрбургъ, навстрѣчу шедшимъ подкрѣпленіямъ.

Хотя въ это время въ арміи начали раздаваться голоса въ пользу мира, Австрія бездѣйствовала, а Англія не оказывала поддержки коалиціи, императоръ Александръ тѣмъ не менѣе оставался непоколебимымъ въ своемъ рѣшеніи продолжать войну съ Наполеономъ и выручить Пруссію изъ ея бѣдственнаго положенія.

2-го (14-го) іюня 1807 года произошло *Фридландское сраженіе*. На этотъ разъ пришлось уже признать Наполеона несомнѣннымъ побѣдителемъ. Русскія войска отступили за Нѣманъ, а французы вступили въ Кенигсбергъ. Фридрихъ-Вильгельмъ сдѣлался окончательно безземельнымъ королемъ: вся Пруссія, отъ Везера до Нѣмана, кромѣ Кольберга, Пиллау, Грауденца и Мемеля находилась во власти Наполеона. Война кончилась, и заключено было перемиріе. 13-го (25-го) іюня состоялось первое достопамятное свиданіе двухъ императоровъ на Нѣманскомъ плотѣ; къ удивленію вселенной потребовалось немного времени, чтобы обратить ихъ въ союзниковъ, и 25-го іюня (7-го іюля) подписанъ былъ Тильзитскій миръ, измѣнившій въ конецъ взаимныя отношенія европейскихъ державъ.

До сихъ поръ историческому изслѣдователю могло казаться, что въ 1807 году наступила минута, когда императоръ Александръ увлекся въ Тильзитѣ геніемъ Наполеона и пытывалъ подъ вліяніемъ совершенно новыхъ, исключительныхъ впечатлѣній, а затѣмъ уже въ немъ проявилось нѣчто въ родѣ полнаго раскаянія и разочарованія. Такъ разсуждали современники и историки этой эпохи. Теперь приходится, однако, отказаться отъ подобной постановки вопроса. Въ Тиль-

Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау. Картина Зегаха.

ствительности въ Тильзитѣ произошло явленіе совершенно обратное, не оцѣненное должнымъ образомъ ни современниками, ни потомствомъ; здѣсь, напротивъ того, императоръ Александръ сознательно разыгралъ задуманную имъ политическую комедію съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ, съ такою видимою искренностью, что онъ увлекъ даже въ заблужденіе такого знатока человѣческихъ слабостей, какимъ былъ несомнѣнно Наполеонъ. Однимъ словомъ выработанное въ Тильзитѣ соглашеніе съ Франціею слѣдуетъ признать вѣнцомъ дипломатической ловкости Александра, полнымъ торжествомъ его изворотливаго ума и замѣчательной гибкости его характера. Это обстоятельство выяснилось вполнѣ только почти сто лѣтъ спустя.

Бенигсенъ.

Въ самый разгаръ тильзитскихъ переговоровъ, дипломатъ-побѣдитель Александръ писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, приходившей въ ужасъ при одной мысли о видимой дружбѣ, установившейся тогда между ея сыномъ и человѣкомъ, еще недавно провозглашеннымъ синодомъ антихристомъ — слѣдующія успокоительныя строки: «Къ счастію Бонапартъ при всемъ геніи имѣетъ слабую сторону: тщеславіе (vanité) и я рѣшился принести въ жертву личное самолюбіе, чтобы спасти имперію». Подобный образъ дѣйствій, по словамъ государя, спасъ отечество отъ вторженія враговъ и даровалъ Россіи славный миръ, по которому она ничего не теряла, но пріобрѣтала еще территорію съ 200,000 жителей (Бѣлостокскую область). Но этотъ сокровенный смыслъ тильзитскаго соглашенія, какъ его понималъ и примѣнялъ затѣмъ къ дѣлу Александръ, выяснился, однако, Наполеону уже въ ту пору, когда приходилось ему почувствовать всю непрочность, воздвигнутаго имъ на Нѣманскомъ плоту, политическаго зданія.

Итакъ руководящее начало Александровской политики, заключавшееся въ сокрушеніи Наполеона, не было нисколько поколеблено тильзитскимъ миромъ: напротивъ того, этотъ миръ долженъ былъ служить Александру ступенью для достиженія намѣченной имъ конечной цѣли. Если каждый новый историческій документъ, дѣлающійся достояніемъ науки, служитъ подтвержденіемъ высказаннаго здѣсь взгляда, то другой вопросъ остается, однако, еще вполнѣ открытымъ, а именно: соотвѣтствовали ли подобныя отношенія Александра къ Наполеону истиннымъ выгодамъ Россіи или нѣтъ?

Александръ возвратился въ Петербургъ и дѣятельно принялся работать въ духѣ принятыхъ имъ на себя новыхъ обязательствъ. Въ столицѣ вскорѣ появился представитель новаго союзника государя, генералъ *Сакэ*, а затѣмъ *Коленкуръ*; они были очарованы Александромъ не менѣе, чѣмъ Наполеонъ въ Тильзитѣ, и выслушивали признанія, поражающія иной разъ своею разсчитанною откровенностью. Въ то же время посломъ въ Парижъ назначенъ былъ генералъ *графъ Петръ Александровичъ Толстой*, избранный для этой трудной должности самимъ государемъ, какъ самое подходящее лицо для дѣйствій въ духѣ сокровенныхъ цѣлей новой тильзитской политики. Если при выборѣ посла остановились на противникѣ франко-русскаго союза, то, напротивъ того, министръ иностранныхъ дѣлъ, замѣнившій собою барона Будберга, принадлежалъ къ числу сторонниковъ союза съ Наполеономъ: это былъ *графъ Николай Петровичъ Румянцовъ*.

Ближайшими послѣдствіями тильзитскаго мира были разрывъ Россіи съ Англіею и война съ Швеціею. Что же касается до начатой ранѣе войны съ Турціею, то она продолжалась по прежнему, несмотря на французское мирное посредничество, которое не привело къ умиротворенію. Весьма естественно, что новая тильзитская политика не встрѣтила въ Россіи сочувствія и поколебала прежнія чувства симпатіи

Гора Наполеона и Храмъ Славы, воздвигнутый въ окрестностяхъ Іены. 7-го октября 1803 г., въ честь Наполеона и Александра

къ Александру. Сожалѣли о бѣдной Пруссіи, о бѣдной Швеціи и не безъ ропота страдали отъ прекращенія торговли съ Англіею. Что же касается народа, то союзъ съ Наполеономъ прямо возбуждалъ среди него недоумѣніе; церковныя увѣщанія и проповѣди, раздававшіяся въ 1806 году по всей Россіи, посѣяли въ русскомъ населеніи непреоборимую ничѣмъ ненависть къ главѣ французскаго народа, укрѣпивъ молву, что Наполеонъ антихристъ, что тутъ дѣйствуетъ нечистая сила.

Пока все это происходило въ Россіи, Наполеонъ вторгнулся въ Португалію, занялъ Испанію и принудилъ въ Байоннѣ испанскихъ бурбоновъ уступить ему свои державныя права. Затѣмъ простымъ декретомъ неаполитанскій король Іосифъ назначенъ былъ испанскимъ королемъ, а Мюратъ — королемъ неаполитанскимъ. Россія признала эти королевскія перемѣщенія. Но Испанія поголовно возстала и нашла себѣ поддержку въ Англіи. Пользуясь этими обстоятельствами, Австрія начала открыто готовиться къ новой борьбѣ съ Франціею. Чтобы пріобрѣсти свободу дѣйствій въ Испаніи и обезпечить свой тылъ по отношенію къ Австріи, Наполеонъ призналъ необходимымъ установить новое соглашеніе съ Россіею и предложилъ для этой цѣли императору Александру новое свиданіе. Мѣстомъ свиданія былъ избранъ *Эрфуртъ*. Здѣсь оба императора съѣхались 15-го (27-го) сентября 1808 года. Выработана была секретная конвенція, заключавшаяся, главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ постановленіяхъ: Наполеонъ отказывался отъ всякаго посредничества въ турецкихъ дѣлахъ, признавалъ присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Россіи, предоставляя ей склонить Оттоманскую Порту къ этой уступкѣ; Россія же обязывалась дѣйствовать сообща съ Франціею противъ Австріи, въ случаѣ объявленія послѣдней войны Наполеону.

Эрфуртскія совѣщанія сопровождались назначеніемъ новаго русскаго посла въ Парижъ, графа П. А. Толстой былъ замѣненъ графомъ *Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ*.

Съ этими чувствами императоръ Александръ возвратился въ Эрфуртъ съ Наполеономъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ изъ Веймара: «Bonaparte prétend que je ne suis qu'un sot. *Rira le mieux qui rira le dernier*, et moi je mets tout mon espoir en Dieu». Эти достопамятныя слова открываютъ весь послѣдующій внутренній смыслъ дальнѣйшей политики императора Александра.

Опасенія Наполеона относительно враждебныхъ намѣреній Австріи не оказались напрасными. Дѣйствительно, въ то время когда императоръ углубился въ Испанію и пожинать непроизводительные лавры, близость разрыва съ Австріею побудила его поспѣшить возвратиться въ Парижъ. Присланный въ Петербургъ въ началѣ 1809 года князь Шварценбергъ съ цѣлью склонить Россію въ пользу Австріи, вскорѣ убѣдился, что хотя императоръ Александръ и готовъ исполнить союзныя обязательства по отношенію къ Франціи, но, что въ сущности государь благословилъ бы случай, который избавилъ бы его отъ французской зависимости. Князь Шварценбергъ вѣрно оцѣнилъ политическую обстановку, представившуюся ему въ Петербургѣ, потому что, когда получено было здѣсь 14-го (26-го) апрѣля извѣстіе о началіи австрійцами военныхъ дѣйствій, императоръ Александръ сказалъ Коленкуру, что немедленно послано будетъ русскимъ войскамъ повелѣніе вступить въ Галицію, между тѣмъ какъ нѣсколькими днями ранѣе онъ признавался Шварценбергу, что хотя Россія и Австрія находятся въ противоположныхъ лагеряхъ, однакоже онъ, государь, не можетъ удержаться отъ пожеланій въ пользу австрійцевъ. Эти слова служили конечно выраженіемъ истинныхъ мыслей и чувствъ императора Александра.

Открытіе сейма въ Борго 16-го марта 1809 года. По грав. Наппемакера авт. Нивы.

Съ нашей стороны 22-го мая (3-го іюня) началась *безкровная война*; другого названія нельзя присвоить этому странному и небывалому походу русскихъ войскъ. Во время этого похода настоящимъ непріятелемъ русскихъ являлись не австрійцы, а союзныя войска созданнаго послѣ Тильзитскаго

мира Варшавскаго герцогства. Наполеонъ хотя и съ трудомъ, но восторжествовалъ надъ врагами и безъ русской помощи: онъ занялъ Вѣну 30-го апрѣля (12-го мая), а русскія войска переправились черезъ Бугъ только 22-го мая (3-го іюня). Наполеонъ наглядным образомъ убѣдился, что нельзя въ трудную минуту полагаться на императора Александра, и что нельзя разсчитывать на содѣйствіе Россіи, основанное не на буквѣ связывавшаго его договора, а на сознаніи обоюдныхъ политическихъ интересовъ. Ваграмскій бой рѣшилъ участь кампаніи и вынудилъ Австрію начать мирные переговоры.

Пока длились переговоры Наполеона съ Австріею, Александру удалось наконецъ сломить сопротивленіе Швеціи: 5-го (17-го) сентября 1809 года, графъ Румянцовъ подписалъ *Фридрихсгамскій миръ*, по которому Финляндія съ Аландскими островами была присоединена къ Россіи. Уже въ началѣ этого года императоръ Александръ лично открылъ сеймъ въ *Борго* 16-го (28-го) марта, и особой грамотой подтвердилъ сохраненіе религіи, коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, коими пользовались дотолѣ каждое сословіе въ особенности и всѣ жители Финляндіи вообще по ихъ конституціямъ. Надпись на шведскомъ языкѣ на тріумфальной аркѣ, воздвигнутой въ то время въ Або, при посѣщеніи государемъ этого города, выражала чувства, воодушевлявшія тогда финское населеніе въ отвѣтъ на милостивое отношеніе къ великому княжеству императора; въ точномъ переводѣ она гласила слѣдующее: «Александру I, войска котораго покорили край и благость котораго покорила народъ».

Австрійскія дѣла, къ величайшему огорченію императора Александра, кончились менѣе удовлетворительно. 2-го (14-го) ноября Наполеонъ заключилъ Шёнбрунскій миръ, по которому Россія получила Тарнопольскую область, въ то время какъ большая часть Галиціи отошла къ Варшавскому герцогству; послѣднее условіе какъ разъ противорѣчило положительно выраженному желанію государя. Отнынѣ союзъ между обѣими имперіями былъ окончательно поколебленъ въ своемъ основаніи. Оба императора имѣли справедливыя причины быть недовольными исходомъ войны и недовѣрять другъ другу; каждая сторона обвиняла съ нѣкоторымъ основаніемъ другую въ несоблюденіи союза.

Сперанскій. По соврем. литографіи.

III.

Послѣ заключенія Тильзитскаго мира негласный комитетъ окончательно распался и прекратилъ свое существованіе. Князь Чарторижскій добровольно удалился ранѣе всѣхъ, оставивъ только попечителемъ виленскаго учебнаго округа; графъ Кочубей уступилъ свое мѣсто князю Алексѣю Борисовичу Куракину, Новосильцовъ былъ уволенъ за границу, а графъ Н. А. Строгоновъ перешелъ на военную службу генералъ-адъютантомъ. Одновременно съ этими перемѣщеніями, началось возвышеніе графа Аракчеева: уже въ 1807 году высочайшія повелѣнія, объявляемыя имъ, было предписано считать именными указами, а въ слѣдующемъ 1808 году онъ былъ назначенъ военнымъ министромъ, причемъ власть его была такъ расширена, что главнокомандующіе арміями должны были повиноваться его приказаніямъ.

Болѣе утѣшительное явленіе представляло возвышеніе *Сперанскаго*. Мысль расширить въ Россіи свободу не покидала еще въ ту пору Александра при всѣхъ его колебаніяхъ и несмотря на преобладающее значеніе, пріобрѣтенное внѣшней политикой. Найдя въ Сперанскомъ сотрудника для осуществленія своихъ возвышенныхъ идеаловъ, императоръ Александръ поручилъ ему составить *планъ всеобщаго государственнаго образованія*. Весь разумъ сего плана, по словамъ Сперанскаго, состоялъ въ томъ, чтобы, посредствомъ законовъ и установленій, утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сея власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы». Обширная работа, порученная Сперанскому, созрѣвала въ мысляхъ и подъ перомъ его съ изумительною быстротою. Въ октябрѣ 1809 года планъ государственнаго образованія лежалъ уже на столѣ императора Александра. Въ особой запискѣ Сперанскій опредѣлилъ порядокъ, которымъ всѣ предназначенныя установленія должны быть приводимы въ дѣйствіе, и высказалъ мнѣніе, что, если Богъ благословитъ всѣ сіи начинанія, то въ 1811 году, къ концу десятилѣтія настоящаго царствованія, Россія воспріиметъ новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится». Въ первой очереди стояло открытіе преобразованнаго *государственнаго совѣта*, какъ болѣе независимаго отъ общаго круга задуманныхъ реформъ. На этомъ дѣло и остановилось. Рѣшено было открыть этотъ совѣтъ 1-го января 1810 года; прочія же важнѣйшія части плана Сперанскаго никогда не были приведены въ исполненіе; они остались только на бумагѣ и позабыты потомствомъ.

Въ то самое время когда Сперанскій трудился надъ разработкою обширныхъ внутреннихъ реформъ, онъ принималъ не менѣе дѣятельное участіе въ текущемъ законодательствѣ. При его участіи состоялись два указа, вызвавшіе сильнѣйшее неудовольствіе и ропотъ лицъ, затронутыхъ новыми постановленіями. Это были указъ о *придворныхъ званіяхъ* (3-го апрѣля 1809 года) и указъ о *чинахъ гражданскихъ* (6-го августа 1809 года).

Императоръ Александръ 1-го января 1810 года лично открылъ государственный совѣтъ и произнесъ по этому случаю замѣчательную рѣчь, въ которой встрѣчаются намеки на дальнѣйшее расширеніе свободы въ Россіи. Въ то время Александръ еще не отказался отъ мысли быть зодчимъ задуманнаго огромнаго зданія, внутренніе распорядки котораго извѣстны были ему одному, да и архитектору его Сперанскому. Прочіе современники этого событія искали конца тамъ, гдѣ было еще только начало, и судили объ огромномъ зданіи по одному краеугольному его камню.

По новой организаціи совѣтъ состоялъ изъ 35 членовъ. *Государственнымъ секретаремъ* назначенъ былъ Сперанскій: въ этомъ званіи, по степени личнаго своего вліянія, онъ сталъ истинно первымъ министромъ. Совѣтъ раздѣлялся на четыре *департамента*: законовъ, дѣлъ военныхъ, дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ и государственной экономіи. Образована была *государственная канцелярія*. *Комиссія составленія законовъ* обращена была въ установленіе, при совѣтѣ состоящее. Кромѣ того, образована была еще *комиссія прошеній*. Начиная съ 1-го января 1810 года императоръ Александръ присутствовалъ разъ въ недѣлю въ общихъ собраніяхъ совѣта. Первымъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта назначенъ былъ канцлеръ *графъ Н. П. Румянцовъ*.

Открытіе Государственнаго Совѣта сопровождалось важными перемѣнами въ личномъ составѣ высшихъ правительственныхъ сановниковъ. Графъ Аракчеевъ, не пожелавшій остаться военнымъ министромъ, въ виду образованія департамента дѣлъ военныхъ въ совѣтѣ, былъ назначенъ предсѣдателемъ этого департамента, а генералъ Барклай де Толли военнымъ мини-

стромъ. Министръ юстиціи, князь Лопухинъ замѣненъ П. П. Дмитріевымъ, занявъ мѣсто предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ Совѣтѣ. Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, назначенный предсѣдателемъ департамента законовъ, замѣненъ графомъ Алексѣемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ. Министерство финансовъ перешло къ Д. А. Гурьеву

Немедленно послѣ открытія Совѣта Сперанскій внесъ въ департаментъ экономіи *финансовый планъ*; онъ былъ одобренъ департаментомъ и общимъ собраніемъ Совѣта и постепенно приведенъ въ исполненіе. 2-го февраля 1810 года былъ обнародованъ манифестъ, имѣвшій цѣлью прекратить дальнѣйшій выпускъ ассигнацій, признанныхъ государственнымъ долгомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено о сокращеніи расходовъ и возвышеніи податей и налоговъ. Вслѣдъ затѣмъ была открыта *комиссія погашенія долговъ*, обнародованы манифесты о преобразованіи монетной системы, а 19-го декабря 1810 года изданы «положеніе о натуральной торговлѣ на 1811 годъ въ портахъ Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей и по всей западной сухопутной границѣ», которое было утверждено на одинъ только годъ; новый тарифъ, встрѣченный с чувственно въ Россіи, оживилъ нашу торговлю и промышленность, но разгнѣвалъ Наполеона, какъ явное уклоненіе отъ континентальной системы и выраженіе полной самостоятельности нашей въ рѣшеніи вопросовъ столь важнаго государственнаго значенія. Наполеонъ увидѣлъ, что Россія не Европа, и живетъ самостоятельною жизнью.

Одновременно съ обширными работами по финансовой части Сперанскій занялся также *преобразованіемъ министерствъ*. Манифестомъ 25-го іюля (6-го августа) 1810 года было обнародовано «*новое разграниченіе государственныхъ дѣлъ въ порядкѣ исполнительномъ*», съ подробнымъ перечисленіемъ предметовъ вѣдѣнія каждаго министерства и главнаго управленія. Въ слѣдующемъ году, при манифестѣ 25-го іюля (7-го іюля) 1811 года, было издано «*общее учрежденіе министерствъ*». Министерство коммерціи было упразднено, и дѣла его распредѣлены между министерствомъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Учреждены были *главное управленіе государственныхъ счетовъ*, главноуправляющимъ которого былъ назначенъ *баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ*, и *министерство полиціи*, въ вѣдѣніе которого отдѣлены отъ министерства внутреннихъ дѣлъ [illegible] вѣдѣнія внутренней безопасности. Первымъ министромъ полиціи былъ избранъ петербургскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ *Балашовъ*. Вслѣдствіе уменьшенія другой обязанности министерства внутреннихъ дѣлъ [illegible] Алексѣя Борисовича Куракина къ *Осипу Петровичу Козодавлеву*. Кромѣ того, было образовано [illegible] *главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій*, [illegible] 25-го августа 1810 года обер-прокуроромъ [illegible] *Александру Николаевичу Голицыну*.

[illegible] нарушенныхъ [illegible] новыхъ образованій [illegible] *лицея* [illegible] послѣднія преподавались [illegible] въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и [illegible]. Въ началѣ 1811 [illegible] проектъ обоихъ [illegible] разсмотрѣнъ въ особомъ [illegible] 1811 года проектъ, по [illegible] былъ внесенъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Онъ вызвалъ рѣзкія и горячія пренія, продолжавшіяся почти до половины сентября, но тѣмъ не менѣе былъ принятъ большинствомъ голосовъ; государь утвердилъ рѣшеніе Совѣта. Однако, новое образованіе сената все-таки не было приведено въ исполненіе въ виду близости разрыва съ Франціею.

Императору Александру угодно было также привлечь Сперанскаго къ дѣламъ финляндскимъ. «*Финляндія есть государство, а не губернія*», писалось тогда, и подъ вліяніемъ подобнаго взгляда новопріобрѣтенный край былъ окончательно образованъ въ видѣ отдѣльнаго государства, къ которому 11-го (23-го) декабря 1811 года были присоединены не только земли, отошедшія къ Россіи по Абовскому миру 1743 года, но и завоеванная Петромъ Великимъ Выборгская губернія, уже сто лѣтъ принадлежавшая имперіи.

Несмотря на блескъ совершенно исключительнаго положенія, занятаго тогда Сперанскимъ, и на безспорное вліяніе его на всѣ государственныя дѣла того времени, любимецъ государя ясно сознавалъ всю непрочность своего положенія и чувствовалъ, что почва подъ нимъ колеблется. Поэтому онъ откровенно изложилъ волновавшія его опасенія въ отчетѣ за 1810 годъ, представленномъ государю 11-го февраля 1811 года. Но императоръ Александръ не согласился съ предложеніемъ Сперанскаго: отдѣлить званіе государственнаго секретаря и, освободивъ его отъ финляндскихъ дѣлъ, оставить его при одной должности директора комиссіи законовъ. Положеніе Сперанскаго по внѣшности осталось прежнее; а между тѣмъ, по существу, совершилась другая, болѣе важная перемѣна: прежнее единство мыслей между императоромъ и имъ было поколеблено, и это печальное явленіе съ каждымъ днемъ пріобрѣтало все большее значеніе. Сперанскій, конечно, хотѣлъ идти далѣе и, въ особенности, скорѣе Александра; между тѣмъ, только-что вступивъ на путь рѣшительныхъ преобразованій, государь началъ уже одумываться и, по свойственному ему обыкновенію въ дѣлахъ внутренняго управленія, перешелъ къ неизбѣжнымъ колебаніямъ и задержалъ дальнѣйшее осуществленіе имъ же намѣченной реформы. Александру нашептывали, что Сперанскій хитро подкапывался подъ самодержавіе, и государь, въ свою очередь, началъ говорить, что онъ обязанъ самодержавіе всецѣло передать своимъ наслѣдникамъ, что учрежденіе министерствъ есть ошибка: онъ высказывалъ даже сожалѣніе, что согласился на преобразованіе Государственнаго Совѣта, и вообще сталъ забывать, что Сперанскій въ своихъ преобразовательныхъ проектахъ покиновался ясно выраженной ему волѣ. Подобное положеніе дѣлъ предвѣщало неизбѣжное крушеніе зданія, которое началъ возводить Сперанскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ преобразованій, намѣченныхъ императоромъ Александромъ, даже не безъ нѣкотораго увлеченія, среди всѣхъ заботъ, вызываемыхъ событіями внѣшней политики и неизбѣжной борьбы съ Наполеономъ.

Сперанскій принималъ также участіе въ окончательной разработкѣ устава *Царскосельскаго лицея*, обнародованнаго 11-го января 1811 года. Цѣль учрежденія лицея заключалась въ образованіи юношества, преимущественно предназначавшагося къ важнѣйшимъ частямъ государственной службы. Побудительной причиной къ учрежденію этого высшаго учебнаго заведенія послужило слѣдующее обстоятельство. Хотя императоръ не вмѣшивался въ дѣло воспитанія своихъ млад-

Царскосельскій лицей при Александрѣ I.

шихъ братьевъ, великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, всецѣло предоставленное императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, но вскорѣ представился случай, когда государь призналъ нужнымъ отступить отъ принятаго имъ сдержаннаго положенія. Вдовствующая императрица пожелала отправить своихъ сыновей для довершенія образованія въ Лейпцигскій университетъ, чему однако рѣшительно воспротивился государь; взамѣнъ этого ему пришло на мысль учредить въ Царскомъ Селѣ лицей, гдѣ бы младшіе братья его могли слушать публичныя лекціи. Для этой цѣли былъ отведенъ дворцовый флигель, соединенный галлереею съ главнымъ корпусомъ дворца. Торжественное открытіе Царскосельскаго лицея, въ присутствіи императора Александра, послѣдовало 19-го октября 1811 года.

Въ томъ же 1811 году, 15-го сентября (въ день вѣнчанія на царство Александра) происходило освященіе Казанскаго собора, постройка котораго продолжалась десять лѣтъ. Строителемъ собора былъ русскій зодчій Андрей Никифоровичъ *Воронихинъ*. Комиссія для построенія этого храма находилась подъ предсѣдательствомъ президента академіи художествъ, графа Александра Сергѣевича *Строгонова*.

Въ 1811 году также окончена была постройка и устройство Императорской публичной библіотеки. 2-го января 1812 года императоръ Александръ удостоилъ вновь устроенное книгохранилище своимъ посѣщеніемъ и подробно осмотрѣлъ всѣ ея достопримѣчательности.

IV.

Безкровная война съ Австріею обострила отношенія Россіи къ Франціи. Императоръ Александръ, въ своихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ, продолжалъ неуклонно слѣдовать по намѣченному имъ пути. Шенбрунскій миръ побудилъ государя выдвинуть *конвенцію о Польшѣ* и настаивать на ея принятіи со стороны Франціи. Во время самаго разгара переговоровъ по поводу этой злополучной конвенціи, которая могла быть уподоблена истинному ящику Пандоры, Наполеонъ обнаружилъ вдругъ примирительное настроеніе и явное желаніе вновь скрѣпить союзъ съ Россіею, расшатанный тяжелыми воспоминаніями и разочарованіями 1809 года. Коленкуръ получилъ неожиданное повелѣніе просить для Наполеона руки великой княжны Анны Павловны. Нельзя сомнѣваться въ полнѣйшемъ нежеланіи Александра вступить въ родственныя связи съ ненавистнымъ ему человѣкомъ и тѣмъ скрѣпить еще болѣе союзъ, освобожденіе отъ котораго составляло конечную цѣль его сокровенныхъ мыслей. Но Александръ, оставаясь вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, оказался и въ этомъ случаѣ неподражаемымъ дипломатомъ: онъ повелъ переговоры съ такимъ искусствомъ, что предположенный бракъ не состоялся, а на Наполеона палъ какъ бы упрекъ въ двуличіи. Дѣйствительно, еще переговоры съ русскимъ дворомъ по этому щекотливому дѣлу не закончились, будучи преднамѣренно затягиваемы Александромъ, когда Наполеонъ, потерявъ терпѣніе и опасаясь неблагопріятнаго для его самолюбія окончательнаго отвѣта, поспѣшно предложилъ руку дочери императора Франца эрцъ-герцогинѣ *Маріи-Луизѣ*; австрійскій князь Шварценбергъ вынужденъ былъ на другой же день подписать брачный договоръ. Послѣдствіемъ австрійскаго брака было рѣшеніе Наполеона покончить свои счеты съ Россіей войною: временно эти намѣренія прикрывались пышными фразами о нежеланіи имъ разрыва и продолженіи союза.

Остановившись на подобномъ рѣшеніи, Наполеонъ отказался ратификовать конвенцію о Польшѣ, подписанную уже Коленкуромъ, а затѣмъ онъ принялся расширять свою имперію путемъ декретовъ, олицетворявшихъ собою нѣчто въ родѣ внутреннихъ завоеваній. Послѣдовательно была уничтожена самостоятельность голландскаго королевства и присоединены къ Франціи ганзеатическіе города и все побережье нѣмецкаго моря, начиная отъ нижней Эльбы. Въ числѣ пострадавшихъ владѣтелей оказался герцогъ Ольденбургскій. Это обстоятельство дало Александру прекрасный предлогъ, чтобы выступить съ формальнымъ протестомъ противъ существующихъ трактатовъ, который привелъ къ нескончаемымъ переговорамъ о вознагражденіи герцога Ольденбургскаго. Великодушное убѣжденіе Александра въ необходимости спасти Европу отъ ненасытнаго честолюбія Наполеона получило гласное выраженіе: антагонизмъ двухъ императоровъ былъ засвидѣтельствованъ передъ Европою. Александру болѣе, чѣмъ когда-либо, казалось необходимымъ *оградить несчастное человѣчество отъ угрожающаго ему варварства*: въ его воображеніи приближавшаяся война рисовалась, какъ послѣдняя борьба независимости противъ угнетенія либеральныхъ идей, противъ тиранія.

Кутузовъ. Портретъ работы Волкова.

Прусско-нѣмецкіе патріоты и іезуитско-эмигрантская колонія въ Петербургѣ дружно сплотились вокругъ Александра, стремясь, подобно ему, къ одной общей цѣли: къ низверженію ненавистнаго имъ Наполеона и къ возбужденію русскаго національнаго чувства противъ преобладающаго вліянія Франціи. Въ этомъ же духѣ неусыпно дѣйствовала и императрица Марія Ѳеодоровна.

Императоръ Александръ началъ готовиться къ войнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ старанія царственнаго дипломата клонились къ тому, чтобы выиграть время, не ускорять хода событій и передъ всѣмъ свѣтомъ поставить Наполеона въ положеніе явнаго зачинщика. Старанія Александра въ этомъ смыслѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Пока Александръ ограничился таможенною войною. 19-го (31-го) декабря 1810 года, какъ выше упомянуто, было издано «положеніе о нейтральной торговлѣ на 1811 годъ», коимъ дозволялся приводъ колоніальныхъ товаровъ подъ американскимъ флагомъ, а пятьдесятъ французскихъ фабрикъ частью запрещались, частью же были обложены высокою пошлиною, чтобы оградить выводъ золотой монеты въ уплату за пре-

меты роскоши. Этимъ распоряженіемъ былъ нанесенъ чувствительный ударъ континентальной системѣ, незыблемость которой болѣе всего озабочивала Наполеона: одно изъ самыхъ существенныхъ условій тильзитскаго соглашенія перестало существовать въ дѣйствительности.

Всего важнѣе, въ виду приближавшагося разрыва съ Франціею, было покончить наши счеты съ Турціею. Между тѣмъ всѣ пожертвованія многолѣтней уже войны, безпрерывная смѣна одного полководца другимъ не привели къ цѣли; упорство Оттоманской Порты не было еще сломано, и княжества оставались присоединенными къ Россіи только по бумагѣ Эрфуртской конвенціи. Наконецъ въ апрѣлѣ 1811 года къ Дунаю прибылъ опять новый главнокомандующій *Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ*. Задача, рѣшеніе которой предстояло старому полководцу, была еще труднѣе, чѣмъ его предшественникамъ: онъ долженъ былъ принудить Турцію къ заключенію мира, располагая только четырьмя дивизіями, между тѣмъ какъ пять дивизій были направлены къ Днѣстру, въ виду опасности, начинавшей угрожать нашей западной границѣ. Тѣмъ не менѣе Кутузовъ вышелъ съ торжествомъ изъ этой невыгодной обстановки и блистательно окончилъ кампанію 1811 года. 23-го ноября (5-го декабря) турецкая армія, обложенная въ лагерѣ при Слободзеѣ, сдалась и положила оружіе. Узнавъ о побѣдѣ Кутузова, Наполеонъ разразился бранью насчетъ турокъ, прибавивъ: «кто могъ предвидѣть это»?

Багратіонъ.

Недовольный Коленкуромъ, онъ замѣнилъ его графомъ Лористономъ. Прощаясь съ Коленкуромъ, Александръ сказалъ ему, что не сдѣлаетъ перваго выстрѣла и не перейдетъ Нѣмана, но что русскій народъ, въ случаѣ нападенія, сумѣетъ постоять за себя.

Въ августѣ 1811 года вооруженія Наполеона настолько подвинулись впередъ, что во время торжественнаго пріема въ Тюльерійскомъ дворцѣ 3-го (15-го) августа, императоръ разыгралъ съ княземъ Куракинымъ сцену, которая обыкновенно предшествовала объявленію войны. Наполеонъ между прочимъ сказалъ, что судя по тому, что въ Россіи дѣлается, тамъ или потеряли голову, или таятъ заднія мысли. Въ первомъ случаѣ, — прибавилъ онъ, — вы похожи на зайца, у котораго дробь въ головѣ и который трясется то въ ту, то въ другую сторону, не зная, ни по какому направленію онъ слѣдуетъ, ни куда добѣжать. Наполеонъ горько обманулся: тотъ, кого онъ уподоблялъ растерявшемуся раненому зайцу, отлично зналъ, чего онъ хотѣлъ и куда стремился, нисколько не отрицая возможности обмѣнаться съ нимъ при слѣдованіи по избранному имъ пути. «Je pense comme vous», сказалъ императоръ Александръ, вполнѣ сознавая, что для успѣха замышляемой борьбы необходимо было заставить Наполеона вступить на русскую территорію, довести его до этого пагубнаго для него рѣшенія. Только этимъ путемъ можно было, по мнѣнію Александра, увлечь за собою народъ, долѣе ста лѣтъ не видавшаго непріятеля въ своихъ предѣлахъ, и сплотить все общество вокругъ правительства, для единодушной защиты отечества отъ посягательства явнаго уже для всѣхъ врага; а въ такомъ случаѣ представлялось возможнымъ свергнуть наконецъ надменнаго корсиканца и освободить Европу отъ его тяжелой опеки. Конечно, придерживаясь иной политики много лѣтъ тому назадъ, можно было избѣгнуть подобной жестокой борьбы съ Наполеономъ, котораго, въ сущности, всетаки слѣдуетъ признать лучшимъ союзникомъ Россіи, когда либо существовавшимъ; но Александръ именно этого не желалъ, а напротивъ того, онъ поставилъ себѣ задачею погубить соперника, хотя бы для достиженія этой завѣтной мечты и пришлось ему сознаться, что онъ играетъ въ большую игру.

Дѣло созрѣло настолько, что обѣимъ враждовавшимъ сторонамъ оставалось только пріискать себѣ союзниковъ. Наполеонъ привлекъ на свою сторону безпомощную Пруссію и коварную Австрію; Рейнскій союзъ, Италія и безъ того обязаны были внимать его велѣніямъ. Но зато Турція ускользнула изъ его рукъ. Александръ нашелъ себѣ одного только союзника въ лицѣ недавняго врага: это была Швеція, гдѣ, по свержеціи Густава IV, царствовалъ бездѣтный Карлъ XIII, а наслѣднымъ принцемъ избранъ былъ французскій маршалъ Бернадотъ, давнишній недоброжелатель Наполеона. Союзникъ былъ, правда, слабый, но, по обстоятельствамъ того времени, косвенная поддержка его, даже и не съ оружіемъ въ рукахъ, стоила цѣлой арміи. Что же касается Англіи, то Александръ ожидалъ только полнаго разрыва съ Наполеономъ, чтобы протянуть ей руку.

Барклай де-Толли.

Растопчинъ.

Такимъ образомъ, численная сила войскъ въ предстоявшемъ поединкѣ безспорно находилась на сторонѣ Наполеона. Но зато Александръ прекрасно сознавалъ, что за нимъ обезпечено сочувствіе, а въ будущемъ и содѣйствіе народныхъ массъ, дѣйствительно страдавшихъ подъ гнетомъ деспотизма Наполеона; они страстно ждали часа освобожденія, не подозрѣвая того, что подготовляютъ собственными руками будущую реакцію, которая заставитъ ихъ впослѣдствіи не разъ вспоминать о своемъ прежнемъ мнимомъ притѣснителѣ.

Насталъ вѣчно памятный 1812-й годъ.

V.

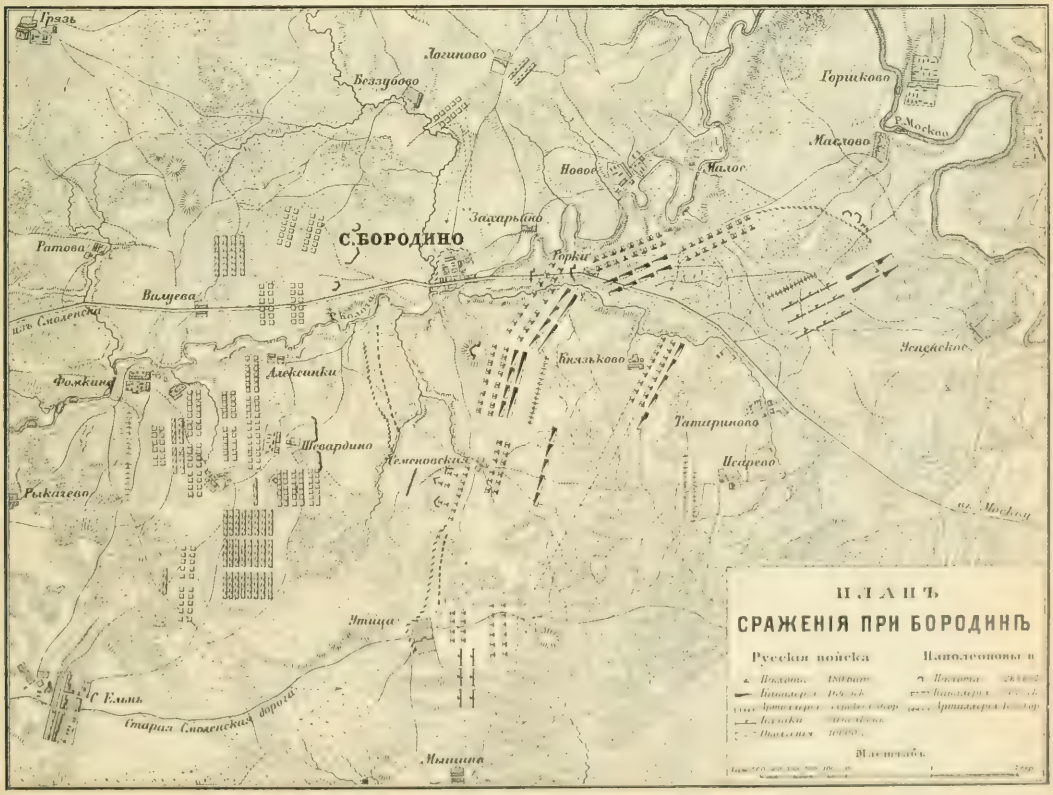
Войнѣ 1812 года предшествовало важное событіе во внутренней жизни Россіи, находившееся въ тѣсной связи съ политической обстановкой того времени. Императоръ Александръ рѣшился прервать преобразовательную дѣятельность Сперанскаго и пожертвовать имъ для успокоенія встревоженныхъ умовъ русскаго общества, относившагося со все болѣе возраставшею враждебностью къ смѣлому реформатору и видѣвшаго въ немъ источникъ всѣхъ золъ. Ропотъ былъ всеобщій; дошло до того, что даже Карамзинъ сталъ обвинять правительство въ излишней любви къ преобразованіямъ, которыя потрясаютъ основу имперіи и благотворность которыхъ остается сомнительною.

Для довершенія несчастія, Александръ имѣлъ причины признать Сперанскаго виновнымъ въ отношеніи къ нему лично тѣмъ, что онъ «*отплатилъ за довѣріе и дружбу самой черной, самой гнусной неблагодарностью*». Въ ожиданіи приближавшихся грозныхъ событій 1812 года создано было такое положеніе дѣлъ, которое, возбудивъ патріотизмъ, соединило всѣ сословія. Общественное мнѣніе въ своемъ ослѣпленіи и безъ того провозгласило уже по всей Россіи Сперанскаго измѣнникомъ. Лишенный поддержки государя, Сперанскій стоялъ одиноко, окруженный водоворотомъ враждебныхъ ему теченій.

Шишковъ.

Наконецъ, 17-го марта императоръ Александръ призналъ своевременнымъ произнести рѣшительное и окончательное слово. Въ этотъ день Сперанскій былъ призванъ вечеромъ въ Зимній дворецъ и послѣ продолжительной двухъ-часовой аудіенціи разстался съ государемъ надолго. Ночью Сперанскій въ кибиткѣ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ въ сопровожденіи частнаго пристава Шипулинскаго.

Одновременно со Сперанскимъ подвергся также ссылкѣ въ Вологду другъ его и ближайшій сотрудникъ, статсъ-секретарь по департаменту законовъ, *М. Л. Магницкій*, который впослѣдствіи пріобрѣлъ столь печальную извѣстность въ исторіи русскаго просвѣщенія.



Вѣсть о паденіи Сперанскаго разнеслась по всей Россіи и вызвала всеобщее одобреніе и восторгъ не только въ столицѣ, но и въ провинціи. Удаленіе ненавистнаго государственнаго секретаря вполнѣ удовлетворяло желаніямъ огромнаго большинства русскаго населенія, и свидѣтельства современниковъ не позволяютъ сомнѣваться, что ссылку Сперанскаго торжествовали, какъ первую побѣду надъ французами. Духъ патріотизма и приверженности къ правительству былъ пробужденъ и укрѣпленъ во всѣхъ сословіяхъ, подготовляя веденіе національной войны, въ которой видѣли спасеніе Россіи.

Это нѣкогда таинственное дѣло, къ которому предпримѣреніе примѣняли нѣкоторыя какой-то измѣны, сводится въ настоящее время къ болѣе простому объясненію.

Не даромъ императоръ Александръ однажды замѣтилъ: «Нельзя примѣнять одну и ту же мѣрку къ государямъ и къ частнымъ лицамъ. Политика налагаетъ на нихъ обязанности, осуждаемыя сердцемъ».

Удаленіе Сперанскаго сопровождалось двумя назначеніями: адмиралъ *А. С. Шишковъ* занялъ мѣсто государственнаго секретаря и былъ сопровождать государя въ армію; нѣсколько позже послѣдовало назначеніе *графа Ѳ. В. Ростопчина* московскимъ главнокомандующимъ.

9-го (21-го) мая императоръ Александръ покинулъ Петербургъ и направился въ Вильну.

6-го (27-го) мая графъ Кутузовъ заключилъ Букарестскій миръ, положившій конецъ семилѣтней войнѣ съ Турціею, по которому Бессарабія съ Измаиломъ присоединена была къ Россіи, Прутъ и Дунай стали границею между Россіею и владѣніями Оттоманской Порты. Относительно разграниченія въ Азіи Кутузовъ успѣлъ частью провести, какъ онъ выражался, *статью тонко и сомнительную*, которая должна была Россіи сохранить миръ съ Портою до 1828 года, не взирая на пріобрѣтенныя нашею семилѣтнею войною территоріальныя выгоды въ Закавказьѣ.

Императоръ Александръ, недовольный медленнымъ ходомъ переговоровъ въ ожиданіи мира съ Портою, избралъ преемникомъ Кутузову адмирала *Павла Васильевича Чичагова*; не когда новый главнокомандующій пріѣхалъ въ Букарестъ, миръ сталъ уже совершившимся фактомъ.

VI.

Если въ политическомъ отношеніи задуманное предпріятіе было ведено мастерски, то нельзя сказать того же о военной сторонѣ дѣла. Войска наши, раздѣленныя на три арміи, растянуты были по западной границѣ; опредѣленнаго плана для предстоявшихъ военныхъ дѣйствій не существовало и вообще сдѣлано было какъ разъ то, чего по обстоятельствамъ не слѣдовало вовсе дѣлать. Въ многолюдной же главной квартирѣ шумѣли, интриговали, среди обстановки, затруднявшей всякую разумную дѣятельность. При этихъ условіяхъ намъ могла угрожать гибель, имѣя къ тому же противникомъ Наполеона съ полумилліонной арміею, но Богъ спасъ русскую землю. Снова оправдались слова, нѣкогда сказанныя Минихомъ: «Русское государство имѣетъ передъ другими то преимущество, что оно управляется непосредственно самимъ Богомъ — иначе невозможно объяснить себѣ, какимъ образомъ оно можетъ существовать».

Военный совѣтъ въ Филяхъ.
Картина А. Д. Кившенко.

Между тѣмъ Наполеонъ, узнавъ о выѣздѣ императора Александра въ армію, покинулъ Парижъ и поѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ собрались почти всѣ государи Рейнскаго союза, императоръ Францъ и король прусскій. По возвращеніи посланнаго въ Вильну графа Нарбонна, Наполеонъ, выслушавъ его донесеніе, сказалъ: «Хотятъ войны, я ее начну» и немедленно ускорилъ движеніе своихъ войскъ къ русской границѣ. 16-го (28-го) мая императоръ выѣхалъ изъ Дрездена въ Познань и затѣмъ постепенно приближался съ своей главной квартирой къ Нѣману.

Москва до сожженія. По гравюрѣ на мѣди К. Гаммера, относящейся къ 1807 году.

12-го (24-го) іюня Наполеонъ перешелъ черезъ Нѣманъ у Ковны и двинулся къ Вильнѣ, надѣясь прорвать центръ нашего растянутаго расположенія. Немедленно началось отступленіе русской арміи. Первая армія Барклая де-Толли двинулась къ Дрисскому укрѣпленному лагерю, а вторая армія князя Багратіона, во время своего отступательнаго движенія, долгое время тщетно пыталась соединиться съ первою арміею.

Возвращеніе изъ Петровскаго дворца. Картина В. В. Верещагина.

Въ рескриптѣ на имя фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова, посланномъ въ Петербургъ, императоръ Александръ, извѣщая его о вступленіи непріятеля въ русскіе предѣлы, высказалъ достопамятныя слова: «Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ». Торжественный обѣтъ Александра,—не вступать въ переговоры съ Наполеономъ—нашелъ благодарный отголосокъ въ каждомъ русскомъ, возвративъ государю прежнюю безусловную любовь и безграничную вѣру въ него народа. Въ Европѣ никто не ожидалъ подобной рѣшимости отъ императора Александра и сомнѣвались, руководствуясь ложной оцѣнкой тильзитской уступчивости, что онъ удержится на высказанной имъ точкѣ зрѣнія. Наполеонъ также льстилъ себя надеждою, что одно побѣдоносное сраженіе заставитъ Россію подчиниться требованіямъ Франціи. Оказалось, что всѣ наши враги ошибались въ своихъ разсчетахъ и непоколебимая рѣшимость [illegible] ему [illegible] планы [illegible].

Дрисскій [illegible] [illegible] [illegible]

пришлось держаться въ дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи. «Ключъ къ Москвѣ взятъ!»—воскликнулъ Кутузовъ.

По прибытіи въ Царево-Займище, главнокомандующій приказалъ войскамъ продолжать отступленіе и остановился только на бородинской позиціи передъ Можайскомъ.

Назначивъ князя Кутузова главнокомандующимъ, императоръ Александръ отправился 10-го (22-го) августа въ Або для свиданія съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, желая личнымъ знакомствомъ скрѣпить союзъ, заключенный съ Швеціею. Переговоры государя съ своимъ союзникомъ составляютъ истинное дипломатическое торжество Александра, исключительно ему одному принадлежащее: они обезпечили неприкосновенность Финляндіи и успѣхъ дальнѣйшей борьбы съ Наполеономъ. Предупредительность наслѣднаго принца доведена была императоромъ-дипломатомъ до того, что онъ предложилъ государю усилить корпусъ графа Витгенштейна, прикрывавшаго дорогу въ Петербургъ, войсками, находившимися въ Финляндіи и предназначавшимися для содѣйствія шведамъ при завоеваніи обѣщанной имъ Норвегіи. Вслѣдствіе этого войска, собранныя въ Финляндіи, въ составѣ 10,000 человѣкъ, высажены были въ концѣ августа въ Ревелѣ и направлены къ Ригѣ.

Въ день своего тезоименитства, 30-го августа, императоръ Александръ получилъ донесеніе князя Кутузова о сраженіи 26-го августа (7-го сентября) при *Бородинѣ*, которое, какъ писалъ главнокомандующій, «кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни пяди земли съ превосходными своими силами». Затѣмъ Кутузовъ присовокупилъ уже менѣе радостное извѣстіе, что, почевавъ на полѣ сраженія, онъ въ виду громадныхъ потерь, понесенныхъ арміею, отступилъ за Можайскъ. Потеря съ каждой стороны простиралась до 40.000 человѣкъ. Хотя государь не былъ введенъ въ заблужденіе относительно истиннаго значенія Бородинскаго побоища, но, желая поддержать въ народѣ надежду на успѣшное окончаніе борьбы съ Наполеономъ и довѣріе къ Кутузову, принялъ донесеніе о бой 26-го августа, какъ сообщеніе о побѣдѣ. Князь Кутузовъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы, и ему было пожаловано 100.000 рублей. Барклай де-Толли былъ награжденъ орденомъ св. Георгія второй степени, а смертельно раненый князь Багратіонъ 50,000 рублей. 14 генераловъ получили орденъ св. Георгія третьей степени. Всѣмъ бывшимъ въ сраженіи нижнимъ чинамъ было пожаловано по пяти рублей на каждаго.

Въ Петербургѣ наступила минута томительнаго ожиданія. Послѣ Бородинскаго сраженія Кутузовъ, отступая шагъ за шагомъ, привелъ армію къ Москвѣ и 1-го (13-го сентября) собралъ въ деревнѣ Филяхъ военный совѣтъ. Здѣсь рѣшилась участь Москвы: послѣ продолжительныхъ преній Кутузовъ заключилъ совѣщаніе, сказавъ: «Я чувствую, что мнѣ придется поплатиться за все, но я жертвую собою для блага отечества. Приказываю отступать».

Тогда же графъ Растопчинъ получилъ извѣщеніе отъ фельдмаршала, что онъ покидаетъ Москву, а армія идетъ на Рязанскую дорогу. При такихъ обстоятельствахъ московскій главнокомандующій сдѣлалъ все, что могъ, для очищенія столицы, и принялъ всѣ мѣры для зажженія города по выступленіи арміи. Когда, 2-го (14-го) сентября, Наполеонъ прибылъ къ Дорогомиловской заставѣ, онъ былъ пораженъ извѣстіемъ объ оставленіи Москвы ея жителями. На другой день Наполеонъ перенесъ главную квартиру свою въ Кремль. Начавшійся затѣмъ пожаръ, охватившій собою Москву, вынудилъ его искать убѣжище въ Петровскомъ дворцѣ. Девять десятыхъ города сдѣлались добычею пламени; грабежъ довершилъ бѣдствія оставшихся тамъ жителей.

Только 7-го (19-го) сентября императоръ Александръ получилъ черезъ Ярославль краткое донесеніе графа Растопчина о томъ, что Кутузовъ рѣшился оставить Москву. На другой день 8-го (20-го) сентября, роковая вѣсть о занятіи Наполеономъ первопрестольной столицы подтвердилась донесеніемъ фельдмаршала, привезеннымъ полковникомъ Мишо. Тогда императоръ Александръ въ разговорѣ съ Мишо произнесъ достопамятныя слова, выражавшія собою всѣ тѣ тяжелыя думы, которыя уже много лѣтъ господствовали въ его умѣ и руководили всѣми его дѣйствіями: «Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать». Вмѣстѣ съ тѣмъ государь высказалъ непоколебимую свою рѣшимость продолжать войну и не вступать съ непріятелемъ въ переговоры.

Императрица Елисавета Алексѣевна.

Вскорѣ Наполеонъ имѣлъ случай убѣдиться, насколько ошибочны были его политическіе и военные разсчеты, основанные на мнимой слабохарактерности Александра. Письмо Наполеона къ государю изъ Москвы, въ которомъ онъ отклонялъ отъ себя отвѣтственность за сожженіе столицы, оставлено было безъ отвѣта. Рѣшимость государя не мириться съ Наполеономъ не раздѣлялась всѣми государственными сановниками, и въ малодушныхъ совѣтахъ недостатка не было. Но Александръ остался непреклоннымъ въ принятомъ рѣшеніи: онъ слышать не хотѣлъ о мирѣ и напомнилъ Кутузову, что онъ еще обязанъ отвѣтомъ оскорбленному отечеству за потерю Москвы.

Императрица Елисавета Алексѣевна вполнѣ раздѣляла взглядъ государя. Въ самый день Бородинской битвы, она писала своей матери: «Съ той минуты, какъ Наполеонъ перешелъ границу, точно электрическая искра распространилась по всей Россіи, и если бы при ея громадномъ протяженіи было возможно, чтобы это сдѣлалось извѣстнымъ одновременно во всѣхъ концахъ имперіи, то раздался бы такой грозный крикъ негодованія, который долетѣлъ бы, какъ мнѣ кажется, до края вселенной. По мѣрѣ того, какъ Наполеонъ будетъ подвигаться впередъ, это чувство будетъ усиливаться все болѣе. Старики, потерявшіе все или почти все свое состояніе, говорятъ: мы найдемъ средства къ жизни, все предпочтительнѣе постыднаго мира. Женщины, у которыхъ всѣ близкіе находятся въ арміи, считаютъ опасности, которымъ тѣ подвергаются, лишь второстепенными и опасаются только мира. Этотъ миръ, который былъ бы смертнымъ приговоромъ Россіи, къ счастію не можетъ быть заключенъ; императоръ не допускаетъ и мысли о немъ, а если бы даже онъ и желалъ его, то не могъ бы осуществить своего желанія. Вотъ прекрасная героическая сторона нашего положенія».

Всѣ эти необыкновенныя событія совершили вмѣстѣ съ тѣмъ переломъ въ мысляхъ и въ характерѣ императора Александра. Онъ нашелъ утѣшеніе и успокоеніе въ чтеніи Библіи. «Пожаръ Москвы освѣтилъ мою душу», признавался впослѣдствіи императоръ прусскому епископу Эйлерту, «и наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я не ощущалъ до тѣхъ поръ. Тогда я познаю Бога». Событія этой страшной войны измѣнили міросозерцаніе Александра и окончательно убѣдили его, что для народовъ, какъ и для царей, спасеніе и слава только въ Богѣ.

Между тѣмъ Кутузовъ, отступая съ арміею по Рязанской

дорогѣ, предпринялъ оттуда свое знаменитое фланговое движеніе на старую Калужскую дорогу. Въ виду зарева пылающей Москвы русская армія потянулась безпрепятственно къ Подольску и Красной Пахрѣ и оттуда отошла къ Тарутину, гдѣ заняла 20-го сентября (2-го октября) позицію за р. Нарою. Войска отдохнули здѣсь, оправились и усилились прибывшими подкрѣпленіями. Что же касается французовъ, то, по занятіи Москвы, Наполеонъ потерялъ изъ виду нашу армію и въ продолженіи двѣнадцати дней находился въ невѣдѣніи относительно пути отступленія, избраннаго Кутузовымъ.

Возгорѣлась народная война, и начались успѣшныя партизанскія дѣйствія на сообщеніяхъ непріятеля. Кутузовъ, оставаясь видимо въ бездѣйствіи, разставлялъ сѣти Наполеону. Сознавая, что занятіе Москвы послужитъ къ гибели французской арміи, онъ всѣми мѣрами старался продлить пребываніе врагомъ среди развалинъ столицы: для достиженія этой цѣли онъ прибѣгалъ къ искусно распускаемымъ слухамъ относительно слабости и бѣдственнаго положенія русской арміи и общаго желанія мира, представляющаго будто бы единственное средство для спасенія имперіи. Всѣ эти мѣры содѣйствовали къ утомленію Наполеона въ Москвѣ, поддерживая въ немъ надежду на полученіе мирныхъ предложеній со стороны императора Александра.

Подобный образъ дѣйствій Кутузова не былъ встрѣченъ сочувственно ни при дворѣ, ни въ обществѣ, ни даже среди войска. Изъ современниковъ тяжелой годины немногіе поняли Кутузова и оцѣнили по достоинству: такихъ прозорливыхъ людей, которые говорили, что важный день его бездѣйствія стоитъ побѣды оказалось немного. Даже такой простый патріотъ, каковымъ является въ 1812 году графъ Растопчинъ, осуждалъ бездѣйствіе и преступное равнодушіе фельдмаршала, изощряя свое остроумное и нерѣдко грубоватое злословіе надъ бѣднымъ старикомъ. Виновникъ сожженія Москвы никогда не называлъ Кутузова иначе, какъ старой бабой, слепцомъ, который потерялъ голову и думаетъ, что ему суждено сдѣлать, ничего не дѣлая. Поэтому Растопчинъ совѣтовалъ даже императору Александру отозвать этого стараго болвана и пошлаго царедворца (ce vieux imbécile et plat courtisan). Только потомству суждено было признать наконецъ въ лицѣ Кутузова тотъ образъ, несравненный образъ проницательнаго полководца, который спасъ отечество и какъ бы созданъ былъ для той критической минуты, которую переживала тогда Россія: но въ то время всѣ бродили въ потемкахъ, одинъ Кутузовъ имѣлъ въ рукахъ ключъ къ спасенію имперіи и понималъ, какое онъ стережетъ сокровище.

Вмѣсто требуемыхъ отъ него рѣшительныхъ дѣйствій, Кутузовъ принялъ даже въ своей главной квартирѣ, 23-го сентября (4-го октября), графа Лориетона, прибывшаго къ нему съ письмомъ Наполеона и съ предложеніемъ перемирія. Въ перемиріи Кутузовъ отказалъ, а объ остальномъ обѣщалъ донести императору Александру. Подобный уклончивый и политическій образъ дѣйствій Кутузова послужилъ только поводомъ къ усугубленію противъ него неудовольствія. Сторонники рѣшительныхъ дѣйствій, наконецъ, добились своего, и 6-го (18-го) октября произошло *Тарутинское* сраженіе, по разнымъ обстоятельствамъ увѣнчавшееся только половиннымъ успѣхомъ, но зато ускорившее выступленіе Наполеона изъ Москвы.

Намѣреніе Наполеона заключалось въ томъ, чтобы двинуться сперва по старой Калужской дорогѣ, соединиться съ авангардомъ Мюрата, а потомъ перейти на новую Калужскую дорогу: императоръ надѣялся такимъ образомъ обойти русскую армію и открыть себѣ свободный доступъ къ Калугѣ. Но партизанъ Сеславинъ, смѣло пробравшись на Боровскую дорогу, открылъ движеніе Наполеона. Стоя на деревѣ въ лѣсу, онъ увидѣлъ карету, въ которой находился самъ императоръ, окруженный своими маршалами и гвардіей. Не удовольствовавшись однако этимъ подвигомъ, безстрашный Сеславинъ захватилъ еще отдѣлившагося отъ опушки лѣса и дороги унтеръ-офицера старой гвардіи, связалъ его и, перекинувъ черезъ сѣдло, умчался съ нимъ.

Отступленіе великой арміи. По современной литографіи.

Отступленіе великой арміи черезъ Вильну. Рисунокъ пастелью Ф. Даніеля.

Свѣдѣнія, доставленныя Сеславинымъ, имѣли послѣдствіемъ немедленное движеніе корпуса Дохтурова къ Малу-Ярославцу; вмѣстѣ съ тѣмъ Кутузовъ рѣшился двинуться за нимъ изъ Тарутина со всею арміею. Эти распоряженія пріѣли 12-го (24-го) октября къ сраженію при *Мало-Ярославцѣ*. Городъ восемь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и хотя, послѣ восемнадцати-часового боя, былъ окончательно уступленъ французамъ, но зато Кутузовъ успѣлъ своевременно сосредоточить къ югу отъ него, въ 2½ верстахъ, всю армію.

Теперь фельдмаршалу предстояло рѣшить вопросъ: дать ли генеральное сраженіе для уничтоженія французской арміи и тѣмъ покончить кампанію сразу, или же стремиться къ той же цѣли болѣе осторожнымъ путемъ. Свѣтлѣйшій остановился на послѣднемъ рѣшеніи. «Все это развалится и безъ меня», говорилъ Кутузовъ нетерпѣливымъ сторонникамъ рѣшительныхъ дѣйствій. Англійскому генералу Вильсону, находившемуся въ русской главной квартирѣ, онъ высказалъ свою мысль еще болѣе опредѣлительно: «Я предпочитаю построить «*pont d'or*», какъ вы называете, моему противнику, нежели поставить себя въ такое положеніе, чтобы получить отъ него «*coup de collier*». Сверхъ того я опять повторяю то, что уже нѣсколько разъ говорилъ вамъ, что я вовсе не убѣжденъ, будетъ ли великимъ благодѣяніемъ для вселенной совершенное уничтоженіе императора Наполеона и его арміи. Наслѣдство его достанется не Россіи или какой либо другой изъ державъ материка, а той державѣ, которая уже теперь господствуетъ на моряхъ, и тогда преобладаніе ея будетъ невыносимо». Русскому же генералу Кутузовъ еще подъ Тарутинымъ сказалъ: «Мы никогда, голубчикъ мой, съ тобой не согласимся: ты думаешь только о пользѣ Англіи, а по мнѣ, если этотъ островъ сегодня пойдетъ на дно моря, я не охну.» Въ этихъ немногихъ словахъ отразилась всецѣло Кутузовская точка зрѣнія на событія, завершившія собою 1812 годъ: онъ остался ей вѣренъ, по мѣрѣ силъ, до конца своей уже не долгой жизни.

Милорадовичъ.

Немедленно съ 13-го на 14-е октября русская армія начала отходить къ Детчину. *Милорадовичъ* остался противъ Мало-Ярославца. Въ то время какъ Кутузовъ остановился на столь осторожномъ рѣшеніи, Наполеонъ обсуждалъ вопросъ: атаковать ли русскую армію, или отступать по Смоленской дорогѣ. Онъ повернулъ назадъ къ Боровску и затѣмъ въ Можайскѣ вышелъ на Смоленскую дорогу, представлявшую въ полномъ смыслѣ пустыню. Окончательная гибель великой арміи дѣйствительно становилась отнынѣ только вопросомъ времени, и русскій главнокомандующій оказался правымъ, утверждая, что все это развалится и безъ него. Недовольные замолчали: отечество было спасено.

Съ отступленіемъ Наполеона по Смоленской дорогѣ началось [illegible] великой арміи. Армія Чичагова, [illegible] императоромъ Александромъ обратно въ Россію, еще [illegible] государя въ Москвѣ, направлялась на Минскъ: [illegible] противъ Шварценберга и Рейнье, [illegible] рѣку Бугъ. Уже давно составленъ былъ [illegible] чтобы совокупными усиліями всѣхъ [illegible] арміи [illegible]. Наполеону выходъ изъ Россіи по [illegible] частью ошибкамъ исполнителей, намѣреніе загородить дорогу французамъ на берегахъ Березины не было достигнуто.

Нерѣшительность Кутузова подъ Вязьмою и Краснымъ, проявившаго утверждать, что обстоятельства сами собою больше [illegible], нежели какіе ордера, ошибки Чичагова и осторожность [illegible] Бертиньи дали Наполеону возможность восторжествовать [illegible] 14-го (26-го) ноября [illegible] черезъ Березину у Студянки, а затѣмъ жалкіе остатки великой арміи до 9.000 человѣкъ, поспѣшно двинулись или, лучше сказать, бѣжали къ Вильнѣ, преслѣдуемые по пятамъ русскими войсками. Морозы до 30° довершили разстройство непріятеля; вся дорога была усѣяна трупами людей, погибшихъ отъ холода и голода. Видя гибель своихъ войскъ и необходимость создать новую армію для продолженія борьбы, Наполеонъ написалъ въ Молодечнѣ 21-го ноября (3-го декабря) 29-й бюллетень, которымъ оповѣстилъ Европу о плачевномъ исходѣ начатой шесть мѣсяцевъ тому назадъ войны и, передавъ начальство надъ арміею неаполитанскому королю Мюрату, 23-го ноября (5-го декабря) выѣхалъ изъ Сморгони, черезъ Варшаву и Дрезденъ въ Парижъ.

По мѣрѣ приближенія остатковъ наполеоновской арміи къ границамъ Россіи, императору Александру предстояло рѣшить сложный вопросъ: слѣдуетъ ли русскимъ войскамъ остановиться на Вислѣ и довершить торжество Россіи славнымъ миромъ, или же продолжать борьбу съ Наполеономъ для возстановленія самобытности Германіи и возвеличенія Австріи. Александръ склонялся къ послѣднему рѣшенію, то-есть къ продолженію войны и настойчиво утверждалъ, что если желать мира прочнаго и надежнаго, то надо подписать его въ Парижѣ. Подобное намѣреніе вполнѣ согласовалось съ высказаннымъ имъ ранѣе убѣжденіемъ, изъ-за котораго и возгорѣлась война: «Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать». А для достиженія этой цѣли русская армія должна была по мысли Александра слѣдовать за бѣгущимъ непріятелемъ съ увѣренным видомъ побѣдителей, какъ бы она ни чувствовала себя слабою, и стараться пополнить недостающія боевыя средства союзомъ съ Пруссіей и Австріей, призвавъ къ оружію Германію, противъ владычества Наполеона.

Кутузовъ былъ сторонникъ совершенно противоположнаго взгляда; онъ полагалъ, что Наполеонъ теперь для Россіи не опасенъ, и что слѣдуетъ поберечь его для англичанъ, которые стремятся захватить его наслѣдство въ ущербъ Россіи и другимъ континентальнымъ державамъ. Всѣ помыслы фельдмаршала клонились только къ спасенію отечества, а не Европы, какъ того желали англичане и нѣмецкіе патріоты.

28-го ноября (10-го декабря) русскія войска заняли Вильну, а 2-го (14-го) декабря черезъ Нѣманъ у Ковны перешли остатки нѣкогда блестящей арміи, 1000 человѣкъ съ девятью орудіями и около 20.000 безоружныхъ. Всѣ эти успѣхи были, однако, куплены дорогою цѣною. Достаточно указать, что главная армія, выступившая изъ Тарутина въ составѣ 97.112 человѣкъ, считала въ своихъ рядахъ по прибытіи въ Вильну 27.164 человѣка. Изъ 622 орудій, находившихся при арміи, оставалось на лицо только 200; прочія были оставлены позади вслѣдствіе потери лошадей и убыли въ прислугѣ. 48.000 больныхъ разсѣяны были по госпиталямъ, а остальные убиты въ дѣлахъ, умерли отъ ранъ и болѣзней. Такая печальная остановка побудила фельдмаршала высказать государю убѣжденіе въ необходимости пріостановить на время наступательное движеніе ввѣренной ему арміи и даровать ей отдыхъ.

Императоръ Александръ, совершенно расходясь во взглядахъ съ Кутузовымъ, принялъ необходимымъ лично отправиться въ армію. 11-го (23-го) декабря государь прибылъ въ Вильну. На слѣдующее утро, въ день рожденія императора Александра, собравшимся во дворецъ генераламъ было сказано: «*Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу*». Въ этихъ немногихъ словахъ была выражена тайная дума Александра,—явиться освободителемъ угнетенныхъ народовъ.

Кутузовъ не сразу согласился съ мнѣніемъ государя о необходимости продолжать войну въ предѣлахъ Германіи и про-

должать войну; онъ сказалъ Александру: «Вашъ обѣтъ исполненъ; ни одного вооруженнаго непріятеля не осталось на русской землѣ; теперь остается исполнить и вторую половину обѣта — положить оружіе». Но государь не внялъ доводамъ своего полководца, ни голосу общаго мнѣнія въ Россіи, которое было противъ заграничной войны.

Вскорѣ получено было въ Вильнѣ извѣстіе чрезвычайной политической и военной важности, окончательно ускорившее выполненіе намѣреній императора Александра. Прусскій генералъ Іоркъ, подчиненный маршалу Макдональду, заключилъ съ генераломъ Дибичемъ на Ношерунской мельницѣ, недалеко отъ Таурогена, конвенцію, по условіямъ которой было положено, чтобы ввѣренныя ему войска расположились между Мемелемъ и Тильзитомъ на пространствѣ, признанномъ нейтральнымъ на все время стоянки здѣсь прусскихъ войскъ. Такимъ образомъ отложеніе Іорка отъ корпуса Макдональда лишило французовъ въ самую критическую минуту похода 1812 года содѣйствія вполнѣ сохранившихся въ бою 16.000 человѣкъ съ 48 орудіями. Войска графа Витгенштейна перешли Нѣманъ у Юрбурга, и 24-го декабря русскій авангардъ безпрепятственно занялъ этотъ городъ.

Главныя силы также выступили изъ Вильны, и 1-го (13-го) января 1813 года императоръ Александръ съ княземъ Кутузовымъ, отслужа молебенъ, перешли съ войсками Нѣманъ у Мереча и вступили въ герцогство Варшавское.

VII.

Начался заграничный походъ.

18-го (30-го) января Милорадовичъ заключилъ перемиріе съ княземъ Шварценбергомъ, которое обезпечивало австрійцамъ свободное отступленіе въ Галицію, а 26-го января (7-го февраля) русскія войска вступили въ Варшаву. Послѣ этого успѣха, наступленіе нашей арміи продолжалось безостановочно, и 12-го (24-го) февраля главная квартира императора Александра была перенесена въ Калишъ; здѣсь 16-го (28-го) февраля заключенъ былъ союзный договоръ съ Пруссіею. Народъ встрепенулся, и добровольцы неудержимымъ потокомъ начали стекаться подъ освободительное знамя, поднятое Александромъ противъ ненавистнаго притѣснителя германскаго отечества.

Съ открытіемъ заграничнаго похода здоровье Кутузова начало слабѣть, и по прибытіи главной квартиры въ Бунцлау 6-го (18-го) апрѣля болѣзнь фельдмаршала не позволила ему далѣе слѣдовать за арміею; здѣсь увѣнчанный лаврами полководецъ скончался 16-го (28-го) апрѣля. Между тѣмъ союзная русско-прусская армія продолжала наступленіе и 20-го апрѣля (2-го мая) неожиданно атаковала подъ Люценомъ разбросанныя силы Наполеона, двигавшіеся къ Лейпцигу. Сраженіемъ долженъ былъ руководить *графъ Витгенштейнъ*, за смертью Кутузова, вступившій въ командованіе русско-прусскими войсками лишь въ день Люценскаго сраженія, и который, слѣдовательно, не могъ знать ни состава, ни нуждъ арміи; императоръ Александръ встрѣтился даже съ новымъ главнокомандующимъ впервые послѣ похода 1812 года на люценскихъ поляхъ. Наполеонъ снова восторжествовалъ надъ своими противниками и принудилъ ихъ очистить Дрезденъ и поспѣшно отступить на правый берегъ Эльбы. Опасенія Кутузова, выразившіяся въ словахъ: «Самое легкое дѣло идти теперь за Эльбу, но какъ воротимся? Съ рыломъ въ крови», осуществились на дѣлѣ скорѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Союзныя войска отступили къ Бауцену. Разыгравшееся здѣсь двухдневное сраженіе кончилось новымъ пораженіемъ и заключеніемъ военнаго перемирія, состоявшагося 23-го мая (4-го) іюня въ Пойнвицѣ.

По заключеніи 15-го (27-го) іюня Россіею и Пруссіею секретной конвенціи съ Австріей въ Рейхенбахѣ, начались переговоры съ Наполеономъ въ Дрезденѣ, которые привели не къ миру, но къ возобновленію военныхъ дѣйствій, несмотря на конгрессъ, собравшійся въ Прагѣ. Австрія присоединилась къ коалиціи, и 125.000 русско-прусскихъ войскъ подъ начальствомъ Барклая де-Толли вступили въ Богемію. Начался осенній походъ 1813 года.

Несмотря на численный перевѣсъ, находившійся на сторонѣ союзниковъ, наступательное движеніе ихъ къ Дрездену кончилось полнымъ ихъ пораженіемъ и поспѣшнымъ отступленіемъ въ Богемію. Это былъ послѣдній успѣхъ, одержанный Наполеономъ въ Германіи. Затѣмъ французы испытали цѣлый рядъ пораженій: при Гросъ-Беренѣ, при Кацбахѣ, при Кульмѣ. Въ послѣднемъ сраженіи, кончившемся полнымъ уничтоженіемъ корпуса Вандалема, императоръ Александръ принималъ личное участіе; благодаря своевременнымъ распоряженіямъ государя, союзная армія была выведена изъ критическаго положенія, въ которое ее поставила нерѣшительность главнокомандующаго Богемской арміи, князя Шварценберга.

По присоединеніи къ союзникамъ новыхъ подкрѣпленій, рѣшено было предпринять совокупными силами наступленіе къ Лейпцигу. Наполеонъ, съ своей стороны, также сосредоточилъ свои силы къ этому городу. Трехдневный бой подъ Лейпцигомъ (4-го, 6-го и 7-го октября) увѣнчался побѣдой союзниковъ, и Наполеонъ съ остатками разбитой арміи отступилъ къ Рейну. Саксонія, Виртембергъ и Баварія отложились отъ Франціи.

Союзныя войска расположились для отдыха и устройства вдоль Рейна, а главная квартира монарховъ перешла во Франкфуртъ на Майнѣ. Наполеонъ возвратился въ Парижъ. Здѣсь императоръ Александръ обрадованъ былъ полученіемъ извѣстія о заключеніи 12-го (24-го) октября *Гюлистанскаго мира* съ Персіею.

Послѣ освобожденія Германіи отъ французскаго владычества, между союзниками проявилась склонность къ дипломатическимъ переговорамъ съ Наполеономъ. Сторонники мира въ различныхъ лагеряхъ снова подняли голосъ. Одинъ императоръ Александръ не вѣрилъ въ возможность прочнаго мира съ Наполеономъ и настаивалъ на немедленномъ продолженіи борьбы, чтобы предписать миръ въ Парижѣ. Мнѣніе государя поддерживали нѣкоторые изъ выдающихся прусскихъ дѣятелей. Между тѣмъ Наполеонъ медлилъ рѣшительнымъ отвѣтомъ на предложенныя ему выгодныя условія мира и приступилъ къ усиленнымъ вооруженіямъ; это обстоятельство дало въ союзномъ лагерѣ рѣшительный перевѣсъ партіи продолженія войны. Рѣшено было приступить къ зимнему походу, и была обнародована декларація, въ которой союзники объявили, что они ведутъ войну не противъ Франціи, но противъ преобладанія Наполеона, которымъ онъ, къ несчастію Европы и Франціи, пользовался слишкомъ долго внѣ предѣловъ своей имперіи. Такимъ образомъ конечная цѣль политики императора Александра получила уже нѣкоторое осуществленіе и всеобщую гласность: союзники разъединили этою декларацією Францію и ея повелителя и тѣмъ сдѣлали очевидно первый шагъ къ низложенію Наполеона. Остальное зависѣло отъ исхода предстоявшей новой кампаніи 1814 года. Въ годовщину переправы черезъ Нѣманъ русскія войска перешли Рейнъ въ Базелѣ.

Теперь императоръ Александръ могъ наконецъ приступить къ окончательному довершенію предначертанной имъ себѣ задачи, заключавшейся, по словамъ государя, въ возстановленіи европейской системы (la restauration du système européen). Эта реставрація должна была, по мысли Александра, «возвратить каждому народу полное и всецѣлое пользованіе его правами и его учрежденіями, поставить какъ ихъ всѣхъ, такъ и насъ самихъ подъ охрану общаго союза, охранить себя и защитить ихъ отъ честолюбія завоевателей,—таковы суть основанія, на которыхъ мы надѣемся съ Божіею помощію утвердить эту новую систему. Провидѣніе поставило насъ на дорогу, которая прямо ведетъ къ цѣли. Часть ея мы уже прошли. Та, которая еще предстоитъ намъ, усѣяна большими трудностями. Надобно ихъ устранить».

Вотъ съ какими мыслями императоръ Александръ перешелъ границы Франціи; а для водворенія въ Европѣ предначертаннаго плана, нужно было добиться низложенія Наполеона и замѣны его чѣмъ то другимъ, не принявшимъ еще въ глазахъ союзниковъ опредѣленнаго образа.

Одновременно съ военными дѣйствіями открыты были мирные переговоры съ Наполеономъ въ Шатильонѣ. Разномысліе союзниковъ побудило императора Александра согласиться на это безплодное дипломатическое состязаніе, но онъ оставался

по прежнему сторонникомъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ своего соперника. Настойчивость Александра въ проведеніи своихъ плановъ при счастливыхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ кампанію 1814 года, привела къ желаемой имъ цѣли. Хотя Наполеонъ съ горестью создать совершалъ истинныя чудеса, но спасти Францію, сохранить за собою престолъ ему не удалось. Въ то время когда онъ принялъ рѣшеніе дѣйствовать на сообщеніе союзниковъ, Александръ рѣшился быстрымъ движеніемъ къ Парижу кончить войну однимъ рѣшительнымъ ударомъ. 18-го (30-го) марта участь Парижа рѣшилась сраженіемъ, ночью подписана была капитуляція, и 19-го марта императоръ Александръ съ союзниками торжественно вступилъ во французскую столицу, встрѣченный населеніемъ, какъ давно желанный гость.

Сокровенныя мысли, волновавшія въ ту пору душу Александра, нашли себѣ выраженіе въ словахъ, съ которыми онъ обратился къ генералу Ермолову: «Ну что, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь, право, было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали за простачка».

Сенатъ учредилъ временное правительство и объявилъ Наполеона и всѣхъ членовъ его семейства лишенными права на престолъ Франціи. Теперь Наполеону оставалось только согласиться на безусловное отреченіе, послѣ чего онъ удалился на предоставленный ему островъ Эльбу, а Людовикъ XVIII занялъ его престолъ и возвратился въ Парижъ, дарованъ французамъ хартію. Окончательный миръ съ Франціею заключенъ былъ 18-го (30-го) мая, по которому она лишилась населенія въ 15,260,000 и вошла въ границы 1792 года, съ нѣкоторыми ничтожными приращеніями. Затѣмъ рѣшено было осенью собрать конгрессъ въ Вѣнѣ для окончательнаго распредѣленія между побѣдителями завоеваній, отнятыхъ у Наполеона.

Императоръ Александръ покинулъ Парижъ и послѣ посѣщенія вмѣстѣ съ Англіею возвратился 13-го (25-го) іюля въ Петербургъ.

VIII.

Хотя императоръ Александръ и ему предстоявшаго отъѣзда въ Вѣнскій конгрессъ могъ остаться въ Петербургѣ только весьма непродолжительное время, но тѣмъ не менѣе

Кончина Кутузова. По рис. съ натуры Ефимовича, съ грав. Кардели.

недѣли, проведенныя государемъ въ Россіи, не были проведены въ праздности.

Встрѣтивъ Державина, Александръ сказалъ ему: «Мнѣ Господь помогъ устроить внѣшнія дѣла Россіи, теперь примусь за внутреннія, но людей нѣтъ».—«Они есть, ваше величество», отвѣчалъ Державинъ, «но они въ глуши, ихъ искать надобно: безъ добрыхъ и умныхъ людей и свѣтъ бы не стоялъ». Но въ сущности, Александръ и не намѣревался искать новыхъ сотрудниковъ для обновленія внутренняго строя Россіи. У него ужъ былъ избранъ суровый дѣлецъ, предназначенный имъ для приведенія въ порядокъ и для управленія внутренними дѣлами имперіи: графъ Аракчеевъ!

Государственный канцлеръ графъ Румянцевъ уволенъ былъ отъ всѣхъ дѣлъ, а графу Нессельроде повелѣно продолжать докладывать по всѣмъ дѣламъ иностраннаго департамента. Графъ Растопчинъ также замѣненъ былъ графомъ Тормосовымъ, министръ юстиціи И. И. Дмитріевъ—Д. И. Трощинскимъ; А. С. Шишковъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта.

Но всему видно было, что въ это время польскій вопросъ и связанная съ нимъ участь сѣверо и юго-западныхъ губерній выдвинулись на первый планъ. Депутатамъ этихъ губерній государь сказалъ: «Еще немного терпѣнія, и вы всѣ будете болѣе довольны мною!»

Императоръ Александръ, желая выразить признательность всѣмъ сословіямъ русскаго народа за ихъ участіе въ отечественной войнѣ, поручилъ Шишкову составить въ этомъ смыслѣ манифестъ, который обнародованъ былъ 30-го августа. Въ манифестѣ между прочимъ сказано было: «Надѣемся, что продолженіе мира и тишины подастъ намъ способъ не токмо содержаніе воиновъ привесть въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но даже дать осѣдлость и присоединить къ нимъ семейства». Слова эти, значеніе которыхъ было не для всѣхъ понятнымъ, предвѣщали устройство въ близкомъ будущемъ военныхъ поселеній.

Сперанскій все еще продолжалъ томиться въ ссылкѣ, и съ сентября 1812 года находился въ Перми, куда онъ привезенъ былъ изъ Нижняго Новгорода: наканунѣ отъѣзда въ Вѣну, государь разрѣшилъ Сперанскому переѣхать на жительство въ принадлежащую ему деревню Великополье, въ Новгородской губерніи.

1-го (13-го) сентября императоръ Александръ снова отправился въ путь и дорогою заѣхалъ въ Пулавы къ князю Адаму Чарторижскому. Княгинѣ-матери государь сказалъ: «Теперь меня болѣе всего занимаетъ Польша. Ѣду на конгрессъ, чтобы работать для нея, но надо двигать дѣло постепенно. У Польши три врага: Пруссія, Австрія и Россія, и одинъ другъ — это я. Если бы я хотѣлъ присоединить Галицію, пришлось бы сражаться. Пруссія соглашается возстановить Польшу, если ей отдадутъ часть Велико-Польши. А я хочу отдать польскимъ провинціямъ около двѣнадцати милліоновъ жителей. Составьте себѣ хорошую конституцію и сильную армію, тогда посмотримъ. Нужны терпѣніе и вѣра въ меня».

Изъ Пулавы императоръ Александръ направился въ Вѣну, гдѣ уже начали собираться представители побѣдоносной коалиціи.

Задача, которую намѣтилъ себѣ императоръ Александръ при открытіи конгресса, была вообще не легкая.

Образованіе и незыблемость союза всей Европы противъ Наполеона въ 1813 и 1814 годахъ были личнымъ дѣломъ Александра; преслѣдуемая имъ цѣль была достигнута благодаря особымъ свойствамъ его ума и характера. Государь и никто другой повелъ всю Европу въ Парижъ и, можно сказать, буквально повлекъ ее за собою. Съ исчезновеніемъ Наполеона союзникамъ предстояло рѣшеніе не менѣе трудной задачи — раздѣлить между собою завоеванныя земли. Александру же, сверхъ того, приходилось побороть явное недоброжелательство и зависть Европы по отношенію къ возрастающему могуществу Россіи. Государь говорилъ не разъ: «Лютская благодарность такъ же рѣдко встрѣчается, какъ бѣлый воронъ». Справедливость этого изреченія пришлось въ полной мѣрѣ испытать главѣ европейскаго ареопага во время дипломатической борьбы, начавшейся въ Вѣнѣ.

Къ числу самыхъ важныхъ вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ долженъ былъ заняться Вѣнскій конгрессъ, принадлежала будущая судьба Саксоніи и Варшавскаго герцогства. Александръ предоставлялъ Саксонію королю прусскому и намѣревался удержать за собою Варшавское герцогство, возстановивъ наименованіе Польскаго королевства. Подобный планъ встрѣтилъ дружный отпоръ со стороны Меттерниха и французскаго уполномоченнаго Талейрана; къ нимъ присоединился также Кестельри.

Князь Адамъ Чарторижскій, находившійся въ Вѣнѣ не въ качествѣ офиціальнаго представителя русской политики, но лишь другомъ и совѣтникомъ государя, удивлялся настойчивости, высказанной императоромъ Александромъ при столь затруднительныхъ обстоятельствахъ въ вѣнскихъ переговорахъ по польскому вопросу. Чарторижскій писалъ, что «всѣ кабинеты противъ него: никто не говоритъ намъ добраго слова, не помогаетъ намъ искренно. Здѣшніе русскіе тоже страшно негодуютъ и не извиняютъ императора: этотъ хоръ изъ своихъ и чужихъ старается перекричать одинъ другого».

Сраженіе подъ Лейпцигомъ. Картина Крюгера.

Хотя сначала Талейранъ высказывалъ относительно государей, собравшихся въ Вѣнѣ, мнѣніе, что у нихъ не хватаетъ мужества, чтобы поссориться, а также здраваго смысла, чтобы придти къ соглашенію, но вскорѣ онъ пришелъ къ другому заключенію. Въ декабрѣ 1814 года интриги, направленныя противъ Россіи, созрѣли на столько, что Талейранъ нашелъ возможнымъ предложить Кестельри подписать совмѣстно съ Австріею «*маленькую конвенцію*» съ цѣлью обезпечить права саксонскаго короля. «Конвенція», спросилъ англійскій дипломатъ, «то есть вы предлагаете союзъ?» Талейранъ возразилъ, что изъ этого можетъ выйти союзъ, если онъ пожелаетъ этого. На первый разъ 22-го декабря 1814 года (3-го января 1815 года) Меттернихъ, Кестельри и Талейранъ подписали конвенцію, по условіямъ которой Австрія, Англія и Франція обязывались выставить по полутораста тысячъ войска каждая, въ случаѣ войны взаимно условиться насчетъ выбора главнокомандующаго и не иначе заключить миръ, какъ съ общаго согласія. Положено было пригласить къ участію въ союзѣ Баварію, Виртембергъ и Нидерланды.

Тайна враждебной Россіи политики соблюдена была на

столько удачно, что императоръ Александръ ничего не подозрѣвалъ о составившейся противъ него коалиціи и продолжалъ на конгрессѣ бумажную войну съ своими союзниками. Неожиданное происшествіе вдругъ лишило воинственныхъ дипломатовъ подъ собою почвы. 22-го февраля (6-го марта) 1815 года Меттернихъ получилъ извѣстіе объ отплытіи Наполеона съ острова Эльбы. Старая коалиція немедленно воскресла съ прежнимъ единодушіемъ, и всѣ державы снова возложили свои упованія на Россію, ожидая спасенія Европы отъ великодушія и безкорыстія Александра. 8-го (20-го) марта Наполеонъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, вступилъ въ Тюльерійскій дворецъ, между тѣмъ какъ Людовикъ XVIII находился уже на дорогѣ въ Лиль.

Бѣгство короля совершилось съ такою быстротою, что онъ забылъ на столѣ въ своемъ кабинетѣ секретный договоръ 3-го января. Наполеонъ не замедлилъ воспользоваться этимъ счастливымъ случаемъ и, надѣясь разстроить собиравшуюся противъ него коалицію, отправилъ съ этимъ важнымъ документомъ оставшагося въ Парижѣ секретаря русской миссіи Бутягина въ Вѣну къ императору Александру. Посланный вручилъ эту безцѣнную бумагу государю, который могъ, наконецъ, наглядно убѣдиться въ двуличіи своихъ союзниковъ. Насталъ моментъ чрезвычайной важности, и русская политика могла вступить на новый, болѣе плодотворный путь. Но ничего подобнаго не случилось, и чувство неподдѣльнаго великодушія восторжествовало во всемъ своемъ величіи; государь не допускалъ и мысли, чтобы, пользуясь общимъ переполохомъ, потребовать себѣ новыхъ уступокъ, въ смыслѣ первоначальныхъ заявленій, сдѣланныхъ со стороны Россіи конгрессу.

Александръ пригласилъ къ себѣ Меттерниха и, показавъ ему полученный изъ Парижа договоръ, сказалъ: «Пока мы оба живы, объ этомъ предметѣ никогда не должно быть разговора между нами. Теперь намъ предстоятъ другія дѣла. Наполеонъ возвратился, и поэтому нашъ союзъ долженъ быть крѣпче, нежели когда либо». Съ этими словами государь бросилъ обличавшую Меттерниха бумагу въ пылавшій каминъ.

Послѣдовала декларація восьми державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ, на основаніи которой Наполеонъ-Бонапартъ, какъ врагъ и нарушитель общаго спокойствія, былъ объявленъ стоящимъ внѣ покровительства законовъ: вмѣстѣ съ тѣмъ было изъявлено твердое намѣреніе державъ поддерживать всѣми средствами условія Парижскаго трактата. Декларація сопровождалась заключеніемъ союзнаго договора. Россія, Англія, Австрія и Пруссія обязались каждая выставить по 150,000 человѣкъ и не прежде прекратить военныя дѣйствія, какъ лишивъ Наполеона возможности возмущать спокойствіе Европы: тогда же великія державы пригласили къ участію въ союзѣ всѣ прочія европейскія государства. По особому договору Англія обязалась уплатить Россіи, Австріи и Пруссіи субсидію въ пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; кромѣ того тридцати германскимъ государствамъ, выставившимъ контингенты противъ Франціи, назначено было три съ половиною милліона фунтовъ стерлинговъ.

Вообще противъ Наполеона союзники выставили 800,000 человѣкъ, изъ которыхъ 167,000 было русскихъ подъ начальствомъ фельдмаршала графа Барклая-де-Толли. Но русскія войска по отдаленности своей могли прибыть на театръ военныхъ дѣйствій лишь въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Возстановленіе французской имперіи ускорило развязку спорныхъ вопросовъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. 21-го апрѣля (3-го мая) 1815 года были подписаны трактаты между Россіею, Австріею и Пруссіею, опредѣлившіе судьбу Варшавскаго герцогства, что было навсегда присоединено къ Россійской имперіи за исключеніемъ Познани, Бромберга и Торна, отданныхъ Пруссіи. Краковъ, объявленный вольнымъ городомъ, и соляныя копи Велички, возвращенныя Австріи вмѣстѣ съ Галиціею, которая съ 1809 года принадлежала Россіи. Александръ принялъ титулъ Короля Польскаго и предоставилъ свой родной дворянству, тому государству, предназначенному союзу, имѣть особымъ управленіемъ, то «*внутреннее решеніе*» (textes intérieurs), которое при нуждѣ и было. Вообще же поляки, какъ россійскимъ, так и австрійскимъ и прусскимъ подданнымъ, предположено было даровать народное представительство и національныя государственныя учрежденія, согласныя съ образомъ политическаго существованія, который каждымъ изъ правительствъ будетъ признанъ полезнѣйшимъ и приличнѣйшимъ для него въ кругу его владѣній. Такимъ образомъ императоръ Александръ отстоялъ наконецъ самостоятельность хотя только малой части прежней Польши и обезпечилъ за поляками гарантіи, которыя могли бы надолго служить для всѣхъ поляковъ источникомъ права, признаннаго всею Европою.

Одновременно съ трактатомъ о Варшавскомъ герцогствѣ, уполномоченными Пруссіи и Саксоніи заключенъ былъ трактатъ, по условіямъ котораго король Саксонскій уступилъ Пруссіи почти всю Лузацію и часть Саксоніи. Почти мѣсяцемъ позже былъ подписанъ актъ *Германскаго союза*, а затѣмъ главный актъ Вѣнскаго конгресса.

На основаніи условій конгресса 1815 года, Россія увеличила свою территорію пространствомъ около 2,100 кв. миль съ народонаселеніемъ болѣе чѣмъ въ три милліона человѣкъ. Австрія пріобрѣла 2,300 кв. миль съ десятью милліонами человѣкъ, а Пруссія 2,217 кв. миль съ населеніемъ болѣе чѣмъ въ пять милліоновъ человѣкъ. Такимъ образомъ Россія, которая на своихъ плечахъ вынесла всю тяжесть трехлѣтней войны съ Наполеономъ и принесла наибольшія жертвы для торжества европейскихъ интересовъ, получила наименьшее вознагражденіе.

9-го (21-го) мая Государь подписалъ въ Вѣнѣ манифестъ о подпятіи оружія противъ похитителя французскаго престола всѣми державами, хранящими законъ благочестія и правды. Въ томъ же манифестѣ возвѣщалось о присоединеніи къ Россіи обширнѣйшей части бывшаго герцогства Варшавскаго.

Не дожидаясь окончанія конгресса, императоръ Александръ выѣхалъ изъ Вѣны и поселился на время въ Гейдельбергѣ, чтобы быть ближе къ Рейну и къ театру предстоявшихъ военныхъ дѣйствій. Здѣсь окончательно окрѣпъ въ Александрѣ тотъ религіозный порывъ въ мистическомъ смыслѣ, который проявился у него въ 1812 году, когда тяжелыя испытанія обрушились на Россію и вселили тревогу въ душѣ его; при такомъ настроеніи государя, усиленномъ вторичнымъ появленіемъ Наполеона на политической аренѣ, у него должна была проявиться воспріимчивость къ внушеніямъ піетистовъ и мистиковъ. Такъ и случилось, и этимъ обстоятельствомъ можетъ быть объяснено только временное сближеніе его съ баронессою Юліаною Криденеръ; благосклонность, выражаемая при встрѣчѣ съ квакерами, и сочувствіе Библейскому обществу.

Между тѣмъ Наполеонъ открылъ наступательныя дѣйствія противъ англо-прусской арміи и разбилъ Блюхера при Линьѣ. Это извѣстіе вызвало среди союзниковъ сильную тревогу, которая продолжалась не долго. Пораженіе французовъ при Ватерлоо рѣшило участі Наполеона и привело его къ вторичному отреченію отъ престола. Затѣмъ онъ отправился въ Рошфоръ, надѣясь удалиться въ Америку. Теперь Людовику XVIII оставалось только возвратиться въ Парижъ и принять корону изъ рукъ временнаго правительства, что онъ не замедлилъ исполнить съ возможною для него поспѣшностью и подъ покровительствомъ иностранныхъ штыковъ.

Императоръ Александръ вступилъ съ русскими войсками во Францію и двинулся къ Парижу. Въ Сенъ-Дизье онъ опередилъ армію и, проѣхавъ 200 верстъ по мѣстности, не занятой нашими войсками, благополучно достигъ французской столицы 28-го іюня (10-го іюля). Появленіе императора Александра успокоило жителей Парижа; всѣ партіи признали въ немъ своего покровителя и возлагали на него свои надежды. Это было не напрасно: Александръ явился защитникомъ цѣлости Франціи въ виду неумѣренныхъ требованій прочихъ членовъ побѣдоносной коалиціи.

Политическія заботы не помѣшали продолженію гейдельбергскихъ душеспасительныхъ бесѣдъ; результатомъ этого настроенія Александра явился *актъ священнаго союза*, собственноручно имъ начертанный. Король прусскій и австрійскій императоръ подписали этотъ договоръ братскаго христіанскаго союза. Хотя Меттернихъ высказывалъ мнѣніе, что на этотъ договоръ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на безобидную болтовню, но священный союзъ быстро пріобрѣлъ въ рукахъ опытнаго ди-

пломата драгоцѣнное практическое значеніе: явилось средство, поставить священный союзъ во главѣ реакціи въ Европѣ. Эту политику Меттернихъ сумѣлъ поддержать съ неподражаемымъ искусствомъ до событій 1848 года.

Послѣ смотра русской арміи, собравшейся въ Вертю въ составѣ 150,000 человѣкъ при 540 орудіяхъ, государь началъ готовиться къ отъѣзду. Положено было для обезпеченія уплаты Франціею конституціи въ 700 милліоновъ франковъ и для охраненія спокойствія страны, занять союзными войсками 17 крѣпостей въ сѣверо-восточныхъ департаментахъ. Окончательно второй парижскій миръ подписанъ былъ только 8-го (20-го) ноября, союзные же государи покинули Парижъ, установивъ главныя основанія этого новаго договора съ Франціею.

На обратномъ пути въ Россію, императоръ Александръ остановился въ Берлинѣ, гдѣ состоялась помолвка великаго князя Николая Павловича съ дочерью короля Фридриха-Вильгельма III, принцессою Шарлоттою. Изъ Берлина Александръ направился въ Варшаву. Новый польскій король торжественно вступилъ въ свою столицу, среди польскихъ войскъ, окруженный сановниками королевства. Графу Огинскому, прибывшему въ Варшаву съ депутатами сѣверо-западныхъ губерній, императоръ сказалъ: «Я создалъ это королевство и создалъ его на весьма прочныхъ основаніяхъ, потому что принудилъ европейскія державы обезпечить договорами его существованіе. Сдѣлаю и все остальное, какъ было обѣщано; но это не можетъ быть исполнено разомъ. Необходимо довѣріе. Имѣю право на него послѣ всего, что сдѣлано мною, а мои намѣренія неизмѣнны».

15-го (27-го) ноября 1815 года императоръ Александръ подписалъ конституціонную хартію вновь созданнаго польскаго королевства; генералъ Зайончекъ назначенъ былъ намѣстникомъ, а польская армія оставалась, по прежнему, ввѣренною цесаревичу Константину Павловичу.

Великій князь Константинъ Павловичъ.

2-го (14-го) декабря государь возвратился въ Петербургъ. Но Петербургъ уже не увидѣлъ прежняго Александра. Онъ казался скучнѣ и порою даже гнѣвенъ; въ отношеніи къ военной дисциплинѣ онъ сдѣлался болѣе взыскательнымъ и строгимъ. Никакими восторгами столица не встрѣтила его: казалось, Россія какъ бы сознавала, что наступило время тихое, но сумрачное.

Многолѣтнія войны вызвали слѣдующее преобразованіе въ высшемъ военномъ управленіи. Образованъ былъ главный штабъ его императорскаго величества, ввѣренный генералъ-адъютанту князю Петру Михайловичу *Волконскому*. Военнымъ же министромъ назначенъ былъ генералъ-адъютантъ *Коновницынъ*. Онъ получилъ въ завѣдываніе хозяйственныя части министерства и былъ подчиненъ начальнику главнаго штаба.

Столь богатый событіями 1815-й годъ закончился высылкою всѣхъ іезуитскаго ордена монаховъ изъ Петербурга; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ былъ воспрещенъ въѣздъ въ обѣ столицы. Среди ночи они были снабжены шубами, теплыми сапогами и въ кибиткахъ отправлены въ Полоцкъ, гдѣ находилась іезуитская академія. Но этою мѣрою не ограничились принятыя противъ іезуитовъ строгія мѣры. Въ 1820 году повелѣно было выслать іезуитовъ окончательно изъ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ упразднена была академія въ Полоцкѣ, равно какъ и всѣ подвѣдомственныя ей училища.

Въ день Рождества Христова обнародованъ былъ актъ священнаго союза, остававшійся до того тайнымъ. Святѣйшій Синодъ повелѣлъ, напечатавъ договоръ священнаго союза, выставить его на стѣнахъ храмовъ или вырѣзать на доскахъ, а также заимствовать изъ него мысли для проповѣдей. Отнынѣ Россія вступила на новый политическій путь; въ дипломатическихъ документахъ, относящихся къ этой эпохѣ, вмѣсто ясно преслѣдуемыхъ политическихъ цѣлей, встрѣчаются уже темныя толкованія о геніѣ зла, побѣжденномъ Провидѣніемъ, о Глаголѣ Всевышняго, о словѣ жизни. Идеаломъ же государственныхъ дѣятелей того времени, стоявшихъ у дѣлъ, сдѣлалась какая-то неопредѣленная теологическо - патріархальная монархія.

IX.

Съ окончаніемъ Наполеоновскихъ войнъ наступаетъ послѣднее десятилѣтіе царствованія императора Александра. Этому періоду присвоиваютъ наименованіе эпохи конгрессовъ и охраненія установленнаго имъ порядка въ Европѣ. Вѣрнѣе и ближе къ истинѣ назвать это послѣднее десятилѣтіе періодомъ реакціи.

Послѣ достиженія цѣли, настойчиво преслѣдуемой въ теченіе многихъ лѣтъ и заключавшейся въ низложеніи Наполеона, императоръ Александръ представляетъ собою уже усталаго мученика совѣсти, колеблющагося между возрастающимъ вліяніемъ Аракчеева и собственными убѣжденіями, усвоенными въ дни молодости. Среди начавшейся съ 1816 года реакціи можно еще въ первое время прослѣдить присутствіе яркихъ пробѣсковъ юношескихъ увлеченій и мечтаній. Но съ 1820 года замѣчается уже полное исчезновеніе всѣхъ прежнихъ идеаловъ, къ осуществленію которыхъ онъ нѣкогда стремился съ искреннимъ увлеченіемъ. Къ этому душевному настроенію присоединилось еще окончательное утомленіе жизнью, признаки котораго Меттернихъ подмѣтилъ въ императорѣ Александрѣ уже въ 1822 году во время конгресса въ Веронѣ.

Александръ въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія уже не былъ и не могъ быть Александромъ прежнихъ лѣтъ. Весь запасъ твердой воли его оказался потраченнымъ на борьбу съ Наполеономъ, потребовавшую высшаго напряженія всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ государя, и ничего нѣтъ удивительнаго, что у него проявилась крайняя усталость и

душевное утомленіе. Онъ искалъ отнынѣ не смѣлыхъ реформаторовъ, а прежде всего исправныхъ дѣлопроизводителей, бдительныхъ и строгихъ блюстителей внѣшняго порядка. Если прибавить къ этому наслѣдственные инстинкты, окрѣпшіе подъ вліяніемъ жизни и обстоятельствъ, а также вліяніе событій послѣднихъ лѣтъ, вызвавшее въ немъ мистическія идеи, то сдѣлается понятнымъ, что Александръ совершенно отдалился отъ внутреннихъ дѣлъ и передалъ ихъ въ жесткія руки *вѣрнаго друга*, графа Аракчеева, который совершенно подходилъ къ тогдашнему настроенію императора. Самъ Аракчеевъ вскорѣ признавался, что онъ имѣетъ на шеѣ всѣ дѣла государства. Дѣйствительно, онъ одинъ былъ докладчикомъ по всѣмъ дѣламъ, не исключая духовныхъ. Всѣ министры, даже государственный совѣтъ, потеряли всякое значеніе, и все дѣлалось, все докладывалось государю однимъ Аракчеевымъ.

Одной изъ главныхъ причинъ, усилившихъ вліяніе Аракчеева было учрежденіе *военныхъ поселеній*, задуманныхъ Александромъ. Первый опытъ подобныхъ учрежденій сдѣланъ былъ еще въ 1810 году, когда поселили баталіонъ елецкаго мушкатерскаго полка въ могилевской губерніи, но возгорѣвшаяся вскорѣ война пріостановила исполненіе этого предпріятія. Послѣ заключенія мира Александръ не замедлилъ вернуться къ своей излюбленной мысли и на всѣ, представляемыя ему, возраженія отвѣчалъ: «Я уже справлялся съ исправленно болѣе трудными дѣлами и желаю, чтобы мнѣ повиновались въ этомъ». Первый шагъ въ этомъ злополучномъ дѣлѣ сдѣланъ былъ 3-го (15-го) августа 1816 года, когда послѣдовалъ указъ на имя новгородскаго губернатора о расположеніи 2-го баталіона гренадерскаго графа Аракчеева полка въ новгородской губерніи на рѣкѣ Волховѣ, въ высокой волости, которая изъята изъ вѣдѣнія земской полиціи и передана баталіонному командиру. Въ этомъ указѣ не объяснена была настоящая цѣль правительства и таинственность этихъ первоначальныхъ распоряженій подала первый поводъ къ различнымъ толкамъ и предположеніямъ. Вообще при введеніи военныхъ поселеній черезъ линіи зачисляли въ возобновляемыя войска подъ именемъ *кантонистовъ* военныхъ поселянъ съ подчиненіемъ военному начальству, а тѣхъ мужского пола *кантонистами*, которые затѣмъ сдавали для пополненія поселенныхъ войскъ. Такимъ образомъ, на состояніи, между собою различныя, вправо, были въ одно время: хлѣбопашцы принесли взяться за ружье, а воины за соху.

Военныя поселенія быстро стали распространяться, и къ концу царствованія Александра они уже включали треть всей русской арміи. Въ 1825 году отдѣльный корпусъ военныхъ поселенъ образовалъ какъ бы особое военное государство подъ управленіемъ графа Аракчеева, состоялъ изъ 90 баталіоновъ новгородскаго поселенія и 36 баталіоновъ и 249 эскадроновъ [illegible] уроковъ, екатеринославскаго и херсонскаго поселеній. При этомъ замѣчательно, что все дѣло велось келейно, волею императора Александра и трудами графа Аракчеева. Это столь важное мѣропріятіе не только въ военномъ, но и въ обще-государственномъ смыслѣ, затрогивавшее самымъ существеннымъ образомъ интересы значительной части русскаго населенія, не подверглось предварительному обсужденію въ установленномъ для сего законами учрежденіи. Такимъ образомъ, весь этотъ страшный переломъ въ жизни русскаго народа осуществился какъ бы въ тайнѣ, административнымъ порядкомъ. Кромѣ того, никогда не было издано общаго положенія о военныхъ поселеніяхъ. Аракчеевъ неограниченно распоряжался всѣмъ и никому не давалъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ что противники новаго учрежденія затруднялись, какъ вести борьбу съ нимъ.

Аракчеевъ.

«Идея государя», — пишетъ одинъ изъ современниковъ, «была ошибочна не только въ политическомъ, но даже въ экономическомъ смыслѣ, такъ какъ сокращеніе расходовъ по продовольствію войска не возмѣщало ущерба, который государство должно было понести вслѣдствіе освобожденія многочисленнаго населенія, поглощеннаго этимъ учрежденіемъ, отъ податныхъ и всѣхъ прочихъ государственныхъ повинностей, и только обманными разсчетами Аракчеева можно было выводить прибыль тамъ, гдѣ въ дѣйствительности явился одинъ лишь убытокъ. Что же касается облегченія воинскихъ тягостей, то въ рукахъ Аракчеева для народа, затянутаго въ тогдашнюю ямку съ мушгрой рекрутскаго устава, такое облегченіе, при которомъ и зимой не было покоя отъ маршировки гусинымъ шагомъ, казалось невыносимой мукой, противъ которой онъ протестовалъ бунтами, усмирявшимися Аракчеевскими экзекуціями, жестокости которыхъ мы, люди того времени, всѣ были свидѣтелями и которыя впослѣдствіи стали извѣстны всему свѣту».

Хотя самъ графъ Аракчеевъ съ восторгомъ доносилъ Александру объ успѣхахъ порученнаго имъ дѣла, торжествуя, что всѣ крестьяне работали *въ военныхъ мундирахъ*, крестьянскія дѣти играли въ военныхъ курткахъ, а государь искренно благодарилъ его за удачи, превосходящія всѣ ожиданія, но народъ роптали и просилъ только одного, чтобъ его избавили отъ обрушившагося на нихъ неожиданнаго благодѣянія. Новгородскіе поселяне посылали депутатовъ въ Петербургъ жаловаться императрицѣ на графа Аракчеева, но, конечно, ихъ схватили во время. Крестьяне не унимались и подавали не разъ жалобы государю, даже добирались до Варшавы, чтобы пасть къ стопамъ цесаревича, наконецъ въ Чугуевѣ въ 1819 году произошелъ бунтъ, усмиренный самимъ Аракчеевымъ кровавыми экзекуціями. Но Александръ оставался неумолимъ, и начатое дѣло, представлявшее, по существу своему, новый видъ крѣпостного права, болѣе ужаснаго, чѣмъ существовавшее, развивалось и совершенствовалось.

По странной прихоти судьбы, въ то самое время, когда водворялись въ Россіи военныя поселенія, правительство отмѣнило личное крѣпостное право въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Кромѣ того Александръ поручилъ даже графу Аракчееву составить проектъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостного состоянія. Но къ этому благому дѣлу не была приложена и тѣмъ той энергіи, которая проявилась при учрежденіи военныхъ поселеній, и выработанное положеніе безслѣдно исчезло.

X.

Съ 1816 года въ жизни императора Александра войны смѣнились путешествіями и конгрессами.

Тезоименитство свое, проведенное въ Москвѣ, государь принятъ Александромъ и получилъ за печатаніе исторіи 60,000, чинъ статскаго совѣтника и аннинскую ленту.

1-го (13-го) іюля 1817 года совершилось бракосочетаніе великаго князя Николая Павловича съ великою княжною Александрою Ѳеодоровною, бывшей прусской принцессой Шарлоттой. Осенью весь дворъ переселился въ Москву, гдѣ 12-го (24-го) октября въ пятую годовщину освобожденія первопрестольной столицы отъ нашествія французовъ, послѣдовала торжественная закладка храма во имя Спасителя Христа на Воробьевыхъ горахъ.

Изъ Москвы императоръ Александръ въ началѣ слѣдующаго 1818 года отправился въ Варшаву для открытія перваго конституціоннаго сейма созданнаго имъ польскаго королевства; оно послѣдовало 15-го (27-го) марта и ознаменовано

Село Грузино. Видъ дома графа Аракчеева.

ознаменовалъ возвращеніемъ на службу Сперанскаго; онъ былъ назначенъ пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а другая жертва обстоятельствъ 1812 года, Магницкій — воронежскимъ вице-губернаторомъ. Прощенію Сперанскаго способствовалъ всесильный графъ Аракчеевъ: бывшій государственный секретарь обратился къ его заступничеству, и цѣль была достигнута. Императоръ Александръ *предоставлялъ ему способъ усердною службою очистить себя въ полной мѣрѣ.* Но Аракчеевъ принялъ мѣры, чтобы не допустить бывшаго любимца въ Петербургъ.

Всемогущество Аракчеева выказалось въ томъ же году и при другомъ случаѣ. Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ восемью томами «Исторіи Государства Россійскаго». Тщетно исторіографъ ожидалъ счастія быть принятымъ государемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшенія участи своего безсмертнаго труда. Принужденъ наконецъ Карамзинъ шествовать по неизбѣжному для всѣхъ дѣятелей того времени тернистому пути: явиться къ графу Аракчееву. Благодѣтельныя послѣдствія вынужденнаго посѣщенія не заставили себя ждать. Карамзинъ былъ

было рѣчью государя, которая произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ современниковъ этого достопамятнаго событія и вызвала разнообразные толки.

Въ этой знаменитой исторической рѣчи Александръ между прочимъ говорилъ полякамъ: «Организація, существовавшая въ вашемъ краѣ, дозволила мнѣ ввести немедленно ту, которую я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ постоянно предметомъ моихъ помышленій. — Послѣдствія вашихъ трудовъ въ семъ первомъ собраніи покажутъ мнѣ, что отечество вскорѣ впредь окажетъ отъ вашей дѣятельности къ нему и преданности ко мнѣ, могу ли, не измѣняя моимъ намѣреніямъ, распространить то, что уже мною для васъ совершено».

Съ удивленіемъ услышала Европа такія просвѣтительныя заявленія изъ устъ русскаго самодержца, которыя шли совершенно въ разрѣзъ съ тѣми началами, которыя старался привить къ европейской жизни Меттернихъ. Закрылся сеймъ спустя мѣсяцъ и благодаря его за свободное и достойное пользованіе дарованной свободой, Александръ повторилъ объ

ваніе исполнить свои намѣренія, которыми онъ дорожилъ».

Обязательствамъ Александра относительно Польши не было суждено осуществиться. Императоръ хотѣлъ возстановить польское королевство въ его прежнихъ границахъ, конечно только съ восточной стороны. Однако предположеніе о возстановленіи древняго польскаго королевства присоединеніемъ къ нему областей, вошедшихъ уже въ составъ Россіи, было только отложено въ виду несочувствія, высказаннаго къ нему въ Россіи людьми самыхъ противоположныхъ политическихъ убѣжденій. Записка Карамзина, озаглавленная «Мнѣніемъ русскаго гражданина», нисколько не поколебала однако убѣжденія императора Александра по этому вопросу: онъ только отложилъ свои намѣренія и, при послѣднемъ посѣщеніи имъ Варшавы въ 1825 году, прямо указывалъ въ разговорахъ съ лицами какъ военнаго, такъ и гражданскаго вѣдомства, что онъ намѣренъ присоединить къ Польшѣ западныя губерніи Имперіи.

Такъ разсуждалъ императоръ Александръ еще въ 1819 году. Но въ слѣдующемъ 1820 году въ его воззрѣніяхъ совершился окончательный переломъ: идеи Меттерниха возтаржествовали, и Александръ отвернулся и прервалъ даже переписку съ другомъ и учителемъ своей юности Лагарпомъ. Такую же участь испыталъ другой страстный почитатель Александра, идеалистъ Парротъ, съ которымъ онъ прервалъ всякія сношенія уже съ 1814 года.

Изъ Варшавы императоръ Александръ предпринялъ обширное путешествіе по южнымъ областямъ Россіи. Въ Бессарабіи онъ получилъ извѣстіе о рожденіи въ Москвѣ 17-го (29-го) апрѣля 1818 года великаго князя Александра Николаевича. Это былъ будущій Царь-Освободитель.

Осенью государь отправился на конгрессъ, собравшійся въ *Лаксенбургъ*. Здѣсь заключена была конвенція о выводѣ изъ Франціи союзныхъ войскъ и отдѣ французскому правительству всѣхъ крѣпостей, занятыхъ союзниками. Такимъ образомъ, Франція выходила изъ подъ опеки, въ которой содержали ее европейскія державы съ 1815 года. Предъ закрытіемъ конгресса, Австрія, Пруссія, Россія, Англія и Франція постановили въ протоколѣ и въ особой деклараціи намѣренія и правила своей будущей политики: правила были согласованы съ духомъ священнаго союза, придавая ему, однако, болѣе опредѣленную цѣль, а именно: поддерживать существующій порядокъ и спасать народы отъ ихъ собственныхъ увлеченій. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, по мѣрѣ надобности, устанавливать съѣзды государей, либо ихъ министровъ и уполномоченныхъ для разсужденія о мѣрахъ, могущихъ содѣйствовать къ поддержанію и утвержденію системы, которая, дружа Европѣ миръ, одна лишь можетъ обезпечить его продолженіе.

Новая политическая система, установившаяся въ Европѣ, принесла не миръ и къ успокоенію не къ обратному результату. Съ 1819 года рядъ событій омрачилъ политическій горизонтъ Европы: убійство Коцебу студентомъ Зандомъ, волненія въ Испаніи, въ Неаполѣ и въ Сѣверной Италіи, убійство герцога Беррійскаго придали новую силу реакціоннымъ стремленіямъ приближаемымъ Меттернихомъ. За Карлсбадскими конференціями послѣдовали Вѣнская конференція, и, наконецъ, принято было единодушнымъ созвать новый конгрессъ, мѣстомъ засѣданія котораго избранъ *Троппау*.

Отправляясь на конгрессъ, Александръ остановился въ Варшавѣ, гдѣ открылъ 1-го (13-го) сентября 1820 года второй сеймъ Рѣчи, произнесенныя тогда императоромъ Александромъ, имѣли существенныя характеръ, и рѣзко отличались отъ прежней рѣчи 1818 года: въ ней упоминалось о [illegible] встрѣчается необходимости прибѣгнуть къ насильственнымъ средствамъ, чтобы истребить сѣмена разстройства, коль скоро они окажутся. «Духъ зла», — сказалъ Александръ, — «покушается водворить снова свое бѣдственное владычество: онъ уже паритъ надъ частію Европы, уже накопляетъ злодѣянія и пагубныя событія». Затѣмъ императоръ Александръ закрылъ сеймъ другою не менѣе строгою рѣчью, которая разнеслась по Европѣ и огласила размолвку государя съ Польшею, къ немалому удовольствію недоброжелателей Россіи.

Такимъ образомъ императоръ Александръ прибылъ въ Троппау, уже сильно разочарованный въ своихъ либеральныхъ стремленіяхъ: почва была вполнѣ подготовлена для полнаго торжества политическихъ цѣлей, настойчиво преслѣдуемыхъ Меттернихомъ, — а именно, придать священному союзу направленіе, выгодное единственно австрійскимъ интересамъ, какъ ихъ понималъ тогда канцлеръ императора Франца. Въ Троппау явились также австрійскій императоръ и король прусскій; остальныя державы прислали своихъ представителей. Изъ русскихъ дипломатовъ, государя сопровождали графы Нессельроде и Каподистріа.

Графъ Каподистріа.

Меттернихъ не замедлилъ убѣдиться, что императоръ Александръ сталъ гораздо разсудительнѣе, чѣмъ былъ въ 1813 г. Государь ему сказалъ: «Вы не понимаете, почему я теперь не тотъ, что прежде: я вамъ это объясню. Между 1813 годомъ и 1820 протекло семь лѣтъ, и эти семь лѣтъ кажутся мнѣ вѣкомъ. Въ 1820 году я ни за что не сдѣлаю того, что совершилъ въ 1813. Не вы измѣнились, а я. Вамъ раскаяться не въ чемъ; не могу сказать того же про себя».

Вскорѣ одно происшествіе, случившееся въ Петербургѣ, во время отсутствія государя, оказало огромное содѣйствіе Меттерниху въ его ретроградныхъ политическихъ комбинаціяхъ. Въ ночь съ 16-го на 17-е октября начались безпорядки въ л.-гв. семеновскомъ полку, окончившіеся тѣмъ, что черезъ день весь полкъ очутился въ Петропавловской крѣпости. Въ донесеніи командовавшаго гвардейскимъ корпусомъ, генералъ-адъютанта Васильчикова, было сказано, что единственною причиною происшествія въ семеновскомъ полку—командиръ его, полковникъ Шварцъ: нижніе чины были выведены изъ терпѣнія неблагоразумнымъ и неосторожнымъ поведеніемъ его съ ними. Шварцъ былъ ставленникъ графа Аракчеева.

2-го ноября 1820 года императоръ Александръ подписалъ въ Троппау приказъ по Россійской арміи, которымъ повелѣно было «всѣхъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка распредѣлить по разнымъ полкамъ арміи, дабы они, рискаясь въ своемъ преступленіи, потщились продолженіемъ усердной службы загладить оное. Виновнѣйшіе же и подавшіе пагубный примѣръ прочимъ, преданные уже военному суду, получатъ должное наказаніе по всей строгости законовъ». Офицеры были переведены въ армію.

Императоръ Александръ полагалъ, что радикалы подготовили семеновское происшествіе, съ цѣлью застращать его и принудить вернуться въ Петербургъ. Между тѣмъ дѣла на конгрессѣ затягивались; продолжали, какъ писалъ тогда императоръ Александръ, «изыскивать цѣлебное средство противъ господства зла, распространяющагося съ быстротою и пользующагося всѣми тайными средствами, къ которымъ прибѣгаетъ сатанинскій духъ, имъ управляющій». Эти изысканія привели къ тому, что уполномоченные Россіи, Австріи и Пруссіи подписали протоколъ, въ которомъ союзныя державы взаимно обязывались не допускать въ другихъ государствахъ перемѣнъ совершенныхъ незаконнымъ путемъ. Такимъ образомъ, въ Троппау священный союзъ выступилъ изъ сферы туманнаго мистицизма на практическую почву и получилъ ту окраску, которую сумѣлъ придать ему Меттернихъ. Въ виду же волненій

продолжавшихся въ Италіи, рѣшено было перенести конгрессъ въ *Лайбахъ*.

Здѣсь получено было извѣстіе о революціи, вспыхнувшей въ Пьемонтѣ. Тогда Александръ предоставилъ свои войска въ распоряженіе императора Франца и повелѣлъ сто-тысячной русской арміи явиться на помощь союзнику въ Италіи. Главнокомандующимъ этой арміи предполагалось назначить генерала Ермолова, который былъ вызванъ въ Лайбахъ. Но къ счастію австрійцы управились одни и обошлись безъ русской помощи.

Не успѣлъ Меттернихъ окончательно побороть политическія затрудненія, вызванныя итальянскимъ революціоннымъ движеніемъ, какъ въ Лайбахъ пришло извѣстіе о греческомъ возстаніи и повсемѣстномъ избіеніи христіанъ. Хотя событія на Балканскомъ полуостровѣ не имѣли ничего общаго съ броженіемъ умовъ въ Западной Европѣ, Меттерниху все-таки удалось убѣдить императора Александра, что греческое возстаніе есть явленіе, тождественное съ революціонными движеніями, и произведено по общему революціонному плану, чтобы повредить союзу и его охранительнымъ стремленіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ австрійскому канцлеру представился прекрасный случай окончательно поколебать довѣріе государя къ Каподистріи.

24-го мая (5-го іюня) 1821 года императоръ Александръ возвратился въ Царское Село послѣ отсутствія изъ Россіи, продолжавшагося почти годъ.

Обстоятельства, среди которыхъ состоялось, наконецъ, давно ожидавшееся возвращеніе государя въ отечество, были далеко не радостныя. Съ одной стороны греческій вопросъ грозилъ втянуть Россію въ войну съ Турціею, которая между тѣмъ шла бы въ разрѣзъ съ политикой, усвоенной Александромъ на недавнихъ конгрессахъ, и съ принятыми имъ на себя тамъ обязательствами. Съ другой стороны государю предстояло узнать подробности политическаго броженія, начинавшаго распространяться въ Россіи. Первыя свѣдѣнія объ этомъ внутреннемъ броженіи доложены были генералъ-адъютантомъ Васильчиковымъ, который также представилъ списокъ лицъ, причастныхъ этому движенію.

Княгиня Ловичъ.

Но восточнымъ усложненіямъ, вызваннымъ греческимъ возстаніемъ, также ничего не было сдѣлано. Императоръ Александръ не согласился приступить къ принудительнымъ мѣрамъ противъ Оттоманской Порты, но уволилъ графа Каподистріа и, принявъ посредничество Австріи и Англіи въ восточныхъ дѣлахъ, рѣшился отправиться на новый конгрессъ, состоявшійся въ 1822 году въ *Веронѣ*. Но дипломатическія старанія союзниковъ не привели къ умиротворенію Востока и только оттянули кровавый поединокъ между Россіею и Портою.

Съ 1823 года послѣдовали большія перемѣны въ личномъ составѣ высшей администраціи: генералъ-адъютантъ *баронъ Дибичъ* замѣнилъ *князя Волконскаго*, въ должности начальника главнаго штаба, а генералъ *Канкринъ* назначенъ былъ министромъ финансовъ вмѣсто *графа Гурьева*. Образованное въ 1817 году министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, ввѣренное князю Александру Николаевичу Голицыну, прекратило въ 1824 году свое существованіе. Оно не пользовалось особеннымъ сочувствіемъ современниковъ, и Карамзинъ, не сочувствовавшій, какъ онъ выражался, «мистической вздорологіи», называлъ его даже *министерствомъ затмѣнія*. Начались просвѣтительные подвиги *Магницкаго*. Бывшій вольнодумецъ, другъ Сперанскаго, нашелъ для себя выгоднымъ преобразиться, сталъ ханжей и до того овладѣлъ слабохарактернымъ княземъ Голицынымъ, вліяніемъ по уши въ мистицизмѣ, что распоряжался въ министерствѣ по диктаторски. Онъ собственно занималъ мѣсто попечителя казанскаго учебнаго округа, но, числясь членомъ главнаго правленія училищъ, почти постоянно жилъ въ Петербургѣ и руководилъ всѣмъ, что дѣлалось въ министерствѣ, желая основать народное воспитаніе на благочестіи согласно съ актомъ священнаго союза. По стопамъ Магницкаго шелъ исправлявшій должность попечителя петербургскаго округа *Дмитрій Павловичъ Руничъ*. Онъ разгромилъ петербургскій университетъ, удаливъ четырехъ лучшихъ профессоровъ: *Галича*, *Германа*, *Раупаха* и *Арсеньева*.

Но, вдругъ, нашелся человѣкъ, который призналъ дѣятелей министерства затмѣнія недостаточно отсталыми и фанатичными. Это былъ архимандритъ *Фотій*. Магницкій немедленно перешелъ на его сторону. Въ союзѣ съ митрополитомъ Серафимомъ и графомъ Аракчеевымъ они добились увольненія князя Голицына, назначеннаго главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ. Изъ департамента духовныхъ дѣлъ были изъяты дѣла православнаго исповѣданія и возвращены въ Синодъ, а президенство Россійскаго Библейскаго Общества ввѣрено митрополиту Серафиму. Адмиралъ *Шишковъ* назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Реакціонное направленіе еще болѣе усилилось въ дѣлѣ просвѣщенія, а цензура стала еще строже.

Нѣсколько ранѣе, подъ вліяніемъ того же Фотія, повелѣно было закрыть всѣ масонскія ложи, которыя онъ громилъ, какъ вертепы нечестія, вредные для церкви и государства.

Что же касается Сперанскаго, то онъ побывалъ пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, назначенъ былъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ и возвратился наконецъ въ Петербургъ въ 1821 году, послѣ девятилѣтняго отсутствія. Императоръ Александръ назначилъ его тогда членомъ Государственнаго Совѣта, по департаменту законовъ.

XI.

Послѣ событій 1815 года юношескія намѣренія государя отказаться отъ престола и сдѣлаться частнымъ человѣкомъ снова овладѣли его помыслами. Непосредственнымъ послѣдствіемъ подобныхъ вновь воскресшихъ стремленій явилась откровенная бесѣда императора Александра съ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ, касавшаяся престолонаслѣдія.

Бесѣда эта произошла лѣтомъ 1819 года въ Красномъ Селѣ. Государь объявилъ своему брату, что онъ смотритъ на него, какъ на своего наслѣдника, и что это должно случиться еще при его жизни. Затѣмъ Александръ пояснилъ великому князю, что Цесаревичъ Константинъ Павловичъ намѣренъ отказаться отъ своихъ правъ на престолъ съ тѣмъ, чтобы передать ихъ младшему брату.

Въ 1820 году послѣдовало расторженіе брака цесаревича Константина Павловича съ великою княгинею Анною Ѳеодоровною. Въ томъ же году цесаревичъ обвѣнчался въ Варшавѣ съ графинею *Іоанною Грудзинскою*, которой пожалованъ былъ титулъ *княгини Ловичъ*. Черезъ два года цесаревичъ Константинъ Павловичъ, во время пребыванія въ Петербургѣ, положилъ офиціальную основу своему намѣренію отказаться отъ престола, обратившись по этому поводу 14-го (26-го) января 1822 года письменно къ императору Александру. 2-го (14-го) февраля государь отвѣчалъ цесаревичу: «Намъ обоимъ остается, уваживъ причины, вами изложенныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы Онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній».

На этомъ пока дѣло остановилось. Только въ 1823 году Александръ пожелалъ облечь силою закона семейное распоряженіе, условленное имъ съ цесаревичемъ. Составленіе манифеста о назначеніи наслѣдникомъ престола великаго князя

Николая Павловича было поручено московскому архіепископу Филарету, находившемуся въ то время въ Петербургѣ. Во время пребыванія императора Александра въ Москвѣ въ 1823 году, государь прислалъ Филарету манифестъ, подписанный въ Царскомъ Селѣ 16-го августа, въ запечатанномъ конвертѣ съ собственноручною его величества надписью: «Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго дѣйствія». 29-го августа Филаретъ исполнилъ порученіе государя. Нѣсколько позже списки съ секретнаго манифеста были посланы въ Государственный Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ. На конвертѣ, который находился въ государственномъ совѣтѣ, государь собственноручно написалъ: «Хранить въ государственномъ совѣтѣ до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины, раскрыть прежде всякаго другого дѣйствія, въ чрезвычайномъ собраніи». Въ такомъ же родѣ составлены были надписи на пакетахъ, предназначенныхъ для Синода и Сената. Въ городѣ заговорили о загадочныхъ конвертахъ; но черезъ нѣсколько времени о нихъ позабыли. Тайна была сохранена во всей полнотѣ, и о существованіи акта относительно престолонаслѣдія въ Россіи знали только три лица: архіепископъ *Филаретъ*, графъ *Аракчеевъ* и князь *А. Н. Голицынъ*.

Князь А. Н. Голицынъ.

Что же касается великаго князя Николая Павловича, то онъ наравнѣ съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ ничего не услышалъ о послѣднихъ распоряженіяхъ императора Александра; государь почему-то призналъ совершенно излишнимъ посвятить двухъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ въ тайну подписаннаго имъ важнаго манифеста.

Столь тщательно обставленная тайна была, однако, повѣрена Александромъ еще одному лицу: это былъ принцъ прусскій Вильгельмъ, братъ великой княгини Александры Ѳеодоровны.

Великій князь Николай Павловичъ, и послѣ составленія секретнаго манифеста, попрежнему оставался въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ, занимаясь только ввѣреннымъ ему инженернымъ корпусомъ (по званію генералъ-инспектора по инженерной части) и командуя гвардейскою пѣхотною бригадою. Только въ началѣ 1825 года Николай Павловичъ удостоился нѣкотораго служебнаго повышенія, будучи назначенъ начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

Исходъ 1824 года ознаменовался рядомъ происшествій, послужившихъ какъ бы предвѣстникомъ потрясающихъ событій слѣдующаго вѣчно памятнаго 1825 года.

7-го (19-го) ноября 1824 года произошло въ Петербургѣ страшное наводненіе, напоминавшее собою, но въ болѣе ужасающей степени, наводненіе, случившееся при Екатеринѣ II, въ годъ рожденія императора Александра, въ 1777 году. Душевныя тревоги государя усилились еще печальнымъ состояніемъ здоровья императрицы Елисаветы Алексѣевны. Сверхъ сего, Александръ получалъ свѣдѣнія относительно все большаго

Наводненіе въ Петербургѣ 7-го ноября 1824 года.

распространенія среди арміи тайныхъ обществъ; подъ вліяніемъ такой не радостной обстановки государь сдѣлался еще мрачнѣе обыкновеннаго и обнаруживалъ еще большую склонность къ уединенію.

Весною 1825 года императоръ Александръ посѣтилъ въ послѣдній разъ Варшаву для открытія 1-го (13-го) мая третьяго польскаго сейма. Къ этому времени изданъ былъ дополнительный актъ къ конституціонной хартіи королевства польскаго, постановлявшій, что публичныя засѣданія сейма будутъ происходить только при закрытіи и открытіи сейма, или же въ особыхъ торжественныхъ случаяхъ; обыкновенныя же засѣданія будутъ имѣть мѣсто при закрытыхъ дверяхъ.

По возвращеніи въ Петербургъ состояніе здоровья императрицы Елисаветы заставило признать необходимость пребыванія ея въ южномъ климатѣ. Для этой цѣли избранъ былъ Таганрогъ; государь объявилъ, что онъ отправится туда же и возвратится въ столицу къ новому 1826 году.

1-го (13-го) сентября императоръ Александръ разстался съ Петербургомъ и направился въ Таганрогъ, а 3-го (15-го) сентября за нимъ послѣдовала императрица Елисавета Алексѣевна.

Передъ отъѣздомъ, Александръ, бесѣдуя не разъ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, не коснулся ни единымъ словомъ вопроса о престолонаслѣдіи и предположеній, высказанныхъ имъ брату въ Красномъ Селѣ въ 1819 году. Точно также государь оставилъ великаго князя въ полномъ невѣдѣніи относительно сдѣланныхъ въ послѣднее время раскрытій по тайнымъ обществамъ. А между тѣмъ государь нѣсколькими недѣлями ранѣе принималъ и выслушалъ донесеніе по этимъ дѣламъ отъ унтеръ-офицера 3-го украинскаго уланскаго полка *Шервуда*. И въ эту тайну посвященъ былъ также одинъ графъ Аракчеевъ.

Кончина Императора Александра I. По соврем. рисунку.

Роковой случай вскорѣ сильно затормозилъ работу административной машины. 10-го (22-го) сентября дворовые люди убили въ Грузинѣ домоправительницу Аракчеева, Настасью Минкину. Это происшествіе настолько огорчило графа, что онъ самовольно передалъ въ такое тревожное время командованіе поселенными войсками — генералу *Эйлеру*, а вверенныя ему гражданскія дѣла — статсъ-секретарю *Муравьеву*. Въ предписаніяхъ этимъ двумъ лицамъ Аракчеевъ оправдывалъ такое распоряженіе тѣмъ, что, по случившемуся съ нимъ несчастію и тяжкому разстройству здоровья, онъ *никакого соображенія* не можетъ дѣлать по дѣламъ, ему ввѣреннымъ.

Императоръ Александръ воспользовался пребываніемъ въ Таганрогѣ, чтобы совершить путешествіе въ Новочеркаскъ, а затѣмъ въ Крымъ. Здѣсь государь, во время поѣздки въ Георгіевскій монастырь, простудился и 5-го (17-го) ноября возвратился въ Таганрогъ совершенно больной. Съ каждымъ днемъ положеніе императора Александра ухудшалось и вскорѣ сдѣлалось безнадежнымъ. 19-го ноября (1-го декабря) въ 10 часовъ 50 минутъ монархъ отошелъ въ вѣчность.

Въ этотъ день совершилось великое для Россіи несчастіе: лучшаго изъ государей Европы не стало. Когда онъ скрылся съ политическаго поприща, одно только прекрасное имя его жизни выступило на первый планъ; все прочее было предано забвенію. Дѣйствительно, было о чемъ горевать, въ особенности, въ виду неизвѣстнаго будущаго, ожидаемаго Россіею.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

I.

Независимо отъ горя, обрушившагося на Россію въ день 19-го ноября 1825 г., для лицъ, окружавшихъ смертный одръ Александра I, наступилъ еще особенный, ими одними пережитый, истинно трагическій моментъ. Вдали отъ столицы и всѣхъ членовъ царской семьи, въ уединенномъ городѣ русскаго царства, удаленномъ на 2000 верстъ отъ центра государственнаго управленія, предъ ними возсталъ грозный вопросъ: кто же будетъ теперь императоромъ, кому слѣдуетъ принести присягу, и отъ кого ожидать впредь приказаній? И эти вопросы, къ тому же, приходилось задавать себѣ среди повсемѣстнаго броженія! Александръ не открылъ никому своего царственнаго завѣта и даже въ виду извѣстной ему неминуемой кончины не счелъ нужнымъ затронуть ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ этотъ жизнетрепещущій для благополучія Россіи вопросъ. Напротивъ того, въ послѣдніе дни своей жизни императоръ Александръ какъ бы сознательно отстранилъ себя отъ всѣхъ земныхъ дѣлъ и умиралъ, какъ частный человѣкъ, покончившій свои расчеты съ міромъ. Довольствуясь сдѣланнымъ ранѣе втайнѣ распоряженіемъ, онъ не указалъ на избраннаго преемника и мысленно какъ бы остановился на словахъ, сказанныхъ нѣкогда царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ: «Всѣмъ міромъ управляетъ Господь, да будетъ Его святая воля».

По роковому стеченію обстоятельствъ, никто изъ лицъ, знавшихъ о существованіи акта, назначавшаго великаго князя Николая Павловича наслѣдникомъ престола, не находился въ Таганрогѣ. Изъ находившихся же при императорѣ трехъ довѣренныхъ лицъ, генералъ-адъютантовъ князя Волконскаго, барона Дибича и Чернышева, ни одинъ не зналъ, что права старшаго брата въ наслѣдованіи престола перенесены на Николая Павловича. Императрица Елисавета Алексѣевна также ничего не знала о совершившемся отреченіи цесаревича и совѣтовала обратиться къ Константину Павловичу.

При такомъ положеніи дѣлъ генералъ-адъютанту Дибичу оставалось только донести о печальномъ событіи въ Варшаву цесаревичу Константину Павловичу, какъ лицу, которое, по закону о престолонаслѣдіи, становилось императоромъ. Всероссійскимъ.

Тогда же Дибичъ написалъ письмо императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ которомъ въ заключеніи сказано: «Съ покорностію ожидаю повелѣній отъ новаго нашего законнаго государя императора Константина Павловича».

Послѣдствія, которыми сопровождались въ Варшавѣ и въ Петербургѣ донесенія Дибича о событіяхъ въ Таганрогѣ, были діаметрально противоположны между собою

Въ Варшавѣ извѣстіе о кончинѣ императора Александра получено было вечеромъ 25-го ноября (7-го декабря). Константинъ Павловичъ, не колеблясь ни одной минуты, остался вѣренъ своимъ прежнимъ рѣшеніямъ и принятымъ на себя обязательствамъ: въ письмахъ на имя императрицы Маріи Ѳеодоровны и великаго князя Николая Павловича, цесаревичъ немедленно подтвердилъ свое отреченіе, на основаніи одного только письма своего 1822 года, утвержденнаго императоромъ Александромъ. Что же касается до существованія государственнаго акта отъ 16-го августа 1823 года, равно какъ и о пакетахъ, разосланныхъ по разнымъ мѣстамъ, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Бумаги, въ которыхъ цесаревичъ изложилъ свою непремѣнную волю, отправлены были въ Петербургъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, находившимся въ то время въ Варшавѣ.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ событія сложились совершенно иначе, чѣмъ цесаревичъ имѣлъ полное основаніе предполагать. Извѣстіе о кончинѣ императора Александра получено было въ Петербургѣ 27-го ноября (9-го декабря), во время молебствія за здравіе государя въ Зимнемъ дворцѣ. Великій князь Николай Павловичъ тотчасъ присягнулъ императору Константину и подписалъ присяжный листъ, а затѣмъ повелѣлъ привести къ присягѣ всѣ полки и команды.

Хотя, пока все это происходило, и приступлено было въ чрезвычайномъ засѣданіи государственнаго совѣта къ вскрытію пакета, содержащаго послѣднюю волю императора Александра, но члены совѣта должны были, послѣ долгихъ преній, всетаки признать значеніе совершившагося, помимо ихъ воли, факта. Поэтому они также присягнули императору Константину. То же самое сдѣлалъ Сенатъ, который сверхъ сего разослалъ по Россіи указъ о приведеніи всѣхъ званій къ присягѣ на вѣрность подданства императору Константину.

Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ: Константинъ Павловичъ повсемѣстно провозглашенъ былъ императоромъ, безъ всякихъ замѣшательствъ. Но кто же могъ поручиться въ томъ, что цесаревичъ приметъ престолъ и откажется отъ рѣшенія, принятаго въ 1822 году? Возможность второй присяги становилась вѣроятною, а съ нею открывалась дверь всякимъ недоразумѣніямъ. Если бы въ Петербургѣ послѣдовали примѣру лицъ, окружавшихъ въ Таганрогѣ смертный одръ Александра, и жали также повелѣній отъ новаго государя, не предрѣшая, могущихъ послѣдовать съ его стороны, распоряженій самопроизвольною присягою, и ограничиваясь однимъ представленіемъ цесаревичу вскрытаго въ государственномъ совѣтѣ пакета съ послѣднею волею императора Александра, то, можетъ-быть, многія неизбѣжныя затрудненія были бы отстранены. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что присяга не можетъ быть сдѣлана иначе, какъ по манифесту за императорскимъ подписаніемъ, а это обстоятельство было, повидимому, совершенно упущено изъ виду въ Петербургѣ, въ день 27-го ноября.

Въ то время, когда по всей Россіи совершалась присяга императору, который твердо рѣшился не принимать престола, цесаревичъ, исполнилъ какъ слѣдовало свой долгъ, спокойно ожидалъ повелѣній преемника императора Александра. Легко себѣ представить удивленіе, гнѣвъ и огорченіе Константина Николаевича, когда онъ получилъ донесеніе, что вся Россія присягнула ему какъ законному государю, и что воля почившаго императора не исполнена и оставлена безъ вниманія!

Цесаревичъ немедленно отвѣтилъ великому князю Николаю Николаевичу, что принятое имъ рѣшеніе непоколебимо, и что онъ не только не пріѣдетъ въ Петербургъ, но удалится еще далѣе, если все не устроится согласно волѣ покойнаго императора. Въ этомъ смыслѣ цесаревичъ писалъ и императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Кромѣ того, цесаревичъ послалъ еще въ Петербургъ предсѣдателю государственнаго совѣта, князю Лопухину, тайно по почтѣ письменнаго выговора за принесенную незаконную присягу, противную волѣ покойнаго государя.

Между тѣмъ положеніе великаго князя Николая Павловича стало крайне затруднительнымъ. Наступило тяжелое время междуцарствія. Былъ государь названный, но не было дѣйствительнаго, и никто не зналъ, кто имъ будетъ. Послѣдовавшій 3-го (15-го) декабря пріѣздъ великаго князя Михаила Павловича въ Петербургъ не могъ поправить дѣла и, вывести Николая Павловича изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ поставилъ себя присягою 27-го ноября. Одно личное появленіе цесаревича въ Петербургѣ могло бы дать всему благопріятный оборотъ, но на это было мало надежды, или, лучше сказать, на это даже вовсе нельзя было разсчитывать. Тѣмъ не менѣе рѣшено было снова просить у цесаревича, по крайней мѣрѣ, новаго письменнаго акта, который опредѣлилъ бы окончательно спорный вопросъ, кому царствовать. Что же касается великаго князя Михаила Павловича, то уклоненіе его отъ присяги всѣми признанному императору усиливало всеобщее недоумѣніе и возбуждало нескончаемые толки. Поэтому признано было полезнымъ отправить его вновь въ Варшаву, и вмѣстѣ съ тѣмъ императрица Марія Ѳеодоровна дала ему письменное разрѣшеніе распечатывать у встрѣчныхъ курьеровъ всѣ письма, пакеты и прочее, адресованные на ея имя отъ «государя императора Константина Павловича».

Благодаря этому разрѣшенію, великій князь Михаилъ Павловичъ ознакомился на станціи Нешналѣ съ письмомъ цесаревича къ императрицѣ-матери, отправленнымъ Константиномъ Павловичемъ изъ Варшавы. Тогда Михаилъ Павловичъ рѣшился остановиться въ Нешналѣ и ожидать здѣсь дальнѣйшихъ повелѣній изъ Петербурга, «ибо, бывъ только въ 260 верстахъ, если я нуженъ въ Петербургѣ, я сейчасъ могу вернуться, если нѣтъ, то я могу продолжать дорогу въ Варшаву». Такъ писалъ Михаилъ Павловичъ великому князю Николаю Павловичу.

Ко всѣмъ затрудненіямъ не замедлило присоединиться новое осложненіе. 12-го (24-го) декабря явился къ Николаю Павловичу полковникъ баронъ Фредерикъ изъ Таганрога съ *самонужнѣйшимъ докладомъ* отъ генералъ-адъютанта Дибича на имя государя, но съ приказаніемъ, если его величества не будетъ въ Петербургѣ, вручить пакетъ великому князю Николаю Павловичу.

Прочитавъ докладъ, великій князь впервые узналъ о существованіи тайныхъ обществъ, намѣревавшихъ подорвать въ корнѣ спокойствіе имперіи, существованіе которыхъ тщательно скрыто было отъ него императоромъ Александромъ. Въ тотъ же день Николай Павловичъ получилъ отвѣтное письмо изъ Варшавы, которое окончательно рѣшило его участь; но въ новомъ актѣ, въ дополненіе къ отреченію 1822 года, цесаревичъ рѣшительно отказалъ. Пришлось составлять манифестъ о воцареніи на основаніи прежнихъ документовъ; работа эта была поручена Сперанскому. Манифестъ былъ подписанъ Николаемъ Павловичемъ 13-го (25-го) декабря, но помѣченъ 12-мъ числомъ, какъ тѣмъ днемъ, въ который вопросъ о вступленіи его на престолъ окончательно рѣшился отвѣтомъ цесаревича. Приведеніе къ присягѣ рѣшено было произвести 14-го декабря. Великому князю Михаилу Павловичу послано было еще 12-го декабря повелѣніе немедленно возвратиться въ Петербургъ. Относительно тайныхъ обществъ не было принято никакихъ предупредительныхъ мѣръ. Николай Павловичъ не желалъ, чтобы присягѣ предшествовали аресты. Для подобныхъ мѣропріятій правительство свободно располагало двумя днями, 12-мъ, и 13-мъ декабремъ, но въ этомъ смыслѣ ничего не было сдѣлано.

Члены тайнаго общества не оставались, однако, въ бездѣйствіи; они рѣшились воспользоваться концомъ междуцарствія и предстоявшею новой присягой, чтобы вызвать въ войскахъ смуту. Таинственность, въ которую были облечены переговоры съ Варшавою, подала поводъ къ разнымъ толкамъ и предположеніямъ, къ распространенію ложныхъ слуховъ, возбуждавшихъ тревогу и въ обществѣ, и, въ особенности, въ казармахъ; все это благопріятствовало начинаніямъ и замысламъ заговорщиковъ.

Наступило 14-е (25-е) декабря 1825 года.

Введенные въ обманъ нижніе чины нѣкоторыхъ частей гвардейскаго корпуса отказались отъ присяги императору Николаю Павловичу и собрались у памятника Петра Великаго, перед зданіемъ Сената, являясь какъ бы защитниками законныхъ правъ на престолъ цесаревича Константина Павловича.

Мятежники упорствовали долго и не уступали увѣщаніямъ:

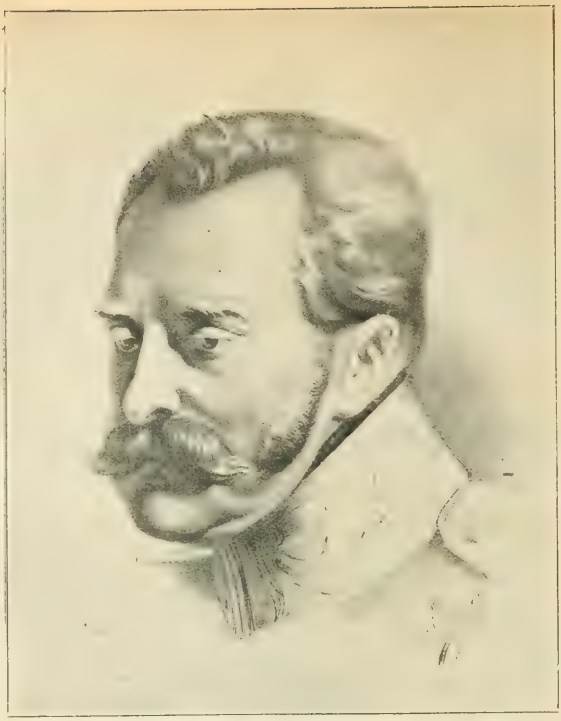
Императоръ Николай I.

петербургскій генералъ-губернаторъ *графъ Милорадовичъ* былъ смертельно раненъ. Начинало уже смеркаться. Тогда императоръ Николай, убѣдившись наконецъ въ невозможности смирить непокорныхъ безъ кровопролитія, повелѣлъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, дѣйствовать артиллеріи. Нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ рѣшили участь дня, мятежники разсѣялись, и спокойствіе разомъ водворилось въ столицѣ.

Возвышенное во дворцѣ утромъ молебствіе могло начаться только въ половинѣ седьмого. Войска бивуакировали вокругъ дворца. «Дорогой, дорогой Константинъ», писалъ въ тотъ вечеръ государь цесаревичу: «ваша воля исполнена: я императоръ, но какою цѣною. Боже мой! цѣною крови моихъ подданныхъ». Въ ту же ночь начались аресты и допросы предводителей мятежа.

Происшествіе 14-го декабря произвело на императора Николая Павловича тяжкое впечатлѣніе, отразившееся на характерѣ правленія всего послѣдовавшаго затѣмъ тридцатилѣтія. Никто не въ состояніи понять ту жгучую боль, которую я испытываю и буду испытывать всю жизнь при воспоминаніи объ этомъ днѣ», признавался императоръ Николай Павловичъ французскому послу графу Ла-Ферроно, вскорѣ послѣ своего воцаренія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Николай Павловичъ сталъ руководствоваться убѣжденіемъ, что волей Божіей онъ призванъ быть вождемъ монархическаго движенія противъ надвигавшейся революціи; это идеальное стремленіе сдѣлалось господствующимъ мотивомъ всѣхъ его помысловъ. Дѣйствительно отъ этихъ впечатлѣній императоръ не могъ освободиться до своего смертнаго одра. По свидѣтельству другого дипломата, событія привели государя къ рѣшенію править своимъ народомъ желѣзной рукой, не употребляя бархатныхъ перчатокъ.

Одаренный сильною волею, онъ твердою рукою повелъ Россію къ предначертанной имъ цѣли, стремясь неуклонно по пути; имъ самимъ избранному, а такъ какъ характеръ государя былъ вполнѣ національнымъ, то Россія не только безропотно, но



Великій князь Михаилъ Павловичъ.

14-е декабря 1825-го года. Императоръ Николай I ввѣряетъ войскамъ малолѣтняго наслѣдника престола.
(Подношеніе на коронацію императору Николаю I, въ Петербургѣ).

даже охотно за нимъ слѣдовала. Теперь наступилъ конецъ космополитизму, господствовавшему въ управленіи Россійскою имперіею въ первой четверти XIX столѣтія. Хотя императоръ Николай и утверждалъ въ письмахъ къ цесаревичу, что начала, которыми руководствовался покойный ангелъ, служатъ ему катехизисомъ, но, по своимъ убѣжденіямъ и вполнѣ національному характеру, онъ не замедлилъ вступить на совершенно иной путь, чѣмъ тотъ, по которому слѣдовалъ его предмѣстникъ. Вскорѣ всѣмъ стало ясно, что наступила новая эпоха, въ которой требовалось безпрекословное повиновеніе всемогущей и ясно выраженной волѣ воцарившагося монарха.

Для характеристики новаго вѣнценосца достаточно привести одну изъ резолюцій Николая Павловича, начертанную имъ въ началѣ 1826 года; въ ней высказана увѣренность, что никто не будетъ сомнѣваться въ присущей ему *весьма точной волѣ* относительно всего касающагося до дѣлъ имперіи, Провидѣніемъ ему ввѣренной. «Сомнѣваюсь», прибавилъ государь, «чтобы кто-либо изъ моихъ подданныхъ осмѣлился бы дѣйствовать не въ указанномъ мною направленіи, коль скоро ему предписана моя точная воля.»

Въ заключеніе остается еще упомянуть о томъ, какимъ образомъ императоръ Николай скромно оцѣнивалъ свое собственное положеніе, когда неожиданно онъ былъ призванъ стать во главѣ самодержавнаго правленія своего отечества. Николай Павловичъ высказалъ, по этому поводу, свои задушевныя мысли въ письмѣ къ цесаревичу въ 1827 году. Никто не ощущаетъ большей потребности, чѣмъ я, быть судимымъ съ снисходительностью», писалъ государь. «Но пусть же тѣ, которые судятъ меня, примутъ во вниманіе, какимъ необычайнымъ способомъ я вошелъ съ поста недавно назначеннаго начальника дивизіи на постъ, который занимаю въ настоящее время, кому я наслѣдовалъ и при какихъ обстоятельствахъ, и тогда придется сознаться, что если бы не явное покровительство Божественнаго Провидѣнія — мнѣ было бы не только невозможно поступать надлежащимъ образомъ, но даже справляться съ тѣмъ, чего требуетъ отъ меня заурядный кругъ моихъ настоящихъ обязанностей. Я твердо убѣжденъ въ божественномъ покровительствѣ, которое проявляется на мнѣ слишкомъ ощутительнымъ образомъ для того, чтобы я могъ не замѣчать его во всемъ случающемся со мною, и вотъ моя сила, мое утѣшеніе, мое руководящее начало во всемъ!»

Императрица Александра Ѳеодоровна съ малолѣтними: великимъ княземъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ и великой княжною Маріею Николаевною.

II.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій императора Николая, послѣ своего воцаренія, должно было быть учрежденіе особаго комитета для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ, петербургскіе представители коихъ вызвали 14-го декабря открытый мятежъ въ столицѣ.

Личный составъ этого комитета или комиссіи, являлся вопросомъ первостепенной важности. По мнѣнію современника: «къ чести государя сказать должно, что въ комиссіи не было ни одной злой души, которая могла бы превратиться въ инквизицію». Графъ Аракчеевъ и Клейнмихель не были назначены въ слѣдственную комиссію, о сформированіи которой послѣдовалъ 17-го декабря 1825 года указъ. Предсѣдателемъ комиссіи назначенъ былъ военный министръ *Татищевъ*, а членами: *великій князь Михаилъ Павловичъ, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ*, генералъ-адъютанты: *Бенкендорфъ* и *Левашовъ*. Нѣсколько позже къ нимъ присоединились еще лежурный генералъ *Потаповъ* и генералъ-адъютанты: *баронъ Дибичъ* и *Чернышевъ*. Правителемъ дѣлъ комитета потешно былъ военному совѣтнику *Боровковъ*.

Къ счастію, въ то время, какъ въ Петербургѣ рѣшался вопросъ, кому быть императоромъ, генералъ-адъютантъ Дибичъ, находясь въ Таганрогѣ, оказался вполнѣ на высотѣ занимаемаго имъ исключительно положенія: онъ безъ колебаній и потери времени, не получая на то коего указанія, принялъ на свой страхъ мѣры, вызываемыя чрезвычайными обстоятельствами этой тревожной эпохи. Онъ поручилъ гене-

ренъ-адъютанту Чернышеву отправиться въ главную квартиру второй арміи для арестованія важнѣйшихъ членовъ южнаго тайнаго общества, между которыми первенствующее положеніе занималъ полковникъ *Пестель*. Не удалось только захватить бумаги Пестеля: онѣ были зарыты въ землю, и до нихъ добрались только въ февралѣ 1826 года. Въ числѣ этихъ бумагъ находилась «*Русская правда*».

Своевременные аресты главныхъ заговорщиковъ во второй арміи прервали въ корнѣ всякія попытки, клонившіяся къ возбужденію мятежа среди войскъ; присяга же по всей Имперіи совершилась вполнѣ благополучно. Безпорядки проявились только въ первой арміи, въ черниговскомъ пѣхотномъ полку, въ которомъ служилъ одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ тайнаго общества подполковникъ *Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ*, бывшій офицеръ семеновскаго полка. Они были прекращены 3-го (15-го) января 1826 года, и затѣмъ спокойствіе уже нигдѣ не было нарушено.

Когда послѣ мятежа 14-го декабря открыты были тайныя общества въ Россіи, цесаревичъ Константинъ Павловичъ утѣшалъ себя сначала надеждою, что поляки къ этому дѣлу непричастны и останутся въ сторонѣ. Вскорѣ, однако, цесаревичу пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ, возлагаемыхъ на поляковъ. Ближайшее разслѣдованіе заговора въ Петербургѣ открыло слѣды сношеній и переговоровъ между членами русскихъ тайныхъ обществъ и представителями подобныхъ же обществъ, существовавшихъ въ королевствѣ. *Пестель* и *Бестужевъ-Рюминъ* не замедлили выдать своихъ польскихъ единомышленниковъ головою. Вслѣдствіе этихъ разоблаченій 7-го (19-го) февраля 1826 года учрежденъ былъ въ Варшавѣ *слѣдственный комитетъ* для открытія тайныхъ обществъ, существовавшихъ какъ въ королевствѣ польскомъ, такъ и въ областяхъ, отъ прежней Польши къ имперіи присоединенныхъ. Комитетъ состоялъ изъ десяти членовъ, пяти польскихъ и пяти русскихъ. Цесаревичъ, насколько могъ, защищалъ передъ императоромъ точку зрѣнія польскихъ патріотовъ, указывая на объясненія, данныя неоднократно императорамъ Александромъ, служившія имъ поддержкою и путеводною нитью.

Екатерининская медаль въ память возвращенія Россіи областей, отторгнутыхъ у нея Польшей.

На доводы, приводимые цесаревичемъ въ пользу и въ извиненіе поляковъ, императоръ Николай отвѣчалъ, что «громадная разница, желать ли чего-либо *почти обѣщаннаго* (presque promis) или же *предупреждать* (prévenir) правительство въ его мѣропріятіяхъ путемъ тайныхъ и, слѣдовательно, *преступныхъ* замысловъ.

Недоброжелательство императора Александра I далеко отодвинуло насъ [illegible] екатерининскихъ воззрѣній на польскій вопросъ или, вѣрнѣе сказать, на значеніе, которое въ этомъ вопросѣ играютъ области [illegible] имъ по тремъ раздѣламъ Рѣчи Посполитой: вѣдь прежде раздѣлы политическія воззрѣнія двухъ столь различныхъ между собою эпохъ русской исторіи. Достаточно привести всю опредѣленность взглядовъ императрицы Екатерины II на историческіе права, принадлежащіе Россіи [illegible] чтобы оцѣнить коренное измѣненіе, послѣдовавшее въ послѣднихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Взгляды Екатерины съ полною ясностью выразились въ медали, которая появилась послѣ второго раздѣла Польши, съ надписью: «*Отторженная возвращаетъ*». Подобная медаль не могла [illegible] въ лѣтописяхъ царствованія императора Александра [illegible] наглядамъ выраженіемъ политическаго [illegible] существовавшаго между бабушкою и внукомъ.

Когда однажды сообщили Екатеринѣ, что поляки совѣтуютъ ей принять титулъ Королевы Польской, императрица написала по этому поводу слѣдующее: «При раздѣлѣ я не получила ни одной пяди польской земли. Я получила то, что сами поляки не переставали называть Червонною Русью, Кіевское воеводство, Подолію и Волынь; Литва же никогда не была коренною частію Польши, равно какъ и Самогитія. Такимъ образомъ, не получивъ ни пяди польской земли, я не могу принять и титулъ Королевы Польской».

Императоръ Александръ I, отосившійся, по примѣру своего родителя, критически ко всѣмъ начинаніямъ своей бабки, усвоилъ себѣ съ молодыхъ лѣтъ совершенно иную точку зрѣнія на этотъ вопросъ. Она выразилась окончательно въ рѣшеніи Государя принять въ 1815 году титулъ Короля Польскаго; вмѣстѣ съ тѣмъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ, изъ обрѣзковъ Варшавскаго герцогства создано было конституціонное королевство Польское, которое даже одинъ польскій писатель, *Мохнацкій*, признаетъ «*настоящей политической змѣей за пазухой самодержавной Россіи*». Но сверхъ сего, Александръ при разныхъ случаяхъ, высказывалъ еще полякамъ свое намѣреніе дать королевству внутреннее расширеніе. Въ этихъ видахъ послѣдовало объединеніе въ военномъ отношеніи: Цесаревичу Константину Павловичу, носившему званіе главнокомандующаго польскою арміею, ввѣрено было также начальство надъ Литовскимъ корпусомъ, мундиромъ коего присвоены были польскіе цвѣта; составъ офицеровъ этого корпуса былъ по преимуществу польскій. Сверхъ сего Литва и Западныя губерніи подчинены были негласно Цесаревичу и въ гражданскомъ отношеніи. Не удивительно, если подобныя мѣропріятія утвердили въ польскихъ умахъ убѣжденіе, что присоединеніе къ королевству, такъ называемаго, Забраннаго края, составляетъ только вопросъ времени: весьма естественно, что тайныя общества дѣйствовали въ томъ же духѣ.

Императоръ Николай поставилъ сразу спорный вопросъ въ надлежащія рамки и произнесъ рѣшительный приговоръ надъ бывшими дотолѣ въ ходу мечтаніями. Съ одной стороны воцарившійся молодой Государь рѣшился строго соблюдать и поддерживать ненарушимо конституцію королевства въ томъ видѣ въ какомъ она была дарована Александромъ; но съ другой стороны онъ признавалъ для русскаго Монарха невозможнымъ какое бы то ни было посягательство на цѣлость Имперіи. Мысль свою Николай Павловичъ выразилъ въ письмѣ къ Цесаревичу слѣдующимъ образомъ: «Честный человѣкъ, даже среди поляковъ, отдать мнѣ справедливость, сказалъ: я ненавижу его, потому что онъ не исполняетъ нашихъ желаній, но я уважаю его, потому что онъ насъ не обманываетъ».

Не желая, чтобы поляки оставались въ неведѣніи на счетъ взглядовъ правительства, Императоръ Николай даровалъ Литовскому корпусу мундиры съ русскими цвѣтами, а затѣмъ предписалъ измѣненія въ порядкѣ комплектованія этого корпуса, не называя для сего мѣстныхъ уроженцевъ, но русскихъ рекрутъ. Какъ эти мѣропріятія ни огорчили Цесаревича, онъ долженъ былъ покориться волѣ своего державнаго брата.

III.

Въ Февралѣ 1826 года начали съѣзжаться въ Петербургъ представители иностранныхъ державъ, присланные европейскими правительствами для изъявленія своего участія по поводу горя, постигнутаго Россію, и для привѣтствія преемника Александра I. Это были принцъ прусскій Вилгельмъ, принцъ

Мекленбургъ-Шверинскій, Маркграфъ Леопольдъ Баденскій, принцъ Оранскій (супругъ Великой Княгини Анны Павловны) эрцъ-герцогъ Фердинандъ (d'Este), герцогъ Веллингтонъ и фельдмаршалъ князь Вреде. Карлъ X сперва прислалъ для засвидѣтельствованія своихъ дружескихъ чувствъ виконта де-Сенъ-При. Нѣсколько позже прибылъ еще маршалъ Мармонъ герцогъ Рагузскій.

6-го (18) марта тѣло Императора Александра перевезено было въ Петербургъ и 13-го (25-го) марта предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ.

1826 годъ, по всей справедливости, заслуживаетъ названіе похоронного. 4-го (16-го) мая скончалась въ Бѣлевѣ, на обратномъ пути изъ Таганрога въ Москву, Императрица Елисавета Алексѣевна, сверхъ сего цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей царствованія Императора Александра умерли въ томъ же году, а именно: государственный канцлеръ *графъ Н. П. Румянцевъ*, *графъ Ф. В. Растопчинъ*, *графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ* (бывшій петербургскій военный губернаторъ), *Карамзинъ*. Намѣстникъ королевства польскаго *князь Заіончекъ* и *графъ Бенигсенъ*.

Бенкендорфъ.

19-го марта 1826 года, въ воспоминаніе того дня, въ который Россійскія и союзныя намъ войска вступили въ Парижъ, передъ Зимнимъ дворцомъ происходилъ большой парадъ войскамъ гвардейскаго корпуса, въ присутствіи всѣхъ съѣхавшихся иностранныхъ гостей. Наканунѣ этого дня розданы были войскамъ серебряныя медали за взятіе Парижа, которыя были выбиты еще по повелѣнію императора Александра, но затѣмъ хранились впредь до повелѣнія.

Какъ только необычайныя событія, сопровождавшія воцареніе Императора Николая, дали новому Государю возможность вникнуть въ иностранную политику, восточный вопросъ долженъ былъ, прежде всего, привлечь къ себѣ полное вниманіе преемника Александра. Императоръ Николай разграничилъ личные счеты Россіи съ Портой отъ греческаго вопроса. По поводу первыхъ, въ Константинополѣ предъявленъ былъ ультиматумъ, который привелъ къ заключенію Аккерманской конвенціи, что же касается греческаго вопроса, то благодаря присутствію въ Петербургѣ герцога Веллингтона, между Россіею и Англіею заключенъ былъ Петербургскій протоколъ 23 марта (4 апрѣля) 1826 года, который послужилъ краеугольнымъ камнемъ освобожденія Греціи изъ-подъ мусульманскаго ига.

Дибичъ.

Соглашеніе Россіи съ Англіею вызвало со стороны князя Меттерниха выраженіе чувствъ сильнѣйшаго негодованія: по его мнѣнію, континентальный союзъ, на которомъ покоились тишина и спокойствіе Европы, перестали существовать. Затѣмъ Меттернихъ старался поколебать рѣшимость Императора Николая и запугать его тѣмъ, что покровительство, оказываемое освобожденію Греціи, потворствуетъ революціи. Тѣмъ не менѣе Государь продолжалъ съ твердостью идти по намѣленному пути и не поддался внушеніямъ австрійскаго канцлера, увѣривъ Императора Франца, что *«великій союзъ»* остается незыблемымъ.

Со времени учрежденія слѣдственной комиссіи 17-го декабря 1825 года, работы по разслѣдованію надъ злоумышленниками обществами дѣятельно продолжались. Въ концѣ мая донесеніе этой комиссіи напечатано было по Высочайшему повелѣнію особою брошюрою, переведенною также и на французскій языкъ, и приложено ко всѣмъ русскимъ газетамъ.

1-го (13-го) іюня 1826 года послѣдовалъ манифестъ о назначеніи надъ злоумышленниками *Верховнаго уголовнаго суда*. Онъ былъ составленъ изъ трехъ государственныхъ сословій: Государственнаго Совѣта, Сената и Синода, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Государь въ манифестѣ требовалъ отъ суда одного: *справедливости*, прибавивъ: справедливости нелицепріятной, ничѣмъ не колеблемой, на законѣ и силѣ доказательствъ утверждаемой. Предсѣдателемъ Верховнаго уголовнаго суда назначенъ былъ *князь Лопухинъ*. Министру Юстиціи князю Лобанову-Ростовскому повелѣно было исполнять въ судѣ званіе генералъ-прокурора.

Верховному уголовному суду преданы были 121 человѣкъ. Изъ нихъ принадлежали: къ *Сѣверному обществу* 61, къ *Южному* обществу 37, къ *обществу соединенныхъ славянъ* 23. Первое засѣданіе суда состоялось 3-го (15-го) іюня, а послѣднее 11-го (23-го) іюля 1826 года. Судъ приговорилъ 36 человѣкъ къ смертной казни (изъ нихъ 5 человѣкъ къ четвертованію). Императоръ Николай въ значительной степени смягчилъ суровый приговоръ суда. Окончательно пять человѣкъ были приговорены къ повѣшенію: Павелъ *Пестель*, Кондратій *Рылѣевъ*, Сергѣй *Муравьевъ-Апостолъ*, Михаилъ *Бестужевъ-Рюминъ* и Петръ *Каховскій*. Остальные подсудимые были раздѣлены на одиннадцать разрядовъ и осуждены къ ссылкѣ въ каторжныя работы безъ срока и къ другимъ наказаніямъ. Исполненіе приговора Верховнаго уголовнаго суда состоялось 13-го (25-го) іюля 1826 года на валу крепверка Петропавловской крѣпости.

Особымъ указомъ повелѣно было *Щерауду* прибавить слово *Вѣрный*, и впредь ему, такъ и потомству его, именоваться: *Щерауномъ-Вѣрнымъ*. Сверхъ сего Щерауръ былъ переведенъ въ л.-гв. драгунскій полкъ и произведенъ въ офицеры.

14-го (26-го) іюня отслужено было на Сенатской площади благодарственное молебствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ литія по жертвамъ, павшимъ 14-го декабря за вѣру, царя и отечество, названныя императоромъ Николаемъ искупительнымъ богослуженіемъ. Подобное же молебствіе повелѣно было отслужить въ Москвѣ и по всей Россіи. Этимъ священно-торжественнымъ актомъ завершилась кара тайныхъ обществъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ обнародованъ былъ манифестъ, въ кото-

ловъ обращали на себя вниманіе заключительныя его слова: «Не отъ дерзостныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, пополняются недостатки, исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепенняго усовершенія, всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ намъ путемъ законнымъ, для всѣхъ отверстымъ, всегда приняты будутъ нами съ благоволеніемъ: ибо мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другого желанія, какъ видѣть отечество наше на самой высшей степени счастія и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной».

IV.

Печальное положеніе нашего правосудія было однимъ изъ первыхъ предметовъ, обратившихъ на себя заботливое вниманіе императора Николая. Въ рѣчи, произнесенной государемъ много лѣтъ спустя, въ 1833 году, въ Государственномъ Совѣтѣ, Николай Павловичъ сказалъ:

«При самомъ моемъ вступленіи на престолъ, я счелъ долгомъ обратить вниманіе на разные предметы управленія, о которыхъ не имѣлъ почти никакого свѣдѣнія. Главнымъ занявшимъ меня дѣломъ было, естественно, правосудіе. Я еще смолоду слышалъ о недостаткахъ у насъ по этой части, о ябедѣ, о пристрастіи, о несуществованіи полныхъ на все законовъ или о смѣшеніи ихъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, не рѣдко между собою противорѣчивыхъ. Это побудило меня съ первыхъ дней моего правленія, разсмотрѣть состояніе, въ которомъ находилась комиссія, учрежденная для составленія законовъ. Къ сожалѣнію представленныя свѣдѣнія удостовѣряли меня, что ея труды оставались почти совершенно безплодными. Не трудно было открыть и причину этому: недостатокъ результатовъ происходилъ, главнѣйше, отъ того, что всегда обращались къ сочиненію новыхъ законовъ, тогда какъ надо было сперва основать старые на твердыхъ началахъ. Это побудило меня, прежде всего, съ опредѣленіемъ цѣли, къ которой правительство должно направлять свои дѣйствія по части законодательства, и изъ предложенныхъ мнѣ путей, я выбралъ совершенно противоположный прежнимъ. Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ, я велѣлъ собрать сперва имѣющіяся и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ, а самое дѣло, по его важности, взялъ въ непосредственное мое распоряженіе, закрывъ прежнюю комиссію».

Сообразно образовано было и открыто 24-го апрѣля 1826 года *Вторая часть собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи*. Назначенным второго отдѣленія назначенъ былъ *М. А. Балугьянскій*. Но сущность новой системы коренное дѣло *Сперанскому*. Выборъ императора Николая остановился на послѣднемъ, по необходимости, не видя вокругъ себя никого, кто болѣе способенъ». При назначеніи Балугьянскаго начальникомъ второго отдѣленія тотъ, слѣдуя къ своимъ бывшимъ наставникомъ, сказалъ ему въ разговорѣ о Сперанскомъ: «Смотри же, чтобы онъ не надѣлалъ такихъ же проказъ, какъ въ 1840 году». Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ успѣшнаго выполненія Сперанскимъ порученныхъ ему работъ, пренебреженія императора Николая постепенно смягчались и, наконецъ, уступили мѣсто искреннему расположенію и полному довѣрію. Всѣ обвиненія и клеветы, возводимыя на Сперанскаго, по собственному выраженію Государя, «разсыпались, какъ пыль».

Ермоловъ.

Такимъ образомъ императору Николаю въ его почти невольномъ выборѣ благопріятствовало особенное счастье, и лучшаго исполнителя для задуманнаго дѣла онъ едва ли могъ бы найти. Результатомъ новой дѣятельности Сперанскаго, при совершенно измѣнившихся противъ прежняго обстоятельствахъ, явились *Полное Собраніе Законовъ* и систематическій *Сводъ*.

Еще до окончанія суда надъ декабристами, императоръ Николай принялъ еще одну важную мѣру, наложившую печать на всѣ послѣдовавшіе годы его царствованія и находившуюся въ прямой связи съ событіями 14-го декабря.

3-го (15-го) іюля 1826 года состоялся Высочайшій указъ на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ланского на основаніи котораго упразднялась *Особая Канцелярія* этого министерства и преобразовывалась въ *третье отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи*. Во исполненіе сего указа предписано было начальникамъ губерній, чтобы они по предметамъ, въ составъ помянутаго отдѣленія вошедшимъ, вносили уже не по министерству внутреннихъ дѣлъ, а прямо Его Величеству.

Нѣсколькими днями ранѣе, въ день рожденія императора Николая, 25-го Іюня, появился Высочайшій приказъ о назначеніи начальника 1-й кирасирской дивизіи, генералъ-адъютанта *Бенкендорфа* шефомъ жандармовъ и командующимъ императорскою главною квартирою; ему же ввѣрено было начальство надъ третьимъ отдѣленіемъ.

Паскевичъ

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ объясняетъ въ своихъ запискахъ возникновеніе ввѣреннаго ему учрежденія слѣдующимъ образомъ: онъ пишетъ: «Императоръ Николай стремился къ искорененію злоупотребленій, вкравшихся въ многія части управленія, и убѣдился изъ внезапно открытаго заговора, обагрившаго кровію первыя минуты новаго царствованія, въ необходимости повсемѣстнаго, болѣе бдительнаго надзора, которое окончательно стекалось бы въ одно средоточіе. Государь избралъ меня для образованія высшей полиціи, которая бы покровительствовала утѣсненнымъ и наблюдала за злоумышленіями и людьми къ нимъ склонными. Никогда не думалъ готовиться къ этому роду службы, и имѣлъ о немъ лишь самое поверхностное понятіе, но благородныя и благодѣтельныя побужденія, давшія поводъ къ этому учрежденію, и желаніе быть полезнымъ новому нашему Государю, не позволили мнѣ уклониться отъ принятія образованной имъ должности, къ которой призывало меня высокое его довѣріе. Я неотложно приступилъ къ дѣлу, и Богъ помогъ

мнѣ исполнить новыя мои обязанности, къ удовольствію Государя и не возстановивъ противъ себя общественнаго мнѣнія. Мнѣ удалось оказывать многимъ одолженія, открыть много злоупотребленій и, въ особенности, предупредить и отвратить много зла».

Съ появленіемъ третьяго отдѣленія, учрежденный императоромъ Александромъ: «*Комитетъ 13-го января 1807 года*» сдѣлался излишнимъ. 17-го января послѣдовалъ указъ Сенату о закрытіи Комитета.

Смуты 1825 года не прошли безслѣдно для крестьянскаго населенія, вызвавъ среди него временно броженіе: заговорили о свободѣ, и мѣстами проявились безпорядки — обычное въ прежнее время явленіе. Движеніе, обнаружившееся среди крестьянъ, побудило императора Николая обнародовать 12-го мая 1826 года манифестъ, въ которомъ объявлялось, что «всякіе толки о свободѣ казенныхъ поселянъ отъ платежа податей, а помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей отъ повиновенія

Осада Варны 1828 г. Рис. Зоурвейда.

ихъ господамъ суть слухи ложные, выдуманные и разглашаемые злонамѣренными людьми изъ одного корыстолюбія, съ тѣмъ чтобъ посредствомъ сихъ слуховъ обогатиться насчетъ крестьянъ, по ихъ простодушію». Затѣмъ въ манифестѣ сказано было, что всѣ состоянія въ государствѣ должны безпрекословно повиноваться установленнымъ надъ нимъ властямъ, возмутители же общаго спокойствія будутъ преданы суду и наказанію по всей строгости законовъ. Манифестъ 12-го мая повелѣно было читать въ теченіе шести мѣсяцевъ по церквамъ, на торгахъ и ярмаркахъ, а начальникамъ губерній строго подтверждалось слѣдить за предупрежденіемъ всякаго неустройства.

Если императоръ Николай вынужденъ былъ обстоятельствами обнародовать карательный манифестъ, то онъ счелъ, однако, необходимымъ двумя рескриптами на имя управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предписать дворянству *христіанское и сообразное съ законами обращеніе съ крестьянами*, явно высказывая свое желаніе *оградить крестьянъ отъ помѣщичьяго произвола*. Во всѣхъ случаяхъ,—писалъ государь: «*я ищу и всегда искать буду, лучше предупреждать зло, нежели преслѣдовать его наказаніемъ, когда оно уже возникло*».

Наконецъ заботливость императора Николая о крестьянскомъ сословіи выразилась еще другимъ дѣйствіемъ воцарившагося молодого государя. 6-го декабря 1826 года, подъ предсѣдательствомъ графа В. П. Кочубея учрежденъ былъ особый *секретный комитетъ*, которому поручался пересмотръ всего государственнаго устройства и управленія и представленіе своего заключенія о необходимыхъ преобразованіяхъ; работы комитета должны были коснуться также и крестьянскаго вопроса.

Кромѣ того императоръ Николай не оставилъ безъ вниманія все, что было высказано декабристами, во время допросовъ слѣдственной комиссіи, по поводу внутренняго состоянія государства въ царствованіе Александра I.—Государь приказалъ составить для себя изъ этихъ мнѣній особую записку и часто просматривалъ этотъ любопытный сводъ, черпалъ изъ него много дѣльнаго.

V.

Немедленно по окончаніи процесса декабристъ, дворъ переселился въ Москву для предстоявшей коронаціи, которая совершилась 22-го августа. Государь обрадованъ былъ 14-го августа неожиданнымъ пріѣздомъ цесаревича Константина Павловича. По свидѣтельству Бенкендорфа: «появленіе цесаревича было блестящимъ всенароднымъ свидѣтельствомъ и покорности его новому государю и добросовѣстности его отреченія отъ престола, было вмѣстѣ и драгоцѣннымъ залогомъ согласія, связывавшаго ко благу имперіи всѣхъ членовъ царствующаго ея дома. Публика была въ восторгѣ, а дипломатическій корпусъ пришелъ въ совершенное удивленіе. Народъ выражалъ цесаревичу свое удовольствіе единодушными кликами; сановники окружали его знаками почтительнѣйшаго благоговѣнія».

День коронаціи ознаменованъ былъ важною реформою въ придворномъ вѣдомствѣ: образовано было *министерство Императорскаго двора* и ввѣрено *князю Петру Михайловичу Волконскому*. Такимъ образомъ долголѣтній сподвижникъ императора Александра I-го снова занялъ мѣсто ближайшаго сановника при его преемникѣ: князь Волконскій безсмѣнно оставался министромъ двора до своей кончины, послѣдовавшей въ 1852 году.

Въ числѣ милостей и облегченій, дарованныхъ 22-го августа, не позабыты были также осужденные политическіе государственные преступники: особыми указами уменьшены были сроки всѣмъ сосланнымъ на каторгу, поселеніе и крѣпостныя работы. Сосланнымъ же въ гарнизоны сибирскаго, оренбургскаго

и кавказскаго корпусовъ рядовыми съ лишеніемъ дворянства и безъ лишенія, велѣно опредѣлить въ полки кавказскаго корпуса до «отличной выслуги».

Во время пребыванія государя въ Москвѣ, Пушкинъ былъ вызванъ къ нему изъ села Михайловскаго. Съ этой минуты поэтъ снова пріобрѣлъ утраченную свободу, и сверхъ сего императоръ Николай сказалъ Пушкину: «ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь, — отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ».

Московскія празднества и увеселенія не успѣли еще начаться, какъ императоръ Николай встревоженъ былъ извѣстіями о вторженіи персіянъ въ Грузію; къ тому же государь относился съ недовѣріемъ къ А. П. Ермолову, и потому рѣшено было немедленно послать на Кавказъ генералъ-адъютанта Ивана Федоровича *Паскевича*. Ему поручено было наказать персіянъ, подъ главнымъ начальствомъ Ермолова. 13-го (25-го) сентября 1826 года Паскевичъ одержалъ побѣду надъ персидскими войсками, предводительствуемыми Аббасъ-Мирзою; это была первая побѣда, ознаменовавшая новое царствованіе.

6-го (18-го) октября императоръ Николай возвратился въ Петербургъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Николая Павловича для Россіи наступила если не новая эра, то все-таки нѣкоторое обновленіе правительственной системы, господствовавшей въ послѣднее десятилѣтіе правленія Александра I. Послѣ увольненія графа Аракчеева отъ завѣдыванія общими государственными дѣлами, можно было предвидѣть, что онъ останется не долго и во главѣ управленія военными поселеніями. Такъ и случилось. Весною 1826 года графъ Аракчеевъ уволенъ былъ за границу для излѣченія болѣзни. Во всеподданнѣйшемъ письмѣ, написанномъ по этому случаю графомъ Аракчеевымъ, онъ представилъ государю болѣе 32-хъ милліоновъ рублей экономіи по военнымъ поселеніямъ и заключилъ посланіе свое изреченіемъ великой истины: «немилосердый судія — грядущее время и потомство изречетъ всему справедливый приговоръ».

По возвращеніи осенью графа Аракчеева изъ заграничнаго путешествія, онъ уже болѣе не вступалъ въ исправленіе своихъ обязанностей. На основаніи послѣдовавшаго тогда указа, штабъ военныхъ поселеній былъ присоединенъ къ главному штабу Его Императорскаго Величества, подъ вѣдѣніе начальника его генералъ-адъютанта барона Дибича. Съ этого же времени новгородское военное поселеніе поступило въ полное управленіе генерала *князя Шаховскаго*, получившаго званіе командира отдѣльнаго гренадерскаго корпуса; херсонское и екатеринославское поселенія были подчинены начальнику ихъ *графу Витту* (также на правахъ командира отдѣльнаго корпуса), а поселенія въ слободско-украинской и могилевской губерніямъ остались въ завѣдываніи своихъ прежнихъ начальниковъ, имѣвшихъ званіе отдѣльныхъ командировъ.

Графъ Аракчеевъ, распростившись окончательно съ служебнымъ поприщемъ, поселился въ своемъ грузинскомъ имѣніи, гдѣ онъ скончался въ 1834 году.

Освободивъ Россію отъ правительственной опеки графа Аракчеева, императоръ Николай, кромѣ того, избавилъ русское просвѣщеніе отъ вліянія Михаила Леонтьевича *Магницкаго*. 6-го мая 1826 года послѣдовалъ указъ, въ которомъ говорилось: «Попечителя казанскаго университета и учебнаго округа онаго, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго повелѣваемъ уволить какъ отъ сей должности, такъ и отъ званія главнаго правленія училищъ». Но этимъ указомъ дѣло не ограничилось. Магницкій остался жить въ Казани и по свойствамъ своего характера продолжалъ, по обыкновенію, интриговать и косвенно вліять на покинутый имъ университетъ. Генералъ *Болотовъ*, которому повелѣно было произвести попечителю ревизію казанскаго университета, донесъ объ этомъ государю. Рѣшеніе императора Николая послѣдовало быстрое и рѣшительное: послать былъ фельдъегерь съ приказаніемъ губернатору арестовать Магницкаго и послать его въ Ревель подъ присмотръ коменданта. Магницкій провелъ шесть лѣтъ, обязанный подпискою никуда не отлучаться.

Не менѣе печальная участь постигла сподвижника и подражателя Магницкаго, Дмитрія Павловича *Руничa*, исправлявшаго должность попечителя петербургскаго учебнаго округа. Указомъ 25-го іюня 1826 года Руничъ былъ удаленъ отъ должности и отъ званія члена главнаго правленія училищъ, за несообразныя дѣйствія его по управленію петербургскимъ учебнымъ округомъ. Возмездіе, испытанное съ этого времени Руничемъ за совершенные просвѣтительные подвиги, было ужасное: шестнадцать лѣтъ онъ томился подъ слѣдствіемъ и умеръ въ 1860 году въ томъ убѣжденіи, что онъ никогда спасъ Россію и пострадалъ за правое дѣло, совершенное имъ въ петербургскомъ университетѣ.

Съ 1827 года внѣшняя политика на многіе годы привлекла къ себѣ исключительное вниманіе императора Николая. Прежде всего надо было покончить дѣла съ Персіею. Это удалось какъ нельзя лучше.

Ненормальное положеніе дѣлъ, созданное на Кавказѣ появленіемъ въ Тифлисѣ генералъ-адъютанта Паскевича, достигло въ началѣ 1827 года своего апогея. При водворившемся тогда безначаліи, дѣла не могли идти въ должномъ порядкѣ, а къ тому предстояло еще вести наступательную войну противъ Персіи. Нельзя было далѣе откладывать рѣшеніе вопроса: кому оставаться на Кавказѣ — Ермолову или Паскевичу. Императоръ Николай рѣшилъ вопросъ въ пользу Паскевича, уволивъ Ермолова отъ командованія кавказскимъ корпусомъ.

Паскевичъ принялся за дѣло смѣло и съ большою энергіею; послѣ взятія Эривани и ряда другихъ побѣдъ, русскія войска появились въ Тавризѣ, а 10-го (22-го) февраля 1828 года подписанъ былъ туркманчайскій мирный договоръ съ Персіею. Существенныя статьи трактата заключались въ уступкѣ Россіи ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго, и въ уплатѣ двадцати милліоновъ рублей за военныя издержки. По полученіи этого радостнаго извѣстія, императоръ Николай возвелъ Паскевича въ графское достоинство, повелѣвъ ему именоваться *графомъ Паскевичемъ Эриванскимъ*, и сверхъ того пожаловалъ ему одинъ милліонъ рублей изъ персидской контрибуціи.

Въ то время какъ война съ Персіею увѣнчалась побѣдами и славнымъ миромъ, пришлось готовиться къ новой войнѣ, на этотъ разъ съ Оттоманскою Портою. Несмотря на то, что турки подписали въ 1826 году аккерманскую конвенцію и какъ бы подчинились требованіямъ, предъявленнымъ Россіею, миръ на Востокѣ все-таки не былъ упроченъ. Борьба между турками и греками попрежнему продолжалась. Тогда императоръ Николай призналъ необходимымъ рѣшительными мѣрами умиротворить Востокъ; петербургскій протоколъ преобразился въ международный договоръ, который заключенъ былъ 24-го іюня (6-го іюля) между Россіею, Англіею и Франціею и названъ *Лондонскимъ договоромъ*. Прямымъ послѣдствіемъ этого договора явилось неожиданное происшествіе: 8-го (20-го) октября 1827 года турецко-египетскій флотъ былъ истребленъ въ *Наваринской бухтѣ* соединенными флотами трехъ союзныхъ державъ. Годъ тому назадъ султанъ Махмудъ былъ вынужденъ уничтожить янычаръ, лишивъ себя арміи въ самую критическую минуту, переживаемую Оттоманскою имперіею. Теперь за янычарами послѣдовалъ флотъ: морскія силы Порты были сокрушены. Одно изъ главныхъ препятствій, которое предстояло преодолѣть Россіи, въ случаѣ войны съ Турціею, было устранено, вопреки намѣренію державъ, подписавшихъ лондонскій договоръ съ цѣлью связать сѣвернаго исполина союзомъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы воспрепятствовать ему самостоятельный и односторонній образъ дѣйствій. Представители Россіи, Англіи и Франціи покинули Константинополь. Порта обнародовала *Гатти-шерифъ*, въ которомъ она указывала на Россію, какъ на своего явнаго, непримиримаго врага, и обвиняла ее въ греческомъ возстаніи; кромѣ того турецкое правительство объявило, что оно вовсе не обязано исполнять исторгнутый у него аккерманскій договоръ, и призывало всѣхъ магометанъ къ священной войнѣ противъ Россіи.

Императору Николаю оставалось одно — принять вызовъ, дерзко брошенный ему Портою, и 14-го (26-го) апрѣля 1828 года обнародованъ былъ манифестъ о войнѣ съ Турціею. Главнокомандующему второю арміею фельдмаршалу графу

Витгенштейну повелѣно было приступить къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи, а графу Паскевичу также повелѣно было считать войну съ Портою начатою. Такимъ образомъ началась война, которую всѣми мѣрами тщетно оттягивали, начиная съ 1821 года. Государь желалъ, чтобы въ этой войнѣ принимала участіе польская армія, желая создать для двухъ, соединенныхъ подъ его скипетромъ, народовъ братство по оружію. Но цесаревичъ упорно противодѣйствовалъ этой благой мысли императора Николая, не желая разстаться съ своимъ любимымъ дѣтищемъ и жертвовать къ тому же имъ для дѣла, которому онъ не сочувствовалъ. Такимъ образомъ польская армія осталась нетронутою и по прежнему упражнялась во всѣхъ тонкостяхъ гарнизонной службы подъ требовательнымъ окомъ цесаревича, а тайныя общества продолжали въ рядахъ ея свою подпольную разлагающую работу, которая привела къ взрыву 1830 года.

Рѣшившись на войну съ оттоманской портой, императоръ Николай пожелалъ принять личное участіе въ предстоявшихъ на Дунаѣ военныхъ дѣйствіяхъ и покинулъ Петербургъ 25-го апрѣля.

Между тѣмъ войска второй арміи заняли княжества и готовились совершить переправу черезъ Дунай: вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено было къ осадѣ Браилова, которая была поручена великому князю Михаилу Павловичу. Императоръ Николай лично присутствовалъ при переправѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай, совершившейся 27-го мая (8-го іюня) у *Сатунова*, и двинулся съ ними въ Добруджу къ Траянову валу. Крѣпости *Исакча*, *Мачинъ*, *Гирсовъ*, *Кюстенджи* и *Тульча* сдались. Только Браиловъ упорно защищался, но тѣмъ не менѣе не избѣгъ капитуляціи, такъ что къ 20-му іюня всѣ придунайскія крѣпости, ниже Силистріи, находились въ нашихъ рукахъ. На азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій князь Меншиковъ, при содѣйствіи черноморскаго флота, овладѣлъ *Анапою*. При дальнѣйшемъ наступленіи вскорѣ обнаружилось, что кампанія начата была съ недостаточными силами. Гвардія могла прибыть къ Дунаю только въ августѣ, а 2-й корпусъ въ сентябрѣ. Затѣмъ, вмѣсто того, чтобы обратить всѣ усилія къ овладѣнію Варною, слабыя главныя силы русской арміи были направлены къ Шумлѣ. Здѣсь началась безплодная борьба съ турецкими твердынями и неполная ихъ блокада недостаточнымъ числомъ войскъ, имѣвшимся въ распоряженіи императора Николая. Вскорѣ для государя стало очевиднымъ, что въ виду пассивнаго образа обороны, усвоеннаго турками, и полной невозможности рѣшить исходъ кампаніи сраженіемъ въ открытомъ полѣ, остается одно средство поправить дѣло: овладѣть во что бы то ни стало *Варною*. Къ достиженію этой послѣдней цѣли направлены были отнынѣ всѣ усилія русской арміи.

Борьба, сосредоточившаяся вокругъ Варны, продолжалась болѣе времени, чѣмъ это казалось сначала возможнымъ. Только 29-го сентября (11-го октября) крѣпость покорилась наконецъ, императору Николаю. Этимъ подвигомъ закончилась кампанія 1828 года, но для достиженія вожделѣннаго мира предстояло готовиться къ продолженію начатой съ турками борьбы въ слѣдующемъ 1829 году. Блестящія побѣды, одержанныя графомъ Паскевичемъ въ азіатской Турціи въ 1828 г., не могли поправить неудачный исходъ войны на Балканскомъ полуостровѣ. Паскевичъ, располагая самыми незначительными силами, овладѣлъ Карсомъ, Ахалцыхомъ и Баязетомъ и разбилъ турокъ, выступившихъ противъ него изъ Эрзерума.

Императоръ Николай отправился 2-го (14-го) октября изъ Варны въ Одессу, на кораблѣ *Императрица Марія*». Въ время плаванія поднялась страшная буря, свирѣпствовавшая 36 часовъ сряду, такъ что корабль, съ трудомъ спасшись отъ гибели, бросилъ наконецъ якорь на одесскомъ рейдѣ ночью 8-го (20-го) октября. Государь немедленно продолжалъ путь въ Петербургъ, гдѣ его ожидало великое семейное горе: 24-го октября (5-го ноября) скончалась императрица Марія Ѳеодоровна.

Немедленно послѣ кончины императрицы-матери послѣдовалъ указъ объ образованіи *четвертаго отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи*, ввѣренной управленію статсъ-секретаря *Виллямова*. Этой канцеляріи предназначено было завѣдывать всѣми воспитательными и благотворительными учрежденіями императрицы Маріи.

VI.

Война въ Европейской Турціи не привела къ какимъ-либо рѣшительнымъ результатамъ; она имѣла для русской арміи одинъ почетный исходъ, не оправдавъ ожиданій императора Николая. Покореніе Браилова и Варны, вмѣстѣ съ удержаніемъ Праводъ и Базарджика, могли только обезпечить открытіе въ 1829 году новой кампаніи, благопріятный исходъ которой могло только привести насъ къ желанному миру, дозволивъ кончить «cette guerre odieuse», какъ называлъ эту войну императоръ Николай въ перепискѣ съ цесаревичемъ. Государь немедленно занялся самымъ важнымъ для Россіи въ то время дѣломъ: реорганизаціей дѣйствующей арміи и подготовленіемъ средствъ для продолженія войны. Ко всѣмъ этимъ заботамъ чисто военнаго характера присоединялись еще политическія соображенія: какимъ образомъ отнесется Европа къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ? Уже одно то обстоятельство, что султанъ Махмудъ, безъ всякой посторонней помощи, не погибъ въ единоборствѣ съ такимъ противникомъ, какимъ являлась Россія, должно было поднять значеніе Турціи въ глазахъ европейскихъ державъ и обрадовать всѣхъ нашихъ западныхъ недоброжелателей.

Неудачи наши возбудили прежде всего ликованіе въ Вѣнѣ: Турціи пророчили въ будущемъ полную побѣду. Меттернихъ считалъ положеніе Россіи крайне затруднительнымъ; воображенію его представлялась уже картина тѣснимыхъ турками русскихъ войскъ, доведенныхъ до печальной необходимости искать убѣжища на Трансильванской территоріи. Изрѣченіе, встрѣчающееся въ перепискѣ того времени, что въ тотъ день, когда одинъ изъ кабинетовъ произнесетъ слово коалиція, будутъ удивлены найти ее уже готовою, представляло извѣстную долю правды. Недавно еще Европу пугали русскимъ исполиномъ; теперь этого исполина хотѣли изобразить карликомъ. Положеніе русской арміи стали приравнивать съ отступленіемъ французовъ въ 1812 году. Неудивительно, что при существованіи подобныхъ несбыточныхъ надеждъ, Меттернихъ ласкалъ себя увѣренностью, что вскорѣ ему представится случай разыграть роль посредника и явиться рѣшителемъ судебъ Востока. Для обезпеченія за собою подобнаго торжества, вѣнскій кабинетъ призналъ даже полезнымъ поддерживать Порту въ ея рѣшеніи продолжать борьбу.

Въ виду роковой необходимости продолжать войну, приходилось Государю, прежде всего, подумать о выборѣ новаго главнокомандующаго и обновленія личнаго состава штаба арміи. Послѣ долгихъ колебаній выборъ остановился на графѣ *Дибичѣ*; начальникомъ штаба арміи назначенъ былъ генералъ-адъютантъ баронъ *Толь*, вмѣсто генералъ-адъютанта *Киселева*, получившаго въ командованіе 4-й резервный кавалерійскій корпусъ. Не меньшимъ колебаніямъ подвергся планъ будущей кампаніи; наконецъ остановились на необходимости отказаться отъ систематической войны на Дунаѣ, а стараться рѣшительными дѣйствіями принудить султана къ уступкамъ. Такимъ образомъ установленъ былъ въ общихъ чертахъ забалканскій походъ, какъ единственно цѣлесообразный способъ для скорѣйшаго достиженія цѣли войны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Николай отказался отъ личнаго предводительствованія арміею. Такимъ образомъ новому главнокомандующему предоставлена была полная свобода дѣйствій.

15-го (27-го) февраля 1829 года графъ Дибичъ прибылъ въ Яссы, гдѣ пробылъ до 2-го (14-го) апрѣля. Военныя дѣйствія должны были начаться осадою Силистріи, возлѣ которой должно было служить основаніемъ для дальнѣйшихъ предпріятій предстоявшаго графу Дибичу похода.

Въ началѣ 1829 года едва не произошло новое столкновеніе съ Персіею: 30-го января (11-го февраля) подполковникъ въ Тегеранѣ, безсмертный авторъ *Горе отъ ума*, *Грибоѣдовъ* умерщвленъ былъ съ большею частью своихъ въ время возстанія столичной черни. Персидское правительство устрашенное возможными послѣдствіями тегеранской кровавой драмы, сообщило графу Паскевичу, что всякого рода во-

мнѣніе и наказаніе, согласное съ постановленіями обѣихъ религій, будетъ исполнено». Завязались переговоры, во время которыхъ Паскевичъ, предостерегая Аббасъ-Мирзу отъ злоупотребленія терпѣніемъ Россійскаго Императора, настаивалъ на присылкѣ лица пользующаго дома въ Петербургъ, съ письмомъ отъ шаха къ государю. Эта настойчивость Паскевича привела къ желаемой цѣли: мы избѣгли второй войны съ Персіею, союзъ послѣдней съ Турціею остался только на бумагѣ, и *Хозревъ-Мирза*, старшій сынъ наслѣдника престола Аббасъ-Мирзы, явился въ Тифлисъ. — Затѣмъ Паскевичъ отправилъ принца въ Петербургъ чтобы у подножія царскаго престола исходатайствовать прощеніе въ убійствѣ нашего посланника въ Тегеранѣ.

Съ Турками графъ Паскевичъ расправился такъ же блистательно, какъ и въ прошломъ 1828 году; онъ разбилъ выступившаго противъ него Эрзерумскаго Сераскира и 27-го іюня (9-го іюля), въ день Полтавской битвы, *Эрзерумъ* былъ занятъ русскими войсками. Сераскиръ съ четырьмя пашами сдались въ плѣнъ, и стотысячное городское населеніе безмолвно принялъ побѣдителей.

Императрица Марія Ѳеодоровна.

Съ самаго возраженія императора Николая на очереди стоялъ вопросъ о коронованіи его, какъ польскаго короля; но рѣшеніе этого вопроса затянулось, такъ какъ государю воспрепятствовалъ посѣтить Варшаву судъ надъ членами польскихъ тайныхъ обществъ, а въ заключеніе еще война 1828 года.

Дѣйствительно, начавшійся еще въ 1826 году политическій процессъ продолжался безконечно долго, и принялъ окончательно оборотъ, на который правительство не разсчитывало. 3-го (15-го) іюня 1827 года [illegible] членамъ польскихъ тайныхъ обществъ [illegible] дѣйствительно разбирательство [illegible] были [illegible] [illegible] [illegible]

фомъ Дибичемъ палъ великимъ визиремъ при *Кулевчѣ*. Изъ Варшавы Николай Павловичъ отправился для осмотра гвардейскаго корпуса, расположеннаго тамъ со времени окончанія кампаніи 1828 года, въ Тульчинъ, а оттуда въ Кіевъ, гдѣ получено было извѣстіе о покореніи крѣпости Силистріи. 11-го (23-го) іюня государь возвратился въ Царское Село.

Послѣ кулевчинской побѣды и покоренія Силистріи императору Николаю оставалось ждать перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы. Онъ начался 5-го іюля, и 8-го августа занятъ былъ безъ выстрѣла *Адріанополь*. Вслѣдъ затѣмъ войска наши заняли *Люле-Бурасъ*, *Пиліапа* покорена черноморскимъ флотомъ, *Демотика* сдалась добровольно, а 26-го августа занятъ городъ *Эносъ*, послѣ чего армія Дибича вошла въ связь съ находившеюся въ архипелагѣ эскадрою *графа Гейдена*. Послѣ такихъ побѣдъ неудивительно, что упорство султана, наконецъ, смирилось и что 2-го сентября 1829 года подписанъ былъ *Адріанопольскій мирный договоръ*.

ковъ, сдѣлана была самая разнообразная. Самая вѣрная изъ нихъ принадлежитъ перу извѣстнаго австрійскаго дипломата Гентца. Онъ писалъ: «Умѣренность понятіе относительное... Въ сравненіе съ тѣмъ, чего могли требовать русскіе и требовать безнаказанно, они требовали мало... Одно остается несомнѣннымъ, что императоръ Николай могъ бы пойти далѣе, чѣмъ пошелъ въ дѣйствительности, и сторонники его политики имѣютъ поэтому полное право восхвалять его умѣренность».

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ писалъ въ концѣ 1829 г. графу Дибичу: Благодаря вашимъ побѣдамъ и мудрымъ распоряженіямъ, которыя привели къ нимъ, мы наслаждаемся здѣсь истинною радостью, въ цѣлой Европѣ внушительнымъ положеніемъ, а внутри—спокойствіемъ и довѣріемъ къ правительству, которыя могутъ привесть лишь къ хорошимъ результатамъ. Теперь мы свободны отъ какихъ бы то ни было помѣхъ, сильнѣе болѣе чѣмъ когда бы то ни было въ мнѣніи всѣхъ народовъ; ничто не мѣшаетъ отдаться съ по-

Переходъ черезъ Балканы. Рис. Заурвейда.

Главнѣйшія условія этого мира заключались въ слѣдующемъ: Дарданеллы и Босфоръ открыты навсегда для торговли всѣхъ народовъ безъ изъятія; безопасность нашей азіатской границы до нѣкоторой степени обезпечена присоединеніемъ къ имперіи крѣпостей: Анапы, Поти, Ахалцыха, Ахуха и Ахалкалаки: прежніе трактаты съ Портою признаны ею во всемъ; постановлена также уплата Турціею военныхъ издержекъ и убытковъ, понесенныхъ русскими подданными; права и преимущества Сербіи и княжествъ Молдавіи и Валахіи утверждены, причемъ Порта обязалась не оставлять за собою на лѣвомъ берегу Дуная ни одного укрѣпленія и не дозволять своимъ мусульманскимъ подданнымъ имѣть тамъ жительство; Греція признана вассальнымъ государствомъ.

Уплата военныхъ издержекъ опредѣлена была въ десять милліоновъ голландскихъ дукатовъ, а вознагражденіе русскимъ подданнымъ и негоціантамъ въ милліонъ пятьсотъ тысячъ дукатовъ.

Графъ Дибичъ за всѣ совершенные имъ подвиги награжденъ былъ титуломъ *Забалканскаго*, чиномъ фельдмаршала, орденомъ Св. Георгія первой степени и милліономъ рублей. Графъ Паскевичъ-Эриванскій также произведенъ былъ въ фельдмаршалы.

Оцѣнка адріанопольскаго договора, со стороны современниковъ, сдѣлана была самая разнообразная. Самая вѣрная изъ нихъ принадлежитъ перу извѣстнаго австрійскаго дипломата Гентца. Онъ писалъ: «Умѣренность понятіе относительное... Въ сравненіе съ тѣмъ, чего могли требовать русскіе и требовать безнаказанно, они требовали мало... Одно остается несомнѣннымъ, что императоръ Николай могъ бы пойти далѣе, чѣмъ пошелъ въ дѣйствительности, и сторонники его политики имѣютъ поэтому полное право восхвалять его умѣренность».

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ писалъ въ концѣ 1829 г. графу Дибичу: Благодаря вашимъ побѣдамъ и мудрымъ распоряженіямъ, которыя привели къ нимъ, мы наслаждаемся здѣсь истинною радостью, въ цѣлой Европѣ внушительнымъ положеніемъ, а внутри—спокойствіемъ и довѣріемъ къ правительству, которыя могутъ привесть лишь къ хорошимъ результатамъ. Теперь мы свободны отъ какихъ бы то ни было помѣхъ, сильнѣе болѣе чѣмъ когда бы то ни было въ мнѣніи всѣхъ народовъ; ничто не мѣшаетъ отдаться съ послѣдовательностью улучшеніямъ, новымъ реформамъ, въ которыхъ нуждается Россія. Это будетъ прекраснымъ плодомъ четырехъ лѣтъ войны и напряженія, которыми началось царствованіе нашего повелителя. Онъ также мало отступитъ передъ административными трудностями, какъ и передъ трудностями войны; онъ не встрѣтитъ въ этой области тѣхъ столь блестящихъ, столь быстрыхъ въ дѣйствіи, какъ «Забалканскіе» и «Эриванскіе», но разъ эти трудности будутъ побѣждены, онъ извлечетъ изъ нихъ славу, столь же блестящую и еще болѣе полезную для своихъ многочисленныхъ подданныхъ».

Дѣйствительно все предвѣщало родъ политическаго затишья. Европа казалась до нѣкоторой степени успокоенною; всѣ споры наши съ Персіею и Портою были окончательно улажены; вновь западныхъ державъ, повинномуъ какъ бы уменьшенной умѣренностью и прямодушнымъ императора Николая, можно было думать, что судьба предоставитъ наконецъ государю возможность посвятить себя, согласно своему сердечному влеченію, исключительно дѣламъ по улучшенію внутренняго положенія своей обширной имперіи. Однако случилось какъ разъ противное. Наступилъ 1830 годъ и вмѣсто успокоенія принесъ съ собою рядъ такихъ потрясающихъ событій, стеченіе которыхъ, одно вслѣдъ за другимъ, создало истинно

смутное время для Европы и для Россіи. Первую роль въ этихъ событіяхъ пришлось играть тѣмъ же «Забалканскимъ» и «Эриванскимъ», о которыхъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ Бенкендорфъ.

VII.

Оставаясь всегда и вездѣ строгимъ исполнителемъ даннаго слова, императоръ Николай призналъ необходимымъ собрать въ мѣ 1830 года польскій сеймъ. «Мы существуемъ, сказалъ въ то время государь: для упорядоченія общественной свободы и для подавленія злоупотребленій сю». Это былъ первый сеймъ въ его царствованіе и четвертый со времени возстановленія польскаго королевства Александромъ I. Открытіе сейма послѣдовало 16-го мая, и на немъ императоръ Николай произнесъ свою первую конституціонную рѣчь.

«Пять лѣтъ протекло со времени вашего послѣдняго собранія.—началъ свою рѣчь Императоръ: причины, не зависѣвшія отъ моей воли, помѣшали мнѣ созвать васъ раньше; но причины этого запозданія къ счастью миновали, и сегодня я съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ вижу себя въ первый разъ окруженнымъ представителями народа. Въ этотъ промежутокъ времени Божественному Провидѣнію угодно было отозвать къ себѣ возстановителя вашего отечества: вы всѣ почувствовали великое значеніе этой утраты и поэтому ощутили глубокую печаль: Сенатъ, истолкователь вашихъ чувствъ, выразилъ мнѣ желаніе увѣковѣчить воспоминаніе о благороднѣйшихъ добродѣтеляхъ и о глубокой благодарности. Всѣ поляки призваны содѣйствовать сооруженію памятника, предположенія о которомъ будутъ вамъ представлены. Всемогущій благословилъ наше оружіе въ двухъ войнахъ, которыя имперія только-что должна была вести. Польшѣ не пришлось нести ихъ тягостей: однако она пользуется выгодами, которыя явились слѣдствіемъ ихъ, благодаря тому братству въ словѣ и интересахъ, которое связуетъ отнынѣ съ ея неразрывнымъ единеніемъ съ Россіей. Польская армія не приняла активнаго участія въ войнѣ: мое довѣріе указало ей другой постъ, не менѣе важный: она составляла авангардъ арміи, долженствовавшей охранять безопасность имперіи... Безпрерывно возрастающее развитіе промышленности, расширеніе внѣшней торговли, увеличеніе обмѣна продуктами между Польшей и Россіей являются несомнѣнными выгодами, которыми вы уже пользуетесь въ настоящую минуту и которыя въ то же время даютъ вамъ увѣренность въ возрастаніи процвѣтанія вашего благосостоянія... Представители польскаго народа! Выполняя во всемъ объемѣ 45-ю статью конституціонной хартіи (т. е. о коронаціи въ Варшавѣ), я даю вамъ [illegible] моихъ намѣреній. Теперь ваше дѣло упрочить творение [illegible] вашего отечества, пользуясь съ умѣренностью и благоразуміемъ правами, которыя онъ даровалъ вамъ. Пусть спокойствіе и единеніе сопутствуютъ вашимъ занятіямъ!»

Тронная рѣчь императора Николая имѣла вообще характеръ общей рѣчи и не оставляла въ памяти ни одного тягостнаго воспоминанія. Но зато это была первая рѣчь къ польскому сейму, которая затрагивала вопросы внѣшней политики; что же касается внутреннихъ вопросовъ, то въ этомъ отношеніи она отличалась большею откровенностью и большей опредѣленностью, чѣмъ рѣчи Александра. Въ ней отсутствовалъ сентиментальный оттѣнокъ; никакое обѣщаніе не возбуждало угасшихъ надеждъ на присоединеніе русскихъ губерній; но король приглашалъ представителей упрочить твореніе возстановителя Польши благоразумнымъ и умѣреннымъ пользованіемъ своими правами.

Закрытіе сейма послѣдовало 16-го іюня. Въ послѣдній разъ польскіе представители услышали рѣчь своего конституціоннаго короля: она заканчивалась словами: quoique éloigné de vous, je veillerai perpétuellement à votre véritable bonheur». Нѣсколько лѣтъ спустя императору Николаю представился еще разъ случай произнести рѣчь въ Варшавѣ, но она была уже другого содержанія и выходила на этотъ разъ изъ устъ грознаго и неумолимаго укротителя мятежа.

Едва Государь успѣлъ возвратиться въ Петербургъ, какъ вдругъ новая забота овладѣла вниманіемъ правительства. Въ имперіи показалась холера. Эта страшная болѣзнь, извѣстная у насъ дотолѣ только по имени и по описаніямъ производимыхъ ею опустошеній, наводила повсюду тѣмъ большій ужасъ, что никто не зналъ и не могъ указать противъ нея ни медицинскихъ средствъ, ни полицейскихъ мѣръ. Общее мнѣніе склонялось, однако, въ пользу карантиновъ и оцѣпленій, какъ бы противъ чумы, и въ этомъ смыслѣ правительство тотчасъ приняло всѣ нужныя мѣры, съ тою дѣятельностію, которая твердая воля государя умѣла влагать во всѣ его распоряженія. На указанные пункты направлены были немедленно войска и изъ нихъ, равно какъ изъ мѣстныхъ жителей, образовывались чумные кордоны для спасенія отъ этого бѣдствія внутреннихъ губерній и обѣихъ столицъ.

Взятіе тюрьмы инсургентами въ Варшавѣ. По совр. гравюрѣ.

Къ внутреннимъ затрудненіямъ присоединились вскорѣ и внѣшнія усложненія.

Императоръ Николай уже давно озабоченъ былъ направленіемъ, даннымъ Карломъ X своей внутренней политикѣ. Еще въ началѣ 1830 года, государь выражалъ свои опасенія насчетъ положенія дѣлъ во Франціи и за благополучный исходъ правительственныхъ мѣропріятій, «которыя заставляютъ трепетать за будущее». Выражая надежду, что Богъ предохранитъ Францію и Европу отъ новыхъ несчастій, Николай Павловичъ замѣтилъ: «Во всякомъ случаѣ прискорбно сказать, что сумасшествіе короля (la folie du Roi) всему тому причиною». Шаткое положеніе французскаго правительства тѣмъ болѣе огорчало государя, что онъ съ признательностію относился къ Карлу X за дружественную политику, которой придерживалась Франція во время русско-турецкой войны. Опасенія императора Николая вполнѣ оправдались: вскорѣ въ Парижѣ послѣдовалъ государственный переворотъ, Карлъ X нарушилъ хартію и данную имъ клятву, а затѣмъ начались іюльскіе дни, сопровождавшіеся отреченіемъ короля въ пользу внука, герцога Борго; торжествующая революція выставила своего кандидата, и намѣстникъ королевства герцогъ Орлеанскій *Людовикъ-Филиппъ* преобразился въ короля французовъ. Императоръ Николай усмотрѣлъ въ устраненіи отъ престола старшей линіи Бурбоновъ и законнаго короля Генриха V одно коварство и преднамѣренное вѣроломство намѣстника королевства и рѣшился прервать сношенія съ Франціею. Едва не дошло до открытаго разрыва; благоразуміе восторжествовало, но

тѣмъ не менѣе императоръ Николай продолжалъ увлекаться мыслью стать во главѣ новой коалиціи и предпринять новый крестовый походъ въ духѣ Александра I противъ враговъ общаго спокойствія. Возстаніе, вспыхнувшее въ Брюсселѣ, подняло въ глазахъ государя вопросъ о необходимости военнаго вмѣшательства съ новой силой. Графъ Орловъ былъ посланъ въ Вѣну, а графъ Дибичъ-Забалканскій въ Берлинъ.

Въ виду воинственнаго характера петербургской политики, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, оставаясь неизмѣнно рѣшительнымъ сторонникомъ мира и невмѣшательства въ чужія дѣла, написалъ государю слѣдующія замѣчательныя строки: «Я сильно сомнѣваюсь, чтобы въ случаѣ, если бы произошелъ вторичный европейскій крестовый походъ противъ Франціи, подобно случившемуся въ 1813, 1814 и 1815 годахъ, мы бы встрѣтили то же рвеніе и то же одушевленіе къ правому дѣлу. Съ тѣхъ поръ сколько осталось обѣщаній не исполненныхъ или же обойденныхъ, и сколько было попрано интересовъ! Въ то время, чтобы сокрушить тиранію Бонапарта, тяготѣвшую надъ континентомъ, повсюду пользовались содѣйствіемъ народныхъ массъ и не предвидѣли, что, рано или поздно, то же оружіе можетъ быть повернуто противъ насъ». Вообще же цесаревичъ, совѣтуя не начинать войны безъ вызова со стороны Франціи, вполнѣ сошелся мыслями съ королемъ прусскимъ. Поэтому фельдмаршалъ Дибичъ не встрѣтилъ въ Берлинѣ особенной склонности къ воинственнымъ предпріятіямъ. Начались безконечныя совѣщанія забалканскаго героя съ прусскими государственными людьми, не менѣе короля опасавшимися, по отношенію къ Франціи, всякаго дѣйствія, носящаго вызывающій оттѣнокъ; войны же Пруссія хотѣла избѣжать, во что бы то ни стало. Мало того, Австрія и Пруссія, безъ предварительнаго соглашенія съ Россіею, признали перемѣну правленія, совершившуюся во Франціи. Императору Николаю оставалось только послѣдовать ихъ примѣру и принести личныя чувства въ жертву сохраненію мира и, отчасти, общественному мнѣнію; государь послѣ долгой внутренней борьбы и не безъ глубокаго сокрушенія и досады призналъ Людовика-Филиппа королемъ французовъ, но въ письмѣ къ нему не назвалъ его «добрымъ братомъ».

Едва это письмо было отправлено по назначенію, какъ узнали о появленіи въ Москвѣ холеры. Императоръ Николай немедленно рѣшился поспѣшить въ первопрестольную столицу, чтобы личнымъ присутствіемъ успокоить встревоженное населеніе. Трудно описать чувства московскихъ жителей при неожиданномъ появленіи царя въ зараженномъ болѣзнью городѣ. «Мы знали, что ты будешь; гдѣ бѣда тамъ и ты», — вотъ крики, которые раздавались среди народной толпы, когда государь остановился у иверскихъ воротъ и приложился къ образу.

Въ Москвѣ императоръ Николай получилъ извѣстіе о дальнѣйшихъ успѣхахъ бельгійской революціи, вслѣдствіе котораго нидерландскій король нашелъ себя вынужденнымъ просить союзной помощи, въ силу существовавшихъ трактатовъ. Государь безотлагательно отправилъ повелѣнія графу Чернышеву, фельдмаршалу Сакену и цесаревичу о приведеніи арміи на военную ногу.

Хлопицкій.

Цесаревичъ не былъ обрадованъ воинственнымъ оборотомъ, даннымъ дипломатическимъ переговорамъ, а еще менѣе польское общество того времени, сочувствовавшее іюльскому перевороту; армія же не могла сочувствовать предстоявшему походу, который привелъ бы ее къ вооруженному столкновенію съ Франціею во имя началъ священнаго союза. Хотя повидимому въ Варшавѣ царствовало спокойствіе, но тайныя общества продолжали съ успѣхомъ свою разлагающую работу. Не было, впрочемъ, недостатка въ разныхъ зловѣщихъ признакахъ, указывавшихъ на приближеніе развязки; но цесаревичъ продолжалъ утѣшать себя несбыточными надеждами, что все смирно и спокойно и такъ и останется. Что же касается союзныхъ Россіи европейскихъ державъ, то они не отнеслись къ дѣлу съ такимъ рѣшительнымъ рвеніемъ. Въ данномъ случаѣ одинъ русскій самодержецъ готовъ былъ съ полнымъ безкорыстіемъ стоять на стражѣ нарушеннаго законнаго порядка. Прочія державы нашли несравненно цѣлесообразнѣе обратиться къ содѣйствію дипломатическихъ лекарствъ; въ результатѣ вмѣсто вооруженнаго вмѣшательства началась работа общеевропейской конференціи, собравшейся въ Лондонѣ для улаженія возникшаго бельгійскаго вопроса мирнымъ путемъ.

Графъ Дибичъ все еще выжидалъ въ Берлинѣ окончанія порученныхъ ему переговоровъ, когда они внезапно прервались отъ происшествія, на которое фельдмаршалъ вовсе не разсчитывалъ въ данную минуту. 24-го ноября 1830 года Дибичъ получилъ отъ прусскаго министра графа Бернсторфа извѣщеніе о революціи, происшедшей въ Варшавѣ 17-го ноября: польская армія, входившая въ составъ подготовлявшейся коалиціи, обратила оружіе противъ Россіи. Дибичу оставалось сдѣлать одно — какъ можно быстрѣе поспѣшить въ Петербургъ.

Скржинецкій.

Между тѣмъ въ Петербургѣ императоръ Николай получилъ только вечеромъ 25-го ноября 1830 года донесеніе цесаревича о возмущеніи войскъ и жителей Варшавы.

На другой день назначенъ былъ разводъ отъ преображенскаго полка. Государь по обыкновенію пріѣхалъ въ манежъ. Сначала все шло своимъ порядкомъ, даже слѣдовъ душевной тревоги не обнаруживалось на этомъ прекрасномъ лицѣ съ классически правильнымъ профилемъ; оно сохраняло, какъ и всегда, свое величавое благородство. При концѣ разводъ императоръ Николай выѣхавъ на средину манежа, подозвалъ къ себѣ офицеровъ и лично объявилъ имъ о варшавскомъ мятежѣ. «Я уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы указанныя мною войска двинулись къ Варшавѣ, а если будетъ нужно, то пойдете и

вы, мои гвардія, пойдете наказать измѣнниковъ и возстановить порядокъ и оскорбленную честь Россіи. Знаю, что я во всѣхъ обстоятельствахъ могу полагаться на васъ», сказалъ государь. Единодушный взрывъ негодованія охватилъ мгновенно всѣхъ присутствовавшихъ, раздался восторженный крикъ: «Веди насъ противъ мятежниковъ: мы отомстимъ за оскорбленную честь Россіи!» Цѣловали у государя руки, ноги, полы при крикахъ: «ура». Порывъ негодованія былъ такъ силенъ, что Николай Павловичъ счелъ необходимымъ умѣрить его и съ свойственнымъ ему величіемъ напомнилъ офицерамъ, что окружаваемъ, что не всѣ поляки нарушили клятву, что должно карать зачинщиковъ мятежа, но не мстить народу, прощать раскаявшихся и не допускать ненависти.

Изъ послѣдовавшихъ затѣмъ донесеній великаго князя Константина государь узналъ, что цесаревичъ разрѣшилъ остававшимся при немъ частямъ польской арміи возвратиться въ Варшаву; взамѣнъ этого явившіеся къ цесаревичу депутаты обѣщали ему и русскому отряду свободный проходъ къ границамъ имперіи.

Рѣшено было сосредоточить на польской границѣ достаточное число войскъ, чтобы затѣмъ уже дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ противъ мятежниковъ. *Графъ Дибичъ* назначенъ былъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміи; мѣсто начальника штаба арміи занялъ *графъ Толь*.

Въ донесеніи цесаревичемъ русской границы, онъ писалъ императору Николаю: «И вотъ, творение шестнадцати лѣтъ совершенно разрушено подпрапорщиками, молодыми офицерами и студентами съ оружіемъ. Я не распространяюсь объ этомъ бѣдствіи, но вотъ новость, мнѣ засвидѣтельствовали вѣрные люди, что сочинители, сельское населеніе и всѣ, кто [illegible] хоть какимъ нибудь имуществомъ, въ отчаяніи отъ этого. Офицеры, генералы равно какъ и солдаты [illegible] чтобы не поступать за общимъ [illegible] молодежью и подпрапорщиками, которые всѣхъ сбили съ толку. Однимъ словомъ, положеніе дѣлъ самое скверное, и я не знаю, что изъ этого, по благости Божіей, выйдетъ? Всѣ мои средства надзора ни къ чему не привели, несмотря на то, что все начинало раскрываться. Вотъ мы, русскіе, у границы, по великій Боже въ какомъ положеніи, почти босикомъ: всѣ вышли какъ были на тревогу, въ надеждѣ вернуться въ казармы, а вмѣсто того совершили ужасные переходы. Офицеры всего лишились и имѣютъ лишь то, что на нихъ надѣто. Я сокрушенъ сердцемъ: на 51½ году жизни и послѣ 35½ лѣтъ службы я не думалъ, что кончу свою карьеру столь плачевнымъ образомъ. Молю Бога, чтобы эта армія, которой я посвятилъ шестнадцать лѣтъ жизни, одумалась и вернулась на путь долга и чести, признавъ свое заблужденіе прежде, чѣмъ

Сѣнная площадь въ 1830 году.

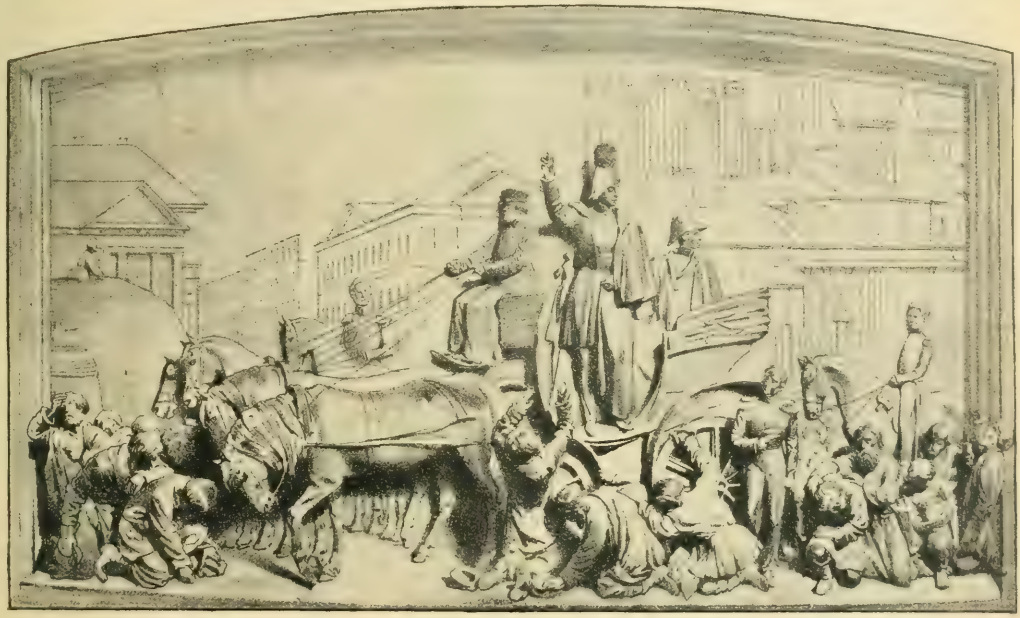
будутъ приняты принудительныя мѣры. Но это было бы слишкомъ хорошо для вѣка, въ которомъ мы живемъ, и я сильно сомнѣваюсь въ осуществленіи моихъ желаній».

Съ каждымъ днемъ согласіе съ Польшею становилось все болѣе невозможнымъ. Обѣ враждовавшія стороны готовились къ войнѣ. 5-го декабря обнародовано было воззваніе императора Николая къ войскамъ и народу польскаго королевства, а 12-го появился манифестъ, въ которомъ выражалась готовность къ примиренію со всѣми, кто возвратятся къ долгу. Между тѣмъ въ Варшавѣ водворился диктаторомъ генералъ *Хлопицкій*, но и онъ не былъ въ силахъ спасти Польшу отъ разрыва съ Россіей. Въ Петербургъ посланы были два депутата для переговоровъ съ императоромъ Николаемъ. Это были: министръ финансовъ *князь Любецкій* и членъ сейма *графъ Езерскій*. Но и эти переговоры не могли отвратить кровавой развязки, наступившей въ 1831 году.

Трудно прозрѣть будущее», писалъ императоръ Николай къ цесаревичу, «по соображая въ предѣлахъ человѣческаго разума, взвѣшивая различныя вѣроятія успѣха, трудно пред-

положить, чтобы новый годъ оказался бы для насъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ 1830 годъ: дай Богъ, чтобы я не ошибся. Я желалъ бы видѣть васъ спокойно водворившимся въ вашемъ Бельведерѣ и порядокъ возстановленнымъ повсюду, но сколько еще предстоитъ сдѣлать прежде, чѣмъ быть въ состояніи достигнуть этого. Кто изъ двухъ долженъ погибнуть — такъ какъ повидимому погибнуть необходимо — Россія или Польша? Рѣшайте сами. Я исчерпалъ всѣ возможныя средства, чтобы предотвратить подобное несчастіе; средства совмѣстимыя только съ *честью* и моею *совѣстью*, эти средства исчерпаны, или, по крайней мѣрѣ, ничто не можетъ заставить меня повѣрить, чтобы ихъ хотѣли тамъ. Что же мнѣ остается дѣлать?»

Вскорѣ, собравшійся въ Варшавѣ, сеймъ принялъ рѣшеніе, довершившее собою разрывъ Польши съ Россіею. 13-го января, 1831 года сеймъ объявилъ династію Романовыхъ лишенною польскаго престола. Такимъ образомъ сами поляки развязали руки императору Николаю, и единоборство



Николай I усмиряетъ народъ на Сѣнной площади. (Барельефъ на памятникѣ Николаю I въ Петербургѣ).

Россіи съ Польшею стало неизбѣжнымъ. Императоръ Николай отвѣтилъ на этотъ вызовъ манифестомъ, по которому русскія войска перешли польскую границу. 13-го февраля послѣдовалъ уже рѣшительный бой передъ Прагою при *Гроховѣ*, заставившій польскую армію отступить въ Варшаву съ потерею до 12.000 человѣкъ.

Но графъ Дибичъ не призналъ возможнымъ воспользоваться одержанной побѣдой, которая неизбѣжно завершилась бы занятіемъ польской столицы, и Забалканскому не суждено было сдѣлаться княземъ Варшавскимъ. Польскія войска безпрепятственно отступили черезъ единственный мостъ въ Варшаву; новый польскій главнокомандующій *Скржинецкій* принялся за реорганизацію арміи, возстаніе распространилось и въ русскихъ губерніяхъ, и кампанія, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, затянулась на семь мѣсяцевъ. А между тѣмъ это была война, отъ которой, по выраженію императора Николая, зависѣло: «*политическое бытіе Россіи*».

14-го мая графъ Дибичъ одержалъ вторую побѣду надъ польскою арміею, которая также окончилась благополучнымъ ея отступленіемъ. 1-го (13-го) іюня пришлось императору Николаю писать своему фельдмаршалу: «Поступите же наконецъ такимъ образомъ, чтобы я могъ понять васъ». Но это письмо не было уже прочитано графомъ Дибичемъ. 29-го мая фельдмаршалъ внезапно скончался отъ холеры въ с. Клешовѣ близъ Пултуска. Его замѣнилъ фельдмаршалъ *графъ Паскевичъ-Эриванскій*, вызванный государемъ изъ Тифлиса въ Петербургъ еще въ апрѣлѣ 1831 г. Рѣшено было совершить переправу на нижней Вислѣ и двинуться къ Варшавѣ.

Немногими днями пережилъ графа Дибича цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Онъ также скоропостижно скончался отъ холеры въ Витебскѣ, въ ночь съ 14-го на 15-е іюня 1831 года.

VIII.

Въ столь печальное время ко всѣмъ заботамъ и тревогамъ, волновавшимъ тогда императора Николая, присоединилась еще новая печаль. Съ 14-го іюня въ Петербургѣ открылась холера, которая по прошествіи нѣсколькихъ дней приняла угрожающіе размѣры. Страшная болѣзнь пришла въ тревогѣ всѣ классы населенія и въ особенности простонародіе, которое всѣ мѣры для охраненія общественнаго здоровья какъ-то: усиленный полицейскій надзоръ, оцѣпленіе города и даже уходъ за пораженными холерою въ больницахъ, начало считать преднамѣреннымъ отравленіемъ. Стали собираться скопища, останавливать на улицахъ иностранцевъ, обыскивать ихъ для открытія носимаго при себѣ мнимаго яда, гласно обвинять врачей въ отравленіи народа. На послѣдокъ 22-го іюня чернь, возбужденная толками и подозрѣніями, столпилась на Сѣнной площади и, посреди многихъ другихъ безчинствъ, бросилась на домъ, въ которомъ была устроена временная холерная больница. Разбили окна, выбросили мебель на улицу, изранили и выкинули больныхъ, приколотили больничную прислугу и умертвили нѣсколько врачей. Полицейскіе чины оказались безсильными возстановить порядокъ. Наконецъ появленіе военнаго генералъ-губернатора графа Эссена также не достигло цѣли. Батальонъ семеновскаго полка заставилъ народъ разойтись съ площади въ боковыя улицы, но далеко не прекратилъ начинающагося волненія.

На другой день императоръ Николай поѣхалъ изъ Петергофа на пароходѣ на Елагинъ островъ. Выслушавъ донесенія разныхъ лицъ о положеніи города, Государь сѣлъ въ коляску съ генералъ-адъютантомъ княземъ Меншиковымъ и поѣхалъ въ городъ на Преображенскій плацъ, гдѣ стоялъ лагеремъ батальонъ преображенскаго полка. Поздоровавъ войска, го-

государь продолжалъ путь черезъ каретную часть, гдѣ погрозилъ нѣкоторымъ скопищамъ и лавочникамъ; оттуда онъ проѣхалъ на Сѣнную площадь, гдѣ собралось до 5,000 народу. Вставъ среди коляски и обратившись къ толпѣ, государь сказалъ: «Вчера учинены были злодѣйства, общій порядокъ былъ нарушенъ: стыдно народу русскому, забывъ вѣру отцовъ своихъ, подражать буйству французовъ и поляковъ, они васъ подучаютъ; ловите ихъ, представляйте подозрительныхъ человѣку, но здѣсь учинено злодѣйство, здѣсь прогнѣвали мы Бога, обратимся къ церкви; на колѣни, и просите у Всемогущаго прощенія».

Вся площадь стала на колѣни и съ умиленіемъ крестилась, и государь тоже; раздавались восклицанія: «Согрѣшили окаянные». Продолжая свою рѣчь къ народу, государь объявилъ еще толпѣ: «Клявшись передъ Богомъ охранять благоденствіе ввѣреннаго мнѣ промысломъ народа, я отвѣчаю передъ Богомъ и за безпорядки, а погому я ихъ не попущу. Самъ ляну, но не попущу, и горе ослушникамъ».

Въ это время нѣсколько человѣкъ изъ толпы возвысили голосъ. Государь воскликнулъ тогда:

«До кого вы добираетесь, кого вы хотите, меня ли? Я никого не страшусь, вотъ я,» — и съ этими словами государь показалъ на свою грудь.

Раздались крики восторга и ура. Послѣ сего государь, вѣроятно въ знакъ примиренія, поцѣловалъ одного старика изъ народа и возвратился на Елагинъ, а затѣмъ и въ Петергофъ.

Черезъ день императоръ вторично объѣзжалъ городъ. Порядокъ былъ возстановленъ, но холера продолжала свирѣпствовать: умирало до 600 человѣкъ въ день. Только съ половины іюля смертность стала быстро уменьшаться.

Несравненно опаснѣе по своимъ послѣдствіямъ былъ бунтъ, разыгравшійся въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ. Но здѣсь холера и слухи объ отравѣ послужили лишь предлогомъ къ мятежу: сѣмя общаго недовольствія среди этого творенія графа Аракчеева продолжало существовать, несмотря на всѣ перемѣны, внесенныя императоромъ Николаемъ въ военныя поселенія. Достаточно было одной искры, чтобы вызвать въ поселеніяхъ небывалый доселѣ взрывъ всякихъ неистовствъ: холера и послужила этой искрой.

Еще поселенія не приведены были въ порядокъ, какъ императоръ Николай отправился туда совершенно одинъ и предсталъ передъ собранными баталіонами, занятнавшими себя кровью своихъ офицеровъ и ожидавшими безмолвно и трепетно монаршаго суда.

Польскій мятежъ въ это время съ каждымъ днемъ приближался къ окончательной развязкѣ: онъ былъ рѣшенъ двухдневнымъ штурмомъ Варшавы, послѣдовавшимъ 25-го и 26-го августа. Наконецъ фельдмаршалъ Паскевичъ могъ сообщить государю радостную вѣсть, что «Варшава у ногъ вашего императорскаго величества». Съ этимъ донесеніемъ прибылъ 4-го сентября въ Царское Село флигель-адъютантъ князь Суворовъ.

Императоръ Николай написалъ своему побѣдоносному фельдмаршалу: «Ты, съ помощью Бога всемилосерднаго, поднялъ вновь честь и славу нашего оружія, ты наказалъ вѣроломныхъ мятежниковъ, ты отомстилъ за Россію, ты покорилъ Европу, ты *спасилъ князь Варшавскій!* Честь отечества вспоминаетъ, что съ твоимъ именемъ неразрывна честь и слава Россійскаго воинства, а имя твое останется навсегда памятью дня, вновь прославившаго имя русское. Вотъ искреннее изреченіе благодарнаго сердца твоего государя и твоего друга, твоего стараго поклонника».

Послѣ взятія Варшавы, войны продолжалась еще нѣкоторое время, но не долго. Главныя силы польской арміи удалившіяся за Вислу, конечно тѣмъ, что въ концѣ сентября перешли на прусскую территорію, а 9-го октября сдалась послѣдняя крѣпость Замостье. Польскій мятежъ кончился. Но для Россіи онъ оставилъ по себѣ тяжкими жертвами, сопровождался тѣмъ, что въ Европѣ появилась польская эмиграція, которая разнесла по ней ненависть и вопль противъ Россіи и вызвала враждебное настроеніе общественнаго мнѣнія, которое русскому правительству выражавшееся отнынѣ при каждомъ удобномъ случаѣ и словомъ и дѣломъ.

Императоръ Николай, раздѣлившій съ Москвою въ 1830 г. холерное бѣдствіе, пожелалъ снова побывать въ своей древней столицѣ, когда въ русской землѣ снова водворились миръ и спокойствіе. Государь съ императрицей и наслѣдникомъ пробылъ въ Москвѣ болѣе мѣсяца. Во время пребыванія здѣсь двора, привезли всѣ знамена и штандарты бывшей польской арміи, и государь приказалъ поставить ихъ въ оружейную палату, въ числѣ трофей, скопленныхъ тутъ вѣками. Тамъ же у подножья портрета императора Александра была положена хартія, нѣкогда имъ пожалованная вновь созданному польскому королевству.

Въ Москвѣ императоръ Николай вновь принялъ на службу А. П. Ермолова и назначилъ членомъ государственнаго совѣта.

Пребываніе государя ознаменовано было первою выставкою россійскихъ произведеній и промышленности въ большомъ Кремлевскомъ дворцѣ. Николай Павловичъ осмотрѣлъ ее въ подробности, и, какъ писали тогда, «казалось, что явился добрый хозяинъ въ семьѣ своей».

По возвращеніи Государя въ Петербургъ, состоялась важная перемѣна въ личномъ составѣ высшей администраціи. Министръ внутреннихъ дѣлъ и финляндскій генералъ-губернаторъ графъ *Закревскій* былъ по желанію его уволенъ въ отставку. Вмѣсто него финляндскимъ генералъ-губернаторомъ назначенъ былъ *князь Меншиковъ*, а управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ *Дмитрій Николаевичъ Блудовъ*.

Еще ранѣе въ 1828 году, уволенъ былъ министръ народнаго просвѣщенія адмиралъ *Шишковъ* и замѣненъ *княземъ Ливеномъ*, министръ юстиціи *князь Лобановъ-Ростовскій*,— княземъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, а затѣмъ *Дмитріемъ Васильевичемъ Дашковымъ*, военный же министръ *графъ Татищевъ—графомъ Чернышевымъ*.

Послѣ столь тревожнаго всякими событіями 1831 года, для Россіи наступило наконецъ мирное семнадцатилѣтіе, непрерывно продолжавшееся до венгерской войны 1849 года. Многое могло быть достигнуто для благоденствія Россіи при столь благопріятной обстановкѣ; но, къ сожалѣнію, событія 1825 года, а затѣмъ польскій мятежъ оставили за собою глубокій слѣдъ, который отразился на дѣяніяхъ всего мирнаго семнадцатилѣтія и лишилъ его того характера, который онъ несомнѣнно получилъ бы при другихъ обстоятельствахъ. Все ограничилось поэтому поддержаніемъ существующаго порядка, починкою обнаружившейся ветхости въ нѣкоторыхъ частяхъ государственнаго строя при помощи практическаго законодательства, но все дѣлалось безъ всякаго участія общества, одними бюрократическими средствами.

IX.

Князь Варшавскій остался главнокомандующимъ дѣйствующею арміею и назначенъ былъ намѣстникомъ царства Польскаго. Фельдмаршалъ сталъ во главѣ гражданскаго управленія, въ качествѣ предсѣдателя управленія, составленнаго изъ русскихъ и польскихъ чиновниковъ, а также изъ управляющихъ разными частями, замѣнившихъ прежнихъ министровъ. Въ началѣ мая 1832 года въ Петербургъ прибыла польская депутація, состоящая изъ двѣнадцати лицъ, явившаяся для принесенія благодарности за дарованную жителямъ царства амнистію. Императоръ Николай принялъ ее въ торжественной аудіенціи въ Зимнемъ дворцѣ въ Георгіевской залѣ. Князь Антонъ Радзивилъ, непричастный къ послѣднему мятежу, произнесъ рѣчь.

Король Людовикъ-Филиппъ, несмотря на нерасположеніе къ нему императора Николая и на недавнія польскія событія, искалъ сближенія съ Россіею. Хотя связь съ Франціею могла парализовать виды англійскаго министерства, враждебнаго нашимъ интересамъ на Востокѣ, однако императоръ Николай, питая естественное отвращеніе къ узурпатору французскаго престола, вѣжливо отклонилъ всѣ его предложенія. Но король не довольствовался этими предложеніями и прислалъ въ Петербургъ маршала *Мортье* герцога Тревизскаго, поручивъ ему стараться пріобрѣсти благорасположеніе императора и установить между обоими монархами менѣе холодныя отношенія. Мортье былъ принятъ со всѣмъ почетомъ, подобающимъ

старому и заслуженному воину, но въ разговорахъ съ маршаломъ государь избѣгалъ даже произносить имя короля французовъ, такъ что въ политическомъ отношеніи въ дѣлахъ не послѣдовало никакихъ перемѣнъ. Въ виду же новыхъ усложненій на Востокѣ, вызванныхъ враждебною противъ султана политикою египетскаго паши *Мехмета-Али*, могло бы представиться для насъ желательнымъ сближеніе съ Франціею; между тѣмъ случилось какъ разъ обратное явленіе, и по необходимости Франція бросилась въ объятія Англіи.

Паша египетскій началъ войну съ Портою; сынъ его *Ибрагимъ-паша* вторгся въ турецкіе предѣлы и не скрывалъ намѣренія отца своего проникнуть до Константинополя и ниспровергнуть колеблющійся тронъ султана. Чтобы дать очевидное доказательство своихъ стремленій къ поддержанію законнаго порядка, императоръ Николай еще ранѣе велѣлъ предложить султану прямую свою помощь, войсками или флотомъ, въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ признаетъ это нужнымъ. Но турки отклонили это предложеніе. Теперь государь возобновилъ свое прежнее предложеніе, которое было вновь отклонено; но Порта просила послать въ Египетъ довѣренное лицо для переговоровъ. Императоръ Николай возложилъ это порученіе на генерала *Николая Николаевича Муравьева*. Прибывъ въ Египетъ, онъ потребовалъ прекращенія военныхъ дѣйствій, что и было немедленно исполнено Мехметомъ-Али. Турки могли оправиться. Но миссія, возложенная султаномъ на Галиль-пашу, испортила все дѣло; онъ раскрылъ передъ Мехметомъ-Али опасенія Дивана и слабость средствъ, которыми располагалъ султанъ. Непріятельскія дѣйствія возобновились, турецкая армія была разбита. Тогда устрашенный султанъ обратился за помощью къ государю отъ которой онъ прежде столь упорно отказывался. Русскія войска подъ предводительствомъ Муравьева явились на Бос-

Штурмъ Варшавы въ 1831 году. Взятіе укрѣпленія „Воля“. Картина Ораса Верне.

фіи, а *графъ А. Ф. Орловъ* посланъ былъ въ Константинополь въ качествѣ чрезвычайнаго посла. Какъ только Ибрагимъ-паша отступилъ до назначеннаго нами пункта, русскій вспомогательный корпусъ отплылъ изъ Босфора. Современникъ пишетъ, что иностранцы изумились столь точному исполненію даннаго слова. Но къ немалому огорченію европейской дипломатіи 26-го іюня 1833 года съ Турціею удалось однако заключить союзный *Ункіаръ-Искелесскій* договоръ. Самая существенная часть этого договора заключалась въ томъ, что въ случаѣ необходимости Оттоманская Порта обязана была по требованію Россіи закрыть Дарданельскій проливъ и не дозволять никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ оный подъ какимъ бы то ни было предлогомъ».

Перечисленныя вратцѣ событія на Востокѣ, грозившія даже одно время принять воинственный оборотъ, не помѣшали государю заняться улучшеніями внутренняго управленія имперіи. Военное министерство получило новое образованіе; званіе начальника главнаго штаба было упразднено и всѣ нити военнаго управленія сосредоточились съ 1832 г. въ рукахъ военнаго министра *графа Чернышева*. Затѣмъ въ городскомъ населеніи учреждено было сословіе *почетныхъ гражданъ*, измѣнена была система мѣдныхъ денегъ нашихъ, основанъ *кіевскій университетъ св. Владиміра*, взамѣнъ упраздненнаго виленскаго университета и наконецъ—что было важнѣйшимъ событіемъ этой эпохи—послѣдовало изданіе *Свода законовъ*, приведеннаго къ окончанію неусыпными трудами Сперанскаго, подъ бдительнымъ надзоромъ самого государя.

31-го января 1833 года императоръ Николай явился въ государственный совѣтъ. Государь произнесъ прекрасную рѣчь. На столѣ совѣтской залы лежали 15 томовъ «*Свода*» и 56 томовъ «*Полнаго собранія законовъ*». Рѣчь продолжалась болѣе часа и поразила всѣхъ своею ясностію, послѣдовательностію и силою. Посвящена она была вопросу о необходимости для Россіи систематическаго свода изданныхъ въ разныя времена законовъ, еще сохраняющихъ свою силу. Государь говорилъ, какъ профессоръ, замѣтилъ Сперанскій. Положено было сводъ обнародовать, присвоивъ ему съ этого же времени силу закона и назначивъ двухъ-лѣтній срокъ на представленіе отъ подлежащихъ властей всѣхъ замѣчаній, какія по опыту могли бы представиться по той или другой статьѣ. По окончаніи этого достопамятнаго засѣданія, государь обозвавъ къ себѣ Сперанскаго, обнялъ его въ присутствіе всѣхъ и надѣлъ на него снятую съ себя самого Андреевскую звѣзду, въ награду славнаго его труда.

Въ тотъ же годъ состоялось первое свиданіе императора Николая съ австрійскимъ императоромъ въ *Мюнхенгрецѣ*. Здѣсь же государь впервые встрѣтился съ австрійскимъ канцлеромъ *графомъ Меттернихомъ*. Дипломатическіе переговоры окончились заключеніемъ Мюнхенгрецкой конвенціи, по которой обѣ сторонѣ державы, слѣдуя консервативному началу, провозглашенному въ нашей общей политикѣ», обязывались совмѣстно поддерживать существованіе Оттоманской имперіи и противодѣйствовать общими силами всякой комбинаціи, которая нанесла бы ущербъ правамъ верховной власти султана. Въ особой секретной статьѣ положено было препятствовать тому, чтобы верховная власть египетскаго паши не распространилась на европейскія провинціи Оттоманской имперіи.

Австрія могла торжествовать полную побѣду, напоминающую собою успѣхъ, который нѣкогда достигнутъ былъ при Александрѣ I въ Троппау и Лайбахѣ. Заключеніемъ Мюнхенгрецкой конвенціи, австрійскій канцлеръ достигъ своей давней, завѣтной цѣли, стѣснивъ свободу дѣйствій Россіи по отношенію къ Турціи обязательствомъ ничего не предпринимать на Востокѣ помимо Австріи, безъ полнаго предварительнаго соглашенія съ нею. Вѣрно оцѣнивъ отличительную черту императора Николая, рыцарское великодушіе, и, играя на этой струнѣ, Меттернихъ достигъ такихъ результатовъ, которыхъ высшій кабинетъ не могъ добиться прежде ни хитростью, ни угрозами. Между престарѣлымъ австрійскимъ императоромъ и русскимъ монархомъ завязалась тѣсная личная дружба, имѣвшая рѣшающее вліяніе на дальнѣйшій ходъ политическихъ событій. Императоръ Францъ просилъ дружбы и покровительства государя своему слабому и болѣзненному наслѣднику, эрцъ-герцогу Фердинанду, и объявилъ, что въ духовномъ своемъ завѣщаніи поставилъ въ обязанность послѣднему не предпринимать ничего, когда онъ займетъ престолъ, безъ совѣта императора Николая.

Мехметъ-Али паша, вице-король Египетскій.

Что же касается польскаго вопроса, то дипломатическіе переговоры 1833 года съ Австріею и Пруссіею привели къ тому, что на него стали смотрѣть, какъ на общій всѣмъ тремъ державамъ. Кромѣ того, рѣшено было дѣйствовать противъ революціи, гдѣ бы она ни показалась совокупными силами, и что ни одинъ нарушитель общественнаго спокойствія не найдетъ себѣ убѣжища ни въ которой изъ этихъ державъ, но будетъ преданъ въ руки правосудія въ той изъ нихъ, гдѣ его захватятъ.

Императоръ Николай возвратился въ Петербургъ черезъ Царство Польское, не минуя Варшаву. Государь остановился только въ крѣпости Модлинѣ, названной тогда *Новогеоргіевскомъ*.

1834 годъ ознаменованъ былъ двумя торжествами: 22-го апрѣля, отпраздновано было совершеннолѣтіе наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, а 30-го августа послѣдовало открытіе памятника Александру I.

Осенью того же года императоръ Николай неожиданно для всѣхъ совершилъ поѣздку въ Берлинъ и на обратномъ пути впервые послѣ событій 1831 года посѣтилъ Варшаву.

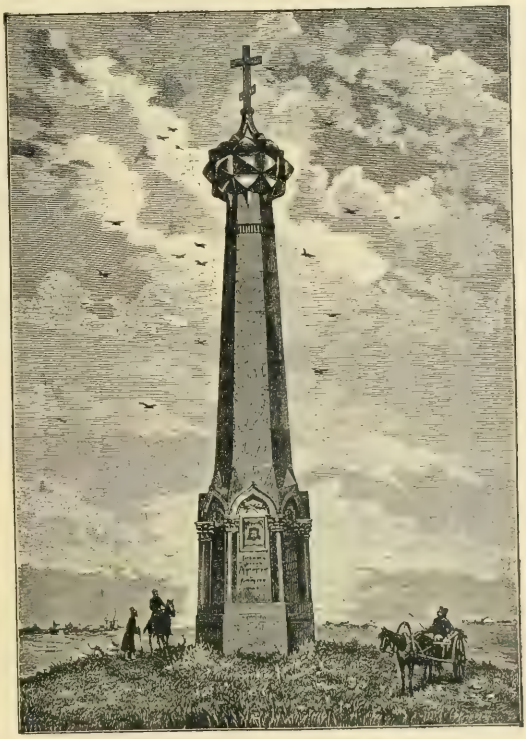
Пребываніе государя весною слѣдующаго 1835 года въ Москвѣ ознаменовано было устройствомъ въ домѣ дворянскаго собранія мануфактурной выставки. Императоръ Николай, чрезвычайно довольный видѣннымъ, призвалъ къ себѣ всѣхъ главныхъ экспонентовъ и, изъявивъ имъ свою благодарность за успѣхи ихъ производствъ, прибавилъ, что теперь, когда промышленность получила надлежащее направленіе и можетъ лишь идти къ дальнѣйшему еще развитію, необходимо, и правительству, и фабрикантамъ обратить свое вниманіе на такой предметъ, при отсутствіи котораго самыя фабрики скорѣе будутъ зломъ, нежели благомъ». Это, продолжалъ государь:— попеченіе о рабочихъ, которые, ежегодно возрастая числомъ, требуютъ дѣятельнаго и отеческаго надзора за ихъ нравственностію, безъ чего эта масса людей постепенно будетъ портиться и обратится наконецъ въ сословіе столько же несчастное, сколько опасное для самихъ хозяевъ». Въ заключеніе онъ сослался на примѣръ двухъ фабрикантовъ, находившихся тутъ же въ числѣ прочихъ и особенно отличившихся обращеніемъ своимъ съ рабочими, прибавивъ, что желалъ доносить себѣ о всѣхъ тѣхъ, которые послѣдуютъ этому примѣру, чтобы имѣть удовольствіе явить имъ за то знаки своего благоволенія.

Заговоръ Фіески въ Парижѣ, едва не стоившій жизни Людовику-Филиппу, и кончина императора Франца побудили сѣверные кабинеты гласно заявить остальной Европѣ объ единствѣ началъ, связывавшихъ ихъ общимъ союзомъ. Рѣшено былъ новый съѣздъ трехъ монарховъ: Россіи, Пруссіи и Австріи: но на этотъ разъ свиданіе ихъ должно было сопровождаться всѣмъ блескомъ военныхъ торжествъ —достойнымъ воспоминаній совокупныхъ побѣдъ 1813 и 1814 годовъ. Это военное торжество имѣло мѣсто въ *Калишѣ*, какъ ближайшемъ пунктѣ къ границамъ Пруссіи. Здѣсь совмѣстно расположились и маневрировали отряды русскихъ и прусскихъ войскъ въ присутствіи прусскаго короля и императора Николая.

Вслѣдъ затѣмъ императоръ Николай поспѣшилъ въ Теплицъ для свиданія съ австрійскимъ императоромъ *Фердинандомъ*. По словамъ графа Бенкендорфа, контрастъ между двумя императорами былъ поразителенъ. «Рядомъ съ однимъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ въ мірѣ, исполненномъ силы нравственной и физической, являлся какой то призракъ монарха, стоявшій по осанкѣ и рѣчи ниже самыхъ рядовыхъ людей». Но императоръ Николай свято помнилъ данное имъ Францу обѣщаніе быть оплотомъ имперіи его сына.

Нѣсколько позже прибылъ также въ Теплицъ прусскій король, и въ присутствіи трехъ союзныхъ монарховъ состоялась закладка Кульмскаго памятника. Въ этотъ день императоръ Николай послалъ андреевскую ленту А. П. Ермолову.

Въ заключеніе императоръ Николай неожиданно для всѣхъ поѣхалъ въ Вѣну, чтобы навѣстить вдовствующую императрицу и поклониться праху императора Франца. На возвратномъ пути въ Россію государь остановился въ Варшавѣ во дворцѣ въ Лазенкахъ. Фельдмаршалъ Паскевичъ просилъ о дозволеніи представить городскую депутацію, долженствовавшую поднести приготовленный заранѣе адресъ. Государь согласился на принятіе депутаціи, но отозвался, что говорить будетъ не она, а самъ онъ.



Памятникъ воинамъ, павшимъ на Бородинскомъ полѣ, освященный въ присутствіи императора Николая I въ 1839 г.

Рѣчь, произнесенная тогда императоромъ Николаемъ, произвела не только въ Польшѣ, но и во всей Европѣ глубокое впечатлѣніе; въ ней отсутствовали обыденныя фразы милости и неопредѣленныя обѣщанія, но за то господствовала полнѣйшая искренность чувствъ и словъ. Слушателей въ особенности поразило слѣдующее мѣсто этой знаменитой рѣчи: «Вамъ предстоитъ, господа, выборъ между двумя путями: или участвовать въ мечтахъ о независимой Польшѣ, или жить спокойно и вѣрноподданными подъ моимъ правленіемъ. Если вы будете упрямо лелѣять мечту отдѣльной національности, независимой Польши и всѣ эти химеры, вы только накликете на себя большія несчастія. По повелѣнію моему воздвигнута здѣсь цитадель, и я вамъ объявляю, что при малѣйшемъ возмущеніи я прикажу разгромить вашъ городъ, я разрушу Варшаву и ужъ, конечно, не я отстрою ее снова. Мнѣ тяжело говорить это вамъ, —очень тяжело государю обращаться такъ съ своими подданными; но я говорю это вамъ для вашей собственной пользы. Отъ васъ, господа, зависѣть будетъ заслужить забвеніе прошедшаго. Достигнуть этого вы можете лишь своимъ поведеніемъ и своею преданностію моему правительству».

При такомъ воззрѣніи на польскій вопросъ продолжала существовать политическая аномалія: вольный городъ *Краковъ*. Въ 1836 году отряды войскъ русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ заняли Краковъ. Вскорѣ союзныя войска выступили изъ территоріи республики, но оставили въ ней для поддержанія порядка австрійскій отрядъ. Она окончательно была присоединена къ Австріи лишь въ 1847 г.

Оттоманской Портѣ оставалось еще уплатить Россіи значительную часть военной контрибуціи, опредѣленной Адріанопольскимъ миромъ. При разстройствѣ турецкихъ финансовъ вслѣдствіе возстанія египетскаго паши, императоръ Николай сложилъ всю эту недоимку и очистилъ крѣпость *Силистрію*, остававшуюся въ нашихъ рукахъ въ видѣ залога по этому дѣлу. Она была сдана туркамъ со всею артиллеріею, которою мы вооружили ея твердыни. Такая добровольная, неслыханная уступка, сдѣланная вопреки предвидѣніямъ европейскихъ державъ, несказанно обрадовала султана и привела въ пріятное изумленіе кабинеты вѣнскій, лондонскій и парижскій.

Въ августѣ 1836 года императоръ Николай предпринялъ обширное путешествіе по Россіи. Государь посѣтилъ приволжскія губерніи, начиная съ Нижняго Новгорода, а затѣмъ Казань, Симбирскъ и Пензу.

Изъ Пензы государь выѣхалъ въ Тамбовъ. Ночью, не доѣзжая до городка *Чембаръ*, 26-го августа, лошади понесли экипажъ государя, сидѣвшаго въ немъ съ графомъ Бенкендорфомъ и опрокинули коляску. Императоръ Николай сломалъ себѣ при паденіи лѣвую ключицу и вынужденъ былъ прожить въ Чембарѣ, въ зданіи уѣзднаго училища, двѣ недѣли до 8-го сентября, послѣ чего началось обратное путешествіе въ Царское Село черезъ Москву. Здѣсь государь провелъ безвыѣздно двадцать дней, медленно оправляясь отъ послѣдствій своего паденія.

Слѣдующій 1837 годъ императоръ Николай, несмотря на несчастное приключеніе въ Чембарѣ, провелъ особенно дѣятельно, въ безпрерывныхъ переѣздахъ; путешествіе началось 31-го іюля и окончилось въ декабрѣ. Достаточно одного перечисленія городовъ, въ которыхъ останавливался государь, производилъ смотры войскамъ и осматривалъ все достопримѣчательное, чтобы получить понятіе о его дѣятельности. Это были: Псковъ, Динабургъ, Ковно, Вильна, Минскъ, Бобруйскъ, Кіевъ, Вознесенскъ. Въ этомъ мѣстечкѣ назначено было произвести смотръ собранной здѣсь кавалеріи. Старанніями графа Витта это мѣстечко, менѣе чѣмъ въ годъ, превращено въ настоящій городъ, съ дворцомъ для царской фамиліи, обширнымъ садомъ, театромъ, около двухъ десятковъ большихъ домовъ для знатныхъ особъ и до полутораста меньшихъ для свиты и для приглашенныхъ на этотъ смотръ генераловъ, офицеровъ и заграничныхъ гостей. Для смотра здѣсь сосредоточились 350 эскадроновъ съ 144 конными орудіями. 4-го сентября императоръ Николай продолжалъ предпринятое

путешествіе: онъ посѣтилъ затѣмъ Николаевъ, Севастополь, Геленджикъ, Анапу, Керчь, Редутъ-Кале, Кутаисъ, Ахалцыхъ, Сардаръ-Абадъ, Эчміадзинскій монастырь, Эривань, Тифлисъ, Владикавказъ, Пятигорскъ, Георгіевскъ, Ставрополь, Аксай, Новочеркаскъ, Воронежъ и Москву. 13-го декабря императоръ Николай возвратился въ Петербургъ.

Едва прошло нѣсколько дней, какъ 17-го декабря вечеромъ начался пожаръ Зимняго дворца. Никакія человѣческія средства не могли прекратить распространеніе огня; удалось только отстоять одинъ эрмитажъ съ его вѣковыми сокровищами. Развалины дворца продолжали горѣть трое сутокъ. Государь съ семействомъ поселился въ Аничковскомъ дворцѣ.

Немедленно приступлено было къ отстройкѣ Зимняго дворца согласно его первоначальному виду: 25-го марта 1839 года дворецъ былъ освященъ и государь съ семействомъ водворился въ немъ попрежнему. Въ признательность всѣмъ трудившимся при отстройкѣ дворца, выбита была медаль съ надписью: «Благодарю». «Труды все превозмогаютъ».

Въ послѣдній день Пасхи императоръ Николай разрѣшилъ допустить посѣтителей во всѣ парадныя залы съ галлереями и проходные покои. Въ этотъ день перебывало во дворцѣ до 200,000 человѣкъ, съ 6-ти часовъ вечера до 2-хъ часовъ пополуночи. Дважды государь съ семействомъ прошелъ по всѣмъ направленіямъ по переполненному публикою дворцу. Очевидецъ пишетъ, что «публика продолжая семь часовъ визитацію до того переполнила дворецъ сырымъ, парнымъ удушливымъ воздухомъ, что стѣны, колонны и ваянія съ никними окнами, опотѣвши, ручьями изливали сырость на паркетъ, и рѣшительно ихъ испортила; а мраморы въ желтоватый тусклый цвѣтъ преобразовались». На исправленіе всѣхъ поврежденій потребовалось 35,000 рублей ассигнаціями. Но этимъ однимъ приключеніемъ дѣло не обошлось; лѣтомъ, къ счастію во время пребыванія императорской фамиліи въ Петергофѣ, ночью обрушился потолокъ въ Георгіевской залѣ съ семнадцатью привѣшанными массивными люстрами.

X.

Если историку приходится удивляться безпрерывнымъ путешествіямъ и переѣздамъ Александра I, то въ этомъ отношеніи императоръ Николай далеко опередилъ своего предшественника. 1838 годъ ознаменованъ былъ посѣщеніемъ государемъ Берлина, а затѣмъ Стокгольма; здѣсь бывшему маршалу Бернадоту, Карлу XIV, суждено было неожиданнымъ образомъ увидѣть у себя гостемъ русскаго самодержца. Едва государь успѣлъ возвратиться въ Петергофъ, какъ начались новые переѣзды. Николай Павловичъ отправился въ Варшаву, а затѣмъ, побывавъ въ Силезіи, Саксоніи, Теплицѣ, Баваріи, Виртембергѣ, Пруссіи, моремъ изъ Штетина возвратился въ Ревель, а оттуда сухимъ путемъ въ Царское Село.

Императоръ Николай любилъ большіе сборы войскъ. Послѣ Кишинева и Бонненсенка явился новый предлогъ къ таковому сбору: въ 1839 году предстояло открытіе памятника на Бородинскомъ полѣ сраженія. Мысль объ этомъ сборѣ занимала государя уже съ 1838 года, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь имѣлось въ виду не простое участіе войскъ въ маневрахъ и упражненіяхъ, но увѣковѣченіе преданій о доблестныхъ подвигахъ русской арміи при защитѣ отечества противъ вторженія Наполеона. Ко дню открытія Бородинскаго памятника, 26-го августа вокругъ него сосредоточено было 120,000 человѣкъ. Государь пригласилъ къ этому торжеству уцѣлѣвшихъ сподвижниковъ Кутузова и множество иностранныхъ гостей.

Въ [illegible] Бородинскаго боя состоялся большой парадъ всѣхъ собранныхъ на этой исторической мѣстности войскъ. Утромъ, до [illegible], прочитанъ былъ войскамъ слѣдующій Высочайшій [illegible], собственноручно написанный императоромъ Николаемъ:

«Ратники! Предъ [illegible] памятникъ, свидѣтельствующій о [illegible] вашихъ товарищей. Здѣсь, на этомъ самомъ [illegible] 25 лѣтъ назадъ сѣчь, наименьшій врагъ возметалъ [illegible]. Русское войско [illegible] за Вѣру, Царя и Отечество. Бодро вашихъ [illegible] отъ Москвы до Нѣмецкихъ [illegible] пришедшихъ — и мы вошли въ Парижъ. Теперь настало время возвысить славу великому дѣлу. И такъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ императору Александру I: его твердою волею спасена Россія; вѣчная слава надпимъ геройскою смертію товарищамъ вашимъ, и да послужитъ подвигъ ихъ примѣромъ намъ и позднѣйшему потомству! Вы же всегда будете надеждою и оплотомъ вашему государю и общей матери нашей Россіи».

Этотъ приказъ произвелъ въ войскахъ большое одушевленіе; но иностранцамъ приказъ сильно не понравился; онъ показался имъ страннымъ и почти оскорбительнымъ; они находили, что «въ сущности это однѣ высокопарныя фразы».

Три дня спустя императоръ Николай воспроизвелъ Бородинскую битву. Подъ конецъ маневровъ императоръ Николай не удержался и исправлялъ ошибки, яко бы сдѣланныя нѣкогда, и произвелъ съ драгунами большое обходное движеніе противъ лѣваго фланга и тыла французской арміи.

Послѣ открытія Бородинскаго памятника въ Москвѣ была произведена закладка храма Христа Спасителя, замѣнившаго собою брошенный проектъ Александровскаго царствованія, который предполагалось осуществить на Воробьевыхъ горахъ. Этимъ торжествомъ окончилось памятованіе 1812 года, избавившаго Россію отъ иноплеменнаго нашествія и послужившаго зарей освобожденія Европы.

1839 годъ ознаменованъ былъ еще однимъ важнымъ событіемъ: *воссоединеніемъ уніи*.

Понемногу исчезали съ политическаго поприща александровскіе дѣятели. Графъ *В. П. Кочубей* съ 1827 года предсѣдатель Государственнаго Совѣта, затѣмъ канцлеръ внутреннихъ дѣлъ, умеръ въ 1834 году. Его замѣнилъ въ Государственномъ Совѣтѣ *Н. Н. Новосильцевъ*. Послѣ его смерти въ 1838 году, императоръ Николай назначилъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта графа Илларіона Васильевича *Васильчикова*, который пробылъ въ этомъ званіи до кончины своей, послѣдовавшей въ 1847 году.

Всего болѣе огорчила императора Николая кончина въ 1839 году *Сперанскаго*. Государь признавалъ эту потерю ужасною, неизмѣримою и сказалъ о немъ: «Сперанскаго не всѣ понимали и не всѣ умѣли довольно цѣнить; сперва и я самъ, можетъ быть больше всѣхъ, былъ виноватъ противъ него въ этомъ отношеніи. Мнѣ столько было наговорено о его либеральныхъ идеяхъ; клевета коснулась его даже и по случаю исторіи 14-го декабря! Но потомъ всѣ эти обвиненія разсыпались, какъ пыль. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго, преданнаго и ревностнаго слугу, съ огромными свѣдѣніями, съ огромною опытностію. Теперь всѣ знаютъ, чѣмъ я, чѣмъ Россія ему обязаны — и клеветники умолкли. Единственный упрекъ, который могъ бы я ему сдѣлать, это чувство его къ покойному брату; но и тутъ конечно»... Государь остановился, не кончивъ своей мысли, въ которой, вѣроятно, заключалось тайное, невольное оправданіе Сперанскаго.

Въ 1844 году скончался нѣсколько иной государственный дѣятель, еще болѣе близкій къ императору Николаю; это былъ графъ *А. Х. Бенкендорфъ*, о которомъ государь сказалъ: «онъ ни съ кѣмъ меня не поссорилъ, а со многими примирилъ». Преемникомъ его по управленію III-мъ отдѣленіемъ избранъ былъ графъ *А. Ф. Орловъ*; онъ остался на этомъ мѣстѣ въ продолженіе всѣхъ послѣдующихъ годовъ царствованія императора Николая.

Въ томъ же 1844 году министръ финансовъ еще Александра I, графъ *Е. Ф. Канкринъ*, вынужденъ былъ по болѣзни оставить ввѣренное ему министерство, которымъ онъ управлялъ двадцать два года; въ слѣдующемъ 1845 году онъ скончался. По справедливому замѣчанію его біографа, Канкринъ оставилъ Россіи въ наслѣдство: «Благоустроенные финансы, твердое металлическое обращеніе, вексельный курсъ, оказывавшійся въ пользу нашего отечества. Россія была въ финансовомъ отношеніи могущественною державою, кредитъ которой нельзя было подорвать. И все это было достигнуто безъ сколько-нибудь значительныхъ займовъ, почти безъ повышенія налоговъ, единственно въ силу желѣзной воли, необычайной бережливости и дарованій одного человѣка, ставившаго благо народа выше всего и умѣвшаго ему служить».

Но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти блестящіе результаты могли быть достигнуты потому только,

что за графомъ Канкринымъ стоялъ императоръ Николай. Враговъ у министра и его денежной реформы было великое множество; но козни ихъ рушились передъ всемогущею волею того лица, который никогда не колебался. На этотъ разъ эта непреклонная воля попала на вѣрный путь, и въ результатѣ оказался небывалый финансовый успѣхъ, не смотря на три войны, избѣгнуть которыя Россія не могла бы даже при идеальномъ миролюбіи ея правителя; а къ этимъ бѣдствіямъ слѣдуетъ еще присоединить холеру и неурожаи. Исчезновеніе Канкрина сопровождалось важными послѣдствіями: его замѣнилъ неспособный *Вронченко*, а Николай Павловичъ взялъ въ свои руки финансы, подобно прочимъ отраслямъ государственнаго управленія.

Изъ бывшихъ сподвижниковъ Александра I долѣе всѣхъ бодрствовалъ князь *П. М. Волконскій*. Онъ дожилъ до полученія фельдмаршальскаго жезла и умеръ въ 1852 г., пробывъ двадцать пять лѣтъ министромъ императорскаго двора.

Одинъ изъ молодыхъ дѣятелей Александровскаго времени, П. Д. *Киселевъ*, бывшій начальникъ штаба второй арміи, достигъ въ царствованіе императора Николая необычайнаго возвышенія. Въ 1825 году звѣзда его едва не померкла навсегда; но вскорѣ она засіяла новымъ блескомъ и по возвращеніи изъ придунайскихъ княжествъ, которыми онъ управлялъ съ 1829 года, Киселевъ преобразился въ министра и графа. «Ты будешь мой начальникъ штаба по крестьянской части», — сказалъ ему государь, и въ этихъ видахъ 1-го января 1838 года учреждено было *министерство государственныхъ имуществъ*, образованное изъ департамента, входившаго до того въ составъ министерства финансовъ.

Орловъ.

Канкринъ.

XI.

Новый путь, на который вступила русская политика со времени Мюнхенгреценскаго свиданія, невыгодно отозвался въ особенности на отношеніяхъ Россіи къ Востоку. Дальнѣйшее развитіе турецко-египетской распри привело въ 1840 году къ заключенію Лондонской конвенціи между Россіею, Англіею, Австріею и Пруссіею съ одной стороны и султаномъ съ другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ четыре державы обязывались «блюсти за поддержаніемъ цѣлости и независимости Оттоманской Имперіи въ интересѣ упроченія европейскаго мира». Въ Петербургѣ остались весьма довольными Лондонскою конвенціею, исключавшею Францію изъ европейскаго «концерта», и усматривали въ ней первый шагъ къ возстановленію священнаго союза четырехъ великихъ державъ противъ революціонной Франціи. Химеры 1814 и 1815 годовъ все болѣе уклоняли Россію отъ пути, ведущаго къ соблюденію ея истинныхъ интересовъ. Дѣйствительно въ порывѣ безпримѣрнаго безкорыстія, императоромъ Николаемъ принесены были въ жертву: принципъ невмѣшательства иностранныхъ державъ въ наши отношенія съ Портой и Ункіаръ-Искелесскій договоръ. Мы вполнѣ добровольно отступили на второй планъ и сами же содѣйствовали къ возвышенію обаянія Англіи на Востокѣ.

Вступивъ разъ на ложный путь и увлекаясь все болѣе интересами консервативной Европы, въ ущербъ насущнымъ выгодамъ Россіи, трудно было снова воскресить въ отношеніяхъ къ Турціи традиціонную нашу политику. Затѣянный «концертъ» продолжался, и въ 1841 году подписанъ былъ новый Лондонскій договоръ, на этотъ разъ уже пятью великими державами. Новое соглашеніе привело къ европейской опекѣ надъ нашимъ ближайшимъ сосѣдомъ и вѣковымъ противникомъ и къ безусловному закрытію обоихъ проливовъ (Дарданеллъ и Босфора) для военныхъ судовъ всѣхъ державъ. А что было хуже всего, послѣ временнаго охлажденія англо-французскій союзъ снова вошелъ въ силу. Вотъ какими послѣдствіями сопровождалось отреченіе Россіи отъ самостоятельной

Волконскій.

Кочубей.

восточной политики и замѣна ея обще-европейскимъ соглашеніемъ по отношенію къ Турціи.

Что же касается Австріи и Пруссіи, то съ каждымъ годомъ императоръ Николай могъ менѣе разсчитывать на ихъ союзъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ онъ этого желалъ; вращаясь попрежнему въ идеяхъ священнаго союза, онъ не допускалъ возможности проявленія новыхъ политическихъ теченій и взглядовъ, отличныхъ отъ прежнихъ. Въ 1840 году скончался король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III, а преемникъ его Фридрихъ-Вильгельмъ IV оказался склоннымъ къ постепенному водворенію конституціонной формы правленія. Подобная уступка духу времени преисполнила императора Николая глубокою печалью и горечью, которыя онъ въ 1847 году излилъ въ письмѣ къ князю Варшавскому въ слѣдующихъ рѣзкихъ выраженіяхъ: «И такъ вотъ, чего мы опасались, сбылось. Пруссія изъ нашихъ рядовъ вибыла и ежели еще не перешла въ ряды враговъ, то почти навѣрно полагать можно, что чрезъ малое время и вопреки волѣ короля станетъ явно противъ насъ, то есть противъ порядка и законовъ! Нетерпѣніе короля чванствовать передъ своими камерами побудило его безъ всякой причины ихъ теперь же созвать, какъ бы въ доказательство, что смѣется надъ нами и надъ тѣми, которые не переставали выставлять ему всю безразсудность его затѣи. Что изъ этого выйдетъ, одинъ Богъ знаетъ. Но одно уже положительно, насъ было *трое*, теперь мы много, что *двое*, но за то отвѣчаю положительно, что я тверже и непоколебимѣе прежнаго въ правилахъ, которыя унаслѣдовалъ отъ покойнаго государя, которыя себѣ усвоилъ и съ которыми съ помощію Божіею жилъ и умереть. Въ нихъ однихъ вижу наше спасеніе. Сторона Пруссіи пала, она погибла невозвратно; нынѣшняя ея то ни се что то переходное, а будущее ужасно для насъ мое убѣжденіе, отъ котораго желалъ бы, но не могу отойти».

Вообще говоря, казалось, что Пруссія еще въ залогѣ, а съ варваръ пять къ разрушенію, а что въ остальной Германіи безпорядокъ и вялость, а со стороны правительства одна трусость или измѣнничество».

Вотъ съ какими мыслями встрѣтилъ императоръ Николай 1848 годъ, который не даромъ представлялся ему ужаснымъ. Событія не заставили себя ждать. 21-го февраля государь получилъ извѣстіе, что парижскія волненія побудили короля Людовика-Филиппа отказаться отъ престола въ пользу своего внука, графа Парижскаго, а на другой день, во время бала въ Зимнемъ дворцѣ, узнали, что во Франціи была провозглашена республика. Паденіе короля узурпатора обрадовало государя, который сказалъ: «Вотъ наконецъ комедія сыграна и кончена, и бездѣльникъ свергнутъ (voila donc la comédie jouée et finie et le coquin à bas). Вотъ скоро восемнадцать лѣтъ, что меня называли глупцомъ, когда я говорилъ, что его преступленіе будетъ наказано еще на этомъ свѣтѣ, и однако же мои предсказанія теперь исполнились. И по дѣломъ ему, прекрасно, безподобно! Онъ выходитъ въ ту же самую дверь, въ которую вошелъ».

Императоръ Николай I провожаетъ гробъ солдата. Рис. Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.

Хотя сначала императоръ Николай сказалъ, что дастъ слово, что за этихъ бездѣльниковъ французовъ не будетъ пролито ни одной капли русской крови, но послѣдующія событія поколебали этотъ взглядъ. Вскорѣ послѣдовали одна за другою вѣсти о смутахъ въ Германіи и, наконецъ, даже въ Вѣнѣ: въ тогдашнемъ центрѣ европейскаго консерватизма, восторжествовавшая революція обратила въ бѣгство князя Меттерниха. Всѣ эти событія придали временно воинственный оттѣнокъ настроенію императора Николая, подобно тому, какъ это случилось въ 1830 году; но благоразуміе одержало верхъ, и дѣло ограничилось пока грознымъ манифестомъ 14-го марта 1848 года, который былъ прочитанъ всенародно во всѣхъ петербургскихъ церквахъ и возвѣщалъ слѣдующее:

«Послѣ благословеній долголѣтняго мира западъ Европы внезапно взволнованъ нынѣ смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства. Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи, и, разливаясь повсемѣстно съ наглостію, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся, на-

конецъ, и союзныхъ намъ имперіи Австрійской и королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ, въ безуміи своемъ, и нашей, Богомъ намъ ввѣренной Россіи. Но да не будетъ такъ! По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ на помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они не предстали, и, не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ со святою нашею Русью защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ. Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподданный нашъ, отвѣтитъ радостно на призывъ своего государя; что древній нашъ возгласъ: за вѣру, царя и отечество, и нынѣ предукажетъ намъ путь къ побѣдѣ, и тогда, въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святого на него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ: Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся: яко съ нами Богъ».

Уваровъ.

Въ Европѣ посмотрѣли на манифестъ 14-го марта, какъ на вызовъ со стороны Россіи. Въ самой же имперіи манифестъ далеко не способствовалъ успокоенію умовъ. Мирное семнадцатилѣтіе Николаевскаго царствованія приходило къ концу. 19-го марта 1848 года, въ годовщину занятія Парижа въ 1814 году, началось выступленіе первыхъ частей войскъ гвардейскаго корпуса къ нашей западной границѣ, на случай возможной войны.

Хотя въ Россіи господствовало въ 1848 году полнѣйшее спокойствіе и все казалось поконченнымъ, запакованнымъ и за пятью печатями сданнымъ на почту для выдачи адресату, котораго заранѣе предположено не разыскивать, тѣмъ не менѣе политическое броженіе на западѣ Европы все-таки отразилось на нашихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Явилась возможность провести въ жизнь нѣкоторую реакцію. Задача была не изъ легкихъ, при тогдашнихъ условіяхъ жизни въ Россіи, но усердіе нѣкоторыхъ сторонниковъ реакціоннаго направленія добилось осуществленія своихъ предположеній.

2-го апрѣля 1848 года учрежденъ былъ особый комитетъ для безгласнаго надзора за дѣйствіями цензуры съ обязанностію представлять свои замѣчанія и предположенія непосредственно государю. Онъ состоялъ изъ члена государственнаго совѣта *Д. П. Бутурлина* и статсъ-секретарей барона *М. А. Корфа* и *Деляя*. Надзоръ этого комитета предполагалось сначала ограничить одними лишь періодическими изданіями, но потомъ онъ распространенъ былъ на всѣ вообще произведенія нашей печати. Такимъ образомъ образовалась у насъ съ 1848 года двойная цензура, *предварительная* въ лицѣ обыкновенныхъ цензоровъ, просматривавшая *до печати*, и *взыскательная* или *карательная*, подвергавшая своему разсмотрѣнію только уже *напечатанное* и привлекавшая, съ утвержденія и именемъ государя, къ отвѣтственности, какъ цензоровъ, такъ и авторовъ, за все, что признавала предосудительнымъ или противнымъ видамъ правительства. Комитетъ 2-го апрѣля просуществовалъ до 1856 года и былъ закрытъ уже въ царствованіе императора Александра II.

Въ то время когда учрежденъ былъ комитетъ 2-го апрѣля, министръ народнаго просвѣщенія *графъ Уваровъ* былъ уже разбитъ параличемъ; 20-го октября 1849 года онъ по прошенію уволенъ былъ отъ управленія министерствомъ, во главѣ котораго онъ находился съ 1833 года. Преемникомъ ему императоръ Николай избралъ товарища министра *князя Ширинскаго-Шихматова*. Поводомъ къ его назначенію послужила записка, поданная имъ государю, о необходимости преобразовать преподаваніе въ нашихъ университетахъ такимъ образомъ, чтобы впредь всѣ положенія и выводы науки были основываемы не на умствованіяхъ, а на религіозныхъ истинахъ, въ связи съ богословіемъ. Въ то время въ Петербургѣ заговорили, что съ назначеніемъ князя Ширинскаго-Шихматова министерству и самому просвѣщенію въ Россіи данъ не только шахъ, но и матъ.

Новое направленіе, которое придали событія 1848 года внутренней русской политикѣ выступило еще болѣе рельефно въ отношеніяхъ правительства къ крестьянскому вопросу, къ которому императоръ Николай всегда относился съ сочувствіемъ. До 1848 года правительство и общество признавало крѣпостное право за несомнѣнное зло. Противъ этого никто не возражалъ, никто за него въ печати не вступался, и спорили только о томъ: наступило ли время упразднить его и какимъ образомъ измѣнить существовавшій тогда порядокъ. Но затѣмъ взгляды измѣнились: правительство приняло крѣпостное право явнымъ образомъ подъ свое особенное покровительство; оно было безусловно изъято изъ круга тѣхъ вопросовъ, о которыхъ дозволялось разсуждать печатно; самые отдаленные намеки на кривизну его стороны преслѣдовались цензурою съ безпощадною строгостію. Но всего этого было мало.

Усмиреніе Венгріи въ 1849 г. Гергей сдается графу Ридигеру. Рис. Заурвейда.

Въ нашей литературѣ и въ изданіяхъ казенныхъ стали появляться апологіи крѣпостного права, вызванныя не изъ юридическихъ или административныхъ соображеній, но изъ общихъ религіозно-нравственныхъ началъ, апологіи, такъ сказать, самаго существа крѣпостного права. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи одно мѣсто въ наставленіи для

образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, изданномъ въ 1852 году. Въ пользу крѣпостного права приведены были тексты изъ священнаго писанія, единственный, доселѣ небывалый примѣръ въ нашей литературѣ. Въ немногихъ словахъ преподаваемое правоученіе заключалось къ слѣдующемъ: берегите крѣпостное право, какъ учрежденіе Божественное, какъ Божье законъ, употребляйте его, какъ власть родительскую надъ дѣтьми.

Лѣтомъ холера снова посѣтила Петербургъ. 4-го іюня заболѣлъ первый больной, а 23-го іюня занемогло уже въ одинъ день 1,096 человѣкъ, изъ коихъ умерло болѣе половины. Съ этого дня эпидемія начала медленно уменьшаться. Бѣдствіе постигшее столицу не обошлось безъ нѣкоторыхъ народныхъ волненій, однако не похожихъ на происшествія 1831 года.

Въ слѣдующемъ 1849 году всенею открытъ былъ въ Петербургѣ такъ-называемый заговоръ *Петрашевскаго*. Всѣхъ замѣшанныхъ оказалось около 50 человѣкъ. Учреждена была слѣдственная комиссія, а затѣмъ военно-судная комиссія, которая, руководствуясь полевымъ уголовнымъ уложеніемъ, приговорила 21 подсудимаго къ смертной казни. Генералъ-аудиторіатъ представилъ дѣло государю, который не опредѣлилъ ни одной смертной казни, подвергнувъ виновныхъ разнымъ другимъ наказаніямъ. Баронъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ пишетъ, что все «дѣло отнюдь не имѣло ни такой важности, ни такого развитія, какія въ началѣ придали ему городскіе слухи, обыкновенно все преувеличивающіе».

XII.

Въ концѣ 1848 года состоялись отреченіе императора Фердинанда и вступленіе на престолъ императора Франца-Іосифа. Волненіе Венгріи принудило его обратиться къ русскому государю за помощью противъ своихъ мятежныхъ подданныхъ. Императоръ Николай, не колеблясь ни одной минуты, даровалъ просимую помощь и русская армія подъ предводительствомъ князя Варшавскаго вступила черезъ Галицію въ Венгрію. Кампанія завершилась тѣмъ, что мадьярская армія положила оружіе передъ русскими войсками подъ Виллагошемъ, 1-го (13-го) августа 1848 года. «Венгрія»,—доносилъ государю Паскевичъ: «у ногъ вашего императорскаго величества».

Усмиривъ Венгрію, водворивъ своимъ вліяніемъ въ Германіи законный порядокъ, установленный вѣнскимъ конгрессомъ, императоръ Николай достигъ въ 1850 году апогея своего политическаго могущества. «То что сдѣлалъ я съ Венгріею, ожидаетъ всю Европу»,—сказалъ государь.

Передавая наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу всеподданнѣйшій отчетъ по дипломатической части, представленный графомъ Нессельроде 20-го ноября 1850 года ко дню тезоименитства царствованія, императоръ Николай подчеркнулъ на немъ слѣдующія достопамятныя слова: «Дай Богъ, чтобъ удалось мнѣ тебѣ сдать Россію такою, какою я стремился ее поставить, сильной, самостоятельной и доброжелательной: добро, никому зло».

Но Провидѣніе разсудило иначе. Зловѣщая гроза стала медленно подвигаться со стороны Франціи, и вскорѣ обнаружилось, что новое, наполеоновское правительство задалось цѣлью ниспровергнуть политическое зданіе, воздвигнутое въ 1815 году и охраняемое въ ущербъ выгодамъ Россіи рыцарскимъ безкорыстіемъ императора Николая, съ самаго его восшествія на престолъ.

Въ августѣ 1851 года, императоръ Николай отправился съ семействомъ въ Москву, по случаю тезоименитства своего наслѣдника. Въ первый разъ этотъ переѣздъ совершался по вновь устроенной московской желѣзной дорогѣ, созданной волею императора Николая, противно мнѣнію многихъ просвѣщенныхъ его современниковъ. Открытіе для публики послѣдовало только 1-го ноября.

Въ Москвѣ государя встрѣтилъ князь Варшавскій. Накануне празднованія дня коронованія, императоръ Николай навѣстилъ фельдмаршала и обратился къ нему съ слѣдующими достопамятными словами:

«Завтра исполнится двадцать пять лѣтъ моего царствованія — царствованія, которое ты, Иванъ Ѳедоровичъ, прославилъ своею доблестною службою и заслугами Россіи. При грустныхъ предзнаменованіяхъ сѣлъ я на престолъ русскій и долженъ былъ начать мое царствованіе казнями, ссылкой. Я не нашелъ вокругъ престола людей, могущихъ руководить царемъ — я долженъ былъ создавать людей и царствовать. У меня не было людей преданныхъ. Дѣла на Востокѣ требовали назначенія туда человѣка твоего ума, твоихъ военныхъ способностей, твоей воли. Я остановился на тебѣ. Само Провидѣніе мнѣ указало на тебя. Ты имѣлъ враговъ — несмотря на всѣ разсказы противу тебя; я держалъ тебя, Иванъ Ѳедоровичъ. Ты доказалъ, отецъ-командиръ, что я былъ правъ. Едва успокоились дѣла на Востокѣ, какъ царство мое посѣтило новое общее несчастіе — холера. Народъ всѣ несчастія приписываетъ лицамъ царствующимъ. Видитъ Богъ, сколько страданій мнѣ стоило это общее народное испытаніе. Война въ Польшѣ — новое испытаніе грустное. Кровь русская лилась или отъ ошибокъ вождя, или отъ неудачъ посылаемыхъ свыше. Дѣла наши были плохи! И снова я ухватился за тебя, Иванъ Ѳедоровичъ, какъ за единственное спасеніе Россіи и снова ты не обманулъ моихъ надеждъ и возвеличилъ царство мое. Двадцатилѣтнимъ управленіемъ края Польскаго ты положилъ начало счастію двухъ родныхъ, враждебныхъ элементовъ. Надѣюсь, что русскій и полякъ составитъ одно царство русское — *славянское*, сохранятъ въ исторіи имя твое, наравнѣ съ именемъ Николая. Нынѣ еще такъ недавно, когда западъ Европы, взволнованный стремленіемъ къ необузданной дикой свободѣ, когда народы ниспровергали законную власть и престолы, въ то время, когда я рѣшился подать руку помощи моему брату и союзнику, монарху Австріи, ты, отецъ-командиръ, повелъ моихъ воиновъ на новую брань — ты смирилъ гидру мятежа! Въ шесть недѣль кончилъ ты войну въ Венгріи, поддержалъ и укрѣпилъ колеблющійся тронъ Австріи. Иванъ Ѳедоровичъ! Ты — слава моего двадцатипятилѣтняго царствованія. Ты — исторія царствованія Николая I-го».

Нессельроде.

XIII.

Когда принцъ Людовикъ-Наполеонъ совершилъ государственный переворотъ 2-го декабря 1851 года и надо было ожидать возстановленія второй имперіи, императоръ Николай сказалъ, что судя по письму, полученному имъ отъ Фридриха-Вильгельма IV, «ранѣе конца будущаго года Людовикъ-Наполеонъ сдѣлается нашимъ коллегою. Я позволяю себѣ сомнѣваться въ этомъ. Пусть онъ сдѣлается чѣмъ онъ хочетъ, даже великимъ муфтіемъ (Grand-Muftie même), если это ему нравится, но что касается титула императора или короля, я не думаю, чтобы онъ былъ настолько неостороженъ (imprudent), чтобы на него посягнуть». По мнѣнію императора Николая, коль скоро Людовикъ-Наполеонъ пожелаетъ сдѣлаться государемъ, онъ обратится въ *узурпатора*, потому ему недостаетъ «*droit divin*», онъ будетъ государемъ фактически, но никогда не по праву,—однимъ словомъ вторымъ Людовикомъ-Филиппомъ (dès que Louis-Napoléon, le chef électif de la nation veut se faire souverain, il devient *usurpateur*, parce que le *droit Divin* lui manque; sera-t-il con-

quérant ou non, c'est tout à fait indifférent, quand au principe même, il sera sauverain de fait, jamais de droit, en un mot un second Louis-Philippe, moins l'odieux caractère de ce gredin).

Когда же французскіе дипломатическіе представители въ Петербургѣ и въ Варшавѣ вознамѣрились праздновать 15-е августа, императоръ Николай начерталъ по этому поводу слѣдующую резолюцію:

«Публичную церковную службу по Наполеонѣ допустить не слѣдуетъ, ибо онъ императоромъ пересталъ быть, бывъ сосланъ и запертъ на островѣ св. Елены. Нѣтъ никакого приличія праздновать рожденіе покойнаго Наполеона у насъ, откуда препровожденъ былъ съ подобающею честью».

Уже одно появленіе наполеоновской имперіи выходило изъ предѣловъ, которые могъ когда-либо дозволить императоръ Николай; оно прямо противорѣчило постановленіямъ вѣнскаго конгресса, которыя служили основаніемъ народнаго права Европы. Союзники императора Николая смотрѣли, однако, на дѣло нѣсколько иначе: Австрія и Пруссія признали Наполеона III. Тогда государю оставалось только, скрѣпя сердце, послѣдовать ихъ примѣру; но за то государь отступилъ отъ общепринятыхъ дипломатическихъ формъ и въ письмѣ своемъ къ Наполеону III назвалъ его не братомъ, но *«le bon ami»*.

Вскорѣ на политическомъ горизонтѣ явился восточный вопросъ, ловко выдвинутый съ затаенною цѣлью Наполеономъ III; коварные разсчеты его не замедлили оправдаться: русскія войска перешли въ 1853 году Прутъ, и заняли княжества, какъ залогъ, до исполненія требованій предъявленныхъ Оттоманской Портѣ со стороны императора Николая. Австрійская неблагодарность открыла безопасный путь для козней англо-французской дипломатіи. Началась Восточная война, сперва къ турецкихъ предѣлахъ, а затѣмъ сосредоточившаяся на Крымскомъ полуостровѣ, вокругъ Севастополя. Противъ Россіи, въ союзѣ съ Турціею, ополчилась Франція, Англія и позже, въ 1855 году, маленькая Сардинія; но на ихъ сторонѣ находилось нравственное превосходство, сочувствіе всей остальной Европы, помышлявшей уже объ отторженіи отъ Россіи ея завоеваній.

XIV.

Занятіе русскими войсками, подъ начальствомъ князя М. Д. Горчакова, придунайскихъ княжествъ и безуспѣшность дипломатическихъ переговоровъ привели къ тому, что Турція объявила намъ войну 27-го сентября 1853 года. Къ величайшему огорченію императора Николая распоряженія князя Горчакова не соотвѣтствовали обстоятельствамъ. Произошло неудачное дѣло подъ *Олтеницею*, и турки укрѣпились на лѣвомъ берегу Дуная у *Калафата*. На морѣ военныя дѣйствія сопровождались большимъ успѣхомъ. 18-го ноября 1853 года Нахимовъ разгромилъ турецкій флотъ подъ

Пріѣздъ Николая I съ первымъ поѣздомъ николаевской желѣзной дороги въ Москву 19-го августа 1851 г. Встрѣча поѣзда главноуправляющимъ путей сообщенія, графомъ Клейнмихелемъ.

Синопомъ — это было послѣднимъ утѣшительнымъ военнымъ событіемъ, обрадовавшимъ императора Николая. Но послѣдствія этой побѣды оказались для насъ тяжкими: англо-французскій флотъ вошелъ въ Черное море, и всякая надежда избѣгнуть войны съ западными державами отнынѣ исчезла. Манифестомъ 9-го февраля 1854 года было объявлено о прекращеніи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціею и Англіею.

11-го марта 1854 года русская армія совершила переправу черезъ Дунай въ трехъ пунктахъ: Браиловѣ, Галацѣ и Измаилѣ и утвердилась на правомъ берегу рѣки. Англія и Франція потребовали отъ насъ очищенія княжествъ, объявивъ, что неисполненіе этого предложенія сочтутъ равносильнымъ объявленію войны. На подобное требованіе императору Николаю оставалось только отвѣтить отказомъ. Послѣдствія его не замедлили обнаружиться; 10-го апрѣля Одесса уже подверглась бомбардированію со стороны непріятельскаго флота.

Князь Горчаковъ намѣревался открыть наступательныя дѣйствія противъ крѣпости *Силистріи*; но предпріимчивость

князя, выразившаяся занятіемъ Гирсова, вскорѣ прекратилась и безслѣдно исчезла. Къ нижнему Дунаю прибылъ фельдмаршалъ князь Варшавскій, назначенный главнокомандующимъ всѣми войсками, на западной и южной границахъ расположенными. Хотя императоръ Николай смотрѣлъ на удачный переходъ черезъ Дунай, какъ на *залогъ будущихъ успѣховъ противъ враговъ святой вѣры и отечества*, и ожидалъ отъ арміи дальнѣйшихъ подвиговъ, но не такъ смотрѣлъ на дѣла наши на Балканскомъ полуостровѣ фельдмаршалъ. Подъ вліяніемъ чрезмѣрныхъ опасеній, вызванныхъ двусмысленной политикой Австріи, собиравшейся удивить свѣтъ величіемъ своей неблагодарности, онъ уже тогда указывалъ на необходимость приготовиться къ отступленію за Серетъ.

Генералъ-адъютантъ К. А. Шильдеръ.

Не осмѣливаясь прямо и открыто отмѣнить предначертанія государя и видимо приступая къ исполненію ихъ, фельдмаршалъ осторожно направлялъ всѣ усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать подъ благовидными предлогами осадѣ Силистріи и при первой возможности отвести армію на лѣвый берегъ Дуная. Въ письмѣ къ императору Николаю фельдмаршалъ умолялъ государя отказаться отъ осады Силистріи и очистить княжества. Отвѣтомъ послужило грозное письмо изъ Петербурга съ повелѣніемъ не упускать драгоцѣннаго времени. Далѣе нельзя было медлить; фельдмаршалъ подступилъ къ Силистріи, но отказался отъ блокады крѣпости и рѣшился вести дѣло такимъ образомъ, чтобы непріятель только почиталъ себя въ осадномъ положеніи. Свободное сообщеніе Силистріи съ Шумлою не прекращалось во все время нахожденія здѣсь русскихъ войскъ.

И такъ, участь похода на Дунаѣ была рѣшена въ роковомъ смыслѣ для славы полководца и для славы ввѣренныхъ ему войскъ. Всѣ силы сосредоточенной на Дунаѣ сто-тысячной русской арміи направлены были къ правильной осадѣ двухъ передовыхъ полевыхъ укрѣпленій крѣпости Силистріи, которыя къ тому же фельдмаршалъ не имѣлъ вовсе намѣренія взять, считая всякій одержанный на дунайскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій успѣхъ безполезнымъ. При подобной невозможной обстановкѣ веденіе осадныхъ работъ подъ Силистріею было поручено генералъ-адъютанту Шильдеру.

28-го мая фельдмаршалъ былъ контуженъ во время рекогносцировки и удалился въ Ясы. 1-го іюня во время обхода передовыхъ работъ генералъ-адъютанту Шильдеру осколкомъ гранаты разрубило правую ногу. Минныя работы противъ Арабъ-Табіи продолжались и ночью съ 8-го на 9-е іюня войска готовились уже штурмовать передовыя силистрійскія укрѣпленія, когда явился адъютантъ съ повелѣніемъ фельдмаршала снять осаду Силистріи. Князь Горчаковъ, во избѣжаніе напраснаго кровопролитія, отмѣнилъ штурмъ и затѣмъ, снявъ осаду, перевелъ войска на лѣвый берегъ Дуная. Вскорѣ начатое отступленіе довершено было обратнымъ движеніемъ дунайской арміи изъ княжествъ въ предѣлы имперіи.

Получивъ донесеніе о снятіи осады Силистріи, императоръ Николай писалъ по этому поводу князю Варшавскому, 14-го (26-го) іюня: «Нельзя не жалѣть о снятіи осады Силистріи, сколь она не вынуждена была замыслами Австріи. Послѣдствія будутъ весьма непріятны, поднявъ духъ турокъ, уронивъ духъ нашихъ, напрасно истратившихъ столько храбрости и трудовъ, да притомъ и, что главное, развязавъ руки союзникамъ опять обратиться къ исполненію своихъ высадокъ, въ особенности въ Крыму, куда, вѣроятно, всѣ усилія теперь обратятся».

Генералъ-адъютанту Шильдеру государь писалъ: «Если успѣхъ не увѣнчалъ нашихъ усилій, трудовъ и пожертвованій, то, сожалѣя со мною о необходимости на время отложить начатое, утѣшайся мыслью, что ты все сдѣлалъ, что только отъ тебя зависѣло для достиженія цѣли».

Опасенія, высказанныя императоромъ Николаемъ относительно возможности предстоявшей теперь высадки союзниковъ въ Крыму, были какъ нельзя болѣе справедливы. Во время обратнаго движенія войскъ изъ придунайскихъ княжествъ въ главную квартиру князя Горчакова стали проникать все болѣе положительныя свѣдѣнія о высадкѣ въ Крымъ, подготовляемой союзниками въ Варнѣ. Участь, которая ожидала неукрѣпленный съ сухого пути Севастополь, въ случаѣ осуществленія непріятелемъ подобной попытки, сильно тревожила князя Горчакова; въ виду этихъ обстоятельствъ онъ рѣшился отправить въ Крымъ опытнаго инженера, *лучшаго ученика Шильдера*, какъ онъ выразился въ письмѣ къ князю Меншикову. Это былъ бывшій адъютантъ генерала Шильдера, подполковникъ *Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ*.

Истребленіе турецкаго флота при Синопѣ.

Но князь Горчаковъ этимъ не довольствовался; онъ, не имѣя на то никакого разрѣшенія, двинулъ въ Крымъ 16-ю пѣхотную дивизію. Принимая подобное рѣшеніе, князь Горчаковъ превысилъ данную ему власть и дѣйствовалъ вопреки положительнымъ предписаніямъ фельдмаршала, становясь совершенно въ разрѣзъ съ его взглядомъ на положеніе дѣлъ. Вѣрный военный взглядъ императора Николая оцѣнилъ по

достоинству всю важность сдѣланнаго распоряженія. «Нельзя благоразумнѣе поступить, ни распорядиться, какъ ты это сдѣлалъ», писалъ государь князю Горчакову 14-го іюля.

Одинъ князь Варшавскій, какъ и подъ Силистріей, неизмѣнно продолжалъ настаивать на своей ложной оцѣнкѣ политическаго и военнаго положенія: онъ отрицалъ справедливость опасеній за Крымъ, и его настойчиво преслѣдовалъ обычный призракъ: неблагодарная Австрія, готовая вторгнуться въ русскіе предѣлы: онъ постоянно утверждалъ, что каковъ бы ни былъ планъ французовъ, не они, не англичане и не турки, а австрійцы всего намъ опаснѣе, а потому фельдмаршалъ всѣми силами старался притянуть къ западной границѣ возможно большее число войскъ. «Полагаю, что князю Горчакову не должно бы отсылать 16-ю дивизію изъ Молдавіи», писалъ Паскевичъ государю. Императоръ Николай отвѣтилъ фельдмаршалу: «Посылка 16-й дивизіи, какъ бы она еще не полезна была въ Бессарабіи, совершенно необходима, чтобы дать вѣроятіе отстоять Крымъ, но и Севастополь, котораго защита, по степени сухопутной обороны, невозможна почти безъ значительной силы, тогда какъ извѣстно, съ какими способами сбираются союзники атаковать. Надѣюсь, что дивизія прибудетъ еще во-время и, быть-можетъ, рѣшитъ дѣло въ нашу пользу и уничтожитъ всѣ надежды враговъ на легкое овладѣніе. Сохраненіе Крыма, обезпеченіе Севастополя и флота теперь для насъ первѣйшая важность; если будемъ такъ несчастливы, что лишимся ихъ, надолго Россія ощущать будетъ этотъ тяжкій ударъ. Отвратить его, елико можно,—предметъ наиважнѣйшій».

Но, какъ справедливо замѣтилъ въ своихъ запискахъ князь Викторъ Илларіоновичъ Васильчиковъ: «Свыше было рѣшено иначе, вѣроятно для того, чтобы мы, русскіе, не зазнались окончательно, взглянули серьезно на внутреннія наши неурядицы и подумали бы о врачеваніи своихъ недуговъ».

Развязка послѣдовала 2-го сентября. Союзники въ числѣ болѣе 62.000 человѣкъ при 134 полевыхъ и 74 осадныхъ орудіяхъ высадились въ Евпаторіи. Князь Меншиковъ тотчасъ распорядился сосредоточить на Альминской позиціи имѣвшіяся въ его распоряженіи силы до 33.000 человѣкъ при 96 орудіяхъ и принялъ рѣшеніе попытаться въ неравномъ бою остановить дальнѣйшее вторженіе союзниковъ и спасти Севастополь отъ грозившей ему участи. Союзники побѣдили, русскія войска отступили и дорога въ Севастополь была открыта торжествующему непріятелю.

Началась безсмертная одиннадцати-мѣсячная Севастопольская эпопея, во время которой каждый, начиная отъ солдата и кончая адмираломъ, увѣнчаннымъ синопскими лаврами, исполнили долгъ вѣрнаго слуги государю и честнаго сына отечества. Безропотно они покорились своему удѣлу и умирали героями, искупая чужія прегрѣшенія, а черноморскій флотъ погрузился въ волнахъ собственнаго рейда.

Рыцарская душа императора Николая не могла примириться съ полнымъ крушеніемъ всѣхъ его политическихъ идеаловъ, внутреннихъ и внѣшнихъ: военныя же неудачи глубоко потрясли могучій организмъ императора. Такимъ образомъ, императоръ Николай палъ жертвою настойчиваго осуществленія усвоенныхъ имъ печальныхъ преданій александровской политики послѣдняго десятилѣтія правленія Благословеннаго и сознательнаго уклоненія отъ политической системы Екатерины II, которой онъ не сочувствовалъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ представимъ себѣ въ 1853 году на русскомъ престолѣ Александра I. Можно поручиться, что не случилось бы севастопольскаго погрома, а Наполеонъ III былъ бы прикопченъ ранѣе 1870 года и притомъ русскими руками, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ новыхъ выгодъ для имперіи. Но прямолинейная, рыцарская натура императора Николая не была способна къ тильзитскимъ гонкостямъ и эрфуртскимъ ухищреніямъ, проявленнымъ Александромъ I съ такимъ непотрясаемымъ совершенствомъ въ одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ русской исторіи.

18-го февраля 1855 года Россія, а за нею и вся Европа были поражены неожиданнымъ извѣстіемъ о скоропостижной

Общій видъ Севастополя до занятія его союзниками. По рис. И. К. Айвазовскаго.

кончинѣ императора Николая и о вступленіи императора Александра II.

Царь-Освободитель.

Очеркъ **А. А. Шумахера.**

I.

Великій князь Александръ Николаевичъ — впослѣдствіи императоръ Александръ II. Царь-Освободитель — родился въ стѣнахъ Московскаго кремля 17-го апрѣля 1818 года, въ царствованіе дѣда своего, императора Александра I Благословеннаго.

Когда, вслѣдствіе неожиданной безвѣстной кончины императора Александра Павловича, на всероссійскій престолъ вступилъ братъ покойнаго Государя, великій князь Николай Павловичъ, семилѣтній въ то время старшій сынъ новаго императора, великій князь Александръ Николаевичъ объявленъ былъ наслѣдникомъ престола.

Еще за годъ слишкомъ до этого, когда великому князю Александру Николаевичу только-что минуло шесть лѣтъ, къ нему назначенъ былъ воспитателемъ подполковникъ Карлъ Карловичъ Мерцеръ, обратившій на себя вниманіе великаго князя Николая Павловича своими высокими нравственными достоинствами, какъ человѣкъ въ высшей степени честный и добрый, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердый характеромъ.

Затѣмъ, вскорѣ послѣ коронаціи Императора Николая Павловича, къ малолѣтнему наслѣднику престола назначенъ былъ и наставникъ, въ лицѣ извѣстнаго поэта нашего Василія Андреевича Жуковскаго.

Мерцеръ и Жуковскій—воспитатель и наставникъ великаго князя Александра Николаевича — воспитывали въ немъ не только будущаго Государя, но и человѣка, въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, внушая цесаревичу благороднѣйшія мысли и всѣяя въ его юномъ сердцѣ чувство уваженія къ человѣческой личности и христіанскую любовь къ ближнему.

По свидѣтельству тѣхъ же Мерцера и Жуковскаго, великій князь Александръ Николаевичъ одаренъ былъ щедрою рукою природы блестящими способностями и выдающимися нравственными качествами, обладалъ необычайно яснымъ и здравымъ умомъ, живымъ, веселымъ нравомъ, прямымъ характеромъ и прекраснымъ, благороднымъ сердцемъ, всегда готовымъ на все доброе и хорошее.

Весною 1829 года императоръ Николай Павловичъ предпринялъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, путешествіе въ Варшаву, а затѣмъ и заграницу. Какъ воспитатель наслѣдника, Мерцеръ сопровождалъ въ этомъ путешествіи царское семейство и ежедневно записывалъ наиболѣе выдающіяся поступки своего воспитанника. 19-го марта, сообщаетъ онъ въ своемъ дневникѣ, великій князь Александръ Николаевичъ услыхалъ отъ матери своей, государыни императрицы Александры Ѳеодоровны, что онъ будетъ сопровождать ея величество въ Варшаву. Разсказывая объ этомъ своему воспитателю, цесаревичъ спросилъ, откуда возьмутъ такое множество лошадей, и на данное ему Мерцеромъ объясненіе замѣтилъ: «Какое несчастіе для бѣдныхъ мужиковъ, которые принуждены будутъ отдавать своихъ лошадей въ такое время года, когда сами въ нихъ нуждаются».

По свидѣтельству Мерцера, цесаревичъ, имѣвшій въ то время всего 11 лѣтъ отъ роду, съ особеннымъ вниманіемъ относился къ путевымъ впечатлѣніямъ и, замѣтивъ бѣдность крестьянъ, [illegible] выражалъ сожалѣніе. Изъ Дубровки [illegible] пишетъ Мерцеръ въ своемъ дневникѣ, [illegible] мы пошли съ Александромъ Николаевичемъ пѣшкомъ впередъ и успѣли пройти 9 верстъ, [illegible] нельзя [illegible] экипажи. Въ 10 часовъ мы [illegible] за [illegible] и помчались по дорогѣ, усѣянной [illegible] хижинами, изъ оконъ коихъ выглядывали бѣдныя, [illegible] и работою изнуренныя лица. Проѣзжая [illegible] деревни, [illegible] были крайне [illegible] и разорены. Великій князь удивлялся бѣдности и невѣжеству крестьянъ.

Во время этого путешествія имѣлъ мѣсто еще слѣдующій случай, о которомъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ Мерцеръ. Проѣзжая черезъ деревню Яблонку, между городами Кенигсбергомъ и Варшавою, цесаревичъ повстрѣчалъ вмѣстѣ съ отцомъ-императоромъ, казармы 8-го линейнаго полка, причемъ шелъ за Государемъ. Одинъ заслуженный, украшенный знаками отличія, офицеръ, поглядѣвъ съ умиленіемъ на проходившаго мимо него великаго князя, обратился къ нему со словами: «Я бы желалъ имѣть счастіе поцѣловать вашу руку».

— «Позвольте лучше мнѣ имѣть честь поцѣловать васъ»,— возразилъ ему цесаревичъ и съ этими словами бросился на шею къ изумленному офицеру, который послѣ поцѣлуя старался схватить руку наслѣдника, но великій князь, увернувшись, снялъ фуражку, поклонился и, какъ стрѣла, пустился за Государемъ.

Сохранился также разсказъ еще о слѣдующемъ событіи изъ дѣтства Александра Николаевича.

Въ началѣ мая 1831 г., по набережной рѣки Фонтанки въ С.-Петербургѣ, шелъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ сопровожденіи генерала Мердера. Оглядываясь своими добрыми голубыми глазами по сторонамъ, великій князь замѣтилъ, что на одной изъ стоящихъ на рѣкѣ барокъ лежитъ, подъ солнечнымъ припекомъ, какой-то старикъ-рабочій, прикрытый, вмѣсто одѣяла, грязною рогожею; при этомъ онъ весь трясся и громко стоналъ. Не успѣлъ Мердеръ оглянуться, какъ наслѣдникъ, по настланнымъ мосткамъ и доскамъ, быстро пробѣжалъ прямо на барку, наклонился надъ старикомъ и сталъ его о чемъ-то разспрашивать. Мердеръ, видимо недовольный, осторожно послѣдовалъ за своимъ воспитанникомъ на барку. Но, по мѣрѣ разспросовъ несчастнаго больного старика-рабочаго, недовольство на серьезномъ лицѣ Мердера исчезло, а великій князь, вынувъ изъ кармана платокъ, утиралъ катившіяся изъ его глазъ слезы. Затѣмъ Мердеръ досталъ кошелекъ, вынулъ изъ него золотой и подалъ наслѣднику, который наклонился къ больному старику и положилъ ему деньги на грудь, подъ рогожу.

Въ началѣ мая 1837 г., для пополненія книжнаго ученія и домашняго воспитанія, наслѣдникъ цесаревичъ предпринялъ, въ сопровожденіи Жуковскаго, большое путешествіе по Россіи, съ цѣлью наглядпаго изученія разнообразныхъ мѣстностей своего обширнаго отечества и личнаго ознакомленія съ бытомъ и жизнью, нуждами и потребностями многомилліоннаго народа, его населяющаго.

Во время этого путешествія, продолжавшагося около восьми мѣсяцевъ, Жуковскій водилъ своего царственнаго питомца не только въ богатыя хоромы, но и въ убогія крестьянскія избы, гдѣ юный наслѣдникъ престола видѣлъ горе тяжкое, бѣдность непроглядную, слышалъ рѣчи скорби народной. Очень понятно, что такое путешествіе, совершенное притомъ въ молодые годы, когда душа особенно впечатлительна и воспріимчива, должно было имѣть огромное вліяніе на всю послѣдующую жизнь будущаго императора.

Уже въ этомъ путешествіи обрисовалось наглядно великое человѣколюбіе Александра Николаевича. Бывши въ Сибири, цесаревичъ имѣлъ случай увидѣть собственными глазами, какое странно тяжелое положеніе приходится выносить сосланнымъ туда преступникамъ. Покоряясь доброму движенію своего человѣколюбиваго сердца, глубоко тронутый наслѣдникъ пишетъ изъ Сибири къ державному родителю своему и со всею свободою сына молитъ его любящею душою объ облегченіи тяжкой участи каторжниковъ. 24-го іюля, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симбирска, цесаревича настигъ фельдъегерь и вручилъ ему письмо отъ отца-государя, въ которомъ императоръ Николай Павловичъ извѣщалъ сына-наслѣдника о своемъ повелѣніи смягчить положеніе каторжныхъ и уменьшить нѣкоторымъ изъ нихъ сроки наказанія. Цесаревичъ поспѣшилъ сообщить Жуковскому содержаніе этого письма, и тутъ же, среди дороги, подъ открытымъ небомъ, наслѣдникъ престола и его другъ-наставникъ обнялись во имя царя, волѣвѣщавшаго имъ милость къ несчастнымъ.

Въ началѣ мая 1838 года наслѣдникъ цесаревичъ предпринялъ, въ сопровожденіи Жуковскаго и прочихъ особъ свиты, новое путешествіе, на этотъ разъ уже за границу,

Царь-Освободитель.

при чемъ Жуковскій не могъ нарадоваться тому впечатлѣнію, которое произвелъ наслѣдникъ повсюду за границею.

Посѣтивъ почти во всѣхъ государствахъ Западной Европы, цесаревичъ въ концѣ іюня 1839 г. возвратился въ С.-Петербургъ, а затѣмъ весною слѣдующаго 1840 года вновь отправился за границу, куда теперь влекла его уже не одна любознательность, но и желаніе выбрать себѣ по сердцу подругу жизни. Выборъ Александра Николаевича палъ на пятнадцатилѣтнюю дочь великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго, принцессу Марію.

Въ сентябрѣ того же года высокопарѣченная невѣста наслѣдника цесаревича имѣла торжественный въѣздъ въ С.-Петербургъ, гдѣ она приняла св. муропомазаніе по уставу православной церкви, съ именемъ великой княжны Маріи Александровны, а 16-го апрѣля 1841 года совершилось бракосочетаніе ихъ высочествъ.

Прошло еще почти 14 лѣтъ, въ теченіе коихъ Александръ Николаевичъ, въ качествѣ наслѣдника престола, посвящалъ свое время трудамъ государственнымъ, выполняя, согласно волѣ своего августѣйшаго родителя, разнородныя, возлагавшіяся на него, высочайшія порученія.

Тотлебенъ.

Въ концѣ 1853 года наступило тяжелое, безотрадное время для земли русской: началась и нынѣ еще живая въ памяти русскаго народа Восточная или Крымская война, которую Россіи пришлось вести не только съ Турціею, но и съ посѣтившими ея на помощь двумя могущественнѣйшими державами Западной Европы—Франціею и Англіею.

Подступивъ къ нашему главному военному порту на Черномъ морѣ—Севастополю, враги наши осадили его и съ моря, и съ суши, послѣ чего началась едва ли не безпримѣрная въ военныхъ лѣтописяхъ героическая оборона Севастополя, продолжавшаяся цѣлыхъ 11 мѣсяцевъ и [illegible] [illegible] и самоотверженіе.

Прошло [illegible] днями, мѣсяцы [illegible] [illegible] [illegible]

динія, приславшая въ Крымъ свое 15-ти тысячное войско, такъ что къ весенѣ 1855 года число всѣхъ непріятельскихъ войскъ въ Крыму возросло почти до 200,000 человѣкъ.

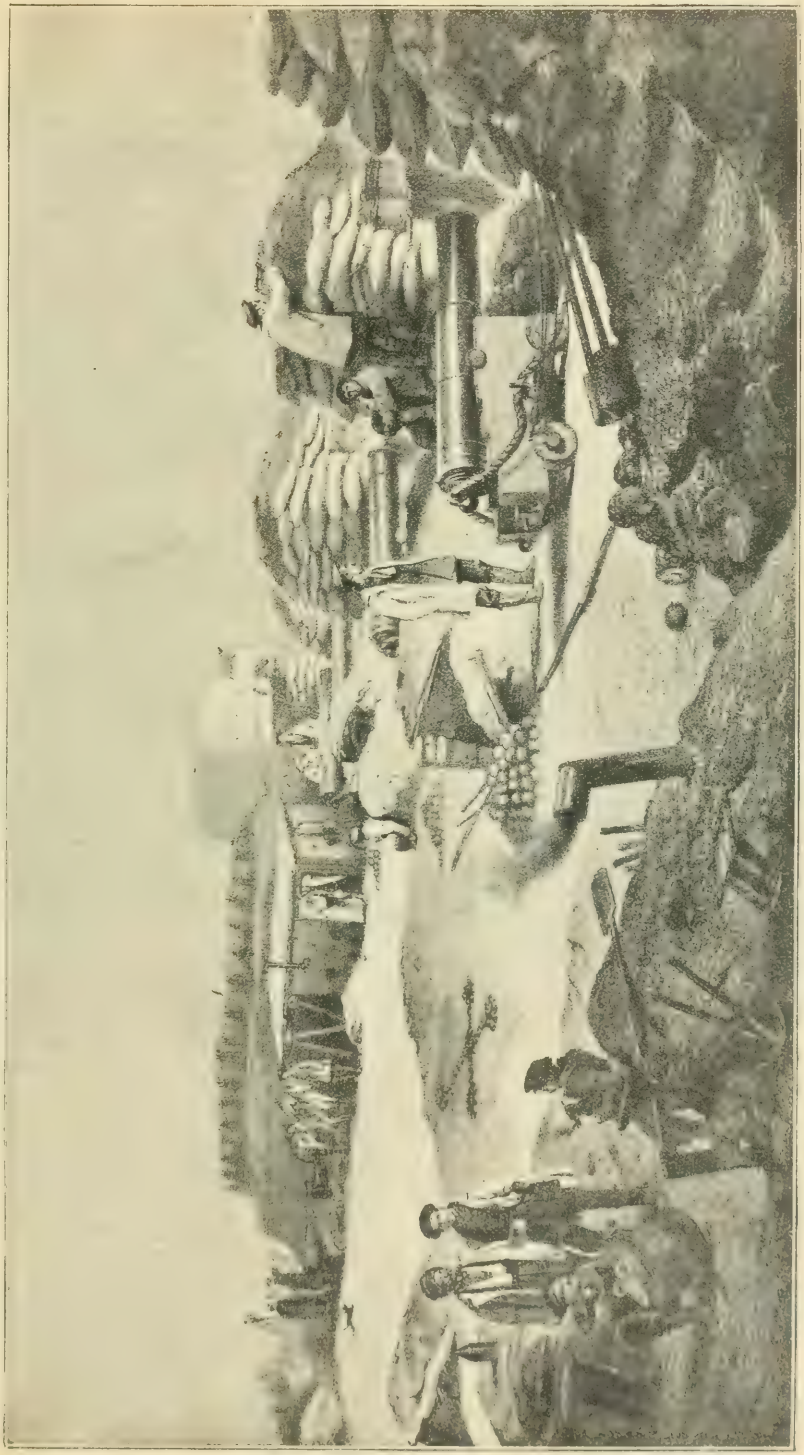
7-го марта 1855 года наша армія понесла тяжелую потерю, лишившись славнаго защитника Малахова кургана въ Севастополѣ — доблестнаго контръ-адмирала Истомина, благодаря неусыпной дѣятельности котораго изъ ничтожнаго кургана, возвышающагося надъ всѣми севастопольскими укрѣпленіями и составляющаго ключъ къ городу, быстро создана была отдѣльная грозная для врага крѣпость.

5-го іюня 1855 года союзники возобновили жесточайшее бомбардированіе Севастополя и затѣмъ бросились на отчаянный приступъ: но приступъ этотъ былъ отбитъ русскими войсками, съ единодушнымъ мужествомъ, на всѣхъ пунктахъ оборонительной линіи.

Послѣ этой неудачи, непріятель, въ теченіе еще двухъ мѣсяцевъ, продолжалъ свои осадныя работы, производя, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти непрерывно болѣе или менѣе сильное бомбардированіе нашихъ укрѣпленій. Но славный севастопольскій гарнизонъ, малый числомъ, но зато сильный духомъ и преданностію своему долгу, успѣшно исправлялъ всѣ поврежденія и готовилъ новыя средства для самой усиленной обороны.

Въ этотъ-то періодъ времени былъ смертельно раненъ и черезъ два дня, 30-го іюня, скончался и главный защитникъ Севастополя, неустрашимый адмиралъ Нахимовъ, герой славной Синопской битвы, любимецъ всѣхъ черноморскихъ моряковъ и всего Севастопольскаго гарнизона.

Потеря Нахимова была для Севастополя невознаградима. Его мужество, дѣятельность и самоотверженіе не имѣли предѣлы. Въ продолженіе девяти мѣсяцевъ объѣзжалъ онъ ежедневно, часто градомъ пуль и ядеръ непріятеля, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, опаснѣйшіе пункты, гдѣ присутствіе



Внутренній видъ одного изъ бастіоновъ Малахова кургана.

свое необходимымъ. И все это дѣлалось просто, скромно, безъ всякаго желанія обратить на себя вниманіе, съ одною лишь цѣлью — поддержать бодрость духа въ своихъ подчиненныхъ, которые любили своего добраго и безстраннаго адмирала, какъ дѣти родного отца, готоваго умереть вмѣстѣ съ ними, а они сами готовы были для него броситься въ огонь и въ воду.

5-го августа непріятель открылъ по нашей оборонительной линіи новое усиленное бомбардированіе, продолжавшееся почти безпрерывно цѣлыхъ три недѣли. Наши укрѣпленія, возобновлявшіяся каждую ночь подъ градомъ бомбъ и ядеръ противниковъ, все болѣе и болѣе разрушались отъ непрерывнаго дѣйствія непріятельской артиллеріи. Городъ превратился въ груду развалинъ. Исправлять поврежденія сдѣлалось уже рѣшительно невозможнымъ; потери въ людяхъ была чрезвычайная.

Наконецъ, 27-го августа союзники, осаждавшіе Севастополь, прекратили бомбардированіе и двинулись всею массою на рѣшительный общій приступъ, направивъ свои силы преимущественно на главныя наши укрѣпленія, находившіяся на знаменитомъ Малаховомъ курганѣ. Встрѣтивъ врага грудью и штыками, войска наши съ неодолимымъ мужествомъ и непоколебимою стойкостью отразили шесть отчаянныхъ приступовъ его, но, наконецъ, должны были уступить численному превосходству непріятельскихъ массъ, безпрерывно прибывавшихъ на Малаховъ курганъ. Несмотря на упорное сопротивленіе [illegible] гарнизона, несмотря на совершаемые имъ подвиги блистательнѣйшей храбрости и геройскаго самоотверженія непріятель усилъ завладѣть Малаховскими укрѣпленіями.

Съ [illegible] непріятелемъ Малахова кургана, дальнѣйшая оборона Севастополя представлялась уже невозможною. Севастополь [illegible] не [illegible], но [illegible], разрушенъ.

[illegible] крайней невозможности держаться долѣе въ городѣ и въ необходимости прекратить длительнѣйшее, [illegible] положенія, пролитіе драгоцѣнной крови своихъ доблестныхъ сподвижниковъ, главнокомандующій, князь Горчаковъ, рѣшился очистить южную часть города и благополучно перевелъ свои войска на сѣверную сторону [illegible] и стянъ твердою ногою. Между тѣмъ оставшіяся въ южной части Севастополя зданія были оставлены русскими же войсками, укрѣпленія и пороховые погреба взорваны на воздухъ, и французамъ достались однѣ лишь пылающія, окровавленныя развалины, груды камней и пепла...

Такъ окончилось славное Севастопольское сидѣніе.

Въ сентябрѣ того же 1855 года императоръ Александръ Николаевичъ поѣхалъ самъ на мѣсто боя, чтобы лично поблагодарить своихъ героевъ.

Пріѣхавъ въ портовый городъ Николаевъ, Государь пробылъ тамъ шесть недѣль, а затѣмъ пожелалъ видѣть свою крымскую армію и въ концѣ октября мѣсяца осчастливилъ ее своимъ личнымъ посѣщеніемъ.

Въ необыкновенно ласковыхъ словахъ и самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, изливавшихся изъ глубины души, благодарилъ Императоръ свои доблестныя войска за геройскіе подвиги мужества и самоотверженія, которые они явили въ тяжкое время почти годовой обороны Севастополя. «Благодарю, ребята, за службу!» — говорилъ Государь, объѣзжая ряды своихъ храбрыхъ войскъ. — Именемъ покойнаго Государя, именемъ отца моего и вашего благодарю васъ!.. Я горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть мою храбрую крымскую армію!.. И дрожалъ звонкій, задушевный голосъ Государя, и войско видѣло, какъ слеза за слезой катились по щекамъ молодого Царя.

Бомбардированіе Севастополя союзнымъ флотомъ.

Вызвавъ на середину генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, императоръ Александръ Николаевичъ съ отеческою заботливостію освѣдомлялся о полученныхъ ими ранахъ, благодаря всѣхъ и каждаго порознь. Въѣзжая, затѣмъ, въ ряды войскъ, Государь осчастливилъ своимъ взоромъ и ласковымъ словомъ многихъ достойныхъ защитниковъ Севастополя, милостиво разговаривалъ съ нижними чинами, имѣвшими знакъ отличія военнаго ордена, справлялся о раненыхъ и больныхъ воинахъ и награждалъ отличившихся.

У Севастопольскаго кладбища, гдѣ успокоились кости свыше 200,000 защитниковъ многострадальнаго города, Государь вышелъ изъ коляски, обнажилъ голову, набожно крестился и быстро смигивалъ набѣгавшія на глаза слезы; наконецъ склонился надъ могильнымъ холмомъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ... Уѣхалъ онъ оттуда, долго не отымая платка отъ глазъ...

Осмотрѣвъ войска, Государь посѣтилъ всѣ лазареты и вездѣ ласково разспрашивалъ раненыхъ воиновъ, благодарилъ ихъ за славную службу, утѣшалъ, награждалъ, иныхъ обнималъ и цѣловалъ.

Свыше мѣсяца пробылъ Государь среди своей крымской

арміи, оживляя ее своимъ присутствіемъ и воодушевляя на новые подвиги, и, наконецъ, оставляя армію, издалъ приказъ, въ которомъ еще разъ горячо благодарилъ всѣхъ защитниковъ Севастополя.

Между тѣмъ какъ подъ стѣнами многострадальнаго Севастополя происходила почти безпримѣрная въ исторіи борьба русскихъ войскъ съ союзными державами, въ Азіатской Турціи дѣйствія нашей арміи сосредоточивались преимущественно на обложеніи сильной турецкой крѣпости Карса. Главнокомандующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ Муравьевъ, сознавая всю важность значенія Карса, рѣшился, 17-го сентября 1855 года, штурмовать эту крѣпость, но приступъ не удался: войска наши должны были отступить, и отмѣненная на нѣсколько часовъ осада крѣпости была вслѣдъ затѣмъ возобновлена въ прежнемъ порядкѣ. Въ ноябрѣ Муравьевъ достигъ, однако, своей цѣли: 16-го числа этого мѣсяца крѣпость Карсъ сдалась со всѣмъ своимъ многочисленнымъ гарнизономъ, множествомъ пушекъ и большими складами оружія.

Занятіе союзниками южной части Севастополя и взятіе русскими Карса склонили, наконецъ, враждующія стороны къ открытію переговоровъ о мирѣ, которые продолжались вплоть до марта мѣсяца 1856 года.

Условія мира предложены были намъ тяжелыя: горько было государю начинать свое царствованіе принятіемъ ихъ: но миръ въ то время былъ необходимъ для блага Россіи, и государь, горячо любившій Россію, предпочелъ нелегкій миръ тяжкой войнѣ. Чуждый всякихъ видовъ честолюбія и завоеваній, императоръ Александръ II согласился принять сдѣланныя ему союзными державами мирныя предложенія, и 18-го марта 1856 г. въ столицѣ Франціи, Парижѣ, заключенъ былъ, наконецъ, миръ.

Согласно условіямъ этого мира, прежде всего завоеванія съ обѣихъ сторонъ были возвращены по принадлежности: Россія получила обратно Севастополь и другіе города, порты и земли, занятые союзниками, но зато должна была возвратить Турціи Карсъ и другія занятыя русскими войсками части турецкихъ владѣній и, сверхъ того, уступить еще часть Бессарабіи, у устьевъ рѣки Дуная. Черное море объявлено было закрытымъ для военныхъ кораблей и открытымъ только для торговыхъ судовъ всѣхъ народовъ. Но при этомъ между Россіею и Турціею заключенъ былъ особый договоръ, коимъ точно опредѣлено было число военныхъ судовъ, какое оба названныя государства, владѣющія берегами Чернаго моря, предоставили себѣ содержать на этомъ морѣ, для обезпеченія безопасности своихъ береговъ. Наконецъ, Россія обязалась не возводить на берегахъ Чернаго моря укрѣпленій и не содержать тамъ военно-морскихъ арсеналовъ.

Нахимовъ на смертномъ одрѣ.

Но, несмотря на эти уступки, Россія все-таки достигла, чего хотѣла: турецкій султанъ торжественно обязался перенести всею Европою не угнетать болѣе подвластныхъ ему православныхъ христіанъ и сравнять ихъ въ правахъ съ мусульманскимъ населеніемъ своей Имперіи.

Прекращеніе трехлѣтней упорной и кровопролитной Восточной войны и заключеніе мира было первымъ благодѣтельнымъ для Россіи событіемъ начала царствованія императора Александра II-го.

Въ заключительныхъ словахъ Высочайшаго манифеста 19-го марта 1856 года, возвѣщавшаго о окончаніи Крымской войны, начертанъ какъ бы планъ программы будущаго царствованія императора Александра II-го. При помощи небеснаго Промысла, всего благополучія Россіи [illegible] говорилось въ этомъ манифестѣ: [illegible] утверждается и совер-

Видъ Севастополя послѣ занятія его союзниками. По акварели В. Симпсона.

Выѣздъ императора Александра II изъ Бахчисарая въ сопровожденіи князя Горчакова въ Севастополь, 29-го октября 1855 г.

Буоль-Шауэнштейнъ. Гюбнеръ. Клагендокъ. Бруновъ. Гр. Гацфельдъ. Мантейфель. Гр Валевскій. Али-паша. Виламарина. Орловъ. Буркни. Коули. Бенедетти. Кавуръ. Джемиль-бей.

Парижскій конгрессъ 1856 года.

Д. Итонъ. Дешенъ. Пембриджъ. Нэпиръ. Шамиль. Амеденъ. Омеръ-паша. Герц. Кэмбриджскій. Ген. Броунъ. С. Арно. Брюа. Дюндасъ. Измаилъ-паша. Лордъ Рагланъ. Пр. Наполеонъ. Каброберъ.

Полководцы союзныхъ армій.

шествуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ. Незабвенныя для Россіи слова эти были какъ бы предначертаніемъ тѣхъ великихъ преобразованій, которыя совершены въ послѣдующія двадцать пять лѣтъ славнаго царствованія императора Александра II-го.

II.

26-го августа того же 1856 года императоръ Александръ Николаевичъ возложилъ на себя, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, царскую корону и принялъ священное муропомазаніе. День священнаго коронованія государя былъ днемъ радостей и милостей, дотолѣ неслыханныхъ, и потому оставилъ въ народѣ самое свѣтлое воспоминаніе.

Возложивъ на себя царскій вѣнецъ, императоръ Александръ II немедленно приступилъ къ подготовкѣ тѣхъ великихъ, исполненныхъ человѣколюбія и справедливости, государственныхъ преобразованій, которыя такъ прославили его свѣтлое царствованіе и обезсмертили его имя.

Озабоченный благоденствіемъ своего народа, государь обратилъ свое вниманіе прежде всего на улучшеніе быта солдатъ и предпринялъ рядъ преобразованій въ устройствѣ и управленіи близкой его сердцу арміи съ цѣлію поднять нравственный духъ въ войскахъ, пробудить въ нижнихъ чинахъ сознаніе своего человѣческаго достоинства и вообще поставить военную службу на подобающую ей высоту.

Какъ охранитель порядка въ государствѣ во времена мира и защитникъ отечества во время войны, солдатъ долженъ гордиться своимъ общественнымъ положеніемъ, а не краснѣть, встрѣчая рядомъ съ собою человѣка, несущаго одинаковую съ нимъ службу въ видѣ наказанія за порочное поведеніе. А между тѣмъ въ прежнее время въ солдаты часто сдавали, въ видѣ наказанія за нѣкоторыя преступленія, вмѣсто ссылки на поселеніе: бѣглые, бродяги, конокрады, разные воры, мошенники и подобные имъ порочные люди находили себѣ мѣсто въ рядахъ арміи.

Императоръ Александръ Николаевичъ положилъ конецъ этому позорному порядку вещей: Высочайшимъ повелѣніемъ 1860 г. примѣнявшаяся прежде въ столь широкихъ размѣрахъ сдача въ солдаты въ видѣ наказанія за преступленія и проступки отмѣнена и замѣнена правилами о присужденіи за тѣ же преступленія другихъ видовъ наказанія.

Но главною заботою Царя было привести въ исполненіе свою завѣтную мысль, которую онъ лелѣялъ денно и нощно: дать свободу крестьянамъ, находившимся въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, отмѣнить крѣпостное право. Въ ряду важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій, совершенныхъ въ царствованіе императора Александра II, освобожденіе крестьянъ занимаетъ безспорно первое мѣсто и послужило главнымъ основаніемъ всѣхъ послѣдующихъ преобразованій: всѣ дальнѣйшія преобразованія были, частію непосредственно, частію косвенно, вызваны отмѣною крѣпостного права.

Совершеніе этого огромнаго и славнаго не только въ русской, но и въ общечеловѣческой исторіи дѣла, которое дало новую жизнь Россіи, вдохнуло «душу живу» въ многомилліонное крестьянство русское, является вѣнцомъ всѣхъ великихъ дѣяній императора Александра II и самымъ крупнымъ жемчугомъ въ вѣнцѣ его славы.

Уже предшественники императора Александра II чувствовали все зло крѣпостного права и нерѣдко стремились, если не къ прямому его уничтоженію, то, по крайней мѣрѣ, къ облегченію положенія крѣпостныхъ крестьянъ и къ постепенному огражденію ихъ отъ произвола помѣщичьей власти. Но всѣ эти благодѣтельныя мѣры были недостаточны для уничтоженія прочно утвердившагося крѣпостного порядка: онѣ только ограничивали крѣпостное право, стѣсняли его, но не уничтожали самаго права владѣнія людьми.

Слава полнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, трудный и великій починъ въ дѣлѣ совершенной отмѣны крѣпостного права въ Россіи принадлежитъ всецѣло императору Александру II.

Вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права составлялъ главную заботу императора Александра Николаевича въ первые годы его царствованія; весь же ходъ работъ по крестьянскому дѣлу свидѣтельствуетъ о томъ, сколько твердой воли, непоколебимаго убѣжденія и настойчивости внесено было самимъ государемъ въ это дѣло, которое онъ считалъ «святымъ и самымъ жизненнымъ» для Россіи.

Императоръ Александръ II много разъ публично высказывался по крестьянскому дѣлу во время его разработки. Рѣчи государя показывали твердое, непреклонное намѣреніе его довести задуманное имъ дѣло до благополучнаго окончанія, поддерживали бодрость въ работникахъ крестьянскаго преобразованія, привлекали къ нему людей колебавшихся, сдерживали его противниковъ и такимъ образомъ оказали огромное вліяніе и на общественное настроеніе, и на самый ходъ какъ мѣстныхъ, такъ и общихъ работъ по крестьянской реформѣ.

Рѣшеніе столь жизненнаго для Россіи крестьянскаго вопроса представляло весьма много трудностей. Конечно, справиться съ задачею было бы менѣе трудно, если бы государь пожелалъ разрѣшить ее такъ, какъ она была рѣшена въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы, гдѣ крестьяне находились, въ свое время, въ такомъ же точно положеніи, какъ и наши крѣпостные крестьяне: тамъ крестьяне были объявлены свободными только лично, земля же осталась собственностью помѣщиковъ. Но не такова была воля императора Александра Николаевича: онъ желалъ, чтобы и выгоды помѣщиковъ были, по возможности, ограждены, и освобожденные крестьяне были надѣлены опредѣленнымъ количествомъ земли, а не превращены въ бездомныхъ и безземельныхъ батраковъ.

Много пришлось потрудиться надъ этой великой задачей, прежде чѣмъ найденъ былъ исходъ для успѣшнаго ея рѣшенія.

Главнѣйшимъ исполнителемъ предначертаній императора Александра II по крестьянскому дѣлу явился генералъ-адъютантъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, въ которомъ государь нашелъ просвѣщеннаго и беззавѣтно преданнаго дѣлу помощника.

Въ свою очередь Ростовцевъ нашелъ усерднѣйшаго и талантливѣйшаго сотрудника въ лицѣ Николая Алексѣевича Милютина, который горячо отстаивалъ дѣло освобожденія крестьянъ, и по смерти, 5-го февраля 1860 года, Ростовцева явился главнымъ руководителемъ всѣхъ работъ по этому дѣлу.

Государь внимательно слѣдилъ за всѣмъ ходомъ подготовительныхъ работъ по крестьянскому дѣлу и, не обращая серьезнаго вниманія на козни и противодѣйствіе упорныхъ сторонниковъ крѣпостного права, твердо и непоколебимо направлялъ эти работы къ намѣченной цѣли.

Но такое огромное дѣло нельзя было, конечно, сдѣлать сразу. Четыре года ушло на необходимыя подготовительныя работы. Думы государя были полны этимъ государственнымъ дѣломъ; тревоги и опасенія за успѣшное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса конечно часто овладѣвали его сердцемъ. Но воля царя не ослабѣла, любовь его къ своему народу не исчезла, и великое, святое дѣло освобожденія сельскаго населенія Россіи отъ крѣпостной неволи и устройства быта этого населенія приведено было, наконецъ, къ благополучному завершенію.

19-го февраля 1861 г., въ шестую годовщину восшествія императора Александра Николаевича на престолъ, всѣ сомнѣнія разрѣшились. Въ этотъ достопамятный, незабвенный для Россіи день совершилось величайшее событіе въ судьбахъ русскаго народа: Императоръ Александръ II, горячо помолившись въ уединеніи, подписалъ Высочайшій манифестъ объ отмѣнѣ въ Россіи крѣпостного права на крестьянъ, жившихъ на помѣщичьихъ земляхъ и о дарованіи этимъ крестьянамъ правъ свободнаго сельскаго состоянія.

По почину своего царя и по его настоянію, болѣе 22-хъ милліоновъ русскихъ крестьянъ освобождены были отъ гнето-

тѣвшей надъ ними въ теченіе почти трехъ столѣтій крѣпостной зависимости, получили свободу и вмѣстѣ съ нею возможность лично пользоваться плодами своего свободнаго труда, т. е. трудиться на себя, для собственной своей пользы и благополучія и располагать собою и своими дѣйствіями по собственной своей волѣ и усмотрѣнію.

Свободу крестьянамъ русскимъ далъ именно самъ императоръ Александръ II: не при немъ была она дана, но имъ дана: онъ лично разрушилъ крѣпостныя цѣпи, лично отстоялъ право своего народа на свободу: и починъ великаго дѣла лично, и все направленіе его принадлежитъ всецѣло самому государю, безъ всякихъ постороннихъ вліяній: крѣпостное право рухнуло только по его царскому слову.

Вмѣстѣ съ Высочайшимъ манифестомъ 19-го февраля 1861 г. обнародованъ былъ въ обѣихъ столицахъ, а впослѣдствіи и во всей Россіи, законъ объ устройствѣ быта освобожденныхъ крестьянъ, названный «Общимъ Положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости». На основаніи этого закона и особенно въ силу послѣдовавшихъ затѣмъ преобразованій, освобожденнымъ крестьянамъ дарованы были такія личныя и общественныя права, которыя почти сравняли ихъ съ прочими сословіями въ государствѣ.

Предоставляя освобожденнымъ крестьянамъ личныя права, обязанности всѣмъ гражданамъ государства, царь особенно озаботился матеріальнымъ обезпеченіемъ и улучшеніемъ ихъ быта, тяготѣвшаго сказанно, въ теченіе всей исторической жизни крестьянства въ Россіи, съ пользованіемъ землею. Съ этою цѣлью постановлено было надѣлить крестьянъ въ постоянное пользованіе усадебною осѣдлостью и полевыми угодьями въ размѣрѣ сообразномъ съ качествами земли въ каждой мѣстности и вообще мѣстными потребностями. Но такъ какъ у крестьянъ не было средствъ внести помѣщику сразу всю стоимость поступившей въ ихъ пользу земли, а съ другой стороны и помѣщику не представлялось, конечно, заманчивымъ ожидать причитающуюся ему сумму мелкими частями въ теченіе 20—49 лѣтъ, то посредничество между помѣщиками и отошедшими на волю крѣпостными и принялъ на себя залогъ, которая выплачивала помѣщику выкупными бумагами всю слѣдовавшую ему сумму и записывала ее долгосрочнымъ долгомъ за крестьянами, обязанными погасить этотъ долгъ ежегодными взносами въ видѣ выкупныхъ платежей.

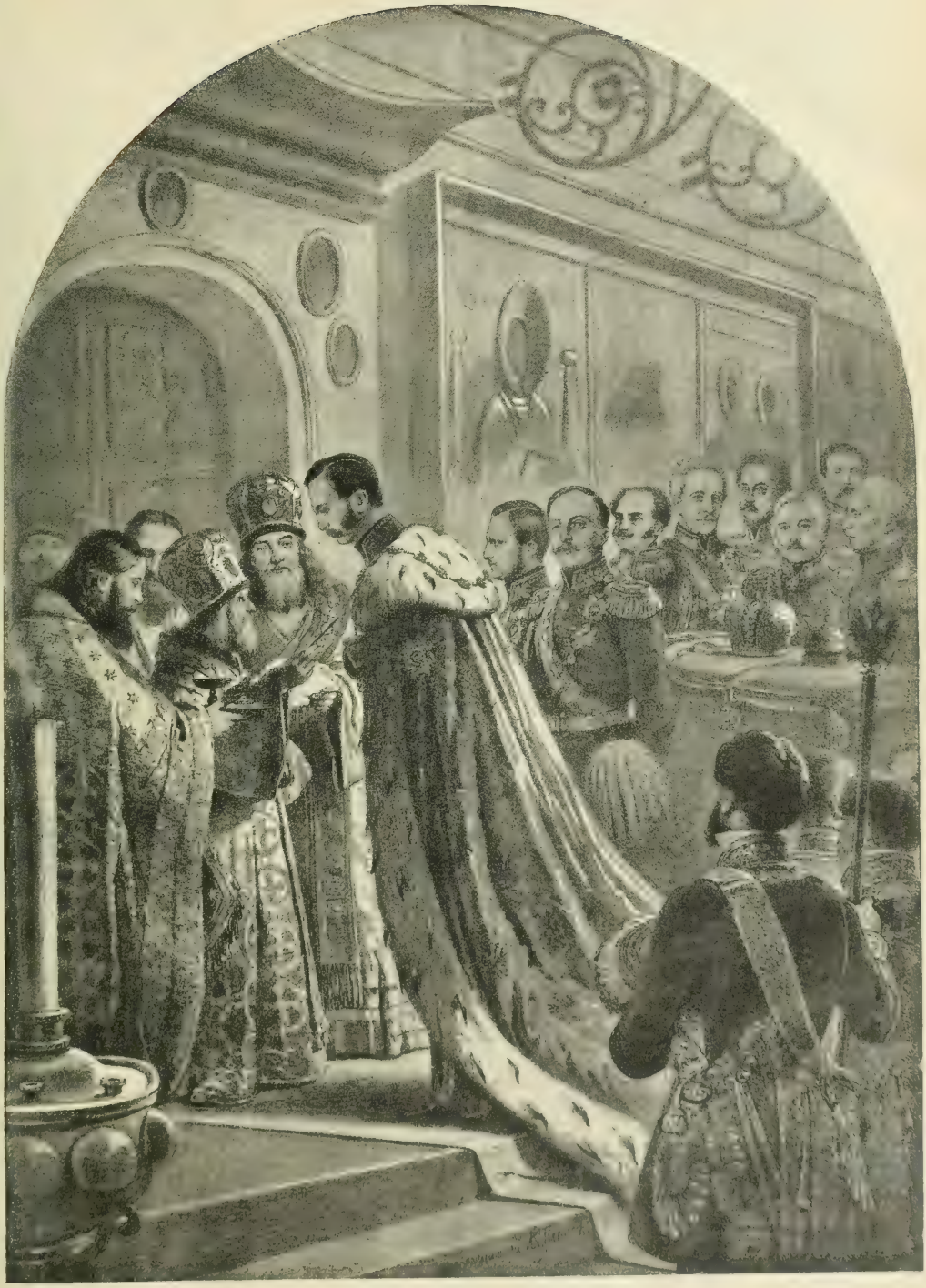
Вмѣстѣ съ предоставленіемъ крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, упомянутыхъ личныхъ и имущественныхъ правъ, установлено для нихъ и особое крестьянское самоуправленіе. Крестьяне получили право самостоятельно распоряжаться своими хозяйственными и общественными дѣлами, избирая изъ среды своей разумнѣйшихъ и надежнѣйшихъ лицъ для веденія ихъ общихъ дѣлъ, подъ руководствомъ крестьянскихъ сходовъ. А такъ какъ въ жизни русскихъ крестьянъ сохранилось много старыхъ обычаевъ и правилъ, свято чтимыхъ и соблюдаемыхъ, какъ опытъ разума предковъ, то государь дарогалъ имъ и собственный волостной крестьянскій судъ, который разрѣшаетъ недоумѣнія и разбираетъ дѣла крестьянъ по совѣсти, по мірскому разуму.

Баршевская. Н. Смирнова. Глѣбова. Сдельева. Е. Гординская. Якунина. Домбровская. М. Гординская. Нач. Стаховичъ. Мать Серафима. Борисова. О. Смирнова.

Сестры крестовоздвиженской общины о раненыхъ въ Севастополѣ въ 1855 г.

Высочайшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, какъ уже сказано, былъ подписанъ 19-го февраля 1861 г., но только 5-го марта того же года одновременно по всей Россіи объявленъ во всеобщее свѣдѣніе, при чемъ вѣсть объ освобожденіи крестьянъ вызвала неописуемый восторгъ и трогательную благодарность народа своему освободителю на всемъ пространствѣ земли русской, начиная отъ столицы и кончая послѣдней бѣдной деревушкой.

«Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго». Этими дорогими для каждаго русскаго сердца словами оканчивался Высочайшій манифестъ 19-го февраля. И милліоны рукъ всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ людей, навсегда освобожденныхъ державною волею и любовью царя отъ узъ многовѣковаго рабства поднялись, какъ одна рука, осѣняя несчетными крестами свободно вздохнувшую грудь. Какъ бы въ силу единаго душевнаго движенія сказалось при этомъ у всѣхъ слово: «Царь Освободитель», и сладкое наименованіе это такъ и осталось съ тѣхъ поръ на вѣчныя времена за Императоромъ Александромъ II.



Св. Муропомазаніе Императора Александра II, въ Успенскомъ соборѣ. 26-го августа 1856 года.

Парадный спектакль въ московскомъ Большомъ театрѣ, въ августѣ 1856 г.

III.

Первымъ, по времени, преобразованіямъ, послѣдовавшимъ за отмѣною крѣпостного права, лежавшаго неодолимымъ препятствіемъ на пути всякаго улучшенія и преобразованія государственнаго строя Россіи, явилась отмѣна жестокихъ и позорныхъ тѣлесныхъ наказаній, назначавшихся прежде за преступленія.

Уже въ началѣ царствованія императора Александра II обращено было вниманіе на то, что тѣлесное наказаніе, какъ карательная мѣра, не достигая исправленія преступника, только позоритъ личность человѣка, унижаетъ его чувство чести, подрываетъ въ немъ сознаніе его человѣческаго достоинства.

Государь началъ съ уменьшенія круга лицъ, подлежащихъ тѣлесному наказанію, при чемъ установившееся, благодаря уничтоженію крѣпостного права, новое положеніе крестьянъ въ средѣ русскаго общества вызвало вскорѣ почти совершенную отмѣну тѣлесныхъ наказаній и для нихъ.

17-го апрѣля 1863 г. послѣдовалъ именной Высочайшій указъ, которымъ совершенно отмѣнено тѣлесное наказаніе, какъ карательная мѣра, опредѣляемая по приговору общаго суда. Незабвеннымъ указомъ этимъ, который навсегда останется славнымъ памятникомъ въ русскомъ законодательствѣ, уничтожены были, по волѣ Царя-Освободителя, послѣдніе слѣды рабства въ Россіи: отошли окончательно въ вѣчность прогнаніе сквозь строй, шпицрутены, плети, кошки и клейменіе человѣческаго тѣла; наказаніе же розгами, которому подвергались дотолѣ лица, принадлежащія къ сословіямъ, не изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній, замѣнено для нихъ арестомъ или заключеніемъ въ тюрьмѣ и сохранилось лишь въ двухъ-трехъ случаяхъ, притомъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

Въ тѣсной связи съ уничтоженіемъ крѣпостного права находится затѣмъ преобразованіе общественнаго хозяйства уѣзда и губерніи, посредствомъ введенія такъ-называемыхъ земскихъ учрежденій.

До введенія въ Россіи земскихъ учрежденій, общественное хозяйство государства, какъ губернское, такъ и уѣздное, находилось большею частію въ рукахъ небольшого числа чиновниковъ, мало съ нимъ знакомыхъ или же относившихся къ нему съ полнымъ равнодушіемъ, какъ къ предмету, для нихъ чуждому. Къ этому присоединялись еще сложность и медленность въ разрѣшеніи хозяйственныхъ вопросовъ, являвшіяся послѣдствіемъ сосредоточенія завѣдыванія дѣлами общественнаго хозяйства въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, находящихся въ С.-Петербургѣ. Такой порядокъ, при огромныхъ пространствахъ нашего обширнаго отечества и отсутствіи путей сообщенія, былъ, конечно, крайне неудобенъ.

Исходя, при этомъ, изъ той основной мысли, что всякое хозяйство идетъ обыкновенно лучше и успѣшнѣе тамъ, гдѣ имъ завѣдуетъ самъ хозяинъ, а не постороннее лицо, и что удовлетвореніе потребностей мѣстнаго населенія касается ближе всего этого именно населенія, Царь-Освободитель призналъ за благо призвать къ ближайшему завѣдыванію дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, само мѣстное населеніе и возложить на него же, какъ на плательщика земскаго сбора, всѣ заботы по взиманію этого сбора и по употребленію его на пользу населенія.

Сообразно съ этимъ, 1-го января 1864 года Высочайше утверждено было особое «Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ».

Сами мѣстные жители, конечно, лучше кого-либо другого знакомы съ своими нуждами и потребностями; имъ яснѣе, чѣмъ кому-либо, видно, какія именно мѣры слѣдуетъ предпринять къ улучшенію мѣстнаго хозяйственнаго быта, т.-е. что въ данное время нужнѣе для ихъ края: дорогу ли исправить, школу ли завести или больницу устроить, сколько денегъ слѣдуетъ собрать на земскія нужды и какъ безобиднѣе сдѣлать раскладку земскаго сбора на всѣхъ мѣстныхъ жителей, въ видѣ налога на ихъ земли, фабрики, заводы и т. п. имущество.

Всякое лицо, обладающее извѣстнымъ, указаннымъ въ законѣ, имуществомъ или капиталомъ, обязательно участвуетъ въ платежѣ земскаго сбора, а платежъ земскаго сбора даетъ, въ свою очередь, право на участіе въ управленіи земскимъ хозяйствомъ. Но такъ какъ лицъ, живущихъ въ извѣстной мѣстности и платящихъ земскій сборъ, очень много, и нѣтъ никакой возможности, чтобы все мѣстное населеніе непосредственно участвовало въ управленіи земскимъ дѣломъ, то плательщикамъ земскаго сбора предоставлено было избирать изъ среды своей, для ближайшаго завѣдыванія мѣстнымъ хозяйствомъ, особыхъ представителей, гласныхъ.

Такимъ образомъ, населеніе большинства уѣздовъ и губерній получило дорогое для каждаго право самостоятельно распорядиться своимъ общественнымъ хозяйствомъ, и всѣ сословія, всѣ классы общества были уравнены въ дѣлѣ обсужденія и удовлетворенія своихъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей.

Спустя шесть лѣтъ по введеніи въ Россіи земскихъ учрежденій, послѣдовало преобразованіе, на тѣхъ же основаніяхъ, и городского управленія. Высочайшимъ указомъ 16-го іюня 1870 г. утверждено было новое «Городовое Положеніе», по которому и города наши получили также право самоуправленія, т. е. самостоятельнаго завѣдыванія городскимъ хозяйствомъ и управленіемъ.

Среди заботъ о благѣ Россіи тяжкая печаль постигла Царя-Освободителя. Въ началѣ 1864 года старшій сынъ государя, великій князь и наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ заболѣлъ и 12-го апрѣля 1865 года скончался на 22 году отъ роду. Государь императоръ, манифестомъ 19-го того же апрѣля, провозгласилъ наслѣдникомъ престола и цесаревичемъ, согласно закону о престолонаслѣдіи, второго сына своего—великаго князя Александра Александровича.

Почти одновременно съ введеніемъ земскихъ учрежденій, императоръ Александръ II призналъ необходимымъ, для благоденствія своего народа, преобразовать и существовавшій у насъ до того времени порядокъ судоустройства и судопроизводства, уравнять своихъ подданныхъ и передъ судебною властію, дать всѣмъ имъ одинаковую защиту суда и закона.

Старые суды наши, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, далеко не отличались ни справедливостью, ни быстротою производства. Надо ли напоминать, что судъ происходилъ втайнѣ, при закрытыхъ дверяхъ, при чемъ не допускалось присутствіе на судѣ не только людей посторонпихъ, но даже лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу и въ немъ заинтересованныхъ. Такая канцелярская тайна судопроизводства имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что въ судахъ трудно было отыскать правду. Пользуясь тайною дѣлопроизводства, судьи позволяли себѣ совершать всевозможныя злоупотребленія: вымогали у тяжущихся деньги, кривили душою, подтасовывали факты и рѣшали затѣмъ дѣла по своему личному усмотрѣнію и произволу, т.-е. такъ, какъ самимъ имъ было выгодно и удобно.

Другой крупный недостатокъ нашихъ старыхъ судовъ заключался въ томъ, что производство дѣлъ велось въ нихъ исключительно на бумагѣ, на основаніи одной переписки; словесныхъ объясненій на судѣ не допускалось. Эта сложная форма письменнаго производства вела къ тому, что самый ходъ дѣлъ въ старыхъ судахъ былъ невѣроятно медленнымъ: самое пустое тяжебное дѣло тянулось иногда по нѣсколько лѣтъ, требуя громадныхъ расходовъ и въ конецъ разоряя тяжущихся. Равнымъ образомъ и подсудимыя, людьмъ нерѣдко совершенно невинными, только подозреваемыя въ какомъ-либо преступленіи или проступкѣ, приходилось цѣлыми годами томиться въ заключеніи, въ ожиданіи окончанія ихъ дѣла въ судѣ.

Императоръ Александръ Николаевичъ хорошо зналъ о всѣхъ этихъ недостаткахъ и несовершенствахъ нашихъ старыхъ судовъ и, какъ истинный другъ человѣчества, конечно, не могъ оставаться равнодушнымъ къ такому порядку вещей. Государь пожелалъ поэтому, чтобы вмѣсто прежняго, чисто пристрастнаго, медленнаго и не въ мѣру жестокаго суда, водворился въ Россіи судъ «скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ». Воцареніе же правды и милости въ судахъ могло быть достигнуто только совершеннымъ переустройствомъ нашихъ старыхъ судовъ, вслѣдствіе чего и составлены

были, по повелѣнію царя, проекты новыхъ судебныхъ уставовъ, удостоившіеся 20-го ноября 1864 года Высочайшаго утвержденія.

Громадное превосходство этихъ судовъ перетъ прежними судами нашими очевидно. Съ учрежденіемъ новыхъ судовъ прежнему безправію и произволу положенъ конецъ. Новый судъ, вѣдя свое дѣло всенародно, равно караетъ всѣ неправды и преступленія, кѣмъ бы они ни были совершены: всѣ русскіе подданные приравнуются равными передъ закономъ и судомъ. Особенное же значеніе для освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости народа имѣло появленіе мирового суда, который впервые далъ почти совершенно безправному доселѣ, мелкому, бѣдному и слабому люду дѣйствительную возможность защищаться отъ всякихъ обидъ, насилій и притѣсненій, искать своего права на законномъ основаніи, безъ всякихъ почти хлопотъ и расходовъ.

Генералъ-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ, извѣстный дѣятель по крестьянской реформѣ.

Стремясь къ возвышенію нравственнаго духа войска и къ улучшенію его матеріальнаго благосостоянія, императоръ Александръ II позаботился, вмѣстѣ съ тѣмъ, и объ облегченіи своему народу тяжести военной службы. Съ этою цѣлью изданъ былъ рядъ указовъ, которыми облегчено положеніе солдата и его семьи. Первымъ изъ такихъ указовъ, послѣдовавшимъ 25-го декабря 1856 года, Высочайше повелѣно: исключить изъ военнаго вѣдомства и обратить въ свободныя податныя сословія всѣхъ солдатскихъ дѣтей. Далѣе, въ сентябрѣ 1859 года, изданъ былъ указъ о сокращеніи для всѣхъ нижнихъ чиновъ самаго срока службы, вмѣсто прежнихъ 25-ти лѣтъ,—до 15-ти лѣтъ въ сухопутныхъ войскахъ и до 14-ти лѣтъ во флотѣ; въ безсрочный же отпускъ стали увольнять послѣ 12-ти лѣтъ службы и даже еще раньше.

Но въ ряду всѣхъ, совершившихся въ царствованіе императора Александра II-го, преобразованій, касающихся войска и военнаго дѣла, наиболѣе крупнымъ событіемъ представляется Высочайшій манифестъ 1-го января 1874 года, провозгласившій введеніе въ Россіи всесословной воинской повинности.

Уставъ о воинской повинности снялъ тягость военной службы съ низшихъ, податныхъ сословій, на которыхъ она лежала до тѣхъ поръ исключительно, и призвалъ къ участію въ отбываніи этой повинности и прочія, высшія сословія государства.

«Защита престола и отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго, а потому все мужское населеніе, безъ различія состояній, подлежитъ воинской повинности» — таково главное положеніе Высочайше утвержденнаго 1-го января 1874 года устава о воинской повинности, этой великой реформы Царя-Освободителя, значеніе которой разъяснять нечего,—такъ она для всѣхъ очевидна.

Положеніе русскаго солдата настолько разнится теперь отъ бывшаго раньше, что невозможно и представить себѣ чего-нибудь болѣе несходнаго. Вотъ почему при отправленіи по-

Зала въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, въ которой происходили засѣданія Редакціонной комиссіи по освобожденію крестьянъ.

Чтеніе манифеста 19-го февраля. Съ картины Мясоѣдова.

собранные на службу шли уже теперь того безнадежнаго плача и отчаянныхъ рыданій, которые раздавались прежде при отдачѣ въ рекруты. Съ гордостію и пѣснями идутъ теперь новобранцы на службу домой же возвращаются съ благодарностію за обученіе и съ уваженіемъ къ арміи, въ рядахъ которой пришлось имъ отбывать столь облегченную воинскую повинность.

Новые порядки, установленные въ Россіи благодаря великимъ преобразованіямъ императора Александра II-го, вызывали особенную нужду въ грамотныхъ, просвѣщенныхъ, образованныхъ людяхъ, которые нужны были прежде всего для разумнаго и толковаго проведенія въ жизнь свѣтлыхъ идей Царя-Преобразователя.

Признавая распространеніе въ народѣ просвѣщенія необходимымъ условіемъ его благоденствія, императоръ Александръ Николаевичъ, убѣдившійся при личномъ обозрѣніи Россіи, что однимъ изъ главныхъ препятствій къ ея преуспѣянію является невѣжество народа, пожелалъ дать своимъ подданнымъ всѣ необходимыя средства къ возможно широкому просвѣщенію, заботы о которомъ и шли поэтому въ его царствованіе рядомъ съ заботами объ улучшеніи быта населенія и выразились въ коренномъ преобразованіи всѣхъ учебныхъ заведеній, начиная съ университетовъ и кончая народными школами. Собственно народныя школы — начальныя народныя училища и сельскія школы — можно сказать созданы въ царствованіе императора Александра II-го, такъ какъ до этого царствованія начальное народное образованіе находилось у насъ въ самомъ печальномъ положеніи: среди народа господствовала почти повальная безграмотность.

Графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ.

Заботы о народномъ образованіи должны быть, по справедливости, отнесены къ числу важнѣйшихъ дѣлъ Царя-Освободителя. Не много еще было совершено имъ и другихъ реформъ, имѣвшихъ также большое и благодѣтельное значеніе для всего русскаго народа. Внутреннее обновленіе Россіи повело и къ внѣшнему, во многихъ отношеніяхъ, переустройству государства. Такъ, въ царствованіе императора Александра II-го, страна, имѣвшая до его воцаренія очень мало сносныхъ путей сообщенія, покрылась цѣлою сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Въ связи съ необыкновенно быстрымъ развитіемъ желѣзнодорожнаго сообщенія, стала совершенствоваться почта, появился телеграфъ, начали усиленно развиваться промышленность и торговля. Наконецъ, внесены были существенныя измѣненія и улучшенія и въ финансовое управленіе государства, преобразована полиція и предоставлены нѣкоторыя облегченія печати, послѣдствіемъ чего явилось сильное пробужденіе умственной жизни народа.

IV.

Несмотря на кипучую преобразовательную дѣятельность внутри государства, императоръ Александръ Николаевичъ не [illegible] изъ виду и такъ-называемой внѣшней политики, т. е. отношеній Россіи къ другимъ державамъ. Хотя, по окончаніи Крымской войны, государь сознавъ необходимость возстановленія въ Россіи продолжительнаго мира и потому постоянно [illegible] къ тому, чтобы не вмѣшиваться въ дѣла иностранныхъ государствъ, тѣмъ не менѣе, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда [illegible] интересы Россіи, онъ твердо и спокойно [illegible] и путемъ мирныхъ убѣжденій отстаивалъ [illegible] своего государства.

Особенно [illegible] въ этомъ отношеніи усмиреніе польскаго мятежа въ 1863 году.

[illegible] императора Александра II-го, въ числѣ первыхъ заботъ государя было принятіе мѣръ къ [illegible] положенія польскаго народа. Съ самаго начала [illegible] императоръ не дѣлалъ различія между [illegible] русскими и польскими подданными: все, что было [illegible] Россіи, относилось и къ Царству Польскому.

[illegible] государя пробудили чувство признательности въ умѣренной и благоразумной части польскаго населенія. Но не такъ были онѣ приняты тѣми поляками, которые еще не переставали мечтать о возможности возстановленія древней Польши въ ея прежнихъ предѣлахъ и о дарованіи Царству Польскому полнаго самоуправленія, посредствомъ отдѣленія его отъ Россіи и образованія самостоятельнаго польскаго государства. Люди эти враждебно относились ко всѣмъ дѣйствіямъ русскаго правительства и, задумавъ вступить въ открытую борьбу съ Россіей, начали тайно возбуждать польскій народъ къ возстанію.

Въ январѣ 1863 года, по поводу объявленнаго рекрутскаго набора, въ Польшѣ вспыхнуло явное возстаніе. Но предпріятіе мятежниковъ не удалось: русскія войска отразили ихъ на всѣхъ пунктахъ, захвативъ 300 плѣнныхъ и значительное количество оружія. Пожелавъ еще разъ испытать мѣры кротости и надѣясь образумить, наконецъ, поляковъ, государь объявилъ дарованіе прощенія всѣмъ тѣмъ изъ нихъ, кто до 1-го мая сложитъ оружіе. Но помянутый срокъ прошелъ, и благоразуміе не восторжествовало. Тогда намѣстникомъ въ Варшаву былъ назначенъ графъ Бергъ, а генералъ-губернаторомъ сѣверо-западнаго края — генералъ-адъютантъ Муравьевъ. Подъ руководствомъ этихъ двухъ лицъ борьба получила болѣе рѣшительный характеръ и подавленіе мятежа шло успѣшно впередъ.

Между тѣмъ, когда возстаніе было уже почти усмирено русскими войсками, три великія западно-европейскія державы — Англія, Франція и Австрія, желая повредить Россіи, выразили свое сочувствіе польскому движенію и тѣмъ подали полякамъ надежду на помощь съ ихъ стороны. Условившись между собою и подкрѣпивши себя еще Турціею, державы эти прислали русскому правительству одновременно угрожающія требованія объ уступкахъ Польшѣ. Понятно, что притязанія державъ были оскорбительны для чувства русской народной чести, какъ вмѣшательство въ наши внутреннія домашнія дѣла. Весь народъ русскій охватило чувство глубокаго негодованія и оскорбленнаго достоинства, при чемъ имъ выражена готовность жертвовать всѣмъ на защиту чести своего отечества. Достойнымъ сподвижникомъ Царя-Освободителя въ оказаніи отпора европейскимъ державамъ былъ князь А. М. Горчаковъ.

Встрѣтивъ рѣшительный отпоръ своему вмѣшательству, державы убѣдились, что за русскимъ царемъ стоитъ цѣлый народъ, и должны были отступиться отъ своихъ требованій. Окончательное подавленіе польскаго возстанія было затѣмъ уже дѣломъ домашнимъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, и завершилось возстановленіемъ въ Польшѣ, въ 1864 году, полнаго спокойствія.

Вслѣдъ затѣмъ предпринятъ былъ рядъ мѣръ, клонившихся къ постепенному сліянію Царства Польскаго съ Имперіей Россійской. Благодѣтельнѣйшею изъ всѣхъ этихъ мѣръ былъ указъ 19-го февраля 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ.

Крѣпостное право, собственно уничтожено было въ Польшѣ еще въ самомъ началѣ XIX-го столѣтія, но полученная крестьянами свобода была не лучше неволи; крестьянъ освободили лично, но не надѣлили при этомъ землею. Въ силу указа 19-го февраля 1864 г., земли, состоявшія въ пользованіи польскихъ крестьянъ, поступили въ ихъ полную собственность, причемъ вознагражденіе помѣщиковъ за эти земли казна приняла на себя.

За этою главною мѣрою послѣдовалъ рядъ другихъ мѣропріятій, клонившихся къ развитію общаго благосостоянія Польши, и, наконецъ, въ 1869 году возвращена была Высочайшая воля о принятіи мѣръ къ полному сліянію Царства Польскаго съ прочими частями имперіи, чѣмъ и завершилось окончательное умиротвореніе Польши, называемой съ тѣхъ поръ Привислинскимъ краемъ.

На слѣдующій годъ по усмиреніи польскаго мятежа послѣдовало покореніе Кавказа.

Изъ всѣхъ народовъ, населяющихъ Кавказъ, только грузины и армяне успѣли, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова, образовать независимыя государства. Но, будучи окружены сильными и воинственными горцами и граница съ юга съ владѣніями персидскими и турецкими, армянское и грузинское царства пришли мало-по-малу въ упадокъ, причемъ Грузія сама обратилась къ единовѣрной Россіи съ просьбою принять ее въ свое подданство. Уступая усиленнымъ просьбамъ несчастной страны, царствовавшій тогда въ Россіи императоръ Павелъ I принялъ Грузію (въ 1800 году) въ русское подданство.

Горчаковъ.

По присоединеніи Грузіи къ Россіи, горскіе народы очутились съ сѣвера и съ юга между русскими владѣніями, но, продолжая по прежнему хищничать и вторгаться въ русскіе предѣлы, препятствовали сношеніямъ Закавказья съ имперіею.

Такимъ образомъ для того, чтобы обладаніе Грузіею могло быть прочно и спокойно, не оставалось ничего другого, какъ подчинить русскому владычеству тѣ дикія племена магометанской вѣры, которыя жили въ кавказскихъ горахъ, отдѣляющихъ Россію отъ Закавказья. И вотъ, въ первые же годы XIX-го столѣтія началась почти постоянная упорная, поистинѣ героическая борьба русской арміи съ кавказскими племенами, продолжавшаяся 60 слишкомъ лѣтъ, до окончательнаго покоренія Кавказа Россіею уже въ царствованіе императора Александра II-го.

Особенно трудною борьба съ кавказскими горцами сдѣлалась съ того времени, какъ предводителемъ ихъ явился имамъ Шамиль, соединявшій съ своимъ духовнымъ званіемъ всѣ качества храбраго и опытнаго воина. Обладая желѣзною волею и упорнымъ умѣньемъ господствовать надъ дикими горными племенами, Шамиль превратилъ ихъ въ военную машину, направленную противъ русскихъ. Сверхъ того, онъ укрѣпилъ и безъ того почти неприступныя горы, построилъ отличныя крѣпости, завелъ пороховые и литейные заводы и т. п.

Видя все это, и русскіе начали вести противъ горцевъ правильную войну. Главнокомандующимъ на Кавказѣ и исправляющимъ должность намѣстника кавказскаго назначенъ былъ генералъ-адъютантъ князь Барятинскій, съ назначеніемъ котораго война на Кавказѣ не замедлила принять рѣшительный оборотъ.

Князь Барятинскій устремилъ главныя усилія прежде всего на восточную группу кавказскихъ горъ. Общее наступательное движеніе русской арміи, совершавшееся по хорошо обдуманному плану, привело вскорѣ Шамиля въ стѣсненное положеніе, которое уничтожило все его обаяніе въ умахъ слѣпо преданныхъ ему до тѣхъ поръ горскихъ племенъ. Одно за другимъ стали они отпадать отъ Шамиля и изъявлять покорность Россіи. Всюду разбиваемый и тѣснимый, Шамиль бѣжалъ въ Дагестанъ, крайнюю восточную область Кавказа, прибрежную Каспійскому морю, и укрылся, съ своимъ семействомъ и небольшою шайкою приверженцевъ, въ аулъ Гунибъ, расположенномъ на высотахъ неприступной горы, гдѣ и рѣшилъ защищаться до послѣдней возможности. Между тѣмъ, русскія войска, неутомимо преслѣдуя Шамиля, осадили его, наконецъ, въ Гунибѣ и густою цѣпью окружили самый аулъ. На предложеніе главнокомандующаго прекратить безполезную обороны и не подвергать аулъ всѣмъ ужасамъ штурма, считавшійся дотолѣ непобѣдимымъ Шамиль, видя свое безвыходное положеніе, покинулъ свое убѣжище и сдался 25-го августа 1859 года въ плѣнъ, повергая свою судьбу на милосердіе русскаго Царя.

Плѣненіе Шамиля произвело ошеломляющее дѣйствіе на всѣ горскія племена: по всему Кавказу пронесъ какъ бы трепетъ замиренія. Со взятіемъ Гуниба и плѣненіемъ Шамиля, вся восточная часть Кавказа покорилась русскому владычеству.

Муравьевъ

Барятинскій.

Послѣ этого всѣ усилія русскихъ войскъ немедленно устремились на западный Кавказъ, приблизились къ восточному берегу Чернаго моря; но окончательное покореніе этого края Кавказа потребовало еще четырехлѣтней непрерывной и ожесточенной борьбы.

Между тѣмъ, въ началѣ 1863 года, усмиритель князь Барятинскій, въ виду разстроенаго его здоровья, смѣнилъ

пошли намѣстникъ кавказскій,—младшій братъ государя императора, великій князь Михаилъ Николаевичъ, послѣ чего наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ пошли настолько быстро, что уже весною 1864 года окончено было полное завоеваніе и западной части Кавказа.

Такъ окончилась въ 1864 году мучительно-долгая, дорогостоющая и кровопролитная кавказская война, и съ тѣхъ поръ весь Кавказъ принадлежитъ Россіи.

Вслѣдъ за покореніемъ Кавказа, Россія начала сводить старинные счеты съ тремя небольшими сосѣдними съ нею мусульманскими ханствами - Коканомъ, Бухарой и Хивой. Ханства эти расположены среди безплодныхъ среднеазіатскихъ песчаныхъ степей, и населены полудикими разбойническими племенами, которыя постоянно совершали дерзкіе набѣги на наши среднеазіатскія пограничныя владѣнія, нападали на русскіе торговые караваны, грабили нашихъ купцовъ, убивали ихъ или же захватывали въ плѣнъ и продавали въ рабство. Все это крайне затрудняло торговлю Россіи съ Азіей, нарушало покой нашихъ пограничныхъ владѣній и потому давно уже озабочивало русское правительство.

Шамиль.

И вотъ, въ 1864 году, два небольшихъ отряда русскихъ войскъ, подъ начальствомъ полковника Черняева и генерала Веревкина, двинуты были, съ двухъ разныхъ сторонъ, въ степи, для наказанія названныхъ враждебныхъ намъ сосѣднихъ племенъ и охраны русской восточной границы отъ ихъ постоянныхъ хищническихъ набѣговъ. Полковникъ Черняевъ взялъ штурмомъ коканскую крѣпость Аулиёту, а генералъ Веревкинъ овладѣлъ коканскимъ городомъ Туркестаномъ. Въ слѣдующемъ 1865 году генералъ Черняевъ взялъ приступомъ одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ коканскаго ханства - Ташкентъ, послѣ чего ханъ коканскій прекратилъ непріязненныя противъ насъ дѣйствія и изъявилъ полную покорность русскому Царю.

Тогда, однако, сосѣднее съ Коканомъ ханство - бухарское начало безпокоить русскія границы; нужно было усмирить и его. Отрядъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Романовскаго, выступилъ противъ Бухары.

Война съ Бухарою была столь же побѣдоносна, какъ и съ Коканомъ. Въ 1866 году главныя силы эмира бухарскаго были разбиты на голову и русскіе взяли нѣсколько бухарскихъ городовъ и крѣпостей. Но только послѣ взятія русскими генералами старинныхъ, славныхъ и богатыхъ бухарскихъ городовъ Самарканда, эмиръ, наконецъ, смирился, обязавшись [illegible] предоставить русскимъ купцамъ полную свободу торговли въ бухарскихъ владѣніяхъ и уничтожить у себя рабство, что сильно поднято обаяніе русскаго Царя въ Азіи.

Всѣ ханства въ Средней Азіи: Коканъ и Бухара были [illegible] владѣніямъ Россіи, и изъ нихъ образовано въ 1867 году особое туркестанское генералъ-губернаторство, съ главнымъ городомъ Ташкентомъ.

Съ Коканомъ и Бухарой наступилъ очередь для Хивы. Ранѣе конца 1873 года русскія войска двинулись на Хиву съ разныхъ сторонъ, тремя отрядами подъ главнымъ начальствомъ туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана. Неимовѣрныя лишенія и трудности [illegible] русскимъ воинамъ во время этого степного похода. Русскія войска вынесли сперва степные морозы и бураны, а потомъ, подъ палящими лучами солнца, бодро прошли въ одинъ мѣсяцъ тысячу верстъ по совершенно безводной и безлѣсной песчаной пустыни и вступили, наконецъ, въ началѣ мая мѣсяца, предѣловъ хивинскаго ханства. Въ три недѣли все ханство было покорено. Нѣсколько городовъ взято было съ боя, другіе сдались безъ сопротивленія, а 29-го мая пала и столица ханства Хива. Русскія войска торжественно вступили въ городъ и покрыли себя новою славою, доказавъ, что они умѣютъ преодолѣвать всевозможныя препятствія.

Послѣ взятія русскими Хивы, ханъ хивинскій бѣжалъ было въ степи, но потомъ вернулся и изъявилъ покорность, вслѣдствіе чего и былъ возстановленъ на своемъ престолѣ. Но при этомъ часть хивинскихъ владѣній отошла къ Россіи. Кромѣ того, ханъ долженъ былъ признать нѣкоторую зависимость Хивы отъ Россіи, обязался уплатить ей за военныя издержки значительное денежное вознагражденіе, предоставилъ русскимъ купцамъ право свободной торговли въ его владѣніяхъ и обязался не допускать впредь грабежей, отпустить на волю всѣхъ плѣнныхъ и рабовъ и совершенно отмѣнить у себя на вѣчныя времена торговлю рабами. Такимъ образомъ, по настоянію Царя-Освободителя, въ Среднюю Азію,—страну рабства и произвола,—внесена была свобода, а вмѣстѣ съ тѣмъ завершено и полное умиротвореніе громаднаго края.

Но, кромѣ того, Россіи пришлось вести при Царѣ-Освободителѣ еще одну войну, вызвавшую безчисленныя жертвы.

Лѣтомъ 1875 г. славяне двухъ подвластныхъ Турціи областей, Босніи и Герцеговины, населенныхъ сербскимъ племенемъ, возстали противъ своихъ угнетателей, турокъ, и рѣшились съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою вѣру, свободу, собственность, честь своихъ женъ и дочерей и добиться равноправія съ мусульманскими подданными Турціи.

Лѣтомъ 1876 года на помощь возставшимъ боснякамъ и герцеговинцамъ явились сосѣднія съ ними славянскія княжества—Черногорія и Сербія, объявившія войну Турціи. Черногорцы выступили противъ турокъ подъ начальствомъ князя Николая, а войска Сербіи—подъ предводительствомъ русскаго генерала Черняева, героя покоренія Ташкента, явившагося добровольно служить славянамъ.

Хотя Черногорія, не великая числомъ своихъ сыновъ, но могучая ихъ духомъ, ихъ любовію къ свободѣ, не разъ наносила турецкой арміи серьезныя пораженія, но Сербія, съ своимъ малочисленнымъ войскомъ, не могла устоять противъ турецкихъ войскъ, которыя, сломивъ окончательно силы сербовъ, уже готовы были ворваться въ предѣлы Сербіи. Россія однако не допустила этого. Въ октябрѣ 1876 года императоръ Александръ II потребовалъ отъ турецкаго султана немедленнаго прекращенія дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій противъ сербовъ и, чтобы поддержать это требованіе, приказалъ привести часть русской арміи на военное положеніе. Рѣшительное слово, обращенное русскимъ Царемъ къ турецкому правительству, разомъ остановило вторженіе турецкихъ полчищъ въ Сербію, и между нею и Турціею заключено было двухмѣсячное перемиріе.

Но, не смотря на это, турки продолжали свои жестокости

надъ балканскими христіанами, причемъ особенно пострадала отъ неистовства турокъ беззащитная Болгарія. Съ огнемъ и мечомъ пошли они по этой странѣ, стараясь потушить начатки происшедшаго тамъ движенія звѣрскимъ избіеніемъ

Черняевъ.

Гурко.

многихъ тысячъ жителей не разбирая ни пола, ни возраста.

Долго Россія старалась уладить несогласія съ турками мирно, не прибѣгая къ силѣ оружія, чтобы — какъ выражался Александръ II — «не проливать драгоцѣнной крови сыновъ Россіи». Но всѣ старанія его остались безуспѣшными, всѣ средства рѣшенія дѣла путемъ переговоровъ были истощены, а вмѣстѣ съ тѣмъ было исчерпано и долготерпѣніе миролюбивѣйшаго изъ Монарховъ: императоръ Александръ II вынужденъ былъ объявить Турціи войну и придвинулъ свои войска къ турецкой границѣ. 7-го апрѣля 1877 года государь самъ отправился къ своей арміи въ Кишиневъ, гдѣ ей повелѣно было собраться, а 12-го того же апрѣля послѣ молебствія объявилъ войскамъ о предстоявшемъ имъ вступленіи въ предѣлы Турціи.

Такъ началась русско-турецкая война, которая велась одновременно въ двухъ частяхъ свѣта въ Европѣ и Азіи.

Главнокомандующимъ русскихъ войскъ на азіатскомъ театрѣ войны былъ назначенъ великій князь Михаилъ Николаевичъ, намѣстникъ кавказскій. Уже черезъ нѣсколько дней послѣ изданія манифеста о войнѣ, наши войска заняли здѣсь (18-го апрѣля) безъ боя турецкую крѣпость Баязетъ и въ то же время приступили къ осадѣ первоклассной крѣпости Карса, который справедливо считался опорнымъ пунктомъ турецкой арміи въ Малой Азіи, а затѣмъ, въ началѣ мая, взяли приступомъ другую довольно значительную турецкую крѣпость—Ардаганъ.

Что же касается нашей дунайской арміи, главнокомандующимъ которой назначенъ былъ великій князь Николай Николаевичъ, то она въ самый день объявленія войны вступила въ подчиненное Турціи княжество Румынское и направилась къ Дунаю.

Задача наша, при переходѣ черезъ Дунай, состояла въ томъ, чтобы отвлечь вниманіе турокъ отъ мѣста переправы главныхъ силъ нашей арміи. Задача эта была разрѣшена весьма удачно: тайна была вполнѣ сохранена, и русскія войска, въ ночь съ 14-го на 15-го іюня, перешли черезъ Дунай, при помощи понтоновъ и плотовъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ турки менѣе всего ожидали этого, именно отъ Зимницы (между крѣпостями Рущукомъ и Никополемъ) въ Систову, причемъ наша потеря въ этомъ важномъ дѣлѣ не превышала 1000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя.

Взятіе Гарбинскихъ высотъ, при переходѣ черезъ Дунай, войсками 18-й пѣхотной дивизіи.

Переправившись съ Божіею помощію черезъ Дунай и высадившись на непріятельскомъ берегу, войска наши, не давая врагу времени опомниться, стали двигаться въ самое сердце Болгаріи и забирать у турокъ городъ за городомъ, крѣпость за крѣпостью.

Встрѣча вел. кн. Николая Николаевича съ Османомъ-пашей, при сдачѣ Плевны. Картина Дюрана.

Но, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ, за первыми нашими блестящими успѣхами послѣдовало нѣсколько серьезныхъ неудачъ, которыя, точно такъ же, какъ и успѣхи, обнаружились прежде всего на азіатскомъ театрѣ войны.

Наиболѣе крупною неудачею нашею въ Азіи была безуспѣшная атака (13-го іюня) крѣпкой позиціи турокъ подъ Зевинымъ, послѣ чего войска наши принуждены были вновь спять на время осаду Карса и отступить къ своимъ предѣламъ.

Эпизодъ изъ зимняго перехода черезъ Балканы. На бугеирѣ. По рис. Н. Н. Каразина авт. «Нивы».

Эпизодъ изъ зимняго перехода черезъ Балканы. Сорвался. По рис. Н. Н. Каразина авт. «Нивы».

Но гораздо важнѣе были временныя неудачи русскихъ войскъ на европейскомъ театрѣ войны.

Самою крупною неудачею во время всей восточной войны было нападеніе русскихъ войскъ на Плевну. Плевна — незначительный болгарскій городокъ. Войска наши натѣялись легко овладѣть имъ, и 8-го іюля небольшой отрядъ ихъ атаковалъ Плевну. Но оказалось, что турки успѣли уже сосредоточить въ этомъ городкѣ значительныя силы, подъ начальствомъ лучшаго изъ своихъ полководцевъ, даровитаго и рѣшительнаго Османа-паши, и, сверхъ того, наученые европейскими инженерами, создали вокругъ Плевны, въ нѣсколько дней, неприступную позицію, покрытую цѣлою сѣтью полевыхъ укрѣпленій. Вслѣдствіе этого первое нападеніе русскихъ войскъ на Плевну, совершенное съ обычнымъ мужествомъ, было отбито турками, причемъ потеря наша простиралась до трехъ тысячъ человѣкъ, выбывшихъ изъ строя.

Скобелевъ.

Черезъ 10 дней (18-го іюля) русскія войска произвели второе нападеніе на Плевну. Но и на этотъ разъ атака окончилась для насъ такою же неудачею: далеко превосходившій насъ силами непріятель отразилъ всѣ приступы русскихъ войскъ, при чемъ вторая Плевна обошлась намъ до $7^1/_2$ тысячъ выбывшихъ изъ строя.

Затѣмъ, съ прибытіемъ къ русской арміи, расположенной подъ Плевною, подкрѣпленій, сдѣлано было третье и послѣднее героическое усиліе взять штурмомъ этотъ укрѣпленный лагерь. Главное участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ храбрый молодой генералъ Скобелевъ съ своимъ отрядомъ. Но несмотря на блестящія дѣйствія Скобелева, несмотря на геройство и самоотверженіе его солдатъ, штурмъ и на этотъ разъ не удался. 31-го августа Скобелевъ отразилъ пять бѣшеныхъ атакъ всей массы турокъ, но, не получивъ помощи, такъ какъ ее неоткуда было взять, долженъ былъ отступить. Эта послѣдняя неудача стоила намъ до 3-хъ тысячъ убитыми и около 10 тысячъ ранеными...

Но вслѣдъ за этимъ какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ стали быстро слѣдовать одна за другою блестящія побѣды русскихъ войскъ надъ турками.

Вліяніе успѣховъ нашихъ войскъ въ Азіи было таковое, что 6-го ноября, грозныхъ твердынь Карса, который взятъ былъ генераломъ Лорисъ-Меликовымъ послѣ геройскаго ночного штурма. Вся Европа признала взятіе Карса однимъ изъ величайшихъ и труднѣйшихъ военныхъ дѣлъ, когда-либо предпринятыхъ.

Въ то же время на европейскомъ театрѣ войны, у южнаго склона Балканъ, близъ перевала Шипки, сосредоточился большой турецкій корпусъ, подъ начальствомъ знаменитаго полководца Сулеймана-паши, поставившаго себѣ цѣлью, во что бы то ни стало отбить Шипкинскій проходъ, занятый небольшимъ русскимъ отрядомъ. Въ теченіе семи дней (съ 9-го по 16-е августа) пытались турки отнять у насъ Шипкинскій проходъ и произвели съ этою цѣлью рядъ бѣшеныхъ атакъ. Въ два первые дня горсть храбрецовъ, обороняющихъ Шипкинскій перевалъ, отразила всѣ отчаянныя усилія цѣлой арміи Сулеймана-паши. Но затѣмъ наступилъ ужасный день, 11-е августа! Гулъ непрерывныхъ артиллерійскихъ выстрѣловъ сливался въ одинъ раскатъ безконечнаго грома. Русскіе ряды таяли и изнемогали отъ ранъ и усталости. Въ это-то время подоспѣли на помощь имъ наши стрѣлки, подъ командою генерала Радецкаго, а 12-го августа къ войскамъ нашимъ прибыли свѣжія подкрѣпленія; 13-го, 14-го и 15-го числа еще продолжались безумныя атаки турокъ, но вечеромъ 15-го августа вдругъ все затихло: турки убѣдились, что имъ не сломить стойкости и мужества русскихъ войскъ, обороняющихъ Шипкинскій проходъ, и отступили.

Между тѣмъ, послѣ третьей Плевны рѣшено было не возобновлять болѣе дорого стоющихъ атакъ и ограничиться возможно большимъ оцѣпленіемъ турецкой позиціи, чтобы пресѣчь всѣ сообщенія Плевны съ окрестными мѣстностями, не допускать подвоза къ ней провіанта и заставить, такимъ образомъ, турокъ сдаться.

Въ концѣ октября отрядъ генерала Гурко, въ составъ котораго входила гвардія, взялъ Горный Дубнякъ, Телишъ и рядъ другихъ турецкихъ укрѣпленій, расположенныхъ къ юго-западу отъ Плевны и обсѣвавшихъ софійскую дорогу, по которой подвозились достѣхъ поръ къ Плевнѣ подкрѣпленія и припасы, и, такимъ образомъ, совершенно отрѣзалъ туркамъ всякое сообщеніе съ Плевною. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ всѣ съѣстные припасы у находившихся въ Плевнѣ турокъ окончательно истощились. Утромъ 28-го ноября, Османъ-паша, желая пробиться сквозь русскія линіи къ Софіи, стремительно бросился — но нѣтъ. Плевненскій проломъ, по, послѣ нѣсколькихъ часовъ отчаяннаго боя, во время котораго раненъ былъ въ ногу, — былъ отброшенъ назадъ и сдался въ плѣнъ со всею своею арміею, числомъ болѣе чѣмъ въ 40 тысячъ человѣкъ. Все это горячее дѣло стоило намъ до 600 человѣкъ убитыми и вдвое болѣе ранеными.

Подписаніе Санъ-Стефанскаго мирнаго договора 19-го февраля 1878 г. [illegible]

Принимая близко къ сердцу успѣхи своей доблестной арміи

и святого дѣла, за которое онъ сражался, императоръ Александръ Николаевичъ уже въ концѣ мая 1877 г., т. е. еще въ самомъ началѣ войны, прибылъ въ Болгарію и, несмотря на слабость своего здоровья, все время оставался среди дѣйствующей Дунайской арміи, раздѣляя съ нею всѣ невзгоды и лишенія военно-походной жизни, слѣдя за каждымъ ея шагомъ и воодушевляя ее своимъ присутствіемъ.

«Я ѣду братомъ милосердія», говорилъ царь, отправляясь въ дѣйствующую армію. И дѣйствительно, предоставляя другимъ всю военную славу побѣды надъ непріятелемъ, государь сосредоточилъ все свое вниманіе на больныхъ и раненыхъ воинахъ, для которыхъ явился не братомъ, а отцомъ милосердія. Усердно посѣщая больныхъ и раненыхъ воиновъ въ госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ, императоръ обходилъ ихъ, принималъ сердечное участіе въ ихъ положеніи, утѣшалъ, ободрялъ и поддерживалъ страдальцевъ своимъ ласковымъ царскимъ словомъ, съ отеческою любовью выслушивалъ ихъ разсказы и тутъ же собственноручно награждалъ отличившихся за ихъ боевыя заслуги. При появленіи императора въ госпиталяхъ, раненые оживлялись и забывали о своихъ страданіяхъ: самъ же государь выходилъ изъ госпиталя всегда разстроенный.

Раненые и ихъ семейства были предметомъ неусыпныхъ заботъ императора Александра Николаевича. Радъ онъ былъ, когда изъ Петербурга прибывали вещи для раненыхъ, присылавшіяся въ подарокъ императрицей Маріей Александровной. Государь непремѣнно самъ раздавалъ ихъ, заботливо спрашивая у раненыхъ, кто чего хочетъ, что любитъ, и стараясь угодить каждому страждущему: музыкантамъ давалъ онъ гармоніи, грамотнымъ книжки, курящимъ кисеты для табаку, нескурящимъ — чай, закуски, гостинцы. Какъ дѣти радовались и солдаты, и офицеры, получая подарки изъ рукъ царственнаго «брата милосердія», слыша его задушевное, ласковое слово.

Любовь къ государю солдатъ, радость и восторгъ отъ свиданія съ нимъ дѣйствовали на раненыхъ, какъ живая вода: всякій, кто могъ шевелиться, старался встать, приподняться, ободриться: они простирали къ царю свои руки, цѣловали его одежду, благословляли его имя.

Только тогда, когда съ паденіемъ Плевны, борьба явно склонилась въ нашу пользу и дальнѣйшій успѣхъ былъ уже вполнѣ обезпеченъ, императоръ, простившись со своими войсками, уѣхалъ изъ дѣйствующей арміи и въ началѣ декабря 1877 года вернулся въ Россію.

Тотчасъ же послѣ взятія Плевны, рѣшено было безотлагательно, не теряя времени, перейти Балканы. Между тѣмъ, наступила уже суровая зима, и турки не допускали даже мысли о возможности перехода нашихъ войскъ черезъ Балканы въ это время года. Но тутъ-то и выказалась вся доблесть русской арміи.

Перевалить зимою цѣлой арміей черезъ Великіе Балканы — гнѣзда дѣло въ высшей степени трудное и рискованное: но перевалить черезъ Трояновъ проходъ въ какое бы то ни было время года ни одна армія въ мірѣ еще не рѣшалась, а если бы и рѣшилась, то навѣрное погибла бы у его подножія.

Собственно главная русская армія перешла Балканы въ такихъ крутыхъ пунктахъ, по коимъ нужно было попытаться хотя бы незначительную часть нашихъ войскъ переправить именно черезъ Трояновъ проходъ для того, чтобы, совершивъ такой подвигъ, поразить турокъ, отвлечь ихъ вниманіе отъ движенія нашей главной арміи и тѣмъ облегчить послѣдней переходъ черезъ Балканы. Выполненіе этого страшно трудного, почти невозможнаго дѣла возложено было на отрядъ генерала Карпова. Въ ночь съ 22-го на 23-е декабря отрядъ двинулся въ путь. Добравшись, съ неимовѣрными усиліями, до самого перевала и проведя тамъ день Рождества Христова, отрядъ генерала Карпова 26-го декабря уже штурмовалъ турецкій редутъ, ворвался въ него и прогналъ турокъ. Послѣ того приходилось спуститься по такъ называемую Долину Розъ, по крутому склону Балкановъ, который еще гораздо круче сѣвернаго. Безпутіе тутъ было еще грубѣе, еще ужаснѣе потемки. Какъ только русскіе спустились съ Балкановъ, турки покинули свои позиціи у подножія Великихъ Балкановъ, а отрядъ генерала Карпова вошелъ въ связь съ одной стороны — съ отрядомъ генерала Гурко, а съ другой — съ шипкинскимъ отрядомъ генерала Радецкаго.

Спустившись съ Балкановъ въ Долину Розъ, генералъ Радецкій, вмѣстѣ съ явившимся ему на помощь изъ-подъ Плевны (послѣ ея паденія) генераломъ Скобелевымъ, атаковалъ, 28-го декабря, стоявшую передъ Шипкой, у Казанлыка, 40-тысячную турецкую армію, которая, послѣ упорнаго сопротивленія, была разбита и взята въ плѣнъ.

Разгромивъ и разсѣявъ шипкинскую турецкую армію и совершивъ безпримѣрный въ исторіи переходъ черезъ Балканы, русскія войска продолжали побѣдоносно двигаться впередъ, заняли безъ боя Адріанополь — вторую столицу Турецкой имперіи и подступили къ самому Константинополю. Тогда, 19-го февраля 1878 года, въ мѣстечкѣ Санъ-Стефано, верстахъ въ десяти отъ Константинополя, Турція подписала предложенныя ей Россіею условія мира.

Между тѣмъ, великія европейскія державы потребовали, чтобы мирныя условія эти переданы были на ихъ разсмотрѣніе. Такимъ образомъ, Санъ-Стефанскій мирный договоръ оказался только предварительнымъ: великія европейскія державы утвердили его съ значительными измѣненіями. Эти измѣненныя условія мира были подписаны въ 1878 году уполномоченными всѣхъ великихъ державъ на конгрессѣ въ Берлинѣ, послѣ чего, 27-го января 1879 года, подписанъ былъ въ Константинополѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, и окончательный мирный договоръ между Россіей и Турціей.

Императоръ Александръ Николаевичъ могъ бы, конечно, съ полнымъ правомъ настаивать на утвержденіи Санъ-Стефанскаго мирнаго договора безъ всякихъ измѣненій; но тогда Россіи предстояла бы новая война съ Европою. Между тѣмъ государь глубоко чувствовалъ необходимость мира: пора было дать отдохнуть русскому народу, понесшему столько жертвъ въ борьбѣ за братьевъ-славянъ! Жалѣя народъ свой, государь рѣшилъ — какъ ни тяжело ему было — не настаивать на всемъ томъ, что было добыто дорогою русскою кровью и утверждено Санъ-Стефанскимъ договоромъ съ Турціей, и согласился въ Берлинѣ на большія уступки, которыя не помѣшали, однако, освобожденію христіанскихъ народовъ Турціи.

По мирнымъ договорамъ въ Санъ-Стефано и Берлинѣ, Россіи возвращена въ Европѣ та часть Бессарабіи, которая была уступлена ею Турціи послѣ Крымской кампаніи, по Парижскому миру 1856 года, благодаря чему Россія вновь достигла устьевъ рѣки Дуная; въ Азіи же она пріобрѣла часть турецкихъ владѣній, съ портомъ Батумомъ и крѣпостью Карсомъ, которые обезпечиваютъ здѣсь нашу безопасность и наше развитіе на будущее время. Наконецъ, за понесенныя Россіею военныя издержки, Турція обязалась уплатить ей денежное вознагражденіе въ размѣрѣ 300 милліоновъ рублей.

Такъ окончилась русско-турецкая война 1877—1878 годовъ, — эта рѣшительная борьба за освобожденіе славянъ Балканскаго полуострова, и хотя Россія, вслѣдствіе вмѣшательства Европы, далеко не получила того, на что имѣла право разсчитывать послѣ принесенныхъ ею громадныхъ жертвъ и одержанныхъ славныхъ побѣдъ, тѣмъ не менѣе главная, святая цѣль войны была достигнута: въ достопамятный день освобожденія крестьянъ въ Россіи и славянскіе народы Балканскаго полуострова освобождены были, при помощи Россіи и ея великаго Монарха, отъ тяготѣвшаго надъ ними въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ турецкаго гнета. Императору Александру II, даровавшему свободу многимъ милліонамъ собственныхъ подданныхъ, выпала славная роль и освободителя балканскихъ христіанъ, которыми онъ вторично названъ былъ Царемъ-Освободителемъ!

V.

Возстановляя въ памяти все пережитое русскимъ народомъ въ теченіе царствованія императора Александра II и сравнивая положеніе Россіи къ концу этого царствованія съ тѣмъ, какимъ оно было въ началѣ того же царствованія, нельзя не удивиться благодѣтельной перемѣнѣ, происшедшей въ этотъ короткій промежутокъ времени во всѣхъ отрасляхъ народной жизни. Освобожденіе крестьянъ отъ тяготѣвшей надъ

Гр. Лонг. Кн. Горчаковъ. Вашингтонъ. Лордъ Биконсфильдъ. Кн. Гогенлоэ. Радевицъ. Гр. Корти. Гр. С.-Вальe. Бар. Убри. Гр. Андраши. Кн. Бисмаркъ. Гр. Шуваловъ. Лордъ Россель. Садулла-бей. Лордъ Салисбюри. Бюловъ Мехметъ-Али-паша. Каратеодори-паша.

Берлинскій конгрессъ 1878 года. Картина А. Вернера.

ними нѣсколько вѣковъ крѣпостной зависимости и устройство ихъ быта, отмѣна позорныхъ и жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, введеніе земскихъ учрежденій, городского самоуправленія, новыхъ судовъ и всеобщей воинской повинности, не считая другихъ, менѣе важныхъ, преобразованій, нововведеній и улучшеній, совершившихся по волѣ Царя-Освободителя, имѣли неизмѣримое вліяніе на умственное и нравственное возрожденіе русскаго народа и, можно сказать, дали Россіи полное внутреннее обновленіе.

Оглядываясь затѣмъ на войны того же царствованія, нельзя не замѣтить, что всѣ онѣ были начаты и ведены не подъ вліяніемъ честолюбія, не ради жажды завоеваній, но исключительно по чувству человѣколюбія, — для огражденія живущихъ на окраинахъ государства русскихъ отъ хищническихъ набѣговъ полудикихъ азіатскихъ племенъ (покоренія Кавказа, Кокана, Бухары и Хивы), или же для освобожденія угнетенныхъ единоплеменниковъ (освобожденіе балканскихъ славянъ).

Дѣятельно заботясь о благѣ своихъ подданныхъ, императоръ Александръ Николаевичъ, въ теченіе 26 лѣтъ своего славнаго царствованія, не упустилъ изъ виду ничего, что могло бы послужить къ возвеличенію отечества и упроченію благоденствія русскаго народа, пастырь которымъ Богъ поставилъ его государемъ. Несмотря, однако, на неустанные труды и отеческія заботы императора Александра II, несмотря на всѣ его громадныя заслуги передъ отечествомъ, на его безпредѣльную доброту, великое милосердіе и рѣдкое человѣколюбіе,—среди русскихъ же людей нашлись и такіе, которые, преслѣдуя туманныя цѣли, неоднократно пытались посредствомъ насилія поколебать существующій въ Россіи государственный и общественный строй и, прикрываясь любовію къ народу, не останавливались для достиженія своей цѣли ни передъ какимъ преступленіемъ, при чемъ непомѣрная дерзость ихъ дошла, наконецъ, до послѣднихъ предѣловъ: они осмѣлились неоднократно покушаться на драгоцѣнную жизнь Царя-Освободителя.

М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

19-го февраля 1880 года исполнилось двадцатипятилѣтіе царствованія императора Александра II, и съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ отпразднованъ былъ этотъ незабвенный день какъ въ обѣихъ столицахъ, такъ и по всей вообще Россіи.

Но среди милліоновъ радостно-настроенныхъ русскихъ сердецъ, одному только человѣку въ Руси праздникъ былъ не въ праздникъ. Человѣкъ этотъ былъ — самъ царь, творецъ [illegible] милліоновъ русскихъ людей и виновникъ торжества. Государь не сомнѣвался въ искреннемъ [illegible] къ нему народа, онъ зналъ и чувствовалъ, что Россія любитъ царя-освободителя и благодаритъ ему безпредѣльно; но онъ зналъ и чувствовалъ въ то же время, что несмотря [illegible] на всѣ великія [illegible], земля русская носитъ въ себѣ [illegible] которыхъ ничто не въ силахъ [illegible].

[illegible] роковое 1-е марта 1881 года.

[illegible] императоръ выѣхалъ въ каретѣ изъ [illegible] въ С.-Петербургѣ, въ сопровожденіи [illegible] Михайловскій манежъ, на [illegible] въ этотъ день разводъ съ церемоніею. Выходя, по окончаніи разводъ, изъ манежа, около трехъ четвертей второго часа, и узнавъ, что великій князь Михаилъ Николаевичъ, присутствовавшій при разводѣ, намѣренъ посѣтить великую княгиню Екатерину Михаиловну въ Михайловскомъ дворцѣ, государь предложилъ брату ѣхать вмѣстѣ. Пробывъ въ Михайловскомъ дворцѣ около получаса, императоръ уѣхалъ оттуда уже одинъ, безъ великаго князя, сказавъ кучеру: «той же дорогой домой». Карета направилась по Инженерной улицѣ, а затѣмъ повернула направо, по набережной Екатерининскаго канала, направляясь къ Театральному мосту.

Въ началѣ третьяго часа пополудни, на разстояніи около 50-ти саженъ отъ угла Инженерной улицы, карета Государя, проѣзжая по набережной канала, мимо сада Михайловскаго дворца, поравнялась съ шедшимъ навстрѣчу ей, по панели канала, молодымъ человѣкомъ, оказавшимся впослѣдствіи тихвинскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Поравнявшись съ императорскою каретою, Рысаковъ повернулся къ ней лицомъ и, прежде чѣмъ конвойные могли сообразить что-либо, быстро метнулъ подъ ноги впряженныхъ въ карету лошадей, что-то бѣлое, похожее на комъ снѣга и оказавшееся впослѣдствіи завернутымъ въ платокъ разрывнымъ снарядомъ. Въ тотъ же мигъ раздался оглушительный трескъ, подобный залпу изъ орудій; скакавшіе сзади царскаго экипажа два казака свалились раненые съ лошадей; тутъ же на тротуарѣ стоналъ смертельно раненый 14-ти-лѣтній крестьянскій мальчикъ, густое облако изъ снѣга и разныхъ осколковъ поднялось кверху. Карета государя оказалась сильно поврежденною взрывомъ: всѣ четыре стекла и маленькое окно сзади были разбиты, кузовъ отъ дверецъ по бокамъ и сзади расщепленъ, задняя стѣнка разрушена, дно снизу отчасти повреждено.

Бросивъ подъ карету взрывчатый снарядъ, Рысаковъ пустился было бѣжать по направленію къ Невскому проспекту, но, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ мѣста взрыва, поскользнулся, упалъ и былъ схваченъ подоспѣвшими солдатами.

Самъ императоръ остался совершенно невредимъ, приказалъ кучеру остановить лошадей, отворилъ лѣвую дверцу, вышелъ изъ кареты и направился къ тому мѣсту, гдѣ находился, уже окруженный собравшеюся толпою народа, Рысаковъ.

Затѣмъ, едва только государь, желая посмотрѣть мѣсто взрыва, отошелъ отъ задержаннаго Рысакова и успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по панели вдоль канала, по направленію къ своему экипажу, какъ другой неизвѣстный человѣкъ, — какъ обнаружилось впослѣдствіи, полякъ Гриневецкій, — выждавъ приближеніе императора на разстояніе не болѣе двухъ аршинъ, приподнялъ руки вверхъ и бросилъ что-то на панель къ самымъ ногамъ государя. Въ тотъ же мигъ столбъ спустя не болѣе 4—5 минутъ послѣ перваго взрыва) раздался новый оглушительный взрывъ, при чемъ поднятая имъ масса дыма, снѣга и клочьевъ платья закрыла на нѣсколько мгновеній все пространство. Когда же поднятый взрывомъ столбъ разсѣялся, пораженнымъ взорамъ присутствовавшихъ представилось поистинѣ потрясающее зрѣлище: до двад-

пати человѣкъ болѣе или менѣе тяжело раненыхъ обоими взрывами лежали у тротуара и на мостовой; въ числѣ ихъ находился и императоръ. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ фуражки и шинели, полусидѣлъ на ней горячо любимый народомъ Монархъ, окровавленный и трудно дышавшій. Обнажившіяся ноги вѣнценоснаго страдальца были раздроблены, кровь сильно струилась изъ нихъ, лицо было все въ крови. Тутъ же лежали, упавшія съ головы и плечъ государя, фуражка и шинель, отъ которыхъ остались одни лишь окровавленные и обожженные клочья...

При видѣ столь неожиданнаго, столь невѣроятнаго несчастія, не только оставшіеся невредимыми, но и пострадавшіе отъ взрывовъ бросились на помощь къ государю. Приподнявъ съ земли израненнаго императора, уже начинавшаго терять сознаніе, окружавшія его лица, при подоспѣвшемъ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, понесли его къ санямъ ѣхавшаго вслѣдъ за экипажемъ государя полковника Дворжицкаго. Наклонившись къ правому плечу государя, уже несомаго на рукахъ, великій князь спросилъ, слышитъ-ли его величество, на что императоръ тихо отвѣтилъ: «слышу»: на дальнѣйшій вопросъ о томъ, какъ государь себя чувствуетъ, императоръ сказалъ: «скорѣе... во дворецъ», а затѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ на услышанное имъ предложеніе внести его въ ближайшій домъ для поданія первоначальной помощи, государь произнесъ: «несите меня во дворецъ... тамъ... умереть»... То были послѣднія, слышанныя свидѣтелями-очевидцами злодѣйскаго преступленія 1-го марта, слова умиравшаго монарха. Послѣ этого императоръ помѣщенъ былъ въ сани полковника Дворжицкаго и повезенъ въ Зимній дворецъ.

Карета Императора Александра II послѣ взрыва 1-го марта 1881 г.

По доставленіи во дворецъ, государь находился уже въ совершенно безсознательномъ состояніи: а въ 3 часа 35 минутъ пополудни императора Александра II не стало...

Таковы обстоятельства, при которыхъ совершилось, неслыханное злодѣяніе, безвременно положившее предѣлъ драгоцѣнной жизни монарха, бывшаго поистинѣ гордостію и славою Россіи. Такъ окончилось земное поприще этого великаго, по благодѣяніямъ своему народу, государя, вся жизнь котораго была единымъ безпрерывнымъ подвигомъ любви на благо и счастіе своихъ подданныхъ.

Императоръ Александръ II великъ былъ не только какъ царь многомилліоннаго народа, всю жизнь посвятившій на

Царь-Освободитель на смертномъ одрѣ. Съ фот. Левицкаго трав. Гельштейнъ.

было своихъ подданныхъ, но и какъ рѣдкій типъ человѣка, какъ воплощенная доброта, любовь и милосердіе. Его человѣколюбивая, чистая душа такъ и свѣтилась во всѣхъ его дѣлахъ и начинаніяхъ. Будучи неограниченнымъ, самодержавнымъ монархомъ, обширнѣйшаго въ мірѣ царства, этотъ царь-человѣкъ во всей своей дѣятельности руководился, главнымъ образомъ, велѣніями своего любящаго сердца. Являя высокій примѣръ самоотверженной христіанской любви, онъ жилъ для того, чтобы возвеличить ввѣренную ему Богомъ Россію, облегчить нужды и упрочить благосостояніе своего народа. И что же? Святотатственная рука отняла у него жизнь среди бѣлаго дня, въ его же собственномъ столицѣ, обагрила его невинною царственною кровью землю русскую, осквернила ее злодѣяніемъ небывалымъ. Она убила того царя, который выше всѣхъ современниковъ держалъ знамя человѣчности и больше всѣхъ ихъ совершилъ великаго подъ этимъ священнымъ для него знаменемъ, который всѣ двадцать шесть лѣтъ своего славнаго царствованія, будучи великимъ царемъ, не переставалъ быть въ то же время и благороднѣйшимъ человѣкомъ.

—

Россія наканунѣ XX вѣка.

Очеркъ **Р. И. Сементковскаго.**

Событія послѣднихъ двадцати лѣтъ минувшаго вѣка всѣмъ еще такъ памятны, что подробно останавливаться на нихъ нѣтъ надобности. Поэтому мы ихъ перечислять не станемъ, а постараемся въ этомъ очеркѣ уловить ихъ духъ, уяснить себѣ ихъ внутреннее значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и путь, на который Россія вступила въ концѣ вѣка и по которому она впредь будетъ идти.

Стольѣтіе, какъ время вообще, можетъ быть уподоблено двуликому Янусу, одинъ ликъ котораго, выражаясь словами Майкова, обращенъ «къ заходящему солнцу», а другой «проникаетъ взоромъ въ грядущіе вѣка». Гдѣ грань, отдѣляющая лицо лика въ XIX вѣкѣ? По мнѣнію, широко распространенному у насъ, грань эту представляютъ великія реформы Царя-Освободителя. До этихъ реформъ мы жили въ прошломъ; со времени же этихъ реформъ мы живемъ для будущаго.

Но такъ-ли это? Быть можетъ, великія реформы Царя-Освободителя составляютъ только завершеніе прошлаго, а послѣ этихъ реформъ началась жизнь для будущаго? Если этотъ взглядъ вѣренъ, то не 60-е годы, а 1881 годъ является тою гранью, которая отдѣляетъ у насъ прошлое отъ будущаго.

Въ этомъ году въ самомъ началѣ царствованія императора Александра III, съ высоты престола раздались слѣдующія знаменательныя слова: Гласъ Божій повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленія въ упованіи на божественный промыселъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага паствы отъ великихъ на нее поползновеній. Во время коронаціи императоръ Александръ III обратился въ Петровскомъ дворцѣ къ волостнымъ старшинамъ съ слѣдующею рѣчью: [illegible] слушайте совѣтамъ и руководству вашихъ предводителей [illegible] и не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпымъ слухамъ и толкамъ о переділахъ земли, [illegible] и т. п. Эти слухи распускаются нашими врагами. Великая собственность [illegible] такъ же, какъ и ваша должна быть неприкосновенна. Въ манифестѣ отъ 29-го апрѣля 1881 г. было еще [illegible] Не столько строгими вѣщаніями власти, сколько [illegible] ея и кротостью совершилъ решительно изъ величайшаго дѣла своего царствованія — освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, утвердивъ въ паствѣ суть и потомствъ своихъ [illegible] свободными, [illegible] разнообразно плодотворнаго мѣстнаго управленія и [illegible] Да будетъ назвать это облагодѣяніе [illegible] появленія манифеста 1881 г. Александръ III [illegible] опредѣлилъ въ циркулярномъ рескриптѣ [illegible] Россіи при изсохшихъ ерыдалищахъ [illegible] своего царствованія. Въ циркулярѣ [illegible] императоръ посвятилъ себя прежде [illegible] государственнаго развитія, тѣсно связанныхъ [illegible] предусмотрительности и съ вопросами [illegible] о [illegible] сосредоточивающимъ нынѣ [illegible] Вѣнчалась политика [illegible] миролюбивою».

[illegible] вѣковъ [illegible] лѣтъ со времени [illegible] и [illegible] и [illegible] и

Императоръ Александръ III.

учрежденія, постепенно ихъ снова утратившей, имѣвшей и Наполеона I. и Людовика XVIII. и Наполеона III. окончательно возстановившей послѣ паденія наполеоновскаго режима республику, но пережившей при республикѣ столько тяжелыхъ дней, столько опасныхъ государственныхъ переворотовъ и сомнѣвающейся до сихъ поръ въ томъ, что она обрѣла, наконецъ, наиболѣе совершенныя политическія формы. Безпрерывныя смѣны министерствъ, безконечные парламентскіе скандалы, застой или медлительный ходъ законодательства заставляетъ невольно задуматься всѣхъ просвѣщенныхъ людей надъ призрачностью многихъ благъ, которыя Франція завоевала путемъ такого страннаго кровопролитія и такихъ ужасныхъ народныхъ бѣдствій.

Если мы перенесемся по ту сторону Пиренейскихъ горъ и вдумаемся въ судьбу находящейся тамъ прекрасной страны, такъ щедро одаренной природою, то мысль наша получитъ новое, яркое подтвержденіе. Сколько произошло въ ней государственныхъ переворотовъ въ теченіе минувшаго вѣка! Съ внѣшней стороны были установлены самыя свободныя политическія формы, но не послужилъ-ли весь минувшій вѣкъ до послѣднихъ памятныхъ всѣмъ событій яснымъ доказательствомъ, что эти формы однѣ еще не обезпечиваютъ народнаго благополучія. Вспомнимъ хотя-бы разгромъ Испаніи Соединенными Штатами и утрату ею богатыхъ заморскихъ колоній. И далѣе: Соединенные Штаты, располагающіе повидимому самыми совершенными политическими формами, не представляютъ-ли они яркаго примѣра, какъ при этихъ формахъ съ трудомъ и съ страшными жертвами достигается то, что другія страны достигли безъ подобныхъ жертвъ. Но не будемъ сопоставлять освобожденіе негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ съ освобожденіемъ крѣпостныхъ въ Россіи. Спросимъ себя, спасала ли свобода великую за-атлантическую республику отъ продажности администраціи, вопіющихъ злоупотребленій и подкуповъ на выборахъ, отъ торжества капитализма надъ рабочими въ самой грубой и безоградной формѣ. А если мы возьмемъ Швецію и Норвегію или Данію, гдѣ переворотовъ почти никакихъ не было и политическія учрежденія повидимому далеко еще не такъ совершенны, то не убѣдимся-ли мы, что эти страны, въ смыслѣ народнаго благополучія, стоятъ значительно выше, нами перечисленныхъ? Родственной же имъ по крови Германіи пришлось выдержать упорную борьбу съ народными избранниками, чтобы достигнуть вѣковѣчной своей мечты объединенія и совершить такія крупныя внутреннія реформы, какъ страхованіе рабочихъ.

Такимъ образомъ, освобожденіе личности, повидимому, далеко еще не служитъ единственнымъ вѣрнымъ обезпеченіемъ народнаго благополучія. Если мы внимательно присмотримся къ тому, что происходитъ въ Западной Европѣ, въ тѣхъ странахъ, которыя достигли наибольшаго освобожденія личности, то мы убѣдимся, что теперь тамъ происходитъ, очевидный для всѣхъ, процессъ ограниченія свободы личности. Правда, этотъ процессъ только отчасти исходитъ отъ правительственной власти. Тутъ онъ выражается въ возникновеніи и быстромъ развитіи, такъ называемаго, государственнаго соціализма, который сводится въ конечномъ результатѣ къ ограниченію личности въ дѣлѣ свободнаго распоряженія собою и своимъ имуществомъ. Но на ряду съ нимъ возникаютъ новыя формы ограниченія свободы личности. Если мы возьмемъ все то широкое движеніе, которое мы привыкли называть многоразличными названіями, но которое по существу сводится къ обезпеченію интересовъ [illegible] группъ населенія путемъ ассоціацій, союзовъ, обществъ, синдикатовъ, трестовъ, кооперативныхъ организацій, то мы увидимъ, что всѣ они такъ или иначе направлены противъ свободы личности. Фабрикантъ долженъ [illegible] свои фабрикаты по такой-то цѣнѣ или только такимъ-то [illegible], а организаторы стачекъ требуютъ, чтобы рабочіе не [illegible] на работу. Фермеры бойкотируютъ землевладѣльцевъ. Крестьянинъ лишается возможности свободно распоряжаться своею поземельною собственностью. И если мы [illegible] на экономическій терминъ въ область духовную, то [illegible], что рационализмъ [illegible] такъ называемыхъ [illegible], что всѣ, болѣе или менѣе обнаруживающіе стремленіе къ отраженію такъ называемыхъ національныхъ интересовъ въ ущербъ интересамъ общечеловѣческихъ или широкихъ элементовъ, то не ясно ли будетъ, что освобожденіе личности, составлявшее альфу и омегу политической мудрости сравнительно еще недавно, возбуждаетъ теперь многоразличныя сомнѣнія именно тамъ, гдѣ оно достигло наибольшаго развитія.

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, какія политическія формы болѣе совершенны. Знаменитые государствовѣды не рѣшаются отвѣтить на этотъ вопросъ и склонны думать, что всякая политическая форма имѣетъ только относительныя достоинства и что, устанавливая тѣ или другія учрежденія, надо прежде всего принять во вниманіе, для кого они устанавливаются. Учрежденіе, можетъ быть, весьма пригодное для цивилизованнаго народа, окажется совершенно негоднымъ для готентота или ирокеза. Это, конечно, крайность; но можно-ли думать, что тотъ или другой государственный шаблонъ можетъ быть положенъ въ основаніе государственной организаціи всѣхъ народовъ. А между тѣмъ люди въ концѣ XVIII столѣтія и въ началѣ минувшаго были убѣждены, что существуетъ одна только общеспасительная политическая форма, и это заблужденіе могло бы казаться просто невѣроятнымъ, если бы мы не знали, что оно вызвано было другимъ ошибочнымъ предположеніемъ, будто бы всѣ люди созданы природою одинаковыми, будто бы человѣкъ отъ природы стремится только къ добру и только вслѣдствіе вліянія условій, преимущественно политическихъ, становится злымъ, склоннымъ нарушать права и интересы другихъ людей. Во время великой французской революціи, такіе возвышенные, благородные люди, какъ жирондисты, безусловно вѣрившіе въ человѣка, хотѣли осчастливить свой народъ свободными политическими учрежденіями, а народъ отблагодарилъ ихъ тѣмъ, что повелъ ихъ на гильотину. Не думаемъ, чтобы толпу, совершившую такіе ужасы во время революціи, можно было бы признать отъ природы доброю. Если бы Руссо, создатель этой теоріи, дожилъ бы до этихъ дней человѣческаго изувѣрства и варварства, то онъ вынужденъ былъ бы признать, что его теорія вызвала одно изъ ужаснѣйшихъ народныхъ бѣдствій, а между тѣмъ она до сихъ поръ лежитъ въ основѣ той теоріи, которая считаетъ освобожденіе личности единственнымъ спасеніемъ противъ всѣхъ общественныхъ золъ.

Не пережила ли и Россія нѣчто подобное? Царь, освободившій свой народъ, одна изъ благороднѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ личностей, когда-либо бывшихъ на престолѣ, поплатился жизнью за свою вѣру въ человѣка. Если принять во вниманіе то настроеніе русскаго общества, которое господствовало у насъ въ 50-тые и 60-тые годы, ту увѣренность, что стоитъ только даровать крестьянамъ свободу и все устроится къ лучшему въ наилучшемъ изъ міровъ, и сопоставить его съ теперешнимъ настроеніемъ общества, доходящимъ до пессимизма, до отвращенія къ жизни, то не служитъ ли это доказательствомъ, что общество обманулось въ своихъ ожиданіяхъ? Если же принять еще во вниманіе, что въ западной Европѣ подъемъ духа, вызванный событіями конца XVIII столѣтія, смѣнился общимъ разочарованіемъ, создалъ такихъ поэтовъ міровой скорби, какъ Байронъ и Гейне, не говоря уже о безконечномъ числѣ ихъ послѣдователей, породилъ такихъ философовъ, какъ Гартманъ, Шопенгауэръ, Ницше съ ихъ проповѣдью небытія или жестокаго подавленія всего слабаго, неспособнаго къ жизни, то мы убѣдимся, что теорія всеспасительности освобожденія личности вызвала глубокое разочарованіе и въ западной Европѣ. Но можетъ ли быть признано жизненнымъ то, что порождаетъ смерть?

Однако въ то же время мы видимъ, что XIX вѣкъ, кончившійся такимъ широкимъ распространеніемъ пессимистическихъ теоріи, былъ и вѣкомъ лихорадочной дѣятельности, кипучей жизни? Она была вездѣ ключемъ, и можно даже смѣло сказать, что вряда ли въ исторіи человѣчества былъ когда-нибудь періодъ болѣе напряженной дѣятельности во всѣхъ сферахъ народной жизни. Никто не станетъ отрицать, что въ минувшемъ вѣкѣ достигнуты такіе успѣхи, о какихъ никто и мечтать не смѣлъ въ концѣ XVIII-го. Правда, эти успѣхи, какъ обыкновенно полагаютъ, достигнуты только въ области точныхъ наукъ и ихъ примѣненія къ практической жизни, въ области многообразныхъ техническихъ усовершенствованій, открытій и изобрѣте-

ній. Но не привели ли именно эти успѣхи къ одному для всѣхъ очевидному результату? Богатство народовъ возрасло въ небывалыхъ размѣрахъ, возросло и народное благосостояніе, возросла средняя человѣческая долговѣчность. Такія явленія, какъ повальный голодъ цѣлыхъ классовъ народонаселенія — явленіе, еще очень часто встрѣчавшееся въ XVIII столѣтіи, стало въ XIX столѣтіи на Западѣ невозможно. Достигнуто это въ значительной степени благодаря техническимъ усовершенствованіямъ, развитію торговли и путей сообщенія, сблизившемъ, объединившемъ весь земной шаръ. Увеличеніе народнаго благосостоянія благотворно повліяло и на народное образованіе. Нынѣ въ рукахъ правительствъ, земствъ, разныхъ городскихъ и сельскихъ общинъ сосредоточиваются доходы, о какихъ сто лѣтъ тому назадъ никто и мечтать не смѣлъ, и это даетъ имъ возможность учреждать такую массу учебныхъ заведеній, такое обиліе разныхъ средствъ образованія, какой сто лѣтъ тому назадъ казался бы просто сказочнымъ. Въ концѣ XVIII столѣтія лучшіе умы могли развѣ только мечтать о томъ, чтобы образованіе охватило широкою волною всѣ классы населенія, чтобы нигдѣ не было лицъ неграмотныхъ: нынѣ для многихъ странъ это уже не мечта, а осуществившійся фактъ, и если онъ могъ быть осуществленъ, то только благодаря усиленной работѣ людей въ жизни для самой жизни, благодаря той практической дѣятельности, къ которой у насъ относятся обыкновенно свысока, даже съ плохо скрываемымъ презрѣніемъ. Если Россія еще во многомъ такъ сильно отстала отъ западной Европы, если у насъ повальный голодъ цѣлыхъ мѣстностей еще возможенъ, если народнаестественныя наши богатства приносятъ намъ такъ мало пользы, если пути сообщенія такъ мало развиты, если государство, земство и общины не находятъ средствъ, чтобы вести дѣятельную борьбу съ народнымъ невѣжествомъ, — то чѣмъ же это объяснить, какъ не нашею отсталостью въ практической дѣятельности? Всѣ отрасли производительнаго труда находятся въ рукахъ неумѣлыхъ, невѣжественныхъ, а наиболѣе образованная часть русскаго общества, подчиняясь какимъ-то кастовымъ предразсудкамъ, полагаетъ, что оно призвано главнымъ образомъ служить наукѣ, искусству, литературѣ, состоя у правительства на хлѣбахъ. Можетъ ли при такихъ обстоятельствахъ намъ помочь такъ-называемое освобожденіе личности? Сумѣемъ ли мы воспользоваться свободою? На этотъ вопросъ краснорѣчивый отвѣтъ даетъ намъ царствованіе Царя-Освободителя. Какъ мы тогда воспользовались дарованною намъ свободою, ясно показываетъ положеніе, въ которомъ находятся теперь у насъ помѣщики и крестьяне.

На протяженіи 200 лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ разгара дѣятельности величайшаго изъ русскихъ правителей, Петра I, мы присутствовали при безпрерывныхъ попыткахъ освободить русскаго человѣка. Вспомнимъ обстоятельства, при которыхъ вступила Анна Іоанновна на престолъ, вспомнимъ дѣятельность Екатерины II, Александра Благословеннаго и Царя, котораго мы всѣ съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія называемъ Освободителемъ. Не видимъ ли мы, что за эти два вѣка государственная жизнь вращается около центральнаго вопроса,—составляетъ ли освобожденіе личности зло или добро. Тутъ постоянно происходятъ колебанія то въ ту, то въ другую сторону и, кажется, какъ будто этотъ вопросъ поглощаетъ все вниманіе и правительства, и общества. Но если мы спросимъ себя, кто изъ всѣхъ русскихъ вызывающихся правителей пользуется наибольшею симпатіею русскаго общества, то, заглядывая въ литературу, мы получимъ отвѣтъ: этотъ правитель былъ Петръ Великій. Предъ нимъ одинаково преклоняются всѣ наши большіе писатели. Его воспѣвали и славословили и Кантемиръ, и Ломоносовъ, и Державинъ, и Пушкинъ, и Бѣлинскій.

Чѣмъ же занимался Петръ Великій? Никто короче и яснѣе не отвѣтилъ на этотъ вопросъ, какъ Пушкинъ въ своихъ знаменитыхъ стихахъ.

> То академикъ, то герой,
> То мореходатель, то плотникъ,
> Онъ всеобъемлющей душой
> На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Обобщая мысль Пушкина, мы можемъ сказать, что Петръ Великій былъ преимущественно работникъ, т. е. практическій дѣятель. Онъ высоко ставилъ науку и знанія, но лишь настолько, насколько они пригодны для того, чтобы двинуть успѣхи родины въ практическомъ отношеніи. Онъ не любилъ отвлеченной теоріи: онъ стоялъ слишкомъ близко къ жизни и, конечно, обѣими руками подписался бы подъ знаменитымъ стихомъ Гёте, что всякая теорія сѣра, туманна, и что вѣчно зеленѣетъ только дерево жизни.

Русское общество, а вмѣстѣ съ нимъ и русская литература на протяженіи двухъ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ великаго нашего преобразователя, создавало или, лучше сказать, заимствовало у Запада многообразныя отвлеченныя теоріи, изъ которыхъ теорія о всеспасительности освобожденія личности всегда стояла на первомъ планѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ недовольство въ обществѣ все росло, подъемъ духа, вызванный этою теоріею, смѣнялся все большимъ разочарованіемъ, дошедшимъ въ концѣ XIX вѣка до пессимизма, и черезъ всѣ наши общественныя настроенія, черезъ всю нашу литературу красною нитью проходитъ культъ передъ Петромъ Великимъ, тайное сознаніе, что онъ стоялъ на вѣрномъ пути, скрытая скорбь, что этотъ путь былъ нами оставленъ.

II.

Послѣднія два десятилѣтія XIX вѣка ознаменовались, по общему мнѣнію, въ Россіи пріостановкою въ дѣлѣ освобожденія личности, которое сдѣлало быстрые успѣхи при Александрѣ I и особенно при Александрѣ II. Эта пріостановка, по столь же распространенному мнѣнію, какъ бы означаетъ застой или возвратъ къ прошлому. Двуликій Янусъ повернулъ свое молодое лицо къ «заходящему солнцу», и только старое лицо его какъ будто «проникаетъ взоромъ въ грядущіе вѣка». Но послѣ всего, нами сказаннаго, можно усомниться въ вѣрности такого мнѣнія, какъ невѣрно это мнѣніе и по отношенію къ Западу, гдѣ процессъ освобожденія личности также пріостановился, но гдѣ о застоѣ ни въ какомъ случаѣ рѣчи быть не можетъ, гдѣ напротивъ жизнь сдѣлала въ теченіе XIX столѣтія изумительные успѣхи.

У насъ, въ Россіи, еще въ началѣ XVIII вѣка Кантемиръ провозглашалъ, что въ свободныхъ и холопяхъ течетъ одна кровь. Всѣмъ извѣстно, что уже Екатерина II нѣкоторое время усиленно была занята вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ. Тотъ же вопросъ занималъ и Александра I и Николая I. Наконецъ при Александрѣ II крѣпостные крестьяне были освобождены и притомъ на такихъ благопріятныхъ для нихъ условіяхъ, о какихъ на Западѣ крестьяне и мечтать не могли. Освобожденіе крестьянъ подготовлялось постепенно въ теченіе XVIII и XIX столѣтій, и осуществленіе этой великой реформы, состоявшейся при Царѣ-Освободителѣ, является не болѣе какъ завершеніемъ усилій и трудовъ многихъ поколѣній. Тутъ мы имѣемъ несомнѣнно дѣло съ прошлымъ, съ тѣмъ лицомъ Януса, которое обращено къ заходящему солнцу, потому что освобождать крестьянъ вторично не придется.

Возьмемъ теперь тѣ законодательныя мѣры, которыя приняты были за послѣднія два десятилѣтія минувшаго вѣка. Тутъ съ большой быстротою чередуются слѣдующія мѣропріятія: пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подушной и преобразованіе оброчной подати, регулированіе найма на сельскія работы, учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка, упорядоченіе питейнаго дѣла, установленіе казенной продажи питей, учрежденіе мелкаго кредита, учрежденіе переселенческаго управленія, оказаніе въ небывалыхъ еще размѣрахъ денежной и всякаго рода иной помощи народной массѣ во время голодовокъ. Словомъ законодатель усиленно занятъ не вопросомъ объ освобожденіи личности, а другимъ, не менѣе существеннымъ, о томъ, какъ бы сдѣлать для освобожденной уже личности условія, содѣйствующія обезпеченію ея благосостоянія. Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ оказалось, что благосостояніе ихъ не только не увеличивается, но часто даже понижается. При освобожденіи крестьянъ съ землею полагалось, что освобожденные крестьяне сумѣютъ вполнѣ воспользоваться предоставленною имъ свободою. Всѣ были болѣе или менѣе убѣждены, что дарованно

свободы, и притомъ съ землею, обезпечивалъ интересы крестьянъ. Но самомъ дѣлѣ эта нужда далеко не сбылась въ той мѣрѣ, какъ этого ожидали. При такихъ условіяхъ естественно должно было возникнуть желаніе ближе присмотрѣться къ личности освобождаемыхъ, взвѣсить вопросъ, на сколько она способна воспользоваться дарованною ей свободою. Очевидные для всѣхъ факты показали, что способность эта невелика. Кулачество, міроѣдство, пьянство, отсутствіе нравственныхъ качествъ, необходимыхъ для успѣшнаго хозяйничанья, склонность продавать землю, объдненіе и обнищаніе, стремленіе бросать родныя мѣста и переселяться въ другія мѣстности съ медовыми рѣками и кисельными берегами, все это выяснилось съ такою силою въ первыя двадцать лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, что надъ всѣми этими явленіями нельзя было не задуматься самымъ серьезнымъ образомъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ переселеніе крестьянъ не превышало 3.000 семей въ годъ, а въ 80-хъ годахъ цифра эта возросла до 50.000 человѣкъ. Нарѣканія на малоземелье стали всеобщими, лѣса всюду безпощадно вырубались, почва, лишенная влаги, становилась все менѣе и менѣе плодородною. Послышались голоса, утверждавшіе, что, если дѣло будетъ такъ продолжаться, Россія скоро превратится въ новую пустыню Сахару. Очевидно, расчетъ на то, что освобожденная личность сумѣетъ постоять за себя, опытъ лишь въ слабой степени, и для всѣхъ, кто былъ озабоченъ судьбами, возникалъ вопросъ о томъ, насколько освобожденныя элементы населенія въ состояніи воспользоваться дарованною имъ свободою. И въ Россіи сказалась во всей силѣ та роковая ошибка, совершенная на Западѣ, что эмансипаторы не обращали никакого вниманія на тѣхъ, для которыхъ они предназначали свои реформы. Что же касается крестьянъ, имъ оперотной силою пришлось отвоевывать за себя, если хотѣли освободить отъ стѣсненныхъ ихъ оковъ.

Освобожденный крестьянинъ оказался во многихъ отношеніяхъ совершенно одинокимъ. Онъ сильно нуждался въ помощи, въ лицѣ, которую могъ бы ему оказать не больше свѣта въ это темное царство. Но гдѣ были эти люди? Мировые посредники? Ихъ должность была учреждена лишь временно, и, по общему мнѣнію, въ нихъ даже не представлялось надобности, какъ въ постоянномъ учрежденіи. Вѣдь всѣ были убѣждены, что достаточно освободить крестьянъ съ землею, и все устроится прекрасно. Крестьянамъ было предоставлено самоуправленіе. Каждая сельская община представляла собою маленькую республику, самостоятельно вѣдавшую свои дѣла. Но и тутъ надежда на простое освобожденіе личности не оправдалась. Нарѣканія на міръ становились все слышнѣе, все настойчивѣе. Крестьянская республика превращалась въ олигархію міроѣдовъ и кулаковъ, направлявшихъ крестьянскія дѣла къ личной своей выгодѣ. Міръ же пропивалъ мірскія деньги, тормозилъ успѣхи сельскаго хозяйства передѣлами, дорожилъ правомъ сѣчь своихъ непокорныхъ сочленовъ. Картина крестьянскаго самоуправленія получилась во многихъ отношеніяхъ совершенно безотрадная. Невѣжество оказалось тѣмъ великимъ врагомъ, противъ котораго надо было во что бы то ни стало ополчиться. Но кто же могъ ратать противъ этого врага? Помѣщики? Они вѣдь признавались самыми опасными врагами крестьянъ, болѣе опасными, чѣмъ даже ихъ невѣжество. Вопросъ заключался только въ томъ, чтобы оградить крестьянина отъ вліянія помѣщиковъ, и мысль о всесословной волости встрѣтила общее несочувствіе. Интеллигенція вообще? Что однако, какіе реальные интересы связывали ее съ крестьянствомъ? Гдѣ были тѣ интеллигентные люди, которые въ деревнѣ могли бы работать вмѣстѣ съ крестьянами для того, чтобы предупредить окончательное истощеніе почвы, хищническое хозяйство, прониканіе міромъ мірскихъ денегъ, захватъ всего вліянія кулаками? Гдѣ были тѣ интеллигентные люди, которые могли внести свѣтъ знаній въ темную крестьянскую среду? Не для такой бурлацкой, тяжелой работы подготовляла себя интеллигенція. Она, какъ и главная ея составная часть, помѣщики, стремилась въ города, на службу, на мѣста, щедро оплачиваемыя, для того, чтобы въ часы досуга дилеттантствовать на поприщѣ науки, литературы, искусства

Императоръ Александръ III произноситъ рѣчь къ волостнымъ старшинамъ въ Петровскомъ дворцѣ, 23-го мая 1883 г.

Его Императорское Величество
Государь Императоръ Николай Александровичъ Самодержецъ Всероссійскій.

и заниматься политикою въ духъ освобожденія личности. Одинъ видъ освобожденія личности ей былъ совершенно чуждъ: освобожденіе личности отъ мрака хозяйственнаго и всякаго иного невѣжества.

Словомъ, крестьянинъ былъ предоставленъ самому себѣ, и результаты такого рода освобожденія сказались съ такою силою, что не оставалось ничего другого, какъ законодательными мѣрами придти на помощь этому печальному положенію дѣлъ. Послѣднее 20-лѣтіе XIX вѣка было посвящено рѣшенію этого животрепещущаго вопроса. На ряду со всѣми перечисленными уже нами мѣрами былъ созданъ еще институтъ земскихъ начальниковъ. Допустимъ, что задуманъ онъ былъ невѣрно, что, можетъ-быть, лучшимъ исходомъ было бы установленіе всесословной волости. Но какъ же отнеслось общество къ земскимъ начальникамъ? Общій голосъ былъ противъ нихъ. Сколько чернилъ изведено для того, чтобы доказать, что соединеніе административныхъ и судебныхъ функцій въ одномъ лицѣ не допустимо. Положимъ, что и это вѣрно, что Россія на столько богата, что можетъ имѣть въ каждой волости самостоятельнаго судью и самостоятельнаго администратора. Но вѣдь институтъ земскихъ начальниковъ вызванъ не только желаніемъ, но и очевидною для всѣхъ необходимостью сблизить интеллигенцію съ народомъ на почвѣ реальныхъ интересовъ послѣдняго. И кто же обратилъ вниманіе на эту насущную сторону вопроса? Почему тѣ же лица, которыя, въ свое время, такъ справедливо восторгались дѣятельностью англійскихъ мировыхъ судей, совмѣщавшихъ въ себѣ также административныя и судебныя функціи, возстали съ такимъ озлобленіемъ противъ нашего института земскихъ начальниковъ? Обычное возраженіе, что персоналъ земскихъ начальниковъ избирается неудачно, можетъ у серьезнаго человѣка вызвать только улыбку. Въ Англіи лучшія общественныя силы, будущіе парламентскіе ораторы и государственные дѣятели, безкорыстно, безъ всякаго вознагражденія исполняли многотрудныя обязанности тѣхъ же земскихъ начальниковъ, видя въ нихъ лучшую школу для ознакомленія съ реальными интересами родины. У насъ остатки интеллигенціи, сохранившіеся еще въ деревнѣ, соблазнялись содержаніемъ земскаго начальника, чтобы было на что жить, а цѣлыя интеллигенціи шумѣлъ и гремѣлъ въ городахъ, добиваясь дальнѣйшаго освобожденія личности.

Безпомощное положеніе нашего крестьянства вызывалось, по общему убѣжденію, его невѣжествомъ. Надо было во что бы то ни стало позаботиться о народномъ образованіи. Въ 1882 г. были узаконены школы грамотности; въ 1884 г.—церковно-приходскія школы. Противъ обоихъ типовъ народныхъ школъ тотчасъ же возникла усиленная агитація. Противъ нихъ выставлялся, главнымъ образомъ, тотъ аргументъ, что онѣ, давая только обрывки знаній, съ педагогической точки зрѣнія совершенно несостоятельны. Казалось бы, что при плачевномъ положеніи нашего народнаго образованія, общество на первый разъ должно радоваться всякой вновь возникающей школѣ. На самомъ же дѣлѣ оно совершенно иначе отнеслось къ дѣлу. Оно не только не было радо возникновенію школъ грамотности и церковно-приходскихъ школъ, но усмотрѣло въ нихъ какую-то опасность. Вопросъ стоялъ ясно. Выбора не было. Министерство народнаго просвѣщенія могло изъ 20-ти милліоннаго своего бюджета, при лучшемъ желаніи, ассигновать только четыре милліона на народныя школы. Земство при ограниченности своего бюджета, вслѣдствіе бѣдности населенія и массы другихъ потребностей, съ трудомъ имъ удовлетворяемыхъ, также не въ состояніи было сразу значительно содѣйствовать развитію народныхъ школъ. Между тѣмъ создались были многочисленныя новыя школы, въ которыхъ учащимся не давалось хотя бы и самое элементарное образованіе. Правительство пришло на помощь этимъ школамъ и асигновало на нихъ въ 1895 г. 3 милліона рублей. Однако все это не радовало нашего общества: созданныя школы не соотвѣтствовали его идеѣ о народномъ образованіи. Какъ будто суть въ самомъ дѣлѣ шла рѣчь о какомъ-то неизвѣстномъ народномъ образованіи, а не о простомъ хлѣбѣ насущномъ, въ видѣ народнаго просвѣщенія, какъ будто Россія въ самомъ дѣлѣ была страна, что сразу можетъ создать для 130-милліоннаго своего населенія цѣлую сѣть совершенныхъ народныхъ школъ. Вѣдь всего 2½% русскаго населенія получаетъ образованіе вслѣдствіе недостатка школъ, учителей, денежныхъ средствъ, а мы не радуемся возникновенію всякой народной школы, какова бы она ни была, а проявляемъ въ этомъ отношеніи разборчивость, которая намъ по меньшей мѣрѣ не къ лицу. Правительство дѣлало, что могло: оно старалось привлечь къ дѣлу народнаго образованія духовенство въ виду отсутствія у насъ учителей. Другія страны, находившіяся въ томъ же положеніи, какъ и Россія, долго не знали иныхъ школъ, какъ церковно-приходскія. Тамъ эти школы дали населенію простую грамоту,—эту основу всякаго дальнѣйшаго образованія. Но, когда дѣло касается народнаго образованія, примѣръ Европы насъ, должно-быть, не соблазняетъ.

Можетъ ли государство, дорожащее благосостояніемъ народа, стать на эту узкую точку зрѣнія. Въ дѣлѣ народнаго образованія всѣ силы хороши, когда нѣтъ возможности располагать совершенными, потому что образованіе само по себѣ такая сила, которая излечиваетъ несовершенства образовательныхъ пріемовъ. Ломоносовъ обучался грамотѣ по псалтырю. Правда, подавляющему большинству людей очень далеко до Ломоносова, но совершенно очевидно, что у насъ не было бы Ломоносова, если бъ не нашелся человѣкъ, который обучилъ бы его грамотѣ по псалтырю.

III.

Но почему же наше общество отнеслось такъ равнодушно или даже недоброжелательно къ цѣлому ряду мѣропріятій и законовъ, прямо направленныхъ къ обезпеченію благополучія народной массы. Оно въ значительной степени попрежнему было убѣждено, что спасенія можно ожидать только отъ дальнѣйшаго освобожденія личности, что только этотъ ликъ Януса обращенъ на «грядущіе вѣка» и что все остальное болѣе или менѣе тѣсно связано съ «заходящимъ солнцемъ». Это убѣжденіе было настолько еще распространено въ концѣ вѣка, что даже тѣ мѣропріятія, которыя составляютъ исполинскіе шаги на пути къ лучшему будущему, встрѣчали съ его стороны по большей части лишь равнодушное къ себѣ отношеніе. А такихъ мѣропріятій было не мало.

Мы видѣли уже, что главное вниманіе законодателя было обращено на интересы подавляющаго большинства населенія, т. е. крестьянъ. Никогда еще законодатель не приходилъ имъ на помощь въ такихъ размѣрахъ, съ такою настойчивостью, какъ въ концѣ минувшаго вѣка. Вопросъ о деревнѣ сталъ преобладающимъ. Мы перечислили уже цѣлый рядъ мѣръ этого порядка. Укажемъ еще для полноты на преобразованіе министерства государственныхъ имуществъ въ министерство земледѣлія, учрежденіе переселенческаго управленія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, ассигнованіе до 80 милліоновъ рублей для оказанія помощи крестьянамъ во время голода, разразившагося надъ Россіей. О такой широкой помощи въ прежнее время не могло быть и рѣчи.

Но съ нашей точки зрѣнія важны не эти отдѣльныя мѣры, какъ бы онѣ ни были существенны: важенъ духъ законодательства, важно то направленіе, которое оно приняло. И съ этой точки зрѣнія нельзя не отмѣтить, что дѣйствительно забота о деревнѣ была за послѣднія двадцать лѣтъ минувшаго вѣка наиболѣе близка законодателю. Никогда не сказывалось съ такою силою убѣжденіе, что освобожденіе личности не исчерпываетъ вопроса, что надо изучить освобождаемую личность, что надо дать ей возможность и способность умѣло пользоваться своею свободою и преодолѣвать встрѣчаемыя ею препятствія. Препятствія эти ставитъ, главнымъ образомъ, дѣйствительность съ ея непреложными требованіями. Безъ изученія окружающихъ насъ условій, безъ пріобрѣтенія нами способности господствовать надъ нею, никакіе серьезные успѣхи въ жизни немыслимы, какихъ бы мы теорій ни придерживались. И въ этомъ отношеніи сдѣлано въ концѣ вѣка очень много. Никогда еще изученіе фактическихъ условій окружающихъ русскаго человѣка, не происходило такъ дѣятельно, какъ въ послѣднія двадцать лѣтъ XIX вѣка. Люди съ практическою подготовкою, съ практическимъ знаніемъ жизни и ея требованій получали доступъ къ администрати-

нымъ мѣстамъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Даже высшіе посты въ администраціи, напримѣръ, посты министровъ довѣрялись лицамъ, прошедшимъ практическую школу, а не призванымъ къ административной дѣятельности единственно своимъ рожденіемъ или долголѣтнимъ пребываніемъ въ канцеляріяхъ. Никогда еще назначеніе на высшіе посты не было такъ неожиданно для нашего общества, какъ именно въ концѣ минувшаго вѣка. Нынѣ среди министровъ насчитывается не мало такихъ, которые изучили довѣренную имъ отрасль управленія съ самаго ея корня, у которыхъ, такъ-сказать, маршальскій жезлъ хранился еще въ ранцѣ простого рядового.

Если такъ замѣщались посты министровъ, то тѣмъ болѣе это можно сказать о менѣе видныхъ административныхъ должностяхъ. Лица, не имѣвшія никакого отношенія къ администраціи, но хорошо знакомыя съ жизнью, занимали мѣсто въ ея рядахъ, и въ то же время бюрократія постепенно утрачивала свой чисто-канцелярскій характеръ. Она не просто отписывалась, какъ въ прежнее время, а умѣла вникать въ истинныя требованія жизни. Очень много надо еще сдѣлать въ этомъ отношеніи, но въ то же время нельзя не признать, что характеръ бюрократіи значительно измѣнился къ концу вѣка, измѣнился въ смыслѣ ея сближенія съ жизнью, и это обстоятельство на первый разъ дало тотъ важный результатъ, что нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствуется потребность добросовѣстнаго, по возможности полнаго изученія русской дѣйствительности. То, что откладывалось въ теченіе многихъ вѣковъ, наконецъ осуществилось; элементарное требованіе всякаго знанія своей страны наконецъ удовлетворено. Въ 1897 г. произведена всеобщая перепись. До этого года вся наша финансовая система, все дѣло управленія страною покоились на такомъ шаткомъ основаніи, какъ ревизская *сказка*. Если статистическія свѣдѣнія у насъ и теперь еще весьма несовершенны, то во всякомъ случаѣ за послѣднія двадцать лѣтъ минувшаго вѣка они качественно и количественно значительно усовершенствовались. А кто же не знаетъ, что безъ точныхъ статистическихъ свѣдѣній разумное управленіе страною въ высшей степени затруднено?

Этотъ практическій духъ законодательства сказался и въ цѣломъ рядѣ другихъ мѣропріятій. Природныя богатства Россіи все еще лежатъ впустѣ. Нѣтъ умѣлыхъ рукъ, которыя могли бы ихъ должнымъ образомъ эксплоатировать. Несмотря на великія реформы, совершенныя во второй половинѣ минувшаго вѣка, экономическая наша жизнь представляла всюду печальное зрѣлище. Крестьяне оказались совершенно неподготовленными къ роли свободныхъ земледѣльцевъ. Хозяйство ихъ все еще ведется примитивнымъ способомъ, какъ вели его отцы и дѣды при крѣпостномъ правѣ. То же наблюдалось и въ другихъ сферахъ экономическаго труда. Дипломированная высшими учебными заведеніями интеллигенція видѣла предъ собою только два пути: чиновничью карьеру и либеральныя профессіи. Всѣ остальныя сферы производительнаго труда ею избѣгались отчасти потому, что она ихъ считала слишкомъ для себя узкими, недостойными, отчасти потому, что она не была къ нимъ подготовлена. Вслѣдствіе этого неудивительно, что когда въ 60-е годы открылось широкое поприще для примѣненія духа предпріимчивости, духъ этотъ проявили иностранцы, инородцы, нѣкоторые элементы, вышедшіе изъ крестьянской среды но русская интеллигенція осталась совершенно въ сторонѣ отъ этого широкаго движенія.

Допустимъ, что это отчасти вызывалось тѣмъ вопіющимъ предразсудкомъ, будто бы канцелярская дѣятельность болѣе почетна и полезна, чѣмъ дѣятельность, направленная къ расширенію народнаго богатства, отъ котораго однако главнымъ образомъ зависятъ культурные успѣхи страны; но въ значительной степени это зависѣло и отъ полной неподготовленности интеллигенціи къ широко открывавшемуся предъ нею поприщу. На это также было обращено самое серьезное вниманіе законодателя. Никогда еще въ прежнее время не возникало у насъ столько профессіональныхъ школъ, сколько ихъ возникло за послѣднія двадцать лѣтъ минувшаго вѣка. Можно даже смѣло сказать, что болѣе широкая основа профессіональнаго образованія у насъ положена именно въ это время. Такъ при Александрѣ III явилось положеніе о промышленныхъ и реальныхъ училищахъ, дававшее просторъ частному почину; въ 1896 г. обнародовано положеніе о коммерческихъ училищахъ. Одна изъ главныхъ заслугъ покойнаго министра просвѣщенія Деляновa заключается именно въ томъ, что онъ въ широкихъ размѣрахъ развилъ у насъ промышленное и коммерческое образованіе. Если общество должнымъ образомъ воспользуется всѣми этими учебными заведеніями, низшими, средними и высшими, если оно откажется отъ предразсудка, будто бы наиболѣе выгодную и почетную карьеру открываютъ одни только гимназіи и университеты, если оно пойметъ, что Россія въ настоящее время болѣе всего нуждается въ дѣятеляхъ, способныхъ дать надлежащее развитіе нашимъ природнымъ богатствамъ, если оно не будетъ скупиться на средства для поддержанія существующихъ и на учрежденіе новыхъ промышленныхъ и коммерческихъ школъ, — то прекратится наконецъ то печальное явленіе, что наши гимназіи и университеты чрезмѣрно переполняются учащимися, и въ то же время широкія и прибыльныя отрасли производительнаго труда остаются безъ умѣлыхъ работниковъ и находятся преимущественно въ рукахъ если не иностранцевъ и инородцевъ, то невѣжественныхъ русскихъ дѣятелей или работниковъ. Петръ Великій, положившій начало русскому народному образованію, дѣятельно заботился объ учрежденіи техническихъ школъ. Затѣмъ однако общее образованіе получило рѣшительный перевѣсъ надъ спеціальнымъ. Только при Николаѣ I, благодаря заботамъ лучшаго изъ нашихъ министровъ финансовъ, гр. Канкрина, снова было обращено усиленное вниманіе на техническое образованіе. Но послѣ Канкрина, въ разгаръ движенія 60-хъ годовъ, о немъ опять забыли, и только въ концѣ вѣка снова поняли важное его значеніе. Законодатель имъ настолько проникся, что поощрялъ его даже тамъ, гдѣ, казалось, спеціальное образованіе по постороннимъ соображеніямъ не встрѣтитъ съ его стороны сочувствія. Такъ, въ 1895 г. было утверждено положеніе о женскомъ медицинскомъ институтѣ; а въ 1900 г. открыты близъ Москвы первые женскіе сельскохозяйственные курсы.

Вообще забота о торговыхъ и промышленныхъ успѣхахъ родины, проявившіеся тотчасъ же послѣ вступленія Александра III на престолъ, съ каждымъ годомъ въ концѣ вѣка усиливалась, и это привело къ цѣлому ряду преобразованій въ высшей нашей администраціи. Мы упомянули уже о возникновеніи министерства земледѣлія. Кромѣ того, въ министерствѣ финансовъ основанъ отдѣлъ торговли, промышленности и торговаго мореплаванія. Наконецъ и въ Государственномъ Совѣтѣ учрежденъ сверхъ существующихъ департаментовъ еще новый, посвященный преимущественно дѣламъ, относящимся къ промышленности и торговли.

Мы не станемъ здѣсь указывать на тѣ мѣры, которыя приняты были въ концѣ вѣка для огражденія интересовъ нашей промышленности и торговли и которыя слишкомъ хорошо еще всѣмъ памятны. Но напомнить о нихъ здѣсь необходимо, чтобы вполнѣ подтвердить высказанную нами мысль. Мы имѣемъ въ виду во-первыхъ усиленную таможенную войну, которую вело министерство финансовъ для огражденія интересовъ нашей промышленности и торговли, и во-вторыхъ на почти насильственное рѣшеніе вопроса о возстановленіи у насъ металлической валюты. Послѣдній вопросъ признанъ былъ настолько существеннымъ, что законодатель рѣшился прибѣгнуть даже къ девальваціи, и если нашъ рубль и не сохранилъ прежней своей цѣнности, официально установленной и обезпеченной всѣмъ достояніемъ государства, то по крайней мѣрѣ мы имѣемъ теперь на ряду съ бумажнымъ и металлическое денежное обращеніе.

Надо-ли упоминать о другихъ мѣропріятіяхъ, еще гораздо болѣе существенныхъ для интересовъ промышленности и торговли? Желѣзнодорожное хозяйство не только расширено и пріобрѣло совершенно новый характеръ. Главные наши пути сообщенія сосредоточиваются теперь въ рукахъ правительства, и это отразилось весьма выгодно, какъ на товарномъ, такъ и на пассажирскомъ движеніи. Пониженіе желѣзнодорожнаго тарифа содѣйствовало такому оживленному перемѣщенію лицъ и товаровъ, о какомъ 20 лѣтъ тому назадъ и мечтать было трудно. Наконецъ положено начало грандіозному

сооруженію, которое предназначено сыграть великую роль въ міровомъ обмѣнѣ и приблизило къ намъ самыя отдаленныя наши владѣнія. Въ 1891 г. состоялась въ Владивостокѣ закладка наслѣдникомъ цесаревичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Сибирской желѣзной дороги, такъ что въ скоромъ времени весь европейскій и азіатскій материки будутъ прорѣзаны однимъ непрерывнымъ желѣзно-дорожнымъ путемъ.

IV.

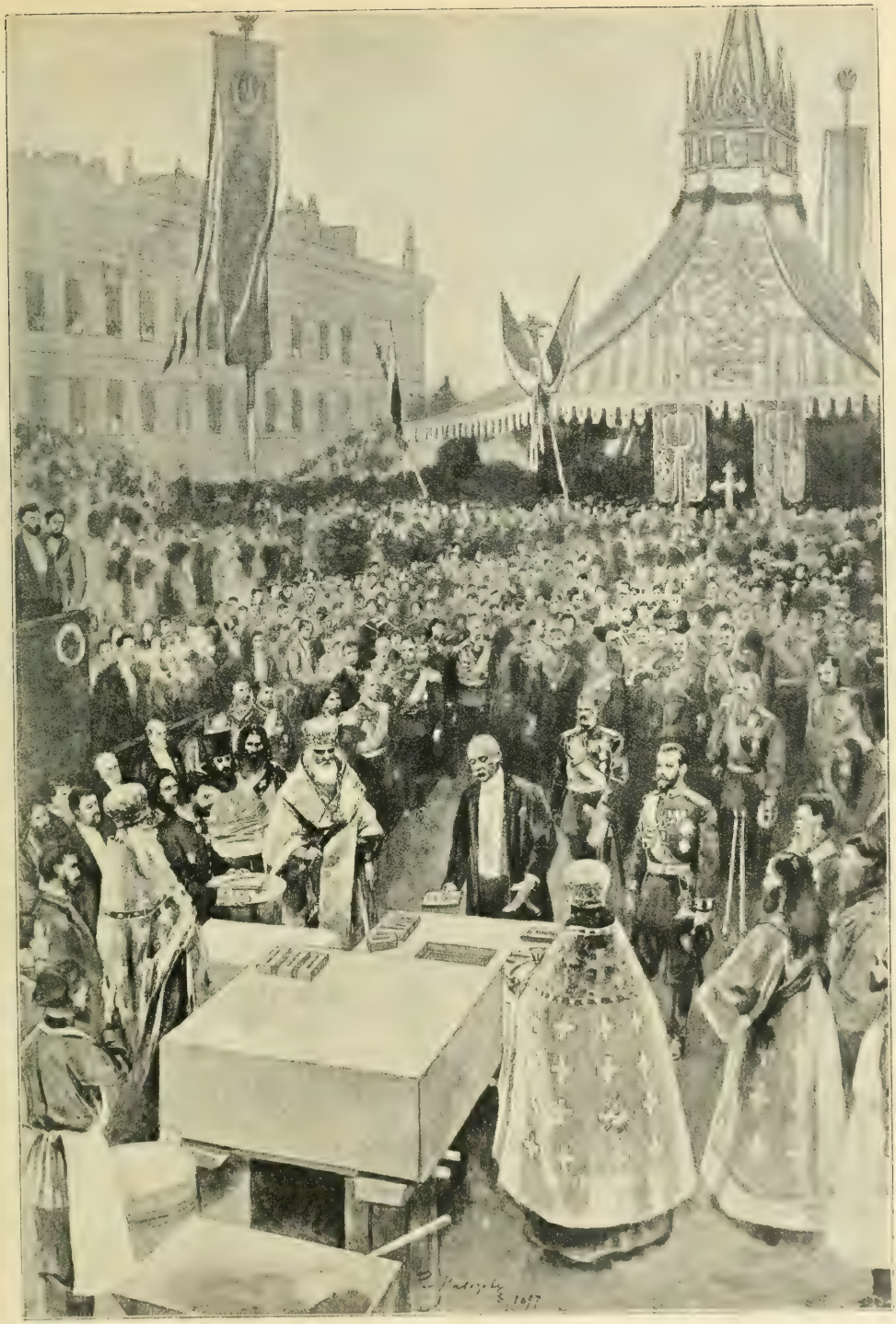
Послѣ всего нами сказаннаго ликъ Януса, проникающій взоромъ въ грядущіе вѣка, опредѣлился точнѣе. Удовлетвореніе реальныхъ потребностей окружающей насъ дѣйствительности — вотъ знаменіе конца XIX вѣка, какъ на Западѣ, такъ и у насъ въ Россіи.

Если мы перенесемся теперь въ область внѣшней политики, то не убѣдимся-ли мы, что и тутъ произошелъ соотвѣтственный поворотъ. Послѣ Меттерниха самымъ выдающимся дипломатомъ XIX вѣка всѣми признается покойный канцлеръ германской имперіи, Бисмаркъ. Но какая громадная разница между этими двумя дипломатами, руководившими внѣшнею политикою своихъ имперій! Можно ли оцѣнить дѣятельность Меттерниха, не произнося словъ: реакція и прогрессъ, освобожденіе личности или порабощеніе ея. Когда мы говоримъ о Бисмаркѣ, мы конечно также можемъ говорить о реакціи и прогрессѣ, но эти понятія не только не исчерпываютъ его дѣятельности, а напротивъ, даже кажутся намъ какъ будто чуждыми по отношенію къ нему. Центръ тяжести внѣшней политики былъ Бисмаркомъ перенесенъ въ совершенно иную сферу. Онъ занимался преимущественно національными интересами, совершенно независимо отъ понятій о реакціи или прогрессѣ. Онъ то враждовалъ съ парламентомъ и съ общественнымъ мнѣніемъ, такъ что заслужилъ даже кличку наиболѣе ненавистнаго человѣка, то поддерживалъ съ нимъ самыя дружескія отношенія и въ концѣ концовъ изъ наиболѣе ненавистнаго человѣка превратился въ человѣка наиболѣе популярнаго. Не объ освобожденіи личности онъ заботился: его мѣры были направлены на то, чтобы сплотить для личности, хотя бы не вполнѣ освобожденной, наиболѣе выгодныя условія, замѣнить рознь единствомъ, направить всю дѣятельность страны къ опредѣленнымъ цѣлямъ, содѣйствовать широкому развитію промышленности и торговли, создать условія, при которыхъ реальныя потребности нѣмецкаго народа могли бы быть съ успѣхомъ удовлетворены. Какъ бы мы ни смотрѣли на Бисмарка, какъ бы ни расходились наши взгляды на его дѣятельность, одного нельзя у него отнять: онъ былъ дипломатомъ новой школы, дипломатомъ, весьма безцеремонно обращавшимся съ разными политическими теоріями и имѣвшимъ въ виду лишь практическія цѣли.

Былъ ли онъ единственнымъ дипломатомъ этого рода и наиболѣе искуснымъ, — это можетъ быть спорнымъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что и въ другихъ странахъ, — въ однѣхъ раньше, въ другихъ позже — нашлись дипломаты той же школы, и нельзя отрицать, что 1881-й годъ знаменуетъ соотвѣтственный поворотъ и во внѣшней политикѣ Россіи.

Закладка великой сибирской дороги. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ собственноручно отвозитъ тачку земли на полотно дороги во Владивостокѣ. 19-го мая 1891 г.

Изъ прекраснаго очерка Н. К. Шильдера: «Пятьдесятъ лѣтъ русской исторіи» читатели могли убѣдиться, до какой степени реальные интересы Россіи подчасъ приносились въ жертву требованіямъ политической теоріи. Россія считала себя призванною ограждать русскою кровью консервативные интересы остальныхъ европейскихъ народовъ. Если въ концѣ XVIII-го вѣка русскія войска подъ предводительствомъ величайшаго нашего полководца, Суворова, боролись въ Италіи или на вершинахъ Альпъ за интересы Европы, то этимъ же духомъ проникнуты войны, которыя впослѣдствіи вела Россія. Мы боролись не за реальные интересы Россіи, а за консервативные интересы всей Европы. 1878-й годъ раскрылъ намъ глаза на то, чего мы можемъ ожидать отъ Европы, когда дѣло коснется нашихъ собственныхъ интересовъ. Дорого-стоющая и кровопролитная война 1877—78 гг. привела къ санъ-стефанскому договору. Договоръ этотъ былъ пересмотрѣнъ на берлинскомъ конгрессѣ, и Россія получила отъ Европы достойную награду за всю ту кровь, которую она пролила для огражденія ея интересовъ. Награда эта оказалась такою, что всю Россію охватилъ порывъ негодованія.



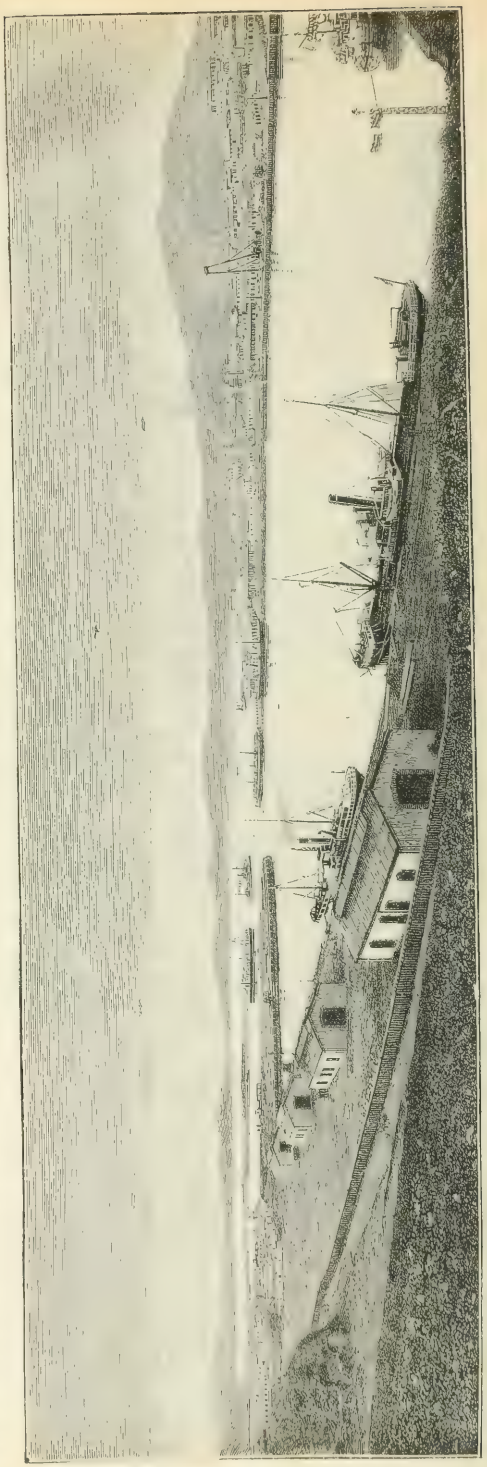
Пребываніе президента французской республики Феликса Фора въ Петербургѣ. Закладка Троицкаго моста 12-го августа 1897 г. Президентъ Форъ кладетъ первый камень.

Если непродолжительныхъ и врядъ ли серьезныхъ колебаній въ восьмидесятые годы минувшаго вѣка, послѣ того какъ выяснилось, что политика защиты консервативныхъ интересовъ Европы привела къ образованію пресловутой «лиги мира», и нашему офиціальному военному органу, «Русскому Инвалиду», пришлось торжественно заявить, что «русскіе военные люди не страшатся исхода борьбы, хотя бы противъ Россіи двинулись всѣ силы лиги мира», послѣ того, какъ русскимъ цѣнностямъ была объявлена война на германскихъ рынкахъ, и нашъ рубль подвергся обезцѣненію до полтинника, Россія безповоротно отказалась отъ трехъ-императорскаго союза, этого памятника блаженной памяти Священнаго союза, вступила на путь защиты своихъ реальныхъ интересовъ и до такой степени отказалась отъ огражденія консервативныхъ интересовъ Европы, что заключила союзъ съ республиканскою Франціею. Первымъ торжественнымъ подтвержденіемъ этого союза было прибытіе въ Кронштадтъ французской эскадры контръ-адмирала Жерве. Вторымъ, еще болѣе торжественнымъ подтвержденіемъ этого поворота въ нашей внѣшней политикѣ были: прибытіе Государя Императора и Государыни Императрицы во Францію въ 1896 г. (такъ-называемая «Русская недѣля») и отвѣтный визитъ президента французской республики Феликса Фора, послѣдовавшій черезъ годъ.

Результаты этого поворота во внѣшней политикѣ Россіи оказались, какъ выяснилъ опытъ, блестящими. На первый разъ дѣло приняло такой оборотъ, какъ будто сосѣднія имперіи, отъ союза съ которыми мы отреклись, нанесутъ нашимъ международнымъ интересамъ страшный вредъ или доведутъ насъ даже прямо до войны. Нашъ ставленникъ въ Болгаріи, принцъ Александръ Баттенбергскій, поощряемый Германіею и Австріею, вступилъ въ рѣзкую оппозицію съ Россіей, вопреки ея желанію присоединилъ Восточную Румелію къ Болгаріи и, когда онъ лишился престола, на его мѣсто былъ избранъ принцъ-католикъ, помимо желанія и одобренія Россіи. Миссія генерала Каульбарса потерпѣла полную неудачу. Но Россія этимъ не смутилась. Провозглашенъ былъ тостъ, въ которомъ Россія отрекалась отъ прежнихъ своихъ мнимыхъ друзей и провозгласила «единственнымъ своимъ другомъ» правителя крошечной страны, князя Черногорскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ отношенія къ сосѣдней имперіи все обострялись. Дѣла, какъ мы видѣли, приняли угрожающій характеръ. Пришлось дѣятельно вооружаться на западной нашей границѣ. Князь Бисмаркъ торжественно заявилъ, что «Германія никого не боится, кромѣ Бога», а со стороны Россіи посмѣловалъ отвѣтить, что ей не страшны «всѣ силы лиги мира». Это былъ самый критическій моментъ, когда казалось міръ висѣлъ на волоскѣ. Но въ Германіи произошла перемѣна царствованія; вслѣдъ затѣмъ князь Бисмаркъ вышелъ въ отставку. Еще раньше новый германскій императоръ Фридрихъ III, а затѣмъ и нынѣ благополучно царствующій императоръ Вильгельмъ II, представили совершенно наглядныя доказательства своего миролюбія, и кризисъ миновалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были достигнуты значительные успѣхи. Возродился нашъ черноморскій флотъ, столкновеніе съ Англіею на афганской границѣ кончилось въ благопріятномъ для русскихъ интересовъ смыслѣ, присоединеніемъ Пенде къ Россіи, какъ раньше къ нашимъ владѣніямъ былъ уже присоединенъ Мервъ, и въ концѣ вѣка мы достигли значительнаго успѣха и на Дальнемъ Востокѣ, занявъ прочное положеніе въ Печилійскомъ заливѣ, т. е. въ Портъ-Артурѣ и Талиенванѣ (1898 г.). Всѣ эти результаты достигнуты почти безъ всякаго кровопролитія, и только въ самомъ концѣ вѣка Россіи вмѣстѣ съ другими державами пришлось вступить на дальнемъ Востокѣ въ вооруженную борьбу, отъ которой она впрочемъ скоро отказалась. Такимъ образомъ за двадцать послѣднихъ лѣтъ минувшаго вѣка Россія почти совсѣмъ не вела войнъ, мало того, она сдѣлала убѣдить весь міръ въ искреннемъ своемъ миролюбіи, такъ что императоръ Александръ III заслужилъ тотъ почетное названіе Царя Миротворца, и державный его Сынъ свято хранитъ завѣтъ своего покойнаго отца.

V.

Только при сохраненіи внѣшняго мира Россія могла съ успѣхомъ разрѣшать тѣ практическія задачи внутренняго управленія страною, которымъ она всецѣло себя посвятила. Если мы такъ цѣнимъ на слово практическій, то мы отнюдь не придаемъ ему того узкаго значенія, которое ему



Общій видъ Портъ-Артура.

обыкновенно склонны у насъ придавать. Безъ увеличенія народнаго богатства никакія идеальныя стремленія не могутъ быть осуществлены. Свобода является идеальнымъ благомъ. Крестьяне были освобождены 40 лѣтъ тому назадъ, но это освобожденіе не способствовало увеличенію ихъ благосостоянія, потому именно, что практическія задачи, обусловливаемыя освобожденіемъ, были нами въ значительной степени упущены изъ виду. Можно стремиться къ просвѣщенію, какъ къ идеальному благу, но и въ этой области серьезные успѣхи не мыслимы, если не хватаетъ средствъ для учрежденія надлежащаго числа школъ. Слѣдовательно, между идеальными благами и практическими средствами ихъ осуществленія существуетъ самая тѣсная связь, и народъ, который къ практической дѣятельности неспособенъ, не достигнетъ никогда идеальныхъ благъ. Горе тому народу, который преслѣдуетъ однѣ меркантильныя цѣли, но горе и тому народу, который не умѣетъ практическими средствами осуществлять свои идеальныя стремленія.

Если мы утверждаемъ, что Россія наканунѣ XX вѣка поняла совершенную ею раньше ошибку и вступила болѣе, чѣмъ когда-нибудь на путь практической дѣятельности, то мы этимъ отнюдь не хотимъ сказать, что она отреклась отъ достиженія идеальныхъ благъ. Напротивъ, Россія никогда не была ближе къ ихъ достиженію, чѣмъ именно наканунѣ XX вѣка. Духъ гуманности, проявлявшійся прежде почти исключительно въ усиліяхъ, направленныхъ къ освобожденію личности, причемъ предполагалось, что освобожденная личность сама сумѣетъ постоять за свою долю счастья въ жизни, началъ въ концѣ вѣка проявляться не столько въ дальнѣйшемъ освобожденіи личности, сколько въ предоставленіи ей способовъ и средствъ достигнуть своего благополучія. Но духъ гуманности отъ этого не исчезъ, а напротивъ усилился, принявъ только другое направленіе. Никогда еще непосредственная помощь страдающимъ, обѣднѣвшимъ или обездоленнымъ не принимала у насъ такого широкаго развитія, какъ на рубежѣ XIX и XX столѣтія. Мы видѣли, какъ дѣятельно правительство приходило на помощь нуждающимся крестьянамъ, то значительными денежными суммами, то предоставленіемъ земель изъ удѣльнаго вѣдомства, то мобилизаціей всѣхъ нашихъ желѣзнодорожныхъ средствъ для доставленія имъ хлѣба то закупкою громадныхъ партій лошадей для снабженія ими безлошадныхъ крестьянъ. Съ такою же энергіею правительство приходило на помощь и другимъ сословіямъ, дворянскому, которому оно торжественно заявило, что «не забудетъ его нуждъ въ заботахъ о преуспѣяніи отечества», военному, повысивъ значительно содержаніе офицеровъ и улучшивъ довольствіе рядовыхъ, промышленному и торговому, дѣятельно ограждая его интересы на всемірныхъ рынкахъ. Не были забыты художники: учрежденіемъ русскаго музея императора Александра III правительство несомнѣнно въ значительной степени содѣйствовало обезпеченію матеріальнаго ихъ положенія. Даже писатели и публицисты, наименѣе пользовавшіеся покровительствомъ офиціальныхъ сферъ, вызвали въ концѣ вѣка ихъ попеченіе: ассигнована была ежегодная сумма въ 50,000 р. для оказанія помощи нуждающимся ученымъ писателямъ и публицистамъ. Для нуждающихся-же вообще возникли, такъ называемые, дома трудолюбія въ небываломъ еще числѣ.

Этотъ духъ гуманности проявился и въ другихъ важныхъ мѣропріятіяхъ. Сперва были отмѣнены тѣлесныя наказанія для ссыльныхъ женщинъ, а затѣмъ послѣдовало высочайшее повелѣніе о разрѣшеніи вопроса объ отмѣнѣ или объ ограниченіи ссылки въ Сибирь. Въ самомъ же концѣ вѣка послѣдовалъ высочайшій указъ объ отмѣнѣ ссылки на поселеніе или житье въ Сибири и въ другія, кромѣ сибирскихъ, отдаленныя губерніи. Суровому закону объ административной ссылкѣ, который также отражался на нашемъ народѣ, такимъ образомъ положенъ конецъ.

Но еще болѣе этотъ духъ гуманности проявился въ поразившемъ весь цивилизованный міръ созывѣ конференціи о разоруженіи. Россія заявила предъ всѣми другими державами, что она съ своей стороны готова въ значительной степени облегчить тотъ гнетъ, тѣ жертвы, которыя возлагаетъ на народы содержаніе огромныхъ вооруженныхъ силъ. Во всѣхъ странахъ этотъ починъ, продиктованный духомъ гуманности, вызвалъ порывъ искренняго сочувствія, и если гуманныя намѣренія нашего правительства осуществились лишь въ слабой степени, то не оно въ этомъ виновато, виноваты соображенія тѣхъ правительствъ, которыя не понимаютъ, что практическія и гуманныя стремленія по большей части не только не противорѣчатъ другъ другу, но часто даже совпадаютъ. Во всякомъ случаѣ та же гаагская мирная конференція служитъ яснымъ указаніемъ, какія серьезныя задачи приходится разрѣшать правительствамъ и народамъ помимо излюбленныхъ теорій о государственномъ переустройствѣ, въ которомъ столь многіе усматриваютъ единственное спасеніе. Россія, не достигшая такого освобожденія личности, какого достигли западныя государства, первая предложила общее разоруженіе, и въ этомъ благомъ починѣ встрѣтила препятствіе со стороны западныхъ правительствъ и парламентовъ. Во всякомъ дѣлѣ, особенно же въ такомъ сложномъ, начало трудно. Быть можетъ уже недалеко то время, когда вопросъ о разоруженіи будетъ въ томъ или другомъ смыслѣ рѣшенъ, и тогда, конечно, человѣчество съ благодарностью вспомнитъ, что начало этой великой мѣры, гуманной по своей сущности, практической по своимъ безконечнымъ послѣдствіямъ было положено Россіей.

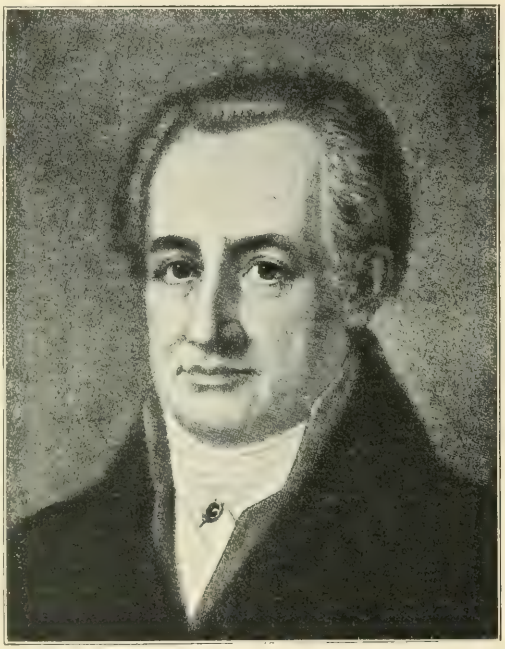
Вообще если остановиться на совокупности правительственныхъ мѣропріятій и вникнуть въ духъ, которымъ они продиктованы, то мы придемъ къ заключенію, что конецъ XIX вѣка представляетъ собою рѣшительный поворотъ отъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ теорій къ дѣятельному осуществленію высшей христіанской заповѣди. Политическія и соціальныя теоріи, провозглашаемыя на словахъ, но не осуществляемыя на дѣлѣ, уже не встрѣчаютъ прежняго восторженнаго къ себѣ отношенія, а иногда даже простого сочувствія. Тоска по дѣятельной любви къ ближнему вездѣ усиливается, и со стороны правительства сдѣлано въ концѣ вѣка въ этомъ отношеніи очень много. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ весь нашъ очеркъ. Спрашивается, проникнуто ли тѣмъ же духомъ и наше общество? Мы попытаемся выяснить въ очеркѣ, посвященномъ обзору русской литературы конца XIX вѣка, что и она проникнута тѣмъ же духомъ, что и въ ней проявляется утомленіе безконечными теоретическими препирательствами, что вниманіе ея направлено не столько на критику, сколько на возбужденіе въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ того настроенія и тѣхъ качествъ, которыя необходимы для практическаго устраненія тѣхъ или другихъ несовершенствъ. Такимъ образомъ законодатель и литература стремятся въ сущности къ одной цѣли, бьютъ, такъ сказать, въ одну точку. Какъ всегда у насъ, такъ и въ концѣ вѣка законодательство и литература шли впереди общества. Но и относительно общества можно сказать, что отмѣченный нами поворотъ съ каждымъ днемъ проявляется въ немъ все сильнѣе. Это сказывалось особенно ярко въ моменты народныхъ бѣдствій, когда общество дружно сливалось съ правительствомъ и литературой въ усиліяхъ, направленныхъ къ устраненію или облегченію этихъ бѣдствій. Вспомнимъ, сколько самоотверженныхъ дѣятелей общество выставляло всякій разъ, когда Россію постигала та или другая бѣда: голодъ или повальная болѣзнь. Но въ будничной жизни оно все еще какъ бы сомнѣвается насчетъ тѣхъ силъ и того настроенія, которыя вѣрнѣе всего приводятъ къ дѣлу. Громкія слова, не сопровождаемыя дѣломъ, имѣютъ еще большую власть надъ умами, слабо еще распространено сознаніе, что отъ нравственныхъ качествъ каждаго отдѣльнаго гражданина обезпеченіе народнаго благополучія можетъ выиграть несравненно больше, чѣмъ отъ широкихъ мѣропріятій, внушаемыхъ той или другой политической или соціальной теоріею. Общество наше все еще не вѣритъ, что судьба царствъ и народовъ всецѣло зависитъ отъ трудолюбія и честности всякаго изъ насъ, какъ бы общественное положеніе наше ни было скромно, что благополучіе родины обусловливается не столько широкими реформами, сколько сознательною и разумною дѣятельностью, выдержкою, мужествомъ, нравственными качествами каждаго изъ ея сыновъ, живетъ онъ въ курной избѣ или въ роскошномъ дворцѣ. Но

если сравнить прошлое—время громкихъ словъ и ничтожной общественной дѣятельности—съ концомъ вѣка, то поворотъ, происшедшій и въ обществѣ бросается въ глаза. Самое освобожденіе личности насъ теперь меньше занимаетъ, чѣмъ вопросъ, насколько освобождаемая личность можетъ съ успѣхомъ воспользоваться предоставленною ей свободою. Ликъ Януса XIX вѣка, обращенный на «заходящее солнце», означаетъ вѣру въ плодотворность свободы независимо отъ личности освобождаемаго; ликъ же Януса, «проникающій взоромъ въ грядущіе вѣка», означаетъ выработку въ себѣ и другихъ тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыя дѣлаютъ человѣка достойнымъ свободы.

Изящная литература XIX в. на Западѣ.

Очеркъ **П. И. Вейнберга.**

Можно, кажется, безошибочно сказать, что ни одинъ вѣкъ не передавалъ своему преемнику такого богатаго во всѣхъ отношеніяхъ наслѣдства, какое получилъ девятнадцатый вѣкъ отъ осьмнадцатаго—времени, имѣющаго такое культурно-историческое значеніе, какого, можетъ быть, не имѣла ни одна эпоха въ умственной жизни человѣчества. Это — вѣкъ такъ называемаго «просвѣщенія», и когда произносишь это слово, всегда вспоминаешь опредѣленіе его великимъ философомъ Кантомъ—опредѣленіе, сдѣланное въ 1784 г., т. е. почти въ концѣ столѣтія. По Канту, «просвѣщеніе» (Aufklärung) есть умственное совершеннолѣтіе, девизъ котораго: «имѣть мужество пользоваться ничѣмъ инымъ, какъ своимъ собственнымъ разумомъ». Примѣняя это опредѣленіе собственно въ XVIII в., Кантъ находилъ, что онъ и его современники живутъ не въ просвѣщенномъ вѣкѣ, а въ вѣкѣ просвѣщенія, ибо большинство людей не достигло еще умственнаго совершеннолѣтія; вѣкъ же это просвѣщенія потому, что человѣчеству дана свобода вполнѣ и во всемъ пользоваться собственнымъ разумомъ. Въ этомъ смыслѣ XVIII вѣкъ—время столько же «просвѣщенія», сколько и «освободительныхъ стремленій» сказаніе, съ которымъ оно тоже занесено на страницы исторіи европейской культуры. Дѣйствительно, это время — время борьбы новой эпохи со старою, отжившею, время стремленій къ самостоятельности въ мысляхъ и чувствахъ, которой мѣшало до тѣхъ поръ слѣпое поклоненіе авторитетамъ, по большей части того незаслуживавшимъ; время изслѣдованія пытливаго, практическаго, имѣвшаго цѣлью уничтожить сухія и безжизненныя формулы и непроизводительную, совершенно оторванную отъ жизни спекулятивность человѣческаго ума; время паконецъ, демократическихъ стараній о томъ, чтобы результаты научныхъ стремленій сдѣлались доступными всѣмъ классамъ, нарокъ въ противоположность прежнему порядку, при которомъ наука и литература были достояніемъ извѣстнаго кружка, привилегированнаго сословія. Болѣе и болѣе расширяетъ свои владѣнія наконецъ совершенно новаго явленія въ области человѣческой мысли—анализъ, другими словами, разумъ, который мало по малу становится главнымъ судьею общественныхъ и частныхъ дѣлъ, законодателемъ, предписанія которыхъ они только выполняютъ. «Обыкновенный человѣческій разумъ», замѣтилъ извѣстный нѣмецкій романистъ Ауэрбахъ, создалъ поговорку: was ich nicht weiss, macht mich nicht heiss (чего я не знаю, то меня нисколько не тревожитъ), а разумъ новаго времени говоритъ: was ich nicht weiss, macht mich heiss (чего я не знаю, отъ того мнѣ приходится жутко)». Ауэрбахъ имѣлъ при этомъ въ виду свое, XIX столѣтіе; но, можетъ быть, даже полнѣе, чѣмъ къ XIX в., это замѣчаніе примѣняется къ его предшественнику. По пути, проложенному великими мыслителями уже XVII в., англичаниномъ *Бекономъ*, французомъ *Декартомъ*, голландцемъ-евреемъ *Спинозой*, быстрыми шагами идетъ человѣческій разумъ новаго времени, вторгаясь со своимъ свободнымъ изслѣдованіемъ въ недоступныя до тѣхъ поръ области—религіи, политики, чистой философіи; «человѣкъ и общество, природа нравственная и матеріальная—все становится предметомъ изученія, сомнѣній, системы; прежнія науки разрушаются, новыя созидаются; движеніе распространяется во всѣ стороны, хотя исходя изъ одного и того же толчка». И свою разрушительно-созидательную работу онъ совершаетъ со смѣлостью, которая представляется особенно изумительною по сравненію съ тѣмъ, доходившимъ часто до раболѣпности, консерватизмомъ, въ которомъ пребывалъ тотъ же человѣческій разумъ во всѣхъ странахъ Европы до тѣхъ поръ. Трудно замѣчаетъ Гизо: — указать въ XVIII в. такіе внѣшніе факты, которые уважалъ человѣческій умъ, которые оказывали надъ нимъ какую либо власть; ко всему соціальному порядку онъ относился съ ненавистью или презрѣніемъ; отсюда онъ пришелъ къ выводу, что его призваніе—все реформировать»...



Гёте. (Съ карт. Л. Зейдлеръ.

Весьма благопріятную почву для себя находила вся эта просвѣтительная и освободительная работа въ извѣстныхъ каждому политическихъ и общественныхъ обстоятельствахъ того времени; они, по замѣчанію Шлоссера, лучшаго и глубокомысленнѣйшаго изслѣдователя XVIII в., были причиною того, что пробудившіеся скептицизмъ и ученіе здороваго разума въ борьбѣ съ господствовавшимъ положительнымъ ученіемъ католической церкви и окаменѣлою школьною мудростью получили новую силу и новую прелесть. Но въ свою очередь и на этихъ политическихъ обстоятельствахъ сильно отразилось дѣйствіе новыхъ, просвѣтительныхъ и освободительныхъ началъ. Смѣлость мысли, самостоятельность при обсужденіи всѣхъ предметовъ, всѣхъ «вопросовъ», къ какой бы сферѣ они ни принадлежали, потрясли абсолютическія или аристократически-іерархическія основы европейскихъ государствъ, и къ концу XVIII в. совершенно исчезло въ большей части Европы

христіанско-рыцарское государство среднихъ вѣковъ, возникло совершенно новое, которое, судя по внѣшности, осуществило въ дѣйствительности мечты философовъ и освободило новое поколѣніе отъ вліянія грековъ и римлянъ, равно какъ и среднихъ вѣковъ; феодализмъ и іерархія, а съ ними и все, имѣвшее свое основаніе въ традиціи и привычкѣ, должно было уступить свѣту разума, пытливаго, свободнаго изслѣдованія.

Движеніе, охватившее такимъ образомъ европейскій материкъ и построенное на такихъ началахъ, естественно должно было возникнуть въ области науки и затѣмъ пойти именно этимъ путемъ. И дѣйствительно, наукѣ, собственно тѣмъ наукамъ, въ которыхъ сосредоточивается, которыми споспѣшествуется движеніе подобнаго рода, т. е. естествовѣдѣнію, исторіи, критикѣ, философіи—принадлежитъ здѣсь господствующая роль; совокупными силами онѣ стремятся объяснить явленія въ области религіи, нравовъ, общественной жизни, человѣческаго ума. Три народа выступаютъ послѣдовательно на новую дорогу и долго идутъ по ней во главѣ всѣхъ остальныхъ; они «подаютъ свои голоса одинъ вслѣдъ за другимъ; одинъ продолжаетъ тему тамъ, гдѣ ее оставляетъ другой, и всѣ три проникнуты согласнымъ и общимъ основнымъ тономъ». Это—англичане, французы и нѣмцы. Англія выступаетъ первая. Въ ней было выковано то оружіе, были изготовлены тѣ снаряды, съ которыми ея союзники и единомышленники вышли потомъ на открытую умственную борьбу; ей принадлежатъ тѣ великія открытія въ физикѣ, метафизикѣ и наукѣ о государствѣ, которыя сдѣлались мощными двигателями новаго прогресса. Но ея слишкомъ уединенное географическое положеніе, ея нравы и обычаи и нѣкоторыя другія обстоятельства были причиною того, что активная роль распространителя новыхъ идей и знаній перешла къ Франціи, литература которой, какъ выразился Маколей, «стала въ XVIII в. для литературы англійской тѣмъ, чѣмъ былъ Ааронъ для Моисея». Позже всѣхъ примкнула къ своимъ предшественникамъ Германія—именно въ царствованіе Фридриха Великаго, который изъ всѣхъ государей этого столѣтія, «уже юношей служилъ новому ученію о прогрессѣ и просвѣщенію и котораго старая партія за это ненавидѣла, какъ антихриста, а новая привѣтствовала, какъ Мессію». Могущественными дѣятелями на этомъ поприщѣ являются въ Англіи—Локкъ съ примыкающими къ нему «деистами», воспитанный на его доктринѣ Шефтсбери, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ мыслителей, Берклей; во Франціи Бейль, Монтескье, Вольтеръ, Руссо, энциклопедисты; въ Германіи—Лейбницъ, Томазіусъ, Вольфъ, Лессингъ, Кантъ...

Шиллеръ.

Но для литературы изящной—т. е. той собственно, которая составляетъ предметъ настоящаго очерка—новое движеніе оказывалось неблагопріятнымъ. Воцарившаяся разсудочность убила или, по крайней мѣрѣ, на долгое время ослабила фантазію; своего рода утилитаризмъ, проникновеніе общества своими ближайшими житейскими задачами отымали всякую цѣнность у поэтическаго идеализма; прославленіе осязательнаго, общеполезнаго, неразрывно связаннаго съ реальной дѣйствительностью, какъ единственно разумнаго, заставляло многихъ относиться чуть не съ презрѣніемъ къ поэтическому творчеству въ собственномъ и высшемъ значеніи этого слова; «тонко образованный человѣкъ вѣка просвѣщенія только размышлялъ», и если выражалъ свои размышленія не въ формѣ прозы, то эта форма была ничто иное, какъ гладко отточенные, по всѣмъ «академическимъ» правиламъ составленные стихи; Шекспира упрекали въ томъ, что у него добродѣтель весьма часто погибаетъ, что нигдѣ у него не обнаруживается высочайшая цѣль поэта—проповѣдывать нравственное улучшеніе, что дидактическій элементъ у него слишкомъ слабъ—и т. п. Романъ, сдѣлавшійся съ начала XVIII столѣтія господствующею формою поэтическаго творчества (въ Англіи), былъ, по справедливому замѣчанію Тена, романомъ «антироманическимъ»: какъ произведеніе наблюдательнаго, положительнаго и нравственнаго ума, онъ предназначался для изображенія дѣйствительной жизни, выраженія характеровъ, начертанія *плана поведенія* и критической оцѣнки человѣческихъ побужденій къ дѣйствіямъ... Само собой разумѣется, однако, что на этомъ дѣло не могло остановиться. Какъ неразлучны плоть и духъ, такъ неразрывно связаны между собой, по законамъ человѣческой природы, разумъ и чувство. Исключительное господство разума естественно должно было вызвать реакцію со стороны чувства, т. е. перваго и существеннаго элемента поэтическаго творчества. Къ этой естественной причинѣ присоединилась и другая, вызванная обстоятельствами. Тотъ самый скептицизмъ, который явился необходимымъ послѣдствіемъ пытливаго анализа, положилъ начало тому настроенію въ умахъ и сердцахъ — преимущественно молодого поколѣнія — которое, мало-помалу, развиваясь съ конца XVIII в., вполнѣ распустилось если и ядовитымъ, губительнымъ, то все-таки пышнымъ подъ руками обработывавшихъ его геніевъ растеніемъ въ началѣ вѣка послѣдующаго. Мы говоримъ о томъ, что принято называть «болѣзнію вѣка» и что собственно въ поэзіи носитъ специфическое названіе «міровой скорби» (Weltschmerz)—одного изъ самыхъ капитальныхъ наслѣдій, завѣщанныхъ вѣкомъ «просвѣщенія» своему преемнику. Страною, гдѣ впервые пронеслись эти новыя вѣянія, была Германія, т. е. именно та страна, гдѣ философія «просвѣщенія» приняла характеръ самой сухой отвлеченности, гдѣ съ другой стороны вліяніе «академической» французской правильности и шаблонности сказывалось съ особенной силой (въ лицѣ Готшеда и его школы), и гдѣ поэтому реакція противъ этихъ направленій должна была выразиться сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Провозвѣстителемъ свободы и шири поэтическаго творчества — хотя преимущественно на религіозномъ фундаментѣ явился Клопштокъ, авторъ «Мессіады» и «Отца», возложившій на поэта миссію быть «герольдомъ Бога», заявившій, что «художникъ, какъ праведникъ, не получаетъ ни отъ кого закона, что природа начертала ему законъ въ сердцѣ, что онъ, строгій къ самому себѣ, ни на шагъ не отступаетъ отъ этого закона», сосредоточившій въ себѣ (по замѣчанію Гервинуса) всѣ направленія и стремленія своего времени, т. е. собственно говоря молодого поколѣнія своего времени. Еще дальше пошли дѣятели того періода, который извѣстенъ

въ исторіи литературы подъ названіемъ «періода бури и натиска» (Sturm-und Drangperiode), и который для историка изящной литературы XIX в. имѣетъ большую важность, какъ несомнѣнный предшественникъ европейскаго «романтизма», сыгравшаго такую громадную роль въ литературѣ только-что минувшаго столѣтія. Противодѣйствіе всему условному, рутинному въ какихъ бы то ни было проявленіяхъ, всему старческому, педантическому, схоластическому, всѣмъ стѣсненіямъ въ сферѣ педагогической, домашней, общественной; провозглашеніе господства поэтическаго «вдохновенія», какъ пантія свыше; открытая борьба поэтому со всякими правилами, на которыя это молодое, почти юное поколѣніе смотрѣть, какъ на «костыли, помогающіе больнымъ, стѣсняющіе здоровыхъ»; соединеніе въ немъ очевидныхъ противорѣчій: наслажденія жизнью, жизненной энергіи съ глубокою тоской, стремленія къ высочайшимъ идеаламъ, неудержимаго полета фантазіи — съ положительнымъ реализмомъ, самаго смѣлаго нарушенія общественныхъ законовъ и условій, отсутствія вѣры во всякую вину, всякій грѣхъ—съ глубокимъ уваженіемъ къ семейнымъ узамъ, съ сочувствіемъ къ нравственности, добродѣтели, религіи—вотъ въ общихъ чертахъ отличительныя особенности этого движенія. На этой почвѣ выростаетъ Гете со своими первыми стихотвореніями, своимъ «Гецомъ фонъ-Берлихингенъ», своимъ «Прометеемъ», первыми зачатками своего «Фауста»; на этой почвѣ юный Шиллеръ кидаетъ обществу въ своихъ «Разбойникахъ» смѣлый вызовъ, рѣзкое осужденіе; на этой почвѣ Гердеръ возвращаетъ права гражданства подавленной народности... Здѣсь же передъ нами первыя проявленія «міровой скорби» въ томъ ея фазисѣ, въ которомъ она—вѣчная, какъ самъ міръ—обнаруживаетъ себя въ концѣ XVIII и затѣмъ — въ первыя десятилѣтія XIX в. Дѣйствующія лица драмы Клингера, давшей названіе всему этому движенію — отдаленные и смутные прототипы будущихъ Чайльдъ-Гарольдовъ. «Вертеръ» Гете—уже опредѣленный носитель новой болѣзни, «публичное,—по словамъ самого автора и наглядное изображеніе внутренней стороны больного юношескаго бреда», бреда, который составлялъ недугъ и самого поэта, въ ту пору еще почти юноши; тутъ, въ высокопоэтической формѣ, недовольство окружающею дѣйствительностію, внутренній разладъ, граничащій съ мрачнымъ отвращеніемъ отъ жизни, въ соединеніи съ энергическимъ, жаднымъ стремленіемъ къ устраненію всѣхъ золъ, сознаніе рѣзкаго противорѣчія между идеаломъ и дѣйствительностію; тутъ выступаетъ на сцену уже вполнѣ опредѣленный первообразъ Байроновскихъ Корсаровъ, Ларръ, Гяуровъ; тутъ несомнѣнное начало романтической поэзіи девятнадцатаго столѣтія...

I.

Вотъ что принимаетъ это девятнадцатое столѣтіе въ наслѣдство отъ своего предшественника, и если мы остановились на общей характеристикѣ этого наслѣдственнаго достоянія, то это потому, что литературное движеніе минувшаго столѣтія, особенно первой половины его, находится въ тѣсной связи съ тѣмъ, что есть прошлаго восемнадцатаго. Собственно изящная литература послѣднихъ десятилѣтій восемнадцатаго вѣка, передавая свои времениѣ выше очерченное достояніе, передала ему и своего величайшаго дѣятеля, одну изъ грандіознѣйшихъ фигуръ на картинѣ развитія человѣческой мысли за все время ея существованія, существо, въ которомъ съ необычайною гармоничностью соединились поэтъ, мыслитель и [illegible] натуру, поражающую своею полнотою и [illegible]. Мы говоримъ о *Гете*.

Въ девятнадцатое столѣтіе онъ вошелъ рука объ руку со своимъ [illegible] великимъ, хотя если можно такъ выразиться, односторонне великимъ—стоявшимъ и другомъ, *Шиллеромъ*. Но Шиллеръ прожилъ въ новомъ вѣкѣ всего пять лѣтъ, и [illegible] краткій періодъ—бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ [illegible] переломомъ его литературной дѣятельности, періодомъ [illegible] зрѣлости въ художественномъ отношеніи — [illegible] внести въ сокровищницу поэзіи такія произведенія, [illegible] «Разбойники», «Коварство и любовь», «Марія Стюартъ», «Орлеанская Дѣва», «Мессинская Невѣста» и «Вильгельмъ Телль». Гете суждено [illegible] испытанному изрыдалу судьбы, которому она посылала на долю, вмѣстѣ съ совершенствомъ духовнымъ, и изумительное совершенство физическое, было дозволено его дожить до глубокой старости, пережить своего друга на цѣлыхъ двадцать семь лѣтъ. Въ девятнадцатый вѣкъ онъ вступилъ уже въ томъ фазисѣ своего умственнаго и душевнаго состоянія, когда органическія свойства его натуры, развитыя и укрѣпленныя внѣшними обстоятельствами и внутренними причинами, давно уже господствовали во всемъ своемъ величіи. Изъ водоворота «бури и натиска», въ которомъ авторъ «Геца» и «Вертера» пробовалъ свои первыя силы, впервые расправлялъ свои крылья, онъ, благодаря именно этимъ органическимъ свойствамъ своей натуры, благодаря «той глубокой нравственной чистотѣ, съ которою онъ мгновенно умѣлъ усмирять дикихъ демоновъ своей глубоко взволнованной души и доводить ихъ до нравственной красоты и гармоніи» — онъ давно уже вышелъ здравымъ и невредимымъ, умственно и нравственно просвѣтленнымъ. Далеко за нимъ остались и тѣ года, когда окончательно совершился въ немъ этотъ переворотъ, т. е. когда онъ возвратился на родину изъ Италіи «великимъ язычникомъ» (какъ его называли) и общечеловѣкомъ; язычникомъ—въ смыслѣ духовнаго сына классической древности, съ ея пластическимъ спокойствіемъ, величаво свѣтлымъ отношеніемъ къ явленіямъ, стройною гармоніею всѣхъ внутреннихъ силъ человѣка; когда щедро обогатилась его внутренняя жизнь, потому что онъ пришелъ въ соприкосновеніе съ природой въ ея грандіознѣйшихъ и прелестнѣйшихъ произведеніяхъ и со многими изъ возвышеннѣйшихъ созданій человѣческаго генія; когда обновилось и укрѣпилось въ немъ сознаніе своей силы, какъ поэта; когда вполнѣ пробудилось въ немъ желаніе примѣнять эту силу къ достиженію результатовъ болѣе высокихъ, чѣмъ тѣ, которые были достигнуты до сихъ поръ; когда, однимъ словомъ, наступилъ въ его жизни, какъ поэта и человѣка, тотъ періодъ, который Розенкранцъ удачно опредѣляетъ, какъ періодъ «классическаго идеализма». Больше полутора десятилѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ начался этотъ новый фазисъ въ поэтическомъ творчествѣ автора «Ифигеніи» и «Торквато Тассо», но основы его остались непоколебимыми, и въ новое столѣтіе Гете вошелъ со всѣми своими органическими, но видоизмѣненными и переработанными въ горнилѣ высшаго искусства свойствами, съ прибавленіемъ того, безконечно расширившагося, глубоко философскаго воззрѣнія на жизнь и отношенія къ ней, которое сдѣлало его полнѣйшимъ выразителемъ *человѣчества*, создало ему изолированное въ своемъ величіи положеніе въ области поэзіи и всесторонне воплотилось въ его безсмертнѣйшемъ созданіи и драгоцѣннѣйшемъ достояніи всей европейской литературы новаго времени — «Фаустѣ». Правда, это философское направленіе, которое составляетъ отличительную черту творчества Гете въ послѣднемъ (относящемся собственно уже къ девятнадцатому вѣку) періодѣ его дѣятельности и къ которому съ годами прибавились мистическій символизмъ и дидактизмъ,—отражалось неблагопріятно на чисто поэтическомъ достоинствѣ нѣкоторыхъ его произведеній этого времени; правда, большинство того, что вышло изъ-подъ его пера за этотъ періодъ, не особенно обогатило сокровищницу собственно поэзіи. Но достаточно сказать, что въ 1808 г. появилась въ печати вся первая часть «Фауста», а за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти автора — и вторая часть; достаточно назвать это геніальное созданіе, чтобы блистательнѣйшимъ образомъ увѣнчать все изумительное зданіе этого поэтическаго творчества, этой колоссальной умственной работы. Сюда, въ эту драматическую поэму, перешли, въ ней сосредоточились, какъ живые, органическіе элементы, «и необузданный титанизмъ его молодости, и постепенный процессъ созрѣванія, который, послѣ его возвращенія изъ Италіи, побудилъ его направить свою силу и свои стремленія на болѣе разумныя и болѣе достижимыя цѣли, и обнимающая широкій кругозоръ, проникающая въ самую глубь вещей мудрость его глубокой старости». Если это, повторимъ, *личное* значеніе «Фауста» очень важно, потому что авторъ—такая личность, какъ Гете, то еще важнѣе, независимо отъ чисто художественной цѣнности этого произведенія, особенно первой части, его значеніе культурно-историческое, его типичность для духа и тенденцій новаго

времени; поэтъ написалъ тутъ исторію сердца своего столѣтія, и потребны были такая сила ума, какъ его сила, и такой глазъ, имѣвшій возможность обозрѣвать весь современный умственный горизонтъ, чтобы создать типъ, который, будучи очевидно индивидуальнымъ, соединяетъ въ своей сущности много такого, что, такъ какъ оно общечеловѣческое, всѣ націи должны были признать типическимъ.

Уже въ пору «бури и натиска» будущій творецъ «Фауста», самъ выросшій на этой почвѣ, сдѣлался средоточіемъ этого движенія, далъ ему могущественный толчекъ; товарищи смотрѣли на него, какъ на высшее существо, призванное не только руководить ими, но и властвовать надъ нимъ; обаятельное дѣйствіе, которое онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ производилъ, какъ человѣкъ и какъ поэтъ, на всѣхъ окружающихъ, сказалось здѣсь во всей силѣ. Тоже повторилось и во второмъ періодѣ его творчества: къ создателю и представителю «классическаго идеализма» примкнула группа писателей, стоявшихъ на порогѣ новаго столѣтія и существенными чертами своего міровоззрѣнія, — главнымъ образомъ, стремленіемъ къ возстановленію подавленной національности въ поэзіи — родственныхъ съ тѣми началами, которыя лежали въ основѣ дѣятельности представителей «бури и натиска». Чудная поэма-идиллія «Германъ и Доротея» (1796), этотъ образецъ художественной законченности въ крупномъ стилѣ, произведеніе, которое Шиллеръ признавалъ вѣнцомъ какъ собственно Гетевскаго, такъ и всего новаго искусства, вызывала почти благоговѣйное удивленіе главныхъ представителей новаго литературнаго кружка: «Ученическіе годы Вильгельма Мейстера» (оконч. въ 1796 г.), эта, въ формѣ романа, исторія развитія и самосовершенствованія даровитаго молодого человѣка, породила цѣлый рядъ подражаній; сочиненія Гете дѣлались исходною точкою критическихъ сужденій, тоже занявшихъ видное мѣсто въ работѣ новаго писательскаго кружка, основателями котораго явились два брата *Шлегели*, Августъ-Вильгельмъ (1767—1895) и Фридрихъ (1772—1829), къ которымъ, нѣсколько времени спустя, примкнули *Фридрихъ Гарденбергъ* (1772—1801), извѣстный въ литературѣ подъ именемъ *Новалиса*, и Людвигъ *Тикъ* (1773—1853). Между Гете (а также Шиллеромъ въ періодъ его совмѣстной работы съ творцомъ «Германа и Доротеи») и этими новыми дѣятелями существовало несомнѣнное родство, выражавшееся прежде всего въ одинаковости отношенія тѣхъ и другихъ къ современной имъ эпохѣ. Эпоха — въ Германіи — была самая печальная; безотраднѣе тогдашней нѣмецкой дѣйствительности трудно отыскать что-нибудь въ политической и соціальной исторіи того времени, и не было во всей этой дѣйствительной жизни никакого матеріала, который даетъ пищу истинному творчеству. «Еще живы пѣвцы, нѣтъ только подвиговъ, способныхъ радостно будить лиру!» печально восклицалъ Шиллеръ, а Гердеръ опредѣлялъ существенный характеръ вѣка, какъ «разладъ между поэзіею и жизнью» — разладъ, который можетъ уничтожить только всемірная исторія. Задачу новаго поэта Шиллеръ ставилъ въ это время въ обработкѣ идеала, а не дѣйствительности; на ту же точку зрѣнія сталъ и Гете. Но ни тотъ, ни другой, по своему высоко-художественному чутью, не могли разорвать связь съ дѣйствительной жизнью; только исходный пунктъ у нихъ былъ односторонне идеалистическій, и только дѣйствительность современная въ ихъ собственномъ отечествѣ заставила ихъ бѣжать изъ нея,—бѣжать для того, чтобы (по картинному замѣчанію Шредтмана) «спрятать ввѣренный имъ клейнодъ нѣмецкой поэзіи на чистыхъ, эфирныхъ высотахъ Олимпа и отправиться въ гости къ богамъ Греціи». По дѣятели предводительствуемой братьями Шлегелями школы были не даромъ прямыми потомками «бури и натиска», и имъ, какъ носителямъ тревожнаго настроенія новаго времени, не по сердцу пришлось классическое спокойствіе двухъ великихъ діоскуровъ, стоявшихъ на вершинѣ нѣмецкой поэзіи. Они тоже бѣжали изъ дѣйствительности—не не только современной, а дѣйствительности вообще, бѣжали въ міръ ничѣмъ не сдерживаемой, скоро дошедшей почти до горячечнаго бреда фантастичности. И такимъ образомъ возникло въ нѣмецкой поэзіи то направленіе, за которымъ утвердилось навсегда (по усвоенію термина, введеннаго однимъ изъ Шлегелей, въ противоположность термину «классическій») названіе *романтическаго* и которое охватило затѣмъ всю Европу, всюду являясь въ различныхъ, часто рѣзко отличающихся одна отъ другой, формахъ, сообразно національностямъ, политическимъ обстоятельствамъ, условіямъ другого рода. Романтизмъ нѣмецкій, какъ только что сказано, поставилъ во главѣ всего господство фантазіи — и это до такой степени, что его неоднократно и мѣтко опредѣляли, какъ «фантазію фантазіи». «Основная задача всякой поэзіи — такъ поучалъ Фридрихъ Шлегель — заключается въ томъ, чтобы уничтожить ходъ и законы разумно мыслящаго разума (стало-быть, открытая и рѣзкая оппозиція «просвѣщенію» XVIII в.) и снова переселять насъ въ прекрасную неурядицу міра фантазіи, въ первобытный хаосъ человѣческой натуры. Всякое ограниченіе фантазіи дѣйствительностью романтическая школа признавала «ограниченіемъ и униженіемъ человѣческой натуры, утратою ею врожденной ея безпредѣльности». Три струны зазвучали на этой, если можно такъ выразиться, арфѣ нѣмецкой романтики: собственно фантастическая, въ буквальномъ значеніи этого слова, патріотическая и мистически-религіозная. Игравшіе на первой струнѣ населяли міръ волшебниками, карликами, русалками, создавали на реальной землѣ новаго времени чисто сказочное, баснословное царство. Такъ-называемые «патріоты», къ которымъ гораздо вѣрнѣе подходило названіе «нѣмечниковъ», съ одной стороны ушли въ средневѣковую эпоху, какъ блестящую пору исторической жизни Германіи, и начали выводить изъ могилъ многихъ старыхъ рыцарей, придворныхъ пѣвцовъ, королевскихъ женъ и дочерей съ ихъ возлюбленными пажами, воскрешать походы, битвы, турниры; съ другой — запѣли въ Клопштовскомъ духѣ, какъ древніе барды, пѣсни объ исчезнувшемъ величіи нѣмецкаго государства, о воинственной отвагѣ предковъ, о ихъ вѣрности и благородствѣ. Подъ вліяніемъ плачевной современности, *это* патріотическое направленіе естественно приняло узкоограниченный, шовинистскій характеръ, и — говоритъ Гейне (въ своемъ превосходномъ сочиненіи «Романтическая Школа») — «и началась грубая, паршивая, неумытая оппозиція противъ самаго святого и самаго благороднаго чувства, какое когда-либо породила Германія — противъ той любви къ человѣчеству, того всеобщаго братства людей, того космополитизма, служителями которыхъ всегда являлись наши великіе умы — Лессингъ, Гердеръ, Шиллеръ, Гете, Жанъ-Поль, всѣ образованные люди Германіи». Съ такою же узкой ограниченностью дребезжала и третья струна на инструментѣ новыхъ романтиковъ. Звуки мистицизма въ обще-романтическомъ духѣ скоро перешли не только въ прославленіе римскаго католицизма, какъ заключающаго въ себѣ столько мистическихъ элементовъ, но и въ защиту вопіющихъ злоупотребленій католической церкви, шедшихъ рядомъ съ столь же вопіющею реакціонными стремленіями нѣмецкихъ правительствъ.

Гофманъ.

II.

Писатели, составлявшіе эту первую романтическую школу, были несомнѣнно люди талантливые, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Тикъ, обладали даровитіемъ даже первоклассными; на расширеніе умственнаго кругозора публики, на облагоро-

женіе ея чувства, на обогащеніе ея новыми знаніями, даже на прогрессъ въ чисто-научной области нѣкоторые изъ нихъ несомнѣнно вліяли благотворно (такими, напримѣръ, трудами, какъ превосходными переводами въ то время еще невѣдомаго большинству Шекспира и испанскихъ драматурговъ, публичными лекціями по древней и новой литературѣ, философіи, исторіи, эстетикѣ, оживленіемъ нѣмецкой народной поэзіи и т. п.); но къ этому здоровому движенію присоединилось столько болѣзненныхъ и пагубныхъ элементовъ, что утвердиться на долгое время это направленіе съ его вышеочерченными особенностями не могло. Правда, благодаря склонности нѣмцевъ къ туманной мечтательности и подъ впечатлѣніями той дѣйствительности, которая окружала ихъ, романтическое настроеніе первыхъ дѣятелей этой школы быстро и въ широкихъ размѣрахъ сообщалось мыслящей и чувствующей части нѣмецкаго народа; «старъ и младъ жадно спѣшили въ волшебные сады романтики, пришибленная плоскою повседневностью фантазія снова радостно забила крыльями, и среди блестящихъ идеаловъ прошедшаго люди забыли дѣйствительность, сѣро и пустынно разстилавшуюся предъ ними — безъ вѣры, безъ величія, безъ поэзіи...» Но романтизмъ, настроеніе вообще болѣзненное, у первыхъ нѣмецкихъ романтиковъ принялъ характеръ такого рѣзкаго духовнаго недуга, что Гегель имѣлъ полное основаніе назвать его «чахоткою человѣческаго духа», а Гейне не преувеличивалъ истины, когда говорилъ, что «розовый цвѣтъ въ произведеніяхъ романтиковъ былъ краской не здоровья, а чахотки, пурпурное пламя ихъ фантастическихъ образовъ— не пламя генія, а жаръ горячки». Естественный исходъ такого недуга — смерть; но здѣсь первый смертельный ударъ былъ нанесенъ извнѣ — рукою того самаго гиганта, по слѣдамъ котораго пошли первые нѣмецкіе романтики и съ которымъ они затѣмъ разорвали связь—рукою Гете. Онъ «сошелъ со своего пьедестала и произнесъ обвинительный приговоръ посѣдамъ Шлегелямъ, тѣмъ самымъ жрецамъ, которые воскуряли ему столько фиміама. Этотъ голосъ разогналъ весь призрачный міръ; средневѣковыя привидѣнія исчезли, совы снова попрятались въ развалины старинныхъ замковъ, вороны снова отлетѣли на башни старыхъ церквей...» Великій художникъ побѣдоносно вышелъ изъ мелкой борьбы, затѣянной съ нимъ пигмеями, и культъ Гете, повидимому поколебавшійся, укрѣпился во всемъ своемъ величіи. Онъ нашелъ себѣ приверженцевъ и въ тѣхъ романтикахъ, которые выступили на сцену нѣсколько позже основателей нѣмецкой романтической школы и изъ которыхъ я упомянемъ въ этомъ бѣломъ очеркѣ *фонъ Арнима*, оказавшаго большія услуги возрожденію нѣмецкой народной пѣсни, *барона де-ла Мотта-Фуке* автора нѣсколько поэтической поэмы *Ундины*, *Эйхендорфа* и особенно *Уланда*. Этотъ послѣдній и истинный поэтъ вообще и романтикъ въ томъ духѣ, въ которомъ сочувствовали этому направленію и Гете, въ которомъ и самъ онъ былъ романтикомъ, справедливо поэтому опредѣляютъ Уланда, какъ романтическаго поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ классика нѣмецкой литературы». Онъ тоже ушелъ отъ современной нѣмецкой дѣйствительности въ средніе вѣка, въ его балладахъ тоже воскресла жизнь этой эпохи, особенно жизнь народная, (которую онъ изучилъ съ основательностью серьезнаго ученаго); но ни въ этихъ балладахъ, ни въ лирическихъ пѣсняхъ нѣтъ и слѣда болѣзненныхъ и уродливыхъ проявленій первой романтической школы: Уландъ— натура вполнѣ здоровая и уравновѣшенная, онъ, и по содержанію, и по внѣшней формѣ своихъ произведеній, поэтъ народный въ полномъ смыслѣ этого слова, и если его пѣсни до сихъ поръ любовно поются всей Германіей на ряду съ пѣснями Гете и Гейне, то уже одно это обстоятельство свидѣтельствуетъ объ ихъ художественной цѣнности. Къ Уланду примыкаютъ, какъ представители романтизма художественнаго, *Шамиссо*, авторъ знаменитаго разсказа въ прозѣ «Странная исторія Петра Шлемиля» и многихъ эпическихъ и лирическихъ стихотвореній, вносящій въ свою романтику уже здоровый реалистическій элементъ, — *Рюкертъ*, талантливый пѣвецъ востока, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей Гетевской школы,—и нѣсколько другихъ. Реалистическое начало, все больше и больше пріобрѣтавшее права гражданства въ поэзіи, стало проникать теперь и въ область безусловно фантастическаго, даже такого, гдѣ цѣль автора—возбуждать прежде всего ужасъ таинственнаго свойства, населять міръ самыми зловѣщими привидѣніями, не допускать ни одного проблеска свѣта. Самымъ характеристическимъ писателемъ въ этой области является знаменитый въ свое время, имѣвшій вліяніе и на первыхъ французскихъ романтиковъ — *Гофманъ*, который желалъ дѣйствовать такимъ путемъ на нервы своихъ читателей и столько возился съ зловѣщими привидѣніями и тому подобными созданіями, что подъ конецъ «самъ сталъ привидѣніемъ; вся природа сдѣлалась для него кривымъ зеркаломъ, въ которомъ онъ, исковерканный на тысячу ладовъ, видѣлъ только свое могильное лицо, и его сочиненія суть ничто иное, какъ страшный вопль тоски въ двадцати томахъ». Но и это ультра-фантастическое у него уже на почвѣ дѣйствительности; почти повсюду въ его разсказахъ (большая часть которыхъ обнаруживаютъ очень крупный повѣствовательный талантъ) смѣсь дѣйствительности и баснословія; самой прозаической будничной жизни съ самымъ фантастическимъ міромъ духовъ. Въ этомъ заключается его сила и оригинальность, и этимъ онъ рѣзко выдѣляется изъ ряда своихъ современниковъ-романтиковъ.

Сталь.

Шатобріанъ.

Ударъ, нанесенный рукою Гете, былъ смертельнымъ ударомъ собственно для перваго поколѣнія нѣмецкихъ романтиковъ—поколѣнія Шлегельшцевъ; но и всему нѣмецкому романтизму предстояло сильно пошатнуться въ непродолжительномъ времени и отъ различныхъ причинъ, съ которыми мы встрѣтимся въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Романтизмъ однако, какъ стремленіе къ безконечному, какъ возмущеніе противъ порабощенія человѣческаго духа какими бы то ни было оковами, какъ жажда осуществленія на землѣ идеала во всѣхъ областяхъ

человѣческаго существованія — находился съ умственною атмосферой начала девятнадцатаго вѣка въ слишкомъ близкомъ родствѣ для того, чтобы ограничиться одною Германіею. Онъ, какъ уже замѣчено выше, охватилъ всю Европу. Въ однихъ странахъ, Даніи, Швеціи — непосредственно сказалось вліяніе романтизма нѣмецкаго, въ другихъ — романтизмъ принялъ совершенно самостоятельный и своеобразный характеръ. Самымъ выдающимся романтикомъ въ Даніи является *Эленшлегеръ*, являвшій на свѣтъ въ своемъ «Бальдурѣ Деброшъ», «Богахъ Сѣвера», «Сагѣ Эрвароддса» и др. средневѣковое прошедшее своей родины и міръ сѣверныхъ боговъ и героевъ, но при этомъ — особенно въ своихъ позднѣйшихъ драматическихъ произведеніяхъ — оставшійся сыномъ своего времени, натурою, вполнѣ здоровою умственно и нравственно, писателемъ, вливавшимъ въ отжившее и призрачное свѣжіе жизненные соки, далекимъ отъ туманной отвлеченности нѣмецкихъ романтиковъ. Въ Швеціи во главѣ романтическаго движенія первыхъ двухъ десятилѣтій XIX в. стоялъ *Тегнеръ*, даровитѣйшій представитель «готической школы», которая, какъ и почти одновременная съ нею школа «фосфористовъ», не находила на землѣ осуществленія своихъ «идеаловъ» и устремилась мечтаніями въ другой, заоблачный міръ, гдѣ только и казалось ей возможнымъ найти это осуществленіе, — и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и нѣмецкіе романтики, уходила изъ современности въ далекое прошедшее своей родины, все въ тѣ же средніе вѣка. Такое же романтическое движеніе въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ обнаруживалось въ литературѣ голландской, — но съ особенной силой и своеобразностью возникло и развилось оно во Франціи и Англіи.

Во Франціи существенные элементы того, что подъ именемъ «романтизма» охватило въ XIX ст. всю Европу, явно сказались уже въ исходѣ вѣка предшествующаго, въ произведеніяхъ истиннаго родоначальника всего этого движенія, давшаго тонъ и направленіе «бурѣ и натиску», приготовившаго по своему то время, въ которое мы живемъ, — Жанъ-Жака Руссо. Уже онъ повелъ борьбу — систематическую или безсознательную — съ идеями, нравами и учрежденіями его времени; уже онъ избралъ орудіями въ этой борьбѣ, или вѣрнѣе, средствами спасенія, на которыхъ онъ зиждетъ все — религію — и именно религію природы, деизмъ на фундаментѣ страстнаго чувства — и любовь, т. е. то, что играло такую важную роль въ міровоззрѣніи многихъ романтиковъ послѣдующаго времени. Уже у него — и притомъ впервые — является энергическій протестъ противъ исключительнаго господства законодателя прошедшаго столѣтія — разума, который представляется ему недостаточнымъ для открытія «великихъ и утѣшительныхъ истинъ»; смѣло противопоставляетъ онъ христіанскій спиритуализмъ матеріализму «философовъ», аргументы сердца, аргументы чувства — холодной и сухой прозѣ невѣрія. У него выступаетъ на первомъ планѣ то *я*, которое потомъ, во время всего романтическаго періода, безраздѣльно царствуетъ и уже навсегда пріобрѣтаетъ право гражданства, даже право первенства, въ литературѣ... Но вмѣстѣ съ этимъ уже въ его произведеніяхъ мы находимъ первые зачатки того, выше упоминавшагося нами вскользь, фазиса романтизма (въ широкомъ и общемъ значеніи этого послѣдняго), которому суждено было вскорѣ получить громадное развитіе — міровой скорби, какъ продукта «болѣзни вѣка». Шевалье де-С.-Пре въ «Новой Элоизѣ» Руссо есть несомнѣнно первое воплощеніе этой «болѣзни», какъ самъ Руссо былъ, можетъ-быть, ея первою жертвой. Ближайшіе преемники его на пути новаго движенія по французской литературѣ, при чемъ дѣятельность первой началась въ исходѣ XVIII в., а второго — относится уже къ первымъ годамъ XIX в. — *мадамъ Сталь* и *Шатобріанъ*. Поклоненіе первой великому «женевскому гражданину» выразилось въ ея «Lettres sur Jean Jacques» (1787); источникъ ея восторженнаго поклоненія ему — сродство этихъ двухъ натуръ, бывшее причиною того, что въ ея тогда еще очень молодую душу легко и обильно перелились его страстная нѣжность, чувствительная экспансивность, непобѣдимая вѣра въ прирожденную доброту человѣка. Подъ его вліяніемъ она стала одною изъ самыхъ главныхъ представительницъ той «религіи человѣчества», которая лежала въ основѣ міросозерцанія и дѣятельности Руссо. Подъ этимъ же вліяніемъ сложился и ея спиритуализмъ, въ силу котораго религія для нея вся резюмировалась двумя понятіями — умъ и чувство, а все «святилище христіанства заключалось въ глубинѣ человѣческой души»; и безъ этого святилища человѣкъ ничто, точно такъ же, какъ нѣтъ для него — особенно для женщины — существованія безъ любви; сила любви, по убѣжденію мадамъ Сталь — высшая сила, которой должны быть подчинены всѣ остальные интересы человѣка; тотъ, кто весь уходитъ въ свои сердечныя привязанности, въ нихъ сосредоточиваетъ все свое существо, изъ-за нихъ разрываетъ связь со всѣмъ остальнымъ міромъ — не долженъ имѣть никакихъ угрызеній совѣсти. Въ началѣ вѣка она познакомилась съ ученіемъ первой романтической школы въ Германіи и въ своей книгѣ «De l'Allemagne» открыла передъ французами тотъ міръ нѣмецкой культуры, тотъ нѣмецкій идеализмъ, который какъ нельзя больше гармонировалъ съ ея собственнымъ міровоззрѣніемъ и настроеніемъ, но которымъ она — особенно благодаря вліянію близко сошедшагося съ нею Фр. Шлегеля — увлеклась до того, что стала содѣйствовать извѣстнымъ ультрамонтанскимъ тенденціямъ, «совершенно расходившимся — замѣчаетъ Гейне — съ ея яснымъ протестантскимъ умомъ». Подъ вліяніемъ нѣмецкаго романтизма сложились и тѣ теоретическія воззрѣнія Сталь, которыми она въ свою очередь, точно такъ же, какъ и ознакомленіемъ своихъ соотечественниковъ съ иностранными литературами, повліяла на возникновеніе и развитіе романтизма французскаго. Разбивъ всю литературу на два большихъ отдѣла, какъ бы полюса: поэзію, подражавшую древнимъ (т. е., такъ-называемую, псевдо-классическую) и ту, которая обязана своимъ возникновеніемъ среднимъ вѣкамъ, она отдала полное преимущество послѣдней. Первая между французами она провозгласила самымъ положительнымъ образомъ, что пора перестать смотрѣть на вѣкъ Людовика XIV, какъ на образецъ совершенства, за предѣлы котораго не долженъ никогда переступать ни одинъ краснорѣчивый писатель, ни одинъ мыслитель; первая во Франціи она потребовала освобожденія искусства изъ-подъ ига господства традиціонныхъ формулъ и правилъ; первая обратилась къ поэтамъ со словами: «будьте добродѣтельны, вѣрующіе, свободны, чтите то, что вы любите, ищите безсмертіе въ любви и божество въ природѣ; святите вашу душу такъ, какъ вы святите храмъ». Явившись показателемъ на этомъ пути, Сталь влила во французскую литературу еще одну новую струю — струю соціальную, которой тоже суждено было скоро сдѣлаться, въ видѣ уже обширнаго и бурнаго потока, господствующею въ европейской литературѣ долго времени: ея романы «Дельфина» и «Коринна» — особенно первый — первый протестъ противъ оковъ, налагаемыхъ обществомъ на чистое и свободное проявленіе женской любви. Съ точки зрѣнія Дельфины, а слѣдовательно, и автора романа, любви должна находить себѣ полнѣйшее внѣшнее выраженіе и полнѣйшую санкцію въ бракѣ; всѣ привязанности женщины — говоритъ Дельфина — должны исходить изъ брака, сущность женщины покоится

Байронъ.

чена, когда она не вышла за того, кого любитъ». Роль женщины, такимъ образомъ, роль семейная, но современный строй брака, тѣ условія, въ которыя поставлена общественъмъ жена, мѣшаютъ осуществленію этого идеала, точно такъ же, какъ находитъ онъ себѣ преграду во многихъ общественныхъ предразсудкахъ — и вотъ въ «Дельфинѣ», прямой предшественницѣ «брачныхъ» романовъ Ж. Сандъ, является первый протестъ, первое предлагаемое рѣшеніе рокового вопроса...

Шатобріанъ тоже духовный вскормленникъ Руссо. Противопоставленіе человѣка, какимъ его создала природа, человѣку, испорченному культурой и общественными условіями, составляетъ существенный элементъ его міровоззрѣнія въ то время, когда онъ впервые выступаетъ на литературное поприще. «Блаженны дикіе! — восклицаетъ герой его романа «Рене» (появившагося въ 1805 г.). — Они всегда среди вѣчнаго мира, жизнь ихъ безмятежно проходитъ подъ тѣнью дубовъ, среди ихъ игръ и ихъ грезъ, предъ ними всегда истина!» Но этотъ Рене, кромѣ того, и потомокъ героя «Новой Элоизы», шевалье де-С.-Пре: только потомокъ (и этимъ Шатобріанъ дѣлаетъ огромный шагъ впередъ въ одномъ изъ возникающихъ «теченій» французской и вообще европейской поэзіи девятнадцатаго вѣка), очень умножившій, расширившій наслѣдство, полученное отъ отца, и къ которому присоединились въ значительной степени собственная натура автора (что почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ) и другія посторонніе вліянія (напр. «Вертера»). «Міровая скорбь», съ появленіемъ «Рене» занимаетъ въ литературѣ новаго времени опредѣленное мѣсто; то, что было намѣчено Руссо, что въ смутныхъ очеркахъ появлялось у дѣятелей «бури и натиска», то въ романѣ Шатобріана принимаетъ опредѣленную форму, будущій байронизмъ находитъ себѣ въ немъ достойнаго предтечу. Собственное *я*, этотъ необходимый и непремѣнный атрибутъ поэтовъ этого направленія, гордо и самодержавно выдвигается впередъ. Молодой Рене — это самъ молодой Шатобріанъ, съ его «странной меланхоліей, полнымъ разочарованіемъ, вѣчнымъ и горделивымъ убѣжденіемъ, что онъ самый несчастный и самый великій человѣкъ, какое-то существо фатальное, неодолимое, покоряющее всѣ сердца, неспособное само любить, но внушающее — или думающее, что внушаетъ — любовь другимъ». Рене — вѣчный «странникъ», какимъ былъ Вертеръ, какими будутъ впослѣдствіи Байронъ, Гейне, Мицкевичъ, нашъ Лермонтовъ. Онъ путешествовалъ по Европѣ, жилъ въ Римѣ, Греціи, потомъ бѣжалъ въ Америку... Но къ этому физическому странствованію присоединяется у него, какъ и у послѣдующихъ его духовныхъ братьевъ, странствованіе, такъ-сказать, внутреннее: онъ нигдѣ не находилъ удовлетворенія своимъ стремленіямъ, томленіямъ, отвѣтамъ на вопросъ: «чего я хочу? Онъ такъ характеризуетъ его авторъ — жизнь въ самомъ себѣ и какъ бы внѣ міра, его окружающаго, едва замѣчалъ, что происходило вокругъ него. Замкнувшись въ кругу своихъ страданій и мечтаній, онъ въ этихъ оковахъ нравственнаго одиночества дѣлался все болѣе и болѣе дикимъ и нелюдимымъ, не вникая никого на, тяготясь всякимъ домомъ, онъ неохотно принималъ заботы, которыми его окружали, утѣшенія, онъ приказывалъ другимъ удовольствіе доставлять ему, только безсмысленное блужданіе, что онъ дѣлаетъ и куда идетъ, этого онъ не говорилъ никому, потому что самъ не зналъ этого. Мучили ли его угрызенія совѣсти или страсть? Скрывалъ ли онъ свои пороки и добродѣтели? Этого никто не зналъ, о немъ все можно было подумать, но сказать кроме было невозможно...» Это же настроеніе господствуетъ и въ послѣдующемъ романѣ Шатобріана «Les Natchez». Тутъ звучитъ еще одна струна, начавшая тоже звучать затѣмъ все громче и громче въ инструментѣ, если можно такъ выразиться, поэзіи міровой скорби — струна «скуки». Герой романа «скучаетъ жизнью». «Скука, — говоритъ онъ — всегда пожирала меня. Будь я пастухъ или царь, что дѣлалъ бы я со своимъ посохомъ или короной? Я одинаково бы уставалъ отъ славы и генія, отъ работы и бездѣйствія, отъ богатства и бѣдности. Въ Европѣ, въ Америкѣ и общество, и природа меня утомили...» Эта своеобразность, новизна Шатобріановскаго романтизма, сравнительно съ романтизмомъ нѣмецкимъ, не мѣшала ему, по странной дисгармоніи, находиться въ родствѣ съ этимъ послѣднимъ одною изъ сторонъ своего міровоззрѣнія — именно стороною религіозною. Въ появившемся почти одновременно съ «Рене» сочиненіи «Génie du Christianisme» авторъ, въ той же необыкновенно изящной и художественной формѣ, которою отличаются всѣ произведенія этого писателя и введеніе которой во французскую прозу составляетъ тоже своего рода событіе въ исторіи этой послѣдней — выступилъ энергическимъ противникомъ философіи «просвѣщенія» и краснорѣчивымъ, играющимъ преимущественно на струнахъ сердца, защитникомъ положительной религіи; впослѣдствіи эта, исходившая непосредственно изъ области чувства, точка зрѣнія смѣнилась спеціально-католическою, даже ультрамонтанской, — но для историка литературы это послѣднее обстоятельство стушевывается передъ тѣмъ огромнымъ значеніемъ, которое Шатобріанъ имѣетъ, какъ первый выразитель новаго теченія во французской, — а косвенно и во всей европейской поэзіи, и какъ художникъ, побѣдоносно свергнувшій господство традиціонной и сухой академической прозы.

Вальтеръ Скоттъ.

III.

Этимъ новымъ элементамъ въ поэзіи девятнадцатаго вѣка предстояло, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ появленія первыхъ произведеній Шатобріана — и совершенно независимо отъ нихъ, по закону только естественнаго духовнаго родства — получить колоссальное и по своимъ размѣрамъ, и по своей внутренней сущности, развитіе въ Англіи, въ творчествѣ величайшаго поэта новаго времени — *Байрона*, представляющаго собой необычайное явленіе въ исторіи поэзіи, котораго недаромъ Пушкинъ поставилъ рядомъ съ Наполеономъ, какъ «властителей нашихъ думъ», прошедшимъ по землѣ подобно «шуму бури». Дѣйствительно, яркимъ, всесожигающимъ метеоромъ прошелъ онъ, и какъ поэтъ, и какъ человѣкъ, передъ повергнутымъ въ изумленіе міромъ, подчиняя его своему неоделимому вліянію, — и на это понадобилось ему всего семнадцать лѣтъ поэтическаго творчества. Робкимъ (хотя и сознающимъ свое достоинство) девятнадцатилѣтнимъ юношей выступилъ онъ въ 1807 г. со сборникомъ своихъ стихотвореній («Часы Досуга»); два года спустя отомстилъ своимъ критикамъ сатирою «Англійскіе барды и Шотландскіе журналисты», обнаруживъ уже здѣсь ту югеналовскую жилку, которая впослѣдствіи нашла себѣ такое геніальное проявленіе въ его «Донъ-Жуанѣ»; прошло еще три года — и одинъ изъ главныхъ элементовъ поэзіи «міровой скорби» — разочарованіе, выразился съ высокою художественностью въ двухъ первыхъ пѣсняхъ «Чайльдъ Гарольда», гдѣ наряду съ мрачными инвективами больного внутреннимъ разладомъ сердца раздались и свѣжіе, бодрящіе звуки любви къ свободѣ, какъ силѣ, которая одна только можетъ давать и дастъ жизни практическую задачу. И затѣмъ, почти въ непрерывной послѣдовательности, творимыя съ тою, почти бѣ-

шною лихорадочностью, которая есть одно изъ отличительныхъ свойствъ всей натуры Байрона, идетъ цѣлый рядъ поэмъ (Ларра, Корсаръ, Паризина, Гяуръ, Осада Коринѳа, Абидосская невѣста), съ ихъ романтично-мрачными и таинственными, но *все-таки стоящими на реальной почвѣ* героями; это люди, «борящіеся со своею душевною тоской, стоящіе постоянно лицомъ къ лицу съ крушеньемъ, пыткой, смертью, угрызеніями собственной совѣсти», это люди съ высокими нравственными задатками, но становящіеся даже преступниками вслѣдствіе разлада съ окружающею ихъ средою, вслѣдствіе того, что они обмануты въ своихъ лучшихъ идеалахъ, надеждахъ, стремленіяхъ; это активные и рѣзкіе протестанты противъ общества, установленныхъ порядковъ, законовъ... Вслѣдъ за этими созданіями идутъ двѣ послѣднія пѣсни «Чайльдъ Гарольда», гдѣ все, что звучитъ въ первыхъ двухъ, получаетъ поэтическое и философское углубленіе и расширеніе; идетъ «Манфредъ», этотъ близнецъ «Фауста», предъ которымъ преклонялся самъ Гёте, созданіе, гдѣ съ поражающею рельефностью и, такъ-сказать, неумолимостью, выступаетъ человѣческое *я* въ его неограниченной непобѣдимости; идетъ «Каинъ», самое поэтическое воплощеніе современнаго пессимизма, о которомъ самъ творецъ его говорилъ, что «Каинъ глубоко западетъ въ глубь мірового сердца, и если многіе дрогнутъ отъ его кажущагося богохуленія, то всѣ падутъ ницъ предъ его величіемъ...»; идетъ, наконецъ (мы пропускаемъ многое другое), высшее выраженіе, даже въ соединеніи съ ужасающимъ цинизмомъ, байроновскаго скептицизма, его «Донъ-Жуанъ», это, по словамъ Гёте, «произведеніе безгранично геніальное, враждебное къ людямъ до самой рѣзкой жестокости, пріязненное къ людямъ до глубины самой нѣжной любви», произведеніе, гдѣ поэтъ, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ цѣлью «сорвать плащъ, который общество, вслѣдствіе своего нравственнаго состоянія, набрасываетъ на свои тайные грѣхи, и показать міръ такимъ, каковъ онъ есть».

Творчество Байрона особенно въ его первыхъ произведеніяхъ, главнымъ же образомъ въ поэмахъ находится въ несомнѣнномъ родствѣ съ романтическимъ движеніемъ того времени, только онъ придалъ ему совершенно своеобразную окраску, ввелъ въ романтическую поэзію своей страны совершенно новый элементъ. Англійская романтика возникла незадолго до выступленія Байрона на писательское поприще. Отчасти романтикомъ можно считать уже великаго шотландскаго поэта, Роберта Бёрнса, умершаго за четыре года до начала девятнадцатаго вѣка, — романтикомъ въ смыслѣ полной свободы и непосредственности поэтическаго творчества, разрыва со всѣми традиціонными условіями въ поэзіи и жизни, художественной субъективности вмѣстѣ съ откликомъ на всѣ сокровенныя движенія человѣческой души, народности въ ея типичнѣйшихъ и благороднѣйшихъ проявленіяхъ вмѣстѣ съ самою широкою общечеловѣчностью. Но въ романтизмѣ Бёрнса, какъ и всей шотландской школы, которой онъ былъ геніальнымъ представителемъ, было слишкомъ много пылкаго, поэтически импульсивнаго, для того, чтобы существенныя черты *этого* романтизма сдѣлались существенными чертами и романтизма англійскаго. Англійскую романтику одинъ изъ историковъ литературы довольно мѣтко сравнилъ съ средневѣковою готическою архитектурою этой страны: «какъ эта архитектура внесла извѣстный элементъ сухой трезвости въ тотъ строительный стиль, гдѣ фантазіи былъ данъ самый широкій просторъ, какъ она упростила главныя задачи этого стиля, не отказываясь, однако, отъ его богатой и увлекательной декоративности, такъ и въ англійскую романтику вошелъ элементъ разсудочности, болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго отношенія къ вещамъ, и она осталась чуждою глубочайшихъ ощущеній нѣмецкой романтической поэзіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ свободною отъ крайнихъ уклоненій этой послѣдней». Эта особенность англійской романтики нашла себѣ выраженіе въ дѣятельности *Вальтеръ Скотта* и поэтовъ такъ называемой *Озерной Школы*.

Леопарди.

Вальтеръ Скоттъ былъ родомъ шотландецъ, уже съ ранней юности увлекавшійся историческимъ прошедшимъ своей родины, вскормленный ея разсказами и преданіями, поставлявшій свою величайшую гордость въ томъ, что онъ былъ членомъ стараго рода, игравшаго видную роль въ исторіи Шотландіи. Подъ этими впечатлѣніями съ одной стороны и подъ вліяніемъ Бёрнса и нѣсколькихъ нѣмецкихъ авторовъ балладъ съ другой, сложилось мало по малу его поэтическое міросозерцаніе; какъ истинный романтикъ, онъ ушелъ въ средніе вѣка, а вслѣдъ затѣмъ и въ дальнѣйшія историческія эпохи, и плодомъ этого ухода были сперва его лирико-эпическія стихотворенія, затѣмъ, какъ центръ тяжести въ дѣятельности этого писателя, знаменитые романы, появленіе которыхъ составило своего рода эпоху въ исторіи англійской поэзіи вообще и англійскаго романа въ частности. Если — какъ мы видѣли выше—въ этомъ романѣ восемнадцатаго вѣка не было ничего романическаго, то теперь этотъ послѣдній элементъ вошелъ въ англійскій романъ самою обильною струею. Но вставляя свои изображенія въ средневѣковыя и вообще стародавнія рамки, В. Скоттъ отнюдь не былъ самъ древнимъ человѣкомъ, и хотя внѣшнія формы его произведеній заимствованы изъ давно прошедшей поры, но рѣчи, образъ мыслей и поступки его дѣйствующихъ лицъ несомнѣнно принадлежатъ новому времени; въ его обращеніи къ минувшимъ временамъ, къ той порѣ, когда первенствующую роль въ исторіи его родины играло знатное дворянство, не было никакой тенденціозной исключительности, и рядомъ со своими баронами и лордами онъ изображалъ совершенно простыя, первобытныя натуры, людей изо всѣхъ классовъ народа во всѣхъ ихъ своеобразныхъ проявленіяхъ. Къ наблюдательности романиста, смотрѣвшаго на прошедшее глазами новаго человѣка, къ художественности изображенія, съ присутствіемъ, однако, въ немъ сильной романтической окраски, присоединялось у В. Скотта серьезное историческое изученіе предмета, и такимъ образомъ внесъ онъ въ изящную литературу девятнадцатаго вѣка новую область — романтически-историческій романъ, нашедшій себѣ не только въ Англіи, но и во многихъ странахъ Европы очень многихъ, болѣе или менѣе талантливыхъ, а часто и бездарныхъ подражателей.

Озерная Школа (получившая свое названіе оттого, что ея главные представители проводили большую часть жизни на берегахъ озеръ графства вестморлендскаго) въ лицѣ *Вордсворта*, *Кольриджа* и *Саути*, создалась отчасти подъ вліяніемъ французской революціи, отчасти подъ вліяніемъ нѣмецкаго романтизма. Первая вызвала у нихъ одушевленныя и юношески пылкія пѣсни свободы и такія драматическія произведенія (особенно въ подражаніе «Разбойникамъ» Шиллера), въ которыхъ революціонный элементъ сказывался въ полной необузданности; когда же плачевно разбились тѣ надежды, которыя поселило въ нихъ, какъ и во многихъ другихъ, это великое историческое событіе, тогда они, вмѣстѣ съ нѣмецкими романтиками ушли изъ міра дѣйствительности въ міръ фантастическій и таинственный, или погрузились въ созерцаніе природы съ ея вѣчной красотой и непоколебимой безмятежностью. Но при этомъ родствѣ съ нѣмецкими романтиками, поэты Озерной Школы сохранили свою національную самостоятельность и своеобразность. Родственные съ нѣмецкими романтиками по склонности къ таинственному, странному, наводящему сверхъестественный страхъ, по пренебреженію къ законченности и правильности внѣшней формы, къ художественной пластичности изображенія, поэты Озерной Школы остались

сплошь, вполнѣ англичанами; всѣ крупнѣйшія основныя черты умственнаго и поэтическаго движенія того времени у нихъ видоизмѣнены специфически англійскими чертами, между которыми особенно замѣтно выдвигаются впередъ спокойная рефлективность, философское самоуглубленіе въ размышленіяхъ о природѣ и человѣкѣ, никогда не принимающія остраго характера и часто переходящія даже въ холодно-дидактическій анализъ.

Въ эту-то поэзію внесъ совершенно новое теченіе Байронъ, хотя «Озерники» (Lakists) — какъ называли ихъ — несомнѣнно оказали на него нѣкоторое вліяніе своимъ живымъ національнымъ чувствомъ, стремленіемъ къ простотѣ и задушевности, оппозиціею строго-разсудочному направленію предшествующаго вѣка. Байронъ вводитъ въ романтическую поэзію «міровую скорбь» въ ея высшемъ проявленіи, въ формѣ иногда безпредѣльнаго, титаническаго отчаянія, которое (какъ напр. въ знаменитомъ стихотвореніи «Тьма») простираетъ «даже на всю живую правду мечту всемірнаго разрушенія, словно черный покровъ». Это та «міровая скорбь», которая, при громадной роли, играемой собственнымъ *я* поэта, принимаетъ общечеловѣческій характеръ и становится скептицизмомъ, сперва пытливо размышляющимъ о величайшихъ благахъ жизни, а потомъ и о самой жизни. Этимъ поэтъ касается больной стороны человѣчества, его сѣтованіе становится выраженіемъ глубокочеловѣческаго, всѣмъ мыслящимъ и чувствующимъ натурамъ общаго настроенія. Но значеніе Байрона, какъ величайшаго поэта «міровой скорби», усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ его горькомъ, почти всегда безнадежномъ отрицаніи, много положительныхъ сторонъ, что онъ при всей своей внутренней разорванности, цѣльная натура, въ которой непоколебимо живетъ пламенное стремленіе къ возстановленію обезображенныхъ или разбитыхъ святынь человѣчества, что онъ, циническій отрицатель, въ то же время восторженный идеалистъ; тутъ и защита свободы и человѣческихъ правъ, замѣчательная его жизнью и смертью, тутъ и глубоко поэтическое сочувствіе къ красотамъ природы, тутъ и гимнъ чистѣйшей любви, «благотворно чарующіе звуки которой раздаются и сквозь звуки горькаго разочарованія...»

Байронъ — самое крупное, самое яркое явленіе въ поэзіи девятнадцатаго вѣка, и мы напрасно искали бы въ исторіи литературы предшествующихъ вѣковъ поэта, который оказалъ бы такое глубокое вліяніе на своихъ современниковъ и послѣдующія поколѣнія. Гёте, звѣзда котораго загорѣлась уже до наступленія новаго вѣка и продолжала блестѣть и въ немъ, поднялся на слишкомъ олимпійскую высоту, чтобы непосредственно дѣйствовать на умы; онъ, въ послѣднемъ періодѣ своего творчества, былъ слишкомъ «гармониченъ», слишкомъ дерзкъ для сильныхъ натуръ того времени; Байронъ находился въ тѣснѣйшей связи съ новымъ временемъ, былъ потомъ новаго времени въ полномъ смыслѣ этого слова; съ духомъ этого времени нахождились въ самомъ близкомъ соотвѣтствіи всѣ отличительныя черты его поэзіи: борьба между мыслящимъ человѣческимъ духомъ и тѣлесными условіями, борьба между натурою и зрѣлыми плодами цивилизаціи, борьба политической свободы и національной независимости съ грубымъ деспотизмомъ, т. е. тѣ великія проблемы, которыя девятнадцатый вѣкъ не разрѣшилъ и не могъ еще выдвинуть вперёдъ. Гёте, какъ поэтъ, олицетворяетъ поэзію въ образѣ чуднаго поэта Гарфоса (въ 2 и части «Фауста»), и этотъ юноша никто иной, какъ Байронъ. «Представителемъ *новѣйшаго* направленія поэтическаго времени — объяснялъ впослѣдствіи Гёте — я не могъ выбрать никого, кромѣ Байрона, на котораго безспорно надо смотрѣть, какъ на величайшее дарованіе вѣка; и, притомъ, онъ не античенъ и не романтиченъ, онъ то же, что самъ *нынѣшній день*.» И все это выражалось въ высоко художественной формѣ. Байронъ не создалъ «міровой скорби»; она стара, какъ міръ, ея основные элементы жили въ умахъ и сердцахъ съ тѣхъ поръ, какъ начали работать человѣческая мысль и человѣческое чувство; но никто до Байрона — да и послѣ него — не выражалъ всю бездну разорванной, терзаемой внутреннимъ разладомъ души такъ величественно и съ такимъ богатствомъ красокъ, въ такой безпощадной наготѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ художественно, какъ это дѣлалъ творецъ «Манфреда», который въ этомъ отношеніи (но очень оригинальному и мѣткому замѣчанію одного стараго нѣмецкаго критика) напоминалъ ту рыбу, что римляне, въ видахъ жестокаго увеселенія, разрѣзывали живою на своихъ пиршествахъ, и которая въ минуту смерти доставляла пирующимъ зрѣлище великолѣпнѣйшей игры красокъ.

Гейне.

Какое выраженіе нашелъ себѣ «байронизмъ» (сдѣлавшійся нарицательнымъ названіемъ этого новаго фазиса «міровой скорби») въ другихъ странахъ, какіе поэты явились тамъ его крупнѣйшими носителями — объ этомъ мы скажемъ ниже. Въ Англіи, одновременно съ Байрономъ, выразителемъ новаго настроенія, выступилъ ближайшій другъ творца «Каина», геніальный *Шелли*. По отношенію къ Байрону, въ которомъ Шелли видѣлъ «яркое солнце», онъ сравнивалъ себя съ «свѣтящимся червякомъ», и меланхолически, безъ тѣни чего нибудь похожаго на зависть, говорилъ: «солнце загасило червячка». Въ ту пору оно дѣйствительно такъ и было, но не вслѣдствіе незначительности дарованія Шелли сравнительно съ талантомъ Байрона, а благодаря нѣкоторымъ его особенностямъ, которыя только въ наши дни, при новыхъ теченіяхъ поэзіи, подняли автора «Освобожденнаго Прометея» на высокій пьедесталъ, подняли его въ глазахъ новой «школы» даже гораздо выше Байрона. Тѣсная дружба между этими двумя поэтами обусловливалась и сходствомъ въ ихъ личной судьбѣ, и многими точками духовнаго соприкосновенія, при существованіи однако и нѣсколькихъ чертъ коренного различія. Шелли — родившійся въ достопамятный 1792 г. — такой же, какъ и Байронъ, духовный сынъ французской революціи; онъ энергически, не только словомъ, но и дѣломъ (въ первые годы своей дѣятельности) стремится къ преобразованію человѣчества, къ проведенію тѣхъ или другихъ общественныхъ реформъ; онъ вѣчно борется съ рутиннымъ обычаемъ, этимъ «царемъ рабовъ»; онъ непоколебимо убѣжденъ, что блаженное millenium, золотой вѣкъ человѣчества, наступитъ немедленно послѣ сокрушенія владычества этого «анархиста обычая»; онъ, по характеристикѣ близко знавшаго его человѣка, «одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей оригинальности и вражды къ условнымъ приличіямъ, какихъ только видѣло наше столѣтіе»; онъ страдаетъ глубокимъ внутреннимъ разладомъ, страдаетъ отъ непримиримости окружающей дѣйствительности съ тѣмъ идеаломъ, который онъ носитъ въ своей груди; онъ пепельчимо боленъ больнью вѣка. Но его «міровая скорбь» находитъ себѣ не тотъ исходъ, которымъ запечатлѣны почти всѣ продукты байронизма, съ творцемъ этого послѣдняго во главѣ. Въ немъ, какъ и въ Байронѣ, пессимизмъ

соединяется съ идеализмомъ; но между идеализмомъ Байрона и идеализмомъ Шелли существенная разница. Первый пламенно *желаетъ* осуществленія своихъ идеалистическихъ стремленій, энергически зоветъ человѣчество къ этой работѣ, среди своего скептическаго отчаянія обманываетъ себя надеждою на наступленіе лучшаго времени; Шелли — идеалистъ до мозга костей, которому существованіе зла въ мірѣ представляется явленіемъ только временнымъ. Никакія разочарованія, никакія тяжкія испытанія не въ состояніи не то, что уничтожить, даже покачнуть его вѣру «въ сокрушимость господствующихъ идеаловъ, въ евангеліе свободы, равенства, братства, въ божественную красоту человѣческой природы, въ любовь, которая управляетъ вселенной, въ совершенствованіе человѣка, въ вездѣсущую душу, которой наши души суть только атомы». Его Прометей (въ трагедіи «Освобожденный Прометей»)—представитель добра, свободы, любви, побѣждаетъ Зевса—самое могущественное олицетвореніе зла, насилія, ненависти; воображенію Байрона Прометей представляется только скованнымъ, Шелли видитъ его только освобожденнымъ — исключительно силою своей правоты, своей всеобъемлющей любви. Но не только въ этомъ различіе между двумя друзьями-поэтами. Душа Байрона — реалистическая, въ которой постепенно бьется пульсъ дѣйствительной жизни; душа Шелли — какая-то сомнамбулическая, въ его натурѣ есть что-то стихійное, указывавшее какъ бы на таинственную связь его съ сокровенными силами природы; онъ пантеистъ, онъ Natur-Poet, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвлеченный метафизикъ; среди изумительно поэтическихъ страницъ, своего рода шедевровъ истинно художественнаго творчества, у него множество чего-то или непостижимо таинственнаго, или совершенно неосязательнаго для здороваго ума; самъ онъ признавалъ, что его произведенія «затемнены его метафизикой»,—и этимъ онъ роднится съ позднѣйшею, получившею въ Англіи большое распространеніе, школою символистовъ - мистиковъ, которая за это и вознесла его на высокій пьедесталъ, свергнувъ съ него казавшагося ей ужъ слишкомъ «реальнымъ» автора «Донъ-Жуана».

IV.

«Болѣзнь вѣка» пошла скорыми шагами впередъ; сильную поддержку находила она въ политическихъ и общественныхъ обстоятельствахъ большей части европейскихъ государствъ, но корни ея лежали глубоко въ душѣ новаго человѣка, имѣли психологическое основаніе. «Ахъ, дорогой читатель—говорилъ одинъ изъ геніальнѣйшихъ поэтовъ-носителей этой болѣзни, Гейне если ты жалуешься на мою внутреннюю разорванность, то лучше свѣтуй на то, что весь міръ разорванъ на-двое. Ибо такъ какъ сердце поэта есть средоточіе міра, то въ теперешнее время оно не можетъ быть не разорвано самымъ жалкимъ образомъ. Кто хвастается, что у него сердце поэта осталось цѣло, тотъ сознается только, что у него прозаическое, куда-то очень далеко въ уголъ запрятанное сердце. По моему же сердцу прошла великая міровая трещина, и именно поэтому знаю я, что великіе боги удостоили меня высшей благодати гораздо въ большей степени, чѣмъ многихъ другихъ, и признали достойнымъ поэтическаго мученичества. Нѣкогда, въ древности и въ средніе вѣка, міръ былъ цѣлостенъ; несмотря на внѣшніе раздоры и войны, все таки существовало міровое единство, и были цѣльные поэты. Мы будемъ чтить этихъ поэтовъ и наслаждаться ими; но всякое подражаніе ихъ цѣлостности — ложь, ложь, которую усматриваетъ всякій здоровый глазъ и которая поэтому не избѣгаетъ осмѣянія». Если эту «міровую трещину» искусственно прививали себѣ второстепенные поэтики, къ которымъ нашъ Лермонтовъ обращалъ свой вопросъ: «Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ, на что намъ знать твои волненья?» если то, что приняло теперь названіе «байронизма», нашло себѣ, какъ нѣкогда «вертеріанизмъ», фальшивыхъ и смѣшныхъ подражателей — то и это явленіе не лишено для насъ значенія потому, что оно не могло бы имѣть мѣста, не находясь въ соотвѣтствіи съ духомъ времени. Но гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что на этотъ ладъ запѣли тѣ поэты, которые въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка стояли на первомъ планѣ, увлекали за собою массы. Конечно, одинаковость настроенія была вызвана отнюдь не простою случайностью; конечно, очень глубокія внѣшнія и внутреннія причины побуждали этихъ поэтовъ смотрѣть съ презрѣніемъ, даже съ горькимъ негодованіемъ на этотъ міръ и возводить свою собственную личную скорбь на ступень общей міровой скорби, уподобляясь въ этомъ случаѣ Фаусту, когда онъ говоритъ: «Der Menscheit ganzen Jammer fasst mich an». Въ ряду ихъ и размѣрами своего дарованія, и своеобразностью своего міровоззрѣнія, особенно выдѣляются два: въ Италіи *Леопарди*, въ Германіи *Гейне*.

Къ Леопарди, болѣе, чѣмъ къ кому-либо, можно примѣнить безспорное мнѣніе о вліяніи личныхъ обстоятельствъ въ жизни поэта-пессимиста на характеръ и направленіе его поэзіи: жизнь его была непрерывною цѣпью страданій и несчастій. Къ нимъ присоединились и причины политическія, вызвавшія у него такое стихотвореніе, какъ «къ Италіи», и плачевныя явленія въ состояніи тогдашняго итальянскаго общества; но корень всего лежалъ въ сердцѣ поэта, какъ человѣка новаго времени, въ его «міровой трещинѣ». Леопарди истинный поэтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ философъ въ истинномъ значеніи этого слова. Какъ поэтъ, онъ, независимо отъ своего значенія собственно въ области поэзіи «міровой скорби» — главной области его творчества—занимаетъ въ исторіи новой итальянской литературы важное мѣсто, благодаря тому, что ему «удалось возстановить въ поэзіи своей страны утраченную ею простоту, правду натуры, что онъ обновилъ весь поэтическій міръ и снова вернулъ его къ первобытной дѣвственности». Какъ поэта новаго, какъ сына своего времени, его характеризуютъ враждебное отношеніе ко всякому традиціонному и незаслуженному авторитету, признаваніе истиннымъ только того, что было имъ познано и въ себѣ самомъ пережито, вообще культъ индивидуализма. Но главная его особенность — скептическое и пессимистическое міровоззрѣніе, и люди, даже рѣзко расходившіеся съ нимъ во взглядахъ на жизнь и человѣка, ставили его—правда, преувеличенно—наряду съ Байрономъ «по вдохновенности, преисполненной горечи и презрѣнія къ людской пошлости, по высокомѣрной саркастичности и по скептической ироніи». Леопарди-пессимистъ до мозга костей, и его отчаяніе—только по временамъ прерываемое свѣтлыми и бодрящими звуками, которыми онъ какъ будто убаюкивалъ себя—находитъ себѣ полное выраженіе не столько въ его стихахъ, сколько въ его прозаическихъ сочиненіяхъ, гдѣ поэта смѣняетъ философъ и гдѣ уже нѣтъ мѣста мало-мальски утѣшительному просвѣту. Впрочемъ Леопарди-поэтъ и Леопарди-философъ тѣсно соединены между собой. И въ поэтическихъ изліяніяхъ, и въ философскихъ разсужденіяхъ, которыя по ихъ систематизаціи и строгой послѣдовательности одинъ критикъ мѣтко охарактеризовалъ «кодификаціей міровой скорби» — и въ тѣхъ, и въ другихъ Леопарди дѣлаетъ постоянныя и глубокія варіаціи на тему о бѣдственности человѣческаго существованія, безцѣльности бытія, побѣдѣ злого начала надъ добрымъ и сладости смерти. Съ его точки зрѣнія это явленія не случайныя, не преходящія: законъ человѣческаго бѣдствія начертанъ «разъ навсегда *природою* и *судьбой* на алмазныхъ доскахъ; равнодушная, пожалуй даже враждебная къ людямъ природа и слѣпая судьба — вотъ двѣ темныя, страшныя силы, управляющія міромъ. Цѣль земного бытія непроницаемая тайна; все кругомъ прахомъ проходитъ и гибнетъ, одно только несомнѣнно, что скорбь и страданіе вѣчны.» Самыя жестокія муки для нашего философа — муки мышленія; мысль всегда была «его палачемъ» — такимъ-же, какимъ она служила для Байроновскихъ Манфреда и Каина: отъ пытливыхъ, проклятыхъ вопросовъ нѣтъ ему спасенія потому что «мышленіе вотъ единственный отвѣтъ тому великому любопытству, которое или сталкивается съ непреоборимою стѣною, или погибаетъ въ ничтожествѣ». Леопарди признаютъ предшественникомъ нѣмецкаго философскаго пессимизма девятнадцатаго вѣка; по крайней мѣрѣ Шопенгауэръ основательно изучалъ сочиненія итальянскаго поэта, многія мѣста его «Paralipomena и Parerga» суть несомнѣнно парафразы мыслей Леопарди, и какъ онъ говоритъ, «никто не касался этого предмета такъ осто-

ятельно и основательно, какъ въ наши дни Леонарди; онъ исполненъ имъ и проникаетъ его; темою его повсюду является бѣдственность земного существованія; на каждой страницѣ онъ изображаетъ ее съ такимъ разнообразіемъ формъ и оборотовъ, съ такимъ богатствомъ образовъ, что никогда не надоѣдаетъ, всегда интересенъ, и дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ»...

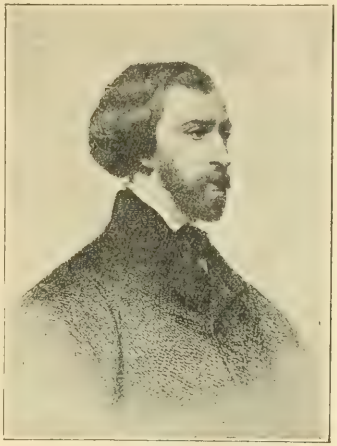
Совершенно иной характеръ имѣетъ поэтическое творчество Гейне — тамъ, гдѣ онъ является поэтомъ «міровой скорби» (о другихъ проявленіяхъ его поэтическаго генія мы будемъ говорить ниже). Гейне самъ признавалъ свое родство съ Байрономъ, даже гордился этимъ родствомъ; «это былъ — говоритъ онъ — единственный человѣкъ, съ которымъ я чувствовалъ себя въ родствѣ, и мы во многомъ были похожи». Сходство дѣйствительно было — въ основномъ настроеніи; но не менѣе велико было и различіе, и оно, при сравненіи нѣмецкаго и британскаго поэта, оказывается не въ пользу перваго: Гейне мельче Байрона — (опять таки, повторяемъ въ *этой* области), онъ менѣе глубокъ, чѣмъ авторъ «Каина» и «Манфреда», онъ не задается глубокими, приводящими въ отчаяніе, вопросами жизни, онъ только изрѣдка показываетъ намъ «дурака, ожидающаго отвѣта» на свои недоумѣнія въ виду тайнъ человѣческаго существованія, или бѣгло вспоминаетъ нѣсколько «прокляныхъ вопросовъ», постоянно дѣлаемыхъ человѣчествомъ и сопровождаемыхъ такимъ отвѣтомъ на нихъ со стороны природы, который заставляетъ его въ свою очередь съ ироническимъ отчаяніемъ спросить: «Aber ist es eine Antwort»? И при этомъ онъ часто слишкомъ поддается временному, минутному настроенію; отъ этого онъ и никогда не могъ возвыситься до тѣхъ полныхъ, законченныхъ, всесторонне обнимающихъ жизнь созданій, которыми такъ великъ Байронъ; отъ этого у него почти все отрывочно, прихотливо, лишено строгаго художественнаго единства. Но есть между ними и другое существенное различіе, — на этотъ разъ уже не въ ущербъ Гейне и составляющее такую особенность его, какой мы не находимъ ни у одного поэта этой категоріи. Это — та двойственность, въ которой выражается его внутренняя разорванность, его «міровая трещина», — двойственность, созерцая которую, мы чувствуемъ, что его *умъ* насмѣхается надъ многимъ такимъ, къ чему его *сердце* относится съ глубочайшимъ сочувствіемъ, и ясно видимъ, что онъ самъ не вѣритъ въ свои собственныя созданія, что онъ творитъ эти волшебные міры для того, чтобы снова тутъ же разрушить ихъ... Этой двойственностью обусловливается его *юмористическое* отношеніе къ вещамъ. Голосъ, выходящій изъ его разорванной души, онъ — въ этомъ отношеніи единственный изъ поэтовъ «міровой скорби» послѣ Сервантеса — облекаетъ въ форму божественнаго юмора, безъ котораго, по его выраженію, «колоссальныя скорби и страданія были бы невыносимы» и орудіемъ котораго поэтъ выбралъ смѣхъ — смѣхъ всесильный, благородный, потрясающе дѣйствующій, но при этомъ, какъ самъ Гейне его характеризуетъ, «прекрасный и звонкій, встаки остановившійся намъ, когда сердце разбито въ нашемъ тѣлѣ, разбито, и изрѣзано, и проколото». Съ этимъ юморомъ, представляющимъ удивительное соединеніе «проникнутой скорбью комизма» со «смѣхомъ сквозь слезы», относится Гейне не только ко всему окружающему, включая сюда и природу, но и къ своему собственному внутреннему міру; стоитъ припомнить «Захожденіе солнца», лучшія страницы «Путевыхъ картинъ», большую часть «Lyrisches Intermezzo», «Морское виденіе», и много другого... Съ теченіемъ времени юморъ смѣнила сатира, — смѣнила подъ вліяніемъ современной дѣйствительности, послѣ утраты послѣднихъ надеждъ поэта, послѣ его увлеченія въ немъ фазиса «пессимистическаго реализма», послѣ уничтоженія его вѣры въ воскресеніе человѣчества когда либо, или по крайней мѣрѣ надежды, что *онъ* доживетъ до этого. Самое яркое выраженіе этого настроенія въ знаменитой «Зимней Сказкѣ», этомъ произведеніи, въ которомъ поэтъ «болѣе, чѣмъ гдѣ либо, посчастливилось дать поэтическое выраженіе своему реалистическому воззрѣнію на политическій и соціальный строй того времени», и гдѣ «жгучая сатира находитъ себѣ нравственное и эстетическое оправданіе». Безпощадно осмѣивается здѣсь господствовавшая тогда въ Германіи безобразная смѣсь средневѣковаго феодальнаго порядка и «квасного» патріотизма, осмѣивается многое такое, чѣмъ гордились нѣмцы, что признавали они великимъ, прекраснымъ — и осмѣивается именно потому, что въ этомъ якобы патріотическомъ увлеченіи, самовосхваленіи, было безконечно много форсированнаго, искусственнаго, лживаго... Въ послѣдніе годы жизни и творчества Гейне — въ значительной степени благодаря его страшнымъ физическимъ страданіямъ — «міровая скорбь» этого поэта приняла ужасающе-мрачный характеръ, съ которымъ можетъ сравниться только отчаяніе Байрона въ его «Донъ-Жуанѣ». Въ «Вилли-Пуцли», «Карлѣ I», «Ткачахъ», въ стонахъ и проклятіяхъ «Лазаря», въ многихъ другихъ стихотвореніяхъ этой категоріи, безнадежно пессимистическое воззрѣніе примѣнено къ религіозной и соціальной сферѣ, ко всему земному, всему существующему; земля представляется ему сумасшедшимъ домомъ или лазаретомъ, самое небо для него ничто иное, какъ кладбище, на которомъ похоронены всѣ боги; ни одного свѣтлаго луча, ни одного примирительнаго, успокоительнаго звука... Но и у него, какъ у Байрона, какъ у всѣхъ истинныхъ поэтовъ «міровой скорби», сквозь вопли и проклятія и похожій на вопли смѣхъ пробиваются отъ времени до времени призывы къ поддерживанію свѣтлаго упованія въ человѣческихъ сердцахъ, звуки пѣсни о желанномъ будущемъ. Какъ Байронъ, и онъ остается до конца жизни «храбрымъ солдатомъ въ войнѣ за освобожденіе человѣчества», какъ онъ самъ охарактеризовалъ себя.

Мицкевичъ.

Романтизмъ съ окраской байронизма нашелъ себѣ, какъ скоро увидимъ, болѣе или менѣе значительное отраженіе во многихъ европейскихъ странахъ. Но въ нѣкоторыхъ онъ продолжалъ существовать и безъ этой примѣси, съ тѣми существенными атрибутами, съ которыми мы уже встрѣчались выше, и между которыми одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаютъ преобладаніе чувства въ противоположность холодному разуму, возвращеніе къ національному съ сильнымъ патріотическимъ оттѣнкомъ и религіозное настроеніе, принимающее иногда специфически католическій оттѣнокъ. Съ такимъ характеромъ явилось романтическое движеніе главнымъ образомъ въ Италіи и Испаніи. — Въ Италіи самыми выдающимися дѣятелями его были *Манцони*, *Сильвіо Пеллико* и *Никколини*. Первый, глубоко религіозный человѣкъ, а затѣмъ и ревностный католикъ, патріотъ въ лучшемъ значеніи этого слова и вообще — не только словомъ, но и дѣломъ, энергичный защитникъ итальянской національности, справедливо признается главою, даже основателемъ итальянскаго романтизма; его религіозныя оды, его драматическія произведенія и особенно его знаменитый, написанный подъ вліяніемъ В. Скотта романъ «Обрученные» (Iprometi sposi) составили эпоху въ новой изящной литературѣ этой страны, они побѣдоносно сокрушили господство академической поэзіи, уничтожили рутинное и безжизненное подражаніе иностраннымъ образцамъ и вывели итальянскую поэзію на новый, самостоятельный и истинно національный путь. Сильвіо Пеллико, пріобрѣвшій европейскую извѣстность исторіею своихъ тюремныхъ заключеній (Mie Prigioni), ввелъ въ итальянскую лирику элегически-сентиментальное направленіе, тоже находившееся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ разсудочностью предшествовавшихъ ему и современныхъ поэтовъ «классиковъ». — Никколини тоже пламенный патріотъ и надѣленный богатою фантазіею и свѣжею поэтическою силою писатель вліялъ

новые соки въ итальянскую драматическую литературу. Онъ значительнѣйшій послѣ Альфіери драматургъ своего отечества, и ему главнымъ образомъ обязана итальянская драма освобожденіемъ отъ традиціонныхъ оковъ.

Въ Испаніи, гдѣ романтическое начало процвѣтало уже во времена Кальдерона и Лопе-де-Вега, дорогу для новой романтической поэзіи открылъ *Мартинесъ-де-ла Роза*, сперва приверженецъ сухой и трезвой поэзіи восемнадцатаго вѣка, потомъ истый романтикъ. За нимъ слѣдуетъ *Ривасъ*, пѣвецъ фатализма, дающій полный просторъ необузданному чувству и необузданной фантазіи, *Бретонъ-де-лосъ-Геррерос* и др. Въ Португаліи, какъ наиболѣе виднаго представителя романтическаго направленія, можно назвать въ эту пору *Алмейду Гаррета*, тоже перешедшаго изъ лагеря классиковъ въ лагерь романтиковъ подъ вліяніемъ Байрона, Шатобріана и др., провозгласившаго свое profession de foi въ поэмѣ «Dona Branca» и создавшаго цѣлую школу романистовъ, лириковъ и драматурговъ.

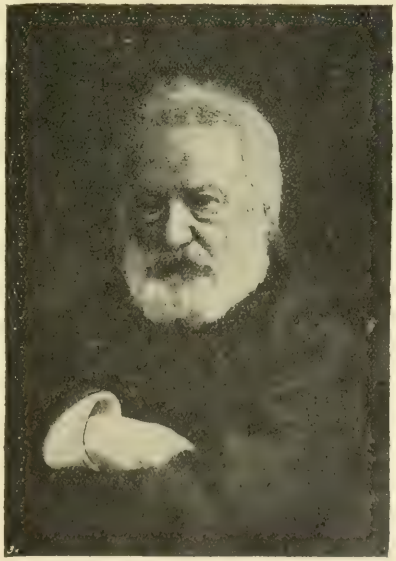


Мюссэ.

V

Продолжалъ существовать романтизмъ въ своемъ первобытномъ видѣ и въ Германіи,—но тутъ, т. е. на самой родинѣ его, суждено ему было потерпѣть смертельное пораженіе. Ударъ былъ нанесенъ рукою Генриха Гейне—неблагодарнаго вскормленника этого теченія. Авторъ «Traumbilder» благодаря обстоятельствамъ своего дѣтства и своей первой юности, благодаря литературнымъ вліяніямъ, среди которыхъ онъ развивался и образовывался, благодаря, главнымъ образомъ, нѣкоторымъ органическимъ чертамъ своей натуры, былъ романтикомъ въ этомъ смыслѣ, и значительная часть произведеній перваго періода его дѣятельности несомнѣнно коренится въ романтической почвѣ. Это не было бы возможно безъ духовнаго родства нашего поэта съ романтиками школы,—родства, при которомъ существовало вмѣстѣ съ тѣмъ и огромное различіе. И вотъ, вслѣдствіе этого послѣдняго, Гейне не могъ конечно долго оставаться на этой романтической почвѣ, по крайней мѣрѣ оставаться на ней безпрерывно, безраздѣльно; онъ скоро понялъ болѣзненность романтическихъ стремленій и перешелъ на почву истинной лирической поэзіи. Гейневская поэзія—независимо отъ ея «мірово-скорбной» стороны—обозначаетъ собою ступень въ самосознаніи нѣмецкаго духа, который мужественно вырывается изъ пустыхъ сѣтованій любви и изъ существованія въ мірѣ фантастическихъ грезъ надѣваясь надъ тѣмъ и другимъ». Тѣ произведенія Гейне, въ которыхъ онъ уже твердо становится на свою настоящую дорогу, рубятъ нѣмецкій романтизмъ въ его корнѣ, и съ ними начинается эра новой нѣмецкой поэзіи. Поэтъ самъ указывалъ на это свое историко-литературное значеніе, когда говорилъ о своихъ «истребительныхъ походахъ противъ романтиковъ» и заявлялъ, что онъ «открылъ новую нѣмецкую лирику». Но справедливости однако ему слѣдовало сказать, что онъ продолжалъ дѣло, начатое Гете и остановленное, испорченное въ своемъ развитіи отчасти уже упомянутыми нами обстоятельствами. Гейне — опять оставивъ въ сторонѣ ту область его поэзіи, о которой мы уже говорили — величайшій послѣ Гете, да можетъ быть, и рядомъ съ нимъ, лирикъ Германіи и всей новой Европы; и тѣ элементы лирической поэзіи, которые болѣе или менѣе талантливо разработывались послѣдующими поэтами (мы не говоримъ о бездарныхъ подражателяхъ, которыхъ развелось повсюду великое множество)—несомнѣнно одолжены своимъ существованіемъ вліянію того новаго духа, который былъ внесенъ въ поэзію авторомъ «Лирическаго Интермеццо», «Сѣвернаго Моря», «Путевыхъ картинъ».

Какъ естественно было сокрушеніе—рано или поздно — той романтики, въ которой было столько больного, столько «чахоточнаго», какъ выражался Гейне, точно также было естественно постепенное расширеніе поэзіи «міровой скорби», которая, во-первыхъ, находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ настроеніемъ мыслящаго человѣчества новаго времени, во-вторыхъ, при своей видимой психической болѣзненности, заключала въ себѣ столько жизненнаго и здороваго. Самыхъ крупныхъ представителей ея, въ ту пору ея, о которой идетъ у насъ рѣчь, мы встрѣчаемъ (послѣ уже названныхъ) въ Германіи, Польшѣ и Франціи. Въ Германіи вниманіе историка этой поэзіи останавливаетъ на себѣ *Ленау*, авторъ лирическихъ стихотвореній, «Фауста», нѣсколькихъ поэмъ, поэтъ, «элегическое настроеніе котораго имѣло источникомъ отчасти печальную молодость и горькія разочарованія, отчасти впечатлѣнія, навѣянныя природою Венгріи, его отечества, и поддерживалось странною, тревожною и вмѣстѣ съ тѣмъ мечтательно-безцѣльною жизнью; неодолимо привлекали его къ себѣ броженіе того времени съ его сомнѣніями, загадками и страстною борьбой, и въ то же время страдалъ онъ отъ сознанія, что не воскреснуть въ мірѣ дѣтской вѣрѣ, душевной тишинѣ, способности находить счастье въ мирной ограниченности желаній». Его поэма «Фаустъ —вопль самаго мрачнаго скептицизма того времени. Въ Польшѣ поэзія «міровой скорби» нашла себѣ яркихъ выразителей въ геніальномъ *Мицкевичѣ* и высокоталантливомъ *Словацкомъ*. Мицкевичъ есть вообще создатель романтизма въ польской поэзіи, доставившій ему полное и прочное право гражданства своимъ «Конрадомъ Валленродомъ». Но у него, какъ вообще у польскихъ поэтовъ, романтическій элементъ, за немногими исключеніями, стоялъ на почвѣ дѣйствительности и, по причинамъ политическимъ, тѣсно слился съ элементомъ національнымъ вообще и патріотическимъ спеціально. Въ Мицкевичѣ національность и патріотизмъ на фундаментѣ реальнаго, если можно такъ выразиться, романтизма, отлились въ такую художественную форму, которая ставитъ его наряду съ геніальнѣйшими поэтами; стоитъ назвать его «Пана Тадеуша». Но тѣ же политическія причины внесли въ его творчество большую долю «міровой скорби», а къ этому присоединились его натура, органически страдающая внутреннею разорванностью, и вліяніе Байрона, которому онъ долго подчинялся въ такой степени, что напр. Баратынскій во время пребыванія Мицкевича въ Петербургѣ) «застывая вдохно-



Викторъ Гюго.

великого Мицкевича у Байроновыхъ ногъ», приходилъ въ исступленіе и обращался къ этому «униженному поклонникуъ» съ воззваніемъ: «возстань, возстань и вспомни: самъ ты богъ!» Дѣйствительно въ первые періоды своей дѣятельности Мицкевичъ насквозь проникся духомъ поэзіи Байрона, его скептическою ироніею, его презрѣніемъ къ людямъ и сознаніемъ могучей силы, имѣющей источникъ въ волѣ человѣка; но байронизмъ, или, вѣрнѣе, романтическій байронизмъ, не сохранился въ Мицкевичѣ до конца его жизни: когда его глубокая религіозность перешла въ ультра-католическій мистицизмъ, разрывъ совершился. Въ третьей части «Дѣдовъ» (написанной въ 1832 г.) поэтъ намѣревался облечь польскій вопросъ въ форму фантастической драмы, въ родѣ «Фауста» Гете, «Манфреда» и «Каина» Байрона. «Но — замѣчаетъ Спасовичъ — глубокое различіе между Гете и Байрономъ съ одной стороны и Мицкевичемъ съ другой заключается въ томъ, что у первыхъ двухъ, разработывавшихъ тотъ же сюжетъ — идейную борьбу человѣка съ божествомъ, извѣрившійся или озлобленный умъ относится къ противнику скептически, между тѣмъ какъ Мицкевичъ стоитъ на строго-религіозной почвѣ несомнѣннаго существованія личнаго Бога и безсмертія души... Самъ Мицкевичъ признавалъ, что дѣйствіе поэтовъ, въ которомъ узникъ дѣлаетъ упрекъ Богу, было послѣднимъ напѣвомъ на него байроновскаго духа, послѣ чего онъ распрощался съ байронизмомъ навсегда». — Тѣ же черты, т. е. та же глубоко романтическая закваска съ горькимъ пессимизмомъ на патріотическомъ фундаментѣ, и такое же подчиненіе байронизму до перехода въ мистицизмъ, находимъ у Словацкаго, автора «Мазепы», «Беніовскаго», «Царя-Духа», «Ангелли», гдѣ специфическипольскій пессимизмъ поэта выразился съ наибольшею яркостью, и въ нѣсколькихъ другихъ произведеніяхъ; это тоже первоклассный талантъ, если и уступающій Мицкевичу, по законченности художественной обработки, то очень сильный въ своей непосредственности и дѣлающій автора однимъ изъ крупнѣйшихъ звѣздъ польской поэзіи того времени. — Во Франціи баярнистами, отчасти по подражанію, отчасти по внутреннему родству съ этимъ вѣяніемъ, явились (мы цитируемъ только самыхъ типичныхъ) *Ламартинъ*, *Шарль Нодье*, *Альфредъ де-Виньи* и главнымъ образомъ *Альфредъ Мюссе*. Нѣсколько этого вѣянія — и притомъ уже до Байрона — мы видѣли въ произведеніяхъ Шатобріана; между его свѣтилами и сподвижниками на этомъ пути намъ слѣдовало назвать еще же *Сенанкура* съ его «Оберманомъ», герои которыхъ тѣмъ не менѣе рѣзкаго внутренняго раз[illegible] и Шатобріановскій Рене, настоящій «невратенъ», [illegible] нынѣшній термінъ, и *Бенжамена Констана* съ его «Адольфомъ», тѣ же больные въ [illegible] формѣ. Ламартинъ болѣе шатобріанистъ, чѣмъ [illegible] въ первое время своей дѣятельности поклонялся Байрону, котораго прославилъ въ особомъ большомъ стихотвореніи «Вугон» и въ «Послѣдней пѣснѣ странствованій Чайльдъ-Гарольда»; но, какъ его личная натура, такъ и характеръ его поэтическаго творчества были чужды разъѣдающему и отрицающему скептицизму, и та «міровая скорбь», которую онъ носилъ въ душѣ, по крайней мѣрѣ, въ первомъ періодѣ своей дѣятельности, сильно отзывалась тою сентиментальною, почти слащавою религіозностью, а затѣмъ и своего рода мистичностью, которыя вообще составляютъ одно изъ самыхъ отличительныхъ свойствъ его поэзіи; такъ что если онъ находится въ близкомъ родствѣ съ Шатобріаномъ, то съ авторомъ не «Рене», а «Генія христіанства» и «Мучениковъ».—Шарль Нодье, вообще писатель очень талантливый, никогда не былъ пессимистомъ и скептикомъ самостоятельнымъ; «на него — какъ образно и мѣтко замѣчаетъ Н. Д. Боборыкинъ (въ своей книгѣ «Европейскій романъ XIX ст.»), *отливали* и Гете, и Сенанкуръ, и Байронъ». Романы его первой молодости навѣяны прямо «Вертеромъ» и нѣмецкими мотивами «бури и натиска»; прогремѣвшій когда-то его романъ «Сбогаръ» — перепѣвъ героевъ байроновскихъ поэмъ; въ другомъ романѣ «Адель» онъ повторяетъ мотивы Сенанкуровскаго героя.—Гораздо болѣе самостоятельною, вполнѣ органическою является «міровая скорбь» у А. Виньи, одного изъ самыхъ выдающихся поэтовъ Франціи, высказавшаго свое безотрадное profession de foi главнымъ образомъ въ трагедіи «Чаттертонъ». Это душа, страдавшая постоянно неизлѣчимой горечью своего философскаго и поэтическаго пессимизма; это «вѣчный и искренній страдалецъ, съ одной стороны — глубоко-убѣжденный пессимистъ относительно возможности достигнуть на землѣ счастья, съ другой — столь же твердо вѣрующій въ несокрушимую силу человѣческаго духа, въ способность человѣка всецѣло отдаваться чувству и идеалу и молча, съ достоинствомъ сносить страданія...» — Но самое высшее выраженіе «міровая скорбь», со всѣми ея специфическими оттѣнками, только въ иной переработкѣ, находитъ себѣ въ эту пору, во Франціи, въ поэзіи Альфреда Мюссе. Онъ — воспитанникъ Шатобріана и Байрона; брошенныя ими сѣмена упали въ его душѣ на весьма благодарную, приготовленную уже самой натурой его, почву. Въ нихъ онъ чтилъ носителей именно этого больного настроенія вѣка. «Подобно азіатской чумѣ, выдыхаемой парами Ганга — писалъ Мюссе по поводу Шатобріановскаго «Рене» — страшное отчаяніе шло быстрыми и большими шагами по всей землѣ. Уже Шатобріанъ, царь поэзіи, окутавъ ужасный идолъ плащемъ пилигрима, поставилъ его на мраморномъ алтарѣ среди благоуханій и священныхъ курсній...» И если Рене — несомнѣнный прототипъ байроновскихъ Чайльдъ-Гарольдовъ, Корсаровъ, Ларръ, то Ролла Мюссе, его Октавъ, въ сильной степени и онъ самъ — несомнѣнные потомки ихъ.

Жоржъ Зандъ.

Само собой разумѣется, что всѣ эти поэты «міровой скорби» были вмѣстѣ съ тѣмъ и романтиками,—принимая романтизмъ

въ общемъ смыслѣ. Но они, вмѣстѣ съ другими своими единомышленниками, были, особенно въ началѣ своей дѣятельности, и романтиками—теоретиками, они практиковали во Франціи романтизмъ, какъ извѣстную систему, построенную на извѣстномъ фундаментѣ, обставленномъ извѣстными принципами и правилами, они образовали цѣлую школу, которая носитъ названіе романтической и которая въ исторіи литературнаго движенія Франціи въ XIX в. сыграла очень важную роль. Исторія этой школы въ первое время ея существованія есть исторія войны новыхъ литературныхъ вѣяній съ старыми, «академическими», на ненарушимость которыхъ не смѣла посягать до тѣхъ поръ даже въ самой слабой степени ничья рука; это было полное повтореніе нѣмецкаго періода «бури и натиска»—повтореніе съ многими чисто національными видоизмѣненіями, но совершенно аналогическое по сути, основнымъ принципамъ, пылу сражающихся въ новомъ лагерѣ. Война была прежде всего объявлена всякимъ правиламъ, всякимъ стѣсненіямъ въ области поэзіи; французы такимъ образомъ только теперь взялись за ту работу, которая уже давно была сдѣлана въ другихъ странахъ, особенно въ Германіи. Раздались уже знакомые намъ боевые кличи: «Ударимъ молоткомъ въ теоріи, въ условные законы поэтическаго творчества, въ системы! Долой эти старые подмостки, маскирующіе собой фасадъ искусства! Нѣтъ больше ни правилъ, ни образцовъ!» У критики отымалось всякое право «спрашивать отчетъ у фантазіи поэта», для искусства признавалась полная безполезность всякихъ «помочей, наручниковъ, мягкихъ подстилокъ», отвергалось существованіе какихъ бы то ни было «запретныхъ плодовъ въ великомъ саду поэзіи», гордо выставляется принципъ, что «пространство и время принадлежатъ поэту, и онъ имѣетъ полное право, полную свободу идти, куда хочетъ, дѣлать, что ему угодно». На знамена своемъ эти литературные революціонеры, бывшіе, какъ и нѣмецкіе «штюрмеры и дренгеры», духовными потомками Руссо, написали два слова «натура и правда»; идеаломъ ихъ сдѣлалось искусство, въ противоположность тѣмъ чисто денежнымъ, узкоутилитарнымъ интересамъ, которымъ служила стоявшая во главѣ общества буржуазія. Это была «пламенная, блестящая молодежь, поклонявшая страстности и пурпурно яркимъ краскамъ», и такова же была и создававшаяся ими литература. «Всѣ условія—говоритъ Брандесъ—соединились къ тому, чтобы насильственно вовлечь поэтическія и художническія побужденія молодыхъ неспокойныхъ умовъ въ романтическую мечтательность, въ пылкое презрѣніе къ общественному мнѣнію, въ обоготвореніе не стѣсняющейся никакими законами страсти и необузданной геніальности». Начало ихъ дѣятельности—двадцатые годы. Они выступили на сцену послѣ переворотовъ революціи, войнъ имперіи и общаго истощенія въ царствованіе Людовика XVIII; они—по характеристикѣ одного изъ самыхъ крупныхъ между ними, Альфреда Мюссе—«были каплями жгучей крови, наводнившей землю; они были рождены въ нѣдрахъ войны для войны... Въ головѣ у нихъ заключался цѣлый міръ; они смотрѣли на небо, на землю, на улицы, дороги—все это было пусто... Три элемента раздѣляли на части жизнь, которая въ ту пору представлялась молодымъ людямъ: *позади* ихъ прошедшее, навсегда разрушенное, еще шевелящееся на его развалинахъ, со всѣми ископаемыми вѣковъ абсолютизма; *впереди* ихъ заря на безпредѣльномъ горизонтѣ, первые просвѣты будущаго; и *между* этими двумя мірами—нѣчто подобное океану, отдѣляющему старый материкъ отъ новой Америки, что-то смутно очерченное и пловучее, волнующееся море и полное кораблекрушеніе»... Для этого новаго молодого поколѣнія, все, окружавшее его въ современномъ мірѣ вообще, и въ мірѣ Франціи—особенно, представлялось непоэтическимъ, утилитарнымъ, лишеннымъ всякой геніальности; «они хотѣли, чтобъ эта современность видѣла, какъ они презираютъ ее, и повернулись къ ней спиной для того, чтобы какъ возможно явственнѣе и настойчивѣе выказывать свое поклоненіе генію и ненависть ко всякимъ правиламъ, монотонности и мѣщанству».—«Въ эти годы—говоритъ одинъ изъ нихъ въ своихъ воспоминаніяхъ о той порѣ—была разлита повсюду священная литературная весна, вѣяніе которой до сихъ поръ еще доносится до насъ сквозь созданныя ею творенія. Рвеніе къ искусству сожигало всѣ души, поэзія была въ воздухѣ, идеями увлекались такъ страстно, какъ любовницами. Со всѣхъ сторонъ пробивались новые источники, неофиты свободнаго искусства кидались въ иностранныя литературы, какъ товарищи Колумба въ дѣвственные лѣса Америки, молодежь зачитывалась опальными до тѣхъ поръ во Франціи Шекспиромъ и В. Скоттомъ, Байроновскими поэмами, Гетевскимъ «Вертеромъ», Гофмановскими «фантазіями»; живописцы и скульпторы братались съ поэтами»... Нѣкоторые изъ этихъ бойцовъ уже названы нами; товарищами ихъ, собиравшимися одни позже, другіе раньше подъ новымъ знаменемъ, были такіе писатели, какъ С. Бевъ, Теофиль Готье, Бальзакъ (въ началѣ его дѣятельности), Ж. Сандъ,—и на первомъ планѣ—*Викторъ Гюго*; его они выбрали своимъ главою, вокругъ него сгруппировались они, какъ вокругъ блестящаго центра.

Бальзакъ.

Гуцковъ.

VI.

В. Гюго—писатель съ первоклассным талантомъ, достигающимъ иногда такихъ вершинъ, на которыя подымались только міровые поэты. Сущность этого дарованія, его органическая натура—романтизмъ въ разнообразнѣйшихъ особенностяхъ и проявленіяхъ его, и вотъ почему новая французская школа провозгласила его своимъ верховнымъ повелителемъ и руководителемъ. Приведенные выше боевые кличи принадлежатъ ему; ими (да еще многими другими имъ подобными) онъ объявилъ войну старому направленію въ литературѣ и искусствѣ, уже первыми стихотвореніями своими произвелъ расколъ во французской литературѣ, а появленіе 2-го тома «Одъ и балладъ» въ 1826 г., затѣмъ—знаменитый «манифестъ» въ формѣ предисловія къ трагедіи «Кромвель», и наконецъ—первое представленіе «Эрнани», эта крайне любопытная страница въ исторіи не только французской литературы, но и французской культуры, довершили остальное. Восторженное, доходившее даже до идолопоклонства, сочувствіе, которое питало къ нему большинство этой школы, а впослѣдствіи и большинство французскаго

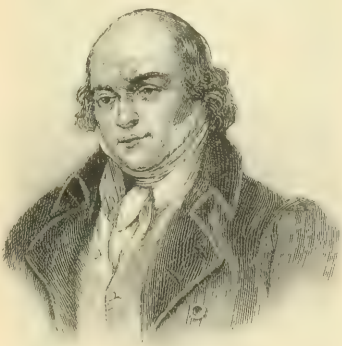
общества, его самодержавное положеніе во французской литературѣ съ первыхъ дней его вступленія въ нее до конца его жизни, имѣли источникомъ, какъ это было и съ Байрономъ и съ Гете, обаяніе его личности, личности дѣйствительно необычайной по своей нравственной силѣ, и то обстоятельство, что поколѣніе, во главѣ котораго онъ сталъ, находило въ немъ полное выраженіе всего, что волновало и къ чему стремились эти молодыя души: наконецъ—его громадное дарованіе, какъ поэта. Охарактеризовать Гюго, какъ представителя романтическаго направленія во Франціи, значитъ охарактеризовать и всѣ оттѣнки этого направленія. Гюго — романтикъ до мозга костей, сложившійся въ существенныхъ чертахъ своего творчества уже съ первыхъ шаговъ его и оставшійся такимъ же съ нѣкоторыми только видоизмѣненіями навсегда; этимъ творчествомъ онъ отвѣчалъ на всѣ запросы своего поколѣнія. Въ немъ, и чередуясь послѣдовательно, и сливаясь разнообразными элементами въ одно, облекаются въ болѣе или менѣе художественную форму (при многихъ крайностяхъ, даже безобразіяхъ), и сочувственное обращеніе къ среднимъ вѣкамъ (собственно къ средневѣковому искусству), и мрачная таинственность байроновскихъ героевъ, и взрывы «міровой скорби», и чувство гражданина, проникнутаго скорбью и негодованіемъ при видѣ окружающаго зла, но твердо вѣрующаго въ побѣду его добромъ, и гуманное начало въ самомъ широкомъ, безграничномъ его проявленіи, заставлявшее его отзываться на всякую человѣческую скорбь, всякое человѣческое страданіе, въ какой бы сферѣ—личной, политической, соціальной — онъ ни находилъ ихъ. Форма, въ которой выражается все это, несомнѣнно романическая: фундаментъ во всемъ—реалистическій, по крайней мѣрѣ построенный на стремленіи къ реализму, и въ этомъ соединеніи двухъ повидимому совершенно противоположныхъ элементовъ—одна изъ сторонъ новаторства Гюго; онъ вноситъ во французскую поэзію новую струю, которой было суждено съ теченіемъ времени обратиться въ широкое теченіе и сказываться чуть ли не во всѣхъ позднѣйшихъ выдающихся произведеніяхъ этой литературы: не даромъ Флоберъ зачитывался Викторомъ Гюго и считалъ его своимъ первымъ и вліятельнѣйшимъ учителемъ. «Безпредѣльнымъ было и остается до сихъ поръ—писалъ одинъ авторитетный критикъ скоро послѣ смерти автора «Мизераблей»—вліяніе Гюго на французскую литературу. Всѣ, держащіе въ настоящее время перо въ рукахъ, прозаики и поэты, журналисты и драматическіе писатели, болѣе или менѣе исходятъ отъ него». Главную роль въ этомъ случаѣ сыгралъ созданный имъ стиль, въ которомъ ясно выразилось его поклоненіе искусству, т. е. то, чему, какъ уже замѣчено выше, служила вся школа, которой онъ былъ представителемъ и выразителемъ, и что тоже представляло собою новое историко-литературное явленіе: «величіе мысли—завѣщалъ онъ своимъ ученикамъ и послѣдователямъ находится въ тѣсной связи съ чистотою формы, и эта чистота есть гарантія прочнаго существованія произведенія». Путь, открытый въ этомъ отношеніи Шатобріаномъ, былъ блистательно разработанъ Гюго: элементъ художественнаго творчества побѣдоносно проникъ въ литературу.

Изъ нѣдръ французской романической школы вышли еще два писателя, имѣвшіе тоже огромное вліяніе на современное и послѣдующія литературныя поколѣнія, создавшіе два опредѣленныхъ «теченія» во французской литературѣ,—теченія, которыя проникли и въ другія страны Европы. Это *Жоржъ Зандъ* и *Бальзакъ*, олицетворяющіе художественнаго идеализма съ одной стороны и художественнаго реализма съ другой. Ростно между этими двумя, вѣчно существующими въ человѣческомъ родѣ и повидимому совершенно противоположными, направленіями какъ теперь лучше опредѣлили, по отношенію къ данному времени, только что названные два писателя во взаимномъ ихъ бесѣдѣ. «Вы говорили Бальзакъ Жоржу Зандуѣ — вы человѣкъ такимъ, какимъ ему слѣдовало бы быть; я его беру такимъ, какимъ онъ есть. Вглядите мнѣ, мы оба правы. Обѣ эти борьбы ведутъ къ одной цѣли. Я люблю исключительныя существа, семьи такое существо. Впрочемъ, они мнѣ и нужны для того, чтобы рельефнѣе выставлять мои существа вообще, les êtres vulgaires». Но эти повседневныя существа интересуютъ меня больше, чѣмъ васъ; я ихъ увеличиваю въ размѣрѣ, я ихъ идеализирую обратно — въ ихъ безобразіи или ихъ глупости. Я даю ихъ уродливымъ размѣры ужасающіе или гротескные. *Вы* не умѣли бы это дѣлать; вы хорошо поступаете, не желая смотрѣть на вещи и личности, отъ которыхъ у васъ дѣлался бы кошмаръ. Идеализируйте въ сторону красиваго и прекраснаго (dans le jolі et le beau); это работа женщины»... А Ж. Зандъ говорила Бальзаку: «Вы творите Человѣческую Комедію (знаменитое его произведеніе подъ этимъ заглавіемъ), мнѣ хотѣлось бы создать Человѣческую Эпопею, Эклогу». Сущность того, что пришло—и до сихъ поръ отчасти сохраняетъ—парицательное названіе «зандизма», что пустило не только въ литературу, но и въ общественную жизнь корни если не столь глубокіе и широкіе, какъ корни байронизма, но все-таки очень значительные — сущность этого зандизма выразилась въ самыхъ первыхъ произведеніяхъ его создателя. Въ «Леліи»—всѣ основныя черты его: идеализмъ и скептицизмъ, внутренній разладъ въ его дикомъ, хаотическомъ броженіи, протестъ противъ того, что идетъ въ разрѣзъ съ искомой *истиной*, работа ума и чувства надъ общественными, политическими, соціальными вопросами — между которыми на первомъ планѣ судьба современной женщины вообще и въ бракѣ преимущественно. «Индіана», «Валентина», «Жакъ», «Мопра» и др. все шире и энергичнѣе разрабатываютъ эту послѣднюю тему, внося такимъ образомъ не только во французскую, но и въ европейскую беллетристику элементъ, дотолѣ ей чуждый, если не считать предшественницу—но въ иной формѣ—Ж. Зандъ на этомъ пути, мадамъ Сталь. Затѣмъ геніальная писательница углубляется въ вопросы религіи и искусства, и свои воззрѣнія въ этомъ отношеніи, воззрѣнія, въ сильной степени проникнутыя метафизикой и символизмомъ, проводитъ въ «Consuelo», «Sept cordes de la lyre» и др. Почти въ это же самое время выходятъ изъ-подъ ея пера произведенія, уже исключительно посвященныя вопросамъ политическимъ и соціальнымъ (Le meunier d' Angibault, Le péché de M. Antoine и др.) вопросамъ о бракѣ, общественныхъ отношеніяхъ, равноправности низшихъ классовъ, и т. п. Все это обнимаетъ пору до знаменательнаго 1848 г., послѣ котораго, сообразно измѣненію всего порядка вещей во Франціи, происходитъ радикальное измѣненіе и въ творчествѣ нашей писательницы. Ж. Зандъ испытала горькое разочарованіе. Ни люди, ни вещи не оказались такими, какими она надѣялась ихъ видѣть; она отвернулась отъ современныхъ событій, ушла въ природу, въ деревню, и стала писать свои сельскіе романы, перенеся такимъ образомъ свой идеалъ въ другую среду и, благодаря высокой художественности этихъ произведеній, сдѣлавъ драгоцѣнный вкладъ и въ эту область литературы, можетъ быть даже положивъ ей основаніе... Какъ ни разнообразны однако «жанры» въ писательствѣ геніальной женщины, ихъ коренная сущность всюду одна и та же: обращеніе къ *современному* обществу, психологическое, физіологическое и соціологическое изученіе его; ихъ общій характеръ—соціально-психологическій, и въ этомъ заключается великое новаторство Ж. Зандъ въ области романа; ея великая новаторская заслуга и въ томъ, что она, вмѣстѣ съ В. Гюго, ввела въ литературу тотъ высокогуманный элементъ, который, выражаясь въ глубокомъ сочувствіи ко всему страждущему, угнетенному, укрѣпился съ тѣхъ поръ навсегда и сдѣлался однимъ изъ господствующихъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Упроченію ея господства здѣсь не только въ пору появленія этихъ романовъ, т. е. когда въ нихъ отражалась животрепещущая «злоба дня», но и на долгое время впередъ этому упроченію способствовало то, безъ чего всякое произведеніе искусства имѣетъ или относительное значеніе, или преходящую цѣнность — художественность, исключавшая узкую тенденціозность, въ которую автору легко было впасть, и нашедшая себѣ выраженіе (какъ мы видѣли это уже у другихъ писателей) въ Ж. Зандовскомъ стилѣ, о которомъ такъ отзывался Теккерей: «Ея стиль благороденъ, прекрасенъ, богатъ, чистъ, цѣломудренъ, ея фантазія роскошна, ея періоды въ высшей степени мелодичны, полны, кратки, меланхоличны»... Но романъ Ж. Зандъ былъ слишкомъ идейный: стоя на почвѣ дѣйствительности, имѣя дѣло даже съ людьми

и порядкомъ вещей современности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ идеализировалъ эту дѣйствительность, явился съ этой точки зрѣнія романомъ не столько настоящаго, сколько утопическаго будущаго, и вполнѣ соотвѣтствовавшимъ принципу автора, что «искусство не есть изученіе дѣйствительности, а стремленіе къ идеалу» Но дѣйствительность, и по собственному ходу вещей, и благодаря политическому и соціальному строю того времени почти во всей Европѣ, все громче и громче заявляла свои права — и противовѣсомъ «жоржъ-сандизму» явился «бальзакизмъ» въ лицѣ автора «Человѣческой Комедіи». Бальзакъ, несмотря на постоянное присутствіе въ немъ элементовъ того романтизма, въ нѣдрахъ котораго зародилось его творчество, несмотря на его склонность къ чудесному, даже на нѣкотораго рода мистицизмъ, доставилъ полное право гражданства тому направленію въ литературѣ, которому одинъ изъ талантливыхъ представителей его (Шанфлери) далъ удержавшееся за нимъ съ тѣхъ поръ названіе «реализма». Мы говоримъ «доставилъ полное право гражданства» потому, что признавать Бальзака собственно творцомъ реализма, понимая этотъ послѣдній, какъ объективное, только прошедшее сквозь горнило художественной обработки, изображеніе дѣйствительности ошибочно. Его предшественники въ Англіи уже въ XVIII в.—Дефоэ, Фильдингъ, Смолеттъ; во Франціи — Лесажъ съ «Жиль Блазомъ», Мариво съ «Le paysan parvenu», Рестифъ де-ла Бретонъ, писатель почти совсѣмъ забытый, но котораго французская критика признала однимъ изъ несомнѣнныхъ иниціаторовъ, «документальнаго» реализма, т. е. именно реализма Бальзака, который — по замѣчанію Тена — «послѣ Шекспира доставилъ самое большое собраніе документовъ по человѣческой природѣ». Но это реалистическое теченіе было запружено другими противоположными, Бальзакъ прорвалъ плотину—и оно хлынуло широкою рѣкой. «Романъ въ лицѣ Бальзака (котораго П. Д. Боборыкинъ хорошо характеризуетъ, какъ «атлета новаго романа»)—впервые съ такой полнотой и такимъ разнообразіемъ вобралъ въ себя и частную, и общественно-политическую жизнь; и столичный бытъ, и бытъ провинціальный, вмѣстѣ съ деревенскими нравами, аристократіею, высшій финансовый міръ, торгово-промышленный, администрацію, армію, судебное вѣдомство, прессу и театръ, крестьянъ и пролетаріевъ, неудачниковъ и отщепенцевъ всякаго рода, и даже бандитовъ, перевернулъ до самаго дна все, что только культура и цивилизація даннаго періода имѣли самаго яркаго и самаго низменнаго, и подонки, и средніе слои, которые имъ были изучены, какъ никѣмъ до второй трети XIX вѣка».—До какой степени было сильно вліяніе Бальзака и Ж. Занда на послѣдующую французскую (а можетъ быть, и не одну французскую) беллетристику, можно судить уже по сознанію Эмиля Зола, что эти два писателя — единственныя двѣ фигуры, мощно выдѣляющіяся на порогѣ нынѣшняго столѣтія, по правую и по лѣвую сторону того широкаго пути романа, по которому послѣдовала толпа писателей за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.

Шпильгагенъ

Почва, на которой возникъ и развился этотъ новый романъ, была, независимо отъ его чисто-художественнаго источника, почва историческая: толчокъ къ его возникновенію и развитію дала во Франціи и, какъ увидимъ, въ другихъ странахъ, іюльская революція съ ея извѣстными послѣдствіями до не менѣе знаменательнаго, тѣмъ 1830-й годъ — 1848-годъ. Отъ этого романъ и вообще поэзія этого періода (захватывая и часть послѣдующаго времени) приняли болѣе или менѣе соціальную, въ соединеніи съ политической, окраску. Не выходя изъ Франціи, мы находимъ двухъ главныхъ представителей этого теченія въ тѣхъ же самихъ Бальзакѣ и Ж. Зандѣ, особенно въ этой послѣдней. Ея соціальные, собственно даже соціалистическіе романы суть ничто иное, какъ облеченныя въ художественную форму теоріи Ламэ, Кабе, Пьера Леру; въ такихъ романахъ, какъ «Les compagnons du Tour de France», «Le meunier d' Angibault» и др. эти ученія находили себѣ самое могущественное средство проникновенія въ массы. Гораздо позже, по подъ вліяніемъ все того же толчка тридцатыхъ годовъ, великолѣпный образецъ соціальнаго романа былъ данъ Викторомъ Гюго въ его «Misérables», тенденцію котораго авторъ опредѣлительно указалъ уже во вступленіи къ нему словами: «До тѣхъ поръ, пока то соціальное прокаженіе, которое искусно устраиваетъ для людей адъ при полномъ расцвѣтѣ цивилизаціи, будетъ поддерживаться существующими законами и обычаями; до тѣхъ поръ, пока три проблемы нашего вѣка — изуродованіе человѣка пролетаріатомъ, паденіе женщины вслѣдствіе голода и атрофированіе ребенка общественнымъ мракомъ, не будутъ разрѣшены; до тѣхъ поръ, пока въ нѣкоторыхъ сферахъ не уничтожится возможность соціальной асфиксіи; другими словами, и говоря съ точки зрѣнія болѣе обширной, до тѣхъ поръ, пока на свѣтѣ не перестанутъ существовать невѣжество и нищета — книги въ родѣ этой не будутъ безполезны». Соціальная струя явственно пробивалась у Гюго уже задолго до появленія «Мизераблей», уже почти въ началѣ его литературной дѣятельности, она лежитъ въ основаніи такихъ первыхъ его произведеній, какъ «Послѣдній день приговореннаго къ смерти» и «Клодъ Ге»; она проходитъ и по его трагедіямъ «Эрнани», «Рюи-Блазъ», «Маріонъ Делормъ»; въ «Мизерабляхъ», этомъ реалистическо романтическомъ апоѳеозѣ нравственной чистоты и нравственнаго величія, побѣждающихъ свою нравственность вслѣдствіе соціальныхъ условій, это зданіе увѣнчивается самымъ грандіознымъ образомъ. Въ области французскаго соціальнаго романа второй половины девятнадцатаго вѣка нельзя не отмѣтить и *Эженя Сю*, который, при нѣсколько «бульварномъ», мелодраматическомъ характерѣ своихъ романовъ «Вѣчный Жидъ», «Парижскія Тайны», «Мартинъ-Найденышъ», поставилъ себѣ задачею изображеніе, во всей ихъ наготѣ, тѣхъ общественныхъ золъ, причина которыхъ кроется въ неудовлетворительности или уродствѣ извѣстныхъ сторонъ общественнаго строя.

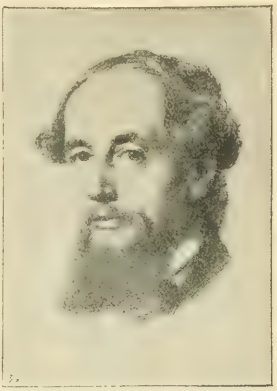


Беранже.

VII.

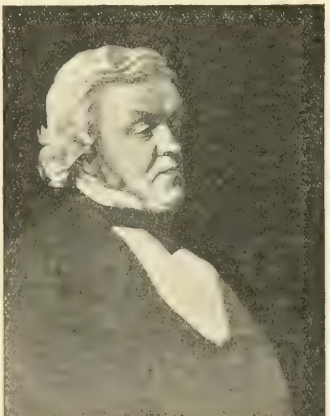
Движеніе, вызванное въ литературѣ іюльскою революціею и связанными съ нею послѣдующими событіями, нашло себѣ особенно сильное отраженіе въ Германіи, и именно въ томъ кружкѣ писателей, который извѣстенъ подъ названіемъ «Молодой Германіи» и главными дѣятелями котораго были *Лаубе*, *Гуцкоу* и *Мундтъ*. Исторія Молодой Германіи есть имѣетъ съ тѣмъ существенная составляетъ часть нѣмецкой политической національной исторіи: она выступила на борьбу съ отжившимъ міровоззрѣніемъ прошедшаго, основными мотивами ея дѣятельности были мотивы соціальные и политическіе, и потому ихъ литературная работа (въ формѣ теоретическихъ, по эстетикѣ и т. п., разсужденій, романовъ, очерковъ, въ

фельетонной формѣ, драматическихъ произведеній, публицистическихъ статей) приняла исключительно политически-соціальный характеръ. Въ вожди она себѣ избрала Гейне и Берне — Гейне, не какъ художника, тѣмъ менѣе представителя чистой поэзіи (къ которой «молодые германцы» относились съ пренебреженіемъ), а какъ писателя политическаго, каковымъ онъ сдѣлался послѣ іюльской революціи; Берне — какъ автора знаменитыхъ «Парижскихъ писемъ», публициста въ самомъ полномъ значеніи этого слова, который, по его собственнымъ словамъ, писалъ «не чернилами и словами, какъ пишутъ другіе», а «кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ» и называлъ себя «мухою, жужжащею нѣмецкому народу въ уши и кусающею его въ лицо», потому что нѣмецкій народъ «спитъ, и надо разбудить его». Собственно въ изящной литературѣ убѣжденія и стремленія «молодыхъ германцевъ» выразились въ формѣ романа и драмы: какъ самыя характеристическія явленія въ этихъ областяхъ слѣдуетъ отмѣтить: Мундта «Мадонну», въ которой проводится цѣлая теорія, такъ-называемой, «эманципаціи плоти» или свободной чувственности, выражавшейся въ оппозиціи противъ брака, который признавали «смертью божественнаго упоенія жизнью и наслажденія ею»; Лаубе — романы «Новое Столѣтіе», въ которомъ авторъ доходитъ до крайней степени политическаго радикализма, и «Молодая Европа», гдѣ семь молодыхъ людей прилагаютъ на практикѣ преобразовательныя идеи той поры: Гуцкова, самой сильной умственной личности между представителями этого новаго движенія — романъ «Валли», героиня котораго, по замѣчанію самого автора, есть «Ж.-Зандовская Лелія въ нѣмецкомъ платьѣ», романъ (уже гораздо позднѣе) «Рыцари Духа», въ которомъ съ далеко не лишенною художественности тенденціозною силою изображено то состояніе, то настроеніе, въ которомъ находилась либеральная молодежь Германіи незадолго до 1848 г., романъ «Римскій Колдунъ», являющійся картиною борьбы между свободомысліемъ молодого нѣмецкаго духа и гнетомъ римской церкви, и драму «Уріель Акоста», гдѣ основная тема, какъ и въ «Римскомъ Колдунѣ», борьба свободнаго мышленія съ неподвижнымъ догматизмомъ католической церкви, освобожденіе человѣческаго духа отъ оковъ рутины, традиціонныхъ предразсудковъ и т. п. — и все это (отчасти по цензурнымъ условіямъ того времени) въ видѣ драматическаго столкновенія между Уріелемъ Акостою, еврейскимъ философомъ XVII в. и еврейскою синагогой. «Молодая Германія», какъ нѣчто организованное, какъ кружокъ съ опредѣленными цѣлями и стремленіями сошла со сцены послѣ 1848 г., но духъ ея продолжалъ жить въ нѣмецкой литературѣ, и самымъ крупнымъ по таланту, какъ и самымъ вліятельнымъ дѣятелемъ въ области того же тенденціознаго, соціально-демократическаго романа явился мыслитель-современникъ Гуцкова — *Шпильгагенъ*. Его «Проблематическія Натуры», «Изъ праха къ свѣту» и «In Reih und Glied» (въ русскомъ переводѣ «Одинъ въ полѣ не воинъ») составили своего рода эпоху не только въ нѣмецкой, но и въ европейской, особенно русской беллетристикѣ: герои этихъ романовъ — борцы за соціально-демократическія идеи и стремленія, волнующіяся въ стѣсненномъ съ окружающею ихъ дѣйствительностью, потребовали вслѣдствіе того, что они, при возвышенномъ направленіи своего міровоззрѣнія, оказываются на практикѣ такими же неудачниками, такими же «лишними людьми», какихъ нашелъ въ Россіи Тургеневъ въ своемъ «Рудинѣ»; они почти всѣ изъ тѣхъ натуръ, которыя, по словамъ Гёте (взятымъ Шпильгагеномъ въ эпиграфѣ своихъ «Проблематическихъ Натуръ»), «keiner Lage gewachsen sind, in der sie sich befinden, und denen keine genug thut»; отсюда, замѣчаетъ Гёте «происходитъ громадный внутренній разладъ (Widerstreit), губящій жизнь, не доставляя наслажденія»; и жертвами этого разлада падаютъ такіе люди, какъ Шпильгагенскіе Штейнъ, Гутманъ и др. Такимъ образомъ, при несомнѣнной тенденціозности относящихся къ *этой* категоріи романовъ Шпильгагена (а ими, главнымъ образомъ, опредѣляется его выдающееся положеніе въ новой беллетристикѣ), они стоятъ и на этическо-психологической почвѣ, отличаясь въ то же время и такими чисто художественными достоинствами, которыхъ не могутъ стушевать крупные недостатки, обусловленные, какъ и во всѣхъ произведеніяхъ этого рода, положенною въ ихъ основаніе опредѣленною тенденціею. «Романъ шпильгагенскаго типа, весьма знаменателенъ въ исторіи развитія повѣствовательной беллетристики XIX в., какъ очень сложный и доказательный документъ; тутъ происходитъ въ творческой работѣ талантливаго, наблюдательнаго и чрезвычайно хорошо подготовленнаго писателя борьба между задачами истинно художественными и публицистическими».



Диккенсъ

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ видно, что главною литературною формой, въ которой выразилось соціальное и политическое движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, былъ романъ, вообще повѣствовательная беллетристика. Но оно, само собой разумѣется, не могло пройти безслѣдно и для поэзіи. Та область ея, въ которой поэтъ отодвигаетъ художественное достоинство на второй, иногда и на совсѣмъ задній, планъ, и весь отдается только «злобѣ дня», слѣдовательно поэзія чисто тенденціозная, нашла себѣ въ эту пору въ разныхъ странахъ нѣсколькихъ выдающихся представителей, изъ которыхъ иные, помимо, можетъ-быть, своей воли, сумѣли оставаться по временамъ и истинными поэтами вообще, будучи по содержанію своихъ стихотвореній поэтами исключительно политическими и соціальными. Во Франціи политическія пѣсни запѣлъ уже гораздо раньше сверстникъ старшихъ романтиковъ, по родственный съ романтизмомъ только по задушевности и сердечности своихъ изліяній — *Беранже*. Сфера его творчества, никогда не достигающаго истинно поэтическихъ высотъ (онъ самъ называлъ себя «un bon petit poète»), далеко не ограничивается политикой, охватывая многообразные интересы низшаго сословія и трактуя ихъ съ чисто народной точки зрѣнія; но какъ поэтъ политическій, съ видимымъ добродушіемъ, на самомъ же дѣлѣ съ глубокимъ сарказмомъ клеймившій темныя и смѣшныя стороны сперва реставраціи, потомъ «мѣщанской монархіи» Людовика-Филиппа, Беранже занимаетъ весьма почетное мѣсто, тѣмъ болѣе, что его стихъ отличается безукоризненною, чисто классическою простотою и граціею формы, иногда обаятельно дѣйствующею на читателя. — Выше Беранже стоитъ, по силѣ дарованія, другой политическій поэтъ, *Барбье*, сатира котораго — ибо онъ сатирикъ по преимуществу, — безпощадно обрушивалась на явленія, вызванныя во Франціи іюльскою революціею, потомъ на coup d'etat Наполеона III и на многое другое, вызывавшее глубокое негодованіе поэта и заклейменное главнымъ образомъ въ его «Ямбахъ», вышедшихъ въ 1831 г. и долго пользовавшихся огромною популярностью. — Наконецъ, въ той

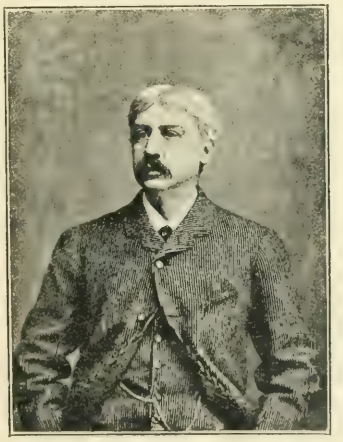


Теккерей.

же области мы встрѣчаемся опять съ В. Гюго, который явился политическимъ поэтомъ уже въ своихъ первыхъ произведеніяхъ «Odes et Ballades» и затѣмъ проводилъ свои политическія убѣжденія (нѣсколько разъ, впрочемъ, мѣнявшіяся) до самой смерти въ такихъ сборникахъ, какъ «Chatiments» — жестокая сатира на Наполеона III, «Légende des Siècles», «Quatre vents de l'esprit» и др. — Въ Германіи звуки политической поэзіи раздались уже во время войнъ за освобожденіе, въ стихахъ *Кернера*, *Арндта*, *Рюккерта*; послѣ тридцатаго года, въ теченіе почти двухъ десятилѣтій, почти всѣ выдающіяся поэтическія дарованія Германіи пробовали свои силы на этомъ поприщѣ. Кромѣ Гейне, множество сатирическихъ произведеній котораго относятся именно къ этому времени, особенное значеніе имѣютъ *Гервегъ* и *Фрейлигратъ*. Поэзія перваго, автора знаменитыхъ «Gedichte eines Lebendigen», имѣвшихъ громадное вліяніе на современную молодежь и отличающихся (особенно первый сборникъ, появившійся въ 1841 г.) крайне бурнымъ тономъ, была, по опредѣленію современнаго критика, «возвеличеніемъ неустанной энергіи, мужественнаго самосознанія: она съ увлекательною опредѣлительностью выражала современное настроеніе, современную умственную атмосферу... Грядущихъ событій никто не опредѣлилъ такъ ясно и отчетливо, какъ Гервегъ; никто не рисовалъ такими вѣрными чертами того, что чрезъ нѣсколько времени дѣйствительно совершилось». Фрейлигратъ, вообще одинъ изъ очень талантливыхъ поэтовъ, былъ сперва совершенно чуждъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, оставался чистымъ эстетикомъ и даже консерваторомъ и только въ 1844 г. выступилъ на это новое поприще съ чисто-революціонными стихотвореніями, которыя онъ продолжалъ писать почти до конца своей жизни, и которыя имѣли необычайный успѣхъ не только по своему содержанію, но и по проникавшему ихъ истинно поэтическому одушевленію въ соединеніи съ могучимъ и богатымъ стихомъ. — Въ Италіи — самый крупный политическій и соціальный поэтъ — *Джусти*, котораго называли итальянскимъ Беранже, но котораго вѣрнѣе сравнить съ Барбье: это ѣдкій и пламенный сатирикъ, который «воспитывалъ политическую мысль итальянцевъ» и съ безпощадною смѣлостью бичевалъ зло, которое онъ усматривалъ въ политической и общественной жизни своего отечества, не оставаясь однако на узко-національной почвѣ, но, какъ всякій истинный поэтъ, переходя на общечеловѣческую точку зрѣнія.

Бичеръ Стоу.

Мы подошли уже ко второй половинѣ минувшаго столѣтія, отчасти даже забѣжали и нѣсколько впередъ. Послѣ всѣхъ видоизмѣненій, сквозь которыя, какъ мы видѣли, прошла изящная литература этого вѣка, послѣ всѣхъ «теченій», которыя сопровождали ея ходъ — характеръ этой литературы, за немногими, и то не особенно значительными, уклоненіями, прочно установился и опредѣлился. Живое отношеніе къ дѣйствительности, т. е. реализмъ въ его широкомъ смыслѣ, въ болѣе или менѣе значительномъ соединеніи съ голосомъ сердечнаго чувства, т. е. романтизмомъ, тоже въ его широкомъ смыслѣ, изученіе дѣйствительной, и притомъ современной, жизни въ ея самыхъ разнообразныхъ слояхъ и проявленіяхъ, пессимистическая точка зрѣнія въ связи съ самою благородною гуманностью относительно всего страждущаго человѣчества — вотъ, кажется, тѣ главные и существенные устои, на которыхъ построилось зданіе новѣйшей изящной словесности. Прослѣдимъ теперь, поэтому ея главныя явленія за послѣднее время уже не въ отдѣльныхъ теченіяхъ и направленіяхъ, а въ тѣхъ писателяхъ, которые явились главными и вліятельнѣйшими представителями ихъ въ различныхъ странахъ.



Бретъ-Гартъ.

Центральное, господствующее положеніе занялъ романъ. И властелинами въ этой области были, къ тому времени, о которомъ мы говоримъ, два англичанина, *Диккенсъ* и *Теккерей*, выступившіе, впрочемъ, на литературное поприще раньше, къ сороковымъ годамъ. Въ ту пору англійскій романъ имѣлъ уже весьма талантливаго и пользовавшагося большою извѣстностью во всей Европѣ представителя — *Бульвера*, автора «Пельгама», «Евгенія Арама», «Послѣднихъ дней Помпеи», «Рієнзи», «Семейства Кекстоновъ» и др. Его блестящій умъ, необыкновенное разнообразіе его творчества, какъ романиста, проявлявшееся въ историческомъ, фантастическомъ, бытовомъ, соціальномъ жанрѣ, наблюдательное отношеніе къ современному обществу, «сатирическій смотръ», который онъ производилъ ему во всѣхъ его слояхъ — все это давало ему право стоять въ первомъ ряду европейскихъ романистовъ и даже уже въ пожилые годы отчасти выдерживать соперничество со своими младшими современниками Теккереемъ и Диккенсомъ. Но побѣда все-таки осталась за этими двумя, за этою діоскурною четой, которую, и по сказанному ими вліянію, и по свойству и направленію ихъ дарованія, можно приравнять къ французской четѣ Бальзака и Ж.-Зандъ, — какъ и сдѣлалъ это Тенъ. Мы приводили выше параллель, которую самъ Бальзакъ находилъ между собой и Ж.-Зандъ; думаемъ, что эту же параллель, съ нѣкоторыми, быть-можетъ, ограниченіями, вполнѣ возможно примѣнить къ двумъ корифеямъ англійскаго романа. Какъ Бальзакъ, Теккерей «идеализируетъ» (въ смыслѣ, конечно, «гротеска») людей въ сторону ихъ безобразія или ихъ глупости: какъ Ж.-Зандъ, Диккенсъ идеализируетъ «въ сторону красиваго и прекраснаго». Романъ Теккерея — безпощадная, полная ничѣмъ не смягчаемой желчи сатира, часто заставляющая вспоминать о его великомъ предшественникѣ Свифтѣ; романъ Диккенса — тоже пессимистическое изображеніе темныхъ и смѣшныхъ сторонъ современной дѣйствительности, но трогательно смягченное разлитою по всей картинѣ, доходящею иногда даже до «сентиментализма» конца XVIII в. гуманностью, освѣщенное политическимъ оптимизмомъ, заставляющее читателя одновременно и негодовать, и умиляться. «Диккенсъ скорбитъ и возмущается: но онъ самъ желаетъ выискивать, гдѣ только можно, предметы для своихъ симпатій, призывая жалость къ униженнымъ и забитымъ всякаго рода. У Теккерея сарказмъ не только безпощаденъ, но и безконеченъ, проникаетъ въ самую глубь всеобщей нравственной болѣзни, зонируетъ по самаго дна всѣ болячки, какъ бы услаждается детальнымъ анализомъ всѣхъ видовъ и формъ лжи, притворства и въ особенности — гнусавія...» Что въ основѣ произведеній того и другого лежитъ тенденціозная мораализація — это безспорно: но трудно согласиться съ Тэномъ и нѣкоторыми другими критиками въ томъ, что эта тенденціозность мѣшала и Диккенсу, и Теккерею быть вполнѣ *свободными художниками*, созданные и увѣнчанные ими *типы*, т. е.

то, въ чемъ (наряду съ другими качествами) сказывается истинно художественное творчество, блистательно опровергаютъ это мнѣніе. — Изъ другихъ представителей англійской повѣствовательной литературы, какъ въ разбираемую нами, такъ и въ послѣдующую, до нашихъ дней, пору, особенно выдѣляется силою дарованія, самостоятельностью и значеніемъ своихъ произведеній: *Шарлотта Бронте* (псевдонимъ — *Керреръ-Беллъ*), горячая защитница женскихъ правъ въ надѣлавшемъ, въ свое время, много шуму романѣ «Джейнъ Эйръ»; *Марія Эвансъ* (псевдонимъ *Джорджъ Эллотъ*), романы которой («Адамъ Бидъ», «Мельница на Флосѣ», «Миддльмарчъ» и др.) обнаруживаютъ чисто мужской, воспитанный здравою и серьезною философіею, складъ ума и, независимо отъ вѣрнаго и большею частью пессимистическаго, изображенія англійской современной дѣйствительности, представляютъ и значительный психологическій интересъ; *Джулія Кавана*, подражательница Ж.-Зандъ, но съ англійскою моралью покорности судьбѣ; американецъ *Бретъ-Гартъ*, высокоталантливый юмористъ, который «вторично открылъ золото въ Калифорніи, золото любви, превращающей дикаго двуногаго звѣря въ истиннаго ученика Христова, готоваго положить душу свою за други своя»; *Бичеръ Стоу* (тоже американка), писательница съ второстепеннымъ дарованіемъ, но занявшая въ исторіи изящной литературы XIX в. видное мѣсто только потому, что благодаря живому современному интересу, «злобѣ дня», въ истинномъ смыслѣ этого слова, ея романъ «Хижина дяди Тома» имѣлъ необычайный успѣхъ и былъ переведенъ почти на всѣ европейскіе языки. Большимъ успѣхомъ пользовались тоже (и продолжаютъ пользоваться) несмотря на среднее достоинство своихъ произведеній, романисты *Тролопъ*, *Уилки Коллинсъ*, *Уида*; вообще англійская беллетристика послѣдняго времени есть проповѣдь дюжинной и узкобуржуазной морали, и въ ней рѣзко выдѣляются только два дѣйствительно крупныхъ дарованія: *Киплингъ* и *Джеромъ-Джеромъ*.

Ауэрбахъ.

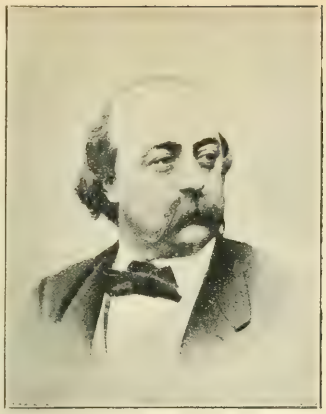
VIII.

Въ области нѣмецкаго романа, одновременно съ Шпильгагеномъ, сталъ во главѣ писателей *Ауэрбахъ*, трактовавшій соціальныя темы въ такихъ романахъ, какъ «На высотѣ», «Дача на Рейнѣ», «Вальфридъ», но блистательнѣе всего обнаружившій свое дарованіе въ повѣстяхъ и разсказахъ изъ народнаго быта, гдѣ онъ явился и инициаторомъ этого рода беллетристики въ Германіи («Чистая на истинно художественную высоту»). На ряду съ нимъ можно поставить *Фрейтага*, романы котораго «Приходъ и Разсѣчь» и «Потерянная Рукопись», особенно первый, обнаруживаютъ въ авторѣ очень талантливаго разсказчика, который, стоя на бытовой и отчасти соціальной почвѣ, сумѣлъ остаться свободнымъ и отъ идеиной тенденціи повѣсти и отъ публицистической окраски, отъ всего однимъ словомъ, что нарушаетъ гармонію художественности. — Затѣмъ идетъ *Келлеръ*, авторъ психологически-соціальнаго романа «Зеленый Генрихъ» и превосходныхъ швейцарскихъ разсказовъ; — *Гейзе*, тонкій и изящный «новеллистъ», имѣющій много общаго съ Тургеневымъ; *Розеггеръ*, народникъ-романистъ, отличающійся и глубокимъ знаніемъ сельскаго быта и соціально-психологическимъ освѣщеніемъ его; и многіе другіе, болѣе или менѣе даровитые писатели, но совокупная работа которыхъ не вносила въ разрабатываемую ими область ничего особенно новаго или самостоятельнаго; нужно впрочемъ замѣтить, что въ самое послѣднее время французскій ультрареализмъ нашелъ себѣ въ средѣ нѣмецкихъ беллетристовъ весьма рьяныхъ послѣдователей, между которыми однако нельзя назвать ни одного имени, которое имѣетъ право быть вписаннымъ на страницы исторіи литературы въ ея серьезномъ значеніи.

Особенно сильное развитіе получилъ романъ послѣдняго времени во Франціи. Число романистовъ и вообще повѣствователей дошло здѣсь до цифры, которую справедливо можно назвать ужасающею. На ряду съ романомъ серьезнымъ, построеннымъ на здравыхъ началахъ, завѣщанныхъ лучшими писателями первой половины столѣтія, наводнилъ собою литературу романъ промышленнаго свойства, задача котораго дѣйствовать только на легко воспламеняющееся воображеніе читателя или на его чувственность — и дѣйствовать чисто внѣшними средствами. Впрочемъ, происхожденіе этого романа относится тоже къ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка, собственно къ тридцатымъ годамъ. Родоначальникъ его, по крайней мѣрѣ главный инициаторъ — *Александръ Дюма-отецъ*, писатель съ огромнымъ талантомъ разсказчика, съ богатѣйшею фантазіею, но размѣнявшій свое дарованіе на мелкую монету и думавшій только объ одномъ — безконечномъ расширеніи круга своихъ читателей; благодаря своему умѣнью, онъ и достигалъ этого въ невѣроятной степени такими романами, какъ «Монте-Кристо», «Три Мушкетера». Но тому же пути и почти съ такимъ же матеріальнымъ успѣхомъ — или (чтобъ назвать только самыхъ извѣстныхъ) *Поль Феваль*, *Ксавье Монтепенъ* и, уже въ самое послѣднее время, *Жоржъ Онэ* — все чисто «бульварные» романисты, по которымъ зачитывалось и зачитывается французская публика и произведенія которыхъ выдерживали и выдерживаютъ несчетное количество изданій. — Что касается до романа серьезнаго, вполнѣ литературнаго, то въ немъ, при массѣ бездарностей, имена которыхъ осуждены на вѣчное забвеніе, выдѣляется по своей характеристичности и талантливости только какой нибудь десятокъ именъ. Это — *Ж. Зандъ*, *Фелье*, *Флоберъ*, *братья Гонкуры*, *Зола*, *Додэ*, *Мопассанъ*, *Бурже*, *Анатоль Франсъ*. Всѣ они, за исключеніемъ Ж. Зандъ и Фелье, изъ которыхъ второй представляетъ собою «любопытное соединеніе романическаго элемента съ полу-реализмомъ», а въ романахъ перваго только начинается «эволюція романтизма къ другой формѣ искусства — всѣ они являются главными представителями того направленія, которое заполонило всю область романа и успокоилось подъ названіемъ реалистическаго и натуралистическаго. Здѣсь во главѣ пути, проложеннаго, или вѣрнѣе,

Фрейтагъ.

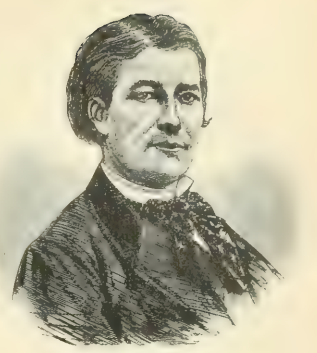
Гейзе



Флоберъ.

колобиовленнаго въ XIX в. Бальзакомъ, сталъ Флоберъ, реалистъ высшей пробы въ превосходномъ романѣ «Мадамъ Бовари» и вмѣстѣ съ тѣмъ романтикъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ, романтикъ тоже *по своимъ вкусамъ* и наклонностямъ, весьма рѣдкій и весьма интересный примѣръ такого дуализма. истинный художникъ, «фанатически поклонявшійся формѣ—замѣчаетъ Фаге—съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ относившійся къ перу, только тогда признававшій написанную имъ строку хорошею, когда онъ прошелъ сквозь пытку исправленія ея десять разъ». — Очень сильный талантъ, но гораздо менѣе художникъ, чѣмъ Флоберъ, Зола, захватившій въ свою эпопею «Ругонъ-Макары» общественную жизнь Франціи чуть не во всѣхъ ея слояхъ и проявленіяхъ, пустившій въ ходъ «экспериментальный романъ», поставившій себѣ задачею копировать голую дѣйствительность по «документамъ», создавшій много потрясающихъ своею правдою и силой картинъ и образовъ, но въ самыхъ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ («Fécondité», «Travail») ударившійся въ безвкусный романтизмъ и самую антихудожественную тенденціозность. Мопассанъ «былъ рожденъ, чтобъ видѣть и изображать то, что онъ видѣлъ— и исключительно для этого; но онъ видѣлъ вещи съ поразительною полнотою и интенсивностью, и изображалъ ихъ съ инриною и вмѣстѣ съ тѣмъ точностью, приводящими въ восхищеніе и глубокое изумленіе».—Додэ справедливо сравнивали съ Диккенсомъ, по свойству таланта и манерѣ писанія.—Братья Гонкуры— творцы такъ-называемаго «импрессіонизма въ стилѣ, задача котораго въ томъ, чтобы довести изобразительную манеру до крайней ступени артистической виртуозности, обогатить письмо, хотя и въ ущербъ выполненію высшихъ творческихъ задачъ». Буржe хорошій изобразитель любовныхъ отношеній, съ большими и малооправдываемыми претензіями на достоинство психолога. Анатоль Франсъ— остроумный мыслитель и изобразитель современныхъ явленій въ жизни Франціи.

Значительный вкладъ въ повѣствовательную литературу второго пятидесятилѣтія и новѣйшаго времени сдѣлали итальянцы. Движеніе въ новомъ духѣ началось уже въ тридцатыхъ годахъ, когда по пути, проложенному Манцони, пошли *Азеліо* съ его «Гекторомъ Фіерамоско» и *Гверацци* съ «Осадой Флоренціи»; въ новѣйшее время современная жизнь Италіи, и преимущественно ея среднихъ слоевъ, явилась прекрасно изображенною въ повѣстяхъ *Вери* и отчасти—*Сальватора Фарины*, котораго его соотечественники почему-то ставятъ уже слишкомъ высоко, приравнивая даже къ Диккенсу. Въ Испаніи, послѣ прекрасной писательницы изъ народнаго быта, *Фернанъ Кавальеро* (псевдонимъ Цециліи *Бельфонъ-Фаберъ*), произведенія которой можно поставить на ряду съ сельскими разсказами Ж. Занд и Ауэрбаха, пріобрѣли европейскую извѣстность, *Пересъ Гальдосъ*, романы котораго, изображающіе нравы и бытъ современной Испаніи, отличаются здоровымъ реализмомъ и полны благороднаго національнаго чувства, — и *Аларконъ*, остроумный и наблюдательный бытописатель. Въ послѣдніе годы испанская беллетристика подпала сильному вліянію французской. — Имена *Крашевскаго, Ожешко, Пруса, Сенкевича* придаютъ серьезное значеніе польской беллетристикѣ, сохранявшей, въ большинствѣ своихъ произведеній, ту патріотическую и народную окраску, которую мы видѣли уже въ творчествѣ Мицкевича и Словацкаго. У всѣхъ польскихъ беллетристовъ — преданность традиціямъ и идеаламъ, связаннымъ гораздо больше съ прошедшимъ, чѣмъ съ настоящимъ»; при этомъ — въ лицѣ Крашевскаго и другихъ его сверстниковъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ, происходило расширеніе области романа, и сама набѣлѣвшая патріотическая струнка помогала всего чаще авторамъ въ той непосредственной симпатіи къ родной дѣйствительности, безъ которой не можетъ быть благотворнаго, яснаго, правдиваго ея воспроизведенія». По этому-то новому пути, съ выдающимся успѣхомъ, пошли и не связанные писатели, изъ которыхъ въ наши дни необычайнымъ, но не совсѣмъ заслуженнымъ успѣхомъ во всей Европѣ пользуется Сен-



Сарду.

Зола.

Додэ

Мопассанъ.

кевичъ. — Передовое и очень вліятельное положеніе заняла въ послѣднія два-три десятилѣтія литература скандинавская, въ которой, послѣ тридцатыхъ годовъ, господство романтизма (имѣвшаго, какъ мы уже видѣли, нѣсколькихъ талантливыхъ представителей) смѣнилось стремленіемъ къ художественному реализму, и оттуда повѣяло на Европу свѣжестью, непосредственностью, умственнымъ и нравственнымъ здоровьемъ; изъ поэтическаго, но туманнаго міра миѳическихъ легендъ и историческихъ преданій скандинавскіе писатели спустились на землю, погрузились въ окружающую ихъ дѣйствительность, и, благодаря политическимъ обстоятельствамъ, эта новая литература приняла преимущественно пессимистическій характеръ. Въ Швеціи, послѣ *Фредерики Бремеръ*, начало дѣятельности которой относится къ тридцатымъ, а конецъ — къ шестидесятымъ годамъ, и которая, какъ романистка («Семейство», «Сосѣди» и др.) прославилась изображеніями народнаго быта,—въ повѣствовательной литературѣ нельзя назвать ни одного особенно выдающагося имени. Въ Даніи новая и живительная струя въ эту область талантливо внесена *Шандорфомъ*, *Торзоэ*, *Якобсеномъ* и др. Въ Норвегіи во главѣ повѣствователей стоятъ горячій патріотъ *Біорнстернъ-Біорнсонъ* и озлобленный скептикъ, женщино-ненавистникъ *Стриндбергъ*, которыхъ мы еще встрѣтимъ въ числѣ современныхъ драматурговъ.

Сенкевичъ.

Драматическая литература послѣдняго пятидесятилѣтія, имѣвшая тотъ же основной характеръ, которымъ была отмѣчена повѣствовательная, можетъ поспорить съ этою послѣдней количествомъ именъ, но не въ состояніи выставить почти ни одного такого, которое мы рѣшились бы поставить на ряду съ знакомыми уже намъ главными корифеями романа. По размѣрамъ, т.-е обилію произведеній, буквально наводнявшихъ сцену, здѣсь на первомъ планѣ стоитъ Франція; но собственно въ исторію драматической литературы, той литературы, на страницахъ которой были написаны имена Расина, Мольера, Мариво, Бомарше, Казимира Делавиня, Гюго — позволительно внести довольно скромное число. Это *Эмиль Ожье*, глубокій наблюдатель и превосходный изобразитель темныхъ и смѣшныхъ сторонъ французской, и особенно парижской, буржуазіи; — *Дюма-сынъ*, занимавшійся трактованіемъ общественныхъ «вопросовъ», и если не выдерживавшій строгой критики по отношенію къ глубинѣ и правильности своихъ теорій (съ роль, напримѣръ, знаменитой «Tue la!»), то одѣвавшій ихъ въ такую форму, оживлявшій ихъ такою страстностью убѣжденія, что его пьесы не могли не производить сильнаго впечатлѣнія, — *Бекъ*, очень мало изслѣдующій и всю жизнь бывшій горькимъ неумѣлымъ драматургомъ талантъ, который однако, обнаружившійся съ особенною силою въ такомъ, напримѣръ, произведеніи, какъ «Вороны», долженъ быть несомнѣнно признанъ очень крупнымъ; — отчасти *Викторьенъ Сарду*, дарованіе съ точки зрѣнія строго литературной, дюжинное, но обладающее всѣми тайнами сценической фабрикаціи, всего, что можетъ содѣйствовать успѣху пьесы въ сценическомъ исполненіи; — остроумный и изящный *Пальеронъ*, умѣющій возвышаться отъ простой шутки до тонкой комедіи нравовъ;—неистощимо веселый жанристъ *Лабишъ*,—и нѣсколько другихъ. Все остальное — заурядная посредственность, или претендующая на серьезность, или изощряющаяся въ пикантной скабрезности, которая въ послѣдніе годы перешла ужъ всѣ границы. Въ Германіи, на сценѣ которой продолжаютъ держаться произведенія старыхъ нѣмецкихъ мастеровъ, эту же сцену заполонили пьесы французскаго репертуара или написанныя въ новомъ французскомъ духѣ. Изъ писателей самостоятельныхъ, болѣе или менѣе художественныхъ, выдѣляются: *Геббель*, въ своихъ трагедіяхъ («Юдиѳь», «Геновефа», «Продъ и Маріамна») «пытавшійся согласить высокотрагическое съ требованіями современнаго реально-психологическаго искусства»: — *Бенедиксъ*, особенно отличавшійся въ современной комедіи нравовъ;—*Брахфогель*, которому доставила европейскую знаменитость его драма «Нарцисъ»: — *Вилбрантъ*, *Вильденбрухъ*, и уже въ послѣдніе годы *Гауптманъ*, драматургъ очень талантливый, но иногда ужъ слишкомъ погружающійся въ мистицизмъ и символизмъ, и *Зудерманъ*, нѣчто въ родѣ Сарду, такой же искусный фабрикантъ эффектныхъ пьесъ. — Итальянская современная драма можетъ съ достаточною и справедливою гордостью назвать такія имена, какъ уже упомянутый Верга, *Джакоза*, *Брага*. — Драма испанская, при своемъ стремленіи къ реализму, не можетъ отрѣшиться отъ сильной романтической окраски, и самымъ характернымъ образцомъ этого направленія могутъ служить пьесы *Эспронседы*, лучшаго изъ современныхъ драматурговъ Испаніи. — Два крупныхъ таланта подняли на очень значительную высоту драму скандинавскую; это *Ибсенъ* и выше упомянутый *Біорнстернъ-Біорнсонъ*. Первый пользуется европейскою извѣстностью и особенно въ послѣдніе годы пріобрѣлъ громадное вліяніе на репертуаръ всѣхъ европейскихъ сценъ. Причину этого успѣха, независимо отъ дарованія Ибсена, дѣйствительно сильнаго и оригинальнаго, надо искать въ высокихъ нравственныхъ требованіяхъ, которыя онъ предъявляетъ человѣчеству, въ его безпощадно отрицательномъ отношеніи къ повседневной господствующей морали, въ противопоставленіи личности массѣ и превозношеніи первой надъ послѣднею, наконецъ въ томъ, все больше и больше входящемъ въ моду, «символизмѣ», который лежитъ въ основаніи многихъ произведеній норвежскаго драматурга и иногда (наприм. въ драмѣ «Строитель Сольмсъ») доводится имъ до непозволительно крайнихъ пре-

Дюма-сынъ.

Дюма-отецъ.

дѣловъ. Біорнсонъ смотритъ на жизнь далеко не такъ мрачно, какъ его знаменитый собратъ; онъ съ любовью и сочувствіемъ воспроизводитъ на сценѣ жизнь дорогихъ ему соотечественниковъ, и если, само собой разумѣется, клеймитъ зло, то вмѣстѣ съ тѣмъ полонъ спокойной жизнерадостности и вѣритъ въ свѣтлое будущее. Очень видное мѣсто въ скандинавской драматической литературѣ должно быть отведено упомянутому въ числѣ романистовъ *Стриндбергу*. Если его реализмъ переходитъ иногда всякія границы, (наприм. въ драмѣ «Мадмуазель Юлія»), то его психологическое проникновеніе въ предметъ, оригинальность освѣщенія этого послѣдняго и часто поражающая сила и смѣлость изображенія даютъ ему полное право на серьезное вниманіе историка современной драмы.—Въ польской драматургіи, послѣ талантливаго *Гр. Фредро*, трудно указать на особенно выдающееся дарованіе. — Въ самомъ жалкомъ положеніи находилась и находится драма англійская, живущая почти исключительно пересаживаніемъ на англійскую почву иноземныхъ продуктовъ и не могущая предъявить, за весьма немногими, и то незначительными исключеніями, ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго имени.

Намъ остается обозрѣть еще область собственно поэзіи, т.-е. лирическаго и эпическаго стихотворства. Немного утѣшительнаго вынесемъ мы изъ этого обозрѣнія, останавливаясь на дѣятельности отдѣльныхъ писателей. Въ Англіи—приличный, добродѣтельный и разсудительный, но лишенный истиннаго поэтическаго огня *Теннисонъ*, соціальные поэты *Т. Гудъ* и *Р. Броунингъ* съ женой и новая школа въ духѣ Шелли, главные представители которой — *Свинбёрнъ* и *Россетти*. Среди англійскихъ писателей Америки—простой, естественный и высокогуманный *Лонгфелло*, стихи котораго, по временамъ исполненные тихой меланхоліи, вообще проникнуты истинно классическимъ спокойствіемъ,—и

Біорнстернъ-Біорнсонъ.

Ибсенъ.

надѣленный огромнымъ талантомъ, романтикъ до мозга костей, пѣвецъ самаго безъисходнаго отчаянія, выражающій свои мысли въ крайне оригинальной формѣ — *Эдгаръ По*. — Во Франціи школа *парнассцевъ*, имѣвшая во главѣ *Леконта де-Лиль* и заботившаяся главнымъ образомъ о красотѣ формы, которую ея руководитель довелъ дѣйствительно до высокой степени совершенства; очень родственный съ нимъ въ этомъ отношеніи *Эредіа* (Heredia), искренній лирикъ, представитель чистаго искусства въ поэзіи; Гамерлингъ, лирикъ больше головной, чѣмъ сердечный, и прекрасный эпическій поэтъ, изложеніе котораго (въ поэмахъ «Агасферъ въ Римѣ» и «Царь Сіона») свидѣтельствуетъ о богатствѣ воображенія и блестящей роскоши красокъ. Въ Италіи отмѣтимъ *Кардуччи*, краснорѣчиваго сатирика, проникнутаго духомъ отрицанія и горячаго патріота. Въ Испаніи — уже упомянутаго *Эспронседу*, одного изъ немногихъ въ настоящее время «байронистовъ», главное произведеніе котораго — сонеты, суть, по замѣчанію Фаге, «великолѣпныя картины, удивительныя расписныя стекла или чудесныя ювелирныя издѣлія»:—*Сюлли Прюдомъ*, котораго справедливо сравнивали съ Ламартиномъ по нѣжности и устремленной къ идеалу меланхоличности, и который въ послѣднее время сталъ впускать въ свою поэзію — несовсѣмъ кстати и несовсѣмъ удачно — философскій элементъ: — *Котте*, поэтъ второстепенный, почти вездѣ стоящій на почвѣ, такъ сказать, фактической дѣйствительности, и съ глубокимъ сочувствіемъ ко всему страждущему и угнетенному рисующій большія печали и маленькія радости «незамѣтныхъ» людей:—и, наконецъ, образовавшаяся въ самое послѣднее время школа такъ-называемыхъ «символистовъ» и «декадентовъ», ищущая — что весьма естественно и весьма похвально—новыхъ формъ, но покамѣстъ (по крайней мѣрѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ) поставляющая всю новизну только въ придумываніи такой оригинальности въ выраженіи своихъ мыслей, въ которой, при самомъ искреннемъ желаніи, невозможно доискаться никакого смысла. Эта школа напрасно включаетъ въ свои ряды, даже дѣлаетъ своимъ родоначальникомъ *Бодлера*, французскаго Эдгара Поэ, истиннаго поэта самой мрачной «міровой скорби», только дававшаго ей весьма рѣзкое, часто даже циничное выраженіе. Болѣе родствененъ съ нею другой талантливый поэтъ, котораго она тоже ставитъ у себя во главѣ — *Верленъ*, дарованіе котораго однако вполнѣ обнаруживается только тамъ, гдѣ онъ, и по содержанію стиховъ, и по формѣ, остается въ области истинной поэзіи, а не искусственно придуманнаго сумбура.—Въ Германіи, послѣ Гейне и уже названныхъ нами политическихъ поэтовъ, поэтическое творчество, заслуживающее быть отмѣченнымъ, сосредоточилось въ произведеніяхъ всего трехъ поэтовъ: *Гейбеля*, *Гамерлинга* и *Лепа*. Гейбель — тепльный и

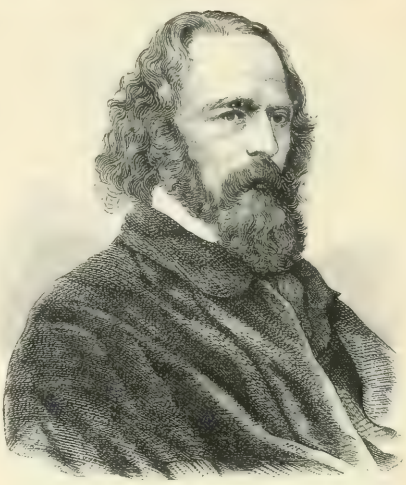
Зудерманъ.

Гауптманъ.

особенно ярко выразившаго это настроеніе свое въ поэмѣ «Дьяволъ-Міръ», истиннаго романтика *Зорилью*, и создателя цѣлой философской школы въ испанской поэзіи, *Бермудеса*, особенно прославившагося въ своемъ отечествѣ поэмой «Міровая Драма».

Въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ, на который мы сами смотримъ только какъ на обозрѣніе съ высоты птичьяго полета, читатель не найдетъ, можетъ быть, нѣсколькихъ именъ, пользовавшихся въ свое время или пользующихся и теперь большею или меньшею извѣстностью. Но полный перечетъ писателей и не входитъ въ нашу задачу: мы имѣли въ виду охарактеризовать только тѣ главные пути, по которымъ шла въ истекшемъ вѣкѣ европейская изящная литература, и тѣхъ писателей, которые или открывали своею дѣятельностью эти пути, или вносили въ возникающее движеніе нѣчто новое, самостоятельное, оригинальное, дававшее ему внутреннюю жизнь и внѣшній тонъ.

Нашъ очеркъ мы начали изображеніемъ того наслѣдства, которое завѣщалъ восемнадцатый вѣкъ своему преемнику. Приведенные нами факты дѣятельности этого послѣдняго показали, надѣемся, что минувшее столѣтіе не оказалось расточительнымъ или небрежнымъ наслѣдникомъ. Въ лицѣ тѣхъ яркихъ свѣтилъ, которыя никогда не угаснутъ въ области поэзіи, въ лицѣ другихъ первоклассныхъ дарованій, съ которыми намъ пришлось встрѣтиться на этихъ страницахъ, изящная литература девятнадцатаго вѣка шла объ руку съ философскимъ движеніемъ этого времени, съ эстетическими потребностями все болѣе и болѣе развивавшагося умственнаго общества, съ политическимъ и соціальнымъ движеніемъ человѣчества. Послѣ различныхъ фазисовъ борьбы, въ которой ей приходилось работать тоже по наслѣдству, послѣ всѣхъ колебаній и измѣненій, которыми сопровождался въ нѣсколько первыхъ десятилѣтій ея ходъ, характеръ ея, на что мы уже указали выше, прочно остановился и опредѣлился за немногими, и то не особенно значительными уклоненіями. Главными и существенными устоями, на которыхъ къ концу этого вѣка построилось зданіе европейской изящной литературы, представилось намъ живое отношеніе къ дѣйствительности, т. е. реализмъ въ его широкомъ смыслѣ, въ болѣе или менѣе значительномъ соединеніи съ голосомъ сердечнаго чувства, т. е. романтизмомъ, тоже въ его широкомъ смыслѣ, изученіе дѣйствительной, и при томъ современной, жизни въ ея самыхъ разнообразныхъ слояхъ и проявленіяхъ, пессимистическая точка зрѣнія въ связи съ самою благородною гуманностью относительно всего страждущаго человѣчества. Результатъ очень утѣшительный, ибо въ немъ исполненіе главныхъ требованій, какія слѣдуетъ предъявлять всякому литературному произведенію; но на ряду съ нимъ передъ нами зрѣлище печальнаго свойства: все болѣе и болѣе усиливающееся отсутствіе художественной красоты, безъ которой всѣ только что перечисленныя достоинства и мертвы сами по себѣ, и лишены того нравственнаго вліянія, о которомъ благородно заботятся лучшіе представители новѣйшаго литературнаго движенія. Въ *этомъ* случаѣ—конецъ девятнадцатаго вѣка или пренебрегъ, или не умѣлъ воспользоваться наслѣдіемъ, оставленнымъ ему нѣсколькими великими учителями первой половины столѣтія: писателей художниковъ въ истинномъ значеніи этого слова тщетно ищешь въ наши дни даже между лучшими представителями изящной литературы. Что причиной этого печальнаго явленія разсуждать здѣсь не мѣсто, да и едва ли это не праздный вопросъ: лучше жить надеждою, что красота есть сила всепобѣждающая и что, подавленная на нѣкоторое время, она въ концѣ концовъ должна занять свое царственное мѣсто. Завѣтъ этого воцаренія девятнадцатый вѣкъ передастъ своему преемнику.



Теннисонъ.

Лонгфелло.

Поэ.

Литературное движеніе XIX вѣка въ Россіи.

Очеркъ **Е. А. Соловьева.**

Русскому человѣку трудно любить что-нибудь другое изъ области своей духовной жизни съ такой горячей пристрастностью, какъ свою литературу. Историческое прошлое русскаго [illegible] вѣка представляло однообразный процессъ: государственныя формы его жизни вырабатывались большею частію помимо его воли и прямого участія достоинства его живущихъ, [illegible] науки, литературы и т. д. проявляются лишь очень и очень поздно; только въ одной литературѣ успѣлъ онъ проявить себя съ самой лучшей и богатой своей стороны. Здѣсь, несмотря на всѣ многочисленныя препятствія и преграды, несмотря на то, что необходимый элементъ литературнаго развитія читателя заставилъ ждать себя почти до 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, успѣхи наши поразительны и, если вѣрить Достоевскому, служатъ единственнымъ, хотя и большимъ зало-

гомъ нашей будущей духовной самостоятельности. Во всѣ наиболѣе тяжелые годины нашей общественной жизни когда все замирало, напримѣръ, въ пору владычества Аракчеева (1817—1825) или въ послѣднее семилѣтіе царствованія Николая I, литература все-же служила пристаннемъ и утѣшеніемъ для мысли, давала ей возможность не совсѣмъ гасить свой факелъ, а потомъ, какъ только горизонтъ прояснился, немедленно поднимала голову, выказывая огромный запасъ мощи, выдвигая изъ своихъ рядовъ не только дарованія, но и первоклассные таланты. Любить ее поэтому естественно, и въ доказательство той страстной любви, которую она къ себѣ возбуждала, можно привести десятки признаній со стороны нашихъ лучшихъ людей: Бѣлинскаго, Герцена, Тургенева съ его трогательнымъ завѣтомъ беречь русскій языкъ. Спрашивается, какъ объяснить этотъ невѣроятно быстрый ростъ литературы и это ея первостепенное значеніе и эту ея нравственную красоту?

Конечно, прежде всего мы должны признать себя способными, но въ то же время и благодарными учениками Запада. Мы должны отдать себѣ полный отчетъ въ страстныхъ строкахъ Достоевскаго, гдѣ онъ говоритъ: «У насъ, русскихъ, двѣ родины—наша Русь и Европа... Европа, но вѣдь это страшная и святая вещь! Знаете ли вы, до какихъ слезъ и сжатій сердца мучаютъ и волнуютъ насъ судьбы этой дорогой и родной намъ страны, какъ пугаютъ насъ эти мрачныя тучи, все болѣе завола кивающіяся небосклонъ? Русскому Европа такъ же драгоцѣнна, какъ Россія. О, болѣе!.. Русскимъ дороги эти старые чужіе камни, эти чудеса стараго Божьяго міра, эти осколки святыхъ чудесъ и даже это намъ дороже, чѣмъ имъ самимъ!..»

Много на самомъ дѣлѣ чудесъ стараго Божьяго міра вывезено нами изъ Европы, но пока все-же главныя чудеса—литературныя; чудеса идей и мысли. Тутъ было не прямое общеніе, общеніе двухъ жизней, въ ихъ полнотѣ и разнообразіи, а прежде всего умственное общеніе. Вѣдь это любопытно, что ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ ни разу не побывали заграницей, а Бѣлинскій былъ тамъ уже свершившій въ предѣлахъ земныхъ все земное -совсѣмъ умирающій. Но развѣ Пушкинъ и Бѣлинскій не настоящіе русскіе европейцы, создавшіе русско-европейскую литературу? Развѣ Лермонтовъ—не нашъ Байронъ? Да, мы учились много и усердно. Но не все въ этомъ, въ этомъ ученіи, подражаніи, въ этой выучкѣ, въ этомъ сентиментализмѣ, романтизмѣ, псевдоклассицизмѣ, западничествѣ, матеріалистическомъ нигилизмѣ или марксизмѣ. Не въ этомъ главная причина быстрыхъ успѣховъ нашей литературы, а въ томъ, что она съ первыхъ-же моментовъ своей сознательной жизни приняла въ высшей степени серьезный и вдумчивый тонъ, не увлеклась фривольными и развлекающими образцами и очень быстро опредѣлила существеннѣйшую свою задачу,—освободить человѣка изъ подъ давленія грозныхъ жизненныхъ условій, вначалѣ — условій крѣпостнаго состоянія, потомъ нищеты и зависимости вообще, заступиться за свободу его мысли и творчества и найти тотъ смыслъ жизни, который удовлетворилъ бы голосъ совѣсти.

Имѣя передъ собой это важное и цѣнное, литература не сбилась съ прямой дороги, и прямо поучительно, что вопросы, волновавшіе Лермонтова 70 лѣтъ тому назадъ во всей своей значительности, со всей силой таящейся въ нихъ жизненной угрозы, стоятъ теперь передъ Толстымъ и еще такъ недавно стояли въ фантастическомъ и странномъ освѣщеніи его генія передъ Достоевскимъ.

I.

Начало XIX вѣка представляетъ продолженіе литературы екатерининской эпохи. Историкъ литературы XIX вѣка все же долженъ остановиться на одномъ явленіи предшествующей эпохи, на Радищевѣ. Съ удивительной и даже поражающей проницательностью этотъ человѣкъ сказалъ то слово, которое лишь сорокъ лѣтъ спустя явилось лозунгомъ всего нашего литературнаго движенія. Это слово — слово жалости къ закабаленному народу, мужику, одно изъ первыхъ словъ просыпавшейся русской совѣсти. Только не ищите въ немъ ничего премудраго и особенно глубокаго: оно только просто и только сердечно и все же оно начало нашего гуманизма. Вотъ это слово, сказанное еще въ 1790 году въ извѣстномъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву»: «Я взглянулъ окрестъ меня, душа моя страданіями человѣческими уязвлена стала; обратилъ взоры во внутренность мою и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка (Радищевъ говоритъ о бѣдствіяхъ крѣпостныхъ, стонавшихъ подъ игомъ помѣщиковъ) и часто отъ того только, что онъ непрямо взираетъ на окружающіе его предметы. И дальше: Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергли меня *чувствительность* и *сострадание*; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію и—веселіе неизрѣченное!—я почувствовалъ, что возможно всякому быть соучастникомъ въ благоденствіи себѣ подобныхъ».

Въ этихъ мысляхъ важно даже не филантропическое ихъ настроеніе, обычное въ тѣ дни хотя бы благодаря вліянію Руссо и процвѣтанію философіи вообще,—важно, что Радищевъ далъ этому настроенію совсѣмъ реальную почву, даже фактическую почву: страданія крѣпостныхъ людей, ясно и опредѣленно указалъ врага, который черезъ 50 лѣтъ сталъ смертельнымъ врагомъ Тургенева, Бѣлинскаго, Герцена, — всей русской интеллигенціи. Такая заслуга не должна быть забыта.

Одинаково нельзя забыть именъ Карамзина (1765—1826) и Жуковскаго (1783—1852 г.). Оба были новаторами, каждый въ своей области конечно. Карамзинъ *первый* попытался основать общелитературный и общедоступный журналъ по западнымъ образцамъ, первый сталъ сочинять сантиментальныя и историческія повѣсти («Бѣдная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Марѳа Посадница»), первый далъ связный разсказъ нашего историческаго прошлаго въ своей «Исторіи государства россійскаго». Жуковскій въ свою очередь первый сталъ подражать нѣмецкимъ романтикамъ. Для своихъ переводовъ и передѣлокъ онъ выбиралъ то лишь, что ближе всего подходило къ запросамъ его существа и его настроенія; ему въ такой-же степени, какъ Карамзину, литература обязана попыткой новаго, болѣе свободнаго, болѣе близкаго къ разговорной рѣчи языка.

Гуманность, какъ исканіе человѣка въ человѣкѣ, несмотря на его общественное положеніе, несмотря на жизненную съ ногъ до головы облѣпившую его грязь, какъ мечта о человѣкѣ свободномъ и самостоятельномъ, придавшемъ своей жизни человѣческій, т. е. свой смыслъ слишкомъ широкое понятіе, чтобы исчерпываться одной филантропіей, одной жалостью, какъ у Радищева. И представителемъ такой широкой гуманности, ея пророкомъ и проповѣдникомъ явился въ нашей литературѣ Пушкинъ (1799—1837).

«Пушкинъ,—сказалъ про него Достоевскій:—умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и безспорно унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую великую тайну, и вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ». Не та-ли эта тайна, которую Толстой охарактеризовалъ словами: «стоитъ только человѣку не желать имѣть земли и денегъ», чтобы стать человѣкомъ въ великомъ и даже религіозномъ смыслѣ этого слова: не та ли эта тайна, которую почти одинаково формулировалъ Чеховъ, сказавъ: «принято говорить, что человѣку нужно только три аршина земли. Но вѣдь три аршина нужны трупу, а не человѣку. Человѣку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободнаго духа».

Такова истинная формула гуманизма, и ее вы найдете въ духѣ пушкинской поэзіи, которой все было нужно, весь земной шаръ, вся природа и которая воистину была пѣсней свободы.

«Воодушевляющую, живительную силу Пушкина можетъ испытать всякій, кто имъ занимается. Онъ столько же привержень къ комическому и шуткѣ, какъ и къ трагическому и страстному, но преобладаетъ у него иронія, и до такой степени, что онъ часто достигаетъ въ высочайшемъ смыслѣ юмора. Его веселость всегда составляетъ основное настроеніе, которому прочія настроенія служатъ тѣнями. Выраженіе его также выказываетъ такой характеръ: вслѣдъ быстрая краткость, свѣжія, сжатыя картины, яркія блестки ума, рѣзкіе обороты. У рѣдкаго поэта встрѣчается менѣе слѣдовъ изысканности, отступленій къ любви, безполезныхъ распро-

страшений, его естественность довольствуется самымъ простымъ словомъ, быстро охватываетъ и оставляетъ каждый предметъ: его пылкое воображеніе, исполненное искренности и величія, его то нѣжная, то ѣдкая острота, — все соединяется къ тому, чтобы произвесть пріятное, благотворное впечатлѣніе на читателя, всегда заинтересованнаго и всегда свободнаго, никогда не терзаемаго».

Эти слова німецкаго критика Варнгагена, написанныя еще въ 1828 году, и теперь могутъ служить лучшей характеристикой «артистической» стороны поэзіи Пушкина. Но мы не способны удовлетворяться одной артистичностью или художественностью. Мы требуемъ общественно-важнаго содержанія и даже общественно-полезнаго, и Пушкинъ съ этой послѣдней точки зрѣнія не разъ подвергался жестокимъ осужденіямъ со стороны людей, слишкомъ погруженныхъ во временные интересы исторической минуты. Но кажется, что всѣ эти нападки на Пушкина представляютъ простое недоразумѣніе. Новѣйшая критика смотритъ на Пушкина, какъ на представителя гуманизма и освобожденія личности человѣческой изъ-подъ всякаго рода опекъ и ограниченій. Въ Пушкинѣ жилъ этотъ духъ свободы, но не въ формѣ политическихъ мечтаній и «необходимыхъ преобразованій общественности» — хотя онъ и былъ друженъ со многими декабристами, а тѣ *всѣ* были страстными поклонниками его генія — а въ совершенно другой. Его живая натура, гордая и свободолюбивая, капризная и радостная, ни на минуту не могла мириться съ тусклымъ и тяднымъ духомъ аракчеевщины, съ изувѣрствомъ Магницкихъ и Руничей, она требовала себѣ простора и свободы, и эта боязнь всевозможныхъ Бенкендорфовъ передъ жизнью, которую старались заключить въ казармы, этотъ общій страхъ передъ человѣкомъ то пугали, то смѣшили его. Всѣмъ извѣстно, какими эпиграммами казнилъ онъ всякаго рода человѣконенавистниковъ, и какою злобой, какой смертельной ненавистью отвѣчали они ему.

Карамзинъ.

Еще больше свободолюбіе Пушкина проявилось въ его спеціальной сферѣ—сферѣ литературы, гдѣ онъ сразу разрушилъ всѣ регламенты, всѣ своды законовъ искусства, всѣ уложенія и показаніяхъ критики. Ни легкій талантъ Богдановича, ни геній Державина, ни даже романтика Жуковскаго съ ея часто воистинѣ превосходнымъ стихомъ не могли до Пушкина разбить оковъ, опутавшихъ русское искусство. Пушкинъ первый показалъ, что значитъ творить, а не сочинять, что значитъ художественная дѣятельность, слитая съ жизнью. Поэзія Пушкина не боялась никого и вышла на свою собственную дорогу сразу, безъ всякихъ усилій и потугъ. Неслыханной до сей поры смѣлостью мысли, легкостью ея выраженій вѣяло отъ каждаго прикосновенія стиха Пушкина. Ясно было, что юный поэтъ какъ то особенно смѣло и свободно смотритъ на всю окружающую его жизнь, на всѣ человѣческія теоріи и почтенныя стихи. Поэзія его шутками вызывала эти поэзіи неволь-ною улыбку, и эта улыбка разгоняла дремоту мысли, боролась съ тоскою и сплиномъ и точно подхлестывала къ каждому съ привѣтомъ разсказать, что солнце встало, что оно горитъ ярко, что листъ зеленѣетъ. И тутъ суть дѣла заключалась не столько въ убѣдительномъ, реальномъ содержаніи, сколько въ отношеніи къ жизни, къ формѣ стиха, порывистости и строгости изложенія, и въ этомъ юномъ задорѣ генія. Было радостный и веселый богъ вѣчной юности, несущій Кривою лежалъ въ семьѣ другихъ боговъ, гдѣ [illegible] свою лежку былъ-Шива, чавкалъ огромныя крокодилъ Муггеръ и ревѣлъ «оселъ съ расщепленнымъ носомъ». Если борьба и началась, то исходъ ея былъ ясенъ съ самаго начала.

По самой сущности своей натуры Пушкинъ былъ гуманистомъ, близкимъ и родственнымъ по духу съ великими гуманистами эпохи возрожденія. На русскомъ языкѣ онъ во всякомъ случаѣ первый провозгласилъ право человѣка на счастье и радость жизни, личность впервые сознала въ немъ себя и возстала противъ регламента. Этого достаточно, какъ при оцѣнкѣ личной жизни Пушкина достаточно помнить то, что «Пушкинъ *не слился* съ окружавшей его обстановкой, не проникся ни ея духомъ, ни ея симпатіями, все же оставался вѣренъ себѣ до конца дней и, очевидно, лишь противъ себя заставлялъ звучать офиціальную струну своей совершенно неприспособленной къ ней лиры. За это *несліяніе* онъ заплатилъ своею кровью, все равно какъ за свое *непримиреніе* Чаадаевъ — офиціальнымъ титуломъ сумасшедшаго. И тотъ, и другой были лишь случайными пришельцами и гостями той эпохи, которая, въ концѣ концовъ, ненавидѣла и гнала ихъ, гнала злобно и съ ожесточеніемъ и держала постоянно свои копья направленными противъ ихъ груди. Тотъ и другой были ранены смертельно — одинъ духовно, другой физически».

Среди современниковъ и послѣдователей Пушкина надо упомянуть: Батюшкова, Баратынскаго, Дельвига, Козлова, Бенедиктова, Подолинскаго и т. д. Но вотъ крупное дарованіе, вызванное къ жизни геніемъ Пушкина — это Кольцовъ. (1808—1842 г.). Лучшія его вещи относятся къ изображенію крестьянскаго быта. Это почти идилліи, и вы удивляетесь, что онѣ написаны въ самый разгаръ крѣпостного права. Въ нихъ столько мягкости и нѣжности, столько вѣры въ терпѣливую силу труда, столько рабочей радости, такъ спокойно ихъ настроеніе, что, читая Кольцова, всякій понимаетъ, чѣмъ жилъ человѣкъ въ то страшное время и что помогло ему выжить несмотря ни на что. Въ другихъ своихъ пѣсняхъ и думахъ Кольцовъ отразилъ свою порывистую, нетерпѣливую и страстную натуру, натуру съ огромными не только жизненными, но и метафизическими запросами, изъ которыхъ — увы! — ни одинъ не нашелъ себѣ удовлетворенія здѣсь на землѣ въ основѣ своей религіозное —

II.

Рядомъ съ Пушкинымъ, отчасти подъ его вліяніемъ, отчасти изъ самостоятельныхъ источниковъ развилась отрицательная литература наша эта гордость и слава нашей русской литературы вообще. Зародилась она въ XVIII в., съ Кантемиромъ и Крыловымъ (1768—1844) она переходитъ въ XIX вѣкъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе слышится въ ней призывъ къ возрожденію и обновленію, признаніе того, что такъ больше жить нельзя, потому что человѣку тѣсно и душно. Эта литература естественно пріобрѣла несравненное могущество и вліяніе, такъ какъ питалась самою жизнью, а пища была изобильная. Основной мотивъ ея закрѣпленъ еще Пушкинымъ. Въ своей «Деревнѣ» онъ говоритъ.

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Всюдъ неизлѣчимый недугъ.
Не видя смѣны, не внемля стона,
На пагубу людей изгнанное судьбой,
Здѣсь варвара дикое, безъ чувства, безъ закона,
Правитъ страной насильственной лозой

И труды, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ пытать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя:
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ»...

У искренной и здоровой натуры Пушкина эта картина крѣпостного права вырвала извѣстный возгласъ: «увижу ли друзья народъ неугнетенный и рабство, падшее по манію царя»; у отрицательной литературы не всегда этотъ крикъ вырывался, не всегда даже въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей сознавала она великій грѣхъ русской жизни. Но даже это не уменьшаетъ ея значенія, потому что нужно было лишь незначительное усиліе мысли, чтобы понять, гдѣ, въ чемъ корень зла. А зло было большое — зло лжи и самообольщенія, насилія и холопства, невѣроятной тупости и лѣности мысли. И все оно разнообразными, но многочисленными нитями было связано съ органическимъ порокомъ сословнаго тунеядства.

Конечно крѣпостная культура выростила изъ себя и Пушкина, и Гоголя, и Лермонтова, и идеалистовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, и Щедрина, и Толстого. Сомнѣваться поэтому въ томъ, что она могла создавать геніевъ—конечно нельзя. Больше даже, давая художникамъ слова картины вполнѣ сложившейся, какъ въ положительномъ, такъ и отрицательномъ смыслѣ, жизни, съ четко и ясно опредѣленными формами общественныхъ отношеній, съ удивительно типичными, цѣльными экземплярами человѣческой природы — она, эта крѣпостная культура, несомнѣнно и облегчала творческій трудъ. Гончаровъ превосходно подчеркнулъ эту сторону дѣла словами: «писовать съ несложившейся жизни нельзя»: нужно, другими словами, чтобы сама жизнь давала натуру. Но чего не могла создать крѣпостная культура, это — сколько-нибудь дѣятельной и осмысленной общественной жизни, которая и на самомъ дѣлѣ представляла собою Богъ знаетъ что. Являлись на сцену отдѣльныя исключительныя личности, точно метеоры, залетѣвшіе изъ другой вселенной, были отдѣльные небольшіе кружки благородныхъ мечтателей и идеалистовъ, но жизнь,—широкая безпредѣльная жизнь молчала, погрязая въ пошлости, потому что тонъ ей давали Фамусовы, Молчалины, Чичиковы и Обломовы.

В. А. Жуковскій.

Наша отрицательная литература была несомнѣнно и началомъ нашего возрожденія, потому что дѣло никогда не ограничивалось однимъ отрицаніемъ, а шло рядомъ съ проповѣдью. Это прекрасно понялъ и оцѣнилъ Герценъ въ извѣстныхъ словахъ: «проповѣдь (въ тридцатые годы) шла все сильнѣе... все одна проповѣдь... И смѣхъ, и плачъ, и рѣчь, и книга, и исторія— все звало людей къ сознанію своего положенія, къ ужасу передъ крѣпостнымъ правомъ, все указывало на науку и образованіе, на очищеніе мысли отъ всего традиціоннаго зла, на свободу совѣсти и разума, и источникомъ всего этого было проснувшееся сердце».

Какъ оно проснулось и дѣйствительно ли проснувшееся сердце было главнымъ источникомъ движенія разсуждать здѣсь не мѣсто. Но проповѣдь, дѣйствительно, была могущественна, и приходится лишь удивляться проницательности духовныхъ вождей молодого и спавшаго народа, смѣлости ихъ мысли и той высшей честности, которая заставляла ихъ обнажать безпощадно и догола недостатки своего сословія или, проще, подрубать готъ самый сукъ, на которомъ сидѣли они и ближіе имъ.

Это духовное возрожденіе нашего общества 20-хъ—40-хъ годовъ—второй, послѣ реформы Петра, крупный фактъ нашей исторіи. Петръ обновилъ и переустроилъ русское государство, онъ освободилъ его отъ восточно-византійскаго самодовольства; но отъ того-же самодовольства, отъ той-же увѣренности, что у насъ все хорошо и даже лучше, чѣмъ у другихъ, надо было освободить и сознаніе русскаго общества. Это и сдѣлали тридцатые и сороковые годы. Въ своемъ знаменитомъ «Горѣ отъ ума» Грибоѣдовъ первый сказалъ устами Чацкаго, какъ тѣсно и душно живется русскому человѣку, какъ безсмысленно и пусто его существованіе и какъ безплодны всѣ его усилія выбраться на свѣжій воздухъ. Чацкій, говорятъ намъ, —лицо не дѣйствительное—это такъ: но *мысли* Чацкаго дѣйствительны. Въ ихъ бурномъ потокѣ слышится святое человѣческое негодованіе, рѣзкій, хотя и основанный лишь на одномъ раздраженіи, протестъ противъ пошлой и тусклой жизни, которая вся ушла на служеніе ненужному и мелкому, всему хамскому. Это-то хамство — хамство во всемъ — передъ Европой и куцыми фраками, передъ человѣкомъ чиномъ повыше тебя, передъ рѣшающимъ для гостиныхъ мнѣніемъ княгини Марьи Алексѣевны, передъ властью, богатствомъ и бѣсило Чацкаго больше всего. Но не онъ, конечно, герой «комедіи». Истинный ея герой Молчалинъ порожденіе хамскаго строя, хамскихъ идеаловъ, хамской воли. А Фамусовъ? Фамусовъ тотъ-же Молчалинъ только въ генеральскомъ чинѣ. Духомъ своимъ онъ наполняетъ всю комедію; онъ—порожденіе и излюбленный сынъ этой среды, плоть отъ плоти и кость отъ костей ея.

Пушкинъ, слушая чтеніе первыхъ главъ «Мертвыхъ Душъ», сначала смѣялся, потомъ становился все задумчивѣе и, наконецъ, сказалъ: «Боже, какъ скучна, пуста и грустна наша русская жизнь»! Это на самомъ дѣлѣ главное впечатлѣніе, которое остается отъ чтенія безсмертныхъ произведеній Гоголя, и поэтому странно было-бы винить его за то, что онъ не нашелъ для своей кисти положительныхъ типовъ. Ему, какъ сатирику, какъ человѣку религіозному съ аскетическимъ даже идеаломъ, какъ уму глубоко проницательному, бросалась прежде всего въ глаза пошлость русской жизни и ея холопство.

Гоголь ненавидѣлъ пошлость. Въ личныхъ своихъ о немъ воспоминаніяхъ Анненковъ говоритъ: «Важнѣе всего была въ Гоголѣ мысль, которую онъ приносилъ съ собою повсюду. Мы говоримъ объ энергичномъ пониманіи вреда, производимаго пошлостью, лѣнью, потворствомъ злу съ одной стороны и грубымъ самодовольствомъ, кичливостью и ничтожествомъ моральныхъ основаній съ другой. Онъ ненавидѣлъ пошлость откровенно и наносилъ ей удары, къ какимъ только была способна его рука, съ единственною цѣлью потрясти ее, если можно, въ основаніи. Честь безкорыстной борьбы за добро во имя только самаго добра и по одному только отвращенію къ извращенной и опошленной жизни должна быть удержана за Гоголемъ». Пошлость эту даже въ лучшую эпоху своей дѣятельности Гоголь и не думалъ связывать съ условіями общественной жизни. Онъ не приписывалъ ее ни крѣпостному праву, ни канцелярскому бюрократизму, ни однообразію духовныхъ интересовъ или вѣрнѣе полному ихъ отсутствію. Сначала онъ просто удивляется ей слѣдитъ за ея разнообразнѣйшими проявленіями, нанося ей каждой строкой своихъ произведеній мѣткіе и неожиданнѣйшіе удары, потомъ онъ начинаетъ склоняться къ мысли, что пошлость жизни это нѣчто роковое, неизбѣжное, что въ ней прочитается сокровеннѣйшая основа человѣческой натуры — ея

ничтожество и, наконецъ, приводитъ ее въ связь съ отсутствіемъ религіозности. Нужно вѣрить, чтобы жизнь получила смыслъ: нужно вѣрить, чтобы избавиться отъ пошлаго самодовольства, на которое человѣкъ не имѣетъ никакого права: нужно вѣрить, потому что одна вѣра даетъ идеалъ, одухотворяющій бытіе и наполняющій его вѣчнымъ и цѣннымъ содержаніемъ. Вотъ къ чему онъ пришелъ, понявъ, что пошлая жизнь это прежде всего жизнь невѣрующая, наполненная мелочами, удовлетворяющаяся малымъ и ничтожнымъ и забывающая о существеннѣйшемъ, о смерти — той смерти, которая его, Гоголя — эту вѣчно ищущую, религіозную натуру — повергала всегда въ мистическій ужасъ.

Геніальная сатира Гоголя, сорвавшая покровъ лжи и самообмана съ пустой и грустной русской мысли, — сатира, истинный смыслъ которой намъ разъяснили потомъ Гончаровъ (своимъ Обломовымъ), Островскій и Щедринъ. Эти его три ближайшихъ преемника вскрыли всю безжизненность крѣпостной Россіи, всю ея мертвенность и выразили одну сторону ея духа, а другая безнадежно запуталась въ признаніи, что выхода нѣтъ, и въ тщетныхъ попыткахъ найти этотъ выходъ. Сравнивая Русь со скачущей тройкой, Гоголь съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя, куда она скачетъ — и не находилъ отвѣта. Тутъ-то и скрывается драма его жизни — та-же, которую пришлось испытать и Лермонтову, а вѣроятно и сотнямъ другихъ менѣе извѣстныхъ людей. Въ жизни нѣтъ *исходъ*. Есть лишь пошлякъ, мерзавецъ, занятые сплетнями и предразсудками, такіе, которыхъ даже ужасъ смерти не можетъ остановить отъ самаго ничтожнаго мошенничества. Что-же можетъ измѣнить эту жизнь, наполнить ее духовнымъ содержаніемъ, обратить ничтожное въ великое, безмысленное въ прекрасное и исполненное вѣры? Вопросъ трудный, но и великая въ тоже время, и заслуга сатиры Гоголя въ томъ, что онъ поставилъ его.

Пушкинъ.

Но вотъ у Лермонтова на той-же почвѣ ужаса передъ пошлостью жизни и съ безмѣрною силою возникаетъ мотивъ негодованія. Его слава началась съ него, съ великолѣпнаго стихотворенія «На смерть Пушкина», съ особенно великолѣпной второй его части, гдѣ онъ грозно клеймитъ презрѣнныхъ потомковъ, нагѣтной толпѣ прославленныхъ отцовъ», гонитъ ихъ палачами свободы, генія и славы. И то же негодованіе въ знаменитомъ «На 1-е января», гдѣ онъ бросаетъ этой окружающей его толпѣ прямо въ лицо «желѣзный стихъ, пылающій горестью и местью». И это негодованіе, такое рѣдкое въ Россіи, есть робко бушующее въ рѣчахъ Чацкаго несвойственное Гоголю, является тѣмъ, то новымъ и вамъ кажется что [illegible] говорить не русскій Лермонтовъ, а одинъ изъ его [illegible] грозныхъ, могучихъ бароновъ, ведущихъ [illegible] свои дружины отмщенья, или тотъ рокочетъ Терекъ, [illegible] страшный неизмѣримый въ блескѣ власти, гордый [illegible] грозы. Но въ этомъ то лермонтовскомъ негодованіи русскій человѣкъ и сознавалъ себя впервые воистину человѣкомъ, и оно отъ Лермонтова передалось Герцену, съ такой опредѣленностью выразилось у Бѣлинскаго, потомъ у Добролюбова и Щедрина.

На что негодовалъ Лермонтовъ — сказать нетрудно. Здѣсь, прежде всего, окружающая его пошлость жизни, ложь враговъ и клевета друзей, неисполненныя надежды, обманы жизни, наглое самодовольство тѣхъ, кто жадною толпой стоитъ у источника всѣхъ земныхъ благъ. Дальше всѣ эти реальные, отчасти даже личные мотивы преобразуются въ суровыя приговоръ надъ жизнью вообще и жаждой смерти. Но гораздо труднѣе сказать, — во имя чего негодовалъ Лермонтовъ? Что положительное было у него на душѣ, словомъ, какой идеалъ носилъ онъ въ себѣ? Этотъ идеалъ, очевидно, нельзя искать въ прошломъ. Это прошлое онъ разъ навсегда заклеймилъ, сказавъ въ своей «Думѣ»: «и предковъ скучны намъ роскошныя забавы, ихъ легкомысленный ребяческій разгуль», и заявивъ о себѣ, и своемъ поколѣніи, что —

Богаты мы одна изъ колыбели
Отцовскими отцовъ и позднимъ ихъ умомъ.

Нельзя искать этого идеала и въ настоящемъ. Отношеніе Лермонтова къ настоящему вполнѣ негодующее. На свое поколѣніе онъ смотрѣлъ, какъ на обреченное. Онъ не вѣрилъ, что изъ него выйдетъ толкъ, не вѣрилъ, чтобы что-нибудь могло вдохнуть духъ живъ въ это истощенное, дряблое племя людей, съ дѣтскихъ лѣтъ знакомыхъ съ тоской, томленіемъ и усталостью духа. Какой безнадежностью звучатъ послѣднія строчки его «думы»:

...Изъ жизни мы уйдемъ
безъ славы и слѣда.
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой
Ни геніемъ начатаго труда...
...И прахъ нашъ съ строгостью судьи и гражданина
Потомокъ оскорбитъ презрѣнньмъ стихомъ...

Остается будущее... Но увы Лермонтовъ не говоритъ о немъ совершенно. Во всякомъ случаѣ ясно, что оно не звало его къ себѣ и не манило какими-нибудь дающими отраду призракамъ. Ему не хотѣлось быть тамъ — среди новыхъ людей и новыхъ поколѣній: оттого-то онъ такъ торопился покончить съ собой, хотя и сознавалъ въ себѣ всю мощь своего генія. Во имя же чего негодовалъ Лермонтовъ — опять приходится спросить себя? Изъ всей гаммы чувствъ особенно сильно было въ немъ развито чувство человѣческаго достоинства, не только сильно, но часто болѣзненно, до демонической гордости, до презрѣнія ко всѣмъ окружающимъ. И во имя этого человѣческаго достоинства, обиженнаго и непризнаваемаго въ жизни, онъ и негодовалъ. Ему казалось, что не только общество, не только палачи свободы генія, но самое божество, наградившее его жизнью, посягаетъ на его неотъемлемыя права, какъ человѣка, не давая ему возможности жить полной, вѣчной жизнью, которая единственно казалась ему цѣнной. А разъ не было этой вѣчной жизни, этой полноты существованія, любви безъ измѣны и страсти безъ пресыщенія, онъ не хотѣлъ брать меньшаго, какъ не хочетъ

развѣнчанный властелинъ брать полачку отъ побѣдителя. Оттого то на всѣ соблазны жизни онъ отвѣчалъ презрѣніемъ, стараясь оградить себя отъ той пошлости, которую эти соблазны вели за собою... «Какъ ты,—говорилъ онъ, объ окружающемъ его мірѣ: не вижу въ немъ предмета ни сильной злобы, ни любви», или же называлъ жизнь пустою и глупою шуткой. Только въ рѣдкія сравнительно минуты покой и миръ сходили въ его негодующую душу. Тогда онъ творилъ свою молитву, или, лучше, молитвы, изъ которыхъ видно, сколько недосказаннаго, таинственнаго и чуднаго унесъ онъ съ собою въ могилу.

Есть такіе, которые все же хотятъ выставить его вѣрующимъ человѣкомъ, вѣрующимъ во все и въ Бога, и въ безсмертіе, и въ любовь, въ счастливое будущее. Такимъ вѣрующимъ онъ не былъ никогда. Что отличаетъ его отъ Грибоѣдова, Гоголя, Чаадаева, романтиковъ вообще, это то, что онъ даже не искалъ выхода, потому что самоубійство это не выходъ. Онъ утвердился въ своей негодующей безнадежности, какъ никто, и его поэзія лучше, ярче всего доказываетъ, въ какой тупикъ ударилась русская жизнь того времени...

Кольцовъ.

По духу своихъ произведеній Островскій и Гончаровъ слишкомъ близки къ Гоголю, и, потому, допуская нѣкоторую хронологическую неточность, можно упомянуть о нихъ тутъ-же. Къ тому же вдохновеніе ихъ относится главнымъ образомъ ко времени господства крѣпостного права.

Никто не далъ такой законченной картины жизни русскаго дворянства въ крѣпостную эпоху, какъ Гончаровъ. Его Обыкновенная исторія, Обломовъ и Обрывъ — это трилогія, представляющая развитіе того же основного типа — Обломова. Сначала мы видимъ его въ грезахъ юности (Адуевъ - племянникъ), быстро погружающагося однако въ духовную спячку, затѣмъ окончательно уснувшимъ, неспособнымъ ни на что, даже на любовь, разъ въ ней есть хоть капля требовательности. Райскій, несмотря на свой талантъ и весь свой идеализмъ—тотъ же Обломовъ, негодный ни на какое дѣло. Обломовъ — родной сынъ Тентенникова — центральная фигура въ творчествѣ Гончарова, такъ глубоко захватившая жизнь средняго русскаго дворянства, что многіе считаютъ ее даже этнографическимъ типомъ, воплотившимъ въ себѣ все безволіе, всю расплывчатость славянской натуры. Но проще искать для Обломова реальное основаніе въ условіяхъ общественной жизни. «Обломовка — говоритъ Добролюбовъ: — есть наша прямая родина... Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова и спешно писать намъ надробное слово Обломову». Къ Обломову онъ очень основательно приравниваетъ всѣхъ «лишнихъ людей» этихъ нелюбленныхъ героевъ старо-барской литературы — Онѣгина, Печорина, Рудина, Бельтова и т. д. И на самомъ дѣлѣ онъ самый послѣдній изъ лишнихъ людей, которыя самъ по совѣстливости своей натуры это сознаетъ. Какъ человѣкъ, онъ милъ, добродушенъ, даже красивъ, но какъ типъ — онъ страшенъ, ибо надъ жизнью, гдѣ онъ служитъ, нависъ, проповѣдуетъ гуманность, можно смѣло поставить крестъ.

И. А. Крыловъ.

Но Гончаровымъ всю жизнь владѣла одна положительная идея, что жизнь должна быть дѣятельной, работящей жизнью, и что «такъ жить», какъ живетъ крѣпостная Россія, нельзя.

Островскій далъ намъ картину темнаго царства робкой зависимости человѣка отъ человѣка на почвѣ патріархальныхъ и экономическихъ отношеній. Въ первую половину своей дѣятельности онъ изобразилъ намъ жизнь купцовъ дореформенной эпохи, стонъ людей, придавленныхъ тяжелой пятой этой жизни, и наглый разгулъ самодурства. Тутъ онъ тотъ же мотивъ въ формѣ превосходной бытовой драмы — тоска по человѣкѣ, ужасъ при видѣ его паденія. Но у Островскаго, какъ у представителя слѣдовавшаго за Гоголемъ поколѣнія, наряду съ отрицаніемъ одинаково сильна и вѣра въ возрожденіе человѣка, въ возможность красивой и гармоничной жизни на патріархальныхъ устояхъ —*на устояхъ чистой и честной семьи*. Объ этомъ нѣсколько словъ ниже.

III.

Представителями нашего духовнаго возрожденія явились почти дѣти, «мальчики», какъ любовно называетъ ихъ Герценъ 30-хъ годовъ, достигшіе зрѣлости только въ слѣдующее десятилѣтіе. И они то нашли то положительное, что недоставало тоскующей русской жизни, нашли точку приложенія благородныхъ словъ и мечтаній нашли *мужика, народъ*. Нашъ романтизмъ былъ только исканіемъ и критикой безъ чего-нибудь опредѣленнаго, былъ только порывомъ и недовольствомъ. Но «ничѣмъ» жить нельзя; положительное также нужно человѣку, какъ хлѣбъ насущный. И мы начали его искать почти-что стихійно, почти-что безъ надежды найти что нибудь. Тутъ больше всего помогла намъ Европа, но не своими «святыми камнями», а живыми голосами своихъ живыхъ людей — прежде всего Шеллинга и Гегеля, потомъ Сенъ-Симона, Леру и Жоржъ Занда. Толчокъ къ этому умственному, философскому возрожденію былъ данъ московскимъ университетомъ, гдѣ читали Велланскій, Давыдовъ, Павловъ, Надежинъ и т. д. Когда университетъ занимался только тѣмъ, чѣмъ юношѣ ему слѣдуетъ заниматься — онъ возбуждалъ и повышалъ духовные интересы своихъ слушателей, давая имъ соотвѣтствующую по времени и обстоятельствамъ пищу. Этотъ толчокъ былъ сильный и мощный — въ одинаковой степени оцѣненный и энтузіастомъ, Герценомъ и степеннымъ Гончаровымъ. Пища духовная полученная на лекціяхъ, перерабатывалась въ кружкахъ, которые шли то за профессорами, то дальше ихъ, и шли настойчиво въ смыслѣ исканія правды жизни. Конечно обманывать себя нечего: разбросъ умственнаго движенія былъ очень малъ, онъ захва

бывали лишь отдѣльныя единицы, но важно то, что было это движеніе, создавшее красивый типъ студента московскаго университета 30-хъ (отчасти и 40-хъ) годовъ. Не только красивый, но и славный, потому что къ этому типу принадлежатъ Бѣлинскій, Станкевичъ, Герценъ, Огаревъ, Аксаковъ (Константинъ) — всѣ идеалисты и мечтатели того времени. Это движеніе скоро оформилось, опредѣлилось и почти на первыхъ же порахъ пошло по двумъ руслами: славянофильскому и западническому; но корень ихъ былъ тотъ же самый и тотъ же былъ вдохновляющій принципъ: ненависть къ крѣпостничеству и жажда обновленія.

Въ многочисленныхъ подраздѣленіяхъ и классификаціяхъ Гегеля—есть одно, очень для насъ обидное — die Menschen und die Russen (люди и русскіе). Но наши отрицатели шли дальше. Чаадаевъ (1836 г.) прямо утверждалъ, что у насъ нѣтъ прошлаго, нѣтъ настоящаго, нѣтъ и будущаго. У насъ, вообще, нѣтъ ничего»: «ни чарующихъ воспоминаній», ни «наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ», и мы живемъ въ «тупомъ равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ, безъ прошедшаго и будущаго. Мы невольники, мы бродяги широкой и безсмысленной исторической дороги, и жизнь Запада не для насъ.

Грибоѣдовъ.

Вотъ тезисъ Чаадаева, къ которому примкнули хотя и съ ограниченіями западники и противъ котораго со всей страстью фанатической вѣры въ русскій народъ возстали славянофилы. «Въ рѣшеніи славянофиловъ -говоритъ Герценъ: — лежало вѣрное сознаніе живой души въ народѣ, чутье ихъ было проницательнѣе ихъ разумѣнья. Они поняли, что современное состояніе Россіи не смертельная, а лишь временная болѣзнь. И въ то время, какъ у Чаадаева слабо мерцаетъ возможность спасенія лишь, а не народа, у славянофиловъ ясно проглядываетъ мысль о гибели лицъ, захваченныхъ современной эпохой, и вѣра въ спасеніе народа, въ будущность... Выходъ за нами — говорили славянофилы, — выходъ въ отреченіи отъ петербургскаго періода, возвращеніе къ народу, съ которымъ разобщило иностранное образованіе: воротимся къ прежнимъ допетровскимъ временамъ». Но увы! исторія не возвращается, и въ этомъ призывѣ «назадъ! домой!» — главная, существенная ошибка ихъ ученія.

Гоголь.

Шиллеръ изъ нихъ (К. Аксаковъ, братья Кирѣевскіе) были выразителями своей мысли, своей идеи, но, вообще, первые славянофилы — это выдающіяся мечтательныя и какіе же [illegible] отъ [illegible] лишь [illegible] и первые [illegible] [illegible]. Въ критикѣ существующаго они шли рука объ руку [illegible] мысли своего времени. Они отъ всей души ненавидѣли крѣпостное право, черную нерадѣ судовъ, произволъ [illegible]. Вліяніе и непріязнь, которыя они питали къ бюрократическому принципу, быть можетъ заключается главная ихъ заслуга. Они своими трудами несомнѣнно способствовали развитію интереса къ прошлому и къ народной жизни. Въ прошломъ они отвели подобающую имъ роль вѣчу и земскимъ соборамъ, въ настоящемъ — общинѣ. Чернышевскій, напримѣръ, прямо заявляетъ, что всѣ теоретическія заблужденія, всѣ фантастическія увлеченія славянофиловъ съ избыткомъ вознаграждаются уже однимъ ихъ убѣжденіемъ, что общинное устройство нашихъ селъ должно оставаться неприкосновеннымъ при всѣхъ перемѣнахъ въ экономическихъ отношеніяхъ. Это заявленіе тѣмъ характернѣе, что, вообще говоря, «Современникъ» относился къ позднему славянофильству лишь съ насмѣшливымъ презрѣніемъ. Но, конечно, кто, какъ не Чернышевскій, могъ оцѣнить полностью это открытіе «общины», «артели», «міра» въ нашей старой жизни, этотъ взглядъ на общину, артель и міръ, какъ на устой, откуда духъ живъ не ушелъ, гдѣ онъ пребывалъ въ теченіе всѣхъ вѣковъ крѣпостного права, гдѣ онъ долженъ жить независимо отъ экспериментовъ бюрократіи?..

Зародившееся или, по крайней мѣрѣ, оформившееся въ семействѣ Аксаковыхъ — ученіе первыхъ славянофиловъ носитъ на себѣ явные слѣды духовнаго и нравственнаго «благообразія», тамъ господствовавшаго. Семейная жизнь Аксаковыхъ -дѣйствительно красива. Никакого принужденія, никакой лжи, никакого формализма и «все сообща». Эти же устои славянофилы хотѣли перенести и въ общественно-государственную жизнь. Не законъ, не законность, не правопорядокъ— а нравственную связь между людьми клали они камнемъ краеугольнымъ въ основу своихъ соціально-политическихъ мечтаній. Чтобы всесь строй жизни былъ патріархаленъ, исполненъ любви, тихаго и мирнаго сіянія, взаимнаго довѣрія, чтобы онъ покоился на нравственномъ авторитетѣ старшихъ и соотвѣтствовалъ общему разуму всего народа! Оттого-то не своду законовъ, а религіозно-нравственнымъ началамъ жизни желали они всяческаго развитія.

«Патріархальность» — вотъ слово, которое можетъ служить ключомъ къ пониманію ученія первыхъ славянофиловъ. Въ своей литературной дѣятельности они являются прежде всего публицистами, пропагаторами; художественному творчеству они отводили лишь служебную роль и брались за стихи, драмы, повѣсти лишь съ тѣми же пропагаторскими и проповѣдническими цѣлями. Иначе они и не могли, такъ какъ ясно сознавали свою нравственную отвѣтственность передъ ходомъ общественной жизни. Они вполнѣ раздѣляли взгляды Бѣлинскаго на *реальныя*, общественныя задачи литературы и критики, и любопытныя слова сохранились намъ въ этомъ смыслѣ отъ К. Аксакова. Вотъ что писалъ этотъ учитель, наставникъ

и, я бы сказалъ — начетчикъ славянофильства: «Въ наше время поэтическое произведеніе, хотя написанное съ талантомъ (ибо таланты всегда возможны), можетъ быть только средствомъ, однимъ изъ способовъ для изображенія той или другой мысли. Извѣстенъ анекдотъ о математикѣ, который, выслушавъ изящное произведеніе, спросилъ: что этимъ доказывается? Какъ ни странно этотъ вопросъ въ приведенномъ случаѣ, но есть эпохи въ жизни народной, когда при всякомъ, даже поэтическомъ, произведеніи является вопросъ: «что этимъ доказывается?» Таковы эпохи исканій, изслѣдованій: трудовыя эпохи постиженія и рѣшенія общихъ вопросовъ. Такова наша эпоха! Какой изъ критиковъ-шестидесятниковъ отказался бы подписаться подъ этими словами?

По *настроенію* ближе всего подходятъ къ славянофильству сочиненія С. Т. Аксакова и Островскаго въ положительной части его комедій и драмъ.

Къ группѣ западниковъ принадлежатъ самыя дорогія имена нашей литературы: Бѣлинскаго, Грановскаго, Герцена, Кавелина, Тургенева и т. д. Общій смыслъ западничества тотъ, что нѣтъ возможности построить русскую жизнь на ея собственныхъ, самобытныхъ устояхъ, что главная наша опора — «мощная мысль запада», защищающая свободу и интересы личности.

Лермонтовъ.

Послѣ Полевого Бѣлинскій былъ первый замѣчательный разночинецъ нашей литературы. Очень важно отмѣтить это обстоятельство, потому что вплоть до 60-хъ годовъ наша литература была барская, дворянская и конечно носила на себѣ отпечатокъ своего сословнаго духа. Но разночинецъ внесъ въ нее особенную, свою струю — практическаго демократизма. Благородныя и прекраснодушныя мечтанія нашихъ баръ онъ замѣнилъ положительными желаніями: изъ литературы онъ сдѣлалъ профессію; онъ не умѣлъ мыслить понятіе красоты безъ понятія пользы. Защищая себя, свою личность — онъ защищалъ и другихъ. Отсюда эта страстность, эта нервность работы, любви и ненависти.

Опредѣлимъ прежде всего основную идею дѣятельности Бѣлинскаго. Это — идея личнаго развитія и совершенствованія на почвѣ общаго счастья. «Для меня человѣческая личность выше общества, выше человѣчества», — говоритъ онъ въ письмѣ къ Боткину. Эта-то человѣческая личность и была тѣмъ камнемъ краеугольнымъ, на которомъ онъ воздвигъ свое окончательное міросозерцаніе. Пусть жизнь огромна, велика, могущественна, пусть она считаетъ за собой миріады вѣковъ прошлаго, — все же человѣкъ не обязанъ падать передъ ней ницъ, а напротивъ того, онъ долженъ призывать ее къ суду передъ своимъ сознаніемъ, своими нравственными запросами и добиваться, во что бы то ни стало, своего личнаго и общаго счастья. Здѣсь передъ нами настоящій Бѣлинскій, тотъ, который не выносилъ никогда никакого внѣшняго давленія и почти ребенкомъ понялъ всѣ ужасы крѣпостного права. Если несчастенъ я, и несчастны другіе, — значитъ — жизнь не разумна», — такъ разсуждаетъ онъ и инстинктивно онъ всегда такъ думалъ, хотя и не рѣшался высказать подобнаго рода ересь. Когда исходная точка найдена, — сдѣлать изъ нея выводъ не трудно, и Бѣлинскій съ обычной своей страстью и принялся за эту работу. Онъ рѣзко измѣнилъ свой взглядъ на Шиллера. Презрѣнный Шиллеръ сталъ для для него великимъ Шиллеромъ. Онъ ненавидѣлъ его прежде за то, что его поэзія исполнена интимными запросами души человѣческой, что въ ней кипитъ страсть, что въ ней слышатся проклятія злу жизни. Но, когда онъ призналъ все это законнымъ — Шиллеръ сталъ ему дорогъ и даже дороже олимпійски спокойнаго, величаваго Гёте. По той же причинѣ онъ примирился съ французами и пересталъ находить глупыми и пошлыми ихъ увлеченія идеалами лучшаго общественнаго устройства.

Отсюда уже простъ переходъ къ общественности. Въ послѣднихъ своихъ статьяхъ онъ отдаетъ себя въ жертву обществу и въ служеніи этому обществу видитъ единственное назначеніе человѣка. Его безконечно тяготила мысль, что такъ много голода и холода на землѣ, и онъ готовъ отказаться отъ самого себя, отдать послѣднюю рубашку, чтобы исправить жизнь и сдѣлать ее болѣе соотвѣтствующей достоинству человѣка. Его оскорбляютъ чужія страданія, ему не даютъ покоя чужія слезы, онъ думаетъ, что человѣкъ имѣетъ право на счастье здѣсь на землѣ, и если этого счастья нѣтъ, то виноваты обстоятельства, которыя можно и должно устранить. Наивный и страстный, онъ не разъ вздыхаетъ о томъ, что у него нѣтъ какой-нибудь сотни милліоновъ, которая дала бы ему возможность гдѣ-нибудь въ южной Америкѣ или Австраліи основать колонію и показать людямъ, какъ они могутъ жить по-человѣчески и какъ безмѣрно могутъ быть они счастливы здѣсь на землѣ. Здоровый, свѣжій воздухъ, работа сообразно съ призваніемъ и назначеніемъ, свободная обязательность; любовь безъ страха передъ завтрашнимъ днемъ — все это мерещилось Бѣлинскому, все это вдохновляло его. Въ этомъ своемъ настроеніи онъ твердо вѣрилъ, что все зло жизни — ничто иное, какъ результатъ невѣжества и лукавости, онъ отрицаетъ какіе бы то ни было законы исторіи, которые будто бы предопредѣлили страданія человѣка; онъ ненавидитъ эти страданія, онъ думаетъ, что они не нужны, онъ готовъ схватиться съ самою судьбой во имя достоинства личности и горко, стоя одной ногой въ могилѣ, говоритъ, что человѣкъ имѣетъ право на все, даже на безсмертіе, счастье же на землѣ его назначеніе.

Гончаровъ.

Одна изъ первыхъ его литературныхъ работъ — трагедія Дмитрій Калининъ — была посвящена горячему и страстному

[illegible] противъ крѣпостного права. Затѣмъ онъ взялся за критику, за инспировѣрленіе ложныхъ авторитетовъ, за любопытное изученіе всего талантливаго и [illegible] на чемъ можно было основать зданіе литературы. Онъ пришелъ къ мысли, что литература должна служить обществу въ его стихійномъ стремленіи выбиться на дорогу, обезпечивающую общее счастье, отрѣшиться отъ предразсудковъ отъ этой вонючую тяжелой [illegible] мертвыхъ, — познать дѣйствительность. Онъ любилъ литературой и вѣрилъ въ ея огромную роль въ будущемъ, когда она явится дѣйствительнымъ выраженіемъ жизни народа и общества и станетъ служить великому принципу, что счастье на землѣ — назначеніе человѣка. Его взгляды на литературу можно резюмировать такъ:

«Литература наша была плодомъ сознательной мысли, явилась какъ нововведеніе, началась подражательностью. Но она не остановилась на этомъ, а постоянно стремилась сдѣлаться естественной, натуральной. Это стремленіе, ознаменованное замѣтными и постоянными успѣхами, и составляетъ смыслъ и душу исторіи нашей литературы. И мы, не обинуясь, скажемъ, что ни въ одномъ русскомъ писатель это стремленіе не достигало такого успѣха, какъ въ Гоголѣ. Это могло совершиться естественно только черезъ исключительное обращеніе искусства къ дѣйствительности, помимо всякихъ идеаловъ. Для этого нужно было обратить все вниманіе на толпу, на массу, изображать людей обыкновенныхъ, а не пріятныя только исключенія изъ общаго правила, которыя всегда соблазняютъ поэтовъ на идеализированіе и носятъ на себѣ чужой отпечатокъ. Это великая заслуга со стороны Гоголя, но это-то люди стараго образованія и вмѣняютъ ему въ великое преступленіе передъ законами искусства. Этимъ онъ совершенно измѣнилъ взглядъ на самое искусство. Къ сочиненіямъ [illegible] изъ поэтовъ русскихъ можно, хотя и съ натяжкой, приложить старое и всякое опредѣленіе поэзіи, какъ «украшенной природы»; но въ отношеніи къ сочиненіямъ Гоголя это уже невозможно сдѣлать. Къ нимъ идетъ другое опредѣленіе искусства, какъ воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея [illegible]. Тутъ все дѣло въ типахъ, а [illegible] тутъ [illegible] не какъ [illegible] [illegible] ложь, а какъ отношенія, въ которыя авторъ [illegible] другъ къ другу [illegible] [illegible] сообразно съ мыслью, которую хотѣлъ развить своимъ [illegible]».

О [illegible] художественномъ чувствѣ Бѣлинскаго распространяться [illegible] [illegible] себя теперь почему его можно считать представителемъ [illegible]. Въ отвѣтъ на это [illegible] [illegible] привести кулерьки [illegible] въ Гоголю, особенно въ мысли, что онъ стремится [illegible] [illegible] отношенія и говоритъ о [illegible] [illegible] [illegible]. Но дѣло ясно и безъ этого. [illegible] [illegible] [illegible] Бѣлинскій отвѣтить [illegible] [illegible] сознательному творчеству отдѣльныхъ [illegible] [illegible] [illegible]. Дальше [illegible] [illegible] [illegible]

подобными не только Сумарокову, Озерову, Кукольнику, Полевому — но и исторіографу Карамзину и славянофилу Аксакову.

Народъ только и зналъ, что идти и бѣжать. Но вотъ оказалось, что онъ *страдаетъ*, страдаетъ невыносимо. Это не то что было ново, но какъ-то никто не догадывался сказать этого раньше такъ громко и рѣшительно, какъ сказалъ Григоровичъ своей повѣстью.

По нелицепріятному свидѣтельству Щедрина, она была и «живымъ лучомъ» и «свѣжимъ глоткомъ воздуха». Бѣлинскій писалъ о ней Боткину: «Вѣроятно ты уже получилъ XI-й № «Современника». Тамъ повѣсть Григоровича («Антонъ Горемыка»), которая испугала меня: читая ее, я все думалъ, что присутствую при экзекуціяхъ. Страшно! Вотъ поди ты... Цензура чуть ее не прихлопнула: конецъ передѣланъ — выкинута сцена разбоя, въ которой Антонъ участвуетъ». И далѣе: «Я знаю, что сижу въ односторонности, но не хочу выходить изъ нея и жалѣю, и болѣю о тѣхъ, кто не сидитъ въ ней. Вотъ почему въ Антонѣ я не замѣтилъ длиннотъ, или, лучше сказать, упивался длиннотами... Боже мой! Какое изученіе русскаго простонародья въ подробныхъ до мелочности описаніяхъ ярмарки!.. Но перечитывать Антона я не буду, хотя всегда перечитываю по нѣскольку разъ всякую русскую повѣсть, которая мнѣ понравится. Ни одна русская повѣсть не производила на меня такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удушливаго впечатлѣнія: читая ее, мнѣ казалось, что я въ конюшнѣ, гдѣ благонамѣренный помѣщикъ поретъ и истязаетъ цѣлую вотчину — законное наслѣдіе его благородныхъ предковъ»...

К. С. Аксаковъ

Бѣлинскій, проницательность котораго въ этомъ случаѣ выразилась, по моему, гораздо ярче, чѣмъ, скажемъ, въ признаніи величія Гоголя, передъ которымъ и раньше уже преклонялся весь кружокъ Станкевича, — отрицая художественность въ Антонѣ Горемыкѣ, видѣлъ однако въ этой повѣсти «дѣло», — произведеніе, «способное возбудить вопросы и производить нравственное впечатлѣніе на общество». Для него въ то время это было дороже всего. Повѣсть на самомъ дѣлѣ была историческимъ моментомъ въ развитіи русской литературы и сыграла историческую роль. Григоровичъ сказалъ то слово, которое было на языкѣ у всѣхъ, и котораго почему-то никто не рѣшился высказать: слово это было мужикъ, самый обыкновенный сермяжный мужикъ, не мужикъ-пастушокъ начала вѣка и безчисленныхъ «Пѣсенниковъ», не мужикъ-орало и скоморохъ патріотическихъ драмъ и комедій, а мужикъ сѣрыхъ будней, обыденной жизни, обыденныхъ, но тяжелыхъ страданій. Слово было найдено, и мужикъ водворился въ литературѣ.

Растерзанной фигурѣ «Антона Горемыки» русская литература положительно должна была бы воздвигнуть памятникъ. Ея духомъ, ея содержаніемъ она жила почти полвѣка — правда, содержаніемъ расширеннымъ и углубленнымъ, но, въ сущности, тѣмъ же самымъ. Здѣсь заключалась цѣлая программа, здѣсь былъ данъ лозунгъ — одинъ изъ тѣхъ лозунговъ, которые имѣются въ литературѣ, и второстепенное литературное произведеніе сыграло первую историко-литературную роль. Послѣ него можно было писать о чемъ угодно и сочинять что угодно, но тотъ писатель, который такъ или иначе не выяснилъ своего отношенія къ мужику, къ народу не могъ уже разсчитывать на продолжительное общественное вниманіе: на него смотрѣли только какъ на забавника, его читали только для развлеченія, къ нему не относились серьезно. «Мужицкій и мужицкій вопросъ стали вопиющу нравственной цензурой — строгой, непреклонной, подчасъ неумолимой, избѣжать которой не было никакой возможности. Было признано, и всѣ согласились, что это «самое важное». Сотни и тысячи произведеній посвящались самому важному», оно создавало репутаціи и уничтожало ихъ, оно подчиняло себѣ эстетику, оно стало душою критики, мало того — у Толстого оно вылилось въ цѣлую философски-религіозную систему. Какъ превосходно предчувствовалъ это Бѣлинскій, когда писалъ Боткину: «Будь повѣсть русская хоть сколько-нибудь хороша, главное сколько-нибудь дѣльна — я не читаю, а пожираю... Ты сибаритъ, сластена... — тебѣ, вишь, давай поэзіи да художества — тогда ты будешь смаковать и чмокать губами. А мнѣ поэзіи и художественности нужно не больше, какъ на столько, чтобы повѣсть была истинна, т. е. не впадала въ шаржъ и аллегорію или не отзывалась диссертаціею. «Главное, чтобы она вызывала вопросы, производила на общество нравственное впечатлѣніе. Если она достигаетъ этой цѣли и вовсе безъ поэзіи и творчества — она для меня тѣмъ не менѣе интересна»... (Письма начала 1848 г.).

И эти слова написаны все по поводу того же «Антона Горемыки». Изъ нихъ вы прекрасно можете видѣть, какъ повліялъ мужикъ — не картонный мужикъ, а настоящій — на критику, въ то время самую живую и отзывчивую часть литературы. Послѣ этого вспомните шестидесятые годы за «разрушеніе эстетики»! Если эстетика и не была разрушена раньше, то въ этомъ повинно чисто случайное обстоятельство: преждевременная смерть Бѣлинскаго и еще болѣе рѣшительно настроеннаго Вал. Майкова. Однако и тотъ, и другой заложили анти-эстетическіе мины, а Писаревъ, Чернышевскій, Добролюбовъ только зажгли фитили.

И. С. Аксаковъ.

Статьи Бѣлинскаго о натуральной школѣ и мужикѣ — настоящее profession de foi того времени въ его благородномъ стремленіи найти выходъ своимъ духовнымъ силамъ, отдѣлаться отъ величайшаго грѣха жизни — унынія, безпечности, тоски. Пришествіе мужика было болѣе чѣмъ возрожденіемъ литературы, мужикъ сталъ основнымъ фактомъ ея жизни, принципомъ ея организаціи, залогомъ ея дальнѣйшаго серьезнаго развитія. Радищевъ могъ-бы сказать въ эту минуту: нынѣ отпущеніи!.. Гуманизмъ окончательно восторжествовалъ и въ смыслѣ прямо гуманизма, какъ служенія свободѣ человѣка, и въ смыслѣ гуманности, какъ жалости и состраданія ко всему обиженному и униженному.

Тургеневъ самъ считалъ началомъ своей литературной дѣятельности не стихи и поэмы, а «Записки охотника» (1843 г.), которыми онъ приступилъ къ исполненію своихъ гамилькаровой клятвы: бороться до конца съ врагомъ своей жизни крѣпостнымъ правомъ. Любилъ ли онъ мужика, народъ? Не столько любилъ, пожалуй, сколько видѣлъ въ мужикѣ чело-

ника, приближал въ немъ живую человѣческую душу и цѣнилъ красоту ея. Онъ не народникъ, онъ не говоритъ, что надо учиться у мужика, что надо дѣлать такъ, какъ мужикъ хочетъ, онъ видитъ, что мужикъ грязенъ, невѣжественъ, что звѣрь сидитъ въ немъ и желаетъ для него счастья, не особеннаго какого-нибудь въ родѣ того, что нѣкогда мерещилось Достоевскому (счастья въ рабьемъ видѣ), а единственно возможнаго, основаннаго на знаніи, достаткѣ, правахъ. Основное чувство «Записокъ охотника», чувство жалости къ мужику, смѣшанное съ какимъ-то удивленіемъ передъ всевыносящей силой всевыносящаго племени и отвращеніе къ произволу. Здѣсь же Тургеневъ является передъ нами человѣкомъ *высшей* культуры, какимъ онъ былъ и оставался всю свою жизнь, и между тѣмъ натурой почти женской, меланхолической, неспособной на рѣзкій протестъ, натурой созерцательной и задумчивой — словомъ, однимъ изъ самыхъ красивыхъ представителей дворянскаго русскаго типа. Своей ганнибаловской клятвѣ, т. е. своему обѣщанію борьбы за «физическое и «духовное» освобожденіе человѣка онъ не измѣнилъ ни на іоту и въ дальнѣйшей своей дѣятельности. Освобожденіе женщины, освобожденіе русскаго интеллигента отъ насѣвшей на него мистики, отъ кружковой узости — вотъ дальнѣйшія его «задачи», какъ идейнаго художника, потому что онъ былъ во-истину однимъ изъ самыхъ умныхъ и идейныхъ русскихъ художниковъ, но конечно онъ не публицистъ и не борецъ. Въ каждаго изъ своихъ героевъ онъ вложилъ частицу собственнаго духа, и посмотрите, какіе это «герои» мягкіе, нѣжные, красивые, немного даже капризные, настоящія женщины безъ дерзости духа, безъ гордости, даже жестокости, все ожидающія того, за кѣмъ пойти и кто поведетъ ихъ (кромѣ Инсарова). И самъ Тургеневъ относится къ нимъ съ такимъ же вниманіемъ, такой же предупредительной ласковостью, какъ будто всѣ они безъ исключенія женщины. Совершенно справедливо назвали его поэтомъ «лишнихъ людей». Онъ и былъ въ полномъ смыслѣ слова *поэтомъ* — поэтомъ, герои слова и благородныхъ порывовъ, этихъ мужчинъ съ красивою женской душой. Одного взгляда на нихъ достаточно, чтобы сказать, что они не сдѣлаютъ ничего, что ни къ какой упорной борьбѣ они не способны, что всякое усиліе глубоко претитъ ихъ мягкой натурѣ (мягкой даже у Базарова), ихъ выхоленнымъ рукамъ и сердцамъ, гдѣ таится все честное, хорошее, но переливается не въ работу, а въ слезы умиленія, восторги слова, въ художественные образы грустной, даже пессимистической окраски. Это *красивые* люди прежде всего, и самое красивое въ нихъ это уваженіе къ другому человѣку, какъ личности, т. е. основная черта характера самого Тургенева. Въ этомъ смыслѣ Тургеневъ можетъ быть названъ однимъ изъ благороднѣйшихъ русскихъ гуманистовъ, но гуманистомъ-аристократомъ, натурой артистической прежде всего, но и романтикомъ въ то же время. Несомнѣнно, что своими женскими типами (Наташа въ «Рудинѣ», Лиза въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» и т. д.) онъ шелъ навстрѣчу женскому освободительному движенію горячимъ защитникомъ которого онъ былъ отъ начала до конца. Но онъ мечталъ о большемъ, чѣмъ объ освобожденіи русской интеллигентной женщины отъ семейственныхъ ея гиперболизмъ и долгостыдъ, которые «лишаютъ ея всякаго отвращенія и столько горькой правды» (Дневн. 1868 г.). Какъ во всемъ и поэтому нужно барина — говоритъ онъ это лицо Потугинъ. Теперь, напримѣръ, мы всѣ съ естественнымъ наслажденіемъ записываемся въ [illegible] Почему бы сему какъ [illegible] мы записываемся въ [illegible] что дѣло [illegible] [illegible] натура. Но [illegible] барина. Когда барина [illegible] стараго долой. То былъ Яковъ, а теперь Сидоръ: въ ухо Якову, въ ноги Сидору... Кто палку взялъ, тотъ и капралъ»... Удивительныя слова и удивительная гуманистическая мечта, заключенная въ нихъ! Но онъ прощалъ даже это и опять тоже и вмѣстѣ съ Потугинымъ говорилъ: «Я люблю и ненавижу Россію, свою странную, милую, скверную, дорогую родину». — Лучшимъ по художественной цѣльности произведеніемъ его надо признать «Дворянское гнѣздо», съ чуднымъ образомъ Лизы, этой внучки пушкинской Татьяны — въ центрѣ. По силѣ, съ какой читателю передается настроеніе, это вещь самая музыкальная, и, вѣроятно, самая грустная повѣсть новой русской литературы. Здѣсь, говоря словами Гейне, Тургеневъ творилъ, гуляя по кладбищу своего сердца.

Гуманистическое движеніе 40-хъ годовъ создало и Достоевскаго. Опредѣляя свое литературное происхожденіе, онъ говоритъ: всѣ мы вышли изъ Гоголевской «Шинели». Не изъ шинели вышли конечно «Преступленіе и наказаніе» или «братья Карамазовы», но «Шинель» могла дать толчокъ къ вдохновенію для «Бѣдныхъ людей», «Двойника», «Униженныхъ и оскорбленныхъ» и т. д. Важнѣе Шинели» общее филантропическое настроеніе эпохи, которое заступилось за права угнетенныхъ, на какой бы ступени общественной лѣстницы они ни находились. Самъ больной, несчастный и всю жизнь нищій, Достоевскій такъ глубоко, какъ никто, могъ заглянуть въ эти подполья и чердаки нашей общественной жизни и въ психологію оскорбленнаго, въ которомъ теплится еще искорка собственнаго достоинства. Оскорбленнаго за что? Вотъ вопросъ, который мучаетъ героевъ первой половины его литературной дѣятельности, и этотъ вопросъ задаютъ себѣ одинаково настойчиво и Дѣвушкинъ и Голядкинъ, и Иванъ Петровичъ, стоя передъ глухой стальной сѣткой общаго равнодушія человѣка къ человѣку. «За что? Развѣ мнѣ нѣтъ мѣста на землѣ? Развѣ крупица счастья не должна бы выпасть и на мою долю?» — робко вообще и смѣло лишь въ припадкахъ сумасшествія, съ тоской безнадежности и взрывами негодованія, съ жгучей ненавистью и съ жгучей любовью къ людямъ спрашиваютъ себя эти замухрышки-чиновники и замухрышки-писатели, у которыхъ лишь изрѣдка достаетъ силы, чтобы совсѣмъ уйти въ подполье и оттуда «мстить» людямъ, но мстить, терзая себя и полосуя свое сердце каждой местью. Гуль у Достоевскаго глубочайшая психологія современнаго человѣка — пролетарія, рвущагося къ жизни и безжалостно отталкиваемаго отъ нея то дворянскими привилегіями, то наглостью сильныхъ, то чѣмъ-то стихійнымъ, выростающимъ до размѣровъ судебъ. Но что же дѣлать съ этимъ выпавшимъ на долю униженіемъ, какъ принять его? Какое фантастическое зданіе смиренія, радостно воспринимающаго удары, или же борьбы, свирѣпо расточающей эти удары, надо выстроить, чтобы жить? И каждый романъ Достоевскаго такое новое зданіе, въ которомъ могъ бы жить живой Богъ человѣка, давая ему отвѣты на всѣ вопросы, разрѣшая всѣ сомнѣнія, обрекая на смиренную любовь или гордое возстаніе. Раскольниковъ строитъ это зданіе изъ своей теоріи, по которой сверхъ-человѣку все позволено. Миша Карамазовъ изъ завѣтовъ старца Зосимы, герои Бѣсовъ — изъ мстительной ненависти къ тѣмъ, кто оскорбилъ въ нихъ любовь къ людямъ и къ счастью этихъ людей, и т. д.; но зданіе все равно какое: съ Богомъ или безъ Него должно быть воздвигнуто, такъ какъ *убить* человѣка нельзя, такъ какъ въ каждомъ, самомъ больномъ и самомъ маленькомъ, богатомъ и бѣдномъ, нѣчномъ каторжникѣ и выпачканномъ чернилами чиновникѣ лежитъ одинаковое, священное право на счастье и смыслъ своей жизни.

Бѣлинскій.

V.

Въ Герценѣ и Щедринѣ много общаго и, прежде всего, одинаковое, исполненное любви и негодованія, отношеніе къ жизни. Герценъ старше. Онъ другъ Бѣлинскаго и часто его вдохновитель, онъ одинъ изъ создавшихъ 40-е годы, тогда какъ Щедринъ вышелъ изъ нихъ, — но это различіе чисто-хронологическое. Оба прежде всего борцы за права свободнаго человѣка, оба художники-публицисты, ратовавшіе за святость личности. Сила и сущность ихъ стиля — ироція, изящная, отточенная у Герцена; бьющая молотомъ и злобно-вдохновенная у Щедрина. Оба — идеалисты 40-хъ годовъ — они шли въ сущности тою же дорогой, съ тою разницей, что болѣе мягкую, созерцательную, артистическую натуру Герцена легче было прельстить какою-нибудь красивою утопіею, чѣмъ воистину непримиримаго Щедрина. Оттого-то такъ часто и такъ страстно увлекавшійся Герценъ окончилъ полнымъ пессимизмомъ, разочарованностью и усталью, а свѣтъ Щедрина не утерялъ своей бодрости даже наканунѣ смерти. Герценъ неудачу личныхъ своихъ порывовъ и стремленій обновить людей связалъ съ мрачной теоріей, отдававшей человѣка въ распоряженіе стихійно-историческихъ, не зависящихъ отъ него, силъ; Щедринъ умеръ за своими «забытыми словами» (добро, истина, красота, свобода, честь, совѣсть), въ которыя онъ очевидно продолжалъ вѣрить, такъ какъ хотѣлъ напомнить ихъ современности. Оба, наконецъ, представители «трагической сатиры», возведенной въ перлъ созданія еще Гоголемъ, потому что эта сатира, преслѣдуя произволъ, пошлость, самодовольство — никогда, ни на шагъ не отступаетъ отъ основного вопроса: гдѣ и въ чемъ причина великаго страданія людей? И Герценъ, и Щедринъ какъ бы возвращаются къ точкѣ зрѣнія Грибоѣдова и настойчиво говорятъ намъ о хамскомъ и рабьемъ духѣ, который равнодушно допускаетъ эти страданія около себя и самъ причиняетъ ихъ, разъ судьба дала ему въ руки возможность это сдѣлать. Отсюда ихъ протестъ противъ бездушныхъ куколъ, противъ жителей города Малинова или города Глупова, противъ хамовъ Іудушекъ. Рабство духа — вотъ съ чѣмъ бились они во имя того высокаго идеала человѣка-гражданина, который былъ постоянно передъ ихъ умственнымъ взоромъ. Много цѣннаго, остроумнаго и художественно-прекраснаго написано Герценомъ въ защиту своего идеала, но противоположное ему понятіе человѣка-хама, человѣка-раба особенно подробно разработано Щедринымъ. Здѣсь мы познаемъ его прежде всего, какъ писателя-гуманиста, потому что вѣчно вопитъ то, чего онъ не хочетъ. Въ своихъ многочисленныхъ писаніяхъ онъ постоянно возвращается къ рабьему духу, преслѣдуетъ его, какъ своего личнаго врага, строитъ на немъ свои семейныя и психологическія драмы и съ великой тоской идеалиста и мечтателя слѣдитъ, какъ этотъ духъ коверкаетъ и отравляетъ все человѣческое въ человѣкѣ, все человѣчное въ общественныхъ отношеніяхъ. На почвѣ, отравленной его ядомъ, пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтаютъ трусость, лицемѣріе, гнусная низость и всевозможныя злодѣйства. Въ такихъ вещахъ, какъ «Губернскіе очерки», «Господа Головлевы», «Пошехонская старина», «Мелочи жизни» мы имѣемъ полную психологію рабьяго духа. Щедринъ не разъ опредѣляетъ его, и вотъ одно изъ этихъ опредѣленій:

«Истинный рабъ, — пишетъ онъ, — имѣетъ впечатлительность скоропреходящую, потому-то именно онъ и рабъ, что не можетъ сосредоточить свою мысль ни въ какомъ ощущеніи. Вспышки совѣсти въ немъ часты, но минутны. Блужданіе между нравственною лжемѣрой и безпорядочнымъ раскаяніемъ — вотъ единственная форма, въ которой воплощается и проблески общечеловѣческихъ основъ, которые безсильна заглушить даже безпощадная рабская дисциплина. И чѣмъ сильнѣе вспышки самосознанія, тѣмъ рѣзче слѣдующій за ними обмій упадокъ силъ. Даже раскаяніе, эта подлинная изъ всѣхъ формъ внутренняго человѣческаго самосуда, слишкомъ тяжеловѣсно, чтобы плечи раба могли выносить его бремя. Рабъ не перестаетъ быть рабомъ даже въ тѣ минуты, когда у него болитъ сердце. Охваченный бунтующею совѣстью, онъ умиротворяетъ ее не дѣйствительнымъ удовлетвореніемъ ея законныхъ требованій, а тѣмъ, что старается обойти, замять, позабыть. Онъ изобрѣтатель на всякія уловки — это одна изъ прерогативъ его званія — и потому безъ труда отыскиваетъ противовѣсъ пробудившемуся сознанію въ готовыхъ представленіяхъ о неизбѣжности и коловратности. И вотъ, крики боли начинаютъ мало-по-малу стихать, и незнаній вопль: «унизительно, стыдно, больно» смѣняется другимъ: «лучше не думать». Затѣмъ человѣкъ уже дѣлается разсудительнымъ, въ умѣ его постепенно образуется представленіе о неизбѣжномъ рокѣ, о гнетущей силѣ обстоятельствъ, противъ которой безполезно или, по малой мѣрѣ, рискованно прать, и наконецъ, какъ достойное завершеніе всѣхъ этихъ недостойностей, является краткій, но имѣющій рѣшающую силу афоризмъ: надо же жить. Да, надо жить. Надо пести его жизни съ осторожностью, благоразуміемъ и даже стойкостью. Рабъ — дипломатъ по необходимости: онъ долженъ какъ можно чаще повторять себѣ: «жить, жить надо», потому что въ этихъ словахъ заключается отпущеніе его совѣсти, потому что въ нихъ утопаютъ всевозможныя жизненныя программы, начиная свободой и кончая рабствомъ».

Григоровичъ.

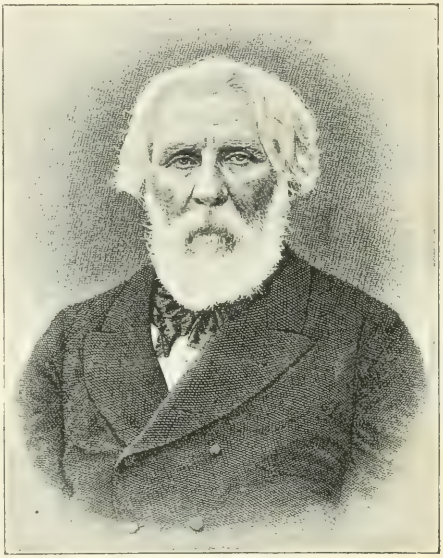
Щедринъ, какъ видно уже изъ этихъ словъ, очень широко понимаетъ рабство: для него это не просто извѣстныя экономическія и юридическія отношенія, въ которыхъ одинъ человѣкъ можетъ находиться къ другому, это нѣчто гораздо большее. Это, прежде всего, самосохраненіе, подчинившее себѣ всѣ остальныя чувства и даже убившее ихъ всѣ вплоть до голоса совѣсти, это торжество низшей природы, заботящейся лишь объ удовлетвореніи своихъ инстинктовъ. Всѣ средства, которыя ведутъ къ достиженію этой цѣли, законны, всѣ преступленія, которыя могутъ быть совершены во славу ея, не могутъ возбуждать никакихъ колебаній и угрызеній. Рабъ «лукавъ», сказалъ Пушкинъ; «рабъ дипломатъ по необходимости», — говоритъ Щедринъ, но «дипломатія» только часть его духовнаго состоянія...

Послѣднее произведеніе Щедрина: «Пошехонская старина» — настоящая поэма, въ которой мы видимъ образованіе и развитіе рабскаго духа. Поэма Герцена «Былое и думы» (этотъ русскій «Фаустъ») представляетъ собою гнѣтное исканіе свободолюбиваго духа — гдѣ-бы въ Россіи или Европѣ преклонить голову, когда-бы и гдѣ сказать: «мгновеніе, остановись!»

Сравнивая начало вѣка съ концомъ сороковыхъ годовъ, удивляешься огромности пройденнаго пути. Возьмите поэтовъ этой эпохи. Тутъ, конечно, нѣтъ Пушкина, но есть такія блестящія и яркія дарованія, какъ Гнѣдичъ, Майковъ, Фетъ, Полонскій, Огаревъ, начинающій Некрасовъ и гр. Ал. Толстой. Гнѣдичъ, поэзія котораго гораздо шире его славянофильской тенденціи, далъ образцы чудной лирики изъ области отношеній человѣка къ природѣ. Самъ поэтъ хотѣлъ бы слиться съ послѣдней, которая представляется ему живой и одухотворенной, съ грустью сознаетъ невозможность этого и не безъ отчаянія противопоставляетъ бѣдное тревожное существованіе человѣка величаво спокойному бытію природы. Лучшее наслѣдіе Майкова — его эпопеи: поэзія чисто-языческая и курная, строгихъ и отчетливыхъ орнаментовъ. Больше всего Май-

кого занимало пространство личнаго міра съ міромъ христіанскимъ. Фетъ какъ никто, умѣлъ передавать тонкія, едва уловимыя настроенія, вызванныя общеніемъ человѣка и природы или близостью любимаго существа. Онъ вонстину можетъ-быть на ряду съ Полонскимъ названъ лучшимъ нашимъ лирикомъ. Некрасовъ поэтъ народникъ, пѣвецъ горя народнаго, безсильно порывавшійся къ лучезарному идеалу эпохи—счастливому крестьянскому царству. Въ поэзіи Огарева два начала—одно меланхолическое, въ которомъ вы легко узнаете русскаго хорошаго барина, другое—бодрое, вѣрующее и даже радостное, навѣянное мечтами о переустройствѣ общества. Гр. А. Толстой, прославившійся, какъ драматургъ, черпалъ свое вдохновеніе изъ преданій вольной кіевской Руси и изъ эпохи борьбы боярства съ московскими царями, особенно Грознымъ.

Но вообще въ эту эпоху романъ, повѣсть, беллетристика становятся излюбленнымъ чтеніемъ. Спросомъ пользуются и историческіе романы—Лажечникова, Загоскина, Н. Полевого, Кукольника и т. д. Къ этому же времени надо отнести зарожденіе этнографической беллетристики, по существу бытовой, но съ спеціальной окраской данной мѣстности. Нѣсколько позже въ этой области высшаго мастерства достигъ Мельниковъ (1819—1883). Въ критикѣ мы видимъ имена Бѣлинскаго, Вал. Майкова, Апол. Григорьева. Но не менѣе существенно, что за каждымъ изъ этихъ крупныхъ или крупнѣйшихъ людей скрывались десятки и сотни людей теперь забытыхъ, составлявшихъ однако кадры литературной арміи. Напоминать о нихъ въ отдѣльности нечего, но вся ихъ забытая масса заслуживаетъ, право, добраго слова съ нашей стороны. Не легка литературная работа и невесела литературная карьера, и эти литературные труженики внесли каждый свою лепту въ сокровищницу родного слова... А чѣмъ даже и до сей поры живъ нашъ духъ, какъ не имъ?



Тургеневъ.

VI.

60-ые годы удивительная и странная эпоха нашего общественнаго «вдохновенія». Въ первые ея годы—отъ воцеженія на престолъ Александра II-го вплоть до петербургскихъ пожаровъ—мы видимъ даже исключительное единодушіе русской мысли, по крайней мѣрѣ по существеннымъ вопросамъ. Всѣ какъ будто знали, что надо дѣлать, и жаждали этого дѣла. Всѣ знали, что жить основами прошлаго нельзя, что обновленіе, реформы необходимы, а прежде всего необходимо освобожденіе крестьянъ. Но это было только начало, хотя бы и самое важное. Надо было обновить суды, цензуру, администрацію, эмансипировать женщинъ, выстроить желѣзныя дороги и т. д. Всѣхъ—и молодыхъ, и старыхъ—охватило лихорадочное пробужденіе—истинная сущность котораго сводилась къ тому, что общество стремилось къ самодѣятельности, къ отдѣленію отъ административной опеки, полновластной и [illegible] въ царствованіе Николая I-го. Органами этой самодѣятельности должны были явиться печать, земство, суды [illegible]. Этотъ стремленіе къ самодѣятельности, къ [illegible] отъ [illegible] и стремились удовлетворить литературы этого. Принципомъ ея основою былъ гуманизмъ, [illegible] гуманизмъ, [illegible] характеръ преобладательной [illegible]. Мечтали о созданіи на Руси чело[illegible]. И въ этомъ сводилось все, этому все [illegible].

[illegible] и [illegible] работникъ этотъ, на [illegible] отъ низовъ и на [illegible] не [illegible]. Все сводится къ ней, ей только все должно служить, и даже наши страсти должны быть направлены такъ, чтобы сдѣлать трудъ человѣка возможно болѣе производительнымъ.

Вотъ простой и совершенно понятный теоретическій принципъ 60-хъ годовъ, психологію которыхъ я старался свести когда-то въ одной изъ прежнихъ своихъ работъ къ психологіи вѣрующаго работника.

«Когда принципъ переходитъ въ жизнь, писалъ я,—онъ по необходимости становится уже непримиримѣе и враждебнѣе, чѣмъ прежде, относится къ другимъ принципамъ, стоящимъ у него поперекъ дороги. 40-е годы и красоть поклонялись, и мужику глубоко сострадали; 60-е—прежде всего рабочіе годы, и, какъ отъ таковыхъ, смѣшно и странно требовать, чтобы они являлись передъ нами съ цитатой изъ Пушкина или Гюго на устахъ. Имъ было не до того: имъ надо было по красивому и изящно нарисованному плану выстроить зданіе. Естественно, что они начались въ пыли и мусорѣ и, отбросивши комфортъ и эстетику, изо всѣхъ силъ принялись стучать молотками и топорами. Подойдите вы къ человѣку, увлеченному физической или другой работой, и попросите его вмѣстѣ съ вами полюбоваться на голубое небо, на струю свѣтлой лазури и т. д.—вамъ придется услышать, вѣроятно, что-нибудь очень рѣзкое. Психологію торопливаго труда,—труда, одушевленнаго во имя вполнѣ ясно сознанной цѣли, но вполнѣ опредѣленной программы, и притомъ неотложнаго,—такова психологія 60-хъ годовъ: другой нечего искать. И если кому не нравится, какъ люди работаютъ молоткомъ и топоромъ, тому нечего искать у шестидесятниковъ, а слѣдуетъ обратиться къ совершенно другой эпохѣ. И такихъ эпохъ—очень даже достаточно. Посмотрите на 60-е годы такъ, какъ они могутъ представиться хладнокровному и даже не заинтересованному наблюдателю... и вы увидите прежде всего оживленную работу и своеобразную серьезность и идейность жизни. Передъ вами оживаетъ цѣлое поколѣніе, если хотите не совсѣмъ «уклюжее», не совсѣмъ изящное, совершенно не созерцательное,—поколѣніе, на долю котораго выпала преимущественно черная работа ликвидаціи крѣпостного права и крѣпостныхъ отношеній вообще. Вѣдь и Левъ Толстой былъ тогда мировымъ посредникомъ и училъ ребятишекъ въ яснополянской школѣ. Другіе составляли справочныя книжки, энциклопедическіе словари, популяризировали науку. Инженеру, проводящему желѣзную дорогу, нѣтъ дѣла до того, что ему придется срубить вѣковой дубъ, подъ сѣнью котораго еще вчера цѣловались влюбленные, или что онъ, прорывъ канаву, испортитъ чудный видъ и остановитъ журчаніе ручейка. Съ этой точки зрѣнія шестидесятники относились къ красотѣ и чистому искусству. То и другое они замѣняли «обществомъ», общественными вопросами, отвѣтственностью человѣка передъ собой, полюбовными и т. д. Сосредоточенный, внимательный работникъ всегда кажется дилеттанту и ограниченнымъ, и узкимъ, потому что ему, этому сосредоточенному и внимательному работнику, не всегда есть время и охота погрустить о роковой тайнѣ бытія и пр. Этотъ рабочій, трудовой принципъ очень характеренъ для 60-хъ годовъ. Вы его найдете и у Чернышевскаго, и у Добролюбова, и у Писарева, ну, а второстепенные писатели доводили его до крайности и порывались прямо бранились, когда имъ очень уже нравились восхваленіи къ мулъ, лунѣ, звѣздамъ, богинѣ красоты и пр. По части манеръ и пріятнаго обхожденія—тутъ дѣйствительно есть недочетъ. Журнальныя статьи того пре-

мени зачастую писались съ плеча, фразы подбирались рѣзкія, бьющія, то и дѣло вставлялись, для украшенія стиля, слова очень рѣшительныя... Но вѣдь тогда было не до пріятнаго обхожденія—это во-первыхъ, а во-вторыхъ—соединить въ себѣ сразу и чернорабочаго, и джентльмена подъ силу немногимъ».

Многія «ошибки», по тщательномъ разсмотрѣніи, могутъ, вѣроятно, оказаться очень простительными. Возьмите, напр., отношеніе 60-хъ годовъ къ наукѣ вообще и естествознанію въ частности. И той, и другимъ увлекались. Лучшія, серьезнѣйшія вещи читались, перечитывались не только спеціалистами, а просто интеллигентными людьми. Мы далеки отъ такой научности и еще дальше отъ попытокъ и стремленія перестроить жизнь на научномъ основаніи. Но работникъ такъ смотрѣть на дѣло не можетъ. Каждый его шагъ, каждое его соприкосновеніе съ дѣйствительностью убѣждаютъ его, что единственная опора труда, это знаніе, что чѣмъ это знаніе ближе къ основнымъ потребностямъ жизни, тѣмъ оно полезнѣе. Отсюда восторгъ передъ естествознаніемъ, какъ передъ положительной и несомнѣнной опорой для человѣка въ его работѣ, его жизни вообще, какъ главномъ разрушителѣ предразсудковъ. Ничего другого и нельзя было найти въ то время, когда главнымъ вопросомъ для каждаго былъ вопросъ: «что дѣлать»?

Герценъ.

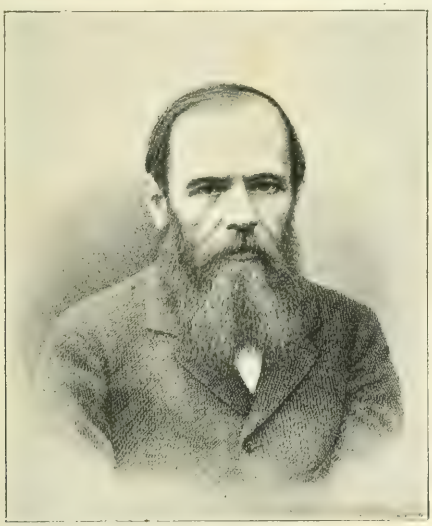
Эта своеобразная, полная вѣры и самоувѣренности, мечтавшая даже о томъ, чтобы сразу и навсегда переустроить Россію по совершеннѣйшему типу идеальнаго государства, эпоха создала и своеобразную литературу. Все стало проповѣдью, каѳедрой, самоучителемъ, а у малыхъ писателей прямо таки — обиходной рецептурой чуть ли не на всѣ возможные случаи повѣстія новыхъ людей. Все стало публицистикой.

Любимыхъ поэтовъ было двое — Огаревъ и Некрасовъ, но слава перваго, разумѣется, очень невелика, по сравненію со славой второго. Огаревъ — романтикъ и меланхоликъ по своей натурѣ. Отчасти подъ вліяніемъ своего друга Герцена, отчасти подчиняясь господствующимъ вѣяніямъ эпохи, онъ усвоилъ себѣ гражданскіе мотивы, самые нужные мотивы для того времени. Это обеспечило успѣхъ его въ высшей степени искренной и благородной поэзіи,—съ небольшимъ, правда, запасомъ яркихъ красокъ, но отзывчивой къ обновляющимъ порывамъ проснувшагося общества. Популярность Некрасова была гораздо шире и глубже.

Я призванъ былъ воспѣть твои
страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ,
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ—

говоритъ о себѣ Некрасовъ, и это вѣрно, особенно первое—«воспѣть страданья». «Некрасовъ, — говоритъ одинъ современный критикъ: — чувствовалъ себя хозяиномъ скорбящаго народнаго царства, этихъ необозримо богатыхъ владѣній, для извлеченія изъ нихъ въ каждую минуту чего нибудь ужасающагося для сильныхъ міра. «Народъ безмолствовалъ», но это придавало только еще болѣе трагическій характеръ пѣснямъ Некрасова. Онъ увлекался своей мыслей, облагораживался въ ней, возвышался до голоса истиннаго гражданина, видѣлъ въ ней свою славу, свое искупленіе за какой-то грѣхъ... Въ теченіе многихъ лѣтъ на глазахъ цѣлой Россіи развертывался этотъ романъ Некрасова съ народомъ. Поэзія была не только въ томъ, что онъ писалъ, но въ самой его роли, въ этой исторіи нераздѣленной болѣзненной любви Некрасова къ народу. Такъ что, когда онъ умеръ, то его, издавна уже избалованнаго богатствомъ, несмѣтная толпа хоронила со слезами, какъ страдальца за народъ и убогихъ». Въ своей поэзіи онъ несомнѣнно былъ имъ.

Собственно не художественныя произведенія пользовались очень большимъ значеніемъ и успѣхомъ въ эту эпоху, но тѣ, въ которыхъ выставлялись прежде всего правы лизни, какъ бы сурова она ни была, или тѣ, которыя указывали путь для разумной дѣятельности — почти внѣ зависимости отъ художественности или нехудожественности выполненія — находили себѣ массу читателей, поклонниковъ и учениковъ. Главнымъ



Достоевскій.

Салтыковъ.

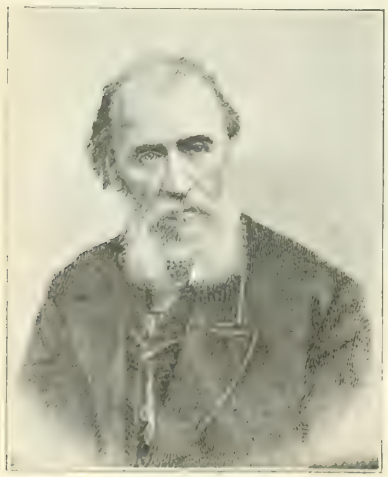
Тютчевъ.

тому, что никогда и ни въ какомъ случаѣ человѣкъ не долженъ переоцѣнивать личную жизнь въ своихъ глазахъ, что эта личная жизнь имѣетъ значеніе только въ томъ случаѣ, если она общеполезна, если она вноситъ свѣтъ въ окружающую тьму невѣжества, предразсудковъ, гражданскаго старообрядства, что разумный человѣкъ долженъ радостно и самоотверженно идти навстрѣчу всѣмъ освободительнымъ стремленіямъ жизни и личности, что онъ долженъ быть *активенъ* прежде всего.

Помяловскій несомнѣнно очень крупное художественное, хотя и не доразвившееся дарованіе того времени. Вслѣдствіе ранней смерти онъ оставилъ недоконченными, быть-можетъ, лучшія, во всякомъ случаѣ, самыя глубокія свои работы, какъ «Гражданскій бракъ» и «Братъ и сестра» — особенно «Братъ и сестра» — эту страшную картину петербургской нищеты и петербургскихъ трущобъ, гдѣ героями должны были явиться отверженные люди. Долго мечталъ Помяловскій объ этомъ своемъ романѣ набрасывая изъ него рядъ отрывковъ, мечталъ радостно и съ злорадствомъ, говоря: «вотъ ужо я выставлю эти картины напоказъ нашему обществу пусть полюбуется». Оставляя въ сторонѣ «Молотова» и «Мѣщанское счастье», съ героемъ-разночинцемъ средней руки въ центрѣ, съ героемъ беллетристики того времени былъ интеллигентъ-разночинецъ, дѣятельно «вносящій въ жизнь обновляющія ея начала» во имя идеала справедливости и всеобщаго счастья. Интеллигентъ-разночинецъ является въ десяткахъ произведеній, все въ той же роли, въ томъ же ореолѣ просвѣтителя. Поучительность этихъ произведеній сводится къ то недосказанное, что таилось у нихъ на душѣ; проклятія ихъ и слезы хотѣлъ онъ выразить такъ, чтобы затрепетали сердца людей, чтобы задрожали они отъ ужаса, отъ этихъ страдныхъ картинъ нищеты, отъ этихъ сгорбленныхъ язвъ, отъ вдохновляющей мыслью, что всякій, даже маленькій человѣкъ, имѣетъ несомнѣнное право на личное счастье здѣсь на землѣ, собственнымъ своимъ трудомъ заработанное — я укажу здѣсь на удивительное сочетаніе въ Помяловскомъ великой любви и великой злобы. Своими Очерками бурсы, своими недоконченными произведеніями онъ хотѣлъ мстить обществу, оставляющему безъ вниманія такую массу несчастныхъ и обездоленныхъ, самодовольно хвастающемуся своей культурностью, выведенной однако на гнойной почвѣ трущобъ — и въ то же время пробудить филантропическія чувства къ этимъ обездоленнымъ, которыхъ самъ онъ любилъ съ какою-то страстью, какимъ-то надрывомъ. О! Всей душой хотѣлъ онъ сказать правду объ этихъ забитыхъ людяхъ, досказать

Графъ А. К. Толстой.

Майковъ.



Полонскій.

Фетъ.

промозглыхъ трущобъ, гдѣ таится она. Вѣдь эти трущобы кладбища, и тутъ похоронены неудачные порывы талантливыхъ натуръ, робкія ихъ мечты о счастьѣ, надломленныя непосильнымъ трудомъ силы, загубленныя жестокой и холодной жизнью души людей—это все же святыя души, несмотря на всю грязь и все униженіе, въ которомъ погрязли они.— По идеѣ таланта близко подходитъ къ Помяловскому Левитовъ.

Время идеальныхъ или, во всякомъ случаѣ, идеализированныхъ и приподнятыхъ типовъ изъ крестьянской жизни прошло. Гордая эпоха 60-хъ годовъ хотѣла знать всю правду, какъ она есть. Если ей говорили, что мужикъ невѣжественъ — она отвѣчала, что «мужика учить надо», и не только не пугалась предстоявшей работы, но рвалась къ ней. Лишь бы не было въ жизни лжи и самообмана—вообще какого бы то ни было обмана, даже возвышающаго—вотъ ея девизъ. Благодаря этому мы видимъ ту странную вещь, что въ эпоху народолюбія, когда все вниманіе было сосредоточено на судьбѣ мужика, съ жадностью читались произведенія Рѣшетникова, Левитова, Н. Успенскаго, и надъ мужикомъ можно было шутить такъ, какъ шутилъ, напр., Слѣпцовъ, хотя, 10 лѣтъ раньше или 10 лѣтъ спустя, такія шутки показались бы непозволительными или прямо-таки издѣвательствомъ, а автора ихъ притянули бы къ суду по пункту laesae majestatis. Господствовавшую тогда точку зрѣнія на народническую беллетристику этого типа прекрасно опредѣлилъ Чернышевскій словами: Давнымъ давно критика стала замѣчать, что въ повѣстяхъ и очеркахъ изъ народнаго быта и характеры, и обычаи, и понятія народа сильно идеализируются. Стало-быть, намъ нечего и доказывать это, когда всѣмъ оно извѣстно. Мы лучше поищемъ причинъ, по которымъ не могъ отстать отъ идеализированія народа никто изъ прежнихъ нашихъ беллетристовъ, несмотря на совѣты критики. По нашему мнѣнію, источникъ непобѣдимаго восхваленія народныхъ нравовъ былъ и похваленъ, и чрезвычайно печаленъ. Замѣчали ли вы, какую разницу въ сужденіяхъ о человѣкѣ, которому вы симпатизируете, производитъ ваше мнѣніе о томъ, можно или нельзя выбиться этому человѣку изъ тяжелаго положенія, внушающаго вамъ состраданіе къ нему? Если положеніе представляется безнадежнымъ, вы толкуете только о томъ, какія хорошія качества находятся въ несчастномъ, какъ безвинно онъ страдаетъ, какъ злы къ нему люди и т. д. Порицать его самого показалось бы вамъ напрасною жестокостью, говорить о его недостаткахъ — пошлою безчувственностью. Ваша рѣчь о немъ должна быть панегирикомъ ему; говорить о немъ въ иномъ тонѣ было бы вамъ совѣстно».

Некрасовъ.

По мнѣнію Чернышевскаго идеализація мужика была необходимостью для барской литературы 40-хъ годовъ, когда положеніе мужика представлялось безвыходнымъ. Но теперь выходъ найденъ. Нужна, слѣдовательно, правда и только правда о народѣ, которая помогла бы вывести его на настоящую дорогу. Къ чему,—спрашиваетъ Чернышевскій: «къ какой идеализаціи? И отвѣчаетъ:

Читайте повѣсти народнаго быта гг. Григоровича и Тургенева со всѣми ихъ подражателями—все это насквозь пропитано запахомъ «Шинели» Акакія Акакіевича. Прекрасно и благородно, въ особенности благородно, до чрезвычайности. Только какая же польза изъ этого народу? Для насъ польза дѣйствительно была и очень большая. Какое чистое и вкусное наслажденіе получали мы отъ сострадательныхъ впечатлѣній, сладко щекотавшихъ нашу мысль ощущеніемъ нашей способности трогаться, умиляться, сострадать несчастію, проливать надъ нимъ слезу, достойную самого Манилова. Мы становились добрѣе и лучше,— нѣтъ, это еще очень сомнительно, становились ли мы добрѣе и лучше,— но мы чувствовали себя очень добрыми и хорошими. Это очень большая пріятность: ее можно сравнить только съ тѣмъ удовольствіемъ, какое получалъ покойный мужъ Коробочки отъ чесанія пятокъ...

Словомъ, идеализація это барскій самообманъ, самообольщеніе. Только знаніе неприкрашенной дѣйствительности поможетъ справиться съ жизнью и направить ее въ надлежащее русло. Прибавимъ къ этому, что сами беллетристы-народники своей правдой хотѣли «помочь мужику».

VII.

Ни въ чемъ такъ рельефно не выразился боевой и практическій характеръ эпохи 60-хъ годовъ, какъ въ ея критикѣ и публицистикѣ, которая имѣла своими представителями Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, Щедрина, Каткова, Зайцева и т. д. Критика, не измѣняя завѣтамъ Бѣлинскаго, сузила ихъ, пренебрегла эстетикой и индивидуальностью писателя, чтобы сосредоточить все вниманіе на общественномъ содержаніи идей его произведенія. Задача критики заключалась теперь въ томъ, чтобы «связать литературу съ жизнью» и заставить литературу служить жизни и ея совершенствованію. «Прекрасное было отодвинуто на второй планъ, какъ и наслажденіе только имъ было признано мало достойнымъ. Какъ на самое существенное, указывалось въ литературѣ на то, что она можетъ глубже и вѣрнѣе, нежели что либо другое, отражать въ себѣ жизнь и притомъ не только съ внѣшней стороны

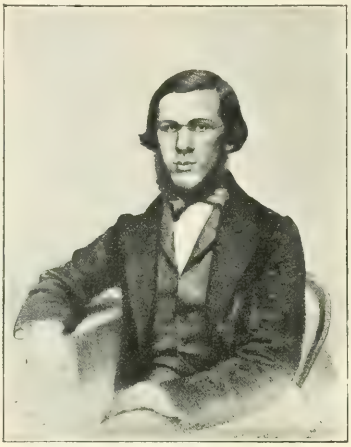
Мельниковъ.

которую одну мы наблюдаемъ въ дѣйствительности, но и съ внутренной, болѣе глубокой, которая часто ускользаетъ отъ насъ. Художникъ или поэтъ есть какъ бы обязательный мудрецъ, который въ выводимыхъ имъ образахъ или передаваемыхъ фактахъ концентрируетъ разсѣянныя черты жизни, иногда схватываетъ глубочайшую ихъ сущность

и даже уяснялись ихъ причины. Поэтому, изучая литературу, мы изучаемъ самую жизнь, а съ тѣмъ вмѣстѣ и научаемся, какъ относиться къ послѣдней». Основной вопросъ, который ставили себѣ Добролюбовъ и Писаревъ, сводился къ тому, въ чемъ главное зло нашей жизни. Различные ихъ отвѣты создали и различныя направленія. По мнѣнію Добролюбова, главное зло заключалось во внѣшнихъ условіяхъ нашей общественности. Эти внѣшнія условія своимъ вліяніемъ на человѣка создали что-то половинчатое, трусливое и косное. Личность въ немъ стерлась. Человѣкъ теряется при каждомъ самостоятельномъ шагѣ. Если жизнь поставила его въ привилегированное положеніе, онъ обращается въ Обломова, если жизнь предопредѣлила ему быть внизу общественной пирамиды, онъ по необходимости является искалѣченнымъ, хотя все же лучшимъ, чѣмъ привилегированные Обломовы. Поэтому то борьба съ внѣшними условіями —«темнымъ царствомъ» въ многообразныхъ его проявленіяхъ, является для Добролюбова главной задачей гражданина земли русской. Чтобы «обновиться», мало упразднить крѣпостное право, надо вытравить всѣ слѣды крѣпостничества изъ семьи, школы, канцеляріи, общественной жизни и устроить такой порядокъ, при которомъ всѣ были бы равно свободны и равно счастливы. Съ этой точки зрѣнія, т. е. насколько они способствуютъ наступленію лучшей эпохи или препятствуютъ ему, Добролюбовъ и разсматривалъ литературныя произведенія. Наиболѣе полно высказался онъ въ статьяхъ о темномъ царствѣ, посвященныхъ произведеніямъ Островскаго. Писаревъ, преслѣдуя тѣ же «критическія» задачи, что и Добролюбовъ, т. е. стремясь «связать литературу съ жизнью», былъ однако въ значительной степени бо́льшимъ индивидуалистомъ. Онъ не склоненъ былъ признавать рѣшающаго значенія внѣшнимъ обстоятельствамъ въ жизни человѣка или общества: трезвая, реалистическая мысль, воспитанная на естествознаніи, оказывалась въ его глазахъ достаточно могущественнымъ орудіемъ, чтобы разрушать всѣ преграды и творить доброе на мѣстѣ злого. Исходная точка зрѣнія его критики русской жизни заключалась въ томъ, что мы бѣдны и глупы, поэтому первая наша задача учиться и еще учиться, чтобы стать мыслящими реалистами. Мыслящій реалистъ это тотъ, кто путемъ саморазвитія и науки достигнетъ добродѣтели и счастья, которое возможно всегда и всюду.

Главное вниманіе публицистики того времени было обращено на реформы. Въ наиболѣе популярныхъ въ тѣ дни статьяхъ Чернышевскаго проводилась та замѣчательная мысль, что, сохранивъ общину артель, міръ и т. п. «устои крестьянской жизни, только обновивъ ихъ новой мыслью и новой волею, мы можемъ предохранить народъ отъ бѣдствій и стать самымъ счастливѣйшимъ народомъ на землѣ. Эта гражданская утопія осталась увы безъ поддержки исторіи.

60-е годы то и справедливо называютъ «просвѣтительными». Ихъ умственное движеніе сравниваютъ даже съ ренессансомъ вліяніемъ Европы XVIII в., разумѣется, нашего времени. Но самою силою вѣра въ разумъ, въ возможность построенія жизни на разумныхъ началахъ, требованіе [illegible], перешагнуть, прыгнуть впередъ естественными



Добролюбовъ.

науками этимъ точнымъ знаніемъ—все это явленія той же категоріи и все это одинаково характерно для эпохи. Шелгуновъ всю свою жизнь твердилъ: намъ нужна школа, еще школа и еще школа. Камнемъ краеугольнымъ ученія Писарева было сознаніе, что мы бѣдны и глупы, и, значитъ, наша первая обязанность учиться, чтобы развивать свои производительныя силы. Вся беллетристика того времени была построена на противоположеніи людей умныхъ, раціонально устраивающихъ свою жизнь, и людей неумныхъ, держащихся рутины, традицій и предразсудковъ. Прибавьте къ этому стремленіе женщинъ къ образованію, воскресныя школы, массу публичныхъ лекцій, которымъ лишь обстоятельства помѣшали превратиться въ народные университеты, упорную популяризацію, напряженное изданіе дешевыхъ и общедоступныхъ книжекъ, работу на поприщѣ народнаго образованія, и вы увидите, что просвѣщеніе это нервъ эпохи. Не единственный, конечно, но самый важный, и можно сказать, что когда исчезли всѣ другія мечты эпохи, когда всѣ другія ея вѣрованія оказались разрушенными — эта мечта видѣть народъ умнымъ, образованнымъ и самодѣятельнымъ, эта вѣра въ могущество разума и знанія уцѣлѣли среди обломковъ и составляютъ необходимый элементъ людей 60-хъ годовъ», очутившихся среди новой обстановки. Слова Писарева, что мы бѣдны и глупы, и что, пока мы бѣдны и глупы, ничто не дается намъ—быть можетъ самое драгоцѣнное, что завѣщано намъ тѣмъ временемъ. Отсюда понятнымъ и опять таки характернымъ для эпохи является интересъ къ вопросамъ воспитанія, понятной и характерной — роль лучшихъ нашихъ педагоговъ, напр. Ушинскаго, Водовозова, Стоюнина и т. д.—потому что 60-ые годы—это тоже мечта о созданіи путемъ науки и просвѣщенія новой породы развитыхъ, умныхъ, здоровыхъ и самодѣятельныхъ людей.

На смѣну просвѣтительной эпохи 60-хъ годовъ явилось народничество, хотя истиннымъ основателемъ его является Чернышевскій. Это было движеніе чисто интеллигентное, выросшее на почвѣ разочарованія въ реформахъ и сосредоточившее всѣ свои надежды на мужикѣ, на народѣ, который, какъ Микула Селяниновичъ, вытащитъ наконецъ тяжелую сумку общаго счастья.

Писаревъ.

Воспитанные преимущественно на образцахъ западной мысли, на теоріяхъ французскихъ утопистовъ, какъ на фундаментѣ, народники продолжали дѣло западниковъ, развивая и обостряя ихъ критику окружающихъ условій, относясь съ полнымъ и непримиримымъ отрицаніемъ ко всей совокупности и ко всѣмъ частностямъ доктрины офиціальной народности. Въ Россіи крестьянской они видѣли существованіе такихъ устоевъ, опираясь на которые, по ихъ мнѣнію, можно было найти самыя смѣлыя надежды. Этими устоями были артель, община, кустарная промышленность и др. остатки «первобытнаго коммунизма», какъ называютъ это явленіе западные соціологи. Это сближало народниковъ съ славянофилами.

Народническое движеніе очень сложно. Тутъ и жажда отмщенія, и покаяніе за грѣхи, содѣянные хотя бы отцами и дѣдами въ эпоху крѣпостного права, и представлявшаяся очередной возможность перейти сразу отъ артели, общины, міра къ высшимъ формамъ хозяйственной жизни.

Литература въ значительной степени создала такое настроеніе. Какъ бы вернувшись къ традиціямъ сороковыхъ годовъ, она возобновила свою идеализацію народа и устоевъ народной жизни. Служеніе народу даже на самомъ незамѣтномъ поприщѣ являлось въ ея глазахъ высшимъ изъ доступныхъ человѣку дѣлъ. Ея настойчивая и дѣйствительно возвышенная проповѣдь находила себѣ горячій откликъ въ сердцахъ юношества того времени, и стоитъ только вспомнить поразительные по красотѣ типы народнаго учителя, или учительницы, или земскаго врача, чтобы понять, сколько жажды подвига и самоотверженія таили въ себѣ семнадцатилѣтніе, и это въ обстановкѣ жизни, рѣшительно выступившей на путь наживы, спекуляціи, карьеризма и всякаго рода предпринимательства.

Я могъ бы закончить свой очеркъ здѣсь такъ какъ отчетъ о литературѣ послѣдней четверти вѣка читатель найдетъ въ другомъ мѣстѣ. Но я не могу обойтись безъ нѣсколькихъ строкъ о Толстомъ, ибо литература, которой мы теперь живемъ, или вся изъ него, или вся около него. Съ другой стороны прежняя литература до 60-хъ годовъ нашла въ немъ свое завершеніе.

Большая часть произведеній Толстого — это геніальная лѣтопись жизни нашего стараго родовитаго барства — его Иліада и Одиссея. Если Тургеневъ поетъ великихъ людей, красивыхъ и талантливыхъ, но ненужныхъ представителей дворянской среды, то Толстой поетъ людей сильныхъ и крѣпкихъ, которыми держалась дворянская жизнь. Онъ страстно любитъ эту жизнь, близкую къ природѣ и народу, — любитъ въ ея хозяйственной работѣ и ея отдыхѣ, ея развлеченіяхъ и забавахъ, ея горестяхъ, въ ея щедрости и ея домостроительствѣ. Въ такихъ типахъ, какъ Николай Ростовъ или его сестра Наташа, онъ воплотилъ все устойчивое и положительное, что было создано тою обстановкой и чѣмъ она держалась «твердо и нерушимо». Но уже въ Андреѣ Болконскомъ и Безуховѣ онъ намѣтилъ необходимые элементы ея разложенія.

Рядомъ съ барской была жизнь народная. Самъ вышедшій изъ родовитой среды, Толстой почти всю жизнь промучился надъ противорѣчіемъ между бариномъ и мужикомъ, особенно послѣ того, какъ ему пришлось побывать на севастопольскихъ бастіонахъ. Тутъ онъ научился уважать «простыхъ» людей, великихъ въ своемъ смиренномъ и молчаливомъ героизмѣ. Онъ понялъ, что чѣмъ-то онъ обязанъ передъ ними, и вскорѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ, находясь еще весь во власти теоріи совершенствованія, онъ принялся учить крестьянскихъ дѣтей въ своей яснополянской школѣ. Но это ученіе быстро прѣѣлось ему, какъ барская затѣя, и онъ занялся своими хозяйственными и интеллигентными дѣлами. Только все-же ни литературой, ни домашнимъ счастьемъ, ни великой славой, ни полнымъ успѣхомъ во всѣхъ дѣлахъ не могъ онъ вытравить изъ души своей какого-то стыда, какой то совѣстливости за свое привилегированное положеніе. И вотъ настала минута, когда этотъ стыдъ и совѣстливость всецѣло овладѣли его душой, когда онъ сталъ мечтать о самоубійствѣ, о раздачѣ имѣнія, когда онъ захотѣлъ стать мужикомъ, какъ всѣ мужики вокругъ него, когда онъ отрекся отъ своего художества и предалъ анаѳемѣ науку и искусство.

Въ этой личной драмѣ Толстого — всѣ мотивы, пережитые нашей интеллигенціей въ отношеніи къ народу. Сначала спокойное пользованіе дарами судьбы и чужимъ трудомъ крѣпостныхъ, потомъ уваженіе къ этой «округлой», гармонической жизни мужика и его смиренному героизму, какое то смутное пониманіе, что тревоги интеллигентнаго сердца могутъ прекратиться, лишь когда оно проникнется стихійнымъ міросозерцаніемъ народа, потомъ желаніе 60-хъ годовъ «учить» мужика, до себя поднять его, и наконецъ упреки совѣсти за свое привилегированное положеніе и стремленіе учиться у народа правдѣ его трудовой жизни.

Баринъ и мужикъ — вотъ основное противорѣчіе. Какъ и въ чемъ примирить его? Толстой всю жизнь искалъ этого примиренія и не нашелъ, потому что примирить — значитъ въ этомъ случаѣ разрѣшить всѣ сомнѣнія нашей прошлой исторіи. Толстой былъ то бариномъ-мужикомъ, то мужикомъ-бариномъ и лишь въ рѣдкія минуты однимъ чѣмъ-нибудь. Стихійно влекла его къ себѣ барская жизнь, въ обстановкѣ которой цѣлые вѣка жили его предки, стихійно влекла его къ себѣ и мужицкая жизнь, чья красота постоянно «металась» ему въ глаза, чьей правды онъ не могъ не признать. И онъ сталъ на распутьи, не разрѣшивъ ни одного изъ своихъ сомнѣній, но собравъ въ своей личной жизни всѣ исканія русскаго прошлаго — исканія осмысленнаго и правиднаго «бытія». Онъ — великій мечтатель, каждый новый день увлекающійся новымъ идеаломъ во имя голоса своей непримиримой совѣсти и неудовлетвореннаго представленія о правдѣ личной жизни и общественныхъ отношеній.

Не тотъ же ли мечтатель стоитъ и въ центрѣ нашей литературы? И мечтатель, какъ счастью, пока непоправимый? Не онъ ли руководитъ ея судьбами? Не онъ ли не довольствуется ничѣмъ пріобрѣтеннымъ — ни славой, купленною кровью, ни полнымъ довѣрія покоемъ? Не онъ ли не знаетъ и не знаетъ еще и теперь радости обладанія и всѣ силы свои душевныя тратитъ на стремленіе, порывъ, исканіе? Не онъ ли съ такой наивной, геніальной откровенностью раскрываетъ передъ міромъ всѣ свои язвы, какъ бы радуется, что ихъ такъ много, и всенародно бичуетъ себя? Не ему ли не шель въ прокъ хлѣбъ воздѣланный рабами? Не его ли совѣсть мучило рабство народное? Не онъ ли помышлялъ о счастьѣ всего человѣчества? Не онъ ли? И странно-живучій мечтатель! Никакія препятствія не останавливаютъ его. Никакихъ границъ онъ не признаетъ. Больше полвѣка пылъ онъ о томъ, что народъ закрѣпощенъ. Народъ освободили. Мечтатель сейчасъ же принимается за старое и спрашиваетъ: «народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ?..» И такъ всегда и во всемъ. Ни разу за сто лѣтъ не измѣнилъ онъ своему призванію мечтателя-гуманиста, своему великому идеалу свободы и счастья. Отъ начала до конца говорилъ онъ, что человѣку нуженъ весь міръ, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободнаго духа». На меньшемъ онъ не мирится.

Такъ слава же ему.

Русская литература наканунѣ XX вѣка.

Очеркъ **Р. И. Сементковскаго.**

Послѣдняя четверть минувшаго вѣка была по-истинѣ печальнымъ временемъ для русской литературы. Смерть похищала лучшихъ ея представителей съ неумолимою жестокостью. Послѣ смерти Некрасова въ 1877 г. наступило десятилѣтіе, каждый годъ котораго ознаменовался одною или даже нѣсколькими тяжелыми и невознаградимыми утратами. Восьмидесятый годъ прошелъ сравнительно еще благополучно. Умеръ одинъ только народный поэтъ, Суриковъ. Но въ 1881 г. умираютъ два такихъ свѣтила русской литературы, какъ Достоевскій и Писемскій. 1882 годъ похищаетъ только Новодорскаго; но 1883 г. вырываетъ опять изъ рядовъ русской литературы такихъ писателей, какъ Тургеневъ и Мельниковъ, не говоря уже объ Омулевскомъ. 1884 г. довольствуется одною жертвою: въ этомъ году умираетъ Маркевичъ, и слѣдующій, 1885 годъ похищаетъ только Пальма. Но вслѣдъ за этимъ драматургомъ умираетъ въ 1886 году самый выдающійся нашъ драматическій писатель, незабвенный Островскій. Въ 1887 г. умираетъ, не успѣвъ еще расцвѣсть, даровитый Надсонъ, а за нимъ въ 1888 г. слѣдуетъ Гаршинъ. Наконецъ, 1889 г. похищаетъ у русской литературы и Салтыкова, и Хвощинскую, и Минаева.

Словомъ, это былъ настоящій мѣсяцъ на русскихъ писателей. Девяностые годы правда похитили меньше жертвъ, но и они нанесли страшно тяжелыя утраты. Въ 1890 году умираетъ Данилевскій, за нимъ въ 1892 г. слѣдуютъ Гончаровъ и Фетъ, 1893 г. похищаетъ Плещеевъ и Апухтина

1897 г. Майкова: 1898 г. Полонскаго. Такимъ образомъ съ горизонта исчезаетъ блестящее созвѣздіе поэтовъ, прославившихъ русскую литературу второй половины минувшаго вѣка. Тѣ же девяностые годы лишаютъ русскую литературу такого значительнаго писателя, какъ Лѣсковъ, и Терпигорева, которые умираютъ въ одинъ годъ (въ 1895 г.), и самый конецъ вѣка наносить русской литературѣ еще два тяжелыхъ удара: умираютъ Григоровичъ и Шеллеръ.

Смерть такъ безпощадно косила русскихъ писателей въ послѣдней четверти минувшаго вѣка, что русская литература напоминала собою поле сраженія, усѣянное трупами. Исчезли: Некрасовъ, Достоевскій, Писемскій, Тургеневъ, Мельниковъ, Островскій, Салтыковъ, Фетъ, Лѣсковъ, Майковъ, Полонскій, не говоря уже о другихъ, не столь выдающихся, но тѣмъ не менѣе значительныхъ писателяхъ. Притомъ умерли не только писатели, болѣе или менѣе совершившіе то, что они могли совершить, но и такіе, которые только-что вступили на литературное поприще и подавали блестящія надежды, сразу завоевавъ себѣ громкую извѣстность. Таковы были: Надсонъ и Гаршинъ. При такихъ условіяхъ особенный вѣсъ пріобрѣтаетъ мнѣніе, что русская литература конца вѣка не могла представлять особенно значительныхъ явленій, что слава ея въ прошломъ, и что въ ближайшемъ будущемъ отъ нея многаго ожидать нельзя. Мнѣніе это высказывается весьма часто, и притомъ болѣе или менѣе извѣстными критиками.

Писемскій.

Однако, оно можетъ быть принято лишь съ большими оговорками. Послѣдняя четверть минувшаго вѣка насчитывала среди русскихъ писателей еще много испытанныхъ борцовъ. Дѣйствовали еще: Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Григоровичъ, Писемскій, Хвощинская, Салтыковъ, Шеллеръ, Лѣсковъ, Островскій, Плещеевъ, Минаевъ, Майковъ, Фетъ, Полонскій, Апухтинъ, Данилевскій, Надсонъ, Гаршинъ, все писатели, которые даже одни могли бы поддержать славу любой литературы. Рядомъ съ ними дѣйствовали: гг. Л. Толстой, гг. Потѣхинъ, Боборыкинъ, Успенскій, Авсѣенко, Саловъ, Немировичъ-Данченко, Короленко, Потапенко, Чеховъ, Горькій, Аверкіевъ, Случевскій, Голенищевъ-Кутузовъ, Фругъ, Фофановъ, словомъ цѣлый рядъ выдающихся или болѣе или менѣе видныхъ писателей, которые въ свою очередь также могли бы поддержать славу любой литературы. Значитъ, съ этой точки зрѣнія объ оскудѣніи русскаго слова ни въ какомъ случаѣ рѣчи быть не можетъ. Напротивъ, русская литература, несмотря на понесенныя ею тяжелыя утраты, несомнѣнно, процвѣтала и въ концѣ истекающаго вѣка. Она въ этотъ періодъ времени сохранила еще много прежнихъ писателей и дала имъ не мало новыхъ, съ честью поддерживающихъ обаяніе, которымъ пользуется наша литература не только въ Россіи, но и заграницею. Никогда еще произведенія русскихъ писателей не переводились такъ усердно въ другихъ странахъ, какъ именно въ концѣ вѣка, т. е. въ [illegible] которомъ говорятъ, что онъ сосредоточилъ съ [illegible] русскаго слова. Но еще болѣе мы убѣдимся въ [illegible] если вникнемъ въ содержаніе тѣхъ [illegible], которыми обогатилась русская литература [illegible] четверть минувшаго вѣка. Мы не будемъ [illegible] говорить о талантливости писателей, [illegible] относительное, и, въ сравненіи [illegible] европейскаго вообще [illegible] мѣрилъ мы опредѣленія степени [illegible] Но если мѣриломъ таланта [illegible] особенности къ быстроту, съ какою они [illegible] то мы должны признать, что и въ этомъ отношеніи конецъ XIX вѣка постоялъ за себя. Если мы назовемъ такихъ писателей, какъ гг. Гаршинъ, Надсонъ, Потапенко, Короленко, Чеховъ, Горькій и др., то мы вынуждены будемъ признать, что они очень скоро пріобрѣли всероссійскую славу и даже завоевали себѣ извѣстность въ другихъ странахъ. Значитъ, это мѣрило таланта, несомнѣнно, оказывается въ пользу современной русской литературы.

Но если не останавливаться на талантливости писателей, а имѣть въ виду содержаніе ихъ произведеній, то мы и тутъ придемъ къ выводу, что русская литература въ послѣднюю четверть минувшаго вѣка дала очень много цѣннаго. Въ то же время мы, вникнувъ въ идейное содержаніе русской литературы этого періода, уяснимъ себѣ тѣ задачи, которыя ей предстоитъ рѣшить въ наступившемъ XX вѣкѣ.

I.

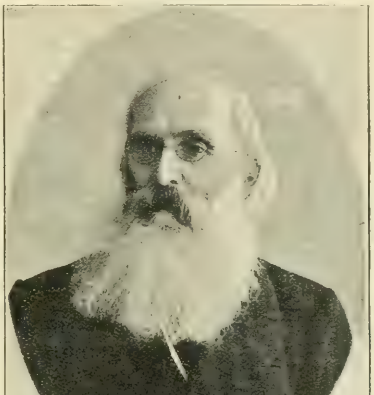
Русская литература отличается отъ другихъ европейскихъ литературъ двумя основными чертами: гуманностью и патріотизмомъ. Мы этимъ, конечно, не хотимъ высказать дикой мысли, будто бы западныя литературы не проникнуты гуманностью и патріотизмомъ, но эти чувства, иногда очень сильно выраженныя въ данную эпоху или въ томъ или другомъ писателѣ, не господствуютъ тамъ такъ сильно, какъ у насъ, не обнимаютъ до такой степени всѣхъ писателей и притомъ на протяженіи всего расцвѣта литературы. Если мы возьмемъ самыхъ видныхъ западныхъ писателей: Гёте, Шиллера и Гейне, Шекспира и Байрона, Мольера и Виктора Гюго, то, несмотря на несомнѣнную наличность въ ихъ произведеніяхъ чувствъ гуманности и патріотизма, эти чувства всетаки не составляютъ такъ сказать отличительной черты ихъ творческаго настроенія. Мы даже можемъ представить себѣ такого генія, какъ Гёте, лишеннымъ чувства патріотизма, совершенно равнодушно относящимся къ великому освободительному движенію, охватившему Германію въ началѣ истекшаго вѣка. Когда мы знакомимся съ Байрономъ, мы проникаемся его страстнымъ порывомъ къ свободѣ; но многія его произведенія, быть можетъ самыя значительныя, вращаются въ такой области, гдѣ чувство патріотизма уже почти не играетъ никакой роли.

Приблизительно то же можно сказать и о чувствѣ гуманности. Нигдѣ на Западѣ къ обиженнымъ, обездоленнымъ, страждущимъ, даже порочнымъ людямъ оно не достигло такой интенсивности, какъ въ русской литературѣ. Впрочемъ, эта сторона русскаго творчества въ достаточной степени уже выяснена въ предыдущемъ очеркѣ, посвященномъ обзору русской литературы за первыя три четверти минувшаго вѣка. Но о чувствѣ патріотизма, не менѣе сильно проникающемъ всю русскую литературу, мы должны сказать здѣсь нѣсколько словъ, чтобы выяснить внутреннее содержаніе нашей литературы конца вѣка.

Критикъ, который желалъ бы представить оцѣнку русской литературы, выяснить ея значеніе, игнорируя чувство патріотизма, не могъ бы исполнить своей задачи: онъ не нашелъ бы главнаго ключа къ раскрытію сокровеннѣйшихъ побужденій писателей и самыхъ широкихъ теченій нашей литературы. Страстная любовь къ родинѣ составляетъ преобладающее чувство подавляющаго большинства нашихъ писателей: ею вызваны самыя выдающіяся произведенія родного слова, начиная съ сатиръ Кантемира, отъ Ломоносова и Державина и кончая тихою грустью, съ какою относится Тургеневъ къ своимъ лишнимъ людямъ и какимъ смѣхомъ, съ какимъ осмѣиваетъ Салтыковъ разнообразныя стороны русской жизни. Два широкія теченія проходятъ черезъ всю русскую

литературу на всемъ протяженіи двухъ послѣднихъ вѣковъ. Какъ мы ни назовемъ эти два теченія, «патетическимъ» или сатирическимъ, патріотическимъ или обличительнымъ,—все же основой ихъ является пламенная любовь къ отечеству. Не даромъ даже самые яркіе представители нашей обличительной литературы, Кантемиръ и Гоголь, называли свой смѣхъ «смѣхомъ сквозь слезы». Въ этомъ смѣхѣ, въ этомъ безпощадномъ обличеніи отрицательныхъ сторонъ русской жизни слышались тайныя слезы, скрытая скорбь о томъ, что родина не такова, какою желаю бы ее видѣть ихъ любящее сердце. Воспѣвалъ ли Ломоносовъ, Державинъ или Пушкинъ побѣды русскаго оружія, мощь русскаго государства, осмѣивалъ ли Кантемиръ, Фонвизинъ, Гоголь, Салтыковъ всѣ несовершенства нашей общественной и государственной жизни, всѣ недостатки русскаго человѣка, ихъ одинаково вдохновляло одно великое чувство: чувство безграничной преданности родинѣ. Можно даже сказать, что въ сущности, вслѣдствіе этого пламеннаго патріотизма русская литература отличается отъ западной преобладаніемъ въ ней политическаго элемента, государственности.

Нѣтъ выдающагося русскаго писателя, который не ставилъ бы интересы общенародные, пользу общегосударственную выше всякихъ другихъ стремленій и чувствъ. Отдаленное потомство будетъ съ чувствомъ благодарности вспоминать о главныхъ дѣятеляхъ родной литературы, именно потому, что они и себя, и свое творчество подчиняли пользѣ общенародной и общегосударственной. Забудется все то, что временно, вслѣдствіе страстности борьбы и всякаго рода недоразумѣній, раздражало, озлобляло, вызывало иногда даже преслѣдованія: но никогда не забудется то благородное и возвышенное настроеніе русскихъ писателей, которое побуждало ихъ во всѣхъ житейскихъ невзгодахъ, на подчасъ очень тернистомъ ихъ пути находить себѣ утѣшеніе и высшую награду въ сознаніи, что они честно исполнили долгъ гражданина, беззавѣтно служили своему народу и государству.



Максимовъ.

Изсякъ-ли этотъ духъ въ концѣ минувшаго вѣка? Многіе склонны думать, что его уже нѣтъ. Но это только такъ кажется, кажется потому, что государственныя и общенародныя задачи усложнились до безконечности, что жизнь выдвинула совершенно новыя задачи, что служить родинѣ приходится на новыхъ поприщахъ, какъ будто не имѣющихъ ничего общаго съ тѣми путями, по которымъ привыкла идти русская литература. Каковы же эти новыя задачи, которыя разрѣшаются современными писателями? Онѣ намъ выяснятся, только если мы безпристрастно вдумаемся въ идейное содержаніе ихъ произведеній.

Если прежняя русская литература громогласно воспѣвала побѣды русскаго оружія, мощь русскаго государства, то потому, что, окруженное со всѣхъ сторонъ внѣшними врагами, небольшое Московское государство постепенно, путемъ военныхъ побѣдъ надъ этими врагами, превращалось въ великую русскую имперію. Борьба со шведами, поляками, турками, отраженіе коалицій европейскихъ государствъ,—все это было необходимо, чтобы создать русскую имперію, и отголоски этой борьбы наполняютъ собою еще всю первую половину минувшаго вѣка и сказываются даже нерѣдко и во второй. Но по мѣрѣ того, какъ русская имперія упрочивается, по мѣрѣ того, какъ голосъ ея внушительно раздается въ совѣтѣ державъ, русская литература все рѣже увлекается громомъ побѣдъ и все внимательнѣе и пристальнѣе всматривается во внутренніе недуги русскаго государства, все лихорадочнѣе и глубже изучаетъ общественныя язвы родины. Майковъ, быть можетъ, былъ послѣднимъ представителемъ патріотической литературы въ вышеуказанномъ смыслѣ. Въ его лирѣ слышится отзвукъ Ломоносовскихъ и Державинскихъ одъ и Пушкинскихъ вдохновенныхъ стиховъ, посвященныхъ внѣшнему могуществу Россіи. Другое теченіе становится преобладающимъ. Родоначальникомъ его былъ Кантемиръ, вызвавшій къ жизни Фонвизина, и эти два писателя передали свое наслѣдство Пушкину и Гоголю, которые въ свою очередь вызвали къ жизни рядъ видныхъ писателей, наполняющихъ своею славою вторую половину истекшаго вѣка. Мы можемъ назвать это теченіе обличительнымъ, не забывая конечно ни на минуту, что и въ его основѣ лежитъ глубокое чувство патріотизма. Если уже Кантемиръ и Фонвизинъ неумолимою рукою раскрывали наши общественныя язвы, то Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Писемскій, Салтыковъ,—словомъ, писатели 20-хъ, 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ продолжали дѣло своихъ знаменитыхъ предшественниковъ и довели анализъ общественныхъ недуговъ до высокой степени совершенства.

II.

Какую задачу приходилось разрѣшать русскимъ писателямъ? Всѣ они чувствовали, что прежде всего надо познать родину, представить вѣрную картину русской жизни, другими словами изучить ее, осмыслить то, къ чему мы относимся недостаточно сознательно. Каковы бы ни были наши общественные и политическіе идеалы, чтобы ихъ осуществить въ жизни,—надо знать послѣднюю. Только зная ее, мы можемъ сознательно двинуть культурные успѣхи родины. Если же наши писатели главнымъ образомъ обращали вниманіе на отрицательныя ея стороны, то это объяснялось ихъ глубокимъ чувствомъ патріотизма, ихъ горячимъ желаніемъ увидѣть всѣ отрицательныя стороны устраненными... И вотъ, по почину Кантемира и Фонвизина, Грибоѣдовъ, Пушкинъ и Гоголь, въ «Горѣ отъ ума», «Евгеніѣ Онѣгинѣ» и «Мертвыхъ Душахъ» дали намъ полную картину тогдашней русской жизни. Но будемъ-ли мы говорить о Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ, мы тотчасъ же замѣтимъ, что всѣ они вращались въ болѣе или менѣе тѣсной средѣ нашего дворянства и чиновничества. Остальные классы русскаго населенія остались почти нетронутыми, въ томъ числѣ самый многочисленный «классъ», отъ котораго въ сущности зависятъ всѣ успѣхи родины, т. е. крестьянство. Но уже ближайшіе послѣдователи Пушкина и Гоголя замѣтили этотъ великій пробѣлъ въ картинѣ русской жизни. Григоровичъ и Тургеневъ первые подробно занялись крестьянствомъ. Ихъ работы въ этомъ направленіи создали имъ неувядаемую славу. «Записки охотника» останутся вѣчнымъ памятникомъ этого новаго теченія въ русской литературѣ и въ то же время свидѣтельствомъ пламенной любви ихъ автора къ родинѣ. Быть можетъ, въ этой любви, въ Ганнибаловой клятвѣ, данной Тургеневымъ сдѣлать все, что отъ него зависѣло, чтобы освободить крестьянъ, чтобы дать имъ существованіе, достойное человѣка, заключается главная заслуга Тургенева въ этомъ направленіи. Изучая крестьянъ, онъ самъ себя убѣждалъ и убѣждалъ другихъ въ томъ, что они заслуживаютъ свободы; другими словами, его изученіе крестьянства подчинялось той великой общественной цѣли, которая въ данное время составляла главную злобу дня.

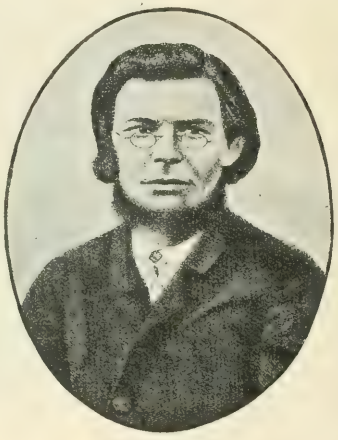
Тѣмъ временемъ крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости, и слѣдовательно, возникала другая злоба дня: надо было уяснить себѣ, какъ отразится свобода на крестьянскомъ быту и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ крестьяне воспользуются дарованною имъ свободою. Уже въ шестидесятые годы, тотчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ,

въ русской литературѣ начинаютъ появляться произведенія, посвященныя именно этому вопросу. Работы Якушкина и Максимова смѣняются литературнымъ движеніемъ, посвященнымъ рѣшенію вопроса, что собственно представляетъ собою наше освобожденное крестьянство, какія отрицательныя и положительныя силы въ немъ таятся, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, что оно можетъ дать странѣ и государству?.. Уже раньше, въ самомъ концѣ 50-хъ годовъ Николай Успенскій началъ относиться къ крестьянамъ совсѣмъ иначе, чѣмъ Тургеневъ и Григоровичъ. «Бѣдность и невѣжество русскаго крестьянина привели его къ тому, что онъ очень часто не цѣнитъ своего собственнаго труда, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не цѣнитъ и чужого труда; онъ не имѣетъ понятія ни о правахъ собственности, ни о правахъ другой личности»,— провозгласилъ тогда Николай Успенскій, котораго во всякомъ случаѣ нельзя упрекнуть въ томъ, что онъ крестьянскаго быта не зналъ. За Николаемъ Успенскимъ слѣдовалъ Рѣшетниковъ съ своими знаменитыми «Подлиповцами», гдѣ уже о прежней идеализаціи крестьянъ даже рѣчи быть не можетъ. Но ни Николай Успенскій ни Рѣшетниковъ еще вопроса не рѣшали. Они просто изображали крестьянство, какъ оно имъ представлялось. Ихъ заслуга, какъ вѣрно подмѣтилъ Чернышевскій, заключалась въ томъ, что они стали писать о крестьянахъ безъ всякихъ прикрасъ. По семидесятые годы пишутъ значительный рядъ авторовъ: они уже прямо ставятъ вопросъ, чего намъ ожидать отъ крестьянъ, и мысль писателей все болѣе и болѣе поглощается этимъ вопросомъ. Народ[illegible]ются такіе писатели, какъ г. Глѣбъ Успенскій и Златовратскій. Совмѣстными усиліями этихъ писателей и ихъ послѣдователей окончательно установ[illegible] точки зрѣнія. По мнѣнію [illegible], въ крестьянской душѣ таятся [illegible] нравственныхъ чувства, и со[illegible] [illegible] такъ всякія, что интеллигенціи не остается ничего другого, какъ учиться у крестьянъ. Эта точка зрѣнія особенно ярко выступаетъ у г. Златовратскаго и его послѣдователя Петропавловскаго (Каронина). Что касается до Глѣба Успенскаго, то онъ весьма [illegible] отъ типовъ Николая Успенскаго. Но у Златовратскаго и Успенскаго [illegible] одно и то же [illegible]. Возьмемъ ли мы столь

Г. Успенскій.

или иное всякому образованному человѣку основное произведеніе г. Глѣба Успенскаго «Власть земли» или «Устои» г. Златовратскаго, мы наталкиваемся и здѣсь, и тамъ на мысль, что крестьянинъ, не подчиненный власти земли или отрѣшившійся отъ крестьянскаго міра, не можетъ сохранить тѣхъ нравственныхъ сокровищъ, которыя таятся въ его душѣ. Что же это значитъ? Это значитъ, что индивидуальныя качества крестьянъ по меньшей мѣрѣ не отличаются особенною устойчивостью, что стоитъ только поставить крестьянъ въ другую среду, и отъ таящихся въ нихъ нравственныхъ сокровищъ останется весьма мало. Оптимистическій и пессимистическій взглядъ на крестьянъ, колебаніе между этими двумя взглядами,— увѣренность и сомнѣнія въ нихъ вообще составляютъ характеристическую черту всей русской литературы второй половины минувшаго вѣка, которая такъ наглядно сказалась и въ величайшемъ современномъ русскомъ писателѣ, гр. Л. Толстомъ, давшемъ намъ и Каратаева, и печальныхъ героевъ «Власти тьмы». Если прежняя русская литература въ лицѣ славянофиловъ и западниковъ одинаково возвеличивала крестьянъ, если славянофилы усматривали въ ихъ міросозерцаніи главную силу русскаго государства, а западники указывали почти исключительно на ихъ положительныя стороны, чтобы доказать, что они заслуживаютъ свободы, то новѣйшая русская литература трудами перечисленныхъ нами писателей какъ бы окончательно установила, что мы сами не знаемъ, чего намъ ожидать отъ крестьянства, а это означаетъ, что при самомъ добросовѣстномъ изученіи крестьянской среды отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть данъ. И не можетъ онъ быть данъ, потому что крестьяне — такіе же люди, какъ и мы, что въ ихъ душѣ таятся и хорошія, и дурныя начала, что среда, какъ для насъ, такъ и для нихъ, имѣетъ важное значеніе. Если въ прежнее время на крестьянъ возлагались неумѣренныя надежды или, наоборотъ, крестьянъ приравнивали чуть-ли не къ животнымъ, неспособнымъ разумно пользоваться своей свободою, то въ послѣднюю четверть минувшаго вѣка, благодаря трудамъ многихъ высоко-даровитыхъ писателей, упрочилась окончательно въ нашемъ сознаніи мысль, что какъ оптимистическій, такъ и пессимистическій взглядъ на крестьянъ-

Златовратскій.



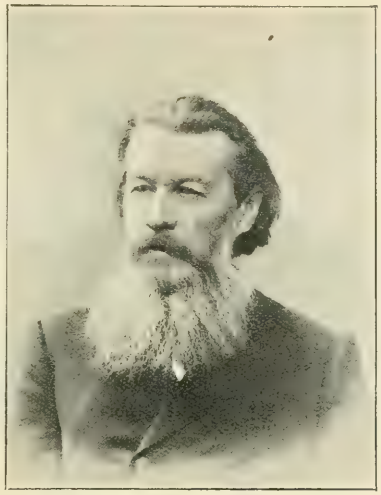
Рѣшетниковъ.

Горькій.

янъ одинаково неумѣстны. И если писатели послѣдней четверти минувшаго вѣка совмѣстными своими трудами приблизили насъ къ жизненной правдѣ, то это великая ихъ заслуга, и исторія русской литературы никогда не забудетъ имени гр. Л. Толстого, гг. Глѣба Успенскаго и Златовратскаго, такъ много содѣйствовавшихъ правильному взгляду русской интеллигенціи на русское крестьянство.

III

Такимъ образомъ существенный пробѣлъ въ картинѣ русской жизни былъ восполненъ, и если починъ тутъ принадлежитъ прежней литературѣ, главнымъ образомъ, Тургеневу и Григоровичу, то только въ послѣдней четверти вѣка крестьянство нашло себѣ у насъ бытописателей, которые изобразили его съ необычайною полнотою, и хотя не всегда безъ предвзятой тенденціи, но въ общемъ съ такимъ близкимъ знаніемъ крестьянской среды, что человѣкъ, желающій составить себѣ о ней ясное понятіе, можетъ найти въ современной русской литературѣ чрезвычайно богатый матерьялъ.

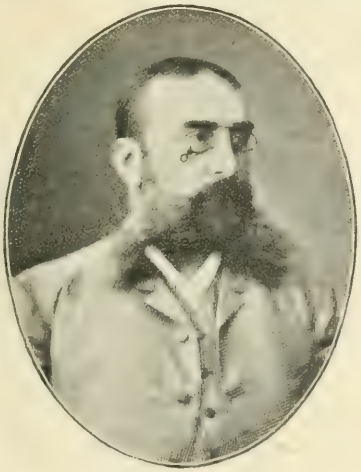


А. Потѣхинъ.

Со времени освобожденія крестьянъ они однако не остались въ неподвижномъ состояніи. Если даже при крѣпостномъ правѣ крестьяне нерѣдко выбивались изъ своей среды, если и тогда имъ удавалось превращаться въ городскихъ ремесленниковъ, купцовъ, предпринимателей, промышленниковъ, чиновниковъ, писателей, то послѣ освобожденія крестьянъ этотъ процессъ ускорился и развился въ широкихъ размѣрахъ. Мелкій городской людъ во всѣхъ его многообразныхъ видахъ, купечество, начиная съ мелкаго торговца и доходя до крупнаго комерсанта, заводчики, фабриканты,—всѣ эти классы населенія ждали своихъ бытописателей. И къ чести русской литературы надо сказать, что она смѣло и чрезвычайно талантливо взялась за разрѣшеніе открывшейся ей благодарной задачи. По почину писателей 40-хъ и 50-хъ годовъ многіе писатели 60-хъ годовъ и послѣдней четверти вѣка дали намъ цѣлый рядъ картинъ этихъ народившихся слоевъ русскаго населенія. Островскій первый далъ намъ удивительную картину купеческой жизни. Глѣбъ Успенскій, а послѣ него Горькій коснулись съ рѣдкимъ талантомъ мелкаго городского люда, примыкающаго къ крестьянству. И многообразные сектанты нашли себѣ талантливыхъ бытописателей: Мельниковъ и Лѣсковъ дали намъ такія картины ихъ жизни, которыя навсегда врѣзываются въ памяти читателя. И всѣ эти выдающіеся писатели нашли себѣ цѣлый рядъ талантливыхъ послѣдователей, освѣтившихъ быть перечисленныхъ классовъ населенія съ самыхъ различныхъ сторонъ.

Теперь, вступая въ новое столѣтіе, мы должны признать, что конецъ прошлаго вѣка почти не оставилъ ни одного пробѣла въ картинѣ русской жизни. Гдѣ то сословіе, тотъ классъ населенія, который не нашелъ бы себѣ бытописателя или многихъ бытописателей. Высшее дворянство или чиновничество? Къ именамъ Тургенева и Толстого присоединяются имена Маркевича и Апухтина, гг. Боборыкина, Авсѣенко, Головина, Голицына. Духовенство? Какую поразительную картину его быта далъ намъ уже Лѣсковъ, нашедшій себѣ достойнаго ученика въ лицѣ г. Потапенко. Военная среда? И кто же изъ насъ затруднится назвать тѣхъ писателей, которые описали ее геніально или талантливо. гр. Толстого, Гирса, Гаршина, г. Станюковича. Купечество? Не имѣетъ ли оно, не говоря уже объ Островскомъ, своихъ бытописателей: гг. Потѣхина и Боборыкина, Салова и Лейкина?

Мало того, писатели послѣдней четверти вѣка не довольствовались изображеніемъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ классовъ населенія, они иногда какъ бы спеціализировались на описаніи жизни тѣхъ или другихъ мало извѣстныхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества. Гг. Маминъ, Короленко, Мачтетъ описали намъ въ болѣе или менѣе яркихъ образахъ Уралъ и Сибирь. Нашъ сѣверъ нашелъ себѣ замѣчательныхъ бытописателей въ лицѣ гг. Вас. Немировича-Данченко и Случевскаго. Прибалтійскаго края неоднократно касался въ сочныхъ образахъ Лѣсковъ. Южная степь съ его своеобразною жизнью уже въ 60-хъ годахъ была мастерски описана Данилевскимъ; Крымъ всегда привлекалъ вниманіе русскихъ писателей, и онъ воспѣтъ въ безконечномъ рядѣ беллетристическихъ произведеній, равно какъ и Кавказъ. Столь недавно завоеванныя нами средне-азіатскія владѣнія нашли себѣ также цѣлый рядъ бытописателей, среди которыхъ г. Каразину несомнѣнно принадлежитъ первое мѣсто. Мы не можемъ перечислить здѣсь всѣхъ писателей, работавшихъ въ этомъ направленіи, но если мы скажемъ, что каждый изъ перечисленныхъ нами крупныхъ писателей имѣлъ многихъ болѣе или менѣе талантливыхъ послѣдователей, что, кромѣ того, въ послѣдней четверти вѣка процвѣтали и писатели, освѣтившіе въ яркихъ образцахъ историческое прошлое Россіи, Данилевскій, гр. Салиасъ, г. Морковскій, то мы убѣдимся, что и въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого основанія говорить



Вас. И. Немировичъ-Данченко.

Короленко.

объ оскудѣніи литературы. Напротивъ, только благодаря писателямъ послѣдней четверти вѣка мы располагаемъ картиной русской жизни, настолько полной и правдивой, что она можетъ быть положена въ основу общественныхъ и государственныхъ начинаній, выясняя настроеніе и стремленія разныхъ классовъ русскаго народа въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. не исключая инородцевъ и иновѣрцевъ. Такимъ образомъ литература послѣдней четверти вѣка сослужила обществу и государству несомнѣнно большую службу. Если эта служба не всегда пользовалась признаніемъ, то только потому, что, какъ полагаютъ, правда, по выраженію Бласпоисена, лучше вполоткрыта.

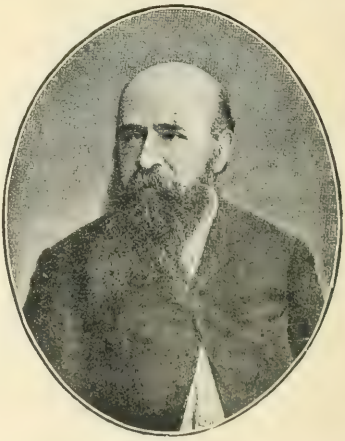
Хвощинская.

Боборыкинъ.

IV.

Главное вниманіе новѣйшей русской литературы однако, какъ и прежней, было обращено на жизнь русской интеллигенціи. Всякій безпристрастный человѣкъ долженъ признать, что нѣтъ интеллигентнаго класса русскаго населенія, который писатели послѣдней четверти вѣка не подвергли бы всестороннему, а подчасъ и очень глубокому, анализу. Наше сужденіе затемняется тѣмъ, что читатель, какъ и критикъ, ищетъ въ беллетристическомъ произведеніи отзвука собственному своему настроенію. Если читатель, скажемъ, относится непружелюбно къ аристократіи, то его непріятно поражаетъ всякое хорошее слово, сказанное относительно этого класса русской интеллигенціи. Наоборотъ, если онъ сочувствуетъ послѣднему, то всякое слово хулы его раздражаетъ или оскорбляетъ. То же можно сказать и относительно другихъ классовъ русской интеллигенціи. Было время, когда критика и стоящіе за ней читатели всякое неодобрительное слово по адресу такъ-называемыхъ разночинцевъ или [illegible] молодежи принимали [illegible] преступленіемъ. Понятно, писатель имѣетъ свои симпатіи и антипатіи, иногда [illegible] или менѣе субъективно своеобразныя. Но когда произносится суть [illegible] литературой [illegible] періода, то надо имѣть въ виду всю совокупность писателей, и только общая [illegible] всѣхъ [illegible] можетъ быть положена въ основу [illegible].

Авсѣенко.



Шеллеръ.

Тутъ [illegible] сказать нѣсколько словъ о современной критикѣ, потому, что она преимущественно и разнообразила современныхъ писателей, и на всѣ лады высказывала мысль объ оскудѣніи русской литературы. Если многіе современные писатели встрѣчали широкое сочувствіе у читающей публики и въ короткое время создавали себѣ громкое имя, то ужъ никакъ не благодаря критикѣ, а именно благодаря читателямъ. Въ прежнее время критика такъ-сказать открывала писателя, выясняла обществу значеніе того или другого изъ нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ создавала писателю читателей. Въ послѣднюю же четверть вѣка, наоборотъ, читатель заставлялъ критику признавать писателя, а по существу критика относилась болѣе или менѣе отрицательно ко всѣмъ начинающимъ литературнымъ силамъ.

Чѣмъ это объясняется, т. е. чѣмъ объясняется этотъ видимый разладъ между читающей публикой и критикой? Очевидно, тѣмъ, что читатели имѣютъ причины интересоваться тѣмъ или другимъ писателемъ, въ то время какъ критика имѣетъ причины относиться къ нему недоброжелательно. Различіе въ оцѣнкѣ очевидно объясняется различіемъ мѣрила, которое положено въ ея основаніе. Поэтому, чтобы выяснить разладъ между читателемъ и критикою, намъ надо прежде всего установить мѣрило, которымъ руководствуются читатели и критика. Если читатель, повторяемъ, находитъ въ писателѣ отзвукъ своимъ чувствамъ, мыслямъ или просто настроенію, то онъ съ интересомъ знакомится съ его произведеніями. Другого мѣрила читатель по большей части не имѣетъ. Поэтому одинъ писатель ему симпатиченъ, другой несимпатиченъ, одного онъ восхваляетъ, другого порицаетъ: повъ общемъ отъ него нельзя ожидать безпристрастной оцѣнки всѣхъ писателей. Отъ критики же и отъ каждаго отдѣльнаго ея представителя слѣдуетъ ожидать совершенно другого отношенія къ дѣлу. Первымъ условіемъ всякой критики должно быть безпристрастіе.

Безпристрастное отношеніе къ писателю прежде всего предполагаетъ точное выясненіе его основной мысли на основаніи матерьяла (образовъ и сужденій), который даетъ намъ самъ писатель. Если же критикъ будетъ выбирать изъ этого матерьяла только то, что ему такъ-сказать на руку, то это будетъ все, что угодно, но только не добросовѣстная критика.

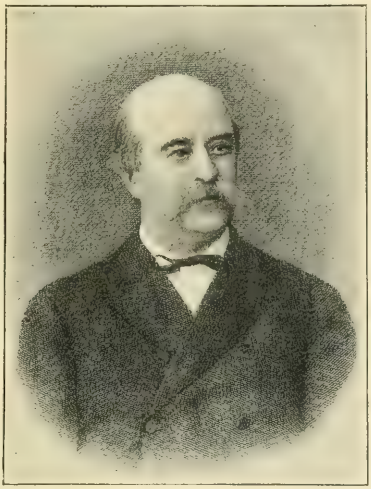
Каразинъ.

ми (какъ у гг. Михайловскаго, Скабичевскаго, Протопопова) или же оказались заимствованными у западныхъ писателей безъ всякаго отношенія къ тому громадному художественному матерьялу, какой представляетъ современная русская беллетристика (мы имѣемъ въ виду г. Мережковскаго и такъ-называемую новую школу).

Это — такъ-сказать одна категорія критиковъ, другую же составляютъ критики съ преобладаніемъ чисто-субъективнаго элемента (таковы, главнымъ образомъ, гг. Буренинъ и Андреевскій). Обѣ эти категоріи критиковъ однако придерживаются одного и того же пріема. Если писатель по общему своему настроенію не симпатиченъ данному критику, то послѣдній уже напередъ его осуждаетъ и, чтобы подкрѣпить свою антипатію доказательствами, обращаетъ вниманіе только на то, что ему представляется заслуживающимъ порицанія или осмѣянія. Если же писатель по общему своему настроенію ему симпатиченъ, то критикъ замалчиваетъ все, что не заслуживаетъ одобренія. Само собою разумѣется, что при такой критикѣ даже очень выдающійся писатель можетъ оказаться совершенно несостоятельнымъ и наоборотъ писатель посредственный можетъ оказаться выдающимся. Этимъ характеромъ отличалась критика 60-хъ годовъ; этимъ же характеромъ отличается и русская критика конца вѣка, и въ этомъ отношеніи успѣхъ мало замѣтенъ. Нужно надѣяться, что XX вѣкъ измѣнитъ это положеніе вещей, что русская критика проникнется уваженіемъ къ писателю независимо отъ того, пріятенъ-ли онъ ему почему бы то ни было, или нѣтъ: вѣдь ни одинъ человѣкъ, а слѣдовательно и ни одинъ критикъ не можетъ претендовать на непогрѣшимость, и первая-же обязанность критика заключается въ томъ, чтобы выяснить читателю обликъ писателя, а не пользоваться имъ для своихъ цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ безпристрастною критикою.

Быть можетъ, русская критика никогда не удовлетворяла въ значительной степени этому требованію. Но въ прежнее время разладъ между нею и читателемъ не проявлялся такъ сильно, въ виду общности ихъ настроенія. Въ концѣ же вѣка онъ обнаружился съ особенною силою, потому что настроеніе критики разошлось съ настроеніемъ какъ писателя, такъ и читателя. Идеалы критики по большей части остались неподвижными

Мордовцевъ.



Данилевскій.

Русскій читатель, по большей части, предоставленъ самому себѣ, и такъ какъ онъ при выборѣ писателя руководствуется своимъ личнымъ настроеніемъ, то онъ обыкновенно видитъ жизнь въ доступномъ ему литературномъ матерьялѣ освѣщенною только съ одной стороны, пока она сама ему горькими уроками не напомнитъ о томъ, что у нея есть еще и многія другія стороны. Но русская литература не виновата въ тѣхъ разочарованіяхъ, чрезъ которыя терпитъ русскій интеллигентный человѣкъ. Виновата тутъ гораздо болѣе критика, склонная къ большому субъективизму и игнорирующая ту широкую картину русской дѣйствительности, которую даетъ намъ современная русская беллетристика во всей ея совокупности. Читателю некогда и трудно составить себѣ ясное понятіе объ этой картинѣ, а критика прямо обязана ее выяснить и доводить до свѣдѣнія читателя.

V.

Если мы теперь остановимся на внутреннемъ содержаніи тѣхъ беллетристическихъ произведеній, которыя посвящены жизни русской интеллигентной по-

Графъ Саліасъ.

Лейкинъ.

стѣдней четверти минувшаго вѣка, то мы убѣдимся, что всѣ великія задачи, предъявляемыя жизнью обществу и государству, нашли себѣ яркое выраженіе въ литературѣ конца вѣка.

На первомъ планѣ тутъ, конечно, стоитъ возникшій съ такою силою послѣ освобожденія крестьянъ великій вопросъ объ отношеніи интеллигенціи къ народу. На одну сторону этого вопроса, насколько онъ касается самого народа, мы уже указали. Мы видѣли, сколько новаго внесла русская литература конца вѣка въ наше пониманіе жизни крестьянства. Другая сторона вопроса заключается въ самой интеллигенціи, чиновной и не чиновной. Какъ представляетъ она себѣ свои отношенія къ народу? Какія задачи думаетъ она тутъ разрѣшить и на что преимущественно думаетъ направить свою дѣятельность?

Терпигоревъ.

Художникъ говоритъ образами, почерпнутыми изъ самой жизни или близко соприкасающимися съ ней. Русская беллетристика, слѣдовательно, не могла взять русскаго интеллигентнаго человѣка вообще. Она должна была брать реальныхъ представителей интеллигенціи. Такимъ образомъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ вступаетъ въ тѣ или другія отношенія къ народу не интеллигентный человѣкъ вообще, а помѣщикъ, чиновникъ, представитель либеральныхъ профессій или учащейся молодежи, а вмѣстѣ съ тѣмъ беллетристикѣ пришлось, прежде всего, представить яркую характеристику элементовъ, изъ которыхъ состоитъ русская интеллигенція.

Картина русской жизни въ этомъ отношеніи получилась поразительная по своей полнотѣ, такъ что критика, если бы она дѣйствительно имѣла въ виду безпристрастное освѣщеніе русской жизни на основаніи матерьяла, даннаго беллетристами, могла бы оказать громадную услугу самосознанію русскаго общества.

Если прежняя беллетристика занималась преимущественно міросозерцаніемъ дворянъ, то беллетристика послѣдней четверти вѣка изучила главнымъ образомъ созданное отмѣною крѣпостного права положеніе помѣщиковъ. Беллетристическія произведенія этого рода занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Сюда относятся такія произведенія, какъ Анна Каренина гр. Л. Толстого, Убѣжище Монрепо и Дворянская хозяйка Салтыкова, Чертоплясина воля г. Маркова, Оскудѣніе Терпигорева, Отшельники г. Слепцова и многія другія произведенія названныхъ беллетристовъ. Можно было ожидать, что всѣ они болѣе или менѣе занимались этимъ вопросомъ, прежде чѣмъ рассуждались. Въ то время, какъ одни доказывали, что положеніе помѣщиковъ окончательно сгорѣло, и что помѣщичій классъ обреченъ на вѣрную гибель, другіе провозглашали, что хозяйничать въ деревнѣ можно, и что помѣщики несутъ прямую обязанность сохранять насиженныя свои мѣста для пользы общества и государства. Во всякомъ случаѣ преобладающимъ мотивомъ беллетристическаго творчества послужило помѣщичье оскудѣніе, а преобладающимъ настроеніемъ было, несомнѣнно, пессимистическое. Общій выводъ изъ всѣхъ произведеній этого рода былъ тотъ, что помѣщикъ не въ состояніи придти на помощь крестьянину, потому что онъ и самому себѣ помочь не въ силахъ. Въ то же время однако во всѣхъ произведеніяхъ, даже въ ѣдкихъ сатирахъ чувствовалась глубокая скорбь, что помѣщики оказываются совершенно безсильными, и во всѣхъ деталяхъ были выяснены причины этого безсилія: полная неподготовленность помѣщика къ хозяйничанью при новыхъ условіяхъ, его стремленіе жить исключительно для себя, а не для земли, которую онъ унаслѣдовалъ отъ отцовъ и дѣдовъ. Отсюда — прожиганіе выкупныхъ денегъ, стремленіе къ доходнымъ мѣстамъ, тяга въ города и, какъ послѣдствіе, лишеніе провинціи, т. е. деревни единственнаго, тамъ упрочившагося, интеллигентнаго класса русскаго народа. Эта сторона вопроса такъ полно, подробно и талантливо выяснена беллетристикою конца вѣка, что создалось вполнѣ установившееся общее мнѣніе.

Кто же замѣнитъ помѣщика въ деревнѣ? Шестидесятые и семидесятые годы были въ нашемъ обществѣ временемъ такъ-называемаго народническаго теченія. Въ теоріи постоянно провозглашался принципъ, что русская интеллигенція должна сознать свой великій грѣхъ передъ народомъ и приложить всевозможныя усилія, чтобы изгладить то зло, которое она ему причинила. Беллетристика въ лицѣ Салтыкова и многихъ другихъ видныхъ писателей противопоставила этому принципу горькій образъ кающагося дворянина или интеллигента, сознающаго полное свое безсиліе замолить прошлые грѣхи и видящаго только одинъ исходъ: заживо лечь въ гробъ (Перевалъ г. Боборыкина). Съ этой стороны беллетристика спасенія не видѣла. Она въ цѣломъ рядѣ яркихъ образовъ выяснила, что русскій интеллигентный человѣкъ, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, питаетъ какое-то инстинктивное отвращеніе къ деревнѣ, что онъ по природѣ своей чуждается всякой практической дѣятельности, что онъ чувствуетъ себя призваннымъ только философствовать, провозглашать принципы, вліять на законодательство и при этомъ жить въ городахъ на чужихъ хлѣбахъ, преимущественно правительственныхъ, и пользоваться удовольствіями жизни, не неся ея тяготъ. Картина, начертанная самыми видными изъ беллетристовъ послѣдней четверти вѣка въ этомъ отношеніи до такой степени поучительна, что сомнѣній тутъ никакихъ быть не можетъ. Возьмемъ ли мы Салтыкова, Хвощинскую, Шеллера, гг. Бо-

Салтыковъ.

Маминъ-Сибирякъ.

борыкина, Авсѣенко, Головина, Потапенко, Чехова, Альбова, Баранцевича, Ясинскаго, мы убѣдимся, что въ этомъ отношеніи между ними существуетъ полное единомысліе. По отношенію къ молодежи этотъ итогъ подведенъ еще въ концѣ 70-хъ годовъ Новодворскимъ въ весьма вразумительной формѣ такъ-называемаго «ни навства, ни воропства». Другими словами, даже та часть молодежи, которая пришла къ сознанію тщеты всѣхъ громкихъ фразъ безъ соотвѣтствующаго дѣла, оказалась совершенно неподготовленною къ практической дѣятельности. Отъ «навъ» она отстала, а къ «воропамъ» не пристала, потому что у нея не оказалось того, чѣмъ сильна ворона:—способности жить при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Михайловскій.

Но въ то же время беллетристика отмѣтила на ряду съ этимъ преобладающимъ отрицательнымъ типомъ русскаго интеллигентнаго человѣка типъ положительный. Постепенно нарождались молодые люди, мужчины и женщины, сильные духомъ и склонные посвятить себя всецѣло служенію народу. Въ этомъ отношеніи русская жизнь представляетъ много отрадныхъ примѣровъ, ярко отмѣченныхъ беллетристикою. Явилось своего рода подвижничество въ этой области. Молодые люди отрекались отъ всего, отъ излюбленныхъ теорій, отъ удобствъ жизни, отъ доходныхъ занятій, чтобы въ глуши приходить на помощь народу. Беллетристика подмѣтила въ жизни типъ сельскаго учителя и деревенскаго врача, съ удивительнымъ самоотверженіемъ работающихъ для народа. Къ сожалѣнію, этими двумя сферами и ограничивается служеніе народу. Если къ нимъ присоединяется еще типъ сельскаго священника («На дѣйствительной службѣ» Потапенка) или волостного писаря («Въ волостныхъ писаряхъ» Астырева), то сами авторы выставляли этотъ типъ скорѣе добрымъ пожеланіемъ, чѣмъ фактомъ, почерпнутымъ изъ дѣйствительной жизни, а если и почерпнутымъ изъ нея, то въ видѣ рѣдкаго исключенія.

Такимъ образомъ собственно только двѣ сферы оказались какъ бы открытыми для людей, желающихъ трудиться въ жизни для жизни. Современная беллетристика съ большою наглядностью выяснила, что русская интеллигенція склонна посвящать себя только извѣстнымъ отраслямъ практической дѣятельности, а другія тщательно избѣгаетъ. Признаетъ она трудъ чиновника вообще, представителя либеральныхъ профессій, затѣмъ, въ деревнѣ, врача и народнаго учителя. Ко всѣмъ остальнымъ отраслямъ практической дѣятельности у нея душа не лежитъ. Всѣ виды производительнаго труда въ тѣсномъ значеніи этого слова: сельское хозяйство, торговля, промышленность, ремесла, все это не соблазняетъ интеллигенцію; она какъ будто считаетъ эти отрасли труда недостойными образованнаго человѣка, какъ бы унизительными. Съ большою яркостью во многихъ беллетристическихъ произведеніяхъ послѣдняго времени отмѣчается тотъ фактъ, что русскій интеллигентный человѣкъ нисколько не затрудняется принять казенное мѣсто, хотя онъ къ административной дѣятельности относится, по меньшей мѣрѣ, недружелюбно, и въ то же время избѣгаетъ всякаго производительнаго труда, считая его какъ бы для себя унизительнымъ.

Буренинъ.

Скабичевскій.

Выяснила она еще и другое очень характерное явленіе. Возьмемъ ли мы крестьянина, купца, мѣщанина, ремесленника, какъ только онъ пріобщится къ образованію, онъ отрекается отъ своего сословія. Это явленіе очень ярко отмѣчено гг. Боборыкинымъ, Чеховымъ, Эртелемъ («Семья Гардениныхъ») и Салоовымъ. Такіе люди, какъ поэтъ г. Дрожжинъ, занимающійся одновременно и писательствомъ, и землепашествомъ, составляютъ у насъ рѣдкое исключеніе, какъ составляли они исключительное явленіе и въ прежнее время при крѣпостномъ правѣ, когда русская литература имѣла Кольцова и Никитина. Въ нашъ демократическій вѣкъ демократическіе принципы не въ модѣ, и люди, пріобщаясь къ образованію, стремятся тотчасъ же отрѣшиться отъ своей среды; они нисколько не заботятся о томъ, чтобы воспользоваться образованіемъ на пользу своей среды, а напротивъ бѣгутъ изъ нея, чтобы увеличить собою контингентъ интеллигентныхъ людей, бѣдствующихъ въ городахъ или живущихъ на чужой счетъ.

Подводя итоги всему нами сказанному относительно интеллигенціи, мы должны признать, что беллетристы за послѣднюю четверть вѣка представили намъ картину ея жизни, въ которой отрицательныя стороны подавляютъ положительныя. Принявъ на себя наслѣдіе прежней беллетристики, они пришли къ выводу, что русская интеллигенція въ общей сложности сохранила черты, ей столь свойственныя въ прежнее время. Тургеневскій «лишній человѣкъ» остался типичнымъ представителемъ русской интеллигенціи. Рудины, Лаврецкіе, только значительно измельчавшіе, наводняютъ собою беллетристику конца вѣка, въ качествѣ главныхъ ея отрицательныхъ героевъ. Послѣднею крупною личностью въ этомъ смыслѣ былъ князь Нехлюдовъ въ романѣ гр. Толстого «Воскресеніе», человѣкъ, воодушевленный благими порывами, но на что въ жизни въ сущности непригодный и совершающій дѣла либо очень сомнительныя, либо прямо предосудительныя въ нравственномъ отношеніи. Этими князьями Нехлюдовыми кишитъ русская беллетристика конца вѣка, и надо замѣтить, что это еще лучшіе люди среди русской интеллигенціи. Остальные, какъ въ сатирахъ Салтыкова, такъ и въ беллетристическихъ произведеніяхъ Хвощинской, и въ произведеніяхъ громаднаго числа ихъ послѣдователей, являются уже прямо людьми недостойными или пошлыми. Такимъ образомъ русская беллетристика послѣдней четверти вѣка произнесла надъ русскою интеллигенціею такой же жестокій приговоръ.

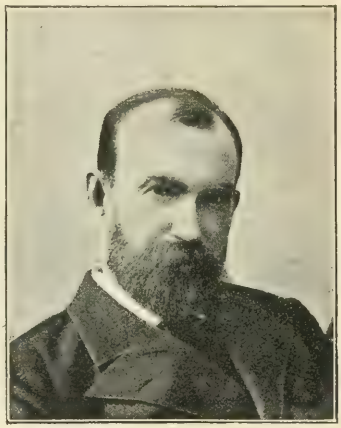
слов въ прошломъ вѣкѣ произнесли надъ нею Кантемиръ и Фонвизинъ, а въ первой половинѣ только-что минувшаго вѣка — Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь.

VI.

Мы видимъ, слѣдовательно, что русская беллетристика конца вѣка имѣетъ очень богатый матеріалъ для оцѣнки русской общественной жизни, и въ этомъ отношеніи нисколько не уступаетъ прежней беллетристикѣ. Если «Евгеній Онѣгинъ», «Горе отъ ума», «Герой нашего времени», «Мертвыя души», — всѣ эти произведенія, продиктованныя пламеннымъ чувствомъ патріотизма, дали намъ широкую картину русской жизни, носящую подчасъ печать геніальности, то беллетристы второй половины вѣка и въ особенности конца ея разработали эту картину съ неменьшимъ патріотическимъ воодушевленіемъ и въ такихъ деталяхъ, что и за современною литературою смѣло можно признать разрѣшеніе главной ея задачи. Судъ надъ современною русскою литературою сильно затемняется тѣмъ, что она количественно страшно разрослась, что обнять ее во всѣхъ ея многочисленныхъ произведеніяхъ теперь гораздо труднѣе, что добросовѣстно слѣдить за нею представляетъ уже задачу крайне сложную, требующую большого трудолюбія, усидчивости и вниманія. Гдѣ у насъ тотъ критикъ, который взялся бы за исполненіе этой сложной и отвѣтственной задачи? Большинство критиковъ и отрекаются отъ нея легкомысленнымъ заявленіемъ, будто бы современная литература не заслуживаетъ ихъ вниманія, потому что талантливыхъ произведеній она не представляетъ. Но если литература является отраженіемъ жизни, а въ этомъ конечно и современной литературѣ отказать нельзя, то отговорка критиковъ равносильна признанію, что они и жизнью не интересуются, что они рождены для чего-то лучшаго и большаго, чѣмъ слѣдить за проявленіемъ житейской «пошлости». Однако, слѣдя за нею, Гоголь создалъ свои «Мертвыя Души». Почему, — спросимъ мы, — Евгеній Онѣгинъ представляетъ собою личность болѣе интересную, чѣмъ нынѣшніе «лишніе люди», отъ которыхъ въ сущности такъ сильно зависятъ всѣ успѣхи родины. Если бы въ Пушкинское время было поменьше Онѣгиныхъ, русская жизнь сложилась бы совершенно иначе, точно также какъ жизнь конца вѣка сложилась бы совершенно иначе, если бы мы не встрѣчались на каждомъ шагу съ прямымъ потомствомъ пушкинскаго героя.

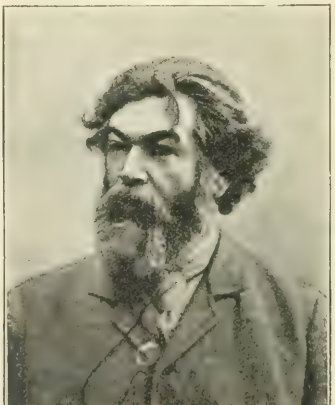
Русская беллетристика послѣдней четверти вѣка приняла на себя наслѣдіе прежней беллетристики и значительно его примножила. Быть можетъ, въ гораздо меньшей значительной степени это можно сказать о современной русской поэзіи. Настоящая и поэзія конца вѣка громадна имена. Отдѣльные элементы, какъ гармонически слившіеся въ геніальной музѣ Пушкина и главнаго свѣтила этой эпохи русской поэзіи, Лермонтова, были разработаны съ замѣчательнымъ искусствомъ такими крупными поэтами, какъ Майковъ, Полонскій, Фетъ и ихъ учениками, Апухтинымъ и тр. Голенищевымъ-Кутузовымъ. Другіе поэты, составляющіе гордость русской литературы, какъ бы отдѣлились отъ этого главнаго ствола и перенесли въ поэзію тѣ элементы, которые выдвинуты подготовительными эпохами времени. Среди нихъ Некрасовъ занимаетъ первое мѣсто. Въ его поэзіи звучитъ сильнѣе всего то, что волновало его современниковъ. Вся его поэзія проникнута настроеніемъ, выразившимся въ его знаменитомъ изреченіи о томъ, что цѣпь великая порвалась и ударила однимъ концомъ по барину, другимъ — по мужику. Когда Некрасовъ отъ описанія картинъ прежней помѣщичьей жизни со всѣми безобразіями барина и горемъ мужика, обращается къ современности, онъ весь проникнутъ гражданскою скорбью своего времени и переноситъ въ поэзію міросозерцаніе, извѣстное у насъ подъ названіемъ вѣяній 60-хъ годовъ. Большой его умъ спасъ его отъ крайняго увлеченія этими вѣяніями. Всецѣло имъ однако подчинился другой поэтъ, Минаевъ, этотъ яркій представитель либеральной юмористики 60-хъ годовъ. Что-же касается остальныхъ поэтовъ, то мы можемъ отмѣтить только два болѣе или менѣе новыя теченія въ русской поэзіи. Одно изъ нихъ яснѣе всего выражено въ музѣ Надсона, въ его извѣстныхъ стихахъ, обращенныхъ къ родинѣ:

Мы каждую твою побѣду воспоемъ,
На каждую слезу откликнемся слезою,—
Но указать тебѣ спасительный исходъ
Не намъ, о, родина... Исхода мы не знаемъ.



Эртель.

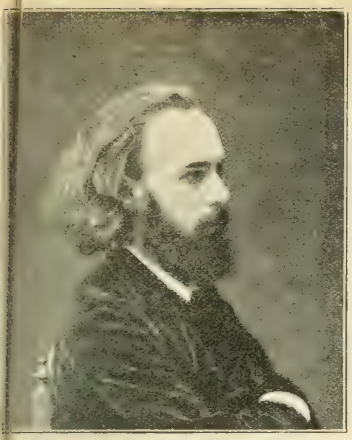
Это теченіе сильно выражено въ современной русской поэзіи. Она воспѣваетъ побѣды, при чемъ подъ побѣдами разумѣются главнымъ образомъ побѣды въ духѣ идеаловъ 60-хъ годовъ, и старается откликаться на всякія «слезы слезою» въ духѣ тѣхъ же идеаловъ, вспоминаетъ о прошломъ съ благоговѣніемъ, клеймитъ настоящее съ ожесточеніемъ и ничего свѣтлаго не видитъ въ будущемъ. Эта нота звучитъ, главнымъ образомъ, въ талантливой поэзіи г. Жемчужникова. Другихъ представителей этого теченія соблазняютъ «высокопарныя фразы. Простоты у нихъ въ общемъ мало. Они воспѣваютъ великія, но въ сущности мало понятныя скорби съ такимъ избыткомъ пафоса, съ какому не прибѣгала прежняя поэзія, даже когда воспѣвала крупныя историческія событія. Яркимъ представителемъ этого рода поэзіи является современный поэтъ Н. Я.



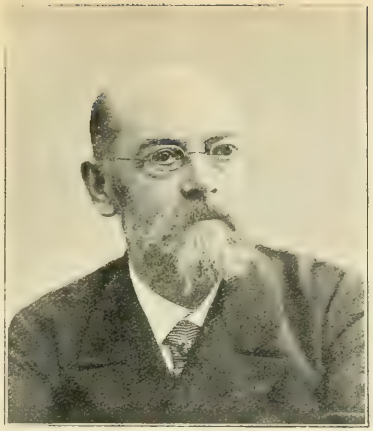
Ясинскій.

Къ этому основному теченію примыкаетъ другое. Такъ какъ поэтъ «исхода не знаетъ», то ему остается только прислушиваться къ собственнымъ своимъ настроеніямъ, подслушивать голоса собственной души. Когда настроенія эти однообразны, когда душа поэта вѣчно повторяетъ одно и то же, свое или чужое, то получаются стихи мало интересные даже для самаго снисходительнаго читателя. Когда эти настроенія богаче, когда самъ поэтъ представляетъ собою болѣе или менѣе интересную личность въ смыслѣ воспріимчивости ко внутреннимъ и внѣшнимъ ощущеніямъ, поэзія его по содержанію становится значительнѣе. Къ такимъ поэтамъ въ настоящее время принадлежатъ К. Р. и гг. Фругъ и Фофановъ. Затѣмъ встрѣчаются еще поэты, которые, желая во что бы то ни стало возвыситься до пафоса и не находя для этого пищи въ дѣйствительности жизни, которую они не знаютъ и не понимаютъ, уходятъ въ область заимствованной философіи, вдохновляются то Шопенгауэромъ, то Ницше, то создаютъ какую-то собственную философію, совершенно отрѣшенную отъ жизни. Главными представителями этого теченія являются гг. Минскій и Мережковскій...

Въ сторонѣ отъ этихъ двухъ теченій современной поэзіи стоитъ поэтъ, отчасти принявшій на себя наслѣдіе прежней нашей поэзіи и въ то же время далеко не чуждый основ-



Надсонъ.



Случевскій.

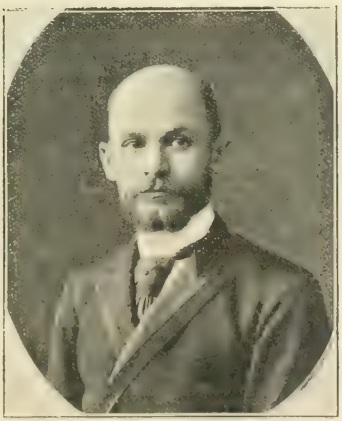
Апухтинъ.

Фофановъ.

Графъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Минаевъ.

Минскій.



Фругъ.

Мережковскій.

[illegible] задачъ современности, которыхъ мы сейчасъ коснемся.

[illegible]ученскій.

VII.

Куда же идетъ современная русская литература? Что ожидаетъ ее въ наступившемъ XX вѣкѣ? Если она попрежнему служитъ вѣрнымъ отраженіемъ жизни, если она приводитъ насъ къ самосознанію, то она этимъ уже исполняетъ значительную часть лежащей на ней задачи?

Но внимательный читатель литературы конца вѣка долженъ признать, что въ ней скрываются и положительные идеалы, что она не только даетъ намъ картину русской жизни, освѣщенную съ разныхъ сторонъ въ ея крупныхъ чертахъ и во всѣхъ подробностяхъ, но и указываетъ путь, на который вступило теперь русское общество. Разъясняя намъ душевныя движенія и теченія, господствующія въ русской жизни, она этимъ уже приближается къ раскрытію и выясненію таящихся въ той же русской жизни положительныхъ идеаловъ. Намѣчены были эти идеалы уже прежними выдающимися русскими писателями. Но то, что у нихъ было лишь намекомъ, получило широкое развитіе въ концѣ вѣка.

Лѣсковъ.

Ровно 70 лѣтъ тому назадъ Пушкинъ окончилъ своего Евгенія Онѣгина, противопоставивъ отрицательному своему герою свѣтлый образъ Татьяны. Въ самомъ концѣ минувшаго вѣка другой великій русскій писатель, гр. Л. Толстой создалъ такой же отрицательный типъ въ лицѣ современнаго Евгенія Онѣгина, князя Нехлюдова. Все въ нихъ неустойчиво, все движется, колеблется; и какъ же неустойчива ихъ внѣшняя жизнь: хорошіе, возвышенные порывы приводятъ къ мелкимъ, иногда даже пошлымъ дѣламъ. Люди, высоко образованные и во всякомъ случаѣ стоящіе на высотѣ образованности даннаго времени, оказываются въ жизни по всей линіи несостоятельными. Чего-то у нихъ не хватаетъ, что-то имъ мѣшаетъ быть въ жизни тѣмъ, чѣмъ они должны быть. Совершенно другое впечатлѣніе производитъ Татьяна или Катюша. Нравственная чистота Татьяны и глубокая [illegible] Катюши [illegible] Катюша [illegible] Катюшу возрождается къ [illegible] перелом точку опоры [illegible] Путь своего воскресенія Катюша [illegible] въ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ. [illegible] Нехлюдовъ [illegible] путь къ своей [illegible] правильнѣе бы [illegible] если

Потапенко.

Гаршинъ.

и онѣ цѣли своей достигаютъ, облагораживая все вокругъ себя, возбуждая хорошія чувства, вносятъ лучъ свѣта въ окружающую ихъ дѣйствительность, въ то время какъ Онѣгины и Нехлюдовы вносятъ раздраженіе, смутность мысли и чувства, скорѣе губя окружающихъ, чѣмъ принося имъ пользу.

Если Онѣгинъ или Нехлюдовъ являются типичными представителями русской интеллигенціи, если въ нихъ совмѣщаются основныя черты громаднаго большинства русскихъ интеллигентныхъ людей, если русская литература, начиная съ Пушкина и кончая писателями послѣднихъ лѣтъ минувшаго вѣка, на всевозможные лады варьировала этотъ основной типъ, если Рудины, Лаврецкіе, Адуевы, Обломовы и разные персонажи современной беллетристики, въ родѣ излюбленныхъ героевъ г. Чехова, представляютъ цѣлый рядъ типичныхъ представителей русской интеллигенціи, то на ряду съ ними болѣе или менѣе всѣ русскіе беллетристы изображаютъ намъ другой основной типъ русскихъ людей либо образованныхъ, либо необразованныхъ, которые по своимъ отличительнымъ чертамъ также чрезвычайно сходны, не смотря на кажущееся ихъ разнообразіе. Возьмемъ-ли мы пушкинскую Татьяну или толстовскую Катюшу, гоголевскую Улиньку или гоголевскаго Костанжогло, гончаровскаго Штольца, тургеневскихъ Инсарова и Соломина или же многообразныя разновидности этихъ основныхъ типовъ, въ обиліи разработанныхъ литературою послѣдней четверти минувшаго вѣка, мы во всѣхъ этихъ типахъ встрѣтимся съ двумя основными чертами: уваженіемъ къ нравственному закону и извѣстною практичностью, т. е. способностью осуществлять свои цѣли въ жизни. Въ этомъ заключается глубокое различіе между типами первой и второй категоріи. Но если образы второй категоріи, не смотря на всю ихъ рельефность подъ перомъ такихъ художниковъ слова, какими были Пушкинъ, Гоголь, Гончаровъ, Тургеневъ, долгое время не находили себѣ признанія, если и критика либо совершенно ихъ обходила, либо довольствовалась по отношенію къ нимъ мимолетными, иногда полупренебрежительными замѣчаніями, то въ послѣдней четверти вѣка лица этой категоріи все болѣе и болѣе обращаютъ на себя вниманіе. Нѣтъ у насъ значительнаго писателя, который не коснулся бы болѣе или менѣе глубоко указаннаго нами положительнаго типа нашей литературы. Когда Достоевскаго спросили, возможенъ-ли положительный типъ въ нашей беллетристикѣ, онъ отвѣтилъ, что этотъ типъ возмо-

Альбовъ.

жонъ, и что онъ ему представляется по основнымъ своимъ чертамъ наиболѣе напоминающимъ Тихона Задонскаго. Другой значительный нашъ писатель, дѣятельность котораго захватила 20 лѣтъ послѣдней четверти вѣка, Лѣсковъ постоянно возвращался къ положительному типу, который онъ окрестилъ именемъ «праведника» и который онъ искалъ съ напряженнымъ вниманіемъ во всѣхъ классахъ русскаго общества. Типъ этихъ праведниковъ онъ противопоставлялъ съ рѣдкою убѣжденностью и силою мятущимся русскимъ интеллигентамъ, о которыхъ другой значительный писатель послѣдней четверти вѣка, Салтыковъ, такъ мѣтко выразился, что они сами не знаютъ, чего имъ надо: конституціи или сервжины, и который въ своихъ рождественскихъ сказкахъ признавъ вмѣстѣ съ Достоевскимъ и Лѣсковымъ, что высшимъ доступнымъ намъ идеаломъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ единственной твердой точкой опоры для дѣятельности является нравственный законъ, провозглашенный Христомъ. Глѣбъ Успенскій тоже въ своихъ произведеніяхъ вѣчно возвращается къ такого рода «праведникамъ», и измученная душа его отдыхаетъ именно на нихъ. Съ одной стороны беллетристика послѣдней четверти вѣка съ явнымъ неодобреніемъ, какъ у Хвощинской, съ открытымъ раздраженіемъ или глубокою ироніею, какъ у г. Чехова, съ трагическимъ отчаяніемъ, какъ у Гаршина и Надсона, съ явнымъ пессимизмомъ, какъ у гг. Альбова, Баранцевича, Лугового, Тихонова, Гнѣдича и др., относится къ многочисленному потомству Онѣгиныхъ, Рудиныхъ, Лаврецкихъ, съ другой стороны она съ неослабною энергіею и часто большимъ воодушевленіемъ рисуетъ намъ типы людей, осуществляющихъ нравственный законъ въ простотѣ сердца, какъ гр. Л. Толстой и Лѣсковъ, или же типы людей, располагающихъ достаточною силою воли и пониманіемъ жизни, чтобы достигать на практикѣ пересозданія окружающихъ насъ неблагопріятныхъ условій. Эти типы встрѣчаются въ большомъ числѣ и у Лѣскова, и у г. Златовратскаго, и у г. Боборыкина, и у г. Маркова, и у гг. Вас. и Вл. Немировича-Данченка, и у г. Салова, и у г. Эртеля, и у г. Потапенка. Мысль этихъ писателей, какъ и многихъ другихъ менѣе значительныхъ, постоянно возвращается къ этому типу, и можно сказать, что они разработанъ современною беллетристикою съ необычайной полнотою и во всѣхъ деталяхъ.

Баранцевичъ.

«Лишніе люди» въ концѣ вѣка постепенно замѣняются этими положительными типами, и значеніе ихъ выяснено беллетристикою гораздо раньше, чѣмъ критика его признала. Критика не знаетъ повидимому еще, какъ отнестись къ этимъ новымъ людямъ, появляющимся теперь всюду въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ прежде, совершающимъ свое жизненное дѣло безъ всякаго шума, скромно, незамѣтно. Но беллетристика все настойчивѣе и настойчивѣе указываетъ, что въ нихъ наше спасеніе, что отъ нихъ зависятъ всѣ успѣхи въ русской жизни, что пора героевъ слова миновала, что XX-й вѣкъ будетъ временемъ окончательнаго торжества «сѣрыхъ людей», какъ выразился Тургеневъ, — людей дѣла, крѣпкихъ духомъ, сильныхъ волею, чистыхъ совѣстью, стойкихъ въ преслѣдованіи непосредственныхъ задачъ жизни, одерживающихъ побѣду за побѣдою, потому что они твердо знаютъ, къ чему стремятся, знаютъ и лучшее средство достиженія своихъ цѣлей. Такимъ образомъ и у насъ, въ Россіи, осуществляется идеалъ демократическаго общества, а нѣтъ общества, которое могло бы быть въ наше время не демократическимъ, провозглашенный величайшимъ поэтомъ XIX-го вѣка въ его знаменитой трагедіи, олицетворяющей трагедію всей жизни современнаго общества, осуществляется пророчество Гете, что высшее счастье для современнаго человѣка это не витаніе въ заоблачныхъ сферахъ отвлеченной мысли, не блескъ и роскошь, не слава правителя, полководца или

Чеховъ.

Гнѣдичъ.

Луговой

[illegible]

гимъ. Это несчастіе, къ вѣчному сожалѣнію, удалось.

Первые начали это дѣло—итальянцы. Ихъ страна была наполнена постройками римскаго времени и вкуса, итальянцы считали себя, съ особенною гордостью, словно сторожами и охранителями при нихъ: отъ этого у нихъ въ головѣ возникла идея возобновить эту священную древность и теперь. Великій техникъ и даровитый создатель новаго европейскаго Купола, Брунелески, отъ всей души принялся водворять архитектурный «гуманизмъ», началъ прививать на плечи новой Италіи—«старые ордера», громоздить дорическія колонны, іоническія и коринѳскія капители, фронтоны, арки, триглифы и прочій классическій провіантъ. Антикъ торжествовалъ, но Европа заболѣвала худою прилипчивою болѣзнью. Латинская раса нанесла тутъ страшный ударъ прочимъ расамъ. Сначала національные элементы пробовали противиться, предъявляли свои права, но скоро «мода» все затопила. «Какое сопротивленіе было возможно,—говорятъ нынѣшніе историки архитектуры,—Палюстръ и другіе, когда итальянскому нашествію покровительствовали и власть королевская, и опьяненіе придворныхъ, магнатовъ, духовенства. Не хотѣли ничего другого кромѣ греческаго и римскаго, даже самый языкъ (въ разныхъ краяхъ Европы) нагружался безчисленными изрѣченіями римскими и греческими, и впадалъ въ педантство... Еслибъ спросить, не только что римлянина или грека, но даже египтянина, индійца, или другого древняго человѣка: А на что у тебя, гамъ, на зданіи, вонъ эти тритоны и химеры, сфинксы, бусы, триглифы, аканѳы, бубны, цвѣты и вѣнки, эти чаши и топоры, эти треножники и статуи?—онъ тотчасъ-бы разсказалъ, что такое для нихъ всѣ эти вещи значатъ, какъ онѣ имъ понятны и нужны, въ религіозномъ, житейскомъ и общественномъ отношеніи. Для него былъ тутъ понятенъ и значителенъ каждый листикъ, каждая черточка. Точно такъ было и со средневѣковымъ человѣкомъ. Еслибъ кто-нибудь спросилъ его, что значатъ всѣ эти чудовища, звѣри и птицы, узлы и листья, маски и человѣчьи фигуры, деревца и вѣточки, переплетенные ремни и сѣтки, на его романскомъ или готическомъ зданіи, онъ тотчасъ бы разсказалъ и объяснилъ все это. Какъ у того древняго человѣка, такъ и у этого средневѣковаго, всѣ предметы на соборѣ и зданіи были ясны, извѣстны и понятны, нужны и дороги, въ религіозномъ, житейскомъ и общественномъ отношеніи. Чтобъ понимать, ему не надо было ни въ какую книгу смотрѣть, никого разспрашивать. Но для насъ, нынѣшнихъ людей, что могутъ значить всѣ эти предметы? Ровно ничего. Это все только поблекшіе цвѣты стараго альбома, выдохшіеся и выцвѣтшіе, это все какія-то шарады, которыя надо растолковывать, школьные условные знаки, не шевелящіе ничьего воображенія, ничьей мысли, нѣчто праздное и ненужное. Но мода повелѣвала, и Европа безумствовала.

Конечно, никакъ нельзя сказать, чтобъ въ архитектурныхъ произведеніяхъ Европы за цѣлыхъ три столѣтія (начиная съ Ренесанса) не проявлялось никакихъ хорошихъ, замѣчательныхъ, привлекательныхъ качествъ. Напротивъ, ихъ проявлялось, въ иныхъ случаяхъ, очень много. Дарованія человѣка такъ велики, такъ могучи, такъ гибки, что всегда способны изогнуться, переворотиться и перещеголяться на сто разныхъ маневръ, способны произвести на свѣтъ что-то такое, гдѣ есть и красивость, и интересъ, и способность завлекать зрителемъ, несмотря на то, что основа и сущность была бы

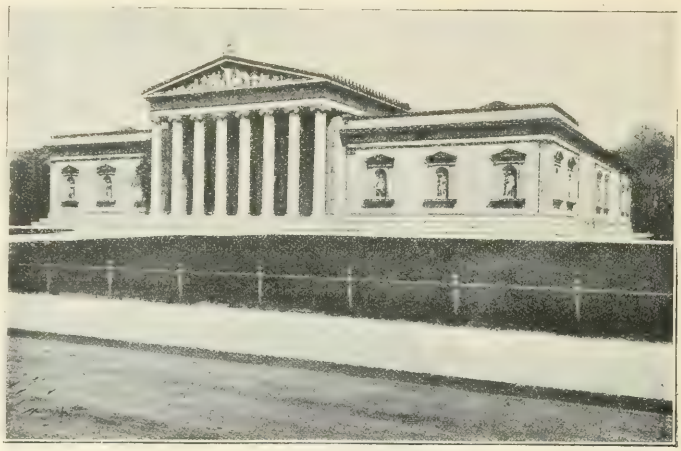
Людвигъ I, король баварскій.

можетъ негодны, фальшивы, или даже и вредны. Такъ ловкій, оборотливый поваръ способенъ сдѣлать очень пріятное для рта и неба кушанье изъ мяса, масла, рыбы и овощей худыхъ, порченныхъ, гнилыхъ. Стоитъ ему напустить только побольше сахара, приправы, соуса и языкъ и вкусъ будутъ навѣрное обмануты, и вредъ здоровью нанесенъ. Точно такъ было съ архитектурой Ренесанса. Во многихъ его созданіяхъ нельзя не видѣть иногда и многообразное изящество, и мастерство работы, и нѣкоторый талантъ, но матеріалъ, изъ чего творились эти созданія, былъ негоденъ, неразуменъ, фальшивъ, совершенно противорѣчилъ и времени, и людямъ, и жизни тѣхъ новыхъ людей, народовъ, для которыхъ они были дѣланы. Архитектурныя созданія были фальшивы и зловредны, потому что отворачивали европейскіе народы отъ того, что имъ было нужно и свойственно, и пріучали ихъ не думать, не разсуждать о своихъ настоящихъ потребностяхъ, и приносить все въ жертву чужимъ людямъ, чужимъ потребностямъ, изобрѣтеніямъ и вкусамъ. Во имя худо, лишь поверхностно знаемой античности, во имя боготворимаго гуманизма и просвѣщенія, художники XVI вѣка принялись наполнять Европу архитектурой несвойственной и времени, и землѣ, и народу, значитъ — архитектурой беззаконной.

3.

И вотъ, сначала прошла по всѣмъ странамъ европейскаго міра полоса архитектуры блестящей, изящной, но по преимуществу нарядной, носящей названіе Ренесанса. Это была архитектура дворцовъ, великолѣпныхъ палатъ и виллъ, архитектура королевская, папская и кардинальская, и это въ такой степени, что даже и всѣ церкви и монастыри того времени строились въ этомъ самомъ стилѣ и вкусѣ. Вспомните, напр., прославленный выше всякой мѣры соборъ св. Петра въ Римѣ, и всѣ безчисленныя его подражанія во Франціи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Германіи, Нидерландахъ и т. д.; вспомните столько же прославленный за красоту монастырь въ Павіи (Certosa di Pavia) и всѣ его подражанія, точно также, во всѣхъ тѣхъ странахъ. Что въ нихъ было религіознаго, церковнаго, монастырскаго? Все только элегантный нарядъ, пышный орнаментъ, бальная роскошь, цвѣточное, раковинное, и всякое другое украшеніе, и это гдѣ же? Въ соборѣ, въ храмѣ той религіи, которая проповѣдуетъ бѣдность, отреченіе, умѣренность и скромность, — въ монастырѣ, котораго назначеніе прежде всего — отчужденіе отъ благъ, утѣхъ и излишества міра, суровость и стоическая простота жизни, въ больницѣ, гдѣ всѣ стѣны наполнены стенаніями и безпредѣльными муками. И такими-то зданіями, совсѣмъ лишенными разсудка, но красивыми, мотовскими, наполнилась вдругъ вся Европа. Она наполнилась милліонами античныхъ колоннъ, портиковъ, арокъ и карнизовъ, всѣмъ архитектурнымъ арсеналомъ и прихотью римской древности, чуждыми новой жизни, исторіи и потребностей. Теперь все стало цѣниться для виллы внѣшности; прежде, въ эпоху настоящей народной европейской архитектуры было другое. «Безпощадная мода,—говоритъ Фурье, — требуетъ теперь, чтобъ все было спиноразмѣ отвлеченно. Въ прежнія времена, зданія соображались съ потребностями жилья, но въ эпоху Возрожденія оно возвелится все болѣе *для красоты плана*... Домъ получаетъ какой-то праздничный видъ, полный хлѣбодѣйствія физіономіи. Архитектура болѣе и думать не хочетъ о томъ, чтобъ точно выражать въ наружной внѣшности внутреннее расположеніе дома. Нѣтъ, болѣе пристроекъ, не замѣняются нѣсколько

[illegible] внѣ пространства залъ; нѣтъ болѣе плафоновъ для заменъ стѣнъ, нѣтъ болѣе оконъ разной величины, выражавшихъ на фасадѣ распредѣленіе комнатъ, наконецъ, нѣтъ болѣе ничего того, что выражало бы во внѣшности характеръ внутренняго содержанія... Все единообразно. Но неужели такая архитектура и въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствовала своему времени и служила ему выраженіемъ, какъ увѣряютъ разные многодумные ученые? Неужели въ Европѣ XIV вѣка только и жили, что короли, паны, кардиналы, богачи и магнаты, существовали только ихъ капризы, вкусы и затѣи? А Лютеръ, а реформація, а громадная масса новыхъ людей, самаго разнообразнаго склада и интеллекта, изъ которыхъ они стояли, конечно, *тоже* потентатовъ, алыкъ и наслаждающейся аристократіи, темный народъ, стоящій низко, по части условной, искусственной культуры, но высоко по здоровому народному чувству — а другіе — гораздо *выше* ихъ (люди начинающейся мысли, науки знанія и самоубѣжденія)? На что могла и тѣмъ, и другимъ годиться вымышленная, сочиненная архитектура? Въ какой степени эта роскошная, мотовская архитектура соотвѣтствовала ихъ вкусамъ и потребностямъ? Ни въ какой, конечно. Она имъ не годилась, а выносить ее все-таки надо было. Не существовало на свѣтѣ никакой другой архитектуры.



Глиптотека въ Мюнхенѣ.

Потомъ наступила вторая эпоха Ренесанса, прозванная эпохой барокко, съ формами будто бы грандіозными, но въ сущности только вычурными до противности странно раздувленными и исковерканными, на тысячу ладовъ, итальянцами въ роде капризника Бернини и его послѣдователей. Ихъ архитектура была опять-таки архитектурой только горсточки аристократовъ, лишившихъ [illegible] и [illegible] [illegible]. По остальной [illegible] [illegible] [illegible]

на сторонѣ побѣдителей, и безконечное униженіе на сторонѣ побѣжденныхъ, — но архитектура, вопреки жизненной правдѣ, оставалась непоколебимо преданa школьной своей, бездушной и мертвой выучкѣ. Послѣ Наполеона, еще много лѣтъ продолжала царствовать та же самая сухая и казенная лже-античность, но съ прибавкою эклектическаго, анатичнаго подражанія архитектурамъ XVI, XVII и XVIII вѣковъ. Неужели хорошо были эти равнодушныя *копіи съ копій?* Неужели онѣ что-нибудь могли значить?

4.

Но около середины XIX столѣтія, всему этому маскараду и притворству пришелъ конецъ. Казалось, имъ никогда и износу не будетъ — такъ прочно они были заложены въ привычки и понятія у всѣхъ. Но могучій духъ самостоятельнаго мышленія, критики и протеста противъ предразсудковъ и всего отжившаго, духъ общаго просвѣтленія, еще съ прошлаго вѣка начавшій завладѣвать умами, коснулся и художества, коснулся и архитектуры. Народилось новое чувство, долго прежде невѣдомое: уваженіе къ народностямъ, къ ихъ жизни, нравамъ, обычаямъ, творчеству; выдвинулась впередъ мысль, что нѣтъ въ искусствѣ избранныхъ и отверженныхъ, и что творчество всѣхъ народовъ, коль скоро оно самостоятельно, оригинально и искренно, — достойно почтенія, любви и внимательнѣйшаго изученія. Съ конца XVIII вѣка и въ продолженіе всего XIX, участились поѣздки людей науки и искусства во всѣ страны міра, какъ въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ, такъ и повсюду внутри самой Европы, для открытія, разсмотрѣнія и изученія памятниковъ народной древности, въ томъ числѣ и архитектурной. Въ теченіе немногихъ десятилѣтій, достигнуты были, въ этомъ направленіи результаты громадные. Изъ безчисленныхъ раскопокъ вдругъ возникли архитектурные, ранѣе совершенно невѣдомые памятники Египта, Индіи, Ассиріи, Малой Азіи, Финикіи, Византіи, изучены были новымъ, свѣжимъ взглядомъ давно обходимые съ презрѣніемъ и забываемые памятники древне-христіанской, романской, готической и новѣйшей Европы. Какія несмѣтныя массы художественныхъ созданій высокоталантливыхъ, высокооригинальныхъ и своеобразныхъ представились мысли и художественному чувству новаго европейца. Онъ словно отъ долгаго мрачнаго сна просыпался и съ удивленіемъ принимался разсматривать окружавшіе его предметы. Онъ былъ уже не прежній человѣкъ со спеленатымъ умомъ, со скорченнымъ предразсудками понятіемъ. Внутри его груди расцвѣтали новыя симпатіи любви и признательности къ сотворенному прежними поколѣніями. Просыпалось и разросталось тоже и чувство національности. Узкій, оригинальный и слѣпой космополитизмъ, все и всѣхъ приводившій къ одному знаменателю, ненавидѣвшій разнообразіе, презиравшій своеобразность, былъ сверженъ со своего престола. Одна красивость, сама по себѣ взятая, переставала быть высшею, главною цѣлью архитектурныхъ созданій, единственнымъ мѣриломъ ихъ совершенства. Стала требоваться еще характерность и оригинальность, сообразованіе съ жизнью каждаго народа, его обычаями и потребностями, его родной землей и почвой.

Еще съ конца XVIII и начала XIX вѣковъ возникла проповѣдь въ защиту и возвеличеніе національной архитектуры. Гёте въ Германіи (статьи о Страсбургскомъ соборѣ), Вальтеръ-Скоттъ въ Англіи (романы, поэмы, трактаты) горячѣе всѣхъ другихъ вели эту проповѣдь въ пользу старой національной архитектуры, германской и англійской, и ихъ проповѣдь нашла слушателей, послѣдователей и продолжателей. Скоро отнялъ за другимъ всѣ европейскіе народы стали обращаться потихоньку и понемногу въ ревностныхъ поклонниковъ своего собственнаго національнаго искусства. Изученіе его духа и особенностей пошло быстрыми, твердыми шагами, углублялось все болѣе и болѣе. Новые взгляды и понятія были въ послѣднее время блистательно резюмированы въ статьѣ о французскомъ Ренесансѣ одного изъ современныхъ художественныхъ писателей Франціи, Анри д'Арзансъ: «Въ настоящее время выдвинулся вопросъ о томъ, не потеряла-ли Франція болѣе, чѣмъ выиграла, на внезапной замѣнѣ средневѣковаго искусства искусствомъ Возрожденія, и не слишкомъ ли дорого заплатила она, утративъ часть лучшихъ художественныхъ качествъ, каковы откровенность, сила, фантазія художника... Мы испытали всю опасность искусственнаго переливанія художественныхъ соковъ изъ одной цивилизаціи въ другую... Франція, конечно, не мало пріобрѣла отъ притока художественной классичности, но утратила, во многомъ, колоритъ, фантазію, фантастичность, характеръ практической и разумной полезности. Для того, чтобъ порождать плоды здоровые и прочные, искусство; подобно растеніямъ, нуждается только въ сокахъ своей родной почвы. Самая могущественная пища для искусства, это — воображеніе народныхъ массъ, народныя вѣрованія, человѣческое потрясенное чувство. Искусство должно говорить понятнымъ для всѣхъ языкомъ. Тепличное искусство есть только искусство для дилетантовъ, оно получается посредствомъ прививокъ и посадокъ...

Британскій музей.

Вслѣдствіе такихъ новыхъ взглядовъ, искусство Европы, съ 30-хъ и 40-хъ годовъ XIX столѣтія, начало мало по малу преображаться. Оно опять стало возвращаться къ національности. Города Европы стали утрачивать свой унылый, однообразный, какъ-бы школьный видъ, по учебнику и, вмѣсто прежней мертвенности, снова стали понемногу представлять живую, смѣлую, цвѣтистую, свѣтлую физіономію, какъ во время творческихъ національныхъ эпохъ. Снова появились на свѣтъ зданія нѣмецкія, французскія, германскія, англійскія, голландскія, шведскія, русскія, давно бывшія въ загонѣ и униженіи, ихъ творцы смѣли уже свободно дышать и направлять свой талантъ въ сторону отъ академическаго приказа и запрета. Тщетно прусскіе правители, особенно Фридрихъ Вильгельмъ IV, воспитанные въ духѣ классическаго почтенія, пробовали удержать новую волну и помѣшать ей свободно разливаться по Европѣ: тщетно они, въ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годахъ столѣтія, дѣлали великія усилія для того, чтобы наградить свою столицу запоздалыми подобіями «чистѣйшей (по ихъ понятіямъ), достовѣрнѣйшей греческой архитектуры, тщетно ихъ Шинкели строили въ своемъ лже-классическомъ стилѣ музеи, дворцы, театры, виллы, дачи и частные дома — эти художники-обязаны своей позиціи не удержали, и всѣ ихъ постройки скоро стали у всѣхъ считаться только устарѣлыми, напрасными тормозами искусства. Уже гораздо выше стояли и больше значили усилія архитектурнаго дилетанта, Людвига Баварскаго, превратить Мюнхенъ въ Аѳины вообще, а въ частности — въ архитектурную хрестоматію, представлявшую для улицахъ столицы, при помощи послушныхъ архитекторовъ-исполнителей, Кленце, Гертнера, Пфланца и другихъ, образчики и древней классической, и новоевропейской христіанской архитектуры (Пропилеи, триумфальныя арки, базилики, византійскія, романскія, готическія и ново-итальянскія зданія) — но эта безцѣльная всеядность этой легкомысленной, дилетантской пробы [illegible] безхарактерны и начали не пошли Европѣ въ прокъ. Отъ

лыхъ вмѣсто въ результатѣ не осталось, кромѣ сожалѣнія у новаго человѣка о капризно потраченныхъ народныхъ деньгахъ. Европа была уже занята болѣе важнымъ и серьезнымъ дѣломъ — настоящимъ своимъ дѣломъ.

Она уяснила себѣ непригодность (въ интеллектуальномъ отношеніи) классической и подражательно-классической архитектуры для нашего вѣка, и стремилась замѣнить ее своею собственною, національною. И то, и другое достигалось ею не безъ сопротивленія, не безъ ожесточенныхъ сраженій. Однимъ изъ отважнѣйшихъ бойцовъ являлся знаменитый французскій архитекторъ и археологъ Віолле-ле-Дюкъ. Подобно многимъ другимъ европейскимъ товарищамъ своимъ, онъ адресовался къ предполагаемымъ людямъ Возрожденія съ такими рѣчами: Вы тамъ какъ ни старайтесь, друзья мои, но вы вовсе не создали ни греческой, ни римской архитектуры, а такую, которая столь-же мало похожа на аонискую и римскую, какъ Карлъ IX на Перикла и Августа... Вы пробуете говорить по-латыни, но идеи, потребности, выражаемыя болѣе или менѣе изрядно на этой латыни, вовсе не суть идеи и потребности древнихъ людей: это все только ваши потребности и идеи. Объ этомъ я не придаю такого же значенія, какъ вы, всему этому античному тряпью. Мнѣ какъ-то странно смотрѣть древнія постройки, превращенныя, наихнѣйшимъ образомъ, въ постройки вашего времени. Но зачѣмъ-же было не оставаться, по-просту, тѣмъ, чѣмъ вы были по собственной своей натурѣ, и только стараться объ усовершенствованіи вашихъ познаній? Къ чему это мальтическое возвращеніе къ формамъ, совершенно не гармонирующимъ съ вашими потребностями и нравами? Я нисколько не отрицаю пользы изученія языковъ, литературы, искусства древнихъ міровъ этимъ добромъ сѣ[illegible] пользоваться, но не для замѣны имъ своего, а для увеличенія этого послѣдняго. И Віолле-ле-Дюкъ приводитъ примѣры забавнія, эпохой Возрожденія, лучшихъ и совершеннѣйшихъ пріемовъ средневѣковой, національной архитектуры въ лицѣ римскихъ, классическихъ, несравненно ниже стоявшихъ.

Ученыя науки и художества, многіе ученые и художники твердо стояли за свое возлюбленное «Возрожденіе», и съ ними приходилось много и долго сражаться. Однако-же [illegible] Европа продолжала свое дѣло, и все-таки [illegible] свои архитектурные дорогіе памятники, они [illegible] отъ вѣковыхъ наростовъ, другіе [illegible] и умѣньемъ, измѣняя въ послѣднемъ ихъ высоко-художественномъ [illegible] и національномъ смыслѣ (французскіе, [illegible] средневѣковые [illegible] времени и эпическія произведенія [illegible] и въ тоже время принимались сооружать [illegible] въ своемъ собственномъ національномъ [illegible]. Но [illegible] не повторяя рабски, а лишь со всею силою [illegible] произведенія работы древнихъ поколѣній.

Она снова подняла съ пола разорванную и уроненную Возрожденіемъ нитку и стремилась закрѣпить и разматывать ее дальше. Европейскіе народы снова возвращались къ настоящему своему художественному языку, столько времени позабытому, снова находили силу прежней рѣчи своей, оригинальность прежняго своего выраженія.

Такихъ созданій, во второй половинѣ XIX вѣка, явилось въ Европѣ не мало. Но одни изъ самыхъ блестящихъ примѣровъ этого новаго настроенія на нашемъ вѣку, — новый лондонскій «Парламентъ», новые лондонскіе «Суды», новый лондонскій «Музей естественной исторіи», всѣ три въ стиляхъ разныхъ эпохъ, но все истинно-англійскихъ и народныхъ. Особенно замѣчателенъ грандіозный естественно-историческій музей, оригинальный и совершенно необычайный по всей своей внѣшности: онъ вездѣ, даже по стѣнамъ наполненъ, снаружи и внутри зданія, изображеніями предметовъ естественно-историческихъ, животныхъ и растеній, и съ величавой статуей Дарвина въ громадной входной залѣ, какъ геніальнаго починателя новаго періода въ изученіи природы.

Двадцатидвухъ-этажные дома въ Нью-Іоркѣ.

5.

Вообще говоря, одну изъ самыхъ главныхъ ролей въ архитектурномъ дѣлѣ трехъ послѣднихъ столѣтій, начиная съ XVI, играла постоянно — Англія. Она всѣхъ позже въ Европѣ и очень неохотно приняла формы Возрожденія для архитектуры — такъ твердо, такъ прочно и такъ упрямо держалась она своихъ національныхъ элементовъ. Еще и раньше Возрожденія, въ эпоху романской и готической архитектуры, она совершенно по-своему приступала къ этимъ общеевропейскимъ, часто геніальнымъ во Франціи и Германіи, формамъ, и придавала имъ постоянно свою особенную, талантливую, мощную и оригинальную характеристику. Впослѣдствіи, когда во всей Европѣ царствовала архитектура Возрожденія, она въ pendant къ нему создала еще новый, свой особенный стиль, тотъ, что называется «Елизаветинскимъ стилемъ». Позже, во времена европейскаго періода «барокко», Англія опять-таки не хотѣла повторять Европу и опять-таки создавала нѣчто свое, сообразно съ особенностями своей земли, почвы, народной жизни и нравовъ. Лишь школьное академическое воспитаніе многихъ англійскихъ архитекторовъ XVII и XVIII вѣка и зараженіе ихъ европейскими понятіями и вкусами, во время ихъ путешествій и ученія въ Италіи и Франціи, повліяли наконецъ самымъ неблагопріятнымъ, такъ сказать, развращающимъ образомъ, на англійскую архитектуру и въ значительной степени затормозили ея самостоятельность. Лондонъ и разные англійскіе города наполнились теперь постройками въ такомъ точно стилѣ, въ какомъ онѣ появлялись въ Европѣ. Оно и понятно: если Англія приняла одежды, наконецъ, и французскій кафтанъ, и французскій парикъ, и пудру и фижмы, то какъ-же ей было не принять, наконецъ, и общеевропейской, безрадиной, космополитической архитектуры? У нея, въ XVII вѣкѣ, пошли свои соборы св. Павла (въ pendant

къ св. Петру въ Римѣ), множество другихъ, подобныхъ-же безцвѣтныхъ, безхарактерныхъ церквей, дворцовъ, палатъ, присутственныхъ мѣстъ и т. д. Что дѣлать? Сила солому ломитъ, а какая сила можетъ оказаться сильнѣе моды и «подражательности»? Однако, даже и послѣ всего этого, Англія, одна изъ самыхъ раннихъ и рѣшительныхъ, обратилась снова къ элементамъ своимъ, особеннымъ, въ томъ числѣ и по части архитектуры. Это всего характернѣе выразилось въ формѣ англійскихъ «коттеджей», деревенскихъ домиковъ, виллъ. На нихъ смотрятъ, обыкновенно, довольно небрежно и поверхностно, не придаютъ имъ особенной важности и значенія, но по сущности дѣла ихъ значеніе очень значительно. Они сохранили коренной характеръ разума и потребности; они не хотятъ знать школьныхъ правилъ и академическихъ преданій и не измѣнили своей задачи вопреки всѣмъ европейскимъ архитектурнымъ модамъ. Англійскій народъ какъ будто говорилъ: «Стройте тамъ себѣ, вы всѣ, вельможи и короли, банкиры и богачи, что хотите и какъ хотите, что вамъ ни вздумается, дворцы и чертоги, по чужимъ европейскимъ модамъ, а у насъ есть что-то свое, въ самомъ дѣлѣ нужное, и мы отъ него не отступимся ни за что».

Англійскій коттеджъ.

Англичанинъ былъ всегда наполненъ такимъ чувствомъ «домашности», которое врядъ ли гдѣ еще существовало. Всѣ архитектуры міра представляютъ много образовъ великости, пышности, роскоши, красоты, но все это въ большинствѣ случаевъ для нѣсколькихъ исключительныхъ классовъ, и верхушекъ: средніе и низшіе классы всегда прозябали въ своихъ домахъ и домишкахъ какъ могли, о нихъ всегда мало было заботы. Англичанинъ, напротивъ, считалъ свой домъ — своимъ настоящимъ мѣстомъ жительства, и издревле хотѣлъ жить въ немъ удобно, хорошо, уютно и пріятно. Ни дворцы, ни крѣпости этого не давали, да ему не было до нихъ и дѣла. Онъ туда мало навѣдывался. Онъ собственный домъ называлъ своею «крѣпостью», и эта крѣпость была на свѣтъ вовсе не на показъ, а на пользу ему самому и его семейству. То, что зовется комфортомъ въ жизни, создано по преимуществу англичаниномъ и уже только отъ него стало понемногу (и очень поздно) переходить къ остальнымъ людямъ въ Европѣ. Идеей комфорта наполнена уже и вся городская квартира англичанина, но еще болѣе и сильнѣе его коттеджъ или вилла. Коттеджъ-вилла стоитъ не среди вытянутыхъ въ одну ниточку улицъ, и даже не въ сосѣдствѣ и не среди скверовъ, назначенныхъ на то, чтобъ напоминать городскому жителю природу. Коттеджъ или вилла прямо стоитъ среди природы, далекой отъ искусственныхъ, вычурныхъ и исковерканныхъ руками человѣческими европейскихъ парковъ и садовъ. Коттеджъ окруженъ неправильностями и случайностями природы — и самъ тоже состоитъ весь изъ неправильностей и случайностей. Чего требуетъ жизнь и ея разумнѣй «комфортъ», то и даетъ англійскій коттеджъ и вилла. Помимо всякихъ школьныхъ и традиціонныхъ правилъ и привычекъ, коттеджъ и вилла прорубаютъ дверь или окно не тамъ, гдѣ того требуетъ изящество фасада, рисунокъ, а то выше, то ниже, гдѣ случится, гдѣ того требуютъ самыя жизнь, условія домашняго удобства, надобности семейства. Никакихъ колоннъ, карнизовъ и фронтоновъ, Ренессанса, никакого остальнаго наслѣдственнаго лже-классическаго скарба. Если надобенъ балконъ, какая нибудь прибавка и пристройка вбокъ, въ сторону, вверхъ, не стѣсняетъ смѣло и просто, не справляясь о правильности и симметріи, и въ результатѣ полу-

Англійскій коттеджъ.

чается не одно только удобство и покой, но и своеобразная красивость, неприготовленная живописность. И этотъ принципъ, основанный на разумѣ — мало по малу одержалъ верхъ повсюду, не только въ Англіи, но и въ остальной Европѣ. Англія дала Европѣ разумный, англійскій садъ, полный простоты и естественности, вмѣсто прежнихъ жеманныхъ, натянутыхъ версальскихъ садовъ Людовика XIV, коверкающихъ и уродующихъ природу. Англія дала Европѣ новый костюмъ, пиджакъ и круглый цилиндръ, вмѣсто кафтана и треугольной шляпы XVI, XVII и XVIII вѣка. Англія уничтожила косы мужчинъ, фижмы, румяны и саженныя прически женщинъ. Англія дала всѣ новыя жизненныя привычки, она упростила и объестественила большинство предметовъ домашняго употребленія и обихода, она создала лучшій и разумнѣйшій экипажъ въ мірѣ — коляску на двухъ колесахъ, съ кучеромъ позади, она научила смотрѣть безъ жеманства на англійскій кабинетъ и придать ему видъ столько же свѣтлый, здоровый и разумный, какъ у всѣхъ прочихъ жилыхъ комнатъ, она научила дѣлать спальни съ кроватями безъ старинныхъ вредныхъ занавѣсокъ и гардинъ, она научила, для здоровья, избѣгать корридоровъ, темныхъ угловъ и закоулковъ,—наконецъ отъ этого-то, какъ результатъ и выводъ всего новаго образа мыслей, здоровый, уютный домъ и квартира въ городѣ, а еще въ болѣе характерной и изящной формѣ — за городомъ. Мало по малу, правильная, разумная идея стала переходить и къ другимъ народамъ Европы, и вездѣ оказала одно и тоже благодѣтельное дѣйствіе: она начала возрожденіе архитектуры простой, естественной, неправильной, лишенной педантства, здоровой и своеобразно изящной.

А. М. Горностаевъ.

Кому случается путешествовать по разнымъ концамъ Европы, или, за невозможностью такихъ путешествій, кто можетъ изучать новую европейскую архитектуру по фотографическимъ снимкамъ и изданіямъ, тотъ неминуемо, мнѣ кажется, придетъ къ заключенію, что все лучшее, что по сихъ поръ сдѣлано новою Европою XIX вѣка, по части архитектуры, все, что въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ серьезнѣйшаго вниманія, имѣетъ историческое значеніе и указываетъ на широкое будущее развитіе, это — не дворцы и храмы, не министерства и безумно-мотовскіе отели, не противные для эстетическаго чувства и зловредные для здоровья американскіе дома въ 22 этажа, не даже-парадные дома эпохи Наполеона III, или громадины германской императорской эпохи, представляющія лишь тысячныя варіаціи на мотивы старинныхъ забавныхъ изъ камня и мрамора и капризовъ изъ кирпича [illegible] дѣлать не все это, а тѣ городскіе дома и домики, а [illegible] болѣе въ загородные коттеджи, подгородныя виллы, стоящіе отдѣльно, особняком, самостоятельно, небольшихъ размѣровъ, невысокіе, въ одинъ этажъ, много въ два, дома, стоящіе отдѣльно, не примыкая одинъ къ другому, не примыкая ни къ чему, какъ крестьянскія избы, которые можно встрѣчать теперь внутри или около всѣхъ главныхъ городовъ Европы. Они мало заботятся о стилѣ, объ архитектурныхъ [illegible] и фасадахъ, но много заботятся о необходимости [illegible] и о разумности жилья. Именно, крестьянская изба [illegible] Прежніе, лучшіе городскіе дома въ первоначальномъ [illegible] обнаружили въ XVII и XVIII вѣкахъ, имѣли иногда [illegible] немножко [illegible] и все это, [illegible] въ протестантскомъ, лютеранскомъ или англиканскомъ храмѣ, — [illegible] линіей, фронтономъ [illegible] и эпохою. Первоначальный [illegible] домъ имѣлъ въ своей мрачной, темно-[illegible] [illegible] пуританское. Но загородный коттеджъ или вилла были уже свободнѣе, менѣе въ своихъ формахъ, они шли дальше, они не отказывались отъ красоты и изящества, и этимъ опережали домъ. Въ созданіяхъ, прежде всего заботящихся о существѣ дѣла, о надобности и пользѣ, раньше всего высказывается всегда характерность. Красота и оригинальность приходятъ уже потомъ сами собою, національность — также. Имъ только не надо мѣшать. Всякому человѣку, не исковерканному школой, и не поставленному указкой на ложный рельсъ, слишкомъ естественно быть національнымъ, столько же въ архитектурѣ, какъ и въ языкѣ, которымъ онъ говоритъ отъ рожденія.

6.

Интересно, что среди общаго движенія главную роль играли всего болѣе народы сѣверной Европы, не принадлежащіе къ романской расѣ: англичане, нидерландцы, шведы, норвежцы, датчане, и русскіе. Они менѣе другихъ заражены были всегда классическими преданіями, туже и рѣже наклоняли шею подъ ея ярмо, и упорнѣе сохранили, какъ святыню, преданія и формы коренной своей народности по части своей архитектуры. У большинства между ними уцѣлѣли даже, до настоящаго времени, постройки деревянныя, которыя всегда по преимуществу народны и оригинальны. Безъ сомнѣнія, сюда же принадлежали-бы и германцы (какъ это доказываетъ народная коренная архитектура нѣкоторыхъ изъ германскихъ племенъ средней Европы — швейцарцевъ и тирольцевъ), но внѣшнее принужденіе цѣлаго ряда нѣмецкихъ правителей XVII, XVIII и XIX вѣковъ, слишкомъ зловредно повліяло на нѣмецкія поколѣнія и слишкомъ настойчиво и сильно постаралось заставить ихъ принять чужія формы.

Русскіе были счастливѣе. И это, не смотря на весь гнетъ Петра I. Петръ I былъ, конечно, одинъ изъ величайшихъ и геніальнѣйшихъ государей міра, но онъ ничего не цѣнилъ въ народности, а значитъ и въ искусствѣ, а потому преравнодушно и безъ всякой нужды уничтожалъ всѣ народныя формы. Если Петру I ничего не стоило перерядить цѣлый народъ въ чужой, совершенно негодный для нашей страны и климата костюмъ, если онъ находилъ очень подходящими для сотенъ-тысячъ войска (изъ мужиковъ) и многихъ милліоновъ средняго сословія ходить весь свой вѣкъ въ коротенькихъ штанахъ, въ какихъ то суперевстахъ, въ чулкахъ, башмакахъ и треугольныхъ шляпахъ, съ распущенными до плечъ въ морозъ волосами, среди нашей зимы, мороза и льдовъ, то что-же ему стоило точно также все коверкать во всемъ русскомъ обиходѣ? Онъ вычеркнулъ вонъ русскую архитектуру, величавую, оригинальную, талантливую, и завелъ у насъ вовсе непригодный для страны и народа архитектурный европеизмъ, — голландскій и нѣмецкій, да къ несчастію еще и самый низкопробный, самой скверной эпохи. Онъ насильно навязывалъ его намъ; преемники его продолжали дѣйствовать по той же системѣ, и всего чаще, для выполненія ея, выписывали иностранцевъ - архитекторовъ, строившихъ русскія церкви на католическій манеръ (да еще позднѣйшій!), и коскакъ прилаживали чужія формы къ нашимъ потребностямъ. Конечно, иногда къ намъ попадали, случайно, художники истинно талантливые — всѣхъ замѣчательнѣе между ними графъ Растрелли и по своему усмотрѣнію строили зданія болѣе или менѣе замѣчательныя въ европейскомъ складѣ: Казанскій, Исаакіевскій, Никольскій, Смольный и Царскосельскій дворцовый соборы, многіе дворцы, барскіе дома и проч., главный штабъ, нѣсколько театровъ, академія художествъ, эрмитажъ, музей и т. д. строены то иностранцами, то рабски подражавшими имъ русскими — но во всемъ этомъ не было уже ничего самостоятельнаго, оригинальнаго и новаго.

Такъ дѣло продолжалось до сороковыхъ годовъ XIX столѣтія. Въ это время, по желанію императора Николая I, вдругъ положено было начало «офиціально-національной» архитектурѣ, но, подъ руками изобрѣтателя и пропагандиста ея, малоспособнаго архитектора Тона, результаты вышли самые неудовлетворительные, какъ все насильственное, малопросвѣщенное и недаровитое. Соборъ и дворецъ въ Москвѣ, множество въ «лже-народномъ стилѣ» церквей и зданій, разсѣянныхъ по всей Россіи, нѣсколько памятниковъ (въ томъ числѣ, въ концѣ столѣтія, памятникъ императору Александру II) явились этими печальными результатами. И, не взирая на всѣ подобныя неблагопріятныя условія, русскіе сохранили незатушимую любовь и приверженность къ своему настоящему, національному, архитектурному стилю и при первой же возможности, около середины XIX столѣтія, снова доказали всю живучесть народнаго таланта, тлѣвшаго и дышавшаго подъ пепломъ. Выступила цѣлая школа молодыхъ талантливыхъ архитекторовъ, съ профессоромъ А. М. Горностаевымъ во главѣ. Это молодое поколѣніе мужественно отказалось не только отъ навязаннаго намъ полтораста лѣтъ назадъ архитектурнаго европеизма и отъ лже-народной, притворной и антихудожественной архитектуры, какую у насъ стали одно время проповѣдовать и распространять бездарные архитекторы-чиновники, съ профессоромъ Тономъ во главѣ. Новые русскіе архитекторы, еще совершенно юные, но уже съ любовью и страстью изучившіе, на самыхъ мѣстахъ, внутри Россіи, старую русскую архитектуру. Ив. Горностаевъ, Богомоловъ, Вальбергъ, Ропетъ, Гартманъ, Кузьминъ, Никоновъ и другіе, построили множество церквей, частныхъ домовъ и дачъ въ Петербургѣ, Москвѣ, разныхъ краяхъ Россіи, даже на Кавказѣ, многія зданія на выставкахъ русскихъ (1870 и 1872 гг.), на всемірныхъ (Парижской 1878 и 1889 гг., Чикагской 1893 г.); въ послѣдніе годы Игумновскій домъ въ Москвѣ, построенный архитекторомъ Паздѣевымъ съ замѣчательною оригинальностью въ истинно-національномъ духѣ. Нѣчто среднее между истинно-національными и на половину европейскими постройками представляютъ зданія, возведенныя профессоромъ Рязановымъ и его учениками (виленскія церкви, нѣкоторые новые дворцы); послѣдователями той-же смѣшанной и мало характерной системы возведены: новый московскій гостиный дворъ и другія новѣйшія зданія въ Россіи, способныя нравиться вполнѣ объевропеенымъ современникамъ, часто вполнѣ потерявшимъ вкусъ къ національности, но глубокопеудовлетворительныя для тѣхъ, кто сохранилъ внутри себя народный духъ. Однако, вопреки всему этому, народныя старорусскія формы все еще сохраняются и живутъ, подобно русскому языку и русской пѣсни, и готовы всякій день и всякій часъ дать свой оригинальный матеріалъ, свою своеобразную форму, складъ и рѣчь національному художнику, истинно-національному. Эти новые продукты талантливости и самостоятельности являются у насъ наравнѣ и въ параллель съ англичанами, шведами и норвежцами.

Святыя ворота въ Троицко-Сергіевской пустыни, сооруженныя А. М. Горностаевымъ.

Конечно, и у насъ, какъ въ остальной Европѣ, не обошлось безъ сопротивленія со стороны извѣстной доли публики, и «образованнѣйшихъ» (по европейски) людей, а также и со стороны художниковъ противъ этого «противнаго», нарушающаго всѣ обычныя привычки, національнаго стиля. Но далеко не все общество раздѣляло этотъ постыдный образъ мыслей, и русское самостоятельное искусство имѣло возможность проявить себя вопреки вкусамъ многихъ «истинно-образованныхъ по художеству» и «благомыслящихъ по архитектурѣ» людей.

При этомъ многочисленныя постройки: церкви, дома, дачи, какъ въ наружномъ, такъ и во внутреннемъ своемъ видѣ, стали выражать складъ и мотивы національные. Вся орнаментистика состояла изъ фигуръ и всяческихъ подробностей народныхъ; изображеніе растеній и животныхъ: цвѣты, вѣтки, плоды, ягоды, птицы и звѣри принадлежали нашей родинѣ и были извѣстны и понятны каждому. Залы, спальни, окна и двери, печи, рамы, зеркала и картины, наконецъ даже вся мебель, посуда, предметы убранства и домашняго обихода, утварь — получили, подъ рукою новаго русскаго художника, форму и обликъ національные, издревле у насъ созданные самимъ народомъ и всѣмъ родственные, а теперь продолжаемые и талантливо развиваемые. Но молодая фаланга архитекторовъ не состояла изъ копистовъ и подражателей. Всѣ лучшіе между ними были самобытные создатели и слѣпо не повторяли чужое и прежнее: они только продолжали твореніе прежнихъ поколѣній. Они творили свое собственное, точно такъ же, какъ художники слова, русскіе поэты и писатели, основывались въ своемъ дѣлѣ на матеріалѣ народномъ, на русскомъ языкѣ, а творили все-таки нѣчто собственное свое, далекое отъ космополитизма и чужеземности.

7.

Отмѣтимъ здѣсь одинъ особенный и характерный фактъ. Въ теченіе послѣднихъ четырехъ столѣтій, отъ XVI до XIX, церковная архитектура западной Европы, какъ въ католическихъ, такъ и въ лютеранскихъ и протестантскихъ церквахъ, постоянно находилась въ великомъ не-авантажѣ. Архитектура Возрожденія никогда ничего не создала, сколько-нибудь замѣчательнаго. Начиная отъ соборовъ св. Петра въ Римѣ и св. Павла въ Лондонѣ, и кончая обѣтною церковью въ Вѣнѣ — все-германскимъ соборомъ на площади Музеевъ въ Берлинѣ, и извѣстными фантастическими издѣліями Наполеона III, церквами св. Августина и св. Троицы въ Парижѣ, всѣ эти зданія не выразили никакого таланта и творчества ихъ авторовъ, ни соотвѣтствія религіознымъ потребностямъ новыхъ народовъ. Они мертвы, сухи, холодны и недаровиты. Въ нихъ нѣтъ и тѣни той искренней поэтичности, оригинальной мистичности и красоты, которыми дышали средневѣковые соборы и церкви. Исключеніе составляютъ лишь нѣкоторыя церкви въ національномъ стилѣ, построенныя во второй половинѣ XIX вѣка архитекторами русскими для Россіи, шведскими и норвежскими для Швеціи и Норвегіи, и англійскими для Англіи. Эти церкви ничего не повторяютъ и ничему не подражаютъ, но являются продолженіемъ, плодомъ дальнѣйшимъ развитіемъ прежняго національнаго зарѣзнаго творчества.

Въ заключеніе настоящихъ соображеній о постройкахъ въ

стилях національныхъ, я укажу на то, что въ XIX вѣкѣ была еще одна новинка: постройка еврейскихъ синагогъ. Прежде, долгое время о нихъ мало заботились, или строили ихъ какъ попало, кое-какъ, безъ всякаго характера и стиля. Нынче, въ теченіе немногихъ лѣтъ, ихъ явилось вдругъ, заразъ, больше, чѣмъ прежде въ теченіе многихъ столѣтій. И имъ стараются придать по возможности національный характеръ, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій. Лучшая, художественнѣйшая и значительнѣйшая — берлинская, въ стилѣ арабско-мавританскомъ, всего скорѣе по подобію знаменитой толедской синагоги XIV вѣка. Другія замѣчательныя синагоги — въ Парижѣ, Вѣнѣ, Лейпцигѣ, Петербургѣ, Висбаденѣ и нѣсколькихъ другихъ городахъ.

8

Другая новая форма архитектуры, кромѣ народной, созданная XIX вѣкомъ, была форма постройки изъ желѣза и стекла. До тѣхъ поръ, во всѣ періоды искусства, всѣ постройки являлись сдѣланными изъ камня, дерева, кирпича. Теперь къ нимъ прибавилась форма постройка изъ желѣза и стекла. Эта форма явилась совершенно неожиданно и случайно. Невозможно указать, съ точной опредѣленностью, время появленія каждой изъ всѣхъ архитектурныхъ формъ, существовавшихъ до сихъ поръ на свѣтѣ: романской, готической и др. (не говоря уже о всѣхъ древнихъ) но можно указать со всею точностью, можно, такъ сказать, даже указать день и часъ, когда явилась на свѣтъ архитектура желѣзно-стеклянная.

Игумновскій домъ въ Москвѣ.

Въ числѣ новыхъ [illegible] для всего человѣчества идей, наполнившихъ вдругъ [illegible] 1850 года всѣ лучшія головы въ Европѣ, была идея о всемірныхъ выставкахъ. Онѣ взяли себѣ цѣлью — громадную [illegible] народы, по части творческой дѣятельности ихъ въ области промышленности и искусства. Вдругъ почувствована [illegible] горячностью и увлеченіемъ, потребность обмѣна [illegible] созданій разнообразныхъ народовъ міра. [illegible] чуждыхъ другъ отъ друга и даже иной разъ [illegible] настроенныхъ одинъ въ отношеніи къ другому. Безчисленное множество произведеній [illegible] стекалось, пріплось отъ взоровъ; [illegible] прежнимъ привычкамъ, и наперекоръ [illegible] была [illegible] и необходимость чего-то [illegible] обнаруженія, пропаганды [illegible] всего того, что прежде тщательно скрывалось. И принцъ Альбертъ англійскій, нѣмецъ по рожденію, но впослѣдствіи англичанинъ по душѣ и всѣмъ привычкамъ мышленія, предложилъ устроить всемірную выставку. Нѣчто подобное было подумано, предложено и даже затѣяно еще за полустолѣтіе раньше, во время первой французской революціи, но такъ слабо, такъ нерѣшительно, а главное, такъ не своевременно въ разныхъ отношеніяхъ, что слова остались словами, мысли мыслями, и никакого осуществленія ихъ въ дѣйствительности не произошло. Блестящую, великодушную идею скоро забыли. Но около середины XIX вѣка пришло уже настоящее время. Идея созрѣла, и надобность въ ея осуществленіи ярко чувствовалась. По старой привычкѣ и по старымъ преданіямъ, люди еще дрались, войны шли своимъ чередомъ, но народы, уже выросшіе и окрѣпшіе въ своемъ самосознаніи послѣ варварскихъ и нелѣпыхъ Наполеоновскихъ войнъ, начинали все болѣе и болѣе приходить къ чувству взаимной симпатіи, взаимнаго уваженія, взаимной любви и взаимной помощи. Всемірныя выставки выступили помощницами и распространительницами этихъ идей.

Но для такой выставки, гдѣ должны были явиться, передъ глазами всѣхъ, въ первый разъ на свѣтѣ, образцы творчества и производства всѣхъ народовъ міра, еще небывалаго, потребно было и помѣщеніе небывалое. Такое, точно будто само собою, мгновенно создалось. Архитекторы разныхъ странъ представили 245 проэктовъ для будущаго зданія, но всѣ они были въ старинномъ, академическомъ родѣ, съ арками, колоннами и всѣмъ прочимъ школьнымъ аппаратомъ. И публика, и художники чувствовали непригодность этого стараго матеріала. И вотъ тогда-то вдругъ выступилъ впередъ англичанинъ Пакстонъ, съ предложеніемъ какой-то неслыханной и невиданной архитектуры, всей изъ одного желѣза и стекла. Всѣ были поражены; конечно, сопротивленія оказалось много. Все цеховое архитектурное старье Европы, особливо изъ французскихъ и англійскихъ архитекторовъ, громко и гнѣвно вопило. Они объявляли, что этотъ дерзкій Пакстонъ вовсе даже не архитекторъ и не художникъ, а просто садовникъ и нечуть, и собирается строить не то величавое зданіе, которое требуется, а какой-то стеклянный колпакъ, оранжерею, а этого позволять нельзя тамъ, гдѣ есть на лицо настоящіе художники и настоящее искусство. Однако же вопли остались воплями, зданіе выставки было съ во-

Зданіе первой всемірной выставки въ Лондонѣ.

„Залъ празднествъ“ на всемірной парижской выставкѣ 1900 г.

строемъ волнующую, какъ задумать и указывать неучь-строенное, и новая архитектура родилась. Она находила, съ самаго же начала, много себѣ сочувствія въ Англіи уже и потому, что заключала въ себѣ одинъ изъ главныхъ элементовъ старой англійской архитектуры: стремленіе и любовь къ огромнымъ пространствамъ свѣта и цѣлымъ потокамъ солнечнаго освѣщенія: старые англійскіе соборы и великія залы особенно отличаются не только громадными окнами, но цѣлыми стеклянными плоскостями во всю стѣну, даже чуть не во весь лѣсъ.

Скоро эта архитектура разлилась несокрушимымъ потокомъ по всей Европѣ. Не прошло еще и года послѣ выставки, а уже принялись строить по новому въ Ливерпулѣ, Манчестерѣ, Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, а потомъ и въ другихъ разныхъ мѣстахъ Европы. Желѣзно-стеклянная архитектура сдѣлалась въ короткое время всеобщимъ достояніемъ, вошла въ нравы, и никого болѣе не удивляетъ и никого болѣе не приводитъ въ негодованіе.

Полъ-столѣтія раньше, въ концѣ XVIII вѣка, ничто подобное не было бы возможно. Желѣзное производство не доходило еще тогда до своего болѣе поздняго громаднаго развитія и мастерства, и всемірная выставка, наприм., въ Парижѣ помѣстилась бы, въ 1851 году, навѣрное въ какомъ-нибудь каменномъ зданіи прежняго склада, въ размѣрахъ умѣренныхъ, ограниченныхъ, далеко не соотвѣтствующихъ новой широкой, несравненной задачѣ. Вѣдь Франція XVIII вѣка, какъ и вся Европа, хотѣла знать только одну староклассическую архитектуру Греціи и Рима, и ново-классическую итальянскую архитектуру времени Возрожденія и папъ, только о нихъ двухъ и думала, къ нимъ только горѣла жаждой приблизиться, и не желала знать ничего архитектурнаго кромѣ того, что здѣсь существовало. Но у тѣхъ двухъ эпохъ, спрашивается, какія были самыя огромныя по размѣру зданія? Либо греческій театръ, либо римскій циркъ, римскій колизей, либо соборъ св. Петра. Первый для того, чтобы многотысячная толпа смотрѣла знаменитыя трагедіи, второй, чтобы другая такая же толпа восхищалась, какъ убиваютъ звѣрей и людей, третій, чтобы всѣмъ имъ можно было слушать евангельское благовѣстіе и наслаждаться театральнымъ парадомъ папскихъ торжествъ; всѣ другія зданія были еще маленькія, потому, конечно, что и задачъ большихъ не было. Что было самаго важнаго, значительнаго, обширнаго, въ жизни всенародной происходило на открытомъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, на площади. Теперь же во второй половинѣ XIX вѣка вдругъ выросли новыя. И вотъ, въ немного лѣтъ создаются на всѣхъ концахъ Европы, для удовлетворенія имъ, необъятныя по громадности, чудесныя по оригинальности, иногда и красотѣ, небывалыя сооруженія.

Таковы были Хрустальный дворецъ на Сиденгамскомъ холмѣ, близъ Лондона, построенный изъ остатковъ выставки 1851 г., [illegible] для всего міра. Онъ сосредоточивъ подъ собою, кругящимся въ вышинѣ, стеклянными сводами, среди [illegible] желѣзно-стеклянныхъ стѣнъ, колоссальныя [illegible] красками и золотомъ, архитектурныя образцы [illegible] въ настоящую величину, всѣхъ значительнѣйшихъ создания всемірной архитектуры: дворцовъ и храмовъ египетскихъ и ассирійскихъ, греческаго Парѳенона, римской Помпеи и арабскихъ Альгамбры, византійскихъ монастырей, готическихъ соборовъ, [illegible] итальянскихъ и англійскихъ дворцовъ и т. д. Таковы были, также, поразительные по новости и красотѣ громадныя всенародныя читальни, круглая въ Лондонскомъ Британскомъ музеѣ (1851), четвероугольная съ тонкими, громадно-высокими, желѣзными колонками — въ Парижѣ (1873), подобныя же, хотя и уступающія имъ, по красотѣ, оригинальныя желѣзно-стеклянныя читальныя залы публичныхъ библіотекъ въ Бостонѣ, Стокгольмѣ и Галлѣ, знаменитый общенародный рынокъ «Halles Centralles» въ Парижѣ, стеклянный домъ художественныхъ выставокъ въ Мюнхенѣ; знаменитая круглая концертная зала «Albert Hall» въ Лондонѣ (1870), на 10.000 человѣкъ, подобная же парадная концертная зала въ Трокадеро (1878) на 5.000 человѣкъ, праздничная зала (Festhalle) въ Цюрихѣ (1872) на 5.300 человѣкъ, городская зала (Stadthalle) въ Майнцѣ, на 4.000 человѣкъ, «зала празднествъ» (Salle des fêtes) на всемірной выставкѣ 1900 года въ Парижѣ, на 15.000 человѣкъ и болѣе всего «Палата машинъ», превзошедшая размѣрами своихъ желѣзныхъ арокъ и размѣровъ все до сихъ поръ извѣстное; далѣе колоссальные магазины, занимающіе цѣлые кварталы европейскихъ городовъ, особливо Парижа: «Magasins au Printemps», «Magasins au Bon Marché», «Magasins au Louvre» и т. д.; безчисленные дебаркадеры желѣзныхъ дорогъ, одинъ другого колоссальнѣе, величавѣе и изящнѣе, такіе, какъ напримѣръ лондонскіе Charing-Cross и Great-Western, ганноверскій, франкфуртскій, потсдамскій, фридрихштрасскій и александрплацскій въ Берлинѣ, и, особенно, позднѣйшій по времени постройки—антверпенскій (считаемый нынѣ образцомъ самаго счастливаго соединенія формъ громадной желѣзной постройки съ формами художественными); наконецъ, желѣзно-стеклянный ипподромъ, существовавшій въ Парижѣ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, имѣвшій около 40 саженъ длины и 10 вышины: въ немъ могло помѣщаться до 10.000 зрителей, а въ жаркіе лѣтніе дни стеклянная его кровля могла сдвигаться въ сторону, на цѣлый рядъ высокихъ тонкихъ желѣзныхъ колонокъ. Въ заключеніе всего, въ этомъ же духѣ и направленіи проявили несравненную мощь и мастерство главныя зданія всѣхъ всемірныхъ выставокъ послѣдняго 50-лѣтія: зданіе второй лондонской, 1862 г., съ двумя громадными стеклянными куполами, вмѣсто прежнихъ горизонтальныхъ верхнихъ покрытій, зданія пяти французскихъ (1855, 1867, 1878, 1889, 1900 гг.), вѣнской 1873 г., трехъ американскихъ (нью-іоркской 1853 г., филадельфійской 1876 г., чикагской 1893 г.), мюнхенской 1854—1858 г., амстердамской 1883 г., антверпенской 1885 г. Послѣдняя парижская, 1900 г., превзошла всѣ прежнія невообразимой громадой размѣровъ и смѣлостью своихъ стеклянныхъ небесъ: «зала празднествъ» имѣла куполъ шириною въ 40 почти саженъ. Всѣ эти созданія представляютъ необъятные размѣры, массу свѣта, вливающуюся въ зданіе сверху, прямо съ неба сквозь стеклянныя арки, шириною часто въ большую улицу, чуть не площадь; они даютъ, нерѣдко, перспективы уходящихъ вдаль галлерей, ярко свѣтящихся, какъ стеклянные фонари, наполненные солнечными лучами: это относится всего болѣе къ парижской всемірной выставкѣ 1867 года, выстроенной въ видѣ эллипса, и потому представлявшей, внутри, повсюду, живописныя кругящіяся галлереи. Вообще говоря, живописность и оригинальность новыхъ этихъ построекъ въ большинствѣ случаевъ представлялась такою, какой не бывало прежде ни у одного изъ самыхъ знаменитыхъ зданій древняго и новаго времени.

Берлинскій акварій.

Не забудемъ еще одну особую категорію новыхъ желѣзно-стеклянныхъ построекъ Европы. Это —помѣщеніе животныхъ въ зоологическихъ садахъ и акваріумахъ, и оранжерей для растеній. Здѣсь выразилась, въ особенномъ блескѣ, забота новой Европы, по великодушному, полному сострадания почину опять-таки англичанъ, не только о людяхъ и ихъ нуждахъ («Cité» ouvrière, помѣщенія для рабочихъ), но даже о нуждахъ и улучшеніи жизни животныхъ и растеній. Въ прежнія времена, и тѣ и другія вели свое печальную, страдальческую жизнь плѣнниковъ и рабовъ въ такихъ жилищахъ, гдѣ они задыхались отъ малаго мѣста, духоты и всякихъ стѣсненій. Новые зоологическіе сады, акваріумы и оранжереи взяли себѣ цѣлью—облегчить существованіе животныхъ, птицъ, пресмыкающихся, рыбъ, даже животныхъ всѣхъ низшихъ классовъ, а также деревьевъ, растеній, цвѣтовъ, — и это осуществлено въ зданіяхъ громадныхъ размѣровъ, полныхъ свѣта и воздуха, и въ формахъ изящнѣйшей, прежде невиданной красоты. Между созданіями этого рода, главную роль играютъ зоологическіе сады: лондонскій, берлинскій, гамбургскій, кёльнскій, франкфуртскій, парижскій; акваріумы: гамбургскій, сиденгамскій, бирмингамскій, и особенно живописный берлинскій, съ пещерами, скалами и озерами (съ 1867 г.); а, наконецъ, тотъ поразительный, болѣе не существующій акваріумъ, который былъ сооруженъ на парижской всемірной выставкѣ 1878 года и былъ образованъ громаднымъ стеклянымъ потолкомъ и боковыми стеклянными стѣнами, наполненными живой морской водой, цѣлымъ лѣсомъ водяныхъ растеній и тысячами животныхъ.

Число зданій этой новой архитектуры все только растетъ повсюду, и готовитъ глазу нынѣшняго зрителя все новыя красоты и поразительности, все новыя наслажденія и неожиданности.

Конечно, нельзя считать всѣ созданія этой архитектуры полнымъ совершенствомъ, а самый стиль—достигшимъ полнаго и величайшаго развитія. Напротивъ, они часто и много навлекали на себя сильныя нареканія не только со стороны недруговъ, но и преданнѣйшихъ друзей и сочувственниковъ. Какъ въ общемъ, такъ и въ подробностяхъ, очень многое въ созданіяхъ этой архитектуры даже и до сихъ поръ является неудовлетворительнымъ, и требуетъ усовершенствованій. «Сиденгамскій Дворецъ», не взирая на свою грандіозность и оригинальность, слишкомъ напоминаетъ, фасадомъ своимъ, прямоугольный стеклянный футляръ; мюнхенскій стеклянный дворецъ— еще и того болѣе. Зданіе парижской всемірной выставки 1867 г. сравнивали постоянно, снаружи, то съ гигантскимъ крабомъ, то съ газовымъ заводомъ, а фасадъ дворца Трокадеро — съ безвкусными каланчами въ испорченномъ арабскомъ стилѣ, со втиснутымъ между ними, словно ущемленнымъ толстымъ брюхомъ, и т. д.; большинство орнаментистики въ этой архитектурѣ многіе признавали, очень часто, безвкусными и слишкомъ банально-геометрическими, не взирая на всю эмаль и гончарное дѣло, которыми строители пытались хотя немного удовлетворить глазъ зрителя. Но всѣ такія замѣчанія, иногда даже справедливыя, адресуются только къ недостатку таланта и фантазіи нѣкоторыхъ изъ числа архитекторовъ-строителей, а никакъ не къ натурѣ и свойствамъ самой архитектуры. Могутъ и должны найтись строители и истинно-талантливые, и творческіе, которые дадутъ новый и широкій художественный расцвѣтъ стеклянно-желѣзной архитектурѣ.

9.

Два новые элемента, національность и построеніе изъ желѣза и стекла, являются самымъ важнымъ изъ всего, представляемаго исторіей архитектуры XIX вѣка. Но нельзя сказать, чтобъ торжество этихъ двухъ элементовъ было уже полное и всенародное. Враговъ у нихъ обоихъ есть повсюду еще немало, и тогда какъ одни люди (иногда очень образованные) нападаютъ съ большимъ одушевленіемъ на народные стили, будто бы въ настоящее время уже не интересные и выцвѣтшіе, нынѣшнему человѣку уже непригодные, другіе съ не меньшею непріязненностью утверждаютъ, что желѣзно-стеклянный стиль вовсе не художественный стиль, а только инженерная удачная техника, совершенно отрицающая творческую художественность, игнорирующая орнаментистику, и дерзко идущая противъ «настоящаго искусства». На этомъ основаніи, существуетъ въ наше время цѣлая туча архитекторовъ въ Европѣ, которые бездумно, апатично продолжаютъ сочинять свои эклектическія постройки, во всевозможныхъ прежнихъ стиляхъ, на самомъ дѣлѣ не думая ни объ одномъ изъ нихъ, не имѣя ни съ однимъ ни малѣйшей душевной, сердечной связи. Имъ все равно, что ни дѣлать, въ томъ или другомъ родѣ, какъ портному или шляпнику. Банки, биржи, торговые дома, гостинницы, присутственныя мѣста, дворцы, музеи, постоянно все въ болѣе и болѣе громадныхъ размѣрахъ, постоянно все съ большею и большею роскошью и мотовствомъ внѣшности, продолжаютъ повсюду рости, какъ грибы. Нерѣдко нарядность и нарядность внѣшняго впечатлѣнія бываетъ возвышена цвѣтными маіоликами и мозаиками на золотыхъ фонахъ (Вѣна, Берлинъ, Парижъ и др.), но значеніе и характерность ординарной или ничтожной архитектуры отъ того ничуть не выигрываютъ. Они приходятся по вкусу очень многихъ, потому что всего чаще являются на свѣтъ въ давно привычныхъ, банальныхъ формахъ, а таковыя обыкновенно всего милѣе и любезнѣе для мало образованной толпы: инымъ же художникамъ, лѣнивымъ и мало творческимъ, это и нáруку. Тысячи зданій выростаютъ повсюду въ образѣ и подобіи ренесанса, рококо, барокко, и даже въ формахъ первой имперіи, а иногда и въ перепорченныхъ плохимъ архитекторомъ формахъ романской и готической архитектуры—но все это только подражанія или просто слѣпое копированіе. При безконечномъ изобиліи учебнаго и художественнаго матеріала, слишкомъ легко, нынче, усвоивать себѣ любые архитектурные пріемы и формы, и цѣлыя толпы архитекторовъ творятъ, безъ малѣйшаго затрудненія, свои хладнокровныя ничтожества изъ камня, кирпича, дерева и извести. Таковы были, къ сожалѣнію, и всѣ главныя постройки всемірной парижской выставки 1900 г. — «Большой дворецъ», «Малый дворецъ», мостъ императора Александра III не представили ни единой новой своеобразной черты, и явились только бездарнымъ повтореніемъ старинныхъ формъ, подробностей и комбинацій. Я исключаю, конечно, стеклянные, громадные своды и крыши ихъ, о нихъ я говорилъ выше.

Вотъ чѣмъ началось европейское зодчество XX столѣтія! По счастію, великія заслуги, «настоящей» архитектуры ими не могутъ быть заглушены.

10.

Съ 80-хъ годовъ XIX столѣтія, съ легкой руки «декадентской литературы» во Франціи, возникла, какъ въ этой странѣ, такъ и въ разныхъ другихъ, мысль и о «декадентской архитектурѣ». Стремленіе это было вполнѣ логично въ своей основѣ. Если «декадентство» возможно, нужно и хорошо въ литературѣ, то почему же ему не быть возможнымъ, нужнымъ и хорошимъ и въ архитектурѣ? На основаніи такого разсудочнаго соображенія, начались и попытки разсудочныя, и созданія точно также разсудочныя. Кромѣ каприза, прихоти и случайной выдумки, тутъ не было никакой истинной потребности, никакого истинно внутренняго побужденія. А потому,—подобно литературному декадентству, не высказавшему ровно ничего новаго, никакой новой и оригинальной мысли, и все время упиравшему лишь на вычурныя подробности, на исковерканныя выраженія, на безконечно-изысканныя слова и фразы, архитектурное декадентство точно также не дало ничего новаго, ни глубокаго, ни высокаго по содержанію, но также ничего характернаго и изящнаго по формѣ. Оно добивалось одной только — новости. Но новость не есть еще единственное и настоящее мѣрило творчества въ искусствѣ. Для созданія важнаго значительнаго въ этой области, нужны еще разные другіе элементы, которыхъ у архитектурныхъ декадентовъ именно и недоставало. Они были всегда до необычайности поверхностны, и легкомысленны, и еще болѣе того безвкусны. Они заботились единственно о томъ, чтобы удивить глаза зрителя. Конечно, всегда это было имъ доступно. Отчего бы и

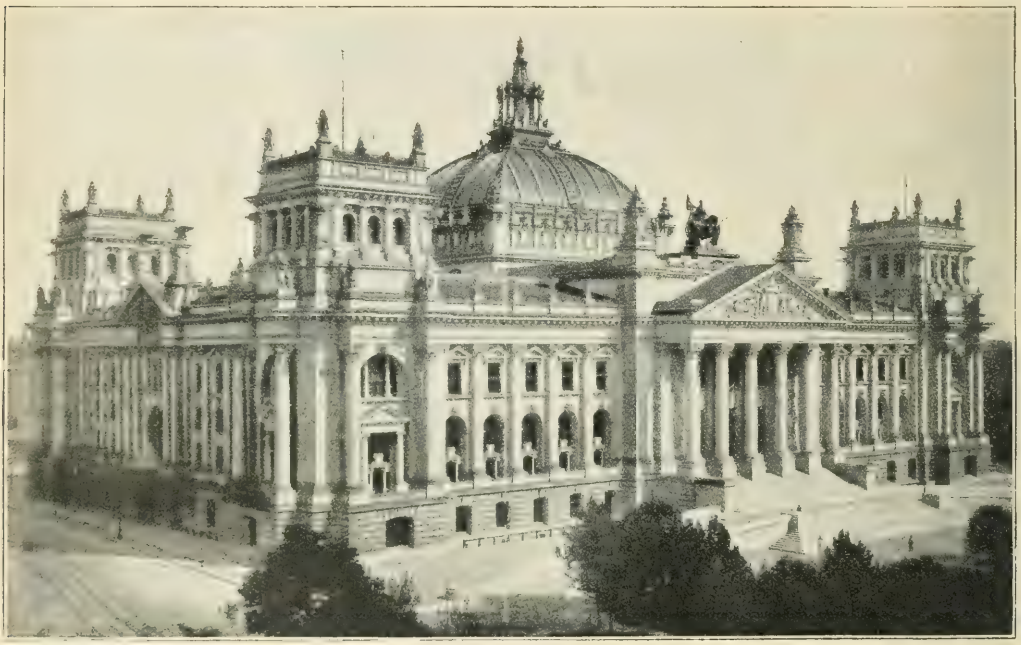
нѣтъ? Что тутъ мудренаго, представлять линіи, фигуры и очертанія, какихъ еще никто не представлялъ, какихъ никто еще не видалъ? Эластичность, растяжимость формы всегда и во всемъ такъ велика, такъ безбрежна, что нѣтъ предѣловъ тому, что можно выдумать, нарисовать, приладить. Но спрашивается: всѣ ли новости всегда хороши, всегда ли ихъ можно одобрить? На нашемъ вѣку, какъ и на всякомъ другомъ, являлись безчисленныя моды на фраки, жилеты, сапоги, юбки, куафюры, воротнички и рукавчики, цѣпочки, кольца и булавки. Сотни тысячъ, милліоновъ людей имъ покорялись и, конечно, всегда будутъ покоряться и служить имъ. Но для искусства какое у нихъ значеніе? Никакого.

Какъ литературные, такъ и архитектурные декаденты всегда выступали съ большими, очень заманчивыми обѣщаніями—только никогда не сдерживали ихъ. Словъ всегда бываетъ очень много, дѣла—очень мало. Много разъ было объясняемо въ декадентскихъ книгахъ, брошюрахъ и изданіяхъ, что «старое» искусство изжило свой вѣкъ, состарилось и отжило, и на его мѣсто идетъ «новое» искусство. Въ чемъ именно состояла старость и дряхлость прежняго искусства, объяснено никогда не было, и европейской публикѣ приходилось только вѣрить на-слово. Но положимъ, что всѣ изжитыя объясненія и были бы даны, положимъ, что дѣйствительность существованію до сихъ поръ искусства [illegible] не было бы не принять новыхъ [illegible]? Новое всегда можетъ быть и законно, и желательно. Только не декадентству суждено было принести міру [illegible] слово новыя прекрасныя формы. Главная [illegible] и литературнаго, и архитектурнаго, [illegible] безмысленія объ изжитіи разсудка, [illegible] потребности. Оно изъ всѣхъ силъ [illegible] и желало только угодить [illegible] и капризу.

Но всего замѣчательнѣе то, что декадентство, желая [illegible] архитектуру, всего менѣе заботилось именно [illegible]. Всѣ [illegible] адресовались только къ [illegible] и лишь не къ самимъ *формамъ* зданія. Формы [illegible] прелести зданія изъ стилей рококо и барокко. Но эти стили состоятъ уже и такъ по преимуществу изъ сумбурности и всяческаго коверканья формъ, ломанья линій, направо и налѣво, вверхъ и внизъ, вкривь и вкось. Но что такое «новый» орнаментъ? Не продуктъ творчества, вольной фантазіи, вдохновенья, а только результатъ холоднаго перекладыванья и перетасовыванія всѣхъ линій и формъ, какъ въ встряхиваемомъ случайно калейдоскопѣ. Растрепанныя ленты и гирлянды, вѣтки, изгибающіяся, словно червяки или клисты какіе-то, снизу вверхъ, безобразныя маски безъ малѣйшаго значенія и смысла, ощипанныя и искаженныя деревца, уродливые, небывалые плоды, ягоды и листья, птицы и звѣри искалѣченные и обезображенные, въ натянутыхъ, противоестественныхъ движеніяхъ и позахъ, волосы на головѣ человѣческихъ фигуръ, извивающіеся змѣями и плетями въ нѣсколько саженъ длины и словно густой лѣсъ въ толщину, полосы и шесты желѣза, измученные въ кривляющихся, совершенно безсмысленныхъ и ничего не изображающихъ направленіяхъ—вотъ печальное наслѣдіе безобразнѣйшихъ архитектурныхъ эпохъ XVIII вѣка, разросшееся новыми болячками, нарывами и лишаями. Всего болѣе декадентскихъ построекъ-кривлякъ можно встрѣтить нынче: въ Брюсселѣ (дома новыхъ кварталовъ, возведенные архитекторами Горта и Ганкаромъ, въ томъ числѣ «Домъ народа» Ганкара); въ Берлинѣ («Польская аптека», домъ для выставки декадентовъ Secession на улицѣ Канта, театръ рядомъ тутъ же); въ Вѣнѣ (нѣсколько построекъ архитекторовъ Вагнера и Ольбриха, особенно домъ Secession») и частные дома, представленные на Парижской всемірной выставкѣ. И таковы-то новыя пріобрѣтенія архитектуры, въ этомъ-то и заключается осуществленіе «новыхъ и великихъ идеаловъ», предстоящихъ новому, будущему искусству?

Печальная будущность.

Но эта жалкая мода, стоящая на одномъ уровнѣ со множествомъ модъ, исходящихъ изъ рукъ торгашей портныхъ, мотистокъ, изъ мозга безгарныхъ брильянтщиковъ, конечно пройдетъ, какъ проходятъ всѣ моды, угодивъ только на минуту вертопрахамъ-тунеядцамъ. Здороваго организма настоящаго искусства, мудраго, логичнаго и творящаго, она не въ состояніи коснуться.



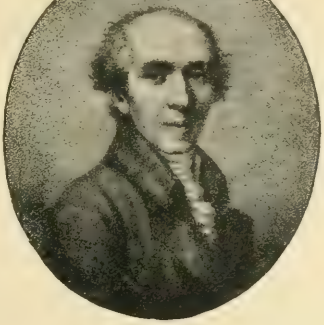
Германскій рейхстагъ.

II.

Скульптура.

11.

Во все продолженіе XIX столѣтія, скульптура никогда не играла такой великой и высокой роли, какъ архитектура. Конечно, такое мнѣніе находится въ совершенномъ противорѣчіи съ общепринятымъ, повсюду обыкновенно повторяемымъ мнѣніемъ, что скульптура стоитъ, на нашемъ вѣку, на высшей степени развитія и совершенства, и что высшая между всѣми скульптурными школами, французская, достигла въ XIX вѣкѣ такой высокой, почти недостижимой точки совершенства, что превзошла даже французскую живопись. Но кто не согласенъ лишь повторять общепринятыя мнѣнія, кто желаетъ разсматривать собственными глазами подлинные факты, конечно не найдетъ возможнымъ оставаться при обманчивыхъ иллюзіяхъ, и придетъ къ совершенно другимъ результатамъ.



Канова.

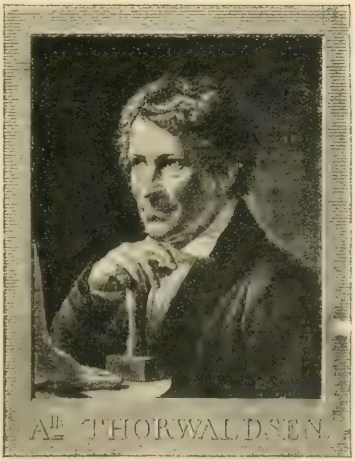
Скульптура нашего времени никогда почти не проявила ни силы, ни глубины мысли, ни правды жизни, а развѣ только иногда обнаруживала изящество, грацію, красоту. А этого еще мало. Она не разрушила ни одного изъ прежнихъ, тяготѣвшихъ надъ нею издавна предразсудковъ, она не сбросила ни одного вершка изъ тѣхъ оковъ, что обезсиливали и обезображивали ее, и не почала никакого новаго параграфа въ исторіи искусства. Она все время осталась при прежнихъ задачахъ, содержаніи и формахъ, и только продолжала то, что до нашего времени существовало. Исключенія, конечно, бывали, но рѣдкія и не рѣшительныя, никоимъ образомъ не побѣдоносныя.

На глазахъ многихъ (къ числу которыхъ принадлежу и я) скульптура, въ продолженіе всего XIX столѣтія, была постоянно самымъ отсталымъ, самымъ почти напраснымъ и ненужнымъ для нашего времени искусствомъ. На первый взглядъ, такое утвержденіе можетъ показаться невѣроятнымъ. Какъ! Отсталое искусство въ наше время, среди громаднаго повсюду стремленія къ свѣту, къ правдѣ, къ мысли, посреди вѣчнаго обмѣна всѣми пріобрѣтеніями знанія, понятія, убѣжденій! Да развѣ что-нибудь подобное возможно теперь?—Возможно,—отвѣчу я, возможно, коль скоро не изгнаны въ этой области — предубѣжденія и привычки. Это жесточайшіе враги всякаго свѣта и истины.

Если начать разсмотрѣніе съ внѣшней формы, наша скульптура не проявила въ XIX вѣкѣ никакого могучаго стремленія къ искренности и правдѣ. Напротивъ, она была имъ почти всюда враждебна. Это достаточно каждому, я надѣюсь, докажутъ слѣдующіе факты.

12.

Въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, вообще распространенъ былъ одинъ злокредный предразсудокъ. Именно, что скульптура должна быть безцвѣтная, бѣлая. И именно свѣтлая, если изъ мрамора, гипса; темная, если изъ бронзы. Другой скульптуры не полагалось. Раньше эпохи Возрожденія, т. е. до XVI вѣка, такого мнѣнія не было на свѣтѣ, и во всемъ мірѣ была въ употребленіи скульптура многоцвѣтная (полихромная), вездѣ существовали статуи и бюсты, только раскрашенные красками, часто съ золотомъ. Такая скульптура всегда царствовала у всего древняго и новаго міра: храмы и похоронные склепы, дворцы и частные дома древнихъ языческихъ народовъ, соборы и церкви новыхъ христіанскихъ народовъ, ихъ дворцы и палаты, дома частныхъ лицъ—все было наполнено безчисленными статуями и барельефами цвѣтными, яркими, блестящими и живыми. Лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній являлась, въ Греціи, скульптура бѣлая, одноцвѣтная. Но именно это исключеніе пришлось по вкусу Риму, такъ какъ римское время было временемъ упадка и отцвѣта искусства. Но эпоха Возрожденія пламенно вѣровала въ римское искусство, въ его несравненное величіе, и потому сочла своимъ долгомъ продолжать римскія преданія: она воздвигнула гоненіе на цвѣтную скульптуру и принялась свято повторять то, что дѣлали римляне. Предразсудокъ скоро сдѣлался повсемѣстнымъ закономъ въ Европѣ, и цвѣтная скульптура среднихъ вѣковъ была откинута въ сторону, какъ что-то варварское, недостойное, постыдное, безумное и безвкусное. Такимъ образомъ, у всѣхъ вкусы тщательно были выворочены на изнанку, сбиты съ толку, затуманены, и съ простого, правильнаго и естественнаго пути перестановлены на фальшивый и искусственный. Люди видятъ вокругъ себя всю природу, все существующее въ мірѣ — цвѣтнымъ, такъ его всегда во всемъ и изображали. Но вдругъ многимъ показалось, что все это не такъ, что скульптура составляетъ особенное исключеніе, и что надо представлять людей, животныхъ, все существующее —не натурально, не просто, а именно какъ можно ненатуральнѣе, и не просто, и именно такъ, какъ этого нѣтъ, не бывало и никогда не будетъ на свѣтѣ. И это—во имя нѣкоторой особенной идеальности, которая есть законъ, противъ которой нельзя и не надо возставать, а которую надо слушаться. Такъ безумно, такъ сверхъестественно и такъ беззаконно дѣло шло цѣлыхъ три столѣтія. Въ продолженіе ихъ, происходило столько страннаго, мудренаго, ни съ чѣмъ несообразнаго по части искусства вообще, изъ почтенія передъ римлянами, что ничего нѣтъ удивительнаго, если происходило нѣчто подобное и въ области скульптуры. Только, многое изъ безобразнаго и беззаконнаго по части искусства было въ наше время измѣнено и поправлено. Со скульптурой этого не случилось. Ничего у нея не перемѣнилось. Все осталось по старому.



Торвальдсенъ.

13.

Первые почувствовали коренную, старинную ложь скульптуры — французы. И именно, не художники, а ученые. Одинъ изъ старыхъ, самыхъ заскорузлыхъ академиковъ, писатель объ искусствѣ и критикѣ, Катръ-Мерь-де-Кенси, напечаталъ еще въ началѣ столѣтія, въ 1816 году, огромное сочиненіе: Юпитеръ Олимпійскій, гдѣ доказывалъ, что, наперекоръ общему убѣжденію Европы, греки отнюдь не любили цвѣтную скульптуру и что во время какого-нибудь упадка искусства, а, напротивъ, въ самую что ни есть цвѣтущую эпоху его, и что самыя высшія ихъ знаменитости, Фидіасъ, Праксителиі и Скопасы, снабжали не болѣе всего горшечниковъ своими цвѣтными статуями и бюстами; и что римляне отличались тому же примѣру. Авторъ указывалъ на возможность возобновить то же самое и у насъ и призывалъ къ тому

Европу. Книга Катрь-Мерь-де-Кенси сразу сдѣлалась знаменитостью. Всѣ ее расхваливали и удивлялись ей, и ученые, и художники и публика, но никакихъ результатовъ для современнаго искусства она не дала. Ее прочитали, разсмотрѣли ея картинки, а потомъ и поставили въ шкапъ. На томъ дѣло кончилось. Однимъ археологическимъ фактомъ стало больше въ книгахъ, но на дѣлѣ, скульптура не тронулась ни на единый вершокъ впередъ.

Однако же, въ теченіе первой половины столѣтія, безчисленныя раскопки въ Греціи и Италіи (Помпея) выпесли на свѣтъ множество древнихъ памятниковъ, гдѣ скульптура являлась цвѣтною, и то, что было извѣстно только по литературнымъ свидѣтельствамъ, являлось доказательствомъ воочію. Многіе ученые (особенно нѣмецкіе) подняли снова застывшій вопросъ и старались потѣшествовать на умъ и понятіе современниковъ. Но это было напрасно. Предразсудки превратились уже въ настоящихъ окостенѣлыхъ старцевъ -имъ было отъ роду болѣе 300 лѣтъ, и мудрено было сдвинуть ихъ съ мѣста. Никакія ссылки на классиковъ, древнихъ людей, столько всегда важныя и драгоцѣнныя для нашей новой Европы, не произвели на этотъ разъ впечатлѣнія. Напрасно Гиттторфъ писалъ цѣлую книгу о цвѣтной архитектурѣ и скульптурѣ древнихъ (1851), напрасно знаменитый архитекторъ и эстетикъ Земперъ со всевозможной энергіей проповѣдывалъ о томъ же въ своихъ, столько всегда авторитетныхъ, писаніяхъ въ 1834, 1851 и 1860 годахъ; напрасно Фехнеръ въ своей Эстетикѣ старался убѣждать Европу въ томъ-же (1876)—ихъ всѣхъ читали, и съ удовольствіемъ, но ни на единую іоту не слушали. Наконецъ профессоръ Трей, директоръ скульптурнаго отдѣла дрезденскаго музея, ревностно принялся за пропаганду этой самой мысли, печаталъ статьи, читалъ публичныя лекціи, устраивалъ въ Дрезденѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ (1884—1885) выставки цвѣтной скульптуры, старой и новой, а профессоръ Боде создалъ въ Берлинскомъ Музеѣ цѣлое особое отдѣленіе чудной цвѣтной скульптуры изъ эпохи, предшествовавшей эпохѣ Возрожденія — ничто, ничто не помогало, и предразсудокъ оставался непоколебимъ. Правда, мнѣ могутъ указать на нѣкоторыя исключенія, въ Германіи, Франціи и Англіи, въ пользу цвѣтной скульптуры: въ Германіи раскрашенные горельефы, вверху у потолка, въ главной залѣ бель-этажа Національнаго музея въ Берлинѣ (фантастическія фигуры и орнаменты), на раскрашенныя, подобно Танагрскимъ статуэткамъ, статуи англичанина Гибсона и француза Жерома, на цвѣтныя статуи въ Alexandre - Palace, близъ Лондона, и любопытныя же у главнаго входа Всемірной выставки 1900 года въ Парижѣ, на многія статуэтки новѣйшаго времени даже съ цвѣтными эмалями, деревомъ, воскомъ, слоновой костью, бронзой, серебромъ и золотомъ, иногда съ употребленіемъ разноцвѣтныхъ крѣпкихъ камней, наконецъ, могутъ мнѣ указать на раскрашенную скульптуру послѣднихъ годовъ, мраморныя Мутона, и особенно на его интересныхъ горельефъ, значительныхъ размѣровъ, и въ краскахъ, поставленныхъ вверху недавно законченнаго зданія Рейхстага въ Берлинѣ, мнѣ могутъ, тѣмъ болѣе, указать на цвѣтныя скульптуры знаменитаго любимца Германіи, Клингера, который съ 1886 года пролилъ на свѣтъ нѣсколько образцовъ цвѣтной скульптуры: «Саломея», «Кассандра», бюсты Бетховена и др., и много разъ говорилъ всѣмъ, что «застой скульптуры въ [illegible] трехъ столѣтій происходитъ отъ упорнаго [illegible] цвѣтной скульптуры — но все это были лишь исключенія, слабыя попытки и пробы отдѣльныхъ скульпторовъ, и пробы, по преимуществу, въ малыхъ формахъ, для цѣлей [illegible] или мелкихъ задачъ, крупныя же [illegible] задачи исполнялись, по преимуществу, изъ [illegible] бронзы, бѣлою или однотонною скульптурой. Большинство и публика и художниковъ не сдается, считаетъ [illegible] кадрами и вѣрно держится старинныхъ своихъ [illegible] и предразсудковъ.

[illegible] минутъ 80-хъ годовъ прошлаго безплодно. [illegible] А какой бы рѣшительный и благородный [illegible] мастеръ [illegible] въ минутъ 20 лѣтъ назадъ, [illegible] сильно они могли ступить [illegible] и сохранить на вѣкъ великія созданія. Вмѣсто идеальныхъ, мертвыхъ, каменныхъ куколъ, какими такъ щедро надѣляли насъ послѣднія времена, сколько мы могли бы теперь видѣть передъ собою созданій, изображающихъ природу и дѣйствительность, а уже не фантастическую условную отвлеченность!

Но публикѣ слишкомъ трудно было пойти вдругъ совершенно въ сторону отъ предразсудковъ, въ которыхъ ее воспитывали въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и разные ученые, профессора (наприм. такіе знаменитые, какъ Куглеръ въ 30-хъ годахъ, Фуртвенглеръ въ 80-хъ) поддерживали ее въ старинныхъ предразсудкахъ, подсказывали, что греки и римляне *не всегда же* создавали скульптуру только цвѣтною, но знали тоже и однотонную; сверхъ того, многіе ученые жалобно восклицали: «А какъ намъ быть съ Микель-Анджело и со всей толпой талантливыхъ художниковъ XVI, XVII и XVIII вѣка? Неужели отъ нихъ отрекаться, неужели не признавать ихъ величія и значенія? И такія-то кривыя соображенія, такое-то идолопоклонство передъ тѣмъ, что было когда-то прежде, у другихъ людей—мѣшали приниматься за свое собственное дѣло, новое, бодрое и свѣжее. Справедливая, простая, естественная мысль была отвергнута и затоптана въ грязь. Но это вышло одною изъ громаднѣйшихъ и печальнѣйшихъ ошибокъ нашего вѣка.

Пожалуй, найдутся возражатели, которые скажутъ: А рисунокъ перомъ или карандашомъ, а эскизъ углемъ, и наконецъ вся фотографія, развѣ это не созданія безъ красокъ, и въ однѣхъ линіяхъ, рельефахъ, тонахъ и тѣняхъ? Неужели ихъ толкать въ сторону, неужели ихъ чуждаться только потому, что они всѣ безъ красокъ? Нѣтъ, —отвѣчаю я, —это все созданія громадной цѣнности и достоинства, часто выражающія и правду, и красоту, и таланъ, и имъ за то отъ всѣхъ и всегда великая любовь, слава и честь. Но это созданія, такъ сказать, *вынужденныя*, условленныя недостаткомъ времени, быстротою летящей минуты, которую не надо пропустить, наконецъ, иной разъ, недостаткомъ красокъ подъ рукой. Совершенно другое дѣло — бѣлая или одноцвѣтная скульптура. Ни время, ни мѣсто, ни матеріалъ ея не стѣсняютъ и не ограничиваютъ. Ее стѣсняетъ и ограничиваетъ одинъ только предразсудокъ. И рисунокъ, и эскизъ, и фотографія сознаютъ свое ограниченное проявленіе: они стремятся къ полнотѣ красокъ. Скульптура, напротивъ, вѣруетъ въ свою полноту, и ничего не ищетъ и не ожидаетъ. Но это — ошибка и заблужденіе, которыхъ вовсе быть не должно.

14.

Другой причиной, препятствовавшей настоящему, сильному самостоятельному росту скульптуры нашего времени, было то, что европейскіе скульпторы меньше всѣхъ другихъ художниковъ обращали вниманія на содержаніе своего созданія, на тотъ объектъ, который имъ приходилось изображать. Главными задачами у скульпторовъ обыкновенно считаются задачи монументальныя. Задачи изъ частной обыденной жизни — рѣдкость и исключенія. Дѣлаетъ ли скульпторъ памятникъ кому-то на площади, дѣлаетъ ли онъ памятникъ кому-то на кладбищѣ, онъ, все равно, подобно пастору, произносящему надгробную рѣчь, только объ одномъ и думаетъ, какъ-бы прославить, возвеличить, отрекомендовать своимъ зрителямъ величкость трактуемаго имъ субъекта, представить его высоко замѣчательнымъ. А это безконечный источникъ притворства и фальши. Портретъ, даваемый живописцемъ и фотографомъ, совершенно другое дѣло. Эти двое ищутъ только изобразить жизнь и человѣка, какъ они въ самомъ дѣлѣ есть, и развѣ только иной разъ прибавятъ ему отъ себя кое-что болѣе красивенькое, изящненькое. Съ ними болѣе ничего не требуется. Скульптура — имѣетъ другое въ виду. Она—служительница парада, торжества и лжи. Она желаетъ, почти всегда, пропускать всѣ индивидуальныя, житейскія и жизненныя черты, и выбираетъ только тѣ, которыя прославляютъ. У живописца, не назначенныя для монументальности, портрета, тѣмъ болѣе будетъ схвачено и передано разнообразныхъ чертъ характера и натуры, тѣмъ лучше, и никто на это не жалуется. Въ скульпторѣ, напротивъ, у художника спрашивается раньше всего: «Будь монументаленъ, т. е., выдумывай, сочиняй, пропускай одно, прибавляй изъ головы другое». И слава Богу.

когда эти прославленія, возвеличиванія падаютъ на почву, въ самомъ дѣлѣ того достойную. Это иногда случается. А когда нѣтъ? Тогда что? Тогда скульптору все-таки приходится возвеличивать и прославлять, выдумывать и фальшивить, такая уже у него должность, таково уже его ремесло. И если онъ этого не дѣлаетъ, его бранятъ, его преслѣдуютъ, его гонятъ прочь. Вотъ, тому блистательный примѣръ.

Былъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, французскій скульпторъ-портретистъ, который подъ вліяніемъ великихъ идей и начинаній своего вѣка, съ горячимъ, самостоятельнымъ талантомъ, сталъ было стремиться къ изображенію правды и жизни во всей ихъ истинности и неприкрашенности, и иногда начиналъ добиваться значительныхъ результатовъ. Онъ иногда успѣвалъ представлять и наружный обликъ, и внутренній міръ— правдиво, глубоко, вѣрно и поразительно. Это былъ Гудонъ. Но что съ нимъ произошло? Его гнали, его преслѣдовали, про него говорили (особенно товарищи скульпторы), что онъ не долженъ былъ представлять музыканта Глука со знаками оспы на лицѣ, оратора Мирабо съ рубцами на щекахъ, хотя все это у нихъ существовало въ натурѣ,— и что вообще настоящій художникъ роняетъ себя и свое искусство, когда близко держится натуры, дѣйствительности. «Художникъ долженъ наблюдать и воспроизводить не то, что есть, а то что могло-бы быть», говорили они, и гнали прочь художника.

Настоящее искусство» было для нихъ то, которое изображало Наполеона императора, или Гоша, генерала нагими, античными. Они должны быть велики и монументальны, все прочее для скульптуры было не важно. И такъ было не съ однимъ Гудономъ, которому современники помѣшали быть тѣмъ, чѣмъ онъ могъ-бы и долженъ былъ-бы быть. Такъ было и со всѣми другими, послѣ него, въ теченіе всего XIX вѣка. По части «монументальной» и «исторической», большинство ихъ напоминали сцену на кладбищѣ въ одномъ изъ лучшихъ созданій Монассана, въ его повѣсти «Покойница». На одной надгробной плитѣ было написано: «Здѣсь покоится Жакъ Оливанъ, умершій 51 года отъ роду. Онъ любилъ своихъ ближнихъ, былъ честенъ, добръ и отошелъ съ миромъ къ Господу». Но встаетъ погребенный тутъ мертвецъ, съ негодованіемъ и злостью сцарапываетъ лживую надпись, и пишетъ огненными буквами: «Здѣсь покоится Жакъ Оливанъ, умершій 51 года. Своими грубостями онъ ускорилъ смерть отца, чтобы получить наслѣдство; онъ истязалъ жену, мучилъ дѣтей; обманывалъ друзей, воровалъ сколько могъ, и умеръ нераскаяннымъ». И кругомъ этой могилы раскрылись всѣ другія: мертвецы поднимались, стирали лживыя надписи и возстановляли истину. И я видѣлъ это, восклицаетъ авторъ,—что всѣ они были палачами своихъ ближнихъ, были злы, обманщики, лицемѣры, клеветники, завистники, крали, обманывали, совершали все постыдное и гадкое, всѣ эти добрые отцы, вѣрные супруги, преданные сыновья, цѣломудренныя женщины, всѣ эти яко бы безупречные мужчины и женщины. Ничего подобнаго не хочетъ знать скульптура, и чуть не вѣчно, всегда, весь день, съ утра и до вечера согласна безсовѣстно лгать. А что ожидать хорошаго, важнаго и дальнаго для произведеній такого продажнаго искусства? Никакой скульпторъ никогда не откажется отъ прославленія кого и чего угодно, хотя бы самыхъ упорныхъ распространителей мрака, самыхъ злыхъ насильниковъ, нетерпимыхъ, отталкивающихъ людей. Онъ вѣчный наемникъ. Кто ему заказалъ, кто велѣлъ, того онъ и слушается. Собственнаго мнѣнія у него нѣтъ. Ему все равно. Французскій скульпторъ второй половины столѣтія, Мерсіэ, то лѣпилъ новую статую Наполеона I, вмѣсто прежней, которую сбросила и разколотила на куски Коммуна, то ваялъ бюстъ для прославленія Гамбетты, представителя анти-наполеоновской части народа, то опять бюсты Луи-Филиппа и его жены, представителей королевскаго принципа, но какое было тѣло и Мерсіэ, и всѣмъ его товарищамъ до принциповъ? Я знаю въ новой Европѣ только *одинъ* примѣръ противуположнаго: Давидъ Анжерскій въ 1833 г. отказался дѣлать заказанный ему портретъ Галеріана, типъ ему былъ слишкомъ невыносимъ, противенъ. Но кромѣ Давида, кто-бы другой нашелъ нужнымъ отказываться отъ прославленія «противнаго человѣка? Конечно, никогда никто

15.

Третій элементъ, постоянно вредившій скульптурѣ нашего времени, это несокрушимость вѣрованія въ необходимость для нея миѳологіи и аллегоріи. Многіе десятки, сотни свѣтлыхъ умовъ провозглашали на нашемъ вѣку, во всеуслышаніе, доводы противъ этихъ вещей, и ясно доказывали ихъ непригодность для созданій нашего времени. И миѳологія, и древніе герои аллегоріи, говорили они, отжили свой вѣкъ, и не заключаютъ уже болѣе никакого значенія для насъ: онѣ даже не могутъ имѣть самомалѣйшаго интереса для нынѣшняго человѣка, онѣ только нелѣпы и вздорны, онѣ только сухи и скучны, онѣ только способны приносить тоску, производить зѣвоту, но не даютъ ничего ни художественному чувству, ни фантазіи, ни уму. Онѣ ровно ничего не напоминаютъ намъ, онѣ ровно никуда не направляютъ нашу мысль. И, приблизительно, всѣ нынче съ этимъ согласны. Почти никто не сопротивляется и не споритъ. Но едва только пойдетъ рѣчь о скульптурѣ, которая должна явиться на свѣтъ по заказу котораго-нибудь начальства или по собственному желанію художника, тотчасъ выступаютъ передъ нами и Юноны, и Венеры, и Граціи, и Леды, и богини правосудія, и божества рѣкъ, горъ и вѣтровъ, и «Стыдливость», и «Электричество», и «Просвѣщеніе», и «Премудрость», и «Торговля», и «Музыка», «Весна», «Лѣто», и «Патріотизмъ», и «Злой Духъ», и «Прогрессъ», и «Зефиръ», и невѣсть какія сотни и тысячи другихъ подобныхъ же никуда негодныхъ изображеній. Какого хотите скульптора спросите, и, кромѣ исключеній, слишкомъ рѣдко встрѣчающихся, каждый вамъ отвѣтитъ, что безъ подобныхъ фигуръ скульптура не скульптура, что безъ нихъ ей на свѣтѣ и быть нельзя, и что ничѣмъ ихъ не замѣнишь, что ничѣмъ не наполнишь удобнѣе, легче и лучше, пустыя мѣста на архитектурныхъ зданіяхъ, для ихъ украшенія и возвеличенія, или же для придания имъ граціозности и красивости. Покуда скульпторъ разсуждаетъ объ искусствѣ вообще, онъ способенъ думать и соображать, какъ всякій другой человѣкъ, обо всемъ и обо всѣхъ, понимать истину и ложь, но какъ только коснулось дѣло собственнаго его творчества, даннаго ему заказа, и въ особенности какого-то общественнаго монумента, онъ мигомъ забываетъ всѣ книги и уроки, всѣ прочитанныя книги, всѣ свои собственные и всѣ слышанные отъ другихъ здоровые мысли и доводы— и со связанной головой и руками опускается на самое дно всяческихъ нелѣпостей, въ которыя самъ же никогда не вѣрилъ и не вѣритъ. Съ миѳологіей и аллегоріей удобнѣе и легче, говорятъ они. Да притомъ же, это такъ давно общепринято, до такой степени вошло во всеобщія привычки, нашу плоть и кровь, что отступать отъ нихъ просто даже и неловко. Не мнѣ-же начинать! ... И послѣ этого, вы можете сколько угодно указывать на то, что еще очень недавно всѣ эти же самыя нелѣпости существовали въ живописи (въ томъ числѣ у самыхъ великихъ художниковъ), а вотъ теперь оттуда изгнаны, и остались развѣ только у закоренѣлыхъ, непробудныхъ сентиментовъ, декадентовъ. И вамъ все равно ничего не придется выиграть, не удастся разубѣдить кого-нибудь изъ скульпторовъ, и обидная нелѣпость продолжаетъ существовать, какъ ни въ чемъ не бывало, во всей прежней силѣ. И никакая подобная не рошетъ. Она заботится только о томъ: красиво ли, трогательна ли данная скульптура произведена, а все остальное, все самое существенное несется потокомъ мимо разума и вопреки ему.

16.

Четвертый элементъ, всегда сильно вредившій скульптурѣ нашего времени, это вѣрованіе въ необходимость натуры для статуй и барельефовъ. Это вѣрованіе одинъ изъ страннѣйшихъ и нелѣпѣйшихъ предразсудковъ прежнихъ столѣтій. Безъ наготы фигура человѣческая (все равно мужская или женская) нѣтъ и не можетъ быть скульптуры, такого всеобщаго убѣжденія. Въ томъ убѣжденіи и предразсудкѣ насъ всѣхъ воспитываютъ съ самаго момента нашего рожденія, и мы какъ въ воду привыкаемъ къ всѣхъ книгахъ, академіяхъ, школахъ, лекціяхъ, музеяхъ, разговорахъ, проповѣдяхъ и бесѣдахъ, что потомъ уже ничто насъ не пугаетъ, и мы равнодушно [illegible] безобразію

ске не моринув глазомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, существуетъ въ природѣ красота человѣческаго тѣла, какъ и всякая другая красота, и искусство имѣетъ полное право и потребность изображать ее, когда того требуетъ сюжетъ. Но ставить наготу непремѣнною цѣлью и задачею искусства— какое безуміе! А откуда оно идетъ, на чемъ оно основывается, это безуміе? Идетъ оно въ новой Европѣ со временъ Возрожденія и его поклоненія предъ всѣмъ «античнымъ», классическимъ. Но то, что было простительно четыре вѣка тому назадъ, уже непростительно въ наше время. Греки и римляне имѣли все право и надобность изображать наготу, потому что постоянно, или почти постоянно ходили всѣ нагими — въ такихъ странахъ и въ такомъ климатѣ они жили, а сообразно съ тѣмъ сложились всѣ условія и привычки ихъ изобразительныхъ искусствъ. Но какое-же намъ-то до всего этого дѣло? И время, и мѣсто, и климатъ, и природа у насъ другіе, всѣ условія нашей жизни, весь образъ нашихъ мыслей давно измѣнились и пошли по другой дорогѣ, а мы все должны слѣдовать прежнимъ правиламъ и привычкамъ? Какое безуміе! У насъ нѣтъ, не можетъ и не должно быть такого культа тѣла, какой существовалъ у древнихъ, классическихъ народовъ, у насъ есть задачи новѣйшіе и возвышенѣе тѣмъ буквальнаго обезьянничества и идеи подражанія старинамъ, вамъ совершенно чуждымъ народовъ. Но мысль эскиза мы и до сихъ поръ вертятъ намъ о чудной красотѣ древней скульптуры и ставятъ предъ ея образцомъ, и безчисленныя поколѣнія художниковъ кидаютъ этой проповѣди и считаютъ за счастье спрятаться, прибѣгнуться къ античной нагой красотѣ, только и ищутъ выстовъ, которые давали-бы возможность изображать нагое тѣло — и изъ-за этого-то нелѣпаго предразсудка съ чтобы тоже и вить, что Флоры, Невинности, Венеры, Нимфы, Сильфовъ, и прочій оооольстительный [illegible] домовъ и дворцовъ, снаружи и внутри [illegible] сооруженій!

При существованіи такихъ четырехъ главныхъ вратовъ, [illegible] было ожидать успѣховъ великихъ существенныхъ, нельзя было надѣяться на какой-либо переворотъ дѣйствительно важный, условливающій великіе шаги скульптуры впередъ.

17.

Лѣтъ 40 тому назадъ, послѣ второй Лондонской всемірной выставки 1862-го года я писалъ въ «Современникѣ»: «Наша эпоха— не эпоха скульптуры. Сильныхъ талантовъ въ этомъ родѣ давно не появляется. Гнушаясь пустого, сладкаго потаканья, строгая художественная критика (нашего времени) не побоялась высказать настоящее значеніе многочисленныхъ скульптурныхъ произведеній выставки. Немногія изъ нихъ служатъ доказательствомъ значительныхъ художественныхъ дарованій. Но постоянство и горячность стремленій, неутомимая жажда на всемъ отвѣдать свои силы, возможности и способы искусства, доказываютъ глубоко-тлѣющій огонь жизни». Я и до сихъ поръ исповѣдую то же самое убѣжденіе. Ничто, мнѣ кажется, въ эти четыре десятка лѣтъ вокругъ насъ не перемѣнилось. Хорошее по части скульптуры есть на свѣтѣ, въ XIX вѣкѣ, но его мало, его встрѣтишь рѣдко, все остальное — это неудовлетворительность, ничтожество, постоянная ошибка. Мало способности у новой Европы къ скульптурѣ.

Это же мнѣніе мы находимъ и у нѣкоторыхъ европейскихъ писателей по части искусства. Одинъ изъ блистательнѣйшихъ между ними, французъ Гюисмансъ, писалъ въ 1879 г. (раньше своего печальнаго обращенія въ декаденты): Нынѣшняя скульптура —это самый ужасный параличъ, какой только можно себѣ представить. Давно пора сдать въ архивъ это старое клишé, которымъ насъ угощаютъ каждый годъ: скульптура —это дескать слава Франціи; живопись ничуть не идетъ впередъ но за то скульптура! Такъ нѣтъ-же, тысячу разъ нѣтъ! Правда, я всѣми силами души моей ненавижу большинство картинъ, появляющихся на ежегодныхъ выставкахъ, эти мистификаціи «великаго искусства», но я еще больше ненавижу эти пузыри, которые зовутся современной скульптурой. Живописцы—сущіе геніи въ сравненіи съ этими офиціальными лѣпщиками. Одно изъ двухъ: скульптура либо можетъ, либо

„Христосъ“, Торвальдсена.

не можетъ сходиться съ современною жизнью. Если можетъ, то пусть она тогда пробуетъ современные сюжеты, и мы будемъ по крайней мѣрѣ знать, чего держаться. А если не можетъ, то, такъ какъ вовсе не стоитъ труда повторять сюжеты, гораздо лучше трактованные прежними поколѣніями, пускай ограничиваются орнаментальной скульптурой. Всѣ отъ этого выиграютъ: во-первыхъ они сами, потому что скоро долженъ подняться всеобщій вопль противъ торжественнаго буфонства изъ мраморовъ, а публика еще болѣе, потому что, не стѣсняемая болѣе этими каменными дѣлъ работами, будетъ свободно наслаждаться, въ этомъ-же помѣщеніи, чудесами какой-нибудь цвѣточной выставки...» А еще, про выставку 1881 года, Гюисмансъ писалъ: «И опять все то же собраніе бюстовъ, аллегорій, голыхъ тѣлъ! Ни малѣйшей попытки къ чему-либо современному! Уже лучше было-бы вовсе молчать, чѣмъ всякій годъ размазывать все одну и ту же старинную рацею».

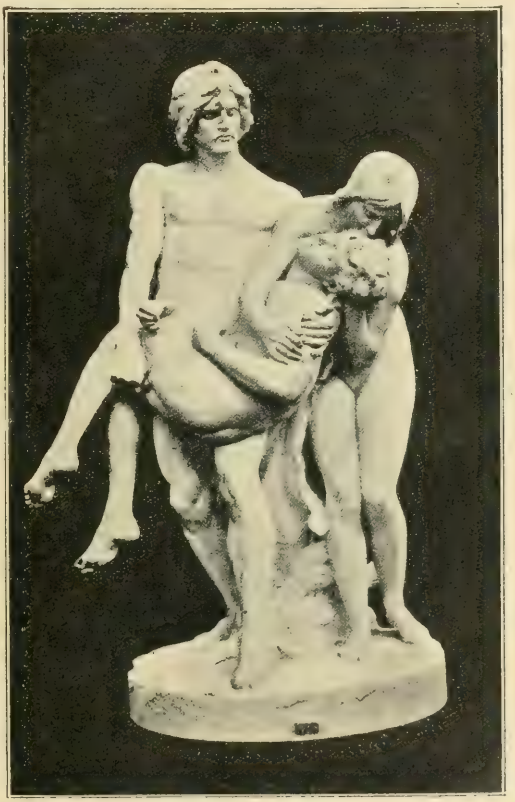
Все это были золотыя слова, но вмѣстѣ — голосъ вопіющаго въ пустынѣ. Никто его не слушалъ, никто его не слышалъ. Что хочешь дѣлай, эти слова все равно ни къ чему не вели. Художники по-прежнему плели свою безсмысленную работу, публика все попрежнему безсмысленно смотрѣла на нихъ, и кивала головами.

Но какой чудакъ этотъ Гюисмансъ, а съ нимъ и всѣ, кто смотрѣлъ съ упованіемъ и надеждою впередъ. «Скоро поднимется всеобщій вопль!» «Лучше было-бы молчать! Никто изъ публики не поднималъ вопль, никто изъ художниковъ и не собирался помолчать. Напротивъ, они поднимали не вопль негодованія, а клики радости, восторга, умиленія, благодарности, художники—все только больше и больше выговаривали своихъ безсвязныхъ, безразсудныхъ рѣчей въ камнѣ, мраморѣ и бронзѣ.

18.

Послѣ такихъ великихъ, хотя и сто разъ заблуждавшихся (подъ гнетомъ понятій своего вѣка) художниковъ XVIII столѣтія, какъ Фальконъ и Гудонъ, вдругъ является на сцену итальянецъ Канова, человѣкъ не безталантливый, но художникъ слабый духомъ, сладкій формами, приторный, манерный, нѣчто въ родѣ лайковой кожи и Беллини, и его торжествамъ, чествованіямъ и прославленіямъ нѣтъ предѣловъ. Сама сестра Наполеона I позируетъ для него, для «Венеры», самъ ея братъ позируетъ для него совершенно нагой, для «Императора», вся европейская аристократія, французская, англійская и итальянская рвется попасть подъ рѣзецъ воскресителя древней скульптуры», или добыть для своихъ дворцовъ его Гебъ, Венеръ, Амуровъ, Грацій.

Но скоро его смѣщаетъ съ трона датчанинъ Торвальдсенъ. Опять торжества, опять восторги и ликованія. Онъ догналъ грековъ, онъ пожалуй и перегналъ ихъ! восклицаютъ толпы глубоко обрадованныя, и съ богопочитаніемъ взираютъ на его «Язоновъ», Грацій, летящую Ночь, летящую Зарю, на его Амуровъ, Психей, Ганимедовъ, Меркуріевъ, на его барельефы, считаемые высокими chefs d'oeuvre'ами (въ томъ числѣ фарисейская «Процессія Александра Македонскаго», затѣянная въ началѣ 1812 года для прославленія Наполеона), на его изображенія львовъ, коней и другихъ животныхъ, которыхъ онъ умѣлъ лѣпить лишь очень плохо наполняютъ ими свои музеи и палацы: всѣ требуютъ съ него композицій на всевозможные сюжеты, бюстовъ и статуй съ живыхъ и мертвыхъ, великихъ, малыхъ и среднихъ людей, и онъ выполняетъ заказы свои не безъ таланта, съ извѣстнымъ изяществомъ и граціей, но холодно, размѣренно, безъ искры огня, чувства и вдохновенія и скоро всѣ измѣняютъ ему, точно какъ недавно Кановѣ. Къ началу второй половины столѣтія, его великая слава пала, и вся художественная жизнь его была названа одной сплошной ошибкой. Это было объявлено значительнѣйшимъ англійскимъ критикомъ, Паллгревомъ, во время всемірной выставки 1862 года и никто отъ такихъ словъ не приходилъ уже въ негодованіе, никто не протестовалъ. Кредитъ Торвальдсена былъ уже подорванъ во всѣхъ умахъ и чувствахъ. Онъ болѣе не годился вѣку. Его соотвѣтствіе нашему времени было только призрачное. (Замѣтимъ, впрочемъ, что его «Христосъ», какъ ни «античенъ» и холоденъ въ корпо, а все-таки— есть лучшій изъ всѣхъ идеальныхъ Христовъ, вылѣпленныхъ европейскою скульптурою въ теченіе цѣлыхъ почти 2000 лѣтъ).



„Первыя похороны", группа Барріаса

То же самое случилось со множествомъ французскихъ и нѣмецкихъ скульпторовъ. Начиная съ 20-хъ годовъ XIX вѣка, французы чувствовали себя выше всѣхъ остальныхъ скульпторовъ —и были правы, потому что «первенство» перешло въ ихъ руки послѣ той глубокой искривленности и паденія, до какихъ испустилась итальянская скульптурная школа XVIII вѣка. Французы стали стараться о томъ, чтобы уйти отъ сухости и деревянности скульпторовъ конца XVIII и первой четверти XIX вѣка, отъ всей ихъ казенщины и натянутости. И они кое-чего достигали, и по существу, и по формѣ. Но первыхъ, они достигли того, что перестали вѣрить въ спасительность и благополучіе *однихъ* только античныхъ, миѳологическихъ и аллегорическихъ сюжетовъ. А это уже было много. Они смѣло могли указать на необыкновенное разнообразіе своихъ скульптурныхъ задачъ и сюжетовъ. На всемірной выставкѣ 1862 г., въ Лондонѣ, являлись: и Наполеонъ воспитанникомъ бріенской военной школы, и Гёте юношей, и Франклинъ ребенкомъ, и монументъ Шекспиру, и монументъ Фридриху II; и молодой республиканецъ Барра, геройски погибающій за родину, и первые христіанскіе мученики, и индійскіе наббобы, и африканскія царевны, и нынѣшняя крестьянка-римлянка, и пастушка норвежскихъ горъ, и скандинавскіе борцы, и Песселе у гробу Христа, и Нимфы, и Магдалина и Бюсонъ Верулямскій, и Прометей и Сусанна и Гетевская Миньона, и дантовская Франческа и Пери, и Гарибальди и Кобденъ. Какое богатое смѣшеніе лицъ, нарѣчій, состояній! Прежнія узкія и тѣсныя рамки были сломлены. Да не радость эта

была преждевременна. Въ томъ, что происходило, было слишкомъ много самообманыванья и миража. Рамки были въ самомъ дѣлѣ сломлены, и замѣнены *новыми предразсудками*, но рамки все-таки остались рамками — и тутъ выигрыва дѣло немало. Домъ новый, но предразсудки стары, говорить Чапкій про Москву, а скульптура выходила настоящей Москвой. Французы обыкновенно провозглашаютъ, что ихъ новая скульптура раздѣляется на двѣ половины: въ одной царствуетъ жизнь, правда, во второй — правило, преданіе, систематъ... Но это чистый самообманъ, предразсудокъ. Въ обѣихъ половинахъ мы встрѣчаемъ одно и то же: эклектизмъ содержанія, эклектизмъ исполненія. Но вѣдь основа эклектизма — апатія, равнодушіе, одинаковый холодъ и къ одному, и другому, и третьему сюжету, ко всему, что попадается подъ руку. Еще въ теченіе первыхъ 30-ти лѣтъ XIX вѣка были привезены въ Лондонъ Парѳенонскіе мраморы въ Парижъ — Милосская Венера, и они должны были бы, судя по общему энтузіазму и восторгамъ, сдѣлаться учителями, вдохновителями правды, искренности и серьезности новой европейской скульптуры. Но ничуть не бывало! Прежніе предразсудки и вкусы продолжались, и скульпторы ни на секунду не отходили отъ своей всеядности и равнодушія, къ тому, чему посвящали свой трудъ и талантъ.

19.

Если послушать французовъ, всѣ должны повсегда съ особенною радостію и восхищеніемъ взирать на ихъ Рюда и Давида Анжерскаго. Это тѣ два великіе инициатора, которые основали новое искусство, говорятъ обыкновенно про нихъ. Но какіе они инициаторы, коль скоро вполнѣ увязли въ прежнихъ предразсудкахъ? Скульптора Рюда прославляютъ всего болѣе за его группу «Отправленіе на войну», помѣщенную на Arc de l'Etoile, находятъ въ ней необыкновенное воодушевленіе, энергію, огонь, красоту, талантъ, творчество. И дѣйствительно, живость и воодушевленіе тутъ есть, но они тутъ вѣчно совершенно реторическое, условленное и искусственное. Размахнутыя ноги и руки, искривленные кричаніе рты у всѣхъ — обыкновенный банальный пріемъ безчисленныхъ старыхъ и новыхъ скульптуръ, фигура «Войны» въ фонѣ, напоминая и псковеркашная объединная академическая статуя. Сами отправляющіеся на войну — ничуть не французы-республиканцы 1792 года, да ничуть и не люди какой бы то ни было націи, а только классные римляне, въ нижнихъ и латахъ, не имѣющіе ни малѣйшаго отношенія къ жизни, дѣйствительности, не заключающіе въ себѣ ни единой черточки чего-нибудь французскаго. Что они могутъ прибавить къ прежнимъ обветшалымъ элементамъ? Оживленіе, подвижность? Группа Рюда остается манкенною, надутою, натянутою и неестественною.

Нѣчто подобное представляетъ собою и Давидъ Анжерскій. Глыбамъ, числомъ сто дѣятельности были всегда портретныя статуи, бюсты и медальоны, и онъ провозгласилъ, какъ основу своей дѣятельности, такой принципъ: «передавать душу великаго человѣка, глядя на его нравственный обликъ при свѣтѣ философіи». Прекрасный принципъ, прекрасное намѣреніе. И хотя французы называютъ его «создателемъ національнаго искусства». Но этого на дѣлѣ не случилось. Какая пластичность, какая правда и природа могутъ быть тамъ, гдѣ художникъ, напримѣръ, въ прославленномъ монументѣ генерала Фоя, изображаетъ полуголыхъ персонажей — въ античномъ [illegible] и костюмѣ, другіе въ нынѣшнемъ, современномъ. Какая тутъ присутствуетъ путаница въ мысли и чувствѣ [illegible]! Какое смѣшеніе несовмѣстимаго! Говорятъ: у Давида Анжерскаго бываетъ много реальности! Но что [illegible] реальность потребовала бы сравненія съ [illegible] исторіей и оскорбительнымъ сумбуромъ [illegible]! А можно это-то постепенно и царствовало въ [illegible] Давида Анжерскаго монументы Бонпарта, Ф[illegible], Ш[illegible] (въ городѣ Фишнѣ) громко свидѣтельствуютъ о [illegible]. Но сверхъ того самая техника исполненія [illegible] прекрасной какою признавали [illegible] современники. Иные [illegible] французскіе [illegible] Гонкъ, пишетъ: «Мы нашли [illegible] тому Давиду, который пренебрегалъ, когда-то эти произведенія, честныя, старательныя, но часто тощія и надутыя».

Этотъ самый излишній лиризмъ — очень часто встрѣчали потомъ и множество другихъ произведеній французской скульптуры. Французы, а за ними вслѣдъ и остальная Европа, поминутно восхищались, восторгались множествомъ новыхъ статуй, но это были только мгновенныя вспышки огоньковъ, скоро потомъ потухавшихъ, и безслѣдно. Скульптуры оказывались скоро потомъ слабы, ничтожны, лишены смысла и разсудка, и потому ненужны. Нельзя отрицать того, что въ нихъ иногда присутствовала прекрасная фактура, выработанная техника, замѣчательное мастерство въ распоряженіи линіями и группировкой, прекрасная передача тѣла, правдивость въ техническомъ выполненіи подробностей, но все это еще не способно вознаградить за отсутствіе главнаго: истинности, вѣрности, значительности содержанія. Гдѣ нѣтъ удовлетворенія такимъ первѣйшимъ спросамъ и задачамъ, искусство всегда останется ненужной роскошью, потѣхой аматоровъ, напраснымъ потаканіемъ сибаритскимъ вкусамъ толпы, игрушкой ихъ незанятаго времени.

«Купидонъ на колѣняхъ, схватившій за крылышки, на землѣ, бабочку», работы Шода, была статуя довольно граціозная: Человѣкъ съ черепахой — Рюда, Женщина, ужаленная змѣей и Меркурій изобрѣтатель лиры — Дюрэ, Побѣдитель въ бою пѣтуховъ — Фальгіера, и т. д.: безчисленное количество геніевъ, увѣнчивающихъ то того, то другого генерала, музыканта, поэта; «геніи» Молодости, Вѣчности, Войны, Свободы, Краснорѣчія, Просвѣщенія и разныхъ другихъ подобныхъ же затѣй: Танцовщицы флорентинскія, неаполитанскія и иные музыканты и пѣвцы: Нереиды, Дафнисы и Хлои, Сфинксы, Орфеи, Купальщицы, «Меланхолія», Музыка, Трагедія, «Юность и безчисленныя другія подобныя личности — не чистѣйшее ли баловство все это, не безсовѣстнѣйшее ли злоупотребленіе мрамора, гипса, бронзы и всякаго другого матеріала? Христіанскіе сюжеты — были рѣдки въ первую половину XIX вѣка и отличались еще большимъ ничтожествомъ концепціи, содержанія и выполненія (наприм. Богоматери и Христы Клезингера, Религія, евангелисты — Дюрэ, Христы, Богоматери, Іоаннъ Евангелистъ — Дюбуа, св. Бернаръ и четыре Отца церкви — Карпо и т. д.). Сюжеты рыцарскіе, средневѣковые тоже являлись, сравнительно говоря, рѣдко. А это было очень удивительно, когда вспомнить романтическое направленіе 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ столѣтія. Даже тѣ скульптуры этого рода, которыя тогда появлялись, были слабы и незначительны: ни одна не получила хотя бы даже временной извѣстности — и это включая сюда статуи Жанны д'Аркъ, главной героической личности средневѣковой Франціи. Онѣ были неудачны. Зато велико было преобладаніе сюжетовъ античныхъ и аллегорій. Даже въ 50-хъ и 60-хъ годахъ онѣ были всемогущи. Такъ, наприм., въ 1869 г. великіе восторги вызывали группы Карпо: «Флора», «Танецъ», «Четыре страны свѣта». Онъ родоначальникъ тревожной, оживленной, драматической скульптуры», кричали про него со всѣхъ своихъ колоколенъ французы. «Карпо изображаетъ самый сокъ и цвѣтъ жизни», — кричали также про него. И дѣйствительно, «оживленія» у этого художника нельзя отрицать. Но много ли въ этомъ оживленіи толка, и въ особенности разсудка? Голая женская фигура стоитъ передъ вами на одномъ колѣнѣ и быстро раздвигаетъ обѣими руками кусты и вѣтви вокругъ себя: она нѣжно улыбается, а какіе-то дѣвочки-пузанчики подлизываютъ около нея, и мы должны разумѣть, что это — «Флора и Весна». Нѣсколько голыхъ женщинъ схватились за руки, и, вертя головами, мечутся, какъ угорѣлыя, въ какомъ-то канканѣ: мы должны разумѣть, что это аллегорія «Танца», почему эти женщины и поставлены на площади передъ входами въ зданіе Оперы. Какой тутъ вездѣ разумъ, какой смыслъ человѣческій? Какое зрителю дѣло до всѣхъ этихъ пустяковъ и всего этого ненужнаго баловства, не взирая на восхищающія эпитетовъ линіи, формы и прелестныя изящества? И какого разума и разсудка спрашивать у скульптора, любимца Наполеона III и его супруги Евгеніи, который съ восторгомъ и почтеніемъ лѣпилъ для одного фронтона въ Луврѣ барельефъ: Императорская Франція

вносить во вселенную — свѣтъ и покровительствуетъ земледѣлію и торговлѣ. Трудно представить себѣ, чтобъ низкопоклонный угодникъ и льстець Наполеона III способенъ былъ задумать и создать нѣчто значительное, истинно-художественное, глубокое и поэтическое. Далѣе ловкихъ, пріятныхъ, придворныхъ формъ ему никуда не надо было стремиться. Оттого-то Карпо и ему подобные никакого значенія въ искусствѣ имѣть не могутъ. Мода на нихъ скоро проходитъ. Исчезла мода на Прадьэ, на Клезингеровъ, тѣхъ, что такъ нелѣпо восхищали людей 30-хъ и 40-хъ годовъ своими кокетливыми, жеманными, улыбающимися женщинами изъ мрамора, олицетворявшими Ложь joli, исчезнетъ скоро, конечно, и смѣнившая ихъ мода на лихихъ разбитныхъ, разгульныхъ бабъ Карпо, словно прибѣжавшихъ на улицу съ придворныхъ оргій Наполеона III. Пройдетъ, конечно, скоро мода и на большинство скульпторовъ, какими славилась и славится Франція послѣднихъ десятилѣтій: Шапю, которому его современники приписывали постоянно «серьезную возвышенность», «чистоту», «деликатность», тогда какъ лучшее его созданіе Жанна д'Аркъ довольно невзрачная натурщица, на колѣняхъ и ломающая себѣ руки — есть только далекое подражаніе Магдалинѣ на колѣняхъ, и ломающей себѣ руки. Кановы, съ тѣмъ же внѣшнимъ изяществомъ и съ тою же сладкою ничтожностью; пройдетъ мода на Дюбуа, Фальгіера, Мерсіэ, Эжалбера, Гюльома и многихъ другихъ, у которыхъ вся заслуга въ достигнутомъ мастерствѣ техники (у каждаго въ своей степени), въ выучкѣ и умѣньѣ владѣть матеріаломъ, но все это съ глубокимъ отсутствіемъ искренности и правдиваго вниканія въ задачу. Многіе французы легко и скоро удовлетворяются внѣшностью: Мерсіэ выдѣлилъ группу «Gloria Victis» (Слава побѣжденнымъ) въ ту минуту, когда Германія побѣдила въ 1870 г. Францію — и всѣ здѣсь пришли въ восторгъ. Еще бы нѣтъ! Моментъ былъ ужасный, болѣзненный. Всѣ страдали, у всѣхъ сердце наболѣло — и вдругъ передъ глазами французовъ поставлена группа, въ которой стоитъ, на одной ножкѣ, надменно озирался вокругъ себя, размахнувъ крыльями, женская фигура съ вьющимися, какъ на вѣтру, складками одежды, а у этой женщины лежитъ на плечѣ юноша, въ правой рукѣ у котораго — сломанный мечъ, а лѣвою онъ взмахнулъ въ воздухѣ. Французы были совершенно восхищены и довольны: они признавали и признаютъ, что юноша — это ихъ Франція, побѣжденная; сломанный мечъ, это ихъ замолчавшія пушки, ядра и штыки; гордая женщина въ модной прическѣ — это ничто иное, какъ сама Слава. Они довольны и обрадованы, они утѣшены, они умилены. Чего же больше! Цѣль достигнута, и про Мерсіэ французы пишутъ и говорятъ, что у него «эпическій полетъ» (des envolées épiques). Что эта аллегорія, какъ и всѣ аллегоріи, нелѣпа, скучна, холодна, мертва, что вся группа — посредственна и академична, о томъ никто не заикается, никому до того нѣтъ дѣла. Другой прославленный скульпторъ, Фремэ, очень любилъ и прекрасно умѣлъ изображать лошадей (онъ долго изучалъ животныхъ въ Jardin des Plantes), и вотъ онъ вылѣпливаетъ молодую пѣвочонку, ничтожную, неловко сидящую, растопырившую ноги, на толстобокомъ кургузомъ мясистомъ норманскомъ конѣ съ низкимъ бѣднымъ задомъ, въ рукахъ у нея военный значокъ: множество французовъ, одѣтыхъ плохо, довольные, вѣсь сходятся восторгъ, провозглашаютъ: «Это Жанна д'Аркъ, настоящая, истинная Жанна д'Аркъ». А критикъ пишетъ: Фремэ — истинный французъ по вкусамъ, онъ — великій эпикъ, когда это требуется; никто его не дразнитъ въ историческихъ и фантастическихъ сюжетахъ». И статуя была съ торжествомъ поставлена на одной изъ парижскихъ площадей. Но для насъ, не-французовъ, это совсѣмъ не такъ. И мы ничего не въ состояніи открыть глубоко-эпическаго и чего-нибудь историческаго во всѣхъ сихъ конныхъ фигурахъ: древнемъ Франкѣ, Рыцарѣ, Веласкезѣ, въ сіи Жаннѣ д'Аркъ на коняхъ, въ сіи Архангелѣ Михаилѣ, Людовикѣ XIII верхомъ и т. д.: это все точно такія же ординарныя виньетки, какихъ столько всегда можно увидѣть въ безчисленныхъ французскихъ иллюстрированныхъ книгахъ.

„Танцы". группа Карло.

Исключенія изъ всего сказаннаго рѣдки. Для примѣра можно привести двѣ, нѣсколько выходящія изъ ряду вонъ вещи. Одна изъ нихъ — «Первыя похороны» Барріаса (1878). Адамъ и Ева прекрасно сгруппированы, группа талантлива, серьезна и даже искренна (по нѣкоторой степени). Въ позѣ Адама хорошо выражена трудность нести грузъ, въ лицѣ — сосредоточенное горе, въ движеніи Евы, наклонившейся къ молодому трупу Авеля — есть удрученность, на лицѣ тоже недурно выразилась скорбь,— но всѣ три личности современные, или по крайней мѣрѣ, новѣйшіе французы, и нѣтъ тутъ, не взирая на общую задачу группы, ничего грандіознаго, ничего историческаго, ничего глубоко-трагическаго, ничего древняго, ничего допотопнаго. Сцена точно происходила гдѣ-нибудь около рѣки или моря, у купающихся, вчера или сегодня. Но Барріасъ не въ состояніи былъ удержаться даже и на этой степени талантливости, и на всемірной парижской выставкѣ 1900 года онъ представилъ монументъ Виктора Гюго въ видѣ какой скалы, загроможденной цѣлымъ полкомъ ординарнѣйшихъ женскихъ аллегорическихъ фигуръ съ размахнутыми крыльями и руками, и съ В. Гюго на вершинѣ, что все это созданіе не уступаетъ въ пошлости никому изъ самыхъ ординарныхъ французскихъ скульпторовъ нашего времени.

Другая замѣчательная новая скульптура у новыхъ французовъ, это Сцена Мирабо въ народномъ собраніи (1883). Король Людовикъ XVI прислалъ въ это собраніе своего этикетмейстера, съ приказомъ разойтись. Всѣ опѣшились, кто испугался, кто не знаетъ какъ быть и что сказать. Одинъ не потерялъ присутствія духа — Мирабо. Онъ, полный огня, кипѣнія и мысли, быстро вскочилъ съ мѣста, и гордо произноситъ свои гордыя слова къ посланному. Къ несчастію, этотъ барельефъ, оригинальный, смѣлый по формѣ и своеобразному расположенію, жизненный и правдивый по выраженію былъ первой, но и послѣдней значительной работой Дюпа, которою онъ поразилъ всѣхъ. Можно было ожидать многаго отъ молодого талантливаго и правдиваго художника. Но онъ сошелъ со своего

своеобразнаго пути, ступилъ на общую колею, и никогда потомъ не сдѣлалъ уже ничего замѣчательнаго. Въ 1890 г. онъ даже способенъ былъ представить бюстъ знаменитаго Делакруа самымъ банальнымъ образомъ, на монументѣ: аллегорическая фигура Времени поднимаетъ аллегорическую фигуру Славы до лица Делакруа.

Множество другихъ французскихъ скульпторовъ нашего вѣка точно также нерѣдко отличались красивостью или граціозностью формы, иногда преувеличенностью и реторичностью жеста, изящными линіями и пріятною группировкою, но проявляли почти всегда ужасающую рутинность задачи, или пустоту и ненужность общаго. Къ концу столѣтія, французская скульптура дошла до самаго печальнаго проявленія — до созданій Родена, даровитаго по формѣ, умѣлою владѣющаго средствами своего искусства, но совершенно чудовищнаго по своимъ декадентскимъ вкусамъ и направленію, безобразно кривляющаго и ломающаго всѣ позы, всѣ формы, ничего не изображающаго кромѣ абстрактовъ, символовъ и аллегорій въ формѣ нагихъ фигуръ («Сфинксъ», «Пробужденіе», «Тѣнь», «Источникъ и гора», «Демонъ уноситъ женщину», «Фаунъ похищаетъ женщину», «Сирена уноситъ существующихъ въ природѣ формъ, они представили большое количество замѣчательныхъ произведеній. Всѣ выдающіяся всѣ историческія личности Франціи XIX вѣка воспроизведены ими, то по заказу, то по собственному желанію, и нерѣдко даже съ большою даровитостью, тонкостью и изяществомъ. Правда, истинная мѣткая характеристика не всегда тутъ есть на лицо, новымъ скульпторамъ далеко до того, что представляли лучшіе скульпторы XVIII вѣка, съ Гудономъ во главѣ, однако великій долгъ увѣковѣченія выдающихся современниковъ выполненъ ими вполнѣ, и это лучшая ихъ заслуга. Конечно, я имѣю здѣсь въ виду не тѣ пышные, нарядные, фальшаніе монументы, которые полны негодныхъ и безсмысленныхъ аллегорій въ антуражѣ, и лживаго выраженія въ лицѣ главнаго персонажа: таковъ, напримѣръ, прославленный у французовъ монументъ, сооруженный Полемъ Дюбуа въ памятъ Ламорисьера, представленнаго символическимъ, чуднымъ человѣкомъ, тогда какъ онъ былъ только ординарный французскій генералъ, ретроградъ и давитель, поклонникъ и, въ качествѣ начальника папскихъ зуавовъ, защитникъ папы, а разставленныя вокругъ его смертнаго одра мраморныя фигуры: Милосердіе, Размышленіе, Мудрость, Красно-

„Мирабо", горельефъ Далу.

рѣчіе, Справедливость, Благоразуміе — только представительницы такихъ качествъ, которыхъ жалкій Ламорисьеръ и во снѣ никогда не видалъ. Нѣтъ, я говорю про совсѣмъ другое: про безпретензіи, простые бюсты и статуи французскихъ поэтовъ, музыкантовъ, художниковъ, ученыхъ, техниковъ, открывателей, починателей благого дѣла, которыхъ громадное множество населяютъ площади, общественныя залы и музеи всѣхъ главныхъ французскихъ городовъ. Натурально, степень совершенства и художественности этихъ статуй и бюстовъ разнообразна, смотря по таланту каждаго скульптора, но всѣ эти произведенія стремились къ правдѣ содержанія и правдѣ исполненія, и часто достигали цѣли. Нѣтъ ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго французскаго скульптора новаго времени, который не сдѣлалъ-бы нѣсколькихъ хорошихъ портретовъ въ видѣ статуй и бюстовъ.

Изображеніе животныхъ достигло у французовъ, въ теченіе XIX вѣка, очень высокой степени совершенства. Многіе десятки этихъ художниковъ проводятъ годы въ прилежномъ и строгомъ изученіи обитателей зоологическихъ садовъ, ихъ физіономій, склада, жизни и нравовъ, и воздвигали многочисленныя фигуры и группы ихъ съ такимъ совершенствомъ, какого не появлялось давно, уже со временъ античнаго міра. Только жизнь, разнообразныя позы и движенія, иногда тонкія душевныя настроенія и чувства, все это новая скульптура научилась передавать еще вѣрнѣе и порывистѣе противъ прежняго. Замѣчательнѣйшіе французскіе художники въ этомъ

родѣ: Бари, Кенъ, Фреміэ, Менъ. Орангъ-утанги, львы, тигры, олени, зайцы, крокодилы, гиппопотамы, змѣи, орлы, соколы, наконецъ, иногда и домашнія животныя: лошади, собаки, быки и т. д. представлены ими, въ безчисленныхъ фигурахъ и группахъ, большого и малаго размѣра, часто съ изумительнымъ совершенствомъ, въ разные моменты ихъ мирной или боевой жизни. Любопытны, у Фреміэ, хотя-бы по фантазіи и странности, люди и животныя доисторическаго времени: «Орангъ-утангъ похищаетъ нагую женщину», «Орангъ-утанги одолѣваютъ людей дикарей», Допотопные дикари побѣждаютъ медвѣдей» и т. д.

Памятникъ королевѣ Луизѣ (въ Шарлотенбургѣ). Рауха.

20.

Судьбы нѣмецкой скульптуры, въ теченіе XIX вѣка, были совершенно иныя, чѣмъ у французской скульптуры. Насколько средневѣковыя, рыцарскія отдѣльныя фигуры, сцены, группы были рѣдки и вялы у французовъ, настолько онѣ были у нѣмцевъ часты, многочисленны и, сравнительно говоря, оживленны. Мнѣ кажется, еслибъ можно было соединить всѣ вмѣстѣ, онѣ составили бы такой же громадный и нѣмецкій *скульптурный* музей, какъ французскій *живописный* музей въ Версалѣ. Оба одинаково обширны и многочисленны, но оба одинаково малозначительны, одинаково невыносимы, скучны и одинаково ненужны. Главное основаніе ихъ народное чванство и хвастовство, народный лже-патріотизмъ. Обѣ эти громадныя массы холста, мрамора и бронзы поглотили огромныя суммы денегъ, обѣ полны самохвальства, но блещутъ отсутствіемъ настоящаго таланта. «Валгалла», «Ruhmeshalle», «Feldherrenhalle», мюнхенскій дворецъ, наружный фасадъ дрезденской пинакотеки, наружный фасадъ берлинскаго стараго музея, наконецъ, цѣлая аллея владыкъ» въ берлинскомъ Тиргъ-Гартенѣ, все это — сооруженія, биткомъ набитыя статуями и бюстами, посредственнаго достоинства, но всего чаще полными реторичности, надутости, ненатуральности и дѣланности. Этими качествами (не говоря уже о цѣлой тучѣ бравыхъ, деревянныхъ, хотя и изъ мрамора вырубленныхъ, генераловъ) особенно страдаютъ колоссальныя статуи: «Баварія» работы мюнхенца Шванталера, и Германія» (надъ Рейномъ), работы дрезденца Іоганна Шиллинга, наконецъ конная недавняя статуя императора Вильгельма I (въ Берлинѣ на площади у дворца), работы берлинца Рейнгольда Бегаса, вся окруженная штыками и львами, штандартами и орлами, пушками и голыми, растрепанными женщинами-аллегоріями, въ стилѣ рококо, особенно миломъ Бегасу, и изображающими, по мнѣнію художника, весь комплектъ человѣческихъ талантовъ, достоинствъ и добродѣтелей.

Изъ числа этихъ лживыхъ горъ мрамора и бронзы, портретныя статуи и бюсты нѣмецкихъ скульпторовъ оказываются, сравнительно, еще лучшими работами ихъ, особливо въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій. Тутъ встрѣчается иногда не только изученіе натуры, но и жизнь, и сильное, симпатичное приближеніе къ природѣ. Такъ, напримѣръ, истинно прекрасна статуя королевы Луизы, Рауха, истинно характерепъ и жизненепъ бюстъ великаго живописца Менцеля, вылѣпленный съ натуры Бегасомъ и находящійся въ берлинскомъ національномъ музеѣ. Его чудная работа напоминаетъ лучшія бюсты съ натуры итальянцевъ XV вѣка: въ высокой степени замѣчательны также по типу и выраженію головы Лессинга, Шиллера и Гёте (въ ихъ монументахъ) Ритчеля и др. Но коль скоро нѣмецкій скульпторъ задается мыслью «сочинить», «создать сюжетъ», онъ готчасъ опускается въ безбрежное море глубокихъ соображеній, метафизики, хитросплетеній, у него являются тотчасъ же намеки тонкіе на то чего не видитъ никто». Возьмите, напримѣръ, такого умнаго, такого даровитаго художника, какъ Ритчель. Его письма и дневники наполнены безконечными разсужденіями объ идеѣ, объ Idee (иде-цеѣ), о томъ, что такое «идеализмъ», и что такое «реализмъ», и

„Фридрихъ II“, Рауха.

чего именно онъ желаетъ держаться, возьмите точно также письма, разговоры и дневники другого умнаго и талантливаго нѣмецкаго скульптора Рауха: у этого точно также метафизики не обрѣтешься. А метафизика эта ни къ чему лучшему не приводитъ, какъ къ ограниченію и порчѣ самого себя, къ принужденію собственнаго своего дарованія бѣгать въ кандалахъ. И вслѣдствіе этой-то метафизики и прадѣдъ, вслѣдствіе ученаго исканія чего-то особенно глубокаго и высокаго, вѣчнаго и несокрушимаго, нѣмецкіе скульпторы наполнили свои площади и мосты, улицы и скверы множествомъ Минервъ и амазонокъ, греческихъ юношей и воиновъ, то размахивающихъ мечами, то раненыхъ и падающихъ (Амазонка со львомъ» Киса, Минерва съ юношей Вольфа и др.). Даже талантливый Арнольдъ Бегасъ, котораго за его стремленіе къ реализму, нѣмцы прозвали Рубенсомъ скульптуры, всего особеннѣе прославился какими группами? Группой «Венера и Амуръ», аллегорическими (впрочемъ очень красивыми) фигурами, «Лирика и Драма» на монументѣ Шиллера, рѣки «Эльба» и «Висла» на дворцовомъ колодцѣ. Все античность да аллегорія, все античность да аллегорія, безъ нихъ нѣмцы ни шагу! Но нѣмецкіе писатели именно эту-то античность да аллегорію и ставили своимъ художникамъ всегда въ заслугу. Они говорили (напр. Любке), что Раухъ «какимъ-то дыханіемъ античнаго чувства красоты всегда смягчаетъ жесткость и угловатости временныхъ и индивидуальныхъ формъ». Смягчаетъ! Но хорошо ли, нужно ли «смягченіе», требуетъ ли его настоящее, правдивое, жизненное искусство? И это—тотъ самый Раухъ, который признается у нихъ именно главой и вершиной художественнаго реализма въ скульптурѣ!

Однакоже, среди всѣхъ этихъ заблужденій и ограниченій, вотъ какое странное явленіе произошло. Нѣмецкіе скульпторы, при всей даровитости разныхъ отдѣльныхъ личностей, во многомъ и сильно уступали, въ теченіе XIX вѣка, французскимъ скульпторамъ: у нихъ никогда не было ни изящества въ той степени, какъ у французовъ, ни того оживленія и страстности, ни той увлекательности, которыми такъ часто отличались французы. И при всемъ томъ, нельзя не видѣть, что лучшіе и значительнѣйшіе монументы, какіе только появились въ Европѣ въ продолженіе XIX столѣтія, созданы не французами, а нѣмцами. Это: колоссальная конная статуя Фридриха II въ Берлинѣ, работы Рауха и колоссальная статуя Лютера въ Вормсѣ, работы Ритчеля. Обѣ были созданы во второй половинѣ столѣтія, первая въ 1851, вторая въ 1868 году. Оба художника были всю жизнь великіе другъ съ другомъ пріятели и единомышленники: оба создали нѣчто великое и высокодѣйствительное—и у обоихъ вышли эти два монумента такъ не вполнѣ хорошо. Многочисленные барельефы на пьедесталахъ, безчисленныя фигуры внизу, подъ главными статуями и вокругъ нихъ, оставляютъ желать еще многаго. На монументѣ Фридриха II—его фельдмаршалы, генералы, министры, чиновники, ученые литераторы и художники, на монументѣ Лютера—его современники и товарищи по дѣлу: Меланхтонъ, Рейхлинъ, Виклефъ, Гуссъ, Саванарола, женскія фигуры горожанъ, принцессы и мало улыбнулись авторамъ. Не было бы, кажется, большой потери, еслибъ этихъ скульптуръ вовсе не было на свѣтѣ. И что же! Не взирая на такіе грубые недостатки, не взирая на отсутствіе французской граціи и подкупающей обворожительной привлекательности, обѣ статуи фигуры этихъ нѣмецкихъ истинные chefs d'oeuvre'ы [illegible] по характеру, по глубокому выраженію, по правдѣ. Фридрихъ II старый, согнутый годами, но хитрый, повелительный, насмѣшливый, сухой, безсердечный, тиранъ и властитель, съ палкой на ремешкѣ у кисти руки и въ треугольной шляпѣ—это истинно тотъ самый человѣкъ, котораго прославила Европа конца XVIII и всего XIX вѣка за добытую имъ для Пруссіи славу (любопытно только замѣтить, что Раухъ, по своему «реальному классицизму», непремѣнно хотѣлъ представить Фридриха II въ греческой хламидѣ, и съ голыми руками и ногами, и только неизмѣнная воля самого прусскаго короля заставила его представить Фридриха въ современномъ костюмѣ). Но еще гораздо выше того—Лютеръ, огненный, твердый, непобѣдимый, положившій могучую, нервную руку, свернутую кулакомъ, на евангеліе: онъ поднялъ вдохновенную, гордую голову вверхъ и произноситъ свои знаменитыя слова: Hier steh 'ich, ich kann nicht anders. Gott helfe mir! Amen!» Были въ Европѣ художники, стоящіе по художеству и художественной своей работѣ гораздо выше Рауха и Ритчеля, но нѣтъ ни на одной площади Европы общественнаго и государственнаго монумента, выше этихъ двухъ по выраженію души, по силѣ и безпредѣльной истинѣ. Что значитъ для художника, въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ существомъ своимъ погрузиться въ глубину своей задачи! Никакая прелесть и мастерство техники не преодолѣютъ истинно потрясеннаго духа его. Но какъ это рѣдко случается!

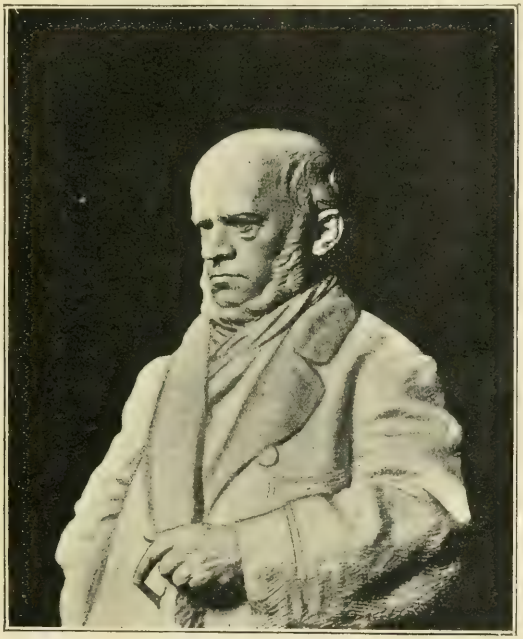
Памятникъ Лютеру (въ Вормсѣ), Ритчеля.

21.

Въ продолженіе XIX вѣка, итальянскіе скульпторы именно, кажется, больше всѣхъ другихъ доказали свою неспособность къ такому погруженію въ глубину своего сюжета. У нихъ все лишь внѣшнее, все поверхностно. Они равнодушно надѣлали сотни статуй, перебрали чуть не всю греческую и римскую миѳологію, библію и евангеліе, изобразили сотни, можетъ быть тысячи знаменитыхъ людей Италіи, то Данта, то Христофора Колумба, то Галилея, то Гарибальди (Тенерани, Дюпрэ, Бартолини, Финелли, Табакки, Барцаги, Тантардини, и множество другихъ) но все это лишь декорація, риторика, и костюмъ. Ни единой блестки живого чувства и души не проступило наружу. За то превосходно выдѣланы складки, сукно, шелкъ, кружева, этолеты, сапоги, сабли, юбки. Большое кладбище въ Генуѣ наполнено сотнями большихъ группъ, по намѣренію очень реалистическихъ, съ нынѣшней обстановкой и нынѣшнимъ костюмомъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, очень разнообразно представленныхъ въ печальныхъ или трагическихъ позахъ вокругъ постели умершаго, но ничто не можетъ быть холоднѣе и педантичнѣе всего этого притворства и фальши художника, всей этой школьной шаблонности и полнѣйшаго внутренняго равнодушія. При этомъ, мастерство технической работы изъ мрамора или отливки изъ бронзы дошло у новыхъ итальянцевъ до высокаго совершенства, и вся Европа заказываетъ этимъ художникамъ-мастеровымъ «выполнять» значительнѣйшія работы, или же учится у нихъ техникѣ, тонкой, деликатной, изящной, но все-таки поверхностной и внѣшней. О душѣ, чувствѣ тутъ и помина никогда нѣтъ. На эти скульптуры, за то, совсѣмъ почти и не обращаютъ никакого вниманія. Правда, въ 1867 году, на всемірной парижской выставкѣ, замѣтили статую: «Послѣдній день Наполеона I», сдѣланную, говорили тогда, всего болѣе въ угоду Наполеону III, сидѣвшему въ Парижѣ на престолѣ. Поговорили, пошумѣли, но все-таки потомъ скоро забыли. Статуя была нѣчто опять совершенно поверхностное. Всего лучше было выдѣлано одѣяло, въ складкахъ лежавшее на колѣняхъ императора: всего хуже

былъ онъ самъ, съ думой на челѣ, опустившійся въ своемъ креслѣ, но плохо выразившій наполняющія его «глубокія чувства». Спустя шесть лѣтъ, въ 1873 году, на вѣнской всемірной выставкѣ, опять обратила на себя вниманіе другая статуя, итальянскаго графа Ольдофреди: «Наполеонъ III въ Чизльгёрстѣ». Уже не было на свѣтѣ и племянника-императора, какъ прежде (уже давно) — дяди-императора, и итальянскому скульптору (особливо графу) казалось нужнымъ и интереснымъ изобразить послѣднія муки и мысли и того, и этого наполеонида. Но Ольдофреди стоялъ по таланту ниже даже и Велы, и его статую забыли еще во время выставки. Гораздо болѣе, тутъ же (въ 1873 году), обратили вниманія на статую Монтеверде: «Дженнеръ прививаетъ оспу своему маленькому сынку», и дѣйствительно, задача была чудная, истинная и важная, а въ статуѣ было извѣстное мастерство фактуры, нѣкоторая новизна задачи и группировки: но скоро заговорили всѣ, что и у этого итальянца, собственно, ничего нѣтъ настоящаго, важнаго и значительнаго въ самомъ творчествѣ: позы отца и сына — невѣрны и выдуманы, для изящества группировки, а что касается выраженія — то оно искусственно и преувеличено. Въ итогѣ все-таки декорація, эффектъ, а всего лучше, всего замѣчательнѣе, выдѣланы: чулки и башмаки отца, складки его короткихъ по-колѣно, штановъ.

Лучше всего въ XIX вѣкѣ оказывались у итальянскихъ скульпторовъ бюсты съ натуры. Тутъ нужна была только нѣкоторая наблюдательность и извѣстная техника. Мраморъ и гипсъ гнутся у нихъ подъ рѣзцомъ и стекой, словно резинка подъ пальцами, — говаривали много разъ про нихъ: «вотъ они по части бюстовъ съ натуры и представляли иной разъ очень хорошіе образцы.



„Адольфъ Менцель", Бегаса.

Англійская скульптура всю первую половину XIX вѣка шла по слѣдамъ Кановы и Торвальдсена, тѣмъ болѣе, что многіе изъ лучшихъ англійскихъ скульпторовъ по многу лѣтъ засиживались, а иногда и вовсе оставались въ Италіи.

Австрійская, испанская, шведская и голландская школы скульптуры не представили въ теченіе XIX вѣка ничего особенно замѣчательнаго и оригинальнаго. Одинъ бельгіецъ, Мёнье (Meunier), получилъ въ послѣдніе годы довольно значительную извѣстность своими фигурами, во весь ростъ, изъ міра рабочихъ: «литейщикъ», «землекопъ», «садовникъ», «кузнецъ», «стекольный рабочій». Въ нихъ много простоты и естественности, довольно вѣрныя движенія и позы, никакого преувеличенія, ни выдумки, но это — настоящія фотографіи.

22.

До самой середины XIX вѣка русской скульптуры все равно что не существовало. Конечно, скульпторовъ всегда у насъ бывало много, ихъ произведеній также. Только ни тѣ, ни другія не представляли собою никакого особаго значенія. Скульпторы являлись на сцену потому, что была на свѣтъ, со временъ Екатерины II, академія художествъ, обязанная выводить на свѣтъ тоже и скульпторовъ, скульптуры являлись потому, что офиціальный спросъ былъ, заказы тоже. Но изъ этого ничего еще не выходило. Внѣ монументовъ для площади и статуй, или барельефовъ для церкви или парадной залы—русскіе скульпторы ничего не производили, ничего сами собой, ничего по собственному желанію и почину, ничего по требованію собственной фантазіи. Фантазіи только и хватало на академическихъ Веперъ, Вакханокъ, Фавновъ, глупыхъ аллегорій и тому подобное (Мартосъ, Ставассеръ, Логановскій, Рамазановъ и др.). Скульптуры на вершинѣ тріумфальной арки главнаго штаба (богиня Побѣды на колесницѣ), или на вершинѣ Александринскаго театра (богъ Аполлонъ на колесницѣ), барельефы и статуи соборовъ Казанскаго и Исаакіевскаго (внутри послѣдняго — Воскресеніе и Преображеніе — Пименова), статуи Барклая-де-Толли и Кутузова, въ военныхъ шинеляхъ, но задрапированныхъ по-античному—Орловскаго, и множество подобныхъ же неинтересныхъ созданій, вполнѣ лишенныхъ оригинальности, представляютъ только результаты школы и выучки, результаты подражанія чужимъ, далекимъ образцамъ, и полное отсутствіе чего бы то ни было своего, самостоятельнаго. Наши старинные скульпторы были до такой степени только равнодушные исполнители заказовъ и приказовъ, ихъ интересы были все еще такъ низменны, что никогда не почувствовали потребности и охоты вылѣпить бюстъ котораго-либо изъ знаменитыхъ своихъ современниковъ: Карамзина, митрополита Евгенія, академика Остроградскаго, Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя, Глинки и др. Имъ не было до этихъ людей никакого дѣла. «Никто не заказываетъ». Весь рядъ скульпторовъ этой породы замыкаетъ собою Микѣшинъ, который, въ концѣ 50-хъ годовъ и въ началѣ 60-хъ, представилъ на совѣтъ Памятникъ 1000-лѣтія Россіи — цѣлую массу русскихъ знаменитостей, но сдѣлалъ это такъ поверхностно, индиферентно, съ такимъ подражаніемъ памятнику Фридриху II Рауха, и вмѣстѣ съ такимъ подражаніемъ новѣйшимъ итальянскимъ и французскимъ монументамъ подобнаго же рода, что его созданіе не играетъ никакой роли въ исторіи нашей скульптуры. Изъ всѣхъ заказныхъ офиціальныхъ монументовъ все-таки наиболѣе отличаются (сравнительно говоря) статуи Николая I и Крылова, вылѣпленныя барономъ Клодтомъ. Странное дѣло: этотъ художникъ былъ собственно только скульпторъ для изображенія коней, которыхъ онъ изучалъ со страстью и лѣпилъ съ мастерствомъ всю свою жизнь, но ему заказали дѣлать монументы — онъ ихъ дѣлалъ. И что же? Оказалось, что онъ исполнилъ свою задачу совершенные и талантливѣе, чѣмъ исполняли свою «настоящіе скульпторы». Столько онъ вложилъ истинной характеристики и царственности въ обѣ свои фигуры.

Съ середины XIX столѣтія все измѣнилось. Вдругъ выдвинулась, нежданно-негаданно, на первый планъ русская скульптурная школа и очень скоро пріобрѣла симпатіи всей Европы. Эта школа обязана была своимъ зарожденіемъ и ростомъ тому самому великому интеллектуальному движенію, которое началось въ Россіи тотчасъ послѣ Крымской кампа-

ніи и переродило отъ самыхъ корней все русское общество. Въ литературѣ и искусствѣ явилось совершенно новое, энергическое направленіе, искавшее свѣта и правды, и оно одушевило также и нашу скульптуру. Выступила на сцену новая порода скульпторовъ, смѣвшихъ думать и чувствовать по собственному расположенію, безъ приказа и указа, и желавшихъ выразить что-то свое и не справляющееся съ примѣрами европейскихъ нашихъ коренныхъ «баръ».

Первымъ выступилъ Каменскій. Онъ въ состояніи былъ думать по-новому, по-своему, и у него былъ талантъ, но талантъ еще очень маленькій, такъ что онъ сверкнулъ свѣтлой, но жиденькой струйкой, и скоро и ушелъ куда-то подъ землю, спрятался отъ всѣхъ глазъ. Милъ былъ его «Мальчикъ-скульпторъ» (1866) — русскій деревенскій мальчикъ, лѣпящій птичку, и вся русская публика обрадовалась, какъ неожиданной находкѣ; скоро потомъ (1868) Каменскій вылѣпилъ «Молодую вдову съ ребенкомъ на колѣнкахъ» и наша публика еще болѣе обрадовалась: въ новой статуйкѣ было еще болѣе простоты, выраженія, чувства, талантливости. Обѣ скульптуры были нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ статуи подобнаго же рода прежнихъ нашихъ художниковъ, напримѣръ «Мальчикъ съ птичкою» и «Мальчикъ, просящій милостыню» Пименова. Лавры были, на вкусъ какъ будто, тѣ же, художественное мастерство было на сторонѣ Пименова, гораздо больше, но созданія Пименова нѣчто совсѣмъ итальянское, римско-скульптурное, лже-античное и условное, даже вопреки натуры («мальчики все натіе»), у Каменскаго — нѣмецкіе, живые. Но скоро потомъ все дѣло у него кончилось. Третья скульптура Каменскаго «Первый шагъ» (1869) явилась первымъ шагомъ его художества внизъ. Умѣнья не прибавилось болѣе прежняго, оно было недостаточно: онъ уже теперь стесняялъ, а сочиненіе это было слабовато: вдовушка во всемъ Каменскій вознамѣлъ пуститься въ аллегоріи, перестать быть простой реалистомъ, не простая мать, а сама Россія, которой слабые, первые шаги направляетъ мать Европа.

Слѣдовавшій за Румянцевымъ и Каменскимъ художникъ, проявилъ, наконецъ, всю мощь русской новой скульптуры. Это былъ Антокольскій. Его учителемъ былъ Пименовъ, но ученикъ пошелъ по своей собственной дорогѣ. Первый періодъ его творчества посвященъ былъ выраженію еврейства: еврейскихъ личностей, еврейскихъ сценъ, еврейскаго чувства. Сюда принадлежали, во-первыхъ, его: «Еврей-портной», «Еврей-скупой», горельефы: первый — изъ дерева, второй изъ дерева и слоновой кости: это были вещицы, по размѣрамъ довольно маленькія, но въ нихъ было столько жизни и жизненной правды, выразительности и движенія, столько онѣ были непохожи на всю прежнюю нашу скульптуру, что Академія, сколько ни была академична, а поняла, раскусила, и дала еврейскому талантливому юношѣ, вопреки обычнымъ преданіямъ и вкусамъ, серебряную медаль тотчасъ же, за первую же его вещицу. Скоро послѣ того Антокольскій задумалъ двѣ другія, еще гораздо болѣе важныя вещи на еврейскіе сюжеты: «Споръ о Талмудѣ» — группа, «Нападеніе инквизиціи на евреевъ» — уже цѣлая большая скульптурная картина. То, чѣмъ тутъ Антокольскій задавался, стало на такую ногу, о какой никто до тѣхъ поръ не думалъ въ Европѣ. Въ «Спорѣ о Талмудѣ» выраженъ былъ своеобразный характеръ евреевъ-начетчиковъ, ихъ упрямое стремленіе къ буквѣ своего вѣрованія, ихъ нѣсколько ограниченное, вслѣдствіе долгихъ столѣтій гоненія, пониманіе своего вѣрованія, въ «Инквизиціи» (1870) одна изъ ужасающихъ, варварскихъ сценъ вѣчнаго преслѣдованія отупѣвшими современниками. Оба эти созданія были полны, въ скульптурныхъ эскизахъ автора, глубокой драматичности, поразительной правды, жизни. Къ несчастію, Антокольскій никогда не собрался по-настоящему, въ надлежащемъ размѣрѣ и видѣ выполнить ни «Споръ о Талмудѣ», ни свою «Инквизицію». Это была ошибка — для него, и великій проигрышъ для всѣхъ художественныхъ

Памятникъ Шиллеру, Бегаса.

публикъ. Своими пробами Антокольскій указалъ на законность, возможность и необходимость національныхъ сюжетовъ—еврейскихъ, — съ другой стороны на законность, возможность и необходимость большихъ, обширныхъ, картинныхъ, правдиво-жизненныхъ сценъ въ видѣ перспективныхъ горельефовъ (въ замѣну тянущихся длинной условной лентой барельефовъ). Ему-бы только продолжать въ этомъ новомъ своеобразномъ, самостоятельномъ родѣ — но онъ не рѣшился, не посмѣлъ, не захотѣлъ, и перервалъ драгоцѣнную нитку въ самомъ началѣ. Это была великая, невознаградимая ошибка. Спустя 13 лѣтъ, въ 1883 г., талантливый французъ Далу—посмѣлъ, рѣшился на подобное-же дѣло, и въ своей сценѣ изъ французской революціи («Мирабо въ народномъ собраніи дастъ гордый отвѣтъ посланному Людовика XVI») осуществилъ именно ту самую задачу, за которой въ 1870 г. взялся, и которую не додѣлалъ Антокольскій. Онъ въ этомъ отнялъ славу нашего скульптора. Наказаніе за робость и нерѣшительность. Впрочемъ, все-таки надо сказать: если уже и смѣлый, огненный французъ всего *одинъ разъ*, рѣшился выполнить смѣлую мысль, а потомъ тоже отъ нея отступился, и никогда болѣе къ ней не возвращался, а дѣлалъ все только обычныя традиціонныя «статуи», то чего же взыскивать съ другихъ, менѣе смѣлыхъ европейцевъ?

„Мальчикъ-скульпторъ", Каменскаго.

Но, оставляя въ сторонѣ эту крупную ошибку Антокольскаго, надо отдать ему ту справедливость, что онъ много, очень много сдѣлалъ для русской скульптуры. Онъ сдѣлался настоящимъ ея создателемъ, родоначальникомъ русской скульптуры. Его полная драматизма и страстности статуя «Иванъ Грозный» признана была за великое созданіе не только у насъ, но и во всей Европѣ, была издана и съ воодушевленіемъ описана во множествѣ европейскихъ и американскихъ журналовъ и помѣщена въ Лондонѣ, въ Кенсингтонскомъ всемірномъ музеѣ скульптуры (до Антокольскаго ни одна русская статуя не появлялась въ европейскихъ музеяхъ).

Начиная съ 1871 года, у Антокольскаго пошелъ рядъ крупныхъ, — по задачамъ, высоко-замѣчательныхъ — по выраженію, скульптурныхъ созданій, съ великимъ уваженіемъ и симпатіей оцѣненныхъ, какъ у насъ, такъ и другими народами. Статуи: «Петръ Великій (1872), «Ярославъ Мудрый верхомъ, «Иванъ III» верхомъ (1872), статуи для проектированнаго памятника Пушкину (1875): «Борисъ Годуновъ», «Ермакъ», «Мазепа», «Пугачевъ», «Татьяна и др.: «Лѣтописецъ Несторъ» (1892), «Ермакъ» (1892) все статуи съ историческими русскими сюжетами; «Христосъ» (1874); «Сократъ» (1876), «Спиноза (1882), статуи съ иноземными сюжетами; «Княжна Оболенская у своей гробницы» (1875) и Поляковъ портретныя статуи: наконецъ, нѣсколько идеальныхъ, мало удавшихся сюжетовъ: «Мефистофель» (1877), «Офелія» (1889) и др., сверхъ того множество прекрасныхъ бюстовъ-портретовъ. Критикъ лондонской газеты «Times» высказалъ, въ 1882 году, по поводу русской выставки въ Парижѣ, что надо надѣяться, французскіе скульпторы (считаемые первыми въ Европѣ) будутъ учиться на твореніяхъ Антокольскаго, и узнаютъ, какъ громадно вдохновеніе, полученное изъ искренняго изученія живой натуры.

Антокольскій не имѣлъ ни послѣдователей, ни учениковъ въ Россіи. Русскіе скульпторы вяло продолжали прежнія преданія и работы. Что-нибудь живое, принадлежащее дѣйствительности, по сюжету и подробностямъ, являлось рѣдкимъ исключеніемъ. Въ 70-хъ годахъ можно назвать: этюдъ еврея, работы Лаверецкаго, «Рѣзвушку», —Чижова (красивенькая дѣвочка, боязливо переходящая по бревешку черезъ ручей), «Любовь Беклемишева — прекрасный, полный сердечности, простоты и чувства, любовный дуэтъ молодого крестьянскаго парня и молодой крестьянской дѣвушки; его-же, бюстъ-горельефъ живописца Шишкина: милыя, правдивыя и граціозныя сценки изъ дѣтской жизни—Гинцбурга: мальчикъ музыкантъ (онъ щиплетъ веревочку, натянутую отъ рта); торжествующій мальчикъ съ игрушечной звѣздой на груди; мальчики въ банѣ; мальчики въ школѣ; мальчикъ, испуганный сказочкой, разсказанной ему матерью; ребенокъ, у котораго мать вынимаетъ занозу изъ пальца; его-же: бюсты Льва Толстого, Спасовича, Вл. Соловьева, и статуэтки П. В. Верещагина, Льва Толстого, Рубинштейна, Римскаго-Корсакова, Рѣпина, Менделѣева, Пыпина, Концакова и др. все любопытныя и замѣчательныя по талантливости.

„Іоаннъ Грозный", Антокольскаго.

Въ самое послѣднее время, довольно значительную извѣстность получилъ у насъ (а на всемірной парижской выставкѣ 1900 г. — и въ Европѣ) князь Трубецкой. Но онъ не имѣетъ для русской школы никакого особеннаго интереса: ни интереса самостоятельности, ни интереса оригинальности, ни интереса національности. Онъ—совершенный итальянецъ. Его ха-

рьёзъ — нѣчто обще-европейское. Безъ сомнѣнія, онъ не лишенъ таланта, но талантъ его измѣшній итальянскій, бывшій. Онъ импрессіонистъ по преимуществу, и лучшая сторона его, это — схватываніе внѣшней живописности, нѣкоторое изящество. За предѣлы этого онъ идти не можетъ. Творчества, художественной фантазіи — у него вовсе нѣтъ. Никакая серьезная задача созданія ему не годится и недоступна. Всего лучше ему удаются изображенія съ натуры: лошади, собаки и коровы. Лучшее произведеніе его до сихъ поръ: Московскій извозчикъ, съ бѣдными санями и изможенной лошадью. Самодѣлъ съ собаками и оленемъ. Человѣческія фигуры выходятъ у него гораздо слабѣе. Онѣ обыкновенно у него вычурны, манерны и ненатуральны. Притомъ же онъ лѣпитъ свои статуи, совершенно не заботясь о внутреннемъ содержаніи, о душевномъ мірѣ и характерѣ даннаго лица: по его собственному признанію, онъ лѣпилъ, еще въ Италіи на конкурсъ, статую Данта, никогда не читавши ни единой строки этого великаго автора; статуи и бюсты Льва Толстого, никогда не читавши ни единой строки Льва Толстого. Его портреты — мало похожи, часто безобразны, а главное — ужасно плохо вылѣплены.

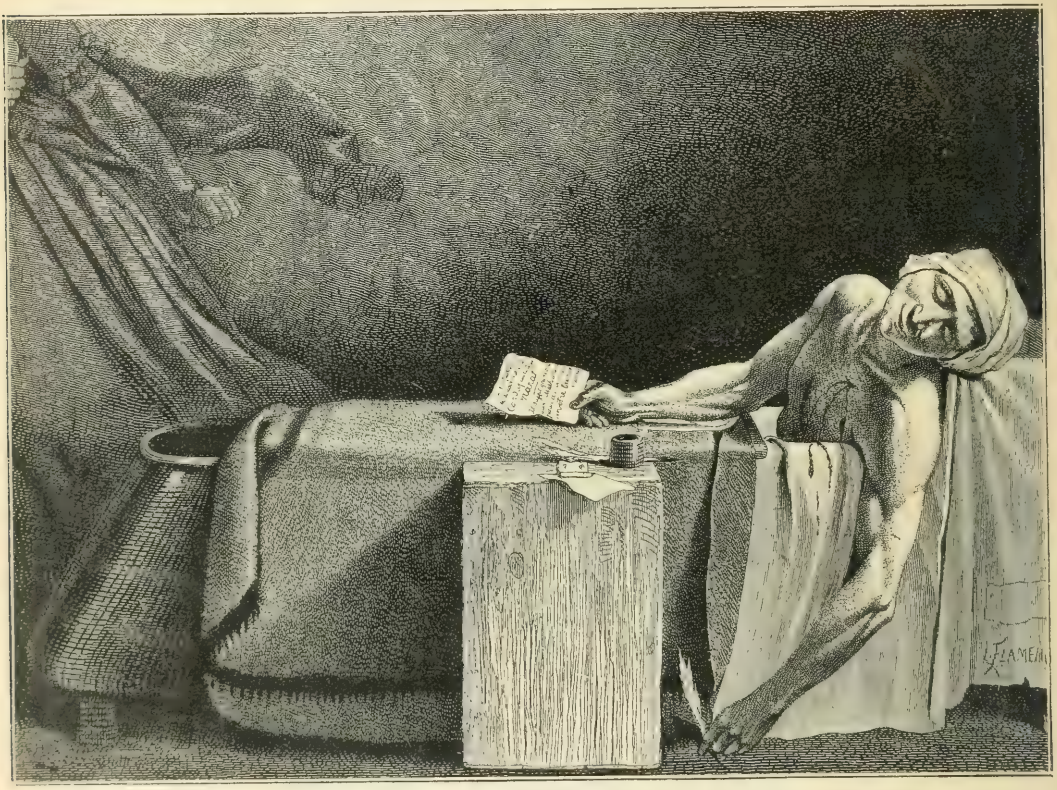
III.

Живопись.

23.

Судьбы живописи въ теченіе XIX вѣка, были совсѣмъ иныя, чѣмъ у скульптуры. Прежде всего, поразительнымъ фактомъ является та быстрота, съ которою измѣнялись въ продолженіе этого столѣтія понятія и стремленія живописцевъ, а вмѣстѣ симпатіи публики. Такой измѣнчивости, какая проявилась тутъ, не найдешь, мнѣ кажется, ни въ какомъ другомъ періодѣ исторіи. Что прежніе люди бывало, сегодня — чѣмъ восторгались, то любили долго и прочно. Мѣняли они предметы своего обожанія рѣдко, съ натугой, съ трудомъ, отступались отъ своихъ послѣднихъ фаворитовъ лишь съ бою, лишь когда сами внѣшніе факты, когда доказательства людей, особенно зрячихъ, наступали на горло, и нельзя уже было не уступить. Вкусы, моды и художественные аппетиты длились многіе-многіе годы, иногда многія столѣтія. Въ началѣ среднихъ вѣковъ, тяжелый, но могучій романскій стиль — продолжался нѣсколько столѣтій; послѣ нихъ, величественный, геніальный, стройный, героическій стиль продолжался тоже нѣсколько столѣтій; наслѣдникъ ихъ, стиль Возрожденія, съ Рафаэлями, Микель-Анджелами, Леонардо-Винчами — продолжался опять-таки нѣсколько столѣтій; стиль барокко — цѣлое столѣтіе; стиль помпадурскій — длился цѣлыхъ полъ-столѣтія. Не скоро ѣли предки наши, не скоро двигались кругомъ ковши, серебряныя чаши съ кипящимъ пивомъ и виномъ. Шипѣла пѣна по краямъ, ихъ важно чашники носили и низко кланялись гостямъ. Но потомъ стала входить все больше и больше въ употребленіе суетливая спѣшность, продолжительныя величавыя главы смѣнились коротенькими отрывочными параграфчиками, люди стали — ѣсть — свой интеллектуальный кормъ скорѣе и торопливѣе, и никакіе чашники не разносили болѣе чашъ и низко не кланялись гостямъ. Неслось все вскачь. Словно занавѣсъ передъ сценою опускается, и потомъ скоро поднимается, и опять снова поднимается. Появлялись быстро одно за другимъ все новыя и новыя «теченія», все новыя и новыя — вѣянія. Что было вчера вознесено на щитахъ, было уже сегодня столкнуто съ пьедестала и сброшено внизъ. Паденія и подъемы слѣдовали другъ за дружкой, словно низведенія съ престоловъ и подъемы на тронъ западныхъ и восточныхъ римскихъ императоровъ, подъ нажимомъ своевольныхъ когортъ.

Что же, хорошо или дурно было такое безпрерывное дви-



„Смерть Марата“, Давида.

женіе и перемѣна? Было ли оно признакомъ начинающагося добра, или свидѣтельствомъ нежданно подступившаго зла?

Отчего происходила у нашего столѣтія такая быстрая въ дѣлѣ искусства, смѣна впечатлѣній, вкусовъ и поклоненій? Неужели отъ вѣтренности, отъ легкомыслія, отъ поверхностнаго непостоянства? Нѣтъ, никогда. Никакое другое столѣтіе не превзойдетъ наше въ способности понимать искусство, любить его и нисходить во всѣ глубины творенія. Ни одно изъ проявленій искусства никогда не осталось незамѣченнымъ и неоцѣненнымъ, ни одно не пропало попрасну для пытливаго глаза современнаго человѣка. Но XIX вѣкъ есть истинный наслѣдникъ своихъ старшихъ родственниковъ. Онъ есть истинный внукъ великаго XVII вѣка, онъ истинный сынъ еще болѣе великаго XVIII вѣка. Эта могучая родня принесла ему въ люльку, на зубокъ, смѣлость и независимость мысли, сознаніе своихъ интеллектуальныхъ и художественныхъ правъ, которыя самоучкой сама нашла въ своихъ грандіозныхъ самораскопкахъ. Прежнимъ поколѣніямъ много надо было дядекъ, тѣхъ, что выводили, бывало, «тридцать-трехъ богатырей» изъ темной волны и вели къ волшебнымъ твердынямъ силы, власти и наслажденій. Нынче каждый сталъ пробовать служить себѣ самъ и самъ нести собственной рукой собственное знамя. Новые люди смѣлыми глазами вглядывались въ то, что произведено было прежними поколѣніями, по-новому восхищались тѣмъ, что все-таки способно было нравиться, но смѣло осуждали то, что оказывалось завянувшимъ и отуплѣвшимъ, и требовали новаго содержанія и новыхъ формъ.

„Г-жа Рекамье", Давида.

Но на этой быстрой скачкѣ, съ новымъ искусствомъ и съ его публикой приключилось не мало ошибокъ, заблужденій, самообмановъ, неудачъ, крушеній, но гордые храбрецы все двигались впередъ, ихъ сила почина не прекращалась— и дѣло ихъ только росло.

Ихъ безпредѣльное исканіе, ихъ несокрушимая вѣра въ будущее торжество дѣла, ихъ потребность возвеличить средства искусства, расширять и углублять его задачи—составляютъ именно главную характерность, силу и прелесть искусства нашего времени. Въ этомъ онъ не только не уступаетъ никакому другому вѣку, но во многомъ даже превосходитъ многіе прежніе, несмотря на всю ихъ иногда великость.

На такой вѣкъ нельзя не любоваться. Нельзя не восторгаться имъ.

24.

Значительнѣйшими предшественниками живописцевъ XIX вѣка мнѣ всегда казались два художника съ западной окраины Европы: одинъ англичанинъ, другой испанецъ Гогартъ и Гойя. Въ печати же я началъ высказывать это, лѣтъ уже 40 тому назадъ (1862) про перваго, и лѣтъ 17 тому назадъ (1884) про второго. Оба они были люди такіе исключительные, такіе особенные и необыкновенные, что ихъ даже долго не хотѣли признавать настоящими художниками, и называли только любителями, дилетантами. Этому нечего дивиться. Это не разъ видано бывало въ исторіи.

У Гогарта и Гойи самыхъ важныхъ, самыхъ отличительныхъ чертъ было двѣ. Во-первыхъ, у нихъ въ головѣ не было ни малѣйшей мысли о какихъ бы то ни было художественныхъ предкахъ, за которыми надо слѣдовать, во-вторыхъ, они оба ни на единую чуточку не безпокоились спеціально объ искусствѣ, о красивости и виртуозности способа выраженія, никогда не учились, да и не хотѣли учиться въ какой-нибудь школѣ и академіи, а наполнены были однимъ лишь тѣмъ, что у нихъ внутри кипѣло, и что имъ нужно было высказать и выразить. Это были люди, которые, по геніальному слову Льва Толстого, можетъ быть и «рады были бы не мыслить, и не выражать того, что залежено имъ въ душу, но не могутъ не дѣлать того, къ чему влекутъ ихъ двѣ непреодолимыя силы: внутренняя потребность и требованіе людей». Они родились со способностью къ настоящему искусству, все равно какъ птицы родятся съ крыльями, и на этихъ крыльяхъ они летѣли къ солнцу и свѣту, которые ихъ манили издалека. Эти два художника были наполнены настоящимъ чувствомъ жизни, они не могли смотрѣть равнодушно на то, что дѣлалось у нихъ въ отечествѣ. Ёжились отъ того, какъ люди тамъ живутъ, копаясь въ мрачныхъ предразсудкахъ и невѣжествѣ; они горько возмущались тѣмъ, что ихъ товарищи по отечеству апатично переносили или и сами дѣлали. Правдивою кистью, галантливымъ карандашомъ, могучимъ гравюрнымъ рѣзцомъ, этими своими дубинками Петра Великаго, они совершили чудеса. Самая святѣйшая инквизиція поджала хвостъ и промолчала въ Испаніи, сами лорды и герцоги, а вслѣдъ за ними всяческіе фарисеи и саддукеи пріостановились на минуту въ Англіи. Бича ихъ обоихъ слишкомъ многіе боялись. И выступили у нихъ на сцену, въ картинахъ и рисункахъ, всяческіе враги народа, его утѣснители и развратители, его насильники и преслѣдователи, но тутъ же выступилъ и самъ народъ, тяжко ворочающійся, какъ въ капканѣ, и вѣчно одурманенный и одураченный, мужики и бабы, ремесленники, солдаты и дворяне, нарядныя дамы и погибшія созданія, тупые ученые и наивные невѣжды, странствующіе актеры, уличныя пѣвицы, полицейскіе и судьи, безумцы и придворные, воры и чиновники, сытые и голодные, нищіе и богачи, пасторы и альдермэны, весь англійскій и испанскій городской и сельскій людъ. Выступилъ, однимъ словомъ, на сцену, опять тотъ самый настоящій, правдивый людъ, который жилъ и пошалъ когда-то, за 200 лѣтъ раньше, у Шекспира, и у Сервантеса, а потомъ отчасти у голландскихъ живописцевъ, да только былъ отодвинутъ въ сторону, забытъ и замѣненъ фальшивыми, въ школѣ вытвержденными героями древняго міра лже-греками и лже-римлянами. Теперь еще новый разъ у правды былъ на улицѣ праздникъ.

Часто, въ осужденіе Гогарту и Гойѣ, указываютъ на то, что у нихъ почти все искусство было направлено къ морали и правоученію. Къ несчастію, это правда, и ее можно оплакивать. Но правда то, будто бы отъ ихъ творчества было моралью отравлено и испорчено. Мораль и правоученіе играютъ у нихъ лишь второстепенную, и никогда главную первую роль. Главная ихъ задача и сила — въ нацѣленіи

и карѣ всего гнилого и вреднаго, въ высказаніи воодушевленнаго негодованія на пошлость, пилость и бездушіе. Тутъ они велики, геніальны, мощны, несравненны.

Но это счастливое состояніе искусства продолжалось не долго. Взволнованную еще недавно рябь скоро опять занесло и затянуло, словно круги на водѣ, когда прошло первое внезапное впечатлѣніе отъ сильно брошеннаго туда камня,— поверхность опять стала ровная и гладкая, словно съ нею ничего еще не случилось. Помпадурство продолжало манерничать, плясать, приседать и бражничать, для изнѣженности того времени не надо было никакого другого искусства, кромѣ конфетнаго и цвѣточнаго.

Когда выступила на сцену и раздавила гнилой гогдашній цвѣточный и конфетный міръ съ амурами, куртизанками и пейзанами великая французская революція, ей тоже было не было тогда пониженіе мыслительной способности у всѣхъ, удивительная была сила добровольнаго, покорнаго мрака! Ничего Гогартовскаго, ни Гойевскаго не было уже болѣе въ головахъ—отъ нихъ не оставалось ни единаго самомалѣйшаго зернышка. Восхищенные рабы-художники своими картинами и статуями цѣловали пятки общаго врага, палача и помрачителя; они немилосердно фальшивили, притворяясь своими кистями и рѣзцами. Всего страннѣе и забавнѣе было то, что Наполеонъ, очень хорошо знавшій и видавшій свои баталіи и могшій вполнѣ понимать всю ложь, всю выдуманность и фантастичность сраженій, написанныхъ его Жерарами, Грю и другими, находилъ ихъ превосходными и давалъ за нихъ богатыя подачки. И такъ было не въ одномъ Парижѣ, а тоже и въ другихъ городахъ и государствахъ. Повсюду возвеличивалось насиліе. О народной массѣ, о ея разнообразныхъ слояхъ, съ высшихъ до низшихъ, о ихъ злосчастной придавленной жизни не было нигдѣ и помина. Какого тутъ можно было бы искать искренняго, горячаго, вдохновеннаго, одухотворяющаго искусства?

Самые невинные, самые простительные изъ художниковъ писали только вялыхъ Хлой, Амуровъ, Зефировъ, Психей (Прюдонъ, Жиродэ).

Единственное, что осталось хорошаго и достойнаго отъ этой постыдной эпохи—это здоровые, иногда прекрасные портреты. Тотъ самый Давидъ, который во времена своего напускного, крикливаго республиканства только и способенъ былъ, что писать свои кукольно-деревянныя картины: Горацієвъ и Куріацієвъ, Сабинокъ, Присягу въ Экі-де-Помъ и проч., а перебѣжавши потомъ въ ярые наполеонисты, только и умѣлъ писать, что небывалаго Наполеона, верхомъ на сумасшедшемъ картонномъ конѣ, и скачущимъ по вершинамъ и пропастямъ альпійскимъ, да Наполеоновскіе разводы и коронаціи,—однакоже, когда на то рѣшался, создавалъ чудные портреты, полные правды, жизни и характеристики. Таковы, напримѣръ, изумительно-прекрасные портреты папы Пія VII, г-жи Рекамье (молодой и красивой), г-жи Инкэ (старой, но также красивой), молодого человѣка въ широкополой шляпѣ, и.

„Данте и Виргилій на лодкѣ Харона", Делакруа.

до правды, красоты и свѣта истиннаго искусства—ей нужны были суровые примѣры патріотизма, преданности и самоотреченія во имя общаго дѣла—это все и постигалось художниками того времени посредствомъ большихъ и малыхъ иллюстрацій на сюжеты изъ Плутарха. Тутъ еще мало заботы было о самомъ художествѣ, творчествѣ, поэзіи. Поученіе, полезные примѣры, вниманіе на практическую политическую дѣятельность, военную и гражданскую—вотъ въ чемъ состояла вся задача. Художественная сторона исполненія картинъ была очень мертва, натуга и безцвѣтна. Давить изгнать ([illegible]) фантазію и грацію, провозглашаютъ нынче сами [illegible]. Всѣ древніе и новые солдаты и генералы тогдашнихъ армій могли служить образцами фальши и ненатуральности въ каждомъ жестѣ, въ каждой позѣ.

25.

Но наступило время Наполеона I—эта несчастная пора еще менѣе благопріятной нужды въ искусствѣ. Душа и [illegible] были до того принижены забиты и исковерканы, что ни о какомъ разумѣ и мысли не было уже и рѣчи. Спросъ былъ только на работничество на стѣнное [illegible] и безсмысленныя фанфары никованія. Удивительное

быть-можетъ, всего выше,—Марата, убитаго въ ваннѣ. Тутъ была и жизненная правда, и характеристика, и красота. Вся школа Давидова и всѣ его наслѣдники тоже проявили всю настоящую свою талантливость въ портретахъ, какъ наслѣдіе превосходныхъ французскихъ портретистовъ XVIII вѣка. Конечно, присутствовали иногда, въ этихъ портретахъ, манерность и безвкусіе (сообразно съ понятіями того времени о «приличіи» и «достоинствѣ»), но эти пятна не мѣшали общему талантливому цѣлому. Прюдонъ, Жиродэ, Изабэ, Жераръ, Грё, Геренъ и другіе, навѣрное будутъ играть роль въ исторіи живописи не своими лже-античностями, не Аустерлицами, Арколями, Абукирами, Эйлау, не «Чумой въ Яффѣ»—эти картины свидѣтельствуютъ только о печальномъ затменіи ума и таланта цѣлой массы талантливыхъ французскихъ живописцевъ,—а превосходными портретами Наполеона, Жозефины, ихъ братьевъ и сестеръ, разныхъ наполеоновскихъ генераловъ, Маріи-Луизы, г-жи Сталь, Гумбольдта, красавицы Рекамье, Кановы, знаменитыхъ вандейцевъ и другихъ современниковъ. Но большинства этихъ отличныхъ художественныхъ произведеній почти никто тогда не зналъ: выставокъ международныхъ еще не было, а что и выставлялось тамъ и сямъ, имѣло всего чаще характеръ офиціальный, казенный: трубы, барабаны, ура. Портреты скрывались почти всегда въ частныхъ домахъ, сцены же и группы добряка Буальи передавали только внѣшность и костюмъ, никогда не чувство, не типъ, не выраженіе, и притомъ заражены были условностью и классицизмомъ: онѣ были вполнѣ поверхностны.

„Оливьеръ Кромвель у гроба Карла I“, Делароша.

При тогдашнемъ положеніи французскаго искусства, да заразъ и всего европейскаго, того, что рабски тащилось по его слѣдамъ, можно было думать, что отъ наполеоновскаго мрака непроглиднаго спасенія ожидать неоткуда. И однакоже, неожиданное случилось, невообразимое осуществилось. Общій врагъ былъ столкнутъ съ пьедестала, народы освободились, безумный чадъ вылетѣлъ изъ всѣхъ головъ. Искусство опять народилось.

26.

Но это искусство было иное противъ прежняго. Оно цѣликомъ забыло своихъ предшественниковъ, своихъ настоящихъ отцовъ, Готарта и Гойю, оно взялось за совершенно иныя задачи, хотя прежняя, коренная, вовсе не была еще исчерпана и ничуть не устарѣла. Оно взялось теперь, раньше всего, за національность и современность. И это—именно потому, что люди очнулись отъ прежняго бреда. Еще во второй половинѣ XVIII вѣка стала возникать мысль о народности, объ уваженіи и пониманіи всякою отдѣльною націею всѣхъ другихъ, о признаніи и изученіи характера, физіономіи и творчества каждой изъ нихъ, но около начала XIX вѣка эти великія идеи были затемнены и отодвинуты въ сторону дикимъ, неслыханнымъ насиліемъ. Всѣ народности были согнаны и скучены въ одну общую толпу, назначенную—драться другъ съ другомъ. Онѣ всѣ сами себя перезабыли. Но теперь, когда злой циклонъ улетѣлъ прочь, народы опять взглянули сами на себя, и съ удесятеренною силою страстно предались воскрешенію прежняго своего образа. Идея національности, высоко поднятая Гердеромъ и Гёте (еще юношей), воскресла и расцвѣла съ могучею силой. Воскресли и расцвѣли долго позабытые средніе вѣка, и дали искусству громадную новую палитру красокъ и громадныя новыя гаммы выразительности. Выдвинулась также на передній планъ и идея современности, о которой столько мечталъ еще XVIII вѣкъ, въ лицѣ мужественныхъ Лессинга и Дидро—для литературы, неумолимо-правдиваго Готарта, демонически-страстнаго Гойи и даже такихъ второстепенныхъ талантовъ, какъ граціозный, но слезливый и манерный Грёзъ, какъ прозаичный, но постоянно стремившійся къ натурѣ Шарденъ—для живописи.

Однакоже движеніе впередъ совершалось не быстро, не торопливо, не стремительно, а все лишь медленными шагами, и не безъ ошибокъ и заблужденій. Но что пріобрѣталось вновь, пріобрѣталось твердо и прочно, и возврата къ прежнему уже нигдѣ не было.

27.

Французы обыкновенно считаютъ теперь у себя реформаторомъ и починателемъ новаго періода въ живописи художника Жерико. Я думаю, что это невѣрно. Жерико, мнѣ кажется, можно признать починателемъ чего-то новаго разве лишь въ самомъ ограниченномъ объемѣ. Онъ родился, безъ сомнѣнія, со многими замѣчательными качествами въ своей натурѣ, но въ нихъ еще реформаторскаго нѣтъ почти ровно ничего. Главныя черты его художественной физіономіи были страстная любовь къ лошадямъ и изображенію ихъ, потомъ стремленіе представлять въ картинахъ своихъ какую-нибудь (все равно какую) экзальтацію, стремительность, крайнюю энергію, возбужденность. Далѣе этого онъ никуда не пошелъ.

потому что его натура ничего другого не требовала и ни къ чему другому не была способна.

Если кто можетъ считаться единственно революціонеромъ искусства во Франціи, какъ это Делакруа. Этого художника уже нельзя сравнивать съ Жерико по дѣятельности, но результатамъ и по вліянію. Натура у этого человѣка была въ сто разъ глубже, шире и гибче. На немъ надо остановиться съ особеннымъ вниманіемъ, хотя бы даже по одному тому, какъ и чѣмъ французы (почти всѣ), нѣмцы (многіе) считаютъ иначе своего Делакруа.

Еще недавно, по поводу всемірной парижской выставки 1900 года, въ Mercure de France писали: Сквозь всѣ вѣка, великаны человѣчества передаютъ другъ другу свѣточъ: они, одинъ за другимъ, освѣщаютъ навсегда колеблющійся всходъ толпы, они вливаютъ на нее любовь, радость, жизнь — Делакруа одинъ изъ такихъ великановъ... Подобное же повторяютъ десятки и сотни людей давно.

Но съ этимъ слишкомъ трудно теперь согласиться. Делакруа былъ, конечно, во многихъ отношеніяхъ, художникъ замѣчательный, заслуживающій уваженія и вниманія, но выразителемъ лучшихъ и высшихъ стремленій, къ какимъ только былъ способенъ его вѣкъ, онъ никогда не былъ, да и не могъ быть, по своей натурѣ. Простительно, и даже хорошо было увлекаться имъ въ такой громадной мѣрѣ его ближайшимъ современникамъ, свидѣтелямъ той смѣлости, той энергіи, съ которою онъ вдругъ устремился на цѣлую массу разнообразныхъ задачъ, прежде никогда не тронутыхъ его полусонными предшественниками; восхитительно было для нихъ видѣть, какъ 30-лѣтній молодой ихъ художникъ жадно хватаетъ сюжеты и изъ Шекспира, и изъ Байрона, и изъ Вальтеръ-Скотта, и изъ Аріоста, и изъ Данта, и изъ Гёте, и изъ Виктора Гюго, и изъ Торквато Тассо, и изъ Евангелія, и изъ Библіи, и изъ событій и борьбы за свободу современной Греціи и Франціи, изъ роскошнаго, фантастическаго блещущаго красками Востока (съ которымъ онъ познакомился въ Марокко). Ахъ, какой несравненный, всеобъемлющій геній!», должны были кричать, со слезами на глазахъ и съ фанатизмомъ въ груди, юные романтики, только что затоптавшіе въ грязь вялый классицизмъ и деревянную академичность. Какъ имъ всѣмъ любо было, какъ они тріумфировали и гордо поглядывали по сторонамъ! Делакруа былъ для нихъ самый горячій бриллиантъ и самый завлекательный живописецъ. Они совершенно безумно сравнивали его съ Викторомъ Гюго, часто преувеличеннымъ, растрепаннымъ, неестественнымъ романтикомъ, но всегда глубокимъ по мысли, правдивымъ по страстному чувству, чуднымъ по мастерству. Они открывали въ немъ то, что хотѣли сами, что имъ мерещилось и что въ нихъ самихъ тогда клокотало: все что-то безмѣрное, неизсякаемое, всепоглощающее и захлестывающее, поднимающее до небесъ, словно у опьянѣлыхъ. Но вакханалія романтизма давно теперь улеглась, въ сторону, куда-то взыдъ отъ нынѣшняго міра. Тогдашней опьянѣлости нынѣшній людъ не въ состояніи уже чувствовать, развѣ что по преданію и по натяжкѣ. Нынче уже мудрено видѣть демоническія силы въ созданіяхъ Делакруа, «титаническіе» порывы и «колоссальное» карабканье на небо въ его картинахъ. Созданія его представляются теперь чѣмъ-то гораздо болѣе ординарнымъ и умѣреннымъ, чѣмъ казалось когда-то прежде. Ничего похожаго на гётевскій духъ и гётевскую характеристику и поэтичность не похожимъ мы уже теперь въ литографіяхъ Делакруа, иллюстрирующихъ Фауста Гёте, хотя самъ Гёте, въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ XIX вѣка, находилъ, по свидѣтельству Эккермана, что никто глубже Делакруа не понялъ это его сочиненіе. Не есть у Делакруа напыщенно и крикливо. Никакого [illegible] Данта не встрѣчаемъ мы также у него, а совершенно обыкновенныя фигуры, плохо нарисованныя, плохо [illegible] со всѣми академическою позою и жестомъ (что при прежнемъ натурализмѣ не приходилось никому замѣчать). Можетъ [illegible] посѣщенная, неумѣлою поворотливостью [illegible] держащая слишкомъ и цѣлой во всемъ этомъ и тѣни нѣтъ [illegible] шекспировскаго, и дантовскаго [illegible] и такъ часто приписываемаго Эжену [illegible] — [illegible] Жуанъ, [illegible] неразличимъ въ картинѣ: религіозныя изображенія «Борьба Іакова съ Ангеломъ», «Геліодоръ изъ храмъ», «Христосъ на Масличной горѣ» и «Распятіе» непростительно банальны, изображены въ стилѣ рококо; Избіеніе грековъ на островѣ Сіо турками» — сцена, особенно прославленная въ свое время — ничто иное, какъ очень искусственная и ненатуральная картина, во вкусѣ нашего Брюлова (его предшественникомъ), гдѣ на первомъ планѣ совершенными куклами и манекенами, въ притворномъ горѣ сидятъ и лежатъ нѣсколько наряженныхъ греками натурщиковъ и натурщицъ, а какой-то еще натурщикъ, наряженный туркомъ, тутъ-же совершенно спокойно и удобно, какъ въ манежѣ, гарцуетъ въ уголкѣ на конѣ, и это-то и есть будто-бы кровавая, страшная свалка двухъ народовъ: его «Греція, издыхающая въ Миссолонгѣ» — невыносимо сухая аллегорія совершенно академическаго склада старыхъ временъ; его картина изъ жизни современной Франціи, Баррикада (1831), не представляетъ ни единой самомалѣйшей жизненной черты натуры и современности — все здѣсь фантазія, выдумка или аллегорія (а такое-то отчужденіе отъ жизни и правды Мутеръ ставитъ ему въ заслугу!); его «Аполлонъ, поражающій змѣя Пиѳона» — сорокъ-седьмая вода на киселѣ по части подражаній беззаботному, дышавшему жизнью чудному сплачу Рубенсу; его Въѣздъ крестоносцевъ въ Константинополь — самая ординарная, ничего не значащая картинка изъ иллюстраціи, представляющая пару людей въ латахъ передъ академическимъ старикомъ-натурщикомъ и двумя-тремя банальными, ничтожными фигурами, будто-бы изображающими населеніе Константинополя, все это безъ малѣйшаго характера, безъ типовъ, безъ малѣйшей натуры — и это послѣднее («безъ натуры») ничуть не покажется удивительнымъ, когда вспомнишь, что (по разсказу даже упорнѣйшихъ панегиристовъ Делакруа) онъ почти всѣ свои картины писалъ безъ натуры, безъ модели, просто такъ, на память, какъ вздумается (особенно у него всегда плохи, безвкусны и неумѣлы бывали позы и драпировки), потому что слишкомъ занятъ былъ собственнымъ сочинительствомъ и ловленьемъ того, что у него было въ головѣ и представленіи.

Но у этого самаго Делакруа есть одна сторона, гдѣ онъ выказался и значительнымъ, и крупнымъ художникомъ, и наиважнѣйшимъ революціонеромъ и починателемъ. Это сторона колорита и красокъ. Въ этомъ онъ былъ истинно одаренъ, и богато одаренъ, въ этомъ состояло главное его призваніе, и въ этомъ отношеніи онъ принесъ великіе дары, не только своей родинѣ, Франціи, но и всей Европѣ, всему міру. Онъ явился на сцену художества съ великимъ чувствомъ правдиваго, истиннаго, жизненнаго, поэтичнаго и блестящаго колорита. Онъ воспиталъ это свое врожденное здоровое чувство на превосходныхъ, правдивыхъ созданіяхъ старыхъ и новыхъ англичанъ, Рейнольдса, Гейнсборо, Констэбля, и даже Лоренса, и еще того болѣе, на чудныхъ, въ этомъ же самомъ отношеніи, и великихъ картинахъ фламандца Рубенса и венеціанца Паоло Веронезе. Онъ воскресилъ ту плѣнительную колоритную внѣшность, то чувство горячаго свѣта и дышащей жизни, которыя совсѣмъ забыли и затоптали въ грязь, въ своихъ картинахъ, художники предыдущаго періода, свирѣпые поклонники лже-классицизма и перенесенія гипсовыхъ скульптуръ въ изображеніе жизни. Это воскрешеніе колорита въ европейской жизни — великая реформаторская заслуга Делакруа.

Но мнѣ кажется, ничто не можетъ быть удивительнѣе того факта, какъ у французовъ укладываются въ головѣ и понятія, и вкусы самые противуположные. Делакруа былъ, по понятіямъ громадныхъ массъ ихъ, геній, безграничный, несоизмѣримый, представитель и водворитель правды, глубины, естественности, *натуры*. Прекрасно. Но это значитъ не мѣшаетъ у нихъ тому, чтобъ рядомъ признавать геніальными, и великими, и апостолами правды художниковъ самыхъ противуположныхъ правдѣ, натурѣ, естественности. И все это единственно оттого, что у французовъ безпрѣдѣльно живучи однажды принятые авторитеты и предразсудки. Лишь очень поздно и послѣ безконечнаго числа ошибокъ и боевъ эти авторитеты способны сходить со сцены. Такъ, напримѣръ, даже и до настоящей минуты цѣлыя

голны людей вѣруютъ во Франціи въ Энгра. Ораса Вернэ, Фландрена и разныхъ другихъ подобныхъ же художниковъ. Казалось бы, должны непремѣнно исключать одинъ другого: Орасъ Вернэ, полный лженатріотизма, фанфаронства и хвастливости, изображающій французскаго солдата верхомъ совершенства и добродѣтели, а войну—какой-то милой, галантерейной, изящной забавой, этотъ Орасъ Вернэ со своими казарменно-разухабистыми картинами, прозаикъ и сухарь—и Делакруа, всю жизнь серьезно, искренно и идеально относившійся къ своему художественному дѣлу. Но этого не случилось. Французы (а за ними едва ли и не вся Европа) считали Ораса Вернэ одинмъ изъ высочайшихъ художниковъ въ мірѣ, говорили, что у него «такое постиженіе жизни и движенія, которое можетъ считаться истиннымъ чудомъ», что онъ, въ разныхъ частяхъ искусства, уступаетъ то Грё, то Жерару, то Энгру, то Жерико, то Шарлэ, и т. д., но въ общемъ превосходитъ ихъ всѣхъ, и приходится какъ разъ по среднему темпераменту и потребности Франціи, пишетъ чисто-по французски, оттого и торжествуетъ. Онъ сдѣлалъ 500 рисунковъ для иллюстрированія дѣяній Наполеона I, а, восхитившись Алжиромъ, его нравами и жителями, онъ перерядилъ всю Библію и Евангеліе въ сцены бедуинской жизни. Слѣдствіемъ всего этого было то, что въ Версальскомъ музеѣ были отведены чуть не цѣлыя версты на помѣщеніе его картинъ изъ французскихъ походовъ (Смала, Константина, Жеманнъ), отпущены были многія сотни тысячъ за его солдатскіе головорѣзные, и его-же легкомысленные маскарады изъ священной исторіи, и, наконецъ, онъ назначенъ былъ директоромъ французской академіи въ Римѣ! Кто меньше его былъ годенъ на то, чтобы учить другихъ искусству! Но французы-современники словно изо всѣхъ силъ старались оправдать слова Делакруа, сказавшаго однажды: «У французовъ никогда не бывало вкуса ни къ музыкѣ, ни къ живописи. Они только и любятъ, что живопись жеманную или кокетливую ... У Ораса Вернэ было все полно кокетливой залихватскости—и это нравилось.

Другая кокетливость, но смѣшанная съ жеманствомъ, была у Фландрена. Онъ написалъ (въ церквахъ St.-Vincent-de-Paul и St.-Germain-des-Près) цѣлые полки изящныхъ святыхъ, мистическихъ мучениковъ и мученицъ, блаженныхъ и ангеловъ, въ подражаніе старымъ итальянцамъ, новымъ нѣмцамъ-ханжамъ, и новѣйшимъ французскимъ умильнымъ лореткамъ, и онъ тогда былъ признанъ—съ превеликимъ восторгомъ высокимъ выразителемъ современной религіозности и изящной святости, опять-таки въ одно и то же время, и рядомъ съ Делакруа. Даже мало того: его «процессіи» прославленный у французовъ Теофиль Готье называлъ современными Панатенеями», т. е. чѣмъ то равнымъ знаменитому сквозь всѣ вѣка Фризу Парѳенона. Чему тутъ удивляться, коль скоро даже такой живописецъ людей-куколъ, въ картинныхъ костюмахъ римскихъ и неаполитанскихъ крестьянъ, какъ Леопольдъ Роберъ, тоже очень долго считался истиннымъ талантомъ и изобразителемъ «народа»,—коль скоро даже такое ничтожество, такой жалкій и сентиментальный маньеристъ, какъ Анри Шефферъ (презираемый Эженомъ Делакруа и ненавистный для него) долго носилъ у французовъ имя «живописца душъ»!

И всѣ эти паденія, всѣ эти забвенія со стороны послѣдующихъ поколѣній законны и справедливы. Одинъ только фактъ является совершеннымъ беззаконіемъ и высшею несправедливостію. Это отношеніе новыхъ французовъ къ Полю Делаброшу. Вначалѣ этотъ художникъ былъ безмѣрно прославленъ, и признанъ геніемъ новыхъ временъ, его имя гремѣло на всю Европу, но съ середины XIX вѣка его слава потерпѣла крушеніе. Его нынче, можно сказать, вовсе не хотятъ больше знать. Онъ признанъ живописцемъ «мелодраматическимъ», съ настроеніемъ и картинами «мѣщанскими», буржуазными. Онъ сталъ казаться слишкомъ правильнымъ, ограниченнымъ, холодно-разсчетливымъ, равнодушнымъ, и только нищимъ эффектовъ. Между тѣмъ Делаброшъ, при всѣхъ немалочисленныхъ недостаткахъ своихъ, посредственномъ колоритѣ, почти всегдашнемъ отсутствіи «страстности» и «горячности», наконецъ, не смотря на приисанность и прибранность многихъ линій, фигуръ, цѣлыхъ сценъ въ своихъ картинахъ, обладалъ такимъ качествомъ, котораго не было у другихъ его товарищей: это—историческимъ духомъ въ картинѣ, историческимъ постиженіемъ событій и людей, выводимыхъ имъ на сцену. Выборъ сюжета, характеристика времени, психологическое выраженіе, впечатлѣніе мѣстности, внѣшняго антуража, такъ вѣрны и мѣтки въ лучшихъ его созданіяхъ, такъ глубоко реальны и правдивы у него, что не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ капризами и выдумками Делакруа. Сличите полныя банальностей, хотя очень колоритно написанныя аллегорическія громадныя фрески этого послѣдняго въ Люксембургѣ и Бурбонскомъ дворцѣ, и ихъ часто совершенно плохой рисунокъ, его Аполлоновъ съ Пиѳонами, его Геліодоровъ рококо съ полнымъ исторіи и характеристики Hémicycle'емъ Делароша съ этой исторіей живописи въ лицахъ (который осужденъ самымъ комическимъ маперомъ у Мутера, и у французовъ, которыхъ онъ повторяетъ, во имя того, что тутъ нѣтъ «праздничнаго», торжественнаго впечатлѣнія, или еще за то, что портреты здѣсь—«хорошо изучены, но ничего не выражаютъ»); сличите его глубоко-вѣрно представленнаго Кромвеля и другія крупныя вещи, а затѣмъ, многія крупныя по мысли, по творчеству и иногда даже по выполненію созданія товарищей, учениковъ и послѣдователей Делароша, особливо всего болѣе Жанъ-Поля Лоранса и вы увидите, какая разница между настоящимъ, серьезнымъ, историческимъ, посвященнымъ живой дѣйствительности искусствомъ съ безалаберными выдумками и воздушными идеальностями ихъ антагониста.

Между созданіями Лоранса, всего чаще посвященными трагическимъ, мрачнымъ сюжетамъ изъ среднихъ вѣковъ и XV, XVI столѣтій, съ ихъ монахами, королями, инквизиціями, допросами, проклятіями, застѣнками и пытками, особливо великую роль играютъ его чудесныя иллюстраціи къ исторіи Меровинговъ: изъ новыхъ временъ, глубокою историчностью и характеристикою наполнены его картины изъ времени конца XVIII вѣка: «Убитый генералъ Марсо» и Дѣвочка Боншанъ передъ революціоннымъ трибуналомъ» Эта послѣдняя сцена дышитъ вмѣстѣ и грандіозною наивностью, и грозной трагичностью.

Въ началѣ 80-хъ годовъ появилась картина Рошгросса: Андромаха, объщавшая въ ея авторѣ значительнаго и истиннаго историческаго живописца, такъ оригинально, вѣрно и ново взята была имъ правдивая нота древней, гомеровской Греціи, изящной и прекрасной, но еще дикой и варварской, словно полной захолустныхъ народовъ изъ глубины Африки: и въ самой троянкѣ Андромахѣ, вопящей въ отчаяніи, при видѣ того, какъ свирѣпые дикари хотятъ размозжить о камни голову ея крошечнаго сына, Астіанакса, и въ страшныхъ вооруженныхъ дикаряхъ, грекахъ, вокругъ нея, ничего уже нѣтъ изъ того условнаго и выдуманнаго, что прежде бывало представляемо въ картинахъ на древне-греческіе сюжеты—нынче у Рошгросса была выставлена только неумѣстная историческая грозная правда. Но истинность представленія проявилась у Рошгросса въ одной единственно этой только картинѣ (1883); все, что онъ писалъ потомъ, сцена изъ временъ крестьянскихъ войнъ, Жакеріи» (1885), «Навуходоносоръ (1886), «Саломея передъ Иродомъ (1887), Гибель Вавилона» (1891), Разграбленіе римской виллы гуннами» (1893), «Убійство императора Геты» (1899)—опять постаринному напыщенно, лживо, фальшиво. Наконецъ, Рошгроссъ дошелъ до такой пошлой академичности и аллегоріи стариннаго покроя, какъ Погоня за счастьемъ, пирамида изъ людей и «Нѣчіе музъ пробуждаетъ душу человѣческую (1898). Тутъ отъ прежняго Рошгросса не осталось уже и дребезговъ.

Наконецъ, я упомяну здѣсь, въ числѣ историческихъ живописцевъ, также еще двухъ: Мейсонье и Невилля. Я очень хорошо знаю, что ихъ обыкновенно относятъ къ отдѣлу «военныхъ живописцевъ, баталистовъ. Но я такого дѣленія и подраздѣленія не признаю; я его считаю совершенно ложнымъ и напраснымъ. Не считаютъ же Джулио-Романо, Микель-Анджело, Леонардо-да-Винчи или Рубенса баталистами, военными живописцами, оттого, что у нихъ бывали изображенія сраженій. Такъ и въ новое время такихъ живописцевъ совершенно справедливо и разумно считаютъ «историческими», и ихъ картины тоже историческими». Оба худож-

ника писали свои сцены изъ военнаго времени съ такою преданностью, съ такимъ увлеченіемъ, съ такою любовью и исканіемъ правды, съ такою современностью, которыя не имѣютъ ничего общаго съ холодомъ, мертвенностью, сушью и формалистикой настоящихъ «баталистовъ», такихъ напримѣръ, какъ Орасъ Верне, Детайль и другіе. Въ свои военныя картины (хотя бы даже и прославляющія съ восторгомъ и упоеніемъ двухъ зловредныхъ Наполеоновъ, I-го и III-го) Мейсонье внесъ ту самую истинность сцены, характеровъ и безконечныхъ подробностей обстановки, которыми отличались, раньше того, въ теченіе 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годовъ, его мастерскія фигурки XVII и XVIII вѣка, въ стилѣ и манерѣ старыхъ голландцевъ, а Невилль съ большимъ талантомъ возсоздалъ все то здоровое чувство жизни, ту правду и реализмъ, которыми дышала Франція времени великаго трагическаго 1870 года. И потому картины этихъ двухъ живописцевъ занимаютъ очень значительную страницу въ исторіи французской живописи второй половины XIX вѣка. Ихъ многочисленные подражатели только повторяли, въ разжиженномъ видѣ, ихъ бодрую и самостоятельную ноту. Нельзя, однако же, не обратить вниманія на ту странность, что Мейсонье никогда не написалъ ни одну женщину во всѣхъ своихъ картинахъ.

„Наполеонъ", Мейсонье.

Наконецъ, къ періоду романтизма, историчности то ложной, то истинной, эллеторіи и начинающагося реализма, относятся еще трое французскихъ художниковъ, представляющихъ собою фигуры довольно характеристичныя. Это Гюставъ Дорэ, Бида и Гиссо. Это были люди вполнѣ разнородные, противуположные другъ другу въ своихъ вкусахъ и стремленіяхъ, и однако же въ своемъ вполнѣ сходившіеся. Всѣ они были рисовальщики-иллюстраторы, обращавшіеся въ своемъ безпокойномъ творчествѣ къ множеству задачъ, но главнымъ образомъ къ Ветхому Завѣту и Евангелію. Ни для того, ни для другого у нихъ не было ни малѣйшаго пониманія, симпатіи и настроенія, и потому безчисленныя иллюстраціи ихъ на эти сюжеты, не взирая на всю ихъ мощь и славу, не заключаютъ въ себѣ ничего истиннаго, прочнаго, убѣдительнаго и нужнаго для зрителя. Фантастическое воображеніе, внушительная способность, иногда даже [illegible] живописность пейзажей, служащихъ фонами для библейскихъ иллюстрацій Дорэ, свидѣтельствуютъ только о богатомъ и легкомъ воображеніи этого художника: главныя же дѣйствующія лица этихъ сценъ всегда отличаются академичностью и отсутствіемъ психологіи, чего не можетъ, конечно, скрыть никакая живописность и даже вѣрность древнихъ оріентальныхъ костюмовъ; вся архитектура здѣсь—выдуманная и небывалая; «сверхъестественныя явленія»—банальны. У Бида много изученія Востока со стороны этнографіи, типовъ, пейзажей, не мало живописности и реализма въ подробностяхъ, но почти полное отсутствіе творчества. Тиссо, долгое время посвящавшій себя изображенію современной «англичанки» и современной «англійской жизни», вдругъ перешелъ къ иллюстраціямъ Евангелія. Онъ провелъ много лѣтъ въ Палестинѣ и вообще на Востокѣ, изучая все еврейское, арабское и коптское, что только до сихъ поръ есть на лицо, и пріобрѣлъ по этой части громадные свѣдѣнія и матеріалы, но въ своихъ иллюстраціяхъ къ Евангелію представилъ только много интересныхъ и любопытныхъ деталей, вмѣстѣ съ доказательствомъ полной неспособности представлять Христа, апостоловъ, ангеловъ, все религіозное и религіозно-историческое. Иллюстраціи Дорэ къ Данту страдаютъ тѣми же недостатками, что его Библейскія; иллюстраціи къ Донъ-Кихоту,— не передаютъ ни героя геніальнаго романа, ни древней Испаніи XVII вѣка.

27.

Эпоха Делакруа и Делароша процвѣтала, главнымъ образомъ, въ теченіе 30-хъ и 40-хъ годовъ. Она почти постоянно, и всего болѣе, всего чаще занималась *прошедшимъ*, и именно *прошедшимъ* среднихъ вѣковъ и ближайшихъ ихъ послѣдователей, XV, XVI и XVII столѣтій. Но съ середины и конца 40-хъ годовъ началось новое движеніе, которое уже мало и рѣдко интересовалось старымъ временемъ, и посвятило всѣ свои силы и таланты изображенію *настоящаго времени* и *дѣйствительности*. Тотъ періодъ прозвали (довольно произвольно, безрезонно и несправедливо) «романтическимъ», а этотъ (совершенно справедливо и вѣрно) «реалистическимъ». Вся новая наука, все новое умственное настроеніе Европы было «реалистично», желало стоять на прочной, гранитной, несокрушимой почвѣ дѣйствительности, опыта, всего увидѣннаго собственными глазами, всего услышаннаго собственными ушами. Искусство, по крайней мѣрѣ сильнѣйшее его проявленіе — живопись, точно также увлеклось этою задачею, и пошло по новой дорогѣ.

И эта новая дорога стала существенною потребностью, какъ для изображенія природы и ея жизни, такъ и для изображенія человѣка и его жизни. Появился новый современный пейзажъ, новый современный портретъ, новая картина современной жизни.

Во всѣхъ этихъ сферахъ постоянно повторялся одинъ и тотъ же фактъ: первую ноту бралъ, первый тонъ задавалъ— англійскій художникъ; вторую, третью, сотую французскій. (Почти тоже самое было, еще раньше, постоянно въ наукѣ, вообще въ исторіи, философіи, естествознаніи и т. д.). Кто, въ XIX столѣтіи, раньше всѣхъ почувствовалъ потребность представлять природу въ ея *настоящемъ* видѣ, физіономіи, линіяхъ, краскахъ, впечатлѣніяхъ? Англичане Кромъ, Констэбль и ихъ доблестные товарищи. Англичанамъ, еще въ XVII и XVIII вѣкѣ стали тошны прилизанные, вылощенные, фальшивые, искусственные сады старыхъ итальянцевъ и Людовика XIV, они посмотрѣли на нихъ съ презрѣніемъ и состроили новые, свои, англійскіе сады, гдѣ соблюдалась и чествовалась вся неправильность, вся неприготовленность, вся случайность дѣйствительной природы. Эти самые элементы правды понадобились, скоро потомъ, англичанамъ-художникамъ тоже и въ ихъ пейзажахъ. Констэбль говорилъ: «Я никогда не встрѣчалъ въ природѣ тѣхъ сценъ, которыя вдохновляли пейзажи англичанина Вильсона и француза Клодъ-Лоррена. Я рожденъ на то, чтобъ писать мое собственное отечество, мою дорогую Англію...» Сначала онъ подражалъ манерѣ другихъ мастеровъ, а тутъ принялся за свою собственную, и не хотѣлъ никого и ничего слушаться, кромѣ внушеній собственнаго чувства. Даровитые французы 20-хъ годовъ, Жерико, Делакруа и другіе, такъ были поражены и плѣнены этою новостью въ искусствѣ, съ которою познакомились сначала на англійской выставкѣ въ Парижѣ 1824 г., а потомъ и въ Лондонѣ, что стали повторять ее у себя дома, въ своихъ эскизахъ и картинахъ, а потомъ понемногу начали примѣнять англійскую правду къ такимъ созданіямъ, которыя были вовсе не пейзажи. Делакруа самъ любилъ разсказывать о томъ, какъ онъ написалъ свою знаменитую картину «Избіеніе на островѣ Сціо», прямо подъ впечатлѣніемъ пейзажей Констэбля и другихъ англійскихъ картинъ.

«Смерть Елеазара», Дорэ.

Къ 30-мъ годамъ подросло во Франціи новое поколѣніе пейзажистовъ, которое дышало уже совершенно новымъ воздухомъ и шло въ новую свою собственную дорогу. Эти люди вначалѣ не сознавали хорошенько всей ширины своей задачи, такъ что старѣйшій между ними по годамъ, Коро (родившійся еще въ концѣ XVIII столѣтія, въ 1796 году) вначалѣ все писалъ классическія вещи, въ классическихъ формахъ, виды Колизея, Парнаса, римской Кампаньи, «берега Адріатическаго моря», «Агарь въ пустынѣ», «Діану въ купаньѣ», «Силенъ въ лѣсу» и т. д. Онъ сталъ переходить къ настоящему выраженію самого себя и своей реалистической натуры только уже въ 30-лѣтнемъ своемъ возрастѣ, набравшись храбрости и увѣренности отъ Теодора Руссо и отъ Дюпре, болѣ смѣлыхъ, болѣе самостоятельныхъ по характеру, болѣе увѣренныхъ въ себѣ, въ своихъ задачахъ и въ своемъ дѣлѣ. Руссо (родившійся въ 1812 году), еще 20-лѣтнимъ юношей принялся писать смѣло, дерзко, но, можно сказать, безсознательно, природу такъ, какъ ее видѣлъ и любилъ. Дюпре

сформировался въ 1811 году, тогда еще 20-лѣтнимъ юношей принялся дѣлать то-же самое, по своему: ихъ обоихъ жюри старыхъ французскихъ академистовъ долго не хотѣло признавать, и упорно, аккуратно, всякій годъ, тщательно не пускало на выставку. Но они, хотя и круглые бѣдняки и полнѣйшіе неудачники, не слушались, ничего знать не хотѣли, и продолжали свое. Они, какъ англичане Кромъ и Констэбль, хотѣли писать пейзажи своей родины — Франціи. И тутъ то къ нимъ примкнулъ Коро, и точно также, какъ они, пустился въ новую дорогу. Мало по малу присоединились къ этому маленькому заводу еще другіе, молодые художники, и образовалась—новая школа французскихъ пейзажистовъ-реалистовъ, тѣхъ, что не выдумывали, не «сочиняли» болѣе пейзажей, а писали съ натуры, ничего не аррангжировали, ничего не украшали и не поглаживали, а передавали истинныя формы природы, природы отечественной, французской, а вмѣстѣ истинныя свои собственныя душевныя впечатлѣнія. Ихъ назвали «барбизонцами», потому что почти всѣ они провели много часовъ, дней и годовъ своей жизни въ деревушкѣ Барбизонъ, около Фонтенебло, въ его великолѣпномъ лѣсу, наблюдая и изучая природу, и простирая иногда свои экскурсіи также и въ другія живописнѣйшія мѣстности сѣверной и средней Франціи. Къ началу 40-хъ годовъ они пересилили и критиковъ, и академиковъ, переломили и публику, и сдѣлались всесильною знаменитостью. Ихъ знамя было такое: правда, полная правда, и лишь дѣйствительно видѣнное, ничего выдуманнаго, ничего сочиненнаго. (Измѣны правдѣ были у нихъ рѣзче, чѣмъ у Коро). При этомъ, у каждаго изъ нихъ свой собственный характеръ. Главными почитателями были Руссо и Коро, предшественниковъ ихъ. Руссо, былъ истинно [illegible] натурой, [illegible] вовсе не знавшій и не [illegible] картины Констэбля, но его упрекаютъ въ [illegible] искусственности, театральности и приготовленности [illegible] исполненія. Самая знаменитая его картина [illegible] времени — Наводненіе въ Сенъ-Бу [illegible] Но самымъ [illegible] и между этими [illegible] Руссо не былъ самостоятеленъ и [illegible] хорошо и неуклонно [illegible] свои законы. Коро былъ могучъ [illegible] своими формами. Порывы [illegible] были у него къ [illegible] драматическому, и поразительному, и онъ чаще всего любилъ останавливаться на прелестныхъ сценахъ живописной дороги, живописной песчаной лощины (пустыни) въ Пикардіи, красиваго стоячаго болота въ Солоньи, на возвращающемся мирномъ стадѣ, на милой овчаркѣ, чѣмъ на чемъ-то величавомъ, могучемъ и сильномъ. Коро былъ тоже художникъ замѣчательный, много чудеснаго сдѣлавшій на своемъ вѣку. Правду говаривали про него даже тѣ, которые, какъ Шамиль, признавали, что онъ произнесъ ноту совершенно единственную въ исторіи искусства. Онъ всегда особенно любилъ (какъ нашъ впослѣдствіи Левитанъ) изображеніе вечернихъ сумерекъ и утренней зари и денницы, все, что мягко и нѣжно, что деликатно и колоритно - привлекательно, что по женски поэтично, но развѣ это худо, развѣ это маловажно? У Коро изобрѣтательности было очень мало, у него не было энергіи, рѣшительности, и оттого-то онъ долго самъ себя не сознавалъ и не рѣшался прямо пойти въ пейзажисты, а писалъ «Силеновъ», «Діанъ», «Бѣгство въ Египетъ», «Агарей», «Крещеніе», какихъ-то «Демокритовъ», наконецъ перспективы соборовъ и множество другихъ вовсе негодныхъ для него задачъ;

„Вечеръ", Руссо.

впослѣдствіи, ставъ на свои собственныя ноги, онъ никогда не отличался богатствомъ и неожиданностью сюжетовъ: у него темами почти постоянно служили однѣ и тѣ же темы, только онъ безконечно варіировалъ ихъ и наполнялъ все новыми и новыми завлекательными художественными подробностями. Онъ взялъ ноту совершенно единственную въ исторіи искусства,

говоритъ про него Шамиль, но къ этому всему надо прибавить, что въ противоположность Теодору Руссо, Коро многое изъ видѣннаго въ данномъ пейзажѣ не додѣлывалъ, иногда многое выпускалъ, ради красоты, вовсе вонъ, а это въ наше время непростительно. Товарищи, друзья, современники почитателя Руссо, сверкающій Діазъ, мягкій Добиньи, Гройонъ, Милле, Курбе и др., были также высоко талантливые пейзажисты и много способствовали осуществленію правды и реализма во французскомъ пейзажѣ (послѣдніе двое, впрочемъ, еще важнѣе въ изображеніи жизни французскаго простонародья — почему о нихъ рѣчь еще впереди).

Но при всемъ глубокомъ уваженіи къ тремъ этимъ талантливымъ людей, а также ихъ послѣдователей въ остальной Европѣ, въ настоящее время, стоитъ на очереди вотъ какой новый вопросъ. Долженъ ли и можетъ ли пейзажъ и въ послѣдующемъ времени идти по прежней, расширенной и прославленной ими, дорогѣ? Не слѣдуетъ ли ожидать для него

какой-то другой будущности, совершенно отличной отъ нынѣшняго его положенія? Я думаю, что да, нужно.

Во всѣхъ исторіяхъ искусства заявленъ тотъ фактъ, что въ XVII столѣтіи совершилось главное развитіе пейзажной живописи, и состояло оно въ томъ, что пейзажъ получилъ полную самостоятельность, отдѣльное бытіе, внѣ связи съ историческою, религіозною или жанровою живописью, и что именно въ этомъ заключается одна изъ главнѣйшихъ славъ новѣйшихъ періодовъ живописи.

Этотъ фактъ и это соображеніе приняты повсюду за аксіому. Но справедлива ли она, эта аксіома, и должна ли она считаться для насъ закономъ?

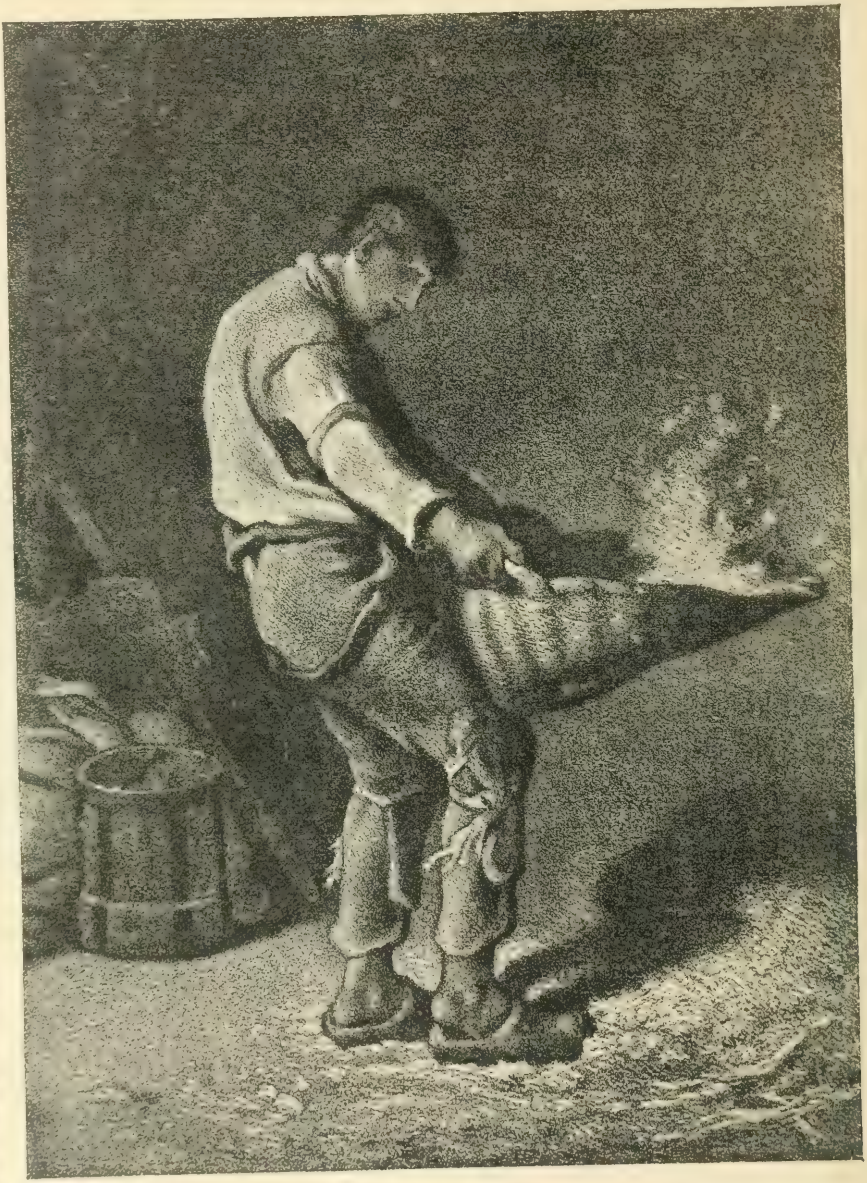
Совершенно несомнѣнно то, что въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій пейзажъ получилъ въ Европѣ точь въ точь такое же самостоятельное значеніе, какъ портретъ, по что справедливо и законно для портрета, не непремѣннымъ еще образомъ справедливо и законно для пейзажа. Вполнѣ возможно и должно восхищаться, наравнѣ, и портретомъ человѣка, и портретомъ природы. Человѣкъ есть существо, одаренное не только внѣшней красотой, но еще и тѣмъ, что выше красоты: мыслью, волей, чувствомъ, ощущеніемъ, и, какъ результатъ всего этого, намѣреніемъ, дѣломъ, дѣйствіемъ, созданіемъ. Онъ способенъ налагать свою власть и мысль не только на всю природу, но и на самого себя и на своихъ товарищей по существованію. Отъ этого портретъ его дорогъ, какъ выраженіе не только его внѣшности, но и громаднаго нравственнаго и интеллектуальнаго его міра. Каково же отличіе такого портрета отъ того портрета, который выражаетъ собою только красоты и аспекты природы не свободной, связанной по рукамъ и по ногамъ, невольной, вѣчно подчиненной, не чувствующей, не думающей, безсознательной и не способной дѣйствовать! Ея красоты и нечаянныя сочетанія могутъ доставлять безъ сомнѣнія, много и разнообразнѣйшаго наслажденія человѣку, но она сама тутъ не при чемъ, она злѣсь не виновата ни душей, ни тѣломъ, она ничего этого не слышитъ и не видитъ, не чувствуетъ и не понимаетъ. Что за интересъ можетъ представлять уже не то, что спящая, но даже болѣе того, мертвая, застывшая красавица (будь она и въ самомъ дѣлѣ красавица)? Поэтому-то природа и есть только арена человѣческой жизни, театръ, подмостки, сцена, со множествомъ декорацій, иногда прелестныхъ и граціозныхъ, иногда страшныхъ и грозныхъ, иногда мирныхъ и пріязненныхъ, утѣшительныхъ и воодушевляющихъ, иногда жестокихъ, мучительныхъ и страшно пугущихъ, но все же только сцена. Представьте себѣ, сколько впечатлѣній глубокихъ, даже иной разъ ужасныхъ, устрашающихъ, можетъ произвести какая-нибудь самая невинная, обыкновенная комната, зала, церковь — ночью, во мракѣ, въ уединеніи! Богъ вѣсть какіе образы, фантазіи, безпорядочныя мечтанія и настоящія мо-

„Быки въ Нормандіи“. Розы Бонёръ.

тутъ придти человѣку въ этой комнатѣ, залѣ, церкви. Но она-то сама, эта комната, зала, церковь рѣшительно ни въ чемъ неповинна, ни единой черточкой всего своего состава этому не причастна. Во всемъ повинны и причастны тутъ только разстроенные, болѣзненно напряженные нервы зрителя, его фантазіи, его искусственные, его лживые представленія. Но придетъ утро, блеснетъ солнце (а иной разъ, раньше всякаго солнца, засвѣтится даже только свѣчка) и всѣ ужасы, фантасмагоріи, страхи и пугала яко дымъ исчезнутъ... Настоящей дѣйствительности никакой тутъ и въ поминѣ не было. Такъ точно, эта же церковь, комната, при другомъ болѣзненномъ раздраженіи зрителя, способны внести въ его душу представленія мирныя, кроткія, сладкія, восхитительныя, прелестныя и обаятельныя. — опять-таки оставаясь сами ни въ чемъ не повинными, ни въ чемъ не участвуя и ни на единую іоту не измѣняясь. Не то ли же самое происходитъ съ человѣкомъ среди картинъ природы? Ему чудятся высокія представленія о вѣчности, о „матери-природѣ“, о ея благотворительности и участіи въ нашей жизни, о душѣ, о чудныхъ дѣяніяхъ или злыхъ дѣлѣ, о всяческихъ сверхъестественныхъ обрядахъ и соблазнахъ, сцены прошлаго, бродящаго, мечты о будущемъ, сѣдомъ или

грозномъ, громадномъ, иногда безконечно обширномъ и глубокомъ.— и все-таки тутъ ничего другого нѣтъ, кромѣ — по тупому выраженію Лермонтова — «плѣнной мысли раздраженья». Сама природа ни въ чемъ тутъ не причинна и не причастна, и хладнокровно, безучастно и апатично продолжаетъ свою мертвую, ничѣмъ ненарушимую механическую жизнь. Для того, чтобы переиспытать всѣ эти галлюцинаціи, всѣ эти обманы чувства, всѣ эти фаты-морганы душевныя въ виду природы, надо принадлежать не къ простому, здоровому, естественному человѣчеству, а прежде всего къ человѣчеству дрессированному, на извѣстный фасонъ отпрепарированному искусственною цивилизаціею посредствомъ тысячи разнообразныхъ факторовъ, неизвѣстныхъ простому, естественному, не перепорченному искусственностью человѣку и народу. Красота и прелесть природы (и онѣ есть) всегда остаются доступны и дороги нашей натурѣ. Пусть бы онѣ вѣчно насъ радуютъ, восхищаютъ и счастливятъ, но да не морочатъ насъ при этомъ капризы и выдумки нашего воображенія со всѣми ихъ небылицами и фальшами, да не отравляютъ нашего чувства романтическія истерики, да не прерываютъ онѣ нашу жизнь, да не дѣлаютъ изъ насъ стоновъ больныхъ, близорукихъ рабовъ!

Нѣтъ, какое-же сравненіе возможно еще между всѣми этими декораціями—и портретомъ, изображающимъ самого человѣка и его жизнь, душу, мысль, сознаніе, складъ, физіономію, — человѣка живого, дѣйствующаго, то счастливаго, то несчастнаго, то повелѣвающаго громами и молніями, творящаго и создающаго, то ничтожнаго и глупаго, то любящаго, то ненавидящаго? Мнѣ кажется, чѣмъ дальше и дальше будетъ идти искусство, тѣмъ самостоятельнѣе, полнѣе и многообъемлющѣе будетъ выходить изъ-подъ кисти художниковъ портретъ человѣка, но зато тѣмъ менѣе самостоятеленъ будетъ становиться портретъ природы, и тѣмъ менѣе будутъ вкладывать въ него художники и зрители своихъ фантазій, выдумокъ и произвольныхъ мечтаній. По моему убѣжденію, пейзажъ долженъ, рано или поздно, воротиться къ первоначальной и истинной роли своей, — являться только сценой человѣческой жизни, постоянной спутницей, пріязненной или враждебной, его существованія. Пейзажъ долженъ перестать быть отдѣльной самостоятельной картиной. Картины пейзажей должны превратиться въ предварительные этюды, необходимые для представленія полныхъ картинъ, гдѣ человѣкъ занимаетъ *первое* мѣсто, а все остальное, что окружаетъ человѣка въ его жизни, великое и малое, полезное и вредное, прелестное и отвратительное.



„Вѣятель", Миллэ.

тельное — *второе*. Для сибаритства-же и любованья своего, дома или въ музеѣ, красотами природы, вполнѣ будетъ достаточною замѣною ея для человѣка—будущая фотографія въ краскахъ (когда она достигнетъ полнаго и великаго своего совершенства), стереоскопія, кинематографія, въ краскахъ же— и другія, несомнѣнныя въ будущемъ, подобныя же великія открытія науки будущихъ вѣковъ. Такіе благодѣтельные суррогаты воспроизведенія существующаго не требуютъ ни творчества, ни фантазіи, ни таланта художника.

Къ знаменитой барбизонской школѣ пейзажистовъ примкнула, съ середины столѣтія, замѣчательная плеяда живописцевъ, изображающихъ животныхъ (animalier). Первымъ и самымъ значительнымъ по таланту былъ Тройонъ. Вначалѣ у него въ живописи не было никакого особеннаго стремленія, но 33-хъ лѣтъ отъ роду онъ познакомился (1843) со знаменитыми барбизонцами Руссо и Дюпрэ, и тутъ у него пробудилась великая страсть къ ландшафтной живописи, въ ея новомъ значеніи. Онъ поселился въ фонтенеблосскомъ лѣсу, пробылъ тамъ 1844—1846 годы и сталъ появляться на выставкахъ съ пейзажами, обратившими на себя общее вниманіе. Но еще большій переворотъ совершилъ въ немъ путешествіе въ Голландію, въ 1848 году: онъ страстно сталъ изучать тамъ картины старыхъ голландскихъ мастеровъ, писавшихъ животныхъ (преимущественно быковъ, коровъ и овецъ) среди пейзажей. Скоро онъ сравнялся съ самыми сильными изъ нихъ числа, Поль-Поттеромъ, Кюйпомъ и приближался даже къ Рембрандту. Въ 1849 году появился въ Парижѣ, на выставкѣ, его отличная картина «Бараны», и съ тѣхъ поръ до самаго конца жизни шелъ у него рядъ замѣчательныхъ картинъ съ превосходными, всегда разнообразными и мастерскими изображеніями французскихъ быковъ и коровъ, овецъ и козъ, то цѣлыми стадами, то отдѣльными группами, среди французскихъ, преимущественно норманскихъ пейзажей. Особенно знаменитъ его картины: «Тонкская долина» (1852) и «Быки на пашнѣ» (1855).

Еще ранѣе выступила (1841) Роза Бонёръ, знаменитѣйшая до сихъ поръ изъ женщинъ-живописцъ, въ продолженіе всей жизни своей никогда не измѣнившая своей страсти къ художеству и изображенію картинъ съ животными. Главная ея спеціальность были лошади, и настоящимъ ея chef d'oeuvre'омъ считается «Конный рынокъ» (1853), не очень извѣстны и талантливы у нея еще картины: «Стриженіе овцы» (1842), «Лошади» (1843), «Быки въ Нормандіи» (1848), «Спокойствіе въ Оверни» (1855), «Шотландскіе пони» (1867). Ея рисунокъ — мастерской, колоритъ прекрасный и правдивый, но пейзажъ много уступаетъ пейзажу Тройона.

Изъ прочихъ французскихъ художниковъ этой же категоріи очень прославился также Жакъ. Вначалѣ онъ производилъ все только превосходные офорты, съ изображеніями животныхъ, но съ 33-го года своей жизни (1846) сталъ писать свои картины масляными красками. Между ними замѣчательны «Стадо овецъ» (1861) и «Стадо въ полѣ» (1888). Большею репутаціею пользовалось всегда его сочиненіе съ иллюстраціями: «Курятникъ» (1869).

Кромѣ этихъ трехъ главныхъ художниковъ, во французской школѣ отличались по этой же части и многіе другіе, но мнѣ кажется, здѣсь мнѣ должно повторить то самое, что я выше сказалъ насчетъ пейзажа: этотъ родъ живописи не можетъ также опять-таки достигнуть такой степени совершенства, какъ какъ его вообще удается

«Садовникъ-прививщикъ», Миллэ.

властворительно и художественно можетъ замѣнить будущая, высоко-развитая фотографія въ краскахъ, кинематографія (также въ будущемъ великомъ ея развитіи) и другіе техническіе способы. Творчество и художество для такихъ картинъ будутъ впослѣдствіи, вѣроятно, вовсе не нужны.

28.

Вслѣдствіе всего сказаннаго выше, мнѣ кажутся самыми главными, самыми настоящими представителями французской живописи XIX вѣка не тѣ художники, которые проблистали и прогремѣли только даровитою внѣшностью своего искусства, виртуозностью, техническимъ мастерствомъ и умѣлостью, а тѣ, у которыхъ былъ, конечно, раньше всего, талантъ и, какъ слѣдствіе его, достигнутая способность владѣть формами и средствами искусства, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ непремѣнное условіе — была здоровая мысль, потребность создавнія и широкій взглядъ на человѣка и природу, на исторію и свое время. У кого нѣтъ соединенія всѣхъ этихъ качествъ, тотъ есть только полухудожникъ, художественный дѣятель недоношенный и недозрѣлый, человѣкъ, быть можетъ и съ дарованіемъ, способный доставлять зрителю удовольствіе и нравиться, но очень еще неполный и неудовлетворительный. Онъ еще только собираетъ и заготовляетъ матеріалъ и техническую умѣлость для будущихъ творцовъ-создателей. Его произведенія—только приготовительные этюды.

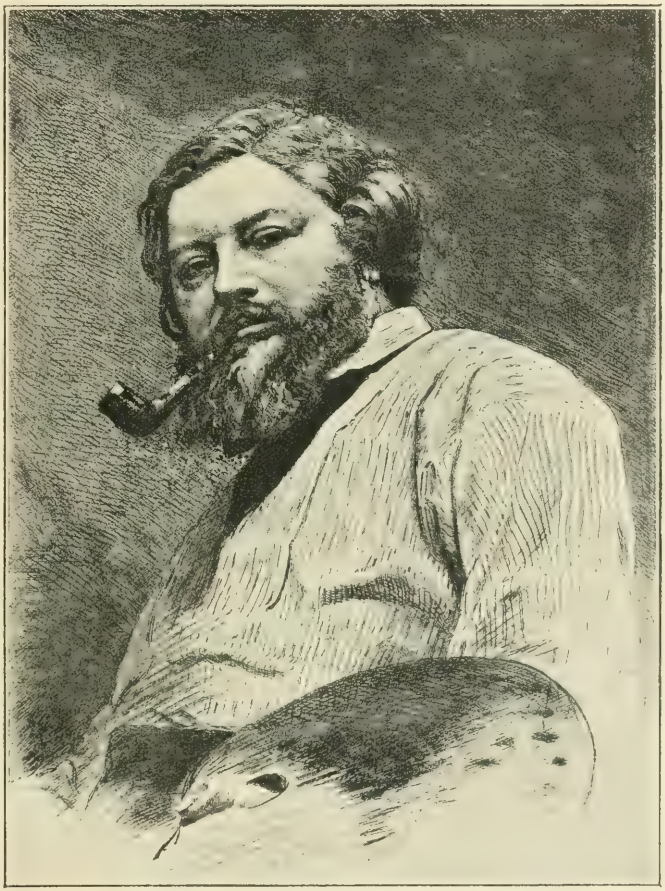
Такими настоящими художниками нашего времени, мнѣ кажутся во Франціи XIX вѣка, прежде всего: Милле, Курбэ и Реньо. Всѣ трое писали свои картины въ одно и то же время, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ нашего столѣтія, всѣ трое были, вначалѣ, съ громомъ, шумомъ и трескомъ прославлены, а потомъ потеряли значительный процентъ своего престижа и были спущены на нѣсколько ступеней ниже — и все только за открытые, впослѣдствіи, недостатки ихъ техники и поставлены въ одинъ рядъ съ художниками, которые не стоятъ ихъ мизинца. Но, замѣчательно, всѣ эти три французскіе художника не придавали техникѣ того первенствующаго значенія, какое ей придаетъ большинство любителей, критиковъ и публикъ. Они прежде всего смотрѣли на основу своего дѣла и задачи. Ихъ не «художественныя тонкости» интересовали, а выраженіе того, что они видѣли и чувствовали. Всѣ трое направляли все свое умѣнье къ «демократизаціи искусства» (по выраженію Курбэ), потому что находили предыдущее искусство слишкомъ «аристократическимъ» и исключительнымъ, а по задачамъ — слишкомъ преданнымъ вкусу и аматерству сытой толпы. И если они пошли по такой дорогѣ, то вовсе не потому, что въ этомъ были у нихъ предшественники, вѣрные путеводители — англичане жанристы первой половины XIX вѣка, посвятившіе жизнь свою изображенію низшихъ классовъ народа — этихъ англичанъ-жанристовъ не знали ни Милле, ни Курбэ, ни Реньо—но потому, что такова была уже у нихъ сама ихъ натура и настроеніе.

Милле, самъ французскій мужикъ родомъ, взялъ себѣ задачей, для картинъ, міръ крестьянина, всѣми до него либо вовсе забытый, либо идеализированный и засахаренный всякой неправдой. И онъ возстановилъ его, во всей правдѣ, въ сотняхъ картинъ и картинокъ, изображающихъ и «Сѣятеля», и «Жнецовъ», и «Вѣялки», и «Пастуховъ», и «Пастушекъ», и «Виноградъ», и «Пахаря», и «Садовника-прививщика», и поля ихъ, и деревни ихъ, и стады ихъ, и семейныя сцены ихъ въ полѣ, и внутри избы, и все это съ такою искренностью и такою непонятною истинностью, а вмѣстѣ и съ такою простотой и поэзіей, до какой до него никто не поднимался. Точно также Курбе, другой французскій мужикъ, взялъ себѣ тоже только французскій мужицкій міръ, онъ такъ въ деревнѣ, и въ поляхъ, и въ добавокъ къ тому, міръ мелкаго мѣщанства въ городѣ, среди ежедневной будничной жизни, въ его отдѣльныхъ сценахъ и въ группахъ. И вотъ, съ самаго начала 50-хъ годовъ, онъ пишетъ свои оригинальныя картины: «Каменщики» (Les casseurs de pierre) — 1851, «Деревенскія дѣвицы» — 1852, «Похороны въ Орнанѣ» — «Художественное воспитаніе Курбэ», «Возвращеніе деревенскихъ дѣвицъ съ рынка», «Парижскія грязнули на Сенѣ» — 1855; «Возвращеніе съ пастбища» — 1860 и, въ добавокъ ко всему этому, множество характерныхъ, сильныхъ, живописныхъ портретовъ: Прудона, Берліоза, а также пейзажи и лѣсныя сцены со звѣрями и животными, среди ихъ мирной, безмятежной или боевой жизни. И все это съ полною беззаботностью о красотѣ и изящныхъ формахъ, а зато со страстнымъ исканіемъ только жизненной, неподдѣльной правдивости, характерности, жизненной случайности и часто прозаичности, придавленности и порчи. Курбэ, на его вѣку, многіе уважали, но еще болѣе многіе не любили и гнали. Онъ слишкомъ сильно и рѣзко нападалъ на другихъ, старыхъ и новыхъ людей, художниковъ и не художниковъ, за ихъ понятія, за ихъ вкусы, за ихъ стремленіе къ «идеалу», для него смѣшному. И эти нападенія свои онъ высказывалъ столько же въ картинахъ, какъ въ печатныхъ статьяхъ, въ книгахъ и письмахъ своихъ. Онъ требовалъ отъ другихъ, да и самъ искалъ, одной правды и искренности въ искусствѣ, и съ такою настойчивостью, какъ рѣдко кто другой еще на свѣтѣ. Но кто же будетъ съ этимъ согласенъ, кто станетъ что-нибудь подобное прощать! Вѣдь онъ осмѣливался нападать даже на самого Рафаэля, общепризнаннаго идола, и почти на всѣхъ прежнихъ художниковъ, за ихъ формализмъ, неправду, лжеисторичность, исканіе прежде всего остального—только красоты, красоты и красоты. Онъ требовалъ отъ живописца, ранѣе всего, современности и выраженія настоящей жизни. За это съ ненавистью осуждали и его книги, и его картины. Онъ глубоко презиралъ глупое, по его мнѣнію, «искусство для искусства». Онъ казался, на глаза всѣхъ, грубымъ и дерзкимъ въ искусствѣ (это особенно повторялъ Делакруа—выдумщикъ и фантазеръ-идеалистъ). И дѣйствительно, его умъ и понятіе, его исканіе и нападеніе были сильнѣе его творчества, его картины стоятъ иногда ниже его идей и стремленій, но все-таки онъ внесъ въ новое искусство громадные новые элементы. Пробуютъ насъ увѣрить, что Курбэ нынче болѣе не современенъ: напротивъ, мнѣ кажется, что все торжество его мысли, его проповѣди—еще впереди, и нынче онѣ болѣе нужны, чѣмъ когда-нибудь. Вѣдь онъ требовалъ того, что въ искусствѣ дороже всего, что неоцѣненно и вѣчно-талантливо: высказанной правды, реализма, а реализмъ, по его словамъ, есть искусство демократическое, т. е. искусство справедливое, зрячее и чуткое, искусство, соотвѣтствующее нынѣшней душѣ, чувству, понятію всей людской массы безраздѣльно.

Можетъ-ли быть что-нибудь болѣе близоруко, чѣмъ заявленіе Мутера, будто-бы Курбэ повторяетъ для своего времени, и во Франціи то, что въ XVII вѣкѣ сдѣлалъ для своего времени — Караваджіо въ Италіи? Караваджіо имѣлъ только понятіе о натурализмѣ *формъ*, о копированіи ихъ въ дѣйствительности, и это, конечно, была великая его заслуга въ такое время, когда искусство изнывало и таяло подъ бременемъ бездушнаго, искусственнаго, притворнаго академизма. Но у Караваджіо не было никакого понятія, никакой заботы о самой жизни, о томъ, какъ существуютъ, какъ несправедливо несчастны, какъ загнаны и заброшены эти самые люди, которыхъ тѣла и внѣшность онъ прилежно изучалъ и рисовалъ. Онъ къ корню дѣла, къ существу вещей былъ совершенно равнодушенъ, слѣпъ и глухъ. Какое сравненіе съ Курбэ, котораго всего только и наполняла, что жизнь современнаго ему мужика и мѣщанина, его угнетенность и забитость, вѣчно практикуемая надъ ними несправедливость и беззаконіе, и, какъ результатъ, отупѣлость однихъ изъ числа жертвъ, глупость, испорченность и нелѣпость другихъ! Курбэ писалъ не для искусства, не для прославленія виртуозности, не для завоеванія себѣ прославленнаго имени, а для того, чтобы выразить, подобно Гогарту и Гойѣ старыхъ времень, свой душевный стонъ, скорбь и боль. Тутъ не до Караваджіо ему было, не до раздушенныхъ аматеровъ и смакующихъ цѣнителей, а до души, чувства и понятія всѣхъ зрителей, отъ низу и до верху.

Такъ точно, какой же былъ Реньо послѣдователь и наслѣдникъ Делакруа, какъ пробуетъ увѣрить тотъ-же Мутеръ? Для Делакруа не было никакого дѣла до сущности изображаемыхъ имъ сценъ и личностей. Была-бы только картина и эффектна задача, была-бы ему только возможность проблистать своими прекрасными красками, какъ павлину нарядными своимъ

разноцвѣтнымъ хвостомъ, и онъ былъ удовлетворенъ и доволенъ, ему больше ничего не надо было. Писать-ли «Геліодора съ ангеломъ, прилетѣвшимъ съ неба», или ровно ничего собою не представляющихъ (по колоритнымъ) восточныхъ гаремныхъ бабъ, сраженіе-ли грековъ за независимость, или «Аполлона со змѣемъ Питономъ» — ему было все это равно, а съ нимъ вмѣстѣ и всей расположенной имъ по Европѣ безчисленной школѣ подражателей. Развѣ что-нибудь похожее на это было въ картинахъ Реньо? Когда онъ рисовалъ маршала Прима, передъ толпой освободившагося отъ стариннаго своего ига испанскаго народа, и у нихъ у всѣхъ, у всей этой толпы, да и у ихъ маршала съ ними вмѣстѣ, душа была полна тревоги и волненія, радости и безумнаго счастья, у нихъ (и у него тоже) лобъ былъ блѣденъ и мокръ, капельки пота струились по лицу отъ совершающейся трагедіи — вотъ какіе современные моменты и чувства писалъ Реньо въ замѣну прежнихъ фантазій. Когда же онъ изображалъ марокскаго палача, — великолѣпнаго звѣря, но равнодушнаго раба, уже не способнаго размышлять, и могущаго только рубить головы, когда велятъ, и обтирать потомъ свою саблю надъ повергнутымъ трупомъ,—Реньо говорилъ своею картиною: «Смотрите сюда всѣ, вотъ что такое вашъ *поэтическій* и несравненный Востокъ, такъ фальшиво, идеально и выдуманно представленный вашими Делакруа, Деканами, Фромантенами и всякими другими! Сколько красоты и чудныхъ красокъ природы, и какое глубокое озвѣреніе! Что значатъ вѣка, проведенные въ безумномъ рабствѣ! Онъ это думалъ и высказывалъ кистью какое же сравненіе такого нынѣшняго, могучаго мыслью и кистью человѣка съ виртуозомъ Делакруа, не содержащимъ въ себѣ ни единой крупицы XIX вѣка! Этотъ послѣдній точно человѣкъ, случайно заброшенный къ намъ изъ другого какаго-то столѣтія.



«Гюставъ Курбэ», портретъ работы самого художника.

По слѣдамъ этихъ трехъ главныхъ зачинателей новаго французскаго искусства устремилась, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, цѣлая толпа талантливой молодежи, полной мысли и чувства, и принявшейся, по примѣру трехъ своихъ великихъ коноводовъ, изображать вмѣсто прежнихъ, такъ часто негодныхъ и фальшивыхъ, ни на что ненужныхъ задачъ, настоящую жизнь и участь народа, въ разныхъ его слояхъ. Это были: Бастьенъ-Лепажъ, Даньанъ-Буверъ, Лермитъ и многіе ихъ товарищи. На первомъ-же шагу своемъ, Бастьенъ-Лепажъ глубоко поразилъ всѣхъ, когда, въ 1874 году, выставилъ портретъ своего дѣда. Въ то время было во Франціи нѣсколько очень замѣчательныхъ, талантливыхъ портретистовъ и во главѣ ихъ: Каролюсъ Дюранъ и Бонна. Вначалѣ 70-хъ годовъ они писали, съ великимъ шикомъ, блескомъ и мастерствомъ, множество портретовъ, давшихъ имъ великую славу и репутацію. Таковы были, у Дюрана, портреты: знаменитаго Пастёра, французскаго пейзажиста Франсэ, норвежскаго живописца Таулоу, и множества разряженныхъ въ шелкъ и бархатъ дамъ большого свѣта. Но позже онъ сталъ писать свои портреты совершенно декоративно, и бить только на внѣшній эффектъ. Лучшіе портреты у Бонна: знаменитой актрисы и красавицы Паска, того же Пастера, что и у Дюрана, Тьера, Гуно, Пювиса-де-Шаваня, трехъ президентовъ республики: Греви, Ферри и Карно, Виктора Гюго, и особенно эффектный по широкости впечатлѣнія и колорита — кардинала Лавижери. Но кромѣ Паска, онъ большинство женщинъ представлялъ жестко и неграціозно. Оба же вмѣстѣ, и Дюранъ (съ его фламандскими), и Бонна (съ его испанскими) вліяніями почти вовсе не касались душевнаго и духовнаго міра своихъ оригиналовъ и заботились только о блестящей внѣшности ихъ. Они не въ состояніи были заставить позабыть правдивые и глубокіе, по натуральности и простотѣ, портреты Курбэ и его товарищей реалистовъ. Когда-же теперь, съ середины 70-хъ годовъ пошли такіе чудные, дышащіе жизнью, полные характеристики, психологіи, но вмѣстѣ и красоты, портреты Бастьена-Лепажа, каковы «Мой дѣдъ (1874), «Мои родители», «Мой братъ», г. Тэріэ и г-жа Друэ (1878), Сара Бернаръ (1879) то на сторонѣ тѣхъ двухъ остались уже только великосвѣтскіе, мало заботящіеся объ искусствѣ модники и модницы, а вся молодежь художественная, всѣ люди, понимающіе искусство, быстро перешли на сторону новаго художника и его новаго направленія.

А новое направленіе это простиралось не на одинъ портретъ, а на всѣ предпринимаемыя картины. Это было продолженіе того, что дѣлали и къ чему стремились Милле, Курбэ съ середины XIX вѣка, а за сто лѣтъ раньше Гогартъ и послѣ него Гойя. У новыхъ французовъ не было той злости, могучей и дикой сатиры, которою дышали въ двое англичанинъ и испанецъ, но и у тѣхъ, и у другихъ была та глубокая нота современной правды и жизни, которой не было такъ давно на сценѣ въ Европѣ, и отъ этого-то такъ фатоцѣлны и близки сердцу сознанія молодыхъ французовъ 70-хъ и

80-хъ годовъ. Всякая забота объ идеалѣ (фальшивомъ и выдуманномъ), о достоинствѣ (ни на что не годномъ), о красотѣ (условно понятой и принятой) все это оставлено у нихъ въ сторонѣ, забыто и иногда даже презираемо: они выражали простоту и иногда низменности міра, но уже не съ тою красивою сладостью стараго времени, съ какою напримѣръ Мурильо представлялъ чудесно-чувственно, но пріукрашенно и потому мало правдиво, «грубаго» испанца-мальчишку, ищущаго у себя на груди блохъ, — нѣтъ, а со всею тою правдивостью и неподкупностью романистовъ и драматурговъ новаго времени, которой не знали прежнія эпохи.

Живописцы-реалисты новой Франціи, продолжая дѣло своихъ великихъ вождей, Милле и Курбе, представили Весеннюю пѣсню» (1874), и Причастницу-дѣвочку» (1875); Стребаніе сѣна» (1878), и Копальщицу картофеля» (1879); «Зрѣлую рожь» (1883), Любовный дуэтъ въ деревнѣ» (1883), и «Кузницу» (1884)—это все талантливыя картины Бастьена-Лепажа; потомъ опять они представили: «Свадьбу у фотографа», Привитіе оспы», Бретонское благословеніе», Несчастный случай» (1879), «Бретонскіе паломники и паломницы» (1887, 1889), — талантливыя картины Даньяна-Буверэ; представили также: «Расплатуженаемъ» (1882), Жатву» (1883), Сниманіе винограда» (1884), Вино» (1885), Сборъ сѣна» (1887), — все это наполненныя здоровымъ, мужественнымъ чувствомъ картины Лермитта. Нѣкоторыя картины изъ мелодіи Ролла, между которыми [illegible] Изгороди» (1875), Сыч[illegible]ка горно-[illegible] рабочихъ» (1880), Сарай [illegible] (1883), Верфь [illegible] (1883) эти картины [illegible]

„Кардиналъ Лавижери", Боннà.

сценъ и характеровъ натуры; однако же въ средніе и зрѣлые свои годы этотъ талантливый художникъ отступился отъ народныхъ сюжетовъ и сценъ, и сталъ писать только колоритныхъ быковъ, собакъ и нагихъ женщинъ. Наконецъ, явилась громадная масса картинъ съ изображеніемъ сельской жизни и работъ, написанныхъ подражателемъ и продолжателемъ Милле, Жюлемъ Бретономъ въ 50-хъ, 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годахъ, каковы напримѣръ «Возвращеніе жнецовъ» (1853), «Подбираніе колосьевъ» (1855), «Благословеніе нивы» (1857), Собираніе полевой рѣпы» (1861), «Полольщицы» (1861), множество картинъ изъ сельской жизни въ Бретани и на югѣ Франціи, «Вечеръ», «Утро» (1882-83), «Религіозная процессія дѣвушекъ» (1888) и т. д. Позднѣе всѣхъ ихъ явился Раффаэлли, съ чудной правдой написавшій кистью и нарисовавшій искреннимъ, вѣрнымъ карандашомъ и перомъ, въ 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годахъ, большую массу истинно-характерныхъ типовъ, парижскихъ нищихъ, тряпичниковъ, всяческаго городского простонародья, бѣдняковъ, праздношатающихся, ищущихъ и не находящихъ работы, томящихся, пропадающихъ отъ бѣды, людей. И все это, среди превосходно изображенныхъ ежедневныхъ перспективъ города, природы, погоды. Въ общемъ, это была цѣлая галлерея картинъ, талантливо воспроизводившая жизнь «маленькихъ людей», народа, мужиковъ, работниковъ, мѣщанъ, а ихъ были милліоны, они составляли большинство народа. Ими стоило заниматься и живописать ихъ жизнь, со всѣми ихъ вѣчными плюсами и минусами, со всей ихъ будничностью и прозой, но часто и поэзіей трагедіи, и это, быть-можетъ, было во многихъ случаяхъ въ сто разъ справедливѣе и нужнѣе, чѣмъ безчисленныя картины, съ ничтожными и ничего не содержащими сценами изъ жизни

„Жанна д'Аркъ". Бастьенъ-Лепажа.

многихъ другихъ классовъ общества. Нѣтъ сомнѣнія, всѣ классы и слои общества имѣютъ право на изображеніе, но за то ни одинъ изъ нихъ не долженъ быть забытъ и пренебрегаемъ, особливо самый занятый, самый трудящійся и самый несчастный. А это, въ продолженіе долгаго времени, именно такъ и было. Новая французская школа отдавала только дань справедливости и правосудію.

29.

Среди разнообразныхъ художественныхъ теченій второй половины XIX вѣка, однимъ изъ самыхъ значительныхъ является во Франціи — импрессіонизмъ. Онъ выступилъ такимъ сильнымъ, новымъ и оригинальнымъ факторомъ, что быстро привлекъ къ себѣ глубокое вниманіе французскихъ художниковъ, а скоро потомъ — и всѣ симпатіи французской публики, а вслѣдъ затѣмъ, и остальной Европы. Симпатіи эти возросли, впослѣдствіи, до такой степени, что перенего никогда не бывало на самомъ дѣлѣ просто непростительно.

Еще съ первой четверти столѣтія начали заявляться во французской школѣ живописи требованія о водвореніи болѣе естественнаго и свѣжаго колорита: прежній, темный, коричневатый, условный и только непріятный колоритъ академической болонской школы все менѣе и менѣе удовлетворялъ современнаго человѣка. Подъ вліяніемъ англичанъ, внесли въ искусство новую струю — французы Делакруа и его послѣдователи съ 20-хъ, Руссо и Коро съ ихъ послѣдователями — съ 30-хъ годовъ. Въ 60-хъ годахъ потребность въ оздоровленіи колорита стала еще настоятельнѣе. Эмиль Золя, тогда еще молодой, писалъ въ своей знаменитой книжкѣ «Mes haines», въ 1866 г.: «Что намъ нужно, это солнце, свѣжій воздухъ, свѣтлая и молодая живопись». И это онъ проповѣдывалъ со словъ Эдуарда Маэ, своего искренняго

«Расплата жнецамъ». Лермитта.

шагнули всѣ предѣлы, и привели многихъ новѣйшихъ критиковъ и писателей по части искусства къ высказанію такого положенія, что новое искусство Европы и импрессіонизмъ — одно и то же. Въ импрессіонизмѣ главный характеръ, главное выраженіе, главная физіономія новаго искусства, какъ для конца XIX вѣка, такъ и для всего будущаго XX вѣка.

Съ этимъ невозможно согласиться. Импрессіонизмъ коснулся только внѣшнихъ формъ, внѣшнихъ способовъ проявленія и высказыванія искусства, но никогда не касался самаго содержанія искусства, и, либо вполнѣ забывалъ это содержаніе, оставлялъ его совершенно въ сторонѣ, либо искажалъ и умалялъ его. А чтобъ импрессіонизмъ расширилъ границы искусства, завладѣлъ бы новыми горизонтами, простеръ бы владѣнія его на новыя области чувства, мысли, поэзіи, какъ стараются увѣрить проповѣдники и защитники импрессіонизма, — этого никогда не бывало, да объ этомъ импрессіонизмъ никогда и не заботился. Преувеличивать его значеніе и приписывать ему такой смыслъ и такое вліяніе, какихъ у

пріятеля, въ котораго онъ вѣровалъ со всѣмъ жаромъ юношества.

А кто это былъ Маэ? Это былъ юноша, одаренный живымъ художественнымъ чувствомъ, мало учившійся въ школѣ, но проникнутый вѣрой въ потребность новыхъ силъ и ощущеній въ живописи. Онъ скоро отошелъ въ сторону отъ болонезцевъ, которымъ въ началѣ рабски и безропотно покорялся, какъ всѣ тогда, потомъ былъ одно время фанатическимъ послѣдователемъ реализма Курбэ, а потомъ перенесъ свое поклоненіе на нѣсколькихъ иностранцевъ: сначала на фламандцевъ и неаполитанцевъ (съ которыми познакомился во время путешествія, еще юношей, по Германіи и Италіи), потомъ еще болѣе на Веласкеца, открытаго въ 1857 году англичанами, но котораго онъ узналъ въ Парижѣ въ Луврской галлереѣ. Изъ всего этого ученья, собственнымъ умомъ и усиліемъ, вышелъ художникъ, очень оригинальный и самостоятельный, который внесъ новые элементы въ европейское искусство, и стыдился отцомъ, настоящимъ отцомъ импрессіонизма. Какъ и всякій творецъ чего-то своего новаго

онъ не слушался преданій школьныхъ законовъ и высказывалъ своими кистями то, что казалось ему должнымъ и справедливымъ. Его долго не признавали въ его отечествѣ, долго преслѣдовали насмѣшками и нарядными презрѣніемъ, долго не пускали ни на какія большія общественныя выставки, словно какого-то зловреднаго распространителя чумы, но, наконецъ, признали и поняли, и въ восторгѣ вознесли выше облака ходячаго. Его провозгласили создателемъ новаго искусства. И дѣйствительно, его заслуги велики и несомнѣнны, но все-таки не слѣдуетъ ихъ преувеличивать.

Какой же Манэ создатель новаго искусства, когда, не взирая на всѣ его великія качества и заслуги, у него постоянно выскользала изъ рукъ, была совершенно ему чужда главная цѣль искусства — содержаніе картины, то, изъ чего оно должна состоять, то, изъ-за чего только оно и является на свѣтъ? Меня всего болѣе поражало легкомысленное сравненіе Манэ съ Курбэ, приписываніе имъ обоимъ одинаковаго значенія, и даже признаваніе значительнаго перевѣса на сторонѣ Манэ, собственно въ техническомъ отношеніи. Манэ и Курбэ! Какія несоизмѣримыя величины! Пускай техника и письмо Курбэ еще далеко несовершенны, пусть у него всякому видна жесткость кисти, деревянность иныхъ фигуръ — обо всемъ этомъ можно сожалѣть, но никогда эти недостатки не умалятъ громаднаго значенія его мысли и чувства, его симпатій или антипатій къ изображаемымъ у него сценамъ жизни и къ характерамъ дѣйствующихъ лицъ; у Манэ, напротивъ, на всякомъ шагу и въ каждомъ мазкѣ его чувствуешь только заботу о кисти и колоритѣ, о свѣтѣ и воздухѣ. Что такое всѣ его «Флейтщики», «Курильщики», «Отвѣзвается кружки пива» (1873) его «Гитаристы», его «Прогуливающіеся на лодочкѣ», его «Папа» (1877) и всѣ остальные персонажи, какъ не предлоги для проявленія, единственно блестящаго мастерского письма? Его голая «Олимпія», растянувшаяся на диванѣ, гнусная, уродливая, гадкая, ничтожная (1865) — что она значитъ, въ сравненіи съ подобною же испанскою грязнѣтой, голой же и лежащей на диванѣ интересной и граціозной у Гойи? Что такое его знаменитая картина «Буфетчица» (Un bar aux Folies Bergère) какъ не превосходное изображеніе бутылокъ и стакановъ на прилавкѣ, превосходно представленное отраженіе массы публики въ зеркалѣ и полное пренебреженіе двухъ главныхъ персонажей, продавщицы и господина во фракѣ? Что такое его прославленная картина «Завтракъ на травѣ» (1863), если не безобразное и небывалое, нелѣпое собраніе голыхъ женщинъ и отдѣльныхъ мужчинъ, написанныхъ только ради соединенія эффекта? Игра свѣта и колорита, для Манэ, как для Курбэ, напротивъ, все — это люди, ихъ жизнь, трудъ, ихъ выраженіе судьбы. Курбэ говорилъ и писалъ: «У меня нѣтъ и въ помыслѣ не было добиваться пустѣйшей и ложнѣйшей цѣли: искусство для искусства». Манэ всю свою жизнь только и занимался, что «искусствомъ для искусства», формой, оболочкой его, и никогда самою сущностью задачи. И такихъ-то людей сравнивать? Такихъ-то людей сопоставлять? Какое младенчество (въ томъ числѣ и у Мутера)! И такого-то Манэ мы должны провозглашать рѣшителемъ судебъ живописи, главнаго «направителя» и «колоновожатаго» искусства конца XIX и будущаго XX столѣтія? Никогда. Такого несчастія, такого безумія не дозволятъ, конечно, лучшіе между художниками теперешняго и будущаго времени.

Начиная съ 60-хъ годовъ, и, всего болѣе, со времени парижской всемірной выставки 1867 года, громадное вліяніе оказало на французскихъ художниковъ японское искусство. Въ этомъ году Японія впервые въ полномъ своемъ блескѣ и силѣ появилась на судъ и удивленіе Европы. Слѣдуя общему потоку, Манэ тоже поддался громадному увлеченію, и принялся изучать новые элементы далекаго, игнорируемаго до тѣхъ поръ крайняго Востока. Толпа другихъ французовъ послѣдовала за Манэ и японцами. И всѣ поступили прекрасно. Они овладѣли новыми сокровищами художественнаго представленія и художественныхъ способовъ. Отъ японцевъ новые европейцы заимствовали всего болѣе смѣлость и естественность расположенія картины, множество плановъ въ ней, крайнюю неправильность, какъ въ дѣйствительности, и, всего болѣе, колоритъ, свѣтлый, яркій, иногда даже прямо пестрый, сочетанія красокъ, прежде непозволяемыя школой, даже многія смѣлыя рѣзкости. Все это была заслуга и выигрышъ великій. Къ собственнымъ попыткамъ изображенія всѣхъ предметовъ въ свѣтломъ, здоровомъ, правдивомъ колоритѣ, къ собственнымъ пробамъ разломать вѣковыя академическія преданія живописи мрачной, темной, условной, съ искусственнымъ и фальшивымъ освѣщеніемъ мастерской, Манэ прибавилъ теперь все то, что такъ сильно соотвѣтствовало его собственнымъ давнишнимъ потребностямъ, сталъ писать на чистомъ воздухѣ (plein air), и всѣ эти значительныя новизны дали новому европейскому искусству значительныя, могучія новыя силы и средства. Но только при своихъ, столь важныхъ экспериментахъ по части колорита, краски, воздуха, свѣтового освѣщенія. Манэ и его школа «импрессіонистовъ» только и занимались, что своими «импрессіонами» (впечатлѣніями), и совершенно упускали изъ виду то, что было гораздо важнѣе внѣшнихъ, физическихъ впечатлѣній. Они забывали и человѣка, и его жизнь, и его душу, и событія людскія, и все, все, изъ чего состоитъ и сплетается наше существованіе. Этюды ихъ оставались этюдами, матеріалами для другихъ, будущихъ художниковъ, кирпичами для будущихъ намѣреній, плановъ, созданій, построекъ. Сами же по себѣ эти этюды были бѣдны и тощи, они оставляли интеллигенцію человѣческую, въ высшей степени обманутою, голодною, неудовлетворенною въ ея насущнѣйшихъ потребностяхъ.

„Буфетчица", Манэ.

Новая французская школа, нося имя послѣдователей Манэ,

импрессіонистовъ, пошла уже и еще болѣе въ сторону, и превосходныя, высокія, вновь достигнутыя техническія средства растрачивались часто самымъ недостойнымъ образомъ. Всего ближе къ задачамъ искусства остались все еще пейзажисты, каковы, напримѣръ, Клодъ Монэ, Писсарро, Сислей и нѣкоторые другіе; они продолжали, по примѣру прежнихъ французскихъ пейзажистовъ, вглядываться въ природу и хорошо воспроизводить безконечные ея виды. Между ними особенно замѣчателенъ Писсарро, который, вмѣстѣ съ Клодомъ Монэ, восхитившись въ Лондонѣ англичаниномъ Терперомъ и стараясь воспроизводить его свѣтовые эффекты, наполнилъ французскія выставки и галлереи превосходными изображеніями деревень, огородовъ, садовъ, жатвъ, дорогъ въ лѣсу, маленькихъ захолустныхъ городковъ, а позже и Парижа, его улицъ и переулковъ и т. д., все это часто à vol d'oiseau. Одно время онъ даже сдѣлался главой странной группы — пуантиллистовъ (pointillistes), художниковъ, работавшихъ точками. Всѣ эти художники, не взирая на весь произволъ и частью капризы, приносили пользу искусству, изучая свѣтъ и свѣтовые эффекты и тонко передавая ихъ.

Но множество другихъ ихъ товарищей по импрессіонизму стали прямо врагами искусства, истинными «членовредителями» и палачами его. Погрузившись въ задачу наблюдать свои драгоцѣнные «импрессіоны» и передавать ихъ міру, они плюнули на всѣ задачи, существующія въ мірѣ, и заботились только о своихъ «настроеніяхъ» о неуловимыхъ, эфирностныхъ своихъ чувствахъ и ощущеніяхъ. Всѣ задачи, историческія, жизненныя, душевныя, всѣ отношенія людей и всѣ событія нашего существованія объявлены были у нихъ устарѣвшими, наскучившими, ненужными. Изученіе формъ дѣйствительной природы, человѣческаго существа казалось празднымъ и напраснымъ. Объявлено было, что на свѣтѣ должно существовать нынче только *одно* искусство—«искусство для искусства», такое искусство, которое должно быть, во-первыхъ *ново*, во что бы то ни стало, а во-вторыхъ, назначено для любованія зрителя красками и формами, помимо всякой идеи, всякой естественности, натуры, дѣйствительности. При этомъ, надо замѣтить, главнымъ объектомъ всѣхъ картинъ и рисунковъ была почти всегда женщина, ея тѣло, ея внѣшній обликъ, поза, движеніе, взглядъ, и все это, взятое съ самой преувеличенной, ничтожной, мелкой, искаженной, пустяковинной стороны. Отъ такого настроенія, образа мыслей и дѣятельности произошло нѣчто крайне-ограниченное, а вмѣстѣ чудовищное, варварское и безобразное, нѣчто отталкивающее и возмутительное. Большинство людей было приведено въ негодованіе и протестовало. Этихъ странныхъ сектантовъ прозвали «декадентами» (упадочниками). Ихъ вычурность, противуестественность и формъ, и красокъ, условность и невѣроятность какъ тѣхъ, такъ и другихъ, глупость и ничтожество мотивовъ, которыми пробавлялись эти художники, общее сумасбродство впечатлѣнія заставляли большинство людей отшатнуться отъ нихъ и поскорѣе уходить отъ нихъ подальше прочь.

„Видѣніе", Моро.

Впрочемъ, отличились злоупотребленіемъ живописи, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій XIX столѣтія, не одни только выродки импрессіонизма Манэ. Отличилась имъ также еще особая группа художниковъ, получившая названіе «новоидеалистовъ» или «символистовъ». Между ними главными должно признать—Гюстава Моро и Пювисъ-де-Шаваня. Это двѣ натуры, совершенно различныя, и, однакоже, сходящіяся и соприкасающіяся по коренному своему стремленію. Главная забота обоихъ была всегда: создавать что-то высокое, грандіозное, массивное по виду и полное по содержанію, а достигать этого отвращеніемъ отъ реальности и жизни, и преданностью своимъ личнымъ фантазіямъ. Оба художника вполнѣ презирали дѣйствительныя формы природы и человѣческаго тѣла, и постоянно рисовали такую природу и такого человѣка, которыхъ вовсе не существуетъ. Одинъ изъ поклонниковъ Пювиса-де-Шаваня Лефоръ, говорилъ въ похвалу ему (Chefs d'oeuvre de l'art du XIX-e siècle): «Онъ создалъ новый принципъ въ живописи. Онъ замѣнилъ изображеніе правдивое, точное, съ реальными формами—начертаніями упрощенными, съ затертыми систематично типами и особенностями. Онъ возвращается къ Джіотто и Беато Анджелико, не обращая вниманія на всѣ завоеванія живописи съ тѣхъ поръ; онъ упорно отказывается видѣть и передавать все, что въ природѣ нарушало бы его систему и мечту... Мы же все подобное считаемъ печальными заблужденіями ограниченности. Все у Шаваня и Моро выдумано, изобрѣтено ими самими, а это ли достойно похвалы? Имъ одинаково пригодными казались и Библія, и миѳологія, и аллегорія, и изъ этихъ источниковъ, трактуемыхъ ими совершенно фантастично, они извлекали себѣ задачи. Когда они брали сюжеты историческіе, то представляемыя личности являлись только продуктами ихъ личнаго измышленія и ничуть не имѣли въ виду олицетворить въ самомъ дѣлѣ какую-нибудь эпоху, какое-нибудь время, какую-нибудь личность и какое-нибудь событіе. Оба они дѣйствовали въ теченіе 60-хъ, 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ, и получали постоянно поощреніе и одобреніе, какъ со стороны самыхъ разнообразныхъ публикъ, такъ и всѣхъ разнообразныхъ правительствъ, одни другихъ смѣнявшихъ въ теченіе времени послѣ Наполеона III. Оба нравились и завоевывали себѣ уваженіе, признаваемы были (со всегдашнимъ французскимъ преувеличеніемъ) геніями и глубокими умами, просвѣтителями человѣчества, несмотря на всю взаимную свою разницу. Эта разница состояла главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что Гюставъ Моро былъ полонъ какой-то дикой, безобразной, цвѣточной фантазіи, а Пювисъ-де-Шаваня не обладалъ ни малѣйшей крохой какой бы то ни было фантазіи, и былъ только безконечно сухъ, тонъ и скученъ. Картины Гюстава Моро, пламеннаго поклонника Делакруа со всѣми ихъ претензіями на глубину и вышину мысли, представляютъ собою только какой-то пестрый яркій восточный коверъ, гдѣ рисунка и содержанія никакого не разберешь, и гдѣ виднѣ только необычайныя нагромозденныя красокъ, формъ, линій, группъ цвѣтовъ, орнаментовъ, а что все это

вмѣстѣ значитъ — искать напрасно. Человѣческія фигуры, очень худо и безобразно нарисованныя, являются нарядженными въ фантастическія индійско-персидско-вавилонскія хламиды, съ башнями на головѣ, съ потоками драгоцѣнныхъ каменьевъ, жемчуга, золотыхъ и серебряныхъ украшеній на шеѣ, груди, рукахъ, ногахъ—и все это, нелѣпо и безцѣльно сгребенное вмѣстѣ, стоитъ и торчитъ подъ невиданными, неслыханными и небывалыми аркадами, словно изъ феерии, освѣщенное упавшимъ откуда-то сверху или сбоку электрическимъ лучомъ. Все это иногда способно ослѣпить и поразить глаза и нервы, но черезъ секунду начинаетъ утомлять своею нелѣпостью, безцѣльностью и ненужностью, и — сильно надоѣдаетъ и раздражаетъ умъ. Таковы картины Гюстава Моро: знаменитое «Явленіе» (Apparition) или «Саломея съ головой Іоанна Предтечи» (1878), «Пери», «Эдипъ и Сфинксъ» (1864), «Орфей» (1866), «Аполлонъ, покидаемый Музами», «Прометей», «Галатея» и «Елена» (1880) и др. Въ противуположность этому, картины Пювиса-де-Шаваня не представляютъ ни малѣйшей цвѣтистой яркости, ни пестроты. Онѣ оскорбительно-темны и мрачны, словно коричневые пряники (и это послѣ лучистыхъ свѣтовыхъ картинъ, водворенныхъ въ Европѣ блестящимъ Маня); его дѣйствующія лица — всѣ деревянны, словно манекены, прозаичны и несносны, словно персонажи холодныхъ академистъ Пуссена, и всѣ они въ античныхъ школьныхъ драпировкахъ; его лѣса и деревья — однообразно разставленныя елки, его постройки — классическіе архитекторскіе эскизы; воодушевленія, выраженія чувства, страсти — нѣтъ ни тѣни и помина. Таковы: всѣ его аллегоріи 60-хъ годовъ (въ Амьенѣ): «Миръ», «Война», «Трудъ», «Отдыхъ», «Ludus pro patria», — всѣ это вялыя и мертвыя, но вмѣстѣ и съ глубоко-хвалёнскимъ пошибомъ. Исторія св. Женевьевы (1874) въ парижскомъ Пантеонѣ, это столько же громадныя скучныя и несносныя, картины въ Люпскомъ музеѣ: «Христіанское воспитаніе», «Священный лѣсъ, пріятный искусствамъ и музамъ» (1884) — изобиліе, безчисленныя, въ теченіе 7 лѣтъ, фрески въ Парижской Сорбоннѣ и Ратушѣ (1889—1892) — не только съ какою казенщиною заглавіями: «Мелкорѣчіе», «Патріотизмъ», «Энтузіазмъ» и т. д., но даже съ какими совершенно необычайными и несообразными, какими «Утаенность» (Latente), «Матеріализмъ», «Спиритуализмъ», «Сѣверная Мадонна» (Vierge lapine, нечто чѣмъ-то разгнѣвъ Пювиса), наконецъ, даже фрески: «Викторъ Гюго приносящій свою лиру въ даръ Парижу». При этомъ В. Гюго былъ карикатурнѣйшимъ образомъ облеченъ въ античную хламиду! Поза и жесты его были тоже совершенно педантскіе, лже-античные.

Какъ все это вмѣстѣ было печально, безнадежно и даже оскорбительно со стороны французскаго искусства, когда-то, по временамъ, такого высокаго, великаго и вдохновеннаго! Но такова была судьба его въ послѣдніе годы XIX вѣка, и не только всѣ не жаловались въ одинъ голосъ на такое безотрадное положеніе, но еще многіе находили его прекраснымъ, и провозглашали, что именно изъ такихъ настроеній выростетъ, поднимется и расцвѣтетъ искусство наступающаго XX вѣка. Какое мрачное заблужденіе! Грядущему XX вѣку, павѣрное, предстоитъ великое и блестящее будущее. Но уже, конечно, не повтореніе и не продолженіе ошибокъ и безобразій конца XIX столѣтія. Если бы не такая надежда, кажется не стоило бы и ожидать какого бы ни было искусства въ будущемъ.

30.

Судьбы нѣмецкой живописи, въ теченіе XIX вѣка, были совершенно иныя, чѣмъ судьбы французской живописи. И всего болѣе въ теченіе первой половины столѣтія. Германское искусство не имѣло еще тогда никакого общенія съ французскимъ, и пробавлялось единственно своими собственными матеріалами и воззрѣніями, и не хотѣло знать никакихъ другихъ, кромѣ нихъ. Но въ его созданіяхъ, въ ту пору, царствовала не идея самостоятельной національности—элементъ высокій, истинный и плодотворный, а подражаніе другимъ временамъ и народамъ, далекимъ, чужимъ, худо понятымъ и навыворотъ обожаемымъ. Можно было, во многихъ случаяхъ, упрекать французское искусство первой половины XIX вѣка тоже въ подражательности, въ тяготѣніи къ старымъ, чуждымъ формамъ и идеямъ, но все-таки тутъ часто слышался тоже и пульсъ жизни, біеніе собственнаго сердца, движеніе собственной души, что-то живое, горячее и стремительное, и это заставляло зрителя извлекать иногда многое изъ массы всего ложнаго, невѣрнаго, преувеличеннаго, чужого и заблуждающагося. Въ Германіи, въ первой половинѣ XIX вѣка, было иначе. Художественное движеніе совершалось посредствомъ сольній тяжеловѣсныхъ неуклюжихъ, педантскихъ, почти вовсе лишенныхъ жизни и одушевленія. Нѣмецкія картины и фрески были тоже словно тяжелыя телѣги, скрипучія и неповоротливыя съ несмазанными колесами, и съ великою натугою трогающіяся съ мѣста.

„Викторъ Гюго, приносящій свою лиру въ даръ Парижу“, Пювисъ-де-Шавання.

Главныхъ теченій было два: античное и средневѣковое. Первое являлось еще по завѣщанію и примѣру XVIII вѣка, второе возникло вновь.

Фанатическая проповѣдь Винкельмановъ и Лессинговъ, въ пользу древняго классицизма и поклоненія скульптурѣ, принесла ужасные плоды. Она отравила, она зачумила здравое пониманіе германскаго народа, постѣ Ренесанса, съ новою силою, прочно и несокрушимо, на очень долгое время. Коль скоро этотъ классицизмъ способенъ былъ зловредно повліять даже на такихъ великихъ художниковъ мысли и слова, какъ Шиллеръ и Гёте, отклонивъ ихъ отчасти, въ самые зрѣлые годы ихъ творчества, отъ первоначальнаго, самостоятельнаго и современнаго настроенія ихъ юности, то чего же можно было ожидать отъ художниковъ кисти, несравненно менѣе сильныхъ и даровитыхъ мыслью, несравненно менѣе возвышенныхъ наукой и культурой, и, иногда, просто плохихъ и слабыхъ? Жертвы были громадны.

Карстенсъ въ концѣ XVIII вѣка, Генелли — его ученикъ, послѣдователь и наслѣдникъ — въ началѣ XIX в., были художники крайне посредственные, даже, можно сказать, почти вовсе не даровитые, но ихъ классицизмъ былъ рѣшителенъ и фактиченъ и вполнѣ приходился по вкусамъ нѣмецкой публики, испорченной искусственнымъ, «классическимъ» школьнымъ воспитаніемъ.

По прошло немного лѣтъ послѣ Карстенса и Генелли, и въ Германіи снова, съ великою силою проявилась потребность поражательности и копированія — но уже въ припадкахъ новой формы. Первымъ изъ этихъ припадковъ явилось «назарейство», вторымъ — манія всемірной историчности. Первая манія задалась цѣлью воскресить средніе вѣка, ихъ духъ, настроеніе, мысль, чувства живописцевъ и ихъ картины; вторая — цѣлью воспроизводить въ своихъ картинахъ все только всемірно-историческіе моменты исторіи народовъ. Сами по себѣ, задачи эти не заключали въ себѣ, конечно, ничего худого, предосудительнаго. Отчего было не взяться за изображеніе и среднихъ вѣковъ, слишкомъ давно заброшенныхъ, неглижированныхъ, презираемыхъ? Пора-пора было и ихъ выдвинуть на художественную сцену. Это было вполнѣ резонно и законно. Точно также отчего было не приняться за изображеніе великихъ событій всемірной исторіи, до тѣхъ поръ трактованныхъ слишкомъ казенно, неудовлетворительно и бѣдно? Въ обоихъ случаяхъ задача была справедлива и полезна. Но худо было въ обоихъ случаяхъ то, что художники, намѣтившіе себѣ эту задачу, были наполнены не внутреннимъ душевнымъ жаромъ, не вдохновеніемъ пламеннаго сердца и ума, а холодными разсудочными разсчетами, придумашностью, словно какими-то алгебраическими выкладками.

Такъ надо по ходу исторіи мы это должны сдѣлать, и мы это сдѣлаемъ, и это будетъ велико и значительно — вотъ что постоянно вертѣлось въ умѣ у новыхъ германскихъ художниковъ, вотъ что водило ихъ кистью.

Замѣчательно, что этотъ періодъ нѣмецкой поражательности отличился одною особенною чертою которой не проявлялось никогда прежде. Это — во-первыхъ, разрывомъ съ академіей, и во-вторыхъ, образованіемъ художественныхъ товариществъ. Съ самаго начала XIX вѣка, въ разныхъ концахъ

„Реформація". Каульбаха.

Германіи начали проявляться, въ головахъ у молодыхъ художниковъ, искры самостоятельнаго мышленія, непокорство къ ученію академій. Этихъ юношей, конечно, готовясь стали гнѣвить старые академики, иныхъ изъ ихъ числа даже посѣщали изгнать изъ академическихъ стѣнъ, другіе сами ушли оттуда. Куда же имъ было идти, гдѣ приклонить свою упрямую, самовольную головушку? Конечно — поскорѣе надо было бѣжать въ Италію. Уже давно, съ самаго начала Возрожденія, Италіи приписывалось какое-то необычайное, несравненное животворное значеніе, она была признана воспитательницей и возрастительницей художественныхъ умовъ и талантовъ. На этомъ основаніи, когда въ первой четверти XIX вѣка народилось въ Германіи цѣлое поколѣніе молодыхъ художниковъ, самостоятельно думающихъ и протестующихъ, они устремились въ Италію. Это были: Овербекъ, Пфорръ, Фогель, пріѣхавшіе въ Римъ въ 1810 г., Корнеліусъ — въ 1811, Шадовъ — въ 1815, Шнорръ въ 1818, наконецъ, всѣхъ позже, Фюрихъ въ 1827 и Штейнле въ 1827 году. Они въ Римѣ основали свою колонію, и стали проводить сначала дни и мѣсяцы, а потомъ годы, въ восторгѣ и энтузіазмѣ передъ старымъ итальянскимъ искусствомъ, въ любованіи, распознаваніи, фетишизмѣ передъ прежними мастерами. Но съ этими юношами случилась та самая бѣда, которая случается иной разъ съ дѣтьми, когда за ними никто не смотритъ, и никто не видитъ, что они дѣлаютъ. Они объѣдаются конфетами, и портитъ себѣ желудокъ. Только у дѣтей эта болѣзнь обыкновенно скоро проходитъ, а если дѣло еще не слишкомъ запущено, то небольшая доза лѣкарства скоро дѣлаетъ ихъ снова здоровыми, бодрыми, сильными, веселыми, энергическими и живыми. Съ римской колоніей нѣмецкихъ живописцевъ этого, къ несчастію, не случилось. Никакая нянюшка, никакая мамаша и тетя не спасала и не лѣчила ихъ, и они долго и постоянно, съ ограниченностью и прочностью нѣмецкихъ буршей портили себѣ желудокъ и голову, и безбрежно мечтали о томъ, что могло наносить только громадный вредъ ихъ натурѣ и ихъ творчествамъ.

Образовалась среди нихъ секта назарееръ, т. е. художниковъ, которые никакихъ другихъ задачъ у искусства не хотѣли признавать, кромѣ религіозныхъ и моральныхъ, по преимуществу евангельскихъ, но также отчасти и библейскихъ, и, кромѣ этого, не хотѣли уже ни о чемъ другомъ слышать. Поэтому, главнымъ предметомъ ихъ изученія сдѣлались старинные итальянскіе мастера, до-рафаэлевскаго времени, и къ нимъ-то нѣмецкіе пришельцы старались изо всѣхъ силъ приблизиться какъ можно больше.

Нѣкоторые изъ этихъ назарееръ до того предались своимъ средневѣковымъ, монашескимъ и монастырскимъ фантазіямъ, что изъ еврейской (Фейтъ) и протестантской (Овербекъ и Шадовъ) вѣры перешли въ католическую, потому что въ средніе вѣка всѣ художники были монахи и католики, а они теперь воображали себѣ, что средневѣковая вѣра сдѣлаетъ ихъ также великими. Они стали даже жить въ Римѣ, по монастырски.

Другіе ихъ товарищи обратились, впослѣдствіи, отъ Раф[illegible] и его предшественниковъ къ другимъ мастерамъ и школамъ, все-таки, впрочемъ, итальянскимъ. Это были Корнеліусъ и Каульбахъ. Въ продолженіе долгихъ лѣтъ, ихъ личности мысли и произведенія держали въ плѣну всю художественную Европу и наполняли всеобщую мысль и воображеніе. Поэтому я считаю необходимымъ нѣсколько долѣе остановиться на этихъ двухъ художникахъ.

Особенно крупною личностью выступилъ Корнеліусъ. Онъ [illegible] первоначальное свое «назарейство», и задумалъ сдѣлаться современникомъ Микель-Анджело и поразить міръ великолѣпіемъ своихъ всемірно-историческихъ и исполненіемъ въ высокомъ стилѣ [illegible]. Развитію этихъ претензій и замысловъ всего болѣе помогъ баварскій принцъ (позже король) Людвигъ, который считалъ себя, какъ всѣ уже давно признали его, [illegible] покровителемъ и несравненнымъ ценителемъ современнаго германскаго искусства. Онъ звалъ Корнеліуса [illegible] и обѣщалъ не стѣсняемую возможность [illegible] почти всѣхъ мѣстами не своими, а своими [illegible], по картонамъ) выдумывать фресокъ на стѣнахъ [illegible] (Глиптотека, Пинакотека) и громадной церкви (Ludwigskirche). Но немного лѣтъ послѣ кончины Корнеліуса, далеко до конца столѣтія, этотъ художникъ былъ развѣнчанъ самими же нѣмцами, публикой и критикой. Его низвели на степень человѣка, много желавшаго и мало достигшаго въ искусствѣ, холоднаго, ходульнаго, притворнаго, мало даровитаго и обладавшаго предурнымъ вкусомъ. Ни его сцены и фигуры изъ Иліады, изъ Гезіода, ни его Страшный Судъ, пророки, ангелы и святые, ни его видѣніе изъ «Divina Comedia» Данта, ни всѣ его событія изъ біографій великихъ живописцевъ — ничто не имѣетъ болѣе значенія для современнаго и будущаго человѣка. Вездѣ царствуетъ только натуга, усиліе, выучка, вымученность, неестественность и деревянность. И во всемъ этомъ главное обвиненіе не въ томъ, что Корнеліусъ (какъ его нынче часто обвиняютъ) не только не понималъ, но даже вовсе презиралъ краску (извѣстно его изреченіе: «кисть сдѣлалась порчей нашего искусства»), главная бѣда его также не въ томъ, что онъ былъ слишкомъ «философъ», слишкомъ «ученъ», а въ томъ, что онъ слишкомъ мало былъ талантливъ, и не въ состояніи былъ облекать въ художественныя формы тѣ идеи (иногда справедливыя и интересныя), которыя были у него въ головѣ. Сверхъ того, Микель-Анджело торчалъ у него постоянно, какъ бѣльмо на глазу, и вѣчно мѣшалъ ему быть самимъ собою. Проживъ онъ поменьше въ Италіи, или даже не знай онъ ея вовсе (какъ и многіе его товарищи), онъ сдѣлался бы, можетъ быть, гораздо болѣе замѣчательнымъ художникомъ. Лучшее, что отъ него осталось, это созданіе его молодости: «Іосифъ съ братьями» и «Сонъ Фараона» — два фреска въ домѣ нѣмецкаго банкира Бартольди въ Римѣ и два рисунка изъ «Рая» Данта, для фрескъ на дачѣ итальянскаго маркиза Массими въ Римѣ же. Тутъ есть и нѣкоторая простота, и нѣкоторая естественность, есть нѣкоторая даже красивость формъ, группъ и фигуръ.

Каульбахъ былъ любимый ученикъ Корнеліуса, а впослѣдствіи его товарищъ и другъ. Какихъ только славъ и чествованій не сподобился онъ на своемъ вѣку! Въ самомъ началѣ своей жизни, онъ признавалъ Корнеліуса «главою современнаго искусства», а себя и прочихъ нѣмецкихъ художниковъ — только планетами, назначенными до конца своей жизни, слѣдовать за нимъ и тѣмъ исполнять свою задачу. Но скоро потомъ онъ отдѣлился отъ Корнеліуса. Онъ всю жизнь твердилъ ученикамъ: «Мы должны писать исторію... Исторія — это религія нашего времени.... Одна исторія годится нашему времени», и въ этихъ словахъ онъ не высказывалъ никакой личной, своей собственной мысли. Такъ думали и говорили тогда вмѣстѣ съ французами и всѣ нѣмецкіе ученые и историки искусства. На основаніи такого убѣжденія, Каульбахъ писалъ, (впрочемъ, тоже, какъ Корнеліусъ, руками своихъ учениковъ) по преимуществу все только такія вещи, какъ громадныя: «Разрушеніе Іерусалима», «Битва Гунновъ», «Крестовые походы», «Реформація» и т. д., но уже безъ корнеліусовской суровости и сухости, какъ-то помягче и подоступнѣе для зрителей, уже безъ всякой претензіи повторить собою Микель-Анджело. Надо при этомъ не забывать, что на трактованіе сюжетовъ все «колоссальныхъ» онъ даже былъ съ самой молодости натаскиваемъ не только своею собственною натурою, но и посторонними личностями извнѣ. Въ 1837 году баварскій наслѣдный принцъ Максимиліанъ требовалъ съ него композицій въ грандіозномъ родѣ, и, хорошенько посовѣтовавшись съ однимъ профессоромъ, своимъ другомъ, Каульбахъ представилъ цѣлую длинную программу ряда картинъ со всемірно-историческими сюжетами: средневѣковыя войны христіанской Европы съ невѣрными — и впослѣдствіи эта программа измѣнилась и расширилась въ тотъ рядъ композицій, которыя, по желанію прусскаго короля, наполняютъ стѣны громадной лѣтницы берлинскаго музея.

Быть можетъ, лучшее, что создалъ на своемъ вѣку Каульбахъ — это фигура Лютера, въ самомъ центрѣ его фрески: «Реформація». Здѣсь повторилось то, что въ тѣхъ же годахъ случилось со скульпторами Рауховъ и Ритчелемъ. Они тоже весь свой вѣкъ выводили на свѣтъ фигуры фальшивыя, искусственныя, условныя, и вдругъ однажды, въ видѣ

необыкновеннаго исключенія какого-то, создали, каждый, по одной высоко-замѣчательной фигурѣ, дышащей правдой и жизненностью: одинъ вылѣпилъ Фридриха II, другой Лютера. Каульбахъ тоже далъ свое нѣчто особенное: фигуру Лютера. Онъ стоитъ, будто гранитный, несокрушимый монументъ, и, поднявъ обѣими руками, высоко надъ головой, громадную книгу раскрытаго Евангелія, глядитъ изъ-подъ него на весь міръ смѣлыми, величественными, твердыми глазами. Это одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній новаго германскаго искусства. Каульбахскаго Лютера, кажется, до сихъ поръ слишкомъ мало замѣчали и цѣнили, но, я убѣжденъ, рано или поздно его очередь придетъ.

Но пока въ Германіи шло корнеліусовско-каульбаховское опьяненіе, нѣкоторые изъ второстепенныхъ живописцевъ принимались, несмотря на свою очень еще умѣренную даровитость, за настоящее дѣло. Это именно тѣ живописцы, которые поступили въ «романтики». Въ 30-хъ, 40-хъ годахъ въ Германіи и литература, и искусство, все, все, было заражено мыслью о романтизмѣ и необходимости возврата къ среднимъ вѣкамъ: но уже не къ итальянскимъ, а своимъ, нѣмецкимъ. «Итальянскій» романтизмъ назареевъ далъ осѣчку, скоро надоѣлъ и провалился, безъ всякихъ значительныхъ результатовъ, но романтизмъ нѣмецкій, напротивъ, оказался богатъ послѣдствіями самыми благодѣтельными. Множество живописцевъ съ ревностью ударилось въ горячую страсть къ нѣмецкому средневѣковому старью, вдругъ словно помѣшалось на древнихъ шлемахъ, кольчугахъ, мечахъ, пажахъ, рыцаряхъ, королевахъ, придворныхъ дамахъ, колдуньяхъ, эльфахъ и монахахъ, великое множество стѣнъ въ церквахъ, дворцахъ и музеяхъ наполнилось Брунгильдами, Карлами Великими, Кримгильдами, Рюбецалями, Вотанами и всяческимъ другимъ средневѣковымъ бутафорствомъ, безъ всякой искренней мысли, чувства, убѣжденія у художника, а просто такъ, по новомодной манерѣ, но весь этотъ пестрый маскарадъ черезъ нѣсколько времени прошелъ, отвалился прочь, какъ шелуха, а дѣло, новопріобрѣтенное дѣло осталось, какъ слитокъ золота въ горнѣ, послѣ долгаго и горячаго огня. Побаловали-побаловали нѣмецкіе живописцы - романтики со средневѣковьемъ и со всею поверхностною, внѣшнею его стороною, но скоро и сами устали, да и другихъ утомили рыцарями, привидѣніями, эльфами и русалками, пажами, влюбленными, монахами, чудовищами и всяческимъ ханжествомъ. Новымъ поколѣніямъ захотѣлось чего-то другого, поживѣе, натуральнѣе и поправдивѣе. Въ Дюссельдорфѣ и Мюнхенѣ попробовали новой исторической живописи, по примѣру француза Поля Делароша и его послѣдователей, появились Лессингъ въ Дюссельдорфѣ, Пилоти въ Мюнхенѣ. Оба сыграли на своемъ вѣку важную, значительную роль среди современнаго германскаго искусства.

Лессингъ былъ сначала очень хорошимъ пейзажистомъ, но коренная его натура влекла его въ еще другую сторону, къ исторіи, въ новомъ нынѣшнемъ ея художественномъ выраженіи. Здѣсь у него не было предшественниковъ въ Германіи: французовъ, Делароша и Делакруа, онъ еще вовсе не зналъ, а бельгійская историческая школа живописи (Галлэ, Біефъ и др.) еще не выступала на сцену. Такимъ образомъ, онъ былъ одному себѣ обязанъ своимъ починомъ, подобно тому, какъ и въ пейзажѣ (о чемъ будетъ говорено ниже). Прочитавши въ 1832 году книгу Менцеля Исторія германцевъ, онъ не посмотрѣлъ на всю значительность своей ландшафтной репутаціи, и 28-ми лѣтъ перешелъ на историческую по преимуществу живопись, гдѣ успѣхи могли еще быть для него очень сомнительны. Но онъ особенно воспламенился мыслью о страданіяхъ гусситовъ, не взирая на всю ихъ правоту и историческую законность (его предки были чехи). Онъ написалъ цѣлый рядъ картинъ на эту тему: сначала Гусситскую проповѣдь (1836), потомъ Гусъ на констанцскомъ соборѣ (1842), Гусъ на кострѣ (1850), а также на реформаціонные подобные же сюжеты: Сожженіе Лютеромъ папской буллы (1852), Прибытіе тѣла Лютера въ Виттенбергъ (рисунокъ), Диспутъ Лютера съ Экомъ (1867), и эти созданія являлись тѣмъ большею съ его стороны заслугой, что задуманы были и выставлены на всеобщій судъ среди публики и народонаселенія католическаго, въ большинствѣ своемъ яростно фанатическаго. Просвѣщеннѣйшая часть публики и критики стала на его сторону, но остальная половина, темная и ограниченная, была въ такой степени противъ него, что когда для Франкфуртскаго музея купили картину его Гуссъ на соборѣ, то директоръ музея, Фейтъ, бывшій назареецъ и католикъ - перекрещенецъ изъ евреевъ, со злобы и досады вышелъ въ отставку. Другая великая заслуга Лессинга была та, что онъ ввелъ въ историческія картины народъ, не какъ «оперный хоръ» (по прежнимъ понятіямъ и привычкамъ), не какъ приличную, неизбѣжную обстановку, не какъ уступку сюжету,—а какъ нѣкоторую законную, самостоятельную единицу, живущую и дышащую самое по себѣ и для себя, не по потребностямъ картины, а по своимъ собственнымъ глубокимъ потребностямъ.

Лессингъ былъ за протестантовъ, Пилоти за католиковъ: Основаніе католической Лиги (1854) Сени у тѣла убитаго, по приказанію германскаго императора, Валленштейна (1855), «Утро передъ битвой герцога Максимиліана Баварскаго у Бѣлой Горы» (1857), «Игуменья Хіемскаго монастыря сопротивляется нападенію протестантскихъ грабителей на ея монастырь» (1868). Объявленія смертнаго приговора Маріи Стюартъ (1869) —все это картины, писанныя съ точки зрѣнія католической, -но результатъ творчества обоихъ живописцевъ былъ одинаковъ. Оба они сведены внизъ съ возведенныхъ имъ при жизни высокихъ пьедесталовъ, и имъ, конечно, больше никогда не встать. Заслуга Пилоти была та, что онъ замѣнилъ педантски-профессорскій родъ живописи и рисованія болѣе живымъ, разнообразнымъ и современнымъ. Онъ примкнулъ къ бельгійской школѣ, возникшей послѣ счастливаго и могучаго народнаго порыва Бельгіи, отдѣлившаго ее въ 1830 г. отъ Голландіи. Но всѣ его картины, какъ выше названныя, такъ и разнообразныя другія: Неронъ, разсматривающій пожаръ Рима» (1861), «Убійство Цезаря (1865), Туснельда на торжественномъ шествіи Германика (1873), Жиронديсты, идущіе къ эшафоту и др., давно уже потеряли прежній престижъ: онѣ теперь кажутся театральными и поверхностными. Но искренности чувства, хотя при далеко еще не совершенной виртуозности техники, быть можетъ всего выше у Пилоти картина его молодыхъ лѣтъ: (1853) молодая городская кормилица, пріѣхавшая въ деревню, съ горечью сравниваетъ своихъ разряженныхъ вскормленниковъ, барчатъ, съ ея собственнымъ ребеночкомъ, скудно и несчастно воспитываемымъ въ мужицкомъ семействѣ. Тутъ много и чувства, и естественности, хотя уже ясно чувствуется бельгійское и французское вліяніе. Но одна изъ лучшихъ заслугъ Пилоти передъ исторіей искусства та, что онъ, долго будучи директоромъ мюнхенской академіи художествъ, воспиталъ цѣлую фалангу замѣчательныхъ художниковъ, которыхъ ничѣмъ не стѣснялъ, и каждому далъ развиваться сообразно съ его собственной натурой.

31.

Дюссельдорфская и мюнхенская школы живописи были отечествомъ многихъ замѣчательныхъ художниковъ, но, нельзя не признать этого выше, всего выше ихъ значеніе, какъ родоначальницъ цѣлаго новаго поколѣнія нѣмецкихъ художниковъ, взявшихъ себѣ задачей изображать обыденную, простую, ничуть не героическую, деревенскую, городскую, провинціальную сторону жизни своего отечества. Эта ея заслуга играетъ громадную роль въ исторіи германской живописи XIX вѣка.

Замѣчательнѣйшимъ, начиная съ середины вѣка, явился Кнаусъ. Въ своемъ развитіи и направленіи онъ очень многимъ обязанъ своимъ французскимъ современникамъ, которыхъ прилежно и любовно изучалъ во время своего 8-лѣтняго житья въ Парижѣ, начиная съ 1852 года по нынѣ сказать, чтобъ онъ *всѣмъ* былъ имъ обязанъ. Съ самаго ранняго возраста, онъ уже страстно полюбилъ живописцевъ швейцарской школы (Остаде, Тенирса, Брокера и др.), они соотвѣтствовали всего болѣе его врожденному вкусу и понятію объ искусствѣ и при томъ же, еще ранѣе его эти швейцарцы стали путеводною звѣздою и маякомъ его предшественниковъ въ Германіи.

Уже самыя первыя картины его: «Крестьянская пляска» (1850) и «Шулера въ деревнѣ» (1851) были прямымъ слѣдствіемъ изученія нидерландцевъ, и ярко выражали всю его своеобразную натуру. Нѣмецкая публика и критика тотчасъ же оцѣнили это, и онъ сдѣлался всеобщимъ любимцемъ, признаннымъ талантомъ. Онъ поѣхалъ въ Парижъ. Его успѣхи и развитіе шли здѣсь такъ быстро, что въ 1855 году, послѣ большой всемірной выставки, въ люксембургскій музей купили его картинку «Французская дама, гуляющая въ паркѣ съ лакейчикомъ-арапченкомъ позади». Сейчасъ послѣ этого пошелъ нескончаемый рядъ его «chefs d'oeuvre»овъ. Во время житья въ Парижѣ, на него стали производить нѣкоторое вліяніе, кромѣ нидерландцевъ, также и старые французы XVIII вѣка, но это продолжалось не долго. Внутреннее, коренное

нное, разностороннее, ничѣмъ неразвлекаемое представленіе народа, крестьянина: у Курбэ и Милле — французскаго мужика, у Кнауса — нѣмецкаго мужика. Но и Курбэ, и Милле гораздо глубже и шире идутъ въ исполненіи своей задачи, они изучаютъ и передаютъ своего крестьянина съ такою правдивостью, съ такой разносторонностью и вѣрностью, какую можно встрѣтить только у самыхъ великихъ талантовъ европейской литературы нашего вѣка, конечно, всего болѣе и совершеннѣе у Льва Толстого. У Кнауса нѣтъ столь глубокихъ нотъ: онъ спокойнѣе, безмятежнѣе, у него нѣтъ никогда не перестающихъ возбужденія, негодованія и протеста, онъ сговорчивѣе, покладистѣе: онъ довольно легко успокаивается, только бы порадоваться на милыя, граціозныя черты народа и глубоко сочувствуетъ всему, что пріятнаго, идиллическаго

„Пытка колдуньи въ средніе вѣка", Пилоти.

настроеніе Кнауса было до того германское, народное, самостоятельное, было до того глубоко заложено въ его натуру, что Кнаусъ никогда не въ состояніи былъ бы ему измѣнить и остался ему вѣренъ въ продолженіе всей своей жизни.

По натурѣ своей Кнаусъ имѣетъ что-то родственное съ Курбэ и Милле. Всѣ трое они и тѣшествовали-то въ одно и то же время, въ теченіе 20-лѣтія 1850—70 годовъ. Но разница между ними была громадна. Ни Курбэ, ни Милле не имѣли никакого вліянія на Кнауса уже и потому, что хотя оба французскіе живописцы и родились гораздо раньше Кнауса (Милле родился въ 1814 г., Курбэ въ 1819 г., Кнаусъ въ 1829 г.) но когда Кнаусъ пріѣхалъ въ Парижъ и Курбэ и Милле еще были слишкомъ мало извѣстны и [illegible] произвели для публики своей настоящей [illegible], а Кнаусъ выказалъ уже сущность и направленіе своего творчества. Всѣ трое сходились въ томъ, что [illegible] главная сущность задачи, по [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и спокойнаго открываетъ въ жизни такъ-называемаго простого народа. Трагическихъ, грозныхъ нотъ у него нѣтъ. Зато у него всюду проявляется великое богатство хорошей, неиспорченной натуры, необыкновенное разнообразіе характеристики на всѣхъ ступеняхъ крестьянской жизни, вѣрность представленія, добродушіе и лукавство, простота и хитрость, иногда юморъ, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, чудесная сердечность, наивность и грація дѣтей, хотя и искренно и неподдѣльно-крестьянскихъ. Въ этомъ Кнаусъ, вмѣстѣ съ большинствомъ нѣмецкихъ «пародиковъ», своими товарищами и послѣдователями (Вотъ, Дефреггеромъ и др.) далъ рядъ созданій истинно крупныхъ и великихъ.

По возвращеніи изъ Парижа, гдѣ замѣчательнѣйшей его картиной были его «Крестины», 1859 года, Кнаусъ постоянно жилъ и работалъ то въ Дюссельдорфѣ, то въ Берлинѣ. Важнѣйшія его картины были: «Фокусники въ деревнѣ» (1862), «Бродяги передъ пасторомъ» (1864), «Мальчишки-сапожники, играющіе въ карты» (1864), «Разсказъ пикапца въ избѣ»

(1865), «Его высочество въ деревнѣ» (1867), «Шарманщикъ» (1868), глубоко-трогательныя, хотя необыкновенно простыя «Деревенскія похороны» (1871), наконецъ, прелестная картинка «Сопротивляющаяся модель» (1877)—ревущій во все горло и барахтающійся отъ товарищей маленькій деревенскій мальченокъ, котораго живописецъ изъ города собирается зарисовать въ полѣ. Съ конца 70-хъ годовъ онъ сталъ брать, иной разъ, темы изъ жизни городской, представлять сцены также изъ жизни еврейскаго населенія Германіи, напримѣръ, «Соломонова мудрость»—старикъ-мелочной торговецъ, поучающій торговой хитрости молоденькаго мальчика (1878), «Первый успѣхъ» рыжій мальчикъ-еврей, восхищающійся первой своей удачной продажей и съ торжествомъ засовывающій въ карманъ первую выторгованную монету (1879), и другія эти новыя характерныя картиночки только раздвигали его горизонтъ и прибавляли къ прежнимъ его лаврамъ новые. Къ числу значительнѣйшихъ созданій этого періода относятся также: «Соціалъ-демократъ», «Жена посыльнаго», «Я могу и подождать», «Дѣвочка, перепуганная гусями» (1880).

По характерности и національности типовъ, по разнообразію натуры, по глубинѣ крестьянской психологіи слѣдуетъ, мнѣ кажется, признать лучшею и важнѣйшею картиною Кнауса, его «Совѣщаніе шварцвальдскихъ мужиковъ» (1872).

„Деревенскія похороны". Кнауса.

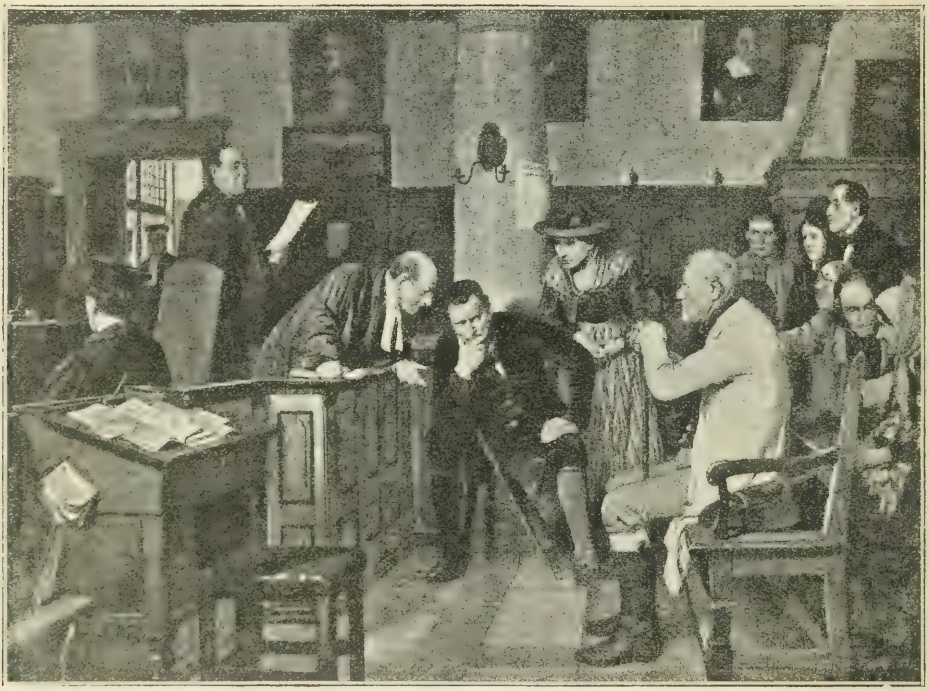
Достойными его товарищами, по трактуемымъ ими задачамъ и творчеству, являются Вотьэ и Дефрегеръ, первый — швейцарецъ, второй — тиролецъ родомъ. Оба они прожили всю свою жизнь внѣ своего настоящаго отечества. Вотьэ (начиная съ юношескихъ лѣтъ) въ Дюссельдорфѣ, Дефрегеръ — въ Мюнхенѣ, но впечатлѣнія дѣтства и юности залегли такъ глубоко въ ихъ душу, что въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ они имѣли возможность высказывать ихъ, въ картинахъ своихъ, во всей ихъ силѣ и свѣжести.

Подобно тому какъ было и у Кнауса, талантъ Вотьэ не носилъ въ себѣ элемента трагичности и сильныхъ душевныхъ движеній: онъ почти всегда оставлялъ въ сторонѣ всѣ невзгоды, тяготы и несчастія крестьянской жизни. Его удѣлъ былъ: выраженіе національной типичности, народныхъ характеровъ въ томъ, что они заключаютъ счастливаго, хорошаго, простого, оригинальнаго, здороваго, добраго, сердечнаго, преданнаго, любящаго. Все это Вотьэ выражалъ съ необыкновенною вѣрностью, мѣткостью, тонкостью, юморомъ и часто — трогательностью. Но колоритомъ своимъ, впрочемъ изящнымъ, онъ никогда особенно не блисталъ, и не искалъ (говорятъ, умышленно) извлекать изъ него блестящихъ эффектовъ. Картины его всѣ писаны на сюжеты то изъ швейцарской, то изъ шварцвальдской жизни—послѣднія, послѣ переѣзда его (1850 г.) навсегда въ Дюссельдорфъ. Лучшія его картины: Мужики, играющіе въ карты и застигнутые въ шинкѣ своими женами, возвращающимися изъ церкви (1862), «Мужикъ и дѣлецъ»: послѣдній уговариваетъ его на продажу земли, онъ задумался, а жена отсовѣтываетъ, (1863), Поминки въ домѣ умершаго (1865), «Первый урокъ танцевъ въ шварцвальдской избѣ (1868), «Похороны» (1872). Прощаніе невѣсты съ отцовскимъ домомъ (1875), «Передъ засѣданіемъ волостного суда» (1876). «Судящіеся мужики» (1877), сердитые, озлобленные. Эта послѣдняя картина глубоко замѣчательна своею необычайною характеристикой дѣйствующихъ лицъ. По едва ли не единственною, сколько-нибудь драматическою и со взволнованнымъ чувствомъ, картиною можно признать его Прерванную свадьбу въ шинкѣ, гдѣ противники на секунду остановились, но стоятъ другъ противъ друга сердитые, взъерошенные, сопящіе пѣтухи, и готовы тотчасъ снова броситься другъ на друга. Слабыя же стороны Вотьэ — проглядывающая иногда, среди взрывовъ и простого выраженія, сентиментальность и нѣкоторая сахарность типовъ и чувства.

Дефрегеръ проявилъ истинный и значительный талантъ въ изображеніи близко знакомыхъ ему и дорогихъ ему сценъ изъ ихъ жизни, будничныхъ ежедне-

ныхъ, но высоко-интересныхъ маленькихъ событій, ярко выставляющихъ всѣмъ на видъ характеръ, душевную физіономію, нравы, духъ мало кому извѣстнаго и никогда прежде не представленнаго въ искусствѣ горнаго племени. Лучшая и важнѣйшая его картина «Послѣднее ополченіе» (Das letzte Aufgebot), представляющая толпу стариковъ-тирольцевъ, вооружившихся чѣмъ попало, и съ отчаянною рѣшимостью идущихъ помогать своему войску во время дикаго нашествія Наполеона I. Картина эта, небольшихъ размѣровъ, какъ и большинство картинъ Деффрегера, но полна такого глубокаго чувства, такой искренности, такой правдивой характеристики, что стоитъ гораздо больше, чѣмъ множество прославленныхъ такъ-называемыхъ историческихъ картинъ. Другія картины на сюжеты изъ той же національной войны, со сценами изъ героическихъ дѣяній національныхъ героевъ, Андреа Гофера и Шпекбахера, удались ему, въ удивленію, несравненно менѣе

рольцы и Братцы (хотя, что постарше, вернулся изъ городской гимназіи) 1869 г., Пѣвцы-нищіе (1871), трапезная и комическая Пляска въ альпійской избушкѣ (1870), представляющая старика-тирольца, схватившаго молодую дѣвушку и отплясывающаго съ нею, въ примѣръ молодежи, тогда какъ она съ окружающими мило подсмѣивается и подтрунивастъ надъ нимъ. Прощаніе съ альпійской пастушкой, Музыкантъ на цитрѣ, Сватовство, Галантерейный тирольецъ (1882). Недостатки Деффрегера одного качества съ недостатками Вотьэ: нѣкоторая сентиментальность и излишняя сладость и красивость типовъ. Точно будто Тироль, Швейцарія и Шварцвальдъ только и населены, что красавицами и красавчиками. Многочисленные этюды и Вотьэ, и Клауса, наполнены изящными лицами и фигурами красивыхъ молодыхъ людей, мужчинъ и женщинъ (всего чаще дѣвочекъ), встрѣченныхъ ими во время путешествій. Какая Аркадія! Почему онъ зарисовывалъ все только красивыхъ,



„Судящіеся мужики", Вотьэ.

(хотя онъ именно съ нихъ началъ свое композиторство, и, именно особенно былъ этими сюжетами наполненъ); единственное исключеніе составляетъ отца, самая первая по времени. Деффрегеръ сынъ Шпекбахера, вопреки запрещенію отца, пошелъ добровольцемъ на войну и наткнулся со своимъ сокрушеніемъ на отца, который держитъ военный совѣтъ со всѣмъ. Эта картина было такъ талантлива, такъ жива и правдива, что когда появилась на свѣтъ въ 1868 г., то Деффрегеръ, только что кончившій школу у Пилоти въ Мюнхенѣ, въ нѣсколько дней разомъ сдѣлался знаменитостью.

Деффрегеръ гораздо менѣе Вотьэ глубокъ, гораздо менѣе [illegible] разнообразенъ, но столько же національно и [illegible] [illegible] и [illegible] изобразитель лучшихъ и [illegible] [illegible] деревенскихъ соотечественниковъ, [illegible] простоты, чувственности привѣтливости [illegible] и [illegible]. У него [illegible] не хотѣлъ въ [illegible] [illegible] многочисленными [illegible] [illegible] (1864). [illegible] а прочихъ [illegible]ѣтъ? Замѣтимъ при этомъ, что, вслѣдствіе своего всегдашняго жизнерадостнаго чувства, своего вѣчнаго оптимизма, Деффрегеръ никогда не бралъ задачами для своихъ картинъ ни смерть, ни похороны.

Кромѣ Деффрегера, изъ школы Пилоти вышло еще много другихъ народниковъ. Таковы: Эберле, Шмидъ, Габль, Курнбауэръ, Вонфнеръ, Раунцъ, и нѣкоторые изъ нихъ были тѣмъ своеобразны, что являлись оптимистами менѣе Вотьэ и Деффрегера, и трактовали не разъ, со значительнымъ талантомъ, не только счастливыя и милыя, идиллическія, но также и печальныя, и даже мрачныя сцены изъ народной деревенской жизни.

32.

Къ числу учениковъ Пилоти принадлежитъ также Грюцнеръ, имѣвшій одно время немалый успѣхъ въ Германіи своими картинами, съ изображеніями на сто разныхъ манеровъ католическихъ монаховъ, разсѣсельныхъ, жирныхъ, наѣдающихся и напивающихся въ монастырскихъ погребахъ, стоящихъ и сидящихъ. Но это ограниченный родъ сюжетовъ, несмотря на замѣчательную техническую и колорит-

ную ловкость художника, скоро прискучилъ и вышелъ изъ моды.

Въ свое лучшее время, Пилоти славился кромѣ своей историчности, также и своимъ колоритомъ, выработавшимся у него вслѣдствіе прилежнаго изученія Рубенса, Вандейка и венеціанцевъ. Но его колоритъ только показался тогда очень хорошимъ, а не былъ имъ дѣйствительно, и многіе изъ его учениковъ сильно обогнали его въ этомъ отношеніи, наприм., Максъ, Ленбахъ, Брандтъ, и всѣхъ болѣе Макартъ. И этому нельзя не удивляться. Казалось бы, чего слѣдовало ожидать отъ учениковъ Пилоти? Конечно, картинъ историческихъ, потому что самъ учитель весь вѣкъ ими самъ занимался, и, значитъ, ими долженъ былъ вліять на своихъ учениковъ. Но этого не случилось: ни одинъ изъ воспитанниковъ Пилоти не вышелъ изъ его классовъ «историкомъ» и не прославился по этой части. Единственное, отчасти, исключеніе составляетъ группа талантливыхъ поляковъ, увѣ-

„Послѣднее ополченіе". Дефрегера.

ровавшихъ въ Пилоти и въ продолженіе многихъ лѣтъ пріѣзжавшихъ въ Мюнхенъ учиться у него художественному уму-разуму. Ни одинъ изъ нихъ тоже не вышелъ историкомъ — въ смыслѣ своего патрона, и всѣ они, Брандтъ, Герымскій, Хельминскій и другіе, пріобрѣли въ мюнхенской школѣ только отличное техническое умѣнье и мастерство, писали же все только картины военныя или охотничьи, и притомъ все только польскія, т.-е. не имѣющія ничего общаго съ Пилоти и его творчествомъ. Казаки и уланы Брандта, дома и на войнѣ, въ бояхъ съ татарами, шведами и турками, въ степи, въ лѣсу, въ полѣ, остановки на отдыхъ у шинковъ; старинныя охоты польскихъ магнатовъ Герымскаго и Хельминскаго, — все это картины, съ блестящимъ письмомъ искренно національныя, ничуть не растерявшія въ нѣмецкой школѣ своихъ характерныхъ основъ, и потому очень оригинальныя и своеобразныя, наконецъ, въ добавокъ ко всему, сюда же принадлежатъ сцены изъ жизни евреевъ въ Польшѣ, наприм., превосходная картина Герымскаго (Евреи, мотающіеся, вечеромъ, надъ Вислой). Присущій имъ военный элементъ глубоко лежалъ въ основѣ польскаго характера, и потому-то, конечно, польскіе живописцы гораздо болѣе учились въ Мюнхенѣ, у баварскаго лучшаго тогда баталиста Франца-Адама, чѣмъ у Пилоти, притомъ же всѣ они были подъ сильнымъ вліяніемъ французской новой школы. Такимъ образомъ, за исключеніемъ этой спеціальной польской группы, изъ школы Пилоти не вышло никакихъ историческихъ живописцевъ. Но вышли оттуда художники совершенно другого склада: художники, по преимуществу колористы.

И во-первыхъ, вышла оттуда цѣлая масса «народниковъ» — съ Дефрегеромъ во главѣ, о которыхъ говорено уже выше. Они всѣ, большею частью, были прекрасные колористы.

Во-вторыхъ, вышло оттуда нѣсколько отличныхъ портретистовъ, съ Ленбахомъ во главѣ. Правда, Ленбахъ мало представлялъ самостоятельнаго, а являлся ревностнымъ послѣдователемъ и ученикомъ Тиціана, Рембрандта и Веласкеца, соединенныхъ вмѣстѣ, но тѣмъ не менѣе, онъ былъ художникъ высоко замѣчательный, какъ по красотѣ своихъ красокъ и разнообразнымъ эффектамъ колорита, такъ и по превосходной характеристикѣ изображаемыхъ личностей. Онъ написалъ множество портретовъ современныхъ ему (конецъ 60-хъ годовъ) европейскихъ знаменитостей: но здѣсь голова написана всегда великолѣпно, а руки и тѣло — поверхностно и даже нечасто небрежно. Таковы портреты Листа, Рих. Вагнера, Дёллингера, Бёклина, графа Шака — владѣльца знаменитой картинной галлереи въ Мюнхенѣ, Павла Гейзе, Макарта. Во второй свой періодъ (начиная съ 70-хъ годовъ), онъ написалъ еще большую массу превосходныхъ портретовъ: германскаго императора, кронпринца, графа Мольтке, многихъ другихъ высшихъ и аристократическихъ лицъ и цѣлую массу портретовъ всемірно-прославленнаго въ то время, съ безумнымъ энтузіазмомъ, Бисмарка.

Изъ той же школы вышелъ колоритъ по преимуществу, Макартъ. Онъ въ свое время наѣлъ чрезвычайно много шума и почитался въ Европѣ великимъ и рѣдкимъ геніемъ, истиннымъ Моцартомъ живописи. Все высшее и преимущественно вѣнская аристократія бросилась заказывать ему свои

портреты, но скоро разобрала, что это была только fata morgana, что портреты Макарта блестящи и поразительны по красивости и ловкости колорита, но кромѣ того — ничего не стоятъ: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго съ оригиналомъ сходства, все выдумано, и, кромѣ виртуозной, капризной техники, все остальное — фольга и блестки. Спустя немного лѣтъ, почти то же самое открыли и въ его историческихъ картинахъ: его прославленные на протяженіи всей Европы Чума во Флоренціи (1868), Поклоненіе Венеціи кипрской королевѣ Катеринѣ Корнаро (1873), Въѣздъ Карла V въ Антверпенъ (1877) и другія менѣе подобныя вещи — блестящія декораціи, ласкающія глаза своими чудесными красками, подражающими венеціанцамъ. Впрочемъ, спеціально по части колорита, Макартъ остался не безполезнымъ для современныхъ ему нѣмецкихъ живописцевъ, вообще къ колориту мало расположенныхъ.

34.

Хорошихъ, замѣчательныхъ талантливыхъ пейзажистовъ было въ Германіи, въ теченіе XIX столѣтія, не мало, но не было между ними ни одного истинно великаго, истинно геніальнаго. Въ этомъ, германцы не представили ничего, что могло бы равняться съ пейзажной живописью французовъ первой половины вѣка, съ ихъ колоритными открытіями, ничего, что являлось-бы починомъ, началомъ чего-то новаго, еще не тронутаго прежде другими.

Главною характеристическою чертою нѣмецкихъ пейзажистовъ XIX столѣтія является тотъ самый фактъ, который характеризуетъ и всѣхъ остальныхъ пейзажистовъ Европы нашего вѣка: это покиданіе пейзажа классическаго, идеальнаго, выдуманнаго и аррангированнаго, и переходъ къ пейзажу дѣйствительному, стараніе изучить, узнать, схватить его во всей его истинности и передать его во всѣхъ чертахъ и подробностяхъ, съ разнообразными его силовыми эффектами и явленіями, со всѣми облаками, тучами, воздухомъ, огнемъ и мракомъ, очарованіемъ и волшебствомъ, въ правдивомъ, безкорыстно-вѣрномъ и неподкупномъ обликѣ. Въ эту сторону были направлены усилія всѣхъ главныхъ нѣмецкихъ школъ, дюссельдорфской и берлинской, мюнхенской и веймарской.

Но между тѣмъ, какъ лучшіе, замѣчательнѣйшіе пейзажисты французы, вся Барбизонская школа: Руссо, Дюпре, Коро, Добиньи и съ нею также Курбэ, Милле, Тройонъ и другіе взяли себѣ темою и объектомъ изученія спеціально французскія мѣстности и именно въ изображеніи ихъ израдили и взрастили весь свой оригинальный талантъ, нѣмецкіе [illegible] какъ-будто чуждались своей отечественной, національной природы въ ея современномъ видѣ, отвернули отъ нея [illegible] не взглядъ, но слишкомъ часто глаза, и искали себѣ оригиналовъ болѣе, какъ имъ казалось, достойныхъ и подходящихъ.

Послѣ періода классичности (Кохъ, Ротманъ, Преллеръ) и подражательности прежнимъ мастерамъ, первымъ дѣйствительно-нѣмецкимъ и самостоятельнымъ пейзажистомъ должень быть признанъ Лессингъ. Будучи всего еще 18 лѣтнимъ юношей, онъ написалъ Пейзажъ съ острова Рюгена, который тотчасъ же обратилъ на него вниманіе публики своею талантливостью, но гдѣ сразу замѣтили нѣкоторое родство съ Рюйсдалемъ. Послѣ того, онъ пошелъ быстрыми шагами впередъ, и въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ гг. написалъ не мало замѣчательныхъ по своему реализму (въ старо-нидерландскомъ родѣ) ландшафтовъ, съ романтической обстановкой замковъ, монастырей и средневѣковыхъ дѣйствующихъ лицъ. Но когда въ 1832 г. ему удалось поѣхать въ Эйфелевскую область, онъ былъ пораженъ красотой ея природы и видовъ, онъ нашелъ тутъ все то, чего его художественная натура требовала. Онъ ревностно принялся изучать очертанія горъ, скалъ, деревьевъ, и сталъ переносить множество этихъ новыхъ аспектовъ въ свои картины. Его созданія въ этомъ родѣ очень многочисленны, но тутъ его талантъ всего болѣе проявлялся лишь въ рисункѣ, контурахъ — краски ему мало давались, какъ и въ историческихъ картинахъ.

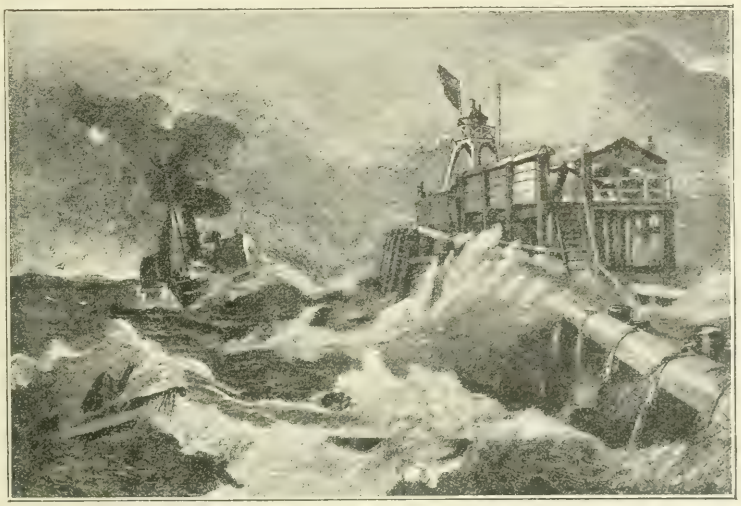
„Графиня Z.“. Ленбаха.

Значительное число другихъ еще замѣчательнѣйшихъ германскихъ пейзажистовъ, точно также, какъ и Лессингъ, были неудовлетворены окружавшей ихъ природой, и съ конца 30-хъ годовъ искали красотъ и характеристическихъ проявленій ея вдали. Берлинецъ Беллерманъ въ началѣ 40-хъ годовъ привезъ множество отличныхъ рисунковъ, эскизовъ изъ путешествія въ Южную Америку, и потомъ въ продолженіе полустолѣтія разрабатывалъ эти наброски въ картинахъ (замѣчательнѣйшимъ созданіемъ его считается изображеніе Первобытнаго лѣса); другой берлинецъ, широко и высоко прославленный Эдуардъ Гильдебрандтъ началъ свои путешествія и какъ результатъ ихъ, свои картины — съ острова Рюгена (1838), потомъ въ 40-хъ и 60-хъ годахъ объѣхалъ Англію, Шотландію, острова Канарскіе, Италію, Сицилію, Египетъ, Нубію, Сахару, и кончилъ Ледовитымъ океаномъ. Его наблюдательность и способность изучать мѣстности и явленія природы были громадны, письмо блестяще и великолѣпно, и потому очень эффектно для всѣхъ, но онъ былъ наполненъ одною только мыслью — отыскивать вездѣ въ природѣ какіе-бы то ни было исключительные «феномены», экстренныя очертанія, поразительныя линіи и группы, и блистать на своихъ картинахъ этими своими находками, ослѣплять воображеніе зрителя.

Между другими пейзажистами значительными величинами явились, среди мюнхенской школы Моргенштернъ, среди дюссельдорфской Гурлитъ. Оба они были родомъ сѣверо-германцы, оба провели нѣсколько лѣтъ въ тщательномъ изученіи оригинальной, изящной природы датской и норвежской. Но

послѣ, они писали Германію. Первый написалъ много прекрасныхъ пейзажей (часто съ лунными, любимымъ своимъ освѣщеніемъ) изъ природы Баваріи, сѣверной Германіи и Голландіи, второй — много пейзажей сѣверо-германскихъ. Оба возрастили не малое количество новыхъ нѣмецкихъ живописцевъ, реалистовъ и водворителей простого и вѣрнаго взгляда на отечественную, нѣмецкую природу.

Вліяніе этихъ двухъ сѣверныхъ германцевъ на пейзажъ средней и южной Германіи былъ такъ силенъ, что даже такой сильный талантъ, какъ Андрей Ахенбахъ необыкновенно много имъ обязанъ своимъ художественнымъ развитіемъ. Но событіемъ, окончательно рѣшившимъ его направленіе и обликъ художественнаго таланта, было путешествіе, предпринятое, въ 1832 году при отцѣ (который былъ купецъ), въ Голландію, сѣверную Германію и Ригу — здѣсь онъ видѣлъ въ первый разъ море. Въ 1836 г. онъ написалъ «Бурю у нидерлескихъ береговъ», которая считается истинною эпохой въ исторіи европейскаго пейзажа. Много было писано въ XIX вѣкѣ отличныхъ пейзажей на разнообразнѣйшія темы, но бури были забыты со временъ нидерландцевъ, и никто не рѣшался изображать ихъ. Ахенбахъ принялся глубоко и ревностно изучать и писать на картинахъ своихъ морскія бури и достигъ въ этомъ такого великаго, не знаемаго до тѣхъ поръ въ новомъ искусствѣ совершенства, что всѣ живописцы Европы пошли по его слѣдамъ и стали продолжать его дѣло. Немногіе приблизились къ нему. Онъ остался единственнымъ.



„Отплытіе парохода во время шторма“, Ахенбаха.

Но его обвиняютъ въ послѣднее время въ томъ, что, при всей громадной и великолѣпной его техникѣ, онъ ищетъ передавать не свои внутреннія ощущенія, не глубину чувства, а только заботится о сильныхъ эффектахъ и поразительныхъ по изяществу картинъ, чѣмъ и отличается отъ старинныхъ, простыхъ, искреннихъ, ни о какой публикѣ не заботящихся, нидерландцевъ. Но, какъ бы тамъ ни было, Ахенбахъ былъ художникъ высоко-замѣчательный, рѣдкій между лучшими художниками нашего вѣка, и что имъ выражено изъ бунта стихій, изъ бушеваній расколебавшагося моря, изъ его разверзшихся цѣлыми пропастями хлябей, изъ ходящихъ, словно горы, сизыхъ волнъ, изъ его мрачныхъ небесъ, мечущихся и растерзанныхъ облаковъ, изъ его свѣтовыхъ явленій, то ослѣпительныхъ, то угрюмыхъ и страшныхъ, — навѣки останется, конечно, великолѣпнымъ и несравненнымъ. Но громадная виртуозность Ахенбаха не ограничивалась однимъ моремъ: онъ писалъ также много картинъ, которыхъ сцена — на твердой землѣ. У него есть чудесные виды изумительныхъ по красотѣ многочисленныхъ норвежскихъ водопадовъ, германскихъ лѣсовъ и долинъ, полей и лугов въ ганноверской и нижнерейнской области, наконецъ, виды внутри лучшихъ голландскихъ городовъ. Между послѣдними особенно отличаются: Еврейскій кварталъ въ Амстердамѣ, Рыбный рынокъ въ Остенде (1866), со множествомъ движущихся и волнующихся фигуръ, превосходно нарисованныхъ и необыкновенно живописно освѣщенныхъ. Довольно слабы у него лишь его итальянскія картины и виды 40-хъ и 50-хъ годовъ.

35.

Среди всѣхъ европейскихъ живописцевъ XIX вѣка, Менцель одинъ изъ самыхъ великихъ, среди-же нѣмецкихъ — онъ первый и наивеличайшій. Онъ уже высоко-талантливымъ и родился, но укрѣпилъ и возвеличилъ свое необыкновенное дарованіе такимъ желѣзнымъ трудомъ, такимъ неизсякаемымъ стараніемъ и заботой, какъ это бывало лишь у очень немногихъ людей на свѣтѣ. Въ молодые и даже средніе годы, счастье вовсе не благопріятствовало ему. Еще ребенкомъ (онъ родился въ 1815 г.) онъ пробовалъ сочинять «картины», и, будучи всего 13-ти лѣтъ, нарисовалъ карандашомъ, на академическій манеръ, сцену изъ римской исторіи: «Сципіонъ и Метеллъ»; 15-ти лѣтъ онъ потерялъ отца и сталъ работать для прокормленія себя, въ бывшей отцовской небольшой литографіи; 18-ти онъ попробовалъ поступить въ берлинскую академію художествъ, но тамъ едва поработалъ немного въ гипсовомъ классѣ, какъ уже былъ принужденъ выйти оттуда вонъ — директоръ академіи, скульпторъ Шадовъ, не находилъ у него достаточно таланта для того, чтобы держать его въ академіи даромъ. Менцель былъ бѣденъ, ему еще идти куда-то учиться было некуда, и онъ сталъ учиться, какъ могъ, самъ. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался, по печальности, навсегда самоучкой. Но самоучкой необыкновеннымъ, геніальнымъ. Тѣмъ что первая внѣшняя неудача послужила ему, по всей вѣроятности, къ лучшему. Онъ научился своему дѣлу самъ, одинокій, такъ прочно и широко, какъ, быть можетъ, не научился-бы ни въ какой школѣ, и когда книгопродавецъ Заксъ поручилъ ему иллюстрировать, литографіей, сцены Гете «Земная жизнь художника», онъ нарисовалъ для этого изданія 6 такихъ талантливыхъ рисунковъ перомъ, такихъ оригинальныхъ и мастерскихъ, что тотъ-же самый Шадовъ, который не сумѣлъ удержать его въ академіи, публично высказывалъ теперь этому самому 18-ти-лѣтнему юношѣ свое одобреніе.

Послѣ того, Менцель произвелъ на свѣтъ нѣсколько созданій, рисунковъ и картинъ, въ которыхъ, при всемъ еще несовершенствѣ молодой, только еще стремящейся впередъ, техники, выразилась вся сущность художественнаго его склада и настроенія, такъ что всѣ послѣдующія его созданія являлись уже потомъ только развитіемъ и расширеніемъ впервые обозначившихся тутъ первоначально элементовъ художественной физіономіи.

Первымъ такимъ произведеніемъ явился собраніе 12 литографій, сочиненныхъ въ 1833 г. и изданныхъ въ 1837 г., иллюстрировавшихъ бранденбургско-прусскую исторію, начиная отъ древнихъ временъ и кончая лейпцигской битвой 1813 г. Никто не заказывалъ, никто не соблазнялъ ему принимаясь за эти иллюстраціи, но какова была его собственная потребность, какова его стремленіе, историческое вообще и отечественно-національное въ особенности. А какъ замѣчательно, что въ это время германская историческая живопись (и именно, въ частности, достопдерская школа) только и жаждала — что средніе вѣка, а попытка Менцеля — заглянуть подъ по-

ными временами являлась какимъ-то дерзкимъ новшествомъ.

Вторымъ художественнымъ дѣломъ его первыхъ юныхъ лѣтъ былъ рядъ картинъ изъ современной обыденной германской действительности, сцены бытовыя и интимныя. Таковы были его: «Шахматный игрокъ» (1836), «Юридическая консультація», «Одѣваніе» и «Священникъ и монахъ» (1837), «Судъ» (1838—9). Вездѣ и во всемъ здѣсь 20-тилѣтній юноша начинаетъ оттачивать свое оружіе, еще самоучкой учился техникѣ на картинахъ француза Изабэ, ревностнаго послѣдователя Делакруа по части владѣнія живыми и эффектными красками и въ то же время все болѣе и болѣе научался выражать искреннее чувство.

Немногіе видѣли и понимали, что этотъ молодой художникъ дѣлаетъ настоящее дѣло, и что въ этой своеобразной личности начинаетъ выростать великій будущій художественный дѣятель: для большинства это было нечувствительно и непонятно, и Менцель затертъ былъ въ массѣ множества другихъ современныхъ художниковъ, въ большинствѣ случаевъ посредственныхъ. Эта непонятливость публики, это отсутствіе репутаціи продолжались почти цѣлыхъ 20 лѣтъ. Настоящее и полное признаніе своеобразности таланта Менцеля началось лишь около середины 50-хъ годовъ. Но Менцель одаренъ былъ желѣзной волей, желѣзнымъ терпѣніемъ и никогда не обезкураживался отсутствіемъ такихъ симпатій, какихъ онъ заслуживалъ. Онъ всю жизнь шелъ отъ одного совершенства къ другому.

Начались истинно-замѣчательныя его созданія съ 1839 г., когда извѣстный литераторъ и художественный критикъ и историкъ Куглеръ задумалъ издать общедоступное, популярное жизнеописаніе всеобщаго германскаго кумира, короля Фридриха II. Болѣе всѣхъ остальныхъ нѣмцевъ восхитившись иллюстраторскою способностью Менцеля, онъ предложилъ ему иллюстрировать это изданіе. Менцель принялъ, и эта работа взяла рѣшающимъ событіемъ въ его жизни. Отъ сихъ поръ онъ провелъ цѣлыхъ полтора десятка лѣтъ въ изученіи и изображеніи Фридриха II и всей его эпохи. Въ 1842 году Менцель кончилъ свои иллюстраціи для Куглера (400 листовъ), а въ 1843 году ему дали другой заказъ — уже отъ прусскаго правительства: иллюстрировать сочиненія Фридриха II, издаваемыя тогда на казенный счетъ. Онъ этой работой занимался 6 лѣтъ, и сдѣлалъ для изданія 200 рисунковъ. Съ 1849 по 1857 г. онъ написалъ нѣсколько картинъ масляными красками, также на сюжеты изъ жизни того-же прусскаго короля, наконецъ въ эти-же самые годы онъ напечаталъ, въ литографіяхъ и гравюрахъ, еще нѣсколько обширныхъ изданій, касающихся опять-таки его же: «Изъ временъ Фридриха II» (12 гравированныхъ портретовъ на деревѣ), «Солдаты Фридриха Великаго» (30 листовъ, въ краскахъ, съ изображеніемъ мундировъ), «Армія Фридриха Великаго» (600 раскрашенныхъ литографій). Все это вмѣстѣ составляло громадную галлерею, посвященную все одной и той же личности и эпохѣ. Работа была громадная, несравненная. Даже одни приготовленія къ ней представляютъ собою что-то необыкновенное, и никогда, еще кажется, не было на свѣтѣ такого изученія эпохи и людей какому предался для своей цѣли Менцель. Это изученіе можно назвать просто феноменальнымъ. Оно превосходило во много разъ то, какому посвятилъ себя однажды Жерико, когда задумалъ написать свою картину «Крушеніе фрегата Медуза», а впослѣдствіи Мейсоньэ, когда рѣшилъ иллюстрировать своими картинами разныя сцены изъ жизни Наполеона I. Жерико построилъ себѣ плотъ, совершенно подобный тому, на которомъ спасались люди съ «Медузы», (даже [illegible] строилъ-то его тотъ самый плотникъ, что наскоро сколотилъ [illegible] «Медузы»), пускалъ его по водѣ въ бурную погоду, изучалъ живую природу взволнованнаго моря, [illegible] госпиталямъ, изучая больныхъ и умирающихъ; [illegible] изучалъ не только портреты Наполеона и его фигуру, и его мундиръ, и шляпу, и сапоги, но [illegible] костюмы и физіономіи и лошадей, и оружіе наполеоновскаго генералова и солдата, до мельчайшихъ подробностей [illegible] даже пыльную дорогу, по которой двигается конная [illegible] Менцеля пошло въ сто разъ [illegible] несравненно обширнѣе, многообъемистѣе и [illegible] глубже. Мейсоньэ былъ, конечно, художникъ столько же талантливый, сколько и старательный, но ему былъ гораздо болѣе доступенъ міръ внѣшній, чѣмъ внутренній. Онъ съ великимъ усердіемъ, прилежаніемъ и умѣньемъ воспроизводилъ комнату, мебель, обстановку жизненную, костюмъ своихъ персонажей, и даже ихъ фигуру, позу, внѣшнюю характеристику и всѣ движенія, только не сторону душевную, ему почти вовсе неизвѣстную, непонятную и недоступную. Съ этой стороны, онъ, конечно, способенъ былъ, иной разъ, изобразить Наполеона I — мрачнымъ, недовольнымъ, послѣ потери сраженія, среди его раболѣпныхъ маршаловъ, или Наполеона III — сухимъ и фатальнымъ «сфинксомъ» среди другихъ маршаловъ и на вершинѣ другой эпохи, способенъ былъ изобразить толпу солдатъ, въ преданномъ восторгѣ фанатически ревущихъ своему владыкѣ: «vive l'empereur!» въ ту минуту, когда ихъ гонятъ въ бой, имъ непонятный и ненужный, но дальше этого психологія Мейсоньэ не простиралась. Точно также его солдаты обоихъ Наполеоновъ, на стоянкѣ, болтающіе, потѣшающіеся, разсуждающіе, его философы и ученые XVIII столѣтія, бесѣдующіе, совѣщающіеся, праздные, завитые, напудренные и ничтожные, не представляютъ ни характеровъ, ни душъ, ни умовъ, а только ловко и мастерски нарисованныя и написанныя фигурки. Но всему этому далеко до сценъ и фигуръ Менцеля, въ его рисункахъ и картинахъ. Никто дальше его не шелъ въ способности къ характеристикѣ, и въ этомъ, въ теченіе XIX вѣка, соперниками ему могли бы быть выставлены только французы Курбэ и Миллэ. Но у этихъ двухъ великихъ талантовъ задачи были, если можно такъ сказать, сжатѣе и единотоннѣе. Они взяли темами, для чудныхъ своихъ картинъ, лишь одну извѣстную область изъ числа многообразныхъ полосъ и подраздѣленій человѣческой жизни и дѣятельности: крестьянъ и мелкихъ буржуа. У Менцеля, въ кругѣ его темъ и задачъ, входило безчисленное множество сословій, категорій, званій, занятій, профессій, характеровъ и интеллигенцій: были тутъ и крестьяне, и рабочіе всякаго рода, и короли и принцы; были фабричные и ученые; была и грубая сѣрая толпа и цвѣтъ европейской интеллигенціи, съ Вольтеромъ и Даламберомъ во главѣ; были и кровавыя буйныя сраженія—и набожныя службы въ католическихъ соборахъ; были и покорные слушатели классическихъ старинныхъ концертовъ и невѣрующіе, подсмѣивающіеся надъ церковными процессіями новаго времени; были и ужаснѣйшія озвѣрѣлыя туниды и люди съ физіономіями, дышащими энергіей, умомъ и широкою душевною дѣятельностью. И все это выполненное съ несравненнымъ мастерствомъ очертаній, краски и освѣщенія. Никто не былъ одаренъ подобнымъ дивнымъ соединеніемъ, въ одномъ единомъ художникѣ, всѣхъ лучшихъ художественныхъ даровъ за одинъ разъ.

И за все это Менцель былъ достаточно прославленъ Европой, начиная съ конца перваго пятидесятилѣтія своей жизни.

Но можно, мнѣ кажется, о чемъ-то во всемъ этомъ и пожалѣть.

Можно пожалѣть о томъ, что Менцель употребилъ столько годовъ и столько громаднаго таланта, чтобы изобразить только жизнь Фридриха II, только его эпоху и только его современниковъ. Безъ сомнѣнія, и этотъ король прусскій, и эта его эпоха, и тогдашніе люди, представляютъ не мало чертъ и подробностей характерныхъ, важныхъ и достопримѣчательныхъ, а потому и достойныхъ изображенія. Отчего бы и не былъ изображенными той или другой личности, сценѣ, событію Фридриховскаго времени? Чудесны по сочиненію, по группировкѣ, по позамъ, по выраженію, по тысячѣ наивѣрнѣйшихъ подробностей комнаты, костюма, мебели и всего остальнаго, такія талантливыя, несравненныя картины, какъ «Ужинъ въ Потсдамѣ» (1845), «Концертъ на флейтѣ, во дворцѣ, вечеромъ» (1850), «Фридрихъ II въ деревнѣ, во время поѣздки» (1854), «Фридрихъ II у танцовщицы Барберины» (1852); чудесны его рисунки: множества солдатъ и офицеровъ Фридриха II, стоящихъ, сидящихъ, сидящихъ верхомъ, натягивающихъ перчатку на руку, веселыхъ, довольныхъ, сердитыхъ, натянутыхъ, распущенныхъ, лѣзущихъ, или восторгающихся; превосходна его картина: «Сраженіе при Гофкирхенѣ» (1856), особенно его прославившая въ

Германіи, и по всей справедливости, такъ какъ тутъ была въ яркой силѣ и мастерски изображена на лицѣ Фридриха, сидящаго верхомъ, среди войска, непотрясаемая энергія послѣ потерянпаго сраженія: энергія и настойчивость всегда интересны и почтенны,—но не можемъ сочувствовать «горести» и «энергіи» Фридриха, потому что этими боями король не совершалъ ничего важнаго, интереснаго, человѣческаго для насъ, нашего ума и воображенія. Слѣпо преклоняясь передъ королемъ Фридрихомъ и его побѣдами, Менцель пропускаетъ слишкомъ многое изъ того, что при Фридрихѣ существовало и дѣлалось вопреки приписываемой ему геніальности, а это-то намъ всего важнѣе и нужнѣе имѣть отъ геніальнаго человѣка, благодѣтеля своихъ современниковъ. Не встрѣчаемъ мы во всѣхъ этихъ блестящихъ картинахъ изображенія той забитости, той угнетенности, той бѣдноты, того безправія, того несчастія и отупѣлости, которыя были у тогдашняго прусскаго народа слѣдствіемъ тѣхъ качествъ короля, о которыхъ Менцель, кажется, тутъ никогда и не думалъ. Что намъ за дѣло до Концерта на флейтѣ, съ прелестнымъ огненнымъ освѣщеніемъ и правдивостью придворной галантерейной обстановки рококо, когда и старинная-то музыка была плоха у короля, и самъ-то онъ игралъ прескверно, и ничего-то нельзя тутъ ему поставить въ заслугу, потому что онъ былъ страшно сухъ и прозаиченъ, и ничего общаго не имѣлъ ни съ искусствомъ, ни съ поэзіей. Что намъ за дѣло до его милостивыхъ, по наружности, разговоровъ съ народомъ «въ дорогѣ», когда онъ этотъ народъ, въ дѣйствительности, презиралъ и топталъ безпредѣльно. Глазами мы можемъ искренно восхищаться изящной виртуозностью и мастерствомъ Менцеля, но душой чувствуемъ, что тутъ въ картинахъ что-то не такъ, что тутъ многаго не хватаетъ, и что этотъ обаятельный для насъ художникъ, Менцель, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ первый и высшій историческій живописецъ не только Германіи, а и всего нашего вѣка, но въ этихъ картинахъ своихъ онъ не выполнилъ всей своей задачи и вольно или невольно покривилъ противъ исторіи и искусства.

По счастію для своего таланта, Менцель провелъ только 15—17 лѣтъ въ своемъ Фридриховскомъ чаду. Его безпокойная, вѣчно озабоченная впечатлѣніями и потребностями творчества, натура не могла весь свой вѣкъ выносить неестественнаго, однообразнаго напряженія. Она рвалась во множество разныхъ другихъ сферъ. Еще съ начала 50-хъ годовъ онъ сочинялъ множество рисунковъ и набросковъ на самыя разнообразныя темы: въ 1851 году онъ издаетъ литографическій альбомъ (сдѣланный необыкновеннымъ способомъ: кистью и скребкомъ), который наполненъ человѣческими фигурами XVII и XVIII вѣка (ужъ никакъ не одними только королями, придворными и военными), фигурами животныхъ, срисованными съ живой натуры и т. д.; въ томъ же году рисуетъ «Концертную залу, до начала музыки», «Желѣзнодорожное купэ»; пишетъ «Христа-юношу, бесѣдующаго съ учителемъ въ храмѣ», а позже, въ 1853 г. «Христа съ мытарями» (двѣ любопытныя попытки, въ родѣ нашего Иванова, работавшаго въ то же самое время, представить Христа и окружающихъ его людей въ національномъ и реальномъ еврейскомъ обликѣ и обстановкѣ, вопреки всѣмъ принятымъ прежними художниками привычкамъ, но эти попытки мало удались Менцелю, какъ не соотвѣтствующія характеру его таланта); въ это время онъ пишетъ также нѣсколько менѣе значительныхъ историческихъ фресокъ и акварелей.

Въ эти годы фортуна и благоволеніе нѣмецкой публики, цѣлой массой, обращаются къ нему, и онъ идетъ отъ одного торжества къ другому. Даже франція и остальная Европа начинаютъ цѣнить его. Съ восшествія на престолъ Вильгельма I онъ дѣлается официальнымъ живописцемъ короля, получаетъ многочисленные заказы, въ томъ числѣ заказъ написать громадную картину «Вѣнчаніе на царство Вильгельма I» въ Кенигсбергскомъ соборѣ (1861), съ нѣсколькими сотнями портретовъ, и это исполняется имъ съ необычайнымъ талантомъ и успѣхомъ. Но ничто не отвлекаетъ его отъ настоящаго искусства и работы, онъ ни на единую іоту не дѣлаетъ уступокъ модѣ, требованіямъ публики, вкусамъ современниковъ, онъ остается непреклоненъ и непобѣдимъ въ своемъ гордомъ одиночествѣ и суровости, и продолжаетъ все только учиться и развиваться.

Менцелю было 52 года, когда происходила въ Парижѣ знаменитая всемірная выставка 1867 года. Онъ туда поѣхалъ, былъ горячо привѣтствованъ и чествуемъ всѣмъ тогдашнимъ французскимъ художественнымъ міромъ, уже хорошо знавшимъ его произведенія, проводилъ много времени въ интимныхъ бесѣдахъ и обозрѣніяхъ съ Мейсоньэ и Курбэ, а самъ все только продолжалъ—учиться и дѣлать успѣхи. Нѣмецкая художественная критика, въ лицѣ значительнѣйшихъ своихъ представителей, сказала впослѣдствіи, что это пребываніе Менцеля въ Парижѣ и изученіе новаго французскаго искусства повело его къ еще большей виртуозности, и что его колоритическое дарованіе, уже великое и до того времени, получило теперь, въ добавокъ ко всѣмъ прежнимъ качествамъ, еще какую-то лихорадочную нервность».

Болѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, онъ обратился къ современности и реальной дѣйствительности. В концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ онъ написалъ громадную массу картинъ, тотчасъ же прославленныхъ на всю Европу. Во всѣхъ нихъ главную роль играетъ толпа, масса народная, состоящая изъ представителей всѣхъ сословій, всѣхъ состояній, всѣхъ возрастовъ и иногда—разнообразнѣйшихъ народностей. Все это, чудно и характерно схваченное, нарисованное и освѣщенное яркимъ солнцемъ, на чистомъ воздухѣ, среди зелени или на улицѣ. Сюда принадлежатъ: Тюльерійскій садъ (1867), Ресторанъ на праздникѣ всемірной выставкѣ» (1868), Будни въ Парижѣ» (1868), «Эстергазіевскій погребъ въ Вѣнѣ» (1868), «Божественная служба на чистомъ воздухѣ близъ Бадъ-Кёзена» (1868), «Воспоминаніе о Люксембургскомъ садѣ» (1872), «Прощанье съ берлинцами Вильгельма I, отъѣзжающаго на войну съ Наполеономъ III» (1871) картина, считаемая верхомъ талантливаго мастерства и сверхъ того являющаяся для нѣмцевъ высочайшимъ выраженіемъ пламеннаго національнаго восторга и патріотизма. Нѣсколькими годами позже, Менцель представилъ двѣ-три картины изъ придворной берлинской жизни императорской эпохи, но тутъ онъ уже далъ всю волю своему саркастическому уму и насмѣшливой наблюдательности. Въ 1878 году онъ написалъ свою очень знаменитую картину «Придворный ужинъ», въ 1879 году «Cercle» (собраніе во дворцѣ): обѣ картины писаны съ такимъ поразительнымъ мастерствомъ, которое не уступаетъ лучшимъ созданіямъ старыхъ нидерландцевъ, но что въ нихъ выше всѣхъ красотъ краски и освѣщенія, это—тѣ разнообразные придворные и аристократическіе типы изъ военнаго, штатскаго и дамскаго сословія, тѣ выраженія и настроенія, которыя живописуютъ многоразличную, разносоставную бальную придворную толпу. Это истинныя историческія иллюстраціи нашего времени. Наконецъ, въ 1884 году, Менцель написалъ еще, съ тѣмъ же великимъ мастерствомъ и блескомъ, какъ парижскіе сады тюльерійскій и люксембургскій, народную площадь въ Веронѣ» (1884), съ безчисленной толпой итальянскаго народа, тутъ толпящагося, то въ видѣ элегантныхъ дамъ, то оборваннаго мужичья, кричащаго, бѣгущаго, мечущагося, озабоченнаго, суетливаго, праздно глазѣющаго, и тутъ же рядомъ являются у него молчаливые католическіе патеры, флегматическіе англичане-туристы, — озабоченныя кухарки, назойливые нищіе. Какая огненная, шумящая и пестрая южная картина!

Въ продолженіе всѣхъ періодовъ своей художественной дѣятельности, Менцель нарисовалъ также безчисленное множество превосходныхъ, живыхъ, полныхъ движенія или покоя акварелей, гуашей, рисунковъ перомъ и карандашомъ. Кромѣ упомянутыхъ уже выше иллюстрацій его Фридриховскаго періода, превосходны его полные характерности, мѣткой правды и изящнѣйшей красоты, рисунки: Китайская кофейня на берлинской всемірной выставкѣ (1873), Отдыхающіе каменщики, Мюнхенскій пивной садъ», «Утро въ купѣ», Гольштейнъ», Кисингенъ», Масляница въ Берлинѣ (1885), Улица въ Берлинѣ вечеромъ», Японская выставка въ Берлинѣ (1886), Дѣтскій альбомъ (30 листовъ акварелей на сюжетъ изъ Берлинскаго зоологическаго сада).

Но, среди всей этой громадной, поразительной массы творчества, едва ли не самыми высокими его созданіями послѣднихъ лѣтъ XIX вѣка слѣдуетъ признать въ сію картины: Церковную процессію въ Гастейнѣ (1880) и Желѣзный завѣтъ (1875). Это двѣ лучшія страницы изъ современной исторіи. Въ нихъ Менцель присоединяется, со своими нѣмецкими дѣйствующими лицами, къ тѣмъ несравненнымъ картинамъ Курбе и Милле, гдѣ дѣйствующими лицами являлись французы. Медленно двигается церковная процессія, усердные люди несутъ хоругви, стараясь поскорѣе протискать ихъ сквозь низенькую дверь церкви, священникъ съ офиціальнымъ почтеніемъ несетъ св. дары, а молоденькіе церковные прислужники въ бѣлыхъ кружевныхъ шемизеткахъ разсѣянно хлопотуютъ со своимъ дѣломъ около него, благочестивые крестьяне съ потупленными отъ работы глазами плетутся потихоньку за процессіей. На первомъ же планѣ картины толпа разношерстныхъ туристовъ изъ разныхъ краевъ Европы: тутъ есть и молодые и старые, умные и глупые, серьезные и пустые, французы и нѣмцы, но всѣмъ имъ скучно и неинтересно то, что передъ ними происходитъ: иные, развалясь о плетень и любезничая съ элегантными, улыбающимися дамами, жуютъ, скоро ли все эта исторія кончится. Все вмѣстѣ нѣчто еще болѣе высокое, правдивое и художественное, можетъ быть, чѣмъ Похороны въ Орнанѣ Курбе.

Желѣзный завѣтъ — не только chef d'o uvre, но также и tour de force Менцеля. У него тутъ на сценѣ словно какой-то лѣсъ: висящіе отъ свѣтящагося вверху стеклянного потолка, книзу до полу, ремни, приводы, цѣпи, упирающіяся вверхъ тонкіе чугунные столбы и столбики, зубчатыя колеса, и тутъ, и тамъ, повсюду, крючья и веревки — словно дремучую чащу лѣсную, сквозь которую еле могутъ пробираться рабочіе въ длинныхъ кожаныхъ фартукахъ, черные, какъ арапы, и спокойно отромадными желѣзными клещами, клещами и ухватами въ раскаленныхъ горитъ бѣлыхъ огнемъ, тонко красный или цвѣта мрака. Одни изъ рабочихъ тянутъ тяжелыя съ колесами желѣзныя или серыя рудо[illegible] еще иные отошли въ сторону, опершись поодаль на [illegible], умываются холодной водой [illegible] въ [illegible] лежатъ [illegible], прилесенныя [illegible] или хлеботь на [illegible] [illegible] всюду [illegible], обнаженныя, какія [illegible] выпуклыя мускулы рукъ, какія [illegible] расположились въ [illegible] позы, полныя [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ просвѣтахъ [illegible] выраженія энергіи и силы, но тоже и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

„Желѣзный заводъ“, Менцеля.

лась съ религіознымъ содержаніемъ, но если то была ошибка, то вовсе не слѣдовало замѣнять ее другою, столько же нелѣпою и безсмысленною ошибкою — представлять то, что было 2000 лѣтъ назадъ, въ формахъ и подробностяхъ жизни, костюмѣ, домахъ, утваряхъ, мебели XV и XVI вѣка. Что старинные художники дѣлали по наивности, по невѣжеству, по незнанію, по дѣтскости, — то уже стыдно и непозволительно дѣлать завѣдомо ложно, только изъ обезьяничества. Но, кромѣ всего этого, еще болѣе непозволительною ошибкою являлся тотъ пасторскій протестантскій тонъ и видъ, то постное, благочестивое выраженіе, съ которыми являлись повсюду въ картинахъ Гебгардта—Христосъ, апостолы и другія личности евангельскихъ повѣствованій.

Первою картиной въ этомъ родѣ было у Гебгардта: Вшествіе Христа въ Іерусалимъ (1863). За нею послѣдовало «Воскрешеніе Іаировой дочери» (1864), «Притча о богатомъ и Лазарѣ» (1865), «Распятіе» (1866). Но всего болѣе

„Ecce homo" („Се человѣкъ"), Мункачи.

пресыщенъ былъ Гебгардтъ въ Германіи со времени написанія имъ «Тайной Вечери» (1870) и появленія этой картины на всемірной вѣнской выставкѣ 1873 года. Въ теченіе слѣдовавшей за тѣмъ четверти столѣтія, Гебгардтъ написалъ множество другихъ религіозныхъ картинъ, между которыми особенно славятся, наряду съ «Тайной Вечерью», «Распятіе» (1873), ближе примыкающее, по мнѣнію многихъ энтузіастовъ-німцевъ, къ картинамъ гравюра фанъ-дерь-Вейдена и Мантеньи, по выраженной здѣсь мукѣ и страданію, «Вознесеніе» (1881) и «Снятіе со креста» (1883).

Неподражаемо знаменитый нынѣ въ Германіи Удэ представляетъ своею жизнью и дѣятельностью примѣръ, достойный всякаго сужденія. Сюжеты его всѣ взяты изъ Евангелія, представляютъ обольщеніе самого Христа и апостоловъ, но еще чаще — Христа, пришедшаго въ крестьянскую избу, или въ крестьянское поле, проповѣдующаго тамъ и умиляющаго всѣхъ. И все это и небо и поле, и люди, и мебель, и всѣ предметы — подлинные, цѣлые. Затѣмъ Удэ понадобилась такая старинность, какую не отыскать нигдѣ коренно. Затѣмъ ему нужно было представить апостоловъ какими-то швабскими чудаками въ бутуркахъ и голенищахъ нѣмецкими мастеровыми въ нѣкоторомъ родѣ совершенно отдѣльной, попорченной современностью трактованію искусствомъ: односторонность, скучка, монотонность утомительна.

Первою картиною въ этомъ вкусѣ была у Удэ картина на текстъ Евангелія: Пустите дѣтей и не препятствуйте имъ приходить ко мнѣ, вторая называлась: «Войди къ намъ, Господи Іисусе Христе» (1884), потомъ явились «Апостолы въ Эммаусѣ» (1885), «Тайная Вечеря» (1886), «Нагорная проповѣдь» (1887), триптихъ «Рождество» (1888), «Бѣгство въ Египетъ» (1891) — черезъ нѣмецкую деревню! и многія другія. Невзирая на превосходную технику рисунка и краски, наврядъ ли придутся когда-нибудь по вкусу большинствомъ образованныхъ массъ нынѣшняго и будущаго поколѣнія эти капризныя картины, представляющія такую странную смѣсь Христа, сидящаго на мужицкомъ стулѣ въ голландско-нѣмецкихъ избахъ, съ керосиновыми лампами, классическихъ ангеловъ, кружекъ съ пивомъ на столѣ, апостоловъ въ магистерскихъ или деканскихъ плащахъ, среди нынѣшнихъ лубочныхъ картинокъ на стѣнѣ. Что въ картинахъ Удэ было, можно сказать, всего лучше — это изображеніе дѣтей разныхъ возрастовъ и даже характеровъ. Онъ ихъ представлялъ простыми, естественными, милыми и натуральными.

Особенно прискорбно было всегда видѣть нелѣпости, которыми

настолько лѣтъ посвятилъ себя Худ., когда у насъ передъ глазами тѣ превосходныя, талантливыя, полныя правды и естественности картины, которыя отъ времени до времени, словно нечарокомъ, незначай, исходили изъ мастерской этого замѣчательнаго художника. Таковы, напримѣръ, чудная картина: «Актеръ» (1898), изображающая одного мюнхенскаго актера, во весь ростъ, читающаго свою роль, и съ поднятымъ кулакомъ и опущенною головою досадующаго, что у него роль не выходитъ; далѣе, фигура «старика», небритаго, нечесаннаго, глупо-надменнаго и стоящаго моделью у стула (1898), «Процессія разряженныхъ дѣвочекъ» идущихъ съ букетами въ церковь (1887), этюды дѣтей и т. д.

37.

Послѣдняя четверть XIX вѣка ознаменовалась для германской живописи тѣмъ самымъ явленіемъ, которымъ она ознаменовалась и для французской: декадентствомъ. Это была болѣзнь, которой корень лежалъ во французской новѣйшей литературѣ, и, которая, казалось бы, должна была поэтому проявить главный свой развалъ и главную губительную свою силу во Франціи, но на дѣлѣ вышло не такъ. Вышло, что декадентство, прошумѣвъ довольно изрядно во Франціи, Бельгіи, Англіи, а отчасти и въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ странахъ Европы, вездѣ склонилось къ своему закату, но нигдѣ не выкинуло оно такихъ многочисленныхъ отпрысковъ и вѣтвей, какъ въ Германіи, нигдѣ оно не поселилось въ умахъ своихъ сектантовъ съ такимъ упорствомъ, упряменствомъ и неподатливостью, какъ въ Германіи.

Французскіе декаденты по части литературы долго и много провозглашали въ стихахъ и прозѣ свои новоизобрѣтенные принципы, свои словно съ какого-то Синая писавшія скрижали завѣта. Все прежнее искусство, вся прежняя литература и поэзія никуда болѣе не годятся. Ихъ время прошло. Реализмъ, жизненная правда жизни, изображеніе существующаго и существовавшаго—все это нѣчто отсталое и не нужное. Нужны новыя задачи, но также нуженъ и новый языкъ для ихъ выраженія. Прежнія задачи, взятыя изъ исторіи, изъ дѣйствительной жизни, изъ природы — не въ состояніи уже удовлетворять нынѣшняго человѣка, это все только нѣчто грубое и тѣлесное, матеріальное, будничное: надо теперь идти вглубь вещей, вглубь человѣческой натуры, въ корни существа нашего, надо вывести на свѣтъ сокровеннѣйшія наши чувствованія, таинственнѣйшіе мотивы нашего существованія, наши мечты, упованія, надежды, душа должна замѣнить тѣло, нервы и фибры—стать на мѣсто мускуловъ, мысли и сознанія, все эѳирное, безтѣлесное, тончайшее — вытѣснить то, что было до сихъ поръ представляемо простого, здороваго, осязаемаго, опредѣленнаго. Наконецъ, въ общемъ, все существующее, дѣйствительное должно, для литературы и поэзіи, сойти со сцены и уничтожиться, а на ихъ мѣсто водвориться и царить въ полной силѣ только то, что не существуетъ, но чего мы должны желать и ожидать. Сообразно съ такими задачами, и самый языкъ литературы и поэзіи долженъ совершенно измѣниться. Онъ оказывался, для новыхъ сектаторовъ, слишкомъ простымъ и естественнымъ, а потому и черезъ чуръ обыкновеннымъ и прозаичнымъ. Для необычайныхъ мыслей и картинъ нужны были и необычайныя слова и выраженія. И вслѣдствіе того, новѣйшая французская поэзія, хотя далеко и не вся, однакоже въ значительной долѣ, наполнилась въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XIX столѣтія такимъ сумбуромъ картинъ, представленій и выраженій, съ которыми навряд ли что можетъ сравниться во всѣ предыдущія эпохи. Насильственность, придуманность, искусственность и натянутость мыслей, глубокій мракъ текста, подобный дремучему какому-то, непроходимому лѣсу, вычурность и выкрученность каждой фразы, каждаго образа, особенная любовь къ гнилымъ трупамъ и перековерканнымъ людямъ, къ задуманнымъ запахамъ и изуродованнымъ ощущеніямъ, пристрастіе ко всему мистическому, безумно-таинственному и безобразному — все это казалось новымъ французскимъ литераторамъ чѣмъ-то милымъ, интереснымъ и эпитетнымъ. Извѣстная доля публики принялась тоже находить все подобное новымъ, прекраснымъ, желаннымъ и дорогимъ.

Нашлись тогчасъ же и французскіе художники-декаденты. Ихъ скоро образовалась цѣлая группа, и они тогчасъ объявили все прежнее искусство отсталымъ, устарѣлымъ и никуда негоднымъ, а желательнымъ—«новое искусство», которое они вотъ сейчасъ принесутъ и покажутъ. И дѣйствительно, они принесли и показали новое свое искусство, но оно далеко не исполняло той программы, какую выставляли и водворяли французскіе декаденты-литераторы. Иногда нынче сравнивали Густава Моро съ Бодлеромъ, а разныхъ его послѣдователей — съ Верленами, Малларме и прочими декадентами. Но это совершенно наперекоръ правдѣ. Густавъ Моро, со всѣми своими индо-персидско-вавилонскими женщинами, со всѣми видѣніями и фантасмагоріями въ видѣ балетныхъ «апоѳеозовъ», со всѣми своими алмазами, смарагдами и рубинами, усыпающими головы, плечи и руки героинь въ картинахъ, со всѣми своими нелѣпыми, неоковерканными съ греческихъ оригиналовъ «Орфеями», «Галатеями», «Еленами» и проч.; Пювисъ-де-Шаванъ, со всею тупостью, мертвечиною и деревянностью фигуръ своихъ, со всѣми «священными лѣсами» и пейзажами своими, являющими лишь тщедушныя обдерганныя березки, всѣ ихъ французскіе товарищи и послѣдователи никогда не приближались къ безумствамъ и безобразіямъ (часто прямо отвратительнымъ) французскихъ литераторовъ-декадентовъ. Цѣлыя непроходимыя пропасти ихъ раздѣляютъ. Французскіе живописцы-декаденты — настоящіе скромники и умѣренники, невинные шалуны и шутники въ сравненіи со своими товарищами-литераторами. Въ худшемъ разѣ, французскіе декаденты-живописцы выказывались въ видѣ чего-то смѣшного, глупаго и нелѣпаго въ своихъ композиціяхъ, очертаніяхъ и краскахъ, въ своихъ неестественныхъ, искусственныхъ позахъ, зеленыхъ и фіолетовыхъ лицахъ, нелѣпо-красныхъ и желтыхъ пейзажахъ, чудовищныхъ лицахъ и рукахъ и т. д. Въ противуположность всѣмъ этимъ ребячьимъ шалостямъ (даже у безобразной и безумной, мистической, художественной секты «Rose-Croix», просуществовавшій, впрочемъ, очень недолго), истинными иллюстраторами этихъ послѣднихъ явились, во-первыхъ, декаденты-живописцы бельгійскіе и, въ еще большей степени, декаденты-живописцы германскіе. Здѣсь нарисовалось, въ полномъ цвѣтѣ и силѣ, все безобразіе и нестерпимая нелѣпость произведеній ново-французскихъ литераторовъ и поэтовъ. У нѣмцевъ никогда не родилось, у себя дома, такихъ же своихъ собственныхъ яркихъ литераторовъ по части декадентства, а тѣ, какіе иной разъ и явились, были довольно безцвѣтны и безсильны.

Подобно французскимъ декадентамъ-писателямъ, нѣмецкіе декаденты-художники выступили со своимъ новымъ сводомъ законовъ, со своими запретами. Не надо въ картинахъ ни характеровъ, ни разнообразія натуръ, физіономій, національности—ничего этого не надо, страстей, воодушевленія, ярости гнѣва, восторговъ драматизма — ничего подобнаго не надо, все это безпокоитъ, тревожитъ, не даетъ тихаго, спокойнаго наслажденія, мирнаго и безмятежнаго пользованія, — и мы, художники, и публика, всѣ мы утомились и устали, для искусства ничего прежняго не надо, достаточно объятій, поцѣлуевъ, томнаго сидѣнья и лежанья, держанія въ рукѣ пальца, постоянно смотрѣнія другъ на дружку, достаточно мечтаній, вплоть въ неизвѣстность, въ безбрежность. Въ особенности не надо никакихъ историческихъ картинъ. И, вотъ, одушевленный такими глубокими идеями, Мутеръ, глашатай и учредитель всѣхъ декадентскихъ современныхъ безумствъ, провозглашалъ, что для современной Германіи не требуется болѣе историческихъ картинъ. Война 1870 года нанесла замѣ въ Германіи смертельный ударъ. Послѣ богемскихъ полей сраженія и Версаля, Германія не имѣла уже болѣе надобности утѣшать себя, относительно несчастнаго положенія своего, зрѣлищами изъ прежнихъ временъ... И такъ, историческія картины цѣлаго міра до 1870 года существовали для смягченія «тяжелыхъ чьихъ-то лобовъ!» Какое эмическое понятіе о жизни, исторіи и искусствѣ! Но тогда также Мутеръ объявилъ и всѣ картины изъ сельской крестьянской и дѣйствительной народной жизни уже болѣе негодными для настоящаго времени. Онѣ ихъ называлъ презрительнымъ названіемъ анекдотовъ и разсказовъ. Но

его понятіямъ (и также и по понятіямъ очень многихъ нынѣшнихъ германцевъ, которыхъ онъ является выразителемъ), невинныя, милыя бытовыя картины деревенскихъ разсказчиковъ были продуктомъ времени, когда Германія стояла въ сторонѣ отъ великой міровой жизни, и весь строй мыслей заключалъ въ себѣ что-то провинціальное, мелкогородское». Какія ужасныя, безобразныя понятія! Точно будто все счастье людей, весь смыслъ исторіи только и состоятъ въ войнахъ, побѣдахъ, захватахъ и насиліяхъ, праздникахъ и торжествахъ, и въ этомъ то заключается «всемірно-историческая жизнь», а жизнь отдѣльнаго человѣка, въ городѣ, столицѣ, деревнѣ, на полѣ, въ шахтѣ, на заводѣ, въ семействѣ уже не «всемірно-историческая жизнь», а какой-то пуль и ничтожество, и все сюда относящееся есть только «анекдотъ», «литература», ничего не стоящій разсказъ, никакого значенія не представляющій въ сравненіи съ настоящею всемірно-историческою жизнью!

Но допустимъ, на минуту, что все это дѣйствительно такъ, что прежнее искусство изжило свой вѣкъ, и болѣе не годится для нынѣшняго человѣка, для нынѣшняго чувства и мысли, — неудовлетворительно, мало и бѣдно. Пускай такъ! Какъ не радоваться обѣщанному появленію изъ таинственныхъ нѣдръ міра чудныхъ слитковъ золота, подъ видомъ новыхъ чувствъ, новыхъ ощущеній, новыхъ выраженій искусства. Но что же представляетъ изъ себя то «новое» искусство, которое обѣщаетъ нѣмецкіе декаденты? Въ чемъ состоятъ обновленіе, какіе новые, свѣжіе элементы являются на смѣну прежнихъ?

„Нагорная проповѣдь“. Удэ.

Мы выше видѣли новыя созданія декадентовъ французскихъ, и не нашли тамъ соотвѣтствія между обѣщаніями и исполненіемъ. Исполненіе оказалось очень мизернымъ. Оно является столько же мизернымъ и у нѣмецкихъ декадентовъ, только съ такимъ прибавленіемъ, что они въ своихъ безчинствахъ и извращеніяхъ посягательствуютъ на здоровое чувство и [illegible] истинное искусство — пошли еще гораздо дальше французовъ.

Нѣмецкіе декаденты стали [illegible] не только своей, [illegible] жизнью XIX вѣка въ нѣмецкомъ мірѣ. [illegible] Въ своей очень распространенной книгѣ о Боклинѣ, Лорсъ говоритъ, XV вѣкъ подарилъ міру Леонардо-да-Винчи, XVI — Дюрера, XVII — Рембрандта, XIX — [illegible] Боклинъ — [illegible] художникъ, [illegible] сомнѣнія съ [illegible] томъ крупнымъ и высоко-замѣчательнымъ, но замѣчательнымъ лишь въ одной исключительной, произвольной, а потому и ограниченной сферѣ: въ сферѣ условной идеальности. По коренному свойству своей натуры, Бёклинъ былъ пейзажистъ, и пейзажистъ очень значительный, но однимъ этимъ родомъ живописи онъ никогда не хотѣлъ довольствоваться, и считалъ себя призваннымъ къ созданію картинъ *съ сюжетами* и притомъ сюжетами высокими и многозначительными. Это была великая ошибка съ его стороны. Къ изображенію живыхъ существъ, какъ людей, такъ и животныхъ, но также и къ изображенію живой, дѣйствительной природы, такой, какая существуетъ на свѣтѣ, онъ не имѣлъ никакого стремленія, существующія въ природѣ формы ихъ вовсе не интересовали его, онъ не хотѣлъ ихъ изучать, и желалъ только одного: сочинять и рисовать такія человѣческія и животныя формы, такіе пейзажи, какихъ на свѣтѣ нѣтъ и не бывало, но которые существовали въ его воображеніи. Ему все существующее казалось малымъ и неудовлетворительнымъ, вся дѣйствительность были для него трынъ-трава, точь-въ-точь какъ для Делакруа, за четверть вѣка раньше: — ему нужны были всего болѣе, можно даже сказать — исключительно — только фантазіи, выдумки, небывальщины, и имъ то онъ занимался весь свой вѣкъ. Пріѣхавъ въ Италію, онъ всего болѣе былъ восхищенъ не настоящими созданіями великихъ художниковъ прежняго времени, а фантастическими орнаментами, изъ людей и растеній, въ «Ложахъ» Рафаэля и орнаментами этого же рода, въ Помпеѣ. Онъ считалъ ихъ выше всего въ искусствѣ. Вслѣдствіе того ему нужны были, во-первыхъ, болѣе всего только нереиды, наяды, сирены, нимфы, дріады, драконы, центавры, тритоны, сатиры; потомъ, разныя божества старинной греческой миѳологіи; наконецъ, разнообразныя аллегоріи, созданныя его собственнымъ воображеніемъ. Что же касается пейзажа, то онъ точно также не изображалъ то, что существуетъ прекраснаго, величественнаго, граціознаго, или ужаснаго, страшнаго въ природѣ, но то, что ему нравилось въ его фантазіи, то, что онъ самъ выдумывалъ, то, что онъ желалъ бы, чтобы существовало. Онъ, такъ сказать, какъ портной или портниха, выдумывалъ свои собственныя «моды» для природы.

Аллегорическія и миѳологическія фигуры никогда не исчезали изъ обихода европейскаго искусства, онѣ въ теченіе мно-

гихъ столѣтій присутствовали въ немъ, по старымъ привычкамъ и какой-то нравственной лѣни, но зритель ихъ только снисходительно терпѣлъ, встрѣчая на картинѣ, или архитектурномъ зданіи, въ скульптурѣ и то въ видѣ рѣдкихъ исключеній, ради традиціи школъ, академій, гдѣ ихъ тщательно проповѣдовали и оберегали. Всѣмъ здравомыслящимъ людямъ какъ-будто была не-охота заводить длинную и скучную войну съ такими явными пустяками и нелѣпицами, и ихъ, скрѣпя сердце, терпѣли.

Но теперь вдругъ пошло совсѣмъ другое. Аллегоріи и миѳологіи стали появляться уже не въ видѣ рѣдкихъ, терпимыхъ кое-какъ исключеній, а двинулись цѣлыми полками, арміями, стадами, явились чѣмъ-то постоянымъ, нескончаемымъ, вполнѣ законнымъ, стали казаться чѣмъ-то драгоцѣннымъ, нужнымъ, желаннымъ: ихъ начали считать выраженіемъ великихъ идей и постиженій новаго времени, и это особливо въ Германіи! Въ нихъ стали искать и находить необычайныя откровенія тайнъ природы, воплощеніе вѣковѣчныхъ загадокъ и разгадокъ міра...» Итакъ, всѣ фавны, сатиры, нереиды, наяды и прочія существа — не выдумка, не условность, не остатокъ младенческихъ вѣрованій дикихъ народовъ, а что-то дѣйствительное, важное, глубокое, обязательное для каждаго изъ насъ и въ настоящую минуту? Какое безуміе! Какое сумасшествіе! Но картины Бёклина именно это самое безуміе и проповѣдывали. Онѣ словно преобразились въ глазахъ у германской публики. Онѣ получили неожиданное значеніе. Ихъ авторъ былъ у многихъ признанъ великимъ пантеистомъ, глубокимъ понимателемъ и изобразителемъ природы; былъ признанъ тѣмъ геніальнымъ художникомъ, котораго давно надо было Европѣ, но который все не являлся, заслоненный сонмомъ ненужныхъ и зловредныхъ реалистовъ, — человѣкомъ, который, наконецъ, возвратилъ міру давно спрятанныя отъ него невѣждами сокровища «сверхчеловѣческія существа, возвышающіяся надъ прозою и ничтожествомъ міра». А эти сверхчеловѣческія существа были — половинки лошадей, козловъ, рыбъ, птицъ, соединенныя съ половинками человѣка. Какая счастливая находка! Но что же изъ всѣхъ этихъ нелѣпыхъ существъ дѣлалъ Бёклинъ, на что онъ употреблялъ ихъ въ своихъ картинахъ? Какъ человѣкъ очень ограниченный, но талантливый, онъ употреблялъ ихъ единственно на то, чтобъ эти сверхчеловѣки обнимались съ дѣйствительными человѣками, или другъ съ другомъ, чтобъ сатиры и фавны хватали женщинъ въ лѣсу или въ полѣ; чтобъ тритоны цѣлуялись за плещущихся въ морѣ нереидъ; чтобъ наяды въ отчаяніи изнывали надъ голыми утопленниками, прекрасными юношами, чтобы толстенькія русалочки кувыркались въ водѣ, передъ морскими чудищами, и приводили ихъ въ восторгъ и восхищеніе; чтобы сатиры вытаскивали въ сѣткѣ, изъ воды, какъ сельдей, или щукъ, такихъ-же наядъ и мѣли, глядя на нихъ: чтобы звѣри-центавры хватали и уносили на своихъ спинахъ какихъ-то лѣсныхъ нимфъ. Гдѣ-же тутъ великія таинства природы, гдѣ великое новое «слово», гдѣ «искусство», гдѣ неизреченныя глубины духа, до сихъ поръ неизвѣстныя? Стоило изъ-за такихъ недостойныхъ глупостей и постыдныхъ нелѣпостей поднимать походъ противъ реализма и правды, событій исторіи и сценъ ежедневной будничной жизни! Какая драгоцѣнная замѣна! Въ чемъ-же тутъ новыя чувства, мысли, идеи? Что мы такое пріобрѣли отъ всей этой безалаберщины?

Въ этомъ отношеніи дальше всѣхъ пошли голландскіе и бельгійскіе декаденты. Нѣмцы и французы—только второстепенные декаденты; главные же, по всей справедливости — голландцы и бельгійцы. А изъ нихъ наиболѣе крайніе, наиболѣе рѣзкіе, наиболѣе «декадентскіе» — Ропсъ и Торопъ.

„Сфинксъ", Торопа.

Къ числу главнѣйшихъ созданій Ропса принадлежатъ иллюстраціи къ поэмѣ Les Diaboliques» (Дьявольскія) католика, мистика и полусумасшедшаго Барбэ-д'Оревильи, и къ поэмѣ «Les Satanîques» (Сатанинскія) его собственнаго сочиненія. Главный предметъ всѣхъ изображеній нагая женщина. На заглавіи одного своего сборника гравюръ Ропсъ написалъ (со скромностью, или притворствомъ) Oeuvres—inutiles ou nuisibles»—созданія безполезныя или вредныя. Мнѣ кажется, это самое настоящее ихъ опредѣленіе. Заключающійся въ нихъ иногда талантъ нисколько не измѣняетъ сущности его произведеній.

Къ числу этихъ же декаденствующихъ художниковъ новѣйшаго времени принадлежитъ иноземецъ, человѣкъ дальнѣйшаго Востока, малаецъ Янъ Торопъ, родившійся на островѣ Явѣ. Въ Европѣ, подъ вліяніемъ французскихъ и нѣмецкихъ декадентовъ, онъ сдѣлался живописцемъ-символистомъ, пишущимъ и рисующимъ такія чудовищныя фигуры и сцены, мистическія, исковерканныя и безобразныя, которыя напоминаютъ самыя дикія, варварскія, отталкивающія, уродливыя фрески и скульптуры древне-азіатскихъ подземелій и храмовъ. Никакое европейское декадентство не доходило еще до этой степени сумасшествія и помраченія всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Для примѣра можно указать на его картины маслянными красками.

«Сфинксъ», *«Наше время»*, *«Горячее стремленіе и исполненіе»* (Sehnsucht und Genügen), *«Жалобы несутся на разрушенный крестъ»*, и рисунки: *«Апостолъ слабости»*, *«Нирвана»*. Даже самые фанатическіе поклонники декадентства затрудняются объяснить смыслъ этихъ композицій.

Въ особенности «Сфинксъ» является одной изъ ужасныхъ и самыхъ характерныхъ декадентщинъ Торопа.

Можно было-бы помириться съ этими смѣшными игрушками, еслибъ на нихъ всѣ и смотрѣли, какъ на игрушки, не имѣющія сами въ себѣ никакого дѣйствительнаго значенія и не приносящія никому и ничему ни малѣйшаго вреда. Но въ томъ-то и была, что игрушки именно приносили огромный вредъ. Бёклинъ былъ, по натурѣ своей, превосходный пейзажистъ. Въ передачѣ ослѣпительнаго солнечнаго свѣта, электрически-блещущей ультрамариновой воды, пышущаго золотомъ воздуха и яркой лѣсной зелени, съ ея тѣнями и просвѣтами, онъ былъ истинно неравненъ. Такія его картины, какъ Вилла у моря (1864) Ущелье (1870), «Священная роща» (1871), «Святилище Геракла» (1879), и многія другія, но въ особенности высоко поэтическій «Островъ мертвыхъ» (1880), полная жизни «Игра волнъ» (1883), «Морскіе разбойники, нападающіе на замокъ» (1884), «Морская идиллія» и «Морская тишь» (1887), и еще нѣкоторыя другія, навсегда будутъ имѣть громадное художественное значеніе. Но всѣмъ своимъ пейзажамъ Бёклинъ словно умышленно желалъ мѣшать и вредить, изо всѣхъ силъ старался ослабить ихъ художественность и впечатлѣніе, прилепливая къ нимъ, безъ малѣйшей надобности, миѳологическія и аллегорическія фигуры, заставляющія здороваго, неиспорченнаго школьными предразсудками зрителя—только пожимать плечами. Что выигрываютъ его чудныя картины моря, со всѣми своими изумительными свѣтами, цвѣтностями и переливами, отъ того, что среди волнъ тутъ плещутся бѣлыя нереиды и темнобурые тритоны? Что выигрываютъ его столько же чудные лѣсные пейзажи отъ того, что вверху горы, словно острѣемъ или шпиномъ какимъ то, лежитъ громадный Полиѳемъ, самъ-то какъ неуклюжая гора? Что выигрываетъ его чудное Ущелье, оттого, что изъ средины скалъ высовывается длинная отвратительная голова отвратительнаго дракона? Ровно ничего не выигрываютъ, а только смущаютъ—своею глупостью, ненужностью и дѣтскостью—мысль и чувство зрителя. Что интереснаго, или хотя-бы сколько-нибудь осмысленнаго представляетъ картина «Центавръ, требующій, чтобъ его подковалъ, въ кузницѣ, деревенскій кузнецъ»? И, сверхъ всего остальнаго, что во всемъ тутъ новаго, нынѣшняго, того «moderne», за которымъ такъ гоняются декаденты. Развѣ 200 лѣтъ тому назадъ Пуссенъ и другіе классики, не отравляли тоже также свои пейзажи (впрочемъ еще школьно-классическіе) подобными-же Полиѳемами, центаврами, нимфами, фавнами и сатирами? Да, все это уже было, и было давно уже осуждено и выброшено здравымъ умомъ за бортъ, какъ нелѣпая, праздная и непристойная игра. Разница вся въ томъ только состояла, что Пуссенъ и его товарищи, совершенно чуждые античности и Греціи, академически-правильно и мертво рисовали ихъ, но при этомъ не знали и не чувствовали красокъ, и не способны были дать въ своихъ картинахъ ни одного вѣрнаго и изящнаго тона природы. Тогда какъ Бёклинъ, столько же чуждый античности и Греціи, какъ и они очень неправильно, неумѣло и спустя рукава, рисовалъ фигуры человѣка и животныхъ, и наполнялъ свои картины безчисленными промахами противъ рисунка, но зато именно чувствовалъ краски и великолѣпно клалъ ими. Столько-же снова дѣлалъ, прежнее нетлѣнное, и давалъ намъ старыя погудки на новый ладъ»!

Еще оскорбительнѣе видѣть, что въ наше время есть на свѣтѣ столько поэтовъ, которые съ почтеніемъ относятся ко всѣмъ воскресшимъ, тысяче вновь нелѣпостямъ, считаютъ ихъ за новыя открытія и употребляютъ неимовѣрныя усилія на то, чтобъ оправдывать ихъ и подкрѣплять философскими и поэтическими доводами. Пришло въ голову Бёклину нарисовать «Островъ мертвыхъ» изъ-за тѣнистыхъ стоящихъ деревьевъ, выскочившую изъ-за тѣнистыхъ деревьевъ, разинувшую пасть фантастическій звѣрь, рогатый или какъ-то еще съ рогомъ посреди лба (конечно единорогъ?) и на этомъ звѣрѣ сидитъ нагая женщина. Онъ назвалъ эту картину «Мечтающій въ лѣсу» (1885), и всѣ обязаны видѣть, что пытливо-мечтательно глядятъ они вдаль и чувствуютъ «фантазію въ лѣсу». И всѣ стараются другъ другу увѣрить, что это дѣйствительно какъ и мечтающій въ лѣсу, тонко, несравненно и поразительно вѣрно изображено тутъ. Въ другой разъ, пришло въ голову Бёклину нарисовать небольшую площадку земли, съ десяткомъ растущихъ на ней тополей; за деревьями открытое свѣтлое поле, напереди полоска воды, по которой плаваютъ два лебедя, а рядомъ жалко уродливый центавръ везетъ на спинѣ голую нимфу, совершенно во вкусѣ мастерныхъ театральныхъ боговъ XVIII вѣка, подлѣ еще двѣ голыхъ русалки, обнявшіяся и воспѣвающія пѣсни. И это онъ назвалъ — «Поля блаженныхъ» (1878). Все это безумное и коверканное безобразіе—грядущее блаженство, наша будущая жизнь, раскрытіе неизреченныхъ тайнъ бытія?!. Пѣсенки голыхъ бабъ, блаженство и тайна, необычайная поэзія, несравненное творчество, небывалое въ мірѣ создаваніе, пантеизмъ!! Но что-же тутъ общаго съ «природой и всемірностью? Еще иные разы, Бёклинъ рисуетъ голаго мальчика въ лѣсу, со свирѣлью въ рукѣ и заломленною назадъ головою—это «Жалоба греческаго пастушка». Жалоба на кого, на что, зачѣмъ, ничего неизвѣстно, но неужели греческая сельская жизнь состояла только изъ свирѣлей и жалующихся мальчиковъ? Онъ рисуетъ еще дѣвочку въ бальномъ полосатомъ платьѣ, декольте и съ голыми руками, въ башмачкахъ, разбрасывающую цвѣты въ полѣ; это—«Флора» или «Весна», (1876): спрашивается, кто-же разбрасываетъ цвѣты въ полѣ; казалось-бы, цвѣты собираютъ, а не разбрасываютъ. Наконецъ, онъ рисуетъ еще одну картинку, небольшую размѣрами, но высоко и давно цѣнимую въ галлереѣ графа Шака въ Мюнхенѣ; она называется: «Жизнь—короткій сонъ» (1888). Что-же она представляетъ? Напереди—два голенькихъ младенца—сидятъ на травѣ, рвутъ цвѣты (это, означаетъ «невинное младенчество»); подалѣе впереди—голая женщина, съ ярко-рыжими волосами и опять съ цвѣтами въ рукахъ (это, конечно, Греція и Древняя исторія), далѣе, въ центрѣ и вверху, пустынникъ, которому рубятъ голову, налѣво уѣзжающій вдаль красный рыцарь—(конечно, все это средніе вѣка). И вотъ—вся «Жизнь человѣчества», по понятіямъ Бёклина. Цвѣты, опять цвѣты, рубленныя головы старцевъ, рыцари верхомъ—и только. Написано ярко, ослѣпительно по краскамъ, виртуозно, чудно—но нигдѣ и тѣни нѣтъ мысли, смысла, пониманія. Какія-же это великія произведенія нашего вѣка? Что иногда простительно было прежнимъ вѣкамъ, въ нашъ вѣкъ уже прямо только стыдно и непристойно. Уваженіе къ техникѣ, даже искреннее восхищеніе ею никогда не въ состояніи задавить мысль нынѣшняго человѣка, его требованіе здраваго смысла, истины, разумности, жизни и правды.

Поэтому тяжкій грѣхъ противъ искусства лежитъ на Бёклинѣ и его поклонникахъ, комментаторахъ и объяснителяхъ: они всѣ усердно и постоянно хлопотали о томъ, чтобъ уничтожить въ головѣ у современнаго зрителя именно здравый смыслъ и понятіе, чтобъ отвратить его отъ вниканія въ содержаніе, сдѣлать его глухимъ и слѣпымъ къ самымъ коренным требованіямъ художества, здравости чувства и мысли, и думать только о внѣшности, виртуозности и талантливости исполненія, о внѣшней «поэтичности» и красивости.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что Бёклинъ написалъ на своемъ вѣку нѣсколько превосходныхъ портретовъ, съ самого себя и съ другихъ личностей.

Широко проповѣдуемый въ Германіи примѣръ Бёклина и громадный успѣхъ его произведеній, а наконецъ, духъ времени, увлекли, конечно, многихъ нѣмецкихъ художниковъ, и нѣмецкія картины наполнились большимъ количествомъ того матеріала, который теперь вылилъ наружу и сдѣлался модным: центавровъ съ лошадиным, тритоновъ съ рыбьим, фавновъ—съ козлиным, наядъ и нереидъ тоже съ рыбьим тѣломъ, и все это съ подразумѣваніемъ великихъ міровыхъ тайнъ, символовъ и аллегорій.

Это случилось, между многими другими, съ даровитымъ, но страннымъ Гансомъ Марьсомъ. То онъ изображалъ нагихъ женщинъ въ лѣсу, въ академическихъ позахъ, и называлъ такую картину: «Геспериды»; то представлялъ св. Губерта элегантнымъ юношей, на колѣняхъ въ лѣсу передъ Распятіемъ, явившимся среди роговъ оленя, то св. Мартына, то св. Георгія верхами, то (всего чаще) голыхъ классическихъ юношей, срывающихъ плоды съ апельсинныхъ деревьевъ.

и все это сухо и претенціозно, иногда просто неумѣло нарисованное, но изящно расцвѣченное красками. Какое же здѣсь величіе и глубина нѣмецкаго новаго искусства, такъ настойчиво рекомендованныя нѣмцами всему міру?

Другая жертва Бёклина и духа времени — Гансъ Тома. Въ противуположность Бёклину, рисующему лучезарные пейзажи, лѣсные и водяные, блещущіе всѣми красками палитры, нѣмцы находятъ у Тома «міръ своей родины, тихой, простой, трогающей сердце, счастливящей зрителя», той родины, гдѣ (говорятъ нѣмцы) «мы живемъ и которую любимъ всякій день, гдѣ мы работаемъ и дѣйствуемъ, и гдѣ кладемъ на покой свою усталую голову...» Превосходно, прелестно, замѣтимъ мы на это, но какая же это нѣмецкая дорогая родина, съ Фавнами, Флорами, цвѣтами и дудочками?

Дѣло въ томъ, что Тома родился, дѣйствительно, истымъ нѣмцемъ и изобразителемъ своей родины и ея пейзажей и людей, а воспитаніе и зловредный примѣръ сдѣлали его, *на половину*, чѣмъ-то другимъ. «Куриный дворъ» (1870), «Весной» — двѣ дѣвочки съ вѣнками (1871), «Скрипачъ» (молодой крестьянинъ играетъ, при лунѣ, подъ деревомъ вслѣдъ себѣ на скрипкѣ), «Драка мальчишекъ» (1872), «Пляска дѣтей» (1884), «Лотокъ съ овощами и курами» (1889) и многія другія, и вмѣстѣ цѣлая масса шварцвальдскихъ и баварскихъ (около Мюнхена) пейзажей и деревенскихъ мелкихъ видовъ, избъ, дворовъ—вотъ что было у него драгоцѣнно и въ высокой степени оригинально. Онъ искалъ вездѣ тутъ прежде всего правду жизни, не боялся представлять некрасивость и нищету, грубость и нелегантность. Онъ никогда не доходилъ до красоты красокъ Бёклина, бывалъ подчасъ мало строгъ въ рисункѣ и сѣръ въ колоритѣ (въ чемъ его нерѣдко упрекали сами его поклонники), но представлялъ собою что-то такое особенное для всѣхъ и родное для нѣмцевъ, что они по справедливости иной разъ называли его «самымъ нѣмецкимъ» изъ всѣхъ современныхъ живописцевъ Германіи. Но, начиная съ 90-хъ годовъ столѣтія, у него стало появляться изъ-подъ кисти не мало вещей вовсе не нѣмецкихъ спеціально, а столько же условныхъ и космополитическихъ, какъ у Бёклина и прочихъ декадентовъ. Онъ больше, чѣмъ на половину, сталъ идеалистомъ, сторонникомъ древней Греціи, разныхъ средневѣковыхъ преданій и легендъ, новыхъ аллегорій и старинныхъ символовъ. Тутъ онъ уже поплатился крупной долей своей прежней правды и естественности, и, оставаясь реалистомъ въ однихъ уже только подробностяхъ, сталъ угощать зрителя нелѣпыми и ненужными выдумками наравнѣ съ остальными своими товарищами.

Штукъ считается однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ германскихъ живописцевъ новѣйшаго времени. Въ 1889 году онъ вдругъ выступилъ на мюнхенской выставкѣ въ «Glaspalast» съ тремя произведеніями, которыя тотчасъ же создали ему значительную репутацію. Всѣ заговорили о «совершенно современной реалистической техникѣ при безконечно-фантастическомъ содержаніи». Новыя три картины были созданы въ трехъ совершенно разныхъ родахъ и являлись тутъ представителями трехъ категорій его созданій: «Игры сатировъ» представляли образецъ его композицій на сюжеты античные, «Стражъ Рая» — образецъ его композицій на сюжеты библейскіе, «Невинность» — образецъ его композицій на сюжеты аллегорическіе и символическіе. Во всѣхъ трехъ Штукъ являлся горячимъ послѣдователемъ Бёклина, его вкусовъ и настроеній, а также, до извѣстной степени, и поклонникомъ его свѣтовыхъ и колоритныхъ эффектовъ. Но у него вовсе нѣтъ наклонности и таланта Бёклина къ ландшафту: если у него и являются на сценѣ таковые, то они играютъ малую и незначительную роль: моря же у него почти вовсе нѣтъ въ картинахъ. У Штука дѣйствіе всегда происходитъ въ лѣсу или въ долинѣ, и тутъ у него, на сто разныхъ маневровъ, фавны и сатиры, мужского и женскаго пола, то нѣжно обнимаются и жарко цѣлуются другъ съ другомъ, или съ настоящими людьми, преслѣдуютъ другъ друга, дерутся лбами промежду себя или съ козлами, подкарауливаютъ одни другихъ, и во всемъ этомъ фантазіямъ Штука нѣтъ конца, какъ и у Бёклина, и столько же мало въ нихъ смысла и надобности, несмотря на блестящее, превосходное письмо. Но кромѣ того, у Штука является еще одно особое изобрѣтеніе: люди-олени въ лѣсу (туловище и голова человѣчьи, все остальное тѣло, и рога на головѣ — олени). Но особеннаго ума и прелести замѣтить въ нихъ нельзя. Наконецъ, изъ классическаго міра есть еще у Штука: Эдипы со сфинксами (нѣсколько разъ), побѣдители въ олимпійскихъ играхъ, головы Минервы въ шлемѣ, Орфей, Овидій, но эти личности интересовали, повидимому, Штука гораздо меньше, чѣмъ сатиры и фавны: къ этимъ послѣднимъ звѣре-человѣкамъ у него просто «была» какая-то «страсть». Почему — отгадать мудрено.

Но части библейскихъ сюжетовъ: «Адамъ и Ева», «Распятіе» и «Христосъ, снятый со креста», ничего собою не представляютъ кромѣ довольно ординарныхъ этюдовъ голаго человѣческаго тѣла, но картина «Изгнаніе изъ рая» произвела, въ концѣ 90-хъ годовъ, огромную сенсацію на разныхъ выставкахъ. И это не фигурами Адама и Евы: онѣ уходятъ съ картины вглубь, и мы можетъ судить только о достоинствахъ ихъ спинъ и ногъ (что тутъ передъ нами Адамъ и Ева — никогда никто бы не догадался!), нѣтъ, не этими фигурами поразилъ многихъ Штукъ,—а фигурой ангела, изгоняющаго ихъ изъ рая. Эта фигура довольно ничтожна своимъ скорѣе женскимъ профилемъ, но развесистъ колоссальными своими, опущенными за спиной до земли, крыльями, и громаднымъ средневѣковымъ мечомъ, въ ростъ человѣка, который стоитъ по серединѣ картины, словно столбъ до потолка. Но лучи освѣщенія, идущіе изъ-за ангела и красиво освѣщающіе всѣ три фигуры — представляютъ что-то новое и яркое.

Наконецъ, картины символическія и фантастическія едва ли не всего болѣе дали славы Штуку. Главныя между ними: «Люциферъ», «Порокъ», «Чувственность», «Голова Медузы», «Муки совѣсти».

«Люциферъ» (1890 г.) явился какъ бы второю половиной мысли Штука, выразившейся, за годъ раньше, въ первой картинѣ его «Хранитель рая» (1889). То былъ Рай — теперь Адъ. По Штукъ никогда не отличался психологіей и душевными выраженіями. Внѣшній видъ, эффектъ, поразительность были для него все. И потому, въ этихъ двухъ молодыхъ символическихъ фигурахъ, свѣтъ опять-таки былъ для него самымъ главнымъ элементомъ. Для Рая — громадный солнечный свѣтъ, наполнявшій всю картину и окружавшій довольно тщедушнаго юношу съ мечомъ въ рукѣ, о который онъ опирался: для Ада — два красныхъ ярких уголька, пронзительно свѣтившихся, изъ растопыренныхъ, по-декадентски, глазъ, изъ мрачной, черной крылатой фигуры Люцифера, сидящаго свѣсивъ ноги, словно неаполитанскій лаццарони на пристани у моря. Въ этихъ свѣтовыхъ эффектахъ только и состояло, для Штука, все дѣло.

Голова Медузы представляла точно такъ же два растопыренныхъ глаза, фатально свѣтящихся изъ средины поблекшаго лица, окруженнаго змѣями. И эти змѣи, и лицо, и голова — обыкновенныя общія мѣста, все дѣло состоитъ лишь единственно въ однихъ глазахъ. Но эти глаза кажутся многимъ германцамъ до того оригинальными и многозначительными, что ихъ повторяютъ, гдѣ только можно. Такъ напримѣръ, Мутеръ напечаталъ эту голову съ глазами на заглавномъ листѣ своей «Исторіи живописи». За что же такая честь?

«Порокъ и Чувственность» — это нагія молодыя женскія тѣла по низъ живота, лоснящіяся, словно слоновая кость, и обвитыя толстою змѣею-удавомъ, изъ металлически-сверкающихъ чешуекъ, плоская головка змѣи со злобными глазами лежащая на плечѣ женщины, большая копна черныхъ волосъ на головѣ, огромныя, красивыя невозмутимыя глаза — вотъ, въ чемъ всего только и состоялъ у Штука и «Порокъ», и «Чувственность».

«Муки совѣсти» — слабая картина. Композиція ея напоминаетъ картину Жиро: «Правосудіе и Мщеніе преслѣдуютъ Преступленіе» (1808). Новая картина нѣмецкаго художника столько же ничтожна и условна, какъ картины французскаго художника, лѣтъ за 80 раньше но по краскамъ она во много разъ покрасивѣе.

Теперь я обращусь къ тому новѣйшему нѣмецкому худож-

нику, который завоевалъ себѣ репутацію истинно громадную въ Германіи, и такъ скоро, какъ рѣдко съ кѣмъ изъ художниковъ это случается, притомъ же почти безъ сопротивленія съ какой бы то ни было стороны. Это Максъ Клингеръ.

Если въ одномъ изъ самыхъ молодыхъ твореній Клингера, его «Перчаткѣ», представлено множество фантастическихъ событій, совершающихся съ женской перчаткой (то ее уноситъ по воздуху волшебная птица, то она падаетъ съ корабля въ бурное море, и т. д.) — это вполнѣ понятно и законно, такъ какъ все дѣло состоитъ тутъ въ снѣ, который видитъ молодой художникъ, поднявшій на полу перчатку красивой незнакомки, пахнувшей его на катѣ. Но если художникъ начнетъ подавать намъ картинки, гдѣ нарисована нагая нимфа, лежащая въ пустынѣ на пескѣ, а къ ней подходятъ съ

художника, а главное, композиціи, гдѣ никакихъ откровеній, никакихъ таинствъ бытія, никакихъ міровыхъ идей, никакого «новаго искусства», никакого «пантеизма» нѣтъ. Надо шарлатанить, надо самого себя и другихъ морочить самымъ недостойнымъ образомъ, чтобы находить тутъ міровыя «тайны», «душевную мистику», «великія созерцанія», «уловленное дыханіе жизни», «бьющійся пульсъ природы».

Фантастическій элементъ, конечно, никогда не можетъ быть изгнанъ изъ искусства. Онъ всегда, во всѣ эпохи въ немъ присутствовалъ, и, навѣрное, тоже и впредь всегда будетъ въ немъ присутствовать. Сказки, легенды, великія чудеса, необычайныя сверхъестественныя событія, личности и дѣла являются и будутъ являться въ художественныхъ произведеніяхъ всѣхъ народовъ, начиная отъ самыхъ дикихъ

„Священная роща". Бёклина.

объясненіемъ въ любви, птицы марабу и фламинго — или гдѣ цѣлое стадо аистовъ идетъ получать новорожденныхъ ребятъ изъ чьихъ-то волшебныхъ рукъ, протянувшихся изъ глубины болота, — или гдѣ раненый стрѣлою центавръ скачетъ во весь опоръ черезъ поле, а за нимъ гонятся другіе центавры, — или гдѣ сидитъ высоко на тоненькой, какъ перо, вѣточкѣ воздушная эльфа, и оттуда щекотитъ былинкой въ носъ зѣвающій, который не можетъ до нея докарабкаться, — или гдѣ Ева приподнялась на цыпочки и глядитъ въ зеркало, которое ей поставила змѣя, обвившаяся вокругъ дерева познанія добра и зла, — или гдѣ мальчикъ и дѣвочка обнимаются, летя по воздуху на какихъ-то безобразныхъ рыбахъ, а въ нихъ летятъ съ неба чьи-то демоны, а на землѣ внизу сидитъ улитка и поднимаетъ къ нимъ свои рога, — или гдѣ нимфы любезничаютъ въ лѣсу съ безобразными фавнами, — или гдѣ молодыя сирены цѣлуются съ тритонами, — или гдѣ лежитъ на постели молодая дѣвушка, а громадный рыбакъ чуть не съ кита величиною, вползъ на нее и грызетъ ей грудь, — тамъ, я скажу, что, сколько бы ни было тутъ модель быть, граціи, красивости, мастерства въ рисункѣ, все-таки это композиціи праздныя, ненужныя, фантазіи ничего не выражающія, кромѣ безтолковаго капризъ и

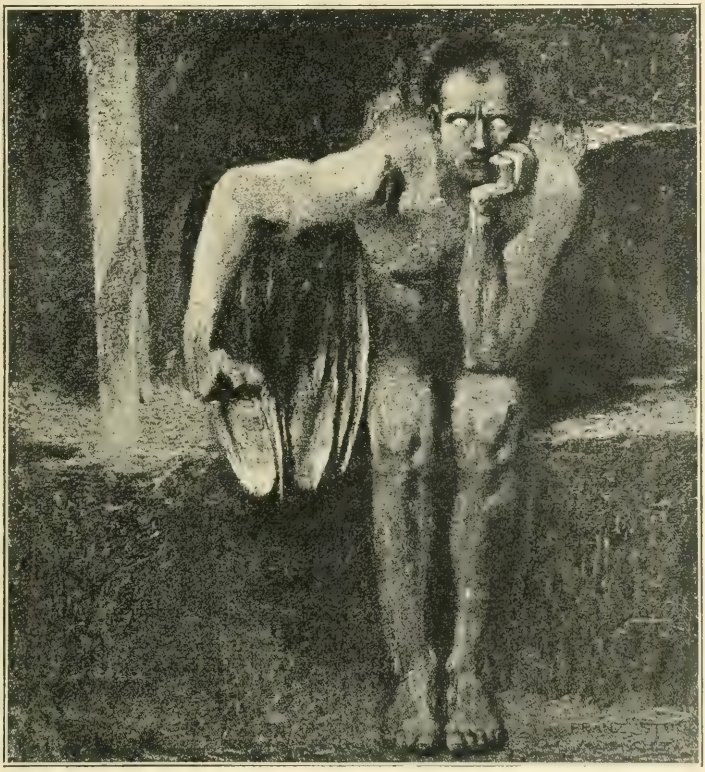
и кончая самыми культурными, они придавали имъ много поэзіи, красоты, граціи, интереса, и завлекательности. Но элементъ чудеснаго измѣняется съ теченіемъ времени. Царица Мабъ, Жаръ-Птица, эльфы и гномы, Каменный гость, тѣнь Гамлетова отца, Пери, волшебныя насѣкомыя, птицы, звѣри и рыбы, таинства св. Грааля, валкиріи и русалки, подземныя и надземныя царства,—конечно, никогда не исчезнутъ изъ искусства народовъ, но будутъ являться все въ болѣе и болѣе измѣненномъ видѣ. Въ нихъ вѣра отошла уже на слишкомъ далекій планъ, и мы способны ихъ только *терпѣть, выносить*, какъ красивый или полезный орнаментъ, игрушку, шалость, баловство, граціозную шутку. Всякій, конечно, давно замѣтилъ, что въ наше время всѣ волшебства и всѣ волшебныя существа по преимуществу пріютились въ оперѣ и балетѣ, т. е. такихъ художественныхъ организмахъ, гдѣ все по преимуществу условно и сказочно. Появленіе тѣни отца Гамлетова и др. въ трагедіи и драмѣ существуетъ только для возбужденнаго воображенія Гамлета и неприимо для остальныхъ, нормально настроенныхъ зрителей. Волшебныя существа и волшебный міръ точно также ощутительны только для больной, умирающей Ганшеле и неприимы для всѣхъ остальныхъ, здоровыхъ, а намъ жалки и

противны. Придавать же имъ,— какъ Бёклинъ, или Клингеръ, или всѣ другіе декаденты, великое значеніе, отыскивать въ нихъ глубокій и таинственный смыслъ, облекать ихъ въ ризу мистическаго пантеизма—просто непростительно и карикатурно.

А между тѣмъ, посмотрите, къ какимъ истинно превосходнымъ, чудеснымъ и иногда прелестнымъ созданіямъ былъ способенъ Клингеръ, когда онъ оставлялъ всякое «декадентство», всякія причуды и ломанья въ сторонѣ, когда онъ давалъ волю только своему таланту, своему жизому ощущенію, своей чудной наблюдательности, своему чувству.

И во-первыхъ, онъ превосходный ландшафтистъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ новаго времени. Онъ, правда, не обладаетъ тѣми блистательными красками, какъ Бёклинъ, онъ не способенъ производить того поразительнаго очарованія, какъ этотъ его предшественникъ, но и при менѣе роскошныхъ средствахъ исполненія, ландшафты Клингера занимаютъ особенно высокое мѣсто по отсутствію выдумки и прибранности. Они правдивы и разумны. Его «египетскій ландшафтъ» на лотосскомъ болотѣ Нила, съ пятью птицами марабу, которыхъ рисуетъ древній египтянинъ-живописецъ; его многочисленные пейзажи древняго и новаго міра въ иллюстраціяхъ къ «Овидію», къ «Амуру и Психеѣ», въ его «Евѣ», въ его «Жизни», въ его «Смерти», въ его Брамсовыхъ фантазіяхъ», и въ особенности въ его превосходныхъ «Четырехъ пейзажахъ»—ставятъ его очень высоко въ ряду пейзажистовъ, не только германскихъ, но и вообще европейскихъ. Его чудесно-живописное «Шоссе», на которомъ лежитъ убитая молніей старуха, его «Поле», на которомъ повалился землепашецъ, убитый лягнувшей его ногой лошадью, его пейзажъ среди горъ, гдѣ поперегъ рельсовъ лежитъ скелетъ смерти, его пейзажъ со скалой, среди котораго Меркурій и Юпитеровъ орелъ несутъ по воздуху Прометея, ночной лунный видъ роскошной виллы, передъ которою ревнивый мужъ застрѣлилъ изъ ружья любовника своей жены, а она въ ужасѣ бѣжитъ вонъ, и многіе др. — все это замѣчательные шедевры.

Потомъ, Клингеръ — многоспособная натура, человѣкъ одаренный крупнымъ даромъ типичности и драматическаго выраженія. Еще въ молодыхъ, юношескихъ годахъ, онъ набросалъ, на память, подъ вліяніемъ вида умирающаго своего дѣда, такой рисунокъ, который долженъ считаться, по правдѣ, простотѣ и выраженію боли, одинъ изъ перловъ европейскихъ коллекцій собственноручныхъ рисунковъ художниковъ. Впослѣдствіи, онъ сдѣлалъ не мало рисунковъ подобнаго-же высокаго достоинства. Такъ, напримѣръ, въ гравюрѣ Бѣдствіе (Elend) онъ нарисовалъ такую фигуру злого, безчеловѣчнаго надсмотрщика или пристава, навязывающаго новые узлы у себя на плети, чтобъ карать несчастныхъ угнетенныхъ рабочихъ, выбившихся изъ силъ, — которая достойна самыхъ могучихъ созданій Альберта Дюрера. И такихъ, талантливыхъ, характерныхъ, типическихъ и полныхъ силы фигуръ и лицъ существуетъ у него множество, въ разнообразнѣйшихъ видахъ и характерахъ,— но, на мои глаза, ничего онъ не создалъ глубже, значительнѣе и поразительнѣе, чѣмъ фигура «утопающаго» въ его великолѣпной сюитѣ: «Жизнь» (1884). Широко разстилается площадь моря — пожилой человѣкъ тонетъ. Все тѣло уже погрузилось, даже рукъ не видать — одна еще голова, немного покачнувшаяся и запрокидывающаяся назадъ, поднимается надъ водною бездною — волосы на этой головѣ спутались и опускаются на лобъ — вокругъ ходятъ и струятся мелкія волночки — вдали повсюду мракъ, ни откуда спасенія нечего ждать, гроза бушуетъ но какое выраженіе въ безнадежныхъ глазахъ, какая замирающая искра жизни въ потухающихъ, но еще свѣтящихся зрачкахъ, какой ужасъ въ полуоткрытомъ еще ртѣ ахъ, какая страшная и пронзительная картина! Сколько сотенъ улыбающихся милыхъ Мадоннъ, съ ангелами, пѣвцами, скрипками и блаженными, можно бы отдать за одну эту страшную умирающую голову. Мнѣ кажется, при взглядѣ на нее, у каждаго должны подняться волосы отъ ужаса.



„Люциферъ", Штука.

Ахъ, еслибъ Клингеръ слушался одного только своего таланта и здоровой натуры, еслибъ онъ жилъ не въ декадентское время и не въ декадентскомъ ангуражѣ, еслибъ у него не торчали постоянно передъ глазами примѣры сумасброднаго (хотя и талантливаго) Бёклина и сочувствіе къ декадентству исковерканной въ понятіяхъ и вкусахъ публики! Что это былъ бы тогда за великій художникъ, великаго XIX-го вѣка!

38.

Въ теченіе XIX-го вѣка, англичане имѣли на европейскую живопись такое же громадное вліяніе, какъ и на большинство всѣхъ проявленій человѣческаго творчества въ жизни, наукѣ, искусствѣ и художественной промышленности. Ихъ инициатива и въ живописи была въ данныхъ степени нова, оригинальна, самостоятельна, глубока, и благотворна для всего міра.

Изумительная инициатива Англіи проявилась здѣсь во многихъ новыхъ областяхъ. Это были: 1) создание нынѣшнего

пейзажа. 2) созданіе нынѣшней бытовой живописи. 3) созданіе нынѣшней акварели. 4) созданіе новой гравюры. 5) созданіе школы прерафаэлитовъ.

Уже въ серединѣ XVIII вѣка сталъ писать прекрасные пейзажи Гейнсборо, всего болѣе знаменитый своими портретами, но въ то же время страстно любившій писать, собственно для себя, виды англійскихъ парковъ, лѣсовъ и садовъ, среди которыхъ онъ провелъ всю свою молодость, а потомъ и часть зрѣлыхъ лѣтъ. Потомъ, въ концѣ XVIII вѣка былъ тоже у англичанъ замѣчательный художникъ Кромъ. Обворожённый правдивостью и простотой старинныхъ голландскихъ пейзажей, онъ принялся писать подобные имъ англійскіе пейзажи. Но продолжатель и послѣдователь Крома, Констэбль, почувствовалъ просто ненависть къ прежнему условному искусству. Онъ написалъ множество картинъ, англійскія поля, деревни, замки, дачи, рѣчки, мельницы, пасущіяся тучныя стада, церковки, огороды, рощи. Онъ написалъ всѣ эти предметы не сами по себѣ, а съ окружающимъ ихъ воздухомъ, солнцемъ, разнообразными явленіями свѣта и тьмы, прозрачности и никогда не заботился объ условной «красотѣ», правильности и классныхъ «законахъ». Онъ говаривалъ: «Моя живопись никого не напоминаетъ, она и не сладенькая, и не миленькая —какъ же мнѣ надѣяться, что я сдѣлаюсь популярень! Я работаю только для будущаго времени.» И вышло такъ, какъ онъ сказалъ. Умеръ-то онъ въ 1837 г., конечно совершеннымъ бѣднякомъ, но сдѣланное имъ пошло всему молодому тогдашнему поколѣнію (а, значитъ, и всѣмъ будущимъ поколѣніямъ) впрокъ; молодые французскіе живописцы увидѣли его картины (малоцѣнимыя тогда въ Англіи), въ 1825 г., на передвижной англійской выставкѣ въ Луврѣ, другіе съѣздили и сами въ Лондонъ, чтобъ ихъ узнать хорошенько, всѣ оцѣнили почтиъ великаго англичанина (быть можетъ, больше всѣхъ самъ Делакруа, стоявшій на вершинѣ своей славы), и съ тѣхъ поръ громадный переворотъ совершился во французской живописи, а черезъ нее, впослѣдствіи, и въ другихъ европейскихъ школахъ. И это произошло не только въ пейзажѣ, но и въ другихъ отдѣлахъ искусства, въ бытовой и исторической живописи. Правда, въ самой Англіи, не взирая на множество хорошихъ пейзажистовъ въ теченіе первой половины XIX в. (какъ Коксъ, Миллеръ, Винтъ), не явилось ни одного истиннаго, великаго преемника и продолжателя Констэбля, но они нашлись во Франціи. Возникла, всего 6 лѣтъ спустя, знаменитая школа барбизонцевъ, о которой говорено уже выше.

Совершенно въ сторонѣ отъ Крома, Констэбля и всей послѣдовавшей за ними англійской и европейской школы пейзажистовъ, жилъ тогда и писалъ картины въ Англіи еще одинъ художникъ-ландшафтистъ, англичанинъ, совершенный особнякъ, одинокій и единственный. Это Тернеръ. Довольно долгое время онъ былъ обожателемъ и горячимъ послѣдователемъ Клодъ-Лоррена. Но потомъ, будучи около 45 лѣтъ отъ роду, онъ нашелъ свою собственную дорогу и совершилъ тутъ великія чудеса. Онъ задумалъ изобразить солнце, солнечный свѣтъ и солнечное освѣщеніе съ такою правдою, какой до него въ живописи еще не бывало. Все лучшее по этой части даже у такого замѣчательнаго таланта, какъ Клодъ-Лорренъ, казалось ему до нѣкоторой степени малымъ, неудовлетворительнымъ. И онъ сталъ добиваться передачи солнца во всей его лучезарности. Онъ долго искалъ, но своего добился, и высказалъ въ полотнахъ то, чего, раньше его, никто еще въ самомъ дѣлѣ не видалъ. У него уже болѣ нѣтъ (кромѣ рѣдкихъ исключеній) великихъ маленькихъ пейзажей съ близкой точки зрѣнія. У него сцены почти всегда обнимаютъ нѣсколько десятковъ верстъ, онѣ представляютъ огромныя пространства, и всѣмъ этимъ обширнымъ перспективнымъ паритъ величавый другъ — то раскаленный, какъ печка, то золотой, то синимъ, то багрянъ, то закутанный въ пары и тучи, то въ дымѣ и отчасти съ грудою пробивающихся сквозь тучи — то — утренне, то вечернее, то — въ закатѣ, то солнце льетъ огромною сплошною массою, то — сквозь пространствами. Все остальное, земля, горы и воды, кромѣ воздуха, облаковъ и неба, играетъ у него второстепенную роль: корабли и деревья, лѣнія и людки, пароходы вдали или вблизи, и всего болѣе — люди, можно сказать, почти вовсе для него ничего не значатъ, они всѣ для него антуражъ, приставка, прибавка, уступка, и, кажется если ихъ вынуть вонъ, картина ничего-бы не потеряла. Приклеенные сюда исторіи, событія, сюжеты: «Дидона и Карѳагенъ», и морское сраженіе при Трафальгарѣ со смертью Нельсона», Италія и «Чайльдъ-Гарольдъ», совершенно въ расчетъ принимаемы быть не могутъ: у этихъ чудныхъ сценъ природы ни другого отечества, ни другой національности нѣтъ, кромѣ англійскихъ, нѣтъ ни времени, ни эпохи кромѣ англійскихъ. Величайшій поклонникъ и пламеннѣйшій распространитель славы Тёрнера, знаменитый Рёскинъ, а также обожающій его біографъ Гамертонъ, принуждены были признаваться, что и Италію, и Швейцарію Тёрнеръ представлялъ невѣрно и слабо, что у него понятія объ «историческомъ» пейзажѣ не было и нѣтъ, и что вездѣ у него на сценѣ—Англія, его любезные Іоркширъ, Нортумберлэндъ, Вестморлэндъ, Кумберлэндъ. Одинъ лишь французскій пейзажъ является у него вѣрнѣе, вслѣдствіе значительнаго сходства и родства сѣверно-французской флоры съ южно-англійскою. Всѣ его пейзажи даютъ только что-то ослѣпительное, поражающее, въ большинствѣ случаевъ торжественное и лучезарное—и въ этомъ состояла лишь вся задача. Исполнена-же эта задача изумительно, и прошло уже больше полу-столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ Тёрнеровскія чудеса, а еще никто не находился, кто бы въ состояніи былъ ихъ повторить или ихъ продолжать. Можетъ быть и всегда такъ останется дѣло. Надо родиться съ натурой и душой Тёрнера.

39.

Сколько велика была заслуга англичанъ по части водворенія истиннаго, «новаго» пейзажа, столько же велика она была, съ ихъ стороны, и по части водворенія истинной «новой» бытовой живописи. Это сдѣлалъ шотландецъ Уильки (Wilkie). Съ самаго-же перваго шага онъ крѣпко понравился своимъ соотчичамъ, и первая маленькая картина его «Ярмарка въ Интеллессѣ» (1804 г.) была немедленно же куплена за 25 ф. стерл., и онъ тотчасъ переселился въ столицу, въ Лондонъ (1804). Тутъ пошелъ у него рядъ маленькихъ шедёвриковъ, по направленію и настроенію, и даже по письму нѣчто издали приближающееся къ нидерландцамъ, но по сюжетамъ—сцены чисто англійскія. У него не было, какъ у тѣхъ, вѣчныхъ попоекъ, кутежей, трубокъ и табаку, дракъ и деревенскихъ тяжелыхъ грубыхъ плясокъ, выталкиваній и кулачныхъ расправъ, у него все являлось потоньше, поизящнѣе и поучтивѣе, иногда бывало даже сентиментально и элегантно, но въ общемъ, столько же вѣрно, натурально и просто, какъ у тѣхъ. Мужчины и женщины, взрослые и молодые, старики и дѣти, всѣ у него милы и изящны, спокойны и добры, пріятны и естественны, наконецъ, иногда полны маленькаго, милаго, простодушнаго лукавства и насмѣшки. По правдивости, Уильки есть прямой потомокъ и одинъ изъ лучшихъ продолжателей Гогарта, подобно тому, какъ Констэбль былъ прямой послѣдователь и и продолжатель Гейнсборо, но только у Уильки нѣтъ и тѣни силы, ѣдкости, грознаго негодованія и карающаго бича великаго творца «Моднаго брака». У него всѣ улыбаются и счастливы, всѣ шутятъ и играютъ, они беззаботны и спокойны, они никакого понятія не имѣютъ о горькихъ несчастіяхъ и страшныхъ потеряхъ, о злой судьбѣ и о злыхъ людяхъ, — они довольны и благополучны, какъ на самомъ дѣлѣ слишкомъ рѣдко это бываетъ съ людьми; даже такія трагическія событія, какъ опись имущества, или взысканіе за неуплату аренды, не являются у Уильки чѣмъ-то ужаснымъ и страшнымъ, а только безпокойнымъ, непріятнымъ. Въ этомъ лежитъ причина великаго осужденія его таланту и дѣятельности (онъ въ этомъ, можно сказать, одного-поля ягода съ Вотьэ и Дефрегеромъ), даже проникаемыя иногда его дѣйствующими лицами слезы — сладки, граціозны и милы. Но тѣмъ не менѣе, даже среди такихъ недочетовъ, среди такой неполноты изображаемыхъ имъ характеровъ, людей и жизни, въ картинахъ Уильки присутствуетъ такая истина, что отъ нихъ отстоятъ на безконечно далекомъ планѣ всѣ лживо-игривыя и пасторально-кокетливыя картины Ватто, всѣ сентиментально-слащавыя и искусственныя картины Грёза.

и даже всѣ довольно деревянныя и довольно-кукольныя картинки и рисунки Ходовецкаго. Нуженъ былъ глубоко-искренній духъ Уильки для того, чтобъ протестовать противъ всяческихъ ложныхъ европейскихъ теченій и навести людей на солнечную колею Гогарта и Гойи. Изъ Англіи и англійской деревни пахнуло свѣжею, здоровою, неизуродованною (войною и придворными нравами) жизнью. Уильки подавалъ Европѣ ту самую правду, по части мужика и народа, избы и коттеджа, какую подавалъ въ тѣ-же самые годы Констэбль по части парка, лѣса, поля, села, рѣки—и оба эти великіе художника произвели на всѣхъ художниковъ, въ началѣ второй четверти XIX вѣка, (въ томъ числѣ Кнауса, Вотьэ и Дефрегера) то благодѣтельное, отрезвляющее впечатлѣніе, которое было здѣсь всѣмъ нужно и какъ-бы ожидаемо. Французская и дюсельдорфская школы жанристовъ обязаны всего болѣе своимъ существованіемъ—англичанину Уильки и его прямому указанію на старыхъ нидерландцевъ.

Создавая новыя представленія существующаго, ставя себѣ новыя задачи и темы живописи, англійское искусство создало, въ теченіе первой половины XIX вѣка, и новыя средства воплощенія, выраженія и воспроизведенія искусства. Владѣніе масляными красками, созданіе новыхъ правдъ и эффектовъ колорита - принадлежатъ здѣсь впервые англійской школѣ. Но кромѣ того, она-же создала новую нынѣшнюю акварель.

Послѣ блестящихъ иллюстрацій средневѣковыхъ рукописей, миніатюръ, въ теченіе XVI вѣка, какъ-будто бы на время сложила оружіе и долго не представляла ничего особенно замѣчательнаго въ Европѣ. Во второй половинѣ XVIII вѣка, акварель народилась снова — у англичанъ. Сандби явился раньше всѣхъ, но его архитектурные рисунки были еще довольно мертвы. Коксисъ пейзажистъ уже очень замѣчательный - сталъ давать живые и горячіе тоны въ своихъ акварелляхъ, но всего болѣе двинулъ ее впередъ — Тёрнеръ. Во время его молодости, въ послѣднія 10 — 15 лѣтъ XVIII вѣка, акварель была въ Англіи въ такомъ великомъ ходу, модѣ и процвѣтаніи, что даже до самаго 1800 года, Тёрнеръ исполнялъ всѣ свои, столько прославленные, пейзажи—акварелью. Вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ, рано умершимъ († 1802) Гильпиномъ, онъ громадно усовершенствовалъ акварель, особливо тѣмъ, что выдумалъ замѣнить растительныя краски минеральными, и это возвратило акварели ту необыкновенную силу, сочность и блескъ, которыми владѣли старинныя средневѣковыя миніатюриты. Эти техническія и художественныя завоеванія породили цѣлую новую школу художниковъ акварелистовъ, и въ немного лѣтъ она дала такого крупнаго мастера, какъ высокоталантливый юноша Бонингтонъ, рано унесенный смертью († 1828). Новые способы скоро сдѣлались достояніемъ всѣхъ европейскихъ художниковъ. Но особливая заслуга англійской акварели была та, что она своимъ смѣлымъ починомъ указала новые пути и новыя средства масляной живописи — научила ее бросить прежній мракъ и темноту письма, и наполнять картину силой, мощью и жизненностью свѣта. Такъ стали сначала писать англійскіе живописцы, Тёрнеръ, Констэбль, а потомъ—французскіе и нѣмецкіе живописцы (Делакруа и его послѣдователи), а затѣмъ и остальная новая Европа.

Еще одна отрасль художества, состоящая въ близкомъ родствѣ съ живописью, возродилась къ новой жизни, въ теченіе первой половины XIX столѣтія, въ Англіи. Это—гравюра на деревѣ. Во все продолженіе времени, съ конца Ренесанса, этотъ сильный и оригинальный способъ воспроизведенія художественныхъ созданій былъ отодвинутъ въ сторону, почти совершенно забытъ. Около начала XIX вѣка гравюра на деревѣ снова возродилась. Явился въ Англіи талантливый художникъ, котораго прозвали отцомъ новой гравюры на деревѣ. Это Бьюикъ (Bewick). Здѣсь, впрочемъ, не мѣсто подробно его разсматривать.

40.

Таковъ былъ великій починъ и неправленный примѣръ, принесенный изъ Англіи на пользу и помощь европейскому искусству, въ продолженіе первой половины вѣка. Но, начиная со второй половины этого столѣтія, Англія проявила еще другой починъ и примѣръ, который кажется ей самой еще гораздо важнѣе и благодѣтельнѣе перваго. Это—созданіе «прерафаэлитовъ». Въ первые дни своего появленія, эта школа возбуждала только непріязнь и негодованіе, иной разъ даже полное презрѣніе, но со временемъ ея созданія до того пришлись по англійскимъ вкусамъ, что въ настоящее время для англичанъ нѣтъ, кажется, ничего выше, пріятнѣе и дороже во всемъ ихъ національномъ искусствѣ.

Самой коренной, главной основой этой школы явилось — отрицаніе того, что *до нея* считалось высшимъ и значительнѣйшимъ въ искусствѣ, протестъ противъ признанныхъ классическими вершинъ и намѣреніе замѣнить ихъ другими вершинами, другими задачами, другими взглядами и другимъ выполненіемъ. Намѣреніе было прекрасное, достойное похвалы. Ничто не должно застаиваться и плеснѣвѣть. Вездѣ потребны новость и движеніе впередъ. Но программа англійскихъ юношей не была выполнена: они потянулись, первые, къ тому, что впослѣдствіи названо декаденствомъ».

Въ началѣ новая школа и новое направленіе не назывались еще прерафаэлитскими, это названіе явилось уже позже.

Первымъ протестантомъ выступилъ живописецъ Блэкъ, въ концѣ XVIII столѣтія. Собственно говоря, онъ и не думалъ выставлять себя нападателемъ, протестантомъ, онъ заботился только о выраженіи того, что его наполняло и мучило, но протестъ выходилъ самъ собою. Онъ былъ по натурѣ мистикъ, духовидецъ, полумонбшанный спиритъ, но при этомъ, все-таки, человѣкъ талантливый и много учившійся своему искусству. Его наслѣдникъ и продолжатель, Давидъ Скоттъ точно также не получилъ никакой извѣстности ни у себя дома, ни въ Европѣ. Его мнѣнія шли совершенно въ разрѣзъ съ общепринятыми, еще больше и рѣзче, чѣмъ это было у его предшественника. Блэкъ былъ только закоренѣлый противникъ современныхъ ему живописцевъ, Рейнольдса, Гейнсборо и проч., но Скоттъ шелъ еще дальше. Онъ писалъ: Тиціанъ—старикашка безъ фантазіи, Тинторетто—сѣдой Полифемъ, Веронезе—только пажикъ дожа, Микель-Анджело чудовищенъ, Рафаелевскія ложи—ребячество».

Съ художественными оцѣнками, мыслями и созданіями обоихъ мистиковъ познакомился, въ концѣ 40-хъ годовъ, молодой англійскій живописецъ, Россетти, и они повліяли на него громадно, потому что соотвѣтствовали и его собственному мистическому направленію и расположенію къ обожаемому, всѣми публиками и художниками, итальянскому искусству XVI вѣка. Онъ былъ уже въ то время въ дружбѣ съ двумя другими талантливыми молодыми англійскими художниками, Гёнтомъ и Милльэмъ, которые тоже были недовольны существующимъ искусствомъ, тоже находили его слишкомъ условнымъ и искусственнымъ, лишеннымъ и мысли, и красокъ, и выраженія, и чувства, тоже искали изъ него выхода. И, вотъ однажды въ 1848 г., трое друзей сидѣли вмѣстѣ въ гостяхъ у Милльэа, и разсматривали гравюры съ фресокъ Беноццо Гоццоли, существующихъ на знаменитомъ кладбищѣ Campo Santo въ Пизѣ. Они были ими поражены. Они нашли въ нихъ осуществленіе того, чего они искали. И въ пылу энтузіазма, они рѣшили образовать художественное «братство», которое будетъ осуществлять ихъ идеалы и призывать къ принятію ихъ всѣхъ другихъ. Россетти требовалъ сначала, чтобы это братство окрестило себя именемъ Братства ранняго христіанскаго искусства, но другіе не захотѣли, и наконецъ всѣ вмѣстѣ порѣшили назвать себя Братствомъ до-рафаэлевскаго искусства. Они такъ и стали называть себя оффиціально и публично.

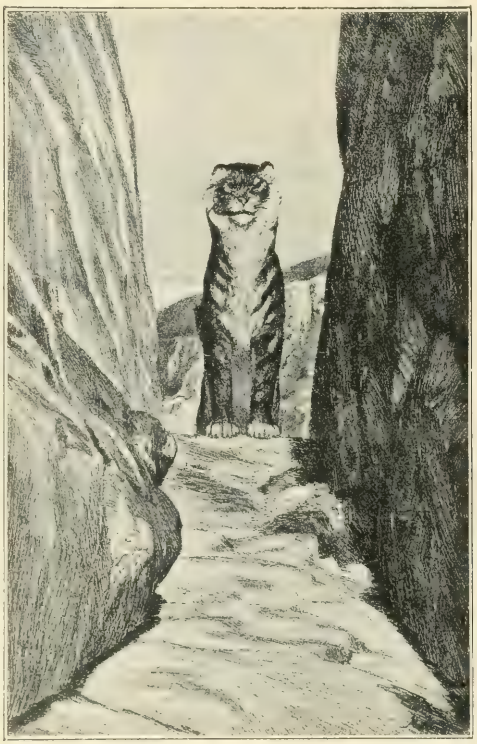
Скоро къ нимъ примкнули еще два другихъ молодыхъ художника (менѣе даровитыхъ и извѣстныхъ), и два писателя объ искусствѣ, и со слѣдующаго-же 1849 г. всѣ вмѣстѣ они начали становить свои новыя картины на публичныхъ выставкахъ. Но успѣха у нихъ было мало. И публика, и критика ихъ осмѣивали и пренебрегали ими, и въ такой степени, что иногда (1851) распорядителямъ выставокъ приходилось снимать вонъ ихъ картины. Начатый-же ими въ 1851 г. ежемѣсячный художественный журналъ The Germ (Зародышъ) просу-

шествовалъ всего четыре мѣсяца. Но они твердо и храбро продолжали свое дѣло. Быть можетъ еще долго шло-бы такъ скандально и неблагополучно ихъ дѣло, какъ вдругъ выступилъ на ихъ защиту знаменитый Рескинъ, уже прославившійся своимъ сочиненіемъ Modern painters («Новые живописцы», 1843. Онъ напечаталъ въ газетѣ «*Times*» (13 и 30 мая 1851) двѣ статьи, которыя произвели переворотъ въ сужденіяхъ публики, и обратили ея вкусы прямо въ противоположную сторону противъ прежняго. Прерафаэлитовъ признали, имъ дали право гражданства въ искусствѣ. Ихъ полюбили, они вошли въ моду, и такое счастливое положеніе осталось (за тремя главными, изъ ихъ числа по крайней мѣрѣ) до конца ихъ жизни.

Они были прекрасные и талантливые люди, они были друзья, они любили другъ друга, они исповѣдовали, повидимому, одинъ и тотъ-же символъ вѣры по части искусства — удаленіе отъ всего условнаго, классическаго и рутиннаго, ихъ тлашатай, истолкователь и защитникъ, Рескинъ, много и настойчиво объяснялъ въ печати, чѣмъ именно грѣшатъ Ренесансъ, самъ великій по таланту Рафаэль и всѣ его безчисленные послѣдователи: это рутинностью, неправдой лицъ, фигуръ, костюмовъ, антуража, архитектуры, пейзажа, растительности и т. д. Все это одинаково осуждали прерафаэлиты, и рѣшились искать большей правды представленія. И однакоже — братство прерафаэлитовъ просуществовало не долго, всего до 1853 года, и тутъ распалось. Они разошлись по сторонамъ, по разнымъ дорогамъ, не взирая на связующее ихъ звено, Рёскина, который продолжалъ писать о нихъ и учить англійскую публику умуразуму насчетъ художества вообще и прерафаэлитства въ особенности.

Оказалось на дѣлѣ, что прерафаэлиты вовсе не составляли чего-то такого цѣльнаго, объединеннаго, единичнаго по мысли и направленію, какъ это имъ самимъ казалось сначала. Они оказались людьми довольно различными и мало имѣющими общаго одинъ съ другимъ. У каждаго были свои вкусы, свои стремленія. Было одно общее, что ихъ соединяло: неслѣпое стѣсняли классическимъ, давно утвержденнымъ образцамъ въ томъ числѣ и Рафаэлю, намѣреніе идти только по внушенію своей натуры и таланта, и, въ особенности, избавиться отъ перетвердившаго пошлаго въ первой половинѣ XIX вѣка академическаго, лже-классическаго стиля. И въ этомъ они успѣли. Они съ большою страстью прильнулись къ стилю до-рафаэлевскому, стилю XV вѣка, по преимуществу къ итальянскому стилю флорентійцевъ: Беноццо-Гоццоли, Мазаччіо, Анджелико, Боттичелли, они ввели въ употребленіе въ Англіи и формы, ихъ красивость, ихъ изящныя линіи и дивныя краски, но вмѣстѣ и ихъ старинную аллегорію и символику, которая приходилась теперь по вкусамъ англичанъ. Главнымъ рокомъ ихъ было то, что художнику надо имѣть передъ глазами одно только природу и существующее въ дѣйствительности, они только ихъ правду. Принципъ этотъ, конечно, самъ по себѣ, превосходенъ, но они стали преслѣдовать его невозможныхъ крайностей, до точности фотографической во всѣхъ подробностяхъ, вопреки отдаленію и перспективѣ. Что цвѣточекъ, вѣточка, камешекъ, орнаментъ находятся за вершокъ отъ нашихъ глазъ, или за нѣсколько саженъ, имъ было все равно, и они рисовали ихъ съ одинаковою боязливою точностью. Нѣкоторое время всѣ они вѣрно держались этой первоначальной программы, но потомъ стали отступать отъ нея, каждый по-своему, перестали держаться старо-итальянскаго искусства и старо-итальянскихъ сюжетовъ, перешли къ современности, и впослѣдствіи даже смѣялись надъ той программой, какъ надъ увлеченіемъ юности, даже стыдились своего прерафаэлизма.

Всѣхъ больше отступилъ отъ прерафаэлизма именно тотъ, кто его задумалъ, создалъ въ воображеніи и на дѣлѣ — Россетти. Онъ началъ-было съ прекрасныхъ картинъ въ старо-итальянскомъ родѣ: — «Юность Дѣвы Маріи» и «Благовѣщеніе», а затѣмъ продолжалъ прекрасными, точно сверкающими акварелями, въ любовномъ стилѣ, почти все съ поцѣлуями: «Паоло и Франческа», «Ланчилотто и Джиневра», «Сиръ Галагадъ», «Лукреція Борджія», Встрѣча Данте и Беатриче въ Чистилищѣ (1852), и т. д. Но, страстно влюбившись въ свою модель, красивую Лиззи Сиддель (на которой впослѣдствіи и женился), онъ оставилъ акварель, перешелъ окончательно на масляныя краски, но бросилъ писать группы, сталъ писать одиночную фигуру и употребилъ много лѣтъ своей жизни на то, чтобы на тысячу ладовъ воспроизводить все только красоту своей возлюбленной, подъ видомъ мистическихъ, задумчивыхъ, трансцедентальныхъ, глубоко-серьезныхъ (и отчасти чахоточныхъ) фигуръ, то одѣтыхъ на манеръ старыхъ венеціанцевъ, то раздѣтыхъ, съ цвѣткомъ, зеркальцемъ, копьемъ, гребнемъ, книжечкой въ рукахъ, никогда не улыбающихся и какъ будто застылыхъ. Прелестны были ея лицо, глаза, ротъ, громадная масса густыхъ и длинныхъ бѣлокурыхъ волосъ, но содержанія во всѣхъ этихъ созерцательныхъ изображеніяхъ не было, ни въ какихъ сюжетахъ онъ болѣе не нуждался: ему, въ любовномъ эгоизмѣ, довольно было «ея красоты и задумчиваго вида». И рисовалъ онъ все это капризно, невѣрно, неточно, произвольно. И такимъ-то образомъ возникли всѣ его картины. Жизнь свою Россетти кончилъ неизлѣчимымъ морфинистомъ, вѣчнымъ страдальцемъ отъ галлюцинацій. Отъ него отстранились, въ послѣднее время, всѣ прежніе друзья его и товарищи, и даже самъ Рёскинъ, прежде провозглашавшій его геніемъ нынѣшнимъ современнымъ живописцемъ, не видался съ нимъ послѣднія 15 лѣтъ его жизни (1867—1882). Онъ находилъ, что Россетти — человѣкъ безъ вѣры и преданный животнымъ страстямъ. Вотъ чѣмъ кончилась исторія *перваго* прерафаэлита!



„Будущность“ (изъ цикла „Ева“), Клингера.

Его товарищъ и пріятель, Гольманъ Гентъ точно также не долго остался прерафаэлитомъ. Началъ онъ съ такихъ картинъ, какъ «Бѣгство Магдалины» (1848), по поэмѣ англійскаго поэта Китса, «Рienзи, клянущійся надъ тѣломъ брата отомстить убійцѣ» (по роману Бульвера) и «Два Веронца» (по драмѣ Шекспира). При появленіи послѣдней, въ 1851 г., Рёскинъ, не взирая на ея натянутую театральность позъ, на ея англійскія физіономіи, особливо у женщинъ, и на крикливыя непріятныя краски, заявилъ, что «со времени Альбрехта Дю-

ера, не было на свѣтѣ другой картины, подобной этой по серьезности и полнотѣ впечатлѣнія». Съ этихъ поръ Рёскинъ сталъ герольдомъ, провозгласителемъ таланта, величія и глубины произведеній Гёнта, и, можно сказать, болѣе всѣхъ создалъ его славу. Гёнтъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его идеалу живописца—по мнѣнію Рёскина, искусство назначено для того, чтобы служить моральнымъ, возвышающимъ человѣка цѣлямъ и восторженному прославленію всего, созданнаго Творцомъ». Особенную знаменитость получилъ Гёнтъ съ 1854 года, когда поставилъ на выставкѣ въ Лондонѣ свою картину: «Свѣтъ міра». Она изображала Христа, ночью, съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ, босоногимъ, но, по средневѣковымъ до-рафаэлевскимъ обычаямъ, въ парчевой ризѣ, застегнутой на груди драгоцѣнной застежкой; въ одной рукѣ Онъ держалъ зажженный фонарь съ кровелькой изъ прорѣзныхъ звѣздочекъ, а другою стучался въ запертую дверь человѣческаго жилища». Мораль и мистичность картины сильно понравились и Рёскину, и англійской публикѣ (тѣмъ болѣе, что рѣзкая выписка мельчайшихъ деталей была выполнена здѣсь съ изумительною аккуратностью, отъ послѣдней травки и цвѣточка и до каждаго драгоцѣннаго камешка, а краски были сильно-эффектны и ярки),—и Гёнтъ былъ тотчасъ-же награжденъ великою знаменитостью на всю Европу. Сильно поощренный и осчастливленный, Гёнтъ уѣхалъ на Востокъ, и сталъ тамъ готовиться къ писанію евангельскихъ картинъ. Онъ изучалъ Палестину и еврейство, во всѣхъ его видахъ и подробностяхъ, съ необыкновеннымъ прилежаніемъ и настойчивостью. Результатомъ былъ рядъ картинъ: «Найденіе Христа во храмѣ», «Тѣнь смерти», «Эздрелонская долина», «Христосъ среди книжниковъ», «Торжество младенцевъ»: онѣ отличались мистикой и аллегоріями, отличными этнографическими и національными подробностями, но были отчаянно бѣдны фантазіей, творчествомъ и психологіей. Козелъ отпущенія» оказался простымъ тщательно написаннымъ козломъ, увязшимъ въ тинѣ (грѣхахъ), «Торжество младенцевъ» изобразило «Бѣгство въ Египетъ», среди дѣйствительно еврейскаго пейзажа, но вмѣстѣ съ толпой хорошенькихъ англійскихъ дѣточекъ, то голенькихъ, то одѣтыхъ, въ сіяніяхъ и гирляндахъ, бѣгущихъ, летящихъ и прыгающихъ вокругъ прекрасно написаннаго Іосифова осла, а сама Дѣва-Марія, изящная англійская дама, ѣдетъ на этомъ ослѣ, съ Младенцемъ-Іисусомъ (тоже маленькимъ пятимъ англичаниномъ) на рукахъ. Все вмѣстѣ выходило страннымъ соединеніемъ реализма и идеализма, точно скопированной натуры и несклад ной выдумки; все доказывало умѣлость рисунка, но отсутствіе фантазіи и присутствіе мелочной кропотливой мазни. Ничего итальянскаго и прерафаэлитскаго тутъ не было. Гёнтъ сдѣлался обыкновеннымъ мало замѣчательнымъ живописцемъ, какимъ онъ былъ до прерафаэлитства, и когда писалъ такія плохія вещи, какъ напримѣръ «Проснувшаяся совѣсть» («дуэтъ» расходящихся любовниковъ).

„Изъ пѣсни пѣсней" (Beloved), Россетти.

Миллэзъ еще менѣе времени остался прерафаэлитомъ. Онъ сталъ живописцемъ очень рано. Присоединился онъ къ прерафаэлитамъ въ 1848 году, а въ 1849 году уже выставилъ, одновременно съ ними, свою картину въ старо-флорентинскомъ стилѣ: «Лоренцо и Изабелла». Надъ нею всѣ смѣялись. Въ 1850 году онъ выставилъ «Христа-ребенка въ плотничной мастерской»—опять общій смѣхъ и порицаніе, въ 1851 г. «Возвращеніе голубя въ Ноевъ ковчегъ»—ну, ужъ эту вещь велѣли просто снять съ выставки, вмѣстѣ съ прочими прерафаэлитскими картинами. Всѣ, вообще, картины Миллэза не имѣютъ особаго значенія въ исторіи искусства, вслѣдствіе своей придуманности, и интересны единственно своими техническими качествами. Главное же достоинство Миллэза, это созданіе огромной массы превосходныхъ портретовъ современниковъ. Въ противуположность картинамъ его, эти портреты просты, естественны, истинно выражаютъ личности, характеры и національность, съ совершенствомъ, привычнымъ большинству англійскихъ портретистовъ, начиная съ XVIII вѣка воспитанныхъ на фламандскихъ, итальянскихъ и испанскихъ чудныхъ портретахъ.

Мадоксъ Броунъ никогда не принадлежалъ къ «Прерафаэлитскому братству», но всегда имѣлъ на него огромное и очень рѣшительное вліяніе. Первый его высоко оцѣнилъ Россетти, попросившійся къ нему въ ученики въ 1848 году. Черезъ Россетти узнали его и остальные «братья», и онъ далъ имъ то главное направленіе, котораго они искали по требованію своихъ натуръ, и не умѣли сами собой найти. Мадоксъ воспитался на старыхъ мастерахъ Нидерландовъ и Италіи, и, воротясь изъ этихъ странъ въ Англію (въ 1846 г.), положилъ много энергіи и труда на то, чтобъ внушить своимъ друзьямъ-юношамъ не то, что любовь, а чистую страсть къ значительнымъ художникамъ XIV и XV вѣка.

Долго Броунъ былъ почти вовсе неизвѣстенъ въ Европѣ. Лишь въ послѣдніе годы обратили на него повсюду вниманіе, и притомъ—преувеличенное вниманіе. Нерѣдко можно прочитать теперь, въ художественныхъ статьяхъ и книгахъ, что Броунъ—ровня и товарищъ съ Менцелемъ и Курбе, одинъ изъ величайшихъ и оригинальнѣйшихъ художниковъ всего XIX вѣка. Съ такимъ сужденіемъ навряд ли можно согласиться. Вѣрнѣе будетъ, кажется, сказать, что Броунъ обладаетъ многими хорошими художественными качествами, но никогда не возвысился до высокой самостоятельности, оригинальности, правды и силы. Всѣ достоинства его заключаются только въ прилежаніи и добромъ изученіи прежнихъ

мастеровъ, въ изящномъ колоритѣ, и въ старательномъ соблюденіи исторически вѣрнаго костюма и всяческихъ бытовыхъ подробностей.

Но въ то самое время, когда распалось «прерафаэлитское братство», къ Россетти примкнулъ неожиданно юноша, которому было суждено не только воскресить общество, но придать ему небывалую силу и новую физіономію. Это былъ Бёрнъ-Джонсъ, его талантъ, направленіе, все у него одинаково и однородно съ Россетти, только онъ не такъ узко-эгоистиченъ, какъ этотъ послѣдній, и не писалъ весь вѣкъ все одну и ту же женщину, только въ разныхъ видахъ и формахъ (такъ сказать, подъ тысячью разныхъ никантныхъ соусовъ), но избирать множество разнообразнѣйшихъ и прихотливѣйшихъ сюжетовъ. Сходство же съ Россетти состояло у него въ томъ, что главная задача у него всегда: женщины, женщины и женщины; мужчины у него являются лишь рѣдко, по внѣшнему виду не имѣютъ ничего характернаго, ни содержательнаго, ни жизненнаго, ни интеллектуальнаго, а существуютъ, явнымъ образомъ, только для того, чтобъ обниматься, цѣловаться и быть влюбленными, въ крайнемъ же случаѣ—проявлять набожность, умиленіе и покорность; всѣ остальныя мысли, понятія, чувства и дѣла жизни — имъ вполнѣ чужды и неизвѣстны. Рисовать вѣрно и точно человѣческое тѣло Бёрнъ-Джонсъ очень хорошо знаетъ и умѣетъ, но, заботясь только о своей поэтичности, «символичности» и «живописности», о красотѣ и блескѣ красокъ, онъ совершенно по-Россеттіевски презираетъ всѣ правила, и нерѣдко рисуетъ, вполнѣ произвольно и умышленно, длинныя условныя фигуры на манеръ Боттичелли, въ 9 и 10 головъ, несообразныя руки и ноги, невозможныя позы, змѣевидные повороты и движенія, только бы выходила та поэтичность, символичность и «аллегоричность», которыя для него главнѣе всего. Картина, говорилъ Бёрнъ-Джонсъ, это прекрасный, романтическій сонъ, чуднаго склада, котораго никогда не бывало и никогда не будетъ. Тутъ вездѣ сіяетъ свѣтъ, болѣе яркій, чѣмъ наше солнце; намъ показываютъ блаженныя поля, какихъ никогда никто не видалъ, которыхъ можно только жарко желать, и гдѣ всѣ формы божественны. Вотъ, что такое картина!

Итакъ, по Бёрнъ-Джонсу, вся задача искусства — сонъ, бредъ, гашишъ, выдумка, небывальщина, галлюцинація! Картины — это праздная забава сибаритовъ и аристократовъ, преднамѣренное избѣганіе жизненной правды, глубины чувства, разнообразнѣйшихъ ощущеній, благородное farniente отъ сытости, нетодующее отстраненіе себя отъ тяготы, страданій, невзгодъ ежедневнаго существованія и лишеній дѣйствительности. Наврядъ ли такое парадное и тунеядное искусство можетъ когда-нибудь пригодиться для всего человѣчества. Опьяненіе солнечными елисейскими полями и лучезарными Аркадіями слишкомъ далеки отъ того, что въ подлинной натурѣ испытываетъ весь свой вѣкъ человѣчество, и прерафаэлитскія, декадентскія уродливыя «конфекты» могутъ быть встрѣчаемы большинствомъ людей лишь съ насмѣшкой и жалостью. Они, для человѣчества, только странные уроды, ложь и обманъ.

Сюжеты для своихъ многочисленныхъ картинъ Бёрнъ-Джонсъ бралъ то изъ Библіи, то изъ средневѣковыхъ легендъ, и поэмъ, то изъ новѣйшихъ поэмъ, то изъ миѳологіи. Картины у него всѣ одинаковы. Онѣ наполнены все однимъ и тѣмъ же типомъ красивыхъ, прекрасно запрапированныхъ, на манеръ старыхъ итальянцевъ, женщинъ. Нагія фигуры у Бёрнъ-Джонса величайшая рѣдкость (по строгимъ преувеличеннымъ моральнымъ, пуританскимъ взглядамъ Рёскина, живопись такого рода въ искусствѣ не должно существовать!). Всѣ эти женщины (вперемѣ всегда изящныя и приличныя) довольны, [illegible] ничтожны, праздны, только глазѣютъ на зрителя, [illegible] другъ друга или на воду, прохаживаются съ цвѣтами и [illegible] музыкальными инструментами въ рукахъ, [illegible] какъ кухарки или беременныя женщины и вотъ, все тѣмъ онѣ способны заниматься? Какое прелѣстное [illegible] какая жалкая пустота, невѣжество и глупость! И такимъ-то образомъ, можетъ пробавляться новый [illegible] и [illegible] въ Бёрнъ-Джонсѣ, героя новаго искусства, [illegible] періоды творчества!

Что же касается внѣшняго исполненія Бёрнъ-Джонса, оригинальный французскій художественный критикъ Дюрэ замѣчаетъ, что, не взирая на разныя хорошія художественныя качества, всѣ дѣйствующія лица у него — лишены силы и разнообразія, всѣ съ однимъ и тѣмъ же условнымъ типомъ, жизни въ нихъ нѣтъ, всѣ тощи, изморены, больничны и точно вышли изъ лазарета...

Но ни художники, ни публика англійскіе не хотѣли этого знать: первые чрезвычайно размножились, и, въ виду громаднаго успѣха Россетти и Бёрнъ-Джонса, наводнили, въ теченіе послѣдней четверти вѣка, выставки и музеи Англіи сотнями картинъ въ Бёрнъ-Джонесскомъ родѣ.

Школа прерафаэлитовъ далеко не исполнила той задачи, которую ей предназначали основатели ея. Она не дала ничего великаго и высокаго ни Англіи, ни Европѣ, и напротивъ привила много заблужденій и фальши. Тѣмъ не менѣе она была въ извѣстной степени оригинальна и своеобразна, и уже этимъ однимъ заслуживаетъ вниманія. Но еще гораздо болѣе ея заслуга состоитъ въ томъ, что она съ великой смѣлостью и рѣшительностью дерзнула перешагнуть черезъ многіе хрдожественные авторитеты, утвержденные вѣками, и усомниться въ величіи и несравненной потребности для человѣчества, итальянскихъ художниковъ XVI вѣка. Прерафаэлиты не отрицали талантливости, творчества и значенія какъ Рафаэля, такъ и послѣдовавшихъ за нимъ и послѣ него школъ, но они не согласны были признавать единственность и первенство этихъ школъ надъ всѣми остальными, ихъ непогрѣшимую образцовость. Они обращали всеобщее вниманіе на разныя другія явленія художественнаго міра, и старались доказать ихъ значеніе, красоту и внутреннюю правду, а также и необходимость новому искусству возвратиться отъ искусственности (гдѣ она водворилась) къ чистотѣ, искренности и смѣлой субъективности старыхъ, дорафаэлевскихъ художниковъ. Этимъ прерафаэлиты значительно расширили горизонтъ и область искусства, они прибавили къ современнымъ имъ дорогамъ — нѣсколько старыхъ, забытыхъ и заброшенныхъ.

Этимъ они стояли выше очень многихъ другихъ англійскихъ художниковъ: во-первыхъ современныхъ классиковъ по старинному образцу, Лейтоновъ, Пойнтеровъ и др., безстрастныхъ и слѣпыхъ поклонниковъ академическихъ формъ; во-вторыхъ, выше толпы живописцевъ съ прилизанными картинками, словно гравюры на стали (Масонъ, Уакеръ, Ридъ, Бартонъ), въ-третьихъ, выше ограниченныхъ, точнѣйшихъ археологовъ-бутафоровъ, каковы, покинувшій свою родину и поселившійся навсегда въ Англіи, пользовавшійся англійскими хорошенькими моделями для своихъ греческихъ сценъ, голландецъ Альма-Тадема и разные англичане, до ниточки изучавшіе греческую и помпейскую внѣшность и обстановку, (Альб. Муръ, Ривьеръ); наконецъ, выше даже и такихъ, въ извѣстной степени значительныхъ художниковъ, какъ, напримѣръ, Уаттсъ. Уаттсъ — замѣчательный портретистъ, могучій, сильный, но его формальность и спокойная ровность натуры высказались уже и въ томъ, что многіе десятки портретовъ современныхъ ему знаменитостей, государственныхъ людей, ученыхъ, художниковъ, поэтовъ, писателей, музыкантовъ, духовенства — всѣ писаны по груди, въ совершенно одинаковомъ форматѣ. Какая невозмутимость, какое правильное хладнокровіе!

41.

Отъ англійской школы живописи нельзя отдѣлять ни школу Уистлера, ни школу шотландцевъ.

Картинъ Уистлеръ не писалъ и не пишетъ, потому что содержанія въ картинахъ онъ не признаетъ и надъ нимъ насмѣхается, какъ надъ глупою, устарѣлою претензіею буржуа и филистеровъ. Сюжетъ, содержаніе — онъ признаетъ чѣмъ-то антихудожественнымъ. По его мнѣнію, только тотъ живописецъ, кто почерпаетъ побужденія для созданія гармоній, въ сопоставленіяхъ цвѣтныхъ массъ. Такимъ образомъ, ему важны и интересны только краски и красочныя сочетанія. Для этого ему вполнѣ достаточно — портретовъ, и на нихъ онъ производитъ свои красочные опыты и экзерциціи. Иногда онъ производитъ свои эксперименты даже и вовсе безъ человѣческихъ фигуръ. Въ домѣ у своего пріятеля и покро-

вителя, Лиланда, въ Лондонѣ, онъ росписалъ стѣны распущенными павлиньими хвостами, и его біографъ, извѣстный Дюрэ, прямо говоритъ: Павлинъ служитъ ему тутъ для осуществленія аранжировки намѣченныхъ имъ цвѣтовъ. По натурѣ своей, онъ явно способенъ быть превосходнымъ изобразителемъ человѣка, или, точнѣе, одной формы человѣческаго тѣла: весь внутренній міръ человѣка, его мысли, дѣятельность, характеръ, событія съ нимъ, его счастье и бѣдствія—вовсе не интересуютъ его: человѣкъ, точно также какъ и природа, пейзажи—для него только предлогъ для красочныхъ тоновъ, сопоставленій, комбинацій, эффектовъ. Онъ громадно озабоченъ только своими вѣчными «гармоніями». Онъ только истинный «виртуозъ красокъ и тоновъ», никакого другого творчества, никакой другой фантазіи и создавательной способности у него нѣтъ. Казалось бы, такая необычайная ограниченность и скудость натуры должна была бы производить печальное впечатлѣніе—повально на всѣхъ зрителей, отъ перваго и до послѣдняго, внушать печальнѣйшее и искреннѣйшее сожалѣніе о талантливомъ человѣкѣ, который не хочетъ ничего знать, кромѣ своей капризной и странной виртуозности, расточаетъ свои богатыя способности на мало достойное дѣло. Дѣйствительно, многіе изъ англійской публики это все и находили. Особливо былъ возмущенъ Рёскинъ, выступившій противъ Уистлера съ такой яростью, что изъ этого возникъ даже процессъ, очень знаменитый, небывалый. Но среди большинства вышло иначе. И въ Англіи, и вообще въ Европѣ нашлось множество такихъ людей (въ томъ числѣ и критиковъ, между ними Мутеръ), которые признали, что Уистлеръ и есть именно «настоящій художникъ по преимуществу», «настоящій художникъ нашего времени», геніальный и несравненный, истинное художественное свѣтило XIX вѣка. Объ этакихъ понятіяхъ можно только жалѣть.

Считая, что онъ начинаетъ «новую» эру живописи, Уистлеръ затѣялъ называть свои картины-портреты тоже «новыми» именами. Для новаго вина нужны-молъ новые мѣха. Еще первую картину свою въ новомъ родѣ онъ назвалъ довольно смирно: Femme blanche, и въ этомъ онъ явился только повторителемъ и продолжателемъ знаменитаго англійскаго живописца XVIII вѣка, Гейнсборо, который назвалъ одинъ талантливый и оригинальный портретъ свой, написанный съ мальчика, всего нарочно одѣтаго въ голубое—«голубой мальчикъ» (blue boy). Но слѣдующія свои картины онъ сталъ прямо называть въ печатныхъ каталогахъ выставокъ своихъ: «аранжировками» въ томъ или другомъ тонѣ, «нотами», «симфоніями», «поктюрнами», «варіаціями», опять-таки въ томъ или другомъ тонѣ. Такъ, напримѣръ, портретъ своей матери (1874) онъ назвалъ «аранжировкой въ черномъ и сѣромъ цвѣтѣ», портретъ Карлейля (1874) также «аранжировкой въ черномъ и сѣромъ цвѣтѣ». Другія подобныя же аранжировки являлись «въ тѣльномъ и сѣромъ цвѣтѣ», «въ коричневомъ и золотомъ цвѣтѣ», варіаціи «въ сѣромъ и зеленомъ цвѣтѣ», гармоніи «въ сѣромъ и персиковомъ цвѣтѣ», симфоніи «въ голубомъ и розовомъ», ноты «оранжевыя», «сѣрыя», «голубыя с опаломъ», и т. д. Это было ново, но нелѣпо и безсмысленно. Названія были взяты изъ области музыки, но не имѣли уже ничего общаго съ ихъ смысломъ и назначеніемъ. Въ музыкѣ авторъ называетъ свое сочиненіе «симфоніей H-Moll» или C-Dur, сонатой B-Moll или Fas-Dur, варіаціями Cis-Moll, прелюдіей E-Moll и т. д., но *тонъ* во всемъ этомъ никакъ не играетъ первой и главной роли. Онъ только—одно изъ средствъ выраженія чувства, мысли, настроенія, творческой фантазіи автора; онъ, конечно, далеко не безразличенъ для автора,—напротивъ, очень важенъ и существенъ, но никакъ не составляетъ *всего*. Общій складъ музыкальнаго творенія, его форма, мелодіи и гармоніи, ритмы—все это значитъ никакъ не меньше тона. Музыкальное сочиненіе обозначаютъ главнымъ его *тономъ* только для отличія отъ другихъ подобныхъ сочиненій, а когда требуется обозначить самую сущность, содержаніе, характеръ и натуру дѣла, авторъ называетъ свою симфонію или сонату «героической», «драматической», «патетической», «пасторальной» и проч., симфоническую поэмой, легендой, балладой и т. д., и такія названія вполнѣ правильны, резонны, законны и нужны. Какъ же возможно значеніе всего содержанія вкладывать въ одинъ тонъ? Это не идетъ для музыки, и столько же не идетъ и для живописи. Но ни Уистлеръ, ни его фанатическіе ревнители объ этомъ и не думаютъ, и съ восхищеніемъ повторяютъ за нимъ его нелѣпыя, модныя теперь прозвища.

Не только картины-портреты самого Уистлера, но и разныхъ другихъ новѣйшихъ художниковъ пишутся и прозываются на уистлеровскій манеръ. Такъ, про Бёклина говорятъ, что онъ «симфонистъ въ краскахъ», про француза Бенара, что его аллегорія Лютеція (Парижъ) «гармонія въ красномъ тонѣ», про мюнхенца Штука, что его «Распятіе»—«Голгоѳская симфонія съ полными колористичными фугами», что Гофманъ пишетъ «розовыя симфоніи», Экстеръ «желтыя», что «Прометей» Бёклина—«гармонія въ голубомъ», а пейзажи Клингера—«ландшафтныя симфоніи»... Конечно, все это, сравнительно говоря, заключаетъ болѣе смысла, чѣмъ красныя деревья, голубыя поля, зеленыя небеса, красныя и зеленыя полосы солнца, ярко-оранжевые волосы женщинъ, черные цвѣты-колокольчики, сине-зеленая чаща, ярко-синіе ядовитые цвѣты, янтарнаго цвѣта лицо фигуры «Грѣхъ», и прочія безобразія красокъ и линій, какими награждали Европу, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, цѣлыя толпы декадентовъ, закусившихъ удила. Но не слишкомъ-то далеко отошли и тѣ, хотя болѣе умѣренные, декаденты, которые думали только объ однихъ краскахъ и цвѣтовыхъ гармоніяхъ и эффектахъ, и наприм. называли портретъ Карлейля, написанный Уистлеромъ, чѣмъ-то въ родѣ «похороннаго марша, написаннаго въ минорномъ тонѣ». Карлейль—и маршъ! Какое безсмысленное сопоставленіе. Что было во всемъ Карлейлѣ траурнаго, во всей его жизни и писаніяхъ похороннаго! Къ чему же подобныя чудовищныя фантазіи?

По рожденію, по первоначальной натурѣ своей, Уистлеръ способенъ былъ бы сдѣлаться очень замѣчательнымъ художникомъ. Даже и въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя у него до сихъ поръ есть, проявилось не мало таланта, умѣлости позъ, простоты и естественности (портреты матери, Карлайля, г-жи Арчибальдъ Кемпбель, г-жи Александеръ), но преувеличеніе англійскаго прерафаэлизма (Россетти) и французскаго импрессіонизма, доведеннаго уже и такъ до крайности французскими новѣйшими художниками, вмѣстѣ съ отдаленнымъ подражаніемъ Веласкеду, повели его къ такимъ «утонченностямъ», къ такимъ сибаритствамъ и гастрономіямъ виртуозной кисти, гдѣ исчезаетъ уже всякая натура и натуральность, и царствуетъ только—капризъ.

Съ конца 80-хъ годовъ, французскіе и нѣмецкіе художники, критики и публика были сильно поражены появленіемъ, на выставкахъ, въ Лондонѣ и на континентѣ, цѣлой массы картинъ новой шотландской школы. И художниковъ было много, и отличались они великимъ разнообразіемъ. Выросли всѣ они, главнымъ образомъ, вслѣдствіе знакомства съ произведеніями новыхъ французскихъ художниковъ, Делакруа, барбизонцевъ и импрессіонистовъ, однакоже въ добавокъ ко всему этому прибавили много и своего, внушеннаго своей собственной страной, народнымъ духомъ и поэзіей. Народныя легенды и поэмы, древнія поэтическія сказанія, живописныя мѣстности—дали богатый матеріалъ, которымъ художники сумѣли оригинально воспользоваться. Главными же помощниками ихъ являлись замѣчательное чувство краски и способность мастерски передавать ею свои живописныя и психическія впечатлѣнія. Большинство между ними были пейзажисты и изображали очень самостоятельно шотландскія прибрежья (Макъ-Грегоръ), шотландскія пустынныя мѣста, скалы, небо (Томъ Гремъ), шотландскіе берега, облака, потоки, иногда цѣлыя бури (Петеръ Гремъ), шотландскія лунныя ночи (Стивенсонъ), шотландскія бури въ горахъ (Уиртеръ, по поѣздки своей въ Италію, гдѣ онъ испортился), другіе столько же самостоятельно писали сцены шотландской мирной сельской деревенской и приморской природы (Патерсонъ), рощи (Уалкоцъ), иные—шотландскія сказочныя волшебныя и фантастическія сцены среди лѣсовъ и долинъ (Генри и Горнель, веселыя товарищи-путники), еще иные милыя сцены шотландскихъ семействъ и дѣтей (Гуиро,

Лавера, Камеронъ), шотландскихъ и иноземныхъ животныхъ (Докаванъ Адамъ, акварелистъ Крауголь); нѣкоторые прекрасные портреты шотландскихъ личностей (Гуфи, Уальтонъ; наконецъ, иные, съ великимъ даромъ живописности и огненной красоты изображали Востокъ, видѣнный во время дальнихъ путешествій (Мельвиль). Но среди всего этого разнообразія, главнымъ образомъ шотландцевъ занимали краски и «красивые эффекты. Нѣкоторые (впрочемъ немногіе) шли даже прямо по слѣдамъ Уистлера и его фантастическихъ излишествъ (Чонтичелли, Уальтонъ и Патерсонъ). Не взирая, однакоже, на всѣ справедливый восторгъ, возбужденный въ западной Европѣ шотландцами, художники и любители скоро замѣтили, что общее настроеніе шотландцевъ, особенно въ пейзажѣ—меланхолическое, нѣсколько печальное и задумчивое, а оттого и отчасти монотонное.

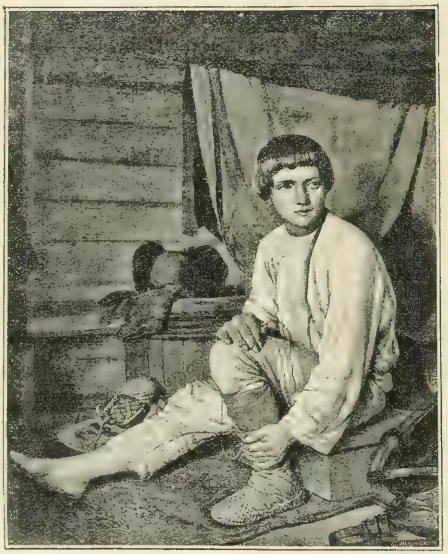
Бельгія, Голландія, Испанія, Италія, Скандинавскія страны и Сѣверо-Американскіе Штаты дали въ XIX вѣкѣ не мало хорошихъ живописцевъ, иногда съ дарованіями замѣчательными, имѣвшихъ извѣстное вліяніе на художниковъ другихъ странъ (такъ наприм., бельгійскіе «историческіе живописцы» имѣли значительное вліяніе на мюнхенскихъ «историческихъ живописцевъ», а норвежскіе пейзажисты на пейзажистовъ германскихъ); нельзя не считать замѣчательными художниками такихъ живописцевъ, какъ Вапперъ, Галь, Лейсъ, Израэльсъ, Фортуни, Прадилла, Морелли, Сегантини, Крейеръ, Ционъ, Лиліефорсъ, Даль и Шидемацъ, но всѣ они не внесли ничего существенно новаго въ искусство, и потому мы не можемъ остановиться на нихъ въ этомъ очеркѣ, посвященномъ только главнымъ теченіямъ въ искусствѣ XIX вѣка и своеобразной инициативѣ выдающихся представителей.

42.

Когда начался XIX вѣкъ, два значительнѣйшихъ русскихъ художника XVIII вѣка—Левицкій и Боровиковскій, были еще живы. Но Левицкому было 65 лѣтъ, и пѣсня его была уже спѣта. Тогда уже давно было произведено на свѣтъ все то хорошее, на которое онъ былъ способенъ—его замѣчательные, талантливые, но нисколько не самостоятельные, вполнѣ иностранные, подражательные портреты. Боровиковскому было, правда, всего только 42 года, и онъ писалъ также портреты, какъ, напримѣръ, Трощинскаго, министра Васильева, Кули-Хана персидскаго, превосходные по письму, но, навѣрное, столько же невѣрные и условные, какъ прославленный портретъ Екатерины II, съ блаженнымъ выраженіемъ, прогуливающейся въ Царскомъ Селѣ (что все невѣрно и выдумано: главное дѣйствующее лицо, императрица, представлена большого роста, тогда какъ она была маленькаго), въ началѣ XIX вѣка Боровиковскій близокъ былъ къ пониженію своего таланта и къ [illegible] большихъ картинъ на религіозные сюжеты, къ которымъ у него не было никакой способности. Прочіе русскіе [illegible] его времени были, возвратившіеся или возвращающіеся изъ-за границы, изъ Италіи: Егоровъ, Шебуевъ, Иванъ [illegible]-историки, лже-классики, уже не писавшіе русскихъ портретовъ, уже не имѣвшіе никакого отношенія къ жизни матери, не знающіе ея, да и не заботившіеся о ней, а только помнившіе свою попарасну, посѣщенную Италію и [illegible] посѣщавшіе дѣтямъ къ ней сердечный и [illegible]. Потомъ [illegible] у нихъ были наполнены старою и [illegible] которою, которой они не знали и не понимали, и [illegible] въ которую они никогда и не заглядывали, но [illegible] заглядывать заказчики и Академія. Скоро они подѣлались академиками, профессорами, учили въ Академіи, получили множество чиновъ и наполнили церкви и дворцы множествомъ картинъ, совершенно негодныхъ и давно забытыхъ. Въ этихъ занятіяхъ прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ. Русскаго искусства все не было, хотя по бумагамъ оно числилось существующимъ.

Уже въ первой четверти столѣтія стали появляться въ Россіи художники, чуждые академичности и ея фальшивыхъ задачъ, желавшіе изображать живую дѣйствительность вообще, и спеціально русскую, въ особенности. Только они не всегда имѣли успѣхъ, а иногда уходили въ сторону отъ своей хорошей справедливой цѣли, одни по слабости дарованія, другіе по слабости и шаткости характера.

Кипренскій былъ талантъ высоко замѣчательный [5]). Академическое воспитаніе ничуть не испортило его, онъ остался самостоятеленъ и силенъ, и написалъ въ молодости своей нѣсколько превосходныхъ портретовъ, истинно въ характерѣ великихъ фламандцевъ, Рубенса и Ванъ-Дейка: великолѣпный портретъ своего отца, свой собственный, и въ особенности отличный, мастерской портретъ партизана Дениса Давыдова, впрочемъ нѣсколько манерный, и въ позѣ, и въ прическѣ, и лишенный всякого выраженія силы и непреклонности, которое было у него въ физіономіи. Тѣмъ же страдаетъ прекрасный его портретъ Пушкина, позже написанный: — здѣсь нѣтъ у великаго поэта никакого характера, никакого выраженія личности. По слабости собственнаго своего характера и по шаткости своей, Кипренскій сталъ писать въ Италіи, куда къ несчастію въ 1816 г. поѣхалъ, сладкіе и ничтожные этюды («Садовникъ отдыхающій»), слабый портретъ Торвальдсена, лишенную всякой фантазіи и плохо написанную «Сивиллу».



„Крестьянскій мальчикъ", Венеціанова.

Другой даровитый живописецъ первой четверти XIX столѣтія, Орловскій, очень у насъ прославленный, много писалъ и рисовалъ на русскіе сюжеты, но никогда не въ состояніи былъ ихъ вѣрно и удовлетворительно выполнить. Его «Казаки» представляютъ постоянно все однѣ и тѣ же фигуры, въ выдуманномъ небываломъ колпакѣ, словно это рисовалъ по слухамъ, на обумъ, иностранецъ, не видавшій Россіи, — одно и то же лицо, одну и ту же сѣрую лошадь у казаковъ, пейзажъ — оцыпанный и выдуманный въ мастерской, русскихъ кучеровъ, шикарныхъ, но совершенно на одинъ манеръ, однообразныхъ лошадей, въ запряжкахъ четверкой, тройкой и «съ пристяжкой», мужиковъ и баръ совершенно безличныхъ и условныхъ, безъ какихъ-либо признаковъ дѣйствительно изученной съ натуры личности.

Третій художникъ этого же времени, Теребеневъ, нарисовалъ массу карикатуръ на Наполеона I и французскую армію, въ прославленіе Россіи и русскихъ: вѣроятно онѣ очень нужны были и полезны во время войны 1812 года, и потому долго даже и послѣ войны, по привычкѣ, признавались талантливыми и истинно національными, но въ настоящее время онѣ уже представляются только тѣмъ-то отталкивающимъ, грубымъ и дикимъ, какъ афиши графа Растопчина, и нисколько не остроумнымъ: это только плохія имитаціи англійскихъ и иныхъ лже-патріотическихъ старинныхъ карикатуръ.

[5]) Въ мои ранніе молодости, когда я съ отцомъ своимъ бывалъ въ гостяхъ у разныхъ тогдашнихъ профессоровъ Академіи, и слыхалъ предположеніе, что фамилія «Кипренскій» происходитъ не отъ сына Купера, т.е. онъ родился, а отъ миѳологической богини «Киприды» (Венеры), такъ какъ онъ былъ побочный сынъ помѣщика.

Четвертый художникъ той же первой четверти XIX вѣка Венеціановъ, давно уже признается у насъ отцомъ русской бытовой живописи. Такой аттестатъ не можетъ быть терпимъ, — онъ ложенъ, онъ совершенно противорѣчитъ дѣйствительности. У Венеціанова не было ни малѣйшей способности къ выраженію чего-то «бытового», не только русскаго, но какой бы то ни было національности. Онъ былъ только довольно даровитый колористъ вообще, и пейзажистъ въ частности. Въ этомъ онъ имѣетъ нѣкоторыя заслуги, и привлекаетъ уваженіе. Тѣ фоны картинъ, гдѣ у него является пейзажъ, въ особенности освѣщенный умѣреннымъ солнцемъ, выходятъ лучшею и интереснѣйшею частью его картинъ. Когда въ 1820 г. Венеціанова поразили «перспективы» Гранэ, онъ уѣхалъ въ Тверь, заперся тамъ и началъ учиться «натурѣ». Но какой «натурѣ»? Никакой другой, кромѣ эффектнаго освѣщенія. При томъ же, ему тогда было уже 41 годъ. Бытовому живописцу пора было проявить себя и помимо Гранэ, у котораго человѣческія фигуры никакой роли не играютъ. Во всякомъ случаѣ, кромѣ пейзажа и освѣщенія, все остальное у Венеціанова — ниже всякой критики. И барыни и крестьянки, и мужчины и женщины, и дѣвочки и мальчики, все это и худо рисовано, и вовсе не русское, да и никакое, — а что-то условное и выдуманное, въ такой степени, что если показать кому-нибудь, не предувѣдомивъ напередъ, тотъ никогда не отгадаетъ, что вотъ въ этой картинѣ дѣло происходитъ въ Россіи. Мѣстность, домъ, комната, изба, гумно — тоже ничего собою не представляютъ, особенно — ничего русскаго, и развѣ что дуга на лошади, кокошникъ на женщинѣ, кафтанъ на плечахъ мужика (да и то не въ ту сторону застегнутый) выдадутъ зрителю, кого разумѣлъ авторъ. Всѣ позы и расположенія группъ искусственны, и ни на единую іоту не натуральны, выраженія притворны. Какой же это бытовой живописецъ, да еще глава и вожакъ цѣлаго направленія? Никогда, никогда! Если дѣло на то пошло, то главой и починателемъ русскихъ бытовыхъ живописцевъ уже все-таки приличнѣе принять Ивана Тапскаго (1739—1799), который подражалъ старымъ нидерландцамъ, Тенирсу и другимъ, былъ мало талантливъ, рисовалъ и писалъ плохо, но все-таки написалъ Прядильщикъ въ провинціальномъ городкѣ, или же, и того вѣрнѣе, это неизвѣстнаго, современнаго Тапскому, истинно хорошаго и замѣчательнаго, на иностранный же манеръ, художника, который написалъ вѣрную природѣ, прекрасную и талантливую картинку: молодой живописецъ, юноша, пишущій портретъ дѣвочки, въ присутствіи ея няни, въ русской народной безрукавкѣ и въ кичкѣ. Въ этой послѣдней картинѣ въ сто разъ болѣе правды, «бытового» русскаго и таланта, чѣмъ въ лже-русскихъ и лже-бытовыхъ сочиненіяхъ Венеціанова. У этихъ художниковъ XVIII вѣка были послѣдователи и въ началѣ XIX вѣка — плохіе, мало-даровитые, но были: Тупылевъ, Сазоновъ, Акимовъ (см. «Матеріалы для исторіи академіи художествъ» Петрова).

Изъ частной школы, устроенной Венеціановымъ, какъ полезный противовѣсъ Академіи, которую онъ такъ справедливо не любилъ, никакого противовѣса не вышло, а главнѣе, не вышло никакой бытовой русской живописи. Даже лучшіе и замѣчательнѣйшіе изъ венеціановскихъ учениковъ пошли совсѣмъ въ другую сторону: сухой копировальщикъ Михайловъ, Тырановъ, начинавшій-было такъ хорошо что-то въ родѣ бытовыхъ жизненныхъ картиновъ и тотчасъ же все подобное покинувшій; Зарянко, сдѣлавшій вначалѣ два прекрасныя перспективы: «Никольскій соборъ» и «Залу Училища Правовѣдѣнія», съ множествомъ портретовъ воспитанниковъ, а потомъ принявшійся прямо за портреты, гдѣ, кромѣ немногихъ исключеній, (напримѣръ, г-жи Сокуровой, графа Ѳ. П. Толстаго, О. А. Петрова и др.), проявилъ только приглаженность, кропотливость и ничтожную мелочность, Зеленцовъ, написавшій недурную «Мастерскую Басина» и потомъ совершенно заглохшій безслѣдно, — тамъ въ результатѣ только убѣжденіе, что не состоялось никакой бытовой школы, и даже то, что Венеціановъ попробовалъ такъ неудачно и фальшиво, осталось безъ всякаго вліянія и послѣдствія для русскаго искусства.

„Мѣдный змій", Брунн.

43.

Въ теченіе 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ XIX вѣка огромную роль въ русскомъ искусствѣ и во мнѣніи русской публики играли Брюлловъ и Брунн. Въ нихъ вѣровали, имъ поклонялись. Но теперь есть уже добрыхъ полстолѣтія, какъ

это роль, значеніе и поклоненіе кончились. Оба художника сошли съ прежней сцены на ступень гораздо ниже, и, надо полагать, сошли навсегда. Къ нимъ можно относиться выше, чѣмъ со спокойной оцѣнкой и довольно равнодушно взвѣшивать ихъ качества, физіономію и достоинства.

И Брюлловъ, и Бруни были оба иностранцы родомъ, и оба не заключали въ себѣ ровно ничего, ни единой черты русской. Оба пробовали, изрѣдка, писать и рисовать что-нибудь русское (первый «Осаду Пскова», второй— иллюстраціи къ русской исторіи), но никогда ничто подобное не удавалось имъ даже въ самомалѣйшей степени. Оба вполнѣ игнорировали реализмъ, національность, жизненную, художественную правду картинъ и весь свой вѣкъ были заняты задачами архи-идеальными, фантастическими, всего чаще—какими-то пустыми и праздными мыльными пузырями своего очень небогатаго и недалекаго воображенія. Они вполнѣ игнорировали древне-испанское, старое голландское и англійское искусство, о нихъ никогда не заботились, изъ фламандцевъ знали и уважали только Рубенса и Ванъ-Дейка за краски (Брюлловъ даже говаривалъ: Рубенсъ - это прелестный букетъ цвѣтовъ): знали же, признавали, любили и уважали только одно искусство: старое, классическое итальянское, и тѣхъ кто изъ живописцевъ былъ похожъ на старыхъ итальянцевъ, или къ нимъ приближался. Вдобавокъ ко всему этому, оба, и Брюлловъ и Бруни, были твердо пропитаны академическими рабскими понятіями объ ученіи и твердо вѣровали, что стоитъ хорошенько поучиться на гипсахъ и итальянцахъ XVI вѣка, и художникъ готовъ. Сообразно съ этимъ, Брюлловъ проповѣдывалъ академическимъ и своимъ ученикамъ, что рука должна научиться рисовать и писать все и вся «раньше, чѣмъ заговорить у юноши сердце, голова и воображеніе». Другими словами, ученіе назначено было для препариванія отличнѣйшихъ и всеспособнѣйшихъ каллиграфовъ-ловкачей искусства.

Оба, и Брюлловъ и Бруни, были очень талантливы и большіе техники. Но результаты и талантливости, и большой техники, вышли у нихъ совершенно различные, потому что самыя натуры ихъ были совершенно различныя.

Оба они написали по громадной картинѣ еще въ Италіи, во время годовъ своего ученья, и послѣ того никогда уже болѣе не написали и не сочинили ничего приближающагося къ Послѣднему дню Помпеи и къ Мѣдному змѣю. Они положили тутъ свои лучшія силы, все лучшее, къ чему только были способны. Брюлловъ вполнѣ лишенъ былъ всякого знанія и пониманія древняго міра; онъ, по натурѣ своей, былъ вовсе лишенъ чувства Греціи и Рима, но въ картинѣ своей помѣстилъ не мало современной итальянской красоты, или, по крайней мѣрѣ, красивости, списанной съ натурщиковъ и натурщицъ, поставленныхъ въ позу живой картины. Точно также Бруни не имѣлъ въ своей натурѣ ровно никакого постиженія чего-нибудь библейскаго, только заимствовалъ кое-что съ красивыхъ евреевъ и довольно характерныхъ евреекъ, какихъ могъ сыскать въ Римѣ; кромѣ этихъ внѣшнихъ чертъ, все остальное у него, какъ и у Брюлловъ, академическая дрессировка, классная выучка въ образѣ и подобіи болонезцевъ. Воображенія настоящаго, не принуждающаго, складывающаго и склеивающаго, а творящаго, у него столько-же мало было, какъ и у Брюлловъ. У обоихъ глубокимъ корнемъ являлось чувство и направленіе болонское, въ которомъ ихъ отпрепарировала петербургская Академія, въ Петербургѣ, и всеобщій примѣръ въ Италіи. Успѣхъ у своихъ былъ громадный и въ Италіи, и въ Россіи и только начался не въ Европѣ. Недостатокъ настоящаго художественнаго построенія былъ здѣсь слишкомъ чувствителенъ. Впрочемъ, при отсутствіи соперниковъ, въ Россіи постоянно были [illegible] и первый перешелъ на сторонѣ Брюлловъ: его считали первымъ, а второмъ—только талантомъ. [illegible] тѣмъ какъ высшихъ художественныхъ качествъ искусства [illegible] не было ни у того, ни у другого, и все [illegible] творчествѣ было притворно, заимствовано и напялено [illegible] какъ чужой кафтанъ. Брюлловъ болѣе нравился [illegible] красотой изображеній, тогда какъ эта красота [illegible] у него чисто внѣшняя, бѣдная и монотонная, и всегда на одинъ и тотъ-же ладъ. Гвидо-Рени-жскій. Притомъ же, за нимъ утвердилась прочная слава богатаго фантаста, остроумнаго изобрѣтателя и блестящаго, необыкновенно-умнаго, глубокаго мыслителя объ искусствѣ, тогда какъ онъ былъ только надутый риторъ. У Бруни всѣхъ этихъ авантажей и блеска не существовало: красоты у него въ изображеніяхъ бывало всегда мало, и даже въ его «Вакханкѣ», считаемой всегда чудомъ граціи и изящества, изящно собственно только списанное съ хорошей модели тѣло, а голова, мало красивая, манерна и немного даже кривляка. Да и вообще, послѣ «Змѣя», онъ почти никогда женщинъ и не писалъ болѣе. Турчанокъ, голыхъ, спящихъ или умывающихся дѣвчонокъ, «Бахчисарайскихъ фонтановъ», «Діанъ, любострастно ползущихъ къ Эндиміону» и прочей брюлловской дребедени онъ никогда не творилъ, былъ молчаливъ, серьезенъ и строгъ въ обращеніи, портретами гран-монда не занимался, и вообще взялъ на свою долю суровое «Микель-анджельство», предоставивъ болѣе счастливому и разбитному товарищу—«Рафаэльство». Понятно, всѣ шансы были на сторонѣ послѣдняго. Ничто религіозное не входило въ составъ натуры ни того, ни другого, и однако, по россійскимъ привычкамъ, всю жизнь оба они писали религіозныя картины. Они оба были къ этому дѣлу вполнѣ негодны, но опять-таки Брюлловъ мнилъ себя грядущимъ по дорожкѣ старыхъ итальянцевъ вообще, и Рафаэля въ особенности, Бруни — по дорожкѣ Микель-Анджело. Но, въ сущности, онъ воспроизводилъ только въ своемъ *итальянскомъ*, римскомъ переводѣ—*нѣмецкій* настроеніе и духъ мюнхенскаго тощаго Микель-Анджело -Корнеліуса. Его пророки, его видѣнія, его «Страшные суды», все это—собраніе костлявыхъ, неуклюжихъ, отталкивающихъ своимъ лже-величіемъ, чучелъ. Брюлловъ однажды попробовалъ и самъ залѣзть въ башмаки Микель-Анджело: когда шло дѣло объ отмѣнѣ росписыванія купола въ Исаакіевскомъ соборѣ, онъ яро провозглашалъ: «я воображалъ себѣ, что я — второй Микель-Анджело, что я воздвигну себѣ безсмертный памятникъ. Легче умереть сто разъ, чѣмъ отказаться отъ купола». Но башмаки пришлись не впору, и когда дано было Брюллову росписывать этотъ куполъ, онъ все-таки ничего не сдѣлалъ тутъ путнаго, а только воспроизвелъ обычную болонскую чепуху и безвкусицу, и все продолжалъ извиняться съ вѣчнымъ своимъ риторствомъ: «Мнѣ тѣсно здѣсь! Я росписалъ-бы теперь цѣлое небо!» По счастью, никто ему этого не поручилъ. Много милліоновъ рублей уцѣлѣло, да вмѣстѣ, по счастью, множествомъ притворныхъ, лже-религіозныхъ картинъ и фресокъ существуетъ на свѣтѣ меньше.

Среди всѣхъ своихъ иллюминацій, фейерверковъ, крутящихся солнцъ и разсыпающихся ракетъ, на которые онъ такъ безжалостно растратилъ свой талантъ, Брюлловъ всетаки оставилъ послѣ себя цѣлый рядъ хорошихъ, живыхъ портретовъ. Я думаю, изъ нихъ всѣхъ лучше и совершеннѣе по жизни и непосредственности — недоконченный набросокъ портрета Крылова; затѣмъ слѣдуютъ портретъ кн. Голицына, кн. Оболенскаго, Кукольника въ Лѣтнемъ саду, хорошій, но необыкновенно манерный, театрально расцвѣченный и крикливый портретъ графини Самойловой, простой, но пятнистый портретъ Струговщикова, и др. Но большинство своихъ портретовъ Брюлловъ портилъ выдуманными, маскарадными костюмами и вычурнымъ трактованіемъ. Даже съ самого себя онъ написалъ прекрасный портретъ, но старался сдѣлать тутъ изъ себя какой-то Ванъ-Диковскій оригиналъ, въ черной неизвѣстной какой-то драпировкѣ, сохранивъ, впрочемъ, свой обычный комическій хохолъ à la Аполлонъ Бельведерскій, воображая, что онъ богъ знаетъ какъ художественъ.

Въ результатѣ всего вмѣстѣ вышло, что Брюлловъ не вышелъ ни Рафаэлемъ, ни Микель-Анджеломъ, ни вообще какимъ-бы то ни было великимъ художникомъ, никакого свѣтлаго воскресенія живописи (какъ воображалъ себѣ Гоголь) не произвелъ въ мірѣ, и только вмѣстѣ съ Бруни прибавилъ новый, капельку болѣе оживленный и модернизованный актъ къ прежнимъ сонным летаргическимъ актамъ на сценѣ Егоровыхъ и Шебуевыхъ. Замѣтимъ, однакоже, что каковы бы онѣ ни были, а все-таки картины Брюллова (не говоря уже о Пом-

нѣ) во много разъ были живѣе, сильнѣе и натуральнѣе деревянныхъ Энгровъ во Франціи, а фрески Бруни едва-ли не гораздо выше, важнѣе жесткихъ, словно кожаныхъ Корнеліусовъ въ Германіи.

Несмотря на великую репутацію Брюллова, онъ никакой новой школы и никакого новаго художественнаго теченія у насъ не образовалъ. Прямые, многочисленные ученики его, Михайловъ, Мокрицкій, Желѣзновъ, и имъ подобные, были просто бездарны, Капковъ (Вдовушка) былъ не безъ дарованія, но совсѣмъ безъ воображенія и иниціативы; изъ подражателей Моллеръ былъ скорѣе любитель, чѣмъ настоящій художникъ, и вѣчно слушался кого-нибудь: его красивый колоритный «Поцѣлуй» былъ совершенно въ итальянскомъ родѣ (хотя во время его написанія всѣ говорили въ Римѣ, что Поцѣлуй чисто-на чисто былъ продиктованъ Моллеру — Александромъ Ивановымъ), а большая его картина Іоаннъ на островѣ Патмосѣ» былъ совершенно въ нѣмецкомъ родѣ, проперламутры, бронзы, мраморы, пронизанная солнечными лучами листва), наконецъ, пристрастіе у Семирадскаго къ античности, а у К. Маковскаго ко всему старинному барскому, къ русскому блеску и бутафорству. Ничего подобнаго у Брюллова не было. Ничего античнаго, ничего древне-русскаго, онъ не любилъ и ни о чемъ подобномъ не заботился. «Перенесеніе мекккскаго ковра», русскіе старинные «пиры», «Поцѣлуи» русскихъ гаремныхъ невѣстъ, «Русалки-утопленницы» К. Маковскаго, толпы римлянъ язычниковъ и сожигаемыхъ ими новыхъ христіанъ, «Пляска голыхъ гречанокъ», голая Фрина» среди глазѣющихъ грековъ» — все это говорило только о любви къ пестрой и красочной толпѣ, къ многолюднымъ массамъ, къ богатству, къ обилію, роскоши, шуму, звону, блистанію, и больше ни о чемъ. Все брюлловское, каково оно ни есть, на много верстъ стоитъ выше.

У Бруни никогда не было даже и такихъ учениковъ и послѣдователей, какіе бывали иногда у развеселаго, шум-

„Гулянье на Адмиралтейской площади", К. Маковскаго.

диктованъ Овербекомъ и крайнимъ своимъ собственнымъ нѣмецкимъ піетизмомъ, даже пасторствомъ. Что-же касается Флавицкаго, то онъ всего ближе подходилъ къ Брюллову въ своей огромной картинѣ «Христіанскіе мученики въ Колизеѣ» (1861), но ею рѣшно никого не заинтересовалъ въ Россіи, и лишь впослѣдствіи тронулъ многихъ отчасти трагическимъ выраженіемъ своей Княжны Тараканової (1864), а еще болѣе зрѣлищемъ мучительной тюремной неволи. Но всѣ эти, вмѣстѣ взятые, художники прогорѣли, какъ зажженная спичка, очень недолго, скоро потухли, и сошли со сцены безъ всякаго слѣда.

Лишь много лѣтъ спустя явились художники, на видъ какъ будто похожіе на брюлловскихъ послѣдователей и продолжателей: Константинъ Маковскій и Семирадскій. Но это можетъ показаться именно только на видъ и только при поверхностномъ наблюденіи. Оба художника были натурами, ничего общаго не имѣющими ни съ болонезскимъ темпераментомъ Брюллова, ни съ его болонской школой. Подобныхъ слишкомъ скорыхъ сравненій надо остерегаться. Главное для обоихъ были свѣтовые эффекты, солнечное освѣщеніе, любовь къ краскамъ, щеголяніе размашисто написанными, богатыми аксессуарами (тканы, позументы, шелки, бархаты, перья, ливаго Брюллова. Онъ былъ угрюмъ и мало способенъ привлекать къ себѣ кого бы то ни было.

44.

Совершенную противуположность Брюллову и Бруни представлялъ ихъ современникъ и товарищъ Александръ Ивановъ.

Во-первыхъ, онъ былъ русскій, настоящій русскій. У него было свое отечество, своя страна, тогда какъ у тѣхъ другихъ ничего подобнаго никогда не было, да они никогда и не нуждались. У Иванова была постоянная, громадная забота о томъ, *что* онъ дѣлаетъ, *для кого* онъ дѣлаетъ, и *на что* его картины пригодятся. Ему всю жизнь страстно хотѣлось и себя повысить, да и другихъ тоже. Всю жизнь свою онъ искалъ самосовершенствованія, правды, читалъ свѣтлымъ умомъ, размышлялъ горячимъ сердцемъ, постоянно звалъ науку и знаніе къ себѣ на помощь, а у тѣхъ двухъ не было и тѣни этой любви, этой заботливости, этого свѣтлаго ума, этого удивительнаго пониманія вещей. Къ несчастію, у Иванова не было не только великаго, но даже вообще достаточнаго таланта, способнаго выражать въ картинахъ великія и широкія его идеи, а тотъ, который былъ у него, былъ скованъ Академіей и ея воспитаніемъ, а вмѣстѣ робостью передъ авторитетами, отъ чего-то его первая картина «Явленіе

Христа Магдалинѣ слаба, словно классная программа, и полна торвальдсеновщины, такъ какъ Ивановъ еще вѣровалъ въ Торвальдсена. Одна только Магдалина, впрочемъ, вполнѣ болонезская, выразила самого Иванова и такое глубокое чувство, такое выраженіе душевной измученности, по вмѣстѣ и радости, просіявшей вдругъ неожиданно молніей, какихъ никогда не бывало на картинахъ всѣхъ академій, вмѣстѣ сложенныхъ, вмѣстѣ и съ нашей, и со всѣми ея Брюлловыми и Бруни. Отъ этого-то и вторая (и послѣдняя) его картина вышла мало удачна и замучена такъ долго и много онъ съ нею возился въ своей нерѣшительности и робости. Одни только его безчисленные этюды къ ней драгоцѣнны, несравненны, именно потому, что тутъ онъ былъ одинъ самъ съ собой и природой, и ничьи, вѣчно безпокоившіе его образы высшаго начальства не стояли надъ нимъ грозными привидѣніями и построилось, и онъ продолжалъ катиться все по старой, единственной своей дорожкѣ. И тутъ онъ былъ несокрушимъ, неуязвимъ, недосягаемъ, какъ всякій истинный фанатикъ мысли и чувства. Главная работа и созданіе его жизни иллюстраціи къ Ветхому и Новому Завѣту. Онъ такъ великъ, такъ высокъ, правдивъ и сильнъ, что являются чѣмъ-то совершенно исключительнымъ во всей исторіи живописи. Подобныхъ иллюстрацій Библіи нѣтъ ни у одного другого народа. Конечно, я имѣю въ виду не всѣ 20 тетрадей его композицій: добрую половину рисунковъ надо выключить изъ нашихъ соображеній и забыть ихъ вовсе. Это тѣ рисунки молодыхъ лѣтъ, гдѣ царствуетъ еще академизмъ и гдѣ Ивановъ еще больной, зараженный младенецъ. Тутъ есть и древне-еврейскія сцены, и Благовѣщенія, и Распятія, и Воскресенія, въ краскахъ и безъ красокъ, но все это еще неразуміе и немощь, академическое хирѣнье и цеховая прививка. Надо Иванова смотрѣть въ дни его расцвѣта и чуднаго роста, въ послѣднія 10 лѣтъ его жизни, съ 1848 до 1858 года, въ тѣ 40-е годы возраста, когда человѣкъ всего сильнѣе и полнѣе, и когда Ивановъ, безъ денегъ и безъ надеждъ, нужныхъ ему для продолженія картины, и растревоженный революціей Рима, принялся, вмѣсто того, чтобы писать красками, для него стѣснительными и неловкими, — принялся рисовать карандашомъ и перомъ. Тутъ только началось настоящее торжество бѣднаго мученика Иванова. Онъ перенесся всею мыслью и талантомъ въ древній міръ народовъ, и всего болѣе въ міръ того народа, который былъ для него самый драгоцѣнный еврейскаго, и воспроизвелъ съ удивительною талантливостью, какъ никто еще никогда и нигдѣ не дѣлалъ, его внѣшній и внутренній обликъ (не даромъ онъ столько лѣтъ изучалъ въ Италіи еврейство, котораго тамъ такъ еще много), его тѣлесную и душевную жизнь, его внѣшнія привычки, и пріемы и вѣрованія, еще съ древними, азіатскими его формами, иногда еще чудовищными и варварскими, а иногда полными граціи и красоты. Наконецъ, весь ассирійскій міръ, изображенный Ивановымъ такъ картинно и такъ правдиво, со своими громаднокрылатыми божествами, грозными и неподвижными, съ характерными чертами

„Явленіе Христа народу", Иванова.

соблазнами: не было уже тутъ около него ни Леонардо да-Винчи, ни Рафаэля, ни Торвальдсена, ни Овербека. Эти его люди съ живыхъ людей и съ живой природы великія сокровища русскаго искусства.

Брюловъ и Бруни были лишены всякой способности къ религіознымъ созиданіямъ, и потому дѣлали тутъ все только оскорбительные промахи (Взятіе Божіей Матери на небо, Троица, Христосъ во гробѣ Брюлова; Моленіе о чашѣ, Потопъ, Воскресеніе мертвыхъ Бруни). Въ сорокъ лѣтъ противуположность имъ, Ивановъ именно только и былъ способенъ къ религіозной живописи. Онъ былъ человѣкъ глубоко вѣрующій, вопросы религіи и церковной христіанской исторіи наполняли всю его душу. Онъ было попробовалъ, въ молодости, въ началѣ своего житья въ Италіи, писать бытовыя итальянскія картины, но это къ нему ничуть не шло, это вовсе было ему не къ лицу, и итальянскія львицы итальянскіе женихъ съ невѣстой, выходили у него сладко. Фрейшицъ, разгорячённый руками робкихъ учениковъ. Онъ даже попробовалъ точно такъ же, во время начинающейся старости пользоваться акварелью. Онъ убѣждалъ себя въ и пріятелей, но Іеронъ и Штрауцъ просвѣтили его и перестали [illegible] дѣлать. Но никакого пользы у него не

семитическаго лица, эти монументальныя громады, роскошно-богатыя и поразительныя величіемъ — навѣрное, все это было близко и родственно воображенію и глазамъ древняго еврея, но также оставило неизгладимые, огненными чертами нарѣзанные слѣды на мысли, жизни и чувствѣ еврейскаго народа начала нашей эры. И вотъ этотъ-то міръ представленъ Ивановымъ уже совсѣмъ, до корней души, преобразившимся и выросшимъ громадно. Такія сцены, какъ «видѣнія» Авраама и Исаака, бесѣды Дѣвы Маріи и Елисаветы, Священникъ еврейскаго храма Захарія», «Бѣгство во Египетъ», «Тайная Вечеря», «Проповѣдь на горѣ» велики и несравненны у Иванова.

45.

Но несравнененъ Ивановъ не однимъ только вѣрнымъ изображеніемъ еврейскаго народа. Несравнененъ еще и тѣмъ, что не можетъ идти съ нимъ въ сравненіе ни одинъ изъ всѣхъ нашихъ живописцевъ, рѣшавшихся писать картины на религіозныя темы. Всѣ они принимались за такое дѣло либо по чужому заказу, либо по какому-нибудь особенному обстоятельству—мгновенной вспышкѣ, впечатлѣнію, чужой просьбѣ или собственному обѣщанію. Примѣры тому многочисленны и извѣстны. Если начать съ самаго начала, то и Брюлловъ, конечно, никогда не вздумалъ бы самъ собою писать религіозныя картины, если бы Исакіевскій соборъ и разныя другія церкви, такъ сказать, сами собой не подкатились и, по прежнимъ примѣрамъ, не предоставили бы первому современному живописцу расписывать свои стѣны. Навѣрное, онъ всю жизнь писалъ бы исторіи, аллегоріи, жанры, но никогда не религіозную живопись. Бруни точно такъ же, навѣрное, всегда изображалъ бы, по своему коренному вкусу, не библейскіе и евангельскіе сюжеты, а разную дикообразную мистику и трансцендентальность въ итальянскомъ и нѣмецкомъ родѣ. «Поклоненіе царей земныхъ небесному». Борьба добрыхъ духовъ со злыми», сочиненія, не заключающія въ себѣ ничего христіанскаго и библейскаго, и чисто миѳологически-космополитическія, но только по крайней необходимости кое-какъ приспособленныя къ русскому собору. Послѣ Брюллова и Бруни, русскіе живописцы, писавшіе картины и фрески, никогда не имѣли, въ самомъ дѣлѣ, никакого истиннаго и искренняго отношенія къ Библіи и Евангелію, и ихъ многочисленныя изображенія въ этомъ родѣ явились на свѣтъ единственно потому, что такъ было имъ предложено, поручено или приказано. У Иванова это была душевная, всегдашняя, вѣчная потребность, у прочихъ наскоро, кое-какъ отхватанная случайность, которая, когда кончилась, то болѣе о ней авторы и не думали.

Даже такіе выдающіеся, и по уму, и по серьезности, и по таланту, художники, какъ Ге и Крамской, слишкомъ мало проявили способности къ изображенію сценъ изъ жизни Христа, на видъ какъ будто бы ими излюбленныхъ. У Ге «Христосъ, въ первыхъ пробахъ автора, какой-то сентиментальный и печально-задумчивый въ «Тайной Вечери» (1861), а это слишкомъ еще мало и неудовлетворительно для Его личности,

«Пріѣздъ жениха». Ѳедотова.

слишкомъ бѣдно и неполно изображаетъ ее. Въ слѣдующихъ же картинахъ Ге передаетъ личность Христа еще поверхностнѣе и неполнѣе. Въ «Синедріонѣ» великолѣпно задумано и представлено оплеваніе достойнаго и приниженнаго со стороны могучихъ жуповъ, разжирѣвшихъ гордецовъ и насильниковъ здѣсь превосходно противуположеніе двухъ борющихся сторонъ, прекрасно и освѣщеніе, яркими огнями, этой высокотрагической сцены, но все-таки настоящаго Христа тутъ недостаетъ — таланта у Ге на это не хватило. Наконецъ «Распятіе» — chef d'oeuvre необычайный по страшному и поразительному изображенію муки и смерти, chef d'oeuvre среди всѣхъ тысячей существующихъ на свѣтѣ «Распятій», не имѣющій себѣ ничего подобнаго, но эта картина все-таки представляетъ вовсе не Христа, а личность, вовсе не выраженную, неизвѣстную и непонятную. При этомъ во всѣхъ вообще картинахъ Ге на религіозные сюжеты, апостолы ординарны и незначительны.

Крамской былъ, по главному характеру своего дарованія, отличный портретистъ, и потому, несмотря на подробныя объясненія, которыя онъ неутомимо любилъ давать своимъ умнымъ картинамъ на религіозные сюжеты и словесно, и

письменно, онъ никогда не былъ въ состояніи придать имъ истинное значеніе и характеристику. Въ этихъ картинахъ слишкомъ много резонерства и слишкомъ мало творчества. Художественнаго элемента въ нихъ вовсе не хватаетъ. Христосъ въ пустынѣ» (1872), сидитъ на камняхъ, спиной къ Іерусалиму, смущенный и усталый, и какъ будто надумывается. О чемъ надумывается, зачѣмъ надумывается, на что кому бы то ни было нужно это нерѣшительное и смутное надумываніе, вмѣсто настоящаго «дѣла», великихъ фактовъ, дѣяній,—этого никто не объяснитъ. Во второй картинѣ (недоконченной) Христосъ никакой роли не играетъ, и притомъ нарисованъ очень плохо. Его осмѣиваютъ... и Онъ безпрекословно это сноситъ (подобно другому неудачному пассивному» Христу—Антокольскаго)! Какая неудовлетворительная, какая бѣдно задуманная задача!

Ивановъ былъ человѣкъ другого склада и ощущенія. Онъ былъ самъ гораздо талантливѣе ихъ всѣхъ, полнѣе и богаче одаренъ, и потому его изображенія изъ Христовой исторіи имѣютъ и художественное, и историческое, и всемірное значеніе въ тысячу разъ большее противъ попытокъ Крамского и Гé (оставляя въ сторонѣ лишь несравненное «Распятіе» этого послѣдняго), вовсе «не-религіозныхъ».

Такимъ образомъ, подводя итогъ всему сказанному, я нахожу, что у русскихъ, кромѣ одного единственнаго исключенія, вовсе нѣтъ до сихъ поръ способности къ «религіозной живописи». Почему это такъ—причинъ тому много, и не здѣсь мѣсто ихъ разбирать. Думаю только, говоря вообще: время не то! Единственное, настоящее, серьезное и важное исключеніе—Ивановъ. Но если могъ родиться такой *одинъ* человѣкъ, могутъ еще родиться другой, третій, пятнадцатый, сотый. Можетъ-быть. Только этого покуда нѣтъ.

«Утопленица». Перова.

46.

Около самой середины XIX вѣка произошелъ, среди нашей русской живописи, фактъ величайшей важности: была выставлена въ Академіи Художествъ, въ 1849 г., картина Ѳедотова: «Свѣжій кавалеръ». Что такую оригинальную, необыкновенную, талантливую картину неожиданно написалъ какой-то отставной военный, лишь немного поучившійся въ Академіи въ классическомъ классѣ—уже и это было довольно чудно, но еще чуднѣе и невообразимѣе было то, что этому странному художнику было суждено стѣлаться впослѣдствіи родоначальникомъ цѣлаго отдѣла русской живописи, такого отдѣла, который вышелъ важнѣе всѣхъ, по того времени являвшихся въ Россіи картинъ. Этотъ странный художникъ очень мало видѣлъ и читалъ, не имѣлъ понятія о томъ, что дѣлается въ Европѣ, голландцевъ не зналъ, Іоваръ игнорировалъ, и даже очень не любилъ (когда впослѣдствіи узналъ его), писалъ сѣрыми не мѣлами красками, и вмѣстѣ съ тѣмъ, все-таки выдѣлилъ однимъ изъ важнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ, оригинальнѣйшихъ представителей Іоваръ. Кто всему училъ и всему показывалъ грамотѣ натуры и жизнь русская, имъ видѣнная и подмѣченная въ юношескихъ годахъ. Юморъ, бойкость, чувство правды, тонкая наблюдательность, мѣткость, умѣнье распоряжаться съ отдѣльнымъ и расположеніемъ картины, способность писать хорошо (этотъ и темно, и сѣро) все это сохранилось въ немъ, но это было у него прирожденно. Все изъ этого у него просто и естественно. И, что тоже особенно удивительно, онъ, такой правдивый, художественный и наблюдательный, восхищался картинами и реторикой Брюллова, безконечно наслаждался ими и признавалъ ихъ высоко-талантливыми, онъ, который больше всѣхъ другихъ долженъ былъ бы гнушаться ими и презирать ихъ неправду, фальшь и вычурность!

Ѳедотовъ нарисовалъ большую массу рисунковъ перомъ и акварелью, и они многимъ нравились, но имѣютъ довольно мало значенія среди его твореній. Они часто забавны, смѣхотворны, мѣтки по изображенію слабыхъ или гадкихъ сторонъ русскаго средняго и низшаго сословія; но почти всегда впадаютъ въ шаржъ и карикатуру, испорчены преувеличеніями и натяжками, очень многочисленными («Разборчивая невѣста», «Мышеловка», «Смерть Фидельки», «Модный магазинъ» и мн. др.). Настоящими же воплощеніями его духа, творчества и таланта были только двѣ его картины: «Свѣжій кавалеръ» (1849) и «Сватовство маіора» (1850). Обѣ посвящены изображенію—первая, русскаго маленькаго чиновничка, гордящагося передъ молодой кухаркой-крестьянкой: «Какъ-молъ ты смѣешь такъ со мною говорить! Мнѣ вонъ какой орденъ данъ!» Другая изображаетъ купеческую семью, гдѣ отецъ совсѣмъ уже невмѣняемый идіотъ, мать, еще свѣжая и даже красивая, хватаетъ разодѣтую въ розовое бальное платье перезрѣлую дочку, которая отъ жеманства и робости рвется улепетнуть изъ комнаты, а за дверью уже стоитъ, расправляя передъ зеркаломъ усы, толстякъ армейскій маіоръ, надѣющійся поправить женитьбой на купецкой дочери свои плохія обстоятельства. Другія картинки Ѳедотова либо сентиментальны (напримѣръ, его «Вдовушка»), либо незначительны и неинтересны, и притомъ мало распространились въ публикѣ. Притомъ въ 1852 г. Ѳедотовъ уже и умеръ, въ сумасшедшемъ домѣ (отъ бѣдности и несчастій). Но зато двѣ первыя его картины имѣли громадный успѣхъ, стали скоро извѣстны всей Россіи и оказали громадное вліяніе на судьбы русскаго искусства. Съ нихъ начался въ Россіи новый родъ искусства—бытовой, не имѣющій уже ничего общаго не только со сладенькою фальшью Венеціанова, но и съ болѣе значительными, но все-таки довольно блѣдными, безхарактерными и слишкомъ еще мало интеллигентными картинками его предшественниковъ.

Черезъ 10 лѣтъ послѣ первой картины Ѳедотова «Свѣжій кавалеръ» появились, въ Петербургѣ, на выставкѣ Академіи Художествъ, двѣ первыя картины еще другого новаго русскаго художника, Перова. Эти картины: «Пріѣздъ становаго на слѣдствіе» и «Сынъ дьячка», произведенный въ коллежскіе регистраторы» (1858), были полны юмора, комизма, но вмѣстѣ это были и когти молодого льва, вонзающіеся во врага. Онѣ сразу обратили на себя общее вниманіе. Молодому москвичу дали медаль, и онъ сразу пошелъ крупнымъ громаднымъ шагомъ къ развитію. Скоро онъ опередилъ всѣхъ товарищей одного съ нимъ рода живописи—бытового, и сталъ какъ бы главою ихъ всѣхъ.

У насъ, въ началѣ 60-хъ годовъ было уже не мало совсѣмъ молодыхъ бытовыхъ живописцевъ, изъ числа которыхъ многіе были очень даровиты и писали, на русскіе

сюжеты, картины очень замѣчательныя. Съ середины 50-хъ годовъ началось въ Россіи новое царствованіе, во многомъ, самомъ главномъ, отличавшееся отъ всѣхъ предыдущихъ, и сулившее русскимъ великіе дары счастья и свободы. Освобожденіе крестьянъ уже начинало казаться осуществляющимся въ близкомъ будущемъ, и всѣ сердца были полны радости и упованій. Крымская война только что кончилась, русскіе вздохнули полною грудью: какъ сказалъ одинъ великій русскій писатель и поэтъ, «отъ русской могилы былъ отваленъ громадный камень». Вездѣ начиналась словно весна и жизнь, свѣжая травка здорово зеленѣла. Русское художество тоже встрепенулось и поднялось. Масса новыхъ чувствъ, ожиданій, живописныхъ представленій, прежде не пробованныхъ кистями художниковъ, стали появляться на холстахъ новыхъ бытовыхъ живописцевъ. Андрей Поповъ написалъ Сходъ чая на нижегородской ярмаркѣ (1860) это, среди шума и сутолоки ярмарки, фигуры русскихъ и китайскихъ торговцевъ: Якоби — Привалъ арестантовъ, отправляемыхъ по тогдашнимъ порядкамъ, по этапамъ въ Сибирь (1861); Мясоѣдовъ — Бѣгство Гришки Отрепьева изъ корчмы» (1862); Пукиревъ — «Неровный бракъ» (1862), — старикъ-генералъ, вѣнчающійся съ молодой, заплаканной дѣвушкой; Морозовъ — Выходъ народа изъ псковской церкви» (1864); Невревъ — «Незабытое прошлое» (1866), продажа крестьянки однимъ помѣщикомъ другому, наконецъ, и капитальная картина Прянишникова «Гостиный дворъ» (1865), очень талантливый pendant ко многимъ пьесамъ Островскаго: здѣсь нарисовался, какъ и у этого послѣдняго, цѣлый рядъ живописнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ характеровъ, одни тупые, другіе злые люди, потѣшающіеся надъ бѣднякомъ-старикомъ, изъ чиновниковъ, унизительно пляшущимъ изъ-за нѣсколькихъ копѣекъ подачки. Къ несчастью, картина эта неудовлетворительна по письму нѣсколько приглажена. Это была лучшая картина замѣчательнаго художника, Прянишникова: его «Порожняки» (1872), «Жестокіе романсы» (1881), его «Освященіе воды» и «Жертвенный котелъ» (оба въ Вяткѣ), свидѣтельствуютъ о талантѣ, но во многомъ, особенно въ живой и глубокой обрисовкѣ характеровъ, уже значительно уступаютъ «Гостиному двору».

„Въ четыре руки". В. Маковскаго.

Рядъ chefs d'oeuvre'овъ Перова великъ. Начавъ съ Пріѣзда становаго и «Сына дьячка, произведеннаго въ коллежскіе регистраторы», онъ въ продолженіе лѣтъ двадцати шелъ все впередъ и впередъ, и только покоренный болѣзнью и страданіями, сошелъ со своего боевого коня и принялся писать пустѣйшія миѳологическія и незначительнѣйшія религіозныя картины, къ сюжетамъ которыхъ вовсе не имѣлъ никакой способности. Значительнѣйшія его картины были: «Крестный ходъ» (1861), «Деревенскія похороны» (1865), Пріѣздъ гувернантки въ купеческій домъ (1866), Тройка — маленькіе измученные мастеровые (1866), Утопленница (1867), Учитель рисованья (1867), Птицеловъ (1870), Странникъ» (1870), «Охотники на привалѣ» (1871), «Рыболовъ» (1871). Большія историческія картины: Никита Пустосвятъ и Пугачевъ не удались: ихъ сюжеты не соотвѣтствовали его натурѣ и превышали его силы. Онѣ даже не были кончены, но все-таки нѣкоторыя отдѣльныя фигуры, раскольниковъ въ первой и послѣдователей Пугачева во второй, — въ высшей степени правдиво и глубоко схвачены вѣрной народной фантазіей Перова, и наврядъ-ли когда-нибудь будутъ превзойдены кѣмъ-либо изъ будущихъ нашихъ талантливыхъ историческихъ живописцевъ. Наконецъ, Перовъ написалъ, въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, нѣсколько превосходныхъ портретовъ русскихъ писателей, ученыхъ, художниковъ и частныхъ лицъ: Достоевскаго, Островскаго, Даля, Майкова, Рубинштейна, купца Камынина.

Но въ первые-же годы выступленія Перова на художественную сцену, въ русскомъ искусствѣ совершилось такое событіе, котораго никто не могъ предвидѣть, но которое было необыкновенно: художественный бунтъ. Двадцатилѣтняя молодежь возмутилась одною изъ тѣхъ нелѣпыхъ «программъ на высшую золотую медаль (съ поѣздкой за границу), которыя крѣпко, мирно и счастливо навязывались ученикамъ академическимъ въ продолженіе лѣтъ ста, еще со временъ Екатерины II. Движимые духомъ времени и проснувшимся тогда въ Россіи чувствомъ самосознанія, они отказались отъ Академіи, наградъ и за-границы, устроили свою собственную артель, нѣчто въ родѣ фаланстера а la Чернышевскій, и стали жить и работать сообща, вмѣстѣ. Чудную ихъ тогдашнюю идиллическую, роковую, полную мысли, труда, самоотверженія и любви жизнь, ярко и талантливо описалъ впослѣдствіи Рѣпинъ. Главнымъ капельмейстеромъ ихъ, трибуномъ, совѣтникомъ, настроителемъ и учителемъ по всѣмъ частямъ былъ сильнѣйшимъ умомъ и талантомъ Крамской. Но артель просуществовала всего шесть-семь лѣтъ. Пала она въ 1870 году, по всегдашней русской причинѣ раздорамъ, несогласіямъ и апатіи. Бодрости и энергіи хватило только на семь лѣтъ! Но даже и то, что она сдѣлала было очень важно. Она впервые выразила и возвысила національное и свободное художество. Екатерина II еще въ концѣ XVIII вѣка говорила, на мраморной доскѣ у входа въ Академію, о свободномъ художествѣ въ Россіи, но его все-таки у насъ и до самой середины XIX вѣка не было. Создалъ его первый Ѳедотовъ, а крѣпко углубили его въ почву и возрастили артельщики.

Послѣ того, наслѣдниками артельщиковъ выступила въ 1871 г. по мысли Мясоѣдова, и по дружному усилію Перова, Крамского и всѣхъ лучшихъ тогда русскихъ художниковъ, новое сообщество Передвижники. Это было не что-нибудь новое, но только новое возрожденіе того самаго корня, который заложенъ былъ въ русскую почву протестантами-артельщиками и только на время пріостановился было со своимъ ростомъ. Вмѣсто прежнихъ 13-ти протестантовъ 1863 года вступило въ новое Товарищество множество русскихъ художниковъ. Девизомъ ихъ были: реализмъ, національность, отстраненіе себя, своего творчества отъ всего академическаго, традиціоннаго, дѣятельность собственнымъ починомъ и усиліемъ, помимо всякаго покровительства и помощи, полная независимость личная и творческая. И все это до такой степени было свое собственное, ни откуда не заимствованное, а свойственное русской почвѣ, что новые передвижники того не знали, а выполнили ту великую и высокую программу, о которой мечтали, задолго до нихъ, полу-классикъ и полу-академикъ, но весь свободный мыслью великій нашъ Иванов: онъ требовалъ полной свободы и независимости художника, отчужденіе его отъ мундира и поощреній, преклоненія его на родныя, писанія на родные сюжеты. Передвижники все 30-лѣтіе своего существованія, до конца XIX вѣка, исполняли этотъ завѣтъ, будто присягнувъ ему, и свято держась только его одного.

Недоброжелателей у нихъ во все это время было безъ

конца! Кто корилъ ихъ лаптями, кто пессимизмомъ, кто даже отсутствіемъ патріотизма. Какая это была безстыдная и наглая ложь, наглая клевета! Какъ будто передвижники вѣчно только и знали, что деревню и мужиковъ!

Но кто хоть немножко читать умѣетъ, уже по однимъ печатнымъ каталогамъ ихъ выставокъ могъ всегда увидѣть, какъ злостна и безстыдна была ложь ихъ враговъ, и какъ много было всегда разнообразія въ задачахъ и сюжетахъ передвижниковъ. Всѣ классы русскаго общества бывали у нихъ представлены, но только, если русскій народъ преимущественно состоитъ не изъ генераловъ и аристократовъ, не изъ графинь и маркизъ, не изъ большихъ людей, а изъ маленькихъ, не изъ счастливыхъ, а бѣдствующихъ, то, понятно, въ большинствѣ сюжетовъ въ новыхъ русскихъ картинахъ, если онѣ хотятъ быть «національными», русскими непритворно, должны быть дѣйствующими не Данты и не Гамлеты, не герои и шестикрылые ангелы, а мужики и купцы, бабы и лавочники, попы и монахи, чиновники и ученики, рабочіе и помѣщики. Русское искусство не можетъ уйти куда-то въ сторону отъ дѣйствительной жизни. Оно дѣлаетъ точь-въ-точь то самое, что великая, правдивая и талантливая наша литература. Задачи и сюжеты, дѣйствующія лица, сцены и событія — и тутъ, и тамъ одинакія.

„Протодіаконъ", Рѣпина.

Счастливы тѣ, которые умѣютъ, не взирая ни на какое положеніе своего народа, ни на какія его бѣдствія и горести, летать праздной своей фантазіей въ вышинѣ, и на картинахъ рисовать (какъ Бёрнъ-Джонсъ) смотрящихся въ воду дѣвъ, сходящихъ по какимъ-то аллегорическимъ ступенямъ, съ незнѣстныхъ вершинъ въ незнѣстныя глубины идеальныхъ необыкновенныхъ женщинъ, съ цвѣточками въ рукахъ, рисовать все только объятія и поцѣлуи. Русскій художникъ не пошелъ еще по этой степени глупости и сплошнаго безумія. У него другія задачи и цѣли.

Образовалась въ послѣдніе годы цѣлая масса иностранныхъ и русскихъ зрителей, которые не хотятъ знать ничего, кромѣ сюжетовъ изъ дѣйствительной жизни, и предпочитаютъ великій бредъ фантазіи, больной и атрофированной нелѣпости. Они клеймятъ именемъ ненужныхъ «анекдотовъ» всѣ сцены изъ настоящей, совершающейся въ мірѣ жизни. Противъ такой скудости пониманія и бѣдности натуры ничѣмъ нельзя бороться, иначе, какъ произведеніемъ созданій здоровыхъ, правдивыхъ и представляющихъ наше всѣхъ бытіе съ такою истинностью, съ такою искренностью, къ какимъ только неиспорченный, полный силъ художникъ способенъ. У кого еще глаза, умъ, пониманіе, чувство сохранились—быть можетъ еще воротится къ здравому, неподкупному наслажденію правдой. Кто болѣе не въ состояніи, пропадай въ своемъ непроходимомъ мракѣ и ослѣпленіи. Но счастію, большинство народа еще здраво, и зряче, и полно неиспорченныхъ, неразбавленныхъ никакими нравственными немощами силъ.

Это-то здоровое большинство русскаго народа постоянно оцѣняло цѣль, усилія и стремленія того художественнаго легіона, который выступилъ на смѣну послѣ Ѳедотова и Перова, и подъ именемъ «Товарищества передвижниковъ», посвятилъ свой талантъ и силы на выраженіе жизненныхъ задачъ, дорогихъ и нужныхъ нашему народу.

У этихъ художниковъ новаго склада и настроенія было два главныхъ центра: петербургскій и московскій, при чемъ къ московскому довольно близко примыкали еще два другихъ, менѣе значительныхъ центра: кіевскій и одесскій. Между всѣми ими существовало всегда великое единодушіе и согласіе, и лишь мало разницы въ характерахъ и направленіи. Петербургъ и Москва служили, собственно, собирательными пунктами, гдѣ стояли боевыя знамена. Но собирались подъ эти знамена не одни только петербургскіе и московскіе художественные уроженцы. Тутъ присутствовала вся художественная Россія, вся даровитая молодежь, посвятившая себя искусству, и шедшая изъ провинціи въ Петербургъ и Москву, словно изъ темныхъ и длинныхъ коридоровъ къ свѣтящейся впереди, гдѣ-то далеко, яркой точкѣ. И лучшая часть этой молодежи никогда не обезличивалась, и на всю жизнь сохраняла свои молодыя впечатлѣнія, память о томъ, что поражало ее еще дома, что радовало или печалило ее. Этими впечатлѣніями юности, впослѣдствіи расцвѣтшими и развившимися, потомъ вся Рос-

„Николай Мирликійскій останавливаетъ казнь", Рѣпина

сія жила и восхищалась, можно сказать, просто ими питалась, и отъ нихъ получала драгоцѣннѣйшій жизненный матеріалъ для своего художественнаго душевнаго существованія.

Необходимо замѣтить здѣсь, мимоходомъ, что не всѣ даровитые наши художники были членами товарищества передвижныхъ выставокъ; нѣкоторые никогда туда не поступали, наприм. Журавлевъ, написавшій отличныя по типамъ и выраженію двѣ картины: «Купеческія поминки» (1876) и «Благословеніе плачущей невѣсты отцомъ ея, купцомъ» (1878); другіе и были вначалѣ членами Товарищества, да скоро вышли оттуда; таковъ былъ, напримѣръ, Корзухинъ, написавшій «Исповѣдь въ церкви» (1877) и особенно замѣчательную картину «Монастырская гостиница» (1882). Якоби, подававшій много надеждъ своимъ «Этапомъ ссыльныхъ» (1861) и никогда потомъ ихъ не оправдавшій; также Конст. Маковскій, который написалъ лучшую свою картину: «Гуляніе на Адмиралтейской площади (Масляница) (1869), и превосходный портретъ пѣвца Петрова (1870), раньше существованія Товарищества, а потомъ, долго послѣ выхода своего изъ Товарищества, въ 1881 году замѣчательный, по колориту, хотя со значительными погрѣшностями въ рисункѣ, портретъ императора Александра II.

Изъ числа членовъ Товарищества очень многіе написали картины даровитыя. Перечислять ихъ всѣ трудно, и я только укажу немногія, кажущіяся мнѣ особенно выдающимися: Мясоѣдова «Чтеніе манифеста» (1873), Савицкаго «Встрѣча иконы» (1877), Максимова «Приходъ колдуна на деревенскую свадьбу» (1875) — картина очень характерная и интересная, впрочемъ очень черная и въ нѣкоторыхъ молодыхъ персонажахъ своихъ довольно не удовлетворительная. Крамского «Неутѣшное горе» (1884) — сильное трагическое созданіе, лучшая по чувству и трогательности картина Крамского. Ярошенки «Заключенный» и отчасти замѣчательная, только не по фальшивому сентиментально-претенціозному замыслу картина «Вездѣ жизнь».

На выставкахъ Товарищества иногда выставляли свои картины молодые московскіе талантливые художники, не бывшіе членами Товарищества. Сергѣй Коровинъ («Походъ въ Троицко-Сергіевскую Лавру», «Сольцы у колоны») Архиповъ («На Окѣ» и «на рѣкѣ»).

Но какъ изобразитель главнаго, всеобщаго теченія народной жизни, какъ продолжатель Ѳедотова и Перова, особенно значительное мѣсто занимаетъ Владиміръ Маковскій. Тридцать лѣтъ продолжается его высоко-талантливая дѣятельность, и сила его творчества никогда не умалялась, напротивъ, постоянно разросталась въ поразительной степени. Въ Третьяковской галлереѣ, въ Москвѣ, куда вошло почти все самое крупное и замѣчательное, что создано художниками 60-хъ, 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ, зала Влад. Маковскаго занимаетъ одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ. У него наблюдательность глубокая и тонкая, и онъ передаетъ то, что открываетъ глазъ его, съ такимъ мастерствомъ, которое рѣдко можно встрѣтить во всемъ европейскомъ искусствѣ. Онъ очень неугоденъ декадентамъ — и это одно изъ лучшихъ доказательствъ, что онъ правдивъ, и превосходно изображаетъ истинную жизнь — имъ это всегда невыносимо, нестерпимо! Напротивъ, люди не-декаденты, и русскіе, и иностранцы Запада, всегда цѣнили его очень высоко. Его юморъ, комизмъ, маленькое лукавство, иногда появляющееся на губахъ и въ глазахъ у его дѣйствующихъ лицъ, смѣшныя положенія, въ которыхъ выражается вся натура его персонажей, съ ихъ уморительными иногда привычками, вкусами, движеніями, ужимками, поворотами, взглядами — все это прелестно и интересно. Въ его молодости колоритъ у него былъ темнѣе и, какъ бы сказать, шершавѣе; но впослѣдствіи, благодаря его прилежнымъ изученіямъ натуры, колоритъ его сильно измѣнился къ лучшему, и не представляетъ болѣе непріятныхъ диссармоній. Лучшія его картины относятся къ 70-мъ и 80-мъ годамъ. По глубинѣ характеровъ, по трагичности сцены, лучшею его картиною мнѣ кажется «Осужденный» (1880). «Плачущіе отецъ и мать, крестьяне, пораженные присужденіемъ ихъ сына къ ссылкѣ въ Сибирь и страстно устремляющіеся къ нему среди часовыхъ и жандармовъ, а онъ остается холоденъ и равнодушенъ къ нимъ, какъ явно принадлежащій уже другому совершенно міру. Къ числу другихъ отличныхъ

„Богатыри". Васнецова.

[illegible]то произведений принадлежать: Въ пріемной у доктора (1870). Старики-помѣщики, мужъ и жена, отяжелѣлые и опустившіеся, варятъ вареньe (1871), «Страстные любители соловьевъ», изъ мѣщанъ и крестьянъ (1873). Полученіе пенсіи въ казначействѣ (1876). Ходатай по дѣламъ (1879). «Дѣловой визитъ» (1881). Дѣловая бесѣда (1882). Секретъ (1884) — одинъ другому шепчетъ что-то на ухо. Въ передней (1884) — пожилой чиновникъ, въ вицмундирѣ и шляпѣ, надѣваетъ перчатку, а самъ поглядываетъ, улыбаясь, на красненькую горничную. Объясненіе въ любви (1891) — гимназистъ и молодая дѣвица за фортепіано. Довольно неудачны только у Вл. Маковскаго всѣ малороссійскія сцены, и изъ московскихъ — многолюдные, наприм. «Толкучій рынокъ» (1875—9). Со времени переѣзда въ Петербургъ и профессорства въ Академіи Художествъ, Вл. Маковскій, къ удивленію, не создалъ ничего особенно выдающагося изъ жизни новой его петербургской резиденціи.

Русское новое искусство — одно изъ самыхъ независимыхъ и самостоятельныхъ. Никто его не училъ, и ни отъ кого оно не заимствовало свои отрывки изъ жизни для своихъ холстовъ, точно какъ и наша новая литература. Гоголь и Островскій не знали никакихъ иноземныхъ писателей, все брали изъ себя и прямо изъ окружавшей ихъ жизни, и богато черпали оттуда могучею рукою. Такъ было и съ Перовымъ и его лучшими, могучими товарищами, хотя я вовсе не думаю дѣлать никакихъ сравненій нашихъ живописцевъ съ нашими великими писателями. Я только хотѣлъ бы указать на то, что при всей разницѣ талантовъ и личностей, и тѣ, и другіе принадлежатъ къ одной и той же категоріи личностей самостоятельныхъ и независимыхъ.

47.

Къ числу ихъ принадлежитъ, кромѣ Перова еще и тотъ художникъ, который, безъ сомнѣнія, между русскими бытовыми художниками — самый важный, самый значительный. Это Рѣпинъ. У него, въ художественномъ его талантѣ, нѣтъ ни негодованія, ни упрековъ, ни жалобъ, ни насмѣшекъ, ни воплей, ни страданій, но есть серьезный, задумчивый, глубокій взглядъ на существующее, и суть надъ нимъ. Рѣпинскіе «Бурлаки» (1870—1873) — тѣ же «Каменобойцы» Курбэ, что появились на свѣтъ въ Парижѣ, въ 1855 году. Только у Курбэ было на картинѣ всего два француза, а у Рѣпина — одиннадцать русскихъ. По чувству, по характеру, по силѣ, они были одинаковы, но по исполненію — очень различны: у Рѣпина письмо гораздо совершеннѣе, жизненнѣе, ближе къ краскамъ природы и человѣка, наконецъ — солнечнѣе. Но, кромѣ сходства задачъ, сходства общественнаго положенія представленныхъ лицъ среди своего государства, сходства ихъ одинаковаго непониманья своей горькой судьбины, есть еще одно что-то, что сближаетъ талантливаго француза съ талантливымъ русскимъ — это одинаковая судьба. Обоихъ ихъ сразу не полюбили соотечественники, какъ враговъ, и лишь гораздо позже поняли и признали ихъ. И этотъ параллелизмъ во всемъ нѣсколько разъ повторялся въ жизни обоихъ. На мой взглядъ Крестный ходъ Рѣпина представляетъ что-то родственное съ «Орнанскимъ погребеніемъ». И тутъ и тамъ — жестокіе, и тутъ и тамъ — духовенство и начальство, и тутъ и тамъ — масса народа, наполовину благочестиваго, наполовину совсѣмъ равнодушнаго, и вовсе не помышляющаго о томъ, что тутъ происходитъ. Только у Рѣпина, на придачу ко всему, есть еще одна нота еще повыше — это сердитые урядники, верхомъ, и очень сердитые. Еще одна черта сходства. И Рѣпина, и Курбэ одинаково упрекали въ грубости, въ шершавости выраженія характеровъ и взятыхъ нотъ — но къ обоимъ впослѣдствіи всѣ привыкли, и — нечего дѣлать — признали очень крупными художниками.

У Рѣпина было на это время, выполнено картинъ не мало, но главными, кромѣ «Бурлаковъ», являются: «Не ждали», «Арестъ въ деревнѣ», «Исповѣдь», «Дуэль». Это все такія-же серьезныя глубокія вещи, какъ и картины Курбэ, столько же большія значенія и трагичности, истинныя картины изъ современности художника. Наша публика мало на нихъ обратила вниманія при появленіи ихъ на свѣтъ. Но рано или поздно, но время и слава еще придутъ, — въ томъ нельзя сомнѣваться. Не много картинъ на свѣтѣ съ такимъ глубокимъ выраженіемъ. Но Рѣпинъ, нисколько сближаясь съ Курбэ и какъ-бы подкрѣпляя старинный его примѣръ своимъ новымъ, доказалъ еще разъ, что настоящему и правдивому реализму ничто недоступно изъ того, чего онъ не знаетъ, не видалъ, не испыталъ и не почувствовалъ. Рѣпинъ нѣсколько разъ пробовалъ писать картины на сюжеты религіозные («Св. Николай, останавливающій казнь», «Иди за мной» (Христосъ съ Діаволомъ, на вершинѣ горы) и другія, и никогда успѣха эти картины не имѣли. Точно также, сюжеты историческіе и грандіозные были также ему чужды, по самой натурѣ своей, и ничего не давали, кромѣ чуднаго талантливаго письма («Царевна Софія», «Іоаннъ Грозный и сынъ его» и др.).

Въ продолженіе своей долгой (по счастью) карьеры, Рѣпинъ написалъ много превосходныхъ портретовъ, поразительныхъ по своей жизненности, правдѣ, силѣ и изяществу. Главные между ними: М. П. Бѣляева, протодіакона, В. Н. Герарда, М. П. Мусоргскаго, Ц. А. Кюи, Писемскаго, графа Льва Николаевича Толстого (въ нѣсколькихъ видахъ и даже сценахъ), В. Д. Спасовича, Н. В. Стасовой, баронессы В. И. Икскуль, Гаршина, Фофанова, Третьякова, своей собственной жены, дочерей своихъ, живописца М. О. Микѣшина, графини Головиной; изъ портретовъ углемъ мастерскіе портреты: актрисы Дузэ, профессора Введенскаго, актера Писарева, и др., наконецъ — изумительно написанный портретъ красивой собаки. Изъ портретовъ 80-хъ годовъ иные имѣли родство, по письму, съ портретами Веласкеца, по колориту, по рельефу и по необыкновенно правдивому взгляду глазъ.

48.

Между портретистами 70-хъ и 80-хъ годовъ важнѣйшую роль играютъ (кромѣ упомянутаго уже выше Перова) Крамской и Харламовъ. Первый написалъ огромную массу портретовъ, превосходныхъ по необыкновенно мѣткой характеристикѣ, но неколоритныхъ и иногда нѣсколько сухихъ: въ послѣдніе годы Крамской пробовалъ писать съ большею колоритностью, но тутъ было видно усиліе и старательность, и только: настоящаго дарованія въ этомъ у него не было. Совершеннѣйшіе его портреты были: портреты Д. В. Григоровича (1876), графа Л. Н. Толстого (1873), живописца И. И. Шишкина (1874 и 1880), А. С. Суворина, и особенно живописца А. Д. Литовченко.

Лучшій и замѣчательнѣйшій портретъ, написанный Харламовымъ, портретъ знаменитой пѣвицы Віардо-Гарсіи, въ 70-хъ годахъ.

Изъ числа новѣйшихъ портретистовъ, въ числѣ которыхъ есть довольно много очень хорошихъ (Бразъ, Бакстъ и др.) — самый выдающійся и талантливый, Сѣровъ — бывшій, въ юношествѣ, ученикомъ Рѣпина. Онъ началъ свою юношескую художественную карьеру такимъ произведеніемъ, которое является совершенно небывалымъ въ искусствѣ событіемъ. Онъ остался еще маленькимъ 7-лѣтнимъ ребенкомъ послѣ смерти своего талантливаго отца, композитора Сѣрова, автора «Юдиѳи» и «Вражьей силы», и, значитъ, навряд-ли могъ твердо помнить своего отца. Но онъ написалъ, нежданно-негаданно, такой портретъ своего отца, во весь ростъ, по нѣсколькимъ неудовлетворительнымъ фотографическимъ портретамъ, который воспроизводитъ оригиналъ съ поразительною вѣрностью, это не только въ чертахъ лица, но въ позѣ, во всей фигурѣ, ея движеніи, съ задумчивымъ, мечтательнымъ и нѣсколько-растерянымъ выраженіемъ Сѣрова-отца. Создать такую вещь можетъ только совершенно особенный, богато одаренный талантъ. Объ одномъ только можно было пожалѣть въ этомъ необычайномъ портретѣ — о непріятномъ, сѣромъ и мутномъ тонѣ колорита, но этотъ недостатокъ не остался у Сѣрова навсегда: черезъ немного лѣтъ онъ овладѣлъ сильнымъ, живописнымъ и живымъ колоритомъ, который придалъ великую прелесть всѣмъ его превосходнымъ портретамъ. Лучшимъ и совершеннѣйшимъ изъ нихъ является, по моему мнѣнію, портретъ искренно-наивный, простой, задушевный, молодой дѣвицы, Мамонтовой (сидящей у стола); затѣмъ, блестящій, въ конногвардейскихъ сіяющихъ золотыхъ латахъ, портретъ великаго князя Павла Александровича; портретъ

углубленнаго въ партитуру Римскаго-Корсакова; портретъ Левитана; портретъ молодой женщины въ комнатѣ среди цвѣтовъ и книгъ, г-жи М. Я. Л.; граціозный портретъ двухъ мальчиковъ, стоящихъ у забора, и другіе. Но у портретовъ этихъ, столь талантливыхъ и интересныхъ, часто не достаетъ душевной характеристики, и все ограничивается превосходно схваченнымъ внѣшнимъ обликомъ. Картинъ и композицій Сѣровъ не писалъ.

49.

До сихъ поръ русскіе художники доказывали постоянно, въ продолженіе всего XIX вѣка, великую неспособность къ созданію настоящихъ, удовлетворительныхъ картинъ въ историческомъ родѣ: всегда чего-то въ нихъ недоставало, всегда бывало въ нихъ нѣсколько фальшивыхъ и слабыхъ нотъ. Это ярко выказалось даже у такого крупнаго художника, какъ Ге, въ его картинахъ: Петръ I съ сыномъ, Екатерина II у гроба Елисаветы I», и т. д., а также у еще болѣе крупнаго, чѣмъ Ге, художника, такого, какъ Рѣпинъ, въ его «Софіи», «Иванѣ Грозномъ» и даже «Запорожцахъ». Послѣдняя картина во многомъ прекрасна и замѣчательна, особливо по «смѣху», выраженному у нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ съ поразительною правдой и искренностью; но исторія тутъ все-таки не присутствуетъ, не взирая на всѣ лучшія, старательнѣйшія изученія и приготовленія автора.

Но въ послѣднее время оказывается, что русскіе не такъ лишены историческаго дара въ живописи, какъ это вначалѣ казалось. Въ 60-хъ годахъ явился у насъ Шварцъ. 20 лѣтъ спустя, въ 80-хъ—Суриковъ и В. Васнецовъ, которые показали своими (немногими, къ сожалѣнію, и въ слишкомъ рѣдкихъ интервалахъ появлявшимися) созданіями, что историческій духъ у русскихъ въ живописи—*есть* и можетъ великолѣпно проявляться. Всѣ три эти живописца предавались долгіе годы неимовѣрнымъ, труднымъ, сложнымъ и многочисленнымъ изысканіямъ, сами себя образовывали, чтобъ сродниться глубоко и искренно съ русской древней жизнью и человѣкомъ, съ его душой, внѣшностью и многообъемлющей, оригинальной, своеобразной бытовой стороной его жизни. Картины: «Иванъ Грозный у гроба сына», «Царская зимняя поѣздка въ монастырь», «Засѣданіе иностранныхъ пословъ съ русскими думскими боярами», «Патріархъ Никонъ въ монастырскомъ изгнаніи», нѣкоторые рисунки къ «Купцу Калашникову» и «Князю Серебряному» Шварца, великолѣпная и изумительная картина «Боярыня Морозова» Сурикова, съ такою массою безконечно вѣрныхъ, просто поразительныхъ русскихъ характеровъ и типовъ конца XVII вѣка, его-же нѣсколько отдѣльныхъ, чудно выраженныхъ, фанатическихъ староверскихъ личностей въ «Казни стрѣльцовъ», тщательно изученные и превосходно воспроизведенные сибирскіе дикари въ картинѣ «Ермакъ», тоже Сурикова (остальная часть картины, самъ Ермакъ и его казаки очень слабы и неудовлетворительны); наконецъ «Гусляры», «Три Витязя» Васнецова, даже его «Богатырь на распутьи» (молодого времени художника), и его изумительныя декораціи и костюмы для постановки оперы «Снѣгурочки» Римскаго-Корсакова на сценѣ у Саввы Ивановича Мамонтова — все это настоящая русская, оригинальная, самостоятельная, ни откуда не заимствованная, историческая національная живопись. Эти, покуда еще немногочисленные, но крупнѣйшіе и превосходные образчики заставляютъ ожидать въ нашемъ будущемъ многихъ столько-же важныхъ и драгоцѣнныхъ продолженій этого дѣла.

Они, впрочемъ, начинаютъ уже и теперь появляться, но только, такъ сказать, съ маленькаго конца и черезъ маленькую дверь: это тѣ театральныя постановки, декораціи и костюмы въ національно-народномъ духѣ, которыя, по примѣру Виктора Васнецова и вслѣдъ за нимъ, стали сочинять для театра С. И. Мамонтова К. Коровинъ, Аполл. Васнецовъ, С. В. Малютинъ, А. Я. Головинъ, М. А. Врубель — сочиненія, мало цѣнимыя и мало понятыя толпой, но заключающія много художественности и значенія на художественныхъ вѣсахъ. Появлявшіеся на всемірной парижской выставкѣ 1900 года сѣверные сибирскіе пейзажи Конст. Коровина имѣли также, по сочиненію характеръ только декоративный, и если были-бы исполняемы для сцены, конечно не имѣли бы того сумрачнаго, случайно характера, который портилъ все впечатлѣніе и заставлялъ думать зрителя, что передъ нимъ худо исполненныя въ старыхъ краскахъ панорамы, снятыя фотографіей съ натуры. Но нельзя не указать, какъ на нѣчто истинно-превосходное, на орнаментацію Владимірскаго собора въ Кіевѣ, созданную съ величайшей, чудеснѣйшей фантазіей и вкусомъ, по византійскимъ и древне-русскимъ образцамъ, самимъ Викторомъ Васнецовымъ. Это нѣчто, можно сказать,—нѣчто единственное въ своемъ родѣ. Далеко нельзя того-же сказать про религіозныя картины, въ томъ-же соборѣ, какъ самого Васнецова, такъ и подражателя его Нестерова. Костюмная, хорошо изученная сторона дѣла (а архитектура въ фонахъ, далеко не вполнѣ строго изученная) представляетъ здѣсь единственную замѣчательную особенность.

Русско-волшебныя сочиненія Виктора Васнецова («Иванъ-Царевичъ съ Еленой Прекрасной», «Коверъ-Самолетъ», «Три царевны подземнаго царства», «Сиринъ и Гамаюнъ»)—неудачныя выдумки и слабо написанныя картины. «Аленушка» плаксивая, уродливая и сентиментальная фигура, вовсе несвойственная таланту Васнецова. Зато написанныя имъ изображенія «Каменнаго вѣка» въ московскомъ Историческомъ Музеѣ, какъ изображенія до-исторической исторіи племенъ, обитавшихъ въ Россіи,—произведеніе превосходное, истинно монументальное во всѣхъ частяхъ и подробностяхъ. Никто въ Россіи еще никогда не писалъ что-нибудь приближающееся къ этому громадному ряду сценъ и картинъ, результату великой творческой фантазіи и глубокаго научнаго изученія сѣдой нашей древности.

50.

Верещагинъ (Вас. Вас.) — одинъ изъ самыхъ крупныхъ и значительныхъ русскихъ художниковъ. Онъ стоитъ совершенно особнякомъ отъ всѣхъ другихъ. Онъ, юношей, воспитывался въ морскомъ корпусѣ, чтобы быть морякомъ; 18-ти лѣтъ кончилъ классы первымъ, и поступилъ въ петербургскую Академію Художествъ, но учился по-своему, не слушаясь учителей и дѣлая то, что самому хотѣлось. Настоящее его ученье началось на Кавказѣ, гдѣ онъ все время рисовалъ карандашомъ и акварелью, съ натуры; туда онъ сдѣлалъ цѣлыхъ два путешествія. Главнымъ результатомъ пребыванія на Кавказѣ должно считать его великолѣпные рисунки чернымъ карандашомъ: «Духоборцы на молитвѣ» и «Религіозная мусульманская процессія въ Шушѣ». Въ интервалахъ кавказскаго путешествія, Верещагинъ былъ два раза въ Парижѣ, учился въ тамошней академіи и у знаменитыхъ художниковъ Жерома и Бида. Потомъ, въ 1867 уѣхалъ въ Туркестанъ, 23-хъ лѣтнимъ юношей, и тутъ онъ выросъ въ настоящаго художника. Онъ былъ въ Туркестанѣ два раза: въ 1867—1868, и въ 1869—1871 гг.

Если слѣдовать обыкновеннымъ класснымъ академическимъ дѣленьямъ и судить только по виду, надо было-бы сказать, что Верещагинъ сдѣлался баталистомъ. Но это было-бы совершенно не вѣрно. Онъ былъ и есть всю свою жизнь художникъ-реалистъ, поклонникъ жизни и правды, не желающій знать ни школъ, ни принятыхъ правилъ, ни предразсудковъ, ни условностей. Если ему случилось написать множество картинъ, гдѣ изображены массы военныхъ, то все-таки это ничуть не доказываетъ, чтобы онъ былъ баталистомъ. Онъ никогда не былъ за войну, никогда ею не упивался и не пользовался для прославленій, какъ всѣ «баталисты», никого не хотѣлъ, не могъ и не умѣлъ по заказу возносить до небесъ. Напротивъ, ему поминутно приходилось говорить, рисовать карандашемъ и писать красками *противъ* войны и военныхъ, въ томъ числѣ и противъ своихъ отечественныхъ, такъ что многіе цеховые люди обвиняли его въ какой-то (будто бы) измѣнѣ отечеству и преданности врагамъ, даже средне-азіатамъ. Его картины иные называли даже просто клеветой на русскаго солдата. Раздраженіе и приведенный въ отчаяніе, Верещагинъ сжегъ три десятка лучшихъ своихъ картинъ: «Забытаго», «Окружили», «Преслѣдуютъ». Вопли «Какой-же это баталистъ». Такихъ еще никогда не бывало. Былъ онъ не былъ ни прославителемъ ни величателемъ войны, онъ былъ самый горячій ея противникъ и ни на чьей сторонѣ не желалъ стоять.

Къ средне-азіатской коллекціи Верещагинъ скоро потомъ прибавилъ еще другія: одна была индійская, возникшая во время путешествія Верещагина въ Индію: тутъ уже ровно ничего не было военнаго, никакихъ боевъ и сраженій, а только все чудные снимки, картины природы, виды горъ, долинъ, озеръ, храмовъ, языческихъ монастырей и многихъ тысячъ разнообразнѣйшаго типа и сословія жителей: другая коллекція: сцены изъ турецко-болгарской войны 1887 года, здѣсь главную роль опять-таки играли не битвы и сраженія, а людскія отношенія враговъ со врагами, и все, что происходило и происходитъ на войнахъ *до* сраженія и *послѣ* сраженія, но что всегда пропускается мимо глазъ и ушей цеховыми баталистами, — всѣ ужасы и несчастія, тяготящія обѣ стороны, всѣ тѣ страшныя вещи, о которыхъ обыкновенно всѣ молчатъ. Наконецъ, еще позже, онъ написалъ рядъ картинъ изъ времени нашествія на Россію Наполеона I съ 12-ю языками. Эта послѣдняя коллекція была слабѣе двухъ предыдущихъ, но все-таки заключала въ себѣ большую картину «Бѣгство Наполеона съ войскомъ изъ Россіи обратно домой», которая

„Павшіе на полѣ чести". Верещагина.

есть такая вѣрная и захватливая сцена тогдашней міровой жизни, изображающая низверженнаго идола многихъ поколѣній, среди веселой зимней, солнечной, смѣющейся природы, какой не произвела до сихъ поръ ничья кисть въ цѣломъ европейскомъ художественномъ мірѣ.

Картины Верещагина изъ всѣхъ трехъ коллекцій перебывали во всѣхъ столицахъ и главныхъ городахъ Европы и сѣверной Америки, были разсматриваемы съ восторгомъ и удивленіемъ многими сотнями, быть можетъ милліонами зрителей всѣхъ странъ, и не переставали казаться, вездѣ и всѣмъ, созданіями совершенно выходящими изъ ряду вонъ. Только не всѣ имѣли возможность видѣть картинку его молодости: «Оттомоны», такъ какъ она не могла покидать Петербурга, а между тѣмъ это было одно изъ капитальнѣйшихъ, оригинальнѣйшихъ и характернѣйшихъ созданій изъ того, что Верещагинъ сдѣлалъ во всю свою жизнь.

51

Пейзажъ создано русскою школою XIX вѣка такъ много, и притомъ такъ много отличнаго, что одно перечисленіе замѣчательнѣйшихъ имянъ-бы слишкомъ огромное мѣсто въ настоящемъ очерка. Я принужденъ удовольствоваться тѣмъ, чтобы сказать, что у русскаго пейзажа три главныхъ періода. Первый періодъ былъ періодъ классическій, въ важнѣйшую роль играютъ виды Италіи Греціи, Греціи, Палестины и Востока и лишь въ очень умѣренномъ количествѣ являются виды Россіи. Тогда еще не осмѣливались признавать сильнаго интереса за родными мѣстностями, нужны были все только красоты «классическія», признанныя такими, и указанныя всѣми путеводителями. Главные представители этого періода — на половину объитальянившійся, на половину обнидерландившійся, и все-таки темный, мрачный и какъ-то неаппетитный, Сильвестръ Щедринъ и несравненно ниже его стоящіе Алексѣевъ, рисовальщикъ и граверъ Галактіоновъ, Воробьевъ, Чернецовы.

Второй періодъ начинается съ юноши Лебедева, скончавшагося въ очень молодыхъ годахъ въ Италіи, но не обращавшагося уже къ классическимъ образцамъ, и жадно вдыхавшаго въ себя живую природу, не зная еще вовсе французскихъ барбизонцевъ Италіи. Его немногочисленныя картинки, сочныя и пышащія роскошнымъ, сильнымъ, восхищающимся здоровьемъ, полны солнца и озаренной имъ богатой растительности (виды рощъ Альбано и Гиджи). За нимъ пошла, впрочемъ ничуть не подражая ему, а можетъ быть и не зная его, а только подъ вліяніемъ новаго духа времени —

цѣлая толпа русскихъ пейзажистовъ. Изъ нихъ одни все-таки шли въ науку то къ даровитому и великому мастеру, технику Андрею Ахенбаху (особенно Боголюбовъ съ его учениками и подражателями), другіе къ тощему, бѣдному и ограниченному швейцарцу Каламу, впрочемъ вездѣ всѣмъ нравившемуся, а у насъ въ особенности Брюллову.

Маринистъ Айвазовскій, также принадлежащій къ этому періоду, былъ по рожденію и натурѣ своей, художникъ совершенно исключительный, оригинальный, живо чувствовавшій и самостоятельно передававшій, быть можетъ какъ никто въ Европѣ, море съ его необычайными красотами, его бури съ затишьями, его обольстительные свѣтовые эффекты. Но онъ жестоко злоупотреблялъ свою легкость, свободу и мастерство работы, и спустя немного лѣтъ сталъ впадать въ печальную рутину и повтореніе самого себя, такъ что потерялъ, наконецъ, всякій кредитъ и довѣріе прежнихъ, можно сказать, фантастическихъ поклонниковъ.

Еще одинъ художникъ этого періода, Шишкинъ, сначала ученикъ мюнхенской пейзажной школы, взялъ себѣ въ удѣлъ, по возвращеніи на родину, русскій лѣсъ, съ любовью изучилъ его и много разъ передавалъ, въ безчисленныхъ картинахъ и картинкахъ, съ великимъ мастерствомъ и живописностью только въ этихъ картинахъ поэзіи не присутствовало, такъ что самъ зритель не могъ отдать себѣ отчета, отчего онъ остается холоденъ и нетронутъ ду-

шенно, тогда какъ, казалось-бы, все въ этихъ картинахъ есть: и наблюдательность, и интересъ, и умѣнье, и прекрасный чудный обликъ природы. Но чего у Шишкина не хватило въ его масляныхъ картинахъ, то съ избыткомъ существовало въ его рисункахъ перомъ: они были свѣжи, дышали жизнью и чувствомъ природы.

Въ теченіе этого періода русскаго пейзажа скончался, въ молодыхъ годахъ, еще другой, кромѣ Лебедева, талантливый пейзажистъ, Васильевъ. Лебедевъ скончался 25-ти лѣтъ въ Неаполѣ, Васильевъ 23-хъ лѣтъ въ русскомъ Неаполѣ, Ялтѣ. Лебедевъ много обѣщалъ, Васильевъ, быть можетъ, еще больше, потому что жилъ въ болѣе подвинувшуюся впередъ эпоху, но оба они далеко не довершили того, что, кажется, могли бы такъ великолѣпно создать, и ушли со свѣта, оставивъ лишь немногочисленныя, но чудесныя произведенія.

Хорошими пейзажистами этого періода были также Волковъ, Беггровъ, баронъ М. К. Клодъ, Ендогуровъ, Святославскій, Полѣновъ, написавшій на Востокѣ громадную массу интереснѣйшихъ и талантливѣйшихъ видовъ. Саврасовъ всѣхъ поразилъ въ 1871 г. своею весеннею, необычайно свѣжею и прелестной картинкой: «Грачи прилетѣли».

Третій періодъ заключаетъ въ себѣ новѣйшія созданія нашихъ пейзажистовъ. Сюда принадлежатъ петербургскіе художники, бывшіе ученики Куинджи: Рерихъ, взявшій себѣ задачей древне-русскій историческій пейзажъ, съ древне-русскими дѣйствующими лицами, и имѣвшій уже значительный успѣхъ со своей «древней деревней»; Рущицъ, Пурвитъ, Рыловъ, Досѣкинъ; а также московскіе художники: Аполлинарій Васнецовъ (съ прекрасными и талантливыми возстановленіями древней Москвы XVII вѣка), Остроуховъ, Переплетчиковъ. Но главнѣйшими представителями періода были: Дубовской, первый показавшій у насъ талантъ писать снѣгъ и снѣговыя впечатлѣнія подъ лучами зимняго яркаго солнца («Зима», 1884 и 1891), но кромѣ того написавшій много прекрасныхъ поэтическихъ зимнихъ пейзажей, и Левитанъ, авторъ цѣлаго ряда великолѣпныхъ русскихъ пейзажей, необыкновенно поэтическихъ, но почти всегда очень меланхоличныхъ: Осенній день въ Сокольникахъ 1879, «На Волгѣ», Сумерки (нѣсколько разъ), «Сѣрый день», «Послѣдніе лучи солнца» (нѣсколько разъ), «Лунная ночь», «Послѣ дождя» 1889, «Вечеръ» 1889, «У омута» 1892, «Озеро», «Тихая обитель», «Бурный день», «Весна», «Осень», «Зима», «Солнечный день», «Осенній сумрачный день», «Сѣрый день» (нѣсколько разъ), «Дождь», «Буря» (нѣсколько разъ), «Позднія сумерки», и много другихъ.

„Лѣсъ", Шишкина.

52.

Вмѣстѣ съ русской школой живописи необходимо упомя-

„Буря", Айвазовскаго.

путь еще двѣ школы: польскую и финляндскую. Но обѣ, онѣ не представляютъ собою, въ массѣ, особенно крупнаго явленія.

Почти всѣ сколько-нибудь замѣчательные польскіе художники учатся, а потомъ и остаются, въ Мюнхенѣ или Вѣнѣ, вообще въ Западной Европѣ: Герымскій, Брандтъ, Ковальскій, Гротеръ, принадлежатъ, можно сказать, германской школѣ: другіе живутъ на родинѣ, но ничего особенно замѣчательнаго не представили (напримѣръ, историческій живописецъ Герсонъ).

Но есть среди польскихъ художниковъ живописецъ, который и жилъ постоянно въ своемъ отечествѣ, Краковѣ, и занятъ былъ всю свою жизнь сюжетами только спеціально польскими, — это Матейко. Онъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ величинъ художественной Европы XIX вѣка. Онъ написалъ въ свои средніе годы рядъ великолѣпныхъ картинъ изъ исторіи своей родины и притомъ на сюжеты, все изъ числа самыхъ главныхъ и рѣшительныхъ въ этой исторіи. Его картина «Скарга, проповѣдующій передъ дворомъ польскаго короля и обличающій ихъ всѣхъ» произвела впервые большую сенсацію въ Европѣ, на парижской выставкѣ 1865 года, и сразу утвердила большую художественную репутацію Матейко. На всемірной парижской выставкѣ 1867 года Матейко былъ уже желанный, всѣми уважаемый гость, несмотря на многіе недостатки своихъ картинъ, мелодраматичность и непріятную черноту колорита. Все это прощалось за силу выраженія и чувства у главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ сценѣ «Варшавскій сеймъ 1773 года», съ трагической самоотверженной смертью знаменитаго патріота Рейтана. За этимъ слѣдовала другая, очень прославленная картина: «Іезуитъ Поссевинъ уговариваетъ звѣрообразнаго Стефана Баторія выслушать русскихъ пословъ, просящихъ мира». Русское духовенство, колѣнопреклоненное и молящее о мирѣ, изображено здѣсь изумительно вѣрно и правдиво, что рѣдкость, особливо для человѣка не русскаго. Наконецъ, превосходна была и его «Люблинская Унія», хотя самъ Сигизмундъ-Августъ, главное дѣйствующее лицо, оказывался слабѣе всѣхъ прочихъ присутствующихъ, въ томъ числѣ польскихъ дамъ и польскихъ мужиковъ, представленныхъ очень драматично, правдиво и интересно.

Финляндская школа живописи не имѣетъ еще покуда своего особаго, самостоятельно обозначившагося характера. Лучшій ея представитель, Эдельфельдтъ, есть ничто иное, какъ совершенно офранцузившійся художникъ, талантливый и мастерской, но не представляющій ничего своего, даромъ, что онъ иногда беретъ и сюжеты финскіе. Его «Проповѣдь финскаго пастора на берегу озера» прекрасна по сюжету, но писана чисто по-французски, быть-можетъ, въ стилѣ Бастьенъ-Лепажа. Прекрасны также его «Прачки» (1893), «Похороны ребенка», «Финскіе рыбаки» и разныя другія полуфранцузскія картины. Зато его: «Явленіе Христа Магдалинѣ» (1890), изображенное посредствомъ двухъ личностей, банальнаго финна и банальной финики—возбуждаетъ очень неблагопріятныя чувства. Галленъ—есть художникъ талантливый по натурѣ и доказавшій то не разъ въ своихъ картинахъ, и особенно въ этюдахъ, напримѣръ: «Финскій мальчикъ, трубящій въ рогъ у лѣса, на полянкѣ, близъ озера», нѣкоторыя финскія этнографическія изображенія, украшавшія финляндскій павильонъ на парижской всемірной выставкѣ 1900 года, и многіе другіе. Но онъ пресвѣтъ талантливъ съ такимъ фанатизмомъ и эпитетомъ совершенно испорченнаго вкуса, что всѣ его картины, иллюстрирующія финскія народныя поэмы, легенды и сказки, кажутся произведеніями больного, вырвавшагося изъ сумасшедшаго дома. Такова, напримѣръ, его «Ужасная по безобразію Мать Лемминкяйнена», «Задача Сампо», «Портретъ матери» и т. д. Такова также картина его товарища и, повидимому, единомышленника, Іенсена, напримѣръ: «Эпизодъ изъ Калевалы». (Среди страннаго какого-то гористаго ландшафта, какой-то мальчикъ-герой, весь исковерканный, всаживаетъ ножъ въ дерево). Глядя на подобныя пьесы безобразія, можно, кажется, подумать, что талантливо вообще такъ не приходится во вкусѣ художниковъ, какъ въ Финляндіи. Отчего происходитъ такой странный фактъ, разгадать трудно.

53.

Что касается русскихъ декадентовъ, то они представляютъ собою еще болѣе удивительный, чѣмъ финляндцы, фактъ. Они ужасно преданы своему безумному и нелѣпому дѣлу, готовы лѣзть за него на стѣну и претерпѣть за него на свою спину какія угодно невзгоды со стороны здраваго смысла, даже пріять мученическій вѣнецъ, но все это только совершенно платонически, сами не совершивъ ровно ничего декадентскаго. Иностранные декаденты все-таки что-нибудь дѣлаютъ, русскіе ровно ничего, и только все разговариваютъ, пишутъ, спорятъ, но сами — ни съ мѣста. Нѣтъ русскихъ декадентскихъ картинъ на свѣтѣ. Если бы г. Врубель не написалъ своихъ двухъ или трехъ картинъ, своего декоративнаго панно «Утро», отъ котораго весь Петербургъ въ одинъ голосъ ахнулъ въ 1898 году, свой триптихъ «Судъ Париса», про который въ 1900 году никто уже не говорилъ, а только всѣ проходили мимо, пожимая плечами, если бы г. Малявинъ не написалъ въ 1899 году своихъ ужасныхъ «красныхъ бабъ», а въ 1900 году свой не менѣе ужасный и даже вовсе невѣроятный портретъ Рѣпина, то нечего даже было бы говорить про «картины» русскихъ декадентовъ—ихъ нѣтъ. Каракули, раскаряки и смѣхотворные боскеты г. Сомова въ счетъ не могутъ же идти. Это только невинныя дѣтскія шалости.

54.

Въ заключеніе, надо указать на то, что у насъ уже существуютъ женщины-художницы, и очень замѣчательныя. Въ началѣ 70-хъ годовъ стала издавать свои «силуэты» г-жа Е. М. Бёмъ, въ началѣ 80-хъ стала писать свои пейзажи г-жа Лагода-Шишкина, въ серединѣ тѣхъ же 80-хъ годовъ принялась за иллюстрированіе народныхъ русскихъ картинокъ Е. Д. Полѣнова. Всѣ три были талантливы, но въ совершенно разныхъ родахъ, и каждая изъ нихъ шла своею особенною и самостоятельною дорогой.

Г-жа Бёмъ взяла на свою долю русскій дѣтскій міръ, и изобразила цѣлую массу маленькихъ русскихъ индивидуумовъ изъ всѣхъ разнообразнѣйшихъ классовъ и сословій общества, отъ низшихъ крестьянскихъ, простыхъ, но милыхъ и интересныхъ, и до высшихъ, барскихъ, аристократическихъ. Они явились у нея во множествѣ, то поэтическихъ, то обыденныхъ, но всегда и оригинальныхъ сценъ жизни, гдѣ выражается ихъ душа, чувства, мысли, характеры, капризы, причуды, грація, шалости, милыя затѣи. Едва-ли не самымъ значительнымъ и талантливымъ, остроумнымъ и оригинальнымъ собраніемъ этихъ милыхъ существъ можно признать ея «Маленькихъ великихъ людей», въ ея книгѣ 1875 года: «Силуэты изъ жизни дѣтей». Вначалѣ г-жа Бёмъ рисовала свои многочисленныя и безконечно разнообразныя сценки въ видѣ силуэтовъ; впослѣдствіи она оставила этотъ способъ представленія, находя его неполнымъ, — и принялась за акварель, въ рисованіи которой она проявила много замѣчательнаго и симпатичнаго таланта. Лишь иногда, въ видѣ исключенія, можно было бы упрекнуть даровитую авторшу — въ нѣкоторой излишней «сладости» и «нѣжности» представленія.

Г-жа Лагода-Шишкина, еще будучи ученицей знаменитаго пейзажиста Шишкина, выказала большое и граціозное дарованіе; ея картины «Этюдъ лѣса» (1880) и «Тропинка» (1881) обѣщали въ ней замѣчательную пейзажистку, но къ несчастію она скончалась въ молодыхъ годахъ, успѣвъ кончить не много, но прекрасныхъ, очень живописныхъ видовъ русской природы.

Г-жа Полѣнова выказала талантъ истинно мужескій и мужественный. Она долго изучала складъ и бытъ русскаго народа, во время житья своего въ отцовскомъ помѣстьѣ, а потомъ, во время многочисленныхъ поѣздокъ по Россіи. Она много видѣла, читала, еще больше зарисовывала повсюду. Съ особливой любовью изучала и изображала она всяческіе русскіе предметы, рѣзные изъ дерева, покрытые характерными орнаментами: впослѣдствіи это познаніе русской древней рѣзьбы сдѣлалось одной изъ главныхъ основъ ея собственнаго творчества. Никто еще до сихъ поръ не иллюстрировалъ съ такою, какъ она, вѣрностью, знаніемъ и мастерствомъ русскій народный сказочный міръ, со всею прелестью и характерностью народной русской архитектуры.

костюма, бытовой обстановки и пейзажа. Первая (и единственная, къ несчастью) тетрадь ея сказокъ вышла въ 1889 году подъ названіемъ «Война грибовъ»; цѣлый рядъ иллюстрацій къ другимъ сказкамъ былъ сочиненъ и нарисованъ ею, но не нашлось для нихъ издателей, и эти прелестныя иллюстраціи остаются до сихъ поръ не напечатанными и не выпущенными въ свѣтъ. Сверхъ того, Е. Д. Полѣнова сочинила большую массу талантливыхъ рисунковъ русской мебели и утвари, получившей нынче большое распространеніе въ Россіи. Къ великому несчастію, въ послѣдніе годы своей жизни Е. Д. Полѣнова страдала тяжкими болѣзнями, разстроившими ея мощный духъ и свѣтлое понятіе, и мало-по-малу наклонившими ея вкусы въ сторону страннаго и несообразнаго декадентства.

Кромѣ этихъ трехъ главныхъ представительницъ, у насъ являлось, во второй половинѣ XIX вѣка, еще нѣсколько другихъ женщинъ-художницъ, по преимуществу, ученицъ Крамского и школы Общества поощренія художествъ: это были г-жи Михальцева, Гаугеръ, Врангель, Кочетова, и др., а также отдѣльная отъ этой группы г-жа Версилова-Нерчинская. Но ихъ было до сихъ поръ еще не много.

IV.

Музыка.

55.

Я высказалъ, въ самомъ началѣ настоящаго очерка, мое убѣжденіе, что архитектура и музыка—тѣ два искусства, которыя сильнѣе, богаче и шире всѣхъ остальныхъ расцвѣли въ теченіе XIX столѣтія. Здѣсь я прибавлю то, что мнѣ также кажется несомнѣннымъ—это, что музыка превзошла даже и архитектуру силой и шириной полета и могучестью достигнутыхъ средствъ. Мнѣ кажется, одна поэзія и литература могутъ съ нею равняться для нынѣшняго человѣка, по необходимости, по силѣ вліянія и по способности удовлетворять глубочайшія потребности его духа,—и это, безъ всякаго сравненія, въ гораздо большей степени, чѣмъ это когда-нибудь бывало на свѣтѣ.

Первая четверть XIX вѣка наполнена дѣятельностью и твореніями того музыканта, какого не являлось въ мірѣ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ музыка. Этотъ необыкновенный человѣкъ, Бетховенъ, наложилъ печать своей личности и своего мощнаго, необычайнаго почина, на музыку всего послѣдующаго столѣтія. А почему это такъ произошло? Потому, что Бетховенъ былъ не только великій музыкантъ, великій спеціалистъ и мастеръ по своему дѣлу, но музыкальнымъ средствамъ и способамъ своего искусства, а потому, что онъ былъ великій духъ, и музыка служила ему, по чудному выраженію другого геніальнаго человѣка нашего вѣка, Льва Толстого, только «средствомъ общенія съ другими людьми», средствомъ выраженія того, что наполняло его душу.

Бетховенъ былъ по рожденію и по могучему самовоспитанію, человѣкъ XVIII вѣка, былъ всею натурою своею — идеалистъ, пантеистъ, хотя родился и всю жизнь остался католикомъ. Какъ всѣхъ истинно великихъ людей XVIII вѣка, его наполняла постоянно мысль о значеніи міра, человѣческой жизни и исторіи. Его душой постоянно владѣло ненасытное, никогда не прерывающееся мечтаніе о томъ, что *есть* и что *должно бы* быть. Онъ рѣдко высказывалъ свои думы, но все-таки высказалъ людямъ около себя, что начало V-й симфоніи—это выраженіе того, «какъ судьба стучится въ жизнь человѣческую», что одинъ струнный квартетъ его выражаетъ чувство: «Должно ли это быть?—Да, это должно быть»; наконецъ, что «музыка должна высѣкать изъ души мужской, какъ огниво изъ кремня,— огонь, чувствительность же годна только для бабъ». Въ своей идеальности, онъ однажды вообразилъ, въ началѣ вѣка, что Наполеонъ разрушитель деспотизма на землѣ и великодушный водворитель свободы и счастья. Но когда увидѣлъ потомъ, насколько ошибся, онъ грустно написалъ величественный и трагическій похоронный маршъ «на погребеніе бывшаго великаго человѣка»— онъ погребалъ тутъ свои погибшія надежды и иллюзіи. А потомъ, что такое величайшее его созданіе, самое колоссальное изъ всѣхъ, его IX-я симфонія? Это — картина исторіи міра, съ изображеніемъ «народа», съ его жизнью, сутолокой, броженіемъ, энергіей дѣятельности и работы, съ ея безпокойствомъ, толкотней, войной, геройствомъ, пляской, но также съ райскими, загробными упованіями,—и все это кончается у него «одой къ свободѣ»: теперь давно уже доказано, что и Шиллеръ, и Бетховенъ разумѣли въ своемъ созданіи «Lied an die Freiheit», а не «Lied an die Freude». Вотъ какія были у Бетховена, въ продолженіе всей его жизни, задачи для созданій. Что могла составлять для него только одна музыка сама по себѣ, ея формы, ея красоты, даже ея величайшія совершенства? Этого всего ему было еще мало, ему надо было постоянно высказывать думы, заботы, треволненія своего великаго духа, свои взгляды на прежнее, свои устремленія къ свѣтлымъ солнечнымъ зарямъ впереди. Когда же что-либо подобное предназначалось для созданій музыки, когда кто-нибудь давалъ ей такую великую роль въ судьбахъ человѣчества? Бетховенъ совершенно измѣнилъ значеніе музыки: онъ возносилъ ее на такую высоту, на которой она еще никогда прежде не бывала, и до корня разрушалъ то прежнее понятіе, тотъ ограниченный предразсудокъ, что «музыка создана для музыки» (искусство для искусства), и что ничего другого отъ нея требовать не надо. Игра и звуки и формы, хотя-бы полные красоты, таланта, даже генія, отодвигались въ сторону, какъ праздная и безцѣльная забава и капризъ. Музыка становилась великимъ и серьезнымъ дѣломъ въ жизни человѣка, она выходила изъ пеленокъ и свивальниковъ, которыми долго была связана, возвращалась къ цѣли и назначенію народной пѣсни, къ лучшимъ страницамъ великаго Баха, геніальнаго провидца, еще 200 лѣтъ тому назадъ, тайнъ и глубинъ человѣческой душевной жизни, къ лучшимъ, истиннѣйшимъ страницамъ моцартовскаго колоссальнаго «Реквіема», стоящаго на границѣ реальной человѣческой жизни и бросающаго отчаянный безпокойный взглядъ въ какую-то другую, будущую жизнь. Бетховенъ уже обладалъ всею мощью и художественными средствами своихъ предшественниковъ, великихъ музыкантовъ прежняго времени, въ томъ числѣ и этихъ двухъ, но прибавлялъ къ нимъ новое настроеніе, новыя цѣли и новый свой матеріалъ, новыя свои формы. Бетховенъ создалъ новый оркестръ, въ сто разъ богаче, сильнѣе, гармоничнѣе и разностороннѣе прежнихъ, создалъ одну великую новую инструментальную форму—«скерцо», и сюда вложилъ новые музыкальные элементы XIX вѣка: юморъ, порывъ, страстность, безпокойство и неожиданныя устремленія. Въ эти новыя формы вошли безчисленныя, иногда наилучшія, талантливѣйшія музыкальныя произведенія новой Европы — но все-таки не въ новыхъ краскахъ и силахъ оркестра и не въ созданіи «скерцо» лежитъ главная великость и недосягаемость Бетховена: великость его — въ жизни и движеніяхъ его великаго духа. Онъ потомъ, въ таинственныя минуты создавательства, облекалъ ихъ въ формы колоссальнаго музыкальнаго искусства.

Бетховенъ первый починатель *программной* музыки. Онъ возвелъ ее на высокую степень выразительности, совершенства и красоты, и передалъ ее въ руки новому европейскому поколѣнію, своимъ наслѣдникамъ и продолжателямъ. Весь музыкальный міръ XIX вѣка живетъ — Бетховеномъ и разсчитываетъ его громадный клубокъ. Вначалѣ Бетховена туго и тупо понимало большинство, особливо цеховые музыканты и критики. Какъ всегда бываетъ съ великими и глубокими начинателями, его обвиняли въ отступничествѣ отъ хорошихъ добрыхъ преданій и законовъ, и, особенно, въ невѣжествѣ и необразованности. Позже, привыкли понемногу ко *второй* его манерѣ, уже вполнѣ самостоятельной и бетховенской, великой, грандіозной, глубокой и великански-могучей. Сюда принадлежали въ особенности: его III-я Героическая симфонія; прекрасная, но много уступающая ей, IV-я — рисующая явленія изъ душевной, личной жизни отдѣльнаго человѣка; V-я — съ великими, широкими, громаднонародными ликованіями въ финалѣ, послѣ мрачной и трагической 1-й части симфоніи; VI-я — пасторальная (идеальная, милая и счастливая идиллія), седьмая и восьмая — чисто народныя и наполовину могуче-воинныя, сообразно съ тѣмъ настроеніемъ,

которая была тогда наполнена Европа. Разумовскіе квартеты, его F-moll'ный квартетъ, огненное энергическое тріо B dur съ глубокимъ Adagio и нѣсколько великолѣпныхъ сонатъ, тоже программныхъ, какъ симфоніи. Опера «Фиделіо», принадлежащая къ этому же времени, мало могла удаться, потому что Бетховенъ, великій инструментальный симфонистъ и лирикъ-исполинъ, не имѣлъ никакой способности къ выраженію дѣйствительной, реальной жизни. Лучшія даже, сравнительно, мѣста оперы (дуэтъ, финалъ), вышли ораторны и формальны, хотя все-таки заключаютъ много красоты. Напротивъ, увертюра къ этой оперѣ — геніальна, какъ все симфоническое у Бетховена: это также созданіе программное, картина. Ко всѣмъ этимъ чудесамъ искусства Европа мало по малу привыкла, но зато тѣмъ рѣшительнѣе стала отнѣкиваться и отрекаться отъ созданій 3-го и послѣдняго періода Бетховенскаго творчества, созданій именно самыхъ великихъ и глубокихъ изо всего, что создано до тѣхъ поръ въ мірѣ въ музыкѣ. Это были: IX-я симфонія, многія части II-й мессы и послѣдніе квартеты. Тутъ начинались формы еще болѣе необыкновенныя, невиданныя и неслыханныя, рѣчи душевной мистики и глубины. За такое дерзкое, непозволительное беззаконіе, сѣрая масса прозвала Бетховена полусумасшедшимъ. Бетховенъ умеръ отвергнутый и непонятый. Но эти его послѣднія творенья сдѣлались для новой Европы великими скрижалями музыкальнаго творчества и завѣтомъ для новой, свѣтлой, лучезарной будущности искусства.

Въ послѣдніе годы его жизни, всѣ, и въ Вѣнѣ, и въ остальной Европѣ, бѣжали отъ Бетховена—къ итальянцамъ. Въ 20-хъ годахъ стояло на дворѣ время Реставраціи. Послѣ наполеоновскихъ ужасовъ, мрака и тревогъ, всѣ торопились дать нервамъ отдохнуть, стѣшили забавляться, жуировать, налегкѣ повеселиться. И эту задачу превосходно исполняла — итальянская опера со своею легковѣсною беззаботливостью, южной веселостью и увлеченіемъ. Теперь уже было не время для тяжелой и великой оперы Мегюля (понапрасну учившагося у Глюка), или для ея товарища, — куплетной, шансонетной оперы Буальдь, для академичной усыпительно-рациональной оперы Керубини, или для надутой реторики Спонтини: все это уже только надоѣдало и утомляло. Надо было что-нибудь легкое, цвѣточное и—банальное. Итальянцы со своими операми, пишущимися дюжинами, въ нѣсколько недѣль, и уже, приходились публикѣ, какъ перчатка по рукѣ, и Бетховенъ былъ оставленъ въ сторонѣ. Правда, среди сотенъ тысячъ итальянскихъ оперъ, бывали иногда такія, въ которыхъ слышался тамъ, южной жизни, истинной веселости, какъ напримѣръ въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» Россини (и самъ Бетховенъ, въ своемъ добродушіи, это провозглашалъ), но у публики разбора не было, и все итальянское, и хорошее и посредственное, и негодное, безбарное — восхищало и радовало.

56.

Но вотъ и здѣсь по Европѣ этотъ шумный, веселый, праздничный, нелѣпый, итальянскій карнавалъ съ рулядами вмѣсто confetti, нарождалась въ нѣмцѣ Германіи новая музыка, въ самомъ дѣлѣ снова художественная и значительная: музыка національная. Веберъ сочинялъ «Фрейшюца» и ставилъ его въ Берлинѣ. До тѣхъ поръ ни оперы, ни вообще музыки съ подобнымъ направленіемъ и настроеніемъ еще не бывало на свѣтѣ. Она была принята съ восторгомъ Европой, пробуждавшейся къ долго задавленной самостоятельности и національности. Національный колоритъ мѣстности и людей, замѣна прежнихъ героевъ и принцевъ простыми крестьянами, прежней напыщенности и лже-великости чувствъ — національными и ежедневными интересами, выраженіе народныхъ вѣрованій въ волшебное и сверхъестественное — все было у Вебера несравненно, чудно.

Бетховенъ.

Живописная и поэтическая сцена Волчьей Долины, одна изъ небывалыхъ еще въ оперѣ картинъ, глубокая, простая и сердечная задушевность чувства, все это измѣняло обликъ оперного міра и ставило этотъ міръ на новыя дороги правды и искренности. Послѣ громаднаго успѣха «Фрейшюца» и неуспѣха «Эврианты» (ставшей, впрочемъ, неожиданнымъ прототипомъ позже, для иныхъ оперъ Вагнера). Веберъ сочинилъ еще одну необыкновенно замѣчательную оперу, «Оберонъ», гдѣ, правда, многое было слабѣе и менѣе значительно въ сравненіи съ «Фрейшюцомъ», но гдѣ выступили, съ небывалой до тѣхъ поръ новизною, яркостью и очаровательностью, волшебный міръ эльфовъ и реальный міръ пестраго, живописнаго Востока. Оркестръ Вебера, новый и своеобразный уже и во «Фрейшюцѣ», подвинувшійся уже и тамъ далѣе могучаго Бетховенскаго оркестра, и открывшій новыя тонкія краски и плѣнительныя сочетанія, явился теперь въ «Оберонѣ» съ новыми завоеваніями и красотами, для выраженія прелестей сказочнаго міра крошечныхъ воздушныхъ существъ.

Но кромѣ высокаго опернаго своего творчества, Веберъ проявилъ крупное творчество и въ своихъ сочиненіяхъ для фортепіано. Онъ остался и здѣсь, какъ въ оперѣ, глубоко національнымъ германцемъ, и расширилъ область и средства фортепіано, даже въ сравненіи съ великимъ, несравненнымъ своимъ предшественникомъ, Бетховеномъ. Конечно, у него не было той глубины духа, который наполняетъ лучшія фортепіанныя созданія Бетховена (сонаты Cis-Moll, F-moll, C-Dur, и всю массу сонатъ, принадлежащихъ послѣднимъ годамъ его жизни), но многія изъ фортепіанныхъ сочиненій Вебера наполнены тѣмъ самымъ элементомъ драматизма, чувства и красоты, который отличаетъ его оперы. Веберъ далъ своему фортепіанному изложенію, — тѣ новыя формы, которыя были ему необходимы для его задачъ, еще болѣе и чаще «программныхъ», чѣмъ у Бетховена. Эти задачи у него уже не идеальныя, а чисто реальныя, и принадлежатъ къ сферѣ окружавшей Вебера современной жизни. Его «Concertstück» изображаетъ сцену прощанья жены съ уѣзжающимъ на войну мужемъ, или невѣсты съ женихомъ, торжество счастливой войны, возвращеніе мужа (или жениха) домой, радость встрѣчи — все вмѣстѣ, pendant къ Бетховенской сонатѣ «Les

adieux, l'absence et le retour», только съ прибавленіемъ мотива «войны» вмѣсто мирнаго и спокойнаго путешествія эрцгерцога Рудольфа австрійскаго pendant въ формахъ болѣе широкихъ, и съ выраженіемъ несравненно болѣе драматичнымъ и страстнымъ; «Aufforderung zum Tanz» изображаетъ блестящую бальную залу, встрѣчу двухъ влюбленныхъ, ихъ поэтическую, полную изящнаго чувства бесѣду, и потомъ проникнутый влюбленнымъ ихъ оживленіемъ танецъ.

Другой великій германскій музыкантъ XIX вѣка, жившій и творившій въ одно время съ Веберомъ — Францъ Шубертъ. Онъ умеръ въ молодыхъ еще годахъ, всего 31 года, но его созданія такъ разнообразны и многочисленны, и имѣли такое громадное вліяніе на все поколѣніе послѣдующихъ музыкантовъ, какъ это слишкомъ рѣдко встрѣчается въ исторіи музыки. Его сначала такъ мало оцѣнили и любили, что разные музыкальные издатели долго отказывались издавать его сочиненія, да даже и теперь далеко не всѣ они напечатаны. Самыя великія его созданія стали извѣстны много лѣтъ послѣ его смерти. Все это сдѣлало то, что его признавали, главнымъ образомъ, сочинителемъ романсовъ («Lieder»). Еще и теперь въ книгахъ, лексиконахъ, біографіяхъ и критикахъ говорятъ раньше всего объ этихъ «Lieder'ахъ», его самого называютъ «Lieder-componist» по преимуществу, и лишь въ лучшемъ разѣ упоминаютъ о томъ, что у него было «также» сочинено много прекрасныхъ инструментальныхъ вещей. Но это — великая ошибка и заблужденіе. Надо было бы говорить, что творчество Шуберта состояло, главнымъ образомъ, въ созданіи произведеній инструментальныхъ, но что у него было при этомъ, «также», много превосходныхъ сочиненій вокальныхъ, «Lieder'овъ». Францъ Шубертъ сочинилъ «Lieder'овъ» (романсовъ) свыше 400, въ томъ числѣ на тексты одного только Гете около 100 «Lieder'овъ». Въ этой массѣ, есть, конечно, нѣсколько созданій высокаго достоинства, таковы, напримѣръ «Erlkönig», «Doppelgänger», «König im Thule», «Gretchen am Spinnrade», «Morgenständchen» (по Шекспиру), «Ave Maria», «Am Meer», «Atlas», «Aufenthalt», «Wanderer», «Forelle», многое въ «Winterreise» и др. «Erlkönig», баллада въ средневѣковомъ волшебномъ складѣ, заключаетъ, правда, одинъ бросающійся въ глаза недостатокъ: «Лѣсной Царь» представленъ у композитора какимъ-то сладкогласнымъ, медовымъ, милымъ, ласкающимся старичкомъ, вмѣсто того лѣсного страшилища, которое должно до смерти пугать, оледенить ужасомъ маленькаго ребенка, но въ балладѣ прозвучалъ такой чудный талантъ 18-лѣтняго Шуберта, нарисовался съ такою картинностью изумительный ландшафтъ лѣса, скачка коня, трепетъ ребенка, наконецъ, смерть его, что невольно забываются недостатки, и остается въ воображеніи одно впечатлѣніе великаго дарованія: «Doppelgänger» — трагическая картина человѣка, пораженнаго потерею дорогого существа и мистически видящаго себя вдвойнѣ — подобныхъ поразительныхъ картинъ не создавало еще германское музыкальное искусство до Шуберта: онъ являлся тутъ безконечно новымъ и самостоятельнымъ. Даже слабые его «Lieder» (которыхъ не мало) всегда проявляютъ присутствіе значительнаго, самобытнаго дарованія. Листъ такъ былъ плѣненъ Шубертомъ, что въ юношескихъ годахъ называлъ его «самымъ поэтическимъ композиторомъ въ мірѣ». И все-таки, несправедливо находить главное значеніе Шуберта въ сочиненіи его «Lieder'овъ». Его инструментальныя созданія содержатъ несравненно болѣе таланта, а иныя — генія. Послѣ Шуберта, романсъ получилъ такое огромное развитіе у Шумана, Мендельсона, Листа, Роб. Франца, позже — у Грига и у русской новой музыкальной школы въ продолженіе послѣдняго 40-лѣтія, что Шубертъ иногда достигнутъ, а иногда даже и превзойденъ. Другую роль играютъ его инструментальныя сочиненія.

Веберъ

Высшія и совершеннѣйшія между инструментальными созданіями Шуберта полны таланта, до сихъ поръ никѣмъ не превзойденнаго, такъ что съ ними могутъ соперничать лишь величайшія созданія самого Бетховена. Но части инструментальной музыки, Шубертомъ сочинено очень много: цѣлая масса пьесъ для фортепіано, сонаты, варіаціи, живые энергическіе марши (въ 4 руки), мелкія пьесы «Moments musicaux» (имѣвшія огромное вліяніе на Шумана и др.), нѣсколько капитальнѣйшихъ струнныхъ тріо, квартетовъ и квинтетовъ, нѣсколько симфоній молодого времени, недоконченная чудесная симфонія H-Moll, зрѣлаго времени, но выше всего — его большая симфонія C-Dur, сочиненная Шубертомъ за немного мѣсяцевъ до смерти, и въ продолженіе 11 лѣтъ никому въ Европѣ неизвѣстная. Вѣнское Музыкальное Общество, которому Шубертъ послалъ ее въ 1828 году, отказалось исполнить ее, найдя, что она «слишкомъ трудна и слишкомъ длинна». Только въ 1839 году, Шуманъ, живя въ Вѣнѣ, нашелъ ее въ архивѣ Общества, пришелъ въ восторгъ отъ великихъ ея достоинствъ и научилъ Мендельсона исполнить ее въ лейпцигскихъ концертахъ. Только съ этихъ поръ она стала извѣстна музыкальному міру. Одиннадцать лѣтъ въ неизвѣстности! А она была истинно геніальна по вдохновенію, по силѣ, по порыву, по красотѣ, по выраженію «народности» и «народной массы» въ первыхъ трехъ частяхъ, и «войны» въ финалѣ. Настроеніе ея и содержаніе близко совпадаетъ съ содержаніемъ VII-й и VIII-й симфоній Бетховена: такова была тогдашняя эпоха и такова событія тре-

Шубертъ.

земной жизни, наполнявшей лучшихъ людей и художниковъ первой четверти XIX вѣка. Даже напревностнѣйшіе поклонники Франца Шуберта рѣшаются только скромно и осторожно замѣтить, что большая симфонія его—«значительнѣйшее сочиненіе со временъ Гайдна, Моцарта и Бетховена». Но иначе, кто понимаетъ, долженъ сказать, что за исключеніемъ одной только IX-й симфоніи Бетховена, представляющей собою въ музыкѣ вышину изъ вышинъ и глубину изъ глубинъ, симфонія Шуберта, по силѣ творчества и вдохновенія, никакъ не ниже ни одной изъ великихъ симфоній самого Бетховена,—не ниже не только его VII-й и VIII-й, но также III-й «героической» и V-й «патетической» симфоній. Эта C-Dur'ная симфонія, конечно, есть и навѣки будетъ однимъ изъ высшихъ музыкальныхъ созданій въ мірѣ.

57.

Покуда въ Германіи совершались всѣ эти великія дѣла, и появлялись первоклассные высокіе музыкальные создатели, во Франціи также происходили замѣчательныя музыкальныя дѣла, и появлялись значительные композиторы, правда, далеко не такого объема и значенія, какъ германскіе, но все-таки имѣвшіе большой вѣсъ и долженствовавшіе имѣть очень большое вліяніе на дальнѣйшую жизнь и расцвѣтъ музыки въ Европѣ.

Въ концѣ 20-хъ годовъ XIX вѣка Парижъ сдѣлался центромъ, гдѣ въ очень короткое время развилось и укрѣпилось созданіе новой европейской оперы. Какъ указано уже выше, новая опера народилась въ Германіи въ лицѣ Фрейшюца Вебера; но въ этой странѣ она не получила значалѣ дальнѣйшаго, большого развитія. У Вебера были только подражатели, вовсе не имѣвшіе его таланта, и потому не выразившіе ничего новаго. Во Франціи, напротивъ, нашлись истинные продолжатели. И, сначала, дѣло пошло въ предѣлахъ французской комической оперы. Буальдіэ и Оберъ, въ 20-хъ годахъ столѣтія, были наслѣдниками и послѣдователями французскихъ авторовъ конца XVIII и начала XIX вѣка, писавшихъ для театра что-то среднее между водевилями съ куплетами и оперетой. Но и Буальдіэ, и Оберъ не удовольствовались уже только старыми французскими образцами и ихъ итальянскими учителями и оригиналами: Чимарозой, Паэзіелло со множествомъ другихъ. Они брали себѣ теперь въ образцы и въ учители нѣмецкихъ композиторовъ, всего болѣе Вебера, и повели дѣло дальше. Оберъ, композиторъ, впрочемъ, посредственный, оставилъ въ сторонѣ свой прежній родъ оперныго сочиненія, наполовину еще романсный (нѣсколько десятковъ оперъ), и, укрѣпленный изученьемъ нѣмецкихъ, написалъ вдругъ въ 1828 году оперу «Фенеллу», которая произвела настоящій переворотъ въ оперномъ творчествѣ, заполонила всю музыкальную Европу, и настроила ее на новый ладъ. Теперь эта опера не имѣетъ почти уже какое прежняго своего значенія, и мало можетъ интересовать современнаго человѣка, такъ какъ ея музыкальныя формы сплошь сосмѣсны, и состоятъ часто изъ жидкихъ романсовъ и куплетовъ, но при своемъ появленіи она производила сильнѣйшее впечатлѣніе и своимъ итальянскимъ пейзажемъ въ фонѣ всей оперы, своимъ изображеніемъ опредѣленной, ярко обрисованной національности, и появленіемъ, впервые, массы народа въ видѣ живой, самостоятельной, дѣйствующей личности—имѣетъ прежнюю свою значенія, только *хора*, техническаго—музыкальнаго, безличнаго и ничтожнаго, въ пастушескихъ сценахъ, даже-историческихъ или даже-бытовыхъ оперъ Мегюля, Спонтини, Керубини и другихъ. Поражаетъ народъ на сценѣ, съ его чувствами, ожиданіями, интересами, соотвѣтствующими общему настроенію Европы того времени, не только политическому, но и умственному. Опера эта была, впрочемъ, являлась дорогою, исполненною пошлостью. Изобиліе всего прежнихъ и нынѣ-отвлеченныхъ, дѣйствительно-пустыхъ и мало-содержательныхъ условностей, теоретическихъ, которыя сдѣлали иногда у Моцарта выразительнѣйшія, по примѣру Вебера, дѣйствительно-жизненную, реальную [illegible] характеры и личности, стремленіе [illegible] имѣть сочиненіе [illegible] и проч. являлось [illegible] въ оперѣ. Но это встрѣчено было съ живою радостью и признательностью, несмотря на то, что исполненіе такихъ прекрасныхъ намѣреній не всегда осуществлялось съ требующимся для того большимъ и разнымъ талантомъ. Талантъ Обера былъ настолько не великъ и не силенъ, что послѣ «Фенеллы» онъ уже не въ состояніи былъ сочинить что-либо сей равное или высшее, и слѣдующія оперы его были всѣ уже слабѣе, или прямо мало удачны («Фра-Діаволо», «Черное Домино», «Королевскіе бриллианты»), хотя и представляли иногда, въ разныхъ отдѣльныхъ частяхъ своихъ, подробности довольно замѣчательныя. Такъ, напримѣръ, иныя характернѣйшія части во «Фра-Діаволо» послужили до нѣкоторой степени образцами для самого Мейербера.

Но тотчасъ, въ самомъ началѣ, у Обера нашлись подражатели. Первымъ былъ Россини. Въ 1829 году онъ поставилъ на парижской сценѣ «Вильгельма Телля» и, притворившись, съ итальянскою ловкостью и подражательностью, искреннимъ поклонникомъ новаго французскаго рода, заслужилъ великіе лавры своею эклектическою мозаикой изъ чего-то итальянскаго, по прежнему сахарно-мелодическаго и безличнаго, чего-то будто бы страстнаго и реторическаго по-французски, и чего-то будто бы нѣмецкаго—пейзажа, слегка перенятаго отъ Бетховена и Вебера. Но этотъ маскарадъ, запискивавшій благоволенія парижской публики, не только не принесъ вреда дѣлу, но еще помогалъ его дальнѣйшему ходу. Новая европейская публика училась отвыкать, понемножку, отъ недавнихъ оперъ съ руладами и трелями, и искать въ оперѣ чего-нибудь получше, подѣльнѣе и похудожественнѣе.

Нашлись, вскорѣ потомъ, и другіе подражатели: Герольдъ, Галеви, тоже съ дарованіями небольшими, но направленными къ изображенію живыхъ національностей, живой природы, живыхъ людей, живыхъ событій и сценъ, въ своихъ старательныхъ, иногда съ искреннимъ выраженіемъ чувства, страсти и разнообразныхъ движеній душевныхъ операхъ («Цампа», «Жидовка»).

Но настоящей вершиной всего этого развитія музыкальной драмы явились оперы Мейербера. Въ операхъ этого музыканта соединилось и впервые выразилось въ полной силѣ все то, чего искала и чего никогда вполнѣ не добивалась до него новая оперная школа. У нея не было достаточно для этого дарованія. У Мейербера было, напротивъ, дарованіе громадное, оригинальное и необыкновенно сильное. Онъ очень хорошо видѣлъ и понималъ, что теперь нужно для современнаго человѣка въ оперѣ: все то, что онъ получаетъ на сценѣ изъ рукъ литературной драмы: интересъ жизненный, современный, историческій, умственный, душевный: интересъ личностей, характеровъ и событій. Современный театръ французскихъ романтиковъ: Виктора Гюго, Александра Дюма, Делавиня, Виньи и проч., не только глубоко заинтересовывалъ, но поражалъ и уносилъ зрителей силою страстей, событій, положеній, дѣятельности дѣйствующихъ людей, ихъ порывовъ и столкновеній. Мейербер видѣлъ, что все это нужно и въ оперѣ, вотъ онъ со своимъ великимъ талантомъ и далъ это все на музыкальной сценѣ. Его техническое умѣнье равнялось его таланту,—онъ получилъ свое прочное, глубокое художественное образованіе въ Германіи, гдѣ прожилъ первую половину своей жизни и былъ товарищемъ и соученикомъ Вебера. Но, сорока лѣтъ, онъ оставилъ въ сторонѣ всѣ свои прежніе образцы и оригиналы, какъ нѣмецкіе (тяжеловѣсныго Шпора съ его «Фаустомъ» и «Лессондой», и даже самого Вебера), такъ и итальянскіе,—онъ бросилъ въ сторону всѣ свои прежнія многочисленныя оперы, итальянско-нѣмецкія, и, перѣхавъ въ Парижъ, далъ на парижскомъ театрѣ, въ 1831 году, своего «Роберта-Дьявола», составляющаго великое событіе въ музыкальномъ мірѣ, а спустя пять лѣтъ, въ 1836 году «Гугеноты», истинный вѣнецъ и значительнѣйшее проявленіе своего творчества. Въ этой послѣдней оперѣ онъ выразилъ всю свою натуру и весь свой великій трагическій, потрясающій талантъ. Колоссальный, чудесно-колоритный оркестръ (впрочемъ, возникшій подъ вліяніемъ Вебера, Мендельсона, и особливо Берліоза), и драматическіе хоры, получившіе небывалый прежде трагизмъ и значеніе, и патетическіе глубокіе моменты (Валентина и Марсель—Валентина и Раулъ), все было у него ново и неслыханно. Всѣ слѣдованія затѣмъ оперы Мейербера были уже слабѣе и без-

цвѣтнѣе этой и только по частямъ напоминали силу, энергію и живописное творчество Мейербера. Въ «Пророкѣ» все еще наиболѣе осталось прежняго Мейербера, но и то въ частяхъ «декоративныхъ»: сцена коронаціи въ Реймскомъ соборѣ, характеристика фанатиковъ-анабаптистовъ, восходъ солнца съ побѣдною пѣсенью. «Динора», «Африканка» и другія — все это уже оперы слабыя, не дающія понятія о прежнемъ Мейерберѣ.

Послѣ долгихъ лѣтъ славы и чествованія, громадная репутація Мейербера въ послѣднія десятилѣтія значительно умалилась, всего болѣе вслѣдствіе постоянныхъ нападеній и упорныхъ преслѣдованій Мейербера сначала со стороны Шумана, а потомъ Рихарда Вагнера. Но это была великая ошибка и прегрѣшеніе современной Европы. Отказываясь въ очень значительной долѣ отъ Мейербера, Европа безумно урѣзывала у себя одинъ изъ существеннѣйшихъ членовъ своего художественнаго организма, она легкомысленно отступала отъ одного изъ самостоятельнѣйшихъ и сильнѣйшихъ талантовъ своего XIX вѣка. Конечно, надъ Мейерберомъ по всей справедливости тяготѣютъ многіе большіе, несмываемые и глубоко заслуженные упреки: онъ часто шелъ въ угодники невѣжественной, грубой и поверхностной толпы, онъ часто потакалъ ея сквернымъ вкусамъ, онъ часто жертвовалъ своимъ талантомъ для того, чтобы заслужить недостойные лавры успѣха и денегъ, онъ засорялъ свои оперы банальной чертовщиной, возстаніями изъ гробовъ, катаньями на конькахъ, пожарами, эффектной стрѣльбой, отравленными деревьями и всяческой бутафорщиной, онъ подкрѣплялъ плоскую наклонность сѣрой массы къ итальянской, антихудожественной, условной музыкѣ, такимъ напр. соромъ, какъ арія «Grâce» въ «Робертѣ», арія пажа и королевы въ «Гугенотахъ», и подобными же жалкими вещами, вездѣ и повсюду онъ выбиралъ мелодраматическіе эффекты (напр. мать, отказывающаяся въ трагически натянутую минуту отъ сына), но при всемъ томъ онъ принесъ въ оперу великія сокровища, прежде невиданныя и нетроганныя: историческій духъ эпохъ и событій, картины народной и національной жизни, глубоко-вѣрно воспроизведенныя въ мастерски выкованныхъ музыкальныхъ формахъ физіономіи людей, характеры цѣлыхъ массъ ихъ, народныя обожанія и страсти, народныя бѣдствія и страданія, великія драмы борьбы, несчастій и торжествъ, любовь, фанатизмъ, мечты славы, энергію самоотверженія, элегантность, грацію, тонкую красоту, нѣжность чувства. И вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, Мейерберъ рисовалъ въ своихъ операхъ такія картины природы, восходящее лучезарное солнце, тихій ниспускающійся вечеръ — и на его фонѣ несравненную средневѣковую литанію Мадоннѣ, веселый зимній день, мрачную страшную ночь на кладбищѣ — чудные образцы которыхъ встрѣчались до тѣхъ поръ только у величайшаго изъ музыкантовъ, Бетховена и его близкихъ послѣдователей, Вебера и Франца Шуберта.

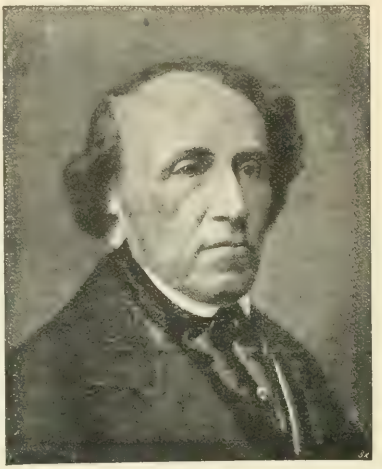
Россини.

Едва ли не всѣ оперные композиторы западной Европы, французы и нѣмцы, подпадали постоянно и наполно, подъ вліяніе Мейербера — между первыми Галеви, Гуно, даже Бизе, между вторыми Лахнеръ, Лорцингъ, Флотовъ, Николаи, Гольдмаркъ (да даже, наконецъ, и Вагнеръ, его такъ ненавидѣвшій и презиравшій), но ни одинъ изъ нихъ никогда не достигъ ни его трагической силы, ни оперлнія его народныхъ массъ, ни исторической картинности, ни выраженія такихъ разносторонныхъ и глубокихъ душевныхъ моментовъ, какіе мы встрѣчаемъ у Марселя, Валентины, Рауля, могучей Фидесы и ея слабаго безцвѣтнаго сына — пророка.

Казалось-бы, достигнутая степень совершенства, завоеванное громадными усиліями торжество надъ заблужденіями, ошибками, недомысліемъ прежнихъ людей, водвореніе здоровыхъ понятій, свѣтлыхъ взглядовъ, должны были бы застраховывать новѣйшихъ людей отъ всего, что было прежде дурного и ложнаго; казалось бы, рядомъ съ совершеннымъ и превосходнымъ, невозможнымъ становится повтореніе стараго, и немыслимъ возвратъ того, что упразднено было новыми свѣтлыми явленіями. Ничуть не бывало! Человѣкъ такъ странно созданъ, что для него, очень часто, если не всегда, и новое превосходное — прекрасно, драгоцѣнно и мило, но и прежнее, заслуженное и казненное, продолжаетъ жить. Сначала оно немножко полежитъ, будто мертвое, но потомъ поднимется съ поля сраженія, поползетъ, втихомолку подкрадется, расправитъ лапы, суставы и длинныя щупальцы — и скоро уже опять сидитъ, живетъ и царствуетъ на прежнихъ тронахъ. Такъ было въ первую четверть XIX столѣтія — великій, серьезный, глубокій Бетховенъ былъ побѣжденъ легонькимъ, подсвистывающимъ, распѣвающимъ Россини — такъ было потомъ опять и во вторую и во всѣ другія четверти XIX вѣка. Новая, правдивая, глубокая опера, водворенная Веберомъ и развитая до высокой степени могучести и красоты Мейерберомъ, должна была уживаться съ оперой фальшивой, искусственной, условной, и въ доброй части безумной, нелѣпой и безвкусной, какою всегда была, есть и будетъ опера итальянская. Но своей безпредѣльной банальности, эта послѣдняя приходится на руку всякой антихудожественнѣйшей и прозаичнѣйшей натурѣ: этой-то именно всего болѣе и соотвѣтствуетъ, всего болѣе нужна и драгоцѣнна она. Такъ было и на этотъ разъ. Россини, скандализированный успѣхомъ «Роберта», а тѣмъ болѣе признаннымъ величіемъ «Гугенотовъ», ушелъ съ оперной сцены, отряхая пыль съ башмаковъ своихъ, и повторяя на всѣ стороны, что не воротится назадъ, пока не кончится жидовскій шабашъ — такъ онъ больше для театра и не писалъ. Но Беллини и Доницетти и не думали уходить куда-нибудь, и торжественно засѣдали, осыпанные лаврами и червонцами, на своихъ треножникахъ. На что имъ было уходить, когда сотни тысячъ людей захлебывались отъ восторга и обливались горючими слезами отъ банальныхъ, сентиментальныхъ, каленныхъ «Сомнамбулъ», «Пуританъ» и «Нормъ», отъ слезливыхъ, безвкусныхъ, трафаретныхъ «Лючіи», «Анны Болейнъ» и «Лиціи».

Многіе итальянскіе художники удивительно какъ любятъ примѣняться къ заказчикамъ и публикѣ, и превосходно умѣютъ попадать по этой части въ тактъ. Это всегда такъ было, въ особенности съ музыкантами. Въ началѣ XIX вѣка, Спонтини и Керубини, когда имъ понадобилось переѣзжать изъ Италіи въ Парижъ, тотчасъ приспособились къ французскимъ вку-

самъ и театру, и кали, что требовалось на покой квартиры: Спонтини — военно-фанфарную и славящую Наполеона оперу «Весталка» (1806), военно-захватывательную оперу Фернандо Кортецъ» (1809), а Керубини — реторически-раздирательную «Медею» (1797) и буржуазно-добродѣтельнаго «Водовоза» (Les deux journées, 1800). Около 20-хъ годовъ, когда тотчасъ послѣ «Фрейшюца» пошли въ моды нѣмцы и нѣмецкая музыка, Буальдьо и Оберъ (объ этомъ уже говорено выше), какъ умѣли, поддѣлывались и присосѣживались — къ Веберу, а Россини — даже къ Бетховену: въ тридцатыхъ годахъ, вслѣдъ за торжествомъ Роберта, Беллини и Доницетти, сколько способны были, принюхивались къ Мейерберу и старались что-нибудь да производить въ его духѣ, повысить по ново-европейски свои произведенія. Они даже кое-чѣмъ побрались у самого Бетховена: такъ напримѣръ, теперь уже явно замѣчено, что хоръ друидовъ въ «Нормѣ», столько всегда всѣмъ нравившійся, есть жиденькое эхо начала знаменитой Cis-Moll'ной сонаты Бетховена. Позднѣе, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, Верди пробовалъ поучиться кое-чему у Вагнера. И, конечно, всѣ эти старанія и усилія были совершенно напрасны. Пословица говоритъ: «Ученаго учить — только портить». Къ чему итальянцамъ смотрѣть на какихъ бы то ни было старыхъ или новыхъ авторовъ, когда они и такъ милы всѣмъ, когда они и такъ нравятся, когда они и такъ гипнотизируютъ массу, когда они такъ близко и родственно приходятся по ней, когда они одни только ей и нужны? Но только обидно и больно видѣть, что никакое истинное, здоровое, чистое, талантливое искусство ровно ничего не измѣняетъ во вкусахъ и понятіяхъ толпы: она какъ будто ими наслаждается, понимаетъ и оцѣниваетъ, но каждую минуту бѣжитъ отъ нихъ, и страстно цѣлуетъ и обнимаетъ какихъ-то нищихъ духомъ, лохмотницъ-старухъ, уродливыхъ, изнѣженныхъ болѣзнями, отвлекающихъ, и ими счастлива.



Мейерберъ.

Мнѣ могутъ указать на комическую оперу. «А что же про нее надо сказать?» спросилъ бы можетъ-быть кто-нибудь. «Неужели она одного и того же поля ягода съ прочей итальянской оперой? Ежели фальшивы, ненужны и праздны тѣ «высокія» чувства, которыя возбуждаетъ драматическо-лирическая итальянская опера, то неужели столько же праздны, фальшивы и ненужны тѣ чувства веселости, беззаботной радости и довольства, которыя возбуждаетъ итальянская комическая опера? Неужели итальянскіе комическіе композиторы столько же мало стоятъ, какъ и трагическіе?» — Я бы отвѣчалъ на подобные вопросы такъ: Всѣ вообще мнѣ кажется безусловнымъ, несомнѣннымъ и произвольнымъ — называть комическій элементъ въ особенный родъ сознанія драмы и комедіи: идутъ въ жизни вмѣстѣ, и въ искусствѣ должно существовать то же самое. Но если уже живутъ въ искусствѣ (пусть по поры по времени) этотъ капризъ и эта странность, и ихъ надо сносить, то мнѣ кажется, есть [illegible] жизни, правды и искренности въ оперѣ итальянской (и тоже и французской прежняго времени) комической чѣмъ въ трагической итальянской (а тоже и французской). Такъ было уже и въ XVIII вѣкѣ, во времена Чимароза и Паэзіелло, а тѣмъ болѣе, оно такъ и въ наше время, въ XIX вѣкѣ. «Севильскій цирюльникъ», «Сорока-воровка», «Чеперентола», «Любовный напитокъ», «Донъ-Паскуале», и вся масса французскихъ комическихъ оперъ и оперетокъ, не взирая на всѣ свои убожества и недочеты, въ тысячу разъ болѣе значатъ, чѣмъ всѣ «Семирамиды», «Танкреды», «Отелло», «Вильгельмы Телли», «Нормы», «Сомнамбулы», «Пираты», «Пуритане», «Лючіи», «Липды», «Лукреціи Борджіа» и проч. Царствующая въ нихъ веселость, смѣшливость, забавность, чистая принадлежность южнаго темперамента, онѣ прямо лежатъ въ характерѣ южанина, помимо всякаго таланта и художества. Не говорилъ ли самъ Бетховенъ, про талантливѣйшаго изъ итальянскихъ комиковъ, Россини: «А въ немъ все-таки есть кое-что. Если бы его хорошенько поучить, да посѣчь, вѣрно изъ него что-нибудь да и вышло бы». Это Бетховенъ говорилъ по поводу «Севильскаго цирюльника». Конечно, онъ никогда не сказалъ бы ничего подобнаго по поводу «Семирамиды», или «Танкреда», или «Вильгельма Телля».

58.

Покуда происходило во Франціи, складывалось, росло и крѣпло значительное движеніе въ области оперы, подобное же параллельное движеніе нарождалось, въ той же Франціи, въ области инструментальной музыки. Ни въ продолженіе всего предыдущаго, XVIII вѣка, ни во всю первую четверть XIX вѣка, не являлось во Франціи особенно замѣчательнаго, особенно талантливаго инструментатора. Но въ началѣ второй четверти этого вѣка, явился французскій музыкантъ, который какъ бы наверсталъ все потерянное время и разомъ сдѣлалъ такіе громадные шаги, что вознаградилъ свое отечество за долгіе годы безплоднаго недочета.

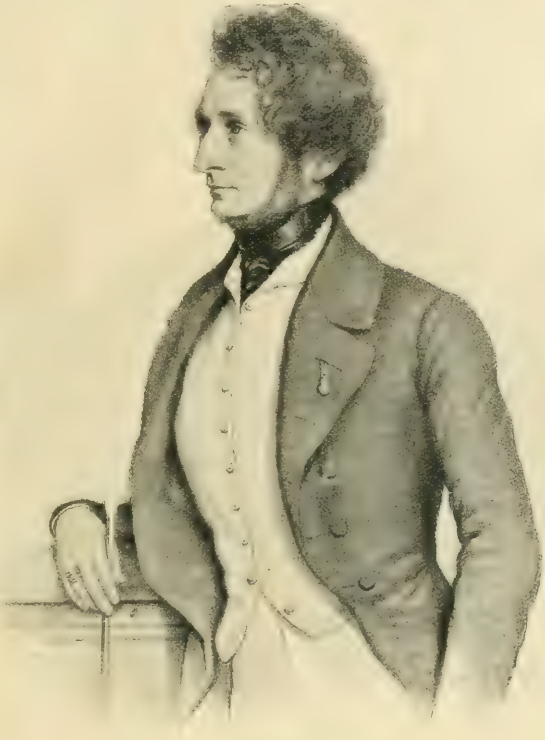
Это былъ Берліозъ.

Верди.

Берліозъ представлялъ собою удивительную смѣсь качествъ совершенно противоположныхъ: силы геніальной и слабости истинно изумительной.

Сила Берліоза состояла въ томъ, что онъ одаренъ былъ великою способностью понимать все поэтическое и великое въ природѣ, въ людяхъ, въ созданіяхъ искусства; что у него была великая потребность выражать свои чувства, мысли, ощущенія, въ формахъ художества; и что онъ, никогда не останавливаясь, совершалъ это, со всѣмъ доступнымъ ему мастерствомъ, въ продолженіе всей своей жизни; наконецъ, въ томъ, что, для выполненія своихъ цѣлей, онъ создалъ новыя музыкальныя формы и новый оркестръ, воспѣтіе потомъ, какъ драгоцѣннѣйшее достояніе, въ жизненный составъ выросшаго подъ его творческой рукой искусства. Слабость же Берліоза состояла въ множествѣ предразсудковъ прежняго и новаго времени, отъ которыхъ онъ никогда не могъ отдѣлаться, и которые мѣшали ему, постоянно, сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ по богатой натурѣ своей въ состояніи былъ бы, повторимому, сдѣлаться. Въ юности онъ воспитался на клас-

сикахъ литературы и музыки, на «Энеидѣ» Виргилія, на операхъ великаго Глука и малаго Спонтини, вовсе ему не свойственныхъ, воспитался на ихъ идеализмѣ, лже-античности и парадной декламаціи. Отъ этого-то онъ и въ концѣ жизни своей сильно хлопоталъ о сочиненіи, а потомъ постановкѣ своей оперы «Троянцы», тогда какъ не имѣлъ никакой способности къ оперѣ вообще, и къ античной въ особенности. Позже, онъ узналъ Шекспира, Байрона и Гёте, восхитился ими, и вообразилъ себѣ, что слѣдуетъ по ихъ стопамъ и будетъ воплощать ихъ въ музыкѣ, но глубоко ошибался, и не видѣлъ, что сочиняетъ музыку въ формахъ того самого «романтическаго» искусства, которое царствовало вездѣ вокругъ него, въ «юной Франціи» 20-хъ и 30-хъ годовъ. Это «романтическое», модное искусство требовало изображенія всяческихъ ужасовъ, галлюцинацій, казней, палачей, ада и рая, небесныхъ видѣній и преисподнихъ ужасовъ, опіумовъ, ядовъ, монаховъ, разбойниковъ, убійствъ, неистовыхъ страстей — и Берліозъ спѣшилъ изображать все это, съ горячностью и необузданнымъ стремленіемъ 20-лѣтняго юноши. Результатами этихъ годовъ были его фантастическая симфонія «Эпизодъ изъ жизни художника» (1829) и «драматическая симфонія Буря» для хора и оркестра (1829), на сюжетъ драмы Шекспира, вошедшая скоро потомъ въ его «лирическую монодраму Леліо, или возвращеніе къ жизни», для соло, хора и оркестра (1832). Тутъ были собраны вмѣстѣ всяческіе романтическіе ужасы, самоотравленіе безнадежно влюбленнаго музыканта, его опіумныя видѣнія: шествіе на казнь, пляска и оргія шабаша, — потомъ возвращеніе отъ этихъ видѣній къ жизни. Все это были глубокія ошибки и заблужденія. Берліозъ вообще еще не сознавалъ настоящей своей натуры, его только увлекали бушевавшія и бурлившія въ немъ, по тогдашнему символу вѣры, страсти, и онъ только злоупотреблялъ своими силами и растрачивалъ ихъ попапрасну. Но въ 1833 году онъ женился на англійской трагической актрисѣ Генріеттѣ Смитсонъ, долгомъ предметѣ его страсти, и онъ началъ мало-по-малу успокаиваться и приближаться къ выраженію настоящей своей натуры. Въ 1834 г. была кончена его симфонія «Гарольдъ въ Италіи», на сюжетъ Байрона, съ соло для альта, по требованію знаменитаго скрипача Паганини (который ему подарилъ потомъ, въ 1838 г., 20,000 франковъ — будто бы отъ восхищенія талантомъ Берліоза, а, какъ позже оказалось, по совѣту Жюль-Жанена, для поправленія въ Парижѣ репутаціи Паганини, пострадавшей отъ разныхъ обвиненій). Въ этой симфоніи, уже было гораздо меньше безуметвующаго «романтизма», и онъ тутъ представленъ только довольно цѣльной «оргіей разбойниковъ». Въ 1837 г. Берліозъ исполнилъ въ соборѣ инвалидовъ свой «Реквіемъ», по романтическаго здѣсь уже окончательно ничего не было, и только употреблены были громадныя, отроду еще нигдѣ не виданныя и не слыханныя оркестровыя средства, для изображенія картинъ загробной жизни, впрочемъ ничуть не чудовищныя сами по себѣ (16 трембоновъ, 16 трубъ, 5 офиклейдъ, 12 валторнъ, 8 паръ литавръ и т. д.). Въ 1839 г. была сочинена Берліозомъ драматическая симфонія съ хорами «Ромео и Джульетта», по Шекспиру; въ 1846 г. его легенда La damnation de Faust (Проклятіе Фауста); въ 1849 — его «Te Deum» для трехъ хоровъ съ оркестромъ и органомъ; въ 1854 — трилогія «L'Enfance du Christ», въ 1858 — опера «Троянцы». Ни во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, ни въ его увертюрахъ: «Уверлей» и «Робъ-Рой» (по романамъ Вальтеръ-Скотта), «Les Francs-Iuges» (судьи тайнаго судилища), «Король Лиръ», «Корсаръ» (по Байрону), «Римскій карнавалъ», ни въ нѣсколькихъ его кантатахъ и балладахъ, нигдѣ никакихъ ужасовъ и неистовствъ болѣе и слѣда нѣтъ. Берліозъ будто остепенился, возмужалъ и мало-по-малу пришелъ къ выраженію настоящей своей художественной физіономіи.



Берліозъ.

А въ чемъ состояла его художественная физіономія? Это, мнѣ кажется, всего лучше и вѣрнѣе высказалъ однажды нашъ Глинка, въ своихъ «Запискахъ». «Въ Парижѣ мнѣ сочиненія Берліоза нравились, — говоритъ онъ, особенно въ фантастическомъ родѣ, какъ-то: скерцо «la Reine Mab», изъ Ромео и Юліи, «la marche des pélerins» изъ «Гарольда», «Dies irae и «Tuba mirum spargens sonum» изъ его «Реквіема». Что можетъ быть вѣрнѣе и полнѣе этихъ немногихъ словъ? Но это уже привилегія геніальнаго человѣка: понять всю суть чужого великаго созданія однимъ взглядомъ, до самыхъ корней, и потомъ выпукло выразить это въ какой-нибудь парѣ словъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничего нѣтъ выше въ творчествѣ всего Берліоза, какъ способность схватывать живописность и поэтичность внѣшнихъ явленій, и талантливо рисовать ихъ линіями и красками своей музыки. Берліозъ всегда воображалъ про себя, что его удѣлъ — грандіозныя, колоссальныя, потрясающія картины à la Микель-Анджело, и для этого онъ накоплялъ безконечно-громадныя силы оркестра. Но это было совершенно ненужно, это было самообманъ и ошибка. Никакихъ громадныхъ міровъ и картинъ онъ никогда не нарисовалъ, тутъ были только напрасныя потуги и усилія. Напротивъ, ему всего свойственнѣе было живописать міръ кроткой, тихой красоты и милой граціи и, выше всего этого, міръ волшебный, самый крошечный, микроскопическій, сверхъестественный и фантастическій. Для этого не надо было никакихъ необычайныхъ оркестровыхъ громадъ. Царица Мабъ, носящаяся въ воздухѣ на крыльяхъ бабочекъ и свѣтящаяся въ лучѣ солнца; капельные сильфы, пляшущіе и хоронящіеся на цвѣточкахъ; блуждающіе огоньки; картинка весны, дышащей граціозной жизнью и ароматами вокругъ Фауста въ минуту его пробужденія среди вешнерскихъ полянъ; картинка красивой итальянской природы, среди которой пляшется живописная толпа пилигримовъ; веселая и блестящая атмосфера бала, веселый карнавалъ на римскихъ улицахъ; поэтичная картинка природы, съ эоловой арфой, для Бури Шекспира; нѣтъ бури, прекрасныя по музыкѣ, но все-таки довольно умѣренныя по силѣ и выразительности (она шек

спировская, другая виргилієвская) — вотъ лучшія его созданія. Лишь страницы въ Реквіемѣ эффектны по внѣшнему впечатлѣнію, опять-таки какъ живописныя картины внѣшности, но не заключаютъ въ существѣ своемъ никакой колоссальной мысли, чувства и ощущенія, ничего потребальнаго и загробнаго. Къ такимъ задачамъ и темамъ Берліозъ былъ глубоко неспособенъ. Ни глубокаго религіознаго, ни какого-либо вообще мистическаго чувства у Берліоза въ натурѣ не было. Лучшія мѣста его высоко-талантливаго «Te Deum'a : «Tibi omnes» и «Judex crederis», чудесны по красотѣ и картинности, но глубокихъ душевныхъ волненій и потрясенія произвести не могутъ. Вступленіе къ Юности Христа — милая прелестная идиллія. Точно также душевная психологія, тайны и разнообразіе человѣческихъ характеровъ были ему вполнѣ неизвѣстны, и потому никогда не могла удаваться ему опера. Его Дидоны, Энеи, Бенвенуто Челлини, Беатрисы и Бенедикты — только неудавшіяся попытки, которыя никогда не имѣли, да вѣроятно и всегда впредь не будутъ имѣть никакого успѣха. Въ томъ авторскомъ ослѣпленіи, которое нерѣдко встрѣчается на свѣтѣ, Берліозъ именно воображалъ себя психологомъ и лирикомъ, и выше всего считалъ въ своемъ творчествѣ довольно плохое любовное аріозо своего Ромео, мечтающаго ночью въ саду. Какое заблужденіе! Берліозъ вездѣ продолжалъ быть симфонистомъ и оркестраторомъ. Въ итогѣ, Берліозъ былъ великій художникъ, великій поэтъ, великій музыкантъ, но совершенно въ другомъ характерѣ и съ совершенно другою физіономіею, чѣмъ онъ себѣ всю жизнь воображалъ.

Берліозъ воспитывался всего болѣе на Бетховенѣ и Веберѣ, страстно обожалъ ихъ, и явился прямымъ ихъ продолжателемъ. Еще юношей, онъ постоянно печаталъ массу фельетоновъ, которыми онъ старался познакомить съ Бетховеномъ французовъ, вполнѣ его игнорировавшихъ, и воодушевить ихъ къ пониманію его въ концертахъ консерваторіи, гдѣ его тогда начинали исполнять. Точно также онъ сильно хлопоталъ о водвореніи пониманія Вебера во Франціи, и для этого написалъ речитативы для «Фрейшюца», чудно оркестровалъ «Aufforderung zum Tanze». Но онъ рано высказалъ также и свою собственную натуру. Онъ водворялъ Бетховена и Вебера, но расширялъ и повелъ далѣе ихъ дѣло, создалъ новый оркестръ. Его точкой отправленія была IX симфонія. Конечно онъ никогда не достигъ ни глубины, ни ширины Бетховенскаго содержанія, потому что натура его была совершенно другая, и менѣе и бѣднѣе, чѣмъ у Бетховена, но онъ продолжалъ то, что начато было такъ геніально Бетховеномъ, принялъ отъ него, какъ завѣтъ и задачу — обращеніе симфоніи, а вмѣстѣ и всей вообще инструментальной музыки — въ программную. Онъ сдѣлался отцомъ и создателемъ новѣйшей программной музыки цѣлаго міра. Его починъ сталъ закономъ для всей новой музыкальной школы Европы. Потребность программной музыки существовала и давно — но Берліозъ ярко и рѣшительно ее высказалъ. Только сообразно со своею натурой, Берліозъ не захотѣлъ и не могъ брать себѣ темой оной только глубочайшіе историческіе и философскіе вопросы бытія и души, какъ это было у Бетховена. Онъ сталъ посвящать свои симфоніи изображенію разнообразнѣйшихъ картинъ и событій человѣческой жизни («Harold en Italie», «Romeo et Juliette», «Faust»). Онъ, конечно, не думалъ упразднить великія духовныя и душевныя всемірно-историческія задачи Бетховена: онъ ихъ обожалъ, онъ имъ поклонялся всѣмъ существомъ своимъ, онъ ихъ боготворилъ, но прибавлялъ къ нимъ еще новую половину, новый міръ, задачи всецѣвной, частной жизни отдѣльнаго человѣка, съ его поэзіей, мечтами, страстями, дѣлами и этимъ далъ великое новое широкое развитіе тому искусству, которому служилъ. Въ этомъ великая его заслуга.

Другая великая заслуга Берліоза — расширеніе средствъ и оттѣнковъ инструмента. Рожденный съ необычайнымъ чувствомъ музыкальнаго колорита, онъ гениально развилъ его на изученіи оркестра Бетховена и Вебера, отчасти и Мендельсона. Веберъ насѣдилъ и послѣдовательно, и создалъ новый оркестръ, громадный по размѣрамъ, громкій по силѣ, задушевный по красотѣ и полнотѣ, составъ, небывалый по тончайшимъ, эпическимъ, поэтическимъ краскамъ оркестръ Листа и Вагнера. Мейерберъ еще раньше этихъ двухъ послѣднихъ, раньше всѣхъ другихъ былъ безмѣрно обязанъ Берліозу и, конечно, не будь Берліоза, никогда не представилъ бы міру свои великія драматическія и историческія оперныя картины въ чудномъ убранствѣ красокъ, которое дастъ имъ такой великій блескъ и обаяніе.

У Берліоза было два товарища по искусству въ Парижѣ: Шопенъ и Листъ. Всѣ вмѣстѣ, они были люди трехъ различныхъ національностей: французъ, полякъ и венгерецъ, но всѣ трое были люди геніальнаго склада, всѣ трое были молоды и страстно влюблены въ свое искусство — и потому сошлись, среди пламенной, кипучей, несущейся вихремъ романтической Франціи 30-хъ годовъ. Натуры ихъ были совершенно разныя, но они этого еще не понимали тогда, и составляли могучій союзъ, для борьбы со всѣмъ устарѣлымъ, традиціоннымъ, наслѣдственнымъ. Ихъ дѣятельность была громадно-плодовита, дала великіе результаты, и лишь впослѣдствіи они разошлись въ разныя стороны, вслѣдствіе ярко обозначавшихся особенностей своихъ натуръ.

Всего менѣе было сходства и родства между Берліозомъ и Шопеномъ. Берліозу была совершенно чужда идея національности, онъ былъ идеалистъ и космополитъ въ музыкѣ, и ни единаго такта не написалъ на своемъ вѣку, который можно было бы назвать спеціально французскимъ. Шопенъ, напротивъ, представлялъ такое яркое, самостоятельное и высокоталантливое проявленіе національности, какого (кромѣ Вебера) нельзя болѣе представить до него въ музыкѣ. Шопенъ пріѣхалъ въ Парижъ 20-лѣтнимъ юношей, но уже вполнѣ опредѣлившимся и сформировавшимся въ своей натурѣ, и никакія восторгнія впѣшнія людей и событій ничего уже никогда не измѣнили въ его коренномъ складѣ. Долгая жизнь въ Парижѣ много ему прибавила (еще бы! онъ постоянно находился въ Парижѣ въ средѣ великихъ и разнообразныхъ талантовъ того времени, литературныхъ, художественныхъ, научныхъ, музыкальныхъ), многое въ немъ широко развила, но никогда ничего не попортила. Могучая нота польской національности, неисчерпаемая страстная привязанность къ своему отечеству, никогда не изсякала въ немъ и провела величавую, глубокую черту въ его созданіяхъ. Берліозъ, напротивъ, никогда ничего не понималъ въ судьбахъ своего отечества, и не принималъ никакого въ нихъ участія, и только сердечно прославлялъ обоихъ Наполеоновъ: I-го и III-го. Берліозъ зналъ всѣ музыкальные инструменты и геніально умѣлъ распоряжаться ими, какъ великій живописецъ-колористъ красками своей палитры. Онъ игнорировалъ одно только фортепіано (иначе, какъ инструментъ среди всѣхъ другихъ въ оркестрѣ), и никогда ничего не написалъ для него. Шопенъ, напротивъ, зналъ всего только *одинъ* инструментъ изъ числа всѣхъ существующихъ на свѣтѣ — фортепіано, и игнорировалъ всѣ другіе (даже его любимый инструментъ, віолончель, служилъ у него только аккомпаниментомъ въ его дуэтахъ, какъ весь остальной оркестръ — въ его концертахъ и проч.). Берліозъ имѣлъ всегдашнюю претензію на задачи громадныя, широкія, иногда безбрежныя, безпредѣльныя — Шопенъ, напротивъ — никогда. Онъ, повидимому, какъ будто довольствовался задачами и формами только маленькими, миніатюрными, на видъ даже какъ будто все только салонными. Берліозъ сочинялъ и симфоніи, и кантаты, и ораторіи, и громадные хоры, и «Реквіемы», и «Те-Деумы», — Шопенъ все только полонезы, мазурки, вальсы, ноктюрны, прелюдіи, impromptus, наконецъ сонаты, и никогда не сочинялъ ни одной симфоніи. Шопенъ былъ солистъ и виртуозъ, Берліозъ — никогда ни на чемъ не игралъ, кромѣ гитары и чекана. Шопенъ провелъ всю жизнь въ даваніи уроковъ (преимущественно дамамъ-аристократкамъ), Берліозъ никогда никого ничему не училъ. Таковы были громадныя черты несходства между Берліозомъ и Шопеномъ, и, однакожъ, было у нихъ также и нѣсколько чертъ сходства другъ съ другомъ. Оба были реформаторы въ своемъ дѣлѣ: оба совершенно измѣнили физіономію, характеръ, существо и средства того органа, который служилъ имъ для выраженія ихъ настроеній, чувства и мыслей. Берліозъ создалъ новый оркестръ, Шопенъ новое

фортепіано. Въ фортепіанномъ техническомъ дѣлѣ, для Шопена точкой отправленія служили всего болѣе Гуммель и Веберъ, но Шопенъ скоро оставилъ обоихъ далеко позади себя и водворилъ на страницахъ фортепіанныхъ композицій новый міръ, такой широкій и глубокій, какого прежде не было еще въ музыкѣ. Шопенъ былъ поэтъ индивидуалистъ и лирикъ: его внутренній міръ, съ его разнообразными, то мирными, тихими и граціозными, то взволнованными, бурными и трагическими событіями, сталъ являться у него въ формахъ чудной поэзіи, прелести и красоты. Не взирая на свои кажущіяся, миніатюрныя и ограниченныя формы, его прелюдіи, ноктюрны, этюды, мазурки, полонезы, impromptus, полны великаго и глубочайшаго содержанія, и всѣ они, кромѣ развѣ немногихъ, рѣдкихъ исключеній, столько же принадлежатъ къ области музыки «програмной», какъ и его великолѣпныя баллады (програмность которыхъ заявлена авторомъ посредствомъ самого заглавія). Въ «програмности» 2-й сонаты Шопена (B-Moll) не сомнѣваются даже самые упорные враги «програмной музыки». Знаменитый въ цѣломъ мірѣ «похоронный маршъ» этой сонаты, совершенно единственный въ своемъ родѣ, явно изображаетъ шествіе цѣлаго народа, убитаго горемъ, при трагическомъ перезвонѣ колоколовъ; быть можетъ еще болѣе необычайный по своей геніальности, самостоятельности и новизнѣ, финалъ этой сонаты— точно также изображаетъ, совершенно явно для каждаго человѣка, безотрадный свистъ и вой вѣтра надъ могилой потребеннаго. Все это точно столько же програмно, какъ баллады Шопена, изъ которыхъ однѣ имѣютъ характеръ рыцарскій, другія — сельскій, пасторальный, — или какъ 2-ое скерцо (B-Moll), изображающее, по предположеніямъ иныхъ, рядъ сценъ Дездемоны съ Отелло, или какъ 3-й impromtus (Ges), также рисующій граціозную сцену двухъ влюбленныхъ, женщины и мужчины, или какъ большой полонезъ (As-Dur), гдѣ нарисованъ отрядъ скачущей конницы, война, и звонъ, и громъ оружія, какъ 2-я и 15-я «прелюдіи», обѣ съ колоколами—картины испанскаго монастыря, монастырскаго сада, монашескаго шествія,— или, наконецъ, какъ обѣ мазурки C-Dur (ор. 24 и 56), представляющія изящныя картинки польской народной сельской жизни. Мудрено было бы опредѣлить «програмныя» намѣренія всѣхъ созданій Шопена, точно также какъ это трудно, а можетъ-быть, и совершенно невозможно сдѣлать съ большинствомъ созданій Бетховена. Шумана, Листа и другихъ, но, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ програмномъ намѣреніи едва ли не рѣшительно каждаго изъ нихъ. Шопенъ въ этомъ поступалъ какъ всѣ почти его товарищи по новому искусству, сочинялъ музыку «программную», но почему-то не желалъ объявлять, во всеобщее свѣдѣніе, содержаніе каждаго отдѣльнаго творенія. Онъ чувствовалъ потребность не играть только въ звуки и сочетанія, не творить однѣ музыкальныя выкладки, премудрыя, преглубокія, но ничего не содержащія. Ему надо было выражать свою душу, чувство, картины и событія своей внутренной, незримой для посторонняго люда жизни. Эта потребность была сильна и непобѣдима, и онъ ее удовлетворялъ страстными, обаятельными, чудесно увлекательными звуками и формами своего искусства. Глубокія думы о себѣ самомъ и о своемъ несуществующемъ болѣе отечествѣ, свои радости и отчаянія, свои восторги и мечты, минуты счастья и гнетущія горести, солнечныя сцены любви, лишь изрѣдка прерываемыя тихими и спокойными картинами природы вотъ гдѣ область и могучее царство Шопена, вотъ гдѣ совершаются имъ великія тайны искусства, подъ именемъ сонатъ, прелюдій, мазурокъ, полонезовъ, скерцо, этюдовъ и impromptus. И этакіе-то потоки горячей жизни иногда пробовали непроницаемые ничѣмъ академики разсматривать и ковырять школьной указкой, торжественно доказывать, что сонаты его не настоящія сонаты, а какой-то сбродъ безумныхъ звуковъ, что его скерцо (эти его глубоко оригинальныя новыя созданія) не настоящая музыка, а музыкальныя игры капризнаго человѣка. Какъ хороши солидные умники и знатоки! Что дѣлать, больно видѣть и признаться, а нечего дѣлать, надо. Самъ великій Шуманъ, страстно обожавшій Шопена и всю жизнь пропагандировавшій его, не понялъ его великой Сонаты B-Moll», и счелъ ее бредомъ сумасшедшаго. Что значитъ нежиданная, неслыханная новизна даже для человѣка истинно глубокаго и талантливаго!

Листъ приходился Берліозу какъ будто бы младшимъ братомъ, во-первыхъ, по рожденію (Берліозъ родился въ 1803 году, Листъ — въ 1811), а потомъ также и по началу творчества: Листъ многимъ былъ обязанъ Берліозу, какъ по идеѣ о правахъ, потребностяхъ и обязанностяхъ «програмной музыки» въ наше время, такъ и по идеѣ о правахъ, потребностяхъ и обязанностяхъ нынѣшняго оркестра. Но эти отношенія двухъ братьевъ существовали лишь въ первые, самые молодые годы ихъ жизни. Натуры ихъ обоихъ были совершенно разныя, даже противуположныя — такъ что впослѣдствіи они должны были совершенно разойтись и игнорировать другъ друга. И судьбы ихъ, поэтому, были уже, до конца ихъ жизни, совершенно различны, ни въ чемъ болѣе не сходились. Натура Берліоза, сколько ни богатая, великолѣпная, но была также и сильно ограниченная, если ее сравнивать съ натурой Листа: Берліозъ что любилъ, то любилъ сильно и прочно, и тутъ уступокъ у него не было, тѣмъ болѣе, что большинство предметовъ и личностей его обожанія были велики и вполнѣ достойны обожанія. Но онъ также многаго въ дѣлахъ своего искусства не зналъ, не понималъ, да и понимать не желалъ, такъ много онъ былъ иногда скованъ привычками и предразсудками еще со временъ своей молодости. Этимъ онъ добровольно самъ себя ограничивалъ. Такъ, напримѣръ, Берліозъ не зналъ, не понималъ, ни на единую іоту не воспринималъ творчества ни Шопена, ни Листа, ни Вагнера. Даже и Мендельсона онъ зналъ и понималъ очень поверхностно. Онъ всѣхъ ихъ не любилъ. Они всѣ были ему не нужны. Ему были съ юношескихъ лѣтъ дороги, милы только Глукъ да Спонтини. Позже онъ остановился въ своемъ пониманіи на Бетховенѣ и Веберѣ. Онъ ихъ узналъ еще въ молодыхъ своихъ годахъ; но дальше ихъ двухъ никуда уже не пошелъ, даже до самаго конца жизни. Какая разница съ Листомъ! У этого человѣка натура была истинно высокая, великая, глубокая, какъ это лишь рѣдко бываетъ на свѣтѣ. У него сердце было широко наполнено любовью и интересомъ ко всему и всѣмъ въ его искусствѣ, его доброжелательство и потребность выдвигать на видъ цѣлому міру все даровитое и замѣчательное — было безмѣрно, онъ даже грѣшилъ иногда излишнею терпимостью и податливостью въ оцѣнкѣ достоинства другихъ, и во всю жизнь свою являлся такимъ пропагандистомъ музыкальныхъ талантовъ, начиная отъ самыхъ колоссальныхъ и до самыхъ умѣренныхъ, какъ это никогда еще не было видано на свѣтѣ. Много лѣтъ своей жизни онъ посвятилъ на то, чтобъ распространять Бетховена, Франца Шуберта, Шопена и множество другихъ композиторовъ стараго и новаго времени—однихъ посредствомъ своихъ переложеній и своего изумительнаго исполненія на фортепіано, другихъ своими концертами, театральными, оперными представленіями, статьями, книгами. Не будь Листа на свѣтѣ, вся судьба новой музыки была бы другой. Но, прогремѣвъ на весь свѣтъ своимъ несравненнымъ, огненнымъ глубоко-поэтическимъ и талантливымъ исполненіемъ на фортепіано, Листъ вдругъ покончилъ съ фортепіано, и рѣшилъ сдѣлаться композиторомъ. Это ему теперь больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, стало нужно, необходимо, ему теперь безъ композиторства нечего было на свѣтѣ жить. Все нерожанное имъ самимъ, все, постигнутое имъ въ созданіи великихъ музыкантовъ стараго и новаго времени, было свой осадокъ и результатъ, заставило его искать собственнаго слова, для выраженія своей собственной мысли и чувства. До сихъ поръ онъ создавалъ новое фортепіано, прежде невиданное, неслыханное и невообразимое, въ рамки котораго вошли всѣ новыя завоеванія и мастерства Шопена, теперь онъ сталъ создавать новый оркестръ, въ который вошли въ значительной долѣ всѣ завоеванія Бетховена, Вебера, Мендельсона, всѣ новыя открытія и мастерство Берліоза. Берліозъ создалъ програмную музыку. Листъ пошелъ въ товарищи и союзники его и въ этомъ, и повелъ дѣло еще несравненно далѣе Берліоза. Онъ сталъ живописать въ великолѣпныхъ оркестровыхъ кар-

тинахъ не только великія сцены природы, цѣлую массу картинъ лежей Швейцаріи, Италіи, Германіи и другихъ странъ, но только сталъ изображать, какъ Веберъ, Берліозъ и Шопенъ, сцены своего собственнаго внутренняго міра, душевныя событія своей собственной жизни: таковы: радостная, блестящая поэма «Festklänge», сочиненная по поводу предполагавшейся его свадьбы съ княгиней Витгенштейнъ, его глубокое созданіе «Послѣ чтенія Данта», наконецъ, выше всего, посвященная Шуману «Соната», одно изъ величайшихъ и поразительнѣйшихъ созданій музыки, но и цѣлые ряды картинъ и скульптуръ великихъ художниковъ («Sposalizio» Рафаэля, «Битву Гунновъ» Каульбаха, статую «Penseroso» Микель-Анджело), цѣлыя поэмы великихъ европейскихъ поэтовъ («Divina Comedia» Данте, «Фаустъ» Гете и Ленау, «Мазепа» Байрона, «Что слышно на горѣ» Виктора Гюго, поэмы Ламартина). Ничего подобнаго, да еще въ такихъ громадныхъ размѣрахъ никто раньше Листа не предпринималъ въ музыкѣ. Многія крупныя несовершенства первыхъ молодыхъ его сочиненій (еще фортепіанныхъ) стали отпадать отъ него, какъ отболѣвшая шелуха. Стала исчезать все болѣе и болѣе, изъ его сочиненій, прежняя иногда манерность, курчавость, приторность и даже жеманность: его формы очищались и возвеличивались, и стали все болѣе и болѣе доходить до степени здоровой, могучей и простой жизненности. Онъ создалъ теперь много вещей истинно колоссальныхъ: между ними всего выше тѣ, которыя соприкасаются съ чувствомъ религіозности и безконечности, мистическаго стремленія и упованій. Это чувство было съ самой ранней юности едва ли не главною чертою въ поэтической натурѣ Листа. Таковы чудно-изумительныя картины: Purgatorio въ Божественной Комедіи» Данта, финалъ въ «Hunnenschlacht», изображающій, послѣ ожесточенныхъ дикихъ боевъ, торжество европейскаго креста надъ языческими азіатскими ордами; душевное потрясеніе и плачъ страстно взволнованнаго Флеста, слышанаго издали тихій, мирный гимнъ монашескаго шествія: наконецъ, быть можетъ, выше всего, по глубинѣ выраженія, по необычайной живописности, грандіозности и трогательности картины загробной жизни въ «Пляскѣ Смерти», этой единственной, во всей музыкѣ, величавой поэмѣ XIX вѣка».

Шопенъ.

Нельзя назвать счастливыми попытки Листа возсоздать венгерско-цыганскую музыку. Его «Рапсодіи» часто прекрасны и оригинальны, блещутъ новизной и самобытностью, въ нихъ много огня и увлекательности, но онѣ содержатъ также не мало и выдумки, прибранности, аранжировки, иной разъ даже оригинальности и банальности разныхъ листовскихъ переходовъ. Чѣмъ не менѣе, и въ этихъ, мало удавшихся рапсодіяхъ, Листъ часто завоевывалъ себѣ всѣ симпатіи, стремленіемъ вдунуть и воскресить исчезнувшую музыкальную народность, возстановить ее снова въ ряду другихъ, и ввести новые элементы въ современную музыку. Ему это удалось несравненно менѣе, чѣмъ Шопену, съ польскою музыкальною національностью, потому что для Шопена это была потребность жизни, что-то присущее его натурѣ съ перваго дня его рожденія, а для Листа только предпріятіе, по внѣшній художественный капризъ, явившійся случайно, уже въ зрѣлые его годы, вслѣдствіе громадныхъ чествованій Листа его соотечественниками, въ Будапештѣ. Церковно-музыкальныя созданія Листа тоже никогда вполнѣ ему не удавались, не взирая на всю его искреннюю религіозность. Конечно потому, что для нихъ всегда потребна правильная, условная форма, а Листъ былъ менѣе того человѣкъ, который чувствовалъ необходимость покончить съ условными формами прежней музыки и рѣшился выбросить ихъ за борта. При такомъ положеніи, церковная музыка не могла удаваться. Онъ въ сложномъ далекомъ отъ [illegible] Потери отъ этого [illegible] не произошло. Листъ [illegible] совершенно достаточно, [illegible] для самого себя, [illegible] потребности своего [illegible] даго духа, свои [illegible] чанія и упованія, свои страхи и успокоенія, въ формахъ религіозныхъ, но не условныхъ, а своеобразныхъ, во множествѣ своихъ сочиненій, подобно Шопену. У обоихъ ихъ нѣтъ удовлетворительныхъ сочиненій собственно церковныхъ.

Въ зрѣлыхъ своихъ годахъ, Листъ сдѣлался реформаторомъ въ музыкѣ, подобно Берліозу, но только въ другой области, чѣмъ тотъ. Листъ не хотѣлъ болѣе, и не могъ сочинять свои вещи, соображаясь съ какими-либо законами. Онъ ихъ болѣе не признавалъ. Онъ подумалъ, что ни симфонія, ни соната, ни какое-бы то ни было музыкальное созданіе не должно сообразоваться ни съ какими правилами, рамками и намѣченными разъ навсегда и для всѣхъ указаніями. Онъ подумалъ, что никакой нѣтъ надобности музыкальному созданію являться раздѣленнымъ непремѣнно на три или четыре части, одна непремѣнно allegro, другая и третья непремѣнно adagio или andante и скерцо, четвертая непремѣнно финалъ. Онъ подумалъ, что планъ произведенія и части его должны быть всякій разъ разныя, смотря по требованію мысли, сюжета и намѣреній автора, подобно тому, какъ это существуетъ нынче въ каждомъ созданіи поэзіи и литературы, и что авторъ не долженъ ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ справляться: безформенность, полный произволъ и полная свобода формы должны быть единственными законами для сочинителя. Сообразно съ этимъ, Листъ написалъ рядъ оркестровыхъ сочиненій, названныхъ имъ «Symphonische Dichtungen», гдѣ исчезли прежнія условныя раздѣленія, прежнія условныя симфоническія повторенія, прежніе законы для появленія мелодіи или ея разработки на томъ или другомъ пунктѣ сочиненія. У него авторъ совершенно свободенъ пѣть, что и какъ онъ хочетъ. Реформа Листа пришлась, конечно, сильно не по вкусу многимъ тысячамъ музыкан-

товъ, воспитаннымъ «по законамъ». Даже еще и теперь, черезъ полстолѣтія, одни изъ нихъ все еще упорно сопротивляются, другіе упрекаютъ Листа въ злокозненомъ сектанствѣ, третьи пробуютъ доказывать, что у самого Листа много сочинено еще въ прежнихъ, вѣковѣчныхъ формахъ (какъ будто какая-нибудь непослѣдовательность или капризъ реформатора что-нибудь доказываютъ *противъ* высказанной имъ мысли и созданной реформы), но, нечего въ томъ сомнѣваться, свѣтлая, какъ день, и сильная, какъ солнце, мысль Листа, однажды, одолѣть всѣ препятствія и возвратить музыкѣ, скованной цѣпями въ продолженіе долгихъ столѣтій, прежнюю, законную ея свободу.

Уже у Бетховена можно видѣть, подъ конецъ его жизни, попытки освободить музыку изъ оковъ (IX-я симфонія, разныя мѣста II-й мессы, послѣдніе квартеты). Но Бетховенъ не поспѣлъ осуществить во всей силѣ и полнотѣ свою свѣтлую и естественную мысль. Что онъ еще не сдѣлалъ, то совершилъ, около середины XIX столѣтія — Листъ. Среди его великой, геніальной, творческой дѣятельности, созданіе *свободной музыки* — одно изъ величайшихъ, безсмертнѣйшихъ дѣлъ.

59.

Въ то время, какъ во Франціи совершалось такимъ образомъ, трудами Берліоза, Шопена и Листа, а отчасти и Мейербера, — необычайныя реформы въ музыкальномъ дѣлѣ, въ Германіи происходило также сильное и великое музыкальное движеніе. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ тамъ дѣйствовалъ Мендельсонъ, въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ Шуманъ, въ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ Вагнеръ.

Листъ.

Эти три нѣмецкіе композитора были совершенно разны по своей художественной физіономіи и разнокалиберны по силѣ своихъ талантовъ, но принадлежали одной эпохѣ, и всѣ трое сказали огромное вліяніе на современную имъ музыку.

Въ настоящее время, едва-ли не всякій нѣмецъ скажетъ, ни секунды не колеблясь, что между этими тремя музыкантами, самый сильный, самый великій, самый геніальный — Рихардъ Вагнеръ. Таково нынче общее настроеніе въ наибольшей части Германіи, таковы всеобщая подготовка и воспитаніе музыкальныя, таковы тамъ художественный патріотизмъ, предразсудки и предубѣжденія. Для современной Германіи, Вагнеръ есть колоссальный идолъ, недосягаемый предметъ боготворенія. Но для многихъ изъ тѣхъ, кто стоитъ въ сторонѣ отъ Германіи, и никакими привычками и условіями не связанъ съ нѣмъ, что тамъ признается неоспоримымъ и непреложнымъ, такое опредѣленіе можетъ еще очень мало значить. Требуется пересмотръ германскаго рѣшенія, и тутъ получаются другіе результаты.

Въ 40-хъ годахъ Мендельсонъ и Шуманъ были очень знамениты и сильно распространены. Но Вагнеръ, еще въ то время, когда начиналъ становиться знаменитымъ и привлекать къ себѣ сердца, возненавидѣлъ ихъ обоихъ, столько же, какъ Мейербера, и послушная толпа поклонниковъ потянулась вслѣдъ за нимъ. Нынче репутація ихъ сильно поколеблена въ Германіи, и это въ такой степени, что Шумана всегда понимаютъ и ставятъ (въ исторіяхъ музыки) въ одинъ разрядъ съ Мендельсономъ, какъ будто это двѣ однородныя, однозначащія и одинаково вѣсящія величины. Что можетъ быть несправедливѣе и нелѣпѣе этого?

Шуманъ былъ искренно и сильно привязанъ къ Мендельсону, глубоко любилъ его музыку, и еще въ 1836 г. писалъ своей невѣсткѣ: «Мендельсонъ тотъ человѣкъ, на котораго я смотрю снизу вверхъ, какъ на высокую гору. Онъ настоящій богъ...» Поэтому, во многихъ сочиненіяхъ Шумана, особливо молодыхъ лѣтъ, нерѣдко чувствуются вліянія Мендельсона. Что въ этомъ мудренаго, когда Мендельсонова слава была такъ велика и такъ широко распространена. И дѣйствительно, это былъ во многихъ отношеніяхъ талантъ очень замѣчательный, можно даже сказать рѣдкій. Онъ былъ богато одаренъ отъ природы, получилъ солидное музыкальное образованіе, особенно на Бахѣ и Бетховенѣ, и былъ, на своемъ вѣку, однимъ изъ самыхъ энергическихъ распространителей величайшихъ созданій Баха (Месса H-moll, Passionsmusik по евангелисту Матѳею), долгое время вовсе почти забытыхъ въ Германіи. Еще 18-ти лѣтнимъ юношей, онъ написалъ совершенно оригинальную, поэтическую, волшебную увертюру: «Сонъ въ лѣтнюю ночь» (1826), такую талантливую и своеобразную, по фантазіи и формамъ, а также и по оркестру (продолжавшему традицію Веберовскаго «Оберона»), что онъ сразу сталъ знаменитостью. Онъ уже никогда не сочинилъ, во всю свою жизнь, ничего выше. Скоро потомъ, онъ написалъ еще двѣ необыкновенно замѣчательныя увертюры: «Тишь на морѣ и счастливая поѣздка» (1828), потомъ «Фингалова пещера» (1829), и затѣмъ у него пошелъ рядъ другихъ сочиненій, для оркестра, хора, голосовъ, фортепіано и разныхъ инструментовъ, которыя въ короткое время утвердили за нимъ прочную репутацію. Онъ сдѣлался великимъ любимцемъ всѣхъ публикъ Европы, но преимущественно не за свои крупныя и сильныя, а именно за мелкія и наименѣе удачныя его сочиненія. Имъ сочинены были двѣ ораторіи: «Павелъ» (1836) и «Илія» (1846), которыя не проявляли, конечно, никакой особой геніальности, однако были несравненно выше всѣхъ неуклюжихъ, сухихъ, тяжеловѣсныхъ и малоталантныхъ ораторій Шпора и Шнейдера, которыми Германія охотно прославлялась съ перваго десятилѣтія XIX столѣтія. Таковы были: «Страшный судъ» (1811), «Послѣдняя минута» (1826), «Послѣдніе часы Христа» (1835), «Пленіе Вавилона» (1842) — Шпора; «Страшный судъ» (1819), «Потопъ» (1823), «Потерянный Рай» (1824), и множество другихъ Шнейдера.

Такіе драматическіе хоры, какъ «Побѣгъ его камнями» и «Палка» Мендельсона, или такія поэтическія картины, какъ «Явленіе Іеговы» Паулю — рѣдко встрѣчаются въ искусствѣ. Сверхъ того, Мендельсонъ былъ, въ 40-хъ годахъ, рѣшительно первый фортепіанистъ и первый органистъ во всей Германіи: онъ сочинилъ для обоихъ инструментовъ огромную массу сочиненій, очень замѣчательныхъ (концерты, варіаціи, разнообразнѣйшія мелкія сочиненія), и затѣмъ множество превосходныхъ сочиненій для струнныхъ инструментовъ— между ними, выше всего у него — его «Октетъ» для струнныхъ, сочиненный еще въ 20-лѣтнемъ его возрастѣ, но превосходящій всѣ остальные его произведенія въ этомъ родѣ, красотой, огнемъ, силой, мастерствомъ фактуры: симфоніи, въ томъ числѣ энергическая высоко замѣчательная A-Moll, съ чуднымъ скерцо F-Dur и великолѣпнымъ гимномъ A-Dur въ честь королевы Викторіи англійской. Все это были произведенія превосходныя. Но публика восторгалась всего болѣе, даже болѣе, чѣмъ великолѣпно-талантливыми увертюрами, его пьесками «Lieder ohne Worte» и жадно потребляла ихъ, эти мелкія фортепіанныя пьески, а эти вещи наименѣе заслуживали знаменитости, потому что въ нихъ главную роль играли все только самые сильные недостатки Мендельсона: сентиментальность, манерность, вѣчная элегичность, переходящая даже иной разъ въ кисленькую плаксивость, и монотонная заунывность, а эти качества всегда очень пріятны людямъ слабымъ, безхарактернымъ и съ ограниченнымъ музыкальнымъ пониманіемъ.

Шуманъ не имѣлъ ни одного изъ этихъ пороковъ, и возвышался надъ Мендельсономъ, какъ Монъ-Бланъ надъ маленькимъ холмикомъ. Это былъ духъ великій, могучій и широкій. Онъ былъ одинъ изъ геніальнѣйшихъ наслѣдниковъ Бетховена, Вебера и Франца Шуберта. Фантазія его была необыкновенно богата, разнообразна и сильна.

Въ натурѣ Шумана былъ одинъ великій и странный художественный недостатокъ: Шуманъ не чувствовалъ и не зналъ оркестра. Онъ совершенно игнорировалъ его силы, средства и ресурсы, его поэзіи и красоты. Онъ былъ все равно, что живописецъ, не родившійся колористомъ. У него въ оркестрѣ постоянно царствуетъ сѣрый, монотонный, бѣдный колоритъ, словно день въ сумерки, а между тѣмъ его фантазія и сознанія такъ богаты, полны и разнообразны, что призывали всѣ силы самаго богатаго, талантливаго и разнообразнаго оркестра. Но этого Шуманъ никогда не понималъ, и всю жизнь много сочинялъ для оркестра, его никогда не слушавшагося. Онъ былъ постоянно въ такомъ заблужденіи по этой части, что признавалъ «самымъ высшимъ своимъ созданіемъ» ораторію «Рай и Перри», гдѣ волшебное, сказочное содержаніе требовало всѣхъ самыхъ многообразныхъ и тончайшихъ красокъ оркестра, а у него какъ разъ ихъ не было. Всѣ сочиненія Шумана выигрываютъ, когда оркестръ замѣненъ фортепіано — тѣмъ инструментомъ,— суррогатомъ оркестра, для котораго онъ предназначалъ себя еще съ своего гимназіста и на которомъ думалъ выйти однажды виртуозомъ.

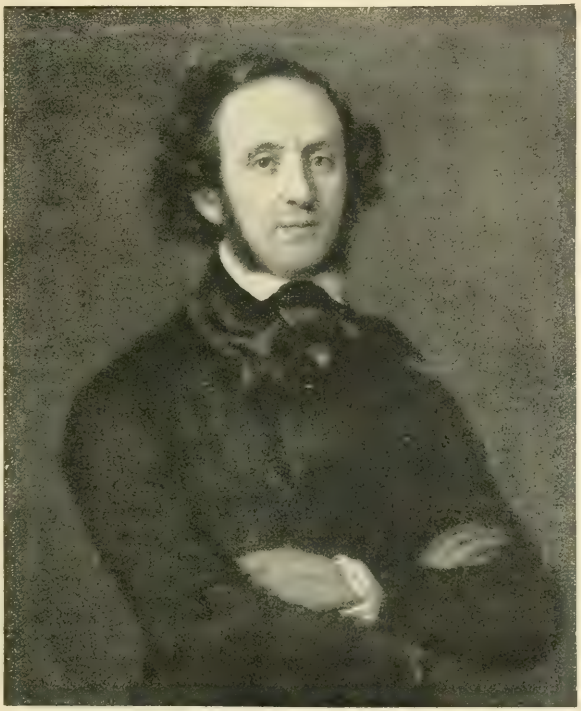
Но не взирая на такой недостатокъ, особенно чувствительный въ XIX вѣкѣ, когда владѣніе оркестромъ подвинулось и разлилось такъ высоко, какъ никогда прежде, и когда множество даже посредственныхъ музыкантовъ проявляли поистинѣ блестящія способности къ оркестровому колориту, — не взирая на такой недостатокъ, Шуманъ создалъ массу великихъ и глубокихъ музыкальныхъ произведеній, которыя стоятъ его на одно изъ высочайшихъ мѣстъ въ исторіи всей музыки.

Въ средствахъ своихъ только Шуманъ открылъ въ Вѣнѣ одинъ [illegible] великое созданіе Франца Шуберта — его симфонію C-Dur, и это колоссальное произведеніе такъ потрясало [illegible] что онъ и самъ затѣялъ писать симфоніи. Ихъ у него четыре, онѣ чудесны, въ нихъ [illegible] дорогимъ духомъ вѣять по въ [illegible] произведеніяхъ [illegible] свой собственный духъ и сказать [illegible] оригинальныя самостоятельныя [illegible] Эти связи всѣхъ выше III симфонія [illegible] Dur [illegible] выразить [illegible] великое [illegible] Шуманъ — въ честь основанія встрѣчнаго новой Германіей великолѣпнаго средне-вѣковаго Кельнскаго собора. Здѣсь явилась у Шумана такая грандіозная, живописная и глубокая картина, съ которою равняется не многое во всей музыкѣ. Этого не уразумѣла даже и до сихъ поръ германская критика и германская публика, и, не взирая на цѣлыхъ 50 лѣтъ, протекшихъ со времени созданія III шумановской симфоніи, не отличаютъ ея, и, особенно, величаваго, грандіознаго «Шествія» отъ остальной шумановской симфонической музыки. Точно также, даже и до сихъ поръ, почти нигдѣ не сознаны великость, оригинальность и сила Шумановской увертюры къ «Манфреду» Байрона и «Реквіема» къ этой же музыкальной поэмѣ: наконецъ, не сознанъ великій характеръ сцены въ соборѣ въ «Фаустѣ» Шумана. Вотъ сколько еще непонято самаго важнаго въ твореніяхъ Шумана, а уже цѣлыя массы людей въ Германіи спѣшатъ сдать Шумана въ архивъ, какъ устарѣлаго и ненужнаго болѣе! Какая непростительная несправедливость! Какая близорукость!

Превосходные, оригинальные струнные квартеты Шумана, его квартетъ и квинтетъ съ фортепіано, его сонаты (особенно первая, Fis-Moll, посвященная его тогдашней невѣстѣ, Кларѣ Викъ и наполненная страстнымъ чувствомъ къ ней), его фортепіанный концертъ и многія фортепіанныя пьесы, особенно геніальныя, грандіозныя варіаціи Cis-Moll, не имѣющія себѣ равныхъ во всей музыкѣ—образуютъ цѣлый своеобразный отдѣлъ между всѣми твореніями XIX вѣка, однакоже столько богатый великими музыкальными произведеніями.

Но гдѣ музыкальная личность и творчество Шумана выступили съ особенною яркостью и силой, это въ его произведеніяхъ «програмныхъ». Съ ними повторилось то, что было съ Берліозомъ, Шопеномъ и Листомъ. Нигдѣ онъ не высказалъ себя съ большею характерностью и оригинальностью. Затѣявъ, 25-лѣтнимъ юношей, издавать свой особенный музыкальный журналъ, въ Лейпцигѣ, онъ говорилъ въ программѣ его (1834), что цѣль его самого и его друзей та, что въ напомнить забытыхъ великихъ музыкантовъ прежняго времени, повести войну съ недостойнымъ направленіемъ музыки новѣйшаго времени, и ускорить появленіе новаго поэтическаго времени. Это была программа не одного только музыкальнаго журнала: это была программа и всей творческой дѣятельности Шумана. Онъ разилъ и ниспровергалъ одною рукою, онъ создавалъ другою. Онъ образовалъ вокругъ себя общество молодыхъ талантливыхъ людей, которое назвалъ «Товариществомъ во имя царя Давида», и въ своихъ музыкальныхъ сочиненіяхъ много разъ изображалъ «походъ Давидовскихъ товарищей противъ филистеровъ» и торжество надъ ними. Но та музыка и поэзія, которую онъ здѣсь талантливо воздвигалъ, являлась у него для живописанія своей жизни, души, ихъ событій и явленій. Шопенъ былъ поэтъ по преимуществу, онъ былъ портретистъ и историкъ, онъ рисовалъ людей, ихъ портреты, ихъ физіономію, складъ и страсти, и въ этомъ состояло главное счастіе его жизни, главное его наслажденіе искусствомъ. Однажды онъ нарисовалъ блестящій Карнавалъ въ своемъ любезномъ Лейпцигѣ, съ чудесно-поэтическою фигурою Эрнестины Фриккелъ, въ которую онъ былъ тогда страстно влюбленъ, и которая появляется здѣсь у него много разъ: «Вальсъ», «Кокетка», «Бабочка», «Возраженіе», «Звѣздочка», «Благодарность», «Признаніе», — самъ же онъ, Шуманъ, является въ трехъ видахъ: страстнаго «Флорестана», мечтательнаго «Евсевія», веселаго «Раро». Тутъ-же являются музыкальныя изображенія его любимцевъ, Шопена, Паганини, живописные наброски — Пьерро, Арлекина, Панталона и Коломбины. Все вмѣстѣ — это удесятеренная въ силѣ и возвеличенная въ красотѣ, страстности и поэтичности, сцена «Aufforderung zum Tanz» Вебера, но это было не повтореніе, а яркое и прелестное изображеніе событій изъ собственной жизни. Въ другой разъ онъ опять изобразилъ другую веселую, радостную пеструю масляницу: «Faschingschwank aus Wien», тоже полную картинъ, сценъ и портретовъ. Онъ создалъ также огромный рядъ еще другихъ картинъ, изъ дѣтской жизни, составляющихъ цѣлую картинную галлерею: «Бабочки», «Дѣтскія сцены», «Альбомъ для молодежи» и т. д. Все это было

наполнено безчисленными маленькими пейзажами, разсказами, сказочками, живописными легендами, сценами изъ дѣтской жизни («Ребенокъ ѣдетъ на палочкѣ», «Ребенокъ упрыгиваетъ», «Ребенокъ засыпаетъ», Поэтъ говоритъ», «Ребенокъ разсказываетъ», «Сиротка», «Первая утрата», «Елка», «Послѣ театра» и т. д.): все это былъ новый міръ, впервые появившійся въ музыкѣ, но съ необыкновеннымъ талантомъ и искренностью снятый Шуманомъ съ живой дѣйствительности. Потомъ у него появились другія сцены, маленькія по объемамъ, но великія по содержанію, картинки и сцены изъ жизни юноши, поэта, художника: «Арабески», «Новеллеты», Крейслеріана» — мечтанія и думы, капельмейстера Крейслера, (по Гофману), «Фантазія», съ чудесно-поэтическими моментами: «Зачѣмъ?», «Вечеромъ», «Порывъ», Мечты во снѣ (Traumeswirren), Конецъ пѣсни». Наконецъ высшее, геніальнѣйшее и самое глубокопоэтическое между всѣми этими созданіями—«Фантазія» для фортепіано, посвященная Листу, съ эпиграфомъ-программой: Durch alle Töne tönet, im bunten Erdentraum ein leiser Ton gezogen, für den der heimlich lauscht» (Во снѣ земнаго бытія звучитъ, скрываясь въ пестромъ шумѣ, таинственный и тихій звукъ, лишь чуткому извѣстный слуху). У этой фантазіи задача была та самая, что у красивой пьесы Мендельсона: Auf Flügeln des Gesanges» (На крыльяхъ пѣсни)—но какое же разстояніе существовало между внѣшней и элегической красивостью спокойнаго, почти равнодушнаго Мендельсоновскаго «Lied» и глубокою, вдохновенною, страстною поэмою Шумана! Вся разница ихъ натуръ высказалась здѣсь во всей яркости. Можно-ли довольно надивиться тому, что весь этотъ изумительный рядъ chefs d'oeuvre'овъ Шумана даже и до сихъ поръ мало оцѣненъ Германіей, и признается тамъ собраніемъ красивыхъ, прекрасныхъ, но мелкихъ сочиненій, въ малыхъ еще формахъ», — на ряду съ Мендельсоновскими. Главные удары въ этомъ смыслѣ были нанесены Шуману Рихардомъ Вагнеромъ, устами его фанатическаго поклонника, Іосифа Рубинштейна. Какое безобразіе ограниченнаго пониманія! Точно будто значеніе созданія опредѣляется количествомъ страницъ и тактовъ, аршинами, вершками, фунтами! Но таковы начальные слѣды цехового, консерваторскаго воспитанія у слишкомъ многихъ въ Германіи.



Мендельсонъ.

60.

Если, относительно Шумана, современная намъ Германія представляетъ очень странный, очень изумительный примѣръ оскорбительнаго непониманія, слишкомъ малой оцѣнки одного изъ величайшихъ композиторовъ въ мірѣ, — то, наоборотъ, относительно Рихарда Вагнера нынѣшняя Германія представляетъ очень странный, очень изумительный образецъ безъ мѣры преувеличенной оцѣнки таланта. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Вагнеръ есть музыкантъ, выходящій изъ ряду вонъ, очень сильный, оригинальный и самостоятельный, талантъ, принесшій громадную пользу музыкальному дѣлу, какъ могучею, критическою своею мыслью, такъ и художественнымъ своимъ творчествомъ, но, не взирая на все это, съ чѣмъ не сообразно то безпредѣльное идолопоклонство, тотъ слѣпой фетишизмъ, который царствуетъ въ Германіи (а отчасти и въ остальной Европѣ) относительно Вагнера. По натурѣ своей, Вагнеръ въ музыкѣ такой-же декадентъ, какъ Бекклинъ въ живописи.

Оба художника надѣлены отъ природы очень крупными, даже, можно сказать, великими и блестящими дарованіями, и они выказали ихъ, въ полной силѣ, уже и въ началѣ своей художественной карьеры, но потомъ, разъ свернувши съ прямой дороги на кривую, не переставали ими злоупотреблять до конца жизни.

По натурѣ своей, Бёклинъ великолѣпный пейзажистъ, блестящій колористъ и декораторъ; по натурѣ своей, Вагнеръ точно также великолѣпный колористъ-инструментаторъ, симфонистъ, пейзажистъ и декораторъ. Но оба они захотѣли быть, кромѣ того, живописцами человѣка, его страстей, характеровъ, событій человѣческой жизни и тутъ началась ихъ нескончаемая ошибка и заблужденіе. Къ изученію, познанію и изображенію человѣка и его души, у обоихъ художниковъ не было вовсе никакой способности. Все у нихъ явилось тутъ только декоративно, внѣшне, поверхностно, капризно, невѣрно и страшно преувеличенно. Оба художника почувствовали великую потребность заняться «глубокими вопросами жизни и бытія», и для выраженія своихъ идей по этой части обратились къ помощи символизма, мистики и миѳологіи языческихъ боговъ. У Бёклина появились античные фавны, центавры, тритоны, русалки, нимфы, дріады, у Вагнера—средневѣковые Вотаны, Фрики, Эрды, Локки, Фафнеры, Норны, Граали, и проч. Эта мистика и миѳологія до того приходилась по современному вкусу нѣмцевъ, что вся нелѣпица живописца и музыканта объявлена была проявленіемъ величайшихъ міровыхъ помышленій и философіи, воплощеніемъ истиннаго пантеизма нашего времени. Оба художника сдѣлались любимцами новой Германіи, величайшею гордостью и славою отечества.

Между тѣмъ, для всякаго человѣка, не потерявшаго простое и здравое мышленіе, не испорченнаго лже-патріотизмомъ и метафизикой, Бекклиновское и Вагнеровское отвращеніе отъ натуры, живой дѣйствительности, простоты и правды мысли, безумное ихъ служеніе всему заоблачно-идеальному, несуществующему, небывалому, ихъ безграничная преданность всяческому бреду, галлюцинаціи, всяческой вычурности и чудовищной преувеличенности, могутъ возбуждать только удивленіе и аннинаціи. Какія чувства, какія мысли могутъ порождать безконечныя нелѣпости Бекклина и Вагнера? Ихъ женщины-рыбы, которыхъ фавны вытаскиваютъ сѣтями изъ воды; ихъ центавры, подковывающіе себѣ ноги въ кузницѣ; ихъ кувыркающіяся вверхъ ногами въ водѣ русалки; ихъ дѣвицы верхомъ на сиѳоротахъ; ихъ Зигфриды покидающіе навѣки любимую женщину за то, что она осмѣлилась

спросить, откуда они, герои, родомъ, и кто они такіе? Ихъ Ева, называемыя отцомъ замужъ тому, кто сочинилъ наилучшую пѣсенку; ихъ Тангейзеры, пилигримствующіе къ папѣ въ Римъ, чтобъ испросить прощеніе за свое слишкомъ тонкое пѣніе у Венеры, въ горѣ; ихъ Вотаны, укладывающіе дочь, на цѣлую вѣчность, спать волшебнымъ сномъ подъ дубомъ, среди забора изъ огня; ихъ полки боговъ, переходящіе по мосту, на воздухѣ, изъ одного замка въ другой; безсмысленныя таинства нелѣпаго средневѣковаго Грааля, и сто другихъ такихъ же глупостей — что все это можетъ возбуждать, какъ не негодованіе и презрѣніе? И за водвореніе такихъ-то пустяковъ, такихъ безобразій мысли на сценѣ, надо считать Вагнера великимъ реформаторомъ оперы, создателемъ небывалой, неслыханной правды, глубины и истины? Вагнеръ старался развѣнчать Шумана за то, что тотъ, по его мнѣнію, способенъ былъ только къ «маленькимъ» произведеніямъ, и лишенъ былъ всякой способности къ «большимъ», «великимъ». Но онъ только одного не понималъ: величія, красоты и правды Шумановскихъ чудно-талантливыхъ созданій на сюжеты дѣйствительной человѣческой жизни. Но чѣмъ онъ думалъ наградить міръ за все то, что такъ не нравилось ему у Шумана? Неправдой, ходульностью, вычурностью, фальшью мысли, пустыми претензіями на глубокость. Какъ важны и интересны безконечные разсказы его боговъ о происхожденіи ихъ самихъ и ихъ предковъ, ихъ войны, бои, ихъ гнѣвъ и хитрость, ихъ негодныя дѣла, ихъ амуры, ихъ «просвѣтленія» и ихъ «помраченія!» И эти генеалогическія ранцы должны занимать до глубины души, съ наивеличайшей искренностью, современнаго человѣка, какъ нѣкія великія таинства, какъ величайшія откровенія?

Шуманъ.

Но такъ уже былъ, во всю свою жизнь, Вагнеръ. Великій (во многомъ) художникъ и очень малый (во всемъ) мыслитель. Что онъ ни выдумывалъ, что онъ ни провозглашалъ закономъ для всего міра — все всегда терпѣло фіаско и крушеніе. Онъ выдумалъ, что искусства должны перестать существовать каждое въ отдѣльности, и что всѣ они назначены, въ будущемъ, явиться на свѣтъ только въ общей сложности, всѣ заразъ и всѣ вмѣстѣ, и это именно — въ драмѣ-оперѣ: Gesammt-Kunstwerk der Zukunft. Поэзія должна дать сюжетъ и текстъ, архитектура — оперный домъ, живопись — декораціи, скульптура — группы статуй и живыхъ людей, музыка — тѣло, смыслъ, поэзію, форму, выраженіе. Но никого такого закона не принялъ, да никогда, вѣроятно, никогда и не примутъ. Мало ли сколько творцовъ пожелаетъ всегда сочинять, кромѣ оперныхъ либретто — поэзія? Мало ли сколько, кромѣ оперныхъ залъ и домовъ — архитектура? Мало ли сколько картинъ, кромѣ декорацій — живопись? Мало ли сколько сюжетъ устраивать мраморныхъ фигуръ и живыхъ группъ для сцены — скульптура? Мало ли сколько разнообразныхъ сюжетовъ, кромѣ оперъ — музыка? Такъ легковѣсны были мечтанія Вагнера и остались только на бумагѣ.

Вагнеръ считалъ достойнымъ упрекомъ и задачей оперы — средневѣковые, миѳическіе, мистическіе, наивные и [illegible] амурные по преимуществу. Но такая ограниченность, драгоцѣнная и пріятная для его спеціальной натуры, не могла быть пригодною для всѣхъ на цѣломъ свѣтѣ. Кромѣ мистики, влюбленій, набожности и сверхъестественныхъ экстазовъ — есть много другихъ еще, для всѣхъ важныхъ и драгоцѣнныхъ сюжетовъ. Этотъ законъ Вагнеръ тоже не былъ никѣмъ нигдѣ принятъ.

Вагнеръ счелъ нужнымъ завести въ оперѣ «лейтмотивъ», т. е. такую мелодію или музыкальную фразу которая должна всегда и вездѣ обозначать то или другое лицо, тотъ или другой предметъ, то или другое чувство въ оперѣ человѣка, великана, карлика, мечъ, шапку, кольцо, огонь, любовь, отчаяніе, презрѣніе, и т. д. Это многимъ понравилось, какъ новинка, какъ остроуміе, какъ необычайное пріобрѣтеніе, какъ новооткрытый способъ выраженія искусства. Нашлись ревностные подражатели, фанатическіе пропагандисты этой затѣи. Но она, какъ и многое другое у Вагнера, не пришлась по вкусамъ и понятіямъ слишкомъ многихъ. Что это за музыка изъ «ярлыковъ и ребусовъ», которые надо сначала отгадать, а потомъ помнить, никогда не сбиваясь», — находили многіе. Что это за вываренный изъ цѣлой человѣческой личности экстрактъ? Что это за стѣсненіе, что это за ограниченіе и композитора, и слушателя? Что это за кандалы несносныя? Опера перестаетъ быть свободнымъ творчествомъ, наслажденіемъ, она должна стать выкладкой, упражненіемъ памяти, соображеніемъ разсудка! — И «лейтъ-мотивъ» не вошелъ въ арсеналъ и кладовую современной музыкальной Европы. Его туда не пустили. Врядъ ли и впредь когда-нибудь пустятъ.

Точно такъ же, Вагнеръ задумалъ создать въ Байрейтѣ какой-то центръ, гдѣ, словно въ священномъ храмѣ, будутъ храниться и, въ назначенные сроки, торжественно исполняться, его оперы. Этого не осуществилось. Вагнеровскія оперы теперь даются вездѣ, въ цѣломъ мірѣ, безъ всякихъ торжественныхъ оказій и священнодѣйствій. Байрейтскій театръ оказался ненужнымъ. — Вагнеръ желалъ посадить оркестръ таинственный, незримо, подъ сценой — и это оказалось никуда не годнымъ. Но отъ этого оркестръ оказался въ Байрейтѣ задавленнымъ и потускнѣвшимъ: пришлось сохранить прежнее мѣстоположеніе оркестра въ театрѣ. Вагнеръ задумалъ сдѣлать зрительную залу — безъ этажей или ярусовъ — это оказалось точно такъ же невозможнымъ, при нынѣшнемъ огромномъ населеніи столицъ и городовъ, и при огромныхъ расходахъ на театральныя представленія.

Но при всѣхъ своихъ крупныхъ недостаткахъ и ошибкахъ, Вагнеръ былъ все-таки талантъ крупный и необыкновенный. Онъ былъ одаренъ великимъ даромъ поэзіи, могучаго творчества, его воображеніе было громадно, инициатива сильна, его художественное мастерство велико, и воспитано всего болѣе на Бахѣ, Бетховенѣ, Веберѣ, и представляло крѣпость необычайную. Его мелодическая и ритмическая способность не были особенно замѣчательны, — это слабыя стороны Вагнера, но зато его способность гармоническая и оркестровая являются такими необычайными силами, которыя лишь рѣдко проявляются въ музыкальномъ мірѣ.

Жизнь Вагнера, когда ее станешь разсматривать въ связи

съ его произведеніями, представляетъ факты очень удивительные. Еще въ юношескихъ годахъ своихъ, еще гимназистомъ, Вагнеръ съ великою страстью полюбилъ Вебера и Бетховена: всего болѣе увертюру «Фрейшица», увертюры, сонаты и квартеты Бетховена, а позже его симфоніи. Въ 1831 году (т. е. въ своемъ 18-лѣтнемъ возрастѣ), онъ даже аранжировалъ IX-ю симфонію въ 2 руки на фортепіано. Самыя первыя, молодыя его сочиненія точно также были все симфоническія. Въ 20-лѣтнемъ возрастѣ онъ сочинилъ «Фантазію (F-Moll), увертюры (D-Moll и C-Dur), увертюру къ «Королю Энціо» и большую симфонію C-Dur. Эту послѣднюю давали въ концертѣ, и она даже сильно нравилась. Но еще съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, у Вагнера была тоже страсть къ драмѣ, и еще мальчикомъ онъ уже сочинилъ трагедію, сколокъ съ Шекспира, гдѣ соединились личности и Гамлета, и Лира, и въ продолженіе пьесы умерло и убито 42 дѣйствующихъ лица. Страсть къ театру соединилась со страстью къ музыкѣ, и вотъ Вагнеръ сдѣлался оперным композиторомъ. Въ 1833 году (когда ему было всего 20 лѣтъ) у него уже было двѣ оперы: «Феи» и «Любовный запретъ» (по Шекспировой пьесѣ «Measure for measure»)—и это были, конечно, только юношескія пробы. Въ 1839 г. Вагнеръ сочинилъ, совершенно въ стилѣ Мейербера, оперу «Ріензи»—оперу мало характерную и мало самостоятельную. Въ 1841 году онъ сочинилъ оперу «Fliehender Holländer», въ 1845 году — «Тангейзера», отчасти въ стилѣ Вебера, но также во многомъ уже съ проявленіемъ собственной самостоятельности автора, въ 1847 г. «Лоэнгрина», еще въ большей степени проявляющаго собственный музыкальный характеръ Вагнера. Такимъ образомъ, съ 27-лѣтней своей жизни, Вагнеръ уже пересталъ считать симфоническое творчество своимъ назначеніемъ и совершенно предался сочиненію оперному. Въ 1840 году онъ написалъ свою превосходную, высоко-талантливую увертюру къ «Фаусту» Гете, и это было послѣднее его отдѣльное отъ театра, вполнѣ самостоятельное симфоническое сочиненіе (не приходится считать чѣмъ-то значительнымъ плохіе «марши» и «факельныя процессіи», сочиненные имъ впослѣдствіи).

Вагнеръ.

Отъ сихъ поръ, Вагнеръ покинулъ *самостоятельныя* симфоническія сочиненія, и они остались, по его мысли, только второстепенными элементами его оперъ, въ видѣ «увертюръ» или «вступленій» передъ началомъ оперы, въ видѣ антрактовъ, въ видѣ инструментальныхъ вставокъ среди сценъ оперы. Но тутъ произошла та странность, что то, чему Вагнеръ приписывалъ «второстепенное» значеніе въ своихъ операхъ, вышло именно самымъ главнымъ, а что онъ считалъ «самымъ главнымъ», то вышло — второстепеннымъ. Произошло же это оттого, что въ Вагнерѣ слишкомъ много было разсудочности, придуманности, сочиненія, и слишкомъ мало непосредственности, естественнаго, простого, наивнаго вдохновенія и творчества. Онъ слишкомъ былъ декадентъ, точь въ точь какъ Бёклинъ.

Онъ по натурѣ своей былъ истинный, превосходный, глубоко-талантливый симфонистъ. Способность его къ оркестру поразительная. Правда, онъ нерѣдко преувеличиваетъ и злоупотребляетъ средствами этого оркестра, доходитъ до грубости и оскорбляетъ слухъ и чувство своего слушателя, всего болѣе злоупотребляя, иной разъ, рѣзкостями и нагроможденіями мѣдныхъ и деревянныхъ инструментовъ. Но все-таки оркестръ Вагнера новъ, богатъ, часто ослѣпителенъ по колоритъ, по поэзіи и очарованію самыхъ сильныхъ, но также и самыхъ нѣжныхъ и чувственно-обаятельныхъ красокъ, — это оркестръ, являющійся расширеніемъ не только бетховенскаго, мендельсоновскаго, мейерберовскаго, но даже берліозовскаго и листовскаго оркестра. Какихъ громадныхъ чудесъ не могъ бы еще сотворить Вагнеръ даже въ одной симфонической сферѣ! Такъ вотъ нѣтъ же, наперекоръ природѣ своей, онъ не хотѣлъ оставаться просто симфонистомъ, въ томъ же родѣ, какъ симфонистомъ остался весь свой вѣкъ, наприм., хоть-бы Бетховенъ, или даже Берліозъ. Нѣтъ, куда, это было бы слишкомъ просто, слишкомъ естественно! Ему нужно было что-нибудь другое, позднѣе, и пошире: вотъ онъ и надумалъ взять себѣ въ уголъ оперу. Что дано было отъ природы — того ему было не надо: чего не было дано, того именно онъ только и жаждалъ, то и было для него «всего нужнѣй». Рылся въ книгахъ и изучая исторію и старину, Вагнеръ въ одинъ прекрасный день додумался до того, что ему надо сдѣлаться Эсхиломъ нашихъ дней, и создать такой музыкальный театръ, такія музыкальныя театральныя произведенія, которыя замѣнили бы нынѣшнему европейцу тотъ театръ и тѣ театральныя произведенія, которые радовали и восхищали древнаго грека. У меня, какъ въ Греціи, театръ будетъ великимъ праздникомъ и торжествомъ, мечталъ втихомолку про себя и громко объявлялъ всѣмъ Вагнеръ. У меня мои музыкальный театръ будетъ, какъ у грековъ: всенародный, всемірный и будетъ являться экстраординарнымъ событіемъ! У меня, какъ у грековъ, представленія будутъ длиться нѣсколько дней сряду. Люди должны будутъ съѣзжаться со всѣхъ краевъ страны. Я

имъ сострою новый небывалый театръ, гдѣ все будетъ происходить совершенно иначе, чѣмъ въ остальномъ свѣтѣ. И Вагнеръ пустился въ путь, и употребилъ на то всю жизнь, и нашелъ себѣ множество могучихъ покровителей и помощниковъ, множество сочувственниковъ, энтузіастовъ, прославителей и распространителей. Но все-таки, изъ всего этого ничуть не вышло того, что Вагнеръ надумалъ и что затѣвалъ. Не вышло ни музыкальнаго Эсхила, ни Эсхиловскихъ музыкальныхъ твореній, но, вмѣсто того, вышелъ недодѣланный, во многомъ поврежденный самъ себѣ, самъ себя искусственно исковеркавшій Вагнеръ.

У Вагнера образовалась слава громадная. Успѣхъ его и лавры были истинно колоссальны. Мало на свѣтѣ можно сыскать такой славы, какая пришлась на его долю. При дружныхъ усиліяхъ фанатиковъ-помощниковъ и фанатиковъ-пропагандистовъ, любопытныя толпы устремлялись, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ Байрейтъ, и съ покорнымъ терпѣніемъ высиживали тамъ всѣ четыре вечера вагнеровской тетралогіи. Онѣ тутъ съ благоговѣніемъ выслушивали глубокія, на манеръ Бёклина и декадентовъ, откровенія о началѣ міра и существѣ жизни, о злѣ и добрѣ, объ искупленіи (надъ которымъ та́къ смѣялся еще Ницше), посредствомъ дѣяній Лоэнгрина или Парсифаля, рацей папы и бесѣдъ Вотана, разсужденія о погибели старыхъ боговъ и водвореніи новыхъ, съ влюбленными Зигфридами и Брунгильдами, съ такими же Тристанами и Изольдами во главѣ и все это, высказанное въ мѣдныхъ звукахъ громадныхъ оглушительныхъ оркестровъ, въ лепетаніи спотворныхъ речитативовъ, и въ варварскомъ языкѣ вагнеровскихъ самодѣльныхъ либретто. Но у большинства постоянно вертѣлась въ головѣ мысль: «Ахъ, какъ тутъ мало хорошаго, и какъ много плохого! Ахъ, еслибъ Вагнеръ давалъ намъ все только то, что у него такъ хорошо, ахъ, еслибъ онъ избавилъ насъ отъ всего, что у него такъ худо, такъ невыносимо, такъ скучно и отталкивательно!... Да, хорошо такъ мечтать, хорошо такъ желать, но для осуществленія этого необходимо было-бы что? То, чтобъ Вагнеръ отъ головы до ногъ перемѣнился, чтобъ онъ забылъ объ Эсхилѣ и эсхиловской славѣ, о всемірномъ театрѣ и всемірной оперѣ; но ранѣе всего надобно было, чтобъ Вагнеръ вовсе отказался отъ оперы, и ни одной оперы не написалъ бы на своемъ вѣку! А возможно-ли это? Онъ совсѣмъ другое про себя разумѣлъ.

Опера была совсѣмъ не его дѣло, и онъ къ ней не имѣлъ никакой способности. У Вагнера не было въ натурѣ ни одного изъ элементовъ, которые составляютъ оперняго композитора. У него не было ни малѣйшаго чувства жизни, дѣйствительности, онъ не имѣлъ никакого понятія о характерахъ, натурахъ, типахъ, о человѣческихъ личностяхъ и физіономіяхъ; у него не было никакого постиженія души человѣческой, ея событій, движеній, порывовъ; у него не было ни потребности, ни способности изображать индивидуальныя человѣческія личности, каждую въ своей отдѣльности, или нѣсколькихъ вмѣстѣ, въ ихъ взаимодѣйствіи. Ему этого вовсе не надо было. Тѣ персонажи, что у него изображены въ операхъ, вовсе не живые люди, а отвлеченные алгебраическіе знаки, пустые, сухіе и ничтожные, навевающіе тоску и скуку, но назначенные быть вѣшалками лирическихъ изліяній самого Вагнера. Ко всему лирическому у Вагнера существовала великая нѣжность, симпатія, онъ искалъ всякаго случая проявить его въ огромномъ ходѣ до утомленія, до тошноты у слушателя — а для этой проявленіямъ, на объективность, которые суть главныя мотивы оперы?

Единственныя, кажется, исключенія у Вагнера, въ пользу изображенія человѣческой личности, это именно лирическія, то преисполненныя амурныя мѣста въ его операхъ. Тутъ человѣческія страсти и ея движенія вырисовываются въ формахъ иной разъ даже интересныхъ, значительныхъ и иногда очень красивыхъ и привлекательныхъ, не смотря на всю его малую способность къ сочиненію мелодіи, онѣ всегда у него оригинарны и [illegible] Такова напримѣръ, монологи Зигфрида, [illegible] Тангейзера и Лоэнгрина повсюду [illegible] и сильно нравившіяся [illegible] публикамъ, вычурныя и съ исковерканными формами романсы «Abendstern» у Зигмунда и Зиглинды, Зигфрида и Брунгильды (съ нѣкоторой виро чемъ дозой Верди), наконецъ пѣсни рыцаря Штольцинга на публичной музыкальной пробѣ перетъ нарочомъ, и т. д. Но всѣ эти музыкальныя произведенія прямо сочиненія для *концерта*, подобно тому, какъ всегда у итальянцевъ, ничуть не для *театра*, какъ назначилъ для «новой» оперы Вагнеръ. Они для сцены не нужны, а сцена для нихъ — нужна еще менѣе.

Но когда потребны Вагнеру бесѣды дѣйствующихъ лицъ, ихъ разговоры, сообщенія, разсказы — вотъ гдѣ проявляется, во всей силѣ и безутѣшности, вся немощь и неспособность Вагнера къ оперному дѣлу. Покуда надо было разсуждать объ оперѣ и ея складѣ, Вагнеръ былъ тысячу разъ правъ во всемъ томъ, что говорилъ, что проповѣдывалъ. Никто послѣ Глюка не былъ столько правъ, какъ онъ, когда осуждалъ старинную форму оперы, ея арій, дуэтъ, терцетъ и т. д. Онъ находилъ эту форму непозволительною фальшью и условностью. Живые люди не должны распѣвать безконечныя мелодіи и кантилены, не должны плодить нескончаемые и, значитъ, небывалые въ натурѣ разсказы, баллады, повѣствованія—это все условность и выдумка. Такъ справедливо и разумно разсуждалъ Вагнеръ. Но что же, послѣ своихъ разсужденій, самъ-то онъ сталъ дѣлать? Въ своихъ операхъ онъ все осуждаемое имъ сохранилъ, ничуть не уничтожилъ, но только отвелъ это въ отдѣлъ речитатива. Но къ речитативу у Вагнера не было ни малѣйшей способности, ни тѣни дарованія; речитативъ у него неестественъ, неуклюжъ, сухъ, скученъ, и невыносимъ, болѣе, чѣмъ у кого бы то ни было во всей музыкѣ. И такимъ-то нездоровымъ матеріаломъ Вагнеръ наводнилъ и затопилъ болѣе, чѣмъ половину всѣхъ своихъ оперъ! Одинъ его Вотанъ въ своихъ бесѣдахъ и повѣствованіяхъ способенъ сдѣлать человѣка несчастнымъ на всю жизнь.

Какой-же, послѣ всего этого, Вагнеръ — оперный композиторъ? Напротивъ, онъ всѣмъ своимъ существомъ представляетъ личность, которая есть самое яркое, непримиримое противуположеніе оперной композиторской натурѣ.

Въ исторіи распространенія оперъ и принциповъ Вагнера достойно удивленія одно особое обстоятельство. Оперы Вагнера распространялись очень медленно, и долго встрѣчали, повсюду, огромное сопротивленіе. Но коль скоро эти оперы были, наконецъ, приняты Европою, и вошли въ ея художественный обиходъ, можно было-бы, кажется, предполагать, что это доказываетъ согласіе Европы съ принципами Вагнера, полное отдѣленіе ея отъ прежнихъ оперныхъ принциповъ, перемѣну ея понятій и вкусовъ, изгнаніе прежнихъ и водвореніе новыхъ. Вагнеровскихъ. Но на дѣлѣ ничего подобнаго не случилось. Оказалось, что и новые принципы, проповѣдуемые Вагнеромъ, хороши, справедливы и нужны, но и прежніе, старые — точно также хороши, справедливы и нужны. Это всего болѣе проявилось въ нынѣшнемъ отношеніи Европы къ итальянской оперной музыкѣ вообще, и къ Вердіевской — въ особенности.

Жизнь Верди представляетъ много параллельности съ жизнью Вагнера. И Верди, и Вагнеръ родились въ одномъ и томъ же 1813 году. Оба поставили на театрѣ, въ 1842 году, по оперѣ, которая впервые обратила на автора особенное вниманіе публики: у Верди это была опера «Nabucco», у Вагнера — «Рienzи». Въ 1844 году въ первый разъ данъ былъ «Эрнани», первая изъ 5-ти главныхъ оперъ Верди, въ 1845 г. въ первый разъ данъ былъ «Тангейзеръ», первая изъ 5-ти главныхъ (со включеніемъ «тетралогіи») оперъ Вагнера. Затѣмъ, въ теченіе 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годовъ точно также шло параллельно созданіе главнѣйшихъ оперъ итальянскаго и нѣмецкаго композитора. Въ 1853 году написанъ былъ «Trovatore», въ 1854 — Rheingold : въ 1853 — Traviata : въ 1855 — Валькирія : въ 1855 — «Сицилійская вечерня : въ 1859 — Тристанъ и Изольда : въ 1867 — Донъ-Карлосъ и «Нюренбергскіе пѣвцы»: въ 1882 — Парсифаль»: въ 1887 — «Отелло». Такимъ образомъ, постоянно шла параллельность сочиненій Верди и Вагнера и колоссальное разростаніе славы обоихъ композиторовъ. Но ихъ натуры, таланты, объекты ихъ сознанія и творчество до того были различны, что казалось бы, безпредѣльное обожаніе оперъ Верди должно

было бы совершенно исключить любовь и симпатію къ операмъ Вагнера: и наоборотъ, безмѣрное обожаніе оперъ Вагнера должно было исключить любовь и симпатію къ операмъ Верди. Но этого ничуть не случилось на дѣлѣ. Всѣ европейскія публики съ одинаковой любовью относились и къ тѣмъ, и къ другимъ созданіямъ, и одинаково уважали ихъ отъ всей души.

Верди, правда, отказался отъ руладъ и всяческаго голосового баловства прежней итальянской школы, но онъ замѣнилъ эту устарѣлую формалистику—формалистикою новою, по точь въ точь столько же условною, фальшивою и негодною — формалистикой крика, вопля и лжедраматизма. Этотъ «драматическій» крикъ и вопль былъ столько же формалистиченъ, ненатуренъ и антихудожественъ, какъ всѣ нелѣпѣйшія фіоритуры и весь музыкальный складъ «Сомнамбулъ» «Пуританъ» «Лючіи» и «Лиціи». Построеніе же и составъ оперы, форма арій, дуэтовъ, терцетовъ и проч., осталась та же самая, что у Беллини и Доницетти: форма мелодіи, условная, безвкусная и рутинная, осталась съ тою самою банальностью и ординарностью, какія въ ней присутствовали всегда и до Верди. Какимъ же образомъ, всѣ эти печальныя качества пребывали у всѣхъ публикъ любимыми и симпатичными, не взирая на тотъ «переломъ» въ оперной музыкѣ, который совершенъ, по словамъ всѣхъ, Вагнеромъ, и который радовалъ этихъ всѣхъ? Вотъ что непостижимо и изумительно. Конечно, часто было многими указываемо на то, что подъ давленіемъ новыхъ вкусовъ и направленій, Верди въ своей «Аидѣ», сочиненной въ 1871 году и оплаченной 100 тысячами франковъ, подвинулъ свое творчество впередъ, и, придавъ нѣчто новое и болѣе мужественное итальянской гармоніи, всегда скудной и безпомощной, водворилъ въ своей музыкѣ болѣе достойныя нашего времени формы: то же самое повторялось многими и впослѣдствіи, когда Верди сочинилъ своего «Отелло» въ 1887 году, и своего «Фальстафа» въ 1893 г.: раздавались тогда въ печати даже увѣренія, что, не взирая на преклонные свои годы, Верди безмѣрно вырось и колоссально подвинулся впередъ, принявъ многое отъ Вагнера и обновивъ тѣмъ свое творчество. Но не было во всѣхъ такихъ рѣчахъ ничего кромѣ заблужденія и иллюзіи. Поддѣлка никогда не замѣнитъ натуры, и въ 74 года пересуживаться и передѣлываться было для Верди уже поздно. Навѣрное обликъ Верди сохранится въ исторіи, какъ обликъ автора «Риголетто», «Троватора» и «Травіаты», а не какъ автора «Аиды», «Отелло» и «Фальстафа». Каковъ онъ ни былъ, а все-таки былъ итальянскимъ композиторомъ послѣдней эпохи, естественнымъ и непринужденнымъ, и здѣсь онъ являлся притворнымъ, старающимся поддѣлаться къ тому, что ему вовсе было чуждо.

Можно было бы также подивиться, почему сладкій, приторный, ничтожный и безхарактерный Гуно, полу-французъ и полу-итальянецъ по своей музыкѣ, могъ такъ нравиться Европѣ со своимъ жалкимъ Фаустомъ, среди проповѣди и музыкальной дѣятельности Вагнера, и вопреки и той и другой — вотъ что необъяснимо. Бизэ музыкантъ не безталантный, но все-таки достаточно незначительный, нравился повсюду, по всей вѣроятности, именно тѣмъ, что соединялъ въ своихъ сочиненіяхъ небольшую долю чего-то «національнаго», свѣжаго и новаго (французскія и испанскія народныя мелодіи) съ огромной массой оперсточной тривіальности.

61.

Въ заключеніе обзора западно-европейской музыки, необходимо указать здѣсь три характерныя музыкальныя фигуры: одного француза, одного германца и одного скандинава.

Французъ — это Сенъ-Сансъ. Послѣ Берліоза, это самый даровитый изъ новыхъ французскихъ композиторовъ. Вслѣдствіе классическаго воспитанія (до сихъ поръ еще царствующаго, въ доброй мѣрѣ, во Франціи) онъ не менѣе Берліоза преданъ сюжетамъ классическимъ. Всѣ значительнѣйшія его сочиненія имѣютъ задачи, принадлежащія древнему міру. На него оказало огромное вліяніе прочтеніе его знакомство съ Бахомъ и старыми нѣмецкими классиками, а также съ новой музыкальной германской школой, особливо съ Листовскими сочиненіями. Большинство его произведеній принадлежитъ къ области «программной музыки». Его оперы (между которыми значительнѣйшія: «Генрихъ VIII», 1883 и «Самсонъ и Далила» 1877) никогда не пользовались особеннымъ успѣхомъ, зато его инструментальныя сочиненія, фортепіанные концерты, варіаціи, струнные квартеты, тріо и др., три симфоніи — очень распространены и любимы. Всего же замѣчательнѣе его симфоническія школы»: Фаэтонъ, Пряжа Омфалы, Молодость Геркулеса — въ нихъ много красоты, волшебства, картинности и граціи.

Изъ современныхъ Сенъ-Сансу французскихъ композиторовъ, двое пользуются, во Франціи, любовью и уваженіемъ почти одинаковыми съ Сенъ-Сансомъ, это Делибъ и Массенэ,—но это совершенно незаслуженно. Какъ оперы и балеты перваго, такъ и оперы и библейскія драмы второго мелодичны и пріятны, но мало-замѣчательны по музыкѣ и выраженію, мало-талантливы и мало чѣмъ замѣчательны, кромѣ немногихъ красивыхъ частностей: таковы, напримѣръ, у Делиба — прославленный въ Европѣ фугованный хоръ смѣющихся придворныхъ дамъ въ оперѣ «Le roi l'a dit», балетъ Коппелія. Оба эти автора далеко ниже Сенъ-Санса и по творчеству, и по формамъ, и по оркестровкѣ, и по самостоятельности. Зато третій современникъ Сенъ-Санса, Литольфъ, незаслуженно пользуется слишкомъ уменьшенною противъ Сенъ-Санса репутаціею. Конечно, Литольфъ менѣе Сенъ-Санса силенъ по техникѣ своего дѣла, менѣе классиченъ и совершененъ въ формахъ, мелѣе красивъ и талантливъ въ своемъ оркестрѣ, но зато надѣленъ несравненно большимъ художественнымъ темпераментомъ, страстностью и самобытною оригинальностью. Его иногда упрекали въ нѣкоторой «грубоватости» и «декоративности», но этотъ недостатокъ, если онъ даже и существуетъ, легко затушевывается яркостью и стремительностью натуры, огнемъ и порывистымъ вдохновеніемъ, очень противуположными у Литольфа спокойно-красивому и правильно-классическому творчеству Сенъ-Санса. Его горячія, воодушевленныя увертюры: «Робеспьеръ» и «Жирондисты», его оригинальные фортепіанные «симфоническіе концерты», особливо «голландскій» сохранятъ, конечно, навсегда, значительное мѣсто среди музыкальныхъ созданій XIX вѣка.

62.

Брамсъ представляетъ собою явленіе совершенно исключительное, среди всѣхъ остальныхъ музыкальныхъ сочинителей XIX вѣка. Онъ не понималъ и не любилъ ни програмную музыку, ни «оперу», а это были два главнѣйшіе элементы въ симпатіяхъ, задачахъ и совершенствахъ музыки нашего вѣка. Онъ никогда не сочинялъ ничего «програмнаго», ничего «оперпаго». И одно это, конечно, явственно опредѣляетъ его натуру и физіономію. Жизнь, движенія, волнованія, порывы, страстность — все это были вещи, глубоко ему чуждыя и неизвѣстныя. Что онъ любилъ, что онъ обожалъ, что онъ боготворилъ, это музыку *саму по себѣ, музыку для музыки*. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, онъ прошелъ самую строгую техническую школу и пріобрѣлъ здѣсь сильное мастерство и умѣнье. Онъ былъ вскормленъ на Бахѣ, Бетховенѣ и Шуманѣ, и ихъ вліяніе на него, съ перваго же его шага въ музыкальномъ мірѣ, было явственно. Четырнадцати лѣтъ, онъ уже съ почетомъ выступилъ въ концертѣ съ своими фортепіанными варіаціями на нѣмецкую народную тему. Двадцати лѣтъ, онъ своими твореніями привелъ въ неописуемое восхищеніе Листа и Шумана.

Брамса считали прямо продолжателемъ созданія *третьяго періода* Бетховена и величайшимъ контрапунктистомъ со временъ Баха. Всего болѣе выступалъ и сражался за Брамса Ганслик, очень умный и талантливый, но также и очень ограниченный и односторонній критикъ. Первая симфонія Брамса (C-Moll) была названа X-ю симфоніею, послѣ IX-й Бетховенской.

Однако послѣдующая дѣятельность Брамса не оправдала громадныхъ ожиданій отъ него. Никто не сомнѣвался въ его блестящихъ и великихъ дарованіяхъ, всѣ находили много глубины въ его созданіяхъ, часто чувствовали въ нихъ также и много своеобразной красоты, признавали блестящіе его заслуги въ инструментальномъ творчествѣ, въ увеличеніи массовыхъ силъ и нѣжныхъ утонченностей оркестра, но большинство всѣхъ публикъ находило въ сочиненіяхъ Брамса

утомительную, разсудочную отвлеченность, недостатокъ вдохновенія. Всего выше у него — истинно геніальная соната F-Moll, въ 4 руки (1865 г.), передѣланная изъ квинтета: трагичность и нервная сила первой части, несравненная мощь и колоссальность скерцо, изображающаго сложно дикія орды, словно толпы кровожадныхъ степняковъ-азіатовъ, — поразительно живописно и колоритно; затѣмъ слѣдуетъ его «Нѣмецкій Реквіемъ», написанный по поводу смерти матери, 1867 г. Этотъ Реквіемъ произвелъ въ Германіи очень большое впечатлѣніе, и признанъ былъ «глубоко-поразительнымъ созданіемъ»; замѣчательны его «Рапсодія» для соло, хора и оркестра (называется «Nauxeise» Fête); «Пѣснь Нарокъ»; «Трагическая увертюра»; три симфоніи, секстеты, квинтеты, квартеты, сонаты для фортепіано, нѣсколько десятковъ романсовъ (Lieder), про одну серію которыхъ, его «жениховскую», и другую, посвященную Шуману, этотъ послѣдній писалъ: «Сколько ни смотрю на нихъ, все открываю тамъ новыя и новыя тонкія черты!»

Въ Германіи очень всегда славились «венгерскіе танцы» Брамса, и они достойны своей великой славы: Брамсъ глубоко и тщательно изучилъ физіономію и складъ венгерской (=цыганской) музыки, ея восточную оригинальную гамму, и создалъ рядъ музыкальныхъ произведеній очень замѣчательныхъ и изящныхъ.

Совершенною противуположностью германцу Брамсу является норвежецъ Григъ. Онъ не принадлежитъ къ числу композиторовъ великихъ, геніальныхъ, но талантъ его оригиналенъ, силенъ и разнообразенъ, главное же, необыкновенно характеренъ.

Григъ получилъ свое музыкальное образованіе въ лейпцигской консерваторіи (куда онъ поступилъ еще 15-лѣтнимъ мальчикомъ). Онъ всего болѣе воспитывался на сочиненіяхъ Шопена, Шумана, Листа и Вагнера. По возвращеніи въ Норвегію, свое отечество, въ 1862 году, съ лейпцигскимъ дипломомъ, онъ сталъ продолжать свое ученіе, въ Копенгагенѣ, у знаменитаго датскаго композитора Гаде (когда-то прежде тоже воспитанника лейпцигской консерваторіи), но это продолжалось недолго. Подъ вліяніемъ пламеннаго патріота, молодого норвежскаго композитора Нордраака, онъ образовалъ съ нимъ и нѣсколькими другими юношами музыкальное общество, имѣвшее цѣлью ратовать противъ «разслабленнаго, сладенькаго мендельсоно-гадевскаго скандинавизма и противъ лейпцигской консерваторіи». Скоро къ этому обществу присоединилось болѣе 800 членовъ изъ числа норвежскихъ любителей, и въ продолженіе многихъ лѣтъ Григъ дирижировалъ концертами этого общества. На этой почвѣ возмужалъ талантъ и опредѣлился вполнѣ самостоятельный характеръ Грига.

Еще въ 40-хъ годахъ XIX вѣка зрѣлася мыслью объ отечественной національной музыкѣ — норвежскій композиторъ Кеоруфъ. Онъ преслѣдовалъ такимъ образомъ ту самую цѣль о національной музыкѣ, которой, лѣтъ за 10 до него, посвятили себя поляки Шопенъ и русскій Глинка. Но Кеоруфъ сочинялъ только романсы и хоры въ національномъ норвежскомъ стилѣ. Наслѣдникомъ его явился, въ 60-хъ годахъ столѣтія, норвежецъ Свенсенъ, воспитывавшійся въ лейпцигской консерваторіи, а потомъ состоявшій нѣсколько лѣтъ капельмейстеромъ въ Парижѣ, что, впрочемъ, нисколько не помѣшало ему хорошо сохранить въ себѣ родныя преданія: онъ создалъ не мало талантливыхъ произведеній, гдѣ норвежскій національный элементъ играетъ большую роль. Это по преимуществу сочиненія все инструментальныя, квартеты, квинтеты, симфоніи, увертюры (изъ послѣднихъ вступленіе къ «Сигурду-Слембѣ», Бьернсона, норвежскій карнавалъ, норвежскія рапсодіи. Еще сильнѣе и характернѣе сочинялъ въ національномъ стилѣ, съ сильно обозначившейся норвежской ритмикой, мелодикой и гармоникой упомянутый уже Нордраакъ. (Музыка къ «Сигурду Слембѣ», Бьернсона и др.).

Но выше и оригинальнѣе всѣхъ своихъ товарищей въ національно-музыкальномъ дѣлѣ вышелъ — Григъ: онъ писалъ горячія статьи въ норвежскихъ газетахъ, гдѣ пропагандировалъ идею народной норвежской музыки, и съ восторгомъ давалъ отчетъ о симфоніи, въ національномъ складѣ, своего друга Свенсена, но въ то же время и самъ ревностно занятъ былъ сочиненіями въ національномъ стилѣ, — но почти всегда для фортепіано. Онъ настолько проявилъ тутъ таланта и національной самостоятельности, что его нерѣдко называли «сѣвернымъ Шопеномъ». Но это было названіе совершенно невѣрное. Григу слишкомъ далеко было до геніальности, грандіозности, разнообразія, глубины и необычайнаго богатства натуры Шопена. Шопенъ былъ истинный починатель, открыватель во всемъ, до чего ни касался своей творческой душой. Не только содержаніе его созданій глубоко личное, индивидуальное, и вмѣстѣ національное, но и самыя формы его сочиненій, ихъ техническія средства фортепіано — являлись у него новыми «открытіями». Въ фортепіанномъ дѣлѣ Григъ не создалъ новой эпохи, ни средствъ, онъ ни въ чемъ не расширилъ рамокъ, задачъ и эффектовъ этого своего инструмента. Но тѣмъ не менѣе, у Грига явился цѣлый рядъ сочиненій высоко талантливыхъ, и замѣчательныхъ по картинности и колориту, индивидуальному и національному. Главныя сочиненія его для фортепіано: «Poetische Tonbilder», «Humoresken», «Lyrische Stücke», «Nordische Tänze», «Norwegische Tänze», «Aus dem Volksleben», большая соната для одного фортепіано, впрочемъ, еще отзывающаяся классическими вліяніями лейпцигской консерваторіи, — затѣмъ три сонаты для фортепіано со скрипкой, и одна для фортепіано съ віолончелью. Изъ нихъ, его соната для фортепіано со скрипкой, F Dur, по всей справедливости, всегда особенно славилась своимъ оригинальнымъ складомъ и богатствомъ самостоятельной гармоніи. Еще въ молодыхъ годахъ своихъ, Григъ отказался отъ классическихъ симметричныхъ формъ, и излагалъ свои содержанія въ формахъ совершенно свободныхъ, «программныхъ». Многія изъ его фортепіанныхъ небольшихъ пьесъ, красивыхъ и оригинальныхъ, носятъ, подобно многимъ Шопеновскимъ, Листовскимъ и Шумановскимъ фортепіаннымъ сочиненіямъ, характеръ чисто автобіографическій. Таковы, наприм.: «Изъ моего юношества», «Ноктюрнъ», «Тяжелыя думы» (Schwermuth), «Ich liebe dich», «An meinen Sohn», «Am Grabe der Mutter», «Vom Monte Pincio» и др. Изъ большихъ его сочиненій, особенно выдаются картинныя двѣ его сонаты: «Holberg-Suite» (въ стилѣ XVIII вѣка) и «Peer Gynt-Suite» (музыка къ извѣстной драмѣ Ибсена, этого же имени, имѣющей цѣлью представить разнообразныя сцены изъ жизни какой-то личности въ родѣ «норвежскаго Фауста»); наконецъ, сюда же относится его кантата: «Передъ монастырскими стѣнами», для сопрано, женскаго хора и оркестра, посвященная имъ Листу, котораго онъ близко узналъ и глубоко обожалъ со времени своего довольно долгаго пребыванія въ Римѣ въ 1865 и 1869 годахъ. Романсы его, частью въ стилѣ Шуберта, а еще болѣе многочисленные — въ своемъ собственномъ, страстномъ, сердечномъ и глубоко поэтическомъ складѣ, сильно

Сенъ-Сансъ.

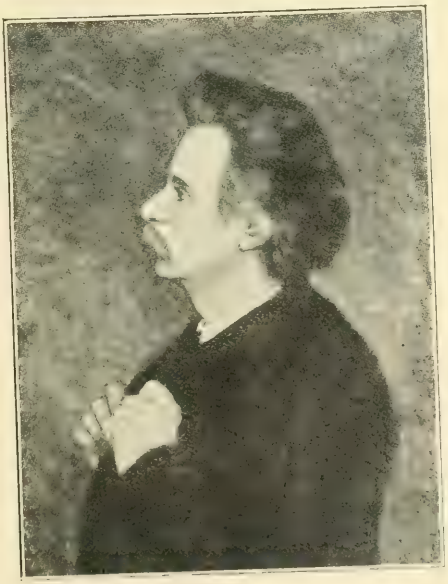
любимы во всей Европѣ. Чайковскій, находившій въ немъ черты сходства со своею собственною музыкальною натурою, говоритъ про Грига: «Насколько Брамсъ не любимъ среди русскихъ музыкантовъ и русской публики, настолько же Григъ сумѣлъ сразу и навсегда завоевать русскія сердца. Въ его музыкѣ, проникнутой чарующей меланхоліей, отражающей въ себѣ красоты норвежской природы, то величественно-широкой и грандіозной, то сѣренькой, скромно-убогой, но для души сѣверянина всегда несказанно чарующей, есть что-то намъ близкое, родное, немедленно находящее въ нашемъ сердцѣ горячій, сочувственный откликъ». Чайковскій однажды назвалъ Грига даже «геніальнымъ».

63.

Выступившіе на музыкальную сцену въ послѣдніе годы XIX вѣка новѣйшіе композиторы разныхъ странъ Европы не представляютъ, надо съ сожалѣніемъ признаться, явленій крупныхъ и замѣчательныхъ. И публика, и критика, пробовали возводить нѣкоторыхъ изъ ихъ числа въ великіе таланты, чуть не въ геніи, но эти искусственныя усилія ни къ чему не вели, и «великіе композиторы» оказывались «калифами на часъ». Ихъ очень скоро приходилось развѣнчивать.

Брамсъ.

Въ 1890 году вдругъ прошумѣла по всей Европѣ опера молодого итальянца Масканьи «Сельская честь» (Cavalleria rusticana), въ 1892 году—опера другого молодого итальянца Леонкавало «Паяцы». Не только въ Италіи, но даже въ Германіи, эти ничтожныя и безцвѣтныя произведенія были найдены чѣмъ-то замѣчательнымъ, проявленіемъ истинныхъ «героевъ» нашего времени, и доказательствомъ начинающагося, наконецъ-то, музыкальнаго прогресса Италіи, въ смыслѣ нынѣшнемъ. Очень скоро вѣтреная слава этихъ двухъ итальянцевъ испарилась, но оставила нѣкоторый слѣдъ въ европейскомъ музыкальномъ дѣлѣ. Явились нѣмецкіе ихъ продолжатели: вагнеріанцы Гумпердинкъ и Кинцль.



Григъ.

Конечно, будучи родомъ нѣмцы, и Гумпердинкъ, и Кинцль были въ сто разъ болѣе образованны въ музыкальномъ отношеніи, чѣмъ бѣдные младенцы-итальянцы, и, сверхъ того, въ сто разъ лучше ихъ владѣли оркестромъ, но все-таки ихъ родъ композиціи былъ поверхностный и мелкій, и жалко было смотрѣть, какъ великолѣпный вагнеровскій оркестръ и его талантливая гармонизація были разстрачиваемы Гумпердинкомъ въ Берлинѣ и Кинцлемъ въ Вѣнѣ, на ихъ легковѣсныхъ, часто банальныхъ «Гензеля и Гретель» (1893) и Евангельскаго человѣка» (1895). Но эти вещи были разсчитаны на толпу, и толпа ихъ приняла съ восхищеніемъ и вознесла до небесъ. Только и успѣхъ былъ столько же поверхностный, какъ сами авторы, какъ сами ихъ оперы, и какъ сама ихъ публика. Все очень скоро испарилось безъ слѣда.

Была въ Вѣнѣ сдѣлана еще одна попытка: высоко прославить вагнеріанца Брукнера, въ пику брамсіанцамъ и ихъ вѣнскому представителю, талантливому, но сильно консервативному писателю Ганслику. Брукнеръ стремился перенести вагнеровскій драматическій стиль и роскошный оркестръ въ церковную и симфоническую музыку. Но какъ ни хлопотали, какъ ни старались привить въ Германіи, во всеобщій вкусъ, сочиненія Брукнера такіе капитальные дирижеры, какъ Гансъ Рихтеръ, Артуръ Никишъ и другіе, ничто не помогло, и всѣ 9 симфоній Брукнера, его 3 мессы Те Деумъ и другія многочисленныя симфоническія и церковныя его сочиненія не получили права гражданства въ Германіи.

«Крайнимъ вагнеристомъ» считается въ Германіи Рихардъ Штраусъ. Въ теченіе послѣднихъ полутора десятка лѣтъ (съ 1885) онъ пользуется очень большой знаменитостью. Про него говорятъ, что онъ «превосходитъ Берліоза силою музыкальной натуры, но остается позади Листа по силѣ основной логики. Его инструменты утонченны до невозможности, такъ что онъ безусловно можетъ быть признанъ высоко-интереснымъ представителемъ всего направленія»... Послѣ нѣсколькихъ первоначальныхъ своихъ инструментальныхъ сочиненій, привлекавшихъ къ себѣ мало симпатіи слушателей (въ томъ числѣ была симфонія F-Moll, не имѣвшая успѣха, не взирая на всѣ усилія пропагандиста и пріятеля Рихарда Штрауса капельмейстера Ганса Бюлова), Штраусъ перешелъ къ сочиненіямъ програмнымъ, но такимъ, которыя отталкивали отъ себя большинство слушателей дикостью и безобразіемъ своихъ формъ и даже иногда безуміемъ своей нескладицы. Главнѣйшія сочиненія Штрауса, въ этомъ родѣ: симфоническая фантазія «Изъ Италіи», симфоническія картины: «Донъ Жуанъ» (1889), «Смерть и просвѣтленіе» (1890), «Макбетъ» (1891), «Забавныя штуки Тилля Эйленшпигеля» (1895), «Донъ-Кихотъ» (1898), «Жизнь героя» (1899), опера «Гунтрамъ» (1894), хоры и романсы (Lieder). Но самымъ высшимъ проявленіемъ ненормальной фантазіи и разнузданной мысли является, въ особенности, его попытка переложить на музыку знаменитое сочиненіе философа-декадента, скончавшагося въ домѣ умалишенныхъ, Фридриха Ницше: «Такъ изрекъ Заратустра» (1895).

Во всѣхъ послѣднихъ сочиненіяхъ Рихарда Штрауса оркестръ сложенъ до невѣроятности, но остается чрезвычайно-поразителенъ и колоритенъ, и пошелъ впередъ даже въ сравненіи съ оркестромъ Вагнера.

Рихардъ Штраусъ еще молодъ. Что онъ дальше еще создастъ, предвидѣть, покуда, еще невозможно.

64.

Въ теченіе XVIII вѣка, пріѣзжали въ Россію несчитаемыя

толпы иностранныхъ музыкантовъ — итальянцевъ, нѣмцевъ, поляковъ, чеховъ и иныхъ. Изъ нихъ одни были композиторы, и ставили на сцену никуда негодныя оперы, кантаты, ораторіи, хоры и аріи (даже одно время на итальянскомъ языкѣ, котораго у насъ никто не зналъ), начиная съ Абаззаровъ, и продолжая безчисленными трагическими операми: Беллерофонтами, Семирамидами, Алкидами, Альцестами, Антигонами, Дидонами, царями-пастухами, Цефалами и Прокрисами, и кончая комическими: «Земира и Азоръ», «Дезертиръ», «Духовидцы», «Дѣвушка въ Саксоніи», «Благородная пастушка» и т. д.; другіе играли на всѣхъ инструментахъ и пѣли (иногда даже модными тогда кастратскими голосами); еще иные заставляли русскіе хоры распѣвать въ русской церкви итальянскіе концерты и херувимскія; наконецъ, были и такіе, которые собирали, для насъ, наши же русскія народныя пѣсни, и печатали ихъ на свой ладъ, нѣмецкій или чешскій. Русскіе были обязаны всему этому покоряться и радоваться, потому что въ это время какъ-то ничего сами собой не начинали, пѣсенъ еще отъ своего народа не выбирали и не записывали. Наконецъ, еще большее число иностранцевъ-музыкантовъ являлось въ Россію учить русскихъ играть и пѣть, а также и иностранную музыку разумѣть, а, если можно, то и самимъ сочинять. Только это плохо осуществлялось, и русскіе люди слишкомъ малому изъ всего этого научались: ни пѣвцовъ, ни исполнителей, ни композиторовъ у насъ не разводилось, въ теченіе не только всего XVIII в., но и въ теченіе первой четверти XIX вѣка. Немногіе опыты и пробы дилетантовъ Екатерининскаго, Павловскаго, Александровскаго и Николаевскаго времени (Фомина, Николаева, Матинскаго, Пашкевича, Кавоса, Алябьева, Верстовскаго и др.) были только ничтожны, слабы, безцвѣтны и бездарны. Эти люди только старались подражать иностранцамъ, и потому никогда ничего не достигали. Русская опера была блѣдна, бѣдна и безсильна, инструментальная же музыка и вовсе отсутствовала.

Среди такой-то печальной, сухой и безотрадной степи, произошелъ фактъ, имѣвшій громадное значеніе, но довольно обычный въ русской исторіи. Явился великій человѣкъ, который, заключая въ себѣ совокупность, словно экстрактъ силъ народныхъ, всталъ, и пошелъ творить то, что ему было внушаемо духомъ народнымъ, но вмѣстѣ сталъ будить спящихъ соотечественниковъ на новую работу. Это былъ Глинка.

Онъ въ такой степени соотвѣтствовалъ потребностямъ времени и коренной сущности своего народа, что начатое имъ дѣло пробилъ и выросло въ самое короткое время, и дало такіе плоды, какихъ неизвѣстно было въ нашемъ отечествѣ въ продолженіе всѣхъ столѣтій его исторической жизни.

Глинка родился въ семьѣ помѣщичьей, въ деревнѣ, и всѣ дѣтскіе и юношескіе годы прожилъ среди характернѣйшихъ проявленій русскаго музыкальнаго творчества: церковнаго пѣнія и колоколовъ, и русской народной пѣсни. Его назначали въ чиновники, какими были всѣ дворяне, но онъ чувствовалъ, что «музыка его душа», а душу эту воспитывало то, что было создано русскимъ народомъ. «Пѣсни, слышанныя мною въ дѣтствѣ, — говоритъ онъ, — можетъ быть были первою причиною того, что впослѣдствіи я сталъ преимущественно разрабатывать народную русскую музыку».

«Сказать подобное навранъ-ли кто еще другой въ Европѣ могъ-бы? Нигдѣ народная пѣсня не играла и не играетъ такой роли какъ въ нашемъ народѣ, нигдѣ она не сохранилась въ такой богатствѣ, силѣ и разнообразіи, какъ у насъ. Это была основа силы и физіономію русской музыкѣ, и признакъ ея своимъ особеннымъ залачьемъ.

«Дѣдъ — помѣщикъ, и долго жилъ все только въ провинціальномъ захолустьѣ, а потомъ въ столичномъ чиновничьемъ мірѣ. Глинка прошелъ, самъ собою, и, можно сказать, почти даже безъ посторонняго учителя, какую школу пѣнія и знакомства съ европейскими музыкальными произведеніями — нигдѣ не было, въ его время, ни у одного изъ русскихъ музыкантовъ. Онъ учился (почти вовсѣ безъ учителя) игрѣ на фортепіано, въ 4 и 2 руки, игрѣ и стилю въ оркестрѣ, квартетамъ, симфоніямъ, увертюрамъ Моцарта, Гайдна, Бетховена, Вебера, а изъ тогдашнихъ новинокъ, Керубини, Спонтини, Метюли, Буальдье, Россини, Баха же и его «Wohltemperirtes Clavier» Глинка началъ знать со своего еще 24-лѣтняго возраста.

26-ти лѣтъ, Глинка поѣхалъ въ Италію и прожилъ тамъ 4 года. Въ 1834 г. онъ воротился въ Россію съ нѣсколькими очень важными пріобрѣтеніями.

Первое было то, что онъ перестаетъ вѣровать, какъ всѣ тогда, въ музыкальность Италіи. Онъ ничему тамъ не научился, кромѣ, развѣ, небольшого умѣнья владѣть голосами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ тамъ еще, далъ себѣ зарокъ: не писать для итальянскихъ примадоннъ», Итальянское пѣніе и сочиненія онъ пересталъ одобрять, и убѣдился, что искренно не можетъ быть итальянцемъ. Тоска по отчизнѣ навела его на мысль писать — по русски».

Второе было то, что онъ около 5 мѣсяцевъ учился, въ Берлинѣ, у профессора Дена, музыкальной теоріи. Чему онъ научился въ этотъ короткій срокъ — того хватило съ лихвой на всю его жизнь. Притомъ же онъ мало вѣрилъ въ музыкальную науку. Мнѣ какъ-то не удалось, — говоритъ онъ, — познакомиться въ Петербургѣ (въ 1824 году) со знаменитымъ контрапунктистомъ Миллеромъ. Какъ знать! Можетъ быть, оно и лучше. Строгій нѣмецкій контрапунктъ не всегда полезенъ пылкой фантазіи».

Третье было то, что ему въ голову запала мысль о «русской оперѣ». Еще въ молодости, скоро послѣ выпуска изъ пансіона, Глинка много работалъ на русскія темы, но то были только небольшія пѣсни, хоры, фортепіанныя вещи — въ томъ числѣ онъ пробовалъ сочинить увертюру-симфонію на круговую русскую тему, которая впрочемъ, самъ онъ говоритъ, была разработана по-нѣмецки». Теперь-же онъ задумалъ нѣчто совсѣмъ другое, въ сто разъ болѣе важное, широкое, оригинальное и великое — цѣлую *русскую оперу*.

Чтобъ привезти домой на родину такіе результаты, стоило, истинно стоило съѣздить въ чужіе края, и промаячить тамъ четыре года!

Съ того дня и часа, когда въ голову 30-ти лѣтняго русскаго помѣщика запала новая чудесная мысль, начинается новая эра въ русской музыкѣ, а можетъ быть и нѣчто такое, чему предстоитъ имѣть однажды важный вѣсъ и значеніе также и въ судьбахъ всей европейской музыки. У Глинки, по части «національной» оперы, былъ одинъ только предшественникъ — Веберъ. Но и этотъ геніальный музыкантъ гораздо болѣе далъ «германскаго» по глубокой правдивой мысли, по идеѣ, чувству, плану, по нѣмецкому сюжету и настроенію, чѣмъ по самой музыкѣ. Всего дѣйствительно «нѣмецкаго» по музыкѣ, во «Фрейшицѣ» — очень немного, и наприм., вальсъ крестьянъ, хоть и нѣмецкій, но слишкомъ еще незначителенъ и мало еще слишкомъ является представителемъ германства. Кромѣ Вебера, многіе другіе европейскіе композиторы новаго времени, наприм. Мейерберъ и его послѣдователи представляли оперу «историческую», но никогда не «національную». Этого не было у нихъ въ головѣ, да не могло и быть, потому что въ Европѣ національная музыка и ея главное основаніе національная пѣсня давно исчезла и нигдѣ уже (почти) болѣе не существуетъ. Напротивъ, Глинка, именно возросшій на народной пѣснѣ, и всегда ею окруженный, имѣлъ подъ руками такой богатый матеріалъ истинно народнаго настроенія и истинно народнаго выраженія, истинно-народной формы, какого нигдѣ (почти) уже болѣе не было. И его геній, опершійся на основу такого драгоцѣннаго матеріала, народилъ великія чудеса.

Художественная дѣятельность Глинки продолжалась всего только 20 лѣтъ, и въ теченіе этого времени онъ создалъ очень немного: всего 6 большихъ произведеній, изъ которыхъ 3 для голосовъ и оркестра («Жизнь за Царя», антракты и пѣсни къ «князю Холмскому», «Русланъ»), 3 для оркестра («Камаринская», «Арагонская Хота», «Ночь въ Мадридѣ»); сверхъ того, 4 или 5 замѣчательныхъ романсовъ, гораздо меньшаго противъ предыдущихъ произведеній достоинства. Все это представляетъ конпиненъ не очень большой по объему, но громадный по содержанію, по геніальному творчеству, по новизнѣ, силѣ и вліянію на дальнѣйшія судьбы русской музыки.

«Жизнь за Царя» — это опера, состоящая изъ двухъ поло-

винъ, совершенно разнаго характера, качества и достоинства. Одна половина заключаетъ все искусственное и второстепенное по сюжету и задачѣ, какъ-то: любовь нейланъ, условную, чувствительную и выдуманную, «оперную», какъ и сами нейлане Антонида и Сабининъ, сироту Ваню, тоже чувствительнаго, сентиментальнаго и оперного, только съ легкимъ переложеніемъ съ итальянскаго на русское. Другая половина заключаетъ въ себѣ все важнѣйшее и первостепенное въ оперѣ: Сусанина, личность котораго выражена и нарисована Глинкой въ сто разъ справедливѣе, живѣе и правдивѣе, въ сравненіи съ влюбленной парочкой его семейства и съ плаксивымъ сиротинушкой-пріемышемъ: но еще болѣе истинный элементъ и народный выразился въ чудныхъ хорахъ мужскихъ и женскихъ русскихъ (между ними всего выше женскій хоръ: «Разливалася, разгулялася»), въ превосходныхъ, полныхъ драматизма хорахъ польскихъ, въ изящныхъ и характерныхъ танцахъ польскихъ-же, въ изумительно-талантливомъ изображеніи русской зимней вьюги, и, наконецъ, болѣе всего, въ геніальномъ, совершенно безпримѣрномъ, въ музыкѣ, мощномъ и величественномъ хорѣ съ колоколами. «Славься».

Спустя 6 лѣтъ, Глинка далъ на сценѣ, въ 1842 году, вторую свою оперу «Русланъ», оперу, которая была созданіе великое, не однѣми только нѣкоторыми, исключительными своими частями, но уже вся сплошь, отъ начала и до конца. Конечно, такая вещь могла быть для всѣхъ только непріятна и страшна: эта опера безпокоила каждаго слушателя въ его привычкахъ и симпатіяхъ, просто-на-просто была тяжка и отталкивала отъ себя. Значитъ, всѣ поскорѣе и отвернулись отъ нея, а когда ее, ради наѣхавшихъ въ слѣдующемъ году итальянцевъ, совсѣмъ сняли со сцены, вмѣстѣ со всею русскою оперою, чтобъ замѣстить ее «Сомнамбулами», «Пиратами», «Лючіями» и прочею жалкою дребеденью, всѣ русскіе только вздохнули свободно, словно противный сто-пудовый камень съ груди свалился. Съ 38-лѣтнимъ Глинкой случилось, такимъ образомъ, то самое, что случилось съ 37-лѣтнимъ Пушкинымъ, когда оба они изъ талантливыхъ сочинителей превратились въ геніальныхъ художниковъ. Лучшія, совершеннѣйшія ихъ созданія не годились уже болѣе ихъ современнымъ соотечественникамъ. И Пушкина, и Глинку забывали съ равнодушіемъ, не видѣли, не чувствовали, не понимали и не помнили. Слѣпота и глухота были тогда въ Россіи феноменальныя.

Во многихъ отношеніяхъ, Глинка имѣетъ въ русской музыкѣ такое же значеніе, какъ Пушкинъ въ русской поэзіи. Оба великіе таланты, оба родоначальники новаго русскаго художественнаго творчества, оба глубоко національны и черпали свои великія силы всего болѣе изъ коренныхъ элементовъ своего народа, оба создали новый русскій языкъ — одинъ въ поэзіи, другой въ музыкѣ. Но существуютъ также между ними и значительныя различія. Пушкинъ имѣетъ главнѣйшее значеніе только для нашего отечества, и, какъ ни геніальны многія его созданія, по содержанію и по формѣ, какъ ни драгоцѣнны, поэтому, для всѣхъ вообще разнообразныхъ народовъ, но исключительная спеціальность и обособленность русскаго народнаго языка всегда ставили, а можетъ быть и всегда будутъ ставить, нѣкоторую непроходимую стѣну между созданіями Пушкина и остальнымъ міромъ. На сторонѣ Глинки была та особенность, можетъ быть преимущество — что его искусство, музыка, владѣетъ тѣмъ орудіемъ, которое всѣмъ народамъ одинаково доступно, понятно и родственно — рѣчь музыкальная. И для этого-то всемірнаго органа Глинка сдѣлалъ много новыхъ открытій, создалъ много новыхъ начинаній, великихъ, могучихъ и глубокихъ, которыя могутъ и должны войти въ общую, всемірную сокровищницу музыкальнаго искусства. Для этого Пушкинъ не имѣлъ уже никакой возможности. Сюда относятся разнообразныя особенности мелодіи, гармоніи, ритма, оркестровки, новыхъ гаммъ, снова введенныхъ въ музыку, послѣ длиннаго перерыва, столько характерныхъ древне-церковныхъ тоновъ, наконецъ, новыя особенности всего вообще склада, которыя придаютъ созданіямъ Глинки свою совершенно особенную и оригинальную физіономію. Но съ другой стороны, Пушкинъ превосходилъ Глинку нѣкоторыми такими элементами, которые были необычайно велики въ его натурѣ, и которыхъ недоставало натурѣ Глинки. Все болѣе это выразилось въ томъ, что Пушкинъ былъ великій лирикъ, великій эпикъ и великій драматикъ, тогда какъ Глинка былъ только великій лирикъ и великій эпикъ, но вполнѣ лишенъ былъ элемента драматизма, и этимъ громадно бѣднѣе Пушкина. Именно этотъ недостатокъ препятствуетъ тому, чтобъ его величайшее созданіе, «Русланъ и Людмила», имѣло право считаться «первою оперою въ мірѣ».

Мало ли сколько есть оперъ на свѣтѣ, въ которыхъ драматизма нѣтъ, и которыя, не взирая на то, что «драматизмъ», казалось бы, долженъ былъ бы быть началомъ и концомъ всего въ оперѣ, — все-таки считаются великими, несравненными, образцовыми и геніальными операми. Нѣтъ драматизма ни въ «Донъ-Жуанѣ» Моцарта, ни въ «Фиделіо» Бетховена, ни (даже) въ Фрейшюцѣ Вебера, не говоря уже о всей тучѣ оперъ посредственныхъ и второстепенныхъ, иногда даже и вовсе бездарныхъ, которыми пробавляется обыкновенно Европа. Но съ современными вкусами нельзя и не слѣдуетъ слишкомъ считаться, и если приходится нѣсколько умалять значеніе «Руслана», то не на основаніи случайныхъ модъ и мало разумныхъ капризовъ толпы, не на основаніи того, что большинство считаетъ «драматизмомъ» (въ какомъ-нибудь падугомъ Вильгельмѣ Теллѣ, въ какой-нибудь жалкой «Аидѣ», и сотняхъ другихъ подобныхъ же ничтожествъ), а на основаніи требованія задачи и искусства, какъ это ярко и высоко-художественно на вѣки вѣковъ проявилось, напримѣръ, въ «Гугенотахъ».

Глинка былъ геніальный эпикъ. И это одно изъ поразительныхъ явленій его натуры. Нидѣ, въ продолженіе всей своей жизни, ни въ разговорахъ, ни въ письмахъ, ни въ автобіографіи, онъ не проявлялъ этого великаго своего дара, своего глубокаго пониманія исторіи, своей страсти и любви къ ней. Повсюду мы встрѣчаемся только съ довольно обыкновеннымъ, посредственнымъ и ординарнымъ, выраженіемъ русскаго патріотизма, какой очень часто встрѣчался у людей изъ нашей помѣщичьей среды Александровскаго и Николаевскаго времени. Въ этомъ помѣщичьемъ обликѣ и характерѣ выразились у Глинки Сабининъ, Ваня и даже отчасти самъ Сусанинъ въ «Жизнь за царя». Но чтобъ среди этихъ добронравныхъ и благонамѣренныхъ чувствованій проявились вдругъ колоссальныя, историческія картины древней Руси, какими дышатъ нѣкоторые хоры 1-й глинкинской оперы, и въ особенности несравненное, великое «Славься», и какими наполнена вся 2-я его опера, «Русланъ», картины съ глубочайшимъ постиженіемъ русской народности, съ глубочайшимъ выраженіемъ истиннаго русскаго духа и колорита, особенно въ древнюю, языческую, даже доисторическую эпоху Руси, — вотъ что истинно непостижимо и неожиданно.

Еще въ «Жизни за Царя» Глинка имѣлъ отчасти предшественника, по выраженію народности и историчности на временъ новѣйшей исторіи — это Мейербера, отчасти въ «Робертѣ» (элементъ средневѣковой, рыцарскій), и всего болѣе въ «Гугенотахъ» (элементъ эпохи Возрожденія, католицизма и протестантства), — но, что касается временъ сѣдой народной древности, язычества и индивидуальной независимости отдѣльныхъ личностей — тутъ уже не было у Глинки никакихъ предшественниковъ, и онъ все начиналъ. Въ сравненіи съ древне-русскимъ богатырскимъ міромъ Глинки — малы, бѣдны и фальшивы всѣ остальные богатырскіе міры, пробованные до сихъ поръ композиторами другихъ странъ Европы. Всѣ сахарно-сладкіе и сентиментальные, влюбленные и реторическіе герои и рыцари Рихарда Вагнера, Тристаны, Лоэнгрины, Зигмунды и Зигфриды — сумѣй помадныя куколки, не взирая на всѣ свои мечи и молоты, шлемы-невидимки и музыкальные рожки, несмотря на всѣхъ своихъ менѣзей и лебедей.

Полетъ Валкиріи, сколько ни красивый и картинный, никогда не выше полета Черномора, ураганнаго, мгновеннаго безумно-стремительнаго, зловѣщаго, по нѣмецкій полетъ гораздо безсмысленнѣе и нелѣпѣе русскаго по задачѣ (военная дѣвы!).

Лирическія сцены задумчиваго богатыря на заглохшемъ подъ битвы, молодого восточника съ цвѣтами, какъ роскошный персидскій коверъ, личностью, глубоко-народныя сцены

чесной языческой свадьбы, древне-языческихъ похоронъ, сцены древнихъ восточныхъ пляскокъ и русскаго волшебства (колдунъ, Финнъ и колдунья Наина) не имѣютъ себѣ подобныхъ во всей всемірной оперной литературѣ.

Наряду съ начинаніями въ оперѣ, великъ у Глинки и начинанія въ области инструментальной музыки. Его «Камаринская» явилась первой пробой совершенно самостоятельнаго русскаго «скерцо», столько же оригинальнаго, небывалаго и несравненнаго по таланту, какъ всѣ высшія скерцо Бетховена: его чисто бетховенская по силѣ и полету «Арагонская Хота» и «Ночь въ Мадридѣ», геніальныя симфоническія картины, созданныя въ то время, когда Листъ не писалъ еще ни единой своей «Symphonische Dichtung». Наконецъ, антракты къ «Холмскому»—превосходное созданіе, идущее, по таланту, въ параллель съ антрактами къ «Эгмонту» Бетховена, но содержащее такой изумительный перлъ, историческую и народную картину, въ немногихъ строкахъ—антрактъ и пѣснь еврейки Рахили, не имѣющіе себѣ ничего подобнаго во всей музыкѣ.

Но со всѣми этими великими созданіями случилось то же, что съ лучшими и высшими созданіями Пушкина: ихъ игнорировали и въ Россіи, и въ Европѣ, и лишь въ концѣ XIX в. стали понемногу слушать и понимать въ нашемъ отечествѣ. За Европой дѣло впереди.

Принято считать, что изъ романсовъ Глинки, наивысшій и замѣчательнѣйшій — «Ночной смотръ». И дѣйствительно, въ этомъ романсѣ является замѣчательная крѣпость формы, много красоты и картинности, но задача - прославленіе Наполеона и его армій—недостойна Глинки, а все содержаніе — нелѣпо, это едва ли не единственное произведеніе Глинки, гдѣ онъ принесъ жертву модному въ 30-хъ годахъ безобразному романтизму (воззванія изъ гробовъ, мертвецы, замогильныя событія и фатальный напускной колоритъ).

Глинка.

Несравненно болѣе высокими и художественными, чѣмъ этотъ «Смотръ», и искреннѣе являются двѣ женскія пѣсни въ «Князѣ Холмскомъ»: Еврейская пѣснь Рахили и «Сонъ Рахили». Глубоко-эпическій характеръ первой, глубоко-страстный, полу-сумасшедшій характеръ второй — необычайно гармоничны и самобытны, а національность первой безпримѣрна во всей музыкѣ. Рахиль Глинки безъ сравненія выше и оригинальнѣе Кармэнъ Бетховена, даже въ чудной картинѣ смерти этой послѣдней. Довольно замѣчательны, сверхъ того, у Глинки: «Марьяна» и «Ты скоро меня позабудешь».

65.

Даргомыжскій во всю жизнь Глинки былъ постоянно достойнымъ его товарищемъ и художественнымъ спутникомъ. Послѣ смерти Глинки, онъ еще болѣе сблизился съ нимъ, по духу, и несомнѣнно для потомства будетъ имѣть неразрывное съ нимъ значеніе. По силѣ, богатству и разнообразію творчества онъ, безъ сомнѣнія, значительно уступаетъ колоссальному «Руслану и Камаринской», но по глубинѣ и «вѣрности почти по необычайной новизнѣ и мощи своей реалистической дѣятельности» онъ не уступаетъ Глинкѣ, и составляетъ вторую половину геніальнѣйшаго музыкальнаго творчества Россіи въ XIX вѣкѣ.

Подобно Шуману, Даргомыжскій былъ почти вовсе лишенъ инструментальнаго дара, онъ не былъ рожденъ музыкальнымъ колористомъ, и лишь въ очень малой мѣрѣ владѣлъ красками оркестра; сверхъ того, въ сочиненіи своемъ мало способенъ былъ проявлять крѣпкія, органическія, концентрированныя формы музыкальнаго изложенія и развитія. Здѣсь онъ не можетъ ни въ самомалѣйшей степени идти въ сравненіе съ Глинкой. Но гдѣ онъ его въ безконечной степени превосходитъ — это въ драматичности выраженія, въ страстности и несравненной правдивости естественной, вѣрной, жизненной, безыскусственной декламаціи. Въ этомъ никто въ мірѣ до сихъ поръ еще его не превзошелъ, и лишь до нѣкоторой степени, иногда приближаются къ нему, изъ иностранцевъ, Глюкъ и Мейерберъ. Конечно, русскіе современники никогда достойно не оцѣняли этихъ великихъ качествъ, точь-въ-точь какъ очень мало оцѣняли, при жизни Глюки, и долгое время послѣ его смерти, наивеличайшія, высшія качества этого послѣдняго. Они въ нихъ не нуждались, ни у того, ни у другого такъ сильна и глубока была порча, нанесенная итальянской музыкой и пѣніемъ, такъ силенъ былъ вредъ моды, предразсудковъ и слѣпого поклоненія всему иностранному.

Въ молодости, Даргомыжскій сочинялъ только недурные, но уже хорошо декламированные романсы и плоховатыя безцвѣтныя оперы, слегка подражающія легкому Оберу и другимъ французамъ. При всемъ подражаніи Глинкѣ, у него уже и тутъ было нѣчто «свое». Глинка вступилъ на настоящій свой путь въ 1836 г., 32-хъ лѣтъ. Даргомыжскій, сравнительно, гораздо позже: въ 1856 г., 43-хъ лѣтъ. Но въ послѣдующія затѣмъ 15-лѣтъ, онъ создавалъ уже все только chefs d'œuvre'ы, и никогда уже болѣе не ослабѣвалъ и не падалъ. Онъ умеръ 58-ми лѣтъ, и смерть его застала, когда онъ дописывалъ самыя геніальныя свои страницы.

Прекрасна была, во многомъ, его опера «Русалка», прекрасна была у него фигура пушкинскаго «мельника», низкаго и банальнаго всю жизнь душой, но выросшаго, въ дни несчастія, до громаднаго выраженія трагическаго чувства; прекрасно было тутъ даже нѣчто народное, русское, прежде всегда столь недоступное Даргомыжскому (пѣсня «сватушки», славянская пляска); наконецъ, выше всего былъ «призывъ» Русалки, полный чуднаго чувства, страстности и волшебства. Но еще превосходнѣе были тогдашніе новые, могучіе по трагическому выраженію, романсы его: «Старый капралъ», «Паладинъ», и его изумительные романсы съ комическимъ содержаніемъ: «Червякъ», «Титулярный совѣтникъ», «Мельникъ», «Влекутъ меня въ твои объятья»: великолѣпны были два его хора изъ «Рагданы» (одинъ, волшебный женскій, другой мистическій мужской, восточныхъ отшельниковъ); дивной поэзіи и красоты были полны его два восточные романса: «О, дѣва роза, ты въ оковахъ», «Ты рождена воспламенять»; наконецъ, даже въ инструментальной музыкѣ Даргомыжскій явился тогда композиторомъ неимовѣрно вдругъ выросшимъ: уже его Малороссійскій казачокъ былъ оригиналенъ и увлекателенъ, даже послѣ Камаринской (созданія, все-таки, гораздо болѣе высокаго), но его Чухонская фантазія явилась созданіемъ вполнѣ поразительнымъ по юмору, своеобразности, новизнѣ и художественной силѣ, — не только по творчеству, но и по оркестру.

Таковъ былъ громадный подъемъ Даргомыжскаго въ послѣдніе годы и дни его жизни. Но все это были, можно сказать, лишь пробы пера въ сравненіи съ тѣмъ великимъ произведеніемъ, которому было суждено явиться его послѣднею, лебединою пѣснью. Я разумѣю его «Каменнаго Гостя». Это созданіе громадно-геніальное и не имѣющее себѣ ни равнаго, ни подобнаго во всей музыкѣ, и имѣющее право считаться великимъ товарищемъ Руслана Глинки. Въ послѣдніе свои дни, Даргомыжскій писалъ въ письмѣ къ своей пріятельницѣ и поклонницѣ, Л. И. Кармалиной, великія, несравненныя свои слова: «Я не намѣренъ низводить музыку до забавы, для нашихъ любителей и писакъ. Хочу, чтобы звуки прямо выражали слово. Хочу правды». И онъ осуществилъ свою новую мысль съ силою неслыханною и невиданною въ Европѣ, съ силою истинно геніальною.

Даргомыжскій создалъ въ своемъ «Каменномъ Гостѣ» не одну только «правдивую», «жизненную рѣчь». Онъ создалъ тамъ многое другое еще, наравнѣ съ великимъ товарищемъ своимъ Глинкой. Онъ создалъ въ своей музыкѣ полные и вѣрнѣйшіе характеры человѣческіе, съ правдивостью и глубиною истинно Шекспировской и Пушкинской; онъ далъ безконечную послѣдовательность сценъ, гдѣ несравненно болѣе, чѣмъ у Вагнера (въ самыхъ смѣлыхъ его попыткахъ), нарисована физіономія и характеристика личностей, гдѣ помимо всякой «безконечной мелодіи», помимо всякихъ пелѣныхъ и безобразныхъ «лейт-мотивовъ», рисуются черты человѣческія, индивидуальныя, условленныя временемъ, мѣстомъ, моментомъ, смѣняющимися внезапно настроеніями, скачками мысли, чувства, страсти. Здѣсь Даргомыжскій несравненъ и безпримѣренъ. Онъ для оперы то же, что Листъ для симфоніи. Онъ разрушаетъ всѣ условныя правила и формы. Такъ далеко никогда Вагнеръ не ходилъ. Онъ все-таки (особливо подъ конецъ жизни) приносилъ жертвы традиціоннымъ, формальнымъ хорамъ (въ «Гибели боговъ»), маршамъ (въ «Тангейзерѣ», «Лоэнгринѣ», похоронахъ Зигфрида), условнымъ дуэтамъ (въ Тристанѣ и Изольдѣ), и т. д. Даргомыжскій былъ несравненно шире, глубже и послѣдовательнѣе въ своихъ революціяхъ и реформахъ. Онъ нигдѣ ни на единую ноту не сдалъ изъ своей программы, и остался строгимъ, неподкупнымъ драматикомъ, провозглашателемъ и водворителемъ «жизненной правды». Ко всему этому, онъ прибавилъ цѣлую сокровищницу новыхъ ритмовъ, своеобразныхъ рисунковъ и очертаній, наконецъ совершенно оригинальное употребленіе гаммы цѣлыми тонами (явленіе Командора), не взирая на то, что уже и Глинка геніально создалъ и ввелъ, только въ другомъ рисункѣ, подобную же гамму въ своемъ «Русланѣ» (полетъ Черномора).

Даргомыжскій.

Да, невозможно твердо не вѣровать, что придетъ время, когда геній Даргомыжскаго будетъ сознанъ во всей его силѣ и великости, и наконецъ оцѣненъ будетъ всею славою, которой давно заслуживаетъ.

66.

Еще при жизни Глинки и Даргомыжскаго, около середины XIX вѣка, началось въ нашемъ отечествѣ великое новое музыкальное движеніе. Въ Петербургѣ образовался музыкальный союзъ нѣсколькихъ юношей, одушевленныхъ мыслью о необходимости новаго направленія въ музыкѣ и новаго движенія ея впередъ. Конечно, всякій давно замѣтилъ, что XIX вѣкъ любилъ, болѣе всѣхъ предыдущихъ, ассоціаціи или товарищества молодыхъ людей, даровитыхъ и стремящихся побѣдить царствующую въ ихъ дѣлѣ рутину. Такихъ ассоціаціи указать можно не мало. Въ первой четверти XIX столѣтія возникло, въ Римѣ, «Товарищество Назареевъ» (живописцы); во второй четверти, вблизи Парижа—«товарищество Барбизонцевъ» (живописцы); во второй же четверти, въ Лейпцигѣ—«товарищество царя Давида» (Davidsbündler, музыканты); въ началѣ 70-хъ годовъ товарищество передвижниковъ, въ Петербургѣ (живописцы); въ концѣ 50-хъ годовъ, въ Петербургѣ же, «Товарищество Балакирева» (музыкантовъ). Всѣ эти товарищества достигли великихъ цѣлей, и много сдѣлали для успѣха своего дѣла. Какъ было всегда до нихъ (да вѣроятно будетъ и всегда впредь), товарищество Балакирева было встрѣчено сначала недовѣріемъ, потомъ насмѣшками и презрѣніемъ. Не было конца глумленію и преслѣдованіямъ. Ихъ окрестили даже, по иниціативѣ Сѣрова, который терпѣть ихъ не могъ, презрительнымъ прозвищемъ «могучей кучки», и одно уже это названіе казалось большинству (худшей и невѣжественнѣйшей половинѣ) русской публики вполнѣ достаточнымъ для уничтоженія презрѣннаго врага. Но, сверхъ того, ихъ постоянно прозывали «невѣждами», «дилетантами», ревностно распускали о нихъ глупую клевету, что они «гонители истинной музыки», «враги музыкальной науки и знанія», величали ихъ дерзкими самохвалами и неприличными превозносителями другъ друга. Концерты Безплатной школы, около которой они группировались, не хотѣли знать, ихъ избѣгали и надъ ними трунили. И все-таки, подобно прочимъ, европейскимъ художественнымъ товариществамъ, «Товарищество Балакирева» взяло свое. Оно побѣдило и публику, и музыкантовъ, оно посѣяло новое благодатное зерно, давшее вскорѣ потомъ роскошнѣйшую, плодовитѣйшую жатву. Всѣ прежніе враги, темные и неразумные, поджали хвостъ и навѣки.

«Балакиревское товарищество» завоевало себѣ прочное почетное положеніе во мнѣніи не только Россіи, но и Европы.

Заслуги этого Товарищества были очень многочисленны и очень важны. Прежде всего, оно признало своимъ главой и краеугольнымъ камнемъ русской музыки Глинку, еще непонимаемаго, игнорируемаго и даже не мало преслѣдуемаго; оно взяло себѣ задачей—распространеніе справедливаго пониманія и оцѣненія Глинки; оно взяло себѣ задачей водвореніе въ современной русской музыкѣ національности, послѣ Глинки почти вполнѣ оставленной въ сторонѣ; наконецъ, оно взяло себѣ задачей подобное же распространеніе игнорируемыхъ и мало цѣнимыхъ Берліоза, Листа и Шумана, и вмѣстѣ съ тѣмъ, оно повело энергическую, непримѣримую войну съ безумною русскою итальяноманіей, превосходившей по своему фанатизму, итальяноманію всѣхъ другихъ странъ Европы.

Удачное выполненіе этихъ чудесныхъ задачъ, это ли еще не великая заслуга передъ исторіей и искусствомъ?

Нельзя, мнѣ кажется, сомнѣваться иначе въ томъ, что, не будь Балакирева, судьбы русской музыки были бы совершенно другія, чѣмъ какія создались въ русской художественной исторіи. Собравшаяся около Балакирева и отъ всего сердца повѣрившаяся ему молодежь была сильно талантлива и, поэтому, даже и сама по себѣ, помимо него, навѣрное произвела бы на своемъ вѣку много высокаго, поэтическаго и замѣчательнаго. Только все это имѣло бы иной характеръ. Изъ временъ Глинки былъ еще на свѣтѣ одинъ только Даргомыжскій, всю жизнь преданный къ задачамъ не національнымъ, не русскимъ, а обще-европейскимъ. Безъ сомнѣнія, и

Мусоргскій, и Римскій-Корсаковъ, и Бородинъ, рано или поздно, непремѣнно обратились бы въ композиторовъ народныхъ, по глубокому требованію своей собственной натуры. Но это могло быть замедлено, даже *временно* затемнено или отвлечено въ сторону, подъ вліяніемъ общаго тогдашняго настроенія, вкусовъ и музыкальныхъ модъ, а наконецъ, даже и возникшей, въ началѣ 60-хъ годовъ, консерваторіи. Но своимъ рѣшительнымъ, увлекательнымъ указаніемъ и внушеніемъ Балакиревъ произвелъ неподѣлимое вліяніе на юныхъ товарищей и образовалъ изъ нихъ и съ ними—новую русскую музыкальную школу. Онъ ихъ училъ и воспитывалъ, уча и воспитывая въ то же время и самого себя. Своихъ юныхъ товарищей, сначала Кюи и Мусоргскаго, а нѣсколько позже, также и Римскаго-Корсакова и Бородина, Балакиревъ познакомилъ со всѣмъ, что въ музыкѣ создано самаго великаго и безсмертнаго, начиная съ Баха и Генделя, Бетховена, Вебера и Франца Шуберта — до самыхъ нашихъ дней. Всего болѣе онъ останавливался съ ними въ своихъ изученіяхъ (впрочемъ, согласно и съ собственными вкусами всей этой талантливой и высоко-интеллектуальной молодежи) на созданіяхъ страстно-любимыхъ имъ Берліоза, Листа, Шумана и Шопена на Западѣ Европы, и Глинки на Востокѣ ея, въ нашей Россіи. Критика и оцѣнка музыкальныхъ созданій являлась у Балакирева столько же смѣлою, сильною и оригинальною, какъ у его предшественника—Глинки. Никто другой у насъ, раньше Балакирева, не осмѣливался оставаться независимымъ и неподкупнымъ къ давно и повсюду признаннымъ авторитетамъ и персоцѣнивать ихъ по собственному своему, нынѣшнему чувству и понятію. Глинка осмѣливался смотрѣть смѣлыми глазами даже на созданія Моцарта и Вебера—заповѣдныя даже для такого сильнаго и самостоятельнаго ума, какъ Шуманъ, но Балакиревъ взвѣшивалъ и оцѣнялъ съ такою же безстрашной смѣлостью и всѣ другія явленія музыкальнаго міра нашего вѣка. Съ такимъ символомъ вѣры въ умѣ и обожаніи своемъ, новое товарищество русскихъ «Davidsbündler'овъ» скоро сложилось съ несокрушимой силой и твердостью, и никогда уже не сходило внизъ со своихъ великихъ краеугольныхъ камней. Это товарищество выросло, поднялось и окрѣпло на рукахъ и нотѣ нашемъ Балакирева. По впослѣдствіи, сознавъ свои силы и опутнвъ свои крылья, молодые русскіе композиторы изъ обаянія имѣла поднялись и выступили въ разныя стороны, и понеслись каждый къ своимъ особеннымъ цѣлямъ и задачамъ.

Мусоргскій родился реформаторомъ, починателемъ, подобно Глинкѣ и Даргомыжскому—хотя, безъ сомнѣнія, съ талантомъ гораздо менѣе обширнымъ и важнымъ. Его дѣятельность принадлежала той сферѣ искусства, гдѣ раньше его дѣйствовалъ Даргомыжскій и которая носитъ названіе «реализма». Но здѣсь онъ явился такимъ созидателемъ новаго и небывалаго раньше его, что еще, при первыхъ его попыткахъ, Даргомыжскій говорилъ: «Этотъ пойдетъ дальше меня». И дѣйствительно, еще не было тогда на свѣтѣ «Каменнаго Гостя», этого колоссальнаго почина новой музыки, истинной «музыки будущаго» (въ противоположность не-истинной «музыкѣ будущаго» Рихарда Вагнера), — а Мусоргскій создавалъ уже цѣлую массу своихъ романсовъ, полныхъ того самаго духа, склада, выраженія, которые нарисовали впослѣдствіи [illegible] и необычайное въ «Борисѣ» и въ «Хованщинѣ». «Каменный Гость» никакого уже новаго матеріала не прибавилъ въ натуру Мусоргскаго. Онъ уже и самъ былъ весь [illegible].

Но вмѣстѣ съ временемъ правды, реальности музыки [illegible] выдающимися, рожденной до наивысочайшей степени [illegible] и жизненности. Мусоргскій обладалъ [illegible] другими элементами, которыхъ не было у Даргомыжскаго. [illegible] было уже указано выше. Мусоргскій способенъ [illegible] выражать русскую національность во всѣхъ ея [illegible] чертахъ, что почти вовсе не было [illegible] Даргомыжскомъ, или, по крайней мѣрѣ, въ степени [illegible]. Хотя и Даргомыжскій былъ отнюдь изъ [illegible] сторонъ музыкальной натуры Даргомыжскаго, но [illegible] проявлялся всегда лишь въ одномъ единственномъ лицѣ, и никогда не способенъ былъ давать цѣлыя картины, гдѣ бы дѣйствующими лицами являлся, въ комическомъ положеніи и съ комическою ролью и выраженіемъ, цѣлый рядъ разнообразныхъ, разнохарактерныхъ личностей мужского и женскаго пола. У Мусоргскаго, наоборотъ, комическія сцены множества лицъ заразъ, съ разнообразными характерами и физіономіями, составляютъ вѣнецъ и торжество его творчества. Такія сцены, какъ первая народная сцена на Кремлевской площади въ «Борисѣ» и сцена «Чествованія боярина въ Кромахъ», въ концѣ той же оперы, сцена въ кормчѣ», тамъ же, цѣлый рядъ народныхъ сценъ въ Кремлѣ, въ началѣ «Хованщины», сцены стрѣльцовъ съ женами въ Стрѣлецкой слободѣ, въ той же оперѣ, и т. д., явились на театрѣ чѣмъ-то совершенно новымъ и своеобразнымъ. Наконецъ, тотъ «дѣтскій міръ», который проявился съ такой глубиной чувства и натуры, граціи и наивности въ его несравненной «Дѣтской», есть новое, своеобразное явленіе въ музыкѣ, совершенно оригинальное даже и послѣ чудныхъ дѣтскихъ сценокъ Шумана—инструментальныхъ, и лишенныхъ тѣхъ изумительно правдивыхъ интонацій голоса, которыя такъ поэтично явились у Мусоргскаго.

Наконецъ, Мусоргскій создалъ еще нѣчто совершенно новое: музыкальную сатиру, гдѣ онъ съ неистощимымъ комизмомъ, картинностью («Классикъ», «Раёкъ») и образностью разилъ своихъ музыкальныхъ враговъ и противниковъ, и передавалъ ихъ обликъ въ такихъ оригинальныхъ формахъ, что слушатели помирали со смѣху и словно видѣли и слышали живыми представляемыя личности. Всѣ эти самобытныя начинанія даютъ твореніямъ Мусоргскаго высокое, совершенно особенное значеніе въ ряду другихъ композиторовъ.

Главныя созданія Мусоргскаго — двѣ его оперы: «Борисъ Годуновъ» и «Хованщина». Это—двѣ чисто историческія картины, геніально выраженныя въ музыкѣ, но безъ старинныхъ условныхъ арій, дуэтовъ и терцетовъ прежняго времени. Другой отдѣлъ созданій Мусоргскаго составляли его романсы. Одни изъ нихъ были эпическіе («Саулъ», «Еврейская пѣснь»), другіе—трагическіе («Сиротка», «Крестьянскій сынъ», «Савишна», «Забытый», «Трепакъ», «Полководецъ» и др.), третьи—комическіе («Козель», «Семинаристъ», «Озорникъ», «Но грибы» и др.), четвертые—граціозные и наивные («Дѣтская»). Всѣ его романсы были въ глубоко-національномъ духѣ. Романсы Мусоргскаго взяли себѣ задачей *всѣ* слои русскаго общества: и крестьянскій, и дворянскій, и средній, мужчинъ и женщинъ, и старыхъ—и молодыхъ, и взрослыхъ—и дѣтей, и пѣвцовъ и семинаристовъ, и полководцевъ—и юродивыхъ.

Мусоргскій не былъ рожденъ съ талантомъ къ оркестру и инструментовкѣ. Но тѣмъ не менѣе, у него есть нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій для оркестра: «Intermezzo», «Полонезъ» въ «Борисѣ Годуновѣ», «Пляска персидки» въ «Хованщинѣ», «Ночь на Лысой горѣ». Двѣ послѣднія вещи были, послѣ смерти автора, чудесно инструментованы пріятелемъ Мусоргскаго, Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ, и, конечно, много выиграли при этомъ. (Самимъ Мусоргскимъ прекрасно и оригинально была оркестрована также «Пѣснь Марѳы» въ «Хованщинѣ».

Бородинъ написалъ на своемъ вѣку не много: двѣ симфоніи (третью не докончилъ,) одну симфоническую поэму «Средняя Азія», одну оперу, IV-й актъ оперы-балета «Млада», нѣсколько романсовъ. Все это созданія высокоталантливыя, поразительныя, часто картины могучія. А опера «Князь Игорь», II-я симфонія—созданія въ высочайшей степени геніальныя. Уже и I-я симфонія Бородина была необыкновенно своеобразна и талантлива въ первой своей части, а потомъ въ чудномъ поэтическомъ своемъ Adagio, въ скерцо и финалѣ съ поразительными нисспускающимися ходами, которые Мусоргскій прозвалъ «клеваньями», но еще выше I-й—«богатырская» II-я симфонія, гдѣ въ первой части поминутно слышатся удары, направо и налѣво, сплеча, богатырскаго меча, въ Adagio—поэтическая пѣснь гусляра, а въ финалѣ—великій пиръ и праздникъ народный, при звукѣ гусель и радостныхъ кликахъ народныхъ. Его опера «Игорь» во многомъ прямо родная сестра великой оперы Глинки: «Руслань». Въ ней та же мощь эпической поэзіи, та же граціозность народныхъ сценъ и картинъ, та

же изумительная живопись характеровъ и личностей, та же колоссальность всего облика, и наконецъ такой народный комизмъ (Скула и Ерошка), который превосходитъ даже комизмъ Фарлафа. Симфоническая картина «Средняя Азія» такъ великольпна въ своихъ двухъ половинахъ, русской и туркестанской, что только жалѣешь о ея сжатости и короткости. Немногочисленные романсы Бородина талантливы, поэтичны, картинны и полны страсти и красоты. Это: «Спящая княжна», «Морская царевна», «Отравой полны мои пѣсни», «Фальшивая нота», и, выше всѣхъ, «Море», по страстности, силѣ и глубинѣ чувства, по живописности, быть можетъ, высшій изъ всѣхъ романсовъ русской школы. Но всѣ эти романсы, какъ удивленію — не русскіе, не въ русскомъ складѣ и стилѣ, и только одна «Пѣсня стараго лѣса», богатырская и былинная, прямо примыкаетъ, по своей колоссальной, монументальной мощи — къ «Игорю», ко II-й симфоніи и вообще ко всѣмъ характернѣйшимъ созданіямъ русской національной музыки. Изумительно превосходны его картины и «апоѳеозъ» для IV-го акта «Млады».

Программная фортепіанная сюита Бородина («Les cloches», «Scherzo», «Sérénade», «Nocturne») прелестна и оригинальна; его два струнные квартета принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ квартетамъ европейской музыки.

Бородинъ еще не поспѣлъ быть признанъ, въ нашемъ отечествѣ, композиторомъ геніальнымъ, но, несомнѣнно, это еще придетъ, такъ какъ «геніальнымъ» начали уже признавать Бородина въ разныхъ странахъ Западной Европы. Наше отечество, безъ сомнѣнія, не отстанетъ отъ другихъ. Глубокая, мощная «національность» Бородина, иной разъ стоящая наравнѣ съ тою, которая высказывалась въ геніальнѣйшихъ созданіяхъ Глинки, его великая эпичность, его сила, красота, правдивость, страстность и могучее выраженіе, оріентальный элементъ, равняющійся оріентальному элементу въ «Русланѣ» и геніально выразившійся въ «восточныхъ пляскахъ» и въ аріи Кончака, въ его оперѣ «Игорь», наконецъ элементъ комическій, столько же оригинально и могуче воплощенный въ романсахъ и оперѣ, какъ у Даргомыжскаго — ставятъ его въ одинъ рядъ съ Глинкой и дѣлаютъ его одной изъ величайшихъ музыкальныхъ славъ Европы XIX вѣка.

Послѣ ранней кончины Мусоргскаго и Бородина, не успѣвшихъ создать того, что обѣщала ихъ богатая, великая, необычайная натура, остаются теперь лишь трое прежнихъ товарищей изъ Балакиревскаго кружка: Римскій-Корсаковъ, Кюи и самъ Балакиревъ. Ихъ жизнь, по счастью, еще продолжается, ихъ дѣятельность еще не изсякла, и потому мнѣ предстоитъ говорить, вкратцѣ, лишь о томъ, что до сихъ поръ ими произведено. А произведено много, и самаго значительнаго.

Римскій-Корсаковъ проявилъ великій и оригинальный талантъ во всѣхъ музыкальныхъ областяхъ, куда ни обращалось его творчество. Онъ началъ съ романса, и въ этой сферѣ, еще совершенный юноша, онъ создалъ такіе высокіе, несравненные образцы, какъ, наприм., «Плѣнившись розой, соловей», «Ель и пальма», «Южная ночь», «Ночевала тучка золотая», «На холмахъ Грузіи», «Въ темной рощѣ замолкъ соловей», «Тихо вечеръ догораетъ»; спустя нѣсколько времени: «Еврейская пѣсня», «Ночь пролетала надъ міромъ», «Тайна», «Въ царство розы и вина приди», «Я вѣрю, я люблю», «Къ моей пѣсни», «Ты и вы», и множество другихъ прелестныхъ вещей для одного голоса и для хора; наконецъ, послѣ цѣлаго ряда подобныхъ же поэтическихъ и картинныхъ созданій, въ послѣдніе годы Римскимъ-Корсаковымъ сочинены такіе великольпные романсы, какъ «Панъ» (на два голоса), «Анчаръ», «Пророкъ», «У моря» (5 романсовъ) и многіе другіе. Но, какъ у Глинки и Бородина, нельзя съ удивленіемъ не замѣтить, что всѣ эти чудные романсы Римскаго-Корсакова созданы не въ народномъ русскомъ духѣ и складѣ.

Оперъ у Римскаго-Корсакова сочинено по настоящее время *девять*. Первая, «Псковитянка», сочинена въ 1868 году, послѣдняя «Сервилія» — въ 1900 г. (она еще не появлялась на сценѣ). Послѣ смерти Мусоргскаго и Бородина, Римскій-Корсаковъ остался первымъ и величайшимъ изъ всѣхъ современныхъ оперныхъ композиторовъ по таланту, и единственнымъ по національному направленію: оно существуетъ, и съ могучей силой процвѣтаетъ нынче, въ одной только Россіи. Нельзя же не быть увѣренными въ томъ, что рано или поздно вся Европа, постепенно, шагъ за шагомъ, послѣдуетъ за Россіей и ея нынѣшнимъ представителемъ въ оперномъ дѣлѣ, и создастъ, наконецъ, у себя такую истинно-національную оперу, которой давно уже пора ведь быть на свѣтѣ.

Оперы Римскаго-Корсакова, при своей многочисленности, представляютъ, конечно, разныя степени совершенства. Есть между ними и болѣе, и менѣе превосходныя. Самыми великими, талантливыми и могучими являются: «Псковитянка» (1868) и «Снѣгурочка» (1882), гдѣ изображенія древней Руси, ея народа, ея разнообразныхъ личностей и характеровъ, событій, картинъ и сценъ, возносятся до высочайшей степени характеристики, силы, красоты и талантливости, но и во всѣхъ почти остальныхъ операхъ Римскаго-Корсакова разсѣяна масса картинъ и сценъ глубокихъ и великихъ.

Въ самыхъ послѣднихъ годахъ XIX вѣка, Римскій-Корсаковъ создалъ двѣ оперы совершенно противуположныя по направленію: въ 1898 году — «Моцартъ и Сальери», въ 1899 году — «Царская Невѣста». Это словно противуположеніе начала двухъ кардинальныхъ пунктовъ и конца Зенита и Надира: первая — воплощеніе современной прогрессивности стиля Даргомыжскаго въ «Каменномъ Гостѣ», съ отсутствіемъ всѣхъ старинныхъ традиціонныхъ формъ, въ формѣ свободной, наиправдивѣйшей, ближайшей къ интонаціямъ человѣческой рѣчи и жизненной правдѣ, вторая — съ возвращеніемъ (впрочемъ мастерскимъ и талантливымъ) къ прежнимъ условнымъ формамъ прежней оперы, съ аріями, дуэтами и проч. Словно Римскій-Корсаковъ говорилъ приближающемуся столѣтію: «Вотъ и новое, вотъ и старое. Можно быть талантливымъ и въ цѣпяхъ, и безъ цѣпей. Выбирай, что хочешь». Мнѣ кажется, XX столѣтіе выберетъ отсутствіе ржавыхъ цѣпей. По крайней мѣрѣ, «Моцартъ и Сальери» представляетъ громадный перевѣсъ правды, вдохновенія, творчества, изумительной характеристики художественнаго мученика Сальери — и красоты.

Главнымъ недостаткомъ въ нихъ часто является недостатокъ драматизма, сценичности, страстности, кипучести, конфликта характеровъ и событій. Иногда царствуетъ въ нихъ избытокъ спокойствія, такъ что даже «сраженіе» (въ «Псковитянкѣ») является въ формахъ плавныхъ и правильныхъ. Но зато сколько въ этихъ операхъ присутствуетъ и необычайныхъ качествъ.

Созданія симфоническія, инструментальныя — одно изъ высшихъ торжествъ Римскаго-Корсакова. Большинство ихъ имѣютъ характеръ національный: «увертюра на русскія темы» (1866 г.), музыкальная картина (1867) «Садко», въ третьей симфоніи чудное, совершенно-своеобразное и поэтическое скерцо; поразительно-оригинальный «Свѣтлый праздникъ» — воскресная увертюра на темы изъ обихода съ великольпнымъ воспроизведеніемъ церковныхъ русскихъ трезвоновъ, инструментами оркестра; прекрасная увертюра на русскія темы, «Сказка» (на стихи изъ вступленія къ «Руслану и Людмилѣ» Пушкина), симфоніетта, наконецъ прелестнѣйшая и картиннѣйшая оркестровая сюита изъ «Царя Салтана». Изъ числа инструментальныхъ сочиненій на сюжеты не русско-національные, высокое мѣсто въ ряду творцій Римскаго-Корсакова занимаютъ «Каприччіо на испанскія темы» и «Шехеразада» по «1001 ночи», съ ихъ изумительнымъ оркестромъ.

Но Римскій-Корсаковъ, кромѣ непосредственнаго личнаго творчества, великаго и необычайнаго, оставляетъ въ исторіи русской музыки результаты еще иныхъ несравненныхъ своихъ дѣятельностей. Во первыхъ, онъ собралъ и превосходно издалъ очень значительное количество русскихъ народныхъ пѣсенъ: вмѣстѣ съ подобнымъ-же собраніемъ Балакирева, это лучшій и значительнѣйшій научно-художественный трудъ по части русской пѣсни, принесшій громадные плоды. Во вторыхъ, онъ окончилъ, оркестровалъ и наблюдалъ за изданіемъ нѣсколькихъ капитальнѣйшихъ музыкальныхъ созданій XIX вѣка, оставшихся у насъ недоконченными за смертью ихъ

авторовъ. Это произошло съ «Каменнымъ Гостемъ» Даргомыжскаго, «Хованщиной», нѣсколькими хорами и инструментальными сочиненіями Мусоргскаго, съ «Княземъ Игоремъ» Бородина, его IV актомъ «Млады» и др. Много надо было горячей любви къ усопшимъ товарищамъ и друзьямъ, много любви къ искусству, чтобы столько разъ, и такъ надолго, отодвигать въ сторону собственное творчество, въ пору самаго его разгара, и отдавать весь свой талантъ, всю свою энергію и душу на великолѣпное довершеніе чужихъ работъ. Это представляетъ собою что-то безконечно-трогательное и умилительное, высокое и рыцарски-благородное. Въ третьихъ, Римскій-Корсаковъ явился такимъ музыкальнымъ педагогомъ и воспитателемъ, которому подобнаго наврядъ-ли можно сыскать гдѣ-нибудь еще въ Европѣ, въ теченіе всего XIX вѣка. Его воспитанники безчисленны.

Мусоргскій.

Среди своихъ товарищей Балакиревскаго кружка Кюи представляетъ личность совершенно особую и отдѣляющуюся отъ прочихъ. У прочихъ четырехъ его товарищей элементъ русской національности составляетъ главную, даже наипервѣйшую характеристическую черту. У Кюи въ натурѣ вовсе не было ноты національности, и эту ноту онъ не только никогда не выражалъ въ своихъ сочиненіяхъ, но даже мало оцѣнялъ и любилъ ее у другихъ. Тѣмъ не менѣе, Кюи занимаетъ очень значительное мѣсто среди своихъ товарищей Балакиревскаго кружка и среди того исторически-важнаго русскаго музыкальнаго періода, когда онъ дѣйствовалъ.

Творчество Кюи началось съ прелестнаго инструментальнаго скерцо F Dur (opus 1), совершенно програмнаго (можно сказать, автобіографическаго, влюбленнаго) содержанія, а также съ изящныхъ, полныхъ чувства и выраженія романсовъ: «Такъ и рвется душа», «Я помню вечеръ», «Изъ слезъ моихъ много, малютка». Затѣмъ послѣдовали двѣ небольшія, совершенно еще юношескія, оперы: «Кавказскій плѣнникъ» (только 2 акта) и «Сынъ мандарина», отчасти во французскомъ, Оберовскомъ, родѣ.

Но знакомство съ Даргомыжскимъ, съ Балакиревымъ и съ великими музыкальными композиторами принесло крупные плоды для натуры Кюи. Онъ скоро возмужалъ, и въ 1869 г. далъ на сценѣ оперу свою: «Вильямъ Ратклиффъ», которая, послѣ длиннаго антракта, послѣдовавшаго за «Русалкой» Даргомыжскаго, была *первою* нашею капитальною оперой, «новой русской школы», и имѣетъ однимъ изъ талантливѣйшихъ созданій всего новаго нашего періода.

Бородинъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ, Кюи написалъ цѣлую массу превосходныхъ романсовъ, изъ которыхъ главные: «Эоловы арфы» (1867), «Мениск», «Истомленная горемъ» (1868), «Люблю, если тихо» (1869), скоро потомъ: «Пусть на землю снѣгъ валится», «Изъ моей великой скорби», «Во снѣ неутѣшно я плакалъ», «Юношу, горько рыдая» (1870), «Исчезнь и Мицкевичъ» (1871). Большинство изъ нихъ—крупныя созданія по поэзіи, трагическому, глубокому выраженію, по драматичности и красотѣ.

Въ 1876-мъ году была дана на сценѣ вторая крупная опера Кюи: «Анджело». Это—совершеннѣйшее и высшее его произведеніе. Страстность, потрясательная драматичность положеній, глубина чувства любви, самоотверженіе, благоуханная лирика душевная, благородство и изящество женскихъ образовъ доходятъ здѣсь, въ музыкѣ Кюи, до высочайшихъ пламенныхъ вершинъ. Независимость-же, свобода и оригинальность новыхъ формъ, цѣлыми пропастями отдѣленныхъ отъ старинныхъ условныхъ оперныхъ формъ, принадлежатъ къ одной категоріи съ тѣмъ, что существуетъ высшаго и лучшаго въ «Каменномъ Гостѣ».

Единственные недостатки—это отсутствіе національности (итальянской, средневѣковой); потомъ, такая интимность содержанія и выраженія, такая сжатость формъ, которыя могутъ казаться малыми и миніатюрными на громадной оперной сценѣ, наконецъ, неудачность комическаго элемента (какъ и въ «Ратклиффѣ»). Кюи написалъ еще двѣ оперы: «Флибустьеръ» (1888—9), для французской сцены, и «Сарацинъ» (1899)—для русской. Эта послѣдняя опера заключала много прекрасныхъ и характерныхъ по прежнему мѣстъ, много красоты, чувства и выраженія, хотя уступала «Ратклиффу» и «Анджело» въ пламенности и страстности. Изъ числа романсовъ послѣднихъ десятилѣтій, особенно выдаются превосходные: «Смеркалось», «Изъ водъ подымая головку» (1876), «Въ колоколъ мирно дремавшій» (1877), «Разлука» (1878), нѣкоторыя изъ дѣтскихъ пѣсенокъ сборника «13 музыкальныхъ картинокъ» (1878), «Les deux ménétriers» (1890), «Les sonneurs» (1890); изъ фортепіанныхъ пьесъ: «Cantabile», въ Листовской сюитѣ «Ténèbres et lueurs» (1883), почти вся сюита Арапто (1887), особливо «Les cèdres», «A la chapelle», «Le rocher».

Теперь я возвращусь къ той личности, съ которой началъ—къ Балакиреву. Выше я говорилъ про его кружокъ и партію, про его иниціативу и вліяніе, теперь буду говорить про его творчество.

Что всего болѣе способно удивлять въ его дѣятельности, это то, какъ мало въ числѣ его сочиненій—сочиненій съ характеромъ національнымъ. Балакиревъ началъ заниматься композиціей съ ранняго возраста. Еще юнымъ мальчикомъ, 16-ти или 17-ти лѣтъ, онъ сочинилъ «Фантазію для фортепіано на русскія темы» и «Фантазію для фортепіано на тріо изъ «Жизни за царя»: «Не томи, родимый». Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ сочиняетъ «Увертюру на три русскія темы» (1857). Вся его музыкальная проповѣдь прежде всего клонилась въ сторону русской національности и архи-національныхъ твореній Глинки: еще въ началѣ 60-хъ годовъ онъ задумывалъ русскую оперу «Жаръ-Птица», и въ то же время раньше всѣхъ русскихъ собралъ и издалъ «сборникъ русскихъ пѣсенъ»; наконецъ въ тѣхъ же годахъ задумывалъ «русскую симфонію». На основаніи всего этого нельзя было, кажется, не предполагать, что главнѣйшая масса его сочиненій будетъ создана въ русскомъ складѣ, образѣ и ладѣ. Но этого не осуществилось. Главнѣйшая масса его сочиненій—на темы и задачи нерусскія. Первое его сочиненіе, по переѣздѣ въ Петербургъ, фантазія для оркестра на испанскую тему «Марш», данную ему Глинкой. Потомъ (1858—1860 года) пошла вереница его чудныхъ романсовъ и оркестровыхъ сочиненій, талантливыхъ и художественныхъ, но имѣющихъ задачи и колоритъ не національно-русскій, а личный, особенно принадлежащій самому автору, или восточный и иностранный. Къ первымъ принадлежатъ романсы: «Обойми, поцѣлуй», «Колыбельная

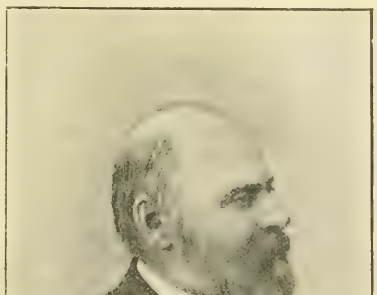
пѣсня», «Слышу-ли голосъ твой», «Введи меня, о ночь», «Приди ко мнѣ», «Наступленіе», «Пѣснь золотой рыбкѣ» — быть можетъ талантливѣйшая и поразительнѣйшая изъ всѣхъ по чувству и красотѣ; ко вторымъ: «Рыцарь», «Баркарола», «Еврейская мелодія», «Пѣснь Селима», «Грузинская пѣснь», «Душа моя мрачна» (Саулъ). Инструментальныя сочиненія также имѣли, по преимуществу, задачи не національно-русскія. Это были, вопервыхъ, нѣсколько мазурокъ, полька для фортепіано; для оркестра: «Увертюра и антракты къ королю Лиру Шекспира» (1858); «Чешская увертюра» (1867), увертюра «1000 лѣтъ» (1862) (не имѣющая характера національнаго), фантазія для фортепіано «Исламей» (1800), симфоническая поэма «Тамара» (1882) (обѣ на сюжеты грузинскіе).

Римскій-Корсаковъ.

Я ничуть не думаю, конечно, чтобъ для всякаго композитора «національность» была непремѣнно обязательна, но мнѣ хотѣлось только (повторяю) указать на тотъ удивительный фактъ, что Балакиревъ, вообще столько національный по коренной основѣ своей натуры, такъ мало ее выразилъ въ своихъ сочиненіяхъ.

А лучшія изъ сочиненій этихъ необыкновенно замѣчательны: въ нихъ столько энергіи, мужественности, увлеченія, поэзіи. Выше всѣхъ между ними: «Исламей», такъ высоко цѣнимая Листомъ фантазія для фортепіано, что она не сходила у него съ фортепіаннаго пюпитра и должна была быть играна, у него, всѣми его учениками, и «Тамара», одна изъ изумительнѣйшихъ по поэзіи, по огненности и вмѣстѣ страстной нѣжности, по могучей крѣпости формъ симфоническихъ поэмъ во всей музыкѣ.

Одинъ изъ всѣхъ русскихъ музыкантовъ, Балакиревъ много арранжировалъ и мастерски, чужихъ капитальнѣйшихъ произведеній: каватину изъ квартета Бетховена Op. 130, увертюру изъ Suite en Egypte» Берліоза (въ 2 руки); «Хоту», Ночь въ Мадридѣ», увертюру и антракты къ «Холмскому» Глинки, симфонію «Гарольдъ» Берліоза (въ 4 руки).



Балакиревъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ (какъ выше сказано) Балакиревъ собралъ и издалъ въ 1866 году «Сборникъ русскихъ пѣсенъ», записанныхъ имъ преимущественно на Волгѣ; послѣ мало удачныхъ и мало заслуживающихъ довѣрія сборниковъ этого рода XVIII вѣка и начала XIX (сдѣланныхъ иностранцами) сборникъ Балакирева является *первымъ* достовѣрнымъ и истинно художественнымъ и научнымъ русскимъ сборникомъ по этой части. Онъ послужилъ потомъ неоцѣненнымъ примѣромъ и образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ хорошихъ сборниковъ русскихъ пѣсенъ.

Изъ всѣхъ композиторовъ послѣдняго періода XIX вѣка всего болѣе примыкаетъ къ Балакиреву, по характеру своего музыкальнаго творчества — Ляпуновъ. Это талантъ совершенно самостоятельный и ничуть не подражающій Балакиреву и не повторяющій его твореній, но нѣкоторыя стороны его натуры имѣютъ значительное сродство съ натурой Балакирева. Его «Увертюра», большой симфоническій концертъ для фортепіано съ оркестромъ, его довольно многочисленные этюды, прелюдіи, скерцо, интермеццо, вальсы и т. д., для фортепіано, очень поэтичны, увлекательны, иногда страстны и кипучи, и всегда въ высокой степени талантливы и интересны. Его превосходная оркестровая «увертюра», одно изъ первыхъ его созданій, необыкновенно картинна и поэтична.

Кюи.

67.

Вліяніе Балакиревскаго кружка на судьбы русской музыки было неизмѣримо велико, и въ настоящее время это ясно для каждаго интеллигентнаго музыканта, какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ западной Европѣ. Но не такъ было 40 лѣтъ назадъ, когда этотъ кружокъ только возникъ, и созданная имъ «новая русская школа» еще только складывалась. Враговъ у этого кружка было — безъ конца. Между ними было очень много ничтожныхъ людей, которые уже давно теперь погибли и исчезли, не оставивъ никакого слѣда, такъ что имена ихъ даже мало кому извѣстны нынче. Но былъ въ числѣ ихъ и одинъ выдающійся музыкантъ, въ разныхъ отношеніяхъ заслуживающій вниманія, но съ именемъ котораго навсегда, конечно, будетъ связана память о его враждѣ къ новой «русской музыкальной школѣ».

Это — Сѣровъ.

Сѣровъ былъ человѣкъ умный, образованный, много знавшій и до извѣстной степени даровитый. Онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ страстно любилъ музыку и изучалъ капитальнѣйшія музыкальныя произведенія XVIII и XIX вѣковъ, и наконецъ, въ возрастѣ болѣе 40 лѣтъ и самъ выступилъ, какъ композиторъ. Но недостаточный врожденный талантъ и слабость характера помѣшали ему сдѣлаться музыкальнымъ дѣятелемъ истинно замѣчательнымъ. Онъ болѣе говорилъ, писалъ и спорилъ о музыкѣ, чѣмъ создавалъ ее и изъ

трехъ оперъ, которыя онъ успѣлъ сочинить на своемъ вѣку, лучше другихъ только одна первая: «Юдиѳь» (1863), принадлежащая къ разряду такъ-называемыхъ библейскихъ оперъ (таковы были: «Іосифъ», «Метюля», «Марія Магдалина», «Ева» и др. Массенъ, и «Потерянный Рай», «Вавилонское столпотвореніе» и «Моисей» Рубинштейна). Другія двѣ его оперы: «Рогнѣда» (1865) и «Вражья сила» (1871) были уже какъ слабы и малозначительны, особливо «Рогнѣда», что сильно пришлись по вкусамъ большинства. Сѣровъ вовсе почти не владѣлъ музыкальными формами, оркестромъ распоряжался большею частью по-аматерски, и ничуть не имѣлъ способности создавать музыку «речитативную», но, прельстившись громадной славой и успѣхами Рихарда Вагнера, задумалъ сдѣлаться Рихардомъ Вагнеромъ русской оперы, что, конечно, никакъ не могло ему удаться, по разнымъ недостаткамъ его дарованія. Яростно преслѣдуя Мейербера, онъ, однакоже, являлся самымъ близкимъ его послѣдователемъ, подобно самому Вагнеру, по вкусу къ маршамъ, процессіямъ, праздникамъ, парадамъ и всякимъ, вообще, декоративнымъ внѣшностямъ. Напротивъ, міръ внутренній, душевный, былъ ему незнакомъ и недоступенъ, онъ слишкомъ мало интересовалъ его. Характеры дѣйствующихъ лицъ въ его операхъ были вовсе упущены имъ изъ виду.

68.

Одновременно съ Балакиревскимъ кружкомъ и «новой русской музыкальной школой», дѣйствовали двѣ консерваторіи, петербургская, начавшая свою дѣятельность въ 1862 г., и московская, начавшая свою дѣятельность въ 1865 году. Обѣ основаны были, по мысли и по настоянію Антона Рубинштейна, и первымъ директоромъ петербургской былъ онъ самъ, первымъ директоромъ московской его братъ Николай. Оба брата были первоначально фортепіанными исполнителями, и старшій, Антонъ, съ юношескихъ лѣтъ достигъ репутаціи перваго въ мірѣ, современно-феноменальнаго піаниста (послѣ того, какъ Листъ совершенно покинулъ карьеру піаниста-виртуоза и обратился всецѣло къ композиторской и капельмейстерской дѣятельности).

Сѣровъ.

Сдѣлавшись директоромъ главной изъ нашихъ консерваторій, петербургской, Антонъ Рубинштейнъ принесъ въ нее, во-первыхъ, всѣ свои личные художественные вкусы и понятія, и во-вторыхъ, всѣ вкусы и понятія нѣмецкихъ, ему извѣстныхъ консерваторій. Въ нихъ онъ вѣровалъ слѣпо, и далѣе ихъ кругозора онъ ничего не зналъ и не видѣлъ. Онъ былъ геніальнѣйшій, глубочайшій по духу и поэзіи, изумительнѣйшій піанистъ такой, которому подобнаго міръ, по всему вѣроятію, еще долго не увидитъ, но его вкусы и понятія были очень не широки и не обширны. По натурѣ, онъ былъ болѣе всего эрзацъ мендельсонистъ и нѣсколько отступилъ отъ него лишь въ зрѣлые годы, и не столько по внутреннему убѣжденію, сколько по измѣнившемуся въ сильной степени, послѣднему мнѣнію о Мендельсонѣ всей почти Германіи. Онъ остановился, послѣ Бетховена только на Шопенѣ и Шуманѣ и далѣе изъ всего позднѣйшаго, онъ уже ничего болѣе не признавалъ. И Берліоза, и Листа, и Глинку, и Даргомыжскаго, онъ уже никогда не могъ взять въ толкъ, и считалъ ихъ всѣхъ чуть-чуть не ретроградовъ и неучей. Нѣкоторыя изъ сочиненій и геніальнаго Рихарда Вагнера были прекрасны и замѣчательны, но Рубинштейну они были чужды, далеки и совершенно непонятны. Собственныя его сочиненія, несмотря на многочисленныя, проявляли талантъ очень ограниченный и мало самостоятельный. Онъ пробовалъ себя во всѣхъ родахъ музыки: сочинялъ оперы, ораторіи, симфоніи, концерты, бесчисленныя произведенія камерной и вокальной музыки — и хотя въ Россіи онъ имѣлъ огромный успѣхъ со своею довольно ничтожною (кромѣ оригинальныхъ танцевъ) оперою «Демонъ» и нѣкоторыми посредственными романсами, но все-таки, въ окончательномъ результатѣ нигдѣ и ни въ чемъ сколько-нибудь значительныхъ сочувствій они не достигли. Національнаго направленія онъ не признавалъ и не любилъ. Всѣ эти понятія и вкусы онъ привилъ и всей своей консерваторіи. Въ ней они постоянно царствовали съ величайшею силою, да царствуютъ тамъ довольно значительно и понынѣ.

69.

Чайковскій родился съ великимъ, рѣдкимъ талантомъ, но, къ несчастію, воспитывался въ петербургской консерваторіи въ самую первую, т. е. въ самую неблагопріятную пору, и во время неограниченнаго тамъ владычества и обаянія Антона Рубинштейна. Его нѣжная, впечатлительная натура невольно поддалась деспотическому вліянію внѣшней мощи и авторитета. Слѣды этого вліянія запечатлѣлись у Чайковскаго навсегда.

Музыкальная дѣятельность Чайковскаго продолжалась болѣе четверти вѣка. Почти все время онъ шелъ отъ успѣха къ успѣху, и скоро былъ признанъ, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и въ Западной Европѣ, величайшимъ музыкальнымъ талантомъ Россіи, талантомъ равнымъ Глинкѣ, а у многихъ—талантомъ еще болѣе высокимъ, чѣмъ Глинка. Такое мнѣніе было, главнымъ образомъ, условлено тѣмъ, что Чайковскій, хотя и искренній патріотъ и пламенный обожатель всего русскаго, но въ музыкальной своей натурѣ вовсе не носилъ элемента «національнаго», и былъ отъ головы до ногъ космополитъ и эклектикъ.

Дальнѣйшей побудительной причиной необычайныхъ успѣховъ Чайковскаго было то, что никакихъ особенныхъ новшествъ Чайковскій не вносилъ въ свои сочиненія, и охотно держался всѣхъ общепринятыхъ, традиціонныхъ формъ музыки, къ которымъ Европа давно привыкла, и не терпѣла отступленій отъ нихъ. Всѣ новыя стремленія Даргомыжскаго и членовъ Балакиревскаго кружка были Чайковскому чужды, непонятны, оскорбительны, онъ считалъ ихъ безуміемъ, беззаконіемъ, невѣжествомъ.

Еще далѣе резонъ особенныхъ успѣховъ Чайковскаго повсюду былъ тотъ, что его сочиненія, хотя и очень талантливыя и разнообразныя, имѣли всего чаще характеръ преимущественно элегическій, меланхолическій, задумчивый и грустный. А для большинства народныхъ массъ, этотъ элементъ и въ музыкѣ, и въ поэзіи всегда очень симпатиченъ, милъ и драгоцѣненъ.

Но, какъ бы ни было, великая распространенность и слава Чайковскаго были во многихъ отношеніяхъ совершенно справедливы и законны. Онъ былъ такъ талантливъ, такъ сильно способенъ наполнять свою музыку изяществомъ и красотой, и притомъ такъ сильно могъ дѣйствовать на слушателя мастерствомъ своей формы и тонкими совершенствами своей колоритной и элегантной инструментовки, что не могъ не вліять необыкновенно сильно и обаятельно на большія массы слушателей.

Чайковскій написалъ, на своемъ вѣку, необыкновенно много, какъ и его первоначальный учитель, Антонъ Рубинштейнъ.

Получилась громадная масса сочиненнаго, среди котораго дѣйствительно очень замѣчательнаго, дѣйствительно очень крупнаго не слишкомъ много. Многописаніемъ Чайковскій, навѣрное, не мало повредилъ себѣ: ослабилъ себя.

Замѣчательно, что, не взирая на всеединое свое недо-

вольство Балакиревскимъ кружкомъ, его направленіемъ и его дѣятельностью, Чайковскій совершеннѣйшія свои вещи создалъ въ то время, когда еще былъ въ ближайшемъ соприкосновеніи съ этимъ кружкомъ, когда еще дѣйствовалъ какъ бы въ одномъ съ нею лагерѣ и въ одномъ съ нею направленіи. Лучшія созданія Чайковскаго всѣ — программы, какъ и у членовъ Балакиревскаго кружка, и Чайковскій идетъ даже еще дальше. Въ одномъ изъ писемъ 1878 года онъ говоритъ: «Съ нашей точки зрѣнія, всякая музыка есть программная... Съ этимъ нельзя согласиться: конечно, у всѣхъ сочинителей, даже нашего времени, есть не мало сочиненій вовсе не-программныхъ, но здѣсь выражается только главное настроеніе самого Чайковскаго. Изъ всего сочиненнаго имъ ничего нѣтъ выше его симфоническихъ картинъ: «Ромео и Джульетта», «Буря» и «Франческа-да-Римини». Здѣсь высказались всѣ главные элементы его музыкальной натуры: выраженіе глубокой, но тихой, безъ порывовъ, любви, чудесно поэтическихъ настроеній, въ соединеніи съ великолѣпно переданными картинами природы, то спокойной (море, въ началѣ его поэмы «Буря»), то громадно возбужденной и бунтующей (вся середина въ той же поэмѣ, и дикій, ревущій, клокочущій въ небѣ ураганъ въ поэмѣ «Франческа-да-Римини»). Противъ этихъ трехъ главныхъ картинъ кажутся слабыми всѣ прочія его симфоническія творенія. Одинъ финалъ II-й симфоніи, на тему малороссійскаго «Журавля», приближается къ нимъ по красотѣ и увлекательности (хотя и съ отсутствіемъ главнѣйшаго ихъ элемента — элемента любви). Четвертая симфонія, по объясненію самого Чайковскаго, имѣетъ въ основѣ своей ту самую задачу, что и V-я симфонія Бетховена. Но, при всей красивости музыки и великомъ мастерствѣ формы, Чайковскому, по его натурѣ, было не подъ стать ворочать своими элегическими перстами такія колоссальныя гранитныя массы, какія двинулъ и водрузилъ у себя въ симфоніи Бетховенъ. Прекрасная, изящная, но мало оригинальная здѣсь музыка Чайковскаго столь же неудовлетворительно выразила здѣсь міровыя задачи человѣчества, его будущности, его роковой судьбы, какъ красивая и миловидная «Danse macabre» Сенъ-Санса выразила ту гигантскую задачу, которую геніально выполнилъ въ своей «Danse macabre» — Листъ. Мнѣ кажется, отношеніе одинаковое.

Многочисленныя симфоніи, сюиты, концерты, камерныя сочиненія свидѣтельствуютъ о талантливости, умѣньѣ, свободѣ сочиненія и мастерствѣ Чайковскаго, но большинство ихъ мало способны удержать имя Чайковскаго долгое время на нынѣшней его высотѣ. Онъ слишкомъ много писалъ. Часто настроеніе его сочиненій бѣдно и одностороннее, общее впечатлѣніе монотонно. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ значительнѣйшихъ критиковъ и историковъ музыкальныхъ (напримѣръ, Риманъ) говорятъ, что «послѣ первыхъ увлеченій, Чайковскій оказывается все-таки композиторомъ далеко «неистинно-великимъ». Романсы его всегда на темы любовныя, всегда очень изящны и интересны, но почти всегда элегичны, и слишкомъ немного содержатъ душевнаго жара и выраженія, и потому всего болѣе нравятся тѣмъ, кто ничего другого не ищетъ въ музыкѣ, кромѣ красивыхъ звуковъ и рисунковъ. Глубокаго душевнаго значенія они не имѣютъ, и ни въ какое сравненіе не могутъ идти ни съ романсами Франца Шуберта, Шумана, Листа, ни съ романсами сочинителей новой русской школы. Всего менѣе способности имѣлъ Чайковскій къ созданію оперъ. Одинъ разъ онъ задумалъ ступить на ту колею, по которой шли значительнѣйшіе новые русскіе композиторы, и написалъ въ ихъ стилѣ своего «Вакулу-кузнеца», но скоро потомъ и самъ сознаетъ, что это не его дорога, и что тутъ ему дальше идти не слѣдуетъ — инструментальная часть вполнѣ стояла на первомъ мѣстѣ, и давала часть вокальную. Тогда онъ повороти́лъ, и уже навсегда, на оперную дорогу французско-итальянскую, и, внеся сюда всю свою прекрасную способность сочинять для этой задачи музыку милую, красивую, пріятную и интересную скоро овладѣлъ всеобщими симпатіями, всего болѣе благодаря Евгенію Онѣгину, величайшему оперному фаворату не только современной Россіи, но даже и Европы. Можно полагать, что слава этой оперы не имѣетъ прочной и долговѣчной будущности.

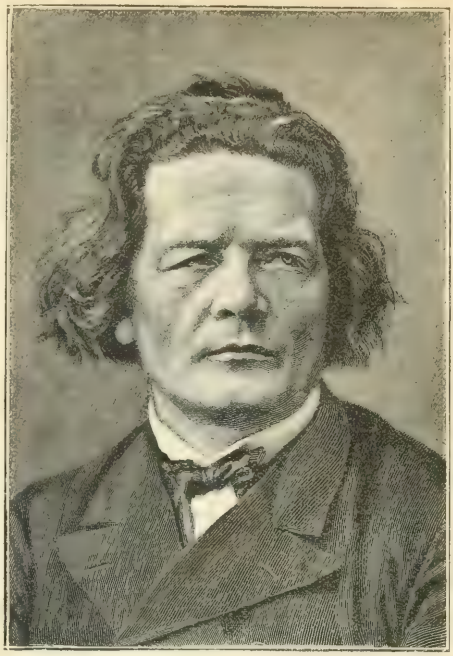
70.

Число музыкальныхъ дѣятелей, получившихъ образованіе въ консерваторіяхъ петербургской и московской, было очень значительно. Изъ обѣихъ вышло нѣсколько хорошихъ піанистовъ, изъ классовъ великихъ русскихъ художниковъ Антона Рубинштейна (въ Петербургѣ) и его брата Николая Рубинштейна (въ Москвѣ), и они сдѣлались педагогами, распространителями русской фортепіанной школы; вышло также изъ этихъ консерваторій, изъ классовъ хорошихъ преподавателей, значительное количество удовлетворительныхъ исполнителей вокальныхъ и инструментальныхъ, такъ что въ теченіе послѣдней четверти столѣтія всѣ наши хоры и оркестры состоятъ уже изъ пѣвцовъ и музыкантовъ собственно русскихъ — и это одинъ изъ лучшихъ и значительнѣйшихъ результатовъ дѣятельности нашихъ консерваторій. Что же касается учениковъ консерваторій, предназначившихъ себѣ карьеру композиторскую, то перевѣсъ, въ отношеніи и количественномъ, и качественномъ, былъ всегда на сторонѣ консерваторій петербургской. Безъ сомнѣнія, это всего болѣе зависѣло отъ того, что во главѣ преподавателей музыкальнаго дѣла стоялъ здѣсь такой великій, самостоятельный художникъ, какъ Римскій-Корсаковъ. Многіе изъ лучшихъ учениковъ этого великаго преподавателя сами впослѣдствіи сдѣлались не только замѣчательными композиторами, но также капельмейстерами и преподавателями. Такимъ образомъ, добрая традиція самостоятельной русской школы сохранялась въ цѣлости. Главнѣйшіе между ними: Акимовъ, Антиновъ, Аренскій, Арцибушевъ, Блуменфельдъ, Витоль, Гречаниновъ, Ипполитъ Ивановъ, Соколовъ, Черепнинъ и другіе. Всѣ они сочиняли для оркестра, отдѣльныхъ инструментовъ, голосовъ и фортепіано. Нѣкоторые сочиняли также и оперы (Аренскій и Ипп. Ивановъ). Самыми же крупными художниками вышли Лядовъ и Глазуновъ.

Кажется, одинъ изъ всѣхъ русскихъ композиторовъ стараго и новаго времени, Лядовъ, родился среди семьи музыкальной. И отецъ, и дѣдъ его были капельмейстерами и композиторами. Онъ выросъ съ малыхъ лѣтъ среди впечатлѣній музыкальныхъ. Еще ученикомъ консерваторіи онъ выказалъ талантъ очень замѣчательный, и къ выпускному экзамену (въ 1879 году) онъ представилъ кантату на сюжетъ Шиллеровской «Мессинской невѣсты», которая, послѣ нѣсколькихъ изящныхъ отдѣльныхъ соло, завершается такимъ Реквіемомъ (впрочемъ, не особенно большихъ размѣровъ), который по оригинальной красотѣ и глубокому душевному чувству принадлежитъ къ числу очень замѣчательныхъ созданій нашего столѣтія. На своемъ вѣку онъ сочинилъ довольно много, но все-таки недостаточно для того, чтобы выразить весь свой талантъ и всю свою натуру. Онъ сочинялъ нѣсколько вещей оркестровыхъ, таковы: программная пьеса подъ названіемъ «Мазурка», которая есть цѣлая «сцена у кабачка», превосходное программное сочиненіе подъ названіемъ Scherzo, множество небольшихъ, но истинно прелестныхъ романсовъ и пѣсенъ, между которыми особенно отличаются, по милой наивности, живости и граціи, «дѣтскія пѣсни на народныя слова (колыбельная — «Котинька котокъ», нѣсколько «забавныхъ», «окликапіе дождя», «Морозъ, морозъ, приходи кисель ѣсть»); но всегда главными его созданіями были его пьесы для фортепіано, всегда почти небольшихъ размѣровъ, составляющія особый большой отдѣлъ (болѣе 70 пьесъ) онѣ примыкаютъ къ фортепіанымъ сочиненіямъ Шопена, Шумана и частью Листа. Между ними особенно замѣчательны: два интермеццо (*B. D*), новеллета (*C*) «Баллада», «На лужку», нѣсколько прелестнѣйшихъ прелюдій и impromtus, оригинальная Табакерочная музыка, вальсъ и чудное Шестіе въ Парафразахъ.

Глазуновъ былъ ученикомъ Римскаго-Корсакова, но не въ консерваторіи, а еще у себя дома. Когда ему было всего только 13 лѣтъ (род. въ 1864 г.), онъ обратилъ на себя уже своемъ первоначальными, почти дѣтскими сочиненіями своими вниманіе Балакирева, и этотъ, по своей чуткости, отгадалъ въ немъ тотчасъ же талантъ, и передалъ его въ опытныя профессорскія руки своего товарища и пріятеля Римскаго-Корсакова. Въ 18-лѣтнему своему возрасту Глазуновъ былъ уже настоящимъ мастеромъ, крупнымъ композиторомъ и большимъ орке-

страторомъ. Главная его часть — сочиненія инструментальныя. Имъ сочинено до сихъ поръ 6 симфоній, нѣсколько музыкальныхъ поэмъ или картинъ («Стенька Разинъ», «Лѣсъ», «Море», «Восточная рапсодія», «Кремль», «Весна»), музыка для трехъ балетовъ, кантаты, нѣсколько оркестровыхъ сюитъ, увертюры, нѣсколько струнныхъ и духовыхъ квартетовъ, двѣ сонаты для фортепіано, мелкія сочиненія для фортепіано, скрипки, віолончели и др. инструментовъ, романсы. Не взирая на свои молодые годы, Глазуновъ перешелъ уже нѣсколько періодовъ музыкальнаго творчества, и тотъ, въ который онъ недавно вступилъ, начиная со своего квартета A-moll, обѣщаетъ быть самымъ могучимъ, грандіознымъ и необыкновеннымъ изъ всего того, что до сихъ поръ имъ сочинено. Глазуновымъ сочинено нѣсколько замѣчательныхъ вещей въ стилѣ русскомъ («Стенька Разинъ», «Кремль», «Славянскій квартетъ»), но сердце у него всего болѣе лежитъ, какъ и у Чайковскаго, къ сочиненію музыки въ характерѣ общемъ, космополитическомъ.



Рубинштейнъ.

Какъ я высказалъ выше, я считаю, что изъ всѣхъ искусствъ, въ теченіе XIX вѣка всего менѣе создала новаго, великаго и оригинальнаго скульптура, и это потому, что она постоянно оставалась при прежнихъ предразсудкахъ, и, кромѣ успѣховъ техники, никогда не помышляла ни о какихъ другихъ успѣхахъ. Мысль и глубина, свѣтлость понятія и намѣренія — были ей всегда совершенно чужды. Исключенія бывали, но малыя и рѣдкія. Скульптура представляетъ собою какой-то каменный, застывшій міръ. Тутъ передъ нашими глазами словно громадныя глыбы льда, когда-то бывшія живою, движущеюся водою, великою міровою стихіею, для народовъ, находившихся еще въ младенчествѣ понятій и мыслей. А теперь уже онѣ неподвижны и, кажется, не способны вновь растаять и устремиться въ жизненное движеніе.

Чайковскій.

Живопись сдѣлала гораздо болѣе успѣховъ, и быстрыя, многочисленныя смѣны ея направленій, пробъ, примѣровъ и опытовъ — свидѣтельствуютъ о глубокой внутренней жизни, хотя и вышедшей подъ нелепыми и сбивальниками времени, предразсудковъ, капризныхъ фантазій и иногда разнузданныхъ страстей и [illegible]. Но въ оживаніи прошлыхъ лучшихъ временъ и [illegible] періода созданія и [illegible] живописи [illegible], въ теченіе XIX вѣка громадные успѣхи во части техники, способа выраженія, красокъ и даже (въ наименьшей мѣрѣ) во части [illegible] выраженія, изящества и оттѣнковъ чувства. Народность начала играть уже довольно значительную роль въ картинахъ, реальность заявила всю свою необходимость, разумность, силу и прелесть, и нельзя не надѣяться, что какіе бы съ живописью ни случались отнынѣ отчаянные болѣзненные припадки, въ родѣ безумнаго бреда «декадентства», — реализмъ все-таки въ концѣ концовъ побѣдитъ и снова поставитъ искусство на ея настоящую, здоровую, разумную и талантливую дорогу.

Успѣхи архитектуры велики и несомнѣнны. Она воротилась отъ безобразій и нелѣпостей XVI, XVII и XVIII вѣковъ, замарававшихъ и засорявшихъ сотни и тысячи талантовъ, къ лучшимъ созданіямъ прежнихъ вѣковъ, — къ созданіямъ разнообразныхъ народныхъ національностей, на которыя дѣлится родъ человѣческій, и въ то же время прибавила къ прежнему архитектурному міру — цѣлый новый міръ техники и творчества, опирающійся на желѣзо, стекло, камень и кирпичъ, слагающихся и скрѣпляющихся вмѣстѣ въ одно небывалое цѣлое, вмѣсто прежнихъ, скудныхъ еще по матеріальнымъ средствамъ и возможностямъ, элементовъ: камня и кирпича. Фантазія, долго замерзавшая и скитавшаяся по ничтожнымъ задачамъ и несчастнымъ капризнымъ выдумкамъ, стоитъ теперь у преддверія великихъ новыхъ, небывалыхъ, невиданныхъ созданій.

Но больше всѣхъ сдѣлала и сотворила, въ XIX вѣкѣ, — музыка. Она — самое молодое, во многихъ отношеніяхъ, искусство. Не взирая на великія созданія народныхъ пѣсенъ, идущихъ изъ глубочайшей сѣдой древности, не взирая на церковныя пѣснопѣнія, не менѣе предыдущихъ издавна принадлежащія роду человѣческому, великая, громадно возросшая и могуче распустившаяся, настоящая во всѣхъ своихъ и художественныхъ проявленіяхъ музыка — появилась лишь недавно, въ послѣднія три столѣтія, и въ XIX вѣкѣ достигла наивысшей точки своего величія, глубины, силы, необходимости и способности удовлетворять человѣчество. Ни одно другое искусство нашего времени не способно, какъ она, наполнять всю душу человѣка и отвѣчать всѣмъ безчисленнымъ его потребностямъ въ поэзіи, чувствѣ и мысли. Здѣсь музыка имѣетъ только одну достойную, величавую и несравненную сестру: поэзію нашего времени. Такихъ художниковъ живописи и скульптуры, какими художниками поэзіи были Байронъ, Викторъ Гюго, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, какими художниками музыки были Бетховенъ, Францъ Шубертъ, Берліозъ, Листъ, Глинка, Даргомыжскій — въ XIX вѣкѣ еще не было. Вѣроятно ихъ рѣчь еще впереди. Быть можетъ въ будущихъ вѣкахъ возможны даже Львы Толстые живописи и скульптуры.

Народное образованіе въ XIX вѣкѣ.

Очеркъ **В. А. Гольцева и Д. И. Тихомирова.**

I.

XVIII вѣкъ передалъ минувшему столѣтію, въ качествѣ духовнаго завѣщанія въ педагогіи, *Эмиля* Руссо. Научная мысль, которая побѣдоносно развивалась въ этомъ столѣтіи, достигла плодотворныхъ результатовъ и въ вопросахъ воспитанія и образованія.

Отвлеченныя построенія замѣнились тщательнымъ изученіемъ душевнаго развитія ребенка, начиная съ колыбели. Такому же изученію подверглись и явленія наслѣдственности (Шопенгауэръ). Въ естественной связи съ этимъ произошли значительныя измѣненія и въ методахъ преподаванія. Наряду съ подобнаго рода изслѣдованіями и теоріями продолжаютъ появляться и сочиненія, въ которыхъ трактуется объ идеалахъ воспитанія, иногда въ романической формѣ, какъ въ *Эмилѣ XIX вѣка* Эскироса. Старая классическая система образованія уступаетъ напору научной мысли. Во Франціи съ нею успѣшно борется система такъ называемаго *современнаго обученія* (Enseignement moderne), въ которомъ вмѣсто классическихъ языковъ усилено преподаваніе родного языка и литературы, естественныхъ наукъ, исторіи и новыхъ языковъ. Аналогичное движеніе быстро развивается и въ Германіи. Наступившему столѣтію выпадаетъ трудная задача полнаго и устойчиваго преобразованія средней школы.

Песталоцци.

Постепенно развивалось въ Западной Европѣ и стремленіе связать начальную школу съ средней. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить и другое весьма важное явленіе: начальное образованіе признается всеобщимъ и обязательнымъ. Не давать въ руки будущаго гражданина умѣнья читать, писать и считать при нынѣшнихъ условіяхъ культурной жизни равносильно его обезоруженію, лишенію элементарныхъ правъ. Государство, органы самоуправленія и частныя общества и лица дѣйствуютъ въ этомъ направленіи. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ государственная власть мало вмѣшивалась въ народное образованіе, какъ въ Англіи напримѣръ, теперь заботы и расходы для просвѣщенія народа входятъ въ задачи правительственной дѣятельности.

Это движеніе, хотя и въ меньшихъ покуда размѣрахъ, распространяется и на обученіе дѣвочекъ. Настойчивыя и планомѣрныя усилія, которыя дѣлались съ этой цѣлью въ прошломъ столѣтіи, составляютъ одну изъ его величайшихъ заслугъ и придаютъ безсмертіе такимъ дѣятелямъ, какъ Джонъ Стюартъ Милль. Передъ женщинами открылись двери многихъ высшихъ учебныхъ заведеній. XX столѣтію предстоитъ закончить эту организаціонную работу, переданную ему XIX вѣкомъ.

Измѣнился въ прошломъ столѣтіи и характеръ университетскаго преподаванія. Лучшимъ образцомъ университета остается попрежнему германскій съ его знаменитою избирательною профессорскою корпораціей, съ его глубоко-научнымъ и независимымъ духомъ. Но развитіе экспериментальныхъ наукъ ведетъ къ перемѣнѣ системы преподаванія, вытѣсняя исключительное господство лекцій. Это отражается и на философско-общественныхъ наукахъ, гдѣ практическія занятія и теоретическія бесѣды подъ руководствомъ профессоровъ все болѣе и болѣе выдвигаются впередъ.

Во Франціи, послѣ разгрома второй имперіи, правительство обратило серьезное вниманіе и на состояніе университетовъ. По французской терминологіи *университетъ* составляетъ стройную іерархію образовательныхъ учрежденій, факультеты же жили совершенно обособленно другъ отъ друга. Получились такимъ образомъ отдѣльныя высшія школы (права, медицины и т. д.), но не было университета въ полномъ смыслѣ этого слова. Нѣкоторые шаги, имѣющіе въ виду сближеніе по типу французскихъ факультетовъ съ нѣмецкими университетами, уже сдѣланы. Новому столѣтію предстоитъ и новая задача: такъ поставить университетское преподаваніе, чтобы успѣхи высшаго спеціальнаго образованія были согласованы съ общимъ развитіемъ гуманнаго университетскаго духа и съ усиленіемъ преподаванія по-прежнему на всѣхъ факультетахъ такихъ предметовъ, какъ исторія, психологія и т. д.

XIX вѣку человѣчество обязано и такъ-называемымъ расширеніемъ университетскаго преподаванія. Въ скандинавскихъ странахъ, въ Англіи, а затѣмъ и въ другихъ государствахъ Европы появляются такъ-называемые *народные университеты*. Въ опредѣленное время университетскими преподавателями читаются взрослымъ крестьянамъ и рабочимъ обоего пола систематическія лекціи по разнымъ отраслямъ знанія. Съ слушателями ведутся и практическія занятія. Это движеніе уже дало превосходные результаты. *Народные дома*, общедоступные музеи и галлереи довершаютъ картину тѣхъ усилій, которыя направлены къ духовному подъему народныхъ массъ.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одну благотворную особенность прошлаго вѣка: это стремленіе народовъ къ взаимному изученію и сближенію. Французское правительство посылаетъ спеціалистовъ для изученія постановки народнаго образованія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; французскіе писатели знакомятъ свое общество, какъ ведется образованіе и воспитаніе въ Англіи; нѣмцы внимательно слѣдятъ за всѣмъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Это взаимное ознакомленіе ведетъ къ ослабленію національной исключительности и развиваетъ въ новыхъ поколѣніяхъ чувство справедливости и взаимнаго уваженія. Могущественнымъ орудіемъ въ этомъ отношеніи является повременная печать. Хотя во многихъ случаяхъ она служитъ и дурнымъ инстинктамъ общества, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ она является проводникомъ знанія и солидарности интересовъ всѣхъ образованныхъ націй.

Въ католическомъ мірѣ въ концѣ вѣка происходили и печальныя явленія: римская церковь настойчиво стремилась къ тому, чтобы удержать въ своей власти народную школу, образованіе женщинъ и т. д. Въ православныхъ и протестантскихъ странахъ Европы шла этой прискорбной борьбы изъ-за народнаго образованія между государствомъ и церковью. Да прекращеніе въ государствахъ латинскаго міра явится благодѣяніемъ, которое принесетъ человѣчеству наступившее столѣтіе.

Мы видѣли такимъ образомъ, что въ народномъ образованіи, понимаемомъ въ широкомъ смыслѣ слова, XIX вѣкъ оказалъ громадные успѣхи. Эволюція педагогическихъ идей совершилась въ этомъ столѣтіи, многообразна и знаменательна. Современная педагогика, внимательно вглядѣлась въ исторію мысли, въ смѣну педагогическихъ идеаловъ

Онъ долженъ былъ серьезно знакомъ съ психологіей вообще и съ особенностями дѣтскаго развитія въ частности. И этого не достаточно: онъ долженъ подмѣтить индивидуальныя особенности своихъ воспитанниковъ и видоизмѣнять, слѣдовательно, соотвѣтствующимъ образомъ пріемы образованія и воспитанія. Современная педагогика отвергла мысль о созданіи единаго, отвлеченнаго человѣка и гражданина; по тѣмъ заботливѣе долженъ относиться воспитатель къ тому, чтобы въ дѣтяхъ, какъ можно раньше и глубже, росло и крѣпло сознаніе общественныхъ и личныхъ обязанностей.

Западно-европейское вліяніе давно уже чувствуется въ нашей школѣ и въ русской педагогической литературѣ. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стояла въ XIX вѣкѣ Германія. Идеи Песталоцци и потомъ Дистервега и Фребеля получили у насъ широкое распространеніе. Педагогическіе пріемы двухъ послѣднихъ, не чуждые односторонности и у себя на родинѣ, были еще болѣе утрированы у насъ, что вызвало реакцію, о которой сказано ниже. Вліяніе названныхъ педагоговъ въ большинствѣ случаевъ прошло мимо русской школы. Изъ французскихъ педагоговъ у насъ имѣлъ успѣхъ Эскиросъ съ своимъ *Эмилемъ XIX вѣка*, переведеннымъ на русскій языкъ, изъ англійскихъ—Герберть Спенсеръ (его трактатъ о воспитаніи переведенъ дважды). Въ послѣднее время появился рядъ переводовъ сочиненій новѣйшихъ западно-европейскихъ педагоговъ-психологовъ, основывающихъ свои выводы на наблюденіи и опытѣ. Что же и какъ сдѣлано въ этомъ отношеніи въ нашемъ отечествѣ?

II.

Россія перешла изъ XVIII вѣка въ девятнадцатый съ петербургскою академіею, съ московскимъ университетомъ, шляхетскимъ корпусомъ и начатками женскихъ институтовъ (*воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ* при Смольномъ монастырѣ, иначе — *Смольный институтъ*). Вліяніе *Эмиля* Руссо и идеи энциклопедистовъ сказываются въ сочиненіяхъ Екатерины II и въ планахъ Бецкаго, по стройной системы средняго и высшаго образованія и сколько-нибудь значительнаго числа хорошо поставленныхъ школъ у насъ къ началу прошлаго вѣка не было.

При императорѣ Александрѣ I, въ 1802 году, учреждаются министерства, въ томъ числѣ и министерство народнаго просвѣщенія. Вмѣсто Комиссіи народныхъ училищъ при министерствѣ назначается главное правленіе училищъ. Въ слѣдующемъ году учреждаются учебные округа (московскій, виленскій, дерптскій, харьковскій, петербургскій, казанскій).

Академія наукъ продолжала сохранять педагогическое значеніе. По новому уставу она должна была заботиться о приготовленіи русскихъ молодыхъ людей въ академики. Эти молодые люди выбирались изъ студентовъ университета и учениковъ гимназій. Уставы 1818 г. и 1841 г. закончили преобразованіе академіи, при чемъ слились двѣ прежде существовавшія. Въ 1810 году учреждена въ Петербургѣ Императорская Публичная Библіотека.

Предполагалось, что въ каждомъ учебномъ округѣ будутъ открыты университеты, гимназіи—въ каждомъ изъ губернскихъ городовъ, уѣздныя училища и приходскія училища—въ городахъ и селахъ.

Университетамъ придавалась созидательная и руководящая роль: имъ, въ лицѣ профессорской коллегіи изъ семи членовъ, съ ректоромъ во главѣ, поручалось управленіе училищами округа. Съ этою цѣлью устанавливались поѣздки *инспекторовъ* изъ профессоровъ и извѣстныхъ ученостью лицъ.

Кромѣ четырехъ университетовъ, харьковскій, казанскій университеты, въ 1819 г. открывается петербургскій университетъ. Появляются и другія учебныя заведенія, въ большинствѣ случаевъ замѣчательныя въ себѣ среднюю и высшую школу. Такъ, въ Ярославлѣ на средства Демидова учреждается училище высшихъ наукъ, впослѣдствіи Демидовскій Юридическій лицей. Въ 1840 году открыть лицей въ Царскомъ Селѣ, въ немъ воспитывался, которого былъ нашъ великій Пушкинъ. Въ Одессѣ воспитательный институтъ преобразуется въ лицей, названный Ришельевскимъ въ честь управлявшаго краемъ герцога Ришелье, который пожертвовалъ значительную сумму на содержаніе лицея. Въ 1816 году получаетъ правильную организацію петербургскій главный педагогическій институтъ.

Московскій университетъ, немедленно по введеніи устава 1804 года, приступилъ къ открытію въ округѣ гимназій. 2 января была открыта московская губернская (теперь первая) гимназія, затѣмъ гимназіи вологодская, владимірская, рязанская, смоленская, тверская, тульская. Для приготовленія учителей среднихъ школъ при университетахъ учреждаются учительскіе или педагогическіе институты.

Какой духъ вѣялъ въ этой созидательной работѣ, можно судить по тому, что предметами гимназическаго преподаванія были: математика, физика, естественныя науки, исторія, географія, статистика, изящныя и политическія науки, латинскій, нѣмецкій, французскій языки и т. д. Въ уѣздныхъ училищахъ преподавалось о должностяхъ человѣка и гражданина.

Многое во всемъ этомъ было недостаточно стройно, не хватало хорошо подготовленныхъ педагогическихъ силъ, но всю систему охватывала широкая, гуманная мысль.

На ряду съ общими учебными заведеніями развивались и спеціальныя—сословныя и профессіональныя. По мысли Сперанскаго былъ выработанъ планъ преобразованія духовныхъ училищъ. Въ 1809 году этотъ планъ получилъ утвержденіе. Въ основныхъ чертахъ духовныя школы сохранили данную имъ при Александрѣ I организацію. Духовныя академіи, семинаріи и училища переходятъ и въ двадцатый вѣкъ. Но и тутъ слѣдуетъ отмѣтить характеризовавшій преобразованіе духъ: на каѳедру философіи въ петербургской духовной академіи былъ вызванъ Сперанскимъ изъ Германіи Фесслеръ. Въ числѣ первыхъ профессоровъ этой академіи были Иннокентій и Филаретъ, впослѣдствіи знаменитые іерархи, извѣстный ученый Павскій и др.

Значительное развитіе получаетъ и женское, преимущественно институтское, образованіе.

Таково было «дней александровыхъ прекрасное начало».

III.

На практикѣ многія и лучшія изъ идей, положенныхъ въ основу преобразованія учебнаго дѣла въ царствованіе Александра I, встрѣтились съ противодѣйствіями и застарѣлыми навыками. Такъ, университетское самоуправленіе нарушалось вмѣшательствомъ попечителя, и профессора подвергались грубымъ дисциплинарнымъ взысканіямъ. Званіе учителя еще не пользовалось въ обществѣ уваженіемъ, и въ учебную службу шли неохотно.

И въ самомъ законодательствѣ пробивались реакціонныя струйки, очень усилившіяся съ эпохи Священнаго союза.

По инициативѣ попечителя петербургскаго учебнаго округа, графа Уварова, въ гимназіяхъ усиливается преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ (въ 1811 году). Психологія, правоученія и нѣкоторые другіе предметы (въ томъ числѣ, совершенно основательно, коммерческія науки и технологія) исключаются изъ гимназической программы.

Принимаются мѣры противъ поѣздокъ молодыхъ людей за границу съ образовательною цѣлью, стѣсняется доступъ иностраннымъ книгамъ. Книга *О должностяхъ человѣка и гражданина* изъемлется изъ школьнаго преподаванія.

Со вступленіемъ на престолъ императора Николая I учреждается *Комитетъ устройства учебныхъ заведеній*. Въ рескриптѣ на имя министра народнаго просвѣщенія (1826) императоръ говорилъ: Обозрѣвая съ особымъ вниманіемъ устройство учебныхъ заведеній, *въ коихъ россійское юношество образуется на службу государству*, я съ сожалѣніемъ вижу, что не существуетъ въ нихъ должнаго и необходимаго единообразія, на коемъ должно быть основано какъ воспитаніе, такъ и ученіе. Предметъ сей столь быстрое вліяніе можетъ имѣть на благо государственное, что нужно безъ всякаго отлагательства посвятить исправленіемъ сего недостатка въ нашей учебной системѣ.

Комитетъ немедленно принялся за работу. Въ основу выработаннаго имъ проекта легла мысль, высказанная тогдаш-

нимъ министромъ народнаго просвѣщенія, Шишковымъ: Приходскія училища должны у насъ существовать преимущественно для крестьянъ, мѣщанъ и промышленниковъ низшаго класса, уѣздныя для купечества, оберъ-офицерскихъ дѣтей и дворянъ, гимназіи преимущественно для дворянъ. Кадетскіе корпуса назначались исключительно для дворянъ.

Усердно подчеркивалась мысль о *народности*, и въ то же время въ школу вводилась противоположная ей идея *сословности*. Одинъ изъ членовъ комитета такъ формулировалъ это стремленіе: «Общественное воспитаніе должно клониться къ тому, чтобы дѣти каждаго состоянія получали такое образованіе, которое содѣйствовало бы ихъ способнымъ быть полезными и довольными въ томъ состояніи, къ коему они при рожденіи своемъ назначены Всевышнимъ Промысломъ».

Усиливается въ гимназіяхъ преподаваніе классическихъ языковъ, отчасти какъ мѣра предупрежденія и пресѣченія умноженія числа университетскихъ слушателей. Въ благородныхъ пансіонахъ, съ одинаковыми съ гимназіями правами, древніе языки или не преподавались, или преподавались въ ослабленномъ размѣрѣ.

Управленіе учебнымъ округомъ было отнято у университета и вручено попечителю и его канцеляріи.

Между тѣмъ потребность образованія росла въ русскомъ обществѣ, и это начало тревожить министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова. Онъ предлагалъ «*пещись*» о томъ, чтобы не было *чрезмѣрнаго* стремленія къ высшему образованію. Это стремленіе, по мнѣнію министра, *колебало порядокъ гражданскихъ сословій*. Съ этою цѣлью была повышена плата за ученіе. Элементы общественныхъ наукъ изгоняются изъ гимназической программы. Остается статистика, но преподавать ее предписано, «отсѣкая всякія разсужденія, имѣющія ближайшую связь съ политическими науками».

Революціонныя движенія въ западной Европѣ вызвали подозрительное отношеніе къ классическимъ языкамъ, и преподаваніе ихъ сильно сокращается въ пользу естественныхъ наукъ. Предполагалось, что знакомство съ республиканскими учрежденіями Греціи и Рима приноситъ неуваженіе къ отечественнымъ законамъ.

По университетскому уставу 1835 года права профессорской коллегіи были значительно сокращены, власть попечителя увеличена, а вскорѣ затѣмъ министру предоставлено было назначать декановъ и ректора. Преподаваніе въ университетахъ строго регламентировалось, и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ предметовъ (философія, государственное право европейскихъ державъ) были исключены изъ преподаванія. Пріемъ студентовъ въ университеты былъ ограниченъ тремя стами.

Такъ кончилась вторая половина XIX вѣка.

По восшествіи на престолъ императора Александра II этотъ обязательный комплектъ студентовъ былъ отмѣненъ, и число университетскихъ слушателей быстро возросло (при Николаѣ I былъ открытъ кіевскій университетъ; студентовъ въ шести университетахъ было: въ 1854 году 3547, а въ 1860 — 4998). Въ 1863 году былъ обнародованъ новый университетскій уставъ,—тщательно разработанный и проникнутый благороднымъ научнымъ духомъ государственный актъ. Университетамъ возвращалось самоуправленіе, выборное начало и широкая европейская постановка научнаго преподаванія (министромъ народнаго просвѣщенія былъ А. В. Головнинъ). Открыты были два новыхъ университета, новороссійскій и варшавскій (въ послѣднее время созданъ былъ томскій).

При графѣ Д. А. Толстомъ, въ 1871 году, наши гимназіи превращены были въ классическія, несмотря на самую серьезную оппозицію со стороны выдающихся педагоговъ, государственнаго совѣта и русскаго общества, представляющагося большинствомъ органовъ печати.

Рядомъ съ гимназіями были учреждены реальныя училища, которыя не давали доступа въ университетъ и также не пріобрѣли симпатій общества.

Въ 1864 году знаменитымъ государственнымъ дѣятелемъ, бывшимъ тогда военнымъ министромъ, Д. А. Милютинымъ (нынѣ графомъ и фельдмаршаломъ), была произведена реформа военно-учебныхъ заведеній. Корпуса получили расширенную общеобразовательную программу и были переименованы въ военныя гимназіи (при императорѣ Александрѣ III они получили прежнее названіе).

При императорѣ Александрѣ II созданы были и женскія гимназіи съ хорошею образовательною программою. Много потрудились въ этомъ отношеніи педагоги Чумиковъ и въ особенности Вышнеградскій. Гимназіи эти находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія или вѣдомства императрицы Маріи. Съ царствованія Александра II начинается и знаменательное движеніе къ достиженію женщинами высшаго образованія. Начало этого образованія было положено Н. А. Вышнеградскимъ (педагогическіе курсы при петербургской Маріинской гимназіи). Время было непокойное, общество, преимущественно, разумѣется, молодежь, жило приподнятою, возбужденною жизнью, и людямъ, которые, какъ Вышнеградскій, руководили дѣломъ, создавали его, приходилось тяжело. Вышнеградскій вынужденъ былъ выйти въ отставку.

Но сильное общественное теченіе развивалось. Сами женщины энергично выступили для достиженія правъ на высшее образованіе. Имена Трубниковой, Философовой, Стасовой, Конради украшаютъ эту страницу въ исторіи нашего просвѣщенія. Выдающіеся общественные дѣятели и педагоги поддерживали благородныя усилія женщинъ. Ушинскій, Водовозовъ, Стоюнинъ преобразовали институтское образованіе и воспитаніе. Кашеварова, Суслова настойчиво добивались блистательно заслуженныхъ ими правъ. Женщинъ начали допускать вольнослушательницами въ университетъ. Въ Петербургѣ открываются систематическія публичныя чтенія преимущественно для женщинъ по предметамъ физико-математическаго и историко-филологическаго факультетовъ. Несмотря на упорное противодѣйствіе съ многихъ сторонъ, дѣло подвигалось впередъ. Огромныя услуги ему оказали военный министръ графъ Милютинъ, профессоръ А. Н. Бекетовъ и многіе другіе замѣчательные дѣятели.

Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ открылись наконецъ высшіе женскіе курсы (такъ называемые Бестужевскіе, Лубянскіе, профессора Герье, и т. д.). Женщины, благодаря графу Милютину, получили доступъ и къ высшему медицинскому образованію.

Д. С. Милль привѣтствовалъ успѣхи русскихъ женщинъ. Но вскорѣ наступило понятное движеніе. Женщинамъ закрытъ доступъ въ военно-медицинскую академію, высшіе курсы прекращаются. Въ царствованіе императора Николая II дѣло пріобрѣтаетъ прочную постановку: медицинское и вообще высшее женское образованіе получаетъ правильную организацію. До женскаго университета еще не близко, но большая часть дѣла сдѣлана. Къ сожалѣнію, существующія теперь высшія женскія учебныя учрежденія далеко не вмѣщаютъ всѣхъ желающихъ учиться и обставлены довольно стѣснительными правилами.

IV.

Таково, въ общихъ чертахъ, внѣшнее развитіе образованія въ Россіи прошлаго столѣтія.

Дѣло шло не о созданіи только школъ, но и о глубокомъ измѣненіи взглядовъ общества на задачи и пріемы обученія и воспитанія. Всѣмъ извѣстна громадная роль московскаго университета въ сороковыхъ годахъ. Слушатели Грановскаго и читатели Бѣлинскаго передавали завѣты учителей въ глубину провинціи. Съ воцареніемъ Александра II начинается широкое развитіе педагогическихъ идей, сознательное и самостоятельное отношеніе общества къ вопросамъ школы и воспитанія. Эпохою являются знаменитые *Вопросы жизни*, которые въ 1856 году печаталъ Пироговъ въ *Военномъ Сборникѣ*. Идеи Пирогова были бодро поддержаны лучшими журналами того времени и произвели глубокое впечатлѣніе на общество. Явилось немедленно и горячее стремленіе вести просвѣщеніе въ народъ путемъ воскресныхъ школъ и другихъ образовательныхъ учрежденій. Съ тѣхъ поръ частный починъ играетъ большую роль въ распространеніи

народнаго образованія, могучій толчокъ которому былъ нашимъ земствомъ.

Образовательное движеніе шестидесятыхъ годовъ имѣло свои крайности и увлеченія, напримѣръ, естественными науками по нѣкоторой оныи убѣдились наконецъ, что въ природѣ русскаго человѣка дѣйствительно лежитъ любовь и способность къ естествознанію, а не къ грамматической классической школѣ. Мы переходимъ въ двадцатое столѣтіе съ розвѣшеннымъ правительствомъ намѣреніемъ преобразовать нашу среднюю школу, внести въ нее живой духъ и плодотворныя знанія.

Университетскій уставъ 1884 года, оказавшійся совершенно неудовлетворительнымъ, въ нѣкоторой степени исправленъ практикою. Но многіе изъ его недостатковъ не устранимы безъ полнаго пересмотра устава, съ возвращеніемъ къ основнымъ началамъ устава 1863 года.

Спеціальное профессіональное образованіе сдѣлало очень большіе успѣхи у насъ въ XIX вѣкѣ. Нужды въ этомъ умѣрѣ общему образованію. И еще одинъ недостатокъ нашей отношенія еще далеко не удовлетворены, но нельзя не указать на возможныя увлеченія, на вредъ ранней спеціализаціи въ образовательной системы должно отмѣтить: учителя среднихъ учебныхъ заведеній у насъ не подготовляются къ педагогической дѣятельности, и низшая школа, городская и земская, въ методологическомъ отношеніи стоитъ несравненно выше средней.

Съ доброю надеждою мы вступили въ двадцатое столѣтіе. Правительство обратило вниманіе на просвѣщеніе народныхъ массъ. *Сельскій Вѣстникъ* разноситъ по деревнямъ законоположенія и правительственныя мѣропріятія, даетъ сельскому люду много полезныхъ свѣдѣній по вопросамъ текущей жизни. Этому же содѣйствуютъ нѣкоторыя земскія изданія. Возникаютъ общества для распространенія просвѣщенія, для устройства разумныхъ развлеченій для народа, и т. д. Въ обществѣ все глубже и глубже укрѣпляется увѣренность, что на поприщѣ ума нельзя намъ отступать!

Фребель.

V

Въ началѣ народнаго образованія девятнадцатый вѣкъ волновали въ наслѣдство отъ восемнадцатаго одни лишь широкіе проекты и смѣлыя мечты о повсемѣстномъ распространеніи просвѣщенія. Бѣдный архангельскій мужикъ, большій душою до близкаго и невѣжество близкаго его сердцу народа, любящаго обдумывать и составлять проекты, какъ поднять народное благосостояніе, какъ уменьшить въ народѣ смертность, какъ приготовить новыхъ людей, которые сумѣли бы [illegible] нашими не исчерпаемыми природными богатствами, и неустанно хлопотать о насажденіи въ отечествѣ [illegible] объ устройствѣ доступныхъ всѣмъ училищъ низшихъ, среднихъ и высшихъ. Блестящіе вельможи-меценаты [illegible] просвѣтительные планы и отдавали [illegible] въ большой ящикъ. Увлекавшаяся [illegible] свободолюбивыми европейскими идеями Императрица Екатерина много говорила и писала о томъ, что въ странѣ, гдѣ жительны населенія не имѣютъ ни свободы, ни собственности, не можетъ быть ни трудолюбія, ни богатства, что [illegible] преступленія лежатъ главнымъ образомъ въ [illegible] народномъ, что преступленія всего лучше предупреждаются и воспитаніемъ [illegible], что въ государствѣ [illegible] юношей и дѣвицъ нужно воспитывать [illegible] къ труду и состраданію къ ближнимъ и [illegible] черезъ [illegible] поколѣніе нужно по[illegible] что безусловительно нужно учреждать повсюду и среднія, и низшія народныя училища и приготовлять для нихъ умѣлыхъ учителей, плодотворить учебныя руководства. По убѣжденію Императрицы, образованіе равно необходимо для обоихъ половъ и всѣхъ сословій, и не только для природныхъ русскихъ, но и для инородцевъ, и школа должна отличаться широкою вѣротерпимостью и приготовлять въ жизни не только хорошихъ отцовъ и матерей, но и добрыхъ гражданъ; народное образованіе- обязанность государства, но къ участію въ распространеніи просвѣщенія должно быть призвано въ помощь государству и все просвѣщенное русское общество. Но эти смѣлыя мечты Государыни нашли себѣ единственное осуществленіе лишь въ ея литературныхъ трудахъ, и учрежденная ею комиссія народныхъ училищъ для всеобщаго распространенія образованія въ Россіи почти ничего не могла сдѣлать на пользу просвѣщенія низшихъ классовъ.

Великодушныя мечты о просвѣщеніи народа не могли осуществиться и при любимомъ внукѣ Екатерины Императорѣ Александрѣ I, хотя онъ и объявилъ при своемъ восшествіи, что «мы будемъ царствовать по законамъ и по сердцу Бабки нашей, да по ея стопамъ шествуя, достигнемъ возвести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ». Не могли осуществиться всѣ эти благія желанія вплоть до эпохи великихъ реформъ Царя-Освободителя: ключъ къ просвѣщенію народа крѣпко-на-крѣпко былъ замкнутъ въ крѣпостномъ правѣ. Просвѣщеніе и крѣпостное право это два понятія, взаимно исключающія другъ друга.

Императрица Екатерина и Императоръ Александръ I стремились создать стройную систему непосредственно связанныхъ между собою и всѣмъ доступныхъ школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ, чтобы низшія служили ступенью для перехода въ среднія, а эти послѣднія подготовляли бы къ высшимъ; но попеченіе объ открытіи *низшихъ школъ* для поселянъ возложено было на помѣщиковъ и крестьянъ, и школы эти по селамъ почти вовсе не открывались, да и по городамъ онѣ были довольно рѣдки, а съ 1828 г. упраздняется и самая мысль о связи низшихъ школъ съ средними, и въ основу раздѣленія школъ полагается принципъ сословности. «Предметы ученія и самые способы преподаванія должны быть соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ назначеніемъ обучающихся». Помѣщичьимъ крестьянамъ не воспрещено было обучать своихъ дѣтей лишь въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ. Въ 1831 году воспрещено открывать частныя школы въ столицахъ; въ другихъ мѣстностяхъ частныя школы могли быть открываемы лишь съ разрѣшенія министра. Въ 1833 и въ 1834 гг. издано запрещеніе обучать въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ кантонистовъ, а въ 1837 г. и незаконнорожденныхъ, находящихся въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго призрѣнія.

Немногочисленныя сельскія школы устроены были для крестьянъ удѣльнаго вѣдомства и государственныхъ имуществъ. На содержаніе этихъ школъ производились особые сборы съ самихъ крестьянъ. Главное назначеніе школъ заключалось въ приготовленіи счетчиковъ, писарей и другихъ канцеляристовъ и властей низшей сельской администраціи. Какъ относились крестьяне къ этимъ школамъ, видно изъ того, что родители смотрѣли на ученье, какъ на повинность, и нерѣдко откупались отъ школы. Чтобы привлечь учениковъ къ школѣ, въ 1838 г. было объявлено о зачетѣ школьнаго ученья въ рекрутскую повинность тѣмъ семействамъ, изъ коихъ были взяты въ школу. Въ 1855 году для пополненія училищъ предписывалось брать въ нихъ сиротъ.

Убого было число училищъ и учащихся, убога была и программа ученія. Учились въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ азбукѣ, механическому чтенію, письму и списыванію, заучивали наизусть, безъ всякаго пониманія, Часословъ и Псалтирь. Ученіе носило узко и формально-практическій и церковный характеръ: живое слово, живая мысль и живое, доброе чувство были здѣсь не вѣдомы, и дореформенная школа, несмотря на свой церковный характеръ, не знала и Евангелія, такъ какъ добрая вѣсть о мирѣ и любви между людьми, о равенствѣ и братствѣ межъ ними, какъ не приложимая къ жизни, не могла быть внушаема дѣтямъ крѣпостныхъ, и Евангеліе бережно хранилось до поры лишь въ церкви, на престолѣ, и было недоступно не только «трудящимся и обремененнымъ», но и тѣмъ, на кого они трудились, кто ихъ обременялъ. Ученіе было не только убогое по своему содержанію, но и насильственное, и суровое, какъ сурова была жизнь и нравы того времени. Грубая брань, жестокіе побои, розги и всяческія истязанія всѣми признавались тогда безусловно необходимыми для усвоенія «горькаго корня ученія». Ученикъ былъ такъ же безотвѣтенъ и безправенъ предъ лицомъ своего учителя, какъ и закрѣпощенный взрослый предъ лицомъ своего господина.

Пироговъ.

Понятно само собою, что такое ученіе не только не просвѣщало, но забивало способности, поддерживало и освящало грубые нравы; жестокая «учеба» муштровала ученика, чтобъ приготовить его къ не менѣе жестокой жизни. Нужно было, по тогдашнимъ «педагогическимъ» убѣжденіямъ, съ дѣтства сломить въ человѣкѣ «мятежную» отъ природы личную волю, чтобъ онъ до старости оставался покорнымъ чужой волѣ. И воспитаніе этого достигало: только избранныя натуры, закаляясь невзгодами, сохраняли свою индивидуальность, остальныя обезличивались. И таковы были тогда по своему существу всѣ школы, не только низшія, но и среднія, не только крестьянскія, но и дворянскія, и духовныя. Суровая дисциплина всѣхъ равняла подъ одну мѣрку, внушая всѣмъ страхъ, какъ источникъ покорности. Школы предназначались почти исключительно для мальчиковъ, жены и дочери даже и помѣщиковъ и духовенства были малограмотны и даже вовсе безграмотны: государственной службой онѣ обязаны не были, а страху и покорности учила ихъ въ должной мѣрѣ сама жизнь по укладамъ протопопа Сильвестра. Какіе плоды въ нравственномъ отношеніи приносило такое ученіе, можно судить по довольно распространенному тогда убѣжденію, что дѣвочекъ вовсе не слѣдуетъ учить письму, иначе онѣ будутъ писать потомъ любовныя письма (а В. И. Даль, составитель Толковаго Словаря и сборника пословицъ, извѣстный въ свое время писатель, печатно доказывалъ вредъ грамотности для крестьянъ (изъ грамотеевъ выйдутъ писаря и станутъ поддѣлывать паспорта и другія бумаги).

Школьное ученіе и вся жизненная обстановка первой половины истекшаго столѣтія воспитывали въ людяхъ, отъ низшихъ сословій и до высшихъ, самыя низменныя, грубо-матеріальныя желанія и стремленія, что такъ правдиво и ярко и выразилъ (1858 г.) поэтъ:

Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтобъ на свѣтѣ спротиночки
Безпечально вѣкъ прожить;
Сиди помалу и соломушку
Покусывай, вонзив сѣ,
Чтобы старшіе Еремушку
Въ поли взвели сарафы.
Въ поли выдешь, все съ ведмежками
Будешь дружество водить,
Съ медвежками приятелями
Шутки вольныя шутить.
И прямольная, и праздная
Жизнь покатится шутя»...

И такія пошлыя и безобразныя колыбельныя пѣсни распѣвались въ дореформенное время не только на постоялыхъ дворахъ, но и въ барскихъ хоромахъ... И въ такомъ принижающемъ человѣческую личность воспитаніи и въ притупляющемъ, безсодержательномъ ученіи многіе находили тогда и потомъ черты національно-русскаго воспитанія, національно-русской школы...

Если конецъ XVIII вѣка оставилъ по себѣ въ наслѣдство одни лишь благія намѣренія, то про конецъ первой половины XIX столѣтія нужно сказать, что къ этому времени и самыя эти намѣренія и свѣтлыя мечты были утрачены и позабыты. Наканунѣ великихъ реформъ мы не имѣли ни общечеловѣческихъ идеаловъ воспитанія и ученія, ни разумно и гуманно организованной школы, ни подготовленныхъ къ своему дѣлу учителей и воспитателей, ни педагогически составленныхъ руководствъ и пособій. Просвѣщенно-гуманная мысль о разумныхъ задачахъ воспитанія и ученія скрытно теплилась лишь въ немногихъ избранныхъ умахъ.

VI.

Но вотъ грянули севастопольскіе громы, и всѣ воочію увидѣли родную нищету, и ужаснулись, и убѣдились, что въ сосѣдствѣ съ просвѣщенными европейскими народами, въ неизбѣжной совмѣстной жизни съ ними не можетъ быть долѣе мѣста невѣжественному народу и государству, въ основѣ котораго лежитъ все нѣпенящее и мертвящее крѣпостное право. По манію великодушнаго и мудраго Царя-Освободителя, порвалась цѣпь великая, и русское общество воспрянуло духомъ, и раздались свободныя слова новой колыбельной пѣсни:

Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ,
Душу вольную отдай,
Человѣческимъ стремленіямъ
Въ ней проснуться не мѣшай.
Съ ними ты рожденъ природою,
Возлелѣй ихъ, сохрани!
Братствомъ, Истиной, Свободою
Называются они»...

Крестьянинъ отпущенъ былъ на волю; его личность, имущество и трудъ ограждены закономъ,—нужно лишь умѣть разумно воспользоваться этими новыми, великими правами. Освобожденъ былъ отъ опеки надъ крестьянами и отъ крѣпостей государственной службы и бывшій помѣщикъ, и свободный трудъ, какъ залогъ личнаго и общественнаго благосостоянія, сталъ правомъ и обязанностью каждаго русскаго человѣка, и нужно стало каждому умѣть разумно трудиться на свою и общую пользу. И государству теперь стали нужны не связанные крѣпостями слуги, а разумные и просвѣщенные граждане, работающіе не за страхъ, а за совѣсть, важно для государства и матеріальное благосостояніе всѣхъ гражданъ, которые должны теперь всѣ въ одинаковой мѣрѣ нести

на себя государственное бремя. Такимъ образомъ, и личные, и общественные, и государственные интересы настоятельно требуютъ теперь образованія отъ всѣхъ и каждаго. И правительственная власть снимаетъ, наконецъ, долго лежавшія на просвѣщеніи оковы и поощряетъ общество въ его просвѣтительномъ движеніи, и педагогическая мысль съ небывалымъ доселѣ воодушевленіемъ и широкимъ размахомъ вырывается на свободу, волнуетъ умы, захватываетъ всѣ просвѣщенные круги общества и создаетъ широкое просвѣтительное движеніе, вслѣдъ котораго «возгорѣть къ духовной жизни славянъ вѣка нашего, культурно вознять его и слить съ другими словами общества, также стремящимися къ своему духовному перерожденію».

«Старое время» оставило въ наслѣдство по себѣ освященные вѣками рутинные обычаи жизни и воспитанія и крѣпкую вѣру массъ въ святость авторитетной старины, такъ нужно прежде всего ниспровергнуть прежнихъ идоловъ, создать новую разумную вѣру въ святость и силу знаній, науки, гуманнаго чувства, высокихъ идеаловъ. Авторитетнымъ примѣромъ и образцомъ долженъ служить просвѣщенный западъ, откуда мы и начали широко черпать готовыя педагогическія идеи и самыя формы обученія и воспитанія. Благодаря такому своему происхожденію идеи эти носили преимущественно общечеловѣческій характеръ, безъ отношенія къ мѣсту и времени, имѣли въ виду всѣхъ и каждаго безъ различія пола и возраста, званій и состояній, въ чемъ и заключалась ихъ сила и слабость: онѣ были обаятельны, но не имѣли плоти и крови и могли послужить лишь основаніемъ для переработки въ будущемъ въ жизненную русскую дѣйствительность.

Въ числѣ первыхъ глашатаевъ новыхъ для русскаго общества педагогическихъ идей выступилъ Н. И. Пироговъ (1856 г.) въ «Морскомъ Сборникѣ», покровительствуемомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Возникли вскорѣ и первые спеціально-педагогическіе журналы — «Журналъ для воспитанія» Чумикова — при участіи Рѣдкина, «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» Вышнеградскаго (1857 г.), а затѣмъ и «Учитель» (1861 г.), пользовавшійся особенною популярностью.

Горячая и живая статья Пирогова «Вопросы жизни», о которой мы упоминали выше, взволновала все мыслящее общество постановкою тѣхъ роковыхъ вопросовъ, которые вѣчно жили и не перестанутъ жить въ человѣчествѣ, но которые были такъ новы и особенно близки для пробуждающагося отъ долгаго сна русскаго общества: въ чемъ цѣль нашей жизни? каково наше назначеніе? къ чему мы призваны? чего должны искать мы? Отвѣтами на всѣ эти вопросы и должно руководствоваться воспитаніе, которое до сихъ поръ, лицемѣрно называя себя христіанскимъ, исключительно готовило дѣлей къ грубо-матеріальной, практической жизни чиновничьей, торговой и проч. Быть человѣкомъ въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, и не казаться только, а быть въ дѣйствительности таковымъ въ мысляхъ, въ чувствахъ, во всѣхъ проявленіяхъ жизни, вотъ задача воспитанія.

Воспитаніе и образованіе не оканчивается, а лишь начинается школою: воспитаніе есть крайчайшій путь къ самообразованію; воспитатель долженъ безпрестанно возбуждать, укреплять и хранить сознательную и свободную дѣятельность воспитанника, чтобы онъ въ состояніи былъ потомъ пробрести сильную умъ и твердую волю, необходимыя для самообразованія. Воспитаніе у насъ, какъ и у всѣхъ, должно быть основываемо на основѣ любви: варваровъ, эллиновъ и гуннъ, чтобы воспитать въ духѣ красоты, истины, добра. («Рѣчь»).

Полнымъ гуманныхъ и широкихъ мыслей Пироговъ, «Юнкерская» школа (по толкованію кавказскаго уѣзднаго окружнаго) предлагаетъ, кромѣ общей системы организаціи общественнаго [illegible] среднія и высшія школы должны быть [illegible] чтобы переходъ изъ одной школы [illegible] для всѣхъ, а въ томъ числѣ и для [illegible] народной школы.

К. Д. Ушинскій развиваетъ идею національнаго воспитанія, устанавливаетъ понятія о воспитаніи умственномъ и нравственномъ, причемъ отдаетъ предпочтеніе послѣднему, опредѣляетъ желательное къ школамъ отношеніе государства и общества. Безпощадно бичуя, какъ самое опасное въ воспитаніи зло, обычное въ обществѣ религіозное фарисейство и бесодержательный изсушающій душу формализмъ, Ушинскій полагаетъ въ основу для воспитанія нравственности идеи христіанства, а затѣмъ и науку. Третьею необходимою основою воспитанія Ушинскій признаетъ національность. Воспитаніе и школа всюду народны, таковы онѣ должны быть и у насъ. Основы воспитанія и образованія общечеловѣчны, національность же дастъ дополнительныя черты образовательному идеалу, черты болѣе частныя, но не менѣе важныя. Какъ на главнѣйшія черты національнаго воспитанія, Ушинскій указываетъ на родной языкъ, который долженъ быть изучаемъ и больше и раньше чужихъ, и на родную природу и жизнь. Одною изъ главныхъ цѣлей воспитанія и ученія онъ ставитъ пріученіе воспитанника къ труду; трудъ есть святой долгъ каждаго человѣка и необходимѣйшее условіе для его умственнаго и нравственнаго совершенствованія, трудъ — единственно достойное человѣка и единственно достижимое на землѣ счастіе.

В. Я. Стоюнинъ, развивая вслѣдъ за Ушинскимъ идею національности въ воспитаніи, указываетъ, что у насъ особенно важно и необходимо обратить вниманіе при воспитаніи на развитіе въ дѣтяхъ и юношахъ чувства законности, уваженія къ своей и чужой личности, уваженія къ наукѣ и стремленія къ усвоенію знаній, на воспитаніе строго-логическаго мышленія, какъ руководства для оцѣнки окружающаго и направленія своей дѣятельности, на усвоеніе понятій общественной нравственности, на уваженіе къ своему и чужому труду, на воспитаніе сознанія обязательности труда для всѣхъ и каждаго, нравственной связи съ обществомъ и народомъ. Школа можетъ правильно развиваться и жить лишь при томъ единственномъ условіи, если она поставитъ себѣ цѣлью воспитать въ ребенкѣ и юношѣ человѣка. А такъ какъ въ дѣйствительной жизни человѣкъ является гражданиномъ своего народа и дѣятелемъ въ обществѣ, то школа и должна, воспитывая человѣка, воспитывать и гражданина. Гражданинъ не долженъ уничтожать человѣка, ни человѣкъ гражданина. Лучшимъ учебнымъ средствомъ для достиженія этихъ цѣлей служатъ литература и исторія, развивающія сочувствіе къ интересамъ человѣческимъ и гражданскимъ.

Дѣло воспитанія и ученія, при своей огромной важности, — одно изъ труднѣйшихъ человѣческихъ дѣлъ: оно требуетъ отъ воспитателя и учителя широкаго общаго и спеціально-педагогическаго образованія, особаго искусства и призванія. Главное условіе успѣха школъ и воспитанія, говоритъ Пироговъ, не въ уставахъ и программахъ, а въ хорошо подготовленныхъ учителяхъ-воспитателяхъ. Нужны новые люди для преобразованія всякаго дѣла. И для педагогическаго дѣла нужны не чиновники, а подготовленные наставники-педагоги, при чемъ положеніе и вліяніе ихъ должно быть и независимо, и обезпечено. И Ушинскій горячо ратуетъ за широкое распространеніе педагогическихъ знаній не только среди наставниковъ, но и въ семьяхъ, за устройство учительскихъ семинарій для подготовки учителей низшихъ школъ, за открытіе при университетахъ спеціально-педагогическаго факультета для разработки педагогической науки и подготовки наставниковъ средней школы.

Въ тѣсной связи съ вопросами объ общихъ цѣляхъ и задачахъ воспитывающаго ученія былъ поставленъ совершенно новый для русскаго учителя вопросъ — о формахъ ученія, о методахъ и пріемахъ преподаванія: какъ легче и совершеннѣе передать дѣтямъ знанія, понятія, идеи, чтобы ученіе всесторонне развивало ученика и дисциплинировало его мыслительныя силы. Практическая разработка методовъ и пріемовъ преподаванія, составленіе отвѣчающихъ цѣлямъ ученія руководствъ и пособій, все это занимало нашихъ педагоговъ еще болѣе, чѣмъ дальнѣйшее развитіе основныхъ вопросовъ воспитанія и ученія. Благодаря трудамъ въ этой области Ушинскаго Паульсона, Евтушевскаго Бунькова, Водовозова,

Корфа, общіе принципы воспитывающаго ученія быстро популяризировались, и первоначальное преподаваніе въ семьѣ и въ школѣ измѣнилось къ лучшему. Много было здѣсь неизбѣжныхъ крайностей и односторонних увлеченій; но исторія русской школы вспомнитъ благодарнымъ словомъ имена названныхъ педагоговъ, усовершенствовавшихъ трудъ школьнаго учителя, сдѣлавшихъ ученіе легкимъ и интереснымъ для дѣтей и приблизившихъ къ народнымъ массамъ начатки образованія.

Подъ впечатлѣніемъ великаго историческаго акта 19-го февраля 1861 года, пораженный величіемъ и огромной важностью событія, Ушинскій воскликнулъ: «Боже мой, сколько нужно школъ и школъ для всего этого народа, возрожденнаго къ гражданской жизни! И не школъ грамотности только, но и школъ, въ которыхъ народъ научился бы употреблять съ пользою для себя и для другихъ свою свободу!» И школы народныя начали быстро разрастаться числомъ, развиваться и совершенствоваться внутренно, прилагая къ дѣлу и проводя въ жизнь общіе принципы воспитывающаго ученія. Но какъ сохранить за ними и впредь этотъ естественный жизненный ростъ, уберечь ихъ отъ мертвящаго формализма и узкой односторонности, поддерживать въ нихъ душу живую, неизмѣнно обезпечить за ними дальнѣйшее правильное развитіе на общихъ основахъ христіанской нравственности, науки и національности?

На этотъ вопросъ и Пироговъ, и Ушинскій, и Стоюнинъ даютъ вполнѣ согласный и опредѣленный отвѣтъ: все это должно быть предоставлено, во-первыхъ, педагогической и общенаучной литературѣ, открыто и свободно обсуждающей вопросы воспитанія и ученія, а, во-вторыхъ, — самому обществу и народу, непосредственно заинтересованнымъ въ воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей. Этой обязанности созиданія разумнаго и добраго воспитанія и ученія не должна брать на себя всецѣло одна лишь государственная власть, — это обязанность и право самого общества, какъ соединенія многихъ семействъ, — на нихъ лежитъ долгъ, имъ принадлежитъ право воспитанія и образованія своихъ дѣтей. Государство безъ общества никогда не можетъ создать надлежащую школу, — у него своя точка зрѣнія, свои интересы, свои задачи. Непосредственное и близкое участіе общества въ организаціи народнаго образованія и въ руководительствѣ имъ и неизбѣжно, и необходимо. Школа государственная безъ участія общества — школа казенная, нивеллирующая, попреимуществу спеціальная или профессіональная; вдохнуть въ народное образованіе душу живую, самую жизнь можетъ только общество. Гдѣ нѣтъ общественнаго мнѣнія о воспитаніи, тамъ нѣтъ и общественнаго воспитанія, хотя и можетъ быть множество учебныхъ заведеній. Элементы воспитанія и образованія суть элементы науки и гуманности, общіе для всѣхъ людей, а не для гражданъ извѣстнаго государства. Государство должно стать въ такое же отношеніе къ школѣ, въ какомъ оно издавна стоитъ къ медицинѣ. Школа не должна быть въ разладѣ съ интересами государства, она не должна быть и орудіемъ какой бы то ни было партіи, съ этой стороны школа должна быть неприкосновенна и одинаково дорога всѣмъ. Школа должна быть оберегаемы закономъ и честными гражданами.

Развивая далѣе мысли Ушинскаго и Стоюнина, современный намъ педагогъ г. Каптеревъ вполнѣ справедливо утверждаетъ, что въ настоящее время только правомѣрное сочетаніе государственной и общественной дѣятельности можетъ дать въ результатѣ прекрасно поставленное народное образованіе. Передача культурныхъ богатствъ человѣчества подростающимъ поколѣніямъ, культурная связь поколѣній путемъ науки, нравственности и искусства, возможно всесторонное развитіе личностей — все это спеціальное призваніе школы. — Общественной дѣятельности должно принадлежать обширное поприще въ народномъ образованіи. Не законы школьные, а законы природы, законы физіологическіе и психологическіе — вотъ что важно для общества прежде всего въ странѣ и въ организаціи школы, — благо дѣтей на первомъ планѣ. Поэтому общество есть защитникъ общаго, гуманнаго образованія дѣтей, — а настоящая научная педагогія — требованіе общества. Государство въ школьномъ дѣлѣ имѣетъ свои заботы: заводить спеціальныя и профессіональныя школы, помогать повсемѣстному распространенію начальнаго образованія, создавать школьное законодательство, наблюдать за школами — это не только неотъемлемое право, но и обязанность государства.

Въ разрѣшеніи вопроса объ отношеніи къ школѣ общества и государства дошли до полной крайности — гр. Л. Н. Толстой и извѣстный критикъ и публицистъ Д. И. Писаревъ. И тотъ, и другой рѣшительно настаиваютъ на полной свободѣ образованія: старшее поколѣніе не должно руководить младшимъ, а лишь предлагать духовную пищу, какъ и тѣлесную; пусть младшее поколѣніе само выбираетъ, что ему угодно, само вырабатываетъ для себя правила жизни. Старшее поколѣніе не знаетъ, что нужно младшему, а потому и не можетъ руководить имъ, не можетъ учить его.— Главное коренное зло, говоритъ гр. Л. Н. Толстой, въ постановкѣ образованія во всѣ времена и у всѣхъ народовъ — его принудительность, отсутствіе свободы образованія. Чтобы поставить образованіе вполнѣ твердо и правильно, его нужно сдѣлать свободнымъ. Единственный методъ образованія есть опытъ, а единственный его критеріумъ есть свобода. Право рѣшать вопросъ, чему и какъ учить народъ, принадлежитъ самому народу, и только ему одному. Свободная школа — дѣло будущаго, — быть можетъ, это и не школа, а раскъ, театръ, библіотеки, музей, бесѣда, публичная лекція.

Грановскій.

Статьи гр. Л. Н. Толстого и Д. И. Писарева имѣли въ свое время большое значеніе, какъ рѣшительное осужденіе недостатковъ прошлаго, какъ протестъ противъ крайней принудительности и даже грубаго насилія въ воспитаніи и ученіи, ихъ безсодержательности и формализма. Рѣзкое порицаніе гр. Л. Н. Толстымъ недостатковъ «новой» школы, излишняго увлеченія иноземными образцами и чрезмѣрной заботы о формахъ обученія въ ущербъ его образовательному содержанію, все это пролвело въ свое время на педагоговъ отрезвляющее вліяніе и заставило ихъ сосредоточить свои силы главнымъ образомъ на разработкѣ вопроса о предметахъ школьнаго ученія, о воспитывающей и образующей цѣнности того или другого учебнаго матеріала.

Въ разъясненіи вопроса, какъ должна быть поставлена по своимъ формамъ и содержанію *современная* сельская школа въ глухихъ деревенскихъ захолустьяхъ (подобныхъ с. Татеву, Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губ.), — принялъ близкое участіе и сыгралъ видную роль бывшій профессоръ С. А. Рачинскій, устроившій крестьянскую школу въ своемъ имѣніи (Татевѣ) и съ увлеченіемъ поработавшій въ ней. Взгляды С. А. Рачинскаго поставлены были потомъ въ близкую связь съ направленіемъ организующейся въ то время церковно-приходской школы, о которой мы скажемъ ниже.

Въ ряду общепедагогическихъ и учебныхъ вопросовъ видное мѣсто, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, занимаютъ вопросы школьной гигіены и вообще охраненія здоровья уча-

шихся: устройство школьныхъ зданій, классныхъ помѣщеній, классной мебели, вопросъ о переутомленіи учащихся, о занятіяхъ и играхъ на открытомъ воздухѣ, о прогулкахъ и путешествіяхъ и проч. Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ — вотъ вновь возстановленный девизъ воспитанія и ученія. Въ разработкѣ вопросовъ физическаго воспитанія значительное участіе принялъ въ ряду другихъ извѣстный московскій врачъ *Е. А. Покровскій*.

Въ послѣдніе годы вновь поставленъ на очередь давно разрѣшенный по существу вопросъ о профессіональномъ и общемъ образованіи. Съ педагогической точки зрѣнія общее образованіе, въ той или другой мѣрѣ, одинаково важно и необходимо для всѣхъ и каждаго, и должно предшествовать профессіональному (а равно и спеціальному): прежде чѣмъ изучить то или другое ремесло, ту или другую спеціальность, — каждому нужно прежде всего подготовить себя къ исполненію обязанностей высочайшаго изъ званій — человѣка. Такъ вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ педагогами и у насъ, какъ и повсюду; но въ наше время съ достаточною силою высказывается и даже проводится въ жизнь стремленіе дать и въ начальной школѣ профессіональнымъ занятіямъ равное мѣсто наряду съ общеобразовательнымъ ученіемъ. Благодаря малолѣтству учащихся въ начальной школѣ, занятія въ саду, въ огородѣ, въ опытномъ полѣ, за столярнымъ и токарнымъ станкомъ и проч. не могутъ принести какихъ-либо практическихъ результатовъ, а при минимальной краткосрочности курса народной школы занятія эти ослабятъ несомнѣнно силу общеобразовательныхъ предметовъ.

Стоюнинъ.

Подводя итоги всему сказанному, мы должны признать, что педагогическая мысль второй половины истекшаго столѣтія опредѣленно поставила и въ общемъ разрѣшила основные вопросы воспитанія и ученія — о цѣляхъ и задачахъ воспитанія и образованія, о формахъ обученія, о профессіональной и общеобразовательной школѣ, объ единствѣ школьной системы, о національныхъ элементахъ образованія, объ отношеніи школы къ обществу и государству; создана была въ то же время педагогическая и учебная литература. Общее направленіе, какое дано было воспитанію и ученію первыми работниками въ этой области, остается господствующимъ и до настоящаго времени въ убѣжденіяхъ и современныхъ педагоговъ.

Ушинскій.

Въ послѣднее столѣтіе когда уже обнаружились и въ жизни результаты школьнаго ученія, и въ сильныхъ кругахъ молодежи обнаружились запросы на дальнѣйшее развитіе, — педагогическая мысль съ особенною настойчивостью разрабатывала вопросы о внѣшкольномъ образованіи и въ короткое время сдѣлано было очень много и даже въ области художественной и политической литературы. Въ [illegible] образовательныхъ учрежденіяхъ для просвѣщенія возрастающихъ поколѣній и взрослаго класса.

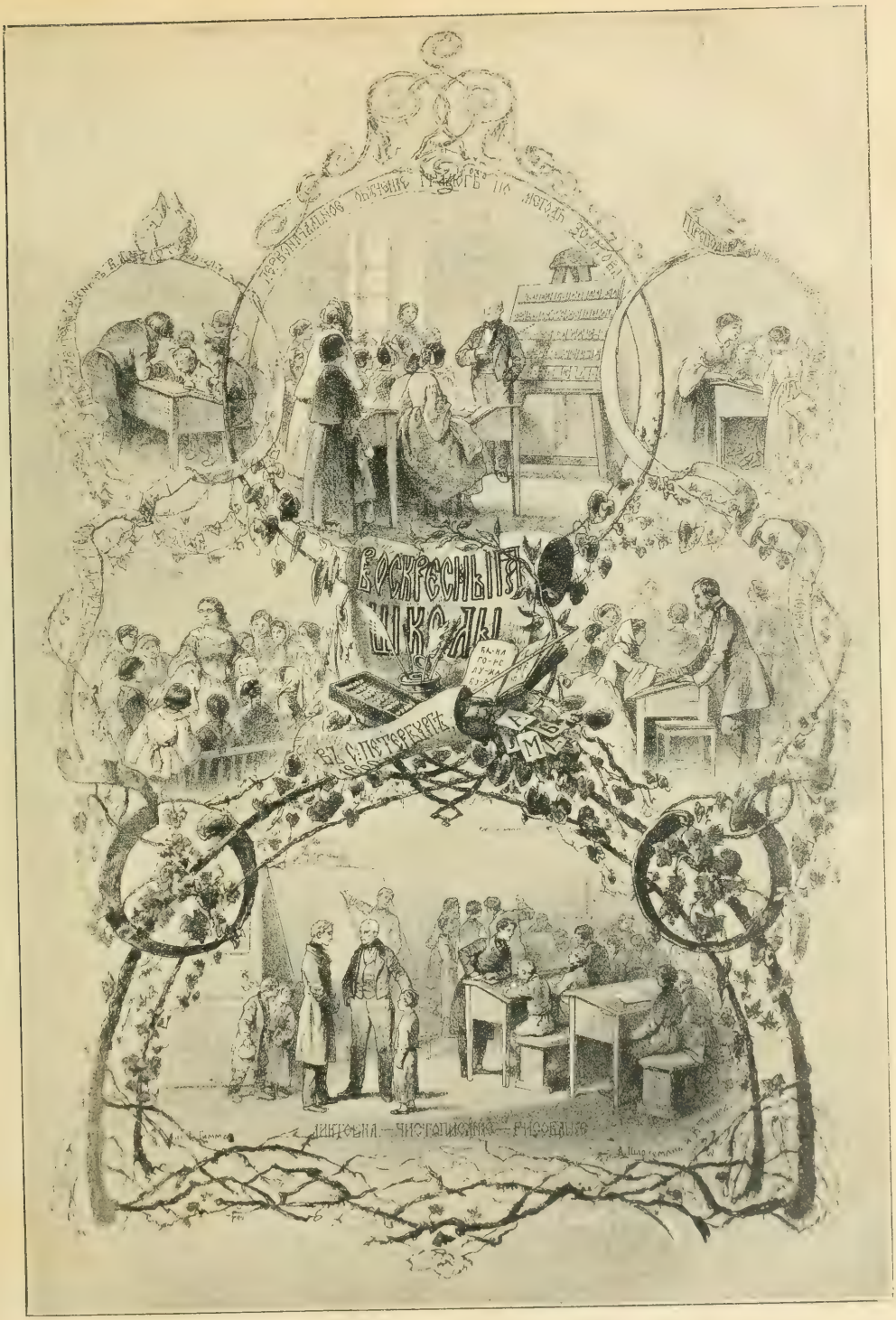
Большая [illegible] и народная литература [illegible] измѣнила свой характеръ и стремится [illegible] литературою общества. Особенно [illegible] и народная литература [illegible] сосредоточенной литературы [illegible] совсѣмъ [illegible]

тельная духовная пища должна быть разсчитываема не въ зависимости отъ сословія и общественнаго положенія и даже въ извѣстныхъ предѣлахъ, не отъ возраста и пола, а главнымъ образомъ отъ той или другой ступени духовнаго развитія, на которой стоитъ читатель, чтобы онъ, по мѣрѣ своего развитія, легко и свободно переходилъ съ одной ступени на другую отъ низшей и до самой высшей, въ мѣру его силъ. Работниками для читателей, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія, должны быть наилучшія литературныя и научныя силы, какъ это и есть уже въ дѣйствительности въ настоящее время, когда за Л. Н. Толстымъ явились на просвѣтительное служеніе народу и дѣтямъ Маминъ-Сибирякъ, Немировичъ-Данченко, Потапенко, Баранцевичъ, Авенаріусъ, Засодимскій, проф. Богдановъ, Кайгородовъ, Корелинъ, Коропчевскій, Герье, И. И. Ивановъ, Вагнеръ и мног. друг. Читателю, кто бы онъ ни былъ, должно быть предлагаемо изъ разныхъ областей жизни и знаній все, что для него посильно, что найдетъ онъ для себя интереснымъ изъ русской и всеобщей литературы, исторіи и географіи, изъ жизни родной и чужой природы, изъ жизни личной, семейной, общественной, государственной, русской и міровой, и проч.

Чтобы доставить всѣмъ и каждому возможность продолжать свое образованіе, необходимо нужно, расширяя постепенно курсъ начальной школы до четырехъ и пяти лѣтъ, — устраивать одновременно съ этимъ повсемѣстно общедоступные дополнительные классы и школы, — воскресные и вечерніе, общедоступныя чтенія и бесѣды, читальни, библіотеки, книжные склады и проч. Чтобы дать возможность и рабочему люду съ пользою и удовольствіемъ проводить свободное отъ трудовъ время, необходимо устраивать общедоступныя образовательныя учрежденія — театры, концерты, литературные и танцовальные вечера и проч. Необходимо для этой цѣли создавать, такъ называемые, «народные (мірскіе) дворцы», въ нихъ бы и сосредоточивалось все, что служитъ и для просвѣщенія, и для разумнаго развлеченія. Всѣ эти и другія воспитательно-образовательныя учрежденія, состоя подъ общимъ контролемъ правительственной власти, могутъ быть организованы, успѣшно осуществлены и жизненно развиваемы исключительно лишь при непосредственномъ и добровольномъ участіи общественныхъ силъ, складывающихся въ мѣстныя общества, попечительства и проч., и для успѣха дѣла имъ должна быть предоставлена закономъ возможно широкая свобода дѣйствій. Только *мѣстное* общество знаетъ неотложныя образовательныя нужды своей мѣстности; только въ мѣстномъ обществѣ могутъ найтись духовныя и матеріальныя силы, готовыя безкорыстно отдаться просвѣтительному служенію всенародному дѣлу.

VII.

Эпоха великихъ реформъ характеризуется въ дѣлѣ народнаго образованія замѣчательнымъ единодушіемъ, совмѣстной дѣятельности правительства и общества, а затѣмъ и вызванного къ жизни земства, представляющаго собою совокупность мѣстныхъ общественныхъ силъ. Правительство издаетъ одно за другимъ законоположенія о народномъ образованіи, организуетъ гимназіи, учебныя заведенія и контроль за



Воскресныя школы въ Петербургѣ (1860 г.).

ними, представляя при этомъ широкую инициативу и дѣятельное участіе и земству, и обществу, и отдѣльнымъ лицамъ. И всѣ просвѣщенные слои общества, всѣ лучшіе люди безъ различія званій и состояній сливаются въ мысли и въ дѣлѣ повсемѣстнаго распространенія въ народѣ образованія.

Въ 1857 г. отмѣняется запрещеніе открывать въ столицахъ частные пансіоны и школы, и быстро возникаютъ безплатныя народныя училища, въ большомъ числѣ открываются воскресныя школы, въ которыхъ учатся взрослые и дѣти, а учителями являются лица разныхъ общественныхъ положеній и профессій,—старый и опытный педагогъ рядомъ съ офицеромъ и студентомъ, дама-аристократка съ юной дѣвицей.

Въ концѣ того же года открывается педагогическое общество въ Петербургѣ, въ которое входятъ лучшія педагогическія силы для совмѣстной разработки назрѣвшихъ педагогическихъ вопросовъ. Возникаютъ одинъ за другимъ педагогическіе журналы, издаются педагогическіе сочиненія, общедоступныя книги, брошюры для народнаго чтенія.

Положеніе 19-го февраля открываетъ двери всѣхъ учебныхъ заведеній лицамъ всѣхъ сословій.

При Вольно-экономическомъ обществѣ открывается Комитетъ Грамотности, много послужившій потомъ дѣлу народнаго образованія. Въ Москвѣ усиленно и плодотворно работаетъ московскій Комитетъ Грамотности.

Вслѣдъ за 19-мъ февраля 1861 г. начинается дѣятельная разработка законоположеній по народному образованію. Въ 1862 г. издается Высочайшее повелѣніе, возлагающее на министерство народнаго просвѣщенія учрежденіе по всей Имперіи народныхъ училищъ.

Въ 1863 г. учителя народныхъ училищъ и лица, окончившія курсъ въ уѣзныхъ училищахъ, освобождаются отъ тѣлесныхъ наказаній.

Въ 1864 г. издается Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ, и учреждаются для завѣдыванія ими губернскіе и уѣздные Училищные Совѣты, въ составъ коихъ входятъ представители разныхъ вѣдомствъ, содержащихъ училища: общественному вліянію въ народномъ образованіи предоставляется здѣсь большой просторъ.

Баронъ Н. Л. Корфъ.

Въ томъ же 1864 г. издано Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, коимъ мѣстному населенію земскихъ губерній предоставлено взять дѣло народнаго образованія на свое попеченіе. Этотъ великій актъ и нужно считать началомъ возникновенія у насъ общественной начальной школы.

Въ 1869 г. предоставлено министерству народнаго просвѣщенія открывать по всей Имперіи одноклассныя и двухклассныя училища, кои и должны служить какъ бы образцами для другихъ низшихъ начальныхъ училищъ.

Около этого времени начинается перемѣна, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливающаяся, во взглядахъ правительства на участіе въ народномъ образованіи земскихъ и общественныхъ силъ. Въ 1873 г. творчество признается быть не стражъ народной школы, и ему отводится видное мѣсто въ завѣдываніи народными школами. Вслѣдъ за этимъ является мысль о *школѣ* крестьянской школѣ и возникаютъ церковно-приходскія училища, находящіяся въ исключительномъ вѣдѣніи и руководительствѣ духовенства. Съ 1882 г. церковно-приходскія школы получаютъ значительную поддержку изъ государственныхъ средствъ, и число ихъ быстро возрастаетъ, для нихъ создается особая организація, особое управленіе.

Съ перемѣною во взглядахъ правительственной власти на участіе земства и общества въ дѣлѣ народнаго образованія начинается нѣкоторый застой въ развитіи земской народной школы, но съ 1891 г. дѣятельность земства и общества вновь возрождается съ новою силою: расходы земства по народному образованію съ каждымъ годомъ увеличиваются, губернскія земства выступаютъ на помощь уѣзднымъ, стремясь объединить и систематизировать дѣятельность послѣднихъ, въ большомъ числѣ открываются народно-школьныя библіотеки и книжные склады, открываются дополнительные классы и школы, производятся статистическія изслѣдованія съ цѣлью введенія въ Россіи всеобщаго обученія, которое и признается неотложною задачею ближайшаго будущаго.

Въ 1897 г. министерство народнаго просвѣщенія издаетъ Примѣрныя программы, коими въ первый разъ болѣе или менѣе точно опредѣляется общеобразовательный (минимальный) курсъ низшихъ народныхъ училищъ, при чемъ разрѣшается, согласно съ мѣстными условіями, расширять этотъ курсъ и въ программахъ, и въ числѣ лѣтъ ученія.

Въ 1900 г. положено начало государственной пенсіи народнымъ учителямъ.

Говоря о дѣятельности по народному образованію разныхъ вѣдомствъ и учрежденій, будущій историкъ съ особеннымъ вниманіемъ и благодарностью остановится на выдающихся заслугахъ военнаго вѣдомства по широкому участію его въ просвѣщеніи народныхъ массъ и по вліянію, хотя и косвенному, на общій ходъ и развитіе этого дѣла. Имена военнаго министра графа Милютина и начальника военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исакова займутъ видное мѣсто въ исторіи нашего просвѣщенія. Въ войскахъ введено было обязательное обученіе солдатъ, и милліоны неграмотныхъ крестьянъ возвращались по окончаніи службы не только грамотными, но и гуманно дисциплинированными, съ запросами на дальнѣйшее развитіе. Окончившіе курсъ въ народныхъ школахъ, а также и выдержавшіе установленный экзаменъ пользуются льготою при отбываніи воинской повинности. Военное вѣдомство первое примѣнило къ образовательнымъ чтеніямъ волшебный фонарь и способствовало его широкому распространенію. Педагогическіе курсы, имѣющіе цѣлью приготовлять преподавателей для военныхъ гимназій и учительская семинарія военнаго вѣдомства, и вообще военно-учебныя заведенія, выдвинули не мало педагогическихъ силъ, съ большою пользою послужившихъ народному образованію вообще и народной школѣ въ частности. Военно-педагогическій музей, къ которому собрано со всего свѣта все, достойное вниманія педагоговъ, и до сихъ поръ остается у насъ одинъ изъ лучшихъ въ своемъ родѣ учрежденіемъ. Педагогическая, учебная и народная литература развивалась и совершенствовалась, пользуясь долгое время покровительствомъ военнаго вѣдомства. Соляной Городокъ и до сихъ еще поръ служитъ въ Петербургѣ виднымъ центромъ для педагогическихъ и общеобразовательныхъ бесѣдъ и общедоступныхъ чтеній.

Но самая значительная и устойчивая роль въ дѣлѣ народнаго образованія принадлежала и принадлежитъ, безспорно, нашему земству, которому общеобразовательная народная школа и обязана и своимъ распространеніемъ, и дальнѣйшимъ развитіемъ, и не только школа, но и всѣ другія народно-образовательныя учрежденія, и дѣятельность земства въ этомъ направленіи растетъ и крѣпнетъ съ годами, и приноситъ уже и теперь для всѣхъ осязательныя плоды.

Руководимое непосредственными запросами народной жизни и указаніями педагогической и общей литературы, земство постепенно выработало типъ общеобразовательной безплатной общественной школы, безостановочно совершенствуетъ свою школу во всѣхъ отношеніяхъ, стремясь поставить ее въ соотвѣтствіе съ запросами жизненной дѣйствительности. Созвавъ изъ ничего въ короткое время своего существованія, исключительно на земскія средства, десятки-сотни тысячъ

школы, земство стремится, а по мѣстамъ уже и приближается теперь къ осуществленію всеобщаго обученія.

Земство выработало типъ земскаго учителя, создало многотысячную армію учительницъ и учителей, одушевленныхъ идеею просвѣтительнаго служенія народу, нерѣдко безкорыстно и беззавѣтно преданныхъ своему святому дѣлу. Для педагогической подготовки народныхъ учителей и для дальнѣйшаго ихъ усовершенствованія земство открывало (въ первое время) земскія учительскія семинаріи, устраивало учительскіе съѣзды, организовало и организуетъ педагогическіе курсы, устраиваетъ центральныя, окружныя и школьныя учительскія библіотеки, центральныя справочныя бюро. Заботясь объ улучшеніи матеріальнаго положенія учителя, земство, въ зависимости отъ своихъ средствъ, постепенно, хоть и не быстро и не въ соотвѣтствіи съ нуждою, увеличиваетъ жалованье учителей, устанавливаетъ пенсіи и эмеритуры, помогаетъ учительскимъ обществамъ взаимопомощи и проч.

Создавъ по деревнямъ и селамъ значительный контингентъ грамотныхъ съ запросами на дальнѣйшее образованіе, земство въ послѣдніе годы съ особою энергіею занялось организаціей дополнительныхъ классовъ и школъ и общедоступныхъ чтеній, устройствомъ школьныхъ и общественныхъ библіотекъ, книжныхъ складовъ. Нѣкоторыя земства дѣлаютъ теперь попытки и въ книгоиздательствѣ: положено начало мѣстной народной газетѣ. При вопіющихъ недостаткахъ нашего книжнаго рынка, земскіе книжные склады могутъ имѣть у насъ огромное просвѣтительное значеніе, сдѣлавъ хорошую книгу доступною и деревнѣ.

Исключительно лишь благодаря земству, выработался у насъ типъ земскаго педагога-руководителя, лучшимъ представителемъ котораго можетъ быть названъ покойный баронъ Н. А. Корфъ, съ необыкновенной энергіей и небывалымъ у насъ успѣхомъ послужившій народной школѣ и оказавшій огромныя услуги дѣлу всего народнаго образованія въ Россіи.

Рука объ руку съ просвѣтительною дѣятельностью земства идетъ и лучшая часть просвѣщеннаго русскаго общества, выдѣляя изъ своей среды энергичныхъ мѣстныхъ дѣятелей, организуя разнообразныя просвѣтительныя общества, общественно-благотворительныя учрежденія.

Въ своей просвѣтительной дѣятельности, земство и общество встрѣчали и встрѣчаютъ на своемъ пути не мало затрудненій и препятствій неизбѣжныхъ, а иногда и вовсе излишнихъ, во всякомъ новомъ общественномъ начинаніи; укажемъ хотя бы на одно изъ такихъ. Въ первое время своего существованія «новая» школа была встрѣчена народомъ далеко несочувственно, благодаря именно новизнѣ своего учебнаго содержанія, формамъ обученія, гуманному отношенію къ дѣтямъ, и нужно было много энергіи и вѣры въ свое дѣло, чтобы не разочароваться въ немъ, не отойти отъ него, умывъ руки въ оправданіе свое. Но прошли года, и здравый смыслъ народа оцѣнилъ по достоинству эту разумную и гуманную общественную школу и теперь уже называетъ ее «своею», отдавая ей справедливое предпочтеніе. Эта огромная побѣда ручается за жизненность школы и обезпечиваетъ дальнѣйшее ея развитіе.

Русское духовенство не мало и съ честью послужило народному образованію и въ прежнія, и въ ближайшее къ намъ истекшее столѣтіе; и въ настоящее время значительная доля учительницъ и учителей народныхъ школъ выходитъ изъ этого сословія. Въ первый періодъ просвѣтительной дѣятельности земства духовенство наше шло рука объ руку съ земствомъ и много помогало ему въ устройствѣ народной школы. Но съ возникновеніемъ и развитіемъ церковно-приходской школы духовенство отдаетъ по преимуществу этой послѣдней и свое сочувствіе, и свои силы; церковно-приходская школа обособляется. Церковная школа отличается по существу своему отъ общественно-земской школы. Она получаетъ значительную часть своихъ матеріальныхъ средствъ изъ государственнаго казначейства и состоитъ въ исключительномъ завѣдываніи одного лишь духовенства. По своему направленію, по программамъ ученія и по всему складу обиходной жизни, она представляетъ собою дальнѣйшее развитіе типа дореформенной *крестьянской* школы. Сторонники этой школы называютъ ее, по преимуществу, *русской національной*, а противники *духовной* и просто *«церковной»* школой.

Въ исключительномъ вѣдѣніи духовенства находятся также и школы грамотности.

VIII.

Изъ краткаго очерка нашего не трудно убѣдиться, что въ дѣлѣ народнаго образованія мертвый застой первой половины пережитаго вѣка смѣнился во вторую его половину, благодаря освободительнымъ реформамъ, живою и плодотворною дѣятельностью государственной власти въ союзѣ съ земскими и общественными силами и, несмотря на новизну и трудность дѣла и на многія препятствія, XIX вѣкъ оставляетъ своему преемнику и доброе наслѣдство, и поучительный урокъ.

XIX вѣкъ положилъ прочное начало народному образованію и опредѣленно намѣтилъ дальнѣйшій путь къ его развитію.

Создана общеобразовательная, общественная школа, долженствующая быть первою ступенью гуманитарнаго образованія для каждаго, кто пожелаетъ въ ней учиться, независимо отъ званія и состоянія, отъ племени и вѣры. Сложился прекрасный типъ и собрана уже и теперь внушительная армія народныхъ учительницъ и учителей, положено начало учительскимъ семинаріямъ, опредѣленно сложились требованія по отношенію къ педагогическимъ курсамъ и учительскимъ съѣздамъ. Положено начало педагогической и учебной, художественной и научной литературѣ, организаціи библіотекъ школьныхъ и общественныхъ, дополнительныхъ классовъ и школъ, образовательныхъ чтеній и развлеченій.

Ближайшая задача новаго столѣтія—продолжать дальнѣйшее развитіе и совершенствованіе начатаго въ томъ же общеобразовательномъ и гуманитарномъ направленіи: осуществить столь необходимое и желанное всеобщее обученіе, тѣсно связавъ при этомъ начальную школу съ системою другихъ, среднихъ и высшихъ, общеобразовательныхъ школъ; развить количественно и качественно дополнительные (общеобразовательные) классы и школы и другія образовательныя учрежденія; вызвать къ жизни и устроить на основѣ общеобразовательной школы систему низшихъ профессіональныхъ школъ, непосредственно связавъ и ихъ съ другими, средними и высшими, профессіональными школами.

Эти неотложныя задачи, какъ ни трудны онѣ, могутъ быть успѣшно разрѣшены единственно лишь при условіи дружнаго, взаимно-довѣрчиваго и согласнаго, и правомѣрнаго участія въ общемъ дѣлѣ силъ государственныхъ, земскихъ и общественныхъ, изъ которыхъ послѣднимъ двумъ необходимо долженъ быть предоставленъ возможно-наибольшій просторъ и законная свобода.

Напомнимъ, въ заключеніе, давно высказанныя, но не потерявшія своего значенія, прекрасныя мысли Юзефовича, одного изъ представителей учебно-административной власти:

Чтобы прекратить застой и возбудить въ нашемъ общественномъ образованіи дѣятельныя силы, необходимо изъять всѣ наши учебныя заведенія изъ произвола чьей бы то ни было власти и подчинить ихъ дѣятельности твердо опредѣленнымъ правиламъ, съ предоставленіемъ имъ въ кругѣ этихъ правилъ, сколь возможно большей самодѣятельности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что учебныя заведенія, поставленныя на эту ногу, проявятъ такую самодѣятельность, такое стремленіе къ преуспѣянію, такія дарованія, до которыхъ мы и издалека не простираемъ своихъ требованій.

Естествознаніе и техника въ XIX вѣкѣ.

Очеркъ **М. Ю. Гольдштейна**.

I. Открытія и изобрѣтенія.

Эмпиризмъ (въ Англіи), критицизмъ (въ Германіи) и матеріализмъ (во Франціи) — вотъ три главныхъ теченія, положившихъ свою печать на науку и технику XVIII вѣка. Вызвали ли потребности человѣческаго духа, постепенно освобождавшагося отъ туманнаго средневѣковаго мистицизма, зарожденіе иной философіи, которая уже соотвѣтственнымъ образомъ вліяла на научные и техническіе успѣхи или, наоборотъ, развитіе наукъ въ лицѣ такихъ великихъ представителей, какъ Галилей, Ньютонъ, Торичелли, Лейбницъ, создало своеобразныя и рѣзко выраженныя философскія теченія XVIII вѣка — для насъ это безразлично: для насъ важно лишь то, что между наукою конца XVIII вѣка и философіей этого времени существовало полное единеніе, при чемъ — и это весьма знаменательно — философіей, такъ-сказать, завѣдывали люди, получившіе спеціальное широкое математическое и естественно-научное образованіе. И если XVII вѣкъ носитъ въ исторіи науки названіе «математическаго вѣка» (saeculum mathematicum), то XVIII можетъ считаться вѣкомъ, посвященнымъ пользованію и примѣненію математики. Достаточно указать хотя бы на единственную въ своемъ родѣ «аналитическую механику» Лагранжа, въ которой вся статика или динамика выводится изъ одной основной формулы, или на попытку д'Аламбера изслѣдовать и точнѣе обосновать тѣ фундаментальныя положенія, на которыхъ покоится вся механика, или, наконецъ, на небесную механику Лапласа, чтобы видѣть, какое наслѣдство было завѣщано XIX вѣку ко дню его рожденія въ области математики, механики и, разумѣется, тѣсно съ ними связанныхъ астрономіи и физики. Но физикѣ XVIII вѣкъ далъ тоже не мало. Ньютонъ далъ свою знаменитую «оптику» (1704); Брэдли открылъ аберрацію свѣта, Буге (Bouguer) и Ламбертъ разработали фотометрію, Доллонъ изготовилъ первую ахроматическую зрительную трубу; Фаренгейтъ, Реомюръ и Цельзій дали термометры; Грей указалъ отличіе проводниковъ и непроводниковъ электричества, Дюфей — констатировалъ существованіе двухъ родовъ электричества; Клейстъ и Кунеусъ почти одновременно приготовили лейденскую банку; Франклинъ указалъ на электрическое происхожденіе молніи, Вольта изобрѣлъ электрофоръ и конденсаторъ, а Кулонъ изслѣдовалъ при помощи своихъ крутильныхъ вѣсовъ законы электрическихъ притяженій и отталкиваній, Блэнъ открылъ теплоту плавленія льда и испаренія воды (скрытую теплоту), Уаттъ — первую паровую машину двойного дѣйствія, Делюкъ и Соссюръ гигрометры, братья Монгольфіеры и Шарль аэростатъ, а Хладни положилъ основу современной акустикѣ; затѣмъ, Гальвани открылъ электрическій токъ (гальванизмъ), электрическая природа которого была выяснена Вольтою, построившимъ первый приборъ для полученія электрическаго тока. И какъ разъ въ 1800 г. было сдѣлано разложеніе воды токомъ, т. е. полученъ фактъ, послужившій основой современной электрохиміи и ея громадному практическому примѣненію. Геологія всецѣло создана также въ XVIII вѣкѣ, ибо истинный основатель ея Вернеръ работалъ въ это время надъ созданіемъ нептуистической теоріи, а его противникъ Фойгтъ явился основателемъ вулканической школы, которая получила наиболѣе яркое выраженіе въ сочиненіи Гутона «Теорія земли». Минералогія съ кристаллографіей также должны считаться получившими твердую научную почву въ XVIII вѣкѣ, ибо первая изъ нихъ въ строгому физическому изслѣдованію минераловъ была положена шведскими учеными Бергманомъ, Шеле и Гаюсть, французскимъ химикомъ Бокленомъ и нѣмецкимъ Клапротомъ. Кристаллографія считаетъ своимъ отцомъ Рене де Лиль (Rome de l'Isle), который своимъ сочиненіемъ «Опытъ кристаллографіи» положилъ начало этой наукѣ, а затѣмъ дѣлъ строго научную обработку кристаллографіи Гаюсть, замѣнившій Лиля въ своемъ «Опытѣ теоріи строенія кристалловъ». Кромѣ того, не малую роль въ минералогіи игралъ уже вышеупомянутый Вернеръ. Ботаника въ лицѣ Линнея пріобрѣла перваго ученаго, который далъ строго проведенную, хотя и искусственную, систематику растеній и построилъ научную двойную номенклатуру; точно также XVIII вѣку принадлежатъ первые изслѣдованія по физіологіи растеній: Гальсъ произвелъ свои первые опыты о поднятіи соковъ въ растеніяхъ, Гертнеръ обратилъ вниманіе ботаниковъ на сѣмя и плодъ, какъ главнѣйшія части растенія, и, наконецъ, Лоранъ де-Жюссіё далъ первую естественную систему, разработанную впослѣдствіи Де-Кандоллемъ. Успѣхи зоологіи въ XVIII вѣкѣ были тѣсно связаны съ классическимъ трудомъ Линнея «Система природы» — имѣвшимъ столь значительное вліяніе и на развитіе ботаники. Въ это же время Бюффонъ приступилъ къ изданію своего обширнаго труда по естественной исторіи, появился цѣлый рядъ работъ, изъ которыхъ изслѣдованіе Тремблея о полипахъ произвело особое впечатлѣніе на ученый міръ, а французскіе матеріалисты во главѣ съ де-Ла-Метри, написавшаго свое надѣлавшее много шуму сочиненіе «Человѣкъ-машина» (l'homme machine), старались приводить всѣ явленія, совершающіяся въ животномъ организмѣ, включая сюда и психическую дѣятельность, къ простымъ механическимъ причинамъ, что, конечно, объясняется въ значительной мѣрѣ громадными шагами, сдѣланными механикою въ это именно время. Въ связи съ развитіемъ ботаники и зоологіи развивалась и физіологія человѣка, поддерживаемая химіей, которая къ концу XVIII вѣка потерпѣла коренной переворотъ, благодаря трудамъ Лавуазье, изучившаго процессы горѣнія и показавшаго тождественность ихъ съ явленіями дыханія.

Если обратиться теперь къ тѣмъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, которыя даны были человѣчеству техникой XVIII вѣка, то окажется, что величайшія открытія падаютъ именно на этотъ вѣкъ: и притомъ преимущественно на конецъ его.

До XVIII вѣка всякая работа совершалась людьми и животными, а въ рѣдкихъ случаяхъ водою или вѣтромъ. Техника пользовалась только тою энергіей, которая въ данное время развивалась на поверхности земли: ни паръ, ни электричество т.-е. тѣ виды энергіи, которые дали бы возможность использовать солнечную энергію, отложившуюся въ землѣ во времена до-историческія — не были извѣстны въ качествѣ источниковъ, помощью которыхъ можетъ быть произведена какая-либо работа.

Но вотъ наступаетъ XVIII вѣкъ, и Ньюкомэнъ въ 1712 г. даетъ первую цилиндровую паровую машину, названную «огненной машиной», затѣмъ въ 1768 г. Джемсъ Уаттъ устраиваетъ первую простую паровую машину съ конденсаторомъ въ 1768 г., а первая машина двойного дѣйствія появляется въ 1782 г. Въ 1707 г. Папинъ устраиваетъ первый колесный пароходъ, на которомъ дѣлаетъ экскурсію по р. Фульдѣ; въ 1774 г. Оксеронъ производитъ подобные же опыты на Сенѣ, а въ 1787 г. — Патрикъ Миллеръ устраиваетъ пароходъ съ двумя другъ позади друга расположенными черпаковидными гребными колесами. Такимъ образомъ паровая сила является совершенно новымъ средствомъ работы. Въ 1789 г. Гальвани открываетъ гальванизмъ, связь котораго съ электричествомъ обнаруживаетъ Вольта въ 1799 г., устраивающій батарею — новый источникъ энергіи (Вольтовъ столбъ) въ 1800 г. Такимъ образомъ открыты два вида энергіи — тепловая и электрическая. Въ то же время и техника дѣлаетъ огромные шаги: первый опытъ выплавки желѣза въ доменной печи съ каменнымъ углемъ производится въ 1740 г., въ 1760 г. вводятся цилиндрическія воздуходувки на желѣзныхъ заводахъ Англіи, а въ 1784 г. создается процессъ пудлингованія желѣза въ доменныхъ печахъ, отопляемые каменнымъ углемъ; въ 1773 г. строится первый чугунный мостъ черезъ Северн, а въ 1796 г. въ Соединенныхъ Штатахъ появляется первый цѣпной мостъ, что, конечно, тѣсно связано съ усовершенствованіями въ желѣзодѣланіи, съ изобрѣ-

геніемъ цилиндрической и еще ранѣе изобрѣтенной центробѣжной воздуходувокъ. Въ 1795 г. —Брама изобрѣтаетъ гидравлическій прессъ; въ 1740 г. появляется на рынкѣ литая сталь; въ 1749 г. появляется первая водостолбовая машина. Во всѣхъ этихъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ мы видимъ ясное стремленіе къ замѣнѣ ручного труда машиннымъ: паровыя машины, гидравлическій прессъ, гидравлическій тороиъ, водостолбовая машина —все это имѣетъ, конечно, въ виду одну цѣль облегченіе работы.

Химическая технологія дѣлаетъ въ XVIII вѣкѣ громадные шаги: является содовое производство изъ поваренной соли, вырабатывается камерный процессъ добыванія сѣрной кислоты, т.-е. на рынокъ поступаютъ два самыхъ необходимыхъ продукта для всѣхъ почти техническихъ производствъ. Газовое освѣщеніе получило свое начало въ 1786 г., когда лордъ Дендональдъ воспользовался газами коксовыхъ печей для освѣщенія своего загороднаго имѣнія, а проф. Никель въ Вюрцбургѣ освѣщалъ газомъ, добытымъ изъ костнаго жира, свою лабораторію; въ 1798 г. Мурдокъ устроилъ освѣщеніе фабрики Уатта свѣтильнымъ газомъ. Въ 1783 г. были примѣнены сѣялки, а въ 1735 г. изобрѣтена молотилка, съ 1767 по 1775 г. изобрѣтены прядильные станки Гергревса, Аркрайта и Кромптона, а въ 1785 г. Кортрайтъ изобрѣлъ первый механическій ткацкій станокъ; въ 1799 г. была сконструкована первая машина для изслѣдованія бумаги, положено начало воздухоплаванію, въ 1775 г. Макбрандъ ввелъ процессъ быстраго дубленія кожъ, въ 1747 г. былъ открытъ сахаръ въ свекловицѣ, а въ 1801 г. былъ построенъ первый свекло-сахарный заводъ; въ 1783 г. было изобрѣтено печатаніе ткапей при помощи гравированныхъ бронзовыхъ вальцовъ. Можно было бы перечислить еще не мало изобрѣтеній и открытій, которыми XVIII вѣкъ обогатилъ человѣчество; но и приведеннаго перечня достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ богатомъ наслѣдствѣ, которое имъ было оставлено XIX в.

Вольта.

Если окинуть взоромъ всѣ эти изобрѣтенія и открытія, связанныя съ XVIII вѣкомъ, если принять во вниманіе направленіе европейской философской мысли, если, наконецъ, припомнить, что великая французская революція выдвинула на первый планъ интересы буржуазіи, т. е. того именно сословія, которое всего больше заинтересовано успѣхами техники, то станетъ понятнымъ, въ какомъ направленіи долженъ былъ работать XIX вѣкъ.

XVIII вѣкъ выяснилъ значеніе машины, далъ массу новыхъ матеріаловъ и пріемовъ для техническихъ производствъ: XIX вѣку оставалось, прежде всего, истолковать до конца примѣненіе машины и развить тѣ производства, которыя были ему указаны его предшественникомъ. Но уже и самъ XVIII вѣкъ показалъ, что приложеніе наукъ къ наиболѣе [illegible] жизни человѣчества не было носить случайный характеръ, какъ это было раньше, а что это приложеніе должно быть выдѣлено въ специальную отрасль, такое стремленіе сказалось въ томъ, что въ 1777 году появляется сочиненіе геттингенскаго профессора Бекмана, озаглавленное Введеніе въ технологію», такъ что самое названіе технологіи впервые является въ XVIII вѣкѣ; въ это же время (1794) французы основываютъ первую политехническую школу. Все это въ совокупности создало въ XVIII вѣкѣ фабрику, какъ специфическую единицу производства, играющую въ настоящее время столь видную роль и создавшую капитализмъ, столь характерный для XIX столѣтія.

Оцѣнка начала XIX вѣка въ области точныхъ наукъ показываетъ намъ, что этотъ вѣкъ дѣйствительно продолжалъ разрабатывать тѣ области, которыя были открыты его предшественникомъ. Открытый въ XVIII вѣкѣ гальванизмъ и труды Вольты, которыми была установлена электрическая природа гальванической силы, вотъ первые шаги, сдѣланные въ началѣ XIX вѣка въ области физики. Вольта приготовилъ свой знаменитый Вольтовъ столбъ, который въ первые годы послужилъ только къ открытію Вольтовой свѣтовой дуги, впервые полученной въ Петербургѣ проф. медико-хирургической академіи Петровымъ, въ 1802 г., и затѣмъ уже полученной Дави, и къ открытію нѣкоторыхъ, до того времени неизвѣстныхъ, металловъ. Этимъ почти и закончились успѣхи въ изслѣдованіи электрическаго тока, вплоть до наступленія 20-хъ годовъ XIX вѣка, когда съ появленіемъ на научной сценѣ такихъ ученыхъ, какъ Эрштедтъ, Амперъ, Омъ, Араго и Фарадей, ученію объ электричествѣ былъ данъ громадный толчекъ.

Необходимо упомянуть еще о томъ, что къ этому же времени относится знаменитое сочиненіе Эрнста-Флоренса-Фридриха Хладни «Акустика», вышедшее въ 1802 году. Это не только полная энциклопедія всего того, что было сдѣлано по ученію о звукѣ, за предшествовавшія столѣтія, но и цѣлый рядъ новыхъ взглядовъ и фактовъ, положившихъ основу научной акустикѣ. Укажемъ, напримѣръ на то, что Хладни первый указалъ необходимость характеристики музыкальныхъ тоновъ по числу колебаній и для опредѣленія этого числа устроилъ приборъ, названный тономеромъ; ему же принадлежитъ группировка колебаній на поперечныя, продольныя и вихревыя, при чемъ онъ опредѣлилъ законы этихъ колебаній; затѣмъ, Хладни опредѣлилъ скорость распространенія звуковыхъ колебаній въ различныхъ газахъ, жидкостяхъ и твердыхъ тѣлахъ, наконецъ, для иллюстраціи колебаній въ твердыхъ пластинкахъ, онъ придумалъ особыя

Вольтовъ столбъ.

способъ, состоящій въ томъ, что пластинку, сдѣланную изъ какого-нибудь твердаго вещества, зажимаютъ въ одной какой-нибудь точкѣ, посыпаютъ пескомъ и затѣмъ по ея краю проводятъ смычкомъ; какъ только пластинка издастъ звукъ, такъ сейчасъ же песокъ начинаетъ на ней подпрыгивать и собирается въ опредѣленныхъ мѣстахъ, образуя симметрическія фигуры, сохранившія и до настоящаго времени названіе Хладніевыхъ фигуръ. Какое значеніе имѣли изслѣдованія Хладни для акустики, такое же значеніе имѣли работы Гэй-Люссака въ развитіи ученія о теплотѣ. Открытіе закона расширенія газовъ, на ряду съ соединными Лавуазье и Лапласомъ способомъ опредѣленія коэффиціента расширенія твердыхъ тѣлъ и пріемомъ Лавуазье для опредѣленія количества теплоты (ледяной калориметръ), положило основаніе научной разработкѣ ученія о тепловой энергіи. Упомянувъ имя столь великаго ученаго, какимъ былъ Гэй-Люссакъ, нельзя обойти молчаніемъ того поистинѣ геройскаго подвига, на какой онъ рѣшился ради изслѣдованія свойствъ высшихъ слоевъ атмосферы. 14-го Августа 1804 года Гэй-Люссакъ вмѣстѣ съ Біо рѣшились подняться на аэростатѣ (шарлиерѣ) въ высшіе слои атмосферы; необходимо при этомъ имѣть въ виду, что воздухоплаваніе было еще въ самомъ зародышѣ: вѣдь прошелъ всего 21 годъ, какъ Шарль приготовилъ водородный аэростатъ. И что же? Первый полетъ сопровождался поднятіемъ почти на 4 версты, при чемъ Біо лежалъ въ обморокѣ, а Гэй-Люссакъ старался производить наблюденія. Казалось бы, и этого было достаточно? Нѣтъ. 28-го августа 1804 г. Гэй-Люссакъ, но уже самъ одинъ, поднимается на аэростатѣ на высоту 7016 метровъ, т. е. 7 верстъ; если принять во вниманіе, что до настоящаго времени только одинъ Глайшеръ въ Англіи поднимался на большую высоту, не потерявъ способности наблюдать, и что знаменитый полетъ Тиссандье, въ которомъ воздухоплаватели поднялись выше, кончился трагически и только одинъ Тиссандье остался въ живыхъ, то полетъ Гэй-Люссака въ исторіи воздухоплаванія и геройскихъ подвиговъ останется единственнымъ. Управляясь съ шаромъ весьма далекимъ отъ нынѣшняго, сравнительнаго, совершенства, не имѣя въ своемъ распоряженіи современныхъ точныхъ, саморегиструющихъ приборовъ, не имѣя почти никакой литературы по воздухоплаванію, Гэй-Люссакъ изслѣдуетъ законъ убыванія температуры съ поднятіемъ въ высшіе слои атмосферы и находитъ, что на каждые 174 метра температура воздуха убываетъ на 1 градусъ, что качается магнитной стрѣлки остается въ наивысшихъ слояхъ атмосферы тѣми же, что и на землѣ, затѣмъ, на высотѣ 6300 метровъ, онъ набираетъ воздухъ въ сосуды съ цѣлью, чтобы изслѣдовать составъ этого воздуха и, явившись благополучно на землю, послѣ 675-часоваго полета, изслѣдуетъ этотъ воздухъ, находитъ его составъ тождественнымъ съ составомъ воздуха по поверхности земли и рассуждаетъ такимъ образомъ относительно того, что если бы было бы онъ присутствіе въ высшихъ слояхъ атмосферы тяжелаго газа смѣси водорода съ кислородомъ. Въ 1807 г. Гэй-Люссакъ открылъ свой законъ расширенія газовъ, имѣющій огромное значеніе, какъ для теоріи, так и для техники (устройство термометровъ, воздушныхъ машинъ). Кромѣ того онъ также изучалъ плотность паровъ различныхъ жидкостей (1809) и изслѣдовалъ расширеніе жидкостей. Наконецъ, и то сихъ поръ, устроенный Гэй-Люссакомъ барометръ, принадлежитъ къ числу лучшихъ и точнѣйшихъ инструментовъ этого рода. При обсужденіи успѣховъ химіи и техники, мы будемъ имѣть случай еще не разъ встрѣчать имя этого великаго ученаго.

Фраунгоферъ.

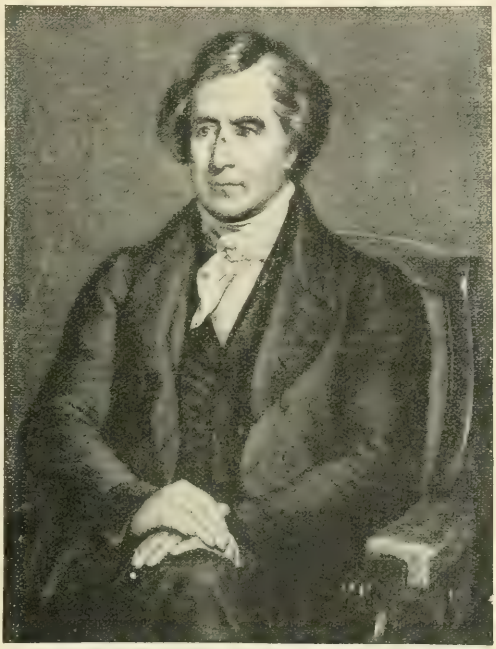
Кромѣ названныхъ новыхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ физикою въ первые два десятилѣтія XIX вѣка, слѣдуетъ указать еще на два крупныхъ открытія, именно, на открытіе поляризаціи свѣта, сдѣланное въ 1808 г. французскимъ офицеромъ Малю (Malus—1775—1812) и положившее начало цѣлому ряду блестящихъ изслѣдованій, какъ научныхъ, такъ и техническихъ, и на открытіе темныхъ линій въ солнечномъ спектрѣ, сдѣланное мюнхенскимъ оптикомъ Іосифомъ Фраунгоферомъ. Оба эти открытія были сдѣланы почти случайно: Малю, разсматривая изображеніе солнца, отражавшееся отъ оконнаго стекла, черезъ кристалъ исландскаго шпата, замѣтилъ, что, при поворачиваніи кристалла, изображеніе солнца то получается болѣе яркимъ, то менѣе замѣтнымъ, а при нѣкоторомъ положеніи даже и совсѣмъ исчезаетъ. Повторивъ нѣсколько разъ это наблюденіе, Малю пришелъ къ выводу, что свѣтовой лучъ, падая на отражающую зеркальную поверхность подъ извѣстнымъ угломъ, пріобрѣтаетъ совершенно новыя, до того времени не бывшія извѣстными свойства. Такъ какъ въ это время всѣхъ интересовали преимущественно электрическія явленія, то Малю примѣнилъ выраженія, употреблявшіяся въ электричествѣ, и сюда: онъ предположилъ, что, при отраженіи подъ извѣстнымъ угломъ, лучъ измѣняется такъ, что пріобрѣтаетъ два полюса; такой лучъ Малю назвалъ поляризованнымъ, а самое явленіе поляризаціей свѣта. Конечно, Малю не думалъ, что пройдетъ 80 лѣтъ, и явится человѣкъ, который покажетъ дѣйствительно тѣсную связь между свѣтовыми и электрическими явленіями! Открытіе Фраунгофера тѣсно связано съ случаемъ, едва не стоившимъ жизни ему—тогда еще 14 лѣтнему мальчику: въ 1801 г., когда Фраунгоферъ находился въ ученіи у мюнхенскаго оптика, произошелъ обвалъ дома его хозяина: мальчика, еле живого, извлекли изъ-подъ развалинъ рухнувшаго дома. Тронутый его несчастіемъ, курфюрстъ баварскій, Максъ-Іосифъ, подарилъ мальчику 18 дукатовъ; на эти деньги мальчикъ устроилъ машину для точнаго шлифованія оптическихъ стеколъ, купилъ нѣсколько сочиненій по оптикѣ и математикѣ и сталъ прилежно учиться. Въ 1809 г. онъ основалъ уже свой оптическій институтъ, пріобрѣвшій вскорѣ міровую извѣстность качествомъ своихъ оптическихъ инструментовъ, а уже въ 1814 г. Фраунгоферъ опубликовалъ въ запискахъ мюнхенской академіи наукъ свою знаменитую статью о темныхъ линіяхъ солнечнаго спектра. Линіи эти, замѣченныя еще въ 1802 г. Волластономъ, были точно изучены Фраунгоферомъ; онъ опредѣлилъ точное ихъ мѣсто въ солнечномъ спектрѣ и насчиталъ ихъ до 500. Полное значеніе этихъ линій выяснено было лишь въ 1860 году, когда онѣ послужили Бунзену и Кирхгоффу для открытія спектральнаго анализа, составляющаго въ настоящее время одинъ изъ могущественнѣйшихъ методовъ научнаго изслѣдованія, какъ въ области астрономіи, физики и химіи, такъ и въ области многихъ прикладныхъ наукъ.

Фарэдей.

Переходя къ обзору дальнѣйшихъ успѣховъ физики, нельзя не указать на то, что удивительное открытіе электрическаго

тока, взволновавшіе умы всей Европы, казалось, было вполнѣ исчерпано тѣми нѣсколькими научными результатами, которые выше уже упомянуты и которые вначалѣ оказали большее вліяніе на успѣхи химіи, нежели на прогрессъ физики. Да это и понятно: все современное значеніе электрической энергіи основано на явленіяхъ электромагнетизма, а магнитныя свойства электрическаго тока были открыты лишь позже, и только съ появленіемъ на сценѣ науки такихъ дѣятелей, какъ Эрштедтъ, Араго, Ампэръ и Омъ, электрическій токъ началъ свое побѣдное шествіе.

До 1820 года никто не предполагалъ даже существованія тѣсной связи между электрическими и магнитными явленіями. Въ 1820 г. Эрштедтъ, бывшій въ то время профессоромъ физики въ Копенгагенѣ, нашелъ, что если надъ магнитной стрѣлкою поставить проволоку, по которой проходитъ токъ, то стрѣлка отклоняется отъ своего положенія, при чемъ, если токъ шелъ по проволокѣ съ сѣвера на югъ и проволока находилась *надъ* стрѣлкой, то сѣверный ея конецъ отклонялся на западъ; если же проволоку помѣстить *подъ* стрѣлкой, то сѣверный конецъ стрѣлки отклонялся на востокъ. Эрштедтъ употреблялъ для своихъ опытовъ очень сильный вольтовъ столбъ, и потому проволока всегда накалялась; изъ этого Эрштедтъ заключилъ, что раскаленная, подъ вліяніемъ тока, проволока пріобрѣтаетъ способность дѣйствовать на магнитную стрѣлку, и хотя Эрштедтъ вскорѣ убѣдился въ томъ, что нагрѣваніе проволоки не необходимо для проявленія ея магнитнаго дѣйствія, однако исчерпать эту область явленій и найти главнѣйшіе принципы электромагнитныхъ дѣйствій тока удалось не Эрштедту, а его современнику Ампэру, бывшему въ это время профессоромъ математики въ «Ecole polytechnique» въ Парижѣ. Ампэръ показалъ, что не только магнитная стрѣлка подвергается отклоняющему дѣйствію тока, но что вообще два проводника, по которымъ идутъ токъ, дѣйствуютъ другъ на друга такъ, что если токи идутъ въ одномъ направленіи, то проводники взаимно притягиваются, если же токи идутъ въ направленіяхъ противоположныхъ, то проводники отталкиваются. Мало того: желая вполнѣ обобщить явленія магнитныя съ явленіями электродинамическими, Ампэръ у себя на квартирѣ повѣсилъ платиновую проволоку, которая могла свободно вращаться, и, пропуская по этой проволокѣ токъ, показалъ, что она, подобно магнитной стрѣлкѣ, становится по направленію съ сѣвера на югъ (или, точнѣе, по направленію магнитнаго меридіана). Значеніе Ампэра въ современномъ ученіи объ электричествѣ настолько велико, что «Международный конгрессъ электриковъ 1881 года» рѣшилъ, для увѣковѣченія памяти о великомъ ученомъ, назвать единицу силы тока *Амперомъ*.



Араго

Рядомъ съ Ампэромъ необходимо поставить германскаго ученаго Георга Симона Ома (род. въ 1789 г.). Сынъ слесаря, посвящавшаго, однако, свои досуги изученію математики и философіи, молодой Омъ получилъ основательное образованіе и, постоянно борясь съ матеріальными невзгодами, шелъ съ большою настойчивостью по научной дорогѣ. Въ 1827 г. онъ опубликовалъ свой знаменитый трактатъ «Гальваническая цѣпь въ математической обработкѣ», въ которомъ впервые установленъ общій законъ зависимости между силою тока, электродвижущей силою и сопротивленіемъ, называемый закономъ Ома. Дѣло въ томъ, что сила тока, получаемая отъ различныхъ источниковъ и отъ одного и того же источника, оказывалась весьма различною, въ зависимости отъ разныхъ причинъ. Омъ занялся цѣлью изучить всѣ тѣ факторы, которые вліяютъ на силу тока. Нужно было обладать огромнымъ творческимъ умомъ, чтобы, не теряясь въ мелочахъ, уловить главнѣйшіе факторы столь капризнаго явленія, какимъ представлялась сила тока. И что же? Омъ дѣлаетъ многочисленные опыты, производитъ разсчеты и приходитъ къ заключенію, что есть всего лишь два фактора, вліяющіе на силу тока: первый—это сила самого источника («электродвижущая сила»), второй—сопротивленіе, представляемое для тока всѣми тѣми средами, по которымъ токъ долженъ пройти. Конечно, въ основу соображеній Ома легло представленіе о токѣ электричества, какъ о токѣ жидкости, и это представленіе помогло ему смотрѣть на проводники, какъ на трубки, по которымъ электрическая жидкость течетъ. Какъ бы то ни было, но Омъ далъ такое простое математическое выраженіе зависимости силы тока отъ электродвижущей силы и отъ сопротивленія проводниковъ, какого никто даже и ожидать не могъ. «Сила тока прямо пропорціональна электродвижущей силѣ источника и обратно пропорціональна сопротивленію всѣхъ проводниковъ» такъ гласитъ законъ, найденный Омомъ. И въ настоящее время — какъ самое простое примѣненіе тока, такъ и гигантскія электрическія сооруженія, все это строится и прокладывается при постоянномъ и непрерывномъ пользованіи закономъ Ома. Конечно, труды Ома не были оцѣнены, такъ что, когда онъ авторъ представилъ свое сочиненіе въ университетъ, добиваясь приватъ-доцентуры, то ему было рѣзко отказано. И только тогда, когда во Франціи сочиненіе Ома было оцѣнено и когда лондонское королевское общество присудило Ому золотую медаль, только тогда въ Германіи стали нѣсколько справедливѣе относиться къ великому ученому и въ 1849 г. дали ему каѳедру физики въ мюнхенскомъ университетѣ. Изъ другихъ работъ Ома слѣдуетъ упомянуть еще ту, въ которой онъ первый далъ правильное объясненіе «тембру» звука, т. е. такому свойству звука, по которому, если извѣстный, напримѣръ, тонъ будетъ произведенъ двумя инструментами, предположимъ—скрипкою и флейтой, то мы сейчасъ же узнаемъ, что одинъ тонъ произведенъ однимъ, другой—другимъ инструментомъ; Омъ показалъ, что различіе тембра различныхъ инструментовъ зависитъ отъ второстепенныхъ тоновъ, всегда сопровождающихъ главный тонъ. Вопросъ этотъ былъ впослѣдствіи блестательно разработанъ Гельмгольцемъ. Въ честь Ома на конгрессѣ электриковъ въ Парижѣ (1881 г.) было постановлено назвать единицу электрическаго сопротивленія *Омомъ*.

Эрштедтъ, Ампэръ и Омъ дали громадный толчекъ развитію ученія объ электрическомъ токѣ. Но замѣчательныя явленія, открытыя первыми двумя учеными [illegible] электромагнитизма, въ томъ видѣ, въ какомъ они были изучены Эрштедтомъ и Ампэромъ, не могли еще завоевать того огромнаго разсвѣта, для завоеванія котораго они имѣли всѣ данныя. Тутъ недоставало еще нѣсколькихъ крупныхъ

пытокъ. Эти цѣпи были сдѣланы французскимъ математикомъ и астрономомъ Франсуа Араго, который положилъ основаніе къ открытію индукціонныхъ токовъ (1824), и въ особенности, величайшимъ изъ физиковъ XIX вѣка, англійскимъ ученымъ Михаиломъ Фарадеемъ. Михаилъ Фарадей родился 10-го сентября 1791 года. Сынъ бѣднаго кузнеца, Фарадей отданъ былъ въ ученіе къ переплетному мастеру. Занимаясь своимъ дѣломъ, Фарадей свободное время посвящалъ изученію естественныхъ наукъ. Даровитый юноша обратилъ на себя вниманіе нѣкоего Маттата, который помогъ юношѣ посѣщать лекціи физики и химіи Дэви. Дэви обратилъ вниманіе на юнаго Фарадея и, убѣдивъ его бросить переплетное мастерство, назначилъ его своимъ ассистентомъ. Съ этого момента и начинается славная дѣятельность Фарадея въ области химіи и физики. Въ 1831 г. Фарадей опубликовалъ свои первые опыты, положившіе основаніе не только всей современной электротехникѣ, но также и современной теоріи электричества. Повторяя опыты Араго, Фарадей нашелъ, что если въ какомъ-либо проводникѣ возбуждается токъ, то въ другомъ проводникѣ, находящемся около перваго, тоже возникаетъ токъ, хотя этотъ второй проводникъ не состоитъ ни въ какой связи съ первымъ. Этотъ, во второмъ проводникѣ возбуждающійся на чрезвычайно короткое время, токъ Фарадей назвалъ *индукціоннымъ* токомъ. Кромѣ того, Фарадей показалъ, что, если проводникъ, по которому идетъ токъ, приближать къ другому проводнику (замкнутому) или удалять отъ него, то при приближеніи и удаленіи въ этомъ второмъ проводникѣ появляется токъ, или того же направленія, какъ въ первомъ (при удаленіи), или противоположнаго (при приближеніи). Наконецъ, принявъ во вниманіе изслѣдованія Эрстедта и Ампэра, Фарадей доказалъ, что индукціонные токи возникаютъ въ проводникахъ при приближеніи къ нимъ или при удаленіи магнитовъ.

Морзе.

Если мы только укажемъ на то, что всѣ современныя электрическія машины, служащія для освѣщенія, для полученія полюсовъ электрическихъ желѣзныхъ дорогъ, для передачи работы на разстояніи—что всего вѣроятнѣе основано на примѣненіи открытій Фарадея, то значеніе этихъ открытій сразу станетъ ясно. Но Фарадей не только открылъ эти законы объ индукціи и всѣ законы касающіеся этихъ токовъ, но онъ создалъ такую теорію, которая лишь въ настоящее время получаетъ полное признаніе.

Какъ мы уже сказали, что при помощи тока, текущаго по проводникамъ, на большія разстоянія можно передавать дѣйствіе, можетъ возникнуть мысль о возможности такой способности тока для передачи звуковъ на огромное разстояніе и на огромныя разстоянія, т. е. для телефонированія. Телеграфъ развивался весьма медленно и постепенно. Цѣлый рядъ ученыхъ и изобрѣтателей разрѣшали на бумагѣ первыя попытки приложить

Гельмгольцъ.

жала еще Земмерингу въ 1809 г., затѣмъ такія же попытки дѣлалъ въ Петербургѣ полковникъ, баронъ Шиллингъ фонъ Кошштадтъ, во Франціи Ампэръ, въ Германіи Фехнеръ, Гауссъ и Веберъ, пока наконецъ въ 1837 году не былъ построенъ телеграфъ Морзе, сохранившійся почти въ неизмѣненномъ видѣ до настоящаго времени.

Работая надъ явленіями индукціи токами и магнитами, Фарадей въ то же время разрабатывалъ и другую область, связывающую физику съ химіей—электрохимію. Здѣсь результаты, полученные великимъ англійскимъ натуралистомъ, были не менѣе плодотворны. Онъ показалъ, что количество разлагаемыхъ электричествомъ веществъ пропорціонально количеству самого электричества, и что, слѣдовательно, по количеству разложенныхъ веществъ можно судить о количествѣ электричества; такимъ образомъ, Фарадею принадлежитъ методъ измѣренія количества электричества при помощи такъ называемаго *вольтаметра*. Да и вся нынѣ существующая въ электрохиміи номенклатура, какъ «электролизъ», «анодъ», «катодъ», «анионъ», «катіонъ» принадлежитъ Фарадею. Наконецъ открытіе явленій діамагнетизма принадлежитъ также ему. Онъ повѣсилъ кусокъ стекла между полюсами сильнаго электромагнита, при чемъ замѣтилъ, что стекло этими полюсами отталкивается. Подвергнувъ такому испытанію огромное количество тѣлъ, сдѣланныхъ изъ различныхъ веществъ, Фарадей нашелъ, что магнитъ дѣйствуетъ на всѣ вещества—какъ твердыя, и жидкія, такъ и газообразныя. Эти изслѣдованія и въ особенности изслѣдованія магнитныхъ свойствъ атмосферъ привели къ тому, что по предложенію Гаусса и Гумбольдта основался, такъ называемый, магнитный союзъ, производившій по всему земному шару, какъ на сушѣ, такъ и на моряхъ, магнитныя наблюденія.

Въ то время, какъ ученіе объ электричествѣ двигалось, благодаря Фарадею, гигантскими шагами впередъ, и другіе отдѣлы физики не оставались въ забвеніи. Братья Веберы, благодаря своему труду о волнахъ, двинули акустику (1825), и къ ихъ трудамъ пресоединились прекрасныя работы Феликса Савира, зубчатое колесо котораго и до сихъ поръ является однимъ изъ самыхъ наглядныхъ приборовъ для опредѣленія зависимости высоты тона отъ числа колебаній звучащаго тѣла. Въ это же время начинаются и теоретическія работы по теплотѣ. Въ 1822 году знаменитый Фурье выпускаетъ въ свѣтъ сочиненіе «Аналитическая теорія теплоты». Дюлонгъ и Пти обнародываютъ законъ теплоемкости атомовъ, а капитанъ Сади-Карно закладываетъ фундаментъ современной механической теоріи теплоты. Хотя Карно смотрѣлъ на теплоту, какъ на жидкость, однако ему удалось намѣтить и формулировать главнѣйшіе принципы механической теоріи теплоты и даже опредѣлить (приблизительно) то количество работы, которая соотвѣтствуетъ одной единицѣ теплоты (механическій эквивалентъ теплоты). Мало того, Карно высказываетъ въ своемъ сочиненіи слѣ-

дующее положеніе, формулировка котораго составляетъ гордость XIX в.:

«Можно, слѣдовательно, утверждать, что движущая сила (а по нашей современной терминологіи энергія) является въ природѣ постоянною величиной, и что она въ собственномъ смыслѣ этого слова не можетъ быть ни творима, ни уничтожаема». Трудъ Карно долгое время оставался въ неизвѣстности, и только въ сороковыхъ годахъ, послѣ появленія труда Роберта Майера, сочиненіе Карно было поставлено на надлежащую высоту.

Человѣкъ, которому наука обязана закономъ сохраненія энергіи въ его современномъ смыслѣ, былъ Юлій Робертъ Майеръ. Майеръ род. 13-го ноября 1814 г. въ Гейльброннѣ. По окончаніи курса въ университетѣ онъ, по слабости здоровья, рѣшилъ принять мѣсто морского врача и отправился въ Батавію; здѣсь, на основаніи нѣкоторыхъ наблюденій, у него явилась мысль, что работа, совершаемая организмомъ, происходитъ насчетъ вырабатываемой имъ теплоты. Мысль эта показалась Майеру до такой степени вѣрною, что онъ рѣшился для дальнѣйшей ея провѣрки бросить службу и вернуться въ Европу. 4-го іюня 1841 года онъ посылаетъ въ редакцію журнала Annalen der Physik und Chemie свою первую работу, озаглавленную «О количественномъ и качественномъ опредѣленіи силы». Работа эта не была принята для напечатанія редакторъ нашелъ ее совершенно ненаучною». И только въ 1842 г. она появилась въ журналѣ Либиха Annalen der Chemie und Pharmacie, подъ заглавіемъ: «Замѣчанія о силахъ неодушевленной природы». Въ этой статьѣ законъ сохраненія энергіи уже выраженъ вполнѣ ясно и опредѣленно: въ ней Майеръ, не имѣя точныхъ данныхъ, нашелъ, что величинѣ работы одного килограмма, поднятаго на высоту 365 метровъ, соотвѣтствуетъ одна единица теплоты, т. е. нашелъ такъ-называемый механическій эквивалентъ теплоты. Современники не оцѣнили громаднаго значенія работъ Майера: со всѣхъ сторонъ сыпались на него насмѣшки, какъ на дилетанта, а то существенное, что не могли не замѣтить и современники, они стали приписывать себѣ. Дорого досталась Майеру его посмертная слава: при жизни его обзывали помѣшаннымъ за томъ, будто онъ открылъ какой-то механическій эквивалентъ теплоты; газеты, органы университетскихъ профессоровъ, злорадствовали его грязью, медицинской практики онъ лишился и очень бѣдствовалъ. Наконецъ родные и родственники настояли на томъ, чтобы его заключили въ домъ умалишенныхъ. Такъ какъ онъ этому сопротивлялся, то на него надѣли цѣпи и желѣзный поясъ... И много лѣтъ спустя Майеръ показывалъ Дюрингу огромные рубцы, оставшіеся на его тѣлѣ отъ цѣпей и пилокъ, которыми его повергали злополучнаго дома умалишенныхъ. Насколько преслѣдованіе Майера было упорнымъ, видно, между прочимъ, и изъ того, что даже въ 1869 г., когда Майеръ явился на съѣздъ естествоиспытателей въ Инсбрукъ и сдѣлалъ тамъ свой докладъ по вопросу о механической теоріи теплоты, Карлъ Фогтъ, предсѣдательствовавшій на съѣздѣ, просилъ у присутствующихъ извиненія за допущеніе Майера къ чтенію доклада. 8-го марта 1878 г. великій философъ-натуралистъ покинулъ свой враждебный для него міръ навсегда. Только потомство сознало великое значеніе Майера, о чемъ свидѣтельствуетъ воздвигнутый ему въ его родномъ городѣ Гейльброннѣ памятникъ.

Опытъ съ маятникомъ Фуко въ парижскомъ Пантеонѣ.

Если законъ вѣчности вещества характеризуетъ конецъ XVIII вѣка, то законъ сохраненія энергіи можно считать характеризующимъ вторую половину XIX вѣка, такъ какъ онъ легъ не только въ основу всего научнаго міросозерцанія естествоиспытателей, но и въ основу почти всей современной техники, которая въ построеніи, напримѣръ, паровыхъ машинъ, основывается на такъ называемомъ *второмъ началѣ* механической теоріи теплоты, разработанномъ Клаузіусомъ, Томсономъ и Рэнкиномъ. Огромное научное значеніе механической теоріи теплоты заключалось, между прочимъ, въ томъ, что благодаря ей выяснилась тѣсная связь, существующая между различными формами энергіи, явилась возможность, напр., вычислить, въ какое количество работы превратится то или иное количество теплоты, даваемое топливомъ, а отсюда явилась также возможность опредѣлять соотношеніе между теплотою, электричествомъ, магнетизмомъ и т. д. Химія построила всю современную свою часть, называемую термохиміей, на механической теоріи теплоты. Точно также въ основу многихъ отдѣловъ химіи легла такъ называемая термодинамика. Въ физіологіи, благодаря механической теоріи теплоты, создалось ученіе о превращеніи теплоты, вырабатываемой насчетъ происходящихъ въ организмѣ химическихъ процессовъ, въ механическую работу организма. Благодаря этому, въ настоящее время мы можемъ, напримѣръ, сказать, обо всякомъ пищевомъ веществѣ, какое количество мускульной работы оно въ состояніи сообщить организмъ.

Второе начало механической теоріи теплоты показало, что превращеніе теплоты въ работу возможно лишь въ опредѣленныхъ предѣлахъ и притомъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда теплота переходитъ отъ источника высшей температуры къ источнику низшей температуры, болѣе, чѣмъ болѣе же разность температуръ, напримѣръ, когда паровозъ уходитъ въ конденсаторъ, тѣмъ большая часть теплоты, могущей быть превращенной въ работу. Второе начало имѣетъ огромное важное значеніе въ примѣненіи къ опредѣленію такъ называемаго полезнаго дѣйствія паровыхъ машинъ. Въ его въ общихъ чертахъ значеніе работъ Майера и его современниковъ.

Какъ уже было выше сказано, кромѣ Майера въ разработкѣ механической теоріи теплоты и закона сохраненія энергіи принимали участіе англичанинъ Джоуль и германецъ

ученый Гельмгольцъ. Этимъ обоимъ изслѣдователямъ наука обязана тѣмъ, что они сдѣлали Майеровское ученіе популярнымъ въ средѣ тѣхъ ученыхъ, которые были склонны скептически относиться къ самой основной идеѣ этого ученія. Кромѣ того, работа Гельмгольца «о сохраненіи силы», написанная въ сравнительно популярной формѣ, содѣйствовала распространенію Майеровскаго ученія въ широкомъ кругу естествоиспытателей и философовъ.

Хотя установка закона сохраненія энергіи и составляетъ наиболѣе крупное научное явленіе описываемаго періода, однако и другія области физики въ это время не переставали разрабатываться: Кноблаухъ точными опытами показалъ тождественность законовъ, управляющихъ тепловыми и свѣтовыми лучами, Томсенъ и Бертело положили начало точнымъ термохимическимъ изслѣдованіямъ, Реньо подвергъ тщательной провѣркѣ цѣлую массу числовыхъ данныхъ, полученныхъ до него различными изслѣдователями, придумавъ для этой провѣрки, какъ новые приборы, такъ и новые методы, Фуко произвелъ въ парижскомъ Пантеонѣ свой знаменитый опытъ надъ качаніемъ маятника, послужившій блестящимъ опытнымъ доказательствомъ вращенія земли вокругъ оси. Фарадею удалось получить температуру —110 и превратить въ жидкое состояніе закись азота (веселящій газъ), а Наттереръ, занимавшійся сгущеніемъ газовъ, высказалъ предположеніе, что при очень низкихъ температурахъ и значительныхъ давленіяхъ удастся сгустить и всѣ остальные газы — предположеніе, которое впослѣдствіи, благодаря работамъ Кальете въ Парижѣ и Пикте въ Женевѣ, блистательно подтвердилось.

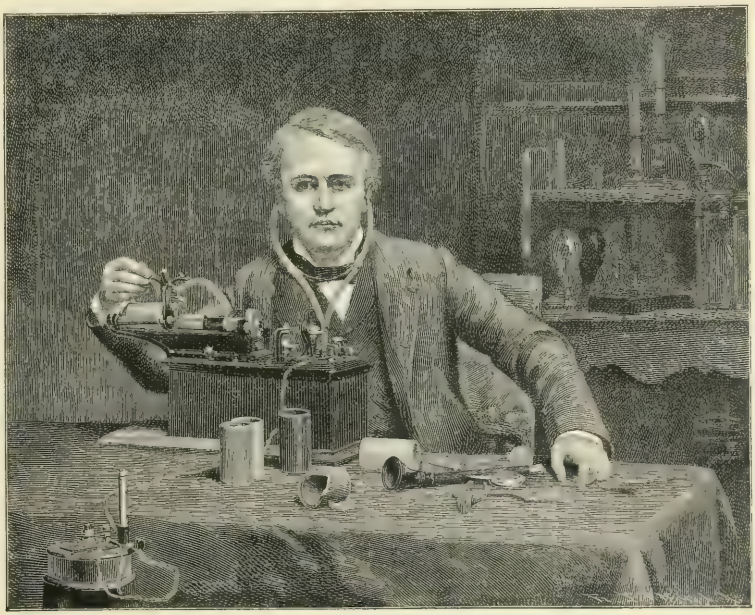
Конецъ 40-хъ и 50-ые годы характеризуются цѣлымъ рядомъ изслѣдованій, изъ которыхъ особенно важными слѣдуетъ признать опредѣленіе скорости распространенія свѣта, сдѣланное Физо. Эта скорость была уже раньше опредѣлена Ремеромъ, но способъ Ремера, въ качествѣ астрономическаго, не могъ быть въ такой мѣрѣ убѣдительнымъ, въ какой убѣдительнымъ явился способъ, при которомъ опредѣленіе было сдѣлано на землѣ съ употребленіемъ обыкновенныхъ приборовъ. Физо (въ 1849 г.) нашелъ для скорости свѣта число близкое къ тому, которое было получено Ремеромъ, но затѣмъ въ 1854 г. Фуко снова опредѣлилъ скорость распространенія свѣта при помощи придуманнаго имъ прибора и нашелъ ее равною 39136 милямъ, т. е. числу, приблизительно принимаемому и теперь въ наукѣ (300330 килом.). Опыты Фуко представляются интересными еще въ томъ отношеніи, что имъ установлена меньшая скорость свѣта въ водѣ, нежели въ воздухѣ. Въ концѣ 40-хъ годовъ были сдѣланы также попытки опредѣлить скорость распространенія электричества по проводникамъ; но полученные при этомъ результаты очень колебались другъ отъ друга и были всѣ невѣрными; интересно, что Кирхгоффъ высказалъ тогда же предположеніе объ одинаковой скорости распространенія, какъ свѣта, такъ и электричества — предположеніе, истинную цѣну котораго мы можемъ опредѣлить только въ настоящее время, когда выяснилось, что свѣтовая и электрическая энергія представляются по существу одинаковыми и, слѣдовательно, должны распространяться въ пространствѣ съ одинаковыми скоростями. Упомянемъ между прочимъ, что къ этому времени были изобрѣтены [illegible] снаряды: Румкорфа, Гейсслеровы трубки, [illegible] Дю-Бу-Реймона, играющій столь видную роль во всѣхъ электрическихъ медицинскихъ приборахъ, мы [illegible] на томъ, что съ самаго начала 50-хъ годовъ [illegible] съ математической и физической оптикой раз[illegible] отдѣлъ оптики подъ названіемъ физіологической оптики. Оказывается, съ приходится считать собственно [illegible] настоящую нѣкоторые шаги физіологическими [illegible] изслѣдованія этого вопроса. [illegible] Гельмгольцъ, Фикеръ и Брюкнеромъ (при чемъ [illegible] остались при сихъ работахъ) [illegible] Гельмгольцъ, привелъ къ тому, что [illegible] одной изъ самыхъ точ[illegible] и физіологіи вообще и чрезвычайно помогла [illegible] большихъ, давши всѣмъ врачамъ [illegible] для изслѣдованія глаза приборовъ, офталмоскопъ, изобрѣтенный Гельмгольцемъ (1851 г.).

Но ни одна часть физики не сдѣлала въ послѣднія три десятилѣтія такихъ успѣховъ, какъ ученіе объ электричествѣ. Разработка воззрѣній Фарадея, которой посвятилъ себя англійскій ученый Клеркъ Максуэлль, привела къ тому заключенію, что электрическія явленія имѣютъ своимъ мѣстопребываніемъ не проводники, какъ это можно было бы думать, и какъ это раньше дѣйствительно и думали, а изоляторы. Только эти послѣдніе могутъ приходить въ наэлектризованное состояніе; въ самихъ же проводникахъ электричества не бываетъ, и если тамъ и кажется, будто проводники наэлектризованы на поверхности, то это обусловливается только тѣмъ, что поверхность проводника соприкасается съ изоляторомъ, по которому электрическія явленія и распространяются. Далѣе выяснилось, что въ распространеніи электричества играетъ роль та же чрезвычайно упругая среда, которая была принята для объясненія распространенія свѣта, — т. е. среда, названная космическимъ эѳиромъ. Когда въ 1873 г. Максуэллю удалось указать связь, существующую между электрическими свойствами изоляторовъ и ихъ способностью преломлять свѣтовые лучи, то единство свѣтовыхъ или, точнѣе, лучистыхъ и электрическихъ явленій — съ теоретической стороны — было установлено. Недоставало только путемъ опыта доказать, что электрическая энергія есть энергія лучистая, т.-е. что, подобно свѣтовымъ или тепловымъ лучамъ, существуютъ лучи электрическіе, способные отражаться и преломляться. Такія опытныя доказательства были даны молодымъ нѣмецкимъ ученымъ Генрихомъ Герцомъ (1857—1894). Герцу удалось получить электрическія колебанія и волны, которыя, какъ оказалось, отражались отъ металловъ или вообще отъ проводниковъ и проходили черезъ тѣла, сдѣланныя изъ непроводниковъ, какъ напр., стекло, парафинъ, сѣра и проч. Ему удалось собирать электрическіе лучи въ одну точку-фокусъ, заставить ихъ преломляться въ призмѣ, сдѣланной изъ парафина и пр. Практическіе результаты классическихъ работъ Герца не замедлили вскорѣ обнаружиться въ работахъ Тесла, который, создавъ въ пространствѣ электрическія волны и помѣстивъ въ различныхъ мѣстахъ этого пространства трубки, подобныя Гейслеровымъ, получилъ довольно сильное свѣченіе этихъ трубокъ; этимъ способомъ Тесла разсчитываетъ на возможность создать въ будущемъ совершенно особое освѣщеніе городовъ. Пустивъ въ городѣ электрическія волны во всѣхъ направленіяхъ и помѣщая въ различныхъ мѣстахъ подобныя трубки, можно будетъ освѣщать города безъ помощи проводовъ или какихъ-либо имъ подобныхъ приспособленій. Устройство такого освѣщенія составляетъ одну изъ задачъ будущаго. Кромѣ того, Герцовскія изслѣдованія положили основаніе весьма важному изобрѣтенію безпроволочнаго телеграфа, сущность котораго состоитъ въ томъ, что на одной станціи создаются въ извѣстной послѣдовательности электрическія волны, которыя принимаются особыми пріемлющими приборами на другой станціи. Это послѣднее изобрѣтеніе сдѣлано одновременно въ Россіи — Поповымъ и въ Италіи — Маркони.

Заканчивая очеркъ успѣховъ физики въ XIX вѣкѣ, мы должны спеціально остановиться на нѣкоторыхъ изобрѣтеніяхъ послѣдней четверти этого вѣка — какъ потому, что они представляютъ значительный теоретическій интересъ, такъ, въ особенности, потому, что имъ суждено было сразу завоевать себѣ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ въ практической жизни современнаго человѣчества. Во главѣ этихъ изобрѣтеній слѣдуетъ, конечно, поставить телефонъ *). Приборъ этотъ настолько распространенъ въ настоящее время, что описаніе того, какъ онъ дѣйствуетъ, не представляется необходимымъ; но далеко не всѣ, пользующіеся услугами телефона, знаютъ тѣ принципы, на которыхъ основано его устройство; точно также лишь немногимъ извѣстно внутреннее устройство этого удивительнаго инструмента. Принципъ для устройства телефона былъ данъ Фарадеемъ, открывшимъ

*) Телеграфъ — есть рѣчь при разсмотрѣніи техники и промышленности XIX вѣка.

индукціонные токи. Въ 1861 г. Рейсъ построилъ первый приборъ, помощью котораго удавалось передавать музыкальные звуки, а также гласныя буквы на разстояніе; но это былъ приборъ весьма несовершенный. Лишь въ 1877 г. американецъ Грэгэмъ Белль изготовилъ телефонъ, удовлетворявшій своему назначенію и сохранившійся почти въ неизмѣненномъ видѣ до настоящаго времени. Вотъ какъ использовалъ Белль для своей цѣли открытые Фарадеемъ индукціонные токи: если взять магнитную палочку и надѣть на нее катушку, обмотанную металлической изолированной (т.-е. обмотанною шелкомъ) проволокою, и если затѣмъ какимъ-либо образомъ усиливать или ослаблять магнитную силу взятой магнитной палочки, то въ проволокѣ, обматывающей надѣтую на магнитную палочку катушку, будетъ возникать электрическій токъ; при этомъ, если магнитизмъ магнитной палочки будетъ ослабѣвать, то въ проволокѣ возникнетъ токъ одного направленія; если же магнитизмъ палочки будетъ усиливаться, то другого. Этотъ возникающій въ проволокѣ токъ можно направить по длинной телеграфной проволокѣ въ отдаленное мѣсто и пропустить его тамъ черезъ другую катушку, надѣтую на такую же магнитную палочку, какая была только что описана. Токъ, пробѣгающій черезъ вторую катушку, будетъ либо усиливать магнитизмъ палочки, на которую катушка надѣта, либо ослаблять его. Устраивая свой телефонъ, Белль разсуждалъ такъ: если около такой описанной выше магнитной палочки помѣстить тонкую пластинку (напр. стальную) и заставить ее колебаться, то она будетъ то приближаться къ магнитной палочкѣ, то удаляться отъ нея; вслѣдствіе этого, магнитизмъ магнитной палочки будетъ то усиливаться, то ослабѣвать, и въ проволокѣ, обматывающей надѣтую на палочку катушку, будетъ возбуждаться токъ; этотъ токъ, переходя по телеграфной проволокѣ къ другому такому же прибору, будетъ то усиливать, то ослаблять магнитизмъ его магнитной палочки, и если около нея будетъ помѣщена такая же тонкая пластинка, то она будетъ то притягиваться къ магнитной палочкѣ сильнѣе, то слабѣе и, стало-быть, придетъ въ колебаніе, совершенно соотвѣтствующее колебанію первой пластинки. Если мы станемъ говорить около пластинки перваго прибора, то она будетъ колебаться, и ея колебанія создадутъ токъ въ катушкѣ, этотъ токъ перейдетъ ко второму прибору, вызоветъ то усиленіе, то ослабленіе его магнитной палочки, вслѣдствіе чего его пластинка станетъ приходить въ такія же колебанія, въ какія приходила пластинка перваго прибора, а такъ какъ пластинка перваго прибора приходила въ колебанія, соотвѣтствовавшія звукамъ рѣчи, то и вторая пластинка придетъ въ такія же колебанія, передастъ ихъ воздуху, а отъ него и уху слушающаго. Когда телефонъ Белля впервые сдѣлался извѣстенъ ученымъ, они удивились отнюдь не самому принципу, не заключавшему въ себѣ ничего по существу новаго, а тому, какимъ образомъ столь ничтожныя колебанія пластинки, какія вызываются въ ней голосомъ говорящаго, достаточны для того, чтобы вызвать токъ, достаточно сильный для воспроизведенія ихъ на далекомъ разстояніи, и затѣмъ, какимъ образомъ эти столь разнообразныя и сложныя колебанія такъ фотографически вѣрно воспроизводятся второю пластинкою. Въ виду весьма большой сложности этихъ колебаній, второй вопросъ и до настоящаго времени остается не вполнѣ разработаннымъ.



Эдиссонъ.

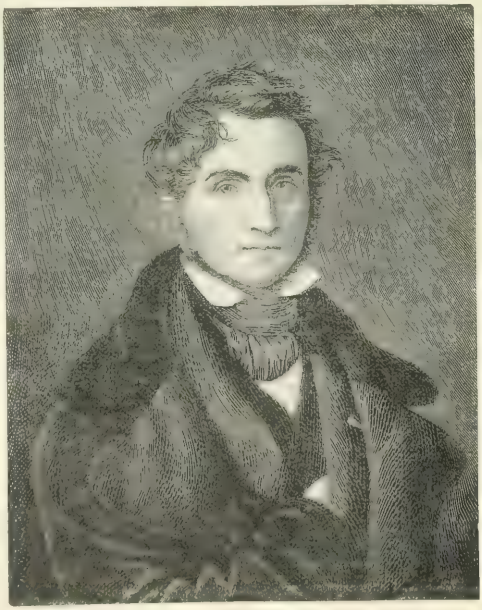
Не менѣе удивительнымъ изобрѣтеніемъ послѣдняго времени является фонографъ — приборъ, изобрѣтенный Эдиссономъ въ 1877 г., вскорѣ послѣ изобрѣтенія телефона. Хотя мы и не знаемъ, какимъ образомъ Эдиссону пришла мысль устроить этотъ приборъ, но несомнѣнно, что телефонъ Белля игралъ здѣсь не послѣднюю роль. Очевидно, что, когда, послѣ Белевскаго изобрѣтенія выяснилось, что колебанія пластинки могутъ передать всѣ оттѣнки звука, начиная отъ простыхъ музыкальныхъ тоновъ и кончая самыми сложными звуками человѣческой рѣчи, Эдиссонъ и рѣшилъ передавать эти колебанія при помощи иглы на какую-либо мягкую (напр. восковую) поверхность, а затѣмъ, получивъ на этой поверхности отпечатки колебаній пластинки, и заставивъ двигаться по этой поверхности иглу, соединенную съ пластинкой, вызвалъ снова тѣ звуки, которые были отпечатаны на пластинкѣ. Такова была идея Эдиссона; въ настоящее время эта идея осуществлена съ большимъ совершенствомъ: распространившіеся весьма широко граммофоны и графофоны представляютъ собою тотъ же фонографъ Эдиссона съ нѣкоторыми измѣненіями. Однако въ дѣлѣ устройства фонографовъ послѣднее слово еще не сказано; несомнѣнно, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ фонографъ достигнетъ той степени совершенства, при которой ему суждено будетъ занять въ наукѣ и практической жизни не менѣе важное мѣсто, чѣмъ то, которое занимаетъ въ настоящее время фотографія, ибо насколько фотографія является способомъ воспроизведенія всего того, что мы видимъ, настолько фонографъ является приборомъ, служащимъ для воспроизведенія всего того, что мы слышимъ.

Фотографія въ томъ совершенномъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ въ настоящее время, есть дитя XIX вѣка, хотя зачатки фотографіи мы находимъ еще въ началѣ XVIII вѣка, а именно въ 1727 году, когда нѣмецкій врачъ Шульце воспользовался чувствительностью солей серебра для отпечатыванія трафаретныхъ рисунковъ; однако эти зачатки слишкомъ мало имѣютъ общаго съ современной фотографіей, поэтому совершенно справедливо открытіе фотографіи приписывается Ньепсу, который въ 1828 г. приготовилъ впервые такъ называемые асфальтовые снимки. Вскорѣ Ньепсъ соединился съ

Дагеррромъ, который, послѣ смерти Ньепса, изобрѣлъ свой способъ полученія снимковъ при помощи серебра; это изобрѣтеніе было распространено подъ названіемъ дагеротипіи. Дагеротипическіе снимки дѣлались на серебряныхъ пластинкахъ, и въ настоящее время можно еще встрѣтить старинныя фотографіи, сдѣланныя на серебряныхъ пластинкахъ и имѣющія такой видъ, точно онѣ сняты на зеркалѣ. Эти фотографіи получались въ одномъ экземплярѣ и не подлежались умноженію. Въ 1839 г. англичанинъ Тальботъ открылъ способъ копировать снимки на бумагѣ и получать негативы также на бумагѣ, пропитанной іодистымъ серебромъ и ляписомъ. Это открытіе Тальбота и послужило основою современному способу фотографированія. Вскорѣ (въ 1847 г.) бумага Тальбота была замѣнена пленкою, сдѣланною изъ бѣлка, пропитаннаго серебряными солями, а затѣмъ бѣлокъ былъ замѣненъ коллодіемъ. Коллодіонный способъ употреблялся вплоть до 1880 г., когда уступилъ мѣсто весьма чувствительнымъ бромо-желатиннымъ сухимъ пластинкамъ, употребляемымъ и до настоящаго времени. Современная фотографія состоитъ по самому существу въ слѣдующемъ: стеклянная пластинка, покрытая желатиной, въ которой размѣшано бромистое серебро, помѣщается въ фотографическую камеру, представляющую совершенно закрытый ящикъ, на передней поверхности котораго помѣщено выпуклое стекло (объективъ). Если это стекло направить на какой-либо хорошо освѣщенный предметъ, то отъ послѣдняго получается уменьшенное изображеніе; это изображеніе заставляютъ упасть на вставленную въ камеру свѣточувствительную бромо-желатинную пластинку; упавъ на эту пластинку, изображеніе вызываетъ въ ней измѣненія, состоящія въ томъ, что тѣ мѣста пластинки, на которыя попалъ свѣтъ, при дальнѣйшей обработкѣ (проявленіи) чернѣютъ, тѣ же мѣста, на которыя свѣтъ не попалъ, остаются при этой обработкѣ неизмѣненными; мѣста, на которыя падалъ слабый свѣтъ, слабо чернѣютъ при дальнѣйшей обработкѣ и т. д. Такимъ образомъ, послѣ проявленія, всѣ мѣста предмета, бывшія ярко освѣщенными, получаются темными; бывшія слабо освѣщенными, получаются свѣтлыми; словомъ, на пластинкѣ получаются тѣни, совершенно обратныя тому, какъ онѣ падали на предметъ; такая пластинка называется, поэтому, негативомъ. Послѣ того какъ пластинка проявлена (все это дѣлается въ темной комнатѣ), ее фиксируютъ, т. е. обезвреживаютъ вещества, растворяющимъ не подвергшееся измѣненію бромистое серебро и оставляющимъ въ неизмѣненномъ состояніи та часть бромистаго серебра, которая подверглась измѣненію благодаря дѣйствію свѣта и проявленія. Послѣ такой обработки негативъ готовъ. Теперь его помѣщаютъ на бумагу, покрытую свѣточувствительнымъ слоемъ, и эту покрытую негативомъ бумагу выставляютъ на свѣтъ. Черныя мѣста негатива пропускаютъ очень мало свѣта; мѣста же прозрачныя пропускаютъ свѣтъ совершенно свободно; такимъ образомъ, тѣ мѣста, которыя на негативѣ были темными, на свѣточувствительной бумагѣ получаются свѣтлыми; тѣ, которыя были свѣтлыми, получаются темными, а тѣ, которыя были слабо темными, такими же получаются и на бумагѣ; полученный на бумагѣ отпечатокъ называется позитивомъ, такъ какъ его тѣни будучи противоположны тѣнямъ негатива, совершенно соотвѣтствуютъ тѣнямъ фотографированнаго предмета. Этотъ отпечатокъ подвергается еще одной обработкѣ, закрѣпляющей его и удаляющей весь неподвергшійся измѣненію свѣточувствительный слой бумаги, послѣ чего снимокъ вполнѣ готовъ. Фотографы однако не удовлетворяются полученнымъ такимъ образомъ снимкомъ, а подвергаютъ его еще ретушировкѣ, т. е. стараются замаскировать тѣ случайные недостатки, которые получаются на отпечаткѣ, благодаря различнымъ случайностямъ.

Дагерръ.

Примѣненіе фотографіи невѣроятно обширно въ настоящее время. Трудно указать ту область человѣческой жизни, гдѣ фотографія не нашла бы себѣ того или иного приложенія: начиная съ микроскопическихъ бактерій и кончая небесными свѣтилами, фотографія вездѣ оказала человѣчеству огромныя услуги, а съ тѣхъ поръ, какъ французскому ученому Липпману удалось добиться фотографированія предметовъ въ ихъ естественныхъ цвѣтахъ, а нѣмецкому профессору Рентгену удалось помощью особыхъ лучей, названныхъ Рентгеновскими и способныхъ проходить черезъ многія непрозрачныя средины, фотографировать такіе предметы, которые скрыты отъ нашихъ глазъ, значеніе фотографіи еще болѣе возросло. Двадцатому вѣку предстоитъ усовершенствовать способы цвѣтной фотографіи и, кромѣ того, остается еще выработать способы, помощью которыхъ удалось бы использовать Рентгеновскіе лучи въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это достигнуто въ настоящее время.



Липпмъ.

Химія, какъ уже было сказано вначалѣ этого очерка, получила главный толчокъ въ своемъ развитіи благодаря классическимъ трудамъ Лавуазье, относящимся къ концу XVIII в. Установивъ впервые чрезвычайную важность количественнаго изученія химическихъ процессовъ, создавъ въ умахъ ученыхъ незыблемое убѣжденіе въ томъ, что вещество при химическихъ взаимодѣйствіяхъ не создается и не уничтожается, Лавуазье, разумѣется, направилъ химію по совершенно новому пути.

Изслѣдуя составъ нѣкоторыхъ химическихъ соединеній, Дальтонъ нашелъ, что если два вещества соединяются между собою въ разныхъ пропорціяхъ, такъ что количество одного изъ этихъ веществъ приходится на одно и тоже количество другого, то они находятся между собою въ кратныхъ отношеніяхъ, т. е. что, напримѣръ, на одинъ фунтъ одного

вещества приходится другого вещества 5, 10, 15 фунтовъ, и нѣтъ такихъ случаевъ, гдѣ бы на 1 фунтъ этого вещества пришлось 5, 10, 14 и т. п. Для объясненія этого, такъ называемаго, закона кратныхъ отношеній Дальтонъ предложилъ воспользоваться *атомической гипотезой*: онъ принялъ, что каждому атому различныхъ простыхъ (т. е. не разложимыхъ на болѣе простыя составныя части) веществъ присущъ опредѣленный вѣсъ, и такъ какъ атомъ не дѣлимъ, то соединяться между собою могутъ только цѣлые атомы, вслѣдствіе чего можетъ соединяться одинъ атомъ съ однимъ или съ двумя, или съ тремя и т. д. Понятно, что въ этомъ случаѣ и должно наблюдаться при соединеніи веществъ то, что нашелъ Дальтонъ, и что было имъ названо закономъ кратныхъ отношеній. Вслѣдъ затѣмъ Гэй-Люссакъ нашелъ, что и газы соединяются между собою въ кратныхъ отношеніяхъ, и, такимъ образомъ, расширилъ сферу приложимости закона кратныхъ отношеній; а Берцеліусъ занялся провѣркою чиселъ, выражающихъ атомные вѣса, и установилъ эти числа съ такою точностью, что они и до сихъ поръ подверглись лишь малымъ измѣненіямъ. На первую четверть XIX вѣка падаетъ открытіе итальянскимъ физикомъ Амедеемъ Авогадро закона, по которому въ равныхъ объемахъ газовъ содержится равное число молекулъ. Этимъ закономъ впервые устанавливалось разграниченіе понятій атомъ и молекула. До Авогадро ученые говорили, напр., атомъ воды». Авогадро показалъ, что необходимо различать понятіе объ атомѣ, какъ количествѣ матеріи, ни при какихъ условіяхъ не дѣлимомъ, отъ понятія о молекулѣ, какъ количествѣ вещества только физически недѣлимомъ, но могущемъ распадаться при химическихъ процессахъ на отдѣльные атомы. Такимъ образомъ, помимо того, что закономъ Авогадро исключалась возможность говорить объ «атомахъ» сложныхъ тѣлъ, явилось еще понятіе о молекулахъ простыхъ тѣлъ (состоящихъ изъ нѣсколькихъ однородныхъ атомовъ) и молекулахъ сложныхъ тѣлъ (состоящихъ изъ нѣсколькихъ разнородныхъ атомовъ). Далѣе законъ, открытый французскими учеными Дюлонгомъ и Пти, оказалъ не малое вліяніе на опредѣленіе и установку тѣхъ чиселъ, которыя получили названіе вѣсовъ атомовъ или вѣсовъ эквивалентовъ. Законъ Дюлонга и Пти установилъ связь, существующую между этими числами и количествомъ теплоты, необходимымъ для нагрѣванія опредѣленнаго количества даннаго простого вещества на 1 градусъ. Оказалось, что связь эта выражается весьма просто: если число, выражающее атомный вѣсъ, умножить на число, выражающее теплоемкость даннаго простого вещества, то получается для огромнаго большинства простыхъ веществъ, довольно постоянное произведеніе, а именно 6,5. На первую четверть XIX вѣка выпадаетъ также открытіе замѣчательнаго числа простыхъ тѣлъ, такъ что къ началу 2-й четверти XIX вѣка число извѣстныхъ химикамъ простыхъ тѣлъ было уже немногимъ меньше того числа, которое намъ извѣстно въ настоящее время.

Рёнтгенъ.

Со времени Лавуазье въ умахъ ученыхъ существовало убѣжденіе, что вещества, составляющія *органическую* природу, отличаются отъ веществъ минеральной природы не только своими составными частями, но также и тѣмъ, что первые образуются подъ вліяніемъ особой силы, дѣйствующей лишь въ живыхъ существахъ *жизненной силы*: поэтому искусственное полученіе такихъ веществъ (въ лабораторіяхъ) считалось невозможнымъ, такъ какъ созданіе жизни искусственнымъ путемъ (которое алхимики считали возможнымъ) со времени начала развитія научной химіи считалось непостижимымъ. Однако въ 1828 г. нѣмецкій ученый Вёлеръ получилъ изъ минеральныхъ веществъ вещество, встрѣчавшееся только въ числѣ продуктовъ, вырабатываемыхъ высшими организмами, преимущественно организмомъ человѣка. Вещество это (мочевина), полученное Велеромъ искусственно, привело ученыхъ къ убѣжденію, что между веществами органическаго и веществами минеральнаго царства нѣтъ существенной разницы, и что въ образованіи первыхъ вовсе не должна участвовать особая жизненная сила; вмѣстѣ съ этимъ убѣжденіемъ возникли вообще сомнѣнія въ необходимости допущенія жизненной силы, какъ отдѣльной своеобразной силы, участвующей въ образованіи продуктовъ органическаго царства или вообще даже имѣющей отдѣльное существованіе; прочный фундаментъ, на которомъ покоилась жизненная сила, былъ подкопанъ, и это дало ученымъ смѣлость приступить съ одной стороны къ изслѣдованію многоразличнѣйшихъ продуктовъ органическаго царства, съ другой болѣе смѣло приняться за изученіе различныхъ физіологическихъ явленій, въ надеждѣ найти общіе законы, управляющіе образованіемъ и распаденіемъ различныхъ продуктовъ живого организма. Но и помимо этого открытія, изученіе органическихъ или, какъ ихъ теперь называютъ, углеродистыхъ соединеній привлекало къ себѣ тѣхъ же ученыхъ, которые занимались соединеніями минеральнаго царства; Гэй-Люссакъ и Тенаръ усовершенствовали органическій анализъ, а Берцеліусъ сдѣлалъ весьма удачную попытку классификаціи органическихъ соединеній. Послѣ того, какъ Гэй-Люссакъ открылъ сложное тѣло *синеродъ* или ціанъ, оказавшееся обладающимъ свойствами, весьма напоминавшими свойства нѣкоторыхъ простыхъ тѣлъ (напримѣръ хлора), стало развиваться ученіе о радикалахъ. Подъ этимъ терминомъ разумѣли такую сложную группу веществъ, которая вступаетъ въ различныя соединенія, не распадаясь на свои составныя части, т. е. дѣйствуетъ, какъ простое вещество или, точнѣе, какъ элементъ. Развитіе органической химіи тѣсно связано съ развитіемъ ученія о радикалахъ, въ которомъ особенно живое участіе принимали ученые нѣмецкіе ученыхъ. Вёлеръ и, въ особенности, Либихъ, завязавшій между прочимъ, и основавшемъ сельско-хозяй-

Менделѣевъ.

ственной химіи. Лабораторія Либиха въ Гиссенѣ играла въ это время и позже такую же роль, какую лабораторія Берцеліуса играла въ первой четверти XIX вѣка: туда стекались ученые со всѣхъ концовъ міра для того, чтобы работать и изучать пріемы самостоятельныхъ химическихъ изслѣдованій подъ руководствомъ того, кто въ это время считался первымъ авторитетомъ въ химической наукѣ. Разработка огромнаго матеріала, составляющаго предметъ органической химіи, привела къ цѣлому ряду новыхъ фактовъ: такъ, напримѣръ, были найдены вещества, которыя, обладая однимъ и тѣмъ же качественнымъ и количественнымъ составомъ, отличались между собою по своимъ физическимъ и химическимъ свойствамъ. Такія вещества были названы изомерными. Стремленіе объяснить себѣ явленіе изомеріи привело къ необходимости допустить, что свойства веществъ зависятъ не только отъ качественнаго и количественнаго состава, но также и отъ какого-то иного фактора. Какой же это факторъ? Естественно было допустить, что этотъ третій факторъ есть ни что иное, какъ различное расположеніе въ молекулѣ отдѣльныхъ группъ, ее составляющихъ, или даже отдѣльныхъ атомовъ. Совершенно такъ же, какъ изъ извѣстнаго количества кирпичей могутъ быть сложены самыя различныя зданія, такъ же изъ однихъ и тѣхъ же атомовъ или группъ могутъ быть сложены самыя разнообразныя молекулы. Такимъ образомъ, стремленіе объяснить явленія изомеріи повели къ попыткамъ опредѣленія строеній молекулы. Эти попытки, въ началѣ довольно несмѣлыя, получили особенно крупный толчокъ, благодаря появившимся въ 40-хъ годахъ изслѣдованіямъ Жерара, Лорана и Дюма, изъ которыхъ послѣдній показалъ, что свойства соединеній часто зависятъ не столько отъ самой природы составныхъ частей, сколько отъ ихъ относительнаго расположенія въ молекулѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Лоранъ и Жераръ предприняли пересмотръ атомныхъ вѣсовъ элементовъ, воспользовавшись вышеупомянутымъ закономъ Авогадро, установили понятіе о молекулѣ въ отличіе отъ понятія объ атомѣ, дали имѣть съ Дюма способъ опредѣленія вѣса молекулы, основанный на измѣреніи плотности пара, и такимъ образомъ положили прочный фундаментъ для развитія господствующей въ настоящее время теоріи строенія. Дальнѣйшимъ важнымъ шагомъ въ развитіи этой теоріи было появленіе работы нѣмецкаго ученаго Кекуле, который въ 1867 г. наиболѣе подробно изложилъ и до него высказанныя предположенія о *валентности* атомовъ и на этомъ построилъ теорію ароматическихъ соединеній. Согласно теоріи валентности, каждому атому присуще извѣстное число силъ притяженія, силъ, помощью которыхъ этотъ атомъ можетъ удерживать съ собою въ связи извѣстное число другихъ атомовъ; такъ было принято, что такихъ силъ притяженія водородный атомъ имѣетъ только одну, атомъ кислорода имѣетъ ихъ двѣ, а атомъ, напримѣръ, углерода имѣетъ ихъ четыре; поэтому кислородный атомъ можетъ удерживать съ собою въ связи только два атома водорода, между тѣмъ какъ углеродный атомъ можетъ ихъ удерживать четыре. Установка понятія о валентности повела за собою необыкновенно быстрое развитіе теоріи строенія, приведшей, помимо всего прочаго, къ ряду блестящихъ синтезовъ, т. е. къ полученію искусственнымъ путемъ такихъ веществъ, о полученіи которыхъ трудно было даже мечтать лѣтъ двадцать до этого. Правда, синтезы были воспроизводимы и раньше, и въ этомъ отношеніи не малую славу пріобрѣли еще до полнаго развитія теоріи строенія различные европейскіе ученые, въ особенности Бертело во Франціи и Н. Н. Зининъ въ Россіи, получившій искусственно эфирное горчичное масло, но эти синтезы не имѣли того характера, какъ тѣ, которые появились имѣетъ съ развитіемъ теоріи строенія. Стоитъ только назвать такіе синтезы, какъ, напримѣръ, синтезъ Гиллерма, совершившій полный переворотъ въ одной изъ отраслей красильной техники, синтезъ ванилина, ванильнаго сахара, чтобы убѣдить, какую огромную пользу принесла наукѣ разработка теоріи строенія и сопряженныя съ нею вопросы. Русскіе ученые: Бутлеровъ съ его школою и Бельштейнъ съ нѣсколькими его учениками шли въ этомъ направленіи не мало позже и весьма близко къ нашему 70—80-хъ годовъ.

Въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ минеральная химія, занятія которою на нѣкоторое время были отодвинуты на второй планъ, благодаря блестящему развитію органической химіи, снова привлекла къ себѣ научныя силы; эти силы были, главнымъ образомъ, привлечены тою частью химіи, которая получила сначала названіе физической или теоретической химіи, а въ настоящее время называется общей химіей. Развитію этой части науки много содѣйствовали труды нѣсколькихъ ученыхъ, уже давно разрабатывавшихъ вопросы общей и теоретической химіи. Во главѣ этихъ ученыхъ слѣдуетъ поставить Бертело и Сенъ-Клеръ Девилля во Франціи, Менделѣева и Н. Н. Бекетова въ Россіи, О. Томсена въ Даніи, Р. Бунзена, Г. Конна, Л. Мейера и А. Науманна въ Германіи, Грэма и Крукса въ Англіи. За ними послѣдовало младшее поколѣніе, представителями котораго слѣдуетъ считать Вант-Гоффа въ Голландіи, Аррениуса въ Швеціи, Нернста, Оствальда, Планка въ Германіи, Рауля во Франціи и еще многихъ другихъ. Эти ученые создали цѣлую особую школу физико-химиковъ, которая въ послѣднее время разработала вопросы о растворахъ, ученіе о химическомъ равновѣсіи и химическомъ сродствѣ, сдѣлавъ при этомъ цѣлый рядъ такихъ обобщеній, которыми отмѣчается существенный прогрессъ въ пониманіи формы энергіи, называемой химическою. Если къ этому прибавить, что, благодаря замѣчательному обобщенію, сдѣланному Менделѣевымъ въ классификаціи химическихъ элементовъ и открытой имъ законности при разсмотрѣніи зависимости между атомными вѣсами элементовъ и свойствами какъ простыхъ тѣлъ, такъ и ихъ взаимныхъ соединеній, что благодаря этому Менделѣеву удалось предсказать существованіе элементовъ и описать свойства нѣкоторыхъ изъ нихъ въ то время, когда они еще не были открыты, и что затѣмъ эти элементы, будучи открытыми, оказались обладающими всѣми тѣми свойствами, которыя были предсказаны Менделѣевымъ, то станетъ понятнымъ, почему минеральная химія стала снова привлекать къ себѣ силы ученыхъ, и почему, и до настоящаго времени находится не мало изслѣдователей, которые продолжаютъ работать въ направленіи, указанномъ Менделѣевымъ и его знаменитой Естественной системой элементовъ, т. е. отыскивать новыя зависимости между атомными вѣсами элементовъ и различными свойствами соединеній, въ которыя эти элементы входятъ.

Изученію рѣдкихъ элементовъ особенно много помогло открытіе и установка спектральнаго анализа, о которомъ при разсмотрѣніи успѣховъ физики было вскользь упомянуто. Спектральный анализъ, открытый Бунзеномъ и Кирхгоффомъ, основался на томъ, что каждому веществу, приведенному въ парообразное состояніе и нагрѣтому до такой температуры, при которой его пары начинаютъ свѣтиться, присущъ особый, своеобразный для даннаго вещества, спектръ; если лучи, испускаемые этимъ веществомъ, пропустить черезъ призму, то, разсматривая получаемый при этомъ спектръ, замѣтимъ особыя свѣтлыя линіи различныхъ цвѣтовъ, размѣщенныя въ различныхъ мѣстахъ спектра; эти линіи, соотвѣтствующія тѣмъ фраунгеровымъ линіямъ, о которыхъ было уже выше говорено, даютъ возможность узнавать присутствіе въ раскаленныхъ парахъ разсматриваемаго вещества тѣхъ или другихъ элементовъ, даже если бы они находились тамъ въ самыхъ ничтожныхъ количествахъ. Такимъ образомъ, тѣ элементы, которые содержатся въ природѣ въ самыхъ ничтожныхъ количествахъ и вслѣдствіе этого ускользаютъ отъ обыкновеннаго химическаго анализа, могутъ быть находимы при помощи спектральнаго изслѣдованія; этимъ способомъ сами Бунзенъ и Кирхгоффъ открыли металлы рубидій и цезій, Круксъ — таллій, Лекокъ де Буабодранъ — галлій, Винклеръ — германій и т. д. Но главное значеніе спектральный анализъ пріобрѣлъ при изслѣдованіи общихъ вопросовъ, касающихся распредѣленія элементовъ во вселенной: давая возможность изучать составъ отдаленнѣйшихъ небесныхъ свѣтилъ, разъ только отъ нихъ достигаютъ на землю свѣтовые лучи, спектральный анализъ далъ возможность сравнивать составъ земли съ составомъ другихъ тѣлъ вселенной. При этомъ выяснилось, что не всѣ тѣ элементы, которые имѣются напр. на землѣ, имѣются и на солнцѣ, что составъ солнца, во вся-

комъ случаѣ проще, нежели составъ земли, и что, вообще, чѣмъ температура даннаго небеснаго тѣла выше, тѣмъ, повидимому, проще и его химическій составъ. Отсюда возникло предположеніе о томъ, не представляются ли тѣ вещества, которыя мы считаемъ простыми, т. е. неразложимыми на болѣе простыя составныя части,— не представляются ли эти вещества въ дѣйствительности веществами сложными, которыя при температурѣ солнца и другихъ весьма горячихъ небесныхъ тѣлъ находятся въ состояніи разложенія? Или правильнѣе: не представляются ли наши простыя вещества образовавшимися уже въ тѣ эпохи, когда земля стала охлаждаться? Возникаетъ, такимъ образомъ, вопросъ о генезисѣ элементовъ. Даны ли элементы всѣ въ своемъ видѣ при сотвореніи вселенной, или же они образовались изъ одной какой либо первоматеріи по мѣрѣ того, какъ эта первоматерія, бывшая первоначально при непостижимо высокой температурѣ, стала постепенно охлаждаться? Этимъ вопросомъ химики постоянно интересовались, но, считая, что опытныхъ данныхъ для его разрѣшенія наука не имѣетъ, они его рѣдко дѣлали предметомъ спеціальнаго обсужденія. Въ этомъ отношеніи огромная заслуга остается за англійскимъ химикомъ Уилльямомъ Круксомъ, который далъ весьма изящную теорію происхожденія элементовъ, показавъ, что въ тѣхъ мѣстахъ земли, гдѣ охлажденіе ея совершалось весьма быстро и гдѣ, слѣдовательно, времени было мало для происхожденія характерныхъ и типическихъ разновидностей элементовъ — въ тѣхъ мѣстахъ образовались элементы, встрѣчающіеся обыкновенно вмѣстѣ и столь мало другъ отъ друга отличающіеся, что химики и до сихъ поръ не въ состояніи отдѣлить ихъ другъ отъ друга и получить каждый изъ нихъ въ совершенно чистомъ состояніи. Такъ какъ наиболѣе быстрому охлажденію расплавленная земля подверглась около полюсовъ, то понятно, съ точки зрѣнія Крукса, почему такіе элементы въ наибольшемъ количествѣ попадаются именно въ Швеціи и Норвегіи. Такимъ образомъ, спектральный анализъ, помимо чисто аналитическаго значенія, помимо важныхъ примѣненій въ техникѣ, физіологіи, судебной медицинѣ и пр., далъ возможность поставить и отчасти рѣшить одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ естественно-научной философіи.

Будущее химіи видитъ въ самомъ розовомъ цвѣтѣ; она уже убѣдилась въ томъ, что ея трудами воздвигнуты цѣлыя отрасли промышленности, такія отрасли, о которыхъ въ XVIII вѣкѣ не было и помину: могущественный синтезъ, приведшій къ полученію удивительныхъ красокъ, давшій возможность перестать засѣивать большія пространства земли краппомъ и мареной, служившими раньше для полученія ализарина, синтезъ, приведшій къ искусственному полученію индиго, ванилина, виноградного сахара и мн. др., заставляетъ химиковъ предвидѣть то болѣе или менѣе недалекое будущее, когда мы постепенно будемъ изготовлять химическимъ путемъ, на фабрикахъ, тѣ продукты, которые съ такимъ трудомъ, съ такими расходами воздѣлываются на землѣ и подвергаются постоянному риску пострадать или погибнуть отъ самыхъ различныхъ метеорологическихъ и др. неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Искусственное полученіе всѣхъ тѣхъ веществъ, которыя составляютъ предметъ нашей пищи, полученіе крахмалистыхъ веществъ изъ угля и воды, полученіе бѣлковъ изъ угля, воды и воздуха — вотъ какія мечты носятся уже теперь въ головахъ химиковъ, склонныхъ заглядывать въ будущее. И ни одинъ изъ такихъ химиковъ ни на минуту не сомнѣвается въ томъ, что все это будетъ, и что времена, когда это будетъ достигнуто, вовсе не такъ далеки отъ насъ, какъ, быть можетъ, думаютъ люди, мало знакомые съ тѣми гигантскими успѣхами въ области синтеза, которые уже теперь достигнуты наукою...

Кирхгоффъ.

Говоря о наслѣдствѣ, оставленномъ XIX вѣку его предшественникомъ, мы уже указали, какія важныя открытія и изобрѣтенія, составляющія фундаментъ современной техники и промышленности, были сдѣланы въ XVIII вѣкѣ. Но изъ всего этого наслѣдства на первомъ планѣ должно быть поставлено открытіе паровагодвигателя, сдѣланное Уаттомъ (1784), открытіе, которому по всей справедливости должна быть приписана главнѣйшая роль въ гигантскихъ шагахъ, сдѣланныхъ промышленностью и техникой XIX вѣка. Типическою характеристикою техники XIX вѣка является одно обстоятельство, установившее рѣзкую грань между промышленностью и техникой всѣхъ предшествовавшихъ вѣковъ и промышленностью и техникой XIX вѣка. Человѣчество вплоть до XIX вѣка пользовалось для различныхъ работъ почти исключительно тою энергіей, которая изливалась на поверхность земли вмѣстѣ съ солнечными лучами. Работа, производимая при помощи лошадей, людей, вѣтряныхъ двигателей, черпалась изъ энергіи, разливаемой солнечными лучами въ *данное* время: этой энергіей человѣчество пользовалось почти непосредственно послѣ того, какъ она посылалась на землю. Съ того момента, когда была изобрѣтена паровая машина, сдѣлавшаяся вскорѣ главнымъ источникомъ работы для большинства техническихъ производствъ, съ этого момента человѣчество стало усиленно пользоваться углемъ, который является продуктомъ дѣятельности солнечныхъ лучей, дѣйствовавшихъ во времена, отъ насъ страшно отдаленныя. Такимъ образомъ, извлекая уголь изъ земли и пуская его въ ходъ въ качествѣ топлива для паровыхъ машинъ, человѣчество обратило въ работу ту громадную солнечную энергію, которая въ отдаленнѣйшія времена приносилась съ лучами солнца на поверхность земли. И не даромъ отецъ Стефенсона на вопросъ: «Какая сила движетъ паровозъ?» отвѣчалъ: «плѣненный солнечный свѣтъ» (Emprisoned sunlight). Дѣйствительно, когда паровая машина работаетъ насчетъ сжигаемыхъ въ ней сгарки, дерева или каменнаго угля, то она превращаетъ скопленную въ нѣдрахъ или на поверхности земли энергію солнечныхъ лучей въ работу. И въ прежнія времена человѣчество пользовалось этой энергіей, но она шла исключительно для полученія теплоты, т. е. на нагрѣваніе; превращеніе же ея въ работу началось лишь со времени изобрѣтенія паровой машины. И что же въ результатѣ оказалось? Оказалось, что каждый культурный человѣкъ потребляетъ энергіи въ 18 разъ больше, нежели каждый некультурный человѣкъ, иначе говоря, культурный человѣкъ, пользуясь всѣми приспособленіями и продуктами современной техники,

Бунзенъ.

можетъ производить столько работы, сколько ея могутъ производить 18 некультурныхъ людей! И если принять во вниманіе, что численность некультурныхъ народовъ въ 5 разъ превосходитъ численность культурныхъ, то все же выйдетъ, что культурная часть человѣчества въ 3 раза сильнѣе, т. е. работопроизводительнѣе, нежели все некультурное человѣчество во всей своей совокупности.

Такимъ образомъ, уже одно изобрѣтеніе Уатта сдѣлало культурную часть человѣчества много сильнѣе некультурной. До тѣхъ поръ, пока паровой двигатель употреблялся исключительно въ качествѣ двигателя, приводившаго въ движеніе машины, станки и проч., его роль была велика, но лишь въ одномъ направленіи: по съ того момента, какъ онъ начинаетъ употребляться въ качествѣ локомотива, предназначеннаго для перевозки людей и грузовъ по рельсовымъ дорогамъ, значеніе его становится и въ другомъ отношеніи громаднымъ: онъ сокращаетъ разстоянія между отдѣльными точками земного шара. Фактически, конечно, разстоянія остались тѣ же; но для человѣчества разстоянія имѣютъ настолько значеніе, насколько они требуютъ времени для своего преодолѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, разстояніе между Петербургомъ и Москвою осталось прежнему равно 600 верстамъ, но въ то время, какъ теперь это разстояніе пробѣгается въ 12 часовъ, прежде на него требовалось времени въ 20 разъ болѣе; поэтому, переносясь къ прежнему масштабу, мы можемъ считать разстояніе между Петербургомъ и Москвою равнымъ 30 верстамъ; словомъ, если весь земной шаръ будетъ изрѣзанъ желѣзными дорогами, то въ смыслѣ разстояній или, точнѣе, въ смыслѣ времени, которое потребуется для перехода изъ одной точки этого шара въ другую, желѣзныя дороги сыграютъ такую роль, какую сыграла бы какая-нибудь причина, которая бы уменьшила земной шаръ не менѣе, можетъ въ 8000 разъ, не уменьшивъ при этомъ производительныя его силы... Но, конечно, современное состояніе паровоза [illegible] [illegible] [illegible]

считать столѣтіемъ пара и лишь нынѣшнему столѣтію предстоитъ разрѣшить задачу, намѣченную въ послѣднюю четверть XIX вѣка. Двадцатому вѣку предстоитъ, повидимому быть вѣкомъ электричества, сдѣлавшагося уже въ настоящее время сильнымъ конкуренту пара. Стремленіе техники къ постройкѣ такихъ двигателей, которые превзошли бы двигатели паровые, сосредоточило вниманіе механиковъ и изобрѣтателей на электрическихъ двигателяхъ; дѣйствительно, отъ нихъ ожидается многое. Достаточно указать хотя бы на то, что скорость, достигаемая американскими локомотивами (около 120 верстъ въ часъ), является уже предѣльною скоростью, дальше которой, съ точки зрѣнія экономіи перемѣщенія, идти нельзя. Въ самомъ дѣлѣ качательное движеніе поршней локомотива производитъ при большой скорости такія сотрясенія, что при дальнѣйшемъ желаніи увеличить эту скорость, придется настолько увеличить расходы на построеніе желѣзнодорожнаго полотна, сильно страдающаго отъ сотрясенія, что это увеличитъ и весьма значительно—стоимость провоза; съ этой стороны электрическій локомотивъ, построенный французскимъ инженеромъ Гейльманномъ въ 1897 г., представляетъ огромный шагъ впередъ, такъ какъ, утилизируя энергію не хуже парового локомотива, онъ лишенъ сотрясательныхъ движеній и, слѣдовательно, допускаетъ скорость гораздо большую, нежели предѣльная скорость парового локомотива. Впрочемъ, электрическая тяга обыкновенныхъ поѣздовъ находится въ настоящее время еще въ періодѣ опытовъ.

Стефенсонъ.

Современные электрическіе двигатели, какъ и вообще вся современная электротехника, имѣетъ своимъ фундаментомъ изслѣдованія Фарадея надъ индукціей, о чемъ было уже говорено выше. Эти изслѣдованія привели къ цѣлому ряду изобрѣтеній, имѣвшихъ цѣлью превращать двигательную энергію въ электрическую. Всѣ попытки по устройству такого рода машинъ сводились къ тому, что между полюсами обыкновенныхъ стальныхъ магнитовъ помѣщалась обмотанная проволоками катушка; вращеніемъ этой катушки и вызывалось появленіе въ обматывавшей ее проволокѣ электрическаго тока. Но всѣ такія машины представляли то неудобство, что стальные магниты были очень дороги, современемъ становились слабѣе и давали сравнительно слабый токъ. Въ 1867 году нѣмецкій ученый Вернеръ Сименсъ установилъ такъ-называемый *динамо-электрическій принципъ*, который опредѣляетъ новую эру въ электротехникѣ. Уже и до Сименса дѣлались попытки замѣнять въ электрическихъ двигателяхъ обыкновенные магниты электромагнитами; но для того, чтобы поддерживать въ электромагнитахъ магнитизмъ, въ нихъ необходимо было вводить электрическій токъ извнѣ; стало быть, кромѣ самой машины, нужно было имѣть еще какой-либо источникъ электрическаго тока (напр., электрическую батарею), токъ которой питалъ бы электромагниты машины; это представляло столь большія неудобства, что такія машины не могли получить широкаго практическаго примѣненія. Вернеръ Сименсъ, стремясь къ устраненію этихъ неудобствъ, рѣшился воспользоваться такъ называемымъ *остаточнымъ* магнитизмомъ желѣза. Обмотавъ желѣзные стержни проволокою, т. е. построивъ электромагнитъ, Сименсъ пропускалъ черезъ него токъ; послѣ прекращенія тока желѣзные стержни электромагнита оставались очень слабо намагниченными. Вращая между полюсами этихъ желѣзныхъ стержней (электромагнитовъ) катушку, обмотанную проволокою, Сименсъ получалъ въ этой проволокѣ весьма слабый электрическій токъ; этотъ токъ Сименсъ опять направлялъ въ электромагниты машины, вслѣдствіе чего они становились сильнѣе; вслѣдствіе же увеличенія ихъ магнитной силы, катушка, вращавшаяся между ихъ полюсами, начинала давать болѣе сильный токъ, который снова былъ направляемъ въ электромагниты. И такъ далѣе. Такимъ образомъ, электромагниты постепенно пріобрѣтали огромную магнитную силу, возбуждали въ катушкѣ токъ огромной силы, и этотъ токъ, частью истрачиваемый на поддержаніе силы самихъ электромагнитовъ, большею частью направлялся уже туда, гдѣ нужно было имъ пользоваться. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что съ момента появленія такихъ машинъ на аренѣ техники, электричество сразу заняло первостепенное мѣсто; нужно лишь было преодолѣть нѣкоторыя, хотя и существенныя, затрудненія. Машина Сименса давала токъ, который не имѣлъ характера непрерывности: ея токъ имѣлъ, такъ сказать, характеръ толчковъ. Это неудобство было устранено открытіемъ, которое сдѣлали независимо другъ отъ друга, итальянецъ Пачинотти и бельгіецъ Грамммъ. Оба они изобрѣли такъ называемый *кольцевой якорь* (кольцо Грамма), который былъ возможенъ превращать толчкообразный токъ въ непрерывный. Этимъ изобрѣтеніемъ динамо-машины постояннаго тока были сразу поставлены почти на ту высоту, на какой онѣ находятся въ настоящее время. Первыя динамо-машины приводились въ движеніе силою человѣка. Это были зачатки современныхъ динамо-машинъ, требующихъ для своего дви-

Первый локомотивъ Стефенсона „The Rocket" (1830 г.).

женія паровыхъ двигателей въ 1000, 2000, 5000 лошадиныхъ силъ. Токъ, даваемый этими новѣйшими динамо-машинами, имѣетъ такое напряженіе и силу, что проводы, ведущіе отъ главныхъ центральныхъ электрическихъ станцій, имѣютъ часто толщину человѣческой руки; болѣе тонкіе провода представляли бы для станцій серьезную опасность.

Наиболѣе важное примѣненіе получили динамо-машины первоначально въ дѣлѣ электрическаго освѣщенія. Но пока приходилось зажигать только одну дуговую лампу, эти машины были хороши; когда же стали дѣлать попытки пускать токъ въ нѣсколько дуговыхъ лампъ, то выяснилось, что эти лампы не могутъ пользоваться электрическимъ токомъ изъ одного источника, что онѣ мѣшаютъ другъ другу. Ставить же для каждой лампы отдѣльную динамо-машину представлялось по меньшей мѣрѣ нецѣлесообразнымъ. Раціональное примѣненіе динамо-машинъ постояннаго тока къ освѣщенію сильно затормозилось. Въ это время (1877) является Яблочковъ со своими свѣчами и блистательно разрѣшаетъ вопросъ объ электрическомъ освѣщеніи, пользуясь, однако, для своего освѣщенія динамо-машинами съ перемѣннымъ токомъ. Яблочкова свѣча представляла два рядомъ поставленныхъ угольныхъ стерженька, между которыми помѣщалась раздѣлявшая ихъ масса плавкаго каолина. Электрическая свѣтовая дуга, переходившая съ одного угольнаго стержня на другой, вызывала плавленіе каолиновой массы, такъ что концы угольныхъ стерженьковъ были всегда свободны. Но такъ какъ уголь, соединенный съ положительнымъ полюсомъ, сгораетъ быстрѣе угля, соединеннаго съ отрицательнымъ, то свѣча Яблочкова могла хорошо и правильно горѣть только въ томъ случаѣ, если питалась токомъ отъ динамо-машины съ перемѣннымъ токомъ; при такихъ условіяхъ то одинъ угольный стержень горѣлъ быстрѣе, то другой — такъ что свѣча сгорала равномѣрно. Благодаря тому, что первое практическое разрѣшеніе вопроса объ электрическомъ освѣщеніи было дано Яблочковымъ, примѣнившимъ для своихъ свѣчей динамо-машины съ перемѣннымъ токомъ, вниманіе техниковъ сосредоточилось на постройкѣ машинъ этого послѣдняго типа; однако, уже въ 1878 году, Гефнеръ-Альтенеку удалось изобрѣсти такъ называемую *дифференціальную* электрическую лампу, которая оказалась во многихъ отношеніяхъ лучше свѣчи Яблочкова. «Яблочковское освѣщеніе» было вскорѣ оставлено, и теперь его почти нигдѣ не примѣняютъ. Вмѣстѣ съ устраненіемъ Яблочковскихъ свѣчей были отчасти оставлены и динамо-машины перемѣннаго тока, впрочемъ, до тѣхъ лишь поръ, пока открытіе такъ называемаго многофазнаго тока не дало новаго направленія этимъ машинамъ и не подняло до значительной высоты ихъ значенія. Усовершенствованіе машинъ съ постояннымъ токомъ продолжаю, однако, занимать электротехниковъ, совершенно независимо отъ примѣнимости этихъ машинъ къ цѣлямъ электрическаго освѣщенія. Машины постояннаго тока представляли огромный интересъ совершенно въ другомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что динамо-машина постояннаго тока является не только источникомъ тока — она можетъ функціонировать и въ качествѣ электрическаго двигателя (электромотора). Если въ динамо-машинѣ мы станемъ вращать, напримѣръ, то въ ней развивается токъ наоборотъ, если же въ динамо-машину пустить токъ изъ какого-либо источника, то якорь начнетъ вращаться, иными словами, мы, пропустивъ въ динамо-машину, мы тѣмъ самымъ обратимъ ее въ электрическій двигатель. Основываясь на этомъ фактѣ, Вернеръ Сименсъ уже въ 1879 году представилъ на промышленной выставкѣ въ Берлинѣ образецъ электрической желѣзной дороги. Для постройки такой дороги Сименсъ поступалъ слѣдующимъ образомъ: онъ поставилъ динамо-машину на колеса и соединилъ якорь ея съ этими колесами такъ, что вращеніе якоря передавалось колесамъ. Пропустивъ въ эту динамо-машину токъ отъ другой машины (при чемъ токъ проводился по рельсамъ) онъ заставилъ якорь первой машины вращаться: вращеніе это передалось колесамъ, и динамо-машина поѣхала. Въ этомъ и заключалось устройство электрической желѣзной дороги, придуманной Сименсомъ.

Сименсъ.

Но какъ эта конструкція ни проста, однако и до сихъ поръ электрическая тяга употребляется лишь на очень короткихъ линіяхъ. Главнымъ затрудненіемъ является и до сихъ поръ передача тока отъ источника электричества въ электродвигатель, ибо проведеніе тока по рельсамъ связано съ большой потерей электрической энергіи, а воздушные провода представляютъ при длинныхъ путяхъ неудобства вслѣдствіе своей легкой повреждаемости. Только локомотивъ Гейльмана устраняетъ всѣ эти неудобства, такъ какъ на немъ устанавливается и паровая машина, приводящая въ движеніе дающую токъ динамо-машину, и самая динамо-машина и, наконецъ, электрическій двигатель, питаемый этой динамо-машиной. Но, какъ сказано, примѣнимость электрическаго локомотива Гейльмана еще не рѣшена путемъ широкихъ испытаній.

Электрическія желѣзныя дороги сами собою выдвинули на первый планъ и другой вопросъ, имѣющій для техники первостепенное значеніе: это вопросъ о передачѣ силы (точнѣе энергіи) на разстояніе. Въ самомъ дѣлѣ: разъ, приводя якорь динамо-машины въ движеніе, мы создаемъ токъ, а этотъ токъ, введенный въ другую динамо-машину, приводитъ ее въ движеніе, то легко себѣ представить практическій способъ передачи силы на разстояніе. Представимъ себѣ, что у какого-нибудь водопада установлены турбины, приводимыя силою воды въ движеніе. Соединимъ эти турбины (тѣмъ или инымъ способомъ) съ поставленною около нихъ динамо-машиною: ея якорь будетъ вращаться и будетъ давать токъ, сила и напряженность котораго зависитъ прежде всего отъ силы турбинъ и затѣмъ отъ конструкціи динамо-машины: этотъ токъ мы можемъ направить по проводамъ на какія угодно разстоянія: предположимъ, что на разстояніи нѣсколькихъ сотъ километровъ отъ водопада стоитъ фабрика, въ которой установленъ электрическій двигатель (т. е. тоже динамо-машина): ведя изъ проводовъ въ этотъ двигатель токъ, развиваемый около водопада, мы заставимъ электрическій двигатель вращаться и приводить въ движеніе станки и машины на фабрикѣ. Такимъ образомъ, силу водопада мы передали на нѣсколько сотъ километровъ. Не трудно понять, что этой силою можетъ пользоваться сразу нѣсколько фабрикъ, ибо къ каждой изъ нихъ можетъ быть проведена вѣтвь отъ главнаго (магистральнаго) провода. Но какою простою эта передача ни представляется съ перваго взгляда, она при практическомъ осуществленіи встрѣтила массу всевозможныхъ затрудненій, на устраненіе которыхъ было истрачено не мало труда и времени. Дѣло въ томъ, что при употребленіи динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ и при необходимости передавать токъ на большія разстоянія, требуется, чтобы токъ этотъ обладалъ высокимъ напряженіемъ, ибо для токовъ малаго напряженія необходимо, во избѣжаніе потерь въ силѣ тока, употребленіе очень толстыхъ проводниковъ, которые настолько дороги, что съ экономической точки зрѣнія представляются неудобными. Всѣ эти неудобства однако устраняются при употребленіи

машинъ съ перемѣннымъ токомъ, такъ какъ эти машины могутъ давать токи высокаго напряженія безъ тѣхъ осложненій, которыя въ подобныхъ случаяхъ даютъ машины постояннаго тока. Кромѣ того, перемѣнные токи обладаютъ способностью къ трансформаціи, т. е. къ переведенію съ одного напряженія къ другому. Это достигается пропусканіемъ перемѣнныхъ токовъ черезъ любую проволочную спираль, окруженную другою проволочною же спиралью: при каждой перемѣнѣ направленія тока въ первой спирали, во второй спирали индуктируется токъ, напряженіе котораго прямо зависитъ отъ соотношенія между числами оборотовъ проволоки въ обѣихъ спираляхъ. Такимъ образомъ, въ нашемъ распоряженіи находится возможность, увеличивая число оборотовъ проволоки во вторичной спирали, поднимать до огромныхъ размѣровъ напряженіе тока; а для токовъ высокаго напряженія можно употреблять тонкіе, а, стало быть, и дешевые провода.

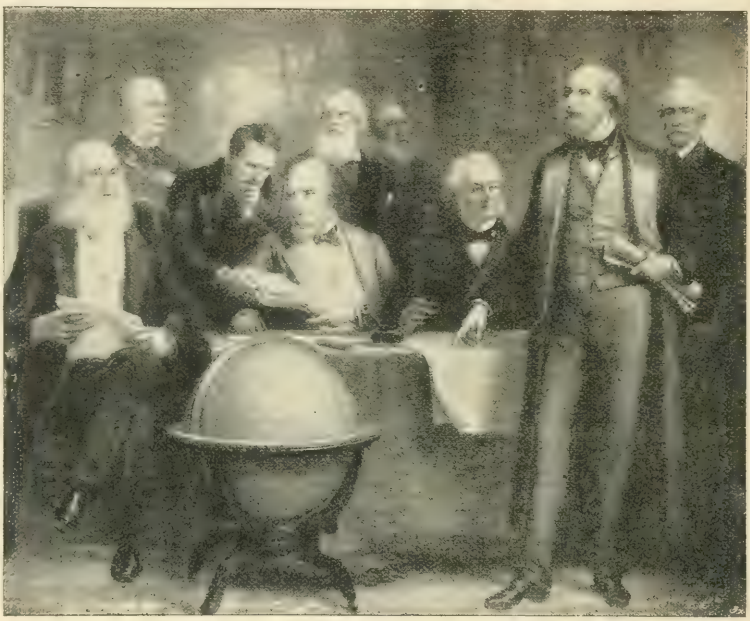
Все это было бы прекрасно, если бы одно обстоятельство не уничтожало всѣхъ этихъ почти идеальныхъ, казалось бы, условій. Обстоятельство это заключается въ томъ, что перемѣнный токъ, введенный въ электрическій двигатель, не способенъ вызвать въ немъ движенія, какъ это вызываетъ токъ постоянный; иначе говоря, машины перемѣннаго тока суть машины *необратимыя*; и если даже и удалось машины перемѣннаго тока обратить въ моторы, то все же не этотъ факторъ сильно повліялъ на рѣшеніе вопроса о передачѣ энергіи на разстоянія. Практическое рѣшеніе вопроса о передачѣ энергіи на разстоянія связано съ введеніемъ такъ-называемыхъ многофазныхъ или трехфазныхъ токовъ, для которыхъ и устроены особые двигатели. Съ момента введенія этихъ токовъ задача передачи энергіи на разстоянія явилась вполнѣ и блистательно разрѣшенною. Примѣромъ такого разрѣшенія является передача энергіи Ніагарскаго водопада на большія разстоянія. Высота паденія воды Ніагары, могущая быть использованною технически, равна 67 метрамъ (33 сажени). Разумѣется, лишь ничтожная часть энергіи знаменитаго водопада, способнаго дать сотни милліоновъ лошадиныхъ силъ, использована. Пока технически утилизируется лишь 150 тысячъ лошадиныхъ силъ, при чемъ 40.000 силъ, даваемыхъ 8-ю турбинами, уже утилизируется. Огромное значеніе передачи электрической энергіи на разстоянія основывается, помимо всего вышеупомянутаго, еще на томъ, что въ то время, какъ при паровыхъ, газовыхъ и другихъ двигателяхъ паровая лошадь тѣмъ дешевле, чѣмъ на большее число паровыхъ лошадей устроенъ паровой или газовый двигатель, при электрическихъ двигателяхъ этотъ принципъ почти не имѣетъ мѣста: маленькій электрическій двигатель работаетъ такъ же выгодно, какъ и большой, т. е. каждая паровая лошадь въ маленькомъ двигателѣ стоитъ почти столько же, сколько и въ большомъ.

Говоря о двигателяхъ, пріобрѣвшихъ столь серьезное и важное значеніе въ современной техникѣ, мы не можемъ упускать изъ виду и такъ-называемыхъ маленькихъ или малосильныхъ двигателей, появившихся въ послѣднее время и предназначаемыхъ для различныхъ маленькихъ мастерскихъ и, въ особенности, для приведенія въ движеніе небольшихъ экипажей и повозочекъ-автомобилей. Автомобили представляютъ воплощеніе той идеи, которая впервые возникла въ концѣ XVIII вѣка, въ то самое время, когда Уаттъ изобрѣлъ свою паровую машину. Первоначально Уаттъ полагалъ строить паровые экипажи, которые могли бы двигаться по обыкновеннымъ дорогамъ; но большой вѣсъ этихъ машинъ дѣлалъ ихъ непримѣнимыми для обыкновенныхъ дорогъ; когда, послѣ многихъ попытокъ, не удалось примѣнить паровые экипажи къ обыкновеннымъ дорогамъ, изобрѣтатели рѣшили примѣнить дороги къ этимъ экипажамъ и стали строить рельсовые пути. Но идея экипажей, способныхъ двигаться по обыкновеннымъ дорогамъ, не была окончательно заброшена: техника какъ бы ждала того момента, когда появятся такіе двигатели, которые, обладая небольшимъ объемомъ и небольшимъ вѣсомъ, будутъ достаточно сильны для приведенія въ движеніе экипажа съ небольшимъ числомъ людей. Задача эта была рѣшена лишь въ самое послѣднее время. Выяснилось, что примѣненіе паровыхъ двигателей для небольшихъ экипажей является безусловно невыгоднымъ, и потому изобрѣтатели обратились къ двигателямъ другого вида; изъ всѣхъ этихъ двигателей наиболѣе удобными въ практическомъ отношеніи оказались двигатели бензиновые и отчасти электрическіе, но изъ этихъ двухъ типовъ бензиновый типъ до настоящаго времени оказывался наиболѣе удобнымъ и дешевымъ. Идея бензиновыхъ двигателей та же, что и газовыхъ: разница лишь въ томъ, что газовые двигатели работаютъ насчетъ энергіи, развивающейся при взрывѣ смѣси свѣтильнаго газа съ воздухомъ; у бензиновыхъ же двигателей свѣтильный газъ замѣняется парами бензина; пары бензина, смѣшанные съ воздухомъ, взрываютъ подъ вліяніемъ электрической искры, проскакивающей въ томъ пространствѣ, гдѣ эта смѣсь находится; взрывъ сообщаетъ толчокъ поршню, поршень приходитъ въ движеніе, которое, посредствомъ передаточныхъ приспособленій, передается на колеса двигателя; электрическая искра вызывается небольшою спиралью Румкорфа, питаемой парою электрическихъ аккумуляторовъ. Что касается электрическихъ автомобилей, то они по существу ничѣмъ не отличаются отъ другихъ электрическихъ двигателей; разница лишь въ томъ, что они питаются электрическимъ токомъ, развиваемымъ аккумуляторами, которые помѣщаются въ самомъ автомобилѣ. Въ состязаніяхъ, предпринимавшихся въ различныхъ городахъ Европы, ради уясненія достоинствъ различныхъ системъ автомобилей, бензиновые автомобили оказывались всегда побѣдителями. Главный недостатокъ бензиновыхъ автомобилей сводится къ тому, что они работаютъ толчками, что при большихъ пространствахъ пробѣга становится для пассажировъ очень тягостнымъ; кромѣ того, они иногда даютъ запахъ

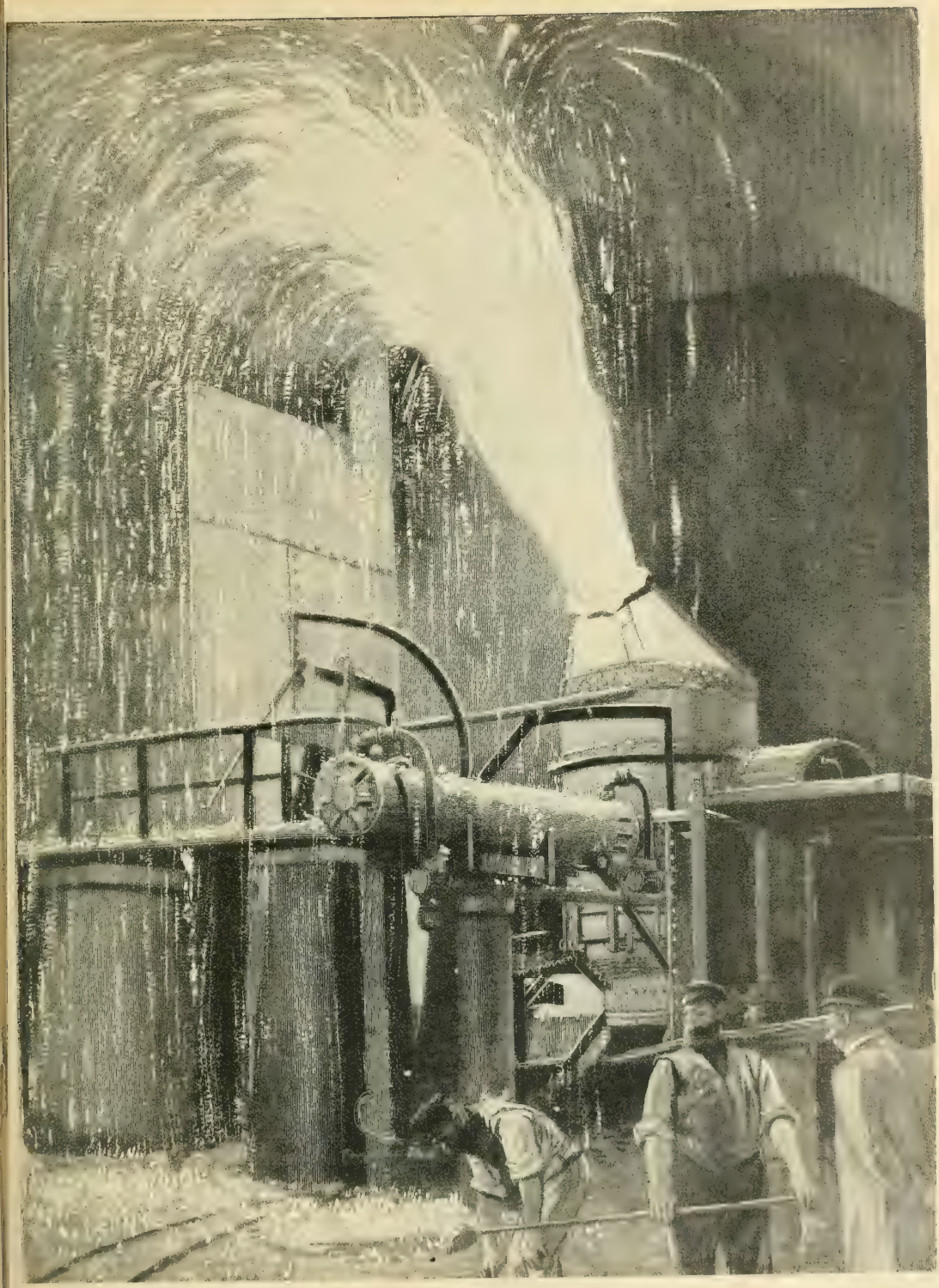
Первая электрическая желѣзная дорога (въ Берлинѣ, 1879 г.).

и довольно сильно разогреваются. Электрическіе автомобили этихъ недостатковъ не имѣютъ, но зато имѣютъ одинъ недостатокъ, дѣлающій ихъ непригодными для сколько-нибудь большихъ пробѣговъ. Недостатокъ этотъ заключается въ аккумуляторахъ: современные аккумуляторы такъ тяжелы, что помѣстить на автомобиль такое число ихъ, при которомъ автомобиль могъ бы пробѣжать, напримѣръ, сотню-другую верстъ, почти невозможно, такъ какъ почти вся энергія аккумуляторовъ уйдетъ на то, чтобы тащить ихъ же собственный вѣсъ. И до тѣхъ поръ, пока техника не найдетъ способа устранивать чрезвычайно легкіе аккумуляторы, электрическіе автомобили не будутъ въ состояніи конкурировать съ бензиновыми. Успѣхи автомобилизма за послѣдніе годы привели уже къ тому, что значеніе лошадей, какъ рабочей силы, постепенно падаетъ, и въ текущемъ столѣтіи мы можемъ ожидать полнаго исчезновенія экипажей, запряженныхъ лошадьми, съ городскихъ улицъ.

Успѣхи, сдѣланные электротехникой вообще и электрическимъ освѣщеніемъ въ частности, нанесли страшный ударъ газовому освѣщенію, имѣвшему до 1877 г. полную и исключительную монополію въ дѣлѣ освѣщенія улицъ. Конкурировать съ газовымъ освѣщеніемъ казалось невозможнымъ. Электрическія солнца, зажигавшіяся иногда при совершеніи исключительныхъ торжествахъ, казались, лучше всего свидѣтельствовали о томъ, что не электричеству суждено быть конкурентомъ газа. И техники освѣщенія почивали на лаврахъ, вполнѣ довольные достигнутымъ. И вдругъ цѣлыя улицы освѣщаются въ Петербургѣ и въ Парижѣ свѣчами Яблочкова! Газовое освѣщеніе смутилось, и техники его зашевелились... По мѣрѣ того, какъ электротехники съ энергіей усовершенствовали электрическое освѣщеніе, все понижая и понижая его стоимость, техники газоваго освѣщенія все глубже и глубже закуживались надъ тѣмъ, какъ бы усовершенствовать газовое освѣщеніе. Газовые фонари, стоявшіе рядомъ съ электрическими, казались жалкими, еле мерцающими плошками; газовому освѣщенію угрожала смерть. Газовыя общества стали понижать цѣны на газъ, но и это не помогало. Магазины большихъ городовъ, освѣщавшіеся газомъ, оставили его и стали пользоваться электрическими лампочками накаливанія изобрѣтенными Эдисономъ, и затѣмъ быстро усовершенствованными. Въ попыткахъ спасти газъ отъ гибели пришлось такъ сказать обратить Вернера Сименса, изобрѣтшій сильно-пламенную регенеративную лампу. Хотя регенеративныя лампы значительно увеличивали яркость газоваго освѣщенія, но онѣ потребляли много газа, а для освѣщенія [illegible] представляли значительныя неудобства [illegible] сильнаго нагрѣванія и большого количества углекислоты, которую онѣ выдѣляли. Истиннымъ спасителемъ газа въ борьбѣ съ электричествомъ явился молодой німецкій ученый Ауэръ-фонъ-Вельсбахъ, придумавшій освѣщеніе, которое носитъ его имя. Газокалильное или ауэровское освѣщеніе основано на томъ, что свѣтильный газъ, смѣшивающійся въ самой газовой горѣлкѣ съ воздухомъ, накаляетъ особый «чулокъ», сдѣланный изъ бумажной пряжи, пропитанный окисями нѣкоторыхъ рѣдкихъ металловъ (церія, торія и пр.). Этотъ чулокъ подвергаютъ прожиганію, при чемъ бумажная нить сгораетъ, и отъ нея остается остовъ изъ золы, пропитанный названными окисями; этотъ остовъ достаточно крѣпокъ и не разсыпается, по недостатокъ его въ его значительной хрупкости. Ауэровская лампа даетъ, при весьма маломъ расходѣ газа, весьма яркій свѣтъ, выдерживающій конкуренцію съ электрическимъ освѣщеніемъ, по своей яркости, но въ то же время превосходящій электрическое освѣщеніе своей значительной дешевизной. Результатъ ауэровскаго изобрѣтенія очевиденъ для всѣхъ: во всѣхъ городахъ, гдѣ было газовое освѣщеніе, постепенно вводится ауэровское, и электричество уже не такъ соблазняетъ публику, какъ соблазняло раньше. Мало того: многіе напр. магазины, отказавшіеся отъ газоваго освѣщенія, снова обратились къ нему, отказавшись отъ освѣщенія лампочками накаливанія. Идея Ауэровскаго освѣщенія уже въ настоящее время примѣнена къ лампамъ домашняго обихода—керосиновымъ, бензиновымъ и спиртовымъ, и хотя такихъ лампъ уже существуетъ множество, но онѣ еще не доведены до той степени практическаго совершенства, при которой онѣ могли бы вытѣснить обыкновенныя керосиновыя лампы. Успѣхи, сдѣланные въ области газоваго освѣщенія, заставили электротехниковъ въ свою очередь заняться усовершенствованіемъ — преимущественно же удешевленіемъ электрическаго освѣщенія. Дѣло въ томъ, что и до сихъ поръ какъ лампы накаливанія, такъ и дуговые электрическіе фонари не утилизируютъ всей той электрической энергіи, которая имъ доставляется, на производство свѣта. Въ этомъ отношеніи и пытаются электротехники сдѣлать усовершенствованія. Крупнымъ шагомъ впередъ является здѣсь изобрѣтеніе, сдѣланное проф. Нернстомъ. Нернстъ примѣнилъ Ауэровскую идею къ лампамъ накаливанія. Всѣ нынѣшнія лампы накаливанія представляютъ стеклянные сосуды, изъ которыхъ выкачанъ воздухъ и въ которые введенъ тонкій уголекъ; лампа Нернста содержитъ вмѣсто тонкаго уголька тѣ самыя вещества, которыя употребляются для Ауэровскаго чулка; эти вещества непроводники электричества; но стоитъ ихъ предварительно накалить, и они становятся проводниками, при этомъ проходящій по нимъ токъ вызываетъ сильный свѣтъ и при томъ истрачиваетъ гораздо меньше электрической энергіи, нежели обыкновенная лампа накаливанія. Несомнѣнно, что лампѣ Нернста или, точнѣе, тому принципу, на которомъ она построена, предстоитъ сыграть весьма видную роль въ дѣлѣ освѣщенія лампами накаливанія.



Обсужденіе вопроса о первомъ кабелѣ черезъ Атлантическій океанъ.



Обезугливаніе чугуна въ Бессемеровой „грушѣ“.

Говоря объ освѣщеніи, мы не можемъ обойти молчаніемъ такъ-называемаго ацетиленоваго освѣщенія, занимающаго въ послѣднее время умы многихъ техниковъ. Ацетиленовое освѣщеніе обязано своимъ появленіемъ электричеству, ибо тотъ матеріалъ, изъ котораго ацетиленъ готовится, такъ-называемый *кальцій карбидъ* (по-русски углеродистый кальцій), изготовленъ, благодаря существованію электрическихъ печей, способныхъ давать страшно высокія температуры. Кальцій-карбидъ, при обливаніи водою, даетъ газъ ацетиленъ, который, выходя изъ очень тонкаго отверстія и будучи зажженъ, горитъ необычайно яркимъ свѣтомъ, мало уступающимъ электрическому. Этотъ свѣтъ знакомъ теперь очень многимъ, такъ какъ большинство велосипедистовъ пользуется ацетиленовыми фонарями. Въ томъ положеніи, въ какомъ въ настоящее время находится вопросъ объ ацетиленовомъ освѣщеніи, можно предвидѣть, что это освѣщеніе получитъ примѣненіе тамъ, гдѣ почему-либо нельзя или неудобно пользоваться газовымъ или электрическимъ освѣщеніемъ. Болѣе широкое примѣненіе ацетиленоваго освѣщенія едва ли можетъ быть ожидаемо въ ближайшемъ будущемъ. Упомянемъ здѣсь, кстати, и объ освѣщеніи, которое названо освѣщеніемъ будущаго, и о которомъ мы уже упоминали въ главѣ объ успѣхахъ физики. Это освѣщеніе основано на томъ, что стеклянныя трубки, наполненныя разрѣженными газами, будучи поставлены на пути электрическихъ волнъ, издаютъ довольно сильный свѣтъ. Такимъ образомъ, для освѣщенія по этому способу (способу Тесла) не требуется никакихъ проводовъ, что составляетъ огромную экономію, но свѣтъ, даваемый трубками Тесла, не настолько ярокъ, чтобы это освѣщеніе могло конкурировать съ существующими лампами.

Если изобрѣтеніе парового двигателя привело за собою легкое передвиженіе людей и товаровъ, то для передвиженія, такъ сказать, человѣческихъ мыслей и рѣчей сыграло не менѣе важную роль изобрѣтеніе электрическаго телеграфа. Правда, и до изобрѣтенія электрическаго телеграфа государства пользовались особыми сигнальными башнями, съ которыхъ днемъ и при ясной погодѣ можно было посредствомъ особыхъ условленныхъ знаковъ передавать другъ другу короткія фразы. Появленіе такихъ телеграфовъ, говорилось, напримѣръ, передавать извѣстія изъ Парижа въ Марсель [illegible] часовъ. Но все это было лишь игрушкою сравнительно съ первыми телеграфными аппаратами, основанными на дѣйствіяхъ электрическаго тока. Послѣ многихъ попытокъ примѣнить электрическій токъ для телеграфированія, попытокъ, начавшихся съ 1809 г. и дѣлавшихся во всей Европѣ (у насъ въ Петербургѣ была сдѣлана лучшая изъ этихъ попытокъ Шиллингомъ), первый телеграфъ, основанный на принципѣ электромагнетизма, былъ построенъ знаменитымъ математикомъ Гауссомъ и физикомъ Веберомъ; затѣмъ въ 1837 г. Штейнгейль построилъ первый телеграфъ со стрѣлкою, при которомъ замѣнилъ одинъ изъ проводовъ землею; еще раньше (въ 1832 году) Морзе явилась мысль воспользоваться свойствами электромагнита для устройства телеграфа; но для приведенія своего изобрѣтенія въ осуществленіе Морзе понадобилась субсидія, которую въ размѣрѣ 30,000 долларовъ онъ получилъ на осуществленіе телеграфной линіи между Балтиморой и Вашингтономъ. Въ 1844 году была отправлена первая телеграмма по этой линіи. На сколько тогдашній телеграфъ Морзе отличался отъ его дальнѣйшей конструкціи, можно видѣть между прочимъ изъ того, что электромагнитъ первой модели телеграфа Морзе вѣсилъ 158 фунтовъ, между тѣмъ какъ теперь онъ едва вѣситъ одинъ фунтъ. Идея телеграфа Морзе необычайно проста: если пропустить токъ черезъ электромагнитъ, то послѣдній притягиваетъ къ себѣ кусокъ желѣза, прикрѣпленный къ одному плечу рычага, на другомъ концѣ котораго посаженъ острый штифтикъ; когда желѣзо притягивается къ электромагниту, то острый штифтикъ приподнимается кверху и прижимается къ бумажной лентѣ, приводимой въ движеніе часовымъ механизмомъ; если штифтъ упрется въ ленту на мгновеніе, то на ней образуется точка, если же онъ будетъ прижиматься къ лентѣ въ теченіе нѣкотораго времени, то, такъ какъ лента движется, на ней образуется черта. Комбинируя черточки и точки, Морзе создалъ азбуку, которою и до сихъ поръ пользуется почти $\frac{3}{4}$ всѣхъ телеграфныхъ станцій земного шара. Послѣ 1844 года телеграфное дѣло начинаетъ развиваться повсюду; въ томъ же году соединяются телеграфною линіей нѣкоторые участки германскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ 1845 г. соединяется Парижъ съ Руаномъ. Въ 1848—49 г. Вернеръ Сименсъ провелъ первую самую большую для того времени телеграфную линію изъ Берлина во Франкфуртъ на М. До второй половины 40-хъ годовъ телеграфъ служилъ лишь для нуждъ правительства отдѣльныхъ государствъ; каждое имѣло свои аппараты, свои азбуки и проч. Только съ конца 40-хъ годовъ явилось сознаніе, что телеграфъ долженъ носить международный характеръ, подобно

Бессемеръ.

Фридрихъ Крупп.

почтѣ. Въ 49-мъ году Германія предоставила телеграфъ для нуждъ частной корреспонденціи; за Германіей послѣдовали другія страны, хотя телеграфный тарифъ былъ настолько высокъ, что лишь самые богатые люди могли пользоваться услугами телеграфа; такъ напр. телеграмма изъ Каэ въ Марсель въ 20 словъ стоила 17 франковъ. Въ 1865 г., по приглашенію Франціи, въ Парижѣ собрались представители всѣхъ государствъ (кромѣ Англіи) на телеграфную конференцію: здѣсь были заключены первые международные телеграфные договоры, которыми установлена азбука Морзе для международной корреспонденціи, и единицей для тарифа было принято 20 словъ. Въ 1868 г. собралась вторая конференція въ Вѣнѣ, допустившая на главныхъ линіяхъ аппаратъ Юза. Заключительными словами для международныхъ телеграфныхъ сношеній было проложеніе подводнаго кабеля черезъ Атлантическій Океанъ, выполненное въ 1866 г. Международное центральное бюро всѣхъ телеграфныхъ управленій существуетъ съ 1868 г. и имѣетъ свое мѣстопребываніе въ Бернѣ. Кромѣ служенія нуждамъ правительственной частной и коммерческой корреспонденціи, телеграфъ въ настоящее время служитъ астрономическимъ, метеорологическимъ и инымъ научнымъ цѣлямъ. Такъ, напр. въ августѣ 1887 г. во время солнечнаго затменія всѣ станціи, находившіяся на линіи полнаго затменія, начиная отъ Вильны и кончая Красноярскомъ были непосредственно соединены телеграфной линіей и все время могли вести между собою переговоры; въ это же время Пулковская обсерваторія въ Петербургѣ ежедневно давала наблюдателямъ знаки для провѣрки часовъ по пулковскому хронометру.

Состояніе желѣзнодорожныхъ линій къ концу 1899 года.

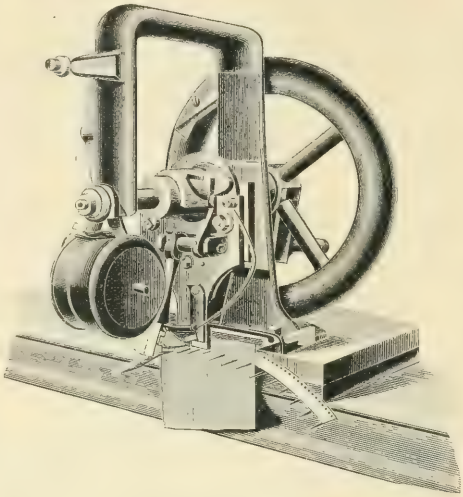
ГОСУДАРСТВА.	Длина желѣзнодорожной линіи.	Число килом. жел. дор. на 100 квадр. килом. пространства.
Сербія	580	1
Болгарія	1.260	0.9
Греція	1.400	2.2
Евр. Турція	2.250	1
Португалія	2.420	2,5
Данія	2.500	5
Голландія	2.800	9
Румынія	3.200	2.5
Швейцарія	3.720	8.2
Японія	4.200	1
Бельгія	5.960	18
Швеція и Норвегія	12.250	1,3
Испанія	13.000	2
Италія	15.800	5.2
Брит. Индія	34.500	1.2
Великобританія	34.650	10
Австро-Венгрія	35.570	4
Россія	45.000	0.7
Франція	48.500	7,5
Германія	48.800	8.8
Сѣв.-Амер. Соед. Штаты	315.000	3

Состояніе телеграфныхъ линій къ концу 1899 г.

Государства.	Длина телеграфн. линій въ километр.	Ежегодное число телегр. въ милліон.	Число телеграммъ на кажд. 10 чел.
Болгарія	5.400	1.4	0.4
Данія	6.600	2	8.6
Португалія	7,250	1,6	3
Бельгія	8,000	9	13
Греція	8.200	1.4	6
Голландія	8.550	4.8	8.5
Швейцарія	9.000	4	13
Румынія	9.800	3	6
Японія	17.000	10	2
Швеція и Норвегія	24.000	4.5	6
Турція	35.200	3	1.3
Испанія	42.000	6	3.3
Италія	45.000	11	3,5
Великобританія	70.000	85	21
Австро-Венгрія	75.200	29	4.8
Британская Индія	100.000	6	0,3
Франція	120.000	4.8	12
Россія	150.000	17	1.2
Германія	195.000	44	8.3
Соединенные Штаты	372.000	80	11.3

Не трудно убѣдиться, что для развитія всѣхъ вышеописанныхъ отраслей техники, необходимо было прежде всего развитіе тѣхъ отраслей, которыя доставляли бы для всевозможныхъ двигателей — паровыхъ, газовыхъ, бензиновыхъ, водяныхъ и проч., тотъ матеріалъ, изъ котораго они главнымъ образомъ изготовляются. Этимъ матеріаломъ является почти исключительно *желѣзо*. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что желѣзодѣлательная промышленность съ начала XIX вѣка стала дѣлать гигантскіе успѣхи. Но одного желѣза было мало: вмѣстѣ съ усовершенствованіями способовъ полученія чугуна, стали и желѣза, должны были усовершенствоваться способы обработки этихъ металловъ, т. е. различнаго вида машины и станки. И дѣйствительно въ XIX столѣтіи была изобрѣтена такая масса различныхъ машинъ и станковъ, предназначаемыхъ для спеціальной обработки желѣза, что описаніе ихъ могло бы составить многотомное сочиненіе. Чтобы составить себѣ понятіе о прогрессѣ желѣзодѣлательной промышленности, укажемъ лишь на то, что напр. въ 1740 г. вся Англія вырабатывала всего 17.350 тоннъ (тонна около 60 пудовъ) желѣза, которое вырабатывалось на древесномъ углѣ. Когда паровая машина Ньюкомена была усовершенствована Уаттомъ, спросъ на желѣзо сильно увеличился и вызвалъ потребность замѣнить древесный уголь другимъ матеріаломъ — создался коксъ. Благодаря этому уже въ 1796 г. Англія выработала 125.079 тоннъ желѣза. Въ 1839 г. было уже выработано 1.347,790 тоннъ. Такимъ образомъ, въ теченіе 100 лѣтъ количество желѣза, вырабатывавшееся въ одной только Англіи, увеличилось въ 80 разъ. Но эти успѣхи могли быть сдѣланы только благодаря дѣйствительно невѣроятнымъ усиліямъ отдѣльныхъ изобрѣтателей. Процессъ *пудлингованія*, изобрѣтенный Кортомъ и Парнеллемъ въ 1783—1784 г.г., дававшій возможность быстро превращать чугунъ въ сталь и въ ковкое желѣзо благодаря тому, что расплавленный чугунъ подвергался при доступѣ воздуха сильному перемѣшиванію въ пламенныхъ печахъ — этотъ процессъ былъ введенъ въ широкихъ размѣрахъ лишь съ 1845 г., когда отопленіе пудлинговыхъ печей углемъ было замѣнено регенераторнымъ газовымъ отопленіемъ. Гораздо большія количества ковкаго желѣза и стали вплоть до второй трети XIX столѣтія добывались путемъ такъ называемаго *бранцованія*, состоящаго въ томъ, что расплавленный чугунъ выливался тонкою струей на осыпанную древеснымъ углемъ поверхность, перемѣшиваясь съ сильной струей воздуха. Полученныя при этомъ болванки содержали въ себѣ еще шлаки и пузыри воздуха; такія болванки должны были затѣмъ подвергаться ковкѣ или разбиванію на куски. Все это было до крайности неудобно, въ особенности, когда дѣло касалось полученія особенно большихъ кусковъ ковкаго желѣза. Это неудобство было устранено лишь съ 1838 г., когда Насмисъ (Nasmyth) довелъ до совершенства устройство парового молота. Усовершенствованный паровой молотъ, вѣсящій часто болѣе тысячи пудовъ, дѣйствуетъ такъ точно, что имъ можно съ легкостью разбить грецкій орѣхъ, не поврежденъ его зерна и съ не меньшей легкостью разбивать на мелкіе куски огромныя стальныя болванки. Но паровой молотъ не можетъ считаться въ собственномъ смыслѣ слова инструментомъ, точно такъ же, какъ къ числу инструментовъ не могутъ быть отнесены прокатные станки и вообще машинная промышленность требовала прежде всего такихъ приборовъ, которые позволяли бы сообщать различнымъ изготовляемымъ частямъ почти геометрическую

формы, недоступныя даже наиболѣе искусной человѣческой рукѣ. Такой приборъ былъ представленъ въ первое десятилѣтіе XIX вѣка Генри Маудсли въ видѣ токарнаго станка съ суппортомъ. Великое значеніе въ этомъ станкѣ имѣлъ суппортъ, замѣнившій человѣческую руку и давшій возможность устанавливать рѣзцы при токарныхъ работахъ съ такою стойкостью, какая для человѣческой руки совершенно невозможна. Изъ токарнаго станка развились различныя его видоизмѣненія: фрезерный станокъ, играющій въ настоящее время первостепенную роль среди другихъ станковъ, винторѣзный станокъ (1854), револьверный станокъ, строгальный станокъ, сверлильный станокъ (1845) и мн. др. По мѣрѣ того, однако, какъ усовершенствовались различные станки и машины, служившіе для обработки желѣза, потребность въ самомъ желѣзѣ росла непомѣрно: многія машины, дѣлавшіяся прежде изъ желѣза и дерева (даже у первыхъ локомотивовъ были сдѣланы деревянныя колеса, обтянутыя лишь желѣзными обручами), стали теперь изготовляться изъ желѣза; увеличивавшійся спросъ не могъ быть удовлетворяемъ тѣми количествами желѣза, которыя добывались способами пудлинговавія и фрицеванія. И вотъ на смѣну имъ явился новый способъ, изобрѣтенный Джономъ Бессемеромъ, способъ, получившій названіе *бессемерованія*. Бессемерованіе является въ сущности новѣйшимъ развитіемъ способа пудлинговавія и фрицеванія, съ того лишь разницей, что оно ведется сразу въ огромныхъ размѣрахъ въ такъ называемой бессемеровской грушѣ. Это огромный вращающійся сосудъ, могущій вмѣщать въ себѣ сотни пудовъ расплавленнаго чугуна; чугунъ прямо изъ печей вливается въ грушу, и затѣмъ черезъ него пропускается при помощи сильныхъ воздуходувныхъ машинъ струя воздуха; кислородъ воздуха вызываетъ выгораніе угля въ чугунѣ, а такъ какъ сталь отъ чугуна отличается только тѣмъ, что содержитъ меньше угля, то по мѣрѣ выгоранія его, чугунъ обращается въ сталь, которая тутъ же изъ груши выливается въ соотвѣтственныя формы и затѣмъ подвергается прессованію подъ сильнымъ гидравлическимъ прессомъ, благодаря чему изъ расплавленной стали выжимается весь захваченный въ ней при бессемерованіи воздухъ. Бессемеровскій способъ даетъ возможность въ теченіе 20—25 минутъ изготовлять такія количества стали, какія при способѣ фрицеванія требовали 10 дней, а при способѣ пудлинговавія — $1\frac{1}{2}$ дня. Бессемерованіе является однимъ изъ самыхъ красивыхъ зрѣлищъ современной техники. Съ того момента, когда въ бессемеровскую грушу начинаютъ вдувать воздухъ, и до того момента, когда это вдуваніе прекращается, зритель присутствуетъ при чисто феерическомъ зрѣлищѣ, представляющемъ нѣчто среднее между гигантскимъ фейерверкомъ и изверженіемъ вулкана. И что особенно поразительно: всѣ эти громадныя приспособленія — груша, огромныя формы для вливанія готовой стали, прессованіе, удаленіе спрессованной болванки весомъ до 600 пудовъ — все это производится исключительно рабочими съ такой ловкостью и точностью, какъ будто дѣло въ расплавленное желѣзо и бочки воды. Кромѣ бессемеровскаго способа стали для развитія инструментальнаго дѣла для разныхъ орудій и станковъ была необходима особая сталь, получившая названіе *тигельной*, потому что выплавлялась она въ особыхъ огнеупорныхъ сосудахъ — тигляхъ подобно тому, какъ это дѣлали въ старину золотыхъ дѣлъ мастера, имѣя съ тиглями и вливались въ особыя формы для образованія болванки. Знаменитый основатель крупповскихъ заводовъ, Фридрихъ Круппъ значительно усовершенствовалъ способы полученія тигельной стали, тѣмъ сильно удешевилъ этотъ весьма важный матеріалъ. Но особенно крупные шаги сдѣлало производство тигельной стали съ тѣхъ поръ, какъ былъ введенъ способъ ея полученія въ Мартэнъ-Сименсовыхъ печахъ. Способъ этотъ получилъ въ настоящее время такое значеніе, что вытѣсняетъ понемногу всѣ другіе способы. По Мартэновскому способу чугунъ покрывается легкоплавкими шлаками, плавится, и къ нему прибавляютъ до тѣхъ поръ желѣзнаго шлата, пока вся масса по своему содержанію угля не обратится въ ковкое желѣзо, затѣмъ къ этой массѣ прибавляютъ столько чугуна, чтобы достигнуть той степени объуглероженія желѣза, какая требуется для полученія нужнаго сорта стали.



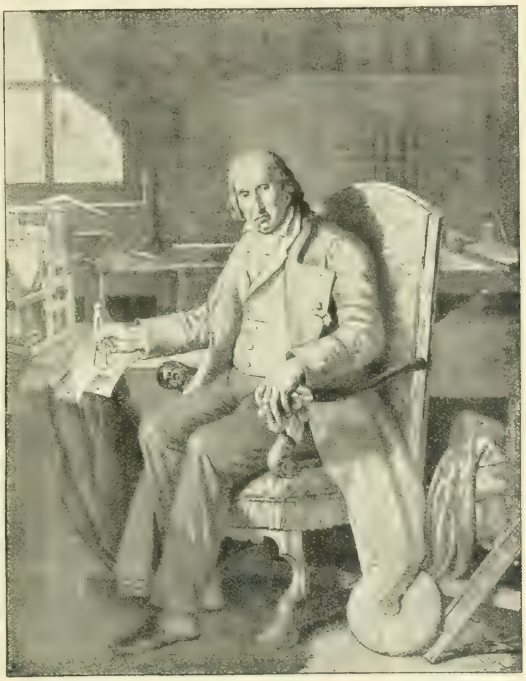
Первая швейная машина Гоу.

Успѣхи желѣзной промышленности лучше всего выражаются въ количествѣ добытой на всемъ земномъ шарѣ желѣзной руды. Въ 1800 г. это количество не достигало 2 милліоновъ тоннъ, въ 1890 г. оно дошло до $61\frac{1}{2}$ милліоновъ тоннъ. Въ Россіи за 30 лѣтъ (съ 1861 до 1891) количество выработаннаго желѣза почти учетверилось (въ 1861 г. — 286,000 тоннъ, въ 1891 г. — 1,000,000 тоннъ). Весьма интересно здѣсь упомянуть также и о той пользѣ, которую желѣзная промышленность принесла совершенно неожиданнымъ образомъ сельскому хозяйству. Дѣло въ томъ, что многія изъ желѣзныхъ рудъ содержатъ фосфоръ, который, попадая въ изготовленное изъ этихъ рудъ желѣзо, дѣлалъ его весьма плохимъ. Томасъ нашелъ способъ извлеченія изъ желѣзныхъ рудъ фосфора во время самой переработки руды на желѣзо; при этой обработкѣ весь фосфоръ переходитъ въ шлаки. Получаемые фосфористые шлаки, будучи измолоты, являются великолѣпнымъ удобреніемъ.

Вмѣстѣ съ широкимъ развитіемъ машиностроенія, XIX вѣку принадлежитъ честь введенія сложныхъ по своей конструкціи машинъ въ обыденную жизнь, въ жизнь семьи. Конечно, и раньше одна изъ самыхъ совершенныхъ машинъ — часы — была введена въ обыденную жизнь; но часы представляютъ машину, удовлетворяющую одной изъ болѣе высокихъ потребностей человѣка, и притомъ такую машину, которая не замѣнила собою какую-либо работу, раньше совершавшуюся при помощи человѣческихъ мускуловъ, и потому часы скорѣе вызывали въ людяхъ удивленіе, нежели благодарность за облегченіе какой-либо работы. Другое дѣло — машины, введенныя въ семью въ XIX столѣтіи. Швейная, вязальная машины, велосипедъ и пишущая машина — вотъ механизмы, создавшіе въ людяхъ XIX вѣка уваженіе къ машинѣ вообще. Каждая изъ только-что названныхъ машинъ содѣйствовала въ огромной степени облегченію труда, внеся, такъ сказать, элементъ фабричнаго производства въ каждый домъ въ отдѣльности. Кто не знаетъ той необыкновенной экономіи во времени, какая получается при пользованіи швейной машиною!? Оцѣнить эту экономію можетъ каждый, кто, привыкши работать на швейной машинѣ, поставленъ почему-либо въ необходимость временно работать безъ ея помощи... Описывать швейную машину мы не станемъ — она слишкомъ хорошо извѣстна всѣмъ.

Очень важная роль въ обыденной жизни выпала къ концу XIX вѣка на велосипедъ. Если швейная машина сдѣлалась важнымъ орудіемъ въ рукахъ женщины, привязанной преимущественно къ дому, то велосипедъ, облегчающій перемѣщенія, сокращающій время передвиженія отдѣльнаго человѣка съ мѣста на мѣсто, сдѣлался преимущественно маши-

ною мужчины. Съ развитіемъ и расширеніемъ городовъ, съ увеличеніемъ дороговизны жилыхъ помѣщеній, масса людей селится въ отдаленныхъ отъ центра частяхъ города, и для того, чтобы своевременно попадать на мѣста своихъ постоянныхъ занятій, они должны имѣть въ своемъ распоряженіи средство для быстрыхъ передвиженій, сдѣлавшееся особенно необходимымъ при ускоренномъ темпѣ современной жизни. Велосипедъ явился однимъ изъ самыхъ лучшихъ такихъ средствъ: давая возможность передвигаться со скоростью, превышающею скорость обыкновенныхъ извощичьихъ лошадей, велосипедъ въ то же время, при своемъ современномъ устройствѣ, чрезвычайно прученъ, легокъ и дешевъ. Все это достигнуто во первыхъ благодаря необычайнымъ успѣхамъ желѣзодѣлательнаго производства, давшаго для постройки велосипедовъ чудесныя стальныя трубы и, во вторыхъ, благодаря успѣхамъ въ выдѣлкѣ различнаго рода токарныхъ, сверлильныхъ и другихъ станковъ, на которыхъ изготовляются въ огромномъ количествѣ и съ большою точностью отдѣльныя части велосипедовъ; точность пригонки этихъ частей такъ велика, что велосипедъ представляетъ въ этомъ отношеніи почти физическій приборъ; устраненіе тренія вращающихся частей достигло, благодаря употребленію шариковыхъ подшипниковъ, высокой степени совершенства, вслѣдствіе чего работа велосипедиста затрачивается почти исключительно на преодолѣніе неровностей и возвышеній пути и сопротивленія воздуха,— сопротивленія, которое дѣлается особенно чувствительнымъ лишь при противномъ вѣтрѣ или при большой скорости хода. Если принять во вниманіе сравнительно необыкновенную дешевизну велосипедовъ, вызванную съ одной стороны тѣмъ, что ручная работа приходится только почти на сборку частей, съ другой —огромной конкуренціей, существующей между велосипедными фабриками, то станетъ понятнымъ и необыкновенно быстрое распространеніе описываемой машины и та роль, которую велосипедъ сталъ играть въ послѣдніе десятилѣтіе истекшаго вѣка.



Жакардъ.

Пишущая машина принадлежитъ также къ числу приборовъ, получившихъ въ послѣднее время повсемѣстное распространеніе. Она была изобрѣтена въ 1714 г. въ Англіи Миллемъ; но это былъ приборъ, болѣе интересный по своей идеѣ, нежели по способности къ практическому примѣненію; лишь въ 1867 г. американскіе типографы Шолсъ и Суле, соединившись съ механикомъ Глайденомъ, создали первый типъ удобной пишущей машины, которую съ 1873 г. начала изготовлять оружейная фабрика Ремингтона, создавшая типъ теперь повсюду извѣстныхъ Ремингтоновскихъ машинъ. Необычайное распространеніе пишущія машины пріобрѣли въ Америкѣ и Англіи. Въ одномъ Нью-Іоркѣ имѣется до 15000 стенографистокъ, работающихъ также на пишущей машинѣ, такъ что въ дѣловыхъ отношеніяхъ въ настоящее время тамъ почти не принята переписка иначе, какъ на пишущихъ машинахъ. Изъ того, что пишущая машина постепенно распространяется во всѣхъ образованныхъ странахъ можно заключить, что въ недалекомъ будущемъ рукописи будутъ такъ же рѣдко попадаться, какъ теперь рѣдко попадается ручное шитье. И въ самомъ дѣлѣ: пишущая машина, помимо того, что уничтожитъ вопросъ о достоинствахъ почерка, дастъ возможность увеличить весьма значительно быстроту письма. Хорошіе работники пишутъ на машинѣ вдвое скорѣе, нежели пишетъ самый ловкій писецъ.

\- - -

Открытіе морского пути въ Индію и Америку, колонизаторская дѣятельность европейскихъ народовъ—все это до такой степени подняло торговый рынокъ Европы, что средневѣковые пріемы обработки не были въ состояніи удовлетворять нароставшимъ потребностямъ населенія Европы. Вмѣсто отдѣльныхъ ремесленниковъ, появляются болѣе сложныя производительныя единицы; замѣна отдѣльнаго работника машиною, дѣлающею ту же работу, но въ большомъ объемѣ, замѣна двигательной человѣческой силы болѣе мощною силою природы вызвала полную промышленную революцію, занявшую всю вторую половину XVIII вѣка и не закончившуюся еще вполнѣ и въ настоящее время. При этомъ весьма примѣчательны тѣ затрудненія и та борьба, которую пришлось выдерживать въ болѣе раннія времена всякимъ машинамъ. Государство всячески противодѣйствовало введенію всякихъ машинъ: вотъ почему, когда въ 1579 г. въ Данцигѣ была изобрѣтена ткацкая машина (ленточная), изобрѣтатель былъ тайно утопленъ: во Франціи во время царствованія Генриха III (XVI в.) въ силу королевскаго указа право промышленной работы называлось «droit royal et domanial», такъ что согласно этому указу работать могъ только тотъ, кому это было разрѣшаемо именемъ короля. Спеціальные инспектора ходили повсюду, ломали ткацкіе станки, сжигали ткани, накладывали всякаго рода наказанія, если только замѣчали какія-либо измѣненія въ производствахъ. Все то, что фабриковалось, считалось прекраснымъ: усовершенствованія, приготовленія что-либо лучшаго строго воспрещалось. Въ теченіе цѣлаго столѣтія большая часть промышленности боролась на континентѣ противъ этихъ регламентовъ, возстановленныхъ частью даже Наполеономъ I-мъ послѣ подавленія имъ французскаго революціоннаго движенія. Но помимо преслѣдованій свыше, и сами народныя массы жестоко преслѣдовали изобрѣтателей и изобрѣтеній. Даже Англія — эта наиболѣе передовая промышленная страна XIX вѣка не мало страдала отъ предубѣжденій народныхъ массъ противъ всякихъ промышленныхъ изобрѣтеній и нововведеній, и не мало было такихъ фабрикантовъ и изобрѣтателей, которые вынуждены были изъ-за этого покидать свою родину. Настоящій промышленный переворотъ могъ совершиться лишь въ той области, которая была свободна отъ средневѣковыхъ регламентацій: а въ такомъ положеніи находилась лишь въ одной Англіи хлопчато-бумажная промышленность, не имѣвшая сзади себя никакихъ историческихъ традицій и потому быстро дошедшая до высокой степени процвѣтанія.

Переворотъ коснулся первоначально прядильной промышленности уже потому, что здѣсь спросъ на пряжу значительно превышалъ предложеніе. И въ то время, какъ на континентѣ изобрѣтательный геній людей сосредоточивался преимущественно на придумываніи разныхъ мудреныхъ автоматовъ, въ родѣ утки, «съѣдавшей и переваривавшей» пищу,

или флейтиста, правильно перебиравшаго пальцами, или «пинущаго мальчика» старшаго Дроза, «пьянистки» младшаго Дроза, въ это время Англія разрабатывала прядильные станки. Только съ ихъ усовершенствованіемъ и получился прочный фундаментъ для ткацкой промышленности. Если къ этому прибавить еще одновременное появленіе паровыхъ двигателей, то станетъ ясно, какой переворотъ свершился къ самому началу XIX вѣка въ ткацкой промышленности. Съ другой стороны съ расцвѣтомъ прядильной и ткацкой промышленности возникли искусственное бѣленіе, ситце-печатаніе и красильное дѣло. Новые станки требовали усиленнаго производства двигателей, требовавшихъ, въ свою очередь, возникновенія машинныхъ фабрикъ, создавшихъ огромный спросъ на желѣзо. Такъ, цѣпляясь другъ за друга, одна отрасль промышленности, своимъ быстрымъ и безпрепятственнымъ развитіемъ, вызывала къ жизни другую. Вотъ таблица, показывающая, какое вліяніе имѣли новыя машины на ткацкую промышленность:

Года.	Изобрѣтенія.	Года.	Ввозъ хлопка въ Англію.
1771.	Первая механическая прядильня Аркрайта. . .	1771—75	4.764.589 »
1779.	Станокъ «Mulle-Jenny», усовершенствованный Кромптономъ	1781	5.198,775 »
1785.	Самоткацкій станокъ Картрайта.	1785	18.400,384 »
1792.	Эли Хайтнисъ-Сью-Гина хлопко-очистительная машина	1792	34.907,497 »
1808.	Ткацкій станокъ Жакарда.	1830	261.200,000 »

Ввозъ хлопка въ Англію за 100 лѣтъ увеличился въ 174 раза. Такое развитіе хлопчато-бумажной промышленности вызывало и въ тѣ времена волны протекціонистовъ совершенно такіе, какіе приходится слышать и у современныхъ патріотовъ. Одинъ изъ нихъ (1811 г.) жалуется на то, что большая часть населенія забросила шерстяныя и льняныя ткани и отвѣшается съ головы до ногъ въ хлопчатую бумагу. «Если принять во вниманіе, —восклицаетъ онъ: что большая часть населенія Европы, какъ мужского, такъ и женскаго, одѣта съ головы до ногъ въ хлопчатую бумагу, сидитъ и спитъ на хлопчатой бумагѣ, защищается отъ дождя и солнца хлопчатой бумагой, то трудно себѣ представить ту страшную сумму денегъ, которая въ оплату хлопчатой бумаги уходитъ изъ страны въ Америку, въ юго-восточную часть Европы и въ Азію. Я не мало былъ испуганъ, когда прочиталъ въ газетахъ, что 400,000 рабочихъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ лишатся куска хлѣба, если хлопчатая бумага будетъ обложена высокой ввозной пошлиной. Вѣдь 400,000 человѣкъ это [illegible] часть всего населенія Саксоніи. Стало-быть, [illegible] 4 и 5-й человѣкъ въ Саксоніи живетъ насчетъ хлопчато-бумажной промышленности, т.-е. насчетъ чужого заграничнаго продукта, изъ-за котораго деньги уходятъ изъ страны. Пусть теперь финансисты разсчитаютъ, сколько счастья и [illegible] принесетъ стране такая промышленность! Когда появился жакардовскій станокъ, допускавшій тканье самыхъ разнообразныхъ рисунковъ по заранѣе разрисованнымъ и заготовленнымъ картонамъ и притомъ тканье чисто-автоматическое (по тому же принципу теперь построены различные [illegible] инструменты, въ родѣ аристоновъ, терфоновъ, [illegible] механическихъ таперовъ и проч. съ тою лишь [illegible], что въ этихъ инструментахъ извѣстному отверстію [illegible] соотвѣтствуетъ извѣстный звукъ, а въ жакардовскомъ станкѣ извѣстному отверстію картона соотвѣтствуетъ [illegible] нити основы), ткацкая промышленность сразу достигла почти своей современной высоты. Одновременно съ [illegible] прядильно-ткацкой промышленности, стало [illegible] и количество самихъ прядильныхъ волоконъ. Не [illegible] хлопокъ, играющій первостепенную роль въ [illegible] промышленности XIX вѣка, вошелъ въ нее [illegible] сей въ опасныхъ, то, во всякомъ случаѣ, [illegible] конкурентовъ, какъ льна и пеньки, такъ и хлопка. Благодаря своей прочности и, главнымъ образомъ, своему блеску, джутъ занялъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ при изготовленіи мебельныхъ, портьерныхъ и ковровыхъ тканей съ одной стороны и, въ изготовленіи различныхъ видовъ упаковочнаго холста (мѣшковъ и проч.) съ другой стороны. Быстрое распространеніе джута въ Европѣ въ послѣднія десятилѣтія истекшаго вѣка вызвало даже кризисъ, правда, непродолжительный, въ средѣ производителей сырого хлопка. Все это вмѣстѣ привело къ тому, что ткани, бывшія въ началѣ XIX вѣка доступными лишь небольшому числу людей, демократизировались, и бумажныя ткани, благодаря новымъ пріемамъ тканья, окраски и аппретировки, стали пріобрѣтать настолько красивый внѣшній видъ, что во многихъ случаяхъ отлично замѣняли и льняныя, и шерстяныя, и даже шелковыя. Стоитъ, напр., обратить вниманіе на такъ-называемый бумажный сатинъ, въ особенности французскій, очень часто на видъ не отличающійся отъ дешевыхъ шелковыхъ тканей (въ родѣ «Эйфеля», полушелка и проч.) или на англійскій фланелетъ, весьма сходный и по виду и по нѣкоторымъ качествамъ съ шерстяною фланелью. Изъ всѣхъ тканей лишь одинъ шелкъ оставался, такъ сказать, внѣ конкурса. И несмотря на всѣ попытки замѣнить волокно, даваемое шелковичнымъ «червемъ», какимъ-либо другимъ волокномъ, шелковое волокно продолжало занимать прежнее свое мѣсто. Но техника не устаетъ въ своихъ поискахъ. Уже давно замѣчали, что нѣкоторыя волокна могутъ при извѣстныхъ условіяхъ принимать сильный блескъ, ничѣмъ не уступающій блеску вареннаго шелка. Это наблюденіе и направило техниковъ и изобрѣтателей на попытки приготовленія искусственныхъ прядильныхъ волоконъ; идея этихъ всѣхъ попытокъ заключалась въ слѣдующемъ: растительныя прядильныя волокна по своему составу представляютъ болѣе или менѣе чистую клѣтчатку; слѣдовательно, растворивъ клѣтчатку въ какой-либо способной ее растворять жидкости и затѣмъ, испаряя эту жидкость, можно снова получить эту клѣтчатку въ твердомъ видѣ; если же такой очень густой растворъ пропускать черезъ чрезвычайно тонкія (волосныя) трубочки и затѣмъ, по мѣрѣ выхожденія этого раствора, (въ видѣ тягучихъ нитей) изъ трубочекъ, удаляя растворяющую ихъ жидкость, то должно получиться волокно безусловно годное для тканья. Сдѣланные опыты показали, что получаемыя извѣстнымъ способомъ волокна имѣютъ великолѣпный шелковистый блескъ. И вотъ на парижской выставкѣ 1900 г. нѣкто Шардонэ демонстрировалъ такія волокна и выткацныя изъ нихъ матеріи, которыя внѣшностью, блескомъ и красотою не только не уступали, но даже превосходили наилучшіе сорта шелка. «Искусственный» шелкъ еще не получилъ широкаго распространенія, такъ какъ находится теперь въ фазѣ разработки, но можно думать, что въ непродолжительномъ времени искусственный шелкъ явится такимъ же могучимъ конкурентомъ естественнаго, какимъ явился въ XVIII вѣкѣ хлопокъ для льна и пеньки.

Въ тѣсной связи съ развитіемъ прядильно-ткацкой промышленности стоитъ развитіе *красильнаго дѣла*. Истекшій вѣкъ далъ промышленности такое количество поразительныхъ по своей красотѣ, чистотѣ и яркости своего цвѣта красокъ, о которомъ трудно составить себѣ даже приблизительное представленіе. Началомъ всему этому положило искусственное полученіе *анилина* изъ каменно-угольнаго дегтя: въ этомъ дегтѣ имѣется вещество, называемое бензоломъ (по внѣшнему виду, по легкости и отчасти по запаху напоминающее бензинъ); вещество это при извѣстной обработкѣ, открытой нашимъ ученымъ, академикомъ Н. Н. Зининымъ (1842), даетъ анилинъ. Въ 1849 г. А. В. Гофманъ, впослѣдствіи профессоръ берлинскаго университета, выяснилъ, что анилинъ есть производное амміака и бензола, и этимъ положилъ начало цѣлому ряду изслѣдованій надъ анилиномъ, изслѣдованій, приведшихъ въ скоромъ времени къ открытію анилиновыхъ красокъ. Въ 1856 г. Перкинъ получилъ первую технически добываемую краску — мовеинъ, а 2 года спустя Гофманъ далъ общій пріемъ полученія многихъ красокъ, выработавъ практическій способъ для полученія анилиновой краски, извѣстной въ продажѣ подъ названіемъ фук-

сина; за фуксиномъ послѣдовали другія краски: анилиновая синяя, фіолетовая, зеленая, которыя, по изслѣдованіямъ Гофманна, всѣ оказались производными фуксина. Въ 1861 г. Кольбе и Шмидтъ открыли розолевую кислоту, въ 1863 г. открыта анилиновая черная, а въ 1864 появились, играющія въ настоящее время столь видную роль, азокраски. 1869 г. былъ особенно важенъ въ этомъ отношеніи: Гребе и Либерманъ получили искусственно ализаринъ, добывавшійся прежде исключительно изъ растенія марены и употреблявшійся для окрашиванія бумажныхъ тканей (красный кумачъ). Открытіе способа искусственнаго полученія ализарина вызвало огромный сельско-хозяйственный кризисъ: масса людей, занимавшихся въ различныхъ мѣстахъ земного шара разведеніемъ марены, лишилось средствъ къ существованію, естественный ализаринъ долженъ былъ покинуть европейскіе рынки, и поля, засѣянныя мареной, опустѣли... Такимъ образомъ краски, получавшіяся изъ каменноугольнаго дегтя, вытѣснили изъ прядильно-ткацкой промышленности почти всѣ другіе пигменты, и найти въ настоящее время ткань, окрашенную иными красками, весьма трудно. Одна лишь краска, игравшая чрезвычайно важную роль — индиго — попрежнему оставалась на своемъ важномъ посту. Эта краска добывалась изъ особаго вида растеній: но и ея не пощадили: въ 1878 г. Адольфъ Байеръ, послѣ многолѣтнихъ опытовъ, получилъ искусственно и эту краску; первоначально это открытіе вызвало панику со стороны промышленниковъ, занимавшихся разведеніемъ индиговыхъ деревьевъ: въ самомъ дѣлѣ, Индія ежегодно доставляла на рынки до 8300 тоннъ этой краски на сумму 30—40 милліоновъ рублей: и вдругъ все это должно было рухнуть! Но дѣло обошлось для промышленниковъ благополучно: большого техническаго значенія искусственное индиго не получило, и они были спасены, конечно временно... Теперь они живутъ подъ дамокловымъ мечемъ, со дня на день ожидая, что пріемы полученія искусственнаго индиго будутъ доведены до такой степени совершенства, при которой естественная краска должна будетъ сойти со сцены.

Могущественно разрослась техника добыванія искусственныхъ красокъ въ Европѣ, въ особенности же въ Германіи, которая изготовляетъ ихъ на 30—40 милліоновъ въ годъ. Красота, яркость, огромная красящая способность и, стало быть, относительная дешевизна поставили ихъ внѣ всякой конкуренціи. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ не отличаются прочностью—выцвѣтаютъ или линяютъ: но ежегодно такія непрочныя краски замѣняются новыми, болѣе прочными, такъ что въ настоящее время многіе изъ анилиновыхъ или вообще искусственныхъ пигментовъ выдерживаютъ, и въ смыслѣ стойкости, борьбу съ различными естественными красками, пытающимися 'держаться на рынкахъ. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить, что нѣкоторыя краски, какъ, напримѣръ, свинцовыя бѣлила или сажа и до сихъ поръ не могутъ быть вытѣснены изъ употребленія; точно также берлинская лазурь и хромовыя краски («кроны») до сихъ поръ остаются во многихъ отношеніяхъ незамѣнимыми.

1859 годъ играетъ въ исторіи міровой промышленности видную роль. Въ этомъ году, во время буренія артезіанскаго колодца въ Тайтусвиллѣ (Пенсильванія), натолкнулись (на глубинѣ 11 саженъ) на источникъ, дававшій въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ежедневно по 1000 галлоновъ *нефти* (галлонъ около 9 фунтовъ нефти). Такъ какъ уже и до этого года промышленники понимали значеніе нефти и такъ какъ въ это уже время была изобрѣтена лампа, годная для сжиганія нѣкоторыхъ масель, изъ нефти добываемыхъ, то открытіе этого богатаго источника вызвало настоящую нефтяную лихорадку, почти такую же, какая была вызвана открытіемъ золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и Австраліи. Уже къ концу 1860 г. было произведено до 2000 буровыхъ скважинъ, изъ которыхъ однѣ обнаруживали нефть уже на небольшой глубинѣ, другія же достигали глубины до 75 саженъ. Изъ закладываемыхъ буровыхъ скважинъ нефть часто била фонтанами, доставлявшими въ сутки тысячи бочекъ нефти, и люди, покупавшіе участки нефтяной земли, дѣлались въ короткое время изъ бѣдняковъ милліонерами. Въ первые годы добыча нефти носила хаотическій характеръ: не подготовленные къ такимъ находкамъ промышленники должны были терять огромныя количества драгоцѣнной жидкости, такъ какъ ни резервуаровъ для собиранія нефти, ни нефтепроводовъ, ни бочекъ въ достаточномъ количествѣ не было. Но постепенно дѣло налаживалось, и въ настоящее время нефтяная промышленность въ Америкѣ доведена до высочайшей степени совершенства. Русская нефтяная промышленность въ послѣдніе годы достигла тоже высокаго развитія, и если принять во вниманіе, что количество нефти, хранящееся въ нѣдрахъ земли, у насъ вѣроятно большее, нежели въ Америкѣ, то понятно, что вскорѣ послѣ того, какъ нефтяная промышленность встала на ноги въ Америкѣ, она должна была расцвѣсти и у насъ. Но у насъ дѣло развивалось гораздо медленнѣе. Объясняется это тѣмъ, что, во-первыхъ, предпріимчивыхъ капиталистовъ въ Россіи оказалось меньше, во-вторыхъ, наша нефть (Бакинская) давала только 35% керосина (Американская давала 75%) и, въ-третьихъ, тѣмъ, что какъ только наше нефтяное дѣло начало развиваться, правительство (въ 1872 г.) обложило пудъ керосина пошлиною въ 15—20 коп., при чемъ акцизныя формальности до чрезвычайности тормозили начавшую только развиваться и неокрѣпшую промышленность; поэтому изъ 100 заводовъ, работавшихъ въ Баку въ 1875 году, уже осталось только 20, а затѣмъ лишь 14. Вскорѣ правительство поняло свою ошибку, и нефтяному дѣлу, начавшему падать, суждено было снова возродиться. Чтобы составить себѣ понятіе о ростѣ нефтяной промышленности въ Россіи, достаточно указать, что до 1872 г. у насъ добывалось около $1^1/_2$ милліона пудовъ нефти, въ 1872 г.—до 5 милл. пуд., въ 1876 г.—добыто около 7 милл. пуд., а въ 1893 г. добыто около 325 милл. пуд., т. е. почти въ 50 разъ больше; изъ этихъ 325 милл. вывезено за границу (въ Европу, Азію и Африку) керосина около 47 милл. пуд., что соотвѣтствуетъ приблизительно 125 милл. пуд. нефти. Такимъ образомъ, около 40% нашего керосина уходитъ за границу. Въ 1899 году въ Россіи добыто нефти около 552 милл. пуд. Главные рынки, на которыхъ преимущественно конкурируютъ русскій и американскій керосинъ, это—Германія, Англія и Китай. Въ первыхъ двухъ странахъ русскій керосинъ постепенно вытѣсняетъ американскій; такъ, керосина вывезено въ Германію:

Годы.	Русскаго.	Американскаго.
1897	44.809 тоннъ	873.211
1898	61.339	872.942
1899	110.187	828.913

Такимъ образомъ, русскій керосинъ составляетъ теперь 15% всего керосина, потребляемаго въ Германіи. Еще большіе успѣхи дѣлаетъ ввозъ русскаго керосина въ Англію. За 7 мѣсяцевъ 1900 года въ Англію ввезено американскаго керосина около 657 тысячъ пудовъ, русскаго—около $629^1/_2$ тысячъ пудовъ. Съ Китаемъ дѣло идетъ обратно: американскій керосинъ, повидимому, вытѣсняетъ русскій. Получаемая сырая нефть перерабатывается въ настоящее время на цѣлый рядъ продуктовъ: бензинъ, петролейный или нефтяной эфиръ, газолинъ, лигроинъ, керосинъ, тяжелое масло, смазочныя масла, вазелинъ и парафинъ: эти продукты служатъ для различныхъ техническихъ производствъ, для освѣщенія, для смазки машинъ, отопленія печей пароходовъ и паровыхъ машинъ (нефтяные остатки), для косметическихъ и фармацевтическихъ цѣлей и проч.

Къ числу производствъ, начавшихся и достигшихъ высокой степени процвѣтанія въ истекшемъ вѣкѣ, относится свеклосахарное производство. Въ 1747 г. химикъ Маргграфъ открылъ въ свеклѣ значительное содержаніе тростниковаго сахара: это обстоятельство вызвало въ 1801 г. открытіе перваго свеклосахарнаго завода; химикъ Ахардъ былъ основателемъ этого завода: вскорѣ его примѣру послѣдовали другіе предприниматели, и свеклосахарное дѣло быстро расцвѣло, такъ какъ съ каждымъ почти годомъ въ фабрикацію сахара изъ свекловицы вносились новыя усовершенствованія: первые сахарозаводы извлекали изъ свеклы лишь 2—3% сахару, такъ что изъ 100 пудовъ свеклы добывалось лишь 2—3 пуды сахару, въ 30-хъ годахъ изъ 18 пудовъ свеклы получали 1 пудъ сахару; въ 1846 г. для полученія 1 пуда сахару тре-

бовалось 14 пуд. свеклы; до 70-го года уже около 12 пуд., а въ 1894—1895 г. только 8.59 пуда свеклы; такимъ образомъ, теперь сахару извлекается изъ свеклы въ 4 раза больше, нежели въ началѣ XIX вѣка. Кромѣ свеклы, матеріаломъ для полученія сахара служитъ сахарный тростникъ, изъ котораго сахаръ добывается почти исключительно въ Америкѣ, Азіи (Индія и Китай) и Африкѣ. Общее количество добываемаго изъ тростника сахару составляетъ приблизительно 250—300 милліоновъ пудовъ; такое же количество сахару добыто въ 1894—1895 г. изъ свекловицы. Благодаря значительному производству, цѣна на сахаръ въ общемъ понизилась, и потребленіе его увеличилось; по статистическимъ даннымъ, это потребленіе росло въ такой прогрессіи:

на 1-го человѣка въ 1 годъ приходилось сахару въ фунтахъ

	1870—1874	1885	1889—1893	1894
Великобританія	56.3	81.5	93.5	
Соединенные Штаты	44.0	64.2	79.0	
Швейцарія	16.7	40.5	37.7	
Данія	30.0	40.5	50.0	
Франція	19.5	26.7	38.0	
Голландія	21.5	24.5	31.2	
Швеція и Норвегія	13.3	19.5	27.5	
Германія	16.7	19.5	28.3	
Австрія	—	—	20.0	
Россія	—	—	12.0	
Бельгія	20.8	10.5	28.5	
Италія	7.5	7.5	9.5	

Говоря о тѣхъ громадныхъ успѣхахъ, которые достигнуты въ XIX вѣкѣ желѣзною промышленностью, мы указывали, что гигантскія желѣзнодорожныя сооруженія, машины и проч. обязаны своимъ осуществленіемъ улучшеннымъ способамъ добычи и обработки желѣза; но для этого мало было одного желѣза: успѣхи желѣзнодорожнаго и металлургическаго дѣла были тѣсно связаны съ возможностью разрушать могучія препятствія, встрѣчавшіяся человѣку на пути его стремленій стать властителемъ природы. Строители желѣзныхъ дорогъ наталкивались на огромныя горныя стѣны; ища металлы, люди копались въ землѣ и наталкивались на горныя породы, выламываніе которыхъ помощью обыкновенныхъ инструментовъ — буравовъ, лопатъ, киркъ, молотовъ и проч. представляло необыкновенныя трудности; эти трудности уменьшались отчасти тѣмъ, что въ просверленныя въ горныхъ массахъ отверстія закладывались патроны съ порохомъ и взрывались; такимъ путемъ удавалось хоть немножко ускорять тяжелыя горныя работы. Но вотъ въ 1862 г. шведскій химикъ Альфредъ Нобель даетъ удобный способъ фабричнаго полученія нитроглицерина и главное въ 1864 г. дѣлаетъ обращеніе съ нитроглицериномъ почти вполнѣ безопаснымъ. Нобель бралъ мелкій кремнеземъ и пропитывалъ его нитроглицериномъ; при этомъ всѣ тѣ опасности, какія представляло пользованіе чистымъ нитроглицериномъ, вполнѣ устранялись; такой, пропитанный нитроглицериномъ, кремнеземъ получилъ названіе динамита и въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлался важнѣйшимъ и могущественнымъ средствомъ при всякаго рода горныхъ работахъ. Если принять во вниманіе, что динамитъ дѣйствуетъ въ 8 разъ сильнѣе пороха, то станетъ понятною та роль, которую ему суждено было играть въ техникѣ и промышленности. Прорытіе туннелей, въ особенности въ очень твердыхъ горныхъ породахъ, прорытіе каналовъ, все это требуетъ динамита или ему подобныхъ веществъ, которыя въ послѣднія десятилѣтія истекшаго вѣка изготовляются въ огромныхъ количествахъ и по самымъ разнообразнымъ рецептамъ. Но главными составными частями рабочихъ взрывчатыхъ веществъ все же и до сихъ поръ являются нитроглицеринъ и пироксилинъ (такъ-называемый хлопчатобумажный порохъ). Весьма близко къ этой отрасли технической промышленности стоитъ и изготовленіе различныхъ сортовъ бездымнаго или, точнѣе, малодымнаго пороха. Введеніе этого пороха существенно измѣнило военную тактику, такъ какъ, благодаря отсутствію дыма при стрѣльбѣ, воюющія стороны все время находятся другъ у друга на виду.

Нобель.

Современный человѣкъ, привыкшій къ массѣ удобствъ, даваемыхъ ему жизнью, съ трудомъ представляетъ себѣ тѣ еще весьма неотдаленныя отъ насъ времена, когда, напримѣръ, для того, чтобы растопить печку, поставить самоваръ и т. под. требовалось не мало труда. Въ каждомъ домѣ имѣлось стальное огниво, кремень и трутъ; нужно было высѣкать огонь, воспламенить трутъ, трутомъ разжечь уголь, дуть на него, отъ него зажечь лучинку и затѣмъ лишь приступать къ

Первые американскіе нефтяные источники.

растопкѣ печи или плиты; еще въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія приходилось видѣть, какъ изъ одного дома бѣгали въ другой для того чтобы узнать, гдѣ уже зажженъ огонь, объ этотъ огонь зажечь смоляную или сѣрную лучинку.

Пусть же читатель представитъ себѣ тѣ «удобства», съ которыми сопряжено было зажиганіе свѣчей, лампъ, растапливаніе печей и проч.! И вдругъ появляются фосфорныя спички, сразу уничтожающія всѣ эти неудобства! Уже въ 1805 г. въ Парижѣ были извѣстны какія-то фосфорные зажигатели; водородное огниво, составляющее въ настоящее время приборъ, сохраняемый лишь въ нѣкоторыхъ физическихъ кабинетахъ, потому въ свое время имѣло такой успѣхъ, что при его помощи сразу получался огонь. Въ 1816 г. нѣкто Деронь употребилъ фосфорную массу для изготовленія спичекъ; но лишь въ 30-хъ годахъ появились въ Германіи и Австріи столь совершенныя спички, что онѣ быстро получили широкое распространеніе. Сначала, однако, всѣ такъ боялись фосфора, что во многихъ государствахъ фосфорныя спички были совершенно воспрещены, и только въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ началось болѣе или менѣе сильное развитіе спичечнаго производства; но уже въ 1848-мъ году Бёттгеръ обратилъ вниманіе на то, что всѣ неудобства обыкновенныхъ фосфорныхъ спичекъ (ядовитость, легкая воспламеняемость) могутъ быть устранены тѣмъ, что спички возможно изготовлять изъ совершенно безопасныхъ веществъ, которыя при треніи о коробку, покрытую ядовитымъ краснымъ фосфоромъ, будутъ отлично воспламеняться; однако мысль Беттгера не нашла немедленнаго примѣненія; всѣмъ казалось, что имѣть спички, способныя воспламеняться только при треніи объ опредѣленное вещество, весьма неудобно. Только лишь 10 лѣтъ спустя идея Беттгера получила практическое примѣненіе въ Швеціи, откуда Беттгеровскія спички, подъ названіемъ шведскихъ, распространились во всей Европѣ и въ настоящее время совершенно вытѣснили обыкновенныя фосфорныя спички. Чтобы составить себѣ понятіе о развитіи спичечнаго дѣла, достаточно указать хотя бы на то, что одна только спичечная фабрика Іёнкепинга въ Швеціи ежедневно производитъ около 50 милліоновъ спичекъ.

Не менѣе крупные успѣхи сдѣлали въ XIX вѣкѣ и другія отрасли химической промышленности; парфюмерное дѣло, основанное цѣликомъ на полученіи пахучихъ веществъ изъ растительнаго и животнаго царства, получило огромный толчокъ съ тѣхъ поръ, какъ во второй половинѣ истекшаго вѣка были искусственно получены ванилинъ (пахучая составная часть ванили), искусственный мускусъ, и въ послѣднее время геліотропинъ и іононъ (составная часть пахучаго вещества фіалки). Достаточно сказать, что всѣ духи, идущіе въ продажу подъ названіемъ фіалковыхъ (Vera-Violette, Vera-Rose и проч.) содержатъ іононъ и искусственный мускусъ; и въ настоящее время химики усиленно работаютъ надъ искусственнымъ полученіемъ другихъ веществъ, входящихъ въ составъ душистыхъ цвѣтовъ.

Въ основѣ почти всѣхъ нами описанныхъ химическихъ производствъ лежатъ два вещества,— сѣрная кислота (купоросное масло) и сода. Нѣтъ того производства, въ которомъ не употреблялось бы либо одно, либо другое, либо оба указанныя вещества. Понятно, поэтому, въ какихъ количествахъ эти вещества добываются на земномъ шарѣ и до какихъ высокихъ степеней совершенства доведено ихъ добываніе именно въ XIX столѣтіи.

Что принесетъ техникѣ XX вѣкъ— сказать трудно; но есть нѣсколько задачъ, прямо отмѣченныхъ: управленіе аэростатами, подводные корабли, тепловые двигатели по системѣ Дизеля, широкая передача силы, использованіе электричества, искусственное вызываніе дождя и прежде всего искусственное полученіе большинства тѣхъ продуктовъ растительнаго или животнаго царства, добываніе которыхъ сопряжено съ большими трудностями и зависитъ отъ массы случайностей.

Выполнитъ ли XX вѣкъ задачи, оставленныя ему въ наслѣдство отошедшимъ въ вѣчность XIX вѣкомъ? Кто знаетъ?! Но XIX вѣкъ оставилъ своему наслѣднику такое богатство, при которомъ онъ вправѣ былъ поставить ему не только такія, но, пожалуй, еще болѣе сложныя задачи...

II. Медицина.

Если обо всѣхъ отрасляхъ человѣческаго точнаго знанія можно сказать, что начало XIX вѣка дало имъ могущественный толчокъ и вывело ихъ на строго научную дорогу, то относительно *медицины* приходится съ горечью сознаться, что она -хотя человѣчество всегда взирало на нее, какъ на истинную благодѣтельницу свою— корчилась въ судорогахъ отвлеченностей и мистицизма, бросаясь отъ одной умозрительной системы къ другой, строя необыкновенно запутанныя теоріи безъ малѣйшаго строго научнаго основанія и создавая на этихъ теоріяхъ все новые и новые методы освобожденія человѣчества отъ его страданій. И рядомъ съ такими экскурсіями въ область самыхъ фантастическихъ теорій господствовалъ—при лѣченіи болѣзней- грубый эмпиризмъ, въ основѣ котораго лежали сплошь и рядомъ случайныя наблюденія или же завѣты старины. Ученія греческихъ и римскихъ врачей, Гиппократа и Галена, ученія Парацельса и Ванъ-Гельмонта—все это смѣшивалось въ какое-то невѣроятное мѣсиво, къ которому изрѣдка присоединялись струи новыхъ, только-что найденныхъ фактовъ или только-что созданныхъ гипотезъ. И если существовало изрѣченіе, по которому исторія медицины есть исторія человѣческихъ заблужденій, если это изрѣченіе и до настоящаго времени во многихъ случаяхъ остается не очень далекимъ отъ истины, то въ первые года XIX столѣтія оно могло быть защищаемо съ огромными шансами на успѣхъ.

Но удивляться этому нельзя. Нужно припомнить, что именно медицина является отраслью человѣческихъ знаній, поставленною самимъ существомъ своимъ въ самое невыгодное положеніе: человѣкъ всегда и въ одинаковой степени нуждался въ здоровьѣ и въ освобожденіи отъ болѣзней; человѣчеству не было дѣла до того, развилась ли анатомія, физіологія, химія — ему нужно было лѣчиться, ибо ждать до тѣхъ поръ, пока разовьются всѣ науки, на которыхъ могла бы создаться научная медицина, невозможно. Здѣсь не было того, что было, напримѣръ, въ техникѣ. Развитіе техники создавало въ людяхъ новыя потребности, и хотя эти потребности и шли нѣсколько впереди техники, однако же между ними и успѣхами техническихъ знаній существовало нѣкоторое соотвѣтствіе. Человѣчество всегда желало быстро передвигаться, но оно не вопило о желѣзныхъ дорогахъ до тѣхъ поръ, пока паровозъ не былъ усовершенствованъ. Не то въ медицинѣ: когда въ Европѣ свирѣпствовали эпидеміи чумы или холеры, то никто не могъ спокойно ждать до тѣхъ поръ, пока создастся бактеріологія и ученіе о предохранительныхъ прививкахъ. Люди требовали помощи... Лѣчи, какъ хочешь, какъ можешь, какъ знаешь—только лѣчи! И врачъ не смѣлъ заявлять, что наука еще не дошла до того совершенства, чтобы излѣчивать данную болѣзнь. Такой врачъ покрылъ бы себя навсегда позоромъ... Въ самомъ дѣлѣ, на свѣтѣ есть столько травъ, столько минераловъ, столько корней, цвѣтовъ— и чтобы между всѣми этими веществами, созданными, какъ человѣчество раньше думало, исключительно для его нуждъ- чтобы между всѣми этими веществами не было такого, которое способно излѣчить ту или другую болѣзнь, — какъ этому повѣрить!.. Но какіе бы укоры ни дѣлались врачамъ всѣхъ временъ и народовъ, какія бы насмѣшки ни раздавались по адресу врачей начала XIX вѣка, какъ врачей наиболѣе къ намъ близкихъ, — какъ бы ихъ ни обвиняли за то, что они создавали безпочвенныя теоріи, все же не слѣдуетъ забывать, что это стремленіе къ созданію общихъ патологическихъ ученій свидѣтельствуетъ о желаніи врачей вырваться изъ желѣзныхъ когтей эмпиризма и создать хоть какую-нибудь общую основу для лѣченія. Сплошательно, если эти теоріи, въ изобиліи смѣнявшія одна другую, и не дали медицинской наукѣ ничего, кромѣ горькихъ разочарованій, то для историка ихъ появленіе, ихъ частыя смѣны служатъ свидѣтельствомъ того, что духъ человѣческій не утихалъ и что мысль работала непрерывно въ тѣхъ сферахъ, откуда должны были излиться благодѣтельныя струи на пользу человѣческаго здоровья...

Сдѣлавши эти оговорки, мы можемъ безпристрастно слѣ-

нить за тѣмъ, какъ создавались и падали одна за другою меньшинскія теоріи. Какъ сказано, при отсутствіи строгихъ и точныхъ доктринъ въ областяхъ наукъ, на которыхъ только и могла бы строиться медицина, ученымъ врачамъ приходилось брать то, что было на лицо и что пользовалось всеобщимъ уваженіемъ. Во главѣ всего стояла философія, значеніе которой въ концѣ XVIII вѣка въ Европѣ было такого, что только доктрины,—какой бы онѣ науки ни касались, не противорѣчившія господствующему философскому направленію, могли находить въ большей или меньшей степени признаніе. Недоставало фактовъ, ихъ замѣняли гипотезами; это не казалось существеннымъ; но было необходимо, чтобы каждая новая медицинская система была обработана на основаніи тѣхъ или иныхъ философскихъ направленій, по всѣмъ тѣмъ шаблонамъ и пріемамъ, какіе употреблялись философами. И чѣмъ таинственнѣе, чѣмъ возвышеннѣе звучали отдѣльныя части новопостроенной системы, тѣмъ больше она находила сторонниковъ, взиравшихъ на нее, какъ на рядъ ненарушимыхъ догматовъ. И когда такая, изящно построенная система, подъ давленіемъ новыхъ фактовъ или еще чаще подъ давленіемъ чисто полемическихъ соображеній и посылокъ, опрокидывалась, то врачи съ трогательной поспѣшностью принимались немедленно за построеніе новой системы, которую ожидала въ непродолжительномъ времени та же печальная участь.

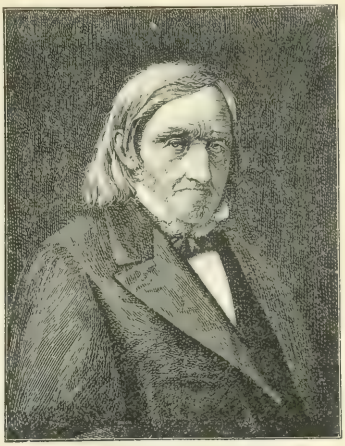
Первыя три десятилѣтія XIX вѣка, хотя и обнаруживаютъ стремленіе медицины къ согласованію своихъ доктринъ съ новыми данными естествознанія, однако своихъ независимыхъ патологическихъ теорій не создаютъ; въ это время еще продолжала господствовать теорія знаменитаго анатома и физіолога Галлера (1708—1777), но видоизмѣненная сообразно ученію Шеллинговской натурфилософіи; для того, чтобы понять ее въ томъ видоизмѣненномъ видѣ, въ какомъ она сохранилась въ началѣ XIX вѣка, надо обратиться къ ея первоначальному виду. Галлеръ открылъ свойство живыхъ тканей, названное имъ *раздражимостью* и *чувствительностью* (Irritabilität und Sensibilität). Эти два основныхъ свойства связаны по Галлеру съ мышцами и нервами, въ которыхъ они, эти свойства, преимущественно и вложены. Вотъ они-то и сдѣлались точкою исхода для цѣлаго ряда теорій, господствовавшихъ въ теченіе всего XVIII вѣка и захватившихъ часть XIX в. Система Галлера нашла дальнѣйшее развитіе въ системѣ Вилльяма Куллена и въ особенности, Джона Броуна,—системѣ, которая особенно долго господствовала въ умахъ врачей. По существу, система Броуна мало отличалась отъ системы Галлера; и Броунъ считалъ, что организмы возбуждаются къ дѣятельности внѣшними вліяніями и обозначалъ это свойство терминомъ «возбудимость», при чемъ внѣшнія вліянія онъ называлъ «раздраженіями», а послѣдствіе ихъ «возбужденіемъ». Такова была система, господствовавшая преимущественно въ Германіи. Сторонниками ея были такіе выдающіеся врачи, какъ знаменитый клиницистъ Іосифъ Франкъ и основатель «медицинской полиціи» Іоганнъ-Петръ Франкъ, знаменитый патологъ и историкъ медицины Шпренгель и мн. др., хотя и въ числѣ противниковъ этой системы значились не менѣе крупныя имена, какъ А. Гумбольдтъ, Гуфеландъ и др. Ученіе Галлера распространилось и во Франціи, но тамъ оно пріобрѣло нѣсколько иную окраску: кромѣ двухъ свойствъ, приписанныхъ Галлеромъ живой живой матеріи, французы приписывали ей еще одну силу, болѣе высокой категоріи, получившую названіе «жизненной силы». Эта жизненная сила создала сначала во Франціи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ такъ называемый «витализмъ», который постепенно вытѣснилъ ученіе Броуна и вызвалъ его полное исчезновеніе. И если броунизмъ оставилъ въ наукѣ лишь самые ничтожные слѣды, то нельзя того же сказать о витализмѣ. Въ лицѣ знаменитаго реформатора въ области лѣченія душевныхъ больныхъ, французскаго врача Филиппа Пинеля (1755—1826) витализмъ привелъ къ такъ называемой аналитической методѣ въ патологіи. Пинель, разлагая жизненныя, кишечныя, железистыя, нервныя, мочевыя, лихорадки и спазмы, обмороки, воспаленія, [illegible], строение [illegible], клѣточной ткани мышечной системы, кожи и т. д. Основываясь на изслѣдованіяхъ Пинеля, знаменитый французскій изслѣдователь Франсуа-Ксаверъ Бишa (1771—1802) явился основателемъ общей анатоміи, положившей фундаментъ къ пересмотру патологическихъ ученій и этимъ самымъ содѣйствовавшей постепенному паденію вкуса къ построенію апріорныхъ патологическихъ системъ. Исходя изъ основной мысли Пинеля о разновидности тканей и происходящихъ изъ нихъ органовъ, Бишa создалъ научную основу современной гистологіи, т. е. ученіе о строеніи (микроскопическомъ) тканей, при чемъ имѣлъ въ виду не только строеніе нормальныхъ тканей, но также и патологически видоизмѣненныхъ, и стремился свести различныя патологическія явленія къ измѣненіямъ, происходящимъ въ тканяхъ различныхъ органовъ. Замѣчательные труды Бишa открываютъ въ исторіи медицины XIX вѣка новую эру. Но не мало времени протекло со времени появленія трудовъ Бишa до тѣхъ поръ, пока идеи, въ этихъ трудахъ намѣченныя, не стали проникать въ сознаніе врачей и примѣняться у постели больного. Стремленіе къ созданію скороспѣлыхъ теорій не покидало еще медицины... И когда знаменитыми изслѣдованіями химиковъ конца XVIII вѣка было уяснено значеніе кислорода въ явленіяхъ горѣнія, а Лавуазье показалъ, что наше дыханіе тѣсно связано съ процессами горѣнія въ организмѣ, то немедленно же появились теоріи, объяснявшія происхожденіе всякихъ болѣзней либо избыткомъ, либо недостаткомъ кислорода. Насколько эти теоріи горячо принимались въ то время, видно между прочимъ изъ того, что за одну эту теорію нѣмецкій врачъ Готтфридъ-Христіанъ Рейхъ (1796—1848) удостоился получить профессуру въ берлинскомъ университетѣ и кромѣ того 500 талеровъ ежегодной пенсіи.

Къ числу системъ и теорій, возникновеніе и развитіе которыхъ характеризуетъ начало XIX вѣка, принадлежатъ еще двѣ, изъ которыхъ одна, хотя и въ измѣненной формѣ, имѣетъ и теперь довольно много приверженцевъ—если не среди врачей, то среди публики,—другая же, выступившая первоначально въ необыкновенно таинственной обстановкѣ, затѣмъ совершенно отвергнутая, въ послѣднія десятилѣтія истекшаго вѣка снова воскресла, вошедши впрочемъ въ спеціальный отдѣлъ физіологическихъ и нервопатологическихъ изслѣдованій. Системы эти получили названіе: одна—*гомеопатіи*, другая—*месмеризма*. Основателемъ гомеопатіи явился Самуилъ Ганеманнъ (1775—1843). Получивъ медицинское образованіе въ Лейпцигѣ и Вѣнѣ, Ганеманнъ не былъ чуждъ той страсти къ созиданію новыхъ системъ лѣченія, которая господствовала у большинства его современниковъ; и вотъ онъ принимается за разыскиваніе тѣхъ принциповъ, на которыхъ можно было бы построить систему раціональной медицины. Обладая хорошимъ по тому времени общимъ естественно-научнымъ образованіемъ, Ганеманнъ выпускаетъ въ свѣтъ свое сочиненіе «Organon der rationellen Heilkunde» (1810), которому суждено было сдѣлаться яблокомъ раздора и раздѣлить врачей на два непримиримо враждебныхъ лагеря, сохранившихъ свои враждебныя чувства и до настоящаго времени. Правда, въ лагерѣ послѣдователей Ганеманна числилось и числится по настоящее время гораздо меньше спеціалистовъ, нежели въ лагерѣ противниковъ этого ученія, но тѣмъ не менѣе само ученіе продолжаетъ и до сихъ поръ здравствовать и даже привлекать къ себѣ не мало сторонниковъ въ особенности среди людей, мало знакомыхъ съ медициною. Ученіе Ганеманна было построено на началахъ, изъ которыхъ инымъ нельзя отказать въ полной серьезности и научности. Эти начала состояли во-первыхъ въ томъ, что изслѣдованіе дѣйствія лѣкарствъ надо производить на людяхъ и притомъ здоровыхъ; что, только изучивши это дѣйствіе на разныхъ людяхъ, можно опредѣлить, какія свойства лѣкарства должны быть считаемы основными и какія второстепенными, зависящими отъ индивидуальности того или другого человѣка. Имѣя, такимъ образомъ, подробную картину всѣхъ тѣхъ симптомовъ, которые вызываются даннымъ лѣкарствомъ, можно имъ пользоваться у постели больного.

Идея эта настолько правильна съ точки зрѣнія современныхъ воззрѣній на употребленіе лѣкарственныхъ веществъ, что, не будь Ганеманнъ главою ненавидимой многими школы, онъ, конечно, былъ бы признанъ ученымъ, впервые на-

правившимъ экспериментальную фармакологію на настоящій путь.

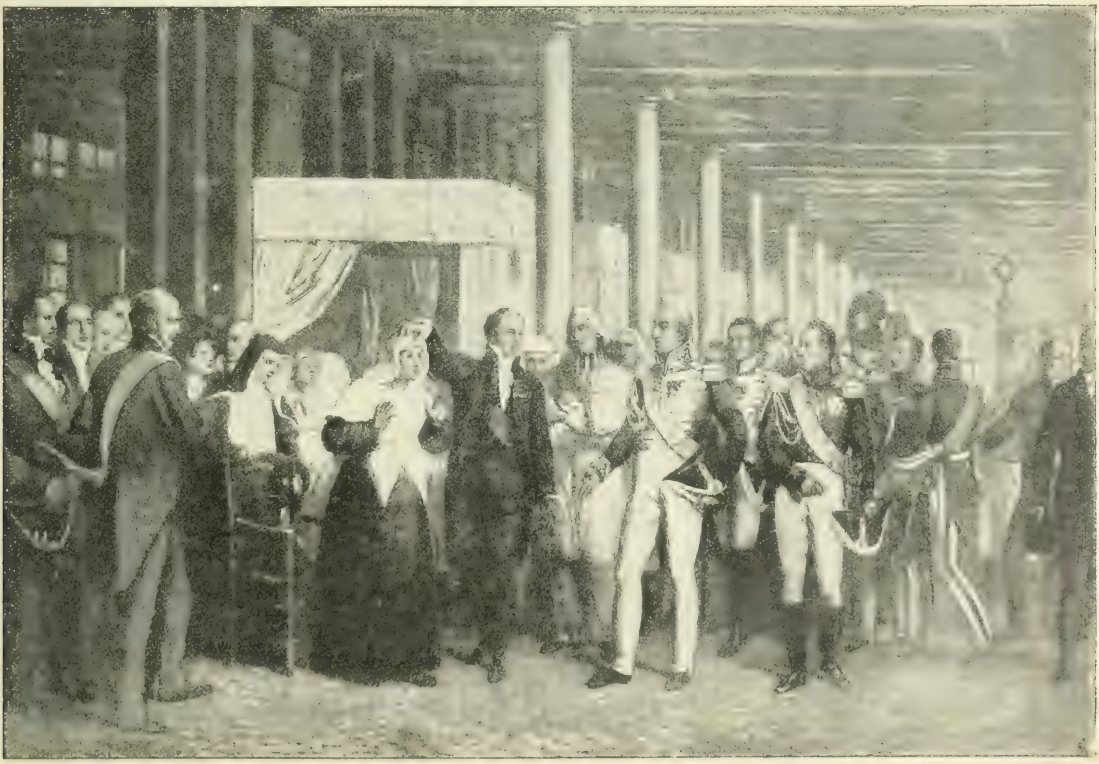
Второй принципъ Ганемана заключался въ томъ, что при употребленіи лѣкарствъ нужно выбирать не то средство, которое вызываетъ симптомы, противоположные симптомамъ наблюдаемой болѣзни, а то, которое вызываетъ совершенно такіе же или по крайней мѣрѣ очень близкіе симптомы къ тѣмъ, какіе наблюдаются у постели больного. Такъ, если, напр., рвотный корень вызываетъ извѣстный рядъ ощущеній тошноты и затѣмъ рвоту, то больному, который жалуется на подобныя ощущенія, и у котораго при этомъ является рвота, слѣдуетъ непремѣнно назначить именно рвотный корень. Принципъ такого лѣченія былъ выраженъ Ганеманомъ въ формѣ правила: «подобное да будетъ лѣчимо подобнымъ» (Similia similibus curentur) *). Основаніемъ для такого общаго догмата Ганеману послужило наблюденіе надъ дѣйствіемъ хинной корки. Ганеманъ, принявши однажды довольно значительное количество этой корки, замѣтилъ, что она вызвала у него симптомы, сходные съ симптомами перемежающейся лихорадки; кромѣ того, онъ, переводя фармакологію Колленса, нашелъ въ ней такое же указаніе на дѣйствіе хины. Вотъ этотъ единственный фактъ и указаніе Колленса послужили почвою для установки основного гомеопатическаго принципа. Правда, Ганеманъ производилъ наблюденія надъ дѣйствіемъ другихъ лѣкарствъ, привлекая къ участію въ этихъ наблюденіяхъ своихъ друзей и знакомыхъ; но всѣ эти дальнѣйшія наблюденія велись подъ давленіемъ предвзятой мысли, и нѣтъ ничего удивительнаго, что лишь тѣ изъ нихъ, которыя соотвѣтствовали этой мысли, принимались, а остальныя, не согласовавшіяся съ нею, отбрасывались, какъ неудачныя.



Бэръ.

Третій принципъ Ганемана состоялъ въ примѣненіи лѣкарственныхъ дозъ. Совершенно резонно протестуя противъ огромныхъ дозъ, въ какихъ лѣкарства назначались больнымъ, Ганеманъ бросился въ противоположную крайность; перешелъ къ дозамъ сначала просто малымъ, а затѣмъ и къ безконечно малымъ. При этомъ, для оправданія подобныхъ дозъ, Ганеманъ основывался на двухъ совершенно произвольныхъ посылкахъ: первая заключалась въ томъ, что больной органъ непремѣнно гораздо чувствительнѣе къ подобранному лѣкарству, нежели здоровый; вторая посылка заключалась въ томъ, что, если измельчить какое-либо лѣкарственное вещество, то вслѣдствіе динамизаціи его лѣкарственная сила возрастаетъ. Какъ мы видимъ, Ганеманъ былъ настоящимъ сыномъ своей эпохи; стремленіе строить цѣлую систему, исходя изъ общихъ теоретическихъ соображеній,

*) А не «подобное *излѣчивается* подобнымъ», какъ говоритъ большинство гомеопатовъ, коверкая мысль своего учителя. У Ганемана не сказано Similia similibus curantur, а сказано curentur.



Дюпюитренъ демонстрируетъ передъ королемъ Карломъ X больную, которой впервые сдѣлана была операція снятія катаракта.

при недостаточномъ числѣ фактовъ, присуще было ему не менѣе, чѣмъ другимъ выдающимся его современникамъ; и если уже необходимо оцѣнивать системы, создавшіяся путемъ такихъ скороспѣлыхъ обобщеній, то за системой Ганемана все-таки остается право считаться наиболѣе раціональною изъ всѣхъ въ то время вырабатывавшихся системъ. Къ сожалѣнію, ганеманновское ученіе, какъ ученіе, которымъ пользоваться и которое примѣнять къ практикѣ могли люди весьма мало образованные въ естественно-научномъ и медицинскомъ отношеніяхъ, попало въ руки невѣждъ и шарлатановъ, которые, изображая изъ себя ярыхъ приверженцевъ Ганемана, въ дѣйствительности не только не содѣйствовали развитію тѣхъ здоровыхъ зародышей, какіе были въ ганеманновскомъ ученіи, но, напротивъ, постарались эти именно зародыши заморить и содѣйствовать развитію всѣхъ тѣхъ элементовъ гомеопатіи, которые, доведенные до геркулесовыхъ столбовъ, сдѣлали и всю гомеопатію и, къ сожалѣнію, ея выдающагося основателя предметомъ часто несправедливаго, а не менѣе часто и вполнѣ заслуженнаго издѣвательства.

Месмеризмъ или животный магнитизмъ, въ качествѣ спеціальной медицинской доктрины, является также плодомъ конца XVIII и начала XIX столѣтія. Нѣмецкій врачъ Фридрихъ-Антонъ Месмеръ (1734—1815), человѣкъ вообще склонный къ мистицизму и посвятившій свою докторскую диссертацію изслѣдованію вліянія небесныхъ свѣтилъ на нервную систему человѣка, пришелъ при своихъ занятіяхъ этимъ вопросомъ къ заключенію, что если такое взаимодѣйствіе между свѣтилами и человѣкомъ существуетъ, то существуетъ оно въ силу того, что отъ звѣздъ и небесныхъ тѣлъ изливается магнитный токъ, являющійся могучимъ факторомъ въ состояніи человѣческаго здоровья. Увлеченный этой мыслью, Месмеръ отъ нея перешелъ къ испытанію дѣйствія магнита на человѣка, а затѣмъ и къ дѣйствію одного человѣка на другого. Допуская, что каждый человѣкъ одаренъ извѣстною магнитной силой—кто больше, кто меньше—и считая эту силу весьма развитою въ своемъ организмѣ, Месмеръ началъ лѣчить различныя болѣзни «животнымъ магнетизмомъ». Лѣченіе это состояло въ томъ, что, усадивъ больного при условіяхъ болѣе или менѣе таинственной обстановки, онъ проводилъ руками около лица и туловища больного, то прикасаясь къ нему, то держа руки на нѣкоторомъ разстояніи, и этимъ приводилъ больного въ особое состояніе, которое въ концѣ-концовъ переходило въ полный «магнетическій» сонъ, названный «сомнамбулизмомъ» и приводившій магнетизируемаго больного къ способности будто бы даже предвидѣть будущее. Система Месмера вызвала въ обществѣ и среди врачей, даже весьма выдающихся и ученыхъ, огромное вниманіе. Месмеръ творилъ чудеса, и успѣхъ его лѣченія былъ такъ великъ, что пріемная знаменитаго магнетизера въ Парижѣ была осаждаемы больными всѣхъ сословій и состояній. Но не было недостатка и въ несчастныхъ случаяхъ. Нѣкоторые изъ больныхъ поплатились жизнью за слишкомъ ревностное пользованіе месмеровскимъ лѣченіемъ. Въ числѣ пострадавшихъ было нѣсколько весьма знатныхъ особъ, что вызвало [illegible] разслѣдованіе месмеровскаго метода и тѣхъ условій, [illegible] самъ творецъ этого метода примѣнялъ его на практикѣ. [illegible] было обнаружено много шарлатанства, и въ результатѣ [illegible] потерпѣлъ полное фіаско до такой степени, что все, что наблюдалось при магнитическомъ лѣченіи, было объяснено [illegible] со стороны Месмера или самообманомъ со стороны его довѣрчивыхъ паціентовъ. И весь месмеризмъ, со всѣми интересными къ нему относящимися явленіями, [illegible] предметомъ, въ какомъ пребывалъ бы и по сіе время, если бы англичанинъ Джемсъ Брэйдъ (Braid) въ [illegible] не воскресилъ месмеризма подъ новымъ названіемъ *гипнотизма*, и если бы блестящая Карлу Ганзену,

Дженнеръ.

объѣхавшему весь міръ и устраивавшему публичные гипнотическіе сеансы, гипнотизмъ не получилъ признанія со стороны ученыхъ всѣхъ направленій. Теперь оказалось, что главныя явленія, о которыхъ говорилъ Месмеръ и его ученики, дѣйствительно наблюдаются и не могутъ быть считаемы шарлатанствомъ, обманомъ или самообманомъ. И смертельные случаи, подавшіе поводъ къ разслѣдованію месмеровскаго лѣченія, получили свое объясненіе съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось, что гипнотизированіе, составляющее сущность месмеровскаго лѣченія, не можетъ быть считаемо безразличнымъ, и что, напримѣръ, люди, страдающіе порокомъ сердца или склонностью къ апоплексіи, не могутъ безъ вреда для здоровья и даже опасности для жизни подвергаться гипнотизаціи. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о причинахъ, столь существенно измѣняющихъ состояніе человѣка при гипнотизаціи, вопросъ о внушеніи, заставляющемъ человѣка обращаться во многихъ случаяхъ въ слѣпое орудіе гипнотизера, вопросъ о необыкновенномъ повышеніи или пониженіи нѣкоторыхъ физическихъ и психическихъ свойствъ человѣка, находящагося въ состояніи гипноза, остается и по сіе время вполнѣ темнымъ, не смотря на то, что онъ подвергался обсужденію и разбору со стороны крупнѣйшихъ европейскихъ физіологовъ и невропатологовъ новѣйшаго времени. Загадка месмеризма, хотя и подъ новымъ названіемъ, осталась загадкою, и всѣ даже весьма остроумныя толкованія гипнотическихъ явленій нисколько не освободили этихъ явленій отъ той атмосферы таинственности, какою они были окружены сто лѣтъ тому назадъ. Загадка эта оставлена XX вѣку почти во всей своей неприкосновенности; но конечно загадочность гипнотическихъ явленій кроется отнюдь не въ томъ, что мы имѣемъ въ этихъ явленіяхъ проявленіе какой-то новой, хотя бы астральной или иной какой-либо таинственной силы, а въ томъ, что психика человѣка, какъ много надъ нею ни работаютъ психо-физіологи и психологи, до сихъ поръ остается областью, въ которую наукѣ еще не удалось проникнуть.

Еще одна система, хотя и не имѣющая прямого медицинскаго характера, но имѣющая косвенное значеніе, насколько она связана съ анатоміей и физіологіей человѣка, заслуживаетъ упоминанія. Это такъ называемая *краніоскопія* или *френологія*. Основатель ея Францъ-Іосифъ Галль (1758—1828), будучи студентомъ вѣнскаго университета занимался анатоміей мозга; занятія эти онъ не прекращалъ и по полученіи докторской степени. Въ 1796 г. онъ выступилъ въ Вѣнѣ съ публичной лекціей, въ которой проводилъ тотъ взглядъ, что каждая часть мозга—этого органа совокупныхъ психическихъ функцій, сосредоточиваетъ въ себѣ спеціальныя функціи умственной и психической дѣятельности. Поэтому всѣ наши добродѣтели, пороки, склонности, способности, стремленія размѣщены по разнымъ частямъ мозга, при чемъ преобладаніе того или другого качества, той или другой склонности или способности сказывается въ соотвѣтственномъ развитіи и увеличеніи именно той части мозга, гдѣ эти способности, склонности или качества имѣютъ свое мѣстопребываніе. Къ этой основной мысли, не заключающей съ принципіальной точки зрѣнія ничего несообразнаго, Галль прибавилъ еще одну подробность, которая дала невѣждамъ и шарлатанамъ весьма удобное орудіе для эксплоатаціи легковѣрной публики. Галль утверждалъ, что развитіе той или другой части мозга сказывается и на черепѣ въ томъ отношеніи, что части черепа, соотвѣтствующія развившимся особенно сильно частямъ мозга, становятся видимыми или, по крайней мѣрѣ, прощупываемыми. Отсюда явилось раздѣленіе всего черепа на участки и включеніе въ каждый участокъ тѣхъ или другихъ психическихъ свойствъ. Френологическая таблица Галля, изображавшая такой черепъ, пользовалась такимъ распространеніемъ, что расходилась въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ; не мало поводовъ къ коми-

ческимъ и даже трагическимъ инцидентамъ давала теорія и таблица Галля. Случалось, что родители отказывались давать свое согласіе на бракъ дочери съ какимъ-либо молодымъ человѣкомъ, только потому, что, согласно таблицѣ Галля, на черепѣ жениха отсутствовала выпуклость любви къ дѣтямъ или, напротивъ, присутствовала выпуклость склонности къ воровству или убійству. Въ составленіи этой таблицы Галлю весьма большую помощь оказалъ ярый поклонникъ галлевскаго ученія, анатомъ Шпурцгеймъ. Ученіе Галля было оставлено довольно скоро послѣ своего появленія; но крайней мѣрѣ врачи не придавали ему значенія; но оно тѣмъ не менѣе было зародышемъ того, развившагося во второй половинѣ XIX вѣка, ученія, которое называется ученіемъ о локализаціи мозговыхъ процессовъ и которое благодаря блистательнымъ изслѣдованіямъ физіологовъ и невропатологовъ играетъ въ настоящее время огромную роль при діагнозѣ мозговыхъ заболѣваній.

Такъ, среди всевозможныхъ теорій и блужданій, среди мистицизма съ одной стороны и крайняго матеріализма — съ другой, среди стремленій подчинить медицину философіи и преимущественно шеллинговской натурфилософіи, накоплялись исподволь научные факты, которые, группируясь между собою, увеличиваясь въ количествѣ, освѣщаясь въ тѣхъ или иныхъ направленіяхъ, подготовляли фундаментъ для медицины,—фундаментъ, состоявшій въ развитіи всѣхъ тѣхъ наукъ, безъ развитія которыхъ медицина должна была бы и до сихъ поръ утопать въ болотѣ одного только грубаго эмпиризма. Такими науками были: анатомія со сравнительной анатоміей и эмбріологіей, микроскопическая анатомія (гистологія), физіологія, патологическая анатомія и патологія съ діагностикой, фармакологія и проч.

Въ началѣ XIX вѣка анатомія не представляла такой совершенно отдѣльной науки, какую она представляетъ теперь; анатомы были и физіологами, и врачами; хирурги были въ то же время спеціалистами по анатоміи. И такое положеніе вещей длилось почти въ теченіе всей первой половины столѣтія; въ это время появляются обстоятельныя и подробныя руководства по анатоміи, служившія настольными сочиненіями для каждаго врача и, въ особенности, хирурга. Въ числѣ лицъ, оказавшихъ громадное вліяніе на развитіе анатоміи вообще и сравнительной анатоміи въ частности, слѣдуетъ упомянуть величайшаго изъ ученыхъ Жоржа Кювье (1769—1832) и германскаго ученаго Іоганна-Фридриха Мекеля (1781—1833). Кювье, по справедливости, считается основателемъ сравнительной анатоміи, какъ науки. Его Leçons d'anatomie comparée», вышедшіе въ Парижѣ съ 1800—1805 г. въ пяти томахъ, считаются и до настоящаго времени однимъ изъ величайшихъ естественно-научныхъ трудовъ въ исторіи естествознанія. Современникъ Кювье и переводчикъ только что названнаго его сочиненія Іоганнъ-Фридрихъ Мекель весьма много содѣйствовалъ развитію анатоміи и сравнительной анатоміи своими трудами, обширнѣйшій изъ которыхъ «System der vergleichenden Anatomie» (1824—1833) въ 6 томахъ, написанный подъ вліяніемъ трудовъ Кювье и собственныхъ обширныхъ изслѣдованій, является классическимъ сочиненіемъ по сравнительной анатоміи.

Въ числѣ ученыхъ, болѣе или менѣе прославившихся на этомъ поприщѣ, слѣдуетъ упомянуть еще германскихъ ученыхъ Тидеманна, издавшаго знаменитыя таблицы артерій человѣческаго тѣла» (Tabulae arteriarum corporis humani, 1822) и, кромѣ того, извѣстнаго своими работами по физіологіи пищеваренія, его ученика Фоманна, автора сочиненія о лимфатическихъ сосудахъ, далѣе Шлемма и др. Изъ французскихъ ученыхъ прославились въ это время Жильберъ Бреше, опубликовавшій извѣстныя монографіи по анатоміи сѣтчатаго органа и кожи, затѣмъ Бекларъ, авторъ одного изъ лучшихъ руководствъ по анатоміи, Клоке, Жерди и др. У англичанъ въ это время выдвинулись Джонъ Белль, братъ знаменитаго Чарльса Белля, издавшій обширный учебникъ анатоміи и единственныя въ своемъ родѣ таблицы по анатоміи человѣка, вышедшія подъ заглавіемъ «Illustrations of the anatomy of the human body» («Иллюстраціи къ анатоміи человѣческаго тѣла»). Кюкетъ и др. Нельзя также обойти молчаніемъ итальянскаго ученаго, лейбъ-медика Наполеона I на островѣ св. Елены, Франческо Антоммарки, автора объемистаго сочиненія по анатоміи съ громадными рисунками (1819), а также нашего русскаго ученаго, виленскаго профессора Людвига Боянуса (1776—1827), имя котораго стояло на ряду съ именами наиболѣе выдающихся дѣятелей и основателей сравнительной анатоміи.

Дю-Буа-Реймонъ.

Въ области физіологіи ученые первой четверти истекшаго вѣка сосредоточили свое вниманіе на изученіи размноженія и исторіи развитія зародыша; и первая половина этого вѣка украшена не малымъ числомъ выдающихся именъ: помимо Дёллингера, Пандера, Гунке, Бурдаха слѣдуетъ упомянуть объ ученомъ, имя котораго тѣсно связано съ Дерптскимъ университетомъ — о Карлѣ Бэръ, который въ своей монографіи «Ueber Entwickelungsgeschichte der Tiere» («Объ исторіи развитія животныхъ») принесъ рядъ важныхъ открытій, касающихся яйца млекопитающихъ, спинного мозга и оболочекъ зародыша. Весьма важны были также работы французскаго эмбріолога Коста, открывшаго въ 1827 г. зародышевое пятно въ яйцѣ животныхъ и нѣмецкаго физіолога Рудольфа Вагнера, открывшаго въ 1835 г. такое же пятно въ яйцѣ человѣка. Но главнѣйшіе успѣхи физіологіи связаны съ именами французскихъ ученыхъ—Франсуа Мажанди (1783—1855) и Мари-Жанъ-Пьера Флуранса (1794—1867), которымъ принадлежитъ честь установки экспериментальной физіологіи на живыхъ животныхъ. Мажанди, благодаря цѣлому ряду своихъ работъ, по справедливости считается отцомъ новѣйшей французской экспериментальной физіологіи, а Флурансъ, открывшій въ 1837 г. такъ называемый «Point vital» — жизненную точку, представляющую собою важнѣйшій нервный центръ дыханія, положилъ экспериментальный фундаментъ современному ученію о локализаціи. Рядомъ съ работами французскихъ ученыхъ стоитъ работа англичанина Чарльса Белля, хирурга, анатома и физіолога, открывшаго въ 1811 г. извѣстный «законъ Белля» о переднихъ — двигательныхъ и заднихъ — чувствительныхъ корешкахъ спинного мозга; не менѣе важны работы другого англійскаго ученаго, Маршалля Галля (1790—1857), разработавшаго ученіе о рефлексахъ и введшаго въ медицинскую практику искусственное дыханіе. Въ Германіи во главѣ біологовъ стоялъ въ первой половинѣ XIX вѣка знаменитый Іоганнесъ Мюллеръ (1801—1858): это былъ въ полномъ смыслѣ основатель школы, къ которой принадлежали почти всѣ за нимъ слѣдовавшіе какъ физіологи, такъ и патологи. Необыкновенно всесторонній экспериментаторъ, блестящій наблюдатель, человѣкъ, обладавшій геніальнымъ умомъ и огромными естественно-научными познаніями, Мюллеръ работалъ и въ области анатоміи, и въ области нормальной гистологіи, зоологіи, сравнительной анатоміи, патологіи, и главнымъ образомъ въ области физіологіи.

Груберъ.

Что касается самой патологіи, то какъ уже было упомя-

нуюѣ ваше. въ ней царствовалъ полный хаосъ всевозможныхъ абстрактныхъ, лишенныхъ здоровой фактической почвы, системъ. И если патологія вышла, наконецъ, на чистую дорогу, если она, въ качествѣ науки о болѣзняхъ, сама наконецъ освободилась отъ той болѣзни, которою была поражена въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, то обязана она этимъ исключительно французамъ, которые вообще занимали въ исторіи успѣховъ медицины первой половины XIX вѣка мѣста учителей и руководителей всего остальнаго міра. На истинную дорогу патологія начала выходить со времени появленія трудовъ Бруссэ (1722—1838), но и Бруссэ отдалъ дань своему времени и, увлекшись ученіемъ Бишa, соединилъ это ученіе отчасти съ идеями Броуна и создалъ свою теорію гастроэнтерита (т. е. воспаленіе желудочно-кишечнаго канала), по которой гастроэнтеритъ именно и является источникомъ всѣхъ рѣшительно болѣзней. И вотъ, усматривая во всемъ воспаленія, Бруссэ сталъ такъ неумѣренно пользоваться кровопусканіями, что его время справедливо называютъ иногда временемъ медицинскаго вампиризма. Къ счастью, одновременно съ Бруссэ дѣйствовалъ и другой знаменитый врачъ, лейбъ-медикъ Наполеона I. Корвизаръ (1755—1821), труды котораго прокладывали дорогу для строго-научной патологіи, и который ввелъ въ медицинскую діагностику методъ *выстукиванія*, предложенный еще въ 1761 г., но не обратившій на себя въ то время ни малѣйшаго вниманія. Вскорѣ появилась и работа Лэнэка, предложившаго *выслушиваніе*, какъ одинъ изъ методовъ изслѣдованія легочныхъ и сердечныхъ болѣзней. Съ этого времени французскіе врачи принимаются съ большой энергіей за патолого-анатомическія изслѣдованія и выставляютъ такихъ крупныхъ патолого-анатомовъ, какъ Бэйль (Bayle), Крювелье, занявшій съ 1835 г. спеціальную каѳедру патологической анатоміи, Бретонно, работы котораго о дифтеритѣ имѣютъ большое историческое значеніе и мн. др.

Всѣ эти работы оставались, однако, почти безъ всякаго вліянія на клиническую медицину. Были отличные, даже знаменитые врачи, въ родѣ, напр., всемірно-извѣстнаго Туфеланда (1762—1836) или стараго Гейма, но знаменитость ихъ основывалась отнюдь не на ихъ роли въ наукѣ, а, главнымъ образомъ, на удачныхъ лѣченіяхъ болѣзней. И только лишь Лука Шёнлейнъ въ Германіи (1793—1864), сдѣлавшись въ 1840 г. профессоромъ въ Берлинѣ, сталъ на истинно-научную дорогу, пользуясь у постели больного всѣми пріемами физическаго и химическаго изслѣдованія: выстукиваніемъ, выслушиваніемъ, изслѣдованіемъ выдѣленій и проч., и тѣмъ создалъ, подобно своему современнику Іоганнесу Мюллеру, совершенно опредѣленную школу раціональныхъ врачей и профессоровъ. Въ это же время въ Англіи появились изслѣдователи отдѣльныхъ патологическихъ процессовъ: Ричардъ Брайтъ описалъ почечную болѣзнь, извѣстную подъ названіемъ Брайтовой, Адиссонъ (1856) далъ описаніе болѣзни надпочечныхъ железъ, извѣстной подъ названіемъ Адиссоновой, а Грюсъ (Graves) описалъ особую болѣзнь (пучеглазіе), первое описаніе которой приписывалось по ошибкѣ врачу Базедову, и которая такъ и называется Базедовой болѣзнью. Въ это же время въ Италіи прославился знаменитый патологъ Маврицio Бузалини.

Что касается терапіи, то она въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка представляла собою нѣчто невообразимое. Лѣкарства, прописывавшіяся больнымъ, представляли невѣроятнѣйшія смѣси, въ которую сплошь и рядомъ входили такія «могущественныя» средства, какъ порошки изъ старой высушенной лягушки, и т. п. Въ этомъ отношеніи появленіе омеопатіи съ ея протестомъ противъ ужасныхъ смѣсей было несомнѣнно шагомъ впередъ, такъ какъ она, во-первыхъ, дала больной вѣсь лѣченію безъ всякихъ лѣкарствъ, и, во-вторыхъ, пріучила врачей къ мысли о томъ, что достоинство лѣкарства вовсе не заключается въ томъ, чтобы оно представляло собою мѣсиво изъ десятковъ составныхъ частей. Къ сожалѣнію въ первую четверть XIX столѣтія было кромѣ того открыто обильно такихъ фармацевтическихъ препаратовъ, въ дѣйствительности которыхъ не могло быть никакого сомнѣнія: такъ, въ 1817 г. сдѣлался извѣстенъ способъ полученія морфія изъ опія; въ 1818 г. сталъ извѣстенъ стрихнинъ, въ 1820 хининъ, а въ 1833 атропинъ. Наконецъ въ это же время получила свое начало гидротерапія, введенная въ терапевтическую практику простымъ безграмотнымъ крестьяниномъ Викентіемъ Присницемъ (1790—1851).

Что касается хирургіи, то она по самому существу своему не могла страдать тѣми недостатками, коими страдали другія части медицины. Здѣсь философскія теоріи были не у мѣста. Нужно было знать хорошо описательную и, въ особенности, топографическую анатомію, нужно было обладать ловкостью, смѣлостью и находчивостью и менѣе всего склонностью къ философскимъ построеніямъ. Вотъ почему, когда патологія изобрѣтала общія системы, строившіяся на натурфилософіи, хирургія учила, какъ нужно рѣзать, перевязывать раны, повязывать переломы и проч. Въ области хирургіи Франція въ первую половину XIX вѣка занимала главенствующее положеніе; каждый хирургъ, прежде чѣмъ добиться каѳедры, долженъ былъ ѣхать во Францію и обучаться у тамошнихъ свѣтилъ. Понять, почему хирургія процвѣтала именно во Франціи—не трудно. Во-первыхъ, во Франціи патолого-анатомическая діагностика стояла на высокой ступени, что давало французскимъ врачамъ-хирургамъ хорошую теоретическую подкладку; но кромѣ того—и это, пожалуй, еще важнѣе: первые года XIX вѣка прошли во Франціи въ сплошныхъ войнахъ Наполеона, и французскіе хирурги имѣли возможность пріобрѣтать на поляхъ битвы столь обширный навыкъ въ производствѣ всякихъ—начиная отъ легчайшихъ и кончая труднѣйшими—операцій, что, конечно, съ ними въ этомъ никто не могъ конкурировать. Достаточно указать, напримѣръ, хотя бы на то, что знаменитый хирургъ Жанъ Доминикъ Ларрей (1766—1842) продѣлалъ съ Наполеономъ 25 походовъ и при невѣроятной работѣ на поляхъ битвы и въ лазаретахъ находилъ еще время для научныхъ работъ. Не удивительно, что ему вполнѣ заслуженно данъ титулъ творца современной полевой хирургіи. Но не только въ полевой хирургіи французскіе хирурги пріобрѣли первенство, они его пріобрѣли и въ такихъ операціяхъ, которыя съ операціями, нынче продѣлываемыми на поляхъ битвъ, перевязочныхъ пунктахъ и лазаретахъ, ничего общаго не имѣютъ. Такъ, всемірной извѣстностью пользовался, наприм., одинъ изъ геніальнѣйшихъ операторовъ, какіе когда либо встрѣчались въ мірѣ, Гильомъ Дюпюитренъ (1778—1835) въ Парижѣ. Онъ первый сдѣлалъ въ 1812 г. резекцію нижней челюсти и первый же во Франціи рискнулъ сдѣлать перевязку крупныхъ сосудистыхъ стволовъ. Его соперникъ, Филиберъ Жозефъ Ру (1780—1854) изобрѣлъ нѣбный шовъ. Гертелу (отецъ и сынъ) прославились своими камнедробленіями, Жакъ Дельпешъ содѣйствовалъ успѣхамъ ортопедіи, Лисфранкъ и Велпо пріобрѣлъ большую извѣстность, первый въ способѣ вылущенія стопы, второй въ способѣ повязки плеча. Англичане тоже имѣли крупныхъ хирурговъ, въ числѣ которыхъ былъ знаменитый Куперъ (Cooper) и Листонъ; въ Америкѣ дѣйствовалъ и отецъ американской хирургіи Макъ-Доуэлль, произведшій въ 1809 г. первую удачную овариотомію. Въ Германіи особенно прославился Іоганнъ Фридрихъ Диффенбахъ (1794—1847).

Но, разумѣется, истинные успѣхи могло сдѣлать операціонное искусство лишь со введеніемъ анестезирующихъ средствъ въ хирургическую практику. Дѣло въ томъ, что до введенія анестезіи масса больныхъ, боясь истинно невыносимыхъ мученій, сопряженныхъ съ каждою операціей, мученій, которыя ничѣмъ не уступали самымъ ужаснымъ средневѣковымъ пыткамъ, предпочитала смерть этимъ мукамъ; понятно, что съ того времени, какъ операціи можно было производить такъ, что больной былъ освобождаемъ отъ страданій, число больныхъ, готовыхъ подвергнуться операціи, сильно возросло, операціи могли производиться спокойнѣе, безъ торопливости и т. д. Вслѣдствіе этого, врачъ получилъ возможность располагать гораздо большимъ матеріаломъ и во время самой операціи спокойно продолжать свое дѣло, не видя со стороны больного адскихъ страданій и не слыша душу раздирающихъ воплей. Анэстетическія средства были найдены чисто случайно въ Америкѣ. Американскій врачъ Чарльсъ Джексонъ

(1805—1880), желая парализовать вредное дѣйствіе хлора, съ которымъ ему пришлось много возиться, сталъ дышать эфиромъ и при этомъ замѣтилъ болеутоляющее дѣйствіе эфира; случилось это въ 1833 г. Въ 1846 г. въ одномъ изъ госпиталей Бостона, при удаленіи опухоли на шеѣ, было испытано дѣйствіе эфира. Результаты оказались блестящими. Эти результаты были сообщены парижской академіи наукъ, послѣ чего слухъ о нихъ распространился по всему міру. Черезъ годъ послѣ этого увѣдомленія, знаменитый англійскій акушеръ и гинекологъ Джемсъ Юнгъ Симпсонъ (1811—1870) примѣнилъ вмѣсто эфира хлороформъ, открытый въ 1731 году Суберапомъ и добытый въ 1832 г. Либихомъ. Такъ вошелъ хлороформъ въ хирургическую практику. Развитіе и успѣхи акушерства въ первой половинѣ XIX вѣка заключались въ томъ, что во-первыхъ были приняты во вниманіе измѣренія таза, а затѣмъ въ томъ, что многіе акушеры стали пропагандировать выжидательный способъ и возможно осторожное прибѣганіе къ хирургическимъ пріемамъ наложенія щипцовъ при родахъ. Кромѣ того, въ 40-хъ годахъ, нѣкоторые акушеры, благодаря почину Симпсона, стали при особенно трудныхъ родахъ примѣнять анэстезирующія вещества—эфиръ и хлороформъ. Нельзя, кромѣ того, обойти молчаніемъ и тотъ фактъ, что оспопрививаніе, введеніе котораго въ качествѣ предохранительнаго средства противъ заболѣванія натуральной оспою относится къ концу XVIII вѣка (1796), теперь стало пріобрѣтать сторонниковъ, и Дженнеръ, предложившій оспопрививаніе, не былъ преслѣдуемъ издѣвательствами и злословіемъ.

Такъ закончилась для медицины первая половина XIX вѣка. Широкое развитіе химіи, физики и естествознанія, характеризующее эту первую половину, начало мало-по-малу оказывать свое могущественное вліяніе и на медицину. Законъ сохраненія энергіи, до 50-хъ годовъ составлявшій еще достояніе отдѣльныхъ кружковъ ученыхъ физиковъ, теперь началъ проникать во всѣ слои, и врачи принуждены были считаться съ нимъ. Ученіе о жизненной силѣ, спеціально дѣйствующей въ живыхъ организмахъ, потеряло значительную часть своего обаянія—отчасти благодаря успѣхамъ органической химіи, давшей цѣлый рядъ блестящихъ синтезовъ и показавшей, что вещества животнаго и растительнаго происхожденія могутъ быть получаемы при помощи обыкновенныхъ физическихъ и химическихъ силъ. Уваженіе къ механикѣ, физикѣ и химіи возросло до такой степени, что на нихъ возлагались самыя смѣлыя упованія: отъ нихъ ждали не только уясненія обыкновенныхъ животныхъ процессовъ, происходящихъ въ организмѣ, но и полнаго разъясненія темныхъ психическихъ явленій. Появилась школа матеріалистовъ, сходная, правда, съ французской школою матеріалистовъ XVIII вѣка, но отличавшаяся отъ этой послѣдней тѣмъ, что ея построенія были основаны не столько на общихъ соображеніяхъ, сколько на новооткрытыхъ естественно-научныхъ фактахъ. Сочиненіе Бюхнера: Kraft und Stoff (Сила и матерія) явилось, такъ сказать, теоретическою основою новаго направленія; сочиненіе Молленшота Kreislauf des Lebens» (Круговоротъ жизни) имѣло въ виду провести это новое направленіе черезъ ученіе о жизни. Такая новая струя, объявившая смертельную войну абстрактной философіи, выдвинувшая на первый планъ фактъ, наблюденіе и опытъ, должна была, конечно, дать мощный толчокъ именно медицинѣ, для которой эти факторы знанія имѣли большее значеніе, нежели всякія безпочвенныя теоретизированія. По мѣрѣ того, какъ возрѣніе на человѣческій организмъ становилось все болѣе и болѣе, если можно такъ выразиться, физико-химическимъ, медицина выигрывала не только въ смыслѣ теоретическомъ, но и практическомъ. Наибольшая часть нашихъ современныхъ методовъ изслѣдованія и лѣченія основалась на физико-химическихъ принципахъ. Фотографія, микроскопія, выслушиваніе, выстукиваніе, офтальмоскопія, ларингоскопія, эндоскопія, цистоскопія и, наконецъ, рентгеноскопія, электро и гидротерапія, новѣйшая фототерапія (лѣченіе свѣтомъ), механотерапія и мн. друг. все это было заимствовано отъ физики; знакомство съ физіологіей и патологіей питанія, съ болѣзнями обмѣна, масса новыхъ лѣкарственныхъ веществъ, частью вновь открытыхъ, частью извлеченныхъ изъ растеній—все это было дано, сдѣлавшею огромные успѣхи химіей. Химическія же изслѣдованія надъ гніеніемъ, броженіемъ, безсмертныя работы Пастера по вопросу о причинахъ гніенія, подготовили почву для развитія современныхъ ученій объ инфекціонныхъ болѣзняхъ, для возникновенія бактеріологіи и для разумнаго обоснованія ученія о дезинфекціи. Съ другой стороны быстрые шаги, которыми двигалась наука, потребовали раздѣленія труда, разбитія науки на отдѣльныя спеціальности, по которымъ читались лекціи отдѣльными профессорами, создавались институты, клиники внутреннихъ, дѣтскихъ, инфекціонныхъ, кожныхъ, глазныхъ и всякихъ другихъ болѣзней. Все измѣнилось, и самое преподаваніе медицинскихъ наукъ стало неузнаваемо. Явились роскошнѣйшіе анатомическіе институты съ организованными въ нихъ правильными практическими занятіями. Въ Германіи дѣйствовали на каѳедрахъ анатоміи Іосифъ Гиртль (1811—1894), авторъ знаменитаго учебника анатоміи, переведеннаго на всѣ европейскіе языки, Яковъ Генле (1809—1885), прославившійся не только своими анатомическими изслѣдованіями, но также и работами въ области патологіи; Максъ Шульце, прославившійся своими изслѣдованіями по гистологіи органовъ чувствъ, Лушка, Эби и нѣк. др.; изъ французскихъ анатомовъ и гистологовъ стоитъ на первомъ мѣстѣ Робэнъ, изъ англійскихъ Вилліамъ Боуманнъ и др. И Россія не осталась въ сторонѣ отъ этого движенія: кромѣ знаменитаго хирурга и анатома Пирогова, прославившагося изданіемъ своего анатомическаго атласа, въ средѣ русскихъ анатомовъ прославились В. Л. Груберъ (1814—1890), знаменитый изслѣдователь анатомическихъ аномалій, показавшій значеніе ихъ для теоріи происхожденія видовъ и обратившій вниманіе на то, что многія и притомъ наиболѣе часто встрѣчающіяся въ человѣческомъ тѣлѣ аномаліи являются нормальными принадлежностями обезьянъ или другихъ еще дальше отъ человѣка стоящихъ животныхъ, затѣмъ варшавскій проф. Гойеръ, извѣстный своими изслѣдованіями по гистологіи, Бабухинъ, прославившійся своими изслѣдованіями электрическаго органа рыбъ, Ивановъ, которому принадлежатъ лучшіе микроскопическіе препараты сѣтчатой оболочки глаза, Овсянниковъ, которому принадлежитъ рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій по гистологіи, и нѣк. др.

Физіологія, элементы экспериментальнаго развитія которой были заложены уже въ первую половину истекшаго вѣка, продолжала развиваться въ томъ же направленіи, при чемъ во Франціи Лонже и Клодъ Бернаръ разрабатывали ее, держась идей, завѣщанныхъ Мажанди и Флурансомъ. Цѣлый рядъ блистательныхъ открытій Клодъ-Бернара (1813—1878) имѣлъ самое значительное вліяніе на успѣхи этой отрасли знаній: въ 1846 г. онъ выяснилъ роль панкреатической железы въ актѣ пищеваренія, въ 1849 г. произвелъ свою знаменитую Piqûre, т. е. нашелъ такую точку въ мозгу, уколъ которой вызываетъ появленіе въ мозгѣ сахара, въ 1851 открылъ вазомоторную роль симпатическаго нервнаго сплетенія, въ 1853 г. показалъ, что печень является органомъ, въ которомъ образуется животный сахаръ (гликогенъ) и многое другое; рядомъ съ этими двумя физіологами слѣдуетъ упомянуть еще о Гильомѣ Дюшеннѣ, переработавшемъ мышечную физіологію и создавшемъ электродіагностику и электротерапію, Шарлѣ Броунъ-Секарѣ, выдающемся изслѣдователѣ физіологіи нервной системы, Полѣ Брока, открывшемъ центръ рѣчи въ мозгу, и Поль-Бертѣ, изучившемъ вліяніе атмосферного давленія на организмъ. Изъ нѣмецкихъ физіологовъ на одну доску съ названными французскими учеными должны быть поставлены, во-первыхъ, Германъ Гельмгольцъ, который преимущественно прославился, кромѣ физическихъ работъ, своими работами по физіологической оптикѣ и акустикѣ. Его сочиненія Die Lehre von den Tonempfindungen («Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ») и Physiologische Optik составляютъ цѣлую эпоху въ области физіологіи органовъ чувствъ. Во-вторыхъ, Эмиль Дю-Буа Реймонъ (1818—1896), знаменитый изслѣдователь въ области мышечной и нервной физіологіи. Затѣмъ, Эрнестъ Брюкке, работавшій въ области

[illegible] физіологической химіи, физіологіи органовъ [illegible], рёлле, вашеваренка и др., братья Веберы, въ особенности Эрнстъ-Генрихъ (1795—1878), принимавшій [illegible] роль блуждающаго нерва въ сердечной дѣятельности; Карлъ Людвигъ (1816—1895), которому принадлежитъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій въ области физіологіи кровообращенія, отдѣльныхъ железъ и, кромѣ того, созданіе цѣлаго ряда самопишущихъ приборовъ, имѣвшихъ огромное значеніе въ методикѣ экспериментальной физіологіи. Кромѣ указанныхъ заслугъ, названные ученые явились разсадниками [illegible] физіологическихъ [illegible], и не было [illegible] физіолога, который не поработалъ бы въ знаменитыхъ лабораторіяхъ [illegible] или нѣсколькихъ изъ этихъ крупныхъ дѣятелей науки. Болѣе молодыя поколѣнія физіологовъ продолжали [illegible] учителей, и сильнѣ за ихъ работами дальше становится [illegible] всемъ грандіозными. Всѣ отдѣльныя части физіологіи [illegible] для себя блестящихъ представителей: Пфлюгеръ, Гейденгайнъ, Дондерсъ, Фойтъ, Мюллеръ, Гитцигъ, Пройеръ, Вундтъ — истинный продолжатель знаменитаго основателя психофизики Густава Фехнера (1801—1887), Рише, Сеченовъ, Цонъ, И. Е. Введенскій и т. д. съ честью продолжаютъ дѣло, начатое ихъ великими учителями и руководителями.

Вирховъ.

Что касается патологіи и [illegible], то она въ Германіи и въ Австріи получила представителей, труды которыхъ [illegible] составили новую эпоху въ медицинѣ. Послѣ того, какъ французскіе ученые первой половины XIX вѣка показали всю важность провѣрки [illegible] изслѣдованій и [illegible], посредствомъ [illegible] рядовъ больныхъ, [illegible] или другихъ болѣзней, [illegible] австрійскихъ ученыхъ Іосифъ Шкода (1805—1881) и Карлъ Рокитанскій (1804—1878) и два берлинцы: Лестъ, Грэфе (1848—1876) и Рудольфъ Вирховъ (1821) вступили на этотъ плодотворный путь; при этомъ Шкода [illegible] себя [illegible] и разработкѣ клиническихъ [illegible], а Рокитанскій — разработкѣ патологическ[illegible]. Почти въ такомъ же отношеніи другъ къ другу [illegible] Грэфе и Вирховъ. Въ то время, какъ Грэфе разрабатывалъ [illegible] сторону болѣзненныхъ процессовъ, Вирховъ [illegible] все свое значеніе на анатомической [illegible] свою знаменитую целлюлярную патологію, въ [illegible] что источники болѣзненныхъ процессовъ [illegible] въ [illegible] клѣткѣ, и что такая больная клѣточка [illegible] физико-химическимъ законамъ, какимъ [illegible] и [illegible] клѣтки. Блистательно подтвердивъ [illegible] свои [illegible] новыми изученными фактами, [illegible] по справедливости считается отцомъ патологической [illegible]. И если въ [illegible] настоящаго [illegible] весь міръ [illegible] въ чествованіи Вирхова [illegible] то это объясняется [illegible] выдающимся ученымъ.

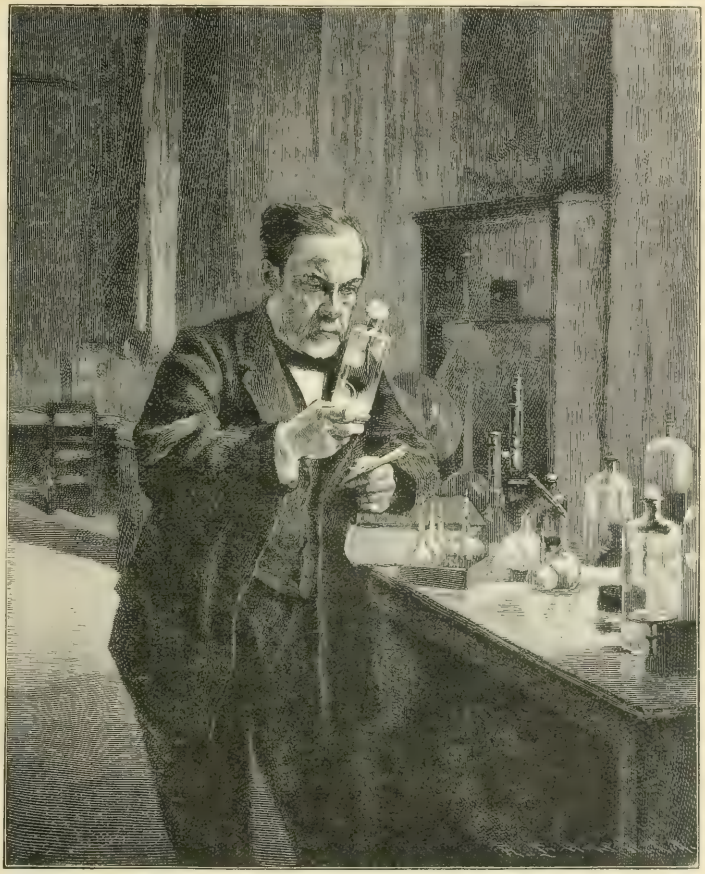
между нами существующими врачами можетъ считаться [illegible] заслуженный старецъ, прославившійся не только своей научною дѣятельностью, но и общественною. И если целлюлярная патологія Вирхова потерпѣла нѣкоторыя даже существенныя измѣненія въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, какъ напримѣръ, во взглядахъ на воспалительные процессы и ихъ причины, то общія начала целлюлярной патологіи и до настоящаго времени не потеряли своего значенія. Кромѣ того, Вирховъ не мало сдѣлалъ и для развитія антропологіи, въ особенности въ области краніологіи (науки о черепахъ).

Къ патологіи, какъ наукѣ о болѣзняхъ, плотно примкнулъ тотъ отдѣлъ естествознанія, который носитъ названіе *бактеріологіи* и который, въ послѣдніе 25 лѣтъ, поставленъ на строго-научную почву. Отцомъ бактеріологіи, именно той, которая стала играть роль въ медицинѣ и гигіенѣ, долженъ считаться Пастёръ. Изслѣдованія этого великаго химика по вопросамъ о гніеніи и броженіи выяснили участіе въ этихъ процессахъ низшихъ организмовъ; изслѣдованіе болѣзней пива, вина, болѣзней шелковичнаго червя показало, какую роль и въ этихъ явленіяхъ играютъ низшіе организмы и ихъ зародыши, постоянно носящіеся въ воздухѣ. Отсюда весьма легко было перейти къ вопросамъ о гнилостныхъ процессахъ на ранахъ, о гнойномъ воспаленіи брюшины, наблюдаемомъ каждый разъ, когда брюшина приходила въ сообщеніе съ наружнымъ воздухомъ, и т. д. Такимъ образомъ, путь къ бактеріологіи былъ намѣченъ: ученые поняли со времени Пастёра, какое значеніе для медицины можетъ имѣть изученіе низшихъ организмовъ. Но для этого недоставало еще вполнѣ удобныхъ методовъ. Пастеръ разводилъ бактерій въ особаго рода питательныхъ жидкостяхъ (бульонахъ); при такихъ условіяхъ было чрезвычайно трудно изучать отдѣльные виды, такъ какъ въ бульонахъ всегда развивались различные виды бактерій, и изученіе ихъ требовало постояннаго пользованія микроскопомъ. Человѣкъ, которому принадлежитъ честь полной переработки методовъ изслѣдованія бактерій — это знаменитый нѣмецкій натуралистъ и врачъ Робертъ Кохъ (род. въ 1843 г.). Употребляя различные способы окрашиванія бактерій, пользуясь для культуры бактерій желатиною или какими-либо другими полутвердыми веществами, Кохъ разработалъ методы чистыхъ культуръ, и это далъ ему возможность въ теченіе короткаго времени показать и доказать зависимость сибирской язвы, туберкулоза и холеры отъ специфическихъ бактерій. На этой же почвѣ, воздѣланной Пастеромъ и Кохомъ, болѣе молодые ученые открыли бактеріи дифтерита, крупознаго воспаленія легкихъ, травматическаго столбняка, чумы, лепры и др. Но, кромѣ того, изученіе тѣхъ измѣненій, которымъ подвергаются бактеріи подъ вліяніемъ свѣта, тепла и проч., при чемъ измѣняется ихъ ядовитость, привело къ предохранительнымъ прививкамъ, въ особенности, получившимъ сильное развитіе съ того времени, какъ трудами нѣкоторыхъ ученыхъ выяснилось, что бактеріи при своемъ развитіи выдѣляютъ яды, способные убивать самихъ же бактерій. Тутъ явились ученые (Рише, Ру, Беринги), которые предложили воспользоваться ослабленными ядами бактерій для вирыски-

ванія этихъ ослабленныхъ ядовъ, съ цѣлью предохраненія отъ заболѣваній или съ цѣлью ослабленія вредоносности бактерій, уже внѣдрившихся въ человѣка и вызвавшихъ въ немъ тотъ или другой болѣзненный процессъ. Уясненіе роли бактерій, какъ возбудителей болѣзней, повело за собою примѣненіе антисептики, прославившее англійскаго хирурга Листера (род. 1827 г.), при производствѣ операцій и въ особенности асептики, которая старалась во время самой операціи по возможности устранять изъ воздуха содержащіеся въ немъ зародыши вредоносныхъ микроорганизмовъ.

Что касается развитія терапіи во второй половинѣ XIX вѣка, то прежде всего надо указать, что пресловутое seignare, purgare, laxare (пусканіе крови, употребленіе слабительныхъ) старыхъ врачей было оставлено; врачи поняли, что задача ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сводится къ лѣченію сообразно съ причиною, симптомами и слѣдствіями болѣзни, и что общихъ правилъ, одинаково примѣнимыхъ ко всѣмъ болѣзнямъ, не можетъ существовать. Въ такомъ направленіи именно и дѣйствовали выдающіеся европейскіе клиницисты, какъ Людвигъ Траубе, Вундерлихъ, Фрерихсъ, Фридрейхъ, Куссмауль, Оппольцеръ, Бамбергеръ, Труссо, Иноземцевъ, Боткинъ, Захарьинъ и друг.

Хирургія, уже и въ первую половину истекшаго вѣка стоявшая на значительной высотѣ, теперь, разумѣется, имѣя въ своемъ распоряженіи хлороформъ, антисептику и асептику, стала въ буквальномъ смыслѣ слова совершать чудеса; и если во время севастопольской кампаніи разсказывали, будто Пироговъ вынимаетъ внутренности, моетъ ихъ, сушитъ на солнцѣ и затѣмъ опять вкладываетъ назадъ и эти разсказы вызывали лишь улыбку на лицахъ людей мало-мальски знакомыхъ съ хирургіей, то въ настоящее время эти разсказы не такъ далеки отъ истины, и вырѣзыванія кусковъ желудка, цѣлаго аршина кишекъ, кусковъ мозга, кусковъ пищепровода, удаленіе почки и тому подобныя операціи можно наблюдать во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣются хорошіе хирурги, и для производства такихъ операцій нѣтъ надобности быть Пироговымъ, Лангенбекомъ, Дюпонтреномъ. Впрочемъ, вторая половина XIX вѣка выставила такихъ знаменитыхъ хирурговъ, какъ Бильротъ, Бардеслебенъ, Тиршъ, Бергманъ, Пелатонъ и друг.



Пастеръ.

Въ близкомъ родствѣ съ хирургіей стоитъ ученіе о глазныхъ болѣзняхъ. Въ исторіи развитія этого ученія рѣзко замѣчается дѣленіе на два періода. Первый явился до 1851 г., т. е. до изобрѣтенія Гельмгольцемъ глазного зеркала (офтальмоскопа), второй начался съ этого изобрѣтенія. Глазныя болѣзни изучались и лѣчились и до 1851 г., но вслѣдствіе того, что внутренность человѣческаго глаза вполнѣ скрыта отъ врача, цѣлый рядъ глазныхъ болѣзней оставался совершенно необъясненнымъ, и врачи не могли въ точности указать, въ какой части глаза кроется источникъ болѣзни и причина ея. И вдругъ офтальмоскопъ освѣщаетъ внутренность глаза вплоть до самаго дна, даетъ возможность врачу разсматривать сѣтчатую оболочку больного глаза и искать въ разныхъ мѣстахъ его источниковъ болѣзни. Само собою разумѣется, что этимъ совершился цѣлый переворотъ. И человѣкъ, который использовалъ всѣ достоинства глазного зеркала для разработки ученія о глазныхъ болѣзняхъ, былъ знаменитый нѣмецкій окулистъ Альбрехтъ Грэфе (1828 — 1870). Вотъ почему Гельмгольцъ своими физическими и физіологическими изслѣдованіями по оптикѣ, Дондерсъ — анатомическими и Грэфе — клиническими вполнѣ заслужили званіе основателей современной офтальмологіи.

Совершенно новою медицинскою отраслью явилась во второй половинѣ XIX вѣка, такъ называемая ларингологія — наука о гортани въ нормальномъ и патологическомъ состояніи. Возникновеніемъ своимъ эта отрасль обязана изобрѣтенію ларингоскопа (гортаннаго зеркала), имѣющаго для ларингологіи такое же значеніе, какое офтальмоскопъ Гельмгольца имѣлъ для ученія о глазныхъ болѣзняхъ. Устройствомъ гортаннаго зеркала была дана возможность не только изучать нормальныя и патологическія состоянія гортани на живомъ человѣкѣ, но также предпринимать различныя терапевтическія мѣры (напр., введеніе лѣкарственныхъ веществъ, прижиганія), по отношенію къ такимъ частямъ гортани, которыя безъ помощи зеркала оставались бы скрытыми отъ глазъ врача. Первыя попытки къ устройству гортаннаго зеркала были сдѣланы не врачомъ, а учителемъ пѣнія въ Лондонѣ, Мануэлемъ Гарчія, которому въ 1854 году удалось устроить приборъ для разсматриванія своей собственной гортани. Но истиннымъ основателемъ ларингологіи должен считаться Іоганнъ Непомукъ Чермакъ (1828 — 1873), устроившій гортанное зеркало въ его современномъ видѣ. Послѣ этого явилась возможность производить въ глубокихъ частяхъ гортани различнаго рода операціи, успѣху которыхъ весьма содѣйствовалъ, между прочимъ, профессоръ Бельтолини введеніемъ галвано-каустическаго метода оперирования.

Лѣченіе накожныхъ болѣзней стѣлало ужъ въ XIX вѣкѣ значительные успѣхи, благодаря трудамъ англійскаго врача Гаймена и французскаго Алибера. Новую же эпоху въ этой области медицины открыли работы Феликса Бервенгрупа и Фердинанда Гебры. Первый основалъ ученіе о нервныхъ заболѣваніяхъ кожи, показавъ, что нѣкоторыя кожныя заболѣванія имѣютъ своимъ источникомъ извѣстныя измѣненія въ функціяхъ нервовъ. Гебра поставилъ на видное мѣсто при изученіи кожныхъ заболѣваній опытъ и разъ навсегда покончилъ со старыми теоріями, по которымъ большинство накожныхъ болѣзней считалось происходящимъ вслѣдствіе испорченности крови или вслѣдствіе присутствія въ организмѣ «дурныхъ соковъ»; на мѣсто этихъ отжившихъ теорій Гебра выдвинулъ паразитарную теорію кожныхъ болѣзней, которая для многихъ случаевъ и осталась главенствующею.

Кохъ.

Успѣхи хирургіи весьма сильно отразились во второй половинѣ XIX вѣка на акушерствѣ и гинекологіи. Прежде всего здѣсь приходится указать на огромный шагъ, сдѣланный въ вопросѣ о причинахъ, такъ-называемой, послѣродовой горячки. Эта болѣзнь весьма схожа съ различными, такъ-называемыми, внезапными госпитальными заболѣваніями (напр., госпитальная рожа, гангрена и проч.); сходство сказывается въ томъ, что какъ хирургическія госпитальныя эпидеміи, такъ и послѣродовая горячка, появлялась въ родспомогательныхъ домахъ внезапно, принимала эпидемическій характеръ и уносила въ могилу массу роженицъ; жертвы этой страшной болѣзни насчитывались сотнями тысячъ, и какъ практическіе врачи, такъ и ученые оказывались безсильными въ борьбѣ съ этимъ злымъ, сталкивающимъ каждую роженицу лицомъ къ лицу со смертью. Честь доведенія заболѣваній родильной горячкою до минимума или, по крайней мѣрѣ, почина въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ ассистенту акушерской клиники въ Вѣнѣ Игнацу-Филиппу Земмельвейсу (1818 — 1865). Дѣлая вскрытіе трупа патолого-анатома Колетшки, умершаго отъ зараженія трупнымъ ядомъ, Земмельвейсъ замѣтилъ большое сходство между патолого-анатомической картиною, наблюдавшейся въ данномъ случаѣ, и тою картиною, которую представляли трупы женщинъ, умершихъ отъ родильной горячки. Это обстоятельство навело Земмельвейса на мысль о сходствѣ между самими болѣзнями. Призадумавшись надъ тѣмъ, что студенты-медики очень часто являются въ родильную клинику прямо изъ патолого-анатомическаго театра, что при этомъ, не вымывши хорошо рукъ, они приступаютъ къ изслѣдованію роженицъ и, стало-быть, могутъ непосредственно прививать имъ трупный ядъ, Земмельвейсъ ввелъ самую строгую дезинфекцію всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя приходили въ непосредственное соприкосновеніе съ больными заставляя студентовъ мыть руки хлорной водою или хлорной водою Реваля [illegible] Земмельвейса [illegible] родильной горячкою [illegible] время, какъ въ другихъ отдѣленіяхъ оно держалось [illegible] высокой цифрѣ. Земмельвейсъ вскорѣ сообщилъ [illegible] Но замѣчательно, что [illegible] Земмельвейса съ [illegible] авторитетъ скромнаго ассистента былъ [illegible] не достаточно внушителенъ; потребовалось [illegible], пока [illegible] знаменитый Іосифъ Листеръ, введеніемъ антисептики въ хирургію, не оправдалъ тѣхъ идей, которыя такъ горячо отстаивалъ Земмельвейсъ въ примѣненіи къ акушерской практикѣ.

Рядомъ съ огромнымъ сокращеніемъ числа заболѣваній послѣродовою горячкою должно быть упомянуто введеніе въ акушерскую практику наркоза, антисептики и асептики, значительное сокращеніе и упрощеніе коллекціи акушерскихъ инструментовъ и расширеніе хирургическаго вмѣшательства въ область гинекологіи. Симпсону, имя котораго уже было упомянуто по поводу введенія хлороформа въ акушерскую практику, должно быть вообще отведено первое мѣсто въ исторіи гинекологіи и акушерства этого времени: онъ ввелъ въ употребленіе зондъ, улучшилъ акушерскіе щипцы и обратилъ гинекологію въ гинекохирургію, производя блистательныя гинекологическія операціи. Въ числѣ этихъ операцій главнѣйшею и одной изъ наиболѣе опасныхъ считалась овариотомія, т. е. удаленіе яичниковъ при ихъ пораженіи какими-либо опухолями. Съ этой операціей тѣсно связано имя англійскаго гинеколога и хирурга Томаса Спенсера Уэлльса (1818 — 1897), который еще до введенія антисептики производилъ удачныя овариотоміи и далъ имъ право гражданства въ гинекологіи. Къ 1880 году Уэлльсомъ было сдѣлано 1000 овариотоміи. Такъ какъ, пріобрѣвъ большую опытность въ производствѣ операцій въ брюшной полости, Уэлльсъ сталъ дѣлать не только овариотоміи, но и другія операціи въ области живота, то его по справедливости считаютъ основателемъ брюшной хирургіи. Рядомъ съ Уэлльсомъ дѣйствовалъ въ области гинекологической хирургіи американецъ Маріонъ Симсъ (1813—1883), нѣмецкій гинекологъ и акушеръ Карлъ Шрёдеръ (1838—1887), затѣмъ гинекологи Мартинъ, Креде, Скацціони въ Германіи, Тарніе, Пеанъ во Франціи, Брекстонъ Гайксъ въ Англіи, А. Крассовскій, одинъ изъ лучшихъ гинеко-хирурговъ своего времени въ Россіи.

Листеръ.

Не менѣе важные успѣхи были достигнуты въ области психіатріи и невропатологіи. Огромнымъ шагомъ въ области психіатріи было то обстоятельство, что Филиппъ Пинель въ Парижѣ первый совершенно отчетливо и ясно высказался за необходимость разсматривать душевныя болѣзни, какъ болѣзни, происходящія не отъ какихъ-то таинственныхъ и мистическихъ причинъ, а отъ пораженія тѣхъ или другихъ частей человѣческаго организма. Въ силу этого Пинель выступилъ съ открытой борьбой противъ тѣхъ мученій, какимъ подвергались несчастные душевно-больные въ парижскомъ домѣ для умалишенныхъ, знаменитомъ Бисэтрѣ. Не мало времени прошло прежде, нежели гуманные взгляды Пинеля получили болѣе или менѣе широкое распространеніе. Горячимъ сторонникомъ Пинелевскихъ взглядовъ выступилъ его ученикъ Эскиролъ въ Парижѣ и Рейль въ Германіи. Еще дальше Пинеля пошелъ знаменитый англійскій психіатръ Джонъ Кепелли (1796 - 1866), основатель, такъ-называемой, *No-restraint* системы. Система эта состояла въ дарованіи неопасныхъ для окружающихъ больныхъ полной свободы въ стѣнахъ разумно устроенныхъ заведеній, въ уничтоженіи всякихъ насильственныхъ пріемовъ въ родѣ горячечной рубашки,

насильственныхъ обливаній водою, побоевъ и тому подобныхъ мѣръ, въ изобиліи примѣнявшихся въ прежнихъ домахъ для умалишенныхъ, затѣмъ въ организаціи работъ на чистомъ воздухѣ и т. д. Въ Германіи идеи такого веденія домовъ для психическихъ больныхъ нашли горячихъ сторонниковъ въ лицѣ Макса Якоби основателя сельско-хозяйственныхъ колоній для душевно-больныхъ, и особенно въ лицѣ Вильгельма Гризингера, организовавшаго при берлинскомъ университетѣ психіатрическую клинику.

Но помимо введенія системы No-restraint, психіатрія сдѣлала значительные успѣхи въ выясненіи причинъ и сущности мозговыхъ страданій. При той тѣсной связи, какая существуетъ между мозгомъ и другими частями нервной системы, естественно было, что психіатры обратились къ изученію нервныхъ болѣзней. Рука объ руку съ изученіемъ психическихъ болѣзней шло изученіе периферической нервной системы. Соотвѣтственно тому, какъ измѣнялись взгляды, касающіеся строенія и отправленій послѣдней, явилась необходимость перерабатать и все ученіе о нервныхъ болѣзняхъ. И, такимъ образомъ, подъ вліяніемъ этихъ новыхъ факторовъ создалась и укрѣпилась невропатологія, какъ отдѣльная отрасль медицинской науки. Первая попытка къ разработкѣ ученія о нервныхъ болѣзняхъ на основаніи новыхъ матеріаловъ изъ области гистологіи и физіологіи нервной системы, принадлежитъ Ромбергу (1795—1873); за нимъ слѣдовалъ берлинскій профессоръ Гризингеръ, устроившій въ берлинскомъ госпиталѣ Charité спеціальное отдѣленіе для нервныхъ больныхъ, гдѣ въ широкихъ размѣрахъ стали примѣнять (Робертъ Ремакъ) электричество, въ особенности постоянный токъ для лѣченія различныхъ нервныхъ страданій, параличей и т. д. Но наибольшая заслуга въ дѣлѣ разработки патологіи нервной системы принадлежитъ двумъ французскимъ ученымъ, совершенно справедливо считающимся корифеями новѣйшей медицины. Ученые эти — Гильомъ-Бенжаменъ Дюшенъ де-Булонь (1806—1875) и Жанъ-Мартенъ Шарко (1825—1893). Имъ обоимъ наука обязана установкою точныхъ признаковъ нѣкоторыхъ нервныхъ заболѣваній, которыя до нихъ представляли большую путаницу; они охарактеризовали различныя формы мышечныхъ параличей и сухотъ, различные виды истеріи и установили признаки для дифференціальной діагностики истеріи, эпилепсіи, каталепсіи и для характеристики нѣкоторыхъ страданій спинного мозга и т. д. Шарко, кромѣ того, не мало содѣйствовалъ уясненію той группы явленій, которая характеризуется общимъ названіемъ гипноза. Основателемъ правильно организованной психіатрической клиники у насъ въ Россіи считается И. М. Балинскій, по проекту котораго была устроена психіатрическая клиника при медико-хирургической академіи въ 1867 г. Директоромъ этой клиники и профессоромъ душевныхъ болѣзней въ академіи и былъ И. М. Балинскій, не мало содѣйствовавшій широкому распространенію «No-restraint» принципа и создавшій въ Россіи цѣлую школу психіатровъ и невропатологовъ.

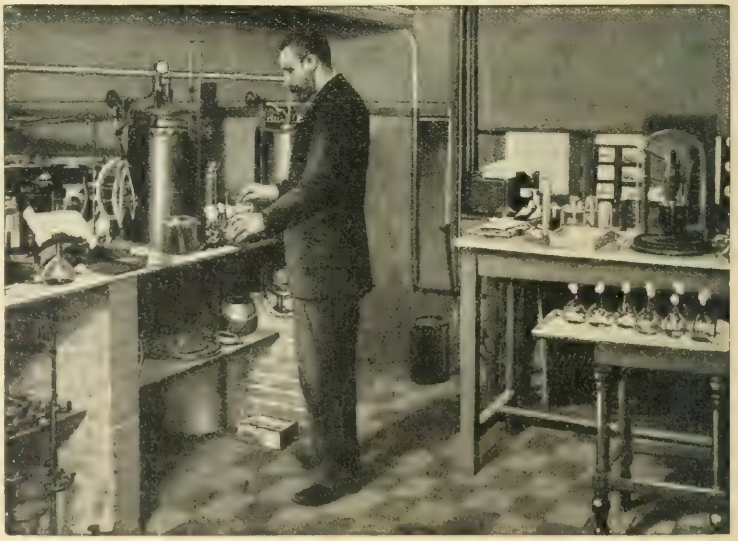
Бильротъ въ своей аудиторіи.

Одновременно съ развитіемъ различныхъ отраслей медицины, развивалась и та отрасль, которая въ настоящее время имѣетъ огромное юридическое значеніе, именно такъ называемая судебная медицина, заключающая въ себѣ въ видѣ отдѣльной части судебную психіатрію или судебную психопатологію. Судебная психопатологія значительно содѣйствовала установкѣ правильныхъ воззрѣній на тѣ или другія преступленія. Выяснивъ значеніе наслѣдственности въ передачѣ преступныхъ склонностей, роль вырожденія въ вопросѣ о сопротивленіи личности вреднымъ воздѣйствіямъ среды, значеніе истеріи, эпилепсіи и другихъ психическихъ и нервныхъ страданій, какъ моментовъ весьма содѣйствующихъ совершенію часто самыхъ ужасныхъ преступленій, судебная психопатологія явилась могучимъ факторомъ гуманности и часто спасала судей отъ произнесенія строгихъ и несправедливыхъ приговоровъ надъ лицами, которые, хотя и казались [illegible] нѣлыми преступниками, но въ дѣйствительности, послѣ [illegible] тельнаго изученія, обнаруживали явные признаки [illegible] душевнаго разстройства и вмѣсто тюремъ [illegible] въ лечебницы и больницы. Изъ ученыхъ, весьма много содѣйствовавшихъ успѣхамъ судебной медицины, слѣдуетъ упомянуть французскихъ ученыхъ Орфила и Ларше [illegible] Кас-

Шарко въ своей клиникѣ.

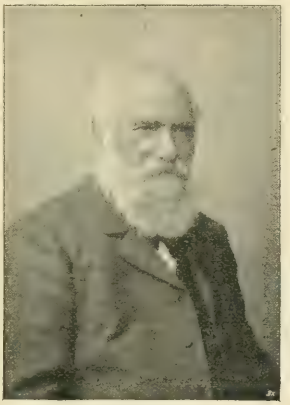
пера, Крамера, Эдуарда Гофмана и русскаго ученаго Драгтендорфа. Но судебной психопатологіи особенно прославились Чезаре Ломброзо въ Италіи, Крафтъ-Эбингъ въ Германіи и нѣкоторые другіе.

Если развитіе медицинскихъ наукъ, обосновавшихся на почвѣ строгаго естествознанія, достигло во второй половинѣ истекшаго вѣка высокой степени, если моменты, обусловливающіе возникновеніе болѣзней выяснились съ большой точностью, то все это не могло не отразиться и на стремленіяхъ поставить человѣчество въ такія условія жизни, при которыхъ шансы на его заболѣваніе уменьшились бы въ значительной степени. Стремленія эти выразились въ значительныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ ученіемъ объ общественномъ здравоохраненіи, т. е. гигіеной. Гигіена почти во всѣхъ своихъ частяхъ существовала и раньше; но всѣ пріемы здравоохраненія имѣли въ прежнее время характеръ случайныхъ мѣропріятій, не являвшихся слѣдствіемъ цѣлой научной системы. И не потому, чтобы въ умахъ людей отсутствовала мысль о необходимости бороться съ болѣзнями путемъ общихъ мѣропріятій, а исключительно потому, что гигіены, какъ науки, не на чемъ было строить. Оспопрививаніе, введенное Дженнеромъ и впервые примѣненное въ 1796 г., было лишь отдѣльною случайною попыткой борьбы съ эпидемией, попыткою, которая хотя и сдѣлала Дженнера однимъ изъ великихъ благодѣтелей человѣчества, однако была и осталась изолированною и нисколько не подвинула вперёдъ общественное здравоохраненіе какъ отдѣльную общественно-медицинскую науку. Недоставало для возникновенія такой дисциплины не только медицинскихъ знаній, но и физическихъ и химическихъ, а физическихъ методовъ изслѣдованія отдѣльныхъ вопросовъ, имѣющихъ тѣсное соприкосновеніе съ гигіенической наукой. Только съ развитіемъ всего этого и въ особенности, съ возникновеніемъ и быстрымъ расцвѣтомъ бактеріологіи, съ уясненіемъ роли низшихъ организмовъ, какъ возбудителей эпидемическихъ и инфекціонныхъ болѣзней, человѣчество уяснило себѣ истинный смыслъ того, что значитъ чистый воздухъ, чистая вода, какое значеніе имѣетъ скученность населенія въ городахъ, какія мѣры борьбы съ эпидеміями могутъ считаться раціональными, а какія не имѣютъ ни малѣйшаго значенія. Такъ складывалась наука гигіены, завоевавшая вскорѣ такое почетное мѣсто, что сдѣлалась отдѣльнымъ предметомъ университетскаго преподаванія на всѣхъ медицинскихъ факультетахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, гигіена личная, имѣвшая въ виду здоровье отдѣльнаго индивида, отодвинулась на второй планъ, замѣстившись общественной гигіеной. Стоитъ только сравнить исторію эпидемій тифа, холеры, оспы, чумы, совершавшихъ страшныя опустошенія въ Европѣ въ прежнія времена, съ исторіей тѣхъ же эпидемій за послѣднія десятилѣтія XIX в., и мы убѣдимся въ громадныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ цивилизаціею. Въ то время, какъ теперь можно встрѣтить врачей, ни разу не видавшихъ оспеннаго больного, въ XVIII вѣкѣ каждый врачъ, какъ бы мала ни была его практика, имѣлъ такихъ больныхъ десятки. Вспомнимъ, напримѣръ, эпидемію чумы, уже нѣсколько лѣтъ свирѣпствующую въ Азіи. При современныхъ способахъ сообщенія, при необыкновенно развившихся, сравнительно съ прежними, торговыхъ сношеніяхъ, при постоянныхъ передвиженіяхъ десятковъ тысячъ людей изъ одной части свѣта въ другую, Европа, въ которую уже нѣсколько разъ пробиралась за послѣдніе годы чумная зараза, умѣла сдерживать эту заразу въ ограниченномъ районѣ и недопускать дальнѣйшаго ея распространенія. У всѣхъ у насъ въ памяти взрывы чумныхъ заболѣваній на югѣ Рос-



Ру въ институтѣ Пастера за изготовленіемъ открытой имъ противочумной сыворотки.

сіи, въ Вѣнѣ, въ Англіи и, наконецъ, въ Испаніи. И эти взрывы, которые, случись они 50 лѣтъ тому назадъ, разрослись бы въ страшнѣйшія эпидеміи, теперь благодаря правильному пониманію и примѣненію мѣръ, выработанныхъ современной гигіеной, ограничивались ничтожнымъ числомъ заболѣваній и смертей. Куда дѣвались эпидеміи брюшного тифа, уносившія еще такъ недавно массу человѣческихъ жизней? Онѣ исчезли и исчезли съ того самаго момента, какъ послѣ уясненія той роли, какую играетъ питьевая вода въ распространеніи тифозныхъ эпидемій, города озаботились доставленіемъ населенію хорошей чистой воды. Разслѣдовавъ всѣ условія, создающія благодарную почву для заболѣваній, гигіена вызвала созданіе цѣлаго ряда санитарныхъ узаконеній, примѣненіе которыхъ ограничило и число отдѣльныхъ заболѣваній въ наиболѣе бѣдной части человѣчества. Нѣтъ того уголка человѣческой жизни, куда не заглянула бы гигіена со своими мѣропріятіями: она являлась въ жилища, въ школы, на фабрики, на кладбища, на рынки, на скотобойни, въ больницы и т. д. Мало того, она попробовала коснуться и душевной жизни человѣка, стараясь выяснить тѣ условія, при которыхъ психическая сторона человѣчества можетъ развиваться правильно. И когда, несмотря на всѣ мѣры, эпидеміи все-таки возникаютъ, она, въ союзѣ съ медициною, борется съ ними, съ одной стороны уничтожая благопріятную для ихъ развитія почву, съ другой—уничтожая ихъ тамъ, гдѣ онѣ уже развились. Дезинфекція посредствомъ тѣхъ пріемовъ, которые, какъ выяснила бактеріологія, уничтожаютъ жизнеспособность болѣзнетворныхъ микробовъ, впрыскиваніе больнымъ всевозможныхъ такъ-называемыхъ предохранительныхъ сыворотокъ—вотъ тѣ способы, которыми наука борется съ злѣйшими бичами человѣчества. И въ этомъ отношеніи имена Пастера, Коха, Рише, Ру, Беринга, Мечникова, Іерсена, Китазато, Хавкина и др. будутъ начерчены золотыми буквами на страницахъ исторіи борьбы человѣчества съ эпидемическими болѣзнями. Трудно указать въ настоящее время на тѣхъ ученыхъ, которые плодотворно работаютъ на поприщѣ гигіены: ихъ слишкомъ много; но, припоминая тѣ первые шаги, которые были сдѣланы для установки гигіены на твердой научной почвѣ, нельзя не упомянуть знаменитаго мюнхенскаго гигіениста Макса Петтенкофера (род. 1818 г.), который по всей справедливости долженъ считаться отцомъ экспериментальной гигіены. Огромныя услуги развитію гигіены оказали также Фойтъ, Варрентраппъ, Вирховъ, Гиршъ въ Германіи, Чарльсъ Мёрчисонъ, Смитъ, Гёкенсъ въ Англіи, Галле, Ревейлле-Паризъ, Виллермъ, Паранъ-Дюшателе, Вернуа, Буденъ и Фовель — во Франціи; наконецъ Эрисманъ, Доброславинъ, Якоби въ Россіи.



Петенкоферъ.

Говоря объ успѣхахъ гигіены, нельзя не упомянуть о развившемся въ послѣднія десятилѣтія истекшаго вѣка больничномъ дѣлѣ. Прежнія больницы, представлявшія обыкновенно громадныя зданія, въ которыхъ помѣщались тысячи больныхъ, страдавшихъ самыми разнообразными болѣзнями, въ настоящее время признаны негодными. Эти зданія, состоявшія изъ отдѣльныхъ палатъ, соединенныхъ общимъ коридоромъ, были часто причиною огромной смертности. Въ особенности смертность свирѣпствовала до введенія строгой антисептики и асептики. Взрывъ какого-либо эпидемическаго заболѣванія въ одной какой-либо палатѣ быстро передавался на всѣ палаты, и смерть безпощадно косила десятки и сотни людей. Эпидемическія рожи, травматическій столбнякъ, госпитальная гангрена — въ хирургическихъ больницахъ, родильная горячка — въ родовспомогательныхъ домахъ — вотъ были бичи большихъ старыхъ больницъ. Съ развитіемъ гигіены, стали понимать, что возведеніе огромныхъ больничныхъ зданій должно быть оставлено, и что въ интересѣ больныхъ должна быть введена барачная или, еще лучше, павильонная система, при которой больница состоитъ изъ отдѣльныхъ небольшихъ домиковъ, по возможности изолированныхъ. При такомъ устройствѣ больницъ опасность поголовнаго заболѣванія въ огромной степени уменьшается. Кромѣ того, въ средѣ врачей утвердилось сознаніе, что для успѣшнаго лѣченія недостаточно однихъ лѣкарствъ, что гораздо большее значеніе имѣетъ хорошее питаніе, хорошая обстановка, благотворно дѣйствующая на психическое состояніе больныхъ. Вслѣдствіе такого сознанія, лучшія больницы значительно увеличили средства на содержаніе больныхъ, стараясь доставлять имъ извѣстнаго рода удовольствія и развлеченія. Кромѣ того, прежнія больницы, предназначавшіяся обыкновенно для самыхъ различныхъ больныхъ взрослыхъ и дѣтей, мужчинъ и женщинъ въ настоящее время специализировались: создались больницы для извѣстныхъ болѣзней — нервныхъ, заразныхъ, дѣтскихъ и т. д. Наконецъ, въ послѣднее время, когда выяснилось, что около $\frac{1}{7}$ всего человѣчества погибаетъ отъ туберкулеза (чахотки) легкихъ, когда заразительность чахотки твердо установлена, когда, наконецъ, удалось показать, что лучшимъ средствомъ для лѣченія чахотки являются хорошій чистый воздухъ и хорошія условія питанія, стали возникать въ огромномъ количествѣ такъ называемыя санаторіи для туберкулезныхъ больныхъ. Эти санаторіи устраиваются вдали отъ городовъ, въ мѣстахъ, богатыхъ растительностью, свободныхъ отъ пыли, возвышенныхъ и т. д. Лѣченіе чахоточныхъ больныхъ въ такихъ санаторіяхъ показало, что чахотка, даже довольно сильно развившаяся, можетъ быть если не совсѣмъ излѣчена, то во всякомъ случаѣ настолько пріостановлена, что больные, пробывъ въ санаторіи нѣсколько мѣсяцевъ, возвращаются къ своимъ обычнымъ занятіямъ и чувствуютъ себя отлично въ теченіе многихъ лѣтъ. Широкое развитіе санаторій обѣщаетъ человѣчеству большія блага, и если даже медицина еще долго не будетъ въ состояніи найти специфическаго средства для борьбы съ чахоткой, то въ распространеніи санаторій, устраиваемыхъ сообразно требованіямъ гигіены, человѣчество найдетъ могущественное средство для борьбы съ ужасающей смертностью.

3. Біологія.

Теорія происхожденія и эволюціи организмовъ составляетъ наиболѣе типическую черту развитія біологическихъ наукъ истекшаго столѣтія: теорія эта не только направила біологическія науки: ботанику, зоологію, анатомію и физіологію на новые пути, но косвенно повліяла и на другія области человѣческихъ знаній. Само собою разумѣется, что такой полный переворотъ въ біологіи не могъ быть дѣломъ одного мгновенія или только одного человѣка — онъ долженъ былъ подготовляться годами. Но не смотря на все то значеніе, какое приходится придавать различнымъ ученымъ, подготовлявшимъ своими трудами новую теорію происхожденія и эволюціи живыхъ существъ, центральной фигурою въ разработкѣ и основаніи этой теоріи слѣдуетъ считать знаменитаго англійскаго натуралиста Чарльза Дарвина. Но понять истинную роль Дарвина въ томъ переворотѣ біологическихъ воззрѣній, который былъ вызванъ въ 1858 году появленіемъ перваго его сочиненія, можно лишь тогда, когда мы ознакомимся съ почвою, на которой выросла теорія Дарвина. Весьма распространенное мнѣніе, будто Дарвинъ первый указалъ на родственную связь между различными живыми существами, настолько же неправильно, насколько неправильно и сужденіе не спеціалистовъ о роли Дарвина въ ученіи о происхожденіи человѣка. Лишь черезъ 12 лѣтъ послѣ появленія своего перваго труда Дарвинъ высказался и по вопросу о происхожденіи человѣка, при чемъ всѣ тѣ взгляды, которые онъ при этомъ высказалъ, явились лишь прямымъ слѣдствіемъ всего того, что имъ было разработано въ первомъ его трудѣ.

До средины XVIII вѣка ученые не имѣли правильнаго

представленія о томъ, какимъ образомъ развиваются изъ зародышей организмы, предполагали, что въ такъ называемыхъ сперматозоидахъ уже содержатся зачатки самаго организма, и что все развитіе заключается въ постепенномъ, такъ сказать, развертываніи этого организма (отсюда и названіе «эволюціонная теорія»). Противъ такого воззрѣнія, главнымъ представителемъ котораго былъ физіологъ Галлеръ, выступилъ въ 1759 г. Каспаръ-Фридрихъ Вольфъ, показавшій, какимъ образомъ изъ куринаго яйца постепенно развивается зародышъ, и какимъ образомъ изъ самыхъ обыкновенныхъ листковыхъ наслоеній (*зародышевыхъ листковъ*) образуются сложные органы животнаго. Это ученіе, однако, получило право гражданства лишь въ началѣ XIX вѣка, когда Карлъ-Бэръ, открывшій яйцо у млекопитающихъ, выступилъ сторонникомъ ея, и когда быстро развивавшаяся эмбріологія пріобрѣла въ лицѣ такихъ ученыхъ, какъ Ратке, Рейхертъ, Ремонъ и Келликеръ новыя выдающіяся силы.

Эмбріологическія изслѣдованія, произведенныя надъ большимъ числомъ животныхъ, привели къ установкѣ закона (законъ Бэра), въ силу котораго каждое высшее животное въ стадіи зародыша проходитъ черезъ цѣлый рядъ фазъ, при которыхъ оно сходно съ различными видами животныхъ, стоящихъ на низшей сравнительно съ нимъ ступени. Такимъ образомъ оказалось, что та лѣстница, по которой восходитъ животное царство, начиная съ низшихъ представителей и кончая высшими, имѣетъ какъ бы копію въ той лѣстницѣ, по которой проходитъ зародышъ какого либо высшаго организма, начиная съ первыхъ дней своего развитія и кончая его полнымъ превращеніемъ въ зрѣлый плодъ; и если, напримѣръ, прослѣдить развитіе человѣческаго зародыша, то можно найти такіе моменты, когда этотъ зародышъ весьма сходенъ съ извѣстной фазою развитія рыбы, затѣмъ птицы, наконецъ какого либо изъ млекопитающихъ и т. д. Когда это было уяснено, то естественно долженъ былъ явиться вопросъ: относится ли этотъ основной законъ развитія (біогенетическій законъ Бэра) также и къ первымъ зачаткамъ организмовъ, которые представляются въ видѣ яйца и сперматозоидовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ получиться лишь тогда, когда былъ изученъ основной біологическій элементъ каждаго организма.

Такой элементъ былъ указанъ (1839) Теодоромъ Шванномъ, показавшимъ, что тѣло животныхъ, а также и растеній состоитъ изъ опредѣленныхъ элементовъ, которые, будучи первоначально совершенно однородными, а затѣмъ дифференцируясь въ различныхъ направленіяхъ, создаютъ столь разнообразныя ткани развитого организма. Исходя отъ растительныхъ организмовъ, прежде придавали главное значеніе особенно ясно замѣтнымъ оболочкамъ этихъ элементовъ — «клѣтокъ»; но въ настоящее время, хотя названіе клѣтки и удержалось въ наукѣ, выяснилось, что оболочка является характернымъ признакомъ только растительныхъ, но не животныхъ клѣтокъ; у этихъ послѣднихъ существенною составною частью оказалось: весьма сложное бѣлковое вещество, получившее названіе «*протоплазмы*», и затѣмъ окруженное этимъ веществомъ «*ядро*». Это ученіе, сдѣлавшее въ срединѣ истекшаго столѣтія громадные успѣхи, перенесенное и въ анатомію, и въ физіологію, и въ патологію, выяснило въ концѣ концовъ, что зародышевые элементы суть простыя клѣтки, и что даже было, повидимому, сложное образованіе, какъ куриное яйцо, оказывается, если не считать желтка, играющаго роль питательнаго матеріала, одну лишь клѣтку. Выясненіе всѣхъ этихъ вопросовъ объединило эмбріологію и ученіе о клѣткѣ съ зоологіей и сравнительной анатоміей. Оказалось, что высшіе организмы, еще въ первой ступени своего развитія, представляютъ еще только клѣтку, имѣютъ отдѣльныхъ предковъ между животными, въ лицѣ такъ называемыхъ простѣйшихъ организмовъ «*протозоя*», организмовъ, стоящихъ на границѣ между животнымъ и растительнымъ царствами и представляющихъ въ высшей степени разнообразное строеніе. Допущеніе ростка всѣхъ организмовъ, основанное изъ изученія исторіи ихъ развитія, получило блестящее подтвержденіе въ данныхъ сравнительной анатоміи. Идея эта высказывалась еще у великаго Гете, и эта же идея поддерживалась знаменитыми учеными Ламаркомъ и Жоффруа Сентъ-Илеромъ, принимавшими непрерывность между существующими въ настоящее время и существовавшими въ отдаленномъ прошломъ видами организмовъ. Правда, что и противъ такой теоріи возставали не менѣе, если не болѣе знаменитые ученые, и въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ знаменитый основатель палеонтологіи и величайшій анатомъ своего времени Жоржъ Кювье. Изучая остатки ископаемыхъ организмовъ, Кювье убѣдился, что въ отдаленныя времена на землѣ существовали такіе виды, между которыми и нынѣ существующими нѣтъ никакихъ посредствующихъ формъ. Это важное обстоятельство привело Кювье къ заключенію, что все животное царство погибало вслѣдствіе страшныхъ, совершавшихся на земномъ шарѣ, переворотовъ и затѣмъ снова возрождалось. Эта теорія переворотовъ сдѣлалась главенствующею, и взгляды Кювье взяли перевѣсъ надъ ученіемъ Ламарка, который въ то время не только указалъ на родство живыхъ существъ, но уяснилъ даже факторы измѣненія видовъ, а именно — употребленіе или неупотребленіе тѣхъ или иныхъ органовъ. Тѣмъ не менѣе Кювье было не трудно побить своихъ противниковъ, такъ какъ на его сторонѣ были такіе факты, въ противовѣсъ которымъ ни Ламаркъ, ни сторонники его теоріи не могли привести ничего, кромѣ гипотезъ.

Первый ударъ ученію Кювье о періодическихъ переворотахъ на землѣ нанесъ знаменитый англійскій геологъ Чарльсъ Лейель (1797—1873). Онъ показалъ, что всѣ измѣненія земной поверхности, кажущіяся намъ внезапными, на самомъ дѣлѣ, происходили постепенно и были вызываемы дѣйствіемъ тѣхъ же самыхъ силъ природы, проявленіе которыхъ мы наблюдаемъ и въ настоящее время. И если въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ земной поверхности происходили болѣе или менѣе крупные перевороты, то во всякомъ случаѣ такихъ переворотовъ далеко не было достаточно для уничтоженія всего живого царства. Свою теорію Лейель построилъ на столь вѣскихъ данныхъ, что, несмотря на громадный авторитетъ, какимъ имя Кювье пользовалось среди ученыхъ, теорія Лейеля была принята большинствомъ, а теорія Кювье относительно всемірныхъ переворотовъ была вскорѣ оставлена. Съ утвержденіемъ же теоріи Лейеля, само собою падала и теорія Кювье, допускавшая, что послѣ каждаго переворота на землѣ появлялись новые виды живыхъ существъ. Но Лейелевская теорія могла бы оказаться не менѣе пагубною для теоріи непрерывности видовъ, такъ какъ — разъ переворотовъ не было, разъ всѣ измѣненія на земной поверхности совершались постепенно, то должны же были встрѣчаться въ землѣ остатки такихъ формъ организмовъ, которыя представляли бы промежуточную ступень между прошлымъ и настоящимъ. Такія формы и были постоянно находимы по мѣрѣ того, какъ обогащался матеріалъ палеонтологіи.

Конечно, принять Ламарковскую теорію въ то время, когда она была выражена самимъ Ламаркомъ, было трудно: многое при этой теоріи оставалось невыясненнымъ. Какіе факторы вызываютъ измѣненіе видовъ? спрашивали противники Ламарка. Сторонники отвѣчали, что измѣненіе вызывается средою — и только. Но, конечно, такое общее объясненіе не могло никого удовлетворить, ибо сторонники измѣняемости видовъ никакъ не могли указать, въ чемъ и какъ измѣняетъ среда виды. Съ другой стороны, необыкновенная цѣлесообразность въ устройствѣ каждаго организма, цѣлесообразность разумная, обезпечивающая организму наибольшія удобства и безопасность жизни, ужъ никакъ вліяніемъ среды не объяснялась. Правда, Ламаркъ самъ высказалъ теорію, по которой организмъ приспособляется къ средѣ: онъ принималъ существованіе привычекъ, считалъ, что въ вопросѣ измѣненія вида играетъ важную роль, какъ уже выше указано, употребленіе или неупотребленіе извѣстныхъ органовъ. Но при всей справедливости этой мысли, Ламаркъ, для поясненія ея, бралъ столь неудачные примѣры, что, конечно, они не могли противодѣйствовать сильнымъ научнымъ аргументамъ, приводившимся Кювье. Какъ образецъ одного изъ неудачныхъ примѣровъ Ламарка, приведемъ хотя бы объясненіе, которое онъ далъ устройству шеи жирафы. Эта длинная шея, по мнѣнію

Ламарка, произошла вслѣдствіе того, что жираффы изъ поколѣнія въ поколѣніе постоянно вытягивали шеи для доставанія высоко-растущихъ вѣтвей.

Такимъ образомъ, отнюдь не косность ученыхъ или преклоненіе передъ авторитетомъ Кювье помѣшали принятію ученія Ламарка. Нѣтъ! Какъ само ученіе и ни было остроумно, оно явилось не во время и представляло собою только гипотезу, не имѣвшую подъ собою достаточно прочной почвы.

Вотъ какова была научная почва къ тому времени, когда на сценѣ европейской науки появился Дарвинъ.

Еще въ 1839 г. Дарвинъ, въ кругу своихъ друзей, высказывалъ въ общихъ чертахъ свои мысли объ измѣненіяхъ живыхъ существъ; въ 1844 году онъ настолько развилъ эти мысли, что считалъ возможнымъ изложить ихъ въ отдѣльномъ сочиненіи; сочиненіе было уже въ общихъ своихъ частяхъ готово, когда въ 1858 г. другъ Дарвина, знаменитый естествоиспытатель Альфредъ Уоллесъ, производившій тогда свои изслѣдованія на Моллукскихъ островахъ, прислалъ Дарвину набросокъ сочиненія на ту же тему объ измѣненіи видовъ. Уоллесъ просилъ Дарвина объ оказаніи ему услуги и опубликованіи этихъ взглядовъ. Скромность Дарвина была такъ велика, что онъ готовъ былъ не выпустить своего сочиненія, а опубликовать только трудъ Уоллеса; но тутъ вмѣшались друзья Дарвина, Гукеръ и Лейель, и заставили колеблющагося ученаго выпустить въ свѣтъ извлеченіе изъ своего труда. Это извлеченіе появилось одновременно съ трудомъ Уоллеса.

Кювье.

Первое великое произведеніе Дарвина «Origin of Species» (Происхожденіе видовъ) было лишь предвѣстникомъ другихъ большихъ работъ, въ которыхъ Дарвинъ продолжалъ и закончилъ работу, начатую въ первомъ. Въ 1868 г. появилось сочиненіе «Объ измѣненіи животныхъ и растеній подъ вліяніемъ приручения», — сочиненіе, въ которомъ вопросы наслѣдственности получили совершенно новое освѣщеніе; въ 1871 г. появилось, наконецъ, сочиненіе, завершившее циклъ его работъ,—сочиненіе, озаглавленное «Происхожденіе человѣка».

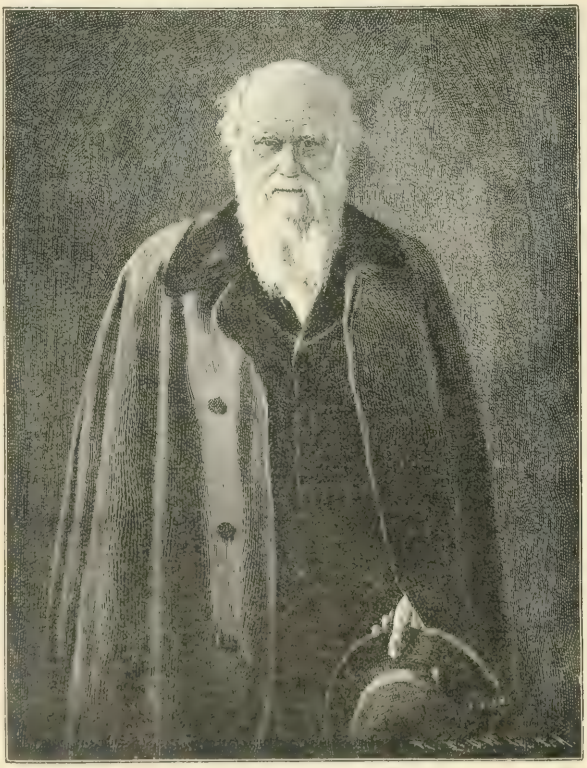
Основы Дарвинова ученія въ его первоначальномъ видѣ покоятся на трехъ, путемъ наблюденія полученныхъ, фактахъ: измѣняемости, наслѣдственности и перепроизводствѣ живыхъ существъ. Въ противоположность ученію Линнея-Кювье, Дарвинъ показалъ, что измѣнчивость видовъ идетъ гораздо дальше, нежели это принималось до него. Уже одна возможность получить новыя растительныя и животныя формы посредствомъ скрещиванія (гибридацій), дающаго чрезвычайно красивые экземпляры садовыхъ растеній или домашнихъ животныхъ, говоритъ противъ постоянства видовъ. Такъ, основная форма нашей садовой скороспѣлки (Primula pubescens) является продуктомъ скрещиванія двухъ видовъ альпійскихъ скороспѣлокъ (Primula hirsuta и Auricula). Кромѣ того наблюденія надъ дикоживущими растеніями и животными подтверждаютъ такую мысль, и всѣ прежніе систематизаторы должны были всегда вводить въ свои обозрѣнія главныхъ формъ еще дополнительныя формы, на которыя смотрѣли, какъ на случайныя, развившіяся подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ, климатическихъ, почвенныхъ и иныхъ условій. Опыты цвѣтоводовъ и скотоводовъ дополняютъ эти наблюденія и доказываютъ, что нѣтъ такой системы органовъ въ живыхъ существахъ, которая была бы свободна отъ подобной способности къ измѣненіямъ. Необыкновенное разнообразіе нашихъ культурныхъ растеній и домашнихъ животныхъ (стоитъ только припомнить разновидности садовыхъ цвѣтовъ или культурныхъ овощей) даютъ цѣлый рядъ доказательствъ противъ неизмѣнчивости видовъ. Нѣкоторые виды болѣе склонны къ образованію разновидностей, нежели другіе; такъ, напримѣръ, шмель, какъ по окраскѣ брюшка, такъ и по различнымъ полоскамъ, наблюдаемымъ на самцахъ, самкахъ и рабочихъ, представляетъ такое разнообразіе, при которомъ можно допустить 12 различныхъ формъ. Всѣ эти формы и разновидности по Дарвину представляютъ новозникающіе виды, и если при дальнѣйшемъ своемъ измѣненіи они потеряютъ способность къ взаимному скрещиванію (физіологическій подборъ Ромэнса), то создадутъ отдѣльные виды. Причину этихъ измѣненій уже со времени Сентъ-Илера усматриваютъ въ измѣненіяхъ климата, пищи, условій жизни и проч., вообще внѣшнихъ вліяній, причемъ эти внѣшнія вліянія дѣйствуютъ непосредственно лишь въ наиболѣе рѣдкихъ случаяхъ: такъ, нѣкоторые изъ морскихъ раковъ могутъ быть измѣняемы въ извѣстныхъ границахъ, если воду, въ которой эти раки живутъ, дѣлать болѣе или менѣе соленою. Точно также нѣкоторыя изъ бабочекъ (Vanessa Levana) получаютъ различную окраску и разрѣзъ крыльевъ въ зависимости отъ того, выведены ли эти бабочки изъ перезимовавшихъ куколокъ или изъ лѣтнихъ. Но зимняя форма можетъ быть искусственно создана и лѣтомъ: для этого стоитъ только помѣстить куколокъ въ ледники. Весьма важно, что подобныя измѣненія касаются не только такихъ поверхностныхъ признаковъ, они идутъ гораздо глубже, и часто у животныхъ одновременно съ измѣненіями въ цвѣтѣ шерсти и глазъ наблюдаются измѣненія въ наиболѣе важныхъ органахъ. Употребленіе или неупотребленіе извѣстныхъ органовъ, какъ это извѣстно каждому, вызываетъ въ нихъ рѣзкія перемѣны; рабочіе обладаютъ весьма сильно развитыми руками, танцовщики и пѣшеходы — ногами; наоборотъ, неупотребленіе органовъ ведетъ къ ихъ ослабѣванію и даже полному уничтоженію; стоитъ лишь припомнить, что дѣлается съ глазами животныхъ, осужденныхъ на вѣчную жизнь подъ землей, напримѣръ, глазами кротовъ и т. под. Точно также многія животныя, которымъ приходится вести паразитическій образъ жизни и которыя не нуждаются въ отыскиваніи пищи и въ передвиженіяхъ, теряютъ постепенно необходимые для этихъ функцій органы. Здѣсь имѣетъ мѣсто такъ-называемое непосредственное приспособленіе къ новымъ условіямъ жизни. Это же непосредственное приспособленіе особенно рѣзко вліяетъ на растительные и животные организмы въ случаѣ ихъ рѣзкаго перенесенія изъ одной мѣстности въ другую, болѣе или менѣе сильно отъ первой отличающуюся. Это даже замѣчается на людяхъ, которые, конечно, въ меньшей степени подвергаются дѣйствію внѣшнихъ вліяній природы, нежели растенія и животныя. Стоитъ посмотрѣть хотя бы на нынѣшнихъ буровъ, выѣхавшихъ изъ Голландіи и переселившихся въ Южную Африку.

Вторымъ принципомъ въ измѣненіи видовъ является *наслѣдственность*, въ пріобрѣтеніи новыхъ особенностей, въ ихъ скопленіи, содѣйствующемъ развитію измѣненій въ извѣстныхъ направленіяхъ и усовершенствованію тѣлесныхъ и душевныхъ силъ. Вся практика скотоводовъ и птицеводовъ основывается именно на примѣненіи извѣстныхъ законовъ наслѣдственности. Важнѣйшій изъ нихъ заключается въ томъ, что извѣстныя особенности, явившіяся въ томъ или другомъ экземплярѣ животнаго или растенія, могутъ быть укрѣплены и даже усовершенствованы, если скрестить между собою именно тѣ экземпляры, у которыхъ данная особенность всего рѣзче выражена. Если этого не дѣлать, то появившаяся особенность постепенно исчезаетъ, вытѣсняясь тѣми особенностями, которыя путемъ продолжительнаго наслѣдованія укрѣпились больше другихъ. Изолированіе такихъ индивидовъ

привелетъ къ упроченію новой разновидности; смѣшеніе ихъ съ другими уничтожитъ возникающую разновидность. Впрочемъ, по вопросу о наслѣдственности въ средѣ ученыхъ возникли разныя школы, изъ которыхъ школа Вейсмана и Нэгели сильно ограничиваетъ объемъ наслѣдственной передачи. Какъ бы тамъ ни было, измѣнчивость и наслѣдственная передача окончательно установлены, но вопросъ о томъ, какимъ образомъ взаимодѣйствіемъ этихъ факторовъ обусловливается усовершенствованіе въ организаціи живыхъ существъ, - организаціи, создающей цѣлую лѣстницу усовершенствованныхъ формъ, — этотъ вопросъ остается еще не вполнѣ уясненнымъ. Изумленный удивительными результатами, которые достигаются искусственнымъ подборомъ, Дарвинъ задался вопросомъ, нѣтъ ли въ самой природѣ такихъ условій, которыя сами по себѣ могли бы совершать то, что сплошь и рядомъ продѣлывается скотоводами и садоводами, т. е. содѣйствовать возникновенію однихъ видовъ и исчезанію другихъ. Сочиненіе политико-эконома Мальтуса навело Дарвина на мысль о томъ, что въ растительномъ и животномъ мірѣ существуетъ *борьба за существованіе*, еще болѣе рѣзко сказывающаяся, нежели она сказывается среди людей: борьба эта потому должна быть болѣе энергическою, что многія животныя и растенія чрезвычайно быстро размножаются, и слѣдовательно въ борьбѣ не погибаютъ лишь тѣ изъ нихъ, которыя лучше всего приспособлены къ существующимъ условіямъ. Этотъ принципъ принципъ такъ-называемаго *естественнаго подбора* — былъ одновременно указанъ какъ Дарвиномъ, такъ и Уоллесомъ.

Лейель.

Чтобы понять дѣйствіе естественнаго подбора, нужно помнить, что наиболѣе ожесточенную борьбу за существованіе ведутъ особи одного и того же вида, такъ какъ имъ именно и приходится пользоваться одинаковою пищей, одинаковою почкою и проч. Ясно, что здѣсь малѣйшее преимущество одного вида надъ другимъ уже создаетъ ему побѣду въ борьбѣ за существованіе. Пусть, напримѣръ, данная птичья особь окажется способнымъ во время засухи существовать при меньшемъ количествѣ воды, нежели другой экземпляръ того же вида, и результаты быстро сказываются: обѣ эти птичьи особи [illegible] при прочихъ [illegible] условіяхъ [illegible] потомство, которое уже по наслѣдственности усвоитъ эти выгодныя для вида качества. Это обстоятельство, которое Спенсеръ назвалъ переживаніемъ наиболѣе приспособленнаго, и есть могучій факторъ въ созданіи цѣлесообразныхъ приспособленій у организмовъ. Этимъ же объяснились и удивительныя явленія, при которыхъ различныя насѣкомыя принимаютъ внѣшній видъ сухихъ листьевъ, вѣточекъ и проч., или же наоборотъ, видъ ядовитыхъ и опасныхъ существъ, чѣмъ спасаютъ себя отъ преслѣдованій враговъ, оставаясь для нихъ незамѣтными или наводя на нихъ страхъ своимъ внѣшнимъ видомъ. Но такія измѣненія отнюдь не касаются только внѣшнихъ признаковъ, они простираются и на устройство органовъ, и даже на психическую дѣятельность живыхъ существъ. Кому не извѣстна хитрость постельнаго клопа, который, укусивъ человѣка, немедленно убѣгаетъ и прячется въ складки бѣлья?



Дарвинъ.

Но не только усовершенствованія органовъ бываютъ слѣдствіемъ естественнаго подбора и борьбы за существованіе; иногда, напротивъ, мы наблюдаемъ возвращеніе тѣхъ или иныхъ частей организма назадъ, въ состояніе высшей степени несовершенства. Такъ, у паразитовъ исчезаютъ органы, которые раньше были хорошо развиты; это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ напримѣръ у нѣкоторыхъ паразитовъ, для борьбы за существованіе индивиду гораздо выгоднѣе потерять извѣстные органы, нежели усовершенствовать ихъ. Такъ, на нѣкоторыхъ островахъ, расположенныхъ въ океанѣ, попадаются жуки и другія насѣкомыя, которыя совершенно потеряли способность летать и даже лишились крыльевъ; ихъ же собратья, встрѣчающіеся на материкахъ, сохранили эту способность и крылья. Здѣсь мы видимъ, что первыя насѣкомыя очевидно не усовершенствовались, а пошли назадъ. Но если мы сообразимъ, то увидимъ, что это регрессивное развитіе было только выгодно для насѣкомыхъ - островитянъ, ибо, обладая крыльями и способностью летать, они, при самомъ небольшомъ вѣтрѣ, уносились въ воду и погибали; потерявъ же крылья, они должны были ползать по землѣ, и никакой вѣтеръ не могъ производить въ ихъ рядахъ столь опустошительнаго дѣйствія. Но какъ же это случилось? Какъ они могли потерять крылья? Загадка рѣшается весьма просто. Въ числѣ насѣкомыхъ, попавшихъ на эти острова, были очевидно и такія, которыя лучше летали, и такія, которыя, вслѣдствіе слабаго развитія крыльевъ,

летали хуже. Лучше летавшія, конечно, пользовались своей способностью въ большей мѣрѣ, нежели ихъ плохо одаренные товарищи. Въ извѣстномъ смыслѣ, они и пользовались преимуществами, напримѣръ, въ смыслѣ добыванія пищи или убѣганія отъ враговъ; но вотъ подулъ сильный вѣтеръ, и всѣ хорошіе летуны падали въ море и погибали, а плохіе оставались; между этими плохими опять-таки появлялись болѣе плохіе и менѣе плохіе; менѣе плохіе летуны, рисковавшіе летать при первомъ же вѣтрѣ, уносились въ воду и погибали. Такимъ образомъ, черезъ большее или меньшее число поколѣній, всѣ жуки, имѣвшіе хоть малую способность летать, погибли, и остались тѣ, которые этой способностью совсѣмъ не обладали или обладали въ очень малой степени, благодаря полной неразвитости крыльевъ. Неразвитость крыльевъ стала передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе и перешла въ полное ихъ исчезновеніе. Такъ объясняетъ теорія Дарвина эти факты, совершенно непонятные для прежнихъ ученыхъ.

Не слѣдуетъ, однако, полагать, что эти безполезные органы совсѣмъ исчезаютъ, и что всякій органъ и всякая часть организма имѣетъ свое назначеніе. Очень часто мы наблюдаемъ такіе остатки исчезнувшихъ органовъ, которые не только не приносятъ организму пользы, но служатъ лишь ко вреду. Такихъ остатковъ потерянныхъ органовъ (рудиментарные органы) наука знаетъ не мало: таковы, напримѣръ, глаза (глазныя яблоки) совершенно слѣпыхъ животныхъ, хвостцовые позвонки безхвостыхъ животныхъ, предстательная железа, щитовидная железа или слѣпая кишка у человѣка и проч.

Всѣ разсмотрѣнныя явленія касаются вопроса о цѣлесообразности устройства организованныхъ существъ. Но есть цѣлый рядъ особенностей въ животномъ и растительномъ царствѣ, которыя не подходятъ прямо подъ категорію цѣлесообразности: напротивъ даже, эти особенности иногда являются невыгодными въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Сюда относятся всѣ тѣ особенности, которыя составляютъ такъ-сказать эстетическую сторону растительнаго и животнаго міра. Къ чему, напримѣръ, яркость красокъ у цвѣтовъ, ихъ ароматъ, къ чему пѣніе птицъ, необыкновенная яркость оперенія? Вѣдь всѣ эти признаки таковы, что обращаютъ на себя вниманіе враговъ и, слѣдовательно, не только не цѣлесообразны съ точки зрѣнія сохраненія вида, а напротивъ вредны. И этотъ вопросъ разработанъ Дарвиномъ въ подробностяхъ. Эти признаки являются результатомъ такъ-называемаго *полового подбора*. Самцамъ, которымъ приходится бороться между собою изъ-за обладанія самкою, необходимы такіе органы борьбы; кромѣ того, для нихъ необходимо обращать на себя вниманіе самки: поэтому, во-первыхъ замѣчено, что по красотѣ и яркости самцы всегда превосходятъ самокъ: кромѣ того, какъ напримѣръ у птицъ, самцы поютъ и проч. Самки же, которыя являются истинными воспитательницами вида, должны по возможности быть меньше замѣтны, ибо только эта малая замѣтность и предохраняетъ ихъ отъ враговъ. Точно также молодое поколѣніе, еще не имѣющее достаточной силы для самозащиты, больше похоже на самокъ, т. е. сохраняетъ малую замѣтность. Наконецъ, у нѣкоторыхъ птицъ самцы пріобрѣтаютъ особыя украшенія только временами (такъ-называемые брачные наряды), и послѣ того, какъ это время прошло, нарядъ самца исчезаетъ. Правда, эта сторона ученія Дарвина встрѣтила не мало вѣскихъ возраженій, хотя бы со стороны единомышленника Дарвина, Уоллеса; но до сихъ поръ никто изъ возражавшихъ не представилъ никакого другого объясненія, которое могло бы съ такою простотою представить закономѣрность во всѣхъ явленіяхъ, относящихся къ только-что разсмотрѣнной категоріи.

Домъ Дарвина въ Доунѣ.

Красоту и яркость окраски, а также пріятный запахъ цвѣтовъ Дарвинъ прекрасно объяснилъ тѣмъ, что только при этихъ условіяхъ цвѣты привлекаютъ къ себѣ насѣкомыхъ, которыя, копаясь въ вѣнчикѣ цвѣтка и находя въ немъ нектаръ, обволакиваются цвѣточною пылью и переносятъ ее съ мужскихъ цвѣтковъ на женскіе, содѣйствуя такимъ образомъ оплодотворенію. Дорога, ведущая въ цвѣткѣ къ нектарнику, отмѣченная особымъ цвѣтомъ, проложена такъ, что насѣкомое не можетъ проникнуть по ней иначе, какъ трогая пыльники или плодникъ цвѣтка. Эта взаимная помощь, при которой цвѣтокъ кормитъ насѣкомое сладкимъ сокомъ за то, что насѣкомое беретъ на себя роль оплодотворителя, поистинѣ поразительна; она тѣмъ болѣе поразительна, что есть такія растенія, которыя, допуская насѣкомыхъ къ своему цвѣтку, не допускаютъ ихъ ни въ какое другое мѣсто, будучи защищены шипами, колючими волосками, клейкой жидкостью и т. д.

Такова въ общихъ чертахъ основная, всѣми въ настоящее время въ главныхъ чертахъ принятая, біологическая теорія. Не трудно видѣть, что она примѣнима вездѣ, гдѣ дѣло касается живыхъ существъ. И если нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, составившіе школу такъ-называемыхъ *неодарвинистовъ* (школа Вейсмана) и оставляютъ въ теоріи Дарвина только одинъ законъ подбора, устраняя все остальное, то эта школа взамѣнъ устраненнаго не дала ничего съ своей стороны.

Нѣкоторый шагъ впередъ сдѣлала общая біологическая теорія благодаря основному и замѣчательному труду Геккеля «Общая Морфологія» (1866), въ которомъ идея Дарвина проводится до самыхъ простѣйшихъ организмовъ. Труды Геккеля, Гексли, Фритцъ Мюллера, О. Шмидта, Ковалевскаго, Тимирязева, Мечникова и друг. все болѣе и болѣе укрѣпляли ученіе Дарвина во всѣхъ областяхъ зоологіи и ботаники. Въ сравнительной анатоміи и палеонтологіи на этомъ поприщѣ много сдѣлали Гегенбауръ, Гексли, Ковалевскій, братья Гертвиги и нѣкоторые другіе. Здѣсь кстати будетъ упомянуть объ одномъ интересномъ фактѣ: противники Дарвина говорятъ, будто Дарвинъ считалъ человѣка происходящимъ отъ гориллы; на самомъ дѣлѣ, ни Дарвинъ

ни Гексли, ни Геккель, ни вообще кто-либо изъ серьезныхъ дарвинистовъ ничего похожаго не утверждалъ; всѣ они лишь утверждали, что человѣкъ и обезьяна представляютъ расходящіяся вѣтви, у которыхъ лишь стволъ представляется общимъ, а это далеко не одно и то же.

Выше уже было говорено, что во времена Ламарка палеонтологія явилась сильнымъ орудіемъ въ защиту теоріи Кювье и противъ теоріи Ламарка. Но по мѣрѣ того, какъ эта наука двигалась впередъ, ей удалось разрѣшить одинъ изъ самыхъ мучительныхъ вопросовъ. Если современныя біологическія теоріи, сосредоточившіяся около измѣняемости и непрерывности видовъ, справедливы, то гдѣ же тѣ посредствующія формы, которыя дали бы намъ возможность убѣдиться въ такой непрерывности. Мы знаемъ насѣкомыхъ, рыбъ, ящерицъ, птицъ, млекопитающихъ... А гдѣ же переходы? Рѣшеніе этого важнаго вопроса всецѣло должно было упасть на палеонтологію. И она не осталась въ долгу: во-первыхъ, она доказала, что, чѣмъ древнѣе слой земли, тѣмъ болѣе простые организмы въ немъ встрѣчаются и притомъ съ поразительною постепенностью. Такъ, по отношенію къ растительному царству, встрѣчаемъ раньше всего: водоросли, папоротники, хвощи и плауновыя, т. е. растенія безцвѣтковыя и безсѣмянныя; затѣмъ слѣдуютъ хвойныя и, наконецъ, уже высшія растенія цвѣтковыя. Въ царствѣ животныхъ наблюдается то же самое: сначала безпозвоночныя, затѣмъ рыбы, далѣе земноводныя, гады, птицы и, наконецъ, млекопитающія. Кромѣ того, вездѣ, гдѣ это можно было обнаружить, наблюдалось одно и то же, а именно, что, напримѣръ, изъ класса млекопитающихъ въ болѣе древнихъ слояхъ находили простѣйшіе виды, а въ болѣе новыхъ — сложнѣйшіе. Огромное значеніе имѣли для уясненія вопроса о промежуточныхъ формахъ тѣ случаи, въ которыхъ удалось прослѣдить за послѣдовательностью въ расположеніи ископаемыхъ остатковъ млекопитающихъ, въ особенности лошади и нѣкоторыхъ другихъ копытныхъ; путемъ изслѣдованія болѣе нежели полусотни видовъ, найденныхъ главнымъ образомъ въ Сѣверной Америкѣ, удалось прослѣдить родословное дерево современной лошади до самаго древнѣйшаго періода ея появленія, именно до эоцена. Шагъ за шагомъ удается прослѣдить за происхожденіемъ этого однокопытнаго животнаго изъ пятикопытнаго и послѣдовательныя измѣненія всѣхъ костей передняго и задняго ногъ, черепа, мозга, жевательнаго прибора и т. д. Подобныя же изслѣдованія произведены и надъ другими копытными, напримѣръ, носорогами, свиньями, оленями и т. д.

Геккель.

Всѣ біологическія теоріи, развивавшіяся послѣ Дарвина, представляютъ лишь болѣе или менѣе попробную разработку теоріи Дарвина. Въ настоящее время эта теорія лежитъ уже не только въ основѣ біологіи и естествознанія, но также въ основѣ мышленія, и многіе древніе науки, Антропологія и этнологія возникли со времени Дарвина по новымъ путямъ и въ этой области пріобрѣли большую извѣстность французскіе ученые — Кенэ и Перръ, Кристи, Ларте и англійскіе Лаббокъ, Лёйсъ, Тейлоръ, Спенсеръ и др. Впрочемъ выдающіяся германскіе ученые — Бастьянъ, Ранке и Вирховъ держатся во многихъ отношеніяхъ антидарвинистскихъ воззрѣній. Сочиненіе Дарвина «О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ» (1872) послужило къ обработкѣ теоріи происхожденія ума и инстинкта, въ которой весьма много сдѣлано Вундтомъ, Прейеромъ и Ромэнсомъ. Въ вопросахъ развитія языковъ работали въ направленіи Дарвиновской теоріи филологи Никте, Гейгеръ, Штейнталь, Пуаре, Шлейхеръ и мн. др. Въ психологіи въ этомъ же направленіи замѣчательны работы Гитцига, Фритша, Феріара, Мунка и др. Философія тоже вступила на почву дарвинизма въ лицѣ основателей эмпиріокритическаго направленія Авенаріуса, Мизи, Карстаньена, Максимильяна Клейна, Вундта, Каспари и мн. др. Исторія культуры разрабатывалась Лёбокомъ и Спенсеромъ съ этнологической точки зрѣнія; съ историко-критической точки зрѣнія въ этомъ направленіи работалъ Геллвальдъ, съ психологической съ разсмотрѣніемъ миѳологіи и религій — Тейлоръ, Каспари, Гёффдингъ и др. Соціологическія науки разрабатывалъ Бажего (Bagegot), Бахгофенъ, Спенсеръ, Лиліенфельдъ и др. Изъ нашихъ русскихъ авторовъ обсуждали вопросъ о примѣненіи теоріи Дарвина къ соціологіи — Лавровъ, Н. Михайловскій, С. Южаковъ, Н. Карѣевъ и нѣкоторые другіе.

Такимъ образомъ, теорія Дарвина можетъ быть названа біологическою въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ она включаетъ въ себѣ обсужденіе всего, что касается развитія и жизни живыхъ существъ, начиная отъ простѣйшаго организма и кончая человѣкомъ со всею его физическою и психическою дѣятельностью. Вотъ почему всѣ біологическія теоріи XIX вѣка, начиная со второй половины его, вращаются около Дарвина и его теоріи; первая же половина истекшаго вѣка не дала сплошной общей біологической теоріи; отдѣльныя теоріи жизни входили въ такія науки, какъ физіологія, анатомія, сравнительная анатомія и проч.

Не надо полагать, однако, что теорія Дарвина не имѣла сильныхъ противниковъ. Какъ разъ именно многіе изъ знаменитѣйшихъ европейскихъ ученыхъ, въ особенности ученыхъ, которыхъ эта теорія застала уже въ сравнительно преклонномъ возрастѣ, были горячими противниками Дарвина; назовемъ хотя бы только Агассиса, Бэра, Катрфажа, Виганда и др. Изъ нашихъ русскихъ авторовъ противниками Дарвина были Страховъ, Данилевскій и въ послѣднее время академикъ Коржинскій. Зато огромное большинство русскихъ ученыхъ сдѣлало не мало для самой теоріи и для правильнаго ея пониманія, и въ этомъ отношеніи, конечно, на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ московскій профессоръ Тимирязевъ.

Гексли.

4. Путешествія.

Стремленіе изучать чужія страны и земли существовало въ человѣчествѣ чуть ли не съ тѣхъ поръ, какъ вообще человѣкъ перешелъ отъ дикаго состоянія въ культурное. И это стремленіе никогда не угасало; но нельзя не отмѣтить, что до XIX вѣка или, точнѣе, до конца XVIII вѣка эти стремленія были въ большинствѣ случаевъ тѣсно связаны съ какими-либо утилитарными — коммерческими или политическими — цѣлями. XIX вѣкъ первый выдвинулъ исключительно научныя задачи, и не мало огромныхъ и со-

пряженныхъ съ величайшими трудностями и опасностями путешествій было сдѣлано въ XIX вѣкѣ именно съ научными цѣлями, къ которымъ, правда, иногда присоединялись и торговыя, и политическія задачи, но эти задачи стояли на второмъ планѣ. И въ то время, когда Европа стонала подъ игомъ наполеоновскихъ войнъ —въ то самое время совершались отдѣльными группами людей такіе подвиги въ области изученія невѣдомыхъ странъ, о какихъ никому изъ наполеоновскихъ героевъ и во снѣ не снилось. Правда, XIX вѣкъ не открылъ въ буквальномъ смыслѣ слова ни одной новой части свѣта, но по справедливости можно сказать, что онъ ихъ открылъ по крайней мѣрѣ четыре, ибо вѣдь не самое открытіе новаго материка имѣетъ значеніе: для человѣчества особенно цѣнно подробное описаніе новооткрытыхъ странъ, а въ этомъ отношеніи изслѣдователи-путешественники XIX вѣка сдѣлали столько, что ихъ открытія имѣютъ для человѣчества отнюдь не меньшую цѣнность, нежели хотя бы открытіе Америки.

Впрочемъ, такая характерная особенность путешествій, организованныхъ въ XIX вѣкѣ, объясняется и тѣмъ, что, благодаря огромнымъ успѣхамъ наукъ, выдвинулись новыя задачи, рѣшенію которыхъ и должно было содѣйствовать изученіе земного шара во всѣхъ его частяхъ и со всѣми подробностями. Съ другой стороны и средства, какими располагали изслѣдователи въ XIX вѣкѣ, особенно во второй половинѣ его, не могутъ быть сравниваемы со средствами, имѣвшимися въ распоряженіи изслѣдователей и путешественниковъ болѣе ранняго времени. Достаточно указать хотя бы на примѣненіе паровой машины для передвиженія по водѣ. Вспомнимъ, что мореплаватели прежнихъ временъ должны были соображаться съ попутными вѣтрами, должны были иногда цѣлыми недѣлями стоять на одномъ мѣстѣ только потому, что отсутствіе вѣтра не допускало пользованія парусами. Съ другой стороны, впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что отсутствіе паровыхъ судовъ давало не мало толчковъ къ розысканію кратчайшихъ путей сообщенія, и это-то стремленіе служило однимъ изъ факторовъ, сильно содѣйствовавшихъ изслѣдованію сѣверныхъ полярныхъ странъ.

Къ началу XIX вѣка наиболѣе интересныя задачи, на которыя были обращены взоры всѣхъ путешественниковъ, сосредоточивались на такъ-называемомъ «нильскомъ вопросѣ». Истокъ Нила былъ загадкою со временъ Геродота. Какъ течетъ Нигеръ—на западъ или на востокъ? Впадаетъ ли онъ въ Атлантическій океанъ въ видѣ Сенегала или въ видѣ Гамбіи? Составляетъ ли онъ часть водъ верхняго теченія Нила или нѣтъ? Вотъ вопросы, не дававшіе покоя пытливымъ умамъ европейскихъ ученыхъ и путешественниковъ. Двѣ экспедиціи — одна Фридриха Горнеманна, другая Мунго Парка, хотя и дали не мало цѣнныхъ результатовъ, но къ рѣшенію этихъ именно вопросовъ не привели. Горнеманнъ погибъ отъ изнурительной лихорадки (1801), Мунго Паркъ во время своей второй экспедиціи (1805), находясь уже недалеко отъ цѣли, встрѣтилъ такія трудности, что, потерявъ въ борьбѣ съ туземцами значительную часть своихъ спутниковъ, въ концѣ концовъ рѣшился двинуться дальше одинъ: онъ уже проѣхалъ Тимбукту, но около Буссы, спасаясь отъ преслѣдованія враговъ, утонулъ. Задача осталась неразрѣшенной еще въ теченіе четверти вѣка, вплоть до путешествія Ландерса. Не меньшее значеніе для изученія долины Нила имѣлъ египетскій походъ Наполеона. Имѣя въ своемъ штабѣ знаменитѣйшихъ французскихъ ученыхъ, Наполеонъ весьма много содѣйствовалъ подробнѣйшему изученію Египта и разъясненію вопросовъ, которые до него оставались темными.

Но изо всѣхъ путешествій, которыми начался XIX вѣкъ, самымъ плодотворнымъ для науки и человѣчества является путешествіе, предпринятое знаменитымъ Александромъ Гумбольдтомъ. Онъ вступилъ на материкъ Южной Америки 18-го іюля 1799 г. и съ этого момента и до 9-го іюля 1804 года, когда онъ покинулъ Америку, вся его дѣятельность представляла рядъ изслѣдованій, не только прокладывавшихъ новые пути для науки, но даже создававшихъ новыя науки. Онъ явился основателемъ метеорологіи, физическаго ученія о моряхъ, географіи растеній и мн. др. Онъ въ этомъ своемъ путешествіи разрѣшалъ и вопросы, касавшіеся вулкановъ, и вопросы распредѣленія земного магнетизма, касался и астрономіи, и геологіи, и минералогіи; и въ то же время онъ не оставлялъ безъ вниманія этнографическихъ задачъ, разобравъ, напримѣръ, происхожденіе, языки, культуру, исторію переселеній и лѣтоисчисленіе древнихъ мексиканцевъ и перуанцевъ. Вѣрнымъ и ученымъ сопутникомъ Гумбольдта въ этомъ выдающемся его путешествіи былъ французскій ботаникъ Эме Бонпланъ.

Изложить даже въ самыхъ общихъ чертахъ все сдѣланное за эти 5 лѣтъ Гумбольдтомъ, нѣтъ возможности. Достаточно лишь отмѣтить тѣ мѣста, гдѣ онъ перебывалъ за это время: 16-го іюля 1799 г. Гумбольдтъ и Бонпланъ, какъ только-что упомянуто, вступили на материкъ южной Америки. Въ февралѣ 1800 г. мы видимъ ихъ на богатомъ островами озерѣ Такаригуа; въ мартѣ они уже начинаютъ свое знаменитое путешествіе по льяносамъ; 4-го апрѣля они достигаютъ рѣки Ориноко, плывутъ по ней до тѣхъ поръ, пока возможно. Въ началѣ мая они объѣзжаютъ знаменитый раздѣлъ Кисиквіаре, гдѣ система водъ Ориноко сливается съ Амазонской рѣкою: 24-го ноября оба ученые покидаютъ материкъ и направляются въ Вестъ-Индію или, собственно, на Кубу, но вскорѣ мы ихъ опять застаемъ въ южной Америкѣ, гдѣ они по рѣкѣ Магдалинѣ поднимаются къ Сантафе-де-Богота, а 6-го января 1802 г. достигаютъ Квито. Больше года оба путешественника остаются въ Кордильерахъ, при чемъ они то оказываются на вершинѣ Чимборасо, то проходятъ могучими лѣсами хинныхъ деревьевъ, растущихъ у подножія Андовъ; то изучаютъ горячіе источники Кахамальки, то оказываются у Тихаго океана. Въ февралѣ 1803 г. Гумбольдтъ съ товарищемъ попадаютъ въ южную Америку и отправляются на сѣверъ; около Акопулько оба путешественника высаживаются на мексиканскую землю. Объѣхавъ сѣверо-западную часть страны, посѣтивъ знаменитые рудники Гуана-Хуато, вулканъ Хорулло, они черезъ Толуку возвращаются назадъ въ Мексико, производятъ въ 1804 г. измѣреніе высоты Попокатепетля и Истаксигветля (Бѣлой горы) и добираются до Веракруца. Пробывъ еще два мѣсяца въ Гаванѣ, неутомимые изслѣдователи, черезъ Филадельфію и Вашингтонъ, отправляются въ Европу, куда прибываютъ 3-го августа 1804 г.

Только взвѣсивъ невѣроятную обширность и глубину естественно-научныхъ знаній Гумбольдта, можно себѣ составить понятіе о тѣхъ громадныхъ результатахъ, какіе дало наукѣ и человѣчеству его столь продолжительное путешествіе по столь мало изученнымъ странамъ и мѣстамъ!

Въ то время, какъ Горнеманнъ и Мунго Паркъ изслѣдовали источники Нила, а Гумбольдтъ изучалъ южную Америку, южная Африка изучалась англичанами Трёторомъ и Сомервиллемъ (1801) и нѣмцемъ Лихтенштейномъ (1803—1806), а Австралія цѣлымъ рядомъ мореплавателей, въ числѣ которыхъ къ первымъ годамъ XIX столѣтія относятся Басъ и Флиндерсъ. Уже знаменитымъ путешествіемъ Кука были изучены берега Австраліи, но южная часть ея оставалась неизученною: это изученіе подвинулось впередъ съ того времени, какъ въ Ботанибей было устроено мѣсто для ссылки преступниковъ. И вотъ въ 1799 г. Басъ и Флиндерсъ, пройдя черезъ проливъ, отдѣляющій этотъ островъ отъ Новой Голландіи, доказали, что Тасманія представляетъ островъ; проливъ получилъ названіе Бассова пролива. Наконецъ, въ 1801—1802 г. Флиндерсъ окончательно опровергъ существовавшее предположеніе, будто Новая Голландія между заливомъ Карпентера и заливомъ Спенсера распадается или на массу отдѣльныхъ острововъ или же, по крайней мѣрѣ, на 2 острова. Объѣхавъ 15-го ноября 1802 г. заливъ Карпентера, въ особенности самую южную часть его, Флиндерсъ доказалъ, что этотъ заливъ только вдается въ материкъ Новой Голландіи, но проливъ въ проливъ не обращается. Съ этого времени было точно установлено, что Новая Голландія представляетъ собою цѣльный материкъ. На начало XIX вѣка падаетъ, кромѣ всѣхъ перечисленныхъ путешествій, и знаменитое кругосвѣтное плаваніе русскихъ моряковъ Крузенштерна и Лисянскаго (1803—1806). Знаменито это плаваніе въ томъ отношеніи, что оно было первымъ кругосвѣтнымъ плаваніемъ, предпри-

нятымъ Россіей, далѣе что во время этого продолжительнаго путешествія экипажъ не потерялъ ни одного человѣка, и что, кромѣ открытія островковъ Орлова, нанесенія на карту Маркизскихъ и Вашингтоновыхъ островковъ, знаменитаго своими дикарями жителями острова Пукапина, западной части Іессо, Сахалина и Курильскихъ островковъ, экспедиція сдѣлала попытку не давную, впрочемъ, никакихъ результатовъ къ тому, чтобъ завязать сношенія съ Японіей.

Что касается изслѣдованія Азіи, то, какъ конецъ XVIII в., такъ и начало XIX в. преимущественно заняты изслѣдованіями Сибири, предпринимавшимися по иниціативѣ русскаго правительства. Путешествія Палласа, Гмелина, Гюльденштедта, Крашенникова и, наконецъ, Гумбольдта останутся навсегда памятны въ исторіи ученія громадныхъ пространствъ Сибири. Экспедиція Крузенштерна, организованная по иниціативѣ графа Румянцева, была первою; за нею непосредственно слѣдовала экспедиція (1805) графа Головкина съ цѣлымъ штабомъ ученыхъ: она была первою экспедиціею, отправившеюся изъ Петербурга прямо въ Пекинъ; наконецъ въ 1807 г. была предпринята со стороны Россіи экспедиція на Новую землю. Таковы по существу результаты, добытые въ теченіе первой четверти XIX вѣка.

Вторая четверть начинается блестящимъ путешествіемъ, закончившимъ вопросъ о Нигерѣ, сыгравшій столь печальную роль въ участи предыдущихъ изслѣдователей. Въ 1825 году англичанинъ Клэппертонъ въ сопровожденіи своего вѣрнаго слуги Ландера проникъ въ Суданъ и на Нигеръ съ юга и прошелъ по теченію послѣдняго довольно значительное пространство; въ первый разъ теперь у Кано соединились пути изслѣдователей, двигавшихся съ сѣвера Африки, и Клэппертона, шедшаго съ юга, и такимъ образомъ дорога черезъ центральную часть Африки была проложена. Клэппертонъ имѣлъ намѣреніе ѣхать дальше, но былъ остановленъ Сокотскимъ султаномъ и въ 1827 г. умеръ въ Тшангари, около Сокото. Ричардъ Ландеръ доставилъ послѣ смерти Клэппертона всѣ его бумаги въ Европу, а затѣмъ самъ отправился по слѣдамъ своего господина и въ 1830 г. проѣхалъ весь Нигеръ до самаго его устья. Такъ разрѣшился таинственный вопросъ о Нигерѣ, интересовавшемъ еще въ древности человѣчество.

Первую треть XIX вѣка заканчивается весьма важной во многихъ отношеніяхъ періодъ изслѣдованій и развѣдокъ въ Африкѣ. Цѣль такихъ упорныхъ и настойчивыхъ стремленій путешественниковъ была достигнута, направленіе Нигера установлено и такимъ образомъ, двѣ важнѣйшія загадки разрѣшились. Въ связи со всѣми географическими изслѣдованіями сдѣланными въ теченіе первой трети истекшаго вѣка, назовется и создание новой географіи, честь основанія которой должно быть приписать трудамъ А. Гумбольдта и Карла Риттера.

Александръ Гумбольдтъ.

Прежнія географіи состояли преимущественно въ описаніяхъ всевозможныхъ курьезовъ, относившихся къ странамъ, городамъ и народамъ. Въ XVII вѣкѣ географія обратилась въ описаніе различныхъ государствъ соотвѣтственно ихъ политическимъ границамъ. Наполеоновскія войны, при которыхъ эти политическія границы чуть ли не ежедневно мѣнялись, ясно обнаружили невозможность строить науку географіи на такомъ шаткомъ, зависящемъ отъ случайностей, фундаментѣ; съ другой стороны, масса новыхъ географическихъ открытій создавала постепенно почву для уразумѣнія физическихъ принциповъ землевѣдѣнія. На эти физическіе принципы уже было обращено вниманіе такими учеными, какъ Соссюръ и Гумбольдтъ. Но главнѣйшая заслуга въ созданіи научной географіи принадлежитъ Риттеру, который указалъ, что физическое строеніе земли должно служить истиннымъ фундаментомъ землевѣдѣнія. Исходя изъ этого основного положенія, Риттеръ стремился свести всѣ теченія и направленія географіи къ одному источникъ; установивъ связь между природою страны и ея исторіей, т. е. между землей и человѣкомъ, онъ создалъ такъ называемое сравнительное землевѣдѣніе, стремившееся объяснять дѣятельность, способности и судьбы народовъ устройствомъ и свойствами той поверхности, на которой эти народы живутъ. И съ этой точки зрѣнія культура народовъ должна была разсматриваться, какъ нѣчто фатальное, совершенно независящее отъ воли человѣка. Это направленіе господствовало почти въ теченіе всего XIX вѣка; и только въ послѣднее время потерпѣло нѣкоторыя измѣненія болѣе или менѣе существеннаго характера. Во всякомъ случаѣ, съ основаніемъ географіи, какъ отдѣльной науки, дальнѣйшія географическія изслѣдованія въ значительной мѣрѣ потеряли свой случайный характеръ и освѣщались какой-либо общей географической идеей, чему не мало содѣйствовали основавшіяся въ началѣ второй четверти XIX вѣка географическія общества. Изъ нихъ старѣйшее французское основалось въ 1821 г. въ Парижѣ; за нимъ послѣдовало Берлинское въ 1830 г., Лондонское—въ 1830 г., Русское въ 1845 г., Нидерландское—въ 1851 г., Австрійское—въ 1856 г., Швейцарское—въ 1858 г., и т. д.

Въ то время какъ западно-европейскіе изслѣдователи посвящали себя преимущественно изслѣдованіямъ Африки, Австраліи и Америки, Россія заняла первое мѣсто въ изслѣдованіи Азіи преимущественно Сибири. Знаменитыя экспедиціи Крузенштерна, затѣмъ графа Головкина смѣнились новыми. Въ 1820—25 Врангель разслѣдовалъ сѣверныя берега Азіи и Камчатку; въ 1821—1823 Анжу изучалъ сѣверо-западную часть Сибири и теченіе рѣки Лены; въ 1828—29 Эрмонъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе, въ которомъ особенно тщательно изучилъ Сибирь и Камчатку; еще раньше, а именно въ 1819 г. Муравьевъ во время Хивинскаго похода открылъ

древнее русло Окса. Наконецъ въ 1829 г. А. Гумбольдтъ, по предложенію министра финансовъ Канкрина, предпринялъ свое знаменитое путешествіе въ центральную Азію. Взявши, въ качествѣ своихъ спутниковъ, Эренберга и Розе, Гумбольдтъ отправился изъ Петербурга 20-го мая, проѣхалъ черезъ Москву, Екатеринбургъ на Уралъ, оттуда въ Тобольскъ, въ Барнаулъ, Джунгарію, на Алтай и доѣхалъ до китайской границы. На обратномъ пути изслѣдователи проѣхали по Иртышу, затѣмъ черезъ Омскъ и Оренбургъ къ Каспійскому морю. Во время этого путешествія Гумбольдтъ изслѣдовалъ теченіе Амура, по которому въ разныхъ мѣстахъ были заложены буровыя скважины и найдены залежи каменнаго угля. Но важнѣйшимъ результатомъ этого путешествія было существенное исправленіе карты центральной Азіи.

Крузенштернъ.

Изъ кругосвѣтныхъ плаваній, предпринятыхъ по иниціативѣ русскаго правительства, заслуживаетъ упоминанія, кромѣ экспедиціи Крузенштерна, еще экспедиція Коцебу (въ 1815 г.) на военномъ бригѣ «Рюрикъ». Этой экспедиціи было поручено провѣрить открытія, сдѣланныя въ XVII и XVIII столѣтіяхъ голландцами въ Тихомъ океанѣ, и затѣмъ изслѣдовать возможность прохода судовъ около Берингова пролива. Эта экспедиція еще тѣмъ замѣчательна, что въ ней, въ качествѣ натуралиста, принималъ участіе знаменитый поэтъ Адальбертъ Шамисо. Исполнивъ всѣ возложенныя на него порученія, Коцебу въ 1823 г. отправился во вторую кругосвѣтную экспедицію, въ которой пробылъ до 1826 г. Съ возвращеніемъ этой экспедиціи была немедленно же организована новая: это было четвертое кругосвѣтное плаваніе, снаряженное Россіей. Экспедиція эта подъ командою Литке (1826—28) обслѣдовала берега русскихъ азіатскихъ и американскихъ владѣній, изучила Каролинскіе острова и открыла рядъ островов въ Великомъ океанѣ. По характеру своему она весьма сходна съ одновременно съ нею предпринятой французскимъ правительствомъ кругосвѣтной экспедиціей Дюмонъ-д'Юрвиля, предшествовавшею знаменитой французской полярной экспедиціи подъ начальствомъ того же путешественника.

Риттеръ.

Изъ всѣхъ задачъ, какими интересовались путешественники и мореплаватели XIX вѣка, наиболѣе типичною, именно для этого вѣка является проникновеніе и изслѣдованіе полярныхъ странъ. Хотя едва ли можетъ существовать сомнѣніе въ томъ, что уже очень давно норвежскіе рыболовы проникали далеко въ полярныя страны сѣвернаго полушарія, однако результаты, добытые этими отважными моряками, остались для науки неизвѣстны. Только конецъ XVIII вѣка, ознаменовавшійся блистательными плаваніями знаменитаго Кука въ южной полярной области, положилъ начало правильному изслѣдованію полярныхъ странъ.

Еще со времени Гиппарха въ средѣ географовъ господствовало мнѣніе, будто южный полюсъ окруженъ громаднымъ материкомъ. Этотъ материкъ называли Terra australis. Гиппархъ полагалъ, что сѣверный конецъ этого огромнаго материка и есть островъ Цейлонъ. Всякая новая группа острововъ, открывавшаяся въ Южномъ океанѣ, считалась началомъ этого таинственнаго материка. Вѣра въ такой материкъ лишь очень постепенно угасала. Первый ударъ этой вѣрѣ былъ нанесенъ въ половинѣ XVII вѣка Абеломъ Тасманомъ, показавшимъ, что материкъ, извѣстный подъ именемъ Новой Голландіи, никоимъ образомъ не простирался южнѣе 44° южной широты. Но окончательно разрушилъ вѣру въ существованіе «огромнаго» материка Кукъ. Его второе путешествіе (1772) принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ событій въ географическомъ и мореплавательномъ отношеніяхъ. Объѣхавъ южнѣе всѣхъ материковъ вокругъ полярнаго круга, Кукъ показалъ, что материка въ смыслѣ древнихъ географовъ — не существуетъ, такъ какъ до 60° южной широты на протяженіи 150° по долготѣ Кукъ ни на какой материкъ не натолкнулся.

Съ 1819 и до 1843 года начинается цѣлый рядъ экспедицій въ южную полярную область. Первою изъ нихъ по времени, а также по обширности, является экспедиція, снаряженная по желанію императора Александра I. Командиромъ этой экспедиціи былъ назначенъ Ѳаддей (Фабіанъ) Ѳаддеевичъ Беллинсгаузенъ. Ему было дано два шлюпа «Восторгъ» и «Мирный». Команда состояла изъ 170 человѣкъ нижнихъ чиновъ, 14 офицеровъ, астронома и художника. 14-го іюля 1819 г. Беллинсгаузенъ вышелъ изъ Кронштадта, а вернулся 24-го іюля 1821 года. Экспедиція 6 разъ пересѣкла въ разныхъ мѣстахъ полярный кругъ, открыла 29 острововъ и коралловый рифъ и разслѣдовала поверхность въ 214,000 нѣмецкихъ квадратныхъ миль.

Въ то же время начались въ южныхъ полярныхъ областяхъ особенно дѣятельныя экскурсіи англійскихъ китобойныхъ и тюленепромысловыхъ судовъ: изъ этихъ экскурсій, принесшихъ не мало пользы знакомству съ южной полярной картой, особенно замѣчательно плаваніе англійскаго моряка Джемса Ведделя, который въ 1823 г. добрался до 74° 15' сѣверной широты, т. е. на 3 градуса широты дальше Кука и на 4 слишкомъ градуса дальше Беллинсгаузена.

1839 годъ останется особенно памятнымъ въ исторіи изслѣдованій южныхъ полярныхъ странъ. Въ этомъ году туда направились три экспедиціи, имѣвшія между прочимъ одну завѣтную цѣль: изслѣдованіе той точки земного шара, гдѣ, по вычисленіямъ знаменитаго математика Гаусса, долженъ помѣщаться южный магнитный полюсъ. Экспедиція француза Дюмонъ д'Юрвилля, англичанина Джемса Кларка Росса и американца Вилькеса. Ни одной изъ экспедицій, впрочемъ, не удалось проникнуть [illegible] разъ къ тому мѣсту, гдѣ предполагался южный полюсъ: но экспедиція Росса была любопытнѣйшею по результатамъ: во-первыхъ, онъ проникъ въ такія широты, въ какія никто не проникалъ; во время своего перваго плаванія онъ добрался до 78° 4' [illegible] широты; при второмъ плаваніи достигъ 78° 40'; во-вторыхъ, ему принадлежатъ самые тщательные промѣры глубины южнаго полярнаго океана.

весьма большое количество изслѣдованій морской фауны и флоры полярныхъ водъ. Весьма замѣчательно, что Россъ показалъ присутствіе въ этихъ водахъ коралловыхъ полиповъ. Почти подъ самымъ 80° Россъ открылъ материкъ съ двумя вулканами и высказалъ предположеніе, что этотъ материкъ есть начало большого антарктическаго материка. Открытая Россомъ земля была имъ названа землею Викторіи, а вулканы получили названіе судовъ Россъ — «Эребусъ» и «Терроръ».

Если южныя полярныя области привлекали въ первыя четыредесятилѣтія нынѣшняго вѣка не мало изслѣдователей, то и сѣверныя полярныя страны не оставались въ это время въ забвеніи: напротивъ того — онѣ привлекали еще большее вниманіе, такъ какъ съ разслѣдованіемъ ихъ долженъ былъ рѣшиться весьма существенный вопросъ о кратчайшемъ разстояніи между сѣверною Европою, Азіей и Америкою, и о наиболѣе удобныхъ морскихъ путяхъ между этими частями свѣта. Попытки отысканія этихъ путей дѣлались уже и въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ; въ началѣ XIX в., эти попытки, передъ тѣмъ за нѣсколько времени оставленныя, снова возродились. Въ 1818 г. китоловы сообщали о чрезвычайно удобномъ для плаванія состояніи льда въ Ледовитомъ океанѣ. И вотъ дядя того самаго Джемса Росса, который прославился своими изслѣдованіями въ южной полярной области, Джонъ Россъ вмѣстѣ съ другимъ отважнымъ путешественникомъ Вилльямомъ-Эдуардомъ Перри предприняли путешествіе по полярной области сѣвера. Результаты были весьма невелики. Въ ближайшемъ же году была снаряжена вторая экспедиція подъ начальствомъ Перри. Результатомъ этой экспедиціи было обслѣдованіе всего того архипелага, который получилъ названіе архипелага Перри. Джонъ Россъ, репутація котораго, какъ полярнаго путешественника, была послѣ перваго путешествія сильно поколеблена, желалъ снова ее возстановить. Съ 1829—1833 онъ проводитъ четыре зимы въ арктическихъ льдахъ, при этомъ, путешествуя вмѣстѣ со своимъ племянникомъ Джемсомъ. Джонъ Россъ достигъ того, что его экспедиція — помѣщенная Джемсъ Россъ — открыла 2-го іюня 1831 г. годовщинный магнитный полюсъ.

Литке.

Главныя заслуги въ дѣлѣ разслѣдованія сѣверныхъ береговъ Америки распредѣляются между изслѣдователями XVIII и XIX вѣковъ. Когда стремленіе къ изученію полярныхъ странъ снова возродилось въ XIX вѣкѣ, то изслѣдованіемъ сѣверныхъ береговъ Америки занялось не мало извѣстныхъ мореплавателей. Въ 1820 г. отправились Франклинъ, Ричардсонъ, Бакъ, Гуль въ 1838 — Дэзъ и Симпсонъ. Этими изслѣдованіями заканчиваются вплоть до 1845 г. полярныя путешествія. Въ 1845 г. отправились третьи — знаменитые — экспедиціи Дж. Франклина. Экспедиціи эти [illegible] гибелью всѣхъ [illegible] и привлекли къ себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра болѣе всякихъ дѣлъ.

19-го мая 1845 г. на знаменитыхъ судахъ, на которыхъ Джемсъ Россъ совершилъ свое достопамятное путешествіе въ [illegible] страны — «Эребусъ» и «Терроръ» — руководствуемыя Джемсомъ Франклиномъ, вышли изъ бухты Гринвичъ у Лондона. Корабль, принадлежащій Франклину, былъ слѣдующій: нужно было идти въ Баффиновъ заливъ, войти въ Ланкастеровъ Зундъ и оттуда, держась того направленія, по которому шелъ въ первое свое плаваніе Перри, пройти мимо южнаго берега островъ Перри черезъ проливъ Барроуа и, не задерживаясь нигдѣ, проникнуть къ мысу Валькеръ или вообще къ 98° западной долготы по Гринвичскому меридіану. Отсюда Франклинъ долженъ былъ, держась южнаго и западнаго направленія, пробраться насколько возможно кратчайшимъ путемъ въ Беринговъ проливъ. 26-го іюля около заката солнца китоловъ Дэвисъ видѣлъ суда Франклина около залива Мельвилль, бросившими якорь у ледяной горы. Съ тѣхъ поръ никто больше уже не встрѣчалъ ни судовъ Франклина, ни кого-либо изъ экипажа. Два года прошло — никто не безпокоился особенно сильно, но затѣмъ безпокойство стало расти: весь міръ слѣдилъ съ величайшимъ вниманіемъ за всякаго рода слухами объ участи несчастной экспедиціи. Англійское и американское правительства снаряжали одну экспедицію за другою, но суда Франклина со всѣмъ экипажемъ исчезли безслѣдно. Самыя лучшія силы, наиболѣе прославившіеся и опытные полярные мореплаватели отправились на поиски. Достаточно сказать, что самъ Джемсъ Россъ отправился на поиски. Все было безполезно. Только въ августѣ 1850 г. изслѣдователи Оммансн и Пэнни нашли около мыса Рилей первые слѣды погибшей экспедиціи, и сейчасъ же затѣмъ у южнаго входа въ каналъ Веллингтона были открыты слѣды первой зимовки Франклина. Въ 1854 г. англійское адмиралтейство признало экспедицію Франклина погибшей, и дальнѣйшіе офиціальные розыски были прекращены. Но не могла на этомъ успокоиться жена Франклина и англійскій народъ, продолжавшіе употреблять всѣ усилія для разъясненія участи постигшей несчастную экспедицію. Въ 1857 г. Леди Франклинъ снарядила новую экспедицію подъ начальствомъ Макъ-Клинтока — одного изъ друзей Франклина. Макъ-Клинтоку удалось, наконецъ, разъяснить все: онъ розыскалъ въ 1859 г. то мѣсто, гдѣ разыгралась страшная драма — это мѣсто находилось на сѣверо-западномъ берегу земли короля Вилльяма (King Williamsland). Здѣсь Макъ-Клинтокъ нашелъ остатки дневника Кроціера и Фитцджемса — спутниковъ Франклина — отъ 25 апрѣля 1848 г. Въ этомъ дневникѣ разсказывается, что зиму 1845—1846 экспедиція провела на землѣ Бичи, затѣмъ суда «Эребусъ» и «Терроръ» проникли черезъ Веллингтоновъ каналъ до 79° сѣв. шир., потомъ повернули назадъ, прошли западнымъ берегомъ Корнваллиса и добрались до сѣверо-западнаго берега земли короля Вилльяма, гдѣ 12-го сентября 1846 г. были затерты во льдахъ. Въ этомъ мѣстѣ 11-го іюня 1847 г. умеръ Франклинъ. 22-го апрѣля 1848 г. оставшіеся въ живыхъ 105 человѣкъ, подъ начальствомъ Кроціера, покинули суда, чтобы какъ-нибудь проникнуть къ рѣкѣ Рыбной, но, не добравшись до нея, погибли отъ голода и холода.

Франклинъ.

Само собою разумѣется, что огромное число экспедицій, со всѣхъ концовъ направлявшихся къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ погибнуть Франклинъ, необыкновенная тщательность, съ которою каждая изъ экспедицій изслѣдовала мѣстности, по которымъ проходила, что все это должно было

привести къ весьма подробному ознакомленію съ полярной областью, примыкающею къ Сѣв. Америкѣ. И дѣйствительно. Макъ-Клёръ въ 1850 г. разыскалъ тотъ путь изъ Атлантическаго въ Тихій океанъ, надъ розысканіемъ котораго бились полярные путешественники цѣлыхъ полтора столѣтія. Выйдя изъ устья рѣки Мекензи, онъ прошелъ къ мысу Перри, оттуда, двигаясь на саняхъ по направленію пролива принца Валлійскаго, проникъ къ Мельвилль-Зундъ. Кромѣ этого пути были найдены искателями Франклина еще двѣ дороги, соединявшія Атлантическій океанъ съ Тихимъ.

Послѣ того какъ экспедиціи, розыскивавшія Франклина, убѣдились въ существованіи сообщенія между Атлантическимъ и Тихимъ океанами и въ невозможности пользованія этимъ путемъ для правильнаго и безопаснаго судоходства, цѣль дальнѣйшихъ полярныхъ плаваній существенно измѣнилась — явилась новая задача: добраться до сѣвернаго полюса ради научнаго изслѣдованія этой недоступной точки земного шара. Цѣль эта и до настоящаго времени не достигнута; но въ преслѣдованіи ея съ каждымъ новымъ путешествіемъ открывались новыя земли, уяснялись господствующія полярныя теченія, климатическія и метеорологическія условія и, наконецъ, флора и фауна сѣверной полярной области. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить экспедицію, организованную американцемъ Гриннелемъ, добравшуюся до 82° 30′ сѣв. широты (1853), затѣмъ экспедиціи обоихъ Норденшельдовъ и изслѣдованіе Шпицбергена и, наконецъ, экспедицію на кораблѣ «Германія», открывшую фіордъ Франца-Іосифа (1870).

Норденшельдъ.

1878 годъ навсегда останется памятнымъ въ исторіи полярныхъ путешествій. Въ этомъ году знаменитый Норденшельдъ на кораблѣ «Вега», выйдя изъ Готенбурга, прошелъ черезъ Карское море, обошелъ мысъ Челюскинъ (въ первый разъ послѣ 1742 г.), прошелъ мимо Ново-Сибирскихъ острововъ и вдоль всего берега Сибири добрался почти до Берингова пролива, но здѣсь былъ застигнутъ льдами и долженъ былъ зимовать. Пробывъ здѣсь 10 мѣсяцевъ, сдѣлавъ массу въ высокой степени цѣнныхъ наблюденій, онъ 2-го сентября 1879 года, неожиданно для всѣхъ, высадился въ Іокагамѣ. Извѣстіе объ этомъ удивительномъ путешествіи быстро облетѣло Европу, и Норденшельда привѣтствовали, какъ одного изъ самыхъ знаменитыхъ полярныхъ путешественниковъ. Дѣйствительно, этотъ знаменитый шведъ въ самое короткое время открылъ сѣверо-восточную дорогу, соединяющую Атлантическій океанъ съ Великимъ. Экспедиція Норденшельда вызвала за собою экспедицію «Жаннеты», снаряженную американцами (1879—1822). «Жаннета» и весь ея экипажъ, слѣдовавшіе въ обратномъ Норденшельду направленіи, были затерты льдами около Ново-Сибирскихъ острововъ и здѣсь погибли отъ голода и холода. Несчастіе, постигшее «Жаннету», послужило фундаментомъ, на которомъ основалось самое знаменитое изъ всѣхъ полярныхъ путешествій — путешествіе Фридьофа Нансена.

Никто изъ прежнихъ путешественниковъ въ полярныя страны не былъ такъ подготовленъ къ подобнымъ путешествіямъ, какъ былъ къ нимъ подготовленъ Нансенъ. Прекрасный натуралистъ, человѣкъ почти неслыханной смѣлости, необыкновенный пловецъ и охотникъ, нырявшій въ полярномъ морѣ за бѣлымъ медвѣдемъ, чтобы не дать ему уйти, спортсмэнъ, пробѣжавшій большую часть Норвегіи на лыжахъ, почти сказочный герой, закаленный до такой степени, что въ 30° морозы спалъ, прикрывшись легкимъ покрываломъ, на открытомъ воздухѣ — таковъ Нансенъ.

Сегодня такой морозъ, — шутили норвежцы, что, пожалуй, Нансенъ будетъ спать на открытомъ воздухѣ!» И при всѣхъ этихъ качествахъ Нансенъ въ организаціи своего полярнаго путешествія обнаружилъ такую осторожность и вдумчивость, какой до него не обнаруживалъ никто. Что такое полярное путешествіе, Нансенъ зналъ хорошо — не даромъ же онъ прошелъ на лыжахъ поперекъ всей Гренландіи, т.-е. свершилъ такой подвигъ, какого до него никто не совершалъ. Его вѣрные спутники въ этомъ удивительномъ путешествіи по Гренландіи — капитанъ Свердрупъ и лейтенантъ Іогансенъ сопровождали его и въ его плаваніи къ полюсу. Капитанъ Свердрупъ — также своего рода сказочный типъ. Вѣчно молчаливый, почти угрюмый, онъ показалъ чудеса выдержки во время нансеновскаго путешествія къ берегамъ Гренландіи. Когда буря, застигшая Нансена со спутниками въ открытомъ ледяномъ морѣ около Гренландіи въ маленькомъ баркасѣ, заставила ихъ всѣхъ выйти на плавучую льдину и пестись на ней при страшномъ волненіи, при постоянной опасности, что она будетъ разбита о какую-либо другую льдину, когда волны перекатывали черезъ спускавшихъ на этой льдинѣ храбрецовъ, Нансенъ раскинулъ на ней палатку и, привязавъ себя, сидѣлъ безмятежнымъ сномъ вмѣстѣ со своими спутниками, а въ это время, въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ, Свердрупъ, не смыкая глазъ и пожевывая табакъ, ходилъ по льдинѣ взадъ и впередъ, обѣщая разбудить всѣхъ, когда льдина будетъ разбита...

Таковы были главные члены знаменитой экспедиціи Нансена, но и всѣ остальные — а всего въ экспедиціи участвовало 13 человѣкъ — были набраны Нансеномъ изъ людей незнакомыхъ съ чувствомъ страха и усталости. Корабль «Фрамъ»

строился подъ надзоромъ самого Нансена знаменитымъ норвежскимъ строителемъ китообойныхъ судовъ Коллинъ Арчеромъ. Запасы провіанта и проч. были обдуманы до мельчайшихъ подробностей, но при этомъ была допущена даже роскошь, въ родѣ, напримѣръ, варенья и проч. Не были упущены и развлеченія — музыкальные инструменты, карты, шахматы и проч.

Различіе между планомъ Нансена и планами всѣхъ другихъ полярныхъ путешественниковъ было весьма существенно: въ то время какъ всѣ до Нансена больше всего боялись льдовъ и старались пробиваться черезъ нихъ, Нансенъ желалъ только благополучно добраться сквозь льды до Ново-Сибирскихъ острововъ, т.-е. приблизительно до того мѣста, гдѣ была раздавлена льдами несчастная «Жанетта». Здѣсь Нансенъ рѣшился отдаться во власть льдовъ и дать «Фраму» замерзнуть въ нихъ, стремясь только къ одному чтобы льды не раздавили корабля. Для этого профиль «Фрама» былъ построенъ такъ, что если бы льды начали очень давить, то «Фрамъ» постепенно выдвигался бы изъ нихъ кверху и оказывался бы надъ ними. Когда корабль былъ построенъ согласно такому принципу — что, правда, уменьшало его быстроходность — Нансенъ уже не боялся давленія льдовъ.

Нансенъ.

Дальше его разсчетъ, какъ выше упомянуто, былъ построенъ по остаткахъ и нѣкоторыхъ предметахъ погибшей «Жанетты». Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя части погибшей «Жанетты» были пойманы около береговъ Гренландіи на льдинѣ. Отсюда Нансенъ заключилъ, что такъ какъ «Жанетта» погибла у Ново-Сибирскихъ острововъ, а остатки ея и нѣкоторыя части найдены на льдинѣ у береговъ Гренландіи, то эти вещи и части были унесены теченіемъ: слѣдовательно около Ново-Сибирскихъ острововъ, думалъ Нансенъ, существуетъ полярное теченіе, проходящее черезъ Сѣверный полюсъ къ Гренландіи. Если, стало-быть, дать «Фраму» замерзнуть во льдахъ около Ново-Сибирскихъ острововъ, то это теченіе унесетъ «Фрамъ» вмѣстѣ съ окружающими его льдами черезъ Сѣверный полюсъ къ Гренландіи.

22-го сентября 1893 г. около Ново-Сибирскихъ острововъ «Фрамъ» былъ окончательно замерзшимъ въ льдахъ, и въ теченіе 18 мѣсяцевъ медленно по направленію къ сѣверо-запад[illegible] отнесся отъ [illegible] Шпицбергенъ. [illegible] что [illegible] путемъ добраться до полюса нельзя, [illegible] вмѣстѣ съ [illegible] покинулъ 14-го марта 1895 г. «Фрамъ» [illegible] Шпицбергену и подъ [illegible] и 102° 27' восточной долготы, взявъ съ собою [illegible] и 28 собакъ, направился [illegible] 86° 14' сѣв. шир. Дальше, однако, двигаться не было никакой возможности, пришлось повернуться на югъ, и 26-го августа 1895 года изслѣдователи уже были подъ 81° 13' сѣв. шир. и 56° восч. долг. на землѣ Франца-Іосифа. Здѣсь пришлось имъ зимовать и остаться взаперти до мая 1896 г., когда они двинулись дальше къ югу. Совершенно неожиданная счастливая случайность натолкнула смѣлыхъ путешественниковъ на экспедицію англичанина Джаксона, принявшаго ихъ на бортъ своего корабля «Виндвардъ», на которомъ они и были доставлены 13-го августа въ Вардё (въ Норвегіи). «Фрамъ», покинутый Нансеномъ, прошелъ до 85° 57' сѣв. шир. и черезъ недѣлю послѣ прибытія Нансена пришелъ въ Норвегію, сохранивши всю команду въ полномъ здоровьи и не потерявъ ни малѣйшей порчи.

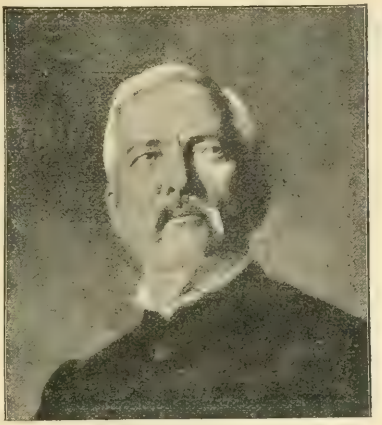
Вслѣдъ за Нансеномъ цѣлый рядъ изслѣдователей устремился къ сѣверному полюсу. Но пока никто изъ нихъ не получилъ еще такихъ результатовъ, которые чѣмъ-либо существенно отличались бы отъ результатовъ, полученныхъ Нансеномъ. Да и дальше Нансена еще никто не проникъ. Изъ всѣхъ этихъ экспедицій оригинальна по замыслу экспедиція несчастнаго Андрэ, — экспедиція, на которую приходится смотрѣть, не только какъ на смѣлый, но просто какъ на безумный шагъ. Андрэ, сообразуясь съ существованіемъ воздушныхъ теченій въ полярныхъ странахъ, разсчиталъ, что, имѣя хорошо устроенный воздушный шаръ, можно въ самое короткое время перелетѣть черезъ сѣверный полюсъ. Несмотря на то, что лучшіе аэронавты доказывали Андрэ невозможность практически выполнить задуманное имъ предпріятіе, Андрэ не послушался и вмѣстѣ со Стриндбергомъ и Френкелемъ поднялся 11-го іюля 1897 г. Полученное съ почтовымъ голубемъ письмо отъ 13-го іюля въ 12 ч. 30 м. гласило: 82° 2' сѣв. шир. и 15° 5' восточн. долг. Путь къ востоку 10° югу хорошъ, все благополучно. Это моя третья посылка съ голубемъ. Андрэ. Это было и послѣднимъ извѣстіемъ Андрэ. Съ тѣхъ поръ никакихъ свѣдѣній о судьбѣ несчастныхъ воздухоплавателей не получено. Цѣлый рядъ розысканій и экспедицій въ разные концы полярной области не далъ никакихъ матеріаловъ для сужденія объ участи Андрэ. Не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что смѣлые воздухоплаватели поплатились за свою оригинальную попытку жизнью.

Пржевальскій.

Ливингстонъ.

Въ послѣдніе три года XIX вѣка организованъ цѣлый рядъ полярныхъ путешествій, частью уже закончившихся, частью еще продолжающихся. Характерной стороной этихъ новыхъ путешествій является закладка хорошо устроенныхъ и снабженныхъ большими запасами провіанта станцій, которыя могли бы служить удобными мѣстами для зимовки путеше-

ственниковъ, застигнутыхъ какими-либо несчастьями. Изслѣдователи полярныхъ странъ поняли, что, лишь имѣя сзади себя рядъ такихъ станцій, явится возможность исподволь медленно подвигаться къ полюсу. Пока еще эти станціи не получили правильной организаціи, но можно надѣяться, что дѣло это будетъ развиваться. Что касается экспедицій въ южную полярную область, то изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть объ экспедиціяхъ кораблей «Бельжика» и «Вальдвіи». Обѣ экспедиціи занялись преимущественно изученіемъ глубины южнаго полярнаго океана, распредѣленія температуръ, подводныхъ теченій, флоры и фауны. Результаты, полученные этими экспедиціями, поразительны по своему богатству; это объясняется, конечно, тѣмъ, что изслѣдователи были вооружены всѣми новѣйшими инструментами, какъ для изслѣдованія дна морского на значительныхъ глубинахъ, такъ и для ловли различныхъ образцовъ растительнаго и животнаго царствъ, населяющихъ различныя глубины океана.



Стэнли.

Но не однѣ морскія экспедиціи сдѣлали крупный вкладъ въ географію мало извѣстныхъ странъ. Сухопутныя путешествія по Азіи, Африкѣ и Австраліи продолжали и продолжаютъ и до сихъ поръ привлекать не мало научныхъ силъ. Уже выше было говорено объ изысканіяхъ, произведенныхъ въ Африкѣ и Австраліи въ теченіе первой трети истекшаго вѣка. Эти изысканія продолжались съ большою настойчивостью; не мало изслѣдователей при этомъ погибло, но зато и не мало было такихъ, которые, возвратившись благополучно изъ опасныхъ своихъ путешествій, обогатили науку землевѣдѣнія массою новыхъ и въ высшей степени важныхъ фактовъ.

Одною изъ первыхъ и чрезвычайно богатыхъ послѣдствіями экспедицій была снаряженная русскою академіей наукъ экспедиція Миддендорфа, обошедшая всю восточную Сибирь и Приамурскій край и вернувшаяся въ Петербургъ съ громадными ботаническими, зоологическими, минералогическими и этнографическими коллекціями. Результаты экспедиціи Миддендорфа были опубликованы академіей наукъ въ 10 томахъ съ роскошными хромолитографированными атласами, составляющими драгоцѣннѣйшій вкладъ въ географію Сибири и Приамурскаго края. Въ 50-хъ годахъ Россія принимается за изслѣдованія болѣе центральныхъ частей Азіи, гдѣ русскіе путешественники Бутаковъ и Ивашинцовъ прошли по Оксу и Яксортѣ, существенно подготовили почву русскимъ завоеваніямъ въ центральной Азіи. Своими изысканіями въ центральной Азіи въ это же время прославились нѣмецкіе путешественники, братья Шлагинтвейты: они подали сигналъ, котораго, повидимому одинаково ждали и Россія, и Англія, и который вызвалъ энергическія стремленія какъ русскихъ, такъ и англійскихъ изслѣдователей проникнуть въ самый центръ Азіи. Еще братья Шлагинтвейты не покинули Индіи, а уже въ центральной части Азіи появился нынѣшній вице-предсѣдатель русскаго географическаго общества, П. П. Семеновъ, который, пройдя озеро Балхашъ, объѣхалъ Иссыкъ-Куль и Алатау, пробрался въ сѣверную часть Тянь-Шаня и въ долину Сыръ-Дарьи. Вскорѣ за Семеновымъ киргизъ Валихановъ прошелъ отъ Иссыкъ-Куля въ Кашгаръ. Въ 60-хъ годахъ въ центральной части Азіи работали Сѣверцовъ, Остенъ-Сакенъ, генералъ Гаульбарсъ и, въ особенности, Федченко; они закончили полную топографическую съемку Тянь-Шаня. Въ это же время англичане всѣ изслѣдованія центральной Азіи, стараясь проникнуть туда съ юга. Здѣсь они, одновременно съ Федченко, добрались до знаменитаго Памира. Въ 60-хъ годахъ начинаетъ свою дѣятельность изслѣдователя центральной Азіи одинъ изъ величайшихъ путешественниковъ, какихъ когда либо знала исторія — Николай Михайловичъ Пржевальскій. Въ 1867 г. Пржевальскій изслѣдовалъ Уссурійскій край, въ 1870 г. онъ изучалъ южную Монголію и верхнюю часть Хоанго. Наиболѣе же блестящая сторона дѣятельности Пржевальскаго начинается съ правильной постановки вопроса о Лобъ-Норѣ. За симъ слѣдуетъ рядъ изслѣдованій, продолжавшихся до 1885 г. и приведшихъ Пржевальскаго къ окончательному уясненію горной системы Куэнь-Луня. Изъ этихъ изслѣдованій выяснилось, что не эта гигантская горная система образуетъ границу пустыни Гоби, а что границу эту образуютъ могущественныя горныя цѣпи Алтынъ-Тагъ и Нанъ-Шанъ, отвѣтвляющіяся къ сѣверу отъ Куэнь-Луня. Кромѣ знаменитыхъ путешествій Пржевальскаго, обогатившихъ не только географію, но и зоологію и ботанику, слѣдуетъ упомянуть о важныхъ изслѣдованіяхъ Сѣверцова, который закончилъ работы на Тянь-Шанѣ, перешелъ въ 1874 г. Аму-Дарью, затѣмъ на восточный берегъ Аральскаго моря, а съ 1877 г. разслѣдовалъ до него совершенно неизвѣстную центральную область Памира. На востокѣ, въ сѣверо-западной и сѣверной части Монголіи работалъ Потанинъ, который съ 1884 г. вмѣстѣ съ женою своей, изучалъ южныя части Азіи — китайскія провинціи — Кинсу и др. вплоть до пустыни Гоби. Рядомъ съ Потаниннымъ и Пржевальскимъ слѣдуетъ упомянуть и о Громбчевскомъ, изслѣдовавшемъ западную часть китайской границы. Туркестанъ вплоть до восточныхъ границъ Памира. Изъ изслѣдованій, произведенныхъ въ Азіи иностранными путешественниками, слѣдуетъ поставить на первомъ планѣ изслѣдованія, сдѣланныя Бонвало и принцемъ Генрихомъ Орлеанскимъ (1889—1890). Начавши путешествіе отъ Туркестана, изслѣдователи прошли черезъ Лобъ-Норъ и Алтынъ-Тагъ поперекъ всего Тибета, затѣмъ двинулись по восточному Тибету и черезъ горную страну Юнь-Нань добрались до самаго Тонкингскаго залива. Кромѣ этой экспедиціи цѣнные результаты дала экспедиція Сженъ-Гешина.

Лессепсъ.

Въ концѣ 20-хъ годовъ, какъ уже выше изложено, былъ разрѣшенъ вопросъ о Нигерѣ. Съ этого времени и вплоть до 50-хъ годовъ путешествія и изслѣдованія на африканскомъ материкѣ не представляли ничего особенно замѣчательнаго. Лишь въ самомъ началѣ 50-го года англійское правительство, по предложенію Ричардсона, отправило въ Африку экспедицію, въ которой наиболѣе видную роль пришлось сыграть Генриху Барту. Вмѣстѣ съ Ричардсономъ и Оверстомъ изъ Триполиса, онъ проникъ въ Суданъ, гдѣ оставался слишкомъ пять лѣтъ. Путешествіе Барта представляетъ въ исторіи изслѣдованія Африки новую эру. Бартъ подробно изслѣдовалъ замѣчательный оазисъ Аиръ, нанесъ на карту обширную

Торжественное открытіе Суэзскаго канала, 4-го ноября 1869 г.

и богатую страну Адамаву, далъ первое болѣе точное описаніе королевствъ Багхирми и Вадаи и открылъ обширныя государства Ганду и Гамдъ-Аллахи. Затѣмъ онъ перерѣзалъ поперекъ дугу Нигера, провелъ семь мѣсяцевъ въ Тимбукту и, наконецъ, представилъ первыя достовѣрныя данныя, касающіяся исторіи и географіи западнаго Судана. При этихъ своихъ путешествіяхъ Бартъ прошелъ не менѣе 20,000 верстъ и—что гораздо важнѣе—далъ чрезвычайно точныя и ясныя описанія всего того, что ему пришлось видѣть и наблюдать. Рядомъ съ Бартомъ долженъ быть поставленъ и Гергардъ Рольфсъ, прошедшій въ 1866—67 гг. отъ Триполиса до Гвинейскаго залива и разслѣдовавшій такія области, на которыя до него ни разу не ступала нога европейца. Та роль, какую Бартъ игралъ относительно западнаго Судана, выпала на Рольфса по отношенію къ Сахарѣ и странамъ около Атласа.

Но конечно изъ всѣхъ изслѣдователей и путешественниковъ въ Африкѣ, первое мѣсто должно быть отведено знаменитому Давиду Ливингстону. Начавши свою дѣятельность въ 1840 г. въ Африкѣ въ качествѣ миссіонера, Ливингстонъ вскорѣ рѣшился посвятить свои силы изслѣдованіямъ мало изученныхъ или совершенно неизученныхъ мѣстностей Африки. И уже въ 1849 году онъ открылъ озеро Нгами; вслѣдъ затѣмъ, черезъ два года, онъ достигъ верхняго теченія Замбези, а затѣмъ въ 1855 г. открылъ знаменитый водопадъ Викторіи; наконецъ въ 1856 г. онъ первымъ изъ непортугальцевъ достигъ восточнаго берега у Квелиманы, т. е. прошелъ поперекъ всю Африку. Въ 1859 г. онъ открылъ озеро Ніасси. На обратномъ пути отъ этого озера Ливингстонъ изслѣдовалъ нижнее и среднее теченіе Замбези до впаденія въ нее притока Кафу, затѣмъ направился отъ водопада Викторіи къ западу до Линіанти и, наконецъ, прошелъ все огромное пространство Замбези до самаго ея устья. Такъ называемый вопросъ о Замбези былъ разрѣшенъ. Но затѣмъ для Ливингстона открылся рядъ другихъ вопросовъ. Еще въ 1864 г. во время своего второго путешествія по Замбези, онъ слышалъ о какой-то текущей къ сѣверу рѣкѣ, называвшейся Луапула. Согласно господствовавшимъ въ то время взглядамъ, Ливингстонъ считалъ эту рѣку западнымъ притокомъ Нила; этого мнѣнія онъ держался почти до конца 60-хъ годовъ, когда благодаря настойчивому разслѣдованію, предположилъ, что Лаупула не имѣетъ отношенія къ Нилу, а относится къ системѣ рѣки Конго. Съ этого момента знаменитый изслѣдователь обратился къ изученію Конго. Но самому Ливингстону не удалось разрѣшить этого важнѣйшаго вопроса Африки. Часть рѣшенія его принадлежитъ другому знаменитому путешественнику, Генри Мортону Стэнли, отыскавшему въ 1871 г. Ливингстона, о которомъ съ 1869 г. въ Европѣ не было ни слуху, ни духу. Въ 1873 г. умеръ Ливингстонъ, а Стэнли принялся за изслѣдованіе Конго и, отправившись въ ноябрѣ 1876 г. отъ Ніангвэ, онъ дошелъ въ августѣ 1877 г. до Бомы у Антлантическаго океана и, такимъ образомъ, сразу рѣшилъ вопросъ о Конго, рѣшеніе котораго Ливингстону не удалось.

И если мы сравнимъ современную карту Африки съ картою ея въ 1800 г., то увидимъ, что теперь уже на этой картѣ осталось сравнительно весьма мало «бѣлыхъ мѣстъ». Куда мы ни взглянемъ—будетъ ли это покрытая степями область Килиманджаро, будутъ ли то саванны западнаго Судана, будетъ ли это область первобытныхъ лѣсовъ Камеруна, степи и пустыни юго-западной части Африки—мы на каждомъ шагу увидимъ здѣсь явные признаки разслѣдованій, ведшихся съ такой энергіей, какой человѣчество не обнаруживало никогда. Конечно, «бѣлыя пятна» остались на современной картѣ Африки, и текущее столѣтіе должно принести намъ еще не мало интересныхъ географическихъ фактовъ, но, во всякомъ случаѣ, истекшее столѣтіе принесло ихъ столько, что ему никогда не придется быть поставленнымъ въ этомъ отношеніи на второй планъ. Страшно много труда потребовала Африка въ истекшемъ столѣтіи; но зато мы, по крайней мѣрѣ, въ крупныхъ чертахъ, знаемъ не только топографію страны, но и жителей ея, ея геологію и климатологію, ея флору и ея фауну... И заключительнымъ аккордомъ всѣхъ этихъ могучихъ изслѣдованій является, несвязанный, правда, съ ними логически, но связанный географическою знаменитый Суэзскій каналъ, прорытый не менѣе знаменитымъ Лессепсомъ...

Что касается Австраліи, то съ 1843 г. изслѣдованія ея береговой части были уже почти вполнѣ окончены. Въ теченіе тридцати лѣтъ была изучена преимущественно горная область востока и юга. При этомъ путешественники хорошо ознакомились и съ областями, ведшими во внутреннія части материка, и оказались достаточно хорошо вооруженными для того, чтобы приступить къ рѣшенію ближайшей, стоявшей на очереди, задачи—именно къ изученію совершенно темной центральной части австралійскаго материка, для чего нужно было прежде всего пройти этотъ материкъ поперекъ въ какомъ либо направленіи. За эту задачу принялся Людвигъ Лейхгардтъ. Въ 1844 году онъ предпринялъ свое первое большое путешествіе. Двинувшись отъ залива Мортонъ въ южной части восточнаго берега Квинслэнда, онъ прошелъ по совершенно неизвѣстнымъ въ то время горнымъ странамъ сѣверовосточной Австраліи до залива Карпентарія и достигъ сѣвернаго берега у порта Эссингтона. Ободренный удачей, Лейхгардтъ рѣшился пройти Австралію съ востока на западъ, пожертвовавъ на этотъ переходъ три года времени. Въ началѣ 1847 г. онъ тронулся въ путь, но нѣсколько разъ снова возвращался, и лишь въ декабрѣ 1847 г. рѣшился окончательно приступить къ выполненію задуманнаго плана. 3-го апрѣля 1848 г. друзья его въ Сиднеѣ получили еще отъ него извѣстіе; но оно было послѣднимъ. Лейхгардтъ вмѣстѣ съ своими спутниками пропалъ безъ вѣсти. И не смотря на цѣлый рядъ экспедицій, посланныхъ исключительно съ цѣлью разысканія Лейхгардта, никакихъ слѣдовъ ни его, ни его спутниковъ не было найдено.

Быстрое развитіе австралійскихъ колоній само собою вызвало не менѣе быстрые успѣхи въ ознакомленіи съ внутренней частью австралійскаго материка, но все таки шестидесятые годы были преимущественно посвящены изученію неизвѣстныхъ странъ, лежащихъ между заливомъ Спенсера и Карпентарія. Но затѣмъ и задача, поставленная Лейхгардтомъ, приведена была къ своему рѣшенію трудами Макъ-Дональ-Стюарта, Макъ-Кинлея, Макъ-Питайра, Лендеборо и друг. Въ теченіе двухъ лѣтъ материкъ Австраліи былъ пройденъ въ поперечномъ направленіи съ запада на востокъ и съ востока на западъ четыре раза. Вскорѣ затѣмъ (1870—1872) была проложена черезъ весь материкъ съ сѣвера на югъ телеграфная линія. Въ 1873 г. англичанинъ Варбуртонъ, выйдя отъ телеграфной станціи Алисъ-Спрингсъ, прошелъ черезъ всю западную половину материка до самаго западнаго берега, а въ 1867 г. землякъ Буртона Джильсъ прошелъ подъ 24° южной широты весь австралійскій материкъ съ запада на востокъ. Такимъ образомъ, большая часть центральной Австраліи была изучена не только въ географическомъ, но и вообще въ естественно-научномъ отношеніи.

Параллельно съ изученіемъ австралійскаго материка шло и изученіе острововъ, разбросанныхъ въ Тихомъ океанѣ. Наибольшее вниманіе привлекали къ себѣ, конечно, огромный островъ Новая Гвинея, въ особенности съ того времени, какъ нашъ русскій путешественникъ Миклухо-Маклай съ 1871 г. въ нѣсколько пріемовъ разслѣдовалъ сѣверный берегъ этого острова. Обративъ вниманіе географовъ и натуралистовъ на свои изслѣдованія, Миклухо-Маклай вызвалъ огромный интересъ къ изученію этого совершенно неизвѣстнаго куска земли. Въ 1876 г. итальянскій путешественникъ Дальбертисъ, послѣ неоднократныхъ попытокъ, проникъ, наконецъ, въ самую глубь острова. Затѣмъ островъ стѣлался колоніей французовъ, англичанъ и нѣмцевъ, и если его изслѣдованіе еще далеко не закончено, то, конечно, ближайшее будущее дастъ достаточное число путешественниковъ, которые постараются изучать Новую Гвинею.

Астрономія въ XIX столѣтіи.

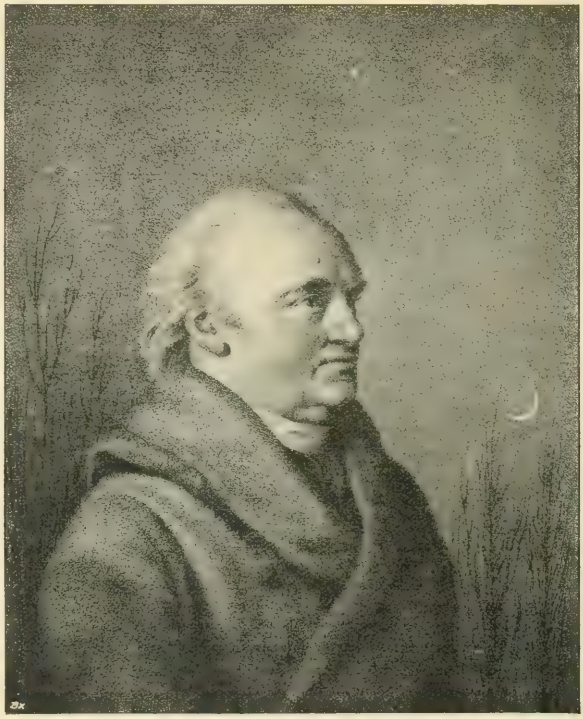
Очеркъ К. Д. Покровскаго.

Темная, звѣздная ночь. Все небо усыпано миріадами разнообразныхъ огоньковъ. Поперекъ тянется широкая, сѣроватая полоса — млечный путь. Внизу у горизонта горитъ и переливается разноцвѣтными огнями яркій Сиріусъ, а нѣсколько выше спокойно, величаво сіяетъ красавецъ Юпитеръ.

Сколько поэзіи, сколько дивной красоты въ этой звѣздной панорамѣ! Сколько вопросовъ, сколько философскихъ идей она возбуждаетъ въ насъ! Нѣтъ человѣка, на котораго она не произвела бы болѣе или менѣе сильнаго впечатлѣнія, въ которомъ она не вызвала бы стремленія, хотя на нѣкоторое время отрѣшиться, уйти отъ треволненій обыденной, будничной жизни, подумать о судьбѣ міровъ, плывущихъ по закономѣрнымъ путямъ, о ихъ строеніи, о строеніи вселенной.

И съ первыхъ проблесковъ сознанія человѣкъ ищетъ отвѣта на жгучіе, конечные вопросы, которые неотвязчиво встаютъ передъ нимъ. Но немного онъ узнаетъ, наблюдая свѣтила невооруженнымъ глазомъ. Онъ разбирается до нѣкоторой степени только въ движеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ. Изученіе же строенія небесныхъ тѣлъ и ихъ особенностей становится возможнымъ только съ изобрѣтеніемъ трубы, т. е. съ 1610 года.

Тогда обнаружены были пятна на блестящемъ дискѣ солнца, горныя цѣпи на поверхности луны, предсталъ Юпитеръ вмѣстѣ съ своими спутниками, какъ бы модель солнечной системы. Сатурнъ съ своимъ удивительнымъ кольцомъ.



Гершель.

Но затѣмъ вслѣдствіе несовершенства астрономическихъ трубъ изученіе небесныхъ тѣлъ прогрессируетъ слабо. Въ XVIII вѣкѣ дѣлаетъ успѣхи только измѣрительная астрономія и теоретическая, отыскивающая все новыя и новыя подтвержденія справедливости знаменитаго закона всемірнаго тяготѣнія, открытаго Ньютономъ. Зато XIX столѣтіе подарило намъ такую массу наблюденій и открытій въ области физической астрономіи, т. е. той отрасли науки, которая занимается изученіемъ физическаго строенія небесныхъ тѣлъ, что стали возможны не только гипотезы, а даже теоріи для объясненія [illegible] важныхъ явленій.

Начало этой эпохи блестящихъ открытій положено Вильямомъ Гершелемъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. Музыкантъ по профессіи, простой любитель астрономіи Гершель съ энергіемъ и страстнымъ увлеченіемъ изслѣдовалъ небо. Съ помощью брата и сестры онъ самъ шлифуетъ зеркала, самъ строитъ трубы и каждую минуту, какъ только [illegible] и небо дѣлъ, готовъ отдать себя всего созерцанію удивительныхъ красотъ вселенной. Онъ объяснится могучими телескопами, какихъ тогда до него не имѣлъ, и проникаетъ [illegible] въ глубины мірового пространства, расширяетъ [illegible] открытіемъ новыхъ сложныхъ системъ небесныхъ тѣлъ и своею прозорливостью устанавливаетъ ихъ взаимныя соотношенія.

Гершель — астрономъ-созерцатель, это въ одно и тоже время астрономъ, поэтъ и философъ. Чуть не каждый разъ, когда онъ наводитъ свой телескопъ на небо, онъ дѣлаетъ открытія, которыя имѣютъ всегда непосредственный интересъ. Они наглядны, понятны въ общемъ каждому, въ то же время величественны и производятъ громадныя впечатлѣнія.

13-го марта 1781 года между 10 и 11 часами вечера Гершель направилъ свой телескопъ (7-ми футовый рефлекторъ) на ту область неба, которая находится между созвѣздіями Близнецовъ и Тельца. Онъ увидѣлъ тамъ звѣздочку, которая по внѣшнему своему виду отличалась отъ другихъ. Она казалась кружочкомъ съ замѣтнымъ дискомъ. Искра Божія, которая была заложена въ душу великаго наблюдателя, подсказала ему, что онъ имѣетъ дѣло съ особеннымъ явленіемъ. Какъ выяснилось впослѣдствіи, эту звѣздочку наблюдали и другіе астрономы, но она не остановила ихъ вниманія.

Гершель слѣдилъ нѣсколько дней за интересной звѣздочкой и констатировалъ ея смѣщеніе относительно другихъ звѣздъ. Что это могло быть? Сдѣлать предположеніе, что это новая планета, Гершель не смѣлъ. До тѣхъ поръ такихъ открытій никто не дѣлалъ. Съ давнихъ временъ, отъ глубокой древности извѣстны были кромѣ земли пять планетъ: Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ. Несмотря на то, что перемѣщающаяся звѣзда не имѣла ни хвоста, ни туманной оболочки вокругъ диска, Гершель счелъ ее за комету. Но послѣ выяснилось, что эта планета — новый могучій членъ нашей солнечной системы, отстоящій отъ солнца въ два раза дальше, чѣмъ Сатурнъ, и обходящій вокругъ солнца въ 84 года. Этимъ открытіемъ Гершель сразу раздвигаетъ предѣлы планетной системы вдвое дальше.

Планета названа Ураномъ. 11-го февраля 1787 года съ помощью новаго 20-ти-футоваго телескопа Гершель открываетъ двухъ спутниковъ Урана, потомъ находитъ слабыхъ спутниковъ Сатурна. Онъ изслѣдуетъ поверхность планетъ и солнца, но особенное его вниманіе привлекаетъ звѣздный міръ.

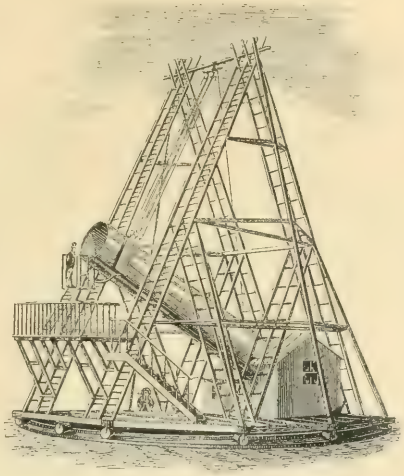
При своихъ обозрѣніяхъ неба Гершель поразился громаднымъ числомъ такъ называемыхъ двойныхъ звѣздъ, т. е. такихъ звѣздныхъ паръ, которыя для невооруженнаго глаза и небольшой трубы сливаются въ одну звѣзду, но въ трубу съ большимъ увеличеніемъ раздѣляются. Господствовало мнѣніе, что звѣзды, составляющія такія пары, только усматриваются нами по одному направленію, а въ общемъ стоятъ очень далеко другъ за другомъ.

Но Гершель понималъ, что случайная встрѣча на такомъ

близкомъ разстояніи на небѣ для такого огромнаго числа паръ совершенно невѣроятна. Онъ склоненъ былъ скорѣе допустить, что звѣзды, составляющія пару, на самомъ дѣлѣ близки другъ другу, что онѣ составляютъ одну физическую систему, — систему совершенно отличную отъ нашей солнечной, въ которой между центральнымъ тѣломъ и планетами, движущимися около него, существуетъ такая громадная разница. Тамъ наоборотъ два солнца почти равноправныя. Одно тѣло меньше другого въ 3 — 5 разъ. Они оба раскалены, вокругъ каждаго можетъ быть свой міръ планетъ, который освѣщается самыми разнообразными переливами цвѣтовъ, потому что звѣзды, составляющія пару, часто неодинаковаго цвѣта. Но, если это физическая система, то въ ней необходимо должны наблюдаться движенія въ силу возможнаго притяженія тѣлъ.

Обѣ звѣзды должны описывать замкнутыя орбиты около общаго центра тяжести, а если можно одну звѣзду считать условно неподвижной, тогда другая опишетъ подобную орбиту вокругъ нея. Для того, чтобы убѣдиться, что мы дѣйствительно въ двойныхъ звѣздахъ имѣемъ въ большинствѣ случаевъ настоящія физическія системы, нужно постараться подмѣтить эти движенія, и вотъ, Гершель начинаетъ измѣренія относительнаго положенія составляющихъ во всѣхъ открытыхъ имъ и извѣстныхъ раньше парахъ. Черезъ 20 лѣтъ онъ повторяетъ измѣренія. Въ нѣкоторыхъ парахъ обнаруживаются измѣненія въ положеніяхъ, которыя не могутъ быть объяснены другими причинами, какъ только-что указанными. Идея о новыхъ мірахъ, особыхъ сложныхъ системахъ, получаетъ подтвержденіе; открывается новая область интересныхъ изслѣдованій.

Но если существуютъ системы изъ двухъ солнцъ, то могутъ быть и болѣе сложныя изъ трехъ, четырехъ, цѣлыхъ сотенъ и тысячъ тѣлъ. Вотъ эти звѣздныя скопленія, звѣздныя кучи, которыя для невооруженнаго глаза являются туманными пятнами, а иногда для него и совсѣмъ недоступны, въ трубѣ же раздѣляются на массу отдѣльныхъ звѣздочекъ, какъ бисеромъ усыпавшихъ все поле зрѣнія трубы. Кто не знаетъ поэтической группы звѣздъ, которая зовется плеядами и имѣетъ форму ковшика въ созвѣздіи Большой Медвѣдицы? Невооруженный глазъ различаетъ здѣсь 7 — 8 звѣздъ, въ трубѣ ихъ цѣлая масса въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. И все это — одна система звѣздъ, сравнительно близкихъ, связанныхъ общей силой притяженія, движущихся около нѣкоторого центра.



Исполинскій телескопъ Гершеля.

Вотъ скопленіе звѣздъ въ созвѣздіи Цефея. Оно имѣетъ круглую форму. Это шарообразная куча съ отдѣльными отростками по сторонамъ.

Могучій телескопъ Гершеля показалъ цѣлыя [illegible] сложныхъ системъ, въ которыхъ часто нельзя было и пересчитать всѣхъ звѣздъ, потому что въ центральной части онѣ сливались въ общемъ матовомъ сіяніи. Гершель открылъ, кромѣ того, массу туманностей различной формы. Сначала онъ думалъ, что это тоже звѣздныя скопленія, которыя только такъ удалены отъ насъ, что даже въ большую трубу нельзя видѣть отдѣльныя звѣзды. Но по мѣрѣ изученія этихъ дивныхъ объектовъ, онъ все болѣе и болѣе склонялся къ мысли, что между туманностями могутъ быть и просто безформенныя газообразныя массы, клочки первобытной матеріи, изъ которой путемъ уплотненія могутъ и есть образоваться звѣзды. Онъ разбилъ всѣ открытыя имъ туманности и звѣздныя скопленія на группы, которыя наглядно рисуютъ возможную картину формированія міровъ и ихъ жизни.

Первую стадію представляетъ безформенная туманность — хаотическое состояніе матеріи. Затѣмъ идутъ туманности округлыя, съ уплотненіемъ въ центрѣ, далѣе планетарныя туманности въ видѣ свѣтлаго диска, окруженнаго туманной массой, потомъ туманная звѣзда и, наконецъ, настоящая ясная звѣзды или системы звѣздъ безъ признаковъ какихъ либо остатковъ туманной массы.

Среди звѣздныхъ скопленій наблюдаются различныя стадіи — отъ разбросанныхъ до скученныхъ въ шарообразныя формы. Допуская, что звѣзды въ скопленіяхъ находятся подъ силой всемірнаго притяженія, которая стремится дать имъ правильное распредѣленіе вокругъ нѣкотораго центра, Гершель по внѣшнему виду скопленій рѣшался судить объ ихъ относительномъ возрастѣ. На переходъ отъ одной стадіи до другой требуются, конечно, милліоны лѣтъ, но человѣку вовсе оказалось не нужно самому переживать эти сроки. Съ помощью своего обобщающаго ума онъ сумѣлъ связать наблюдаемыя явленія и по отдѣльнымъ ступенямъ возстановить полную картину сложнаго процесса.

Гершелю мы обязаны спеціальнымъ изслѣдованіемъ строенія нашей звѣздной системы, т. е. группы звѣздъ, которая покрываетъ нашъ небосводъ. Онъ направлялъ свой телескопъ на различныя области неба и сосчитывалъ всѣ тѣ звѣзды, которыя видимыхъ въ поль зрѣнія трубы. Такимъ образомъ опредѣлено, въ частяхъ, Гершель показалъ, что тѣмъ ближе къ млечному пути, тѣмъ звѣзды плотнѣе распредѣлены [illegible]

Туманности въ Плеядахъ.

чѣмъ дальше отъ млечнаго пути, тѣмъ они рѣже. Предполагая, что звѣзды въ пространствѣ разсыпаны вообще равномѣрно, мы приходимъ къ такому заключенію, что наша звѣздная система имѣетъ форму вытянутой чечевицы, размѣры которой, по направленію плоскости млечнаго пути, въ пять разъ больше, чѣмъ въ перпендикулярномъ. Внутри ея, близь центра находится наше солнце.

Кто не слышалъ, что солнце со всѣми своими планетами несется безпрерывно въ міровомъ пространствѣ по направленію къ созвѣздію Геркулеса? Это впервые обнаружилъ тотъ же Гершель. Много астрономовъ послѣ занимались этимъ вопросомъ, но результаты получались мало согласные. Удивительно, что средній изъ всѣхъ очень близокъ къ результату Гершеля. Такъ удачно онъ опредѣлилъ направленіе движенія солнечной системы изъ небольшого числа данныхъ.

Кромѣ Гершеля на астрономическомъ горизонтѣ на переломѣ XVIII и XIX столѣтій рѣзко выдается еще другая фигура—астрономъ-теоретикъ, Лапласъ, творецъ «Небесной механики».

Съ необыкновенной полнотой и изяществомъ, въ пяти большихъ томахъ, онъ разбираетъ всѣ явленія въ движеніи небесныхъ тѣлъ и ихъ взаимодѣйствія другъ на друга. Первые два тома этого огромнаго труда вышли въ 1799 году, а на три года раньше Лапласъ выпускаетъ другое общедоступное сочиненіе, въ которомъ съ поразительнымъ талантомъ, просто и безъ формулъ излагаетъ главнѣйшіе результаты даже сложныхъ теоретическихъ изслѣдованій. На основаніи имѣвшихся фактовъ онъ пытается создать и теорію образованія солнечной системы.

Раскаленная масса первобытной матеріи находится во вращательномъ движеніи. Мало по малу она охлаждается вслѣдствіе лучеиспусканія въ міровое пространство и при этомъ уплотняется, скорость вращенья увеличивается, растетъ центробѣжная сила на поверхности. Наступаетъ моментъ, когда она дѣлается больше силы притяженія къ центру, тогда наружныя части атмосферы отдѣляются въ видѣ кольца, а внутренняя масса продолжаетъ уплотняться. Когда на поверхности ея вновь центробѣжная сила превыситъ силу тяготѣнія къ центру, происходитъ отдѣленіе новаго кольца и т. д.

Отдѣлившіяся кольца охлаждаются. Болѣе плотныя ихъ части сгущаются раньше и притягиваютъ менѣе плотныя — образуется клубокъ, шаръ, планета вращающаяся около центральнаго тѣла — солнца и являющаяся сама центромъ, способнымъ отдѣлять свои небольшія кольца и тѣмъ давать происхожденіе спутникамъ.

Самое начало XIX столѣтія — первый день его былъ ознаменованъ интереснымъ открытіемъ. 1-го января 1801 года итальянскій астрономъ Піацци нашелъ небольшую звѣздочку, измѣняющую свое положеніе на небѣ. Какъ выяснилось послѣ, это была малая планета, которая движется вокругъ солнца, какъ всѣ другія, и находится между Марсомъ и Юпитеромъ, т.-е. какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ астрономы еще со времени Кеплера склонны были допустить присутствіе планеты.

Семь Піацци наблюдалъ открытую имъ планетку шесть недѣль, но потомъ она потерялась въ лучахъ солнца. Только благодаря Гауссу, создавшему способъ вычисленія орбиты планетъ по 4 наблюденіямъ, она была найдена послѣ вновь.

За этимъ открытіемъ слѣдуютъ другія. Сначала съ большой паузой (1807—1845), потомъ болѣе или менѣе непрерывнымъ рядомъ. Теперь мы знаемъ до 500 планетокъ, которыя идутъ по орбитамъ, широкимъ поясомъ расположившимся между орбитами Марса и Юпитера. Въ этомъ поясѣ есть нѣсколько провѣлокъ, болѣе или менѣе широкихъ промежутковъ. Астрономическія наблюденія показываютъ, что въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, Юпитеръ своими возмущеніями [illegible] неустойчивыя движенія. Онъ понятнымъ образомъ оказалъ большое вліяніе на распредѣленіе планетокъ. Возможно, что [illegible] то, что между Марсомъ и Юпитеромъ образовалось не одна большая планета, а цѣлая группа маленькихъ планетокъ.

Въ 1[illegible] [illegible] свои наблюденія Мессье на частной обсерваторіи банкира Бесра, которыя замѣчательны тѣмъ, что кладутъ начало систематическому изученію луны и планетъ въ физическомъ отношеніи.

Особенное значеніе имѣла карта лунной поверхности, изданная Беромъ и Медлеромъ въ 1834 г. Она составлена въ такомъ масштабѣ, какой мы имѣемъ на картѣ Франціи, отпечатанной in quarto, т.-е. 1: 5.000.000.

Не перечисляя всѣхъ послѣдующихъ работъ, укажемъ на замѣчательный трудъ Шмидта, составившаго карту лунной поверхности на основаніи 34-лѣтнихъ наблюденій. Онъ имѣетъ 6 футовъ въ діаметрѣ и содержитъ до 33.000 кратеровъ.

Благодаря этимъ изданіямъ мы не только разобрались въ общей формѣ главнѣйшихъ формацій на лунѣ, но имѣемъ также надежное руководство для сужденія о возможныхъ измѣненіяхъ въ мертвомъ ландшафтѣ на поверхности нашего спутника, о проявленіяхъ жизни на немъ.

Поверхность солнца представляетъ совершенную противоположность поверхности луны. Въ то время, какъ послѣдняя застыла въ своихъ опредѣленныхъ, мертвенно постоянныхъ формахъ, первая каждую минуту подвержена огромнымъ измѣненіямъ.

На ней все кипитъ и бушуетъ, ходятъ волны огненнаго океана, набѣгая другъ на друга и разбиваясь на самыя причудливыя формаціи.

Время отъ времени на рябоватой поверхности нашего свѣтила появляются пятна — какъ бы огромныя ямы, въ которыя устремляется свѣтлая матерія потоками со всѣхъ сторонъ. Вотъ повисъ надъ пропастью свѣтлый мостъ — предвѣстникъ гибели пятна, распаденія его на части. Вотъ съ одной стороны выдался язычекъ изъ мелкихъ, свѣтлыхъ точекъ, напиханныхъ другъ на друга, такъ что образуется родъ цвѣтка. Онъ таетъ, расплывается въ черной безднѣ, которая затягиваетъ въ себя и другія мелкія пятна, видѣвшіяся вокругъ.

Иногда разовьется цѣлая группа пятенъ, числомъ въ нѣсколько сотъ и во много-много разъ превосходящая по площади поверхность земли...

Іезуитъ Секки оставилъ намъ особенно много поэтическихъ описаній этихъ интересныхъ явленій на солнечной поверхности. Аптекарь Швабе, наблюдая дискъ солнца въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, дѣлаетъ замѣчательное открытіе періодичности солнечныхъ пятенъ.

Онъ указалъ, что бываютъ годы, когда пятенъ особенно много на дискѣ солнца, но бываютъ и такіе годы, когда ихъ совсѣмъ не видно, и годы максимумовъ и минимумовъ повторяются правильно черезъ 10 лѣтъ.

Цюрихскій профессоръ Вольфъ изъ всей массы наблюденій за 300 лѣтъ вывелъ періодъ точнѣе. Оказывается онъ равенъ $11\frac{1}{2}$ лѣтъ: въ продолженіе $4\frac{1}{2}$ лѣтъ, послѣ извѣстнаго минимума, дѣятельность солнца разгорается, достигаетъ наибольшей напряженности, а потомъ въ продолженіе $6\frac{1}{2}$ постепенно затухаетъ.

Преемникъ Вольфа, проф. Вольферъ, продолжая изслѣдованія надъ солнечными пятнами, подмѣтилъ въ 1896 году еще одно чрезвычайно важное явленіе. Оказывается, что пятна въ продолженіе нѣкотораго болѣе или менѣе значительнаго времени появляются всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ солнечной поверхности, которая является такимъ образомъ очагомъ солнечной дѣятельности, горнломъ, извергающимъ пятна. Это замѣчаніе очень важно для оцѣнки гипотезъ о причинахъ солнечныхъ пятенъ.

Сразу видно, что причина заключается внутри солнца, что никакія внѣшнія силы здѣсь не могутъ имѣть мѣсто, а слѣдовательно и такія гипотезы, какъ, напримѣръ, приписывающая появленіе солнечныхъ пятенъ паденію на солнце метеоровъ, несостоятельны. Къ замѣчательнымъ результатамъ, добытымъ непосредственными наблюденіями въ трубу, принадлежитъ и законъ вращенія солнца. Солнце вращается не какъ одно цѣлое, а отдѣльными поясами, зонами.

Быстрѣе всѣхъ вращается экваторіальная область, для которой время вращенія равняется 25 днямъ. Отступая на 20 градусовъ по широтѣ къ югу или къ сѣверу отъ эква-

тора, мы имѣемъ время вращенія уже на 18 часовъ больше, подъ широтами 30° оно равно 26½ днямъ, подъ широтой въ 45° 27½ днямъ.

Уже одного этого факта достаточно, чтобы не признать солнца твердымъ тѣломъ.

Большое сходство съ солнцемъ представляетъ Юпитеръ. Это также раскаленное, расплавленное тѣло, на поверхности котораго нѣтъ постоянныхъ опредѣленныхъ контуровъ. Рядъ бурыхъ полосъ, клочковатаго, облачнаго строенія тянется поперекъ диска. По временамъ появляются свѣтлыя и темныя пятна. Въ 1878 г. появилось въ южномъ полушаріи огромное красное пятно, которое по изслѣдованію нашего знаменитаго ученаго, академика Бредихина, представляетъ, вѣроятно, твердую пленку, скользящую по жидкой поверхности планеты — зачатокъ твердой коры, которая покроетъ ее по охлажденіи.

Узкая экваторіальная полоса на Юпитерѣ вращается такъ же, какъ на солнцѣ, быстрѣе, чѣмъ остальныя части поверхности.

На Сатурнѣ тоже видны полосы, подобныя юпитеровымъ, но только онѣ очень слабы и безъ подробностей въ строеніи. Пятна на дискѣ чрезвычайно рѣдки, такъ что даже время вращенія планеты опредѣлено не особенно точно. Центромъ вниманія астрономовъ является знаменитое кольцо.

Еще Кассини въ XVII столѣтіи замѣтилъ, что оно раздѣляется на два широкимъ, темнымъ просвѣтомъ. Въ XIX столѣтіи замѣчены были и другія дѣленія, впрочемъ всегда неопредѣленныя и недолго доступныя наблюденію. Въ 1830 г. Галле нашелъ еще третье кольцо — матовое. Оно начинается непосредственно у яркаго средняго и распространяется къ планетѣ, прогрессивно уменьшаясь въ яркости.

Наиболѣе вѣроятнымъ предположеніемъ относительно природы кольца Сатурна является то, которое считаетъ его состоящимъ изъ безконечнаго числа маленькихъ тѣлецъ, кружащихся около планеты подобно спутникамъ. Замѣчательно, что упомянутые выше просвѣты соотвѣтствуютъ такимъ мѣстамъ, гдѣ движеніе этихъ маленькихъ спутниковъ неустойчиво вслѣдствіе вліянія большого спутника Сатурна, такъ называемаго Титана — фактъ, аналогичный тому, который имѣетъ мѣсто для пояса малыхъ планетъ.

Значительные успѣхи достигнуты въ изученіи поверхности Марса. Для насъ это міръ несомнѣнно живой, въ общемъ подобный землѣ. Мы видимъ на немъ полярные снѣга, тающіе при наступленіи лѣта въ соотвѣтствующемъ полушаріи, видимъ моря и материки, по временамъ наблюдаемъ какъ бы навощеніе въ нѣкоторыхъ областяхъ, смѣну пятнистыхъ тоновъ, какъ будто обусловливаемую смѣной времени года.

Тепла на Марсѣ значительно меньше, чѣмъ на землѣ, потому что онъ дальше отъ солнца, но наклоненіе экватора къ орбитѣ приблизительно то же, какъ и къ землѣ, а слѣдовательно тамъ относительно такое же раздѣленіе на пояса въ климатическомъ отношеніи. Такое же, какъ на землѣ, и время вращенія около оси. Конечно, многое, что мы видимъ на Марсѣ, намъ не понятно и даетъ поводъ къ самымъ разнообразнымъ предположеніямъ.

Всѣ слыхали о загадочныхъ каналахъ, пропрызывающихъ материки Марса на огромное число километровъ въ различныхъ направленіяхъ: много говорилось о томъ, что эта сѣть сооружена для искусственнаго орошенія, что они есть творенія разумныхъ существъ. Но пока все это, конечно, праздные разговоры. Говорить опредѣленно о жизни на Марсѣ мы не имѣемъ основанія. Конецъ XIX столѣтія какъ разъ ознаменовалъ былъ сенсаціонными слухами о сигналахъ, которые подаютъ намъ жители Марса. На частной обсерваторіи Лоуэлла астрономъ Дуллесъ, наблюдая Марсъ, замѣтилъ на краю освѣщенной части поверхности (была освѣщена только часть диска: планета имѣла вид луны, дня два спустя полнолунія) у моря: Mare Icarium свѣтлый выступъ, который повисъ надъ черной пропастью и былъ виденъ въ продолженіе 70 минутъ. Трудно опредѣленно сказать, что это за явленіе, но утверждать, что это сигналы, подаваемые жителями Марса, совершенно произвольно.

Итальянскому астроному Скіапарелли, которому мы особенно много обязаны нашими знаніями о Марсѣ, удалось и на Меркуріи отмѣтить удивительныя явленія. По тѣмъ планамъ, которыя Скіапарелли усмотрѣлъ на поверхности планеты, онъ заключилъ, что она всегда обращена къ солнцу одной стороной т.-е., что время ея вращенія около оси равняется времени обращенія около солнца (81 дню). Какъ разъ то же самое мы имѣемъ на лунѣ, которая всегда обращена къ землѣ одной и той же половиной своей поверхности.

Проф. Дарвинъ видитъ объясненіе этому явленію въ приливномъ треніи. Когда луна была въ расплавленномъ состояніи, большая волна прилива поднималась на ея поверхности по направленію къ землѣ и съ противоположной стороны. При быстромъ вращеніи луны, притяженіемъ земли поднимались все новыя и новыя массы, но и прежнія стремились остаться подъ этимъ притяженіемъ. При охлажденіи расплавленной массы въ ней появлялась вязкость, треніе наружной оболочки, отстающей во вращеніи, и внутренней, убѣгающей быстрѣе, а результатомъ этого тренія было общее замедленіе вращенія, которое черезъ извѣстный, конечно, весьма длинный періодъ времени сдѣлалось равнымъ времени обращенія ея вокругъ земли.

Громадное значеніе для уясненія природы небесныхъ тѣлъ имѣли новые методы — фотографія, спектроскопія и астрофотометрія, являющіяся самымъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ XIX столѣтія.

Когда вы долго смотрите на слабо освѣщенный предметъ непосредственно, невооруженнымъ глазомъ или въ трубу, онъ ярче для васъ отъ этого не станетъ, ничего на немъ вы не различите, если освѣщеніе слабѣе опредѣленнаго предѣла.

Но попробуйте этотъ предметъ сфотографировать, придержите крышку фотографическаго аппарата открытой подольше, и предметъ выйдетъ у васъ на пластинкѣ со всѣми подробностями.

Фотографическая пластинка имѣетъ для насъ неоцѣненную способность суммировать дѣйствіе свѣта. Какъ капля, падая за каплей, пробиваетъ даже въ камнѣ ямку, такъ свѣтовые лучи, попадая на одно и то же мѣсто фотографической пластинки, оставятъ на ней слѣдъ.

Благодаря этому обстоятельству примѣненіе фотографіи къ астрономіи было ознаменовано сенсаціонными открытіями.

Братья Анри въ Парижѣ фотографировали звѣздное скопленіе Плеядъ. Они получили тысячи звѣздъ на пластинкѣ и, кромѣ того, около нѣкоторыхъ главныхъ звѣздъ туманныя оболочки, которыхъ никогда раньше никто не видѣлъ. Это остатокъ первобытной матеріи, изъ которой образовались звѣзды. Послѣдующіе опыты обнаружили и другіе туманности въ скопленіи. Оно все оказывается окружено общей широкой туманностью, не оставляющей сомнѣнія въ томъ, что всѣ звѣзды скопленія составляютъ дѣйствительно одну систему, имѣютъ общее происхожденіе.

Фотографія обнаружила спиральное строеніе въ большомъ числѣ туманностей. То, что въ гигантскій телескопъ лордъ Россъ наблюдалъ въ исключительныхъ случаяхъ и при особенно благопріятныхъ условіяхъ, теперь стало осязательно доступно и довольно обыкновенно.

Масса другихъ интересныхъ формъ предстало предъ нами: кратныя туманности, раздѣляющіяся на нѣсколько отдѣльныхъ частей, веретенообразныя съ винтовыми нарѣзками — это тѣ же спиральныя, только разсматриваемыя въ профиль, кольцевыя, съ цѣлымъ рядомъ колецъ, охватывающихъ одно другое, и пр.

Вотъ, напримѣръ, извѣстная туманность Андромеды, которая обыкновенно имѣетъ видъ матовой чечевицы безъ какихъ-либо особенностей строенія, только съ уплотненіемъ къ центру. Нашъ различилъ въ ней двѣ загадочныя прямыя темныя линіи, которыя, слегка расходясь, тянутся почти по всей длинѣ. Фотографія даетъ намъ объясненіе этимъ линіямъ. На снимкахъ астронома-любителя Россетта вмѣсто туманность явилась состоящей изъ цѣлаго ряда концентрическихъ колецъ. Судя по спектру (см. ниже) она представляетъ скопленіе огромнаго числа звѣздъ, особую звѣздочную

систему, подобную нашей, только удаленную отъ насъ на [illegible] разстояніе. И вотъ, наблюдая ея строенія, мы получаемъ идею для объясненія удивительной запутанной формы нашего млечнаго пути.

Не только въ туманности Андромеды, но и во многихъ другихъ были обнаружены такія кольца.

Съ примѣненіемъ фотографіи начинаются собственно систематическія изслѣдованія звѣздныхъ скопленій. Намъ мало, конечно, одного факта ихъ существованія, намъ интересны подробности въ строеніи и главнымъ образомъ тѣ законы, по которымъ происходятъ движенія звѣздъ въ этихъ сложныхъ системахъ. Чтобы судить объ этомъ, нужно опредѣлить относительное положеніе звѣздъ для одного, другого, третьяго и т. д. момента. Но измѣрить скопленіе изъ большого числа звѣздъ непосредственно у трубы, задача нелегкая. Этого нельзя сдѣлать скоро, работа растягивается на мѣсяцы и годы. Положенія звѣздъ получаются въ общемъ неизмѣнными, потому что за время, пока производились наблюденія, могли произойти смѣщенія звѣздъ: различнымъ образомъ скажутся и различныя атмосферныя условія. На фотографической же пластинкѣ мы имѣемъ цѣлую картину, соотвѣтствующую данному моменту.

Разсказываютъ, что, изслѣдуя однажды млечный путь, Гершель послѣ долгаго молчанія вдругъ воскликнулъ: «здѣсь настоящее окошко въ міровое пространство». Онъ наткнулся на черный просвѣтъ въ свѣтлой пеленѣ млечнаго пути, который дѣйствительно, казалось, представлялъ пустоту, разрывъ, черезъ который можно было видѣть признаки другихъ отдѣленныхъ звѣздныхъ системъ. Въ настоящее время такихъ просвѣтовъ извѣстно нѣсколько. Особенно много обнаружено ихъ баронъ Вольфомъ. Онъ составляетъ каталогъ ихъ, который послужитъ богатымъ матеріаломъ для выясненія строенія млечнаго пути.

Въ обсерваторіяхъ вступили между собой въ союзъ для составленія фотографической карты всего неба. Она должна имѣть 30—40 милліоновъ звѣздъ.

Еще недавно кометы дѣлались [illegible] доступными наблюденію вооруженнымъ глазомъ и кометы телескопическія. Небесныя вообще [illegible] болѣзненными [illegible] часто совсѣмъ безъ [illegible] хвоста. Фотографія [illegible] теперь, что [illegible] существенная часть въ строеніи кометы [illegible]. Часто отъ [illegible] фотографическихъ снимковъ мы [illegible] радуемся, что при [illegible] въ большую трубу незамѣтно и слѣдовъ его. Это [illegible] можетъ большое значеніе для теоріи кометныхъ формъ, а [illegible] которыя были обнаружены на фотографическихъ снимкахъ, можетъ [illegible] много [illegible] открытій.

Нельзя не отмѣтить также, что фотографическая пластинка имѣетъ для насъ часто цѣну документа, объективнаго и [illegible]наго свидѣтельства.

Сравните рисунки солнечной короны, сдѣланной во время одного и того же затменія наблюдателями стоящими рядомъ, и вы поразитесь ихъ разнообразіемъ. Ничего схожаго, ничего общаго нѣтъ на этихъ картинахъ.

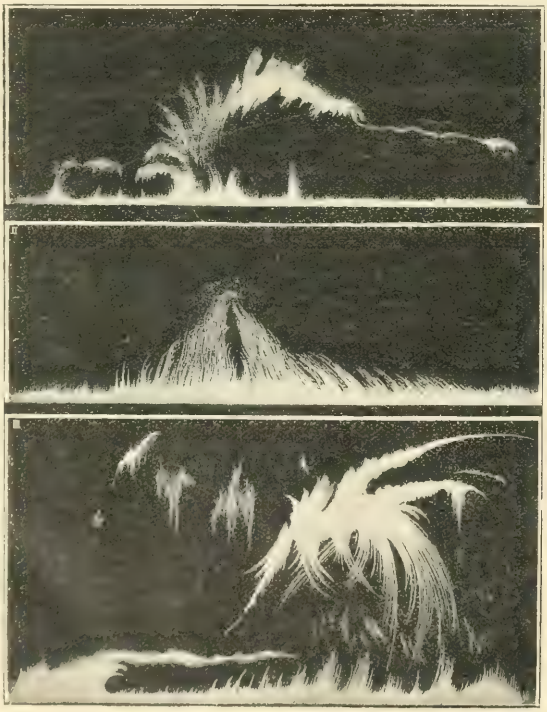
Солнечное пятно.

Величественное явленіе производитъ различное впечатлѣніе на различныя организаціи. Оно слишкомъ кратковременно: 2 или 3 минуты всего. Наблюдатель поневолѣ долженъ очень торопиться, схватить общую форму, какъ ему показалась она сразу. Различно и искусство различныхъ наблюдателей.

Фотографія записываетъ, зарисовываетъ явленія спокойно, безпристрастно, объективно. Только теперь поэтому мы получили возможность изслѣдовать строенія солнечной короны и разсчитывать тѣ силы и процессы, подъ дѣйствіемъ которыхъ происходитъ ея образованіе въ каждомъ случаѣ.

Спектральный анализъ раскрылъ намъ химическій составъ небесныхъ тѣлъ, физическую природу ихъ, то состояніе, въ которомъ они находятся. Онъ способствовалъ установленію великой идеи о тождествѣ матеріи во всемъ мірокомъ пространствѣ.

Съ помощью спектральнаго анализа мы узнали, что въ атмосферѣ солнца плаваютъ пары тяжелыхъ металловъ: желѣза, никкеля, платины и пр., что тѣ красные выступы, такъ называемые протуберанцы, которые наблюдались во время полныхъ солнечныхъ затменій на краю диска луны, представляютъ собой огненные фонтаны раскаленнаго газа водорода. Мы можемъ теперь наблюдать эти выступы съ помощью спектроскопа каждый день, при полномъ солнечномъ блескѣ, изучать ихъ формы, строенія и процессы образованія, судить о силахъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ происходятъ извержения массъ.



Протуберансы.

Для насъ солнце теперь является совершенно въ другомъ видѣ, чѣмъ лѣтъ 40 тому назадъ, когда допускалось еще мнѣніе Гершеля, что солнце можетъ быть даже обитаемо, если не на наружной блестящей поверхности, то на холодномъ внутреннемъ ядрѣ, отдѣленномъ отъ оболочки нѣкоторымъ промежуткомъ.

Эти возраженія для насъ теперь кажутся наивными. Мы знаемъ, что вся масса солнца находится въ расплавленномъ состояніи, что она вся кипитъ и клокочетъ, что на солнцѣ не можетъ быть жизни въ обыкновенномъ смыслѣ слова.

Мы знаемъ также несомнѣнно, что звѣзды — это такія же раскаленныя тѣла, какъ наше солнце, очень похожія вообще на него по своей природѣ. Мало того, по спектрамъ звѣздъ, мы можемъ судить о ихъ возрастѣ, о фазѣ ихъ развитія.

Вотъ бѣлыя звѣзды, примѣромъ которыхъ можетъ служить яркій Сиріусъ или Вега, главная звѣзда въ созвѣздіи Лиры. Въ ихъ спектрахъ мало темныхъ поперечныхъ линій. Это наиболѣе раскаленныя тѣла, представляющія первую фазу въ жизни сформировавшейся звѣзды.

Въ спектрахъ желтыхъ звѣздъ темныхъ линій значительно больше. Ихъ атмосфера, поглощеніями которой собственно и обусловливается присутствіе темныхъ линій въ спектрѣ, уже болѣе густа, болѣе охладилась. Это вторая стадія въ развитіи звѣзды. Ее переживаетъ какъ разъ наше солнце.

Затѣмъ идутъ звѣзды съ еще большимъ числомъ темныхъ линій въ спектрахъ, съ темными полосами. Это еще болѣе охладившіяся тѣла, относительно старшія по возрасту.

Такъ ничтожный обитатель ничтожной земли создаетъ картину жизни огромныхъ міровъ, продолжающейся милліоны лѣтъ!

Спектроскопъ сразу рѣшилъ вопросъ о природѣ туманностей, долгое время смущавшій Гершеля. Оказывается, что и то возрѣніе, котораго онъ держался раньше, и то, къ которому склонялся впослѣдствіи, справедливы. Несомнѣнно, нѣкоторые туманности, какъ напримѣръ, упомянутая выше туманность Андромеды, есть скопленіе звѣздъ. Это звѣздная система, подобная той, которая заключаетъ наше солнце, наоборотъ другія — еще не уплотненныя газовыя туманныя массы.

Бессель.

Особенно значительные результаты получены отъ соединенія двухъ методовъ фотографіи и спектральнаго анализа.

Спектры звѣздъ вообще очень слабы, глазу трудно различить на нихъ поперечныя темныя и свѣтлыя линіи, тѣмъ болѣе, что и ширина то звѣзднаго спектра ничтожна. На фотографической пластинкѣ спектръ выходитъ яснѣе, и ширину его можно получить значительно больше.

Обсерваторія Гарвардскаго колледжа въ Америкѣ занимается между прочимъ спеціально фотографированіемъ звѣздныхъ спектровъ, имѣя грандіозную задачу выяснить, въ какомъ вообще состояніи находится въ настоящее время наша звѣздная система, какова жизнеспособность составляющихъ ее міровъ, ихъ энергія.

Струве.

Бредихинъ.

На фотографическихъ снимкахъ нѣкоторыхъ звѣздъ было замѣчено удивительное явленіе періодическое двоеніе линій или смѣщеніе въ ту или другую сторону отъ своего средняго положенія.

Это указываетъ прямо, что звѣзды такія не простыя, что это сложная система состоящая изъ [illegible] которыя, хотя одно около другого по замкнутым [illegible] Никогда, вѣроятно, мы этой системы и не увидим [illegible] въ трубу; по крайней мѣрѣ въ настоящ[illegible] жемъ объ этомъ и думать, а, тѣмъ не менѣе, мы не [illegible] знаемъ о ея существованіи, но можемъ составить [illegible] ставленіе о строеніи [illegible] массахъ и составляющихъ ее [illegible] о ихъ движеніи. Въ созвѣздіи Пер[illegible] какъ разъ въ самой головѣ. Медуз[illegible] которую на древнихъ рисункахъ со[illegible] звѣздій, держитъ въ своей рукѣ [illegible] рой, есть яркая звѣзда, которая зо[illegible] вется Альголемъ. Она [illegible]. Ея блескъ въ извѣстное [illegible] которые слѣдуетъ другъ за другомъ правильно черезъ 2 дня 11 ч[illegible] ослабляется до нѣкотораго минимума, потомъ снова прогрессивно возрастаетъ до прежней интенсивности. Давно дѣлалось предположеніе, что ослабленіе свѣта обусловливается закрытіемъ звѣздъ болѣе темнымъ спутникомъ, но только 12 лѣтъ тому назадъ, по фотографіямъ спектра Альголя, мы получили полную въ этомъ увѣренность. Они раскрыли намъ строеніе сложной системы. Во многихъ другихъ случаяхъ стали возможны объясненія, гдѣ мы прежде находились въ недоумѣніи. Въ созвѣздіи Лиры есть интересная перемѣнная звѣзда, обозначаемая буквой β. Ея блескъ, упавъ до нѣкотораго минимума, увеличивается вновь, и вновь ослабляется, но не настолько, какъ въ первый разъ. Изученіе спектровъ показываетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ сложной системой, состоящей изъ двухъ ярко[illegible] тѣлъ. Обѣ они даютъ извѣстную сумму свѣта. Но если одно тѣло закрываетъ отъ насъ другое, мы получаемъ лучи только отъ одного, блескъ звѣзды меньше. Потомъ второе тѣло закроетъ первое. Происходитъ второй минимумъ.

Нашъ извѣстный астрофизикъ А. Бѣлопольскій въ Пулковѣ [illegible] дѣлъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ [illegible] системы, [illegible] масъ составляющихъ [illegible]. Сравнительно [illegible] въ 19 разъ больше нашего [illegible] другой [illegible] равняется 27.4 масс[illegible] [illegible] рые даже перечислить въ краткомъ [illegible] даютъ ясно какія значительныя [illegible] сдѣлала астрономія въ теченіе XIX [illegible].

Собственно за послѣднее время и [illegible] астрономіи, получены свѣ[illegible] астро-физики. Прежде чѣмъ [illegible]

разумѣ и небесную механику — науку, изслѣдующую движенія небесныхъ тѣлъ подъ дѣйствіемъ *силы* всемірнаго тяготѣнія въ отличіе отъ астрономіи теоретической, въ которой эти явленія разсматриваются только съ геометрической точки зрѣнія. Но параллельно съ развитіемъ физической астрономіи значительно прогрессировала и астрометрія, занимающаяся опредѣленіемъ положеній свѣтилъ на небѣ.

Реальное того, что задачи этой отрасли астрономіи нѣсколько спеціальны, я не могу въ общедоступномъ очеркѣ говорить о нихъ подробно. Ограничусь только ссылкой на работы Бесселя въ Кенигсбергѣ, и Струве въ Дерптѣ, потому что они имѣли громадное значеніе въ исторіи науки.

Кенигсбергъ и Дерптъ во второй четверти XIX столѣтія являются центрами, на которыхъ было сосредоточено вниманіе всего астрономическаго міра, изъ которыхъ исходило все новое: новыя идеи, новые методы, новые интересные результаты.

До Бесселя собственно у насъ не было никакого *искусства* въ наблюденіяхъ, никакой ихъ критики. Бессель училъ, что нельзя полагаться на инструментъ, что нужно точно знать, что можетъ онъ дать въ каждомъ случаѣ, нужно изслѣдовать его въ различныхъ частяхъ, при различныхъ условіяхъ и вычислить систематическія ошибки при обработкѣ наблюденій. Со времени Бесселя наблюдатели стали обращать также вниманіе на свои *личныя* ошибки. Извѣстно, что одинъ замѣчаетъ явленіе нѣсколько поздно, другой отмѣчаетъ по часамъ слишкомъ ранній моментъ, одинъ поставилъ подвижную нить въ измѣрительномъ приборѣ нѣсколько вправо, другой влѣво, и всѣ грѣшатъ приблизительно на одну и ту же величину, въ одну и ту же сторону, въ зависимости отъ его индивидуальныхъ личныхъ особенностей въ организмѣ.

Организуя наблюденія такъ, чтобы эти личныя ошибки наблюдателя и систематическія ошибки инструмента исключались, или учитывая ихъ на основаніи предварительныхъ спеціальныхъ изслѣдованій, получаютъ теперь точность несравненно большую, чѣмъ прежде.

Бесселю первому удалось найти отвѣтъ на вопросъ, какъ далеки отъ насъ наиболѣе ближнія звѣзды. Онъ выбралъ для своихъ изслѣдованій звѣзду, извѣстную подъ № 61 въ созвѣздіи Лебедя, и по ея смѣщенію на небѣ въ зависимости отъ положенія земли на своей орбитѣ, онъ нашелъ, что она удалена отъ насъ на 9,460,800,000,000 километровъ.

Это число громадно!

Но большія числа вообще мало осязательны, мало понятны людямъ. Лучше взять другія мѣры. Зная, что свѣтъ идетъ въ каждую секунду времени по 300,000 километровъ, мы узнаемъ, что лучи отъ этой звѣзды приходятъ къ намъ только черезъ 8 лѣтъ послѣ того, какъ вышли отъ звѣзды.

Черезъ 8 лѣтъ! Каково же разстояніе этой звѣзды, одной изъ наиболѣе близкихъ къ намъ, если свѣтъ отъ луны идетъ всего только одну секунду, а отъ далекаго солнца 8 минутъ!

Струве съ жаромъ настоящаго увлеченія посвятилъ себя изслѣдованію двойныхъ звѣздъ, этихъ новыхъ сложныхъ системъ, которыя обнаружены были Гершелемъ.

Съ помощью знаменитаго дерптскаго рефрактора, работы мюнхенскаго оптика-художника Фраунгофера, Струве самъ открылъ цѣлую массу двойныхъ звѣздъ, которыя остались неизвѣстными Гершелю. Онъ далъ ихъ положеніе на небѣ и измѣрилъ относительныя положенія составляющихъ. При этомъ имъ самимъ были выработаны методы измѣренія, которые остались въ руководство наблюдателямъ даже до сихъ поръ.

Струве обязана своимъ существованіемъ наша пулковская обсерваторія — образцовый всемірный институтъ, гдѣ производятся точнѣйшія наблюденія.

Бессель и Струве представляютъ собой два столба, на которыхъ зиждется вся новѣйшая точная астрономія.

23-го сентября 1846 года астрономъ Галле, въ Берлинѣ, нашелъ, по указанію Леверье, планету Нептуна. Это открытіе представляетъ необычайное торжество теоретической астрономіи.

Въ движеніяхъ Урана замѣчены были неправильности. Астрономы заподозрили, что они обусловливаются возмущеніями неизвѣстнаго тѣла. Но гдѣ это тѣло? Каково оно?..

Англійскій астрономъ Адамсъ попытался опредѣлить его орбиту, и еще въ декабрѣ 1845 года представилъ свои результаты директору гринвичской обсерваторіи Эри.

Но самая задача, которую рѣшалъ Адамсъ, была такъ смѣла, что Эри не придалъ никакого значенія его результатамъ. Но вотъ французъ Леверье также принимается за нее и даетъ положеніе неизвѣстной планеты приблизительно въ томъ же мѣстѣ неба, какъ и Адамсъ. Его указанія опредѣленны и полны увѣренности. Галле, которому писалъ Леверье, отправился поэтому на поиски въ ту же ночь, какъ получилъ письмо. Тогда же онъ и открылъ Нептуна.

Много есть и другихъ блестящихъ страницъ въ исторіи теоретической астрономіи XIX столѣтія. Я не могу на нихъ останавливаться. Упомяну еще только о двухъ теоріяхъ, которыя чрезвычайно интересны и важны, какъ непосредственно сами по себѣ, такъ и потому, что представляютъ собой первыя опредѣленныя объясненія явленій изъ области физической астрономіи на механическихъ началахъ. Я имѣю въ виду теорію падающихъ звѣздъ и теорію кометныхъ явленій, которыя въ своей блестящей окончательной формѣ разработаны нашимъ маститымъ ученымъ, академикомъ Ѳ. А. Бредихинымъ.

Всѣ эти результаты такъ значительны, такъ велики, что даютъ XIX вѣку право на большое вниманіе, и можно только пожелать, чтобы астрономія въ XX столѣтіи развивалась такъ же успѣшно, какъ она развивалась въ XIX вѣкѣ.

Вооруженныя силы въ XIX вѣкѣ.

Очеркъ **В. И. Недзвѣцкаго.**

XIX вѣкъ [illegible] въ кратковременное затишье между [illegible] революціями войнами и еще болѣе грозной эпохой [illegible] войнъ и отошелъ въ вѣчность подъ грохотъ [illegible] на полѣ сраженій въ южно-африканскихъ республикахъ и въ Китаѣ. Обагренный цѣлыми рѣками крови, [illegible] эпохою полицейскаго крови и желѣза самыя [illegible] для когда-либо существовавшихъ орудій [illegible] и выработать наиболѣе законченную систему ихъ [illegible] потребленія. Въ военномъ отношеніи XIX вѣкъ съ [illegible] можетъ быть названъ вѣкомъ самаго [illegible] прогресса.

Въ развитіи военнаго дѣла въ истекшемъ столѣтіи замѣчаются три [illegible] періоды: 1) эпоха наполеоновскихъ войнъ, 2) періодъ сравнительнаго застоя съ 1815 г. до 50-хъ годовъ и 3) періодъ быстраго развитія военныхъ [illegible] составившій нынѣшній вооруженный [illegible] отъ [illegible] прежнія войны.

[illegible] войны, разсматриваемыя съ спеціально-[illegible] точки зрѣнія, представляютъ собою борьбу старой военной системы съ новой, началомъ которой было положено американской войной за освобожденіе и войнами первой французской республики. Военная система XVIII вѣка достигла наибольшей полноты и законченности въ рукахъ Фридриха Великаго, сумѣвшаго своимъ полководческимъ геніемъ смягчить ея коренные недостатки и сдѣлать свою армію образцомъ для европейскихъ армій, стремившихся во всемъ ей подражать. Со смертью великаго короля погасъ тотъ духъ, который дѣлалъ его войска побѣдоносными; осталась одна форма, безспорно стойкая, испытанная, но не устоявшая противъ новыхъ силъ, выдвинутыхъ великой французской революціей на арену народной жизни. Вступившія съ этими силами въ борьбу арміи конца XVIII вѣка представляли собою совершенно оторванныя отъ остальнаго населенія массы, жившія своей особой жизнью, не черпавшія новой мощи изъ великой сокровищницы народнаго духа. На укомплектованіе этихъ армій нижними чинами поступали люди, взятые по наборамъ изъ податныхъ классовъ населенія или завербовавшіеся на военную службу за деньги. Тѣ и другіе были,

разумѣется, не изъ лучшихъ людей; ряды войскъ пополнялись въ значительной степени лицами дурного поведенія, нерадивыми, буйными. Отдать въ солдаты, значило избавиться отъ плохого работника, пьяницы и буяна, и при томъ наказать его. Дезертирство, несмотря на то, что за него полагались тяжелыя наказанія и даже смертная казнь, было весьма развито. Сроки дѣйствительной службы были или пожизненные, или въ 20—25 лѣтъ, вслѣдствіе чего арміи были переполнены устарѣвшими нижними чинами. Всѣ интересы солдатъ сосредоточивались въ томъ спеціальномъ кругѣ, гдѣ они проводили лучшіе годы своей жизни. Офицеры назначались почти исключительно изъ дворянъ, большинство изъ нихъ не имѣло предварительной подготовки, не только научной, но и спеціальной, а въ лучшемъ случаѣ знало лишь служебную рутину. Нравы въ арміяхъ были грубы; жестокость представляла обычное явленіе. Дисциплина среди нижнихъ чиновъ поддерживалась суровыми, нерѣдко постыдными наказаніями; о воспитательномъ вліяніи на солдатъ корпусъ офицеровъ не заботился; чувство собственнаго достоинства не только не развивалось, а всячески угиталось; строгость считалась единственнымъ и учебнымъ, и воспитательнымъ средствомъ.

Воспитаніе войскъ состояло въ муштровкѣ, обученіе сводилось къ механическому заучиванію различныхъ построеній, формъ строя, ружейныхъ пріемовъ. Всѣ усилія направлялись къ тому, чтобы держать солдатъ въ крѣпкихъ рукахъ, внушить имъ страхъ, не давать имъ возможности проявлять инициативу. Продовольствіе давалось скудное и состояло преимущественно изъ хлѣба; мясо полагалось два-три раза въ недѣлю. Денежное довольствіе было совершенно ничтожно, условія расквартированія войскъ были крайне неблагопріятны, а система постоя, къ тому же, лежала тяжелымъ гнетомъ на обывателяхъ.

Арміи были, сравнительно, малочисленны. Въ 1800 г. списочный составъ прусской арміи равнялся 240,000 челов., русской доходилъ до 400,000 чел., англійской до 100,000 чел. Въ составъ арміи входили пѣхота, кавалерія, артиллерія и инженерныя войска, какъ отдѣльные роды оружія. Большихъ организаціонныхъ единицъ, дивизій, корпусовъ, состоящихъ изъ войсковыхъ частей всѣхъ родовъ оружія, въ мирное время еще не существовало. За немногими исключеніями, полки были самыми крупными тактическими частями армій; лишь въ нѣкоторыхъ арміяхъ стрѣлковая пѣхота сводилась въ бригады; въ военное время формировались дивизіи, колонны, корпуса, но соединенія эти имѣли временный характеръ, и съ окончаніемъ войны переставали существовать. Пѣхоты были вооружены тяжелыми гладкоствольными ружьями вѣсомъ въ 11—12 фунтовъ, съ длинными штыками. Кавалерія имѣла карабины безъ штыковъ, длинные пистолеты, палаши, сабли и пики. Матеріальная часть полевой артиллеріи состояла изъ 6 фунтовыхъ пушекъ и 7 фунтовыхъ гаубицъ, а крѣпостной изъ 12 фунтовыхъ пушекъ и 7—10 фунтовыхъ гаубицъ и мортиръ. Формы обмундированія войскъ были вычурныя, бросающіяся въ глаза, неудобныя для походной жизни. При мобилизаціи войска укомплектовывались людьми, лошадьми и матеріальной частью, формировались новые полки и образовывались разнаго рода запасы. Подготовки мобилизаціи не существовало даже на бумагѣ, и поэтому приготовленія къ походу тянулись долгое время.

Арміи старой военной системы имѣли свою стратегію и тактику, выработанныя подъ давленіемъ дурного качественнаго состава армій. Стратегія, т. е. искусство веденія войны на данномъ театрѣ, признавала преобладающее значеніе не за боемъ, а за маршами, эволюціями. Движенія армій были однако стѣснены ихъ крайней малоподвижностью и необходимостью продовольствоваться исключительно изъ магазиновъ, такъ какъ всякая попытка жить насчетъ мѣстныхъ средствъ населенія превращалась въ грабежъ, приводившій къ деморализаціи войскъ. Отсюда сложилась, такъ называемая, пятипереходная система, по которой войска не могли удаляться отъ своихъ магазиновъ болѣе пяти суточныхъ переходовъ, потому что только на такомъ разстояніи могъ быть организованъ подвозъ съ тыла. Войска распредѣлялись на театрѣ войны равномѣрно, по такъ называемой, кордонной системѣ. Все это ограничивало стратегическія комбинаціи полководцевъ; эти комбинаціи были мелки: занятіе города, провинціи становилось цѣлью всего похода. Войны продолжались нѣсколько годами безъ рѣшительныхъ результатовъ. О полномъ уничтоженіи противника никто не думалъ, а о завоеваніи цѣлыхъ государствъ не могло быть и рѣчи. Тактика, т. е. искусство веденія боя въ данномъ мѣстности, характеризовалась маневрированіемъ на полѣ сраженій, построеніемъ войскъ исключительно въ линейныя линіи, состоящія изъ сомкнутаго строя, отсутствіемъ глубокихъ построеній и сильныхъ резервовъ и, наконецъ, отнесъ исключительно изъ сомкнутаго строя, долженствовавшимъ имѣть рѣшающее значеніе. То была грузная, неповоротливая, линейная тактика, созданная школой офицеровъ-эволюціонеровъ, требовавшихъ, чтобы войска на всякой мѣстности двигались, какъ на учебномъ плацу, и считавшихъ такіе вопросы, какъ вопросъ о томъ, 75 или 76 шаговъ въ минуту надо дѣлать пѣхотинцу, основными тактическими вопросами.

Но на общемъ мрачномъ фонѣ военныхъ порядковъ конца XVIII вѣка виднѣлись и свѣтлыя точки. Военной системѣ, хотя и лишенной живого духа, была присуща извѣстная стройность, законченность. Въ Россіи были сдѣланы существенныя поправки, указанныя боевымъ опытомъ талантливымъ полководцамъ екатерининской эпохи, и не успѣвшія вполнѣ исчезнуть въ кратковременное царствованіе Павла I. Старослуживые солдаты всѣхъ армій имѣли обширный боевой опытъ, смотрѣли на военное дѣло, какъ на свое ремесло, отличались выносливостью, умѣньемъ найтись въ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. При всей разобщенности армій отъ остального населенія народный духъ все-таки сказывался въ войскахъ, и они, попадая въ руки такихъ людей, какъ Суворовъ, творили поистинѣ чудеса, являли безспорныя доказательства того, что никакое искусство недостаточно, чтобы сломить могущество духа.

Въ то время, какъ военная система XVIII вѣка получала окончательную отдѣлку въ рукахъ Фридриха II, на поляхъ битвъ американской войны за освобожденіе пренебрегшія мнѣнія, послужившія предвѣстниками новаго военнаго строя. Малочисленные, необученные фермеры наносили чувствительные удары регулярнымъ, закаленнымъ въ бояхъ англійскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ по всѣмъ правиламъ линейной тактики. Побѣды американцамъ обезпечивала ихъ большая подвижность и мѣткій огонь изъ разсыпного строя, какъ разъ тѣ же преимущества, которыя въ концѣ вѣка позволили бурамъ наносить чувствительныя пораженія сохранившимъ старинную тактику англійскимъ войскамъ.

Значеніе новыхъ боевыхъ порядковъ, хотя медленно, но все-таки проникало въ сознаніе защитниковъ старыхъ порядковъ. Были сдѣланы попытки примѣнить въ Европѣ указанія американской войны, но попытки слабыя, мало успѣшныя. Новые пріемы не укладывались въ старые умы и не подходили къ вымуштрованному, лишенному инициативы личному составу армій. Для молодого воина нужны были новые мѣхи, которыми и послужили полу-милиціонныя полчища, посланныя въ бой французскимъ конвентомъ.

Къ началу революціи французскія войска состояли изъ вербованныхъ войскъ, милиціи и иностранныхъ войскъ. Съ паденіемъ королевства распалась и ея армія. Республикѣ пришлось устраивать свои вооруженныя силы за-ново. Законъ 1793 г. установилъ общеобязательную и личную воинскую повинность для всѣмъ возрастовъ. Въ этомъ законѣ въ первый разъ получилъ выраженіе величайшій изъ принциповъ современнаго военнаго устройства. Личный составъ арміи рѣзко измѣнился, почти знамена стали поступать всѣ поголовно къ военной службѣ лица въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ, и уже одно это позволило привлекательный элементъ въ [illegible] французскихъ войскахъ на недосягаемую для [illegible] высоту. Вмѣстѣ съ тѣмъ комплектованіе [illegible] обнаружилось, что Франція, въ первые годы [illegible] могла выставить 14 армій, численностью до 1,200,000 чел. Въ общей организаціи войскъ было [illegible] [illegible] ученіе вслѣдствіе формированія [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] что обусловливало связанность пѣшествій войскъ [illegible] стрѣлкой. Большимъ, невымуштрованнымъ, полагавшимся на ночныя войскамъ не годилась старая линейная тактика: они не могли вести по ней бой и приняли новый [illegible] пѣшествій на полѣ сраженій. Характерными чертами [illegible] являлись: отказъ отъ разсыпного строя, густая цѣпь впереди, позади колонны; боевой порядокъ въ нѣсколько линій, составляющихъ сражающаго боя съ боемъ въ сомкнутыхъ массахъ. Усиленная конскрипцiей реквизиція всего, что нужно [illegible] армію, обезпечила снабженіе армій, освободила ихъ отъ оковъ палисерходной системы, придала имъ выдающуюся подвижность. И вся эта революція въ области военнаго искусства вылилась чрезвычайнымъ подъемомъ духа войскъ, дышащихъ за «свободу, равенство и братство», и руководимыхъ цѣлой плеядой талантливыхъ полководцевъ.

Генералъ Бонапарте быстро выдвинулся изъ этой плеяды и своимъ военнымъ геніемъ завершилъ начатое Карно военное перестройство Франціи. Въ періодъ съ 1800 по 1805 гг. колоссальная работа по выработкѣ и проведенію въ жизнь новой военной системы была окончена. Началась затѣмъ 10-ти-лѣтняя эпоха величайшихъ войнъ истекшаго столѣтія, эпоха полнаго торжества новыхъ идей въ военной области. Хотя ни одно изъ перечисленныхъ выше великихъ учрежденій, которыми такъ искусно пользовался Наполеонъ для войнъ, не было имъ создано, но никто не умѣлъ такъ быстро укомплектовать армію, организовать ее и приготовить къ бою. Онъ искусно установилъ связь старыхъ порядковъ съ республиканскими учрежденіями и, широко практикуя жребій, легкихъ сборовъ, собиралъ туда полныхъ силъ молодыхъ и еще свѣжихъ старыхъ солдатъ, проникнутыхъ энтузіазмомъ къ своему предводителю. Территоріальная система [illegible] войскъ ускоряла мобилизацію; установленіе крупныхъ организаціонныхъ единицъ, дивизій и корпусовъ, обезпечивало совмѣстность дѣйствій различныхъ родовъ оружія и сообщало гибкость трудному дѣлу руководженія армій; прекрасная практическая военная администрація и хорошій генеральный штабъ образовали цѣлое свое цѣло. И во главѣ [illegible] оружія войны стоялъ самъ императоръ, [illegible] военный геній котораго сразу выяснялъ самую запутанную, сложную обстановку, давалъ [illegible] и вселялъ въ исполнителей непоколебимую [illegible] въ успѣхъ.

Устроенная на новыхъ началахъ французская армія опередила по всѣмъ стратегіи и тактикѣ. Передъ началомъ войны Наполеонъ сосредоточивалъ свою армію на линіи, охватывающей расположеніе арміи противника, что давало ему возможность угрожать флангу или тылу непріятеля, съ какой бы стороны онъ ни появлялся. Быстрота маршей французской армія лучшей по сути занятой страны, зачастую позволяла ей опережать противнику всѣмъ ихъ средствами сообщенія. Придерживаясь, по возможности, [illegible] образа веденія войны, французская армія [illegible] инициативу. При войнѣ на нѣсколькихъ [illegible] стратегія требовала, чтобы войска распредѣлялись по равномѣрно на всѣхъ театрахъ, какъ бывало [illegible] театръ сосредоточивались превосходныя [illegible] въ ущербъ успѣху на второстепенныхъ. Тотъ [illegible] дрожавшимся и на поляхъ сраженій, гдѣ плакались, сосредоточивались на рѣшительномъ пунктѣ, [illegible] бесчетъ рѣшать оружія употреблялись [illegible] Исходя отъ разныхъ наполеоновскія армія [illegible] бою и настойчивымъ преслѣдованіемъ [illegible] полное разрушительное пѣшеніе, [illegible] и въ матеріальномъ отношеніи. [illegible] ударъ въ бою обезпечивался силъ [illegible] Наполеоновскія армія старались [illegible] противника и съ цѣлью [illegible] бывалось раньше, а [illegible] или же начали бой въ [illegible]

[illegible] 1807 г. и 1809 гг. погибли въ Испаніи, [illegible] Та же участь постигла [illegible] всѣ полки армію, уничтожившую въ 1812 г. Армія 1813—1814 гг. союзы были чудомъ, но не могла остановить вторженіе непріятельскихъ волнъ въ предѣлы Франціи. Послѣдняя наполеоновская армія легла на поляхъ Ватерлю, въ 1815 г. Но, хотя наполеоновскія армія гибли одна за другой, новая военная система все-таки одержала надъ старой безспорную побѣду. Всѣ европейскія армии стали перенимать у французской организаціи боевые порядки, стратегію, тактику. Однако, духъ новой военной системы, ея сущность, то, что дѣлало ее побѣдоносной, утаилось въ то время уловить и усвоить лишь Пруссіи, которая втихомолку, не сѣтуя, стала вырабатывать ту грозную военную силу, которая, какъ страшный кошмаръ нависла надъ Европой и заставила остальныя ея государства вооружиться съ ногъ до головы.

Реформы прусскихъ государственныхъ людей Штейна, Гарденберга и Шарнгорста обновили и государство, и армію. Привилегія дворянства на занятіе офицерскихъ должностей была отмѣнена. Производство въ офицеры было основано на обученіи и сдачѣ экзамена въ мирное время и на отличіи въ военное время; учреждена «общая военная школа»; отмѣнены наказанія, позорящія солдата; чувство чести всячески воспитывалось и укрѣплялось; введена наполеоновская организація арміи и новая тактика: система запаса, явившаяся результатомъ ограниченія численности арміи, по Тильзитскому договору, до 42,000 челов., создала обширные резервы. Въ 1813 г. была введена всеобщая воинская повинность и образованъ ландверъ. Но окончаніи войны, въ то время когда большинство европейскихъ государствъ приняли конскрипцію и замѣстительство, прусскій законъ 3-го сентября 1814 г. сохранилъ всеобщую воинскую повинность и институтъ ландвера, заново устроенный въ 1815 г. По названному закону введены слѣдующіе сроки службы: три года въ постоянной арміи, два года въ резервѣ и 14 лѣтъ въ ландверѣ, всего 19 лѣтъ. Кромѣ того, всѣ лица въ возрастѣ отъ 17-ти до 50-ти лѣтъ были обязаны службой въ ландштурмѣ. Организація арміи была принята территоріальная.

Въ періодъ между наполеоновской эпохой и появленіемъ современныхъ народныхъ армій численность войскъ повсюду постепенно возрастала, а организація была основана на кадровой системѣ, по которой содержимыя въ мирное время слабыя войсковыя части, развертывались съ объявленіемъ мобилизаціи въ боевые батальоны, эскадроны и батареи. Въ большинствѣ государствъ были приняты короткіе сроки дѣйствительной службы, позволявшіе образовать значительные запасы обученныхъ чиновъ. Но развитіе вооруженныхъ силъ Европы шло сравнительно медленно: національный вопросъ еще не принялъ остраго характера, законодательныя учрежденія упорно противодѣйствовали каждой попыткѣ правительства увеличивать контингенты и сформировать новые кадры; еще не было острой національной вражды, не было и матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для содержанія вооруженныхъ народовъ». Къ тому же западно-европейскія государства были заняты выработкой новыхъ формъ внутренняго устройства: политическихъ, экономическихъ, соціальныхъ. Арміи этого періода еще въ значительной степени были проникнуты духомъ армій XVIII вѣка: всѣ онѣ, за исключеніемъ прусской, состояли изъ людей низшихъ классовъ, и это естественное послѣдствіе замѣстительства отражалось на всемъ укладѣ ихъ внутренняго быта, на учебно-воспитательныхъ порядкахъ, на мѣрахъ къ поддержанію дисциплины и т. д. Новыя идеи тонули въ массѣ старыхъ привычекъ, оказывались безсильными въ борьбѣ съ рутиной. Въ области военнаго искусства завѣты великаго полководца мало-по-малу забывались, терялось пониманіе ихъ, исчезалъ духъ, придававшій силу формамъ, и руководители арміями сами не замѣчали, какъ далеко ушли они отъ своего образца.

Значительный прогрессъ проявился въ разсматриваемый періодъ лишь относительно матеріальныхъ факторовъ военнаго устройства и военнаго искусства. Огнестрѣльное оружіе совершенствовалось благодаря примѣненію ударнаго воспламенения и главнымъ образомъ, изобрѣтенію нарѣзнаго оружія.

Въ восточную войну 1853—1856 гг. новыя ружья и пушки были въ первый разъ подвергнуты боевому испытанію, повторившемуся затѣмъ въ итальянскую кампанію 1859 г. Съ тѣхъ поръ начинается непрерывное совершенствованіе вооруженія: уменьшались калибры оружія и ихъ вѣсъ, устранивалось заряженіе съ казенной части, увеличивалась частильность, дальность и мѣткость огня. Техника властно и суетливо вторглась въ область военнаго искусства и стала руководить ея развитіемъ. Въ крѣпостномъ дѣлѣ французская школа, создавшая культъ бастіонной системы, смѣнилась общегерманской школой, создавшей идею крѣпостей-лагерей.

Роонъ.

Въ 1860 г. прусскій король Вильгельмъ I, подчиняясь совѣтамъ генераловъ Роона и Мольтке, приступилъ къ усиленію арміи. Фактъ этотъ, значеніе котораго было недостаточно оцѣнено тогдашними европейскими правительствами, послужилъ началомъ колоссальнаго движенія въ военной области, приведшаго къ коренному измѣненію военнаго устройства всѣхъ государствъ Европы. Правительственный проектъ встрѣтилъ упорную оппозицію парламента и былъ выполненъ насильственно безъ согласія законодательной власти. Контингентъ новобранцевъ увеличился съ 49,000 на 63,000 чел., а численность постоянной арміи возросла до 200,000 челов. Реформа, проводимая талантливыми генералами, дала блистательные результаты. Въ кампанію 1866 г. Пруссія выставила до 600,000 человѣкъ и побѣдоносно окончила войну. Въ 1867 г. прусское военное устройство, организація, тактика и вооруженіе было распространено на весь сѣверо-германскій союзъ; южно-германскія государства тоже приняли ихъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Благодаря этому Германія могла выставить въ 1870 г. 15 армейскихъ корпусовъ и 5 полевыхъ ландверныхъ дивизій; общая численность арміи съ мѣстными войсками далеко превысила 1.000,000 челов.

Военная система, основанная на обще-обязательной и личной воинской повинности, на весьма продолжительномъ общемъ срокѣ службы и кратковременномъ пребываніи подъ знаменами, на кадровомъ устройствѣ арміи, сравнительно малочисленной въ мирное время и быстро развертывающейся въ многомиллионную полчища при мобилизаціи, на самомъ широкомъ пользованіи всѣми духовными и матеріальными средствами народовъ, и на немедленномъ примѣненіи техническихъ изобрѣтеній къ военному дѣлу—такая система явилась могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ политиковъ крови и желѣза, съ ихъ наиболѣе яркимъ представителемъ—Бисмаркомъ. Высоко-талантливый организаторъ Роонъ, и стратегъ Мольтке настолько рѣшительно и умѣло двинули развитіе прусской арміи по пути, указанному Наполеономъ I, что въ нѣсколько лѣтъ она стала грозной силой, и кампаніи 1866 и 1870—1871 гг. смели послѣдніе остатки старыхъ военныхъ учрежденій. Начался третій періодъ развитія вооруженныхъ силъ Европы въ XIX вѣкѣ, періодъ лихорадочныхъ вооруженій, крайняго увлеченія численностью, преобладанія количества надъ качествомъ, матеріальныхъ силъ надъ духовными.

Милютинъ.

Въ послѣднія 25 лѣтъ истекшаго вѣка всѣ европейскія государства приняли вполнѣ тождественное военное устройство. Въ смѣняющихся по государствамъ напорамъ идей, фактовъ и чиселъ оставался неизмѣннымъ общій фонъ: напряженныя, неустанная не прекращающаяся работа каждаго государства надъ огражденіемъ своей независимости посредствомъ вооруженной силы. Колоссальный трудъ и чудовищныя денежныя средства были потрачены на достиженіе этой цѣли, но увѣренности въ собственной безопасности еще нѣтъ ни у кого, и требованія новыхъ жертвъ все растутъ.

Обще-обязательная и личная воинская повинность была принята въ Австро-Венгріи въ 1868 г., во Франціи въ 1872 г., въ Россіи (при основаніи Царя-Освободителя, Милютинѣ) въ 1874 году и въ Италіи въ 1876 году. Сроки службы мѣнялись не разъ; общее число возрастовъ, обязанныхъ службою, постоянно возрастало, но продолжительность пребыванія подъ знаменами сокращалась, преимущественно съ цѣлью скорѣйшаго накопленія запаса обученныхъ чиновъ. Повсюду ясно сказалось стремленіе брать подъ знамена всѣхъ годныхъ къ службѣ. Наличная численность военнообязанныхъ обусловливается въ каждомъ государствѣ продолжительностью примѣненія дѣйствующихъ законовъ о воинской повинности, числомъ лицъ, признаваемыхъ въ каждомъ возрастѣ годными къ военной службѣ, большею или меньшею строгостью законоположеній объ льготахъ, освобожденіяхъ и т. д. и, наконецъ, размѣромъ естественной убыли. Для европейскихъ государствъ можно привести слѣдующія данныя:

	Общая численность военнообязанныхъ.
Россія	14.000,000 челов.
Германія	8.300,000 »
Австро-Венгрія . .	6.750,000
Франція.	5.000,000
Италія	3.200,000

Современная военная организація основана на подраздѣленіи силъ по категоріямъ въ зависимости отъ ихъ назначенія въ военное время. Во главѣ стоятъ полевыя войска, назначенныя для веденія главныхъ операцій; затѣмъ слѣдуютъ войска резервно-полевыя и резервныя, подготовляемыя для веденія второстепенныхъ военныхъ операцій; крѣпостныя войска, части и команды вспомогательнаго назначенія, запасныя войска и ополченіе. Главныя изъ этихъ категорій организованы по кадровой системѣ, сущность которой состоитъ въ развертываніи кадровъ при мобилизаціи въ войсковыя части военнаго времени.

Прочность кадровъ измѣняется по категоріямъ войскъ. Всѣ части полевыхъ войскъ существуютъ въ мирное время; кадры частей резервно-полевыхъ войскъ содержатся уже не во всѣхъ арміяхъ и тамъ, гдѣ они есть, они значительно слабѣе кадровъ полевыхъ войскъ; крѣпостныя войска, а также части и команды вспомогательнаго назначенія имѣютъ довольно прочное постоянное ядро, а для остальныхъ категорій содержится лишь незначительный персоналъ въ составѣ кадровъ полевыхъ войскъ. Совокупность всѣхъ этихъ кадровъ образуетъ постоянную армію. Современная численность постоянныхъ армій главнѣйшихъ европейскихъ государствъ приведена въ слѣдующей таблицѣ.

Армія	Офицеровъ [illegible]	[illegible]	[illegible]
Русская	17,000	[illegible]	[illegible]
Германская	29,000	[illegible]	[illegible]
Австрійская	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Французская	30,000	595,000	[illegible]
Итальянская	14,000	[illegible]	[illegible]
Англійская	12,000	[illegible]	[illegible]

Численность армій военнаго времени опредѣляется числомъ обученныхъ военной службѣ лицъ. Хотя утилизировать одновременно всю эту массу пока не въ состояніи ни одно государство, но несомнѣнно, что въ случаѣ продолжительной войны всѣ они будутъ взяты подъ знамена для развитія вооруженныхъ силъ и для пополненія убыли въ нихъ. Соотвѣтствующія данныя видны изъ слѣдующей таблицы:

	Число обученныхъ людей.	Штатный составъ сухопутныхъ силъ въ военное время.
Россія	5.400,000	—
Германія	4.400,000	3.036,000
Франція	4.200,000	2.720,000
Австрія	2.340,000	1.540,000
Италія	1.900,000	1.300,000

Кадровая система организаціи сухопутныхъ силъ, переходящая по отношенію къ резервнымъ войскамъ и ополченію въ милиціонную, заставляетъ обратить особое вниманіе на устройство корпуса офицеровъ, на образованіе надежнаго унтеръ-офицерскаго состава, и на заблаговременную подготовку мобилизаціи. При быстрой смѣнѣ контингентовъ подъ знаменами, офицеры являются единственнымъ постояннымъ элементомъ армій: они учителя и воспитатели войскъ; они ведутъ ихъ въ бой; они вырабатываютъ духъ арміи и обезпечиваютъ выполненіе колоссальной работы по постановкѣ армій на военное положеніе. Поэтому, въ разсматриваемый періодъ развитія вооруженныхъ силъ Европы повсюду были обращены серьезныя усилія на устройство корпуса офицеровъ. Образовательный цензъ, общій и спеціальный, значительно повышенъ, прохожденіе службы урегулировано съ возможнымъ соблюденіемъ частныхъ интересовъ и интересовъ службы, нерѣдко противорѣчащихъ другъ другу, матеріальное положеніе улучшено. Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣръ рутина, механическое отбываніе службы замѣнилось сознательной работой, наблюденіемъ свободнымъ рѣшеніемъ и самодѣятельностью, общимъ стремленіемъ къ знанію, пытливостью въ поискахъ истины, стремленіемъ вывести изъ военной исторіи поучительные уроки для будущаго. Старинные строевики, рутиниры-муштровщики хотя еще и остались въ нѣкоторыхъ арміяхъ и иногда получаютъ высокія назначенія, но вездѣ ихъ оцѣниваютъ по настоящему достоинству.

Менѣе удовлетворительно разрѣшенъ вопросъ объ офицерахъ запаса, необходимыхъ для приведенія армій въ военный составъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ число ихъ недостаточно, и повсюду подготовка ихъ не вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ службы. Относительно унтеръ-офицеровъ общія старанія направились къ тому, чтобы посредствомъ различныхъ мѣръ матеріальнаго и нравственнаго характера удержать подъ знаменами на сверхсрочной службѣ всѣхъ фельдфебелей и старшихъ унтеръ-офицеровъ, и обезпечить этимъ путемъ надежныхъ помощниковъ офицерамъ.

Приведенныя выше цифры мирнаго и военнаго составовъ армій показываютъ, насколько велико значеніе мобилизаціи въ современномъ военномъ устройствѣ. Немобилизованныя арміи представляютъ собою кадры войскъ, которыхъ нельзя послать въ походъ, не укомплектовавъ людьми и лошадьми и не снабдивъ различной матеріальной частью. Мобилизація тѣсно связана съ сосредоточеніемъ войскъ на непріятельской границѣ и важность этихъ двухъ операцій увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что выигрышъ хотя бы 24 часовъ надъ противникомъ въ быстротѣ сосредоточенія даетъ большія преимущества. Отсюда возникла необходимость самой тщательной подготовки перехода армій съ мирнаго въ военный составъ и перевозки ихъ на границы. Подготовка эта выразилась въ принятіи большинствомъ государствъ территоріальной системы организаціи военныхъ тактическихъ единицъ, всѣхъ подготовленныхъ имъ въ мирное время, въ назначенныхъ заранѣе мѣстахъ всѣхъ, все нужное для мобилизаціи: людей, лошадей и матеріальную часть. Учетъ запасныхъ потребовалъ до возможной тщательности; войская повинность обезпечила подготовку въ войскѣ лошадей, склады [illegible] и продовольствія, оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ, обозныхъ принадлежностей и т. д. позволяютъ быстро снабдить войска всѣмъ нужнымъ имъ для войны матеріальной частью. Благодаря строгому порядку и простотѣ мобилизаціонныхъ работъ удалось достигнуть, по крайней мѣрѣ, по планамъ, замѣчательной быстроты въ постановкѣ армій на военное положеніе. Германскія полевыя войска разсчитываютъ изготовиться на 2—6-ой день мобилизаціи (обозы на 6—15 день), французскія на 2—6 день (обозы на 6—16 день), австрійскія—на 2—8 день (обозы на 10—20 день), итальянскія на 3—9 день (обозы на 18 день). Мобилизація резервныхъ и запасныхъ войскъ потребуетъ больше времени, но и они будутъ готовы къ перевозкѣ, когда желѣзныя дороги справятся съ доставкой на границу полевыхъ войскъ. Русская армія въ мобилизаціонномъ отношеніи находится въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ западно-европейскія.

Быстрота сосредоточенія мобилизованныхъ войскъ на угрожаемой границѣ обусловливается числомъ и провозоспособностью ведущихъ къ ней желѣзнодорожныхъ линій. Поэтому, во всѣхъ государствахъ производилось приспособленіе желѣзнодорожной сѣти къ требованіямъ обороны страны и даже постройка желѣзныхъ дорогъ исключительно для военныхъ цѣлей. Требованія военныхъ вѣдомствъ сводились къ тому, чтобы каждый армейскій корпусъ могъ располагать для своего сосредоточенія отдѣльной двухколейной линіей. Однако, требованіе это не могло быть до сихъ поръ исполнено ни однимъ государствомъ. Въ настоящее время въ Германіи съ востока на западъ ведутъ 16 двухколейныхъ линій, а для сосредоточенія на русской границѣ имѣется 11 линій: Австро-Венгрія можетъ подвозить войска въ Галицію по семи линіямъ, а Франція располагаетъ 14 линіями для перевозки войскъ на германскую границу. Русская рельсовая сѣть еще не достигла такого развитія, какъ въ западно-европейскихъ государствахъ, и обстоятельство это заставляетъ Россію постоянно держать значительную часть своихъ силъ на западной границѣ.

Обезпеченіе мобилизаціи и сосредоточенія серьезно озабочивало въ особенности тѣ государства, которыя, по разнымъ обстоятельствамъ, не могли разсчитывать окончить эту операцію ранѣе вѣроятнаго противника. Вслѣдствіе этого, нѣкоторыя государства, въ особенности Франція, признали нужнымъ измѣнить прежнюю систему примѣненія фортификаціонныхъ сооруженій для обороны страны, что оказало серьезное вліяніе и на общее развитіе крѣпостного дѣла. Въ этихъ государствахъ были созданы обширныя линіи укрѣпленій, имѣвшія цѣлью задержать наступленіе противника, ранѣе окончившаго сосредоточеніе, до тѣхъ поръ, пока собственная армія изготовится къ бою. Характернымъ явленіемъ въ послѣдовавшемъ подъ вліяніемъ этой идеи развитіи крѣпостного дѣла было сооруженіе фортовъ-заставъ для защиты желѣзныхъ дорогъ и перерыва операціонныхъ путей сообщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ пунктахъ постояннаго стратегическаго значенія сооружались гигантскія крѣпости-лагеря съ безопасными отъ бомбъ казематами, съ широкимъ примѣненіемъ бетона и брони. Въ настоящее время самой обширной крѣпостной системой обладаетъ Франція, въ которой насчитывается до 120 укрѣпленныхъ пунктовъ, въ томъ числѣ 18 первоклассныхъ крѣпостей-лагерей. Въ Германіи осталось только 35 укрѣпленныхъ пунктовъ, но изъ нихъ 17 представляютъ крѣпости 1-го разряда: крѣпостей-лагерей 7. Въ Австріи 25 укрѣпленныхъ пунктовъ и только 2 крѣпости-лагеря; въ Италіи число укрѣпленныхъ пунктовъ весьма значительно, но первоклассныхъ крѣпостей 3. Наконецъ, въ Россіи свыше 20 укрѣпленныхъ пунктовъ.

Властная роль техники въ современномъ устройствѣ вооруженныхъ силъ сказалась съ особенной силой въ вопросѣ о вооруженіи войскъ. Образцы огнестрѣльнаго оружія постоянно мѣнялись въ разсматриваемый періодъ развитія европейскихъ армій и хотя достигли высокаго совершенства, но все-таки и въ настоящее время производится перевооруженіе артиллеріи. Въ началѣ усилія техники направились къ тому, чтобы создать возможно совершенный образецъ однозарядного, заряжающагося съ казны ружья и стальной дальнобойной пушки. Ещё цѣль эта была достигнута, какъ появились образцы ма-

гладкаго ружья; за ними послѣдовали ружья уменьшеннаго калибра; наконецъ были выработаны ружья съ нарѣзными магазинами, очень малаго калибра, стрѣляющія малодымнымъ порохомъ. Перевооруженія армій происходили одно за другимъ, поглощая громадныя суммы. Въ настоящее время ручное огнестрѣльное оружіе главныхъ европейскихъ армій имѣетъ калибръ около 3-хъ линій, магазинъ на 5—8 патроновъ, вѣсъ около 8 фунтовъ, наибольшую дальность по прицѣлу до 1.000 саженъ, начальную скорость свыше 300 саженъ въ секунду и скорость стрѣльбы до 25 выстрѣловъ въ минуту. Полевая артиллерія перевооружается 3-хъ-дюймовыми пушками, никелевой стали, стрѣляющими шрапнелью и гранатами, начиненными взрывчатыми веществами; скорость стрѣльбы доходитъ до 10—15 выстрѣловъ въ минуту. Для навѣсной стрѣльбы въ полевой артиллеріи имѣются мортиры и гаубицы. Въ крѣпостной и осадной артиллеріи приняты пушки, мортиры и гаубицы большихъ калибровъ. Наконецъ, во всѣхъ арміяхъ вводятся пулеметы, позволяющіе въ самое короткое время выпустить массу пуль.

Развитіе вооруженій, столь рѣшительно проявившееся въ XIX вѣкѣ, отразилось и на *военномъ флотѣ*, значеніе котораго все возрастало, по мѣрѣ того, какъ увеличивалось стремленіе различныхъ государствъ къ колоніальнымъ пріобрѣтеніямъ. Въ теченіе всего столѣтія Англія удерживала первое мѣсто въ ряду великихъ морскихъ державъ и почти безпрепятственно распространяла свое господство во всѣхъ частяхъ свѣта. Могущественныя морскія учрежденія, многочисленный личный составъ флота, большое число военныхъ судовъ и высокая судостроительная техника обезпечивали Великобританіи главенство на моряхъ. Достиженію этой цѣли существенно способствовало также прочное устройство морскихъ операціонныхъ линій, заботливо и весьма предусмотрительно выполняемое въ теченіе всего столѣтія. Линіи эти опираются на рядъ хорошо защищенныхъ и обильно снабженныхъ опорныхъ пунктовъ, обезпечивающихъ англійскому флоту широкую свободу дѣйствій. Столь систематичной организаціей морской силы не обладаетъ ни одно европейское государство. Франція долгое время удѣляла флоту сравнительно мало вниманія и только въ послѣднее время энергично принялась за развитіе морскихъ силъ. Германскій военный флотъ возникъ лишь съ образованіемъ сѣверо-германскаго союза, непрерывно, но медленно возрасталъ при имперіи, а въ послѣдній годъ истекшаго столѣтія было приступлено къ его значительному развитію. Въ Австро-Венгріи морскія силы оставались все время на второмъ планѣ. Молодое итальянское королевство обратило одновременно вниманіе и на сухопутныя, и на морскія силы, и успѣло достигнуть значительныхъ результатовъ. Въ Россіи конецъ столѣтія тоже ознаменовался оживленной морской дѣятельностью. Въ это же время въ рядъ великихъ морскихъ державъ вступили Соединенные Штаты Сѣверной Америки.

Матеріальная часть военнаго флота развивалась съ неменьшей суетливостью и желаніемъ взять верхъ надъ вѣроятнымъ противникомъ, чѣмъ въ сухопутныхъ арміяхъ. Деревянный, парусный флотъ замѣнялся желѣзнымъ, паровымъ, который, въ свою очередь, уступилъ мѣсто броненосному флоту и миноносцамъ. Борьба оружія съ бронёй отразилась существеннымъ образомъ на конструкціи судовъ, на силѣ ихъ двигателей, и продолжается до сихъ поръ, принимая все большіе размѣры. Современный составъ военныхъ флотовъ главныхъ морскихъ государствъ виденъ изъ слѣдующей таблицы:

	Англія.	Франція.	Россія.	Германія.	Италія.	Соедин. Штаты.	Австрія.
Эскадренныхъ броненосцевъ . .	58	20	21	12	10	10	5
Броненосцевъ береговой обороны.	12	15	21	8	5	7	6
Крейсеровъ	120	39	58	21	19	32	9
Канонерскихъ лодокъ, миноносцевъ и миноносокъ . .	222	251	252	108	156	25	71
Подводныхъ лодокъ		1	—		1	2	

Въ каждомъ изъ государствъ, названныхъ въ приведенной выше таблицѣ, выполняется въ настоящее время болѣе или менѣе обширная программа дальнѣйшаго развитія военнаго флота. Англія, Австрія, Италія и Соединенные Штаты разсчитываютъ выполнить программу къ концу 1904 г., Франція въ 1907 г., а Германія въ 1908 г. Къ этому времени, съ добавкой новыхъ судовъ и съ исключеніемъ изъ списковъ судовъ за ветхостью, составъ флотовъ будетъ слѣдующій:

	Англія.	Франція.	Германія.	Италія.	Соедин. Штаты.	Австрія.
Эскадренныхъ броненосцевъ . . .	72	28	29	14	18	7
Броненосцевъ береговой обороны .	12	13	8	5	11	3
Крейсеровъ	144	57	41	26	47	11
Канонерскихъ лодокъ, миноносцевъ и миноносокъ.	239	315	157	182	64	71
Подводныхъ лодокъ	—	38	—	1	3	—

Военная система, выработанная XIX вѣкомъ, безспорно, весьма могущественна, но еще неоспоримѣе, что она чрезмѣрно обременяетъ населеніе всѣхъ государствъ уже въ мирное время, подрываетъ его силы до войны, страдаетъ незаконченностью и слишкомъ сложна, чтобы ея могущество могло проявиться въ полной мѣрѣ на поляхъ битвъ, въ тѣ дни, когда будетъ рѣшаться исходъ кампаній. Для населенія система тяжела, прежде всего тѣмъ, что отвлекаетъ слишкомъ много людей въ самой силѣ рабочаго возраста отъ производительнаго труда. Всего въ Европѣ содержится въ мирное время подъ ружьемъ до 4.000.000 чел., а въ военное время численность всѣхъ европейскихъ армій составитъ свыше 21.000.000 чел. Ежегодныя потери для народнаго хозяйства, происходящія отъ отвлеченія части работниковъ для военнаго обученія, исчисляются, примѣрно, въ Россіи въ 750.000.000 руб., во Франціи въ 640.000.000 руб., въ Германіи — въ 625.000.000 руб. Затѣмъ, частая смѣна контингентовъ подъ знаменами вызываетъ значительные расходы у населенія на первоначальное снабженіе новобранцевъ. Къ этому надо присоединить потери, происходящія отъ призывовъ запасныхъ и ополченцевъ на учебные и повѣрочные сборы. Пребываніе подъ знаменами, обыкновенно, дѣйствуетъ вредно на работоспособность людей, и они далеко не всегда возвращаются къ своимъ первоначальнымъ занятіямъ. Наконецъ, содержаніе войскъ, обученіе ихъ, заготовленіе матеріальной части на весь составъ военнаго времени, вооруженіе и т. д., все это поглощаетъ огромныя суммы, достигающія 20—35% всѣхъ государственныхъ расходовъ. Общіе ежегодные расходы Европы на арміи и флоты доходили въ послѣдніе года минувшаго столѣтія до 2.175.000.000 руб., не считая единовременныхъ болѣе или менѣе крупныхъ ассигнованій. Болѣе другихъ государствъ расходовала Англія, именно свыше 412.000.000 руб. въ годъ; затѣмъ шла Россія съ расходомъ до 400.000.000 руб., Франція съ расходомъ почти въ 360.000.000 руб., Германія съ расходомъ въ 229.000.000 руб., Италія съ расходомъ въ 142.000.000 руб. и т. д. Военные расходы растутъ изъ года въ годъ и далеко еще не достигли предѣльныхъ цифръ. Въ послѣднія 30 лѣтъ Германія увеличила военные расходы болѣе, чѣмъ втрое; Великобританія, Австро-Венгрія и Италія почти удвоили ихъ, а Франція и Россія увеличили въ 1½ раза.

Незаконченность системы проявляется въ принятіи милиціоннаго устройства для резервовъ. Значительное число войсковыхъ частей армій военнаго времени формируется лишь съ объявленіемъ мобилизаціи и пойдетъ въ походъ, не имѣ боевыхъ качествъ регулярныхъ войскъ. Никто не можетъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія о томъ, какъ будутъ вести себя эти войска на театрахъ войнъ. Послѣдніе ихъ и притомъ въ столь огромномъ количествѣ въ мобилизаціонныхъ росписаніяхъ сухопутныхъ силъ европейскихъ государствъ является послѣдствіемъ признанія за численностью войскъ рѣшающаго значенія на войнѣ. Произошло это оттого, что цѣли кампаніи могутъ опять изме-

[illegible]ты въ настоящее время лишь по занятіи цѣлыхъ странъ, для чего нужна масса войскъ, хотя и не обладающихъ боевыми качествами, но весьма многочисленныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ экономическія и финансовыя причины не позволяли содержать кадровъ для всѣхъ милліоновъ обученныхъ чиновъ, то и было рѣшено формировать большую часть армій при мобилизаціи.

Кадровая система военнаго устройства обратилась, такимъ образомъ, въ кадро-милиціонную, и, несомнѣнно, ослабла. Недостатки въ устройствѣ составныхъ частей системы, замѣчаемые въ большей или меньшей степени, во всѣхъ государствахъ, съ своей стороны, не мало способствуютъ ея незаконченности.

Сложность системы выражается въ томъ, что для правильнаго ея функціонированія требуется высокое развитіе культуры страны, дѣятельное участіе различныхъ органовъ гражданскаго управленія и весьма значительное число талантливыхъ полководцевъ. Каждая страна должна обезпечить собственными средствами всѣ потребности армій въ продовольствіи, вооруженіи, снаряженіи и т. д. Если этого не будетъ достигнуто, если для удовлетворенія потребностей армій надо обращаться къ содѣйствію другихъ народовъ, то съ наступленіемъ военнаго времени всегда возможно ожидать большихъ затрудненій въ дѣлѣ снабженія, которыя могутъ окончиться кризисомъ. Затѣмъ, сѣть желѣзныхъ, шоссейныхъ и водныхъ путей сообщенія должна быть развита въ каждой странѣ настолько широко, чтобы перевозка милліонныхъ массъ людей, лошадей и грузовъ происходила быстро, безъ замѣшательствъ и перерывовъ. Въ противномъ случаѣ система не въ состояніи проявить своего могущества; даже напротивъ, ея сила обратится въ слабость. Тотъ же результатъ неизбѣженъ при отсутствіи энергичнаго содѣйствія органовъ гражданскаго управленія, такъ какъ органы военнаго управленія во многихъ случаяхъ не въ состояніи сами удовлетворить потребности арміи. Наконецъ, если вообще безъ талантливаго руководительства арміями дѣйствія ихъ не могутъ быть удачными, то это справедливо тѣмъ болѣе по отношенію къ милліоннымъ арміямъ, которыя, вслѣдствіе своей численности, требуютъ особаго искусства въ руководленіи, дара могущественно вліять на нравственную сторону войскъ, выдающихся тактическихъ, стратегическихъ и административныхъ способностей. Качествами этими долженъ обладать весь высшій командный персоналъ, численность котораго значительно увеличилась вслѣдствіе возрастанія армій.

Удержится ли въ XX вѣкѣ нынѣшняя военная система, или будетъ замѣнена новой? Внутренній смыслъ происходившаго въ теченіе прошлаго столѣтія превращенія наемныхъ или рекрутскихъ армій въ народныя показываетъ, что процессъ не остановится въ его нынѣшнемъ фазисѣ. Идея объ обязанности каждаго способнаго носить оружіе защищать свою родину отъ нападеній, служащая основаніемъ нынѣшней военной системы, получитъ вполнѣ законченное примѣненіе лишь въ заблаговременной, систематической подготовкѣ всего населенія къ народной войнѣ. Въ этомъ и будетъ состоять дальнѣйшее развитіе нынѣшней военной системы. Уже теперь ни одинъ народъ не захочетъ признать себя побѣжденнымъ только потому, что будетъ уничтожена его армія; и при настоящихъ условіяхъ народная война неизбѣжно послѣдуетъ за грандіозными битвами вооруженныхъ силъ. Но въ настоящее время она будетъ носить характеръ неорганизованной борьбы, а въ будущемъ тщательная подготовка придастъ этой формѣ защиты независимости государствъ несокрушимую мощь. Подготовка къ народной войнѣ потребуетъ, чтобы развитіе духа, дѣятельной любви къ отечеству, благородныхъ свойствъ характера, всей вообще умственной культуры населенія стояло на первомъ мѣстѣ, а заботы о матеріальныхъ средствахъ борьбы — на второмъ. При общей готовности къ народной войнѣ завоевательныя войны станутъ невозможными, а вмѣстѣ съ ними исчезнетъ и всякое побужденіе къ войнѣ. Войны перестанутъ омрачать жизнь человѣчества, такъ какъ каждый народъ станетъ непобѣдимымъ.

Земледѣліе въ XIX вѣкѣ.

Очеркъ (посмертный) **Ѳ. Э. Ромера.**

Земледѣліе, какъ искусство, существуетъ уже давно. Еще римляне завоевали міръ сначала мечомъ, а затѣмъ и гораздо прочнѣе — плугомъ. Но земледѣлія, какъ науки, нѣтъ и до сихъ поръ. Оно, повидимому, лишь зарождается въ этомъ новомъ своемъ образѣ, и весь истекшій XIX вѣкъ былъ для него въ этомъ смыслѣ лишь переходною ступенью, утренней, все ярче разгорающейся зарею передъ величавымъ восходомъ полнаго солнца знаній. А что этотъ восходъ уже недалекъ, что край этого солнца, можетъ-быть, даже выплылъ уже яркой чертою надъ горизонтомъ, едва ли можно сомнѣваться. Какъ и во всѣхъ областяхъ естествознанія, XIX вѣкъ въ нѣсколько сотенъ десятилѣтій сдѣлалъ для земледѣлія несравненно больше, чѣмъ могли совершить въ прошломъ цѣлые десятки вѣковъ.

Въ Англіи травосѣяніе появилось еще въ XVI вѣкѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими замѣчательными попытками къ различнымъ новымъ путямъ для земледѣлія. Искра счастливой мысли разъ вспыхнувъ, разгорѣлась настолько въ Европѣ, что знаменитый Шубартъ фонъ-Клеефельдтъ, во второй половинѣ XVIII вѣка, именно съ ея помощью успѣлъ произвести въ Германіи рѣшительный переворотъ въ идеяхъ и [illegible] на задачи земледѣлія и [illegible] земледѣльческихъ классовъ населенія. Переворотъ этотъ выразился законодательнымъ путемъ въ окончательномъ [illegible] исключительныхъ сословныхъ правъ на [illegible] земли [illegible] помѣщикъ-барщины и какихъ-либо другихъ [illegible] отношеній между крестьянами и помѣщиками, и наконецъ, въ совершенномъ исчезновеніи крестьянина [illegible] одного изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ. Все это удивительно искренно горячо и успѣшно [illegible] на цѣлѣ, проповѣдывалъ Шубартъ, вмѣстѣ съ ученіемъ о пользѣ травосѣянія и безполезности паровыхъ полей. Даже дворянскій титулъ, пожалованный ему въ награду, явился свидѣтельствомъ его спеціально-земледѣльческой заслуги (Клеефельдтъ—клеверное поле).

Итакъ счастливыя мысли и здравыя хозяйственныя соображенія до извѣстной степени заранѣе подготовили умъ человѣческій къ воспріятію великихъ агрономическихъ идей и открытій XIX вѣка. Но первымъ, ясно и точно выраженнымъ, опредѣленнымъ, строго логическимъ ученіемъ о земледѣльческомъ искусствѣ явилась знаменитая книга Альбрехта Даніила Тэера: «Основы раціональнаго сельскаго хозяйства», изданная въ 1810 г. Тэеръ различалъ изученіе земледѣлія, какъ ремесла, какъ искусства и какъ знанія, построеннаго на началахъ разума. Онъ признавалъ, что агрономія не можетъ давать какіе-либо безусловные законы, во всѣхъ случаяхъ неизмѣнные, но что, напротивъ, именно въ каждомъ данномъ случаѣ она должна, на основаніи точныхъ данныхъ естествознанія, изыскивать наилучшій способъ для достиженія предназначенной ею задачи или, пожалуй, идеала, который состоитъ въ томъ, чтобы съ одной стороны принуждать почву къ наивысшей возможной производительности, а съ другой — возвращать ей какъ можно скорѣе всѣ затраченныя на развитіе растеній пищевыя вещества. Тэеру удалось этотъ основной принципъ своего труда провести теоретически и практически съ такимъ совершенствомъ, съ такой силою, что до сихъ поръ никто не сравнился съ нимъ въ этомъ отношеніи, мы все еще живемъ его идеями; и плодосмѣнь, травосѣяніе съ преобладаніемъ мотыльковыхъ, культура корнеплодовъ остаются основными устоями всякаго разумно-организованнаго хозяйства. Самая наука, сдѣланная въ наши дни столь поразительные успѣхи, въ общемъ и въ главномъ лишь

подтверждаетъ положенія Тэера, свидѣтельствуя о геніальной его прозорливости.

Вслѣдъ за Тэеромъ среди ученыхъ того времени получила признаніе такъ называемая гумусовая теорія. Вѣрили, что плодородіе почвы неисчерпаемо, пока хозяинъ правильно чередуетъ на ней культуры (плодосмѣнъ) и часто обогащаетъ ее большимъ количествомъ корней клевера, либо люцерны, которые-де, сгнивая, превращаются въ новые запасы гумуса. Виднѣйшимъ представителемъ этой заманчивой по ея наглядности теоріи былъ профессоръ Глубекъ изъ Праги. Но скоро пришлось усомниться въ ея справедливости въ виду несомнѣнныхъ фактовъ почвоутомленія и пониженія урожаевъ, вопреки самому усердному воздѣлыванію клевера. Чрезвычайные результаты удобренія почвъ гуано, которое было указано Гумбольдтомъ, повели къ убѣжденію, что настоящимъ источникомъ плодородія является азотъ, и возникла азотная теорія, виднѣйшими представителями которой были профессора Адольфъ Штёкгардтъ и Эмиль Вольфъ въ Германіи, да химики Лоозъ и Джильбертъ въ Англіи.

Въ половинѣ XIX столѣтія засіялъ научный геній, передъ которымъ, какъ звѣзды передъ солнцемъ, померкли всѣ почтенныя, но сравнительно тусклыя имена вышеупомянутыхъ тружениковъ знанія. Мы говоримъ о Либихѣ и его книгѣ: «Химія въ ея приложеніи къ земледѣлію и физіологіи», которая сразу и безповоротно опредѣлила «новый курсъ» въ теоріи агрономическихъ знаній. Въ противность гумусовой и азотной теоріямъ, Либихъ училъ, что плодородіе почвы обусловливается имѣющимся въ ней запасомъ минеральныхъ пищевыхъ (для растенія) веществъ, тогда какъ неограниченное количество углекислоты и азота можетъ быть доставлено растительному царству непосредственно атмосферою. Поэтому задачею разумнаго хозяина должна быть забота о томъ, чтобы почва получала обратно израсходованные ею запасы фосфорной кислоты и калійныхъ соединеній, тогда какъ обогащеніе ея гумусомъ либо азотомъ имѣетъ сравнительно второстепенное значеніе. Непреложные факты, предъявленные Либихомъ въ доказательство своего ученія, чрезвычайная ясность, послѣдовательность и логичность его мыслей и выводовъ скоро заставили умолкнуть всякій антагонизмъ или полемику, и новая минеральная теорія не только восторжествовала надъ своими устарѣлыми соперницами, но и пользовалась небывалымъ дотолѣ признаніемъ въ ученомъ мірѣ. Съ нѣкоторыми поправками и дополненіями она въ сущности и доселѣ является основою всей нашей земледѣльческой мудрости.

Тэеръ.

Побѣда минеральной теоріи повела къ широкому примѣненію фосфатовъ, какъ удобренія почвы, благодаря чему производительность сельскохозяйственныхъ культуръ повысилась въ огромномъ размѣрѣ.

У насъ въ Россіи удобреніе минеральными туками покуда играетъ очень слабую роль, отчасти въ силу искусственной задержки его развитія (высокія пошлины на тукъ, дороговизна перевозки, отсутствіе складовъ, плохо обставленные опыты и т. п.). За границею туки примѣняются въ колоссальныхъ размѣрахъ. Такъ, *въ Германіи въ 1899 г. однихъ фосфорно-кислыхъ удобреній внесено въ почву 117 мил. пудовъ!!* Но все указываетъ на неизбѣжность еще несравнимо большаго развитія искусственнаго снабженія почвы минералами въ удобоусвояемомъ для растеній видѣ.

На ряду съ этими успѣхами земледѣлія можно указать и на другіе. Изъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, которыя теперь проникли даже въ глухія русскія деревни, выдѣлываются кустарями и колоссальными заводами, полвѣка тому назадъ существовала только неуклюжая молотилка со стоячимъ воротомъ. Теперь въ одной Германіи работаютъ болѣе 50.000 *рядовыхъ* сѣялокъ. Успѣхи же сельско-хозяйственнаго машиностроенія вообще таковы, что самые первоклассные музеи отказываются услѣдить за ними. Въ постройкѣ столь сложныхъ по производимой работѣ, но вмѣстѣ столь простыхъ по конструкціи жатвенныхъ машинъ современная техника машиностроенія едва ли не произвелъ высшее выраженіе своего могущества, передъ которымъ нельзя не остановиться съ удивленіемъ и восторгомъ. Послѣ такой побѣды трудно представить себѣ предѣлъ, за которымъ замѣна человѣческаго разумнаго труда механизмомъ становится невозможною. Пройденный нами въ полвѣка путь отъ серпа къ жатвенной машинѣ, отъ цѣповъ или молотилки со стоячимъ воротомъ къ нынѣшнимъ паровымъ молотильнымъ приборамъ, отъ сохи къ паровому плугу, отъ сбиванія масла въ бутылкахъ или первобытныхъ маслобойкахъ-колотушкахъ къ сепаратору, уже тѣснимому радіаторами, и т. д., и т. д. — путь этотъ такъ поразительно огроменъ, что человѣкъ, подобно пишущему эти строки, бывшій съ начала до конца свидѣтелемъ указаннаго движенія уже въ сознательные свои годы, невольно привыкаетъ улыбаться надъ словами невозможно и невѣроятно. Вѣдь онъ самъ лично пережилъ, самъ своими глазами на яву видѣлъ наиболѣе волшебную изъ всѣхъ волшебныхъ сказокъ.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ сельское хозяйство достигло еще одного очень важнаго успѣха: заложенъ былъ первый камень къ изученію болѣзней растительнаго царства и къ борьбѣ съ его вредителями. Изъ вѣдѣнія безстрастныхъ ботаниковъ и зоологовъ, нисколько не интересовавшихся коммерческой стороною дѣла, вопросъ этотъ перешелъ въ руки хозяевъ, которые и дали ему желаемое направленіе. Первый вооружился микроскопомъ съ этой цѣлью знаменитый Кюнъ, впослѣдствіи директоръ сельско-хозяйственнаго института въ Галле. Въ 1856 г. онъ издалъ свою книгу: «Болѣзни культурныхъ растеній, ихъ причины и борьба съ ними». Теперь этотъ же вопросъ разрабатывается сотнями спеціалистовъ и привелъ къ изумительнымъ результатамъ: даже саранча уже не оказывается непобѣдимою! Головня, ржавчина, картофельная гниль, мильдіу, безчисленные вредители садовъ и полей изъ царства насѣкомыхъ, всѣ эти такъ недавно еще грозныя и неотвратимыя казни земледѣльца, не уступавшія по своему значенію библейскимъ египетскимъ, уже отходятъ въ область прошлаго, уже теряютъ свой стихійно-непобѣдимый характеръ. Если для борьбы съ красной тлею, филоксерой, кузькой и немногими другими подобными еще не найдены простыя, дешевыя и вмѣстѣ радикально вѣрныя средства, то, очевидно, это теперь лишь вопросъ времени, и даже очень непродолжительнаго времени — вѣроятнѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чѣмъ годовъ.

Тотъ же Кюнъ, котораго по праву слѣдуетъ считать однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей сельско-хозяйственнаго искусства и вмѣстѣ естествознанія, является авторомъ другой классической книги: «Наиболѣе цѣлесообразное питаніе рогатаго скота съ научной и практической точки зрѣнія», изданной въ 1859 г. Господствовавшія до того времени понятія о со-

славныхъ частяхъ обычнаго корма животныхъ и его питательнымъ значеніи были вполнѣ опровергнуты, и хорошо устроенныя молочныя хозяйства скоро стали давать двойной доходъ. Этому значительно способствовало также введеніе въ культуру кормовой кукурузы (конскаго зуба), которое обезпечило прекраснымъ кормовымъ средствомъ скудную въ этомъ отношеніи осень, и повсемѣстное распространеніе силосованія. Хотя послѣдній способъ хранѣнія запасовъ корма далеко нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ, и многіе увлекались имъ сверхъ мѣры, безъ нужды ухудшая свои прекрасно убранныя кормовыя средства заслосованіемъ ихъ на зиму, тѣмъ не менѣе, въ разумныхъ границахъ, указанный пріемъ приноситъ крупную пользу, болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшая задачу сохраненія въ силосѣ такихъ кормовъ, которые иными способами убраны быть не могутъ. Впрочемъ, въ восьмидесятыхъ годахъ изобрѣтенъ новый пріемъ уборки корма, который пока примѣняется рѣдко вслѣдствіе дороговизны потребнаго аппарата, но, вѣроятно, современемъ не только совсѣмъ упразднитъ силосованіе, но вытѣснитъ и уборку травъ на сѣно. Это—непосредственное прессованіе свѣже скошенной травы. Противъ результатовъ подобнаго прессованія и высокихъ качествъ получаемаго продукта не возстаетъ покуда ни одинъ авторитетный голосъ; между тѣмъ, благодаря его примѣненію, уборка луговъ становится возможною во всякую погоду; въ сырую даже лучше, потому что трава срѣзается легче и чище. Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія, что новымъ прессамъ суждено сыграть въ сельскомъ хозяйствѣ огромную и выдающуюся роль. Рядомъ съ этимъ нельзя не упомянуть о найденномъ, тоже въ восьмидесятыхъ годахъ, способѣ высушиванія барды, пивной дробины и даже свекловичныхъ отбросовъ сахарнаго производства. Ясно, что этимъ достигается возможность болѣе долгаго хранѣнія этихъ цѣнныхъ кормовъ, а вмѣстѣ и дешевой ихъ перевозки на сравнительно далекія разстоянія.

Костычевъ.

Не думаю, чтобы мнѣ нужно было останавливаться на поразительныхъ успѣхахъ скотоводскаго искусства, ибо они слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстны. Даже люди, наиболѣе равнодушные къ сельскому хозяйству, непремѣнно любовались превосходными представителями культурныхъ животныхъ, которые теперь такъ часто встрѣчаются и на выставкахъ, и на скотныхъ дворахъ, и просто въ полѣ. Умѣнье пользоваться продуктами животноводства тоже далеко подвинулось впередъ. Европа, напримѣръ, кушаетъ американское мясо, свѣжее молоко подвозится къ центрамъ за сотню верстъ, русскіе рѣчные раки путешествуютъ въ Парижъ; а Италія продовольствуется европейскимъ масломъ, совершившимъ кругосвѣтное путешествіе, пересѣкшимъ тропики, но тѣмъ не менѣе приятнымъ для стола.

Вторая половина XIX вѣка еще ознаменовала себя введеніемъ такихъ новыхъ и цѣнныхъ растеній въ сельскохозяйственный культурный обиходъ, т. е. акклиматизаціей иностранныхъ растеній или (отчасти) животныхъ, и выводомъ новыхъ сортовъ и разновидностей какой либо извѣстной уже и давно культивируемой породы растительной или животной. Въ первомъ отношеніи, не заглядывая далеко, можно указать на возникновеніе у насъ же въ Россіи чайныхъ плантацій, каракульской овцы, отчасти верблюда и т. д. Остальная Европа сдѣлала въ этомъ отношеніи еще гораздо больше. Во второмъ же отношеніи совершены прямо чудеса. Какъ иначе назвать утроенное, сравнительно съ естественнымъ, содержаніе сахара въ свекловицѣ? Какъ судить о картофелѣ, способномъ давать урожай свыше 2.500 пуд. на десятинѣ и отдѣльные клубни въ 3—4 ф. вѣсомъ? Какъ вѣрить собственнымъ глазамъ, наслаждаясь дивнымъ разнообразіемъ красокъ, ароматовъ и формъ въ цвѣтникѣ, что все это выведено изъ немногихъ скромныхъ, почти жалкихъ представителей полевой флоры? Безусловно каждый новый годъ несетъ намъ теперь въ этомъ смыслѣ десятки новинокъ, иной разъ въ самомъ дѣлѣ поразительныхъ. Легко понять, какую огромную услугу оказываетъ практическому сельскому хозяйству выведеніе новыхъ сортовъ культурнаго растенія съ опредѣленными, преднамѣренными качествами либо свойствами.

Наконецъ, необходимо упомянуть еще о крупныхъ трудахъ второй половины XIX вѣка по изслѣдованію почвъ, ихъ мелioраціи (дренажъ, искусственное орошеніе, возстановленіе запущенныхъ луговъ, укрѣпленіе сыпучаго песка, облѣсеніе степей и т. д.) и разработкѣ наилучшихъ пріемовъ механическаго ихъ подготовленія къ культурамъ. Мы, русскіе, имѣемъ право гордиться тѣмъ, что въ данномъ случаѣ не отстали отъ кого бы то ни было, а напротивъ, опередили всѣхъ и внесли свою лепту въ общую сокровищницу знаній. Изученіе черноземовъ съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія покойнымъ Костычевымъ представляетъ собою по истинѣ классическую работу, еще никѣмъ не превзойденную. Нельзя не удивляться проницательности и высокой даровитости этого выдающагося человѣка, когда вспомнишь, какихъ огромныхъ результатовъ и съ какими сравнительно малыми средствами (почти одно непосредственное наблюденіе надъ дѣйствительной жизнью почвы) онъ добился, и сравнить ихъ съ тѣмъ, что получилъ, напримѣръ, многоизвѣстный Вольни цѣною огромнаго ряда лабораторныхъ опытовъ и многолѣтняго упорнаго труда. Нельзя не замѣтить, что землѣ въ нашемъ христіанскомъ и крестьянскомъ царствѣ особенно посчастливилось. Даже въ научномъ почвовѣдѣніи мы, благодаря понынѣ здравствующему В. В. Докучаеву, создали свою особую школу, которая теперь пользуется всеобщимъ признаніемъ и стоитъ безспорно во главѣ всѣхъ прочихъ. Его ученіе о почвенныхъ зонахъ и впервые внесенное имъ въ науку представленіе о почвѣ, какъ о самостоятельномъ естественно-историческомъ тѣлѣ, создали эпоху въ исторіи почвовѣдѣнія или даже, можетъ быть, положили начало этой наукѣ въ ея современномъ значеніи. Недавно скончавшійся И. М. Сибирцевъ и цѣлый рядъ другихъ авторитетныхъ почвовѣдовъ явились достойными учениками и продолжателями трудовъ В. В. Докучаева. Въ высшей степени почтенно и симпатично въ этой школѣ, что она отнюдь не чуждается интересовъ практическаго земледѣлія, но напротивъ всегда готова горячо отозваться на каждый обращенный къ ней призывъ людей скромнаго будничнаго труда.

Мнѣ кажется, что теперь я исчерпалъ — хотя въ очень крупныхъ, очень общихъ чертахъ — всѣ главныя теченія труда, мысли и прогресса въ практическомъ сельскомъ хозяйствѣ XIX вѣка. Если я и умолчалъ кое о чемъ, какъ, напримѣръ, о чрезвычайномъ развитіи въ послѣднее время всевозможныхъ сельско-хозяйственныхъ союзовъ, товариществъ, синдикатовъ и т. п., объ острой борьбѣ изъ-за рынковъ, о трудныхъ задачахъ рабочаго вопроса и т. д., то я это сдѣлалъ намѣренно: во-первыхъ потому, что вопросы этого порядка скорѣе примыкаютъ къ области государственнаго хо-

злійства, чѣмъ къ агрономіи; а во-вторыхъ и потому, что всѣ они, при всемъ ихъ огромномъ значеніи, все-таки лишь явленія данной минуты и вмѣстѣ съ этой минутой либо исчезнутъ, либо радикально измѣнятся.

Закончивъ обозрѣніе минувшаго, невольно останавливаешься мыслью на вопросѣ: а что же ждетъ насъ въ будущемъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ? Вопросъ это вовсе не праздный и даже не особенно гадательный, по скольку рѣшеніе его уже намѣчено настоящимъ. Такъ, уже поставлены на очередь слѣдующія задачи: 1) болѣе общее и болѣе цѣлесообразное использованіе городскихъ отбросовъ, въ чемъ краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ примѣромъ является Парижъ съ его окрестностями; 2) дешевое пріумноженіе массы и охраненіе качествъ драгоцѣннаго хлѣвнаго навоза широкимъ примѣненіемъ торфяной подстилки по указаніямъ д-ра Штиллиха; 3) превращеніе силъ воды и вѣтра въ силу электрическую, способную пахать, молотить и т. д., какъ это испытано уже въ Лихтерфельдѣ близъ Берлина, въ Америкѣ или на островѣ Явѣ; 4) подземное орошеніе почвы жидкостями, обогащенными удобрительнымъ веществомъ; 5) изученіе атмосферныхъ явленій, предопредѣленіе погоды и борьба съ метеорологическими катастрофами, каковы: градъ, буря, палящіе вѣтры, засуха, быстрая, опасная смѣна температуръ и т. д.

Для всего XX вѣка такія задачи, разумѣется, далеко не достаточны: но обстоятельное рѣшеніе ихъ въ первыя два его десятилѣтія было бы не дурнымъ началомъ и не малой заслугою.

Въ заключеніе мы должны еще коснуться злобы дня, которая такъ смущаетъ міръ на порогѣ новаго столѣтія.

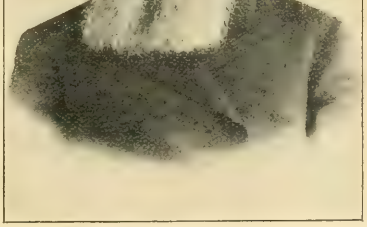
Продукты земледѣлія дешевѣютъ! Производство не окупаетъ расходовъ! Хозяйства разоряются! Вотъ тревожный кликъ, который уже много лѣтъ подъ рядъ гремитъ не въ одной какой-либо странѣ, но едва ли не повсемѣстно на земномъ шарѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, по даннымъ лондонскаго всемірнаго рынка, цѣны на пшеницу упали съ 1872 по 1893 гг. на 47% о., на ячмень — 30% о., на овесъ — 14% о. и въ Пруссіи на рожь — 13% о. Есть отъ чего въ отчаяніе прійти! Обыкновенно объясняютъ это явленіе распашкою новыхъ огромныхъ площадей земли и выступленіемъ на путь конкуренціи въ производствѣ зерна цѣлыхъ народовъ и государствъ, прежде на хлѣбномъ рынкѣ не появлявшихся. Не отрицая значенія этого факта, мы все-таки позволяемъ себѣ думать, что его крайне преувеличиваютъ. Расширилась площадь земледѣльческаго воздѣлыванія, но вѣдь размножились и люди, потребители продуктовъ, а еще болѣе возросли ихъ потребности. Аргентина, Индія и Австралія.. Но вѣдь въ хорошій годъ одна наша херсонская губернія (по даннымъ желѣзнодорожной статистики) вывозитъ больше и Аргентины, и Индіи, и даже чуть ли не обѣихъ вмѣстѣ. Ясно, что выступленіе этихъ странъ на хлѣбномъ рынкѣ само по себѣ не могло создать столь колоссальное паденіе цѣнъ. Еще говорятъ, будто монометаллизмъ повелъ къ вздорожанію золота, а потому-де всякій товаръ упалъ въ цѣнѣ. Опять не отрицаемъ; но смѣемъ думать, что хлѣбъ поспорилъ съ золотомъ въ могуществѣ, что никакія биржи въ мірѣ не создали бы его дешевизны при недостаткѣ запасовъ для потребленія. Притомъ же хлѣбъ подешевѣлъ по сравненію не съ однимъ золотомъ, а и съ огромнымъ большинствомъ всякихъ иныхъ товаровъ. Ясно, что его появилось слишкомъ много, несмотря даже на ростъ населенія. Почему же?

Отвѣтъ самъ собою напрашивается, если остановиться мысленно на всей суммѣ техническихъ успѣховъ земледѣлія за истекшее столѣтіе. Въ самомъ дѣлѣ, неужто всѣ улучшенные пріемы обработки почвъ, всѣ взысканія [illegible] и [illegible] усмѣны, всѣ труды по улучшенію сѣмянъ и выведенію сортовъ, всѣ милліарды пудовъ удобренія, которыми потратилъ насъ XIX вѣкъ, прошли безслѣдно для сельско-хозяйственнаго производства? Конечно нѣтъ. Въ лучшихъ хозяйствахъ Саксоніи урожайность за 20 лѣтъ возросла такимъ образомъ:

	Съ десятины въ пудахъ.	
	20 лѣтъ назадъ.	Теперь.
Озимой пшеницы	160	240
„ ржи . .	133	200
Овса	160	240
Картофеля .	930	1.330
Сахарной свеклы .	2.000 съ 12% сах.	2.400 съ 16% сах.

Урожаи тутъ взяты вовсе не максимальные, а лишь обычные средніе. Даже на довольно бѣдномъ пескѣ Шульцъ-Люпицъ получаетъ съ десятины 107 п. ржи и 1.600 п. картофеля. Скажутъ, что цифры почерпнуты изъ хозяйствъ наиболѣе благоустроенныхъ, образцовыхъ. Но вѣдь дѣло здѣсь вовсе не въ абсолютной величинѣ урожая, а въ его процентномъ возрастаніи за извѣстную единицу времени. Въ плохихъ хозяйствахъ теперь тоже пашутъ хорошими орудіями, сѣютъ улучшенные сорта, даютъ почвѣ удобреніе (просто по закону необходимости), и очень можетъ быть, что именно въ нихъ-то возрастаніе урожаевъ (сравнительно съ прежними плохими хозяйствами) выразилось еще рѣзче. Вѣдь даже у насъ, въ Россіи, существуютъ бездоходныя или даже убыточныя хозяйства, но полей въ черезъ чуръ жалкомъ состояніи встрѣчается уже очень мало (кромѣ, разумѣется, крестьянскихъ). Въ Западной же Европѣ и Америкѣ интенсивность сельско-хозяйственнаго производства шагнула еще несравнимо далѣе.



Докучаевъ.

Такимъ образомъ, какъ и все въ мірѣ, необычайно быстрый ростъ земледѣльческаго искусства имѣетъ тоже свою оборотную сторону медали. Согласно вычисленіямъ извѣстнаго профессора Гуго Вернера, валовой доходъ съ гектара сахарной свеклы равняется теперь въ Германіи 627 марокъ, чистый же лишь 8 [illegible]. Для картофеля такое же отношеніе цифръ 540 и 10 м.! Ясно, что въ этомъ направленіи дѣло идти некуда, и случайный неурожай грозитъ хозяину совершеннымъ разореніемъ. Не мудрено, что въ Германіи, въ земледѣльческой средѣ, раздаются вопли даже погромче нашихъ. Гуго Вернеръ задается, напримѣръ, такимъ вопросомъ: «Слѣдуетъ ли и впредь продолжать интенсивную систему хозяйства, или вернуться къ экстенсивной, т. е. къ чистому пару и неглубокой вспашкѣ, къ хлѣвному навозу безъ минеральныхъ туковъ, какъ и пользованіе только тѣми кормовыми средствами, какія производятся въ самомъ хозяйствѣ?» Сомнѣніе, въ высшей степени характерное подъ перомъ выдающагося нѣмецкаго агронома!

Тревожная сторона положенія, однако, значительно смягчается тѣмъ, что всѣ животные продукты (за исключеніемъ шерсти) показываютъ въ противоположность хлѣбамъ, значительное повышеніе цѣнъ. Такъ, сравнительно съ началомъ 70-хъ годовъ, молоко и хорошее масло возросли въ [illegible] на 30—40% о., а за мясо платили на бойняхъ [illegible] въ Пруссіи (мы беремъ примѣры оттуда, гдѣ [illegible] имѣются подъ рукою), въ среднемъ, въ сентябрѣ:

	Копѣекъ [illegible]			
	Говядины.	Свинины	[illegible]	[illegible]
1876 г.	21.2	24.6	18.08	20.2
1880 г.	21.4	23.4	18.06	20.4

Колосья и фунтъ.

	Гречиное.	Сем. пшены.	Гетальны.	Гаранцины.
1885 г.	22.5	22.9	24.6	22.0
1890 г.	24.6	27.1	24.1	24.8
189[illegible] г.	24.4	25.3	24.6	23.6

Точныя цифры за 1900 г. мы не имѣемъ; но цѣны еще [illegible].

Можно ли видѣть временное затрудненіе сельскихъ хозяевъ [illegible] бѣдствіемъ съ исторической и общественной точки зрѣнія? Какъ мы указывали раньше, перепроизводство [illegible], насколько оно дѣйствительно существуетъ, необходимо урегулируется само собою въ силу естественнаго хода вещей, точно также какъ и чрезмѣрное, по экономическимъ причинамъ, сокращеніе производства непремѣнно вызываетъ быструю реакцію. Отдѣльныя лица, конечно, пострадаютъ въ томъ и въ другомъ случаѣ (когда же безъ этого что-либо обходится и какъ этой бѣды избѣжать?); но человѣчество, по поступательное движеніе жизни окажутся съ явнымъ выигрышъ, такъ какъ завоеванное нескимъ временное увеличеніе сельско-хозяйственнаго производства содѣйствуетъ обезпеченію человѣческаго существованія.

Можно-ли однако ожидать дальнѣйшихъ, еще болѣе значительныхъ успѣховъ въ томъ же направленіи?

Знаменитый французскій химикъ Бертело утверждалъ, что начало XX вѣка будетъ ознаменовано химическимъ производствомъ пищевыхъ веществъ непосредственно изъ элементовъ почвы и воздуха. Это очень смѣлая мысль: пока человѣку не удалось овладѣть тайною жизни, ни даже уразумѣть ея механизмъ хотя бы гипотетически, едва ли мыслимо производство воспроизведенія органическихъ соединеній, которыя они только способны служить пищею человѣку и животнымъ.

Болѣе исполнимую задачу предначертавъ человѣческому мышленію нашъ русскій химикъ Д. И. Менделѣевъ. По его мнѣнію, земледѣльческая промышленность должна быть наукою несвязною въ тѣ же условія, въ какихъ нынѣ находится фабрика, т. е. должна быть устранена всякая случайность и неопредѣленность въ полученіи намѣченнаго результата. Какъ фабрикантъ, имѣя въ рукахъ опредѣленное количество сырья, опредѣленныя машины и способы выдѣлки, впередъ, съ совершенной точностью знаетъ, сколько именно, какого именно качества и по какой именно стоимости онъ выработаетъ издѣлій, тотъ же увѣренно долженъ знать это и сельскій хозяинъ въ отношеніи къ своему производству, разъ навсегда устранивъ изъ него всякую случайность. Для этой цѣли хозяинъ долженъ свободно распоряжаться физическимъ и химическимъ состояніемъ своей почвы, обезвреживаніемъ ея и устраненіемъ вредныхъ животныхъ или растительныхъ вредителей: кромѣ того, онъ необходимо въ точности знать впередъ предстоящую дорогу свойства и требованія культивируемыхъ растеній. Можно ли сказать, что подобныя условія неисполнимы? Конечно, нѣтъ. Все указанное лишь вопросъ времени и, можетъ-быть, того ужь не столь далекаго.

Современная наука, повидимому, сулитъ земледѣлію даже большее. Усердно работая надъ почвенными бактеріями, она, по-видимому, обрѣтетъ способъ неограниченнаго (для земледѣльческихъ цѣлей) пользованія азотомъ атмосферы, т. е. именно то, что Шульцъ-Люпицъ называетъ тайною богатства, и что устранитъ разъ навсегда всякія опасенія насчетъ чрезмѣрности человѣческаго размноженія.

Еще великій Пастеръ высказалъ въ 1826 г. мысль, что окисляющее дѣйствіе атмосферы воздуха на органическія вещества почвы происходитъ подъ вліяніемъ микроорганизмовъ. Работы Бертело, Вольни и др. вскорѣ доказали присутствіе бактерій въ почвѣ. Гельрегелю выпало на долю разслѣдовать роль клубеньковъ-собирателей азота, приживающихся на корняхъ бобовыхъ растеній. Это обстоятельство дало могучій толчокъ дальнѣйшему изученію почвенныхъ бактерій.

Громадное значеніе нитрифицирующихъ почву бактерій было выяснено настолько, что появились серьезныя попытки промышленнаго характера использовать новое ученіе на дѣлѣ. Такъ, всесвѣтно и справедливо извѣстное хозяйство Каропа въ Эллебахѣ уже около 15 лѣтъ обходится безъ хлѣбнаго навоза и минеральныхъ удобреній, исключительно поддерживая урожайность своей почвы условіями, благопріятными для размноженія въ ней бактерій. Отсюда же возникъ нашумѣвшій въ послѣднее время алинитъ (чистая разводка почвенныхъ бактерій-азотособирателей, которою надѣялись непосредственно удобрять почву). Правда, алинитъ не оправдалъ ожиданій, но вопросъ этимъ далеко не исчерпанъ. Напротивъ, послѣднія разслѣдованія бросаютъ на дѣло новый, яркій свѣтъ. Оказывается, что минимальное присутствіе бактерій въ почвѣ уже обезпечиваетъ нормальное развитіе растеній, и урожай нисколько не хуже, чѣмъ количество, во сто разъ большее. Этого и можно было ожидать a priori, имѣя въ виду феноменальную быстроту размноженія микроскопическихъ организмовъ. Но полное отсутствіе бактерій является условіемъ, почти вполнѣ уничтожающимъ самую возможность культуры растенія, вліяющимъ на его силу, здоровье и даже жизнь. Отсюда ясно, что непосредственное введеніе въ почву нѣкотораго количества бактерій можетъ имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, если въ данномъ участкѣ они почему-либо въ ней вовсе отсутствуютъ, явленіе въ высшей степени рѣдкое. Иное дѣло, несравненно болѣе выгодное — это предоставить бактеріямъ въ почвѣ тѣ условія, способствующія ихъ скорому и мощному размноженію. Какой это можетъ имѣть великій практическій смыслъ, свидѣтельствуетъ только что опубликованный въ нѣмецкой печати опытъ знаменитаго Юліуса Кюна, которому на опытной станціи въ Галле удалось получить 24 жатву ржи, безъ паровъ и безъ какого-либо удобренія, но съ результатами, все увеличивавшимися да и безотносительно очень высокими! Это уже говоритъ само за себя.

Конечно, въ вопросѣ о точномъ значеніи почвенныхъ бактерій для сельскаго хозяйства, а въ особенности о практическомъ умѣньи ими пользоваться мы пока очень не далеко ушли. Но во всякомъ случаѣ такія работы, какъ водная культура растеній, изученіе самостоятельной жизни почвъ (Докучаевъ), изученіе почвенныхъ бактерій и т. д.— позволяютъ сказать, что, если агрономія доселѣ еще не наука, то несомнѣнно станетъ ею въ наступившемъ XX вѣкѣ, и невозможно даже предвидѣть всѣ неисчислимыя послѣдствія такого превращенія.

БИБЛІОТЕКА ЕЛЕЗА
STEFANA CZUTA

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 12 17 01 014 3